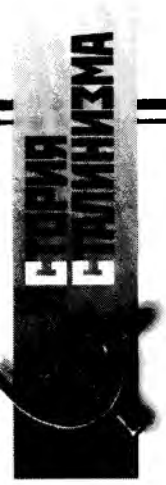
ВЛАДИМИР БУЛДАКОВ

История сталинизма

Утопия, агрессия, власть

Психосоциальная динамика постреволюционного времени Россия, 1920–1930 гг.



Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

Совет при Президенте Российской
Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека

Государственный архив
Российской Федерации

Российский государственный архив
социально-политической истории

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

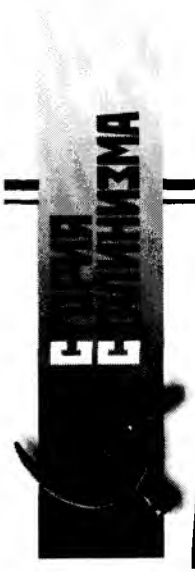
Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски *(Jörg Baberowski)*,
Л. Виола *(Lynn Viola)*,
А. Грациози *(Andrea Graziosi)*,
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс *(Hélène Carrère d'Encausse)*,
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис *(Robert Service)*,
Л. Самуэльсон *(Lennart Samuelson)*,
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик *(Sheila Fitzpatrick)*,
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк



ВЛАДИМИР БУЛДАКОВ

УТОПИЯ, АГРЕССИЯ, ВЛАСТЬ

Психосоциальная динамика оостреволюционного времени Россия, 1920–1930 гг.

РОССПЭН
Москва
2012

УДК 94.47
ББК 63.3(2)613
Б90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-01-16090д

Булдаков В. П.

Б90 Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 759 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1720-6

Автор объясняет, как и почему большевистский нэп оказался прологом к сталинской деспотии. Преимущество отдается анализу документов личного характера, центральное место среди которых занимают письма, поступавшие непосредственно Сталину. Показано, что обычные для постреволюционного времени фрустрационные процессы не смогли подавить беспорядочных агрессивных импульсов в различных слоях общества. Автор заключает, что острые реакции людей на постреволюционные метания большевиков привели к тому, что революционная утопия выродилась в традиционалистскую «утопию власти» в лице единоличной диктатуры.

УДК 94.47
ББК 63.3(2)613

ISBN 978-5-8243-1720-6

© Булдаков В. П., 2012
© Российская политическая энциклопедия, 2012

Памяти родителей,
переживших описываемое время

ОТ АВТОРА

Об утопии и агрессии высказано множество ученых соображений – по каждому из этих концептов существует масса работ специалистов. Еще более внушительные горы томов составляют исследования власти во всех ее возможных (и невозможных) ипостасях. В сущности, вся «обществоведческая» продукция в России – эксплицитно или имплицитно – посвящена феномену Власти. Тем не менее в существующей литературе ***утопия, агрессия, власть*** упорно не ставятся в один ряд – и это связано не только с дисциплинарной и ведомственной специализацией исследовательского сообщества, препятствующей изучению их взаимодействия на историко-антропологическом уровне.

Существует точка зрения, что человек – это животное, которое запуталось в сетях созданных им самим символов. В культурном пространстве России это особенно заметно. Дискуссии последних лет смотрятся парадоксально и символично: говорят о российской модернизации, но при этом взирают на власть как на некую метафизическую величину. Возможно, за этим кроется главная «патологическая» особенность российского ума.

В данном случае автор попытался проследить, как увядающие революционные грезы трансформируются в нечто противоположное на *личностном* уровне. Исходная посылка такова: фрустрация посткризисных времен возрождает консервативные утопии; допинг агрессивной доктрины помогает осуществить подмену революционной власти ее *исторически апробированным эквивалентом*. Если угодно, это работа о «вождизме» и возможностях его ревитализации в российском (и не только) социокультурном пространстве. Думается, она будет нелишней на фоне нынешней реанимации болезненно знакомых призраков прошлого.

Структура книги соответствует задаче охвата всего психоментального пространства «остывающей» от «восстания масс» России. Революционный кризис вызывается агрессивным взаимодействием воображаемого и реального в сознании как элит, так и низов. Вряд ли нужно напоминать, что русская литература – активнейший участник «Красной смуты» (включая ее «контрреволюционную» составляющую). Поэтому описание ее конечного – рекреационного – этапа уместно начать с анализа того, как психоз творческой деконструкции, исчерпав себя, трансформируется в поиски «новой» (т. е. хорошо за-

бытой) социально-исторической «тверди». Не уловив духовных и профетических импульсов, исходящих от людей творчества, невозможно разглядеть причины трансформации революционной утопии в утопию власти. Лишь после этого имеет смысл обратиться к психоэмоциональному состоянию важнейших социальных сил – как «авангардных», так и консервативных. И, возможно, тогда станет понятно, как и почему неудачи самостоятельных поисков «врагов» обернулись упованием на деспотичного «поводыря».

Итак, данная книга не столько о «выборе» Сталина, сколько о том, на каких людских эмоциях заквашен традиционный российский авторитаризм. В известном смысле это рассказ об истоках главных напастей, потрясающих Россию до сих пор.

В свое время рукопись книги была весьма благожелательно воспринята сотрудниками возглавляемого А.К. Соколовым Центра изучения новейшей истории и полититологии Института российской истории РАН. Официальный рецензент В.Ф. Зима также признал ее достойной публикации. Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность им, а также сотрудникам центра Ю.П. Бокареву, Л.В. Борисовой, С.В. Журавлеву, С.М. Исхакову, М.Ю. Мухину, Т.М. Смирновой. Их работы, а главное, общение с ними основательно помогли в доработке рукописи.

Разумеется, наибольшую признательность хочется высказать моему наиболее дотошному критику и невольному суфлеру – Татьяне Леонтьевой.

Поскольку в свое время некоторые «маститые» коллеги по Институту российской истории так и не поняли особенностей авторского замысла (вызывало недовольство само название планируемой монографии), надеюсь, данная публикация поможет рассеять туман недоумения и добавить кое-что новое к пониманию власти, под которой мы живем.

Нет, я не хотел свободы. Я хотел всего-навсего выхода – направо, налево, в любом направлении...

Ф. Кафка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческая память всегда расходится с реалиями прошлого. Особенно основательно это происходит в так называемые переломные эпохи, словно намеренно призванные изменить не только старый порядок, но и память о нем. Искривление исторического и историографического пространства постреволюционного времени – наиболее характерный тому пример. В такие времена утопии и жизненные реалии взаимодействуют наиболее интенсивно, порождая такую сумятицу в умах, которую не всякий профессиональный историк отважится преодолеть[1]. Увы, воссоздавать прошлое по лекалам порожденным им мифов всегда проще.

Проблема «нового в старом» и «старого в новом» всегда была особенно трудна для общественных наук, основывавшихся на позитивистски-прогрессистских установках и «привязанных» к доминирующей лексике своей эпохи. С легкой руки большевистских идеологов и публицистов период, последовавший за революцией и Гражданской войной в России, предстал как «новая экономическая политика» – нэп и соответственно время нэпа, нэповский период. И этот ложный символ сохраняется до сих пор – раздутая постреволюционная аббревиатура (Ленин порой использовал более скромный термин *нэпо*) стала незаметно управлять историческим знанием. В сущности, «нэповские» иллюзии сыграли роль легенды, нелепо сконцентрировавшейся в умозрительной «альтернативе», наиболее основательно деформировали представления о природе советского режима.

Между тем очевидно, что нелепо оценивать целый период в жизни страны соответственно тем или иным доктринальным предписаниям, особенно если время показало их сомнительность[2]. Новой *экономи-*

---

[1] См.: *Булдаков В.П.* Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 5–27.

[2] Тем более поразительно, что некоторые авторы берутся уточнять «хронологию нэпа» на «историко-антропологической» основе (*Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Нэп: уточненная хронология (историко-антропологический аспект) // Россия в XX веке: Сб. статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, проф. В.А. Шишкина.

ческой политикой, скрепя сердце провозглашенной сверху, в любом случае не могла исчерпываться жизнь целой страны. К тому же в повороте, осуществленном большевиками по окончании Гражданской войны, не было ничего инновационного – это была не новая, а, напротив, *старая* дореволюционная рыночная политика, к которой заставила вернуться сама жизнь[1].

В связи с этим неудивительно, что в прошлом нэп, а фактически период с 1921 по 1929 г. изучался по преимуществу как экономический или политический феномен[2]. Характерно, что всплеск интереса к нему наблюдался в первой половине 1990-х гг., когда российские исследователи бросились искать «рыночные» альтернативы «дурному» социализму. В условиях «тоталитаристских» представлений о большевистской системе[3] это занятие может продолжаться до бесконечности. Иной взгляд на советскую историю утверждается с трудом[4]. Исследования социального пространства и культуры получили развитие лишь на Западе[5], российская историография эту проблематику долгое вре-

---

СПб., 2005. С. 63–79). Увы, в действительности массы ощущали на себе не нэп, а очередные судороги властной обдираловки на фоне кажущегося возвращения к «нормальной» жизни.

[1] Справедливости ради следует отметить, что попытки отказа от ленинской терминологии делались в первой половине 1990-х гг. Но тогда они вряд ли могли стать плодотворными, поскольку большевистскую аббревиатуру предлагали заменить на не менее сомнительное понятие «экономический террор», провозглашенный В.И. Лениным в 1921 г. См.: *Поляков В.А.* «Новая экономическая политика» – одиозный партийный миф // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994. С. 125–133.

[2] См.: *Кулагин Г.А.* О некоторых проблемах нэпа в новейшей отечественной историографии // Актуальные проблемы отечественной истории. Воронеж, 1995; *Горинов М.М.* Советская история 20–30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; *Орлов И.Б.* Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1; и др.

[3] Наиболее примитивную схему выстроила И.В. Павлова. По ее мнению, уже в 1922–1923 гг. произошло утверждение «диктатуры партии» путем поглощения государственных структур партийными органами, что было сделано втайне не только от общества, но и от самих членов партии (*Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 32). Слабые умы не могут обойтись без «открытий» конспирологического толка. В данном случае была предложена «История КПСС», написанная «наоборот» пером «прозревшего» комсомольского работника. Подобная перверсия сознания – не просто случай персонального политического психоза, воплощенного в «теорию», а заметная историографическая тенденция.

[4] Это, в частности, заметно по коллективному труду «Россия нэповская» (М., 2002), где попытки оценить постреволюционное время «сверху» и «снизу» стыкуются с большим трудом.

[5] Russia in the Era of NEP: Exploration in Soviet Society and Culture. Ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinovich and R. Stites. Bloomington and Indianapolis, 1991; *Brovkin V.*

мя вообще не замечала, да и сейчас улавливает с трудом[1]. Но стоило российским авторам, вслед за западными «ревизионистами» обнаружить, что в якобы тоталитарном обществе существовало «общественное мнение», пришлось бестолково наверстывать упущенное.

Постреволюционное время стало изучаться в рамках модной «истории обыденности» и/или истории быта[2]. Сам по себе такой подход перспективен. Приходится, однако, сожалеть, *как* иные авторы изучают обыденность: одни выдают за исследование бессистемное нагромождение бытовых несуразиц, другие, напротив, пытаются классифицировать их в более чем странных понятиях «нормы» и «отклонения»[3]. Порой «бытовая история» словно гордится своим отказом от выхода в пространство большого исторического времени, отворачиваясь от познания ценностей и смыслов изучаемой эпохи. А между тем понятие «нормы» может существовать разве что в мозгах ограниченного обывателя или доктринера; революционное и постреволюционное время «аномально» по определению; психопатология прописана в пространстве большого исторического времени не менее основательно, чем периоды уравновешенной самодостаточности и самодовольства[4].

Следовало бы задуматься и о другом. «Психопатология обыденной жизни», о которой писал еще З. Фрейд, может получить концентрированное выражение в связи с «уплотнением» исторического времени, вызванном разрушением традиционного общества. Теоретически можно предположить, что бунтарские психозы революции рано или поздно уступают место фрустрационным неврозам «усталости от насилия». Но если аффектированные манифестации силы легко фиксируются, то как – с помощью каких источников – уловить полузадавленные эмоции «злого бессилия»?

Russia after Lenin. Politics, Culture, and Society, 1921–1929. L.; N. Y., 1998; *Steinberg M.D.* Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Itaca, L., 2002; etc.

[1] Между тем еще в 1994 г. К. Литвак указывал на порочность рассмотрения исторических процессов под углом зрения «руководства» ими сверху. Он же отмечал ложность сложившихся представлений о «райской жизни» крестьянина в середине 1920-х гг. См.: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // Нэп: Приобретения и потери. М., 1994. С. 186.

[2] См.: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996.

[3] См.: *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. Рецензию В.П. Булдакова на эту книгу, а также на книгу Ш. Фитцпатрик (*Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York; London, 1999) см.: Pro *et* Contra. Т. 5. № 1. Зима 2000. С. 242–247.

[4] См.: *Robins R.S., Post J.M.* Political Paranoia: The Psychopolitics of Hatred. New Haven, 1997.

Нелепость прошлой и нынешней историографической ситуации состоит в непонимании того, что на деле «советская» власть (именуемая то социалистически-передовой то тоталитарно-регрессивной) вырастала (и существовала) именно на основе спонтанных – в значительной степени невербализованных – социально традиционных реакций ***снизу***. Иных «устоев», помимо подпорченных доктрин, после разгула революционной охлократии у нее и быть не могло. Да и вообще власть в России в пору «порушения сословий» всегда возрождалась на основе «голоса народа», энергетика которого определялась интенсивностью взаимодействия предрассудка и утопии[1]. Так было и во времена пресловутого нэпа[2].

Понять систему, болезненно переживающую переходный период, чрезвычайно сложно – синергетическая эпистемология «смуты» в принципе не уживается ни с «новыми», ни тем более старыми теоретическим установками. Именно поэтому при подходе к постреволюционному времени исследователи столь отчаянно цепляются за стандартные и теории и устоявшиеся моральные оценки, не говоря уже о старой как мир привычке объяснять все перипетии переходного времени «борьбой за власть» в видах модернизации[3] или «происками» известно кого, но неизвестно зачем. А в 1990-е гг. некоторые экономисты предлагали рассматривать нэп как «одну из фаз на сложном пути развития российской революции»[4]. Это – при всей скользкости формулировки – уже ближе к реальности. Как бы то ни было, целый период российской истории изучали соответственно его *большевистскому* самоназванию. Что делать: если не улавливаешь движения истории изнутри (а это мало кому удается), то, дабы не прослыть профаном, приходится навязывать ей ложный, выхваченный из смутного прошлого телеологизм.

---

[1] См.: *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007; *его же.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63.

[2] См.: *Булдаков В.П.* Социокультурные гримасы нэповского времени и проблема социальной стабильности // Право, насилие, культура в России. Региональный аспект (первая четверть XX века). М.; Уфа, 2001. С. 277–313; *его же.* Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 196–220; *его же.* Нэп как путь к деспотии: динамика и векторы психосоциальной напряженности // Русский исторический журнал. Т. IV. 2001. № 1–4; *его же.* Культурные парадоксы нэповского времени. Гл. 8. // Россия нэповская. М., 2002. С. 230–278.

[3] *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 443.

[4] *Мау В.А.* Нэп в контексте российской революции // НЭП: приобретения и потери / отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1994. С. 43.

Как бы то ни было, совершенно очевидно, что хаос революции и Гражданской войны с его громадными жертвами нанес такой мощный удар по народной психике, что воспринимать происходившее под чисто экономическим углом зрения просто несерьезно.

В историографическом осмыслении советской постреволюционной системы в последние годы, по-видимому, все же происходит существенный сдвиг. Т. Краус поставил вопрос о духовных предпосылках сталинского переворота[1]. Одно название книги «тоталитариста» Н. Верта «Террор и беспорядок»[2] указывает, что центр тяжести советологических исследований перемещается от завороженного разглядывания «насилия сверху» к осмыслению природы и интенсивности «насилия снизу». Правда, некоторые авторы пытаются перевести это не столько в русло исследований массовой психики, сколько изучения *ментальностей*, определяемых некими абстрактно-универсальными параметрами[3], причем их последователи ухитряются втискивать все это в некие произвольно составленные таблицы. Как бы то ни было, некоторые работы по социальной истории постреволюционного времени все же внушают оптимизм[4].

---

[1] *Краус Т.* Советский Термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота. (1917–1928). Будапешт, 1997.

[2] *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. Французское название книги *«La Terreur et le Désarroi»* точнее было бы перевести «Террор и смятение» – это соответствует тогдашнему состоянию психосоциального пространства России.

[3] См.: Десять веков российской ментальности: картина мира и власти. СПб., 2001.

[4] См.: Российская повседневность. 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995; Советский рабочий: духовная сфера и быт. М., 1998; Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. М., 1998; Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917 – 1929 гг. СПб., 2000; *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–30-х гг. М., 2000; *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington and Indianapolis, 2000; *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (Исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002; *Слезин А.А.* Молодежь и власть. Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье. 1921–1929 гг. Тамбов, 2002; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003; *Макаревич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005; «Бублики для республики»: Исторический портрет нэпманов. Уфа, 2005; *Koenker D.P.* Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaka, 2005; *Kuhr-Korolev C.* «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. Essen, 2005; *Надеждина В.А.* «...Всё к социализму иду и никак не могу дойти»: Рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы нэпа. Уфа, 2005; *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006; *Зельцер А.* Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М., 2006; *Яров С.В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006; и др.

Безнадежно перечислять реальные и мнимые достижения историографии постреволюционного времени – тем более что задача данной книги лежит в иной плоскости. Автор намерен сконцентрироваться не на «объективных» факторах, а на *субъективных* ощущениях и манифестациях исследуемой эпохи. Их, в свою очередь, определял разрыв между ожидаемым и действительным, не говоря уже о фантомных болях, возникающих в ходе усекновения мечты о «светлом будущем». Если так, то какова оказалась социетальная равнодействующая этого процесса в российском культурном пространстве?

Спрашивается, какие психоэмоциональные и социокультурные факторы определили главные интенции постреволюционного времени? Можно ли установить, чем был так называемый нэп: эпилогом революции, прологом сталинизма или чем-то еще? Наконец, кто вышел «победителем» из ситуации: народ или власть, утопия или традиция? И можно ли, рассматривая ближайшие последствия «красной смуты», вообще говорить о *революции* или уместнее оперировать иными понятиями?

Некоторые исследователи считают, что следует исходить из предположения, что в постреволюционные годы «...интенсивность социальных процессов была особенно зримой и очевидной» и в связи с этим предлагают *«уловить систему связей между обществом и властью»* (выделено мною. – *В. Б.*), прислушавшись к тому, что говорят на этот счет «рядовые люди»[1]. Стоит уточнить: в массах усилилась острота восприятия происходящего (порождавшего вовсе не адекватные, а скорее химерические представления); соответственно власть выжидала, как сложится система связей внутри постреволюционного квазиобщества, чем определятся силовые линии ее энергетики, и соответственно выстраивала свой «имидж», делая при этом вид, что не изменяет ни своим доктринам, ни принципам народолюбия. В общем, это был «карнавал переодеваний» наверху и внизу – остается выяснить, кто и почему обманул другого, а затем обманулся сам. Увы, подобного подхода в современной историографии почти не заметно.

Чтобы уловить в истории нечто существенное, следовало бы, с одной стороны, пробить панцирь позитивистского безволия мысли (этим все еще страдают историки), с другой – научиться ощущать «тонкую материю» прошлого (которая, как правило, не улавливается социологами). Историческое бытие определяется ценностными импульсами переломных эпох, однако выстраивается на базе обыденности, управляемой «коммуникативным разумом» (Ю. Хабермас). В культурно-политическом пространстве получает преобладание коммуникативно-ролевая, а не просто материальная сторона дей-

[1] Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 3.

ствительности. По большому счету историку (по меньшей мере применительно к «временам неопределенности») следует изучать не столько «факты и цифры», а разочарования и надежды, слухи и иллюзии, сопровождающие их: «объективная» реальность жива лишь постольку, поскольку на нее реагируют «ничтожные» человеческие существа, беззащитные, увы, перед магией поверхностных суждений. Социологам, в свою очередь, стоило бы усвоить, что в разные эпохи люди думают и принимают решения по-разному – без понимания «языка эпохи» останется непрочитанным ее «послание будущему».

Задача данной работы проследить, как полустихийно структурировалось постреволюционное социокультурное пространство, какая *психоэмоциональная* информация обрушилась при этом на власть[1]. Архаичные системы крайне зависимы от масс в психосоциальном отношении, хотя этого не сознают в полной мере ни верхи, ни низы. Вовсе не случайно российская власть в критические моменты своего существования принимается поспешно имитировать интерактивный диалог с «трудящимися». Следовательно, стоит попытаться понять, какие «подсказки» шли снизу и насколько адекватно на них реагировали сверху.

Противоречивость этого процесса связана с самоубежденностью постреволюционной власти в том, что она является не только «марксистской», но и «пролетарской» и даже «народной». На деле ей приходилось решать не просто вечную для России проблему собственного самоутверждения *за счет* народа, но и уверять, что она действует *в его интересах* в контексте решения некой *глобальной метаисторической* задачи. В низах все это могло быть воспринято не иначе как в понятиях патерналистской народной утопии, непременно оживающей в кризисные времена. Всякое несоответствие реального и воображаемого воспринималось в контексте уклонения власти и элит от искомой «правды» бытия.

Несомненно, что наибольшую сложность в изучении советского периода российской истории составляет проблема источников[2]. И дело не только в том, что всякий документ лукавит – а потому

---

[1] Рональд Суни связывает их главным образом с аффектированными сообществами, однако в данном случае имеет смысл обратить внимание на агрегированные общественные состояния (см.: *Суни Р.Г.* Аффективные сообщества: структура государства и нации в Российской империи // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / под. ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 78–114), характерные для патерналистских систем.

[2] См.: *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: Проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999; *его же.* Источниковедение и путь к современной лаборатории исторического исследования // Мир историка. XX век. М., 2002.

исследователю приходится делать упреждение на «градус вранья», свойственный «языку» того или иного времени. В постреволюционный период в отличие от «единомыслия» последующих лет все искренне «врали» *по-разному*, используя при этом семантические заимствования разных культурных эпох, не говоря уже о субкультурном сленге своего времени. Опасность буквального прочтения подобных нарративов особенно велика.

Исследователи-позитивисты, как правило, игнорируют то, что не укладывается в прокрустово ложе их терминологии и методик. Не вдаваясь в споры по поводу совершенств и недостатков последних, хотелось бы высказать предположение, что в истории общества в принципе могут оказаться «иррациональные» периоды – имея в виду под последними несоответствие их рутинным и/или лабораторно выявленным «закономерностям». И если новое информационно-энергетическое пространство утрачивает привычные знаково-силовые очертания, то соблазн его искусственного прочерчивания и разграничения особенно велик. Люди всегда склонны выдавать за абракадабру то, что они не в состоянии прочитать, и объявлять «истиной» поверхностные догадки. Рано или поздно придется преодолеть эту слабость, выдвинув на передний план то, о чем сложившаяся историография робко умалчивала.

Поэтому, оценивая источниковую базу постреволюционного времени, уместнее обратиться непосредственно к «языку хаоса», а не тому, что отражает государственные потуги его преодоления. Строго говоря, чрезмерная привязанность авторов к «объективным» свидетельствам в традиционно идеократическом и бюрократическом государстве – показатель их методологической (и не только) ограниченности. Пора от этого избавляться – стоит поэтому опереться на источники личного происхождения, памятуя, что речь идет о времени, когда прежние логические связки оказались разорванными, и людям не осталось ничего иного, как воспринимать мир в поверьях и образах, вздыбленных собственными эмоциями.

Задачи исследования определили особенности его источниковой базы. Ее ядро составляют документы личного происхождения – главным образом представленные «письмами во власть» самых заурядных людей, с одной стороны, дневниками, воспоминаниями и литературными произведениями, исходящими от элит, – с другой. Если руководствоваться проверенной истиной: «Каждый народ имеет ту власть, которой достоин», – то с помощью этих источников можно осуществить нечто вроде гипотетической реконструкции будущей формы правления. Конечно, трудно надеяться, что проблема «тирана, которого мы выбираем», скоро получит законную прописку в российской историографии, но можно не сомневаться, что рано или поздно это произойдет.

Разумеется, в качестве фона показана культурная жизнь 1920-х гг. в целом[1]. Хозяйственная жизнь (в том виде, в каком она представлена статистиками и бюрократами) намеренно отодвигается на задний план. Избранные документальные ряды далеко не адекватно отражают действительность – строго говоря, они представляют не столько противоречивую реальность, как *представления* и *психозы*, порождаемые ею. Иные послания властям предержащим являются «подметными письмами» провокационного характера, не говоря уже о сочинениях людей, мягко говоря, неуравновешенных – они также составляют важную часть атмосферы постреволюционного времени. Что касается тогдашней беллетристики, намеренно преданной забвению в последующее время, то помимо бытописательского компонента она несет и мощный заряд постреволюционной рефлексии, концентрирующийся в своего рода «сюрреалистический» образ эпохи. В определенной степени установить реальный баланс между реальным и воображаемым постреволюционной эпохи помогает сатирическая печать того времени, хотя нельзя не заметить, что она слишком основательно отмечена «юмором висельника».

В общем, применяя данную методику, автор следует принципу «параллакса» (С. Жижек) – объект меняет свою конфигурацию, если точка наблюдения смещается. Фактически этот принцип уже применяется, но главным образом по отношению к советской истории 1930-х гг.[2] Сделать это тем более необходимо, что исследователи в своей массе все еще ведут себя по отношению к власти подобно кролику перед удавом.

Как известно, работа историка имплицитно включает в себя поиск «главного документа». Всякая турбулентная эпоха требует для своего портретирования набора наиболее ярких свидетельств – прежде всего характеризующих причины недовольства, включая «субъективные». Это намного сложнее, чем укладывать хаотичную информацию в привычные схемы или противопоставлять ей «объективные» статистические ряды. Но выбора нет: либо мы позволим прошлому непредвзято рассказать о себе, либо останемся существами с деформированной исторической памятью со всеми вытекающими отсюда последствиями для будущего.

В общем, используемая источниковая база намеренно противопоставляется официальным доктринально-бюрократическим отчетам

---

[1] Наиболее яркое представление о взаимодействии культуры и власти дает сборник «Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов» (сост. Л.В. Максименков. М., 2005), значение которого выходит далеко за рамки литературной жизни.

[2] *Nénard F.-X.* Cinq pour-cent de vérité. La dénonciation dans l'URSS de Staline (1928–1941). Paris, 2004. См.: русский перевод: *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М., 2011.

того времени, на которые по традиции (и познавательной лености) все еще предпочитают опираться исследователи, не замечая, до какой степени они противоречат документам «субъективного» ряда. В современной историографической ситуации иного не остается. В конце концов, главная задача историка – попытаться «разговорить» ушедшую эпоху, не позволяя ей впадать ни в самообман, ни в самообольщения, избегая при этом давления стандартно-легковесных суждений *своего* времени. И если так, то стоит, наконец, предоставить слово не лидерам и бюрократам, а «маленькому» человеку.

Трудно сказать, насколько уместно прибегать к столь обильному цитированию людей малограмотных – найти «золотую середину» между косноязычием прошлого и наукообразием современности всегда трудно. И все же представляется, что историк обязан так или иначе донести язык, т. е. образ мысли людей прошлого, которых он пытается понять, а не судить.

Попытки анализировать «письма во власть» предпринимались уже давно[1]. Важный материал представлен в некоторых сборниках[2]. Но проблема не исчерпана: публикаторы все еще тяготеют к выявлению политически атрибутированных манифестаций, забывая, что иной раз в бессвязном потоке сознания малограмотного и психически неустойчивого человека можно разглядеть то, о чем образованный человек, стиснутый рамками культуры, стыдливо умалчивает[3]. В любом случае даже профессионалов довольно трудно бывает убедить в том, что именно с «истории нелепостей» может начаться подлинное изучение самоорганизации социального хаоса.

В предлагаемой источниковой базе принципиально важный массив составляют письма «простых» людей, направленных И.В. Сталину (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84, 85). На его стол ложились также письма, адресованные не ему лично, а М.И. Калинину[4], В.М. Молотову и другим руководителям, а также «заслуживающие внимания» письма, направленные в «Крестьянскую газету» и другие органы печати.

---

[1] См.: *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Революция и справедливость: послеоктябрьские «письма во власть» // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; *их же.* Революция и социальная справедливость: ожидания и реальность («Письма во власть» 1917–1927 годов) // Cahiers du monde Russe. Vol. 39(4). Octobre–decembre 1998.

[2] См.: Голос народа; Письма во власть.; и др.

[3] В связи с этим особенно впечатляет сборник «Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах» (сост. С.С. Крюкова. М., 2001). Правда, создается впечатление, что составитель намеренно противопоставляет крестьянские нарративы – своего рода потоки сознания – реальным крестьянским устремлениям.

[4] Количество писем, поступавших в приемную М.И. Калинина, резко возросло в период с 1926 по 1933 г. См.: *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 169.

В общем, предполагалось, что они составят «глас народа», к которому не может не прислушиваться правитель. В это время Сталину писали главным образом «по партийной линии» – жаловались на гонения, «несправедливости» (особенно в связи с исключением из партии), тяжелое материальное положение, указывали на «врагов». Судя по всему, особый интерес вызывали у Сталина письма недовольных людей. Для него специально готовились их подборки, при этом неразборчивые рукописные тексты перепечатывались на машинке. Из общего потока посланий отобраны те, которые характеризуют настроения низов, преимущественно рабочих и крестьян – не только членов (и кандидатов) партии и комсомольцев, но и беспартийных. Разумеется, наибольшего внимания заслуживает информация об источниках народного недовольства – «недостатках и несправедливостях». Особенности стиля, включая его «корявости», намеренно сохранены – дух времени передают именно они, а не «аналитические» сочинения постреволюционных бюрократов.

Трудно сказать, какая часть писем во власть была прочитана Сталиным. Независимо от этого они составляют важнейший источник, характеризующий психодинамику постреволюционного времени.

Естественно, данные послания сопоставляются с информацией иного ряда – как опубликованной, так и неопубликованной, но также отложившейся в фондах Политбюро. Для проверки и коррекции «воплей души», взывающих к Сталину, используются все еще неоцененные материалы партийных «чисток» 1920-х гг. (РГАСПИ. Ф. 613): даже подготовленный исследователь будет поражен обилием многоликого отребья, которое привела под большевистские знамена «красная смута». Материалы иных архивов (ГА РФ, некоторых провинциальных) использованы в незначительной степени – на данной стадии изучения проблемы особой нужды в них нет. Привлечены и изданные документы ВЧК–ОГПУ, наиболее объемистое собрание которых названо «Совершенно секретно»[1]. К сожалению, исходящая от спецслужб информация, составляемая по схемам, навязанным большевистским руководством, носит случайный и поверхностный характер; его неполнота легко выявляется при сопоставлении с иными источниками. Так, в направляемых наверх сводках явно смикширована тема «разложения партийных рядов». К тому же, в отличие от массы личных посланий, информация, получаемая с мест, *уже* редактировалась сотрудниками Секретного отдела, а затем интерпретировалась руководством ОГПУ (в том числе лично Г. Ягодой) под «политическим» и «классовым» углом зрения. Этот источник ценен скорее для характеристики того, в какой мере спецслужбы сознатель-

[1] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1–8. М., 2001–2008.

но или бессознательно *дезинформировали* высшее руководство[1]. При этом легко заметить, что традиционные формы спонтанного массового недовольства выдавались за организованные *политические* выступления, спровоцированные «классово чуждыми» элементами и всевозможными недобитками, а аффектированные высказывания приравнивались к *контрреволюционным* призывам. В России путь от слова к делу обычно весьма далек. В донесениях ОГПУ его намеренно укорачивали, что создавало эффект устрашающего гротеска. Тем не менее и в чекистских материалах содержатся элементы информации о персональных устремлениях людей, недовольных существующим порядком.

Наибольшее внимание уделяется 1924–1927 гг. – смерть Ленина, финансовый кризис 1925 г., «борьба с оппозицией», ухудшение международной обстановки, вызвали в массах наиболее мощный выплеск вопросов и «догадок» за все десятилетие. Действия «вождей» в 1928–1930-х гг. в значительной степени стали реакцией на этот поток писем, соответственно «подправленный» информацией, поставляемой ОГПУ. Так в России бывало всегда: страхи «внизу» и задерганность «наверху» подпитывали друг друга, провоцируя силовое «решение» проблемы.

---

[1] Западные авторы давно усвоили, что секретным службам, включая советские, «свойственно драматизировать свои наблюдения» (*Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010. С. 340). Увы, некоторые российские авторы склонны выдавать информацию чекистов за «единственно правдивую».

I. «СТАРОЕ» И «НОВОЕ» КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В исторически узкой щели человеческого бытия людям довольно трудно, подчас невозможно разобраться с соотношением бывшего и будущего. Особенно заметно это в смутные времена, когда само понятие «настоящее» словно пропадает за ненадобностью: люди, начав с безграничного отрицания старого, столь же решительно, хотя и стыдливо, устремляются к привычному. Разумеется, при этом в культурных иерархиях начинается настоящее броуновское бурление, обусловленное стихийным вливанием в него новой крови. Особенно заметно это в литературе и живописи, вынужденных, по определению, следовать за «непостижимостью» мироздания.

Русский авангард и Серебряный век были проникнуты духом острой амбивалентности по отношению к неизбежному разрушению привычного. 1920-е гг. ушли скорее на рефлексию по поводу судеб утопии, нежели на регенерацию культурного пространства. Художники искали, но не находили самих себя. Конечно, кризис идентичности раздражал их самих, не говоря уже о новой власти.

1. Между постреволюционной релаксацией и испугом перед будущим

Окончание «бури и натиска» революции всегда оказывается психологически наиболее сложным, даже трагичным периодом в жизни не только «победителей», но и тех, кто им доверился, не говоря уже о «поверженных» противниках. И те и другие вступают на зыбкую почву то ли взбудораженного старого, то ли несформировавшегося нового социального пространства. Трудно ожидать от них адекватных реакций на происходящее.

«Я устал, страшно устал, – писал в конце 1920 г. один из типичных русских интеллигентов. – И самое страшное – ко многому безразличие». Ужас прокатившейся по России «кровавой борьбы» теперь казался ему «ненужным и ничтожным»[1]. Однако люди попроще продолжали надеяться на лучшее. Порой это приобретало гротескные формы.

В мае 1921 г. случился неожиданный наплыв публики в псковский музей, расположенный в так называемых «Поганкиных палатах».

---

[1] *Князев Г.Ф.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое. 1994. Кн. 5. С. 186.

Оказывается, пронесся слух, что местная баба «родила от коммуниста черта – и что его спрятали в банку со спиртом». Народ, естественно, потребовал: «Показывай черта»[1]. Поворот к нэпу простые люди поняли по-своему – как похороны «беса» революции. На уровне бытовой символики запрятанный в банку «черт», как видно, символизировал наступление мирного времени.

Всевозможные слухи о черте (чертенке), похожем на Ленина/Троцкого, рожденным то ли монашкой, то ли крестьянкой от «комиссара», имели хождение на протяжении всей Гражданской войны. Но тогда злокозненный и вездесущий отпрыск «темных сил», несмотря на все старания похоронить его, оказывался неуловим. С окончанием смуты некоторые чертенята, естественно, отправились в Москву[2]. Особенностью псковской чертовщинки стало то, что главный ее персонаж наконец-то был локализован и выставлен на всеобщее обозрение, – именно этого народ ожидал от власти.

Увы, прежнее наваждение скоро сменила бесовщина иного рода.

Поскольку «чудо» революции свершилось, некоторые сторонники большевиков возмечтали о мирной жизни знакомого образца. Один «социалист по убеждениям», отрекомендовавшийся как «типичный рабочий-пролетарий (интеллигент)», в апреле 1918 г. писал Ленину, что в разговоре с ним «один бывший рьяный большевик, а до этого солдат-мародер, теперь сладко мечтающий о “спокойном” житии, о торговом заведении, выразился так: “Побаловались и довольно, пора и за ум взяться”». Таким заявлениям сочувствуют, отмечал он[3]. Пафос революции подпитывался иллюзиями о ее всемирном торжестве, поворот к нэпу многими – даже людьми старой культуры – оценивался как катастрофа. Известный историк С.Б. Веселовский писал в дневнике:

> Едва ли будет преувеличением сказать, что переживаемое время есть крах всей русской культуры, со всеми ее достоинствами и недостатками. Взбунтовавшиеся низы снесли все начисто, не разбирая правых и виноватых, доброе и дурное. В своем существе наша революция глубоко реакционное движение. В основе ее – злоба первобытного, ленивого и распущенного дикаря против дисциплины и субординации, которые налагал на него общественный строй... [4]

---

[1] *Чуковский К.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 172.

[2] См.: *Егоров А.В.* Специфика неформальной устной коммуникации эпохи революции и гражданской войны: слухи в российской провинции в 1917–1921 гг. (На примере Уфимской губернии) // Коммуникации в культуре. Петрозаводск, 1997. С. 3–4.

[3] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 14, 15.

[4] *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 114. Веселовский, как всегда, сгущал краски. Про него говорили, что он «по обыкновению ныл». См.: *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919). М., 2011. С. 85.

Так мыслили многие творческие люди, причем некоторые из них – кто нерешительно, как «пролетарский» писатель М. Горький, кто прямо, как художник Борис Григорьев (начинавший в «Мире искусства»), – указывали на этого «дикаря» в лице крестьянства, определявшего подлинное, а не выдуманное лицо «Расеи».

После кошмара Гражданской войны перед всеми – теперь «советскими» – людьми встала естественная идентификационная задача – увидеть «смысл в хаосе». 3 января 1921 г. В. Маяковский в театре РСФСР на диспуте «Художник в современном театре» вопрошал:

> Весь тот вулкан и взрыв, который принесла с собой Октябрьская революция, требует новых форм в искусстве. Каждую минуту нашей агитации нам приходится говорить: где же художественные формы? Мы видим лозунги, по которым сто пятьдесят миллионов населения России должны двинуться на электрификацию. И нам нужен порыв к труду не за страх, а во имя грядущего будущего...[1]

Это соответствовало руководящим указаниям на то, что авангардом нового искусства должен стать тот театр, который будет «художественным агитатором и пропагандистом коммунистической идеологии, созидателем нового быта»[2]. Между тем обстановка не вдохновляла: идеология тонула в пучине фрустрационных эмоций, пиндары революции рисковали остаться в одиночестве. На людей творческих в сентябре–августе 1921 г. жутковатое впечатление произвели уходы из жизни очень разных, но выдающихся поэтов – А. Блока и Н. Гумилева. О. Мандельштам воспринял это как смерть «языкового сознания» уходящей эпохи[3].

Однако чисто внешне ситуация выглядела для людей искусства привлекательной и даже заманчивой. Публичные диспуты не прекращались[4]. «Умножились музеи. Воздвигнут “музей современной живописи в столицах”. И открыто до тридцати новых мастерских при высших художественных учреждениях», – писал Б. Григорьев, но тут же добавлял: «Теперь назначают профессоров исключительно по протекции, непременных сторонников правительства, преимущественно футуристического искусствопонимания...»[5] Немногие творческие

---

[1] *Катанян В.А.* Маяковский: хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 194.

[2] Коммунистический труд. 1921. 25 августа. Со временем эти установки подхватывали критики. «Трагедию драмы» они видели в слабости репертуара и косности сценических форм. Выход из ситуации виделся «только один: Театр ближе к Октябрю!». См.: Театр и кино (Баку). 1925. № 3. С. 4.

[3] *Пурин А.* Листья, цвет и ветка. О русской поэзии XX века. СПб., 2010. С. 187.

[4] В Москве они проводились в Политехническом музее, в Петрограде–Ленинграде в Доме искусств (ДИСК). См.: *Тимина С.И.* Культурный Петербург. ДИСК. 1920-е годы. СПб., 2001. С. 29.

[5] *Григорьев Б.* Линия. Литературное и художественное наследие. М., 2006. С. 49.

люди догадывались, что власть перетягивает их на свою сторону, используя мелкие подачки.

Руководящие позиции в поэзии пытались занять представители ЛЕФа (Левого фронта искусств) В. Маяковский, Н. Асеев, В. Каменский, С. Третьяков, С. Кирсанов. С оглядкой на пропаганду «фактом» они готовы были объединить художественный вымысел и психологизм – такова была мощная инерция революционного натиска. Однако на попытки сплотиться с Агитпропом Троцкий в 1923 г. заметил, что партия вовсе не намерена «канонизировать» ЛЕФ в качестве нового «коммунистического» искусства»[1]. Лирики в глаза лефовцев смотрелись неуместно. С. Кирсанов полагал, что С. Есенина «потребляют девушки, плаксы и недоумки»[2]. Есенин, со своей стороны, считал, что ЛЕФ и группа «На посту» выстраивают «потемкинские деревни»[3].

Литераторы вроде В. Брюсова подходили к происходящему проще и прагматичнее: после «горнила Войны и купели Революции», заявляли они, российскую словесность ожидает «эпоха нового Возрождения», хотя и нескорого[4]. Для власти подобные установки были наиболее приемлемыми – она опасалась людского отчаяния. Основания для этого были. «Земля отравлена ненавистью, залита кровью, – говорил перед полетом на Марс герой "Аэлиты" А.Н. Толстого. – Недолго ждать, когда пошатнется разум, – единственные цепи на этом чудище».

Такими ощущениями жили многие творческие люди. П. Сорокин писал о «пессимистическом и *панически катастрофическом настроении общества*»[5]. В 1923 г. Е. Замятин назвал это *horror vacui* – ужасом пустоты[6]. Возможно, это была поза – к писателю относились с подозрением[7]. В творческой среде поиск «точки опоры» принимал весьма

---

[1] *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1924. С. 100–101.

[2] Морія. Альманах общественной организации «Общинный дом еврейских знаний "Мория"». Одесса, 2006. С. 150.

[3] *Есенин С.* Полн. собр. соч. М., 1999. Т. 7. С. 313.

[4] *Брюсов В.Я.* Среди стихов: 1994–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 542.

[5] *Сорокин П.* Начало великой ревизии // Вестник литературы. 1922. № 2–3 (38–39). С. 1.

[6] *Замятин Е.* Сочинения. М., 1988. С. 437. Похоже, что Замятин, все эти годы твердивший о желании покинуть Россию, просто хотел сделать это на гребне успеха. Он выехал за границу с сохранением советского гражданства только осенью 1931 г. благодаря заступничеству М. Горького.

[7] В 1922 г. К. Чуковский писал о Замятине: «Вообще это приятнейший лоснящийся парень, чистенький, комфортный, знающий... умеющий быть со всеми в хороших отношениях... Он умело и осторожно будирует против властей – в меру, лишь бы понравиться эмигрантам... Вся борьба Замятина бутафорская и маргариновая». В 1925 г.,

причудливые – вплоть до мазохистской покорности «исторической судьбе» – формы. Некоторые эмигрантские авторы пытались разглядеть в хаосе революции «миссию России»[1]. Л. Лунц в 1922 г. признавался М. Горькому, что любит «большую идею и большой увлекающий сюжет»[2]. Д. Бедный предлагал Сталину расшевелить народ веселыми стишатами – для него балаган и оптимизм располагались где-то рядом[3].

Творческая жизнь 1920-х гг. в России, казалось, демонстрировала состояние болезненного разрыва культур XIX и XX вв. Свой первый поэтический сборник К. Вагинов назвал «Путешествие в Хаос». «Пришло царство хаоса, – писал С. Есенин в 1924 г. – Невероятный раскол и сногсшибательные объединения»[4]. Впрочем, соединить несоединимое не удавалось, да и мало кто к этому стремился. К тому же превалировало желание обнажить первозданные слова и смыслы, заставить окружающий мир говорить своим собственным, пусть корявым, языком (особенно заметное у В. Хлебникова). Исключение, по отзывам современников, составляла А. Ахматова – «она всегда умела говорить на языках тех культурных поколений», с которыми сводило ее время[5]. Аналогичным образом композитор Д.Б. Кабалевский не признавал музыкального модерна[6]. Но большинство «самоутверждалось» иначе, пытаясь привести порядок вещей в соответствие с порядком идей.

Воображение всегда обгоняет реальность; революционные художники не могли оставаться в привычных эстетических рамках. «Все

поближе сошедшись с ним, он отмечал: «Замятин счастлив: его роман "We" («Мы». – *В. Б.*) имеет в Америке большой успех, его пьеса «Блоха» имеет успех в Москве (*Чуковский К.* Дневник. С. 196, 217, 329). «Блоха» действительно понравилась публике, Замятин считал, что этим он обязан декорациям Б.М. Кустодиева (*Замятин Е.* Лица. Нью-Йорк, 1955. С. 68–69). Замятину завидовали: он входил в редколлегию «Всемирной литературы», был членом литературного отдела «Дома Искусств», «Литературной газеты», считался лидером «Серапионовых братьев», в общем, «находился в самом центре литературной жизни России тех лет». Примечательно, что позднее Замятин писал, что у «серапионов» «ломаного гроша за душой нет». См.: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 2005. С. 259, 325; *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. С. 304–307.

[1] Особенно ярко и отчаянно это прозвучало у Ивана Шмелева в 1924 г. См.: *Шмелев И.С.* Душа Родины. Париж: Сб. статей. 1924–1950. Париж, 1967. С. 17.

[2] *Лунц Л.Н.* Литературное наследие. М., 2007. С. 416.

[3] «Революция наша была голодная, но в е с е л а я, – убеждал он генсека в августе 1924 г. – Вера была». См.: Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов / сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 87.

[4] *Есенин С.* Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 5. С. 242.

[5] *Гинзбург Л.* Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 363.

[6] *Елагин Ю.* Укрощение искусств. М., 2002. С. 96.

абсолюты полетели к черту... – заявляли лефовцы. – Наличность русского искусства – в очень слабом соответствии с развернувшейся перспективой, подсказанной коммунистической мыслью»[1]. «В людях заложено стремление уничтожать все, что им чуждо», – писал И.В. Клюн[2]. Предводитель одесских лефовцев Л. Недоля-Гончаренко органически не способен был к размеренной жизни: «Ему нужна была борьба, драка, хотя бы на литературном фронте»[3]. Казалось, творческий авангард должен сомкнуться с революционной утопией – и духовно, и стилистически. На деле болезненный разрыв между мечтой и реальностью готов был сорваться в настоящую паранойю[4]. К. Чуковский назвал Маяковского поэтом «катастроф и конвульсий»[5].

В то время как большинство населения погрузилось в состояние косного недоумения, авангардные осколки Серебряного века оставались в состоянии горячечного революционного буйства. Но о чем бы они ни мечтали, их действия лишь углубляли обычную для России пропасть между элитами и традиционалистским большинством.

Лефовцы и рапповцы были молоды, талантливы и нетерпеливы. Несмотря на расхождения в стиле, сюжетных предпочтениях и творческом темпераменте, они в сущности искали одно и то же – признаки будущего в современности. В манифесте группы пролетарских писателей «Кузница» было заявлено: «...Художественное творчество – функция общественной идеологии, эмоциологии, психики вообще». Художник – это «медиум своего класса»[6]. Чтобы соответствовать этой миссии, следовало погрузиться в «эмоциологию» рабочего класса – реального, а не воображаемого. Но возникала опасность: «срывание всяческих масок с действительности» травмирует неокрепшую психику «гегемона»[7]. Далеко не всем критикам подобные заявления нравились. А. Воронского раздражала навязчивость «красных ака-

---

[1] *Чужак Н.Ф.* Под знаком жизнестроения (опыт осознания искусства дня) // ЛЕФ. Журнал левого фронта искусств. 1923. № 1. С. 12–13.

[2] *Клюн И.В.* Мой путь в искусстве. Воспоминания, статьи, дневники. М., 1999. С. 228.

[3] Морія. 2006. С. 130. Впрочем, к 1929 г. он «устроился» в Харьков (там же. С. 139) и перешел на «мову».

[4] Наиболее заметно это проявилось в творчестве Пимена Карпова. Революция вызвала в нем не только представление о «самосожжении народа» (понятное для выходца из старообрядческой семьи), но и навязчивый образ «красного дьявола» и «антихриста». См.: *Карпов П.* Русский ковчег. М., 1922. С. 18, 25.

[5] По словам Чуковского, Маяковский творит так, «как будто специально для него началась война, а потом революция». См.: *Чуковский К.* Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. № 1. С. 32.

[6] Литературные манифесты. М., 1930. С. 163.

[7] *Шешуков С.* Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1970. С. 276–277.

фистов» и «красных псалмов»[1]. С. Есенин еще в 1919 г. отмечал, что «представители новой культуры и новой мысли особым изяществом и изощрением в своих узорах не блещут». Позднее (1924 г.) он писал, что они «бессильны, фальшивы и подражательны» и что «тяжкое время выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть не перед искусством»[2].

Всякая революция возносит творческий авангард, она же его развращает. По мнению Б. Григорьева, обласканный властью футуризм «обуял молодежь, разложил совершенно понятие о труде, отозвал от должностей: парикмахеров, сутенеров, хулиганов и объявил их полноправными "художниками". Для них он установил законы: монополия выставочных обществ...»[3] Действительно, даже в 1929 г. РАПП претендовал на то, чтобы стать «большевистским авангардом советской литературы»[4], занимающимся «срыванием масок».

На Украине возник аналог РАППу – ВАПЛИТЕ (Вольная академия пролетарской литературы), который возглавил Н. Хвылевой. Этот яркий автор покончил с жизнью 13 мая 1933 г., за семь месяцев до своего сорокалетия (родился 13 декабря), собрав дома «пролетарских» писателей. Самоубийство объяснял протестом против ареста друга – писателя-коммуниста М. Ялового[5]. Последними словами предсмертной записки были: «Да здравствует коммунизм! Да здравствует социалистическое строительство!»[6]

---

[1] *Воронский А.* О группе писателей «Кузница»: общая характеристика // Искусство и жизнь. М.; Пг., 1924. С. 135.

[2] *Есенин С.* Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 5. С. 242; Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы, 1912–1925; Проза, 1915–1925. М., 1995. С. 287, 290.

[3] *Григорьев Б.* Указ. соч. С. 49.

[4] Литературная газета. 1929. 7 октября. Некоторые мемуаристы отмечают, что рапповцы «были прежде всего революционерами, а потом только писателями». Однако сами большевики рапповских «агиток» читать не желали. См.: *Сольский В.* «Снимание покровов». Воспоминание о советской литературе и Коммунистической партии в 1920-е годы. СПб., 2005. С. 46, 105.

[5] М. Яловой (Юлиан Шпола) был главным политическим редактором Госиздательства Украины.

[6] Николай Хвылевой (Николай Григорьевич Фитилев) родился в 1893 г. в Харьковской губернии в русскоязычной семье. Отличался неуживчивым характером. Участник Первой мировой войны, затем антигетмановского движения. Работал в ЧК, называл себя «чернорабочим революции», в 1919 г. вступил в большевистскую партию. Представлял собой тип «романтического коммуниста», разделявшего популярную теорию «азиатского ренессанса», призванного «разбудить Европу». Возглавлял «пролетарских» писателей на Украине. Литературный стиль большинства произведений отмечен особого рода экспрессивностью: герой одного из его рассказов (1924 г.), руководитель местного ЧК, приговорил к расстрелу собственную мать. Обвинялся в национал-уклонизме, в 1926 г. признал свои ошибки. Предсмертное письмо не сохранилось, его содержание известно

Из-за неуверенности в будущем литераторы тешили себя бытовым эпатажем. О пьяных похождениях Есенина и других знаменитостей ходили легенды. Один из тогдашних оригиналов поставил себе в Москве на Цветном бульваре памятник, изобразив себя в виде Аполлона, кусаемого за пятку собачкой, – последняя символизировала «обывательскую» публику. Имажинисты развесили в столице эмалированные таблички – «Улица Есенина» (Тверская), «Улица Мариенгофа» (Петровка), «Улица Шершеневича» (Никитская) и т. п.[1] В 1924 г. С. Есенин предлагал И. Бабелю взять «корону прозы», оставив себе «корону поэзии»[2]. «Валяние дурака распространено у литераторов и считается признаком сырой и широкой монументальности», – как-то заметил, пусть не совсем по этому поводу, Б. Пастернак[3]. Мариенгоф признавал, что его друзья намеренно злоупотребляли терпением власти[4]. Эпатажные авторы из Всероссийского союза поэтов (ВСП) заслужили порицание самого Луначарского[5]. Одесские лефовцы поносили, с одной стороны, «Пильняков, Алексеев Толстых, Эренбургов и др.», призывая «крепко бухать молотом по устоям старой культурной постройки», с другой – «пролетарских» писателей и поэтов, называя их «порядочной пакостью»[6].

Представителям старой культуры становилось «невыносимо тоскливо от грубого материализма, проникшего во все области и подавившего все собой». Тем не менее они признавали появление «очень талантливых, ярких, своеобразных писателей (Бабель, Замятин, Сейфуллина) с богатым свежим языком...»[7] А тем временем «имажинисты» враждовали с «конструктивистами», «ничевоками», «заумниками», «парнасцами», «акмеистами» и прочими – всякий заявлял о себе на особый манер. В «непонятные» времена люди творческие боятся остаться «незамеченными» – отсюда страсть группового самоутверждения. И это происходило не только в литературе. «Семь человек,

---

со слов друзей. См.: *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 329–330, 490.

[1] *Андреевский Г.В.* Москва, 20–30-е годы. М., 1998. С. 223. В.Г. Шершеневич, А.Б. Мариенгоф и А.Б. Кусиков водили знакомство с Я.Г. Блюмкиным, в издательской деятельности им помогал Л.Д. Троцкий. См.: *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997. С. 48.

[2] *Гехт С.* У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 54. С. Есенин заявлял, что чувствует себя «хозяином в русской поэзии». См.: Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 280.

[3] Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 437.

[4] Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 595.

[5] *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С. 48.

[6] Морія. 2006. С. 132, 130.

[7] *Герцыг Е.* Воспоминания. Париж, 1973. С. 185.

изображающих Отдел Изобразительных искусств, – это власть, – иронизировал Б. Григорьев. – Она печатает газету, выдает материалы, производит какие-то регистрации, покупает картины и назначает профессоров»[1]. При этом «успешные» творческие люди, словно не замечали, что власть уже держит их на коротком поводке.

Поначалу представители культуры влачили жалкое существование. В годы Гражданской войны писатели нищали, к тому же их нещадно «уплотняли»[2]. Весной 1922 г. Н. Берберова отмечала «подвязанные веревками подошвы Пяста, перелицованную куртку Замятина, заплатки на штанах Юрия Верховского, до блеска заношенный френч Зощенки»[3]. М. Булгаков писал: «Питаемся с женой впроголодь», «хожу в остатках подметок»[4]. В Киеве можно было увидеть женщин в платье из мешковины; носили даже невиданные на Руси деревянные сандалии[5]. Писали, что «сапоги, валенки, подметки стали темой салонных разговоров»[6]. Бытовые неурядицы заставляли идти на поклон к новой власти. Д. Мережковский уверял, что «всегда был за революцию», и просил Госиздат опубликовать собрание своих сочинений[7]. «Литература или трясет жидкими ребрами на диванах редакций... или сделалась однодумкой, сидящей у моря и ждущей погоды», – писал в 1924 г. поэт Н. Тихонов[8]. Исключение составляли люди масштаба А. Ахматовой – она могла вести себя в кругу молодежи «как экс-королева на буржуазном курор-

---

[1] *Григорьев Б.* Указ. соч. С. 85.

[2] В. Ходасевич в письме Л.Б. Каменеву еще 3 июля 1919 г. жаловался, что «15 лет, проведенных в шкуре российского стихотворца, т. е. 15 лет каторжного труда, эксплуатации... принесли мне в результате сырой полуподвал на окраине города... туберкулез позвоночника... Минувшую зиму я провел в валенках, под шубой, сбившись с семьей в одну комнату, отопляемую самоварами и теснотой». Жилотдел Хамовнического Совдепа решил его уплотнить. Это значит, жаловался он, что придется слушать от соседей «идиотские обывательские разговоры о дороговизне, муке, "Кооперации"». О.Д. Каменева, сестра Л.Д. Троцкого, старалась помочь (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 164). Если верить эмигрантским воспоминаниям Ходасевича, сам Каменев в ответ на просьбу о квартире заметил, что готов снабдить его соответствующим письмом, однако это не даст результата: в жилотделе засели «преступники», которые попросту торгуют квартирами и задаром ничего не сделают (*Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 254). Получается, что «коммунистическая» власть в бытовом отношении зависела от коррупционеров.

[3] *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. Т. 1. New York, 1983. С. 164–165. В. Ходасевич также отмечал, что на ногах Пяста были «прикрученные веревками остатки какой-то обуви». См.: *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 279.

[4] Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004. С. 21, 21.

[5] *Юркевич Ю.Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2000. С. 64–65.

[6] *Варшер Т.С.* Виденное и пережитое (В Советской России). Берлин, 1923. С. 144.

[7] *Шкловский В.* Гамбургский счет. С. 202.

[8] Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 454.

те»[1]. Впрочем, от этого всеобщее ощущение бесприютного одиночества лишь усиливалось.

Казалось, в литературе и поэзии должна была обрести второе дыхание «антимещанская» тема[2]. В. Маяковский остро реагировал на «штиль», наступивший после революционной бури: «Подернулась тиной советская мешанина / И вылезло из-за спины РСФСР мурло мещанина». Старая антимещанская установка интеллигенции не только пережила революцию, но и обрела «рабоче-крестьянских» адептов. М. Светлов взывал: «Не затем у врага / Кровь лилась по дешевке, / Чтоб несли жемчуга руки каждой торговки». Если верить поэту, произошла диффузия понятия: прежний безобидный мещанин встал в ряд «классовых врагов». Но в целом антимещанский пафос того времени тонул в изумлении перед происходящим.

В культурную среду агрессивно вторглись марксиствующие всезнайки. Б. Пастернак вспоминал некоего «руководителя культуры» – это был, писал он,

> разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, которые носили тогда одни «ответственные работники»... Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни... неучи, приходили из деревень или местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами».

Казалось, новая жизнь строилась по указке таких «лидеров» – за ними стояла сила и уверенность в себе (или видимость того и другого). «Они со спокойной совестью, – продолжал Пастернак, – поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний ("методологии") не нужны самые знания»[3]. Строго говоря, для России такая ситуация обычна[4] – необычными оказались ее отдаленные последствия. А потому представителям старой культуры приходилось – одним искренне, другим притворно – ориентироваться на «авторитеты» (пусть дутые). С этим была связана проблема выживания – как в творческом, так и физическом смысле.

Весьма показательные процессы происходили в среде художников. В годы Гражданской войны не прекращались выставки, издавались художественные журналы, цены на картины держались на высоком

---

[1] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 46.

[2] См.: *Бухараев В.М., Аккуратов Б.С.* От неприятия скопидомства до борьбы с «контрреволюцией быта» // Отечественная история. 2002. № 1.

[3] Переписка Бориса Пастернака. С. 121.

[4] Описан и такой тип начальника: «рябой, огромного роста, безобразной внешности», который, заявляя, что «здесь старым режимом пахнет», «за всеми шпионил, вызывал на допросы» и наконец разогнал всех «бывших». См.: *Скрябина Е.А.* Страницы жизни. М., 1994. С. 63.

уровне – таково «культурогенерирующее» следствие обычной для таких времен спекулятивной активности. Затем цены резко упали. «Все спекулянты сыты по горло, и им сейчас не до нас...», – сетовал в сентябре 1922 г. М.В. Нестеров[1]. Тем не менее в Москве продолжает выходить журнал «Среди коллекционеров», в конце 1922 г. открылась XVII выставка союза русских художников. Были представлены работы В. и А. Васнецовых, К. Коровина, С. Малютина, А. Голубкиной, К. Юона, М. Нестерова. Сам Нестеров после ряда творческих разочарований и полосы безденежья вернулся к работе, а в 1925 г. блеснул серией «светских» портретов – преимущественно художников и ученых[2]. В 1924 г. в Аничковом дворце открылась выставка «Мира искусства», где экспонировалось около 300 полотен (Бенуа, Добужинского, Кустодиева, Петрова-Водкина, Остроумовой-Лебедевой, Чехонина и др.). Доход от выставки был направлен обществу «Долой неграмотность»[3].

«Левые» авторы активизировались не только в столицах. В Витебске действовала Народная художественная школа, где обучалось (под руководством М. Шагала и К. Малевича) до 500 начинающих художников. Правда, сам Шагал, словно задавшийся тогда целью преодолеть земное притяжение с помощью квазиреволюционных грез, уже в 1920 г. жаловался, что с «трудом берется за кисть», но это было связано скорее с неустроенностью быта, нежели с творческими проблемами[4]. В 1921 г. Шагалу довелось поработать и в подмосковной Малаховке в трудовой еврейской школе «III Интернационал» для беспризорников[5].

Хаотичное время притягивает творческих «провокаторов». «...Мы прожили в Витебске очень хорошее, очень значительное и очень многовременное время, – писал Э. Лисицкий К. Малевичу из Берлина. – Теперь я это особо остро вижу»[6]. Возможно, это заявление было

---

[1] *Нестеров М.В.* Письма. Избранное. Л., 1988. С. 279.

[2] Россия нэповская. С. 251–252.

[3] *Шерих Д.Ю.* 1924. Из Петрограда – в Ленинград. М., 2004. С. 148.

[4] См.: *Эттингер П.Д.* Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989. С. 166–167.

[5] М. Шагал вспоминал об этом: «...В таких колониях жило человек по пятьдесят сирот. Работали там... воспитатели, мечтавшие воплотить в жизнь самые передовые педагогические теории... Сиротам хлебнуть пришлось немало. Все они – беспризорники, битые уголовниками, помнившие блеск ножа, которым зарезали их родителей... На их глазах выдирали бороды их отцам, вспарывали животы изнасилованным сестрам... По примеру взрослых они заседали на собраниях, вели диспуты, обсуждали друг друга и даже учителей, пели хором "Интернационал"...» См.: *Шагал М.* Моя жизнь. М., 1994. С. 170.

[6] Цит. по: *Духан И.* Эль Лисицкий и русско-еврейский авангард // Русско-еврейская культура / под ред. О.В. Будницкого. М., 2006. С. 454.

ретроспекцией из мира неизжитых грез, контрастирующих с «прозой» жизни.

Футуристический образ революции гипнотизировал. В. Кандинский, захваченный идеей строительства «общества Великой Духовности», активно включился в деятельность Института художественной культуры – ИНХУК[1], поставив задачу создания Монументального искусства будущего. Его основной целью должно было стать «не только культивирование отвлеченных форм, но и культ отвлеченных достижений»[2]. Эти идеи были созвучны некоторым фантазиям некоторых «вождей культуры»[3]. «Революционная умозрительность» заслоняла грязь постреволюционных реалий. Правда, авангардные абстракции для этого мало подходили – требовались доходчивые образы и символы, вроде «Новой планеты» К. Юона (1921 г.).

Люди творческой утопии пытались разглядеть «сияющий мир будущего» глазами нового человека. Жизнь, однако, диктовала иное: если до революции авангардисты стремились превратить банальности бытия в фантасмагорию, чтобы обнажить его грозные противоречия, то теперь хотелось бежать от хаоса к тверди традиции. К тому же сюрреалистические образы обыденности входили в противоречие с футуристическими грезами, устраивающими власть. Оксюморонная поэтика рано или поздно должна была схлынуть.

Постепенно оказался востребован монументализированный лубок: на холсте «Дружба народов» (1923–1924 гг.) С. Карпова рабочий при помощи солдата, крестьянина и многочисленных представителей нерусских этносов вздымал некие символы – сноп пшеницы, раскрытую книгу, серп и молот, зубчатое колесо. Все это представало в кумачовом обрамлении и сопровождении таких аксессуаров, как артиллерийское орудие, плуг. Интересен и фон: безбрежные, сияющие дали с аэропланом впереди, гигантской зубчатой стеной позади. Кстати, аэропланы стали непременным атрибутом пропагандистской изопродукции[4]. Но «лубковые» полотна оставались редкостью – для того чтобы они сложились в доминантный стиль, требовалось время.

---

[1] Также участвовали А. Родченко, А. Лентулов, Р. Фальк, В. Степанова, Н. Синезубов, А. Шевченко и др.

[2] См.: Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация. М.; Л., 1933. С. 131.

[3] Так, А.В. Луначарский в начале 1920-х гг. готов был поддержать организацию журнала «Интернационал духа», призванного привлечь на сторону Коминтерна левых деятелей культуры. См.: *Леруш Э.* Помощь голодающим и восточноевропейская тема. «Друзья новой России» в Германии // Германия и русская революция. 1917–1924. М., 2007. С. 586.

[4] Исследователи полагают, что аэропланы символизировали перспективу технологической смычки города и деревни (*Palmer S.W.* Dictatorship of the Air: Aviation Culture and the Fate of Modern Russia. Cambridge, 2006. P. 126). Самолеты получали

А пока можно было наблюдать более чем странное соседство: в марте 1927 г. в Москве одновременно открылись выставки «Бубнового валета» и В.М. Васнецова. Политический заказ заметнее был в беллетристике. К 10-летию революции Государственное издательство (издававшее до 80 % всей литературы[1]) планировало продукцию на такие темы, как «Ленин и Октябрь», «Ленин на заводе Михельсона» (сцена покушения), «Взятие Казани», «Буденновцы», «Чапаев», «Бой в воздухе», «Партия на Колчака» и даже «Партия в тайге»[2].

Умножалось число враждующих группировок и направлений – то же самое происходило в жизни. Модернистские искания пытались слиться в русле «пролетарского искусства». У некоторых это получалось легко, другим, напротив, приходилось насиловать себя.

Ассоциация художников революционной России (АХРР), возникшая в 1922 г., стала самой массовой организацией. Подобно РАППу (ВАППу) она претендовала на монопольное руководство художественной жизнью. Ее лицо определяли такие – вполне несхожие – авторы, как И. Бродский, С. Малютин, Н. Касаткин, В. Мешков, Г. Ряжский, Е. Чепцов, К. Юон. Характерно, что образы «рождения нового мира» соседствовали у них с элементами ностальгического лиризма. Бродский с легкостью переключился с изображения Керенского на портреты большевистских вождей. В 1924 г. он поспешил предложить картину «У гроба Ильича»[3], затем написал благостный портрет Ленина в пресловутой кепке на фоне Кремля. Благодаря протекции Ворошилова он фактически стал официальным «иконописцем» тогдашних «вождей». Тем временем некоторые «революционные художники», вообразившие, что делают «работу», аналогичную пролетарской, стали тяготиться многочисленными «общественными нагрузками» и «командировками в дерев-

---

характерные названия: не только «Владимир Ильич» и «Володарский», но и «Красный путиловец» и даже «Красный Петрогубфин». См.: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 33–34.

[1] По некоторым данным, к середине 1922 г. в Москве было зарегистрировано 238, а в Петрограде – 99 издательств. В действительности из них работало менее половины (*Зима В.Ф.* Человек и власть в СССР в 1920–1930-е годы: политика репрессий. М., 2010. С. 51). В этом же году появились Главное правление по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР (Главлит, цензурный комитет, просуществовавший под разными вывесками до конца советской власти) и в 1923 г. – Главрепертком. Характерно, что Главискусство работало под двойным руководством – ЦК ВКП(б) и ВЧК–ОГПУ (*Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 234). Главрепертком видел свою основную задачу в «оздоровлении» кинематографа, в избавлении от «мусора», переполнявшего кино. См.: *Brovkin V.* Op. cit. P. 83.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 30. Л. 208–209.

[3] Первый вариант картины был отвергнут Молотовым, затем Енукидзе с Ворошиловым одобрили другой. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 94. Л. 8.

ню»[1]. Представители интеллигенции заявляли, что нынешние правители при всей своей управленческой бездарности «собаку съели в подкупе и растлении нравов»[2]. Некоторые этому сопротивлялись. Еще в 1927 г. творчество АХРР было названо «героическим сервилизмом»[3]. В мае 1928 г. царедворствующий Бродский был исключен из АХРРа за «коммерческо-предпринимательскую деятельность, как собственник аукционного зала», руководствующийся «материальной выгодой, а не идеологическими соображениями»[4]. Тем не менее в апреле 1929 г. было пышно отмечено 25-летие его творческой деятельности. Председательствовавший на собрании К. Чуковский огласил многочисленные приветственные телеграммы[5]. В 1934 г. Бродский первым из художников был награжден Орденом Ленина.

Другое значительное объединение «Общество художников-станковистов» (ОСТ), созданное в 1925 г. выпускниками ВХУТЕМАСа[6], также стремилось к осмыслению современности с помощью новых изобразительных средств – наиболее видным из них это удалось. «Общество художников 4 искусства» возникло в 1924 г. на месте «Голубой розы» и «Мира искусства»[7] – работы этого объединения были отмечены новаторскими поисками. В 1927 г. из бывших членов «Бубнового валета» возникло «Общество московских живописцев», сохранившее приверженность «русскому сезаннизму»[8]. Самостоятельность сохранял П. Филонов, в прошлом анархист, вокруг которого образовалась самостоятельная школа[9]. В отличие от кубистов Филонов словно пытался не формализовать «слишком сложную» действительность, а, напротив, уловить и запечатлеть сложнейшие эманации невидимого мира. Наряду с этим в 1927 г. оформился коллектив «Мастеров аналитического искусства»[10]. Каждый из авторов

---

[1] *Левина Ж.Е.* «Халтура», «служба», «творчество»: отношение к труду как способ самоидентификации сибирской художественной интеллигенции (1920–1960-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2011. № 2. С. 130–133.

[2] *Шапорина Л.В.* Дневник. Т. 1. М., 2011. С. 91.

[3] *Брик О.М.* За политику! // Новый Леф. 1927. № 1. С. 20.

[4] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 14 об., 15 об.

[5] Там же. Л. 29.

[6] Среди них были А. Дейнека, Д. Штеренберг, А. Лабас, Ю. Пименов, П. Вильямс, А. Гончаров, А. Тышлер.

[7] Входили П. Кузнецов, В. Фаворский, К. Петров-Водкин, М. Сарьян, А. Карев, Е. Бебутова, А. Остроумова-Лебедева, В. Мухина, К. Истомин, А. Щусев и др. Их поиски «новых живописных форм» были призваны «возбуждать эмоции и находить доступ к сердцу человека».

[8] В их числе Р. Фальк, И. Машков, А. Лентулов, И. Грабарь, В. Рождественский.

[9] Среди них Н. Евграфов, С. Закликовская, П. Кондратьев, Т. Глебова, И. Суворов.

[10] «Аналитическое искусство» высмеивали. См.: Бегемот. 1927. № 21ё. С. 10.

пытался найти собственный стиль, периодически впадая, однако, в подражательность.

Все экспериментировали с формой, пребывая в убеждении, что так или иначе отражают новую духовность. Однако при взгляде на слишком вольно ведущую себя на их полотнах натуру и буйство красного цвета, видно что они скорее следовали за распадом старых структур, порожденным войной и революцией. Живописное упоение хаосом не может продолжаться долго: смерть формы соответствует умиранию реальности, витализация последней, напротив, предполагает умиление примитивом. Отрыв от действительности вызывает попятное движение – также в радикальных формах.

В это время успешно работал близкий к анархистам К. Малевич. Еще в годы Гражданской войны в театре Мейерхольда он в духе «конструктивного» супрематизма оформлял постановки «Мистерии-Буфф» Маяковского. В 1924 г. он стал директором Государственного института художественной культуры (ГИНХУК) в Ленинграде. В Москве другой Институт художественной культуры (ИНХУК) находился под влиянием В. Кандинского, хотя тот эмигрировал еще в 1921 г. Авангардисты воспринимали революцию как естественный итог «прогресса». «В наш век противоречивых впечатлений, разорванного сознания, расцвета механики, господства машины и науки кубизм действительно является современным искусством», – писал И.В. Клюн[1], пытавшийся вместе с тем вырваться из «кабалы натуры» с помощью «искусства цвета». Аналогичным образом А.А. Экстер настраивала, что только с помощью интенсивного цвета всякая композиция обретает внутренний ритм и равновесие, а А.Г. Тышлер устремился к «цветоформальному построению красного цвета» (знаменитое полотно 1922 г.). Но, признавая революцию и по-своему отражая ее порывы, авангардисты сомневались в «классовости» искусства. Малевич заявлял, что «новое беспредметное искусство» не служит ни буржуазии, ни пролетариату[2]. Действительно, тогдашнему художнику было проще разложить жизненный хаос на геометрические фигуры и доминирующие цвета, нежели искать в нем «классовое» содержание. Впрочем, наметились и попытки возрождения цельных образов.

Не сомневались в революции и «левые» реалисты. Члены АХРР в июле 1922 г. организовали выставку, посвященную быту Красной армии[3]. «Эклектичный» Ю. Анненков, автор знаменитого портрета Ахматовой, с готовностью взялся запечатлеть Троцкого. С. Чехонин

---

[1] *Клюн И.В.* Указ. соч. С. 289.

[2] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 147–148.

[3] *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 225. Сложилось мнение, что до 1925 г. АХРР занимался «утверждением революционных и бытовых сюжетов при отсутствии живописных данных. См.: Новый зритель. 1925. № 11. 17 марта. С. 13.

живописал на пергамене Ленина и Зиновьева – предполагалось, что портреты будут вручены им от имени Коминтерна[1].

Революция легче всего увлекала людей, по роду своих занятий призванных отделять воображаемое от действительного. Верить в революцию в это время, помимо крайних доктринеров, могли только те, для кого истинной реальностью становились стимулируемые ею футуристические образы.

Не удивительно, что многие литераторы старшего поколения безнадежно рвались за границу[2]. На редкость унылое письмо 6 мая 1920 г. Ф. Сологуб направил Л.Б. Каменеву. Он уже обращался к Луначарскому и Троцкому, жалуясь, что в новой России невозможно существовать на заработок переводчика. Его беспокоил вопрос: «нужна ли сейчас России литература, нужны ли поэты»? При этом он уверял, что «очень любит Россию», а в прошлом оказал «достаточно услуг» делу ее освобождения[3]. Сологубу все же удалось опубликовать в 1921–1922 гг. несколько поэтических сборников и роман «Заклинательница змей». В 1924 г. в Александринском театре торжественно отмечалось 40-летие его творческой деятельности. Но «своим» для новой власти этот – «наиболее реакционный», по словам Маяковского, – поэт не хотел, да и не мог, стать.

Сологуб лукавил перед властью так, как некогда крестьяне перед барином. Из большевистской России ему не суждено было выбраться. Та сатира, которой он действительно служил России, теперь была не нужна. И, разумеется, менее всего большевики хотели стать объектом осмеяния из-за границы.

Впрочем, были и такие литераторы, что с триумфом возвращались. «Из Берлина приехал граф Алексей Толстой, – отмечал М. Булгаков. – Держит себя распущенно и нагловато. Много пьет»[4]. Возвра-

---

[1] *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 342. Позднее Ю.П. Анненков сделал выразительный портрет Э.М. Склянского – заместителя Л.Д. Троцкого.

[2] С апреля 1919 г. заграничные паспорта выдавались только лицам, отъезд которых не вызывал возражений наркоматов военных и внутренних дел. С сентября 1921 г. были установлены довольно высокие пошлины на получение паспортов и виз. Еще более строгие правила были установлены 10 мая 1922 г.: требовалось шесть документов, включая поручительство двух благонадежных граждан РСФСР, а также справку с места работы, подтверждающую отсутствие возражений к отъезду. См.: *Мэтьюз М.* Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 56–57.

[3] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 144. Л. 36–36 об. А. Луначарский считал Ф. Сологуба, жена которого была родственницей наркома, «ненавистником пролетариата». Вряд ли это справедливо: Сологуб просто обладал желчным характером. Большевистские верхи то соглашались, то отказывались выпустить Сологуба за границу. См.: *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 117–118, 319.

[4] Михаил и Елена Булгаковы. С. 25.

тился и Андрей Белый, который тут же принялся обличать эмиграцию и западную цивилизацию, обещая, что умрет от «издыхания и голода, но не вернется за границу»[1]. Одних большевистская власть давила (чаще по-тихому), других покупала.

Болезненнее всего интеллигенция ощущала утрату веры в мировую революцию. В 1922 г. даже знаменитый физиолог И.П. Павлов, человек правых убеждений, засомневался:

> Эта революция стоила нам невероятных издержек, страшнейшего разрушения. А что... если мировой революции не случится? А без мировой революции и наша не может существовать – вот аксиома... Вот это тупик[2].

Вера в чудо беспокоила даже трезвые умы, проблема «исторического выбора» притягивала широкие круги населения. Реагировали по-разному. Так, Марина Цветаева, совсем недавно воспевавшая белогвардейцев, увлеклась большевиком, представшим ей в образе былинного богатыря[3]. Постреволюционная «пустота» заполнялась гремучей смесью утопий и предрассудков, надежд и опасений. На деле все определяется «износом мечты». «Революции приносят с собой... новые законы, но ничего не меняют в жизни – пошлость процветает и даже с новой силою... – констатировал Б. Григорьев. – Оттого и сильна пошлость жизни, что является именно массовою силою...»[4] На таком фоне первобытные страхи стали проникать и в культурные верхи, которые, казалось, еще вчера знали, «что делать».

Власть взялась маркировать себя и жизненное пространство нелепым образом. В январе 1921 г. Ялта стала Красноармейском, в 1923–1924 гг. прокатилась волна переименований – похоже, выдыхающийся революционаризм пытался напомнить о себе[5]. Невский проспект превратился в проспект 25 Октября и оставался таковым до 1944 г.

---

[1] «Немцев он совершенно не может выносить... ненавидит французов», – так отзывались о его поведении. Париж он называл «проклятым местом разгула цивилизованного нахала», говорил «о духовном разложении, умирании и гниении эмигрантов». См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925. М., 2010. С. 596.

[2] Цит. по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Иван Павлов и Николай Бухарин: от конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С. 96.

[3] В немалой степени ее впечатляло то, что «русский богатырь» Борис Бессарабов «обожал церковные службы» и «брал на себя все грехи советской власти». В скором времени он решил выйти из партии, но при этом заявлял: «У меня есть две вещи на свете: Революция – и Марина». См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 22–24, 33, 36.

[4] *Григорьев Б.* Указ. соч. С. 97.

[5] В 1923 г. Гатчина стала Троцком; в 1924 г. Елисаветград стал Зиновьевском. Заводы и фабрики также получали «революционные» имена.

Прочие топонимические эксперименты были еще более удивительными. Дворцовая площадь стала площадью Урицкого (Таврический дворец был переименован в его же честь)[1], Владимирская площадь и Владимирский проспект получили имя Нахимсона. Бывший царский пригород Павловск стал Слуцком. Другая императорская летняя резиденция, Гатчина, была переименована в Троцк.

Для масс напоминания о революции подчас звучали провокационно. В бывшей столице появились ситценабивная фабрика им. Веры Слуцкой, табачная фабрика им. Урицкого, швейная фабрика им. Володарского[2]. Революционно-местечковая топонимика стала источником антисемитского злословия. В Саратове топонимические эксперименты приобрели почти символическое звучание. И. Ильф и Ю. Олеша рассказывали М. Булгакову о двух трамвайных маршрутах: «Площадь Революции – тюрьма» и «Площадь Советская – тюрьма»[3].

Переименования происходили и в глубинке. В Томске говорили, что «коммунисты сходят с ума»: Миллионная улица стала Коммунистическим проспектом, Почтамтская – Ленинским проспектом, Соборная площадь превратилась в Площадь революции, Дворянская улица – в улицу Равенства, Духовская – в Карла Маркса и т. д.[4] Агрессивное стремление выдать желаемое за действительное приняло навязчивый характер, что порождало символичные ассоциации. Иногда этому сопротивлялись. Крестьяне с. Рахманка (Пензенская губ.) 8 января 1925 г. составили приговор о том, что ликвидация Керенского уезда им «невыгодна»[5]. Как видно, местное начальство воспользовалось кампанией по «укрупнению» административных единиц (надежных кадров для руководства ими попросту не хватало), чтобы стереть память о А.Ф. Керенском[6] (он действительно происходил оттуда). На интересы крестьян им было наплевать.

---

[1] «Нет, не понесут эти площадь и дворец слишком долго эти неудачные названия», – полагал историк Г. Князев, считавший, что Урицкий – «тот же жандарм» (*Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 149). На деле Урицкий вовсе не отличался кровожадностью. См.: *Рабинович А.* Моисей Урицкий: Робеспьер революционного Петрограда? // Отечественная история. 2003. № 1.

[2] *Бейзер М.* Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим; М., 1999. С. 103.

[3] Михаил и Елена Булгаковы. С. 39.

[4] *Кокоулин В.Г.* Повседневная жизнь Томска (декабрь 1919 – март 1921 г.) // Сибирь. Деревня. Город / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск, 2011. С. 9.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 97.

[6] А. Ф. Керенского в сатирической печати называли «тот, кто получает пощечины»: в первый раз во время доклада его ударила женщина, в Чикаго он получил оплеуху от мужчины. См.: Бегемот. 1927. № 10. С. 1.

Парадоксальность культурной ситуация отражала одежда: с одной стороны, пролеткультовская «антимода», призванная освободить людей от прежнего культурного диктата, с другой – попытки утвердить новые образцы, оптимально соединяющие в себе начала функциональности, удобства, красоты и изящества[1]. Мода соответствовала социокультурному расслоению. Множились «моссельпромовские» уродства, с юмором висельника высмеиваемые М. Зощенко, а тем временем известные художники-авангардисты (В. Степанова) готовы были экспериментировать даже с женским бельем. В конечном счете победило стыдливое подражание западной моде.

Квазиидейные подвижки отражала этикеточная разноголосица. Так, в городах появились «попутнические» вывески вроде «Самтруд», рядом обнаруживались «новобуржуазные» – «Сад фантазия», «Аркадия», «Родник». Казалось, никто не замечал оксюморонной дикости «приспособленческого» новояза – «Красная синька», «Красный одеяльщик»[2]. На знаменитом доме Моссельпрома в Москве (1925 г.) красовалась реклама конфет «Мишка косолапый» и пива «Друг желудка» (А.М. Родченко). Здесь же поместили знаменитый лозунг Маяковского: «Нигде кроме, как в Моссельпроме».

Конфетные этикетки отражали многообразие сладостных устремлений постреволюционного бытия. Карамель «Буденовка» с несущимся всадником в красноармейской шапке передавала эстафету карамели «Кооперативной»; выпускались конфеты «СССР» «Совторгфлот», «Тир», «Красин». Известны были сладости под названием «Промышленность», «Народные», «Червонец», «Пионеры», «Наша индустрия» (в сопровождении странноватых стихов: «Пароход хорош, идет к берегу, / Покорит наша рожь всю Америку»). Звучали и голоса прошлого (некоторые из них пережили эпоху) – «Версаль», «Чио-чио-сан», «Шалость». Футуристические образы («Путешествие вокруг луны» Жюль-Верна) легкомысленно соседствовали с «Багдадским вором» (навеяно кинематографом). Некоторые конфетные бумажки отражали увлечение гипнотизмом. Этикетка со схематическим изображением ковра и надписью «Хива» свидетельствовала, что в сознании современников сохранялся образ экзотического вассального государства, которое сменила советская республика Хорезм[3].

---

[1] См.: *Журавлев С., Гронов Ю.* Красота под контролем государства: особенности и этапы становления советской моды // The Soviet and Post-Soviet Review. 2005. Vol. 32. No. 1. P. 16–19.

[2] *Вагинов К.К.* Забытая книга: Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М., 1989. С. 408.

[3] Там же. С. 426, 469–470; *Борисов И.* Упаковка – дело серьезное // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 520.

Вообще реклама тех лет поражает своей агрессивной пошлостью. Так, в Астрахани в кафе Шарлау красовался плакат, изображавший висельника, – тот удавился, так как не удосужился приобрести билет в Луна-парк[1].

Хаос вырождается в пошлость, пошлость требует легализации в качестве нормы. Бюрократия отрывает слова от смыслов; утопия, совокупившись с традицией, выстраивает ложные ряды симулякров. Все это становилось заметно в обыденной жизни. «Скоморохи скачут только туда, где щедрая рука сыплет предметами первой необходимости», – ядовито комментировал Б. Григорьев[2].

Иные бытовые контрасты казались символичными. М. Кольцов описал ситуацию в престижной московской школе № 19 им. Короленко. Здесь высококлассные педагоги обучали детей партийной элиты, нэпманов, спецов и даже двоих выходцев из рабочих. Коммунисты терпели «классово чуждых» – те содержали школу, нэпманы, со своей стороны, мирились с коммунистической вывеской на «своем» заведении[3].

Впрочем, народ, казалось, не замечал всего этого. Он жил попрежнему изолированной и первозданно ритмичной жизнью. Пьянство не было новостью для России. На протяжении 1920-х гг. страна вернулась к дореволюционному уровню потребления спиртного. Вместе с тем в поклонении Бахусу появилось нечто новое. Россия знала «необъяснимые» взлеты народного пьянства (в 1863 г. было выпито вдвое больше среднестатистических данных конца XIX в.[4]). Но теперь в ритмике наркотизации возникли странности и даже загадки.

Осенью 1922 г. – после окончания голода – начался общероссийский деревенский запой. Его масштабы намного превысили ритуальные возлияния, связанные со сбором урожая[5]. Факторами экономическими – крестьянам в 5–7 раз было выгоднее решить налоговую проблему, продавая самогон, а не зерно – случившееся объяснимо лишь частично. Всплески экстраординарной потребности в суррогатах отмечались и ранее[6]. Многие сельские общества словно возна-

---

[1] Красный смех (Астрахань). 1922. № 2. С. 11.

[2] *Григорьев Б.* Указ. соч. С. 106.

[3] *Кольцов М.* Выстрел в школе // Революция и культура. 1928. № 11. С. 28.

[4] См.: *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74.

[5] См.: *Herlihy P.* Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking // Russian Review. 1991. № 2.

[6] В 1917–1918 гг. на Юге России гнали «кишмишевку», на Южном Урале – «кислушку», севернее – «кумышку», в Северной Осетии – араку и т. п. В Сибири обнаружилась «кобылка», якобы жадно пожиравшая урожай зерновых. Одна из сатирических газет пояснила, что «кобылка» – это всего лишь самогон, производимый из муки (При-

мерились пропить все. В пьянство втягивались дети и милиционеры, священники и красноармейцы, коммунисты и нэпманы. Общенародное «единение во хмелю» пошло на убыль лишь с началом весенних полевых работ[1]. ОГПУ сообщало, что

> крестьяне, выполнив продналог, поголовно занялись выгонкой самогона. Вместе с крестьянами пьют и сотрудники милиции. Пьянство развито также среди совработников: председателей сель- и волисполкомов, продинспекторов и секретарей и членов волпарткомов. Пьянство развито также и среди сельского духовенства. Отмечены случаи поголовного пьянства целыми деревнями[2].

Власть пребывала в недоумении.

Чем объяснить этот феномен? Складывается впечатление, что налицо было своего рода языческое празднество чуда спасения от ужасов войны и голода. Затем все вернулось на круги своя. «Революция больше разорвала, нежели создала что-то новое», – констатировали исследователи[3].

В деревенском пьянстве проявили себя и некоторые специфические черты. Были случаи, когда пьяные продинспектора, словно перепутав, что практичнее выколачивать из крестьян – то ли продналог, то ли самогон с закуской и девками, – подвергали данников издевательским экзекуциям[4]. Случалось, что местные начальники-коммунисты разрешали крестьянам ставить самогонные аппараты и пьянствовали вместе с ними[5]. На почве хмельной одури слов-

---

уральский пулемет. 1918. № 2. С. 15). В Курской губернии «гнали самогон из бураков... получался "недурной квасок"» [*Яковлев Я.* Деревня как она есть. (Очерки Никольской волости). М., 1923. С. 111]. В Ижевск после разрешения продажи водки крестьяне продолжали завозить кумышку (*Бехтерева Л.Н.* Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы. Ижевск, 1999. С. 69), в Северной Осетии араку поставляли из горных селений. См.: РГАСПИ. Ф. 613. ОП. 2. Д. 44. Л. 30.

[1] См.: *Павлюченков С.А.* Веселие Руси: Революция и самогон // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 133–142. С ноября 1922 г. ужесточилось наказание за коммерческое производство самогона – не менее 3-х лет лишения свободы.

[2] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. М., С. 519. В 1923 г. в Алтайской губернии отрицательно относились к самогоноварению 31,9 % крестьян, безразлично – 30,9 % положительно – 37,2 %. См.: *Кузнецов А.И.* Самогоноварение в сибирской нэповской деревне как фактор конфликта между крестьянством и властью // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 80–81.

[3] *Тан-Богораз В.Г.* Предисловие // Революция в деревне. Очерки / под ред. В.Г. Тан-Богораза. Ч. 1. М.; Л., 1924. С. 17.

[4] *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 134–137.

[5] Отмечен и такой случай: в Красноярской губернии в коммуне «Красная звезда» четверо партийцев убили своего товарища-коммуниста за «донос о скрытых посевах и о выделке самогона». См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 583.

но рождалось «опьянение от власти» – явление симптоматичное. В 1923 г. Ворошилов ставил рядом проблему самогона и взяточничества на Северном Кавказе[1] – здесь производили сивуху даже партийные работники[2].

И хотя в последующие годы столь интенсивному поклонению Бахусу деревня уже не предавалась, производство самогона почти не уменьшалось[3]. Похоже, что деревня печально запивала горечь от «смычки» с городом[4]. Характерно, что крестьяне игнорировали книги атеистического, политического и даже исторического содержания. Налицо было отторжение от навязываемой «пролетарской культуры»[5]. «Движения за трезвость», сравнимого с довоенным[6], отмечено не было – самогоноварение пошло на убыль лишь по мере привыкания к водочной монополии[7]. Впрочем, эпизодически производство хмельной дури – в самогон, по преимуществу хлебный, стали добавлять и купорос, и даже белену – вновь возрастало. «Пьют всегда сообща, пьют зимой и летом», – так описывались попойки, на которых могли пропить все что угодно: «мирского быка», общинные

---

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 87.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 111.

[3] По официальным данным, в 1922 г. зафиксировано 94 тыс. случаев самогоноварения, в 1923-м – 191 тыс., в 1924-м – 275 тыс. (*Сажин И.В.* Что надо знать о спиртных напитках. Библиотека журнала «Гигиена и здоровье». Вып. 7. М., 1925. С. 4). В 1924 г. газета «Московский крестьянин» в статье «Пьяная волость» сообщала, что «Запонорская волость Орехово-Зуевского уезда имеет 300 самогонщиков» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 176). В связи с запретами обнаружились «странствующие самогонщики». См.: Скорпион. 1924. № 1. С. 3.

[4] Голос народа. С. 120, 126, 128, 130, 131, 135, 136. Большевистские пропагандисты в борьбе за «смычку» усиленно «связывали» городские партийные ячейки с деревней. См.: РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 4. Л. 77–80.

[5] *Мелентьева Ю.П.* Социологические исследования чтения российского крестьянства (XIX–XX вв.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М., 1999. С. 263. Сомнительно, чтобы крестьяне оценили «Песнь атеистов» для смешанного хора, сочиненную А.В. Луначарским на музыку В.И. Анпилогова, или «пьесу для крестьянского театра» «Старуха на духу», написанную С. Городецким. Последний, кроме того, выдавал такие стихи для плакатов: «Для крестьян вера – дурман; для попов – прибыль в карман», «Из разбойничка во угодничка» (про священника). Кроме того, Городецкий в стихотворной форме комментировал «Отче наш». См.: Безбожный крокодил. 1924. № 4. 24 февраля. С. 2–3.

[6] См.: *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 151.

[7] *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя... С. 77. В 1927 г. число осужденных за самогоноварение уменьшилось сравнительно с 1924 г. более чем в 5 раз. См.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 198.

владения и т. п.[1] Пьянство сопровождалось озлобленностью – «недоэкспроприированными» помещиками, «кулаками», землеустроителями, бюрократами, просто соседями[2].

Производство суррогатов стало настолько обычным для деревни, что А. Платонов в рассказе «Родина электричества» поведал о выгонке «самогона особой крепости для снабжения мотора»[3].

Парадоксально, но смена курса на водочную монополию осуществлялась под лозунгами «борьбы с самогоном» и временной уступки «культурной отсталости»[4]. Рабкорам внушали, что «самогон в несколько раз вреднее водки». Осталось только добавить, что водка – средство борьбы с алкоголизмом[5]. Над подобными приемами «вытеснения алкоголизма» массы посмеивались.

Медленно, но неуклонно пьянела городская среда. По некоторым данным, дореволюционная пролетарская масса была криминогеннее деревенской среды в 19 раз[6], что было, естественно, связано с потреблением спиртного. Возвращение к прежней ситуации происходило с характерными нюансами – самогонщики появились в городах[7]. Из Астрахани (здесь потребляли «кишмишевку») сообщали, что на Форпосте (пригород) «пьянство начинает приобретать уже хулиганский оттенок»[8]. В Вятке сочинили такие куплеты: «Раньше пил я политуру, / А теперь пью самогон, / Знаю я свою натуру – / У меня ума вагон»[9]. Крупные города становились прибежищем всевозможных «лишенцев», стремившихся затеряться в них. Власти заметили это с запозданием. Стигмат «лишенчества» был призван разгородить

---

[1] В данном случае по этой части отличились в Ярославской губернии. См.: Правда. 1927. 28 июня.

[2] Голос народа. С. 82, 83, 85, 86, 89, 94, 102, 105, 109, 110, 115, 138, 213, 215, 218, 219.

[3] Напротив, в городе пили «облагороженный» бензин, именуемый «автоконьяк». См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 245.

[4] Возможность отказа от «сухого закона» в порядке борьбы с самогоноварением обсуждалась в верхах с 1921 г. См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 2001. № 2. С. 66–87.

[5] Правда. 1925. 18 декабря. В 1925 г. реклама пива (А. Родченко) гласила: «Трехгорное пиво выгонит вон ханжу и самогон» (В. Маяковский).

[6] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 95.

[7] В Оренбурге за вторую половину 1922 г. было выявлено 353 самогонщика, изъято 134 самогонных аппарата. Было обнаружено 58 домов терпимости, зарегистрировано 137 проституток, раскрыто множество уголовных преступлений. См.: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 164.

[8] Красный смех (Астрахань). 1922. № 2. С. 10.

[9] Карусель (Вологда). 1922. № 5. С. 10.

не только социальное, но и культурное пространство[1], однако возведенные барьеры оказались проницаемыми. Обезлюдевшие за годы Гражданской войны города (за исключением южных) восстановили численность своего населения лишь в 1925 г.

Население Петербурга–Петрограда (выросшее в 1913–1917 гг. с 2,1 до 2,4 млн чел.) к 1921 г. упало до 740 тыс.; в 1923 г. оно составляло более миллиона, а дореволюционной численности достигло в 1931 г.[2] Однако в сознании питерских рабочих сохранялись элементы классовой агрессивности старого типа – в 1923 г. из их среды исходили предложения о том, чтобы общегражданский налог платили только «нэпманы и другие захребетники»[3]. Бывшая столица вновь концентрировала в себе симптомы общероссийских напастей. В других местах мигранты также наполняли социальное пространство семенами новой, поначалу диффузной агрессивности.

В начале 1920-х гг. казалось, что спекулянты произвели настоящее чудо возрождения[4]. В Москве состоятельная публика по-детски радовалась изобилию. «Есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы – все»[5], – изумлялся М. Булгаков. Нэповская жизнь «разворачивалась»: «спрос имели хорошие сервизы, ковры, портьеры (гобеленовые), картины, бронза, фарфор»[6]. «По домам крестьянки разносили прекрасный творог, сметану, молоко, масло»[7], – вспоминали одни современники. «Москва расцвела богатыми витри-

---

[1] В число лишенцев попадали и душевнобольные, и старьевщики, и шарманщики. В Крыму в 1926 г. к лишенцам причисляли слепых, безруких, инвалидов, лиц старше 60 лет (*Серокурова Л.А.* Проблема «лишенцев» в Севастопольском регионе в 1920–1930-е годы // Социальная история. Ежегодник, 2008. СПб., 2009. С. 292). Следует согласиться с авторами специального исследования: практика лишения избирательных прав преследовала не просто классовые, но и «социально гигиенические» цели (см.: *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1998. С. 129–132) – это была обычная для революционного времени попытка отделения «чистых» от «нечистых».

[2] См.: *Ваксер А.З.* Политические и экономические катаклизмы в России XX века и население Петрограда–Ленинграда–Санкт-Петербурга // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 347–348.

[3] Цит. по: *Яров С.В.* Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. С. 81.

[4] *Ball A.M.* Russia's Last Capitalists. The Nepmen, 1921–1929. Berkeley and Los Angeles, 1990. P. 15–16.

[5] Михаил и Елена Булгаковы. С. 18.

[6] *Миклашевская Л.* Повторение пройденного. Из воспоминаний // *Миклашевская Л., Катерли Н.* Чему свидетели мы были. СПб., 2007. С. 161.

[7] *Виттенбург Е.П.* Павел Владимирович Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа (воспоминания дочери). СПб., 2003. С. 113.

нами»[1], – писали другие. Повсеместно открывались игорные заведения[2]; парадоксально, но казино содержал Помгол (Помощь голодающим)[3]. Вместе с тем, как писал В. Катаев, на всем лежал отпечаток «какого-то временного, незаконного богатства, жульничества, наглости, мещанства, смешанных со скрытым страхом». По рукам ходила масса суррогатных денег – свою «внутреннюю валюту», именуемую то марками, то талонами, выпускали самые различные организации. Спекулянты, богатевшие на своевременном сбросе выходящих их обращения купюр, пользовались особым сленгом: тысяча рублей именовалась «куском», миллион – «лимоном», миллиард – «лимонардом» или «арбузом»[4]. Финансовый хаос порождал массовый азарт. Казалось, что города захвачены всеобщим ажиотажем. Открывалось множество ресторанов и кабаре с экзотическими

---

[1] *Баранская Н.* Странствия бездомных. Жизнеописание. М., 1999. С. 299.

[2] В годы «военного коммунизма» игральные карты были запрещены. 9 ноября 1921 г. продажа карт была разрешена. Повсеместно стали возникать игорные заведения, местные власти периодически ограничивали их работу (Азартные игры в СССР середины 20-х годов. Публ. А.Н. Чистикова // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 139). В январе 1923 г. Дзержинский предлагал чекистам задуматься о работе «картежных домов»: не приносит ли использование их для «высасывания от спекулянтов и совворов их "прибылей" в пользу государства» больше вреда, чем пользы (*Ф.Э. Дзержинский – председатель* ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 457). Административный отдел Орловского губисполкома 15 октября 1926 г. сообщил об «эксплоатации в г. Орле одного заведения для игры в лото, преферанс, рамс, 66, домино». Помимо перечисленных им были запрещены еще три азартные игры (ГА ОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 79. Л. 13). К 1930 г. все игорные заведения в Москве были закрыты.

[3] Председателем Помгола был Л.Б. Каменев, почетным председателем – В.Г. Короленко. В работе Помгола активное участие принимали кооператоры и общественные деятели, в том числе Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович, некоторые члены ЦК кадетской партии, включая Н.М. Кишкина, специалисты-аграрники (А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и др.), представители Академии наук, деятели культуры (К.С. Станиславский, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр), толстовцы, большевики (А.В. Луначарский, М.М. Литвинов и др.). Ленин именовал эту организацию «Кукиш» (от фамилий Кусковой и Кишкина). После того как стало известно, что некоторые помголовцы позволяют себе критику властей, последовали аресты и высылки. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 140–142; *Куренышев А.А.* Московское общество сельского хозяйства и власть, 1818–1929 гг. // Историк и его время. Воспоминания, публикации, статьи. М., 2010. С. 247–249.

[4] *Чуканов И.А., Чуканова А.И.* Нэповская денежная реформа и особенности ее проведения в Среднем Поволжье (1922–1924 годы) // Экономическая история. 2010. № 4(11). С. 48–49. В ходу были шутки: «В лимонах обретешь ты право свое» (парафраз эсеровского девиза); «Покажи мне свои лимоны, и я скажу, кто ты»; «Лимон картошке не товарищ»; и т. п. (*Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007. С. 61). Говорили и так: «Триллион украдешь – друзей наживешь». См.: Карусель (Вологда). 1922. № 5. С. 7.

и «антисоветскими» названиями[1]. Осенью 1922 г. К. Чуковский так комментировал происходящее:

> Мужчины счастливы, что есть на свете карты, бега, вина и женщины; женщины с сладострастными пьяными лицами прилипают грудями к оконным стеклам на Кузнецком, где шелка и бриллианты. ...Любовь к вещам и удовольствиям страшная... Все живут зоологией и физиологией... Психическая жизнь оскудела: в театрах стреляют, буффонят, увлекаются гротесками... Но во всем этом есть одно превосходное качество: сила[2].

К этому следовало бы добавить: дурная сила – некоторым казалось, что ритм нэповской Москвы «заведен недоброй рукой»[3]. Происходящее раздражало большевистских руководителей среднего звена. Будущий «железный нарком» Ежов, оказавшись в ноябре 1922 г. в Москве, писал: «Нэп малость достает. Дороговизна невероятная, например, фунт масла стоит 8–10 м[иллионов], сахару 8–18 м. Хлеб фунт белый – 1 м. 200 тыс., черный – 400 тыс., словом, все кричат караул»[4]. Примечательно, что в 1923 г. постановлением ЦК РКП(б) коммунистам было запрещено ношение драгоценностей на публике, но это не уберегло от соблазнов на местах[5].

---

[1] В Москве в Мамонтовском переулке появилось кабаре «Не рыдай», на Тверской расположилось «Кафе поэтов», на углу Тверской и Гнездниковского переулка – «Стойло Пегаса», учредителями его были Есенин, Мариенгоф, Шершеневич (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 221–222). В Петрограде на Морской открылся интимный ресторан «Жизнь театра», на Итальянской улице – кабаре «Хромой Джо», на Садовой – «Балаганчик» и «Прага» [*Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский: «Новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010. С. 27]. В Казани имелись рестораны «Центральная биржа» и «Студент» с кабинетами и отдельными выходами (*Гатауллина-Апайчева И.А.* Среднее Поволжье в годы новой экономической политики. Социально-экономические процессы и повседневность. Казань, 2007. С. 359). На родине еще живого Ленина открылись ночные рестораны «Медведь», «Пассаж» и «Батум», предлагавшие выступления куплетистов, исполнителей цыганских романсов и «интимных песенок». См.: *Кочепасова Т.Ю.* Песни улицы: образы нэпа в городской эстраде Симбирска (1921–1925 гг.). Ульяновск, 2000. С. 3.

[2] *Чуковский К.* Дневник. С. 218.

[3] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 447. В ноябре 1923 г. Л. Лунц писал К. Федину, что Москва «не мать русских городов», а «б... русских городов» (*Лунц Л.Н.* Указ. соч. С. 455). В 1925 г. одессит С. Кирсанов сообщал, что «Москва по горло занята делом... статьи, деньги, дела, авансы, службы, десяток сплетен и все... сплошная бухгалтерия» (Морія. 2006. С. 149–150). В 1927 г. журналист С. Алымов, напротив, видел в московской толпе «вечный вихрь карнавальных красок». См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 7.

[4] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 267. Л. 13 об.

[5] *Brovkin V.* Op. cit. P. 150; *Вихавайнен Т.* Указ. соч. С. 171.

Нэповское эпикурейство носило эфемерный характер – торопились урвать, не веря в устойчивость ситуации[1]. Впрочем, один из «возвращенцев», интеллигент, бывший белый офицер, в письме сменовеховцу Н.В. Устрялову из Читы 2 июля 1923 г. рисовал оптимистичную картину:

> ...Жизнь лихорадочная и стремительная, воля к созиданию новых ценностей сразу же бросается в глаза и не может не увлечь за собою каждого... Этот процесс созидания так стремителен, что порою не может не принимать уродливых форм. Одна из них – нэпманство, но за ним уже начинает чувствоваться что-то прочное[2].

В провинции те же процессы, как всегда в России, протекали с запозданием. В любом случае интеллигенция «оттягивалась» не только лихорадочно, но и по-своему изысканно. С начала 1920-х гг. в столицах стали модны «тайные» организации, в том числе «тамплиеры»[3], «Орден Света», «мечисты»[4], розенкрейцеры, анархомистики (группы «Черного креста»)[5] и т. п.[6] ОГПУ утверждало, что даже среди студентов существовали «замкнутые кружки теософов и христиан»[7]. Это были кружки дилетантов, натужно пытающихся скрасить свое существование сочинением «орденских» легенд[8]. Возникший в 1921 г. Креаторий биокосмистов в следующем году прекратил свое существование, но на его месте появилась Свободная трудовая церковь[9]. В 1923 г. большевики прикрыли деятельность «Человечества всеизобретателей-внегосударственников» (бывшего

---

[1] Как только открылись кондитерские, люди стали объедаться пирожными. Когда «устали и кошельки, и желудки», кондитеры стали обещать премию «всякому, кто съест больше двадцати пяти пирожных с кремом». «Многие люди хотели попытать счастья, некоторым даже удавалось выиграть», – вспоминал мемуарист. См.: *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007. С. 188.

[2] Цит. по: *Квакин А.В.* Между красными и белыми. Русская интеллигенция 1920–1930-х годов в поисках Третьего пути. М., 2006. С. 119–122.

[3] См.: Орден российских тамплиеров. Т. 1–3. М., 2003.

[4] От имени священника Сергея Мечева, настоятеля храма Св. Николая на Маросейке. См.: Отец Алексей Мечев. Воспоминания, Письма. Проповеди. Париж, 1989. С. 95.

[5] *Налимов В.В.* Канатоходец. Воспоминания. М., 1994. С. 393; Орден российских тамплиеров. Т. 2. С. 19–21.

[6] См.: *Никитин А.Л.* Мистические ордена в культурной жизни Советской России // Russian Studies. Т. 1. № 4. С. 193–194, 204–222; *его же.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 83–124; 167–175.

[7] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 392.

[8] См.: *Сапон В.П.* «Знакомые по мистике» (Нижегородская анархо-мистическая организация «Орден духа») // Российская история. 2010. № 2. С. 140–141.

[9] *Чернов Д.И.* Анархо-универсалисты в Советской России начала 1920-х годов // Российская история. 2010. № 4. С. 12.

«Социотехникума пананархистов»)[1]. В 1924 г. из Москвы были выселены студенты-«теософы», а также члены «мистико-монархических» кружков «федоровцев»[2]. «Коммунитарная» блажь настораживала власть – тем более что кое-где она сомкнулась с анархистским движением[3]. По утверждениям чекистов, к 1930 г. «Орден света» вел «антимарксистскую» работу не только среди интеллигенции, но и среди «трудящихся»[4].

Кое-кто из подобных «коммунитаристов» пытался прикрыться броней юмора, высмеивая «серьезность» большевиков. Одна из групп молодежи назвала себя «Всемирной ассоциацией ерундистов-биокосмистов»[5]. Все это трудно оценить иначе как болезненную форму самоутверждения «обойденных временем» или «обиженных революцией» людей[6]. Но большевикам было не до тонкостей. В 1929 г. чекисты арестовывали молодых людей из аристократических семей (хотя вскоре многих выпускали), собиравшихся потанцевать «запрещенный» фокстрот[7]. В это же время артисты столичных театров безбоязненно изучали современные танцы под руководством чернокожего американца Генри Скотта. Тот появлялся в сопровождении переводчика, пианиста и ассистентки – «очаровательной и элегантной блондинки». Генри «имел огромный успех у самых изысканных московских дам и зарабатывал в десять раз больше, чем директор

---

[1] *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 69.

[2] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 291.

[3] См.: *Сапон В.П.* «Боевая радуга новой культуры» (Анархо-мистическое движение в Нижегородской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1; *Рублев Д.И.* Из истории леворадикального сопротивления коммунистической диктатуре: анархисты московского региона в середине 1920–1930-х годов // Российская история. 2011. № 4.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1423–1424.

[5] В Иваново-Вознесенске они выступали под лозунгом «Все в жизни ерунда – вот смысл жизни», называя себя себя последователями О. Конта и Мариенгофа. См.: *Соколов В.И.* История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI века. Рязань, 2003. С. 280.

[6] См.: *Сапон В.П.* «Знакомые по мистике». С. 144–145.

[7] *Голицын С.* Записки уцелевшего // Дружба народов. 1990. № 3. С. 104, 116, 120. В начале 1920-х гг. фокстрот считался «пределом публичного разврата» (*Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 79). Тем не менее в 1923 г. в Москве он пользовался бешеной популярностью наряду с тустепом и танго (*Окунев Н.П.* Дневник москвича. 1920–1924. Т. 2. М., 1997. С. 256). «Разврат» распространялся стремительно: в деревне фокстрот именовали «хвост в рот» [*Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926 гг.). М., 1928. С. 226]. А. Белый утверждал, что улавливает в ритме новых танцев «звуки там-тама грядущего дикаря, уже занесшего томагавк на нашу цивилизацию». См.: *Резникова Н.В.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. Беркли, 1980. С. 63.

какого-нибудь военного завода». Первые фокстроты и танго в Москве сочинили композиторы М. Блантер («Джон Грей»), Ю. Хайт («Цветок солнца») и Д. Покрасс[1]. Напротив, в провинции ревнители пролетарского пуризма держались до последнего: танцы запрещались под любыми предлогами[2].

Запреты были бесполезны. «Музыка – это ритм, жизненный пульс,» – заявляла (не в шутку, а всерьез) редакция сатирического журнала[3]. Само социальное пространство периодически взывает к тому или иному ритму. Раньше всех это улавливают художники, сопротивляются им бюрократы. С другой стороны, власть нуждалась в артистах – и в качестве придворных шутов, и для обеспечения зрелищных потребностей масс[4].

В такой обстановке снизу развернулись поиски субкультурных альтернатив большевизму. Идеологи анархо-мистицизма противопоставляли «упадку культуры» замысел преображения человечества с помощью рыцарских «орденских отрядов». Идея была не нова: Сталин мечтал об «ордене меченосцев», оставаясь при этом далеким от мистики. В известном смысле все ждали нового «мессию». А пока анархо-мистики то расклеивали листовки в клубах, то призывали сплотиться вокруг церкви, «униженной, но всемогущей уничтожить второе крепостное право ВКП(б)»[5]. В любом случае попытки противопоставить иерархии государственного насилия своего рода «иерархию духа» оказывались безуспешными.

---

[1] Д.Я. Покрасс, автор «Марша Буденного», начал сочинять романсы еще до революции, а в 1919 г. в Ростове написал «Марш Дроздовского полка». В 1920-х гг. он сочинял музыку для кабаре, театров миниатюр, а равно и революционных спектаклей («Любовь Яровая», 1928 г.). Порой его упрекали за «пошлость» (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 159). В этом не было ничего необычного для музыкальной культуры того времени. И. Дунаевский стал впервые известен «жестоким» романсом «Все как прежде, все та же гитара шаг за шагом ведет за собой» (*Елагин Ю.* Указ. соч. С. 53, 287–288, 310–311). И это происходило, несмотря на то что «пролетарским музыкантам» романс, как и фокстрот, представлялся разновидностью наркотика, противопоказанного строителям нового общества. См.: *Edmunds N.* Music and Politics: The Case of the Russian Association of Proletarian Musitions // Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. No. 1. P. 74–76.

[2] Чудак. 1918. № 1. С. 9; Смехач. 1925. № 11. С. 15. Другой сатирический журнал иронизировал: «Вырабатываются новые клубные танцы, в основу которых положен ряд эмблем революции: взаимное пожатие рук – символ смычки...» См.: Бегемот. 1927. № 4. С. 12.

[3] Карусель (Вологда). 1922. № 1. С. 3.

[4] Чтобы не лишиться возможности «развлекать и отвлекать народ», власть терпела у артистов политический эпатаж и ношение драгоценностей. См.: *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 197.

[5] *Сапон В.П.* «Боевая радуга новой культуры». С. 31; *его же.* «Знакомые по мистике». С. 143.

В России – по крайней мере со времен первых раскольников – периодически возникало жгучее желание «убежать» от власти, ее деспотичной опеки и казенной идеологии, чтобы самостоятельно обустроиться «по завету» или «совести». Кое-что из этого перекочевало в 1920-е гг.[1] Поиски «своей» веры разнообразились – спектр сектантов расширился[2]. Считается, что в 1918–1929 гг. «русские религиозные меньшинства, в частности протестанты, пользовались относительно привилегированным положением по сравнению с Русской Православной Церковью»[3]. Чекисты в конце 1922 г. доносили, что секты «ничем себя не проявляли»[4], а в начале 1923 г. Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства указала ГПУ и НКВД на недопустимость самопроизвольного захвата молитвенных домов сектантов[5]. Но ситуация была неоднозначной. Реакция на появление изуверских сект была жесткой[6]. Государство старалось держать под контролем все конфессии, местные начальники, напротив, горели желанием разом искоренить их. Н.К. Крупская, со своей стороны, в 1928 г. рекомендовала повоенному «въедаться в расположение неприятеля», т. е. вести борьбу внутри самих сект. В 1929 г. циркуляр ЦК ВКП(б) запрещал «ликвидацию молитвенных домов, церквей, школ, синагог, мечетей и костелов по мотивам невзноса налогов» и «аресты религиозного характера»[7]. Это становится понятным, если учесть, что уже в 1924 г., по сведениям чекистов, число осведомителей среди «церковников и сектантов» выросло в 6 раз[8].

История католической церкви на Западе пронизана вековой враждой между императорами и папами, с одной стороны, между истинной верой и ересями – с другой. На этом фоне поразительно бессилие РПЦ в обычной для всякой крупной конфессии борьбе на «два фронта».

---

[1] См.: *Гордеева И.А.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 221–222.

[2] *Plaggenborg S.* Revolutionskultur // Beitrage zur Geschichte Osteuropas. Bochlau, 1996. Bd. 21. S. 313.

[3] *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. С. 58.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 19.

[5] *Савин А.И.* Комиссия по проведению Декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б)/ВКП(б) и протестантские церкви в 1922–1929 годы: аспекты взаимоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. Вып. 4. С. 40–41.

[6] *Naiman E.* The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997. P. 27.

[7] Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 604, 616.

[8] Архивы Кремля. Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922–1925. Новосибирск; М., 1998. С. 442.

Причины усиления сектантства были многообразными. Некоторые молодые люди шли к сектантам для отказа от службы в армии[1]. Правительство постаралось элиминировать эту тенденцию, признав в 1920 г. право отказа от военной службы только за сектами, существовавшими до революции, а в 1923 г. ограничив это положение сектами, запрещающими применять оружие. Впрочем, в 1926 г. на проходившем в Москве съезде евангелистов было решено согласиться на «несение военной службы с оружием в руках», что повлекло раскол среди сектантов, причем толстовцы решили «заклеймить их позором[2]. Со временем общины евангельских христиан, баптистов также согласились отбывать воинскую повинность с оружием в руках[3]. Тем не менее подозрительное отношение к евангелистам и толстовцам стало закрепляться благодаря ОГПУ[4]. Вместе с тем усилились новые – безрелигиозные – коммунитарные тенденции[5]. Как водится, ослабление государства в России стимулировало усиления общественной самодеятельности – в том числе и в экзотических формах[6].

---

[1] *Эткинд А.М.* Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 653. Преследования толстовцев начались много раньше – большевиков раздражала не только их антимилитаристская агитация, но и заявления о том, что «единственный работник – крестьянин, все остальные – шкурники» (*Шенталинский В.* Донос на Сократа. М., 2001. С. 54–68). Со временем их объявили вредителями, занимающимися антимилитаристской и антисоветской пропагандой. См.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2176. Л. 13 об.–14.

[2] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 936. В июне 1926 г. «граждане "Ясной поляны"» выражали недоумение по поводу того, что учение Л. Толстого «признано не религиозным», т. е. за отказ от военной службы им грозит тюрьма. Они напоминали, что «Ленин считал Толстого религиозным проповедником». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 355.

[3] *Никольская Т.К.* Указ. соч. С. 86–87, 90.

[4] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 48, 156.

[5] Обычно российский коммунитаризм по народнической традиции связывают с антикапиталистическими интенциями и поисками новой духовности (*Гордеева И.А.* «Забытые люди»). На деле старый как мир феномен стихийной комммунитарности связан со страхами перед будущим, особенно усиливающимися во времена нестабильности. По своей психической природе он консервативен, хотя его последователи связывают с ним прообраз мироустройства будущего.

[6] Сектанты завлекали в свои ряды разными способами: устраивали чаепития с артистами, которые пели известные песни, в «которые вкладывается религиозно-мистическое содержание», организовывали собрания и шествия с пением псалмов и т. п. (*Никольская Т.К.* Указ. соч. С. 75–77). Но были и экзотические случаи коммунитаризма. Так, коммуна «Безбожник» (Вятская губ.) возникла как евангелистское братство, а после того как ее руководительница Маша Огонь-Догановская сожгла иконы, перестали и молиться, и материться, и пить кумышку. Дело в том, что основную часть коммунаров составляли вотяки (удмурты), некогда крещенные под давлением властей. Они попросту разочаровались во всех религиозных обрядах. См.: Революция в деревне. Ч. 1. С. 106–112.

На фоне тускнеющего коммунистического прожектерства иные сектантские утопии смотрелись впечатляюще. Так, И.С. Проханов, председатель Союза евангельских христиан, полагал, что в будущем «весь день будет распределен строго по часам», одежды будут иметь «по преимуществу светлые тона», дома «окрашены по преимуществу в белый цвет», «перед домом должен быть палисадник», а позади его – «непременно» фруктовый сад или огород. Более того, он считал, что по ночам «над селом должно гореть искусственное солнце»[1]. В общем, предлагался гибрид потемкинской деревни с аракчеевским поселением. В 1927 г. Проханов пытался реализовать этот проект на Алтае[2]. Большевистские пропагандисты не упускали случая подчеркнуть, что руководители сект занимаются «очковтиранием» и ради маскировки рекомендуют своим приверженцам вступать в ВКП(б)[3].

Тем временем в обывательской среде накапливались болезненные подозрения и страхи. В дневниках конца 1923 г. можно было прочитать: «Много теперь говорят об охлаждении земной коры, перемещении земной оси, полюсов... Может быть, не так уж и плохо – раствориться бы сразу всем вместе, вместе с любимой планетой Земля...»[4] Белый упоминал в феврале 1924 г. о «странных московских слухах о том, что во мгновение ока изменится дно океанов и вся Россия опустится на дно морское»[5]. М. Булгаков в апреле того же года писал, что, по «фантастическим слухам», по Москве «ходит манифест Николая Николаевича»[6] (великого князя, дяди Николая II. – *В. Б.*). Слухи были отражением социальной неустроенности и неясности жизненных перспектив.

Попытки общественной консолидации влекли за собой карательные последствия (пока относительно вялые). 29 марта 1927 г. студент Д. Мурачев жаловался из Владимирского изолятора. Он родился

---

[1] Цит. по: *Никольская Т.К.* Указ. соч. С. 69–70. Впрочем, тот же Проханов в 1925 г. заявлял, что люди, как «странники и пришельцы на земле», должны жить, «не помышляя о земном», ибо «этот мир обречен на погибель». Цит. по: *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб., 2003. С. 70.

[2] Прожекты Проханова совпали с планами ОГПУ (*Савельев С.Н.* Бог и комиссары // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 34–45). *Однако большевики* настояли, чтобы проектируемое им поселение называлось не Евангельск, а «город Солнца». В 1929 г. большевистское руководство отказалось от сотрудничества с Прохановым.

[3] *Путинцев Ф.* Предисловие // *Голосовский С., Круль Г.* На Маныче «священном». Сектантское движение среди молодежи. М.; Л., 1928. С. 4.

[4] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 573.

[5] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 283.

[6] Михаил и Елена Булгаковы. С. 38.

в семье белорусского крестьянина, пас свиней, бежал из дома, работал в Донбассе, затем с 1915 г. на строительстве дороги Орша–Унеча. В 1919 г. он после училища попал на фронт, в 1921 г. поступил в Тимирязевскую академию, где впервые узнал о белорусском землячестве. Здесь, по его словам, обсуждали судьбы белорусской культуры, а «Червяков (А.Г. Червяков, с 1920 г. председатель ЦИК БССР, а с 1922 г. один из председателей ЦИК СССР. – *В. Б.*) говорил о Белоруссии как о стране несчастной, забитой, бедной». Организацию разогнали после того, как к ней якобы примкнули эсеры. Арестовали и Мурачева, обвинив в подготовке свержения советской власти. Он возражал: «Чтение нелегального журнала, который предлагают на каждом перекрестке, – не такая уж большая вина». Теперь ему было «невыносимо тяжело сидеть вместе с врангелевцами и шовинистами»[1].

Скоро выявились и иные тенденции общественной релаксации. «Вынесло на поверхность и всяческую пену – бонвиванов, псевдопоэтов, авантюристов под маской дельцов, проституток и мошенников»[2], – вспоминали современники. Пьянство «помолодело», росло потребление пива, возросли расходы на табачные изделия, чаще стали курить женщины[3]. Уплотненным «бывшим» приходилось хуже всего – их донимали пьяные соседи. Нумизмат А.В. Орешников в конце 1926 г. обреченно записывал в дневнике: «Дворник Ерохин, по-видимому, заболел от пьянства белой горячкой: изрубил одну из дверей дома»[4].

В Москве «тысячи пивных», сообщал М. Кольцов, провонявших «блевотиной и огурцом», но расположенных в лучших помещениях с налепленными на них стандартными желто-зелеными вывесками. Он ностальгически вспоминал старую чайную, которую следовало бы реанимировать как «необходимейшее звено в цепи культурных

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 21–21 об. В ОГПУ полагали, что базой белорусских национал-демократов являются Институт белорусской культуры и Белорусский государственный театр, в котором к тому же процветает «ничем не прикрытый антисемитизм». См.: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. С. 568–569.

[2] *Баранская Н.* Указ. соч. С. 302. В Москве «торжище» проституток было на Тверском бульваре и – что отдает шокирующе двусмысленной символикой – Страстной площади. См.: там же. С. 303.

[3] См.: *Стеблев Э.А.* Экономика российской повседневности // Российская повседневность, 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995. С. 118. В Ленинграде появились папиросы «Октябрина» с изображением курящей крестьянской девицы. Высмеивая подобные явления, «Крокодил» сообщал, что скоро появится реклама, изображающая младенца, курящего под лозунгом «Дети – наше будущее». См.: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 69.

[4] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. Кн. 2. М., 2011. С. 158.

учреждений, обслуживающих новый, советский быт»[1]. Сообщали, что в пивной на Красной Пресне за пиво можно расплатиться вещами – ботинки шли за 30 коп.[2] Д. Бедный жаловался Сталину: «Большая идет блевотина»[3]. С ужасом описывал типажей пивных И. Эренбург в романе «Рвач». Однако пивовары жаловались: высокие акцизы могут погубить государственное пивоварение[4].

Тем временем самогоноварение ломало с трудом возводимые большевиками социокультурные иерархии. В деревне появились слухи о кикиморах, выпивающих по полчетверти самогона[5]. Из Тульской области сотрудники ОГПУ сообщали: «Кулаки и самогонщики чувствуют себя безнаказанно, пьянствуют с совработниками. Милиционеры пьют самогон у кулака». Обнаружилось, что милиционеры устраивают попойки... с уголовниками. Приводились примеры:

> Председатель Березовского райсельсовета пьянствует, имеет дело с ворами и участвует в ограблениях. Один уполномоченный по налогам в пьяном виде попытался изнасиловать крестьянку. Секретарь Шиловского РИКа Ефремовского уезда... в пьяном виде стреляет из револьвера. Крестьяне говорят: «Нам нельзя пить самогон, а коммунистам можно»[6].

В Тамбовской губернии, согласно донесениям чекистов, пьянство работников низового советского аппарата стало «общим явлением», при этом «один совработник затеял стрельбу револьвера, другой пытался изнасиловать учительницу». Сообщали, что работники волисполкомов пьянствуют совместно с милиционерами, а председатель Моршанского ВИКа «берет взятки самогоном». Другой представитель власти, «явившись в село Нижнее-Сокольники, пьянствовал с одним служащим станции Моршанск, а расходы на попойку возложил на счет сельсовета». Своего рода апофеозом всеобщего одурения смотрелись следующие случаи:

---

[1] *Кольцов М.Е.* Фельетоны и рассказы. Пермь, 1987. С. 144–145.

[2] Смехач. 1926. № 40. С. 6.

[3] Большая цензура. С. 101.

[4] Смехач. 1925. № 13. С. 5.

[5] Обновленная деревня. Сборник / под ред. проф. В.Г. Тан-Богораза. Л., 1925. С. 101.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 33. Некоторые исследователи утверждают, что «с первых лет Октября появилась реальная опасность сращивания интересов преступности и правоохранительных органов на базе тотального расхищения формально обобществленной экономики» (*Золин П.М.* Преступность в стране в 1909–1928 гг.: Сравнительная статистика // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 117). Думается, что данное заявление декларативно: в 1920-е гг. расхищать было особенно нечего, случаи сотрудничества уголовников и милиционеров не носили системного характера.

Председатель Новгородского сельского совета Ивановской волости, проиграв в карты казенные деньги, нанес топором несколько ран своему партнеру. Возмущенные крестьяне учинили самосуд – избили его. Председатель сельсовета с. Петровки, чтобы угодить крестьянам, ко времени перевыборов разрешил самогоноварение и сам распивал с крестьянами[1].

«Советская демократия» по-своему уживалась с пьянством. В Хромовском уезде (Тамбовская губ.) милиционер явился в дом к крестьянину, потребовал спиртного, выпил, за затем захотел прилечь в постель с его женой[2]. У одного председателя сельсовета обнаружили самый лучший самогонный аппарат[3]. В волисполкомах Уфимской губернии с публичных торгов продавали конфискованные самогонные аппараты[4]. Алкоголь разрушал искусственные классово-политические барьеры. Согласно сообщениям чекистов:

> После перевыборов низовой аппарат по-прежнему остается засоренным... В Сампурской волости вновь избранный сельский совет пьянствует и способствует развитию самогонокурения – с его ведома работают 20 самогонных аппаратов. Вновь избранный председатель Черносельского ВИКа Моршанского уезда, пьянствуя, устраивает дебоши, угрожая населению оружием. Крестьяне говорят: «Мы даже в старое время не встречали такого урядника»[5].

Пьянство не миновало и мусульман. В Самарской губернии председатель татарского сельсовета беспробудно пьянствовал с мироедами и конокрадами, с его ведома муллы наделялись дополнительными участками земли, освобожденными от сельхозналога[6].

С введением в 1925 г. госмонополии потребление спиртного стало расти: в 1925 г. на семью в месяц покупали в среднем 1,5 бутылки, в 1927 г. – 2,4, в 1928 г. – 3 бутылки. Ярый борец с «зеленым змием» Ю. Ларин даже утверждал, что с 1924 по 1928 г. потребление спиртного рабочими увеличилось в 8 раз[7]. Характерно, что в городе

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 39.

[2] *Brovkin V.* Op. cit. P. 44.

[3] *Кузнецов А.Н.* Потребление алкоголя сельским активом Сибири глазами крестьянства 1920-х гг. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 229.

[4] Смехач. 1924. № 13. С. 12.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 40.

[6] *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости: Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930-е гг. М., 2010. С. 82.

[7] *Ларин Ю.* Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М., 1929. С. 7–8. Ларин даже критиковал Сталина, который «по своей необразованности» обещал в ближайшие годы сократить, а затем и вовсе прекратить производство водки. На деле, не-

пили меньше, чем до войны, а в деревне, напротив, больше[1]. Особую склонность к алкоголю проявляли «выдвиженцы» и комсомольцы. Не обходилось без наветов, но, как видно, не случайно водочную бутылку в 0,1 л. стали именовать пионером, 0,25 – комсомольцем, 0,5 л. – партийцем[2]. 30-градусная водка стала предметом анекдотов: стоило ли из-за 10 градусов революцию делать? Но скоро власть вернулась к освященным традицией 40 градусам.

Большевистские верхи заваливались паническими письмами, рисующими дикие картины пьяного куража. Из Краснодара сообщали, что, напившись «рыковки»[3], пьяные кричат: «Разойдись, я по декрету напился!»[4] «После продажи 40° жить на свете стало жутко»[5], – писали со станции Рязанцево Северной железной дороги. С юга сообщали, что в связи с выпуском «рыковки» «в станицах систематическое пьянство, брань, ругань»[6]. Так было повсеместно. Резко выросла «пьяная» преступность[7]. Комсомолец Б. Речкунов сообщал в январе 1925 г.:

> Советская власть на 7 году Октября выпустила вино, настойки, русскую горькую и другие вина. Кроме того, деревня вырабатывает очень много самогонки... Вот теперь у нас в Барнауле верующие справляют праздник Рождества – пьянство царит ужасное... Вдре-

---

годовал Ларин, Госплан планирует сокращение производства водки на последний год пятилетки всего на 2 млн ведер (из 42). См.: Чудак. 1929. № 15. С. 3.

[1] *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя... С. 78–80.

[2] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города. С. 35–36, 33. Существовала и другая местная (г. Шуя) алкогольная «метрическая система». Водочные емкости именовали так: маленькая – «пионер», побольше – «комсомолец», бутылка – «кандидат», четверть – «коммунист» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 35). Поскольку до революции у «пионера» имелся аналог, именуемый «мерзавчиком», народные острословы говорили, что «"пионерчик" всегда будет "мерзавчик"». См.: Антисоветские анекдоты. Борьба народной пропаганды с большевистской. Буэнос Айрес, б/д. С. 15.

[3] Знаток напитков М. Булгаков писал: «...Выпустили 30 % водку, которую публика с полным основанием назвала "рыковкой" (по имени председателя СНК. – *В. Б.*). Отличается она от царской водки тем, что... хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. Кроме того, появился в продаже "Коньяк Армении", на котором написано 31°. (Конечно, Шустовской фабрики.) Хуже прежнего, слабей...» (Михаил и Елена Булгаковы. С. 45). Некоторые крестьяне подсказывали: «Если запрещать самогонку, то нужно, чтобы русская горькая стоила около 50 коп. за бутылку, тогда... можно уничтожить самогон». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 254.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 589. Л. 55; Д. 1027. Л. 99. А.И. Рыков заявлял, что к выпуску водки побудили «не столько доходные соображения, сколько невозможность победить самогонщика». Цит. по: *Шевердин С.* «От диктатуры трезвости» к «меньшему злу» // Трезвость и культура. 1988. № 7. С. 13.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 98.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 164.

[7] Девиантность и социальный контроль. С. 153.

безги пьяные ездят по городу в одних рубахах. Дико выкрикивают матерщину. Среди этих людей есть члены партии и комсомольцы... Поставьте вопрос о прекращении выпуска водки и др. вин... С коммунистическим приветом[1].

В сущности Речкунов повторял доводы оппозиции против «пьяного бюджета», высказанные еще в 1923 г. Между тем власть была озабочена другим. Сначала водку продавали по 1 руб. за 0,5 л, но, когда выяснилось, что она идет нарасхват, цена была поднята в 1,5 раза. Потребитель тут же вернулся к самогону, и в июле 1926 г. цены на водку были снижены. Это усилило городское пьянство, но не улучшило ситуацию на селе – денег на водку у крестьян не хватало, самогонщики активизировались[2]. В конечном счете и здесь возникли «ножницы цен»: пол-литровая бутылка стоила 1,1 руб., самогонщики продавали конкурентоспособный продукт за 40 коп.[3] Становилось известно, что крестьянами «русская горькая везде принимается при условии снижения цен и повышения градусов»[4]. Отступление к спиртной монополии происходило скорее под диктовку крестьян, нежели власти.

Многие молодые «леваки» видели в «возвращении сорокоградусной» акт политической капитуляции. Эксперименты государства, словно намеренно, возбуждали интерес к хмельным напиткам. В день начала ее продажи (4 октября) у магазинов выстроились громадные очереди. 7 октября 1925 г. в ЦКК обратился некто с выразительной фамилией Л. Сороконожкин-Большик из Горной академии. Он полагал, что выпуск 40-градусной – реставрация «николаевской». «Призрак бродит по Союзу с запахом сивухи», – писал молодой человек, начитавшийся «Коммунистического манифеста». Он отмечал, что «за заставой Ильича в канаве умерло двое пьяных», а «хвосты у лавок Главспирта не уступают хвостам продовольственным в 1919 г.» По его мнению, согласившись на выпуск водки, «Советская власть берет очень западноевропейский парламентский курс», забыв о диктатуре пролетариата[5]. И таких коммунистических «ортодоксов» было

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 1028. Л. 215.

[2] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 183.

[3] *Такала И.* «За трезвый быт»: Алкогольная политика советского государства в 1920-е годы // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. Vol. 1. 2007. P. 70.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 165. Буров, партийный работник (Сергач Нижегородской губ.), 18 января 1925 г. спрашивал Н.А.Угланова (тот до переезда в Москву работал в Нижнем Новгороде): «Не пора ли торговать водкой? Я пришел к тому же выводу, что и ты два года тому назад». При этом он сообщал, что «бутылка самогона котируется от 35 до 80 коп.», а «умный мужик давно нас ругает, что мы ему водки не даем». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 33.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 2–4.

немало. Между тем доходы с питий представлялись важной статьей бюджета. На антиалкогольном фронте Советская власть к середине 1920-х гг. отступила, а затем окончательно «сдалась»[1]. Возможно, большевистские лидеры сообразили, что негоже лишать граждан последнего утешения. Впрочем, существовала еще одна малозаметная причина: огромные запасы спиртного[2]. Получалось, что государство обладало ненужными запасами спирта, а значительная масса хлеба переводилась на самогон. Как бы то ни было, алкогольная тема выросла в социокультурную проблему: на рисунках деревенских детей стали появляться самогонные аппараты[3], а одна 14-летняя девочка из сибирской деревни сочинила «фельетон» о том, «как в селе Лосиха милиционер, товарищ Сигов, напился 8 ноября и чуть не убил мальчика»[4]. В 1927 г. в Москве можно было увидеть «мертвецки пьяных, грязных, валяющихся подчас в лужах людей»[5].

В современной литературе сделана попытка рассмотреть отношение власти к алкоголю в «семиотическом контексте»[6]. Удивительно, как красиво можно упаковать банальность. Для некоторых ученых дам проблема теории, не говоря уже о терминологии, – вопрос «моды» в самом вульгарном смысле слова. К ним они относятся как к нарядам: хочется «выглядеть лучше».

Ситуация была проще некуда: нельзя не считаться с ритуалом, сколь бы нелепым и вредным он ни казался. Полезнее обратить внимание на деструкцию самого ритуала: по информации «воинствующих безбожников» некоторые представители юного поколения возмущались тем, что родители посылают их за водкой в церковные праздники[7]. Любой традиции, как и прочим формам культурного диктата, латентно противостоит молодежь. Однако власть настолько нуждалась в деньгах, что готова была «временно» поступиться своими «культуртрегерскими» установками. Отношение большевиков к потреблению спиртного оставалось противоречи-

---

[1] См.: *Траншел К.* Проблема пьянства в России и антиалкогольная кампания в годы первой пятилетки (1928–1933) // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 91–93.

[2] Большевикам досталось в наследство от старой власти свыше 40 млн ведер спиртных напитков (в пересчете на 40°) (*Коржихина Т.П.* Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 9). Несмотря на пьяные погромы и вынужденные уничтожения спиртных запасов, излишки алкоголя оставались непомерно велики.

[3] Правда. 1925. 18 декабря.

[4] *Аграновский А.Д.* От Столбцов до Бухары. М., 1930. С. 9.

[5] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 250. Вытрезвители появились только в 1928 г.

[6] *Лебина Н.Б.* Указ. соч. С. 21.

[7] Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. М., 1932. С. 288.

вым[1]. В 1921 г. Ленин заявил, что Советская власть не должна пускать в ход «такие вещи, как водка и прочий дурман»[2], но вскоре была разрешена продажа вин крепостью до 14°. В следующем году «Правда» обрушилась на известного экономиста И.Х. Озерова, предложившего решить проблему инфляции с помощью монопольной продажи водки, доход от которой якобы должен составить 250 млн руб. золотом. Однако в том же 1922 г. было сделано послабление шахтерам – ввиду «исключительных условий работы» им было предписано выдавать спирт по нормам, установленным Наркоматом здравоохранения. Декрет СНК от 30 января 1923 г. и Постановление ЦИК и СНК от 3 декабря 1924 г. дозволяли изготовление и продажу наливок и настоек сначала крепостью до 20, а затем до 30°. Наконец, в октябре 1924 г. пленум ЦК принял решение о введении водочной монополии, а 28 августа 1925 г. появилось Постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими» с 1 октября 1925 г.[3]

Ситуация по-своему символична: если в Европе повсеместно победил облагороженный самогон, то в России власть «щедро» навязывала населению выгодный ей химический продукт.

Водочная монополия стимулировала «пролетарское хулиганство», что обеспечило лидирующие позиции «гегемона» по части преступности[4]. Криминологи утверждали, что хулиганит по преимуществу рабоче-крестьянская молодежь в возрасте до 25 лет[5], причиной называли сочетание неблагоприятных «факторов культурно-бытовых и социально-экономических с факторами биопсихологическими». Писали и о том, что зеленой молодежи попросту нечем занять себя[6]. Руководители комсомола самокритично связывали рост хулиганства с падением собственного авторитета[7]. А тем временем в прессе появ-

---

[1] В конце 1919 г., словно следуя политике царского и Временного правительств, СНК принял постановление «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Запрет не распространялся на виноградные вина крепостью до 12°, однако в следующем году с вершины власти прозвучала идея тотального отказа от алкоголя.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 326.

[3] *Такала И.* Указ. соч. С. 59–63, 68.

[4] См.: *Царевская Т.В.* Преступление и наказание: парадоксы 20-х годов // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 216–217; Голос народа. С. 178, 181.

[5] Московские юристы считали, что наибольшую опасность представляют хулиганы до 25 лет – «наиболее злостные и упорные». Менее опасными признавались хулиганы постарше, а также «алкоголики, буйствующие инвалиды и т. п.» См.: Пролетарский суд. 1926. № 1. С. 2.

[6] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 165.

[7] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 176.

лялись сообщения о том, что в столовой московского завода «Красный богатырь» хулиганы, «угрожая пивными бутылками, отнимают у обедающих обеды и требуют денег на пиво»[1]. В любом случае, хулиганство становилось своего рода модой[2]. «Модой» десоциализации, можно добавить.

В статистике происшествий обращает на себя внимание немотивированная агрессивность[3]. Городская среда с ее «неразрешимыми» транспортными и жилищными проблемами[4] становилась источником постоянных стрессов. Любопытно вместе с тем появление легенд о «благородных» городских разбойниках, якобы никогда не трогающих пролетариев. Исследователи отмечают, что питерские хулиганы манерой одеваться копировали матросов революционной поры[5]. В 1921–1922 гг. в Одессе неожиданно проявил себя феномен «мирного восстания», когда под видом рабочих городскую буржуазию организованно обирали люмпены[6]. В известной степени воспроизводилась предреволюционная ситуация.

Послевоенное время бывает отмечено размягчением или упрощением нравов – этому явлению кое-кто попытался придать идейно-романтическую окраску. А. Коллонтай высказалась за жизнеутверждающую эротизацию общественной жизни, полагая, что партийцы, как и весь пролетариат, имеют право на любовь, в минимальной степени отягощенную узами брака: пролетарский «крылатый Эрос» противостоит буржуазному «бескрылому Эросу»[7]. Некоторые комсомольцы выступали с лозунгами: «Да здравствует Эрос и комсомол –

---

[1] Смехач. 1925. № 12. С. 6.

[2] Не случайными кажутся строки С. Есенина: «Мое имя наводит ужас, / Как заборная, громкая брань» (1923 г.). Хулиганские мотивы просматриваются и у В. Маяковского. По-своему «хулиганил» В. Мейерхольд.

[3] В отличие от преступников действия хулиганов казались немотивированными и бессмысленными. См.: *Булайский Я.* Хулиганство как социально-патологическое явление. М.; Л., 1927. С. 56.

[4] Особую озлобленность вызывали небезопасные поездки в битком набитых столичных трамваях, а потому происходящее в вагонах можно считать барометром психосоциальных коллизий. (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 22–35). Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что кое-где поездки в трамвае превращались в проблему еще до революции.

[5] *Лебина Н.Б.* Указ. соч. С. 57–61, 54–56, 63.

[6] См.: *Солоневич И.Л.* Россия в концлагере. М., 1999. С. 289–290.

[7] См.: *Коллонтай А.М.* Дорогу крылатому Эросу // Молодая гвардия. 1923. № 3. В начале 1926 г. Коллонтай обосновывала свою правоту «разнообразием форм общения между мужчиной и женщиной» в добуржуазную эпоху: «У некоторых негров... верной жена должна быть только три дня в неделю» (Рабочий суд. 1926. № 5. С. 366). П. Сорокин оценил эту эскападу как косвенное удовлетворение нимфомании. См.: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 236.

носитель эротической жизнерадостности»[1]. Среди «нового» студенчества были сторонники максимально прагматичного подхода к «половому вопросу», предлагавшие создание государственных «гигиенических» борделей, действующих на «свободных началах для обоих полов, не за плату, а по желанию»[2]. Развернулось соответствующее анкетирование[3]. В 1927 г. в Политехническом музее состоялся диспут с участием наркома здравоохранения Н.А. Семашко, на котором сошлись толстовцы и фрейдисты, сторонники теории «опорожнения» и подвижники воздержания[4]. Страсти накалились до такой степени, что А. Платонов сочинил «Антисексус» – пародию на «буржуазное» решение полового вопроса с помощью патентованного электромагнитного аппарата, якобы утилизирующего людские страсти.

Упразднив Бога, большевики, казалось, упразднили и любовь. Пламенные эскапады Коллонтай объективно были всего лишь инстинктивной попыткой восстановления нравственного равновесия. О сексуальном «раскрепощении» подумывали многие партийцы, но обычно это расценивалось как склонность к разврату. Началась борьба с «пошлостью»: П. Романов описал в связи с этим – отнюдь не гротескно – сцену исключения из пионеров[5]. В некоторых деревнях любителей «незаконного сожительства» раздевали догола и секли мокрой крапивой[6]. Но в городах считалось обычным иметь «законную» и «настоящую» жену[7]. В марте 1926 г. председатель ЦКК Е.М. Ярославский, имевший репутацию идеологического цербера[8], дал отповедь некоему Злинченко, требовавшему «руководящих указаний» в сексуальной сфере. Было заявлено, что партия не собирается решать этот вопрос «к удовольствию тех, кто нуждается в частой смене жен», ибо у нее есть задачи «поважнее и посерьезнее»[9]. В следующем году Луначарский, всегда шагавший «в ногу с временем», выступил против редуцирования любовного чувства до поло-

---

[1] *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 280.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 394.

[3] Весной 1924 г. соответствующую анкету получил по почте Дзержинский, что его возмутило. Распространение подобных анкет он назвал «преступлением против молодежи и Соввласти». См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 545.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 317.

[5] *Романов П.* Суд нал пионером // *Романов П.* Светлые сны. М., 1990. С. 202–209.

[6] Смехач. 1925. № 8. С. 9.

[7] *Brovkin V.* Op. cit. P. 141.

[8] Левое студенчество называло Е. Ярославского не только «цербером», но и «предателем», «сталинским холуем», «карьеристом» и «могильщиком революции». *Павлов И.М.* 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001. С. 81, 87.

[9] Источник. 1994. № 5. С. 127. Также см.: *Ярославский Е.* Мораль и быт пролетариата // Молодая гвардия. 1926. № 5. С. 149.

вой разрядки[1]. А новации Коллонтай были отвергнуты не только властью, но и общественностью – возможно, в связи с ростом половых преступлений и серией громких дел, связанных с растратами, пьяными оргиями и насилиями над женщинами со стороны комсомольцев и партийных работников[2]. Было заявлено, что «излишнее внимание к вопросам пола может ослабить боеспособность пролетарских масс»[3].

Трудно установить, в какой мере удалось приструнить начальственных развратников. В 1930–1932 гг. в Бирилюсском районе в Западной Сибири существовала организация с выразительным названием «Райбл...дком», членами которой состояло местное начальство, включая чекистов, милиционеров, комсомольцев. Штаб состоял из работников райфинотдела, которые летом 1931 г. расклеивали «приказы», указующие, кто из «Райбл...дкома» к какой женщине «прикреплен». В связи с вынужденной сменой начальства организация возобновила деятельность под названием «Жеребком»[4].

Система провоцировала явления, с которыми самой же приходилось бороться.

В начале 1922 г. С. Веселовский отмечал в дневнике:

> Мелкие и крупные кражи, обманы и всякие беззакония стали таким обычным явлением, что никого не удивляют и не вызывают никакого протеста. Интересуются только тем: «а как он это сделал?» Интересуются с двоякой целью: во-первых – «а нельзя ли мне проделать такую же штуку», и во-вторых – какие средства употребить, чтобы... не стать жертвой[5].

Через четыре года, когда борьба с коррупцией, как считалось, стала приносить свои плоды, К. Чуковский так описывал свои впечатления от суда над растратчиками:

> Все это бывшие военные, лжекоммунисты, люди, очень хорошо наученные тому, что все дело в соблюдении форм, в вывеске, в фа-

---

[1] *Луначарский А.В.* О быте. М.; Л., 1927. С. 83.

[2] См.: *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 182–185; Правда. 1928. 18, 23, 25, 26 мая, 2 июня. Трудно оценить масштабы грехопадения руководящих коммунистических работников. В материалах партийных чисток встречаются женатые прокуроры – члены партии с 1917 г., ухитрявшиеся вступать в половую связь с посетительницами в своих кабинетах (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 40. Л. 90), не говоря уже о менее заметных коммунистических эротоманах. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 44, 65, 70, 87, 126, 131, 132, 137; Д. 41. Л. 194; Д. 43. Л. 4.

[3] *Виноградская П.* Вопросы морали, пола, быта и т. Коллонтай // Красная новь. 1923. № 6 (16). С. 214.

[4] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 556–557.

[5] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 129.

саде... Чаще всего за фасадом комфраз скрывается «обогащайтесь»... И всего замечательнее, что все не-растратчики, сидящие на скамьях для публики, тоже мечтают именно о таком «счастье»[1].

В 1927 г. на представлении «рабочего» эстрадного театра «Синяя блуза» в ответ на просьбу из зала спеть что-нибудь о растратчиках со сцены прозвучало: «Их достаточно среди вас здесь»[2]. Печально знаменитая бухаринская фраза «Обогащайтесь!» приобретала злую коннотацию. Валентин Катаев высмеял растратчиков в повести с одноименным названием еще в 1926 г., однако сменовеховцы уверяли, что «нэп крестьянский – сплошь трудовой и производительный»[3]. Это вызывало подозрения у власть предержащих. В урбанизированной среде по-хозяйски закреплялся «мелкобуржуазный», люто ненавидимый М. Горьким субъект – «человек без комплексов». Однажды в начале 1920-х гг. в Москве какой-то приезжий мужик как ни в чем не бывало влез в трамвай с оглоблей. Произошла символичная сцена: «Все кричали, возмущались – а он никакого внимания»[4]. Культурная иерархия города и деревни менялась на глазах – крестьяне ощутили зависимость горожан от их труда и, соответственно, начинали вести себя в урбанизированной среде по-свойски. Горожане отвечали «куркулям» соответственно. «Не любит мужика город, земля не любит, дух не сносит», – рассуждали крестьяне, жалуясь, что «вольготно нынче живется на земле, но ясности нет и фальши много»[5].

Поразительно, насколько нахально вторгалась вседозволенность в традиционную среду. В 1921 г. двое руководителей сельской коммуны написали в уездный большевистский комитет заявление с просьбой «онулировать» (аннулировать. – *В. Б.*) их браки, заключенные «в дореволюционный период» с «представительницами контрреволюции», после чего предались «блуду и веселью»[6]. Впрочем, случалось нечто более впечатляющее. В 1924 г. столичных обывателей ошарашило удивительное событие. Как отметил в дневнике М. Булгаков, «...появились совершенно голые люди (мужчины и женщины) с повязками через плечо “Долой стыд”. Влезали в трамвай. Трамвай остановился, публика возмущалась»[7]. Об этом эпатажном выплеске рево-

---

[1] См.: *Чуковский К.* Дневник. С. 358–360.

[2] В 1930 г. «Синюю блузу» едва не закрыли за отсутствие «рабочей прослойки». См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 258, 261.

[3] *Лежнев И.* Катушка перематывается // Россия. 1923. № 6. С. 12.

[4] *Чуковский К.* Дневник. С. 173.

[5] Цит. по: *Явич А.* Омутнинская сторона. М., 1931. С. 175.

[6] *Пильняк Б.* Материалы к роману // Красная Новь. 1924. № 2 (19). С. 48–49.

[7] Михаил и Елена Булгаковы. С. 43.

люционного нудизма вспоминали несколько десятилетий, дополняя его всевозможными домыслами[1].

Неудивительно, что в ответ на подобные явления последовала проповедь пролетарско-комсомольского аскетизма, согласно которой лучшим сублимирующим средством – лекарством от любви и вожделений – является общественная работа. Предпринимались даже попытки выработать принципы полового поведения пролетариата, допускавшие вмешательство партии в интимную жизнь своих членов[2]. Студенческий журнал рекомендовал: «Скромнее с половым, иначе плохо будет с социальным!»[3] Былые мечты о более свободной морали обернулись реанимацией традиционных этических норм, выдаваемых за «прогрессивные» формы революционного сексуального отбора. Иного ожидать не приходилось.

Сама по себе напряженность в половой сфере порождала не только склонность к эпатажу, но и скрытую агрессивность. Как далеко могут зайти социально-сублимационные процессы – судить трудно[4]. Но есть свидетельства, что тяга молодежи к образованию приобрела не столько просветительный, как культурно-репрессивный характер. К. Чуковский заметил это в 1924 г. в своей дочери. Ему показалось, что она «даже страшна своим интеллектуальным напором». Но его, человека старых культурных ориентаций, похоже, не отталкивало то, что она «прочитала десятки книг по марксизму – все усвоила, перемолола», невзлюбила европейских «социал-предателей», а «экономическая теория захватила ее»[5].

Молодежь из «бывших» отходила от того, что было «воплощением старой России», под влиянием «розовеющей» среды[6]. Борьба за «комсомольско-коммунистическое целомудрие» ускорила этот процесс. Некоторые фрейдомарксисты все еще полагали, что социалистическая революция может быть закреплена лишь при поддержке сексуальной революции, но к концу десятилетия это казалось не приемлемым. В обывательской среде новации воспринимались негативно: «В церкву не ходят, венчаются под кустом, смешалось все воеди-

---

[1] Отмечали, что среди энтузиастов общества «Долой стыд» были рабочие. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 318.

[2] См.: *Залкинд А.Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности. М., 1926. С. 59.

[3] Красный студент. 1924. № 4–5 (17). С. 42.

[4] Немецкая исследовательница К. Кур-Королев в интереснейшей работе утверждает, что сублимационный потенциал молодежи примерно с 1928 г. стал использоваться властью в практике экономического строительства (*Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 324). Представляется, что это удалось лишь позднее – в 1930-е гг.

[5] *Чуковский К.* Дневник. С. 286.

[6] *Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 54–55.

но: и вор, и купец, и жид, и православный»[1]. В деревне невенчаным сочувствовала лишь молодежь, женщины, напротив, опасались, что гражданский брак не будет прочным[2].

Попытки внедрения коммунистической ритуалистики встречали сопротивление даже в «активной» молодежной среде. Так, не удалось навязать новую женскую моду. Правда, имели успех «юнгштурмовки» (униформа германской молодежной организации), призванные способствовать военизации комсомола[3]. Но в целом «советское общество» скорее дробилось по самым неожиданным параметрам, нежели превращалось в требуемый большевиками «монолит»[4].

Со всяким российским переворотом связываются самые фантастичные надежды. Теперь этим грешили даже люди, органически не принимающие любой нестабильности. О натурах поэтических и говорить не приходится – в социальных потрясениях они видели не только «бич Божий», но и находили какую-то мазохистскую эстетику. Летом 1924 г. Ф. Сологуб спросил Иванова-Разумника: «...Долго ли останутся у власти туполобые?» Ответ был соответственным: «...Триста лет стояли у власти татары, триста лет царили Романовы, вот и большевики пришли к власти на триста лет». «Оптимист» Сологуб скинул с этой цифры сотню лет, после чего оба дружно расхохотались[5]. Это напоминало юмор висельников. В марте 1925 г. Иванов-Разумник так представлял себе будущее: «Всех нас лопает Левиафан "советской общественности"; думаю, что слопает когда-нибудь

---

[1] *Берзин Ю.* 100 % любви, разгула и спекуляции. Рига, 1928. С. 129.

[2] *Яковлев Я.* Указ. соч. С. 89. Чаще молодые деревенские коммунисты венчались, механически отдавая дань традиции (*Young G.* Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. University Park (PA), 1997. P. 163–164, 244–247). Вместе с тем деревенские девушки все чаще уходили замуж «самоходкой» – без благословления родителей. См.: Старый и новый быт. С. 64–65.

[3] *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 58, 64. Заговорили также о военизации студенчества. См.: Красный студент. 1924. № 10–11 (22–23). С. 14.

[4] Характерная ситуация сложилась на медфаке МГУ: выделились москвичи, разделившиеся на рабфаковцев и прочих, из которых, в свою очередь, обособились дети «спецов». Из «провинциалов» также сформировались особые группы: так, принятые без экзамена фельдшеры, представляли собой «народ пожилой, солидный и очень угрюмый». Наиболее спаянными казались дети «спецов» и интеллигенции. Комсомольцы демонстративно отгораживались от беспартийных (Красное студенчество. 1928/1929. № 8. С. 12–13). При этом обнаруживалась острая неприязнь к евреям (*Измозик В.С.* Переписка через ГПУ // Родина. 1994. № 9. С. 79). В общем, стихийно складывалась взаимонедоверчивая микросоциальная среда, по-своему воспроизводившая ситуацию в обществе в целом.

[5] *Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 36.

и индивидуально»[1]. Ф. Сологуб незадолго до смерти (1927 г.) с горечью произнес: «Проклятая жизнь... Как при Гришке Отрепьеве»[2]. Прощаясь с ним, Е. Замятин произнес:

> Мы, работавшие с ним писатели позднейших поколений, видели в нем единственный уцелевший мост, который связывал нас со славным прошлым русской литературы[3].

В среде интеллигенции менялось само отношение к смерти (или погребальному ритуалу). «Прежде на панихиде интеллигенция не крестилась – из протеста, – записывал в дневнике К. Чуковский весной 1925 г. – Теперь она крестится – из протеста»[4]. Святотатственные акции, вроде выставления мощей «для наглядности» рядом с хорошо сохранившимся трупом «какого-то разбойника из Сибири», вызывали в ее представителях настоящую жуть. И более всего ужасало то, что «над святыней своей народ надругался»[5].

Мосты культуры разрушались. Из ощущения исторической неотвратимости рождался особый поэтический пафос – истеричный по природе, высокий по звучанию. В 1925 г. в стихотворении «К Октябрьской годовщине» Б. Пастернак писал о Советской России: «Мы – первая любовь земли». Этот автор не умел ни врать, ни халтурить, он заблуждался искренне – как и подобало человеку «без роду и племени»[6]. «Сначала он писал без оглядки, бродил, пенился, кипел... – писала о нем позднее А. Ахматова. – А потом стал... задумываться»[7].

Часть литераторов увидела в происходящем шанс государственного закрепления своих эстетических представлений – сказалась фетишизация власти, обычно начинающаяся с людей, подпавших под «обаяние тиранов». «Мне нравится гений этого человека... Он заме-

---

[1] Цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 17. Сходные мысли высказывала Н. Берберова, писавшая об уничтожении интеллигенции «групповом, профессиональном, плановом» (*Берберова Н.* Указ. соч. С. 457). Парадоксально, но З. Гиппиус уверяла, что «торжество большевиков» создало условия для «торжества» Иванова-Разумника. См.: *Гиппиус З.Н.* Мечты и кошмар. СПб., 2002. С. 268.

[2] *Зайцев Б.* Москва. Далекое // Серебряный век: Мемуары. М., 1990. С. 309.

[3] *Замятин Е.* Я боюсь. М., 1999. С. 147.

[4] *Чуковский К.* Дневник. С. 339.

[5] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 205. Впрочем, простые люди на акты святотатства реагировали иначе: осквернение святыни воспринималось как чудо, т. е. «сверхсакральный» акт. См.: *Тан В.Г.* Новый этап // Революция в деревне. Очерки / под ред. проф. В.Г. Тан-Богораза. Ч. 2. М.; Л., 1925. С. 7.

[6] *Замятин Е.* Лица. С. 203; *Пернок С.* Пастернак и другие // Русский Современник. 1924. № 1. С. 310.

[7] *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. 1938–1941. Париж, 1976. С. 189.

чательно прав...», – писал С. Есенин о Троцком[1]. Люди видят то, что им хочется видеть. Левый французский поэт Анри Гильбо называл Ленина «грозным раскольником» и даже «новым Лютером, но более истинным», создавшим «схизму Интернационала», который, «шагая через трупы проституток, куртизанов, изменников, строит... новый храм, пролетарский, мировой, атлетический»[2]. Ученик Ницше Лео Матиас «разглядел» в Ленине «крестьянина космического масштаба», а Троцкого провозгласил «гигантом воли»[3]. Кое-кому Троцкий казался не только «прирожденным военным организатором и вождем» наполеоновского стиля[4]. «...Он меня очаровал и привел в восхищение...», – так отзывался Б. Пастернак о Троцком, который будто бы внимательнейшим образом выслушал его доводы о том, что как поэт он вполне «современен»[5]. «Эстетические» диалоги с властью подчас принимали не только курьезно-лукавые, но и ритуально-костенеющие формы. 30 октября 1927 г. К. Чуковский записывал в дневнике:

> Я ненавижу отношение наших писателей к революции. Составил Союз Писателей плакаты, и среди них нет ни одного, который был бы неказенного содержания[6].

Старая творческая интеллигенция действительно являла собой жалкое зрелище, что сознавали сами ее представители. К. Вагинов детально отобразил ситуацию в романе с характерным названием «Козлиная песнь» – именно так буквально переводится греческое слово «трагедия». Намек очевиден: в 1920-е гг. именно жалкими «козлиными», а не трагическими голосами запели «бывшие». Их аргументы в пользу новой власти были таковы: «...Большевизм огромен», теперь «создалось положение, подобное первым векам христианства»; всякая «новая религия появляется на периферии культурного мира». Христианство появилось на периферии греко-римского мира в Иудее нищей, печальной, узкой и косной духом,

---

[1] С. Есенин имел в виду рассуждения Троцкого о современном искусстве. См.: Борис Пастернак и Сергей Бобров: письма четырех десятилетий. Публ. М.А. Рашковской. Stanford, 1996; Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 239.

[2] См.: *Эфрос А.М.* Поэзия войны и революции на Западе. М., 1926. С. 70.

[3] *Кёнен Г.* «Индия в тумане». Первые поездки в «новую Россию. Девять моделей восприятия // Германия и русская революция. С. 558.

[4] Такова была точка зрения участника капповского путча полковника Бауэра. См.: *Кёнен Г.* Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев. 1900–1945. М., 2010. С. 302.

[5] *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. С. 134.

[6] *Чуковский К.* Дневник. С. 420. Сам он считал, что «о современности лучше не писать». На возражения, что «нестерпимо... не иметь права писать о современном», он соглашался: «Да, в молодости это трудно». См.: *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 105.

ислам зародился у кочевников, мировой религии коммунизма суждено утвердиться в России. Благодаря «героическому» большевизму, утешались они, «мир переживает такое же потрясение, как в первые века христианства»[1]. О новой религии мечтал и «бывший» князь Д.И. Шаховской[2]. Тренированный ум легко убедит человека в онтологической «непреклонности» того, на что он соглашается по слабоволию. Интеллигент тех лет утешал себя тем, что живет «в героической стране, в героическое время». Это выглядело смешно и жалко: «тонконогие юноши, птицеголовые барышни» пищали о гибели Запада. Считалось, что «если Китай соединится с Индией и СССР, несдобровать старому миру»[3]. Троцкистская экстраполяция геополитических прожектов Павла I надолго застряла в сознании советских людей.

Любые войны и революции влекут за собой не только упадок цивилизованности, но и взаимопроникновение культур и субкультур. В 1926 г. «Комсомольская правда» привела историю столь же отвратительную, сколь и символичную. Деревенский комсомолец с поэтичной фамилией Ларин, прожив с женой год, подался в Москву на заработки, где тотчас же завел себе любовницу. Задолжав заводчанам, он бросил беременную сожительницу и подался в Ленинград. Узнав о его похождениях, беременная вторым ребенком и оставшаяся без средств жена попыталась покончить с собой. Мужа, надумавшего разводится, это не впечатлило: «Она деревенщина, а я в городе-то культурки тяпнул». Он настроился идти в армию, уверяя: «Я там выдвинусь. Политруком буду»[4].

На фоне немногочисленных комсомольцев-идеалистов Ларин представлял собой распространенный тип карьериста. «Окультуренные» мерзавцы встречались на каждом шагу. Один комсомольский секретарь бросил забеременевшую девушку, объявив, что она в прошлом была проституткой[5]. Типаж циничного «комсомольского работника» закрепился надолго. Между тем в иных комсомольских

---

[1] *Вагинов К.К.* Указ. соч. С. 37–38, 56–57.

[2] *Шаховской Д.И.* Письма о братстве / публ. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья. Вып. 2. С. 243.

[3] *Вагинов К.К.* Указ. соч. С. 63, 190. С 1925 г. коминтерновские лидеры возлагали непомерные надежды на то, что китайская революция нанесет такой удар по империализму, от которого он никогда не оправится. Говорилось и о вооруженной поддержке китайской революции, хотя Красная армия к этому была совершенно не готова. См.: *Elleman B.L.* Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1927. Armonk; New York; London, 1997. P. 216, 220.

[4] Цит. по: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 23.

[5] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 105. По некоторым подсчетам, около 27 % молодых мужчин бросали девушек, как только узнавали, что они беременны (Ibidem).

организациях осуждали своих членов, гуляющих с беспартийными и игнорирующих комсомолок[1]. В 1926 г. А. Коллонтай усматривала в «фактах схождения» комсомольца с комсомолкой утверждение «равенства» и предлагала «внушить юношеству презрение к семейно-мещанской идиллии»[2].

Впрочем, независимо от этого складывался совершенно новый взгляд на институт брака: вступали в него по обоюдному согласию, зато развестись можно было по желанию одной из сторон. В 1927 г. $^{3}/_{4}$ браков в Москве и $^{2}/_{3}$ браков в Ленинграде заканчивались разводом[3]. Жизнь была пронизана ощущением нестабильности.

Возникали все новые источники бытового недовольства. С 1926 г. начали расти цены в частной торговле, а в 1927 г. последовала цепь процессов против нэпманов и коррумпированных чиновников[4]. Творческая интеллигенция – за исключением сменовеховцев – нэпманов невзлюбила. Едва Маяковский завершил первое чтение своей «антимещанской» пьесы «Клоп», Мейерхольд бросился перед ним на колени, возопив «Гений!» Похоже, этой среде в видах самоутверждения нужен был «антигерой». Но, возможно, все было проще: на исходе 1920-х гг. мейерхольдовский экспрессионизм поднадоел[5], режиссер жаждал образов, которые поправят дело[6].

В.Э. Мейерхольда воспринимали неоднозначно – кто-то припоминал, что в 1920 г. он поспешил организовать «Мастерскую коммунистической драматургии»[7]. Писали, что его попытки «перекричать настоящую поэзию» имели ограниченный успех[8]. Конечно, заявления Мейерхольда (1920 г.) о том, что «новый актер-красноармеец – вот тот авангард, при содействии которого мы отстоим все боевые по-

---

[1] Молодому человеку вынесли строгий выговор и обязали прекратить «гуляние» с беспартийной «студенткой Ленкой». См.: *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 357.

[2] Рабочий суд. 1926. № 5. С. 376.

[3] *Goldman W.* Women, the State, and Revolution: Soviet Family and Social Life, 1917–1936. Cambridge (MA), 1993. P. 297. Следует учитывать, что благодаря легкости развода некоторые женились и разводились по многу раз в год. См.: *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 224.

[4] *Свищев М.А.* Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1. С. 19, 17.

[5] Мейерхольду инкриминировали злоупотребление критикой недостатков, «уход от советской действительности» и ее «искажение», а также «самовлюбленность». См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 4. С. 160.

[6] См.: Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 335–336.

[7] *Гаврин М.Л.* Из истории становления советской масскультуры (Масскомдрама) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2006. № 1 (5). С. 107.

[8] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 145.

зиции театрального фронта»[1], не могли не раздражать[2]. К. Чуковский по поводу постановки в мае 1921 г. «Мистерии-Буфф» писал: «Впечатление жалкое. Нет настоящей вульгарности... Играют и вверху, и внизу, и циркачи, и ад в зрительном зале – но все мелко, дробно и дрябло, не сливается воедино – в широкое действо. Ужасно гнусно изображение Льва Толстого в забавном виде»[3]. Известный театрал Д.И. Лешков отзывался о Мейерхольде так:

> Я смотрел «Лес» Островского, видел винтовую лестницу с площадкой, курятник с живыми курами, крестный ход в саду у Гурмыжской и испражнявшегося без порток Ильинского–Аркашку, под звуки «Яблочка» на гармошке Петра Восмибратова. После 2-го действия я ушел домой, вспоминая, какой страшный удар я мог бы нанести этой беззастенчивой сволочи, если бы опубликовал его архивное дело с припаданием к стопам его императорского величества (в свое время Мейерхольд работал в императорских театрах. – *В. Б.*) и с жандармскими доносами на товарищей...[4]

Напротив, В. Каверин восторгался: «Да здравствует театр бури и натиска, не чувствительный и слезливый, а бешеный и страстный!»[5] Вероятно, «новому зрителю» нравилось, что актеры въезжали на сцену через зрительный зал на мотоцикле (в спектакле «Учитель Бубус») или стреляли в публику из настоящего пулемета и винтовок («Последний, решительный» В. Вишневского)[6]. Привлекало и то, что в левой пьесе И. Эренбурга «Даешь Европу» играл настоящий

---

[1] Цит. по: *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 1. М., 2010. С. 10.

[2] Сатирический журнал иронизировал по поводу присвоения Мейерхольду звания «почетного красноармейца Отдельного Московского Стрелкового полка». См.: Смехач. 1926. № 24. С. 6.

[3] *Чуковский К.* Дневник. С. 167. Постановку «Мистерии» критиковали и за то, что 2–3 спектакля для участников Конгресса III Интернационала обошлись более чем в полмиллиарда руб. См.: *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 163.

[4] *Лешков Д.И.* Партер и карцер. Воспоминания офицера и театрала. М., 2004. С. 273. Представителям старой интеллигенции казалось, что своей постановкой «Леса» Мейерхольд «просто издевался над зрителем». См.: *Федосюк Ю.А.* Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 172.

[5] *Каверин В.* «Здравствуй, брат, писать очень трудно...» М., 1965. С. 193.

[6] В Одессе местные «юголефовцы» весной 1925 г. задумали поставить пьесу «Необычайные приключения племени Ничевоков» с «боями на сцене и в зале, светомонтажем, шумомонтажем». Первоначально действо должно было состояться в театре им. Луначарского (Оперном), но он не ко времени сгорел («со стыда», как говорили острословы), затем спектакль перенесли в цирк. Идейный руководитель «юголефовцев», бывший московский красногвардеец, украинский поэт Леонид (Лукьян) Недоля выехал на сцену на мотоцикле в «голубых кальсонах», вокруг арены расположились «юголефовские девочки» в трусиках. См.: Морія. С. 135, 137–138.

негритянский джаз[1]. Некоторые считали, что театр Мейерхольда, который в 1920–1922 гг. «крушил на своем пути все старые формы», в середине десятилетия «вошел в период созидательного творчества[2]. А. Белый в 1926 г. был в восторге от мейерхольдовского «Ревизора»[3], Иванов-Разумник в начале 1927 г. также восхищался этой постановкой[4]. Тем временем сатирический журнал высмеивал страсть Мейерхольда к «модернизации» классиков: «Их, гениев, много, а я один»[5]. Молодежи нравилось, что у Мейерхольда «все было ново, неожиданно, дразнило парадоксальностью»[6]. Похоже, сам режиссер мыслил проще, заявляя, что теперь зрителю нужна «здоровая похабщина»[7]. Революционный балаган затягивал, противопоставить ему было нечего: деятели «старого» театра оставались едва ли не самой апатичной частью интеллигенции[8].

До 1924 г. существовала практика: пьеса или концертная программа получала санкцию цензора с указанием, какой публике она может быть показана. Банкет в честь 100-летия Малого театра (1924 г.) был устроен в совершенно «буржуазном» духе: наряды, танцы (шимми, фокстрот), шансон, вино, шампанское. Все это соответствовало психологии существующих академических театров, считали «компетентные органы»[9].

Мейерхольд старался идти в ногу со временем, точнее – с публикой. В конце 1922 г. он поставил «Великодушного рогоносца» Ф. Кроммелинка с И. Ильинским в главной роли – для людей интеллигентных это была «очень страшная вещь», «смерч», «мрак». Напротив, «зрители смеялись и веселились в самые жуткие моменты», казалась, что они «в полной власти режиссера, актеров,

---

[1] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 17, 173–175.

[2] Театр и кино (Баку). 1925. № 1. 27 октября. С. 4.

[3] *Мейерхольд В.Э.* Переписка. 1896–1939. М., 1976. С. 256–259. Как ни парадоксально, в 1929 г. Мейерхольд собирался поставить «Москву» А. Белого. Должно быть, его вдохновила сама идея: открытие главным героем сверхэнергии атома. Между тем литературовед Н.К. Гудзий утверждал, что в этом романе «гниль, разложение». См.: *Зайцев П.Н.* Из дневников 1926–1933 гг. // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 493, 499, 491.

[4] Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 163–164.

[5] Бегемот. 1927. № 5. С. 5.

[6] *Баранская Н.* Указ. соч. С. 349.

[7] *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 264.

[8] *Шинкарук С.А.* Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность, 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. С. 2–22. Это явление описал в свое время в «Театральном романе» М. Булгаков.

[9] *Вихавайнен Т.* Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004. С. 171.

пьесы»[1]. Революции переворачивают и этику, и эстетику: критики отмечали, что само слово «красота» оказалось под подозрением в «буржуазности»[2]. Мейерхольд намеренно использовал «поэтику» толпы, настроенной веселиться и улюлюкать. Интересно, что нэпманы, посещавшие его постановки, недоумевали: «Все как-то кувырком»[3]. Мейерхольда пародировали: у писателя А. Лугина режиссер Сергей Эмильевич (намек также на С. Эйзенштейна) поставил античную трагедию в сопровождении акробатических трюков[4]. «В театрах трюки, трюки без конца за полным отсутствием дарований»[5], – писала Л. Шапорина. Но многим это нравилось[6]. М. Мамардашвили много позднее назвал это «фокусническим устранением реальности», пронизавшим всю советскую действительность[7].

Другие художники также готовы были вывернуться наизнанку, чтобы попасть в ритм ускользающего времени. «ПОБЕДА ИДЕОЛОГИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ – ПОБЕДА ИСКУССТВА», – то ли искренне, то ли натужно взывал И. Эренбург[8]. Впрочем, выдавая амбивалентность собственных мироощущений, он в романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» противопоставил восприятие советской действительности проницательным иностранцем и российским простаком. Столкновение старого и нового в душах людей так или иначе ставило под сомнение революционный проект.

Для постреволюционных эпох характерно вторжение в культурное пространство «низких» и субкультурных элементов. Это провоцировало языковое «грехопадение» общества[9], перестающего ощущать грань между чистым и грязным, красивым и вульгарным, запретным и дозволенным. Многие считали мат «лучшим признаком

---

[1] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 511.

[2] Театр и кино. 1925. № 7. С. 3.

[3] *Берзин Ю.* Указ. соч. С. 128.

[4] Пародийный режиссер объяснял: «Эпоха властно требует от нас жертв, а также трюков». Цит. по: *Лугин А.* Джиадэ, или Трагические похождения индивидуалиста. М., 1928. С. 112.

[5] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 78.

[6] «Все это было невероятно весело, легко и остроумно», – вспоминала С. Руднева. См.: Воспоминания счастливого человека. Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний. М., 2007. С. 240.

[7] *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1990. С. 205.

[8] *Эренбург И.* А все-таки она вертится. Берлин, 1922. С. 136. Эренбург «имитирует все и всех», – писал о нем Л. Лунц. См.: *Лунц Л.Н.* Указ. соч. С. 437.

[9] В 1923 г. Б. Пастернак писал о «возмутительнейших несоответствиях и всяческих неподобиях» в искусствоведческой терминологии. См.: Борис Пастернак и Сергей Бобров. С. 136.

пролетарского происхождения»[1], блатной жаргон воспринимался как «нормальный» язык, противостоящий скучной и нравоучительной официальной лексике и вообще «языку отцов»[2]. В целях «эгалитаризации» языка московские комсомольцы даже объявили войну обращению на «вы»[3]. «Новояз» впитывали дети: для одних матерщина стала естественной, другие прибегали к ней ради адаптации к культурно преобладающей среде. Сходным образом дети потянулись к бутылке – сказывалось и влияние взрослых, и жажда самоутверждения[4].

Постреволюционная релаксация, как ни парадоксально, сопровождалась аккумуляцией агрессивных импульсов в самых различных слоях общества. По словам М. Булгакова, развернулась «бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни»[5]. Впрочем, в традиционной среде все истолковывалось по-своему. 24-летняя учительница Данилова в марте 1925 г. писала из Коврова (Владимирская губ.): «Моя мама никогда не рассуждает о политике, иногда ругает большевиков антихристами, но сына-коммуниста любит. Однажды она сказала, что скоро наступит вахромеевская ночь. Сын рассмеялся: "Почему?". – Большевики ругаются, Рыков не хочет больше управлять. Вся власть расшаталась, скоро будет война, большевик на большевика пойдет...»[6] В сущности, так и случилось.

В низах усиливались эгалитаристские интенции. Даже попытки создания своеобразного пантеона революционных жертв наталкивались на непонимание. Некий И.М. Бородин из Тамбова с недовольством сообщал Калинину, что «жене с сыном убитого Войкова назначена пенсия в 225 руб., и матери 100 руб.» Он полагал, что «такую пенсию назначать нельзя, так как родные красноармейцев, погибших на фронте, получают всего 8 руб.»[7] Т.А. Васюков из д. Гора (Вологод-

---

[1] См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 226. Согласно воспоминаниям Г. Беседовского, на заседаниях большевистского Политбюро при употреблении непечатных слов соблюдалась своеобразная иерархия: при Сталине позволяли себе мат только Рыков и Ворошилов, остальные «почтительно сдерживались» и расслаблялись только после ухода генсека. См.: *Беседовский Г.З.* На путях к Термидору. Т. 2. Париж, 1931. С. 213.

[2] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 45.

[3] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 65.

[4] См.: *Рожков А.Ю.* Советская молодежная субкультура 1920-х гг.: языковые особенности // «Бренное и вечное». Ценности культуры в прошлом, настоящем и будущем. Великий Новгород, 1998. С. 140; *его же.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 200.

[5] Михаил и Елена Булгаковы. С. 17.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 129. Ситуация достаточно типична. См: Старый и новый быт. Сборник под ред. проф. В.Г. Тана-Богораза. Л., 1924. С. 84.

[7] Там же. Л. 25. Позднее было разрешено устанавливать «персональные» пенсии, вдвое превышающие наивысший размер зарплаты «ответственных» советских и профсоюзных работников. См.: *Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 58.

ская губ.) 25 мая 1926 г. выражал сомнение в целесообразности сооружения монумента Ленину в Каргополе, полагая, что «память о Ленине и без того не изгладится», а «режим экономии надо проводить за счет совслужащих»[1]. А некто Комарный из Бердянска (Мариупольский окр.) в марте 1927 г. возражал против возведения памятника Артему (Ф.А. Сергееву, случайно погибшему еще в 1921 г.) в Харькове за 50 тыс. руб. «Возможно ли нам заниматься строительством этих памятников в момент, когда мы идем по линии наибольшего экономического сопротивления? – вопрошал он. – ...Не лучше бы сократить курс на строительство памятников бронзовых и железных...» Бердянский «пурист» невольно давал отповедь ленинскому проекту монументальной пропаганды, полагая, что «строительство бронзовых памятников будет подрывать авторитет руководящей партии коммунистов»[2]. Красноармейцы словно в унисон заявляли: «Страна идет к упадку, крестьянство к нищете, а правительство строит памятники вождям»[3]. В 1927 г. рабочие Пролетарского завода Октябрьской железной дороги высказали свое требование: «...В дальнейшем ставить памятники только мертвым, а не живым...»[4]

Попытки создания новых ритуалов терпели неудачу за неудачей. На протяжении ряда лет празднование 1 Мая использовалось властью для изыскания средств «для помощи инвалидам Красной армии и борцам Революции Запада». Однако в конце 1920-х гг. «под напором несознательной части населения, пускавшей слухи о том, что никакого пролетариата на Западе отродясь не было», помощь зарубежным коммунистам пришлось приостановить[5].

К концу 1920-х гг. по официальной статистике за «пролетариатом» числилось 12 тыс. «поэтов» и «беллетристов»[6]. Но, если учитывать все вирши, направляемые в газеты и журналы, число «народных»

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 46. Предложение было вполне резонным: кое-где деньги, собранные на памятник Ленину (и помощь беспризорникам), уже были растрачены. См.: *Манькевич А.А.* Должностные злоупотребления советских чиновников и сотрудников правоохранительных органов в годы нэпа (на материалах Самарской губернии) // Гражданское общество в борьбе с коррупцией: история и современность. Самара, 2007. С. 49.

[2] Там же. Л. 4.

[3] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 143.

[4] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 369. Новые памятники чрезвычайно раздражали питерских горожан. См.: *Варшер Т.С.* Указ. соч. С. 92–93.

[5] *Хлынина Т.П.* Запад в восприятии советского человека 1920-х годов // Российская история. 2010. № 5. С. 45.

[6] По другим данным, одних поэтов было не менее 8 тыс., а в Москве насчитывали 2 тыс. поэтов профессионалов, объединенных в десятки поэтических школ. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 221.

творцов многократно увеличится[1]. Несомненно, это массовое явление в истории советского общества игнорировать нельзя[2]. Следует, однако, иметь в виду, что от него практически ничего не осталось – это был скорее эмоциональный порыв, нежели подлинное «творчество нового».

Куда основательней революция провоцировала социальную мимикрию: даже среди чекистов обнаруживались бывшие уголовники[3]. Люди с «темным прошлым», а таковых было немало, незаметно отравляли доктринально перекрашивающееся социальное пространство. «Когда пламенно-кипящая сфера... остывает, огненная магма покрывается догмой – твердой, окостенелой, неподвижной корой»[4], – писал Е. Замятин.

Западные дипломаты считали определяющей психоэмоциональной чертой советского общества всеобщий страх, насаждаемый сверху[5]. Вряд ли это вполне соответствовало действительности: то, что казалось страхом, поразило образованные верхи[6], в низах преобладало чувство тотальной неуверенности, изредка высвечиваемое

---

[1] В 1921 г. в Ижевске свыше половины самодеятельных пролеткультовцев (231 человек) составляли рабочие и дети рабочих. В 1922 г. здесь действовали студии «Теос», «Музыс», «Изос», «Литес» и студия физической культуры. См.: *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 64.

[2] *Соколов А.К.* Наука, искусство и социальные реалии минувшего столетия // Отечественная история. 2002. № 1. С. 64.

[3] Так, Т.Н. Козловский, осужденный в 1907 г. в Риге на 20 лет каторги за нападение на пивную лавку, в 1917 г. освободился и тут же записался в большевики, а в 1923 г. оказался на посту начальника Амударьинского облотдела ГПУ (*Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 583). Польский социалист А.Р. Формайстер, осужденный в 1906 г. на 20 лет каторги за грабеж, отягченный убийством беременной женщины, также освободившись в 1917 г., возглавил банду, занимавшуюся грабежами в Москве, затем с помощью друзей-коммунистов пробрался на ответственные должности в контрразведке и иностранном отделе ОГПУ (*Папчинский А.А., Тумшис М.А.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 95–103). Периодические исключения из партии «классово надежных» сотрудников ГПУ за «разложение» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 64) на фоне подобных метаморфоз кажутся ханжеством.

[4] *Замятин Е.* Лица. С. 250.

[5] *Шишкин В.А.* Россия в годы «Великого перелома». СПб., 1999. С. 100–101. Некоторые комсомольцы в конце 1920-х гг. приходили к такому же выводу. Так, в пьесе «Страх» сотрудника рязанской молодежной газеты А. Афиногенова главный герой заявлял: «Мы живем в эпоху великого страха... Уничтожьте все, что рождает страх, – и вы увидите, какой богатой творческой жизнью расцветет страна». Цит. по: *Кинкулькин А. Т.* Гуманизация образования и формирование исторического сознания // Преподавание истории в школе. 1990. № 1. С. 141–142.

[6] «Подлей нашего времени не было в истории, – писала Л. Шапорина. – Такого гомерического подхалимажа и трусости не было никогда» (*Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 82). К оценкам Шапориной (особы слишком нервозной из-за неудачного брака с

проблесками надежды. Иначе не могло и быть: «слепое» общество нуждалось в поводыре, а его пока не находилось.

Большевикам так и не удалось создать культурную ауру, которая притягивала бы всех. «Несмотря на создание специальных инкубаторов, никакой пролетарской литературы высидеть не удалось», – констатировал Замятин в 1923 г.[1] Культурное пространство не столько поляризовалось, сколько дробилось. При возрастании социальных стрессов это оборачивалось новыми витками войны «всех против всех».

2. Тупики революционной жертвенности

Предреволюционная эпоха отмечена знаком самопожертвования в духе горьковского Данко. В психологии революционеров это сочеталось с идеей и клятвой отмщения. Постреволюционное время стало полосой агрессивной эстетизации жертвенности. Это было связано с кризисом ожидания в чудовищно искривленном социально-историческом пространстве – люди теряли ценностные ориентиры и «вкус жизни». «Была большая мечта, теперь только трупный запах», – писал летом 1921 г. историк Г. Князев[2].

Вопреки сложившимся представлениям 1920-е отнюдь не были мирными: в ряде губерний сохранялось военное положение[3]. Кроме того, начало нэпа было отмечено жесточайшим голодом[4]. В Поволжье поедали домашних животных, падаль[5], было множество смертных случаев от голода и болезней, «благополучные» крестьяне распродавали скот, чтобы приобрести семенные материалы[6]. Практика «военного коммунизма» придала несчастью системный характер. В июле 1922 г. Главсанупр сообщал в Политбюро ЦК РКП(б) о голоде среди красноармейцев на Украине и в Крыму. В 80-й бригаде 30-й

известным композитором Ю.А. Шапориным) следует, однако, относиться с осторожностью.

[1] *Замятин* Е. Лица. С. 193.

[2] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 210.

[3] *Плеханов А.М.* ВЧК–ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 67.

[4] Одна из брошюр была написана словно специально для того, чтобы убедить, что голод – обычное явление в истории человечества, которое можно смягчить с помощью пищевых суррогатов (*Василевские Л.А. и Л.М.* Голодание. Популярный медико-санитарный очерк. Уфа, 1922). В другой брошюре описывались страшные последствия голода. См.: *Василевский Л.М.* Жуткая летопись голода. Самоубийства и антропофагия. Уфа, 1922.

[5] *Орлов И.Б.* Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем» (1921–1922 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 478.

[6] *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 306–309, 161.

дивизии было 4 случая смерти от истощения. Сообщали, что красноармейцы поедали кошек, собак, диких птиц, случались отравления дохлой кониной[1].

Печать несчастья – то ли природного, то ли антропогенного – легла на психологию даже тех людей, которые воображали себя строителями нового мира. «Мне кажется, что искреннему коммунисту... остается одно – застрелиться», – считал Князев[2]. Однако среди большевиков преобладала естественная реакция – помочь! Это нашло воплощение в выразительных плакатах того времени. Примечательна реакция Сталина на страхи соратников: «Ужас – это когда речь идет об отдельном человеке. Если речь идет о миллионах, это не ужас, а статистика...»[3] Кризисы взвинчивают, а затем убивают эмоции.

Р. Иванов-Разумник писал А. Белому 7 декабря 1923 г., что «революция пронеслась смерчем по душам нашим». Тех, кто оказался в эмиграции, «она загнала в прошлое» – это покойники, лишенные и настоящего, и будущего. Россия «марксистская» живет исключительно сегодняшним днем. «Quasi-коммунистическое мещанство может торжествовать в настоящем, но ему закрыто будущее», – считал он. Людям творческим, напротив, «открыто будущее и закрыто настоящее». Из сознания этого рождался своего рода «стоицизм невостребованности»: «Книги наши конфискуются. Рот забит тряпкой. И все это – естественно и законно»[4]. Впрочем, кое-кому удавалось приспособиться в силу особого рода беззаботности. Своеобразное впечатление оставлял Э. Багрицкий – «образцовый пережиток классической богемы»:

> За ним числится множество дикостей и бессмыслиц, в точности *похожих на дикости и бессмыслицы всех странствующих энтузиастов* всех веков и народов. Он знает, что он энтузиаст и богема, и радуется этому...[5]

В творческой среде стали заметны и другие «сумбурные люди» – вроде Ю. Тынянова и В. Шкловского[6]. В революционных низах у них были свои аналоги. Некий Н.Г. Мстиславский, член партии из Москвы, сообщал Л.Б. Каменеву, что в 1920 г. предложил Троцкому «услуги по секретному вооружению Коминтерна сотнями тысяч

---

[1] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 103.

[2] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 221.

[3] *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 113.

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 265.

[5] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 28.

[6] Согласно Л. Гинзбург, Шкловский заявлял: «Да, я сумбурный человек, но я не настаиваю на своем сумбуре, а Юрий Ник[олаевич Тынянов] настаивает, – он хочет стабилизировать сумбур» (*Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 30). Сумбур усматривали и в произведениях К. Федина. См.: *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 91.

управляемых самолетов с готовыми бомбами», за что был арестован и «имел на себе удовольствие испытать все прелести подвалов ВЧК». Теперь этот революционный фантазер утверждал, что «беззастенчиво творится экономическая контрреволюция», «преступления превысили всякую меру»[1], а потому надо спешно «зачищать» социальное пространство.

Некогда А.А. Богданов заметил, что практика «военного коммунизма» создает «атмосферу миража», когда «смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление»[2]. Теперь зазвучала лебединая песня коммунистической веры – люди отказывались полагаться на собственную память[3]. Пик этого процесса не случайно пришелся на смерть Ленина.

Пока вождь был жив, иные над ним подсмеивались, ходили слухи, что он уже умер или сошел с ума[4]. «Старорежимные» кухарки публично именовали его «антихристом», собирая возле дома Ульяновых в Симбирске толпы сочувствующих[5]. Размышляя над портретом Ленина, житель Москвы К. Антонов так комментировал его «насмешливый взор»:

> Несчастное людское стадо, как легко тебя одурачить самой фантастической сказкой! Стоит только поддакивать твоим страстишкам и низменным инстинктам, стоит поднять в тебе зависть, злобу и месть, польстить твоей хваленой мудрости, которая века держала тебя в рабстве... и ты пойдешь, страдая и погибая от лишений и невзгод, за любым фантазером крикуном, за любым проходимцем, вновь душа всякий протест и подготовляя себе новое, может быть, еще более тяжелое, ярмо раба[6].

По иронии судьбы в день смерти Ленина петроградская «Красная газета» поместила заметку «Живой труп на Вас. Острове» – о «нетленном» теле водопроводчика, умершего в исторический день – 9 января[7]. Однако после смерти вождя пересуды и злой скепсис были отброше-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 329.

[2] *Богданов А.А.* Вопросы социализма. М., 1990. С. 344.

[3] К примеру, Л.М. Кагановичу доносили о «крамоле»: в газете «Красная Татария» было напечатано, что Троцкий перед Октябрем выступал против тех, кто не верил в силы восставших (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 742. Л. 82). По законам сотворения мифа о «вредителях» Троцкому пора было предстать в образе противника Ленина.

[4] Такого рода информация распространялась в Екатеринославской губернии представителями интеллигенции. См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 838. О сумасшествии Ленина, о том, что он «пьет горькую», в интеллигентских кругах заговорили еще в начале 1922 г. См.: *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 221; *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 214.

[5] *Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 50–51.

[6] Цит. по: *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Революция и социальная справедливость. Р. 500.

[7] Цит. по: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 15–16.

ны – человека вспоминали по «большим» делам, в том числе приписываемым. В Москве значительная часть населения отнеслась к его смерти «с чувством какой-то важной утраты»[1]. «Ленину все же верили и боялись худших перемен», – такое настроение, вероятно, преобладало в обывательской среде[2]. Болезненно восприняли смерть вождя красноармейцы – плакали, были обмороки[3]. Исследователи пишут даже о массовом психозе, связанном с «мультипликационным эффектом толпы»[4]. Возможно, данный феномен действительно имел место: депрессивная среда неадекватно реагирует на трагические события. Даже людей, далеких от большевизма, поразило «острое чувство события огромного значения». Писали, что «вся Москва и страна полны Лениным», жизнь которого была «тесно слита с жизнью страны»[5]. Создалось впечатление «зримой беды, народного горя»[6]. ОГПУ сообщало, что «произошел сдвиг в настроении рабочих», проснулось «инстинктивное чувство единства» (хотя при этом рабочие опасались, что теперь у власти станут евреи). Сходным образом реагировало крестьянство, в среде которого порой муссировались слухи, что Ленина отравили[7]. Описан случай, когда сельский сход постановил «в течение года в память В.И. Ленина поддерживать общественный траур и не допускать никаких шумных собраний, танцулек и т. п.»[8].

По известной русской привычке в адрес Ленина зазвучали самовдохновляющие речи. Его часто вспоминали как «народного заступника». Делегат XI съезда РКП(б) Старостин (Нижегородская губ., д. Якшиха) приписывал Ленину следующие заповеди: не щадить буржуя и кулака; не вредить крестьянину-середняку; «помогать всемерно крестьянину-бедняку»[9]. «Идеальный» вождь противопоставлялся его преемникам. «Крестьяне говорят, Ленин был умный человек, любил народ, помер за него, а нынешние вожди только ругаются между

---

[1] *Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время нэп. М., 1991. С. 143.

[2] *Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 63.

[3] В литературных произведениях появились не только «плачущие большевики», но и рыдающие красноармейцы. См.: *Колосов М.* Комсомольские рассказы. М., 1925. С. 28.

[4] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 89. Вместе с тем отмечается, что могли сыграть свою роль и опасения, что начнется война. См.: там же. С. 93–94.

[5] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 602.

[6] *Баранская Н.* Указ. соч. С. 315.

[7] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 26, 30–31.

[8] Беднота. 1924. 5 августа. Цит. по: *Яхшиян О.Ю.* Сельские сходы в русской деревне 1920-х гг. // История российского быта. СПб., 1999. С. 123.

[9] В дни скорби. 21 января – 27 января 1924 г. М., 1924. С. 242.

собой», – писали из деревни[1]. По мнению Н. Валентинова, представление о Ленине «как правителе-избавителе от тяжких бед и грабежа» было распространено; при этом крестьяне считали, что он действовал как «русский человек», а не еврей[2]. Позднее А. Платонов (рассказ «На заре туманной юности») воспроизвел представления людей, которые «любят правильное устройство мира», – для каждого из них Ленин был «главным отцом для себя и всех бедных». Скоро каждая годовщина кончины вождя стала использоваться большевиками для напоминаний о том, что «светлое будущее человечества за Лениным»[3]. Со временем оказалось, что Ленин предусмотрел и колхозное строительство, и электрификацию[4].

«Большая смерть» отнюдь не исключает прозаических ожиданий. Если верить ОГПУ, некоторые кулаки принялись распространять слухи о льготах по налогообложению в память вождя[5]. Даже большевики-интеллигенты воспринимали уход Ленина как смерть божества. Порой звучало это так:

> ...Ушел Человек, идеи, мысли которого питали наше поколение. Он был рулевым на протяжении десятилетий. Вряд ли появится в обозримом будущем мыслитель с таким дальним прицелом, даром предвидения и железной логикой убеждения. История не щедра на подобные явления[6].

Образ Ленина надо было превратить в образчик коммунистической «нормы». Осуществлялось это не без помощи известных деятелей культуры. Так, фотограф П.А. Оцуп клятвенно обязался к 15 декабря 1924 г. завершить работу над «альбомом Ильича»[7]. Б. Пастернак включился в составление библиографии зарубежных высказываний о Ленине. Создание культа иной раз выливалось в нелепые формы. На Украине появились папиросы «Ильич», Моссельпром выпустил под тем же названием печенье, в Москве появились бани имени Ленина[8]. Именем почившего вождя упрекали здравствующих правителей. «Вы скоро сделаете имя Ленина именем проклятия...», – писал в ноябре 1927 г. донбасский рабочий Р.В. Думенко[9]. Некий С. Половинкин, беспартийный, самолично переименовавший

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 41.

[2] *Валентинов (Вольский) Н.* Указ. соч. С. 144.

[3] Правда. 1928. 21 января.

[4] Правда. 1930. 21 января.

[5] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 47.

[6] *Жукова Е.* На полках старинного шкафа. Семейная хроника. М., 1990. С. 157.

[7] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 293. Л. 4–5.

[8] Красный перец. 1924. № 13 (30). С. 12.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 1.

поселок с «дурным» названием Погореловка во славу почившего вождя, 8 января 1927 г. писал «наверх»:

> Дорогие товарищи! Исполнители воли народа! И защитники угнетенных! ...Будьте же такими, как Ильич, который заронил искры своей жалости в сердцах наших. Окажите содействие со своей стороны мне, малограмотному борцу против буквоедов и кулаков, душивших нас со всех сторон. Ненавистный им наш поселок из-за того, что имеет столь высокое название Ленинский посад... Особенно жалко Владимира Ильича, который подвергался многим покушениям от разных бродяг каплянов и др., не могу равнодушно смотреть на эту картину, когда Ильич упал от выстрела эсерки, слезы заливают глаза, сердце рвется из груди – отомстить! ...Дайте хоть немного мне со своей стороны помощь: 1) осветите мой разум путем образования, 2) снабдите канцелярскими принадлежностями...[1]

Оказалось, что революционная романтика сочетается с вещами прозаическими. Желательно, писал Половинкин, «чтобы наш поселок пользовался правами самостоятельности». Его жителям следовало «передать весь лес, не имеющий товарного значения, бесплатно». Так будет утвержден «немедленно проведенный Вами, товарищи, социализм!!!» Половинкин даже сочинил в связи с этим стихи:

> Помни, братцы дорогие,
> Я шутить больше не стал,
> И недаром свой поселок,
> Именем ЛЕНИНА назвал...
> Всему миру стало известно,
> Погиб ЛЕНИН из-за нас[2].

По сообщениям ОГПУ, в Марийской области на траурных собраниях крестьяне требовали упоминания Ленина в церквах[3], а в Смоленской губернии крестились на его портрет[4]. Некий К.И. Гирис из Харькова писал: «Ленин умер, чтобы вечно жила его душа в нас». Вождь привлекал его тем, что демонстрировал образцы истинно коммунистической скромности – он «был против тех коммунистов, которые шьют себе сапоги с голенищами выше колен». В конце письма его пафос поднимался на запредельный уровень: «Ты [Ленин] полюбил

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 180.

[2] Там же. Л. 182.

[3] Возможно, такие пожелания были связаны с тем, что патриарх Тихон (согласно газетной информации) отозвался о Ленине как о «человеке добрейшем и поистине христианской души». Вместе с тем он отказался от участия духовенства в похоронной процессии под предлогом, что он никогда не выражал такого пожелания. См.: Вечерняя Москва. 1924. 25 января.

[4] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 30.

русский народ, который по причине твоей смерти не устроил жизнь так, как ты хотел!»[1]

О смерти Ленина люди узнали 22 января – день был нерабочим в память о «Кровавом воскресенье» (9 января по старому стилю). Уже сложился обычай – по крайней мере на предприятиях – устраивать в связи с этой датой собрания, петь революционные песни в траурно оформленных помещениях. Получалось, что одна жертва (рабочая масса) символично наложилась на другую (вождь), что оказывало дополнительное эмоциональное воздействие[2]. В тот же день «Правда» и «Известия» в специальных выпусках заговорили о том, что каждый член партии «есть частичка Ленина», а сама партия – «коллективное воплощение Ленина». «Жертвоприношение» вождя должно было материализоваться усилением его партии[3]. Характерно, что одним из критериев качества «ленинского призыва» в ряды большевиков стало участие в Гражданской войне[4]. «Большая смерть» должна была упрочить идею насильственного утверждения будущего.

А. Платонов точно передал это словами одного из своих литературных героев («Как зажглась лампа Ильича»):

> ...Мы видим лампу Ильича, но не видим тут дорогого Ильича, не видим великого мудреца, который повел на вечную смычку двух апогеев революции – рабочего и крестьянина... И я говорю: смерть империализму и интервенции, смерть всякому псу, какой посмеет переступить наши великие рубежи...

Пропагандисты того времени изъяснялись именно так. Однако электричество в захолустной деревне просуществовало лишь год – электростанцию сожгли (подозрение, разумеется, пало на мельников-кулаков).

Житейские нужды оказывались сильнее утопий. На Ликинской фабрике Орехово-Зуевского треста собрание, посвященное годовщине смерти Ленина, было сорвано из-за повышения расценок – прозвучали призывы к избиению докладчика и членов фабко-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 225.

[2] Так, сообщалось, что, когда в Богородско-Глухове 6 тыс. рабочих фабрики им. Ленина, собравшихся в годовщину «Кровавого воскресенья» на открытие «статуи тов. Ленина», узнали о его смерти, «по рядам раздался стон». См.: В дни скорби. 21 января – 27 января 1924 г. М., 1924. С. 233.

[3] *Тяжельникова В.С.* Ленинский призыв 1924–1925 годов: новые люди, новые модели политического поведения // Социальная история. Ежегодник, 2008. СПб., 2009. С. 123–124. Представление о том, что революционер не умирает, а «растворяется» в «коллективном теле» его товарищей, стало утверждаться еще в 1918 г. См.: *Икэда Ё.* Между вождизмом и коллективизмом: Проблема личности и коллективизма в политической культуре большевиков // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 30. No. 3. P. 227.

[4] *Тяжельникова В.С.* Ленинский призыв. С. 125.

ма[1]. Случались и конфузы. В Демянском уезде (Новгородская губ.) о смерти Ленина было объявлено во время спектакля о «Кровавом воскресенье». Секретарь укома был столь ошарашен, что произнес бессвязную речь, убеждая, что «...пусть умер... мы и без Ильича не пропадем». С такой же бессмысленной речью выступил нетрезвый заведующий агитпропотделом, в результате чего было провозглашено громогласное «ура»[2].

Смерть «вождя» породила массу слухов. Кое-где его давно считали безнадежно больным[3]. Накануне его смерти распространились домыслы о бегстве Троцкого и Радека, говорили о возможности бегства его самого[4]. Высказывались предположения, что Ленин умер еще полгода назад, но его держали замороженным, а объявили о смерти лишь по требованию съезда Советов. Ждали раскола в партии – многие были убеждены, что Ленина, провозгласившего нэп, убили евреи. Естественно, усилились страхи войны[5]. Выросли антисемитские настроения, появились листовки с призывом не выбирать на место Ленина «жида»[6]. Из Нижегородской губернии сообщали, что «в связи со смертью т. Ленина» отношение рабочих завода (с примечательным названием «Двигатель революции») к Советской власти улучшилось[7]. В армии часть бойцов впала в настоящую депрессию:

> ...тов. Ленин умер, тов. Троцкий заболел, остался только тов. Калинин. Как мы будем бороться с буржуазией, как бы она нас не задавила.[8]

В правящих верхах происходящее воспринималось более спокойно. К смерти Ленина готовились, похоже, заранее[9]. «Преемники»

---

[1] *Борисова Л.В.* «Отношение рабочих недружелюбное...»: Забастовки в Советской России в первой половине 1920-х гг. (по документам ГПУ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2005. № 4. С. 101.

[2] *Чистиков А.Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 257.

[3] *Перелыгин А.И.* Русская православная церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел, 2008. С. 50.

[4] Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ / публ. Л. Кошелевой и Н. Тепцова // Неизвестная Россия. XX век. Т. 4. С. 12.

[5] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1923–1929 / под ред. В.П. Данилова. Т. 2. М., 2000. С. 173.

[6] *Лютов Л.Н.* Настроения рабочих провинции в годы нэпа // Отечественная история. 2007. № 4. С. 65.

[7] Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ. С. 20.

[8] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 93. Были и более пессимистические высказывания: «Ленин умер, и все пропало»; «Со смертью Ленина будет хуже, т. к. власть перейдет к евреям» и т. п. (там же).

[9] Н. Вольский утверждал, что «в последних числах октября» 1923 г. этот вопрос обсуждали Троцкий, Бухарин, Каменев, Калинин, Сталин, Рыков, причем именно тог-

и ранее обнаруживали не вполне обычное отношение к смерти: в шаржах и карикатурах, циркулирующих на заседаниях Политбюро, часто появлялись трупы, скелеты, повешенные[1] – давали себя знать то ли реминисценции Гражданской войны, то ли «юмор висельников». Теперь «большая смерть» должна была послужить «делу партии, делу Ленина».

Показательно, что партийное предписание вождю – «жить вечно» в забальзамированном виде[2] – было встречено в народе без всякого изумления. Вероятно, под влиянием этого события уже прикованный к постели М.С. Ольминский, возглавлявший Общество старых большевиков, потребовал, чтобы его труп «был закопан (если нет в данной местности утилизационного завода)... в одном белье в присутствии только могильщиков и милиции». Впервые с подобным новшеством он выступил еще в 1919 г.[3] В конце 1924 г. рацпредложение о максимальной утилизации не только духа, но и плоти революционеров было почти единогласно поддержано «старейшинами» большевизма. В соответствующей резолюции говорилось, что «демонстрационные похороны теперь сохраняют свой прежний большевистский характер в самых редких, исключительных случаях (похороны Ленина, Воровского)», а посему Общество «отказывается от соблюдения похоронных обрядностей для своих членов и призывает всю партию и сочувствующих беспартийных бороться с гнилыми предрассудками»[4]. Примечательно, что Сталин как-то обронил созвучную сентенцию: «Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов».

Атеистические похороны обессмыслились, писал В.В. Вересаев[5]. Это подтверждалось на каждом шагу. Пролетарии питерского завода «Красногвардеец» потребовали вернуть им прах Ленина, мотивируя

да Сталин, к возмущению присутствующих, заговорил о похоронах «по-русски», имея в виду бальзамирование. См.: *Валентинов (Вольский) Н.* Указ. соч. С. 146–149.

[1] *Ватлин А.Ю.* Рисунки для своих: зрительные образы как аргумент в работе Политбюро начала 1930-х годов // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008. С. 178.

[2] Скорее всего, это произошло стихийно: 25 января 1924 г. «Правда» опубликовала решение Президиума ВЦИК о сооружении на Красной площади «склепа» для прощания с вождем всех желающих. Мнение Н. Валентинова о том, что это решение тайком протащил Сталин, выглядит неубедительным. См.: *Валентинов (Вольский) Н.* Указ. соч. С. 149–150.

[3] В 1919 г. М. Ольминский высказал недовольство пышностью похорон Я.М. Свердлова. См.: *Ольминский М.С.* Смерть и похороны // Правда. 1919. 3 апреля.

[4] РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1424. Л. 11, 22, 23.

[5] Если раньше «труп представлял нечто таинственное и священное, как храм, в котором жила бессмертная душа человека», то теперь осталось всего лишь «разлагающееся тело». Ставить возле него почетный караул нет смысла, считал В. Вересаев. См.: *Вересаев В.В.* Об обрядах новых и старых. М., 1926. С. 6.

это тем, что «в Москве он был в командировке», а «пламя революции» зажег в северной столице[1]. Идея взаимодействия духа усопшего с толпой (а не с Богом) скоро стала лейтмотивом всех «советских», точнее, неоязыческих похорон. По некоторым данным, в первой половине десятилетия обряд «красных похорон» внедрялся особенно активно[2]. Их основная идея была по-своему доходчива. Концовка надписи на могильной плите «революционного» академика Н.Я. Марра гласила: «Коллектив живой воскрешает мертвых». Похоже, что система ощущала себя жизнеспособной только на фоне «большой жертвы».

Траурные мероприятия стали традицией. 18 февраля 1924 г. двухтысячная женская губернская конференция медиков проходила в Колонном зале Дома Союзов, намеренно сохранявшем траурное убранство. На фоне кинокадров похорон Ленина был показан специальный концерт. «Многие плакали – тихо, безмолвно», – вспоминали очевидцы. «Народное траурное действо, зрелище скорби страны», «траур народа, перелившийся из Москвы по всей стране», – все это не могло не впечатлить[3]. В мае 1924 г. делегатам XIII съезда партии было впервые дозволено лицезреть забальзамированного вождя, поклонение его телу было призвано крепить единство партийцев, комсомола, пионерии[4]. В октябре В. Маяковский начал выступать с чтением поэмы «Владимир Ильич Ленин» – сначала на квартирах В.В. Куйбышева и А.В. Луначарского, затем в рабочих аудиториях – и везде имел успех[5].

«Всенародная скорбь» помогала решать текущие задачи. В Орловской губернии третью годовщину смерти Ленина совместно с другой памятной датой, 9 января (теперь они символически скрещивались), губсовет предложил отметить «под знаком разоблачения контрреволюционной роли духовенства». По этому случаю было выпущено 2 антирелигиозных письма: «Кто был поп Гапон?» и «Что говорил Ленин о религии?» При этом советские граждане «отмечали замыслы Гапона как кровопивца народа (трудящихся)»[6]. От партийного руководства Пермского округа 5 января 1925 г. последовала директива: провести неделю, посвященную «памяти тов. Ленина и январским событиям 1905 года», а заодно напомнить о борьбе против меньшевизма

---

[1] Подобных предложений было несколько. См.: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 20.

[2] *Красильникова Е.И.* Похороны как аспект городской повседневности (по материалам западносибирской газетной прессы первой половины 1920-х гг.) // Социальная история. Ежегодник 2010. СПб., 2011. С. 229.

[3] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 610–611.

[4] *Takiguchi J.* Projecting Bolshevik Unity, Ritualizing Party Debate: The Thirteenth Party Congress // Acta Slavica Japonica. Vol. 31. 2012. P. 67.

[5] *Катанян В.А.* Указ. соч. С. 282–284.

[6] ГА ОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1132а. Л. 15–17.

и троцкизма[1]. Для закрепления культа требовался «черный» антипод. Зарождалась настоящая пропагандистская индустрия, воспевающая как «вечно живых», так и «жертвенно здравствующих» кормчих. Даже сельские «богомазы» – не без сомнений – переключились на «малевание вождей»[2].

Разумеется, все это не исключало индивидуальных вспышек антиленинских манифестаций. В августе 1924 г. военнослужащие Я.С. Бутенко и С.К. Вишневский, оба коммунисты, якобы слышали в санатории «Светлана» в Сочи разговоры крестьян о том, что «Ленин разорил Россию». Они полагали, что «крестьяне в душе ненавидят Ленина»[3]. В 1925 г. К.Д. Крылов, вахтер МХАТа, человек вроде бы благовоспитанный, вдруг ни с того ни с сего принялся ругать Советскую власть и ее покойного вождя. Его выслали из Москвы на 3 года. В марте этого же года произошел почти символичный случай. Г.Г. Солопов, рабочий из Курска, явился на прием к первому секретарю Замоскворецкого райкома партии по фамилии Каравай и ударил его – за бюрократизм и равнодушие к просителю – по голове подвернувшейся бронзовой статуэткой Ленина. Каравай отделался шишкой, Солопова расстреляли – в кармане у него нашелся наган, кроме того, обнаружили 13 его подельников-контрреволюционеров[4].

Смерть Ленина закрепилась в качестве важной части советского идеологического ритуала, возможно, в силу своей укорененности в детской психике[5]. Публиковались специальные методические рекомендации к театрализованным постановкам таких сцен, как «Отклики на смерть Ленина», «Живые трупы» и т. п.[6] В апреле 1924 г. было запрещено размещать изображения Ленина на предметах домашнего обихода[7]. Вероятно, успех коммунистических поминовений был связан с представлениями крестьян о том, что лексема Ленин означает должность, точнее, вечный символ имперской власти (вроде Цезаря). В традиции празднования дня гибели Ленина проглядывало и нечто «пасхальное». С другой стороны, прилагались усилия для того, чтобы «материально обосновать гениальность Ленина» на основании

---

[1] *Резник А.* Троцкизм и левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 годы. М., 2010. С. 98.

[2] Один из них при этом плакался: у них лица «не духовные» См.: *Явич А.* Указ. соч. С. 175.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 133.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 291, 292.

[5] См.: Час Ленина в школе. М., 1924; Ильич. Детские рассказы и стихи о Владимире Ильиче Ленине. М., 1924.

[6] *Бергман С., Долинский С.* Кружковая работа в клубе. М., 1925. С. 24–28.

[7] Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М., 2004. С. 478.

особенности строения его мозга[1]. 21 января 1930 г. в Большом театре отметить годовщину его смерти собрались 5000 московских рабочих, члены ЦК и МГК ВКП(б), ЦИК СССР, представители профсоюзов. В президиуме расположились Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Калинин, Ворошилов, Ярославский. Заседание закончилось концертом. Маяковский прочитал 3-ю часть поэмы «Владимир Ильич Ленин»[2]. Все это транслировалось по радио. Вряд ли собравшиеся сознавали, что, участвуя в подобных псевдопасхальных церемониалах, они словно пытаются придать течению времени совсем иную – цикличную, а не революционно-поступательную – ритмику.

Годы Гражданской войны изменили взгляд на ценности жизни и смерти – ушло таинство, стали меняться представления о человеческом организме (соответственно и «душе»). Тема насилия в «Двенадцати» А. Блока была понятной; конец поэмы с Иисусом Христом, напротив, вызывал искреннее недоумение[3]. В 1921 г. В.И. Вернадский прочел в голодном Петрограде цикл лекций по геохимии. Среди них была и такая – «Начало и вечность жизни». В Москве сочинял книгу «Овладение временем» безвестный философ Валериян Муравьев: на основе новейших достижений биологии, математики, физики, медицины он обосновывал идею преодоления смерти[4]. Соответственно менялись представления о мотивации социального поведения. На исходе десятилетия Вернадский записывал в дневнике, что в кругу вершителей судеб страны учение об условных рефлексах И.П. Павлова «заменяет психологию»[5]. Это помогало надолго забыть о «правах человека и гражданина» во имя «классовой справедливости».

Постреволюционная эпоха вызвала деформацию представлений и о собственном времени, и о будущем, и о самих себе. Весьма своеобразно проявилось это у «старой» интеллигенции. Привычная пестрота и интеллектуальная разноголосица, вылившаяся в появление многочисленных философских объединений[6], на деле мало кого

---

[1] К 1928 г. профессор О. Фохт на основе анализа особенностей анатомического строения мозга Ленина выдвинул «механистическую теорию гениальности», однако обнаружилось, что такие же особенности характерны для строения мозга людей слабоумных. См.: Источник. 1994. № 1. С. 74, 78–79.

[2] Комсомольская правда. 1930. 22 января.

[3] *Баранская Н.* Указ. соч. С. 352–353.

[4] Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 137.

[5] «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В.И. Вернадского. 1928 г. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 179.

[6] Во главе их стояли такие известные фигуры, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский и др. (*Семенова С.Г.* Основные философские объединения. Высылка мыслителей // *Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г.* Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 50–51).

устраивала. Оказались востребованы необычные духовные лидеры, нетерпеливые современники пытались угадать их в себе подобных. Известного философа священника П.А. Флоренского то сравнивали с Леонардо да Винчи и даже Платоном[1], то называли «Паскалем нашего времени»[2], то приписывали ему «нетерпимость, высокомерие» и «мрачное христианство». Одни в нем видели и мудреца, и мага, и «большого актера в очень удавшейся ему роли», и даже «злого духа», другие, напротив, полагали, что этого «кабинетного человека», «немного дикого, немного мизантропа», отличает та непривычная смелость ума, которая позволяет заглядывать в «люциферическую бездну»[3]. На деле он был просто выдающимся человеком *своего* времени, стоически реагирующим как на утопические выверты, так и на корявые практики современности.

В постреволюционных условиях не случайно развернулась борьба за «культурность», нацеленная на формирование сервильных стандартов поведения. Атрибуты старого (чужого) мира притягивали и отталкивали одновременно: известного рода молодежные дискуссии – наглядное тому подтверждение. «Победители буржуазии» могли обрести достойную самоидентификацию, только задвинув культурные символы своих противников – прежде всего на бытовом уровне. Отсюда рефлекторное неприятие всевозможных «классовых» маркеров прошлого, вроде «буржуазных» галстуков[4].

В конце десятилетия завершилась «воинствующе-оптимистичная» кампания по внедрению кремации, шутливым штрихом отмеченная в романе Ильфа и Петрова. С другой стороны, широко известна история с организацией А.А. Богдановым Института переливания крови с целью укрепления организма – это была вовсе не чисто медицин-

---

В 1921 г. активизировалась «Вольфила» (Вольная философская ассоциация), среди учредителей которой были Л.И. Шестов, Г.Г. Шпет, Р.В. Иванов-Разумник, А. Белый (*Алексеев П.В.* Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 143). В Москве на Пречистенке в том же году разместилась Государственная академия художественных наук (ГАНХ), в которую входили П.С. Коган, Г.Г. Шпет, М.О. Гершензон. В середине 1920-х гг. к ним присоединился М.А. Булгаков. См.: *Каптерева-Шамбинаго Т.П.* Арбат, дом 4. М., 2006. С. 126–127.

[1] В.В. Розанов писал: «...Мне порой кажется, что он – святой: до того необыкновенен его дух, до того исключителен...» (Цит. по: *Андроник, игумен.* Московский кружок. Публикация из семейного архива Флоренских // Литературный Иркутск. 1988. Декабрь. С. 8). Разумеется, к характеристикам Розанова надо подходить осторожно.

[2] Сравнение принадлежит В.В. Розанову, ставившему его на уровень «греческого Платона» и называвшему «святым». См.: *Спасовский М.М.* В.В. Розанов в последние годы своей жизни. Среди неопубликованных писем и рукописей. Нью-Йорк, 1968. С. 62–63.

[3] См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 403, 409, 414, 441, 455, 459.

[4] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 37.

ская, а своего рода социально-биологическая акция. Сам Богданов – один из руководителей Пролеткульта и Коммунистической академии, основатель «тектологии» – погиб в результате такого эксперимента.

По-видимому, идея «последней жертвы» в умах многих революционеров превращалась в *idée fixe*. Один красноармеец, «первооткрыватель» коммунистической науки, призванной перевернуть мир, просил Сталина о встрече и жаловался: «...Сейчас у меня есть сильное переутомление и, может быть, не раз имел возможность смерти из-за напряжения, но бросить эту цель не могу»[1]. Обнаруживались и другие «заложники истории», намеренные переделать ее единым махом. М.В. Литвишко из Старой Карани (Марийский окр.) в августе 1926 г. открылся «простой план» спасения: получение кредитов от капиталистических стран; возвращение из Франции «нашего Черноморского флота»; усиление мощи Красной армии; присоединение к СССР Бессарабии; «возврат русских эмигрантов и захват лидеров враждебных партий»; усиление влияние коммунистической партии на крестьянство; наконец, «доказательство мощи СССР перед капиталистическими странами через усиление влияния на рабочий класс этих стран»[2]. Таков был еще один образчик надежд на чудо преображения мира. Однако череда смертей большевистских лидеров означала для многих угасание надежды. Некий И. Долгов в апреле 1927 г. писал Калинину:

> Если уже сейчас, когда в верхах старые товарищи, работавшие еще при царизме в подполье, и то бывает несогласие в виде оппозиций, то что ж получится тогда, когда на место старых вольются новые силы... Умер Ленин, о нем все жалеют. Дальше умрут Калинин и другие. Кто знает, что за люди займут их места... До сих пор не видел просвета. Надрываюсь, работаю для куска хлеба... И духовно чувствую себя скверно... Многие говорят, что если отправить письмо подобного содержания, то взгреют, то есть пропадешь без вести. Я тому не верю, совесть моя спокойна[3].

Находились и другие авторы, испытывающие графоманский зуд в связи со смертями старых революционеров. Некий Э. Шейнфт, бухгалтер Мелитопольского окрфинотдела, 26 ноября 1926 г. направил оставшимся «вождям» свой «скромный стих»: «Редеют ряды старой гвардии славной / товарища Красина среди них уже нет...» и т. д.[4] Создавалось впечатление, что между подобными корявыми виршами и бытовым «притяжением смерти» существовала какая-то незримая связь.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 144.

[2] Там же. Л. 247.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 40–40 об.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 497. Л. 124.

Власть также настораживало обилие революционных смертей. Полпред Л.Б. Красин умер в Англии в ноябре 1926 г., что само по себе вызвало подозрения. На траурном митинге в Большом театре Сталин не присутствовал. Оцепившие Красную площадь войска не допустили на церемонию захоронения урны в кремлевской стене делегацию рабочих, что вызвало протесты[1].

Исторически протяженная волна революционной жертвенности приняла крайние формы. В 1924–1925 гг. достигла своего пика поднявшаяся еще в 1921 г. волна самоубийств среди партийных работников[2], на порядок превзошедшая также необычайно возросшую суицидальность населения. В 1925 г. каждый восьмой из умерших большевиков покончил с собой. Доля коммунистов среди самоубийц была не ниже 7 %, в армии – 15 %[3]. В период с января 1923 г. по сентябрь 1925 г. число суицидалов среди чекистов было больше, чем погибших в борьбе с бандитизмом[4]. Большевистские теоретики тут же объяснили это физической изношенностью «старой гвардии» – иного от «материалистов» трудно было ожидать[5]. Для объяснения суицидальности красных командиров отыскали более элементарные объяснения: страх ответственности за совершенное преступление, психическая неуравновешенность, протест против жестких взысканий при крайне тяжелом материальном положении[6]. Причиной са-

---

[1] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 89–90.

[2] В 1921 г. стали добровольно уходить из жизни некоторые молодые люди. Так, неожиданное самоубийство «рассудительного и тихого» 18-летнего юноши комментировали так: «надоело жить или несчастная любовь». См.: *Заховаева А.Г.* В поисках смысла: из прошлого к настоящему. СПб., 2011. С. 77.

[3] *Тяжельникова В.С.* Самоубийства среди коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. 1998. № 6. С. 162.

[4] Государственная безопасность России. С. 447.

[5] См.: *Залкинд А.Б.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924. Не исключено, что возрастанию суицидальности способствовало снятие запрета на продажу спиртных напитков. Ю. Ларин отмечал, что наиболее подвержены пьянству оказались те общественные слои, которые считались «основной опорой социализма». См.: *Ларин Ю.* Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М.; Л., 1929. С. 5.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 953. Л. 35. По данным ПУРа, на март 1925 г. «волна самоубийств не спала». Наиболее высокий уровень суицидальности сохранялся в Приволжском ВО – 14, т. е. 0,063 % по отношению к численности личного состава. В среднем же на 100 тыс. человек в год приходилось 3–4 самоубийства. Наиболее склонным к суициду был начальствующий состав среднего и младшего звена. Основные причины самоубийства для комсостава – личные переживания и внеслужебный быт. Приводился случай, когда командир выстроил своих подчиненных и со словами «Внимание!» выстрелил себе в голову. Административный персонал подталкивался к самоубийству в основном хозяйственными преступлениями (40 %) и нервными расстройствами (30 %). Для политсостава «нервы» стали основанием уже 44 % само-

моубийств красноармейцев называли «денщичество, солдафонство, рукоприкладство командиров»[1]. На статистику суицида в армии мог повлиять еще один фактор: в связи с кризисом 1925 г. старших командиров отправляли в «бессрочные отпуска», вдвое урезав содержание[2]. Говорили и о том, что комсостав страдает из-за переездов с места на место[3]. Положение не улучшалось: в начале 1927 г. отмечались «скученность размещения» красноармейцев, распространение вшивости, плохое довольствие[4]. Суицидальные интенции различных категорий военнослужащих основательно разнились. Так, среди красноармейцев получил распространение так называемый протестный суицид: молодые люди своей смертью пытались «отомстить» несправедливому командиру и «реабилитировать» себя в глазах окружающих[5]. «Инфантильная» реакция на ситуационное искажение патерналистского идеала в заостренной форме отражала общественную ситуацию в целом.

Со времен классической работы Э. Дюркгейма[6] известно множество теорий самоубийств – как социологических, так и психологических. Все исследователи объясняют рост суицидальности не только фактором социальной дезинтеграции, но и идеологическими кризисами. В свое время Достоевский связывал самоубийство с «потерей

убийств. Суицидальность рядового состава выглядела так: преступления – 20 %, недовольство службой – 16,5 %, нервные расстройства – 13 %, болезни – 10 %. Отмечалось, что «часто дело кончается самоубийством, когда женщина требует оставить военную службу, чтобы можно было содержать семью». При этом среди партийцев и беспартийных был примерно одинаковый уровень суицидальности (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 16–21). Несомненно, самоубийства так или иначе были связаны с ощущением тупиковости армейского бытия. Среди прочих факторов называли вражду старого офицерства и так называемых краскомов – вторых, по информации ОГПУ, «затирали». См.: «Совершенно секретно». Т. 2. С. 129.

[1] Рабочий суд. 1926. № 9. С. 609.

[2] Об этом анонимно писал Сталину один его земляк (на грузинском языке). Он жаловался, что «если что-нибудь скажешь комиссии, то с руганью по матери выпроводят и скажут, что нет больше работы... Остается только одно: взять ружье и заняться бандитизмом». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 304.

[3] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 139. Л. 128.

[4] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 140. Л. 1. Тем временем в прессе сообщали, что в день на человека отпускается хлеба 2,5 фунта, овощей свежих – 96 зол., мяса – 48., крупы – 32, жиров животных – 8 зол. (*Тяпкин Ив.* Красноармейский обед и ужин // Красная деревня. 1927. № 36. 4 сентября. С. 21). В «царской» армии в начале войны хлеба выдавали столько же, при этом солдат получал по 1,5 фунта мяса (позднее ¾ фунта) и куда больше овощей.

[5] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 146, 149–151.

[6] Он выделял эгоистические, альтруистические и аномические (вызванные кризисным состоянием общества) факторы, определяющие суицидальность. См.: *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

высшего смысла жизни»[1]. Известно, что суицидальность снижается в военное время и, напротив, резко повышается в послевоенное[2]. В 1920-е гг. уровень самоубийств вырос во всех воевавших странах, однако нигде не отмечался скачок суицидальности молодежи[3]. Создается впечатление, что самоубийства среди коммунистов были продиктованы желанием уйти от абсурда постреволюционного бытия. Член партии А. Готкин 23 мая 1924 г. истерично вопрошал из Вязьмы: «Для чего нужна партмобилизация?»:

> Или для укрепления коммунистического влияния между армией, массами, или для мебели? ...Военкомы, которые находятся при Подиве 29... заставляют выходить из партии или покончить с собою...[4]

В 1920-е гг. мужчины обычно стрелялись; женщины, как всегда, предпочитали веревку и яд[5]. В Северной Осетии милиционеры кончали жизнь самоубийством по пьянке, в связи с растратами и тяжелым материальным положением[6]. Суицидалов объединяло ощущение безнадежности. В 1925 г. выбросился из окна на Лубянке и Б.В. Савинков – «раскаявшемуся» террористу с клеймом предателя, вроде бы уверовавшему в «истину» большевизма и им же обманутому, даже содержание в комфортных тюремных условиях (он получал немалые гонорары за свои публикации, было предложение поставить фильм по роману «Конь вороной») показалось пыткой. Некогда У. Черчилль назвал Савинкова террористом, преследующим умеренные цели. Похоже, что, познакомившись с террористической масштабностью и карательной изощренностью большевизма[7], тот пришел в отчаяние от осознания ничтожности своих деяний и замыслов.

---

[1] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 24. Л., 1982. С. 49. Аналогичным образом исследователи связывают суицид с «экзистенциальным вакуумом» (*Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990), а также выделяют «дезиллюзионную» его разновидность. См.: *Halbwacks M.* Les causes du Suicide. Paris, 1930.

[2] Отмечалось, что число случаев суицида начало расти с 1920 г., особенно в губернских центрах. В деревне самоубийства часто не фиксировались. См.: Рабочий суд. 1926. № 8. С. 554–555.

[3] *Бруханский Н.П.* Самоубийцы. Л., 1927. С. 13, 17; *Rittersporn G.* Le message des données introuvables. L'État et les statistiques du suicide en Russia et en URSS // Cahiers du monde Russe. 1997. Vol. 38. No. 4. P. 517–518.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 3.

[5] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 191.

[6] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 30.

[7] Согласно постановлению Политбюро от 18 сентября 1924 г. Савинкова следовало «лично не унижать, не отнимать у него надежды, что он может еще выйти в люди...» Дзержинский со своей стороны дал указание собирать на него компрометирующий материал о былых связях с Ю. Пилсудским. См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 570, 572.

Строго говоря, уровень тогдашней суицидальности по современным меркам был не столь высок. Примечательны вместе с тем случаи шантажа самоубийством. И.И. Попов, житель с. Подкущевка (Кубанского окр.), в прошлом красный партизан, писал:

> ...Ничего не пойму и остаюсь в тупике. Душа пыхтит от напряжения мятежных чувств, как котел, переполненный паром... Негде жить, нечем посеять десятину озими, чтобы не побираться завтра и послезавтра на радость и удовольствие кулаку мироеду... не хочу кончить самоубийством, это будет крайнее удовольствие врагам революции.

Оказалось, что этот человек, именующий себя батраком, хотел, чтобы ему отдали в аренду... лавку[1]. Этот, возможно, не столь уникальный случай добавляет выразительный штрих к «психологии победителей». В новой жизни не находилось места революционным романтикам, некогда запятнавшим свои руки невинной кровью.

Конечно, хватало «самоубийств на почве репрессий» – по информации ОГПУ, крестьяне добровольно уходили из жизни из-за невозможности заплатить налог[2]. Иной раз пытались покончить собой работники сельсоветов, вынужденные выколачивать налоги из односельчан[3]. Студенты стрелялись, травились, вскрывали вены, протестуя против «чисток» вузов[4]. Самоубийства, как и таинство смерти, становились явлением будничным.

В 1925 г. Сталин своеобразно прокомментировал смерть М.В. Фрунзе: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и просто спускались в могилу»[5]. Простые люди, словно следуя этой подсказке, восприняли смерть Фрунзе равнодушно. «Рабочие не понимают, что смерть Фрунзе – большая потеря», – сообщали «сознательные коммунисты», сетуя на их «слишком узкий» кругозор. Примечательно в связи с этим, что работники службы московского водопровода заинтересовались «ходом его болезни, операцией, результатами вскрытия»[6]. Рабочие, с одной стороны, подозревали неладное, с другой – полагали, что эта смерть не имеет к ним никако-

---

[1] *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послереволюционная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2010. С. 240.

[2] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 368; Т. 3. Ч. 1. С. 76.

[3] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 207.

[4] *Макаров В.Г.* Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из советской России. М., 2010. С. 174–175.

[5] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. 6. С. 46–51. М.А. Микунис из Москвы недоуменно вопрошал: «Что значат слова, сказанные вами над гробом Фрунзе: может, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и просто опускались в могилу? Как это понимать?» См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 324.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 197.

го отношения. Деревенские активисты в силу известной мужицкой подозрительности хотели знать больше. «Почему о наших руководителях никто ничего не знает, – узнают только после смерти, как о Фрунзе?» – сетовал А. Пономарев, волженорганизатор Киржачской волости (Владимирская губ.). Этот наставник «раскрепостившихся» женщин тут же вспоминал о смерти Ленина и задавался характерным вопросом: «Нет ли среди врачей шпионов?» Его страшила возможность «коллективного» ухода руководителей, а потому он искренне взывал: «Поберегите себя!»[1] Для некоторых рабочих тайны не существовало: «Убили жиды Фрунзе...»[2] Никто не хотел верить, что Фрунзе мог быть «убит» Сталиным из «лучших побуждений» – послушный военачальник был ему нужен[3].

Страх гипертрофирует подозрительность. Аноним из Сталинграда, беспартийный, служащий, в сентябре 1926 г., сетуя, что «за последнее время мы стали ежегодно терять руководителей», вопрошал: «Ленин, Ногин, Нариманов, Фрунзе, Дзержинский – не много ли это за три года?» По его мнению, тюрьмы и ссылки «оставили наследство – туберкулез, сердечные, желудочные и другие болезни». Надо учитывать, поучал он, что «в пути к социализму приходится нащупывать дорогу и только гениальность, эрудиция и опыт вождей создает нам уверенность, что корабль революции находится в верных руках». А между тем «приходится наблюдать полное равнодушие к тому, как сгорают лучшие силы страны». Автор даже бросал обвинение ЦК «в преступном расходовании физической и психической энергии наших вождей». Для представителей старой гвардии он предлагал устраивать «через каждые полгода по полуторамесячному отпуску», а также «строго регламентировать часы их работы». Этот человек уверял, что его точка зрения «разделяется сталинградским пролетариатом»[4]. Подобными эмоциями было легко манипулировать. 3 ноября 1925 г. один из деревенских сходов в Орловской губернии по поводу смерти Фрунзе принял резолюцию: «Пусть не думает буржуазия, что начатое дело Вождями Великой Нашей революции не доведено до конца»[5]. Понятно, что документ навязали устроители собрания. Крестьяне

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 14–15.

[2] Монархия погибла, а антисемитизм остался. Документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х гг. / публ. Н. Тепцова // Неизвестная Россия. XX век. Т. 3. М., 1993. С. 327–330.

[3] Согласно воспоминаниям Г. Беседовского, Сталин считал, что Фрунзе «спас» его от Троцкого после смерти Ленина. Генсек настойчиво требовал, чтобы тот сделал операцию, опасаясь остаться без опоры в армии. См.: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 2. С. 216.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 163.

[5] ГА ОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1132а. Л. 28, 30.

могли думать иначе. В Московской губернии они отказывались войти в президиум траурного собрания, мотивируя это нежеланием участвовать в «еврейских поминках»[1].

Подозрительное отношение к столь многим и неожиданным смертям было весьма распространено. К.С. Линский, член ВКП(б) с 1920 г., писал, что «тут, вероятно, какая-нибудь организация, которая наших товарищей отравляет так хитро, что некому заметить». Он предлагал Сталину «взять дело в свои руки»[2]. Маниакальная подозрительность – обычный спутник «мутных» времен. П.Д. Еремеев из Карвассар близ Каменец-Подольска 14 ноября 1926 г. писал Сталину: «Вождь революции тов. Ленин и Фрунзе скончались не от своей болезни, а от капитала, т. е. от руки медицины». По ее мнению, они были «убиты провокаторами, которые среди нас»[3]. У некоторых смерть Дзержинского вызвала настоящую «революционную» истерику. С. Ярчук из с. Дуброво (Черниговская губ.) 25 июня 1926 г. возопил:

> Коммунары! Сомкните звенья Вашей живой цепи!! Дзержинский... в Вас и в нас – вечный... Он бессмертный, как славный «ЯКОБИНСКИЙ» брат ЛЕНИНА. Установите дозор! Стократный [дозор] над гадами Соввласти. Теперь они шипят! «Нехай жива Дзержиншина»[4].

Мертвый Ленин становился мерилом деяний современности. Некий М.А. Микунис 24 октября 1926 г. утверждал: «тов. Ленин, лежа в мавзолее – является противником такого нэпа»[5].

Тем временем за коммунистами-самоубийцами последовали комсомольцы. Постреволюционный суицид был подобен психической эпидемии. В.С. Тяжельникова считает, что «в суицидальном поведении главной составляющей была гнетущая повседневная атмосфера»[6]. Положение усугублялось «моральным разложением»

---

[1] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 335.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 260.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 83. П.Д. Еремеев писал не раз (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 271) – он был человеком крайне неуравновешенным. Одно из его писем содержало требование «достать» в Румынии сбежавшего туда в 1924 г. Кравацкого, бывшего чекиста. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 162.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 252. Идеализированное представление о Дзержинском сложилось и у некоторых левых представителей немецкой культуры. Так, Артур Холичер восхвалял «железную систему принуждения» и готов был сравнивать «железного Феликса» с Франциском Ассизским. См.: *Кёнен Г.* «Индия в тумане». С. 550.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 80.

[6] *Тяжельникова В.С.* Самоубийства среди коммунистов... С. 169. Один 20-летний комсомолец, студент техникума, решившийся на самоубийство из-за безработицы, голода, безденежья, написал предсмертное письмо комсомольскому лидеру Н. Чаплину, в котором возмущался обилием «пузаков»-нэпманов, пользующихся всеми благами

партийных руководителей. Не выдерживали даже люди, побывавшие на каторге. Один из коммунистов (подпись неразборчива), член общества политкаторжан, сообщал 29 октября 1926 г. из Днепропетровска, что «секретарь и его заместитель пропивают и проедают партийцев... контрольная комиссия не принимает никаких мер по отношению партийцев-шкурников...» Он полагал, что «остается только один выход – идти грабить, а жене заниматься проституцией, чтобы прокормить ребенка семимесячного»[1]. Коммунист Н. Шапкин, сотрудник железнодорожной охраны, негодовал в связи с тем, что с просьбой о трудоустройстве приходится обращаться к тем, кто раньше «ставил к стенке». Для него лучше была «голодная смерть»[2]. Девушка, бросившая родной дом ради вступления в комсомол, в 1923 г. писала в ЦК ВЛКСМ, что после безуспешных попыток добиться помощи от местной комсомольской организации ей остается либо заняться проституцией, либо кончить жизнь самоубийством[3]. 22-летний комсомолец Федулов, едва не бросившийся с утеса в Крыму, сообщал, что его угнетала вопиющая несправедливость, непонимание того, «куда мы движемся»[4]. Конечно, авторы подобных писем сгущали краски. Как бы то ни было, столкновение утопии с реальностью, привычка к насильственному разрешению проблем в условиях погружения в «болото времени» порой приводили к трагическим последствиям.

Весной 1928 г. студент Политехнического института Андрей Юров в письме товарищу сообщал об усталости, безразличии, отвращении к «общественной жизни» – «многочасовой говорильне». Письмо заканчивалось так:

> Сгореть в огне революционной работы, положить голову на поле брани – согласен, но медленно погибать от нищеты – не согласен. Лучше смерть. Руки тянутся к револьверу, будущее не радует, а пугает.

Письмо попало к комсомольским активистам, которые не на шутку всполошились. Естественно, последовали заявления об «интеллигентской дряблости», которую надо преодолеть с помощью «рабочей закалки»[5]. Однако сами «пролетарские» лидеры в новой обстановке

жизни. Последними словами послания были: «...Все пусто, мелко и пошло». См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 352.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 36.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 66–66 об.

[3] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 37.

[4] Цит. по: *Wellmann V.* Integrationsprobleme und Ausgrenzungserfahrungen: Abschiedsbriefe junger Selbstmörfer aus Moskau (1920er Jahre) // Sowjetjugend 1917–1941: Generation zwischen Revolution und Resignation / C. Kuhr-Korolev (Hg). Essen, 2001. S. 103.

[5] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 321–322.

чувствовали себя потерянными. Еще в июне 1921 г. М. Горький в разговоре с К. Фединым заметил, что большевистские вожди «больны». «Это самоотравление гневом, – считал он. – Некий физиологический фактор». При этом «пролетарский» писатель отмечал, что «среди интеллигентных работников заболеваний меньше», а бывшие рабочие, напротив, «вследствие непривычки к умственному труду истощены до крайности»[1]. Похоже, что он был близок к истине[2]. Дискуссии в партии усугубляли ситуацию: иные коммунисты засыпали Сталина вопросами об «ошибках партии». Им казалось, что «Правда» своими «недомолвками и туманностями» в последнее время (лето 1925 г.) «сеет тревогу»[3].

В ходе обследования германскими врачами работников видных партийных работников выяснилось, что из 89 обследованных у 18 человек обнаружены туберкулез и легочные заболевания, нервными и психическими расстройствами страдают 39 пациентов, сердечными заболеваниями – 9. Здоровыми были признаны 6 человек – среди них Сталин, Буденный, Крыленко[4]. У Молотова была отмечена всего лишь «нервность». У Фрунзе была язва 12-перстной кишки[5]. Ярославский – руководитель Союза воинствующих безбожников и сочинитель курсов истории партии – страдал от склероза, неврастении и истощения[6]. Было признано, что Горбунов, Подвойский, Фрунзе, Чичерин, Ярославский, Ногин нуждаются в немедленной отправке на лечение в Германию и Швейцарию. У Троцкого был зафиксирован «хронический колит, тиросидерм», у Зиновьева – «переутомление, припадки на нервной почве»[7]. Руководители рангом пониже также не

---

[1] *Чуковский К.* Дневник. С. 173. В. Полонский, главный редактор «Нового мира», отмечал у И. Бабеля «жадность к крови, смерти, к убийствам, ко всему страшному, его почти садистскую страсть к страданиям...» (*Полонский В.П.* Из дневника 1931 года // Воспоминания о Бабеле. С. 198). Между тем Бабель производил впечатление вполне уравновешенного, независимого человека – творчество позволяло уйти от послевоенного стресса.

[2] В 1921 г. М.Х. Султан-Галиев характеризовал Р.С. Землячку (Самойлову), несущую ответственность за расстрелы офицеров и буржуазии в Крыму, как «крайне нервную и больную женщину». Сменивший ее чекист А.М. Лидэ, также старый большевик, характеризовался как «больной психически», на грани сумасшествия человек, у которого «парализованы оба плеча и одна нога» (цит. по: *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 683, 690). Не исключено, что со временем Султан-Галиеву припомнили и подобные отзывы.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1026. Л. 6–7.

[4] Тем не менее в обществе циркулировали упорные слухи о болезнях Сталина. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 74–75.

[5] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 123.

[6] Там же.

[7] См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 121–125.

отличались крепостью здоровья: в период между XI и XII съездами партии через специальные санатории прошло более 10 тыс. человек, 517 – отправлены для лечения за границу[1]; из них почти 50 % страдали нервными болезнями, туберкулезников было почти 20 %[2].

Люди, вздумавшие перевернуть мир, теперь страдали всеми мыслимыми человеческими болячками[3]. Редуцирование лозунга мировой революции до идеи построения социализма «в одной, отдельно взятой стране» вызвало у «пламенных революционеров» острую дезадаптацию – их вера подверглась слишком серьезному испытанию. Не случайно среди коммунистов процветали всевозможные суеверия, лишь внешне окрашенные в «материалистические» тона[4]. Последователи доктора Бадмаева лечили в разное время по рецептам тибетской медицины не только Горького и Алексея Толстого, но и Бухарина, и Куйбышева[5].

Суицидальные интенции провоцировались внутрипартийными дискуссиями. Так, покончил самоубийством «оппозиционер» Ю. Лутовинов[6], не выдержал исключения из партии М.С. Глазман, секретарь Троцкого с 1918 г.[7] Позднее Сталин многозначительно приравнял суицид к «вредительству»: настоящий коммунист должен был «помогать партии» своим покаянием[8]. В 1930-е гг. так и случилось.

---

[1] В августе 1921 г. был создан специальный фонд «для лечения товарищей за границей». См.: Родина. 1991. № 10–11. С. 73.

[2] РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

[3] К диагнозам врачей того времени следует относиться с осторожностью: они были скованы боязнью ответственности. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 266.

[4] Разумеется, большевики приписывали это влиянию буржуазии, которая «бросается в объятья всевозможной чертовщины, обращается к бредням старых баб, выкапывает из пыли веков самые грубые суеверия и становится перед ними на колени» (цит. по: *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 189). Между тем более проницательные молодые люди признавали, что их сверстники, будучи материалистами в теории, остаются мечтателями и идеалистами. См.: *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 73.

[5] См.: Доктор Бадмаев: Тибетская медицина, царский двор, советская власть. М., 1995. С. 77; *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 57. Помимо этого большевистские руководители стремились выехать на лечение за границу, что порождало немало склок. Частично это было связано с тем, что российские врачи, опасаясь ответственности, старались переадресовать высокопоставленных пациентов другим специалистам. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 266.

[6] *Григоров Г.* Повороты судьбы и произвол. Воспоминания. 1905–1927 годы. М., 2005. С. 354.

[7] См.: «Атмосфера, создавшаяся в последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 161–163.

[8] По мнению Ш. Фицпатрик, самоубийцы подавали своеобразный сигнал, который наверху приравнивался к латентной форме политического протеста. См.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. М., 2001. С. 206.

Суицидальность 1920-х гг. была симптомом естественного угасания поколения людей, делавших революцию. Состояние здоровья «железного Феликса» было таково, что 23 июля 1924 г. А.И. Рыков разослал членам Политбюро, Оргбюро, ЦКК (всего в 33 адреса) записку, в которой информировал, что «согласно постановлению Тройки по охране Партгвардии тов. Дзержинский впредь до отпуска освобождается совершенно от занятий по субботам и воскресеньям». В свое время именно его, имевшего репутацию фанатика, бросали на наиболее трудные участки работы[1]. Теперь Рыков просил не возлагать на Дзержинского никаких заданий хотя бы по выходным[2]. Это не помогло: в марте 1925 г. тот жаловался на кашель по ночам[3], а в 1926 г. внезапно умер, причем вовсе не от официально числившегося за ним туберкулеза[4].

В мае 1928 г. скончался зам. председателя Совнаркома А.Д. Цюрупа, считавшийся компетентным хозяйственником. Тех, кто не хотел уходить «вовремя», Сталин начал «поторапливать». Газеты неожиданно стали публиковать тревожные бюллетени о состоянии здоровья Рыкова, у которого обнаружилось «острое инфекционное ревматическое заболевание», повлекшее за собой сильные суставно-мышечные боли[5]. На деле безобидный предсовнаркома помимо склонности к алкоголизму страдал совсем иной болезнью – «правым уклоном». В результате Рыков был отправлен на длительное лечение в Крым, а Сталин тем временем достиг союза с «левыми» оппозиционерами – Каменевым и Зиновьевым. Примечательно, что после лечения Рыкову был предписан еще более щадящий режим, чем ранее Дзер-

---

[1] В 1921 г. даже обыватели изумлялись: Дзержинский «ко всем бочкам затычка» (*Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 132). В июле 1925 г. подуставший «железный Феликс» жаловался на переутомление, просил об отставке, но Сталин уговорил его «потерпеть». См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 36–37.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 295. Как ни парадоксально, сам Дзержинский обращался к Э.М. Склянскому (врачу по образованию) с полушутливым вопросом: «Как это можно "сердце" сохранить...» Ответ был банальный: больше спать, не курить, не волноваться, регулярно питаться и «не вести слишком ответственной работы» – налицо полный набор того, чем грешил сам Склянский, а равно и прочие большевистские лидеры. Цит. по: *Зимин Я.Г.* Склянский Эфраим Маркович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М., 1991. С. 59.

[3] При этом он решительно отказывался от любых врачебных осмотров и игнорировал указания врачей относительно диеты и отдыха. См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 600, 631, 668.

[4] В официальном отчете о вскрытии отмечалось, что все органы Дзержинского, за исключением сердца, в относительном порядке (Правда. 1926. 20 июля). Трагическую роль могло сыграть то, что Дзержинскому вовремя не сделали необходимую инъекцию из «осторожности». См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 265–266.

[5] См.: Правда. 1928. 15, 18, 20 мая.

жинскому: не более 6 часов работы 4–5 дней в неделю. Освобождение его от должности было предрешено[1].

«Революция пожирает своих детей» – этот известный фактор действовал. Помогал этому генсек, успешно превращавшийся в «тихого» деспота.

Коммунистам хотелось бы жить «по-новому», но гармонизировать отношения с ими же взбаламученной социальной средой не удавалось. Пришлось специально развернуть кампанию по осуждению самоубийств[2]. Это не остановило, однако, Е.Г. Бош, покончившую с собой в январе 1925 г.[3], а затем и друга Троцкого А.А. Иоффе. 16 ноября 1927 г. в предсмертном письме он писал Троцкому:

> ...политический общественный деятель должен также уметь вовремя уйти из жизни, как, например, актер – со сцены... Человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку... она является служением бесконечному, которым для нас является человечество... Но теперь, по-видимому, наступает момент, когда жизнь моя утрачивает свой смысл, и, следовательно, для меня появляется обязанность уйти из нее, покончить с нею. ...Здоровье мое ухудшалось и ухудшалось. ...*Жизнь моя теряет всякий смысл*... Я знаю вообще отрицательное отношение партии к самоубийцам, но я полагаю, что вряд ли кто-нибудь, уяснив себе мое положение, смог бы осудить меня за этот шаг.

С другой стороны, Иоффе считал свое самоубийство актом протеста против исключения Троцкого из партии[4]. Надеялся он также, что его гибель приостановит грядущий Термидор[5]. В любом случае ему казалось, что его смерть «может быть полезнее» его дальнейшей жизни[6]. Действительно, похороны Иоффе превратились в массовую демонстрацию. В толпе, проходящей по Моховой, кричали: «Позор убийцам Иоффе!», «Позор сталинским душителям революции!»[7]

---

[1] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 186, 190.

[2] В 1924 г. зафиксирован случай исключения из партии женщины за «пассивность», сопротивление «переброске» и «покушение на самоубийство». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 36.

[3] Е. Бош, женщина весьма суровая и неуравновешенная, была неизлечимо больна. По некоторым сведениям, одним из первых на квартиру самоубийцы прибыл И.В. Сталин. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 141.

[4] Не исключено, однако, что Иоффе колебался: незадолго до рокового выстрела он просил Троцкого приехать к нему, но тот запоздал. См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 508–509.

[5] Судя по тому, с какой бесцеремонностью оппозиционеры, собиравшиеся превратить похороны в митинг, были вытеснены милицией с Новодевичьего кладбища, власть вовсе не собиралась менять курс. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 90.

[6] *Троцкий Л.* Портреты революционеров / сост. Ю. Фельштинский. Benson, 1988. С. 386–397.

[7] *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 86.

«Шельмование Троцкого» произвело угнетающее впечатление на многих большевиков. Некоторые из них в 1925 г. писали, что оказались «на распутье, у двух дорог»[1]. Сделать выбор между мировой революцией и служением бюрократической государственности многие так и не смогли. Для волюнтаристов, фатально уверовавших, что они являются функциональными величинами мировой истории, тихий уход в небытие казался верхом несправедливости. И потому многие из них предпочитали *демонстративный* уход из жизни. Добровольная смерть в последний раз приподнимала их в собственных глазах.

Одно из писем в «Крестьянскую газету» указывает на еще один источник повышенной суицидальности, связанный с так называемым национальным вопросом. П.К. Карпов, подписавшийся «Мариец», 8 октября 1926 г. жаловался, что в Марийской автономной области «русские партийные руководители ведут себя по отношению к марийцам крайне нетактично». Как результат, «представители марийской интеллигенции не востребованы, некоторые из них по этой причине спиваются», марийское искусство находится в загоне, но «говорить об этом боятся из-за возможных обвинений в шовинизме». Это обернулось тем, что «один молодой, но с большим партийным стажем, "сильный в теории", активный мариец оказался на грани самоубийства»[2].

А. Белый писал Иванову-Разумнику в начале марта 1925 г., что «...люди "морального" сознания не выдерживают, лопаются сердца и воспаляются мозги»[3]. Гибли личности более тонкой психической организации, теряли рассудок люди, не способные прожить без «врага». И это касалось не только политики.

13 ноября 1924 г. к Сталину – «как к отцу и старшему товарищу» – обратился партиец (с 1 марта 1917 г.) средних лет (1889 года рождения). Первый раз он женился в 1910 г., но жена его прогнала, так как он потерял работу. Последующие мытарства он описал следующим образом:

> В 1919 г. сошелся с [новой] женой, прожил с ней три года. Мы не поняли друг друга, и я оставил ее, уехал в другой уезд, она меня преследует и там. В настоящее время работаю в самом дальнем уезде Иваново-Вознесенской губернии, а именно в г. Макарьи, в должности инструктора Укома РКП. Но она на расстоянии 200 верст не дает покоя. В итоге, чтобы отделаться от нее (да кроме того она имеет от меня 3 детей), я откупился, и дошло до того, что я задолжал 380 руб.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 172–172 об.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 71, 74–75. 78. Жалобы марийцев на то, что их обходят при назначении на должности, отмечались еще в 1923 г. См.: РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.

[3] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 318.

...Выпутаться из этого положения не могу, потому что не имею ничего, что можно было бы продать. Считаю одним выходом – окончить существование, потому что этой жизнью я политически убит, а дальше к чему существовать?[1]

Ситуация довольно типична: многие экс-революционеры не умели наладить личную жизнь, пресловутый «быт» превращался в неразрешимую проблему. Были случаи «отказа коммунистов жить с женой», избиения супруги, «стрельбы в мужа из ревности» со стороны коммунисток[2]. Возникали трагикомичные ситуации. Бывший командир бронепоезда С. Исаков, 1893 года рождения, сын рабочего, член партии с 1918 г., умолял Сталина: «Спасите меня, спасите мою жизнь». Случилось так: выпил водки и тут же застал выходящим из спальни жены «в нижнем белье» военкома бронепоезда. «Я ранил его очень легко», – оправдывался осужденный[3].

Весьма типична история В.А. Изварина, коммуниста из казаков, участника Гражданской войны. В 1926 г. он пытался организовать артель «Красная нива», но она просуществовала только два года. После ряда неудач он задумывался о самоубийстве, но «застрелиться нечем, а веревка 12 пудов не выдержит» (судя по всему, он был серьезно болен). К тому же было «жалко молодую жену с 4-летней дочкой». Становиться нэпманом он принципиально не хотел. Люди, которые успели пристроиться, над ним смеялись: «Иди, еще повоюй». Изварин, однако, надеялся, что сможет принести «пользу для Советской власти в смысле контроля правительства»[4]. Сомнительно, что в этом качестве он был востребован.

В мирных условиях многие люди, отличившиеся в годы Гражданской войны, оказывались в роли преступников. Бывший старший военный следователь И.П. Забежанский 4 июня 1925 г. жаловался, что «пострадал за правду»: избивали на следствии, засадили на 3 месяца в тюрьму, наконец на 4 месяца попал в сумасшедший дом[5]. Таких отчаявшихся было немало[6]. Бывший член РКП(б) Андрей Рейнгольгович Грицко, сын сапожника, некогда воевавший против Деникина и Врангеля (был комиссаром по снабжению армии), в 1922 г. был приговорен к 6 годам заключения за превышение власти и халатное от-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 446.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 49, 110; Д. 45. Л. 152.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 1.

[4] ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 485. Л. 87–107.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 115.

[6] В одном из интеллигентских дневников 1923 г. промелькнула, как нечто обычное, фигура следователя-наркомана, частого клиента «Канатчиковой дачи». Упоминался и другой персонаж – интеллигент, 8 лет принимавший «кокаин, анашу и прочие снадобья». См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 572, 647.

ношение к службе, через 2,5 года освобожден, однако не смог найти работу. Теперь, желая искупить вину, он готов был «служить китайскому кантонскому правительству, преследующему цели свержения капитализма». Правда, при этом он вполне практично просил не разлучать с женой в зарубежной командировке[1].

Хуже всего приходилось молодым людям, не получившим гражданской профессии. Некий А. Горбунов писал А.И. Рыкову 29 августа 1925 г.:

> Человек я маленький. Когда-то чему-то учился, но война этому помешала... Потом революция, энтузиазм, Красная армия. Голодно, холодно, но энтузиазм... Три ранения, несколько «заслуг» – я командир полка... Потом нэп, демобилизация... что-то не то. Потом гражданская служба, поиски куска хлеба, безработица, мытарства. Сибирь, Омск – то же самое. Бюрократия, местничество, протекция, нищенство. Безработица, проституция, преступность из-за куска хлеба, с одной стороны, кутежи, роскошь, обеспеченность нэпманов и ответственных работников – с другой.
>
> Невозможность обеспечить личную жизнь из-за отсутствия средств, 4 червонца в месяц, вечное поклонение перед начальством, страх лишиться места – вот она, эта обещанная счастливая жизнь. Потом «дело», так как начальству стал неугоден. Подвал, думы, наконец, решение обратиться к верхам.
>
> ...Скажите, к чему была эпоха военного коммунизма, к чему были слова, красивые слова о счастье, к чему были реквизиции, конфискации, расстрелы, кровь проливаемая и пролитая нами?..
>
> Где же обещанное? Где светлая жизнь? То есть она есть, но для немногих, так зачем же [было] ломать старое? Мой отец рабочий... Но я, вероятно, да и миллионы других были ранее счастливее, чем теперь, когда счастливых кучки, а несчастливых легионы.
>
> ...Пришлите Вы к нам неподкупного следователя, пусть он заглянет в это болото, в это гнездо преступлений, и станет жутко от этой клоаки. Невольно возникает мысль о колоссальной авантюре. Гонишь эту мысль, а она сильнее захватывает, и, наконец, эта мысль делается своего рода *idée fixe*.
>
> Я лично человек, вынесший себе приговор... Не вечно же мучиться, унижаться, гнуться, подличать, клянчить – и все из-за куска хлеба[2].

А. Самарский из Москвы, член партии с 1918 г., в июне 1926 г. (на второй день протестной голодовки) адресовался Сталину как «несчастный, измученный борьбой с темным бытом и клеветою комму-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 198–200. Некий Н. Андреев также добивался разрешения «встать под знамена Кантонской армии для изгнания империалистов из Китая». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 2, 47.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 203–203 об.

нист». Он сообщал, что «поставлен в такое положение, что если мне не помогут, мне остается единственный выход – добровольно исключить себя из человеческого общества»[1]. Александр Осинцев, журналист из Шадринска Уралобласти 19 августа 1926 г. писал, что коммунистические начальники «постоянно ездят на курорты сбрасывать жир», а рядовым партийцам это не доступно. Сам он с фронта «вернулся с ранениями, суставным ревматизмом, хроническим бронхитом и сильным нервным расстройством», а «постоянная перегруженность» довела его до неврастении и туберкулеза. Этот человек вопрошал: «Как относиться ко всему этому?»[2] 10 июня 1925 г. Сталина потревожил его земляк Н. Иорамишвили из Тифлиса. Он жаловался, что «мелкий кустарь обложен непомерными налогами», а «ответработники, коммунисты получают непомерно много»[3].

Некоторых травмировало исключение из партии. Рабочий труболитейного завода Р.С. Жбанов в январе 1920 г. вступил в партию, в сентябре 1921 г. его исключили. «За что – непонятно, – жаловался он. – Носить такое позорное пятно предателя коммунистической идеи для меня, как пролетария, равносильно смерти»[4]. Возможно, жалобщик лукавил: «чистки» были обычным делом[5], между временем исключения и написанием письма прошло более четырех лет. В любом случае автор письма подстраивался под поведенческий стереотип честного, недоумевающего страдальца. Иные из них шантажировали самоубийством. Комсомолец Даньшев, рассказав «вождю» о жизненных трудностях, заявлял: «Или учиться, или застрелиться – вот для меня два пути в настоящем»[6].

Многие молодые люди, словно следуя известному ленинскому завету, видели в учебе своего рода путь к спасению. Секретарь ячейки ВКП (б) (подпись неразборчива) из станицы Новобаканской (Крымский отд. Черноморского окр.) 25 сентября 1926 г. красными чернилами писал Сталину «как отцу» (настоящий «отец, брат и мать были расстреляны чехами»). Этот человек в октябре 1917 г. «ушел в партизанский отряд... 7 раз был ранен... в плену у Колчака случайно остался жив...» В 1925 г. демобилизовался. Далее он сообщал:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 167.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 223–223 об. К 1930 г. психоневрозы, туберкулез и ревматизм были признаны едва ли не профессиональными болезнями чекистов. См.: *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 539.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 136–136 об.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 165.

[5] Сатирический журнал поместил карикатуру: к предстоящей чистке некоторые «дальновидные» коммунисты подают заявление о выходе из партии из-за «некоторых политических разногласий», чтобы, «исправившись», снова вступить в нее. См.: Чудак. 1929. № 6. С. 4.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 14 об., 16 об.

Сейчас все время нахожусь на партийной работе, устал, сильно устал, отпуска не прошу, надо работать, ведь у меня родного осталась только партия, никого больше нет. Правда меня здесь ценят и жалеют крестьяне и рабочие любят за то, что я весь отдаюсь партии и массам, у меня личной жизни нет. Правда, отец, хочется, так хочется отдохнуть, забыться от всего, совесть не позволяет, боюсь, как бы не обиделась партия, она для меня все. Тов. Сталин, простите меня, что называю вас отцом, поверьте от всей души, вы не отталкивайте меня, так же как и партия не отталкивает... Отец, к тебе моя последняя просьба, хоть ты помоги построить мне правильно жизнь, ибо вся исковеркана, сделай хоть ты меня человеком. Пусть партия пошлет меня учиться, я перед ней исполню мой последний долг[1].

Трудно оценить степень адекватности подобных «криков души» жизненным реалиям. Ясно, однако, что посадить всех комсомольцев за парту было невозможно. И тогда у некоторых из них начинался своего рода психоз безысходности. «От этой власти подохнуть бы поскорей»[2], – такие слова периодически срывались с их уст.

Политические стенания раздавались отовсюду. Еще один обиженный «неправильным к нему отношением» писал: «Товарищ Сталин! Обратите внимание на мое крайне критическое положение, и ежели у вас сложится такое же мнение, как у Бауманского райкома, то пришлите человека, который меня застрелит»[3]. Застрелиться грозился 19 сентября 1926 г. и бывший прокурор Корольков. Он полагал, что «неправильно» снят «с прокурорской работы в Адыгейской области за якобы грубое обращение с лекарем больницы», а потому вынужден был перебраться в Сталинград, где «попал в очень тяжелое материальное положение»[4].

Обычные «бытовые трудности» для поколения людей Гражданской войны вырастали до проблем онтологического уровня. И.Н. Земенский из Одессы 13 января 1926 г. сообщал, что «в дни польского наскока телеграфировал о своем желании сражаться с поляками, был отправлен в XII армию в должность начдива». Однако после 6-летней службы в Красной армии был демобилизован без пенсии, а теперь «голодал» с семьей, а потому просил дать «должность в гражданском ведомстве или милиции»[5]. Аналогичным образом Н. Зелинский (с. Лидиевка Первомайского окр. Домановского р-на) по возвращении из Красной армии в 1924 г. стал секретарем комсомольской ячейки, однако «не имел никаких средств для житья». Во время его служ-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 311.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 40 об.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 120.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 22.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 226.

бы в армии произошел передел земли и он «остался ни с чем», тогда как «беспартийные 14 десятин на двор и получили», превратившись в «нетрудовых элементов». Ему же, комсомольцу, теперь «приходится бросаться на преступление»[1].

Большевик с 1898 г. Г.С. Милютин, бывший военный моряк, направил Сталину «рапорт-заявление», в котором жаловался на «множество ранений» и полное отсутствие средств. Свое положение он считал безвыходным, поскольку в получении лекарств ему было отказано. «Остается последний исход – пулю в лоб! – писал он. – И конец мучительности». А пока он надеялся на личную аудиенцию и ждал «вашего распоряжения»[2]. Командир отдельной роты РККА В.И. Булгаков из Ростова-на-Дону, которого «сократили», 19 октября 1927 г. так описывал свой революционный путь:

> ...От Казани до Барнаула чрез всю Западную Сибирь прошел я с боями... Кубань и Донская область не миновали моего оружия. Всю гражданскую войну вынес на своих плечах вместе с другими равными мне товарищами. ...На моем теле от ран нет целого места и на груди до сих пор зияет рана через отверстие, которой пробиты пулей мои легкие... Оставаясь на краю пропасти жизни прошу и умоляю: сделайте что-нибудь[3].

Другие экс-революционеры уже ни на что не надеялись. Инвалид Д.В. Курьянов из Сталинграда 3 ноября 1927 г. (накануне 10-летней годовщины большевистской победы) писал:

> В первых моих строках разрешите вам, дорогие товарищи вожди мировой пролетарской революции, послать вам чисто братский горячий привет – Сталину, Буденному, Ворошилову, Рыкову, Крупской, Петровскому, Бухарину и всем другим товарищам... Мне грозят на каждом шагу арестом за то, что я поднимаю скандал... Мне было 13 лет... рвался как дурак на ваш зов вперед и на 14 году я остался без ноги... Эх, жизнь моя жестянка. Я посылаю вам карточку 13-летнего добровольца и карточку [на которой] с женой снят... И вот эта молодая жена отравилась, но еще жива... и все из-за того, что я очень плохо живу в смысле средств... Я покончу самоубийством, я уже раз вешался, меня сняли... и я пролежал в больнице 6 суток, и мне придется еще раз решиться, ибо я гибну и гибнет жена... Прощайте[4].

Бывший член партии, имя которого звучит многозначительно, Леонтий Пасынков, из рабочих, поставил 10 сентября 1925 г. в письме из Перми гамлетовский вопрос: «Жить или умереть с позором?» По

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 230.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 227–227 об.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 501. Л. 199.

[4] Там же. Л. 248.

его словам, он ушел в Красную гвардию в 16 лет, служил «в интернациональной роте мадьяр», воевал в Монголии, побывал в плену, был многократно ранен, переболел тифом, стал слепнуть от трахомы. В 1920 г., в возрасте 18 лет, он стал кандидатом в члены партии. Несчастье случилось в мирной жизни: «выпил публично 7 бутылок мадеры из буфета за казенные деньги, хотел броситься с моста в Каму, но вытащили, стал инвалидом». Умолял простить, потраченные 518 р. обещал возвратить, уверял, что еще «пригодится»[1]. И таких «пасынков» революционной смуты было немало.

Многие интеллигенты-большевики становились заложниками своего «непролетарского» происхождения.

В мае 1922 г. в Академии Генерального штаба РККА покончил с собой Леонид Васильевич Лебедев, 1889 года рождения, сын коллежского асессора, окончивший в 1907 г. Минскую гимназию, а в 1913 г. – филологический факультет Петербургского университета. С июля 1913 г. он служил в старой армии, в 1917 г. имел чин поручика. Когда-то он был меньшевиком, в 1919 г. вступил в РКП(б), но в ноябре 1921 г. был исключен из партии. Считался «чрезвычайно работоспособным», но при этом, по свидетельствам окружающих, представлял тип «кающегося интеллигента». Исключение из партии воспринял болезненно – как «кару за мое прошлое». Расследование, начатое по предложению Троцкого, установило, что сам Лебедев именовал себя «бескостным интеллигентом», а исключение из партии воспринял как «политическую смерть». Поводом к самоубийству стал «сигнал» в Разведуправление, в котором он характеризовался как «либеральный кадет», «меньшевик», человек «неустойчивый, недостаточно надежный»[2].

Лебедев, судя по отзывам, был повышенно чувствительным, «испорченным» самоанализом, склонным к самоуничижению человеком. Дело Лебедева – это трагедия интеллигента, попавшего в нездоровую атмосферу большевистской фракции Академии. Сталину доложили, что в ней много внутрипартийных группировок, «больше, чем где бы то ни было, коммунистического бахвальства и местничества», все еще не изжиты «антиспецевские настроения», при этом «процветают интриги, склочничество». Кроме того, налицо противостояние «старой партийной братвы» и «штабс-капитанов» – первые поедом ели вторых. Процветал карьеризм, слушатели стремились «добиться будущего хорошего назначения путем занятия высокого положения во фракции [коммунистов]». Показательно, что «молодые командиры Красной армии считали себя специалистами не только в военном деле, но и в политике». Между тем, по

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 95.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 447. Л. 6–7, 12–17.

отзывам преподавателей, третья часть слушателей не в состоянии были овладеть академическими курсами (мнение А.И. Верховского – бывшего военного министра Временного правительства) даже при настойчивой работе. Это подтверждал известный военспец А.Е. Снесарев. В.Ф. Новицкий, в свою очередь отмечал существование в академии «двоевластия»: с одной стороны, начальник и учебный отдел[1], с другой – коммунистическая фракция. Материальное положение слушателей, особенно семейных, было незавидным: многие были вынуждены «постоянно подрабатывать и даже продавать казенное обмундирование»[2].

В определенном смысле ситуация в академии, призванной обеспечить руководящими кадрами систему безопасности страны, упреждала ситуацию, сложившуюся десятилетием позднее. Всего в Академии числилось 1442 человека, из них было 770 слушателей. Коммунистов насчитывалось 722 человека, из них с партийным стажем до Февральской революции – 52, до Октябрьской революции – 103. Социальный состав коммунистов был таков: рабочих – 137, крестьян – 193, интеллигентов – 393. Очевидно, что «групповщина» была неизбежна, как и последующее столкновение между «специалистами» и «коммунистами». В 1922 г. в Академии уже проводилась «чистка», жертвой которой стал Лебедев. В результате проведенной вскоре новой «чистки» было исключено 313 слушателей; партийного билета лишился 61 человек, а всего исключено из партии и переведено в кандидаты 83 человека[3]. Борьба за «чистоту рядов» оборачивалась падением профессионализма. В 1926 г. отмечалось, что из всего комсостава худший уровень подготовки представляют коммунисты[4].

Смерть Лебедева симптоматична. Пройдет несколько лет, и ощущение собственной ничтожности на фоне «величия задач», выдвинутых партией, станет массовым. Небезызвестный Я.Г. Блюмкин,

---

[1] Согласно показаниям А. Верховского, арестованного в 1931 г., среди преподавателей были люди, крайне недовольные советской властью (они группировались вокруг А.Е. Снесарева) и «передовые», которых якобы возглавлял он сам. См.: *Полторак С.Н.* «Военные откровения» А.И. Верховского во время следствия по делу «Весна» // Политика. Общество. Человек. СПб., 2008. С. 301–303.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 447. Л. 35–36, 43, 57.

[3] Там же. Л. 58, 68, 77, 83. Попутно в Академии всплыло дело Кручинского Михаила Александровича, оказавшегося в действительности Шуффом (Шуфом) Моисеем Абрамовичем. В 1919 г. он был отдан под трибунал за расстрел еврея-спекулянта, но, по-видимому, был оправдан. В 1922 г. Дзержинский назвал информацию Кручинского «бредом маньяка или авантюриста» и предложил повторно арестовать его за клевету (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 415). Позднее Кручинский был награжден орденом Красного Знамени за участие в подавлении Кронштадтского мятежа. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 447. Л. 59–60.

[4] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 139. Л. 131.

человек вроде бы не слишком нервный, признавался, что «никогда свое эсеровское прошлое... не переживал так мучительно, как в Академии», где против него развернулась настоящая травля[1].

Лебедев оставил предсмертную записку:

> Жить больше не могу, так как чувствую себя темной травой на ниве коммунизма; я слишком безволен и пассивен, чтобы быть борцом, а не быть сейчас борцом значит путаться в ногах и мешать[2].

Синдром «классового самоуничижения» поразил многих левых интеллигентов. Некий «гонимый спец из пролетариев» писал:

> ...Вы сделали Октябрьскую революцию, а мы, участвуя в рабочих демонстрациях и студенческих забастовках, подготовили для вас почву. Все у меня отняли. Оставили мы с женой цианистый калий, которым и воспользуемся, когда дорогие товарищи выставят меня, чтобы дать место своему товарищу-партийцу[3].

Иные коммунисты из русских интеллигентов особо остро ощущали свою неприкаянность. Один военнослужащий сошел с ума, вообразив себя евреем-подкидышем. Он «подозревал всех в антисемитизме и заговорах, арестовал двух прохожих, заподозрив их в желании проникнуть в секреты радиостанции», заставил родную сестру поклясться, что она не антисемитка, убеждал ее «отречься от религии и церкви» (та, как видно, представляла иную идейную заморочку). Со временем ему стало казаться, что у него «украли сердце»[4]. Налицо символичный случай идентификационного бреда. В эмоционально перенасыщенной атмосфере нечто подобное могли испытывать многие представители интеллигенции, некогда «по зову сердца» угодившие в круговерть революции. Писателей раздражало, что «все ненастоящие... вся Россия – суррогат. ...Все роли играют не люди, а фальшивомонетчики»[5]. В мае 1926 г. в Москве на Тверском бульваре покончил с собой Андрей Соболь – писатель и публицист, в прошлом сионист, эсер, эмигрант, вернувшийся в Россию[6]. Он вынужден был уйти из «новой» жизни, ставшей для него еще более чужой, чем

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 447. Л. 35.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 447. Л. 91.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 310, 312. Судя по всему, анонимный автор находился в депрессивном состоянии. Большевикам он инкриминировал то, что они в свое время «инженеров заставляли чистить уборные... [их] сыновей и дочерей выгоняли из советских школ и вузов... спецов заставляли мыть полы и варить обед красноармейцам». См.: там же. С. 311.

[4] См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 634–637, 649.

[5] Так изъяснялся герой писателя Б. Четверикова. См.: *Четвериков Б.Д.* Любань. М., 1928. С. 162.

[6] См.: *Хетени Ж.* Андрей Соболь, русско-еврейский писатель // Русско-еврейская культура. С. 71–82.

«старая». Такое случалось со многими людьми, мечтавшими о «новом мире», но скрученными путами прошлого.

Людей озлобленных хватало и среди представителей «восходящих» классов. Встречались среди них и диссипативные личности, готовые от отчаяния на террористическую самодеятельность. 8 комсомольцев с Украины (с. Зеленивка, Мелитопольский окр.) 5 октября 1926 г. писали наверх: «Генерал Слащев, который находится в настоящее время в СССР, зверски расправлялся с комсомольцами... Некоторые ребята высказываются совершить путешествие в Москву и... Слащева убить, как убили Петлюру во Франции»[1]. Я.А. Слащов, как известно, был застрелен[2]. Другие молодые люди готовы были экстраполировать чувство мести на весь мир. 24-летний Вениамин Израилев, член РКП(б) с апреля 1919 г., в октябре–ноябре 1925 г. писал Сталину из Орла:

> Буржуазия Европы в предсмертных судорогах... Пошлите меня в Лондон и дайте мне эскадрон всадников Чичен (так в тексте, имелись в виду чеченцы. – *В. Б.*). Дайте мне шпагу, сделанную из тульской стали, и напишите на ней: «Коммунизм или смерть». В Лондоне я буду говорить с раввином на древнееврейском языке, спрошу, отдадут ли иуды фабрики, заводы рабочим или нет, то я буду делать то, что делал тов. Петерс в Ленинграде в 1919 году – террор, красный террор[3].

Этот революционный неврастеник страдал от антисемитизма[4], его не устраивала навязываемая средой идентичность, а потому он истово пытался уверовать в интернациональную солидарность:

> Неужели иностранный рабочий будет в меня стрелять?.. Прошу послать меня в колонии Индии, буду драться до конца. Если там мне скажут, что солнце светит только для буржуазии, я потушу Солнце[5].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 100. Вероятно, тот факт, что убийца С.В. Петлюры был французским судом оправдан (*Солдатенко В.Ф.* Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. К., 2007. С. 555–558), еще более вдохновил начинающих международных террористов.

[2] 11 января 1929 г. Слащев был застрелен 24-летним Л.Л. Колленбергом в порядке мести за расстрел в 1919 г. брата – комсомольца Г. Колленберга. По признанию специалистов, убийца обнаружил «черты изуродованности характера (психопатии), которые могут быть очерчены в виде настойчивости, упорства, эгоцентризма». Он был признан невменяемым, из-под стражи по предложению Г.Г. Ягоды освобожден. См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1996. № 2. С. 130–131.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 129.

[4] «Я – еврей-рабочий, когда же мне не будут тыкать, что я жид? – с отчаянием писал он. – Я хочу умереть за дело рабочего класса». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 114–115.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 129. Поход в Индию для нанесения удара по могуществу Великобритании, предлагавшийся еще Павлом I, а затем подхваченный

Иной раз под влиянием официальной пропаганды возникали «классово-ксенофобские» психозы. Рабочий-большевик М.К. Дайлидонис, из литовских беженцев, оказавшийся на Кадиевском руднике в Донбассе, сообщал, что после возвращения из армии заболел, тем временем жена умерла, в результате чего детей отправили в Литву. «Дети мои попали к тем палачам, против которых я сражался и теперь сражаюсь, если не мечом, то злобною ненавистью», – писал он, умоляя вернуть детей, которые «работают у помещика в Паневежисском районе»[1].

Из ненависти к внешнему миру рождалось убеждение в необходимости чисто террористической его переделки. «Старый член РКП» по фамилии Райдук писал:

> Я старый чекист, сын рабочего... Бессчетное количество приговоров высшей меры наказания я выполнил... в течение 5 лет в ВЧК и особых отделах на фронтах. Я делал [это] не из любви к искусству, а сознательно. Теперь у меня, читая газеты, побуждение, у меня огнем воспламенилась злость, я прошу дать мне дорогу мести за моих погибших товарищей. Я прошу разрешения партии отправиться для совершения террористического акта в одну из двух стран – Китай или Болгарию. ...Я умертвлю того, кто уже умертвил десятки наших передовых товарищей. Это Цанков – палач рабочих... Я умру на славном посту, но выполню задуманное, если партия не запретит... План действий сообщу, когда получу подтверждение согласия, ибо больше не могу, чаша терпения переполнена... Я готов отдать свою жизнь как месть за расстрелянных товарищей. Используйте меня... Я умер бы под пытками, но партию не выдал... Я жду ответ, если партия найдет невозможным мне отомстить за товарищей, то я покорно подчинюсь, я поборю то, что меня мучает, оставаясь на работе в России на том [же] заводе[2].

Жуткий террористический акт в Болгарии в апреле 1925 г., когда во время панихиды в кафедральном соборе были взорваны две бомбы, погибло свыше 150 человек, в Советской России многие поняли как «наступление буржуазии». В Болгарию «для подготовки и борьбы с буржуазией» готов был отправиться и крестьянин С.С. Заволока, член партии с 1919 г. из с. Калиново (Макеевского р-на Сталинского окр.). С 1918 г. он был в Красной армии, последняя должность – командир 1-го Черноморского кавалерийского полка. 2 октября 1926 г. он адресовался в Коминтерн, будучи убежден, что «борьба рабочих и крестьян с буржуазией все больше усиливается».

Л.Д. Троцким (вероятно, из работ Н.Я. Данилевского), вдохновлял в это время многих юных большевиков.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 71–71 об.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 180–181.

Ему казалось, что «на Балканах самый серьезный узел боя в Европе», хотя соглашался отправиться и «в другие места»[1]. П. Харламов (Шильнинский комбинат, Рыльского у. Курской губ.) рекомендовал Политбюро организовывать «партизанские отряды для действий на Западе и Востоке»[2].

Нечто подобное высказывали не только коммунисты. В апреле 1921 г. в Царицыне небезызвестный Илиодор (Труфанов) на Соборной площади выступал перед многочисленной толпой, взывал к «орлам» (революционным трудящимся), призывал в светлое царство благословенного социализма и провозглашал здравицы «вождям социальной революции». Для Илиодора обыватели, не понимающие высокой устремленности революции, были «жуками, копающимися в навозе», которых рано или поздно раздавит «тяжелая советская колесница»[3]. Ему вторили другие квазирелигиозные экстремисты. «Я призываю весь народ Украины и Московии на смертный бой (войну) с англичанами и благословит дело войны с ними Христос», – писал «красный священник на Украине» Ярчуков. По его словам, в свое время он «явился к Троцкому и предложил выстрелить по Керзону и всем лордам»[4]. Вопрос о степени вменяемости «красных попов» не имеет значения – их поведение было отражением всеобщего психоза.

Разумеется, не все большевики воспринимали действительность подобным образом. Для некоторых, особенно представителей старшего поколения, 1920-е гг. остались в памяти как время, когда, несмотря на все сложности, удавалось реализовывать задуманное, непрерывно создавать что-то новое[5]. Их усилиями закладывалась соответствующая историографическая традиция.

Однако документы запечатлели нечто иное. Людей, ищущих «главного врага» и/или «хорошей смерти за идею» по причине нежелания бесславно закончить свои дни в смердящей, как им казалось, нэповской России[6], было предостаточно. Иные просто пристрастились воевать и убивать, а потому тянулись к привычному делу. Де-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 173. Многие к этому времени пребывали в убеждении, что западные капиталисты восстановили порядок сначала в Германии, потом в Болгарии, а теперь в Китае (*Голубев А.В.* Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 40). Следовательно, этот процесс нужно было прервать, пока они не добрались до Советской России.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 64.

[3] Правда. 1921. 25 мая.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 17 об.

[5] *Жукова Е.* Указ. соч. С. 161–165.

[6] В одном из писем Израилев пояснял: «В евсекции Коминтерна евреи – трусы». Он же, в отличие от них, «в 18 лет ушел в армию революционеров». Как же ему теперь «реагировать на такие вещи, как повальное пьянство, разгул, растраты?» Впрочем,

мобилизованный командир кавалерийского полка Александров из Москвы, повоевавший в Первую мировую войну среди осетин Туземной дивизии, 14 сентября 1925 г. предлагал Сталину сформировать «сводный кавалерийский полк национальных меньшинств Кавказа в Москве – этим будет достигнуто доверие горцев к партии». В случае войны полк легко развернуть в дивизию, которую можно направить в Польшу или Румынию[1].

Коммунист Б.И. Грицкий из Грозного «недовоевал»: 5 лет назад он обращался в ЦК с просьбой направить на колчаковский фронт, однако рязанский губком оставил его «на газетной работе», от которой он через год «фактически сбежал на польский фронт». Теперь он вновь обращался в ЦК «с мольбой», требуя «дело, в котором нашло бы свое настоящее применение чувство ненависти к нашим смертельным врагам». Врагов он насчитал множество – фашистов и Каутского считал явлениями одного порядка:

> Мы имеем дело с сумасшедшими, маньяками, с бешеными собаками, с продажными бандитами... К нам едут «философы» и кретины, фанатики и мошенники убивать наших вождей. Чем мы хуже? Мы лучше: у нас найдутся десятки не философов, не кретинов, не фанатиков, не мошенников, а просто десятки хороших солдат революции... Надо физически уничтожать таких выродков, как Каутский... Все средства в борьбе с силами реакции и «стабилизации» капитализма должны быть признаны хорошими...
>
> Создайте ударную группу по обезглавливанию империализма. Пустите меня в Германию, и я обезглавлю Каутского.
>
> Неужели партия не позволит? Или нельзя об этом говорить вслух, а надо на свой страх и риск ехать и действовать?
>
> ...В нашем Союзе найдется немало таких, как я. Мы готовы создать ударный кулак по умерщвлению теоретиков и апологетов империализма[2].

Подобные настроения были распространены. Герой романа А. Толстого «Аэлита», демобилизованный красноармеец, обладатель неуживчивого характера, который с 18 лет «занимался войной», воевал и у Махно, и у Буденного, при этом «четыре республики учредил», говорил, что в нем «все отравлено» настолько, что он уже не может сидеть на месте. Вместе «с тремя сотнями ребят» он уже пытался отправиться в Индию, но неудачно. Ну а поскольку

у него была и «программа-минимум»: «Прошу Вас откомандировать меня в Москву учиться». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 119–120.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 140–142. Упоминание Польши, очевидно, было связано с тем, что летом 1925 г. на границе с ней возникли серьезные конфликты.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 13–13 об.

теперь «войны никакой не предвидится», он с удовольствием полетит на Марс.

Молодежь совершенно не умела, да и не желала контролировать свои агрессивные импульсы. Курсант Объединенной интернациональной школы в частном письме сообщал из Ленинграда: «Если бы в Эстонии разгорелось восстание, то я уже шагал бы по полям Эстонии»[1]. Казалось, международная обстановка подтверждала подобные представления. В мае 1927 г. в Великобритании произошло нападение на помещение советского торгового общества «Аркос», за этим последовали успехи антикоминтерновской деятельности Чан Кайши в Китае. Убийство посла П.Л. Войкова в Польше подлило масла в огонь. Ничто так не стимулирует общественную паранойю, как «совпадения». Поэт Ив. Булатов взывал: «Умрут десятки, / но дух их жив...»[2] На Московском заводе «Серп и молот» принимали соответствующие резолюции. «...Классовый враг раскрывает пасть – ее заткнем», – говорилось в них, англичане при этом именовались «культурными варварами». В одной из них было заявлено: «Мы клянемся, что это убийство будет сторицей отомщено, если даже все силы консервативной Европы обрушатся на нас вооруженной силой»[3]. Понятно, что подобные тексты сочинялись не самими рабочими, однако их маркирующая агрессивная фразеология застревала в сознании. Официальная пропаганда утверждала, что убийство в Польше совершала «твердолобая верхушка английского фашизма»[4]. 17 июля 1927 г. была объявлена «Неделя обороны», затем последовала серия военных смотров и маневров. В ноябре 1927 г. некоторые коммунисты публично задавали вопрос: «Не являются ли оттяжки войны слишком не выгодными для СССР»[5].

Силовое решение накопившихся проблем привлекало молодежь. А.Л. Каргин из Балакова (Самарская губ.), допризывник, комсомолец, дважды писал в сентябре 1926 г. в ЦК РКП(б):

> ...Прошу зачислить меня в ряды Рабоче-Крестьянского Красного Флота... Хочу всю жизнь быть караульным октябрьских завоеваний рабочих и крестьян... Даю слово быть верным нашему почетному Красному знамени и не изменять никогда, и если только хоть один шаг или миг будет замечен, то прошу наказывать меня, как наказыва-

---

[1] Частные письма середины 20-х годов (из архивов Политконтроля ОГПУ) // Нестор. 2001. № 1 (15). С. 74.

[2] Красная деревня. 1927. № 28. 10 июля. С. 5.

[3] *Корнаковский И.Л.* От «Гужона» к «Серпу и молоту» (История Московского металлургического завода «Серп и молот» в документах 1883–1932 гг.). М., 2008. С. 160, 167, 170.

[4] Правда. 1927. 8 июня.

[5] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 39.

ют самого злейшего врага... Я знаю, что кругом нас находятся хищные звери, я знаю, что война неизбежна... и буржуазия снова будет пытать свои силы...[1]

Этот юноша успел твердо усвоить пропагандистские клише.

Объективных оснований для недовольства жизнью было предостаточно во всех слоях общества. Некий К.М. Сорлович, 1903 года рождения, рабочий завода «Красный прогресс» в городе Большой Токмак (Бердянский окр.), в 1918 г. стал красногвардейцем, прослужил 1,5 года в армии, затем поступил на командирские курсы, но в 1923 г. был уволен на «гражданку». Здесь он был поражен «вопиющей несправедливостью, как и пьянством, юдофобством и карьеризмом, чего в армии никогда не видел». Больше всего его возмущали «пьяные кутежи начальства с женщинами». Комсомольцы ищут оружие, уверял он, «чтобы расправиться с *членами* партии, которые дискредитируют ее»[2].

Иной раз импульсы насилия, не найдя внешней цели, получали суицидальный разворот. Некий Пиманов из Ленинграда, по его словам, сын бедного рабочего канатной фабрики в г. Спасске (Тамбовская губ.), свои революционные «заслуги» видел в том, что во время работы в милиции по его доносу в 1920 г. «трибунал расстрелял 20 человек из советских работников». Работая «особистом» в Тамбове и в армии, он «все время разоблачал злоупотребления, за что арестовывался». Был у него и особый личный рекорд: за три месяца работы было расстреляно не менее 100 чел. В 1927 г. его исключили из партии. После этого, сообщал он, «силы мои пошатнулись, семья на почве голода болеет, сына 1 года недавно схоронил, и надо уже с остатками семьи покончить жизнь самоубийством». Он «не раз задумывался об этом», не раз к самоубийству его призывала жена. Он, однако, не желал уходить из жизни, «не доказав ЦК РКП и всему народу», что «умирает за несправедливость»[3].

Феномен постреволюционной танатомании нашел свое преломление в литературе. 11 июня 1926 г. заведующий ГИЗом Г.И. Бройдо докладывал Молотову о сборнике рассказов Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны». Оказывается, зав. литературно-художественным отделом ГИЗа Николаев (бывший член правления «Красной нови») заключил с писателем договор на его издание, за что ему было уплачено 3450 руб. Бройдо, однако, счел, что «в художественном отношении все рассказы слабы», их объединяет «настроение безысходного безразличия, оживляющихся лишь на моментах едких выпадов против Советского строя». Не понравились ему и персонажи: «коммунист-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 17, 19.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 24.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 195–198.

пьяница, самодур и антисемит», «кончающий самоубийством от тоски и виски радиоинженер и т. п.». В одном из рассказов он разглядел «тонко сделанный контрреволюционный пасквиль на сущность диктатуры пролетариата, партии». Увидел он и угрозу государственности: Пильняк якобы проводил мысль «о бездушности тупого слепого механизма, управляющего людьми, убивающего в них волю, инициативу, личность». В итоге Бройдо заключал: «Необходимо обратить серьезное внимание на утончившиеся методы контрреволюционной отравы в области художественной литературы»[1].

Любопытно, что Г.И. Бройдо даже не упомянул произведение, давшее название сборнику. А между тем «Повесть непогашенной луны» была истолкована читающей публикой как намек на то, что Сталин «убил» Фрунзе[2], отправив его на ненужную операцию. На деле Пильняк сочинил своего рода реквием героям Гражданской войны[3]. И по какому-то совпадению «тихая смерть» литературного героя многозначительно коррелировалась с приводившимся пожеланием Сталина о том, чтобы «старые товарищи» (люди, уже сделавшие свое дело) «легко и просто спускались в могилу».

Между прочим, пути Бройдо и Фрунзе пересекались в Средней Азии. Г.И. Бройдо, человека неуемной энергии, ухитрявшегося соединять революционную экзальтированность и поверхностную эрудицию с заземленным практицизмом, М.И. Фрунзе в 1920 г. характеризовал как «злого гения» Туркомиссии и «авантюриста»[4]. Это был тип «революционного всезнайки», заваливавшего коммунистических вождей всевозможными, порой взаимоисключающими проектами. В августе 1926 г. заговорили о том, что он ведет аппарат Госиздата к полному развалу, объявляя людей несогласных оппозиционерами[5]. Но в «Повести непогашенной луны» Бройдо никакой «контрреволюции» не усмотрел. Многозначительные намеки уловили люди совсем иного – «обывательского» – склада.

Пильняк вовсе не был поставщиком «контрреволюционной отравы». Подобно многим он пребывал в состоянии амбивалентности по отношению к нарождающейся государственности и новым правителям. В тогдашние времена люди постоянно обманывались сами и не-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 30. Л. 1–1 об.

[2] Позднее эту версию поддерживал перебежчик Б.Г. Бажанов, уверявший, что Сталин опасался стоящего за спиной Фрунзе Тухачевского и других высших командиров. Вряд ли это соответствовало действительности: без конспирологических домыслов воспоминания Бажанова выглядели бы крайне бледно.

[3] Примечательно, что в писательской среде намека на Сталина не уловили, зато сам Сталин был возмущен: «...Составил эту грязную ложь не писатель, а буржуазный клеветник». Цит. по: *Сольский В.* Указ. соч. С. 86.

[4] См.: *Фрунзе М.И.* Неизвестное и забытое. М., 1991. С. 188.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 18.

вольно обманывали других – особенно в моменты, когда им кажется, что они уловили «истину»[1]. Гипотетический портрет «вождя», представленный в повести, скорее всего, мог лишь польстить реальному Сталину.

Главные решения у Пильняка принимал «негорбящийся человек», способный держать руку на пульсе целой страны во имя по-новому продолжающейся революции. Он без колебания посылает на сомнительную операцию вовсе не конкретного старого боевого друга, а абстрактную единицу, которая то ли может пригодиться, то ли нет. Друг соглашается, нутром человека, «отслужившего свое», сознавая, что погибнет, выполняя «приказ». Оба хорошо знают, что такое «колесо истории». Но Пильняк, в отличие от своих героев, вряд ли был уверен, что история по-прежнему должна двигаться «смертью и кровью». Так или иначе, в 1920-е гг. многие литераторы затевали своеобразные игры в поддавки с сильными мира сего. Иначе не могло и быть: власть стремительно отчуждалась от людей, сотворивших ее, и это порождало жутковатый раскол «революционно-оптимистичного» сознания.

За идейно-эстетическим изобилием[2] постреволюционного времени таился непреходящий социально-исторический испуг. Литература 1920-х гг. отмечена налетом танатомании, причем далеко не всегда эсхатологически-очистительного характера. «...Никогда смерть не была столь заманчивой и влекущей, как теперь»[3], – такие строки можно было встретить в частной переписке. Нечто подобное захватывало и «простых» людей. В Москве, которая раньше давала некоторым из них ощущение свободы и оптимизма, теперь ощущали «такой же

---

[1] В 1924 г. П.С. Коган, президент Академии художественных наук, считал, что «нервный» Пильняк – «писатель беспорядочных, моментальных снимков, художник каких-то бьющих в глаза мельканий», обращенный скорее к прошлому, нежели к будущему. Цит. по: *Анненков Ю.* Указ. соч. С. 308.

[2] Тем же Госиздатом (именуемым «гигантской фабрикой мысли рабочих и крестьян»), выпускающим 80 % всей книжной продукции СССР, было издано (совместно с Лениздатом) в 1924 г. 1880 названий, в 1925 – 3430, в 1926 – 2950, в 1927 – намечено к выпуску 3200 названий различных книг (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 30. Л. 166). Удельный вес «пролетарской литературы» был ничтожен. Возможно, издатели тихо саботировали большевистские планы: было известно, что читатели сходу отвергают книги с революционной символикой на обложках (*Сольский В.* Указ. соч. С. 55). Впрочем, еще ранее писали, что большинство книжной продукции идет на обертку (Мухомор. 1923. № 15. С. 6). Со временем ситуация усложнилась. В 1925 г. один сатирический журнал сообщал, что исторические опусы М.Н. Покровского и «Беседы с крестьянами» М.И. Калинина продаются «на вес, пудами... на обертку», а в 1929 г. другой журнал сообщал, что нашумевшие произведения С. Малышкина и С. Гумилевского вышли в нескольких издательствах тиражами в десятках тыс. экземпляров, а на издание А.П. Чехова не хватило бумаги. См.: Смехач. 1925. № 8. С. 1; Чудак. 1929. № 18. С. 15.

[3] *Герцыг Е.* Воспоминания. Париж, 1973. С. 180.

застой, апатию и беспросветность и безнадежность, словом, дыхание смерти», как и в провинции[1]. Полусумасшедший изобретатель с примечательной фамилией Спасов писал, что «над нами, славянами, довлеет тяжелый и необратимый рок взаимного истребления на почве гнусной клеветы»[2]. От отчаяния приходили такие мысли: «Может быть, нужно до конца разложиться России, народу русскому, чтобы воскреснуть, возродиться»[3].

Примечательно, что постреволюционное десятилетие было отмечено массовыми инсценировками «смерти во имя революции». В Архангельске вошло обычай праздновать 19 февраля «Освобождение Севера», в ходе которого в нардомах ставились пьесы вроде «Белые вороны на Севере», «Остров смерти». Местные поэты сочиняли к событию стихи вроде «Телами павших трамбуем путь»[4]. В 1923 г. целый город – Иваново-Вознесенск – был превращен в театрализованное пространство, призванное воскресить в памяти расстрел голодных рабочих в 1915 г. Кульминацией действа было исполнение похоронного марша 20-тысячным рабочим хором. Летом 1924 г. в Казани была поставлена инсценировка «из времен гражданской войны» – «Гибель шестнадцати». В том же году было устроено многочасовое представление «Империалистическая война» о событиях с кануна Первой мировой войны до Октябрьской революции – в это действо был втянут примерно каждый 12–15-й горожанин[5]. В 1927 г. в Киеве была воспроизведена сцена расстрела рабочих гайдамаками перед 50-тысячной толпой[6]. «Праздновали» даже 100-летие казни декабристов, заложив по этому случаю памятник на острове Голодай[7].

Празднование десятилетия Октябрьской революции, по мнению западного исследователя, было задумано как демонстрация реализации всемирной мечты о социализме. Торжества должны были гармонизировать революционное прошлое и советское настоящее в сознании масс. В Петрограде предполагалось придать соответствующую

---

[1] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 137.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 136.

[3] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 201.

[4] *Зашихин А.Н.* Первые праздники «Освобождения Севера». Тема гражданской войны в официальной пропаганде 20-х годов // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 97–99.

[5] Примечательно, что, после того как «белогвардейцы» расстреляли «пленных красноармейцев», публике был задан риторический вопрос: Что делать с «золотопогонниками»? См.: *Малышева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. С. 121–123.

[6] *Тяжельникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 414.

[7] Правда. 1926. 25, 27 июля.

символику мнемоническим местам революции – дворец Кшесинской («от империи к гражданской войне»), Марсово поле («память о павших бойцах»), Нарвская застава («память о Красной гвардии»), Московская застава («тема Красной армии»). Памятник Ленину у Финляндского вокзала был декорирован в духе «апофеоза Октября»[1]. Тема насильственного утверждения «счастья» руками масс доминировала. Пресса взахлеб писала о «гигантских размерах» марширующих колонн, «энтузиазме, единстве и солидарности рабочих масс», не забывая и о трудящихся, отдаленных от столиц[2]. Как празднество, так и его освещение в прессе все более отдалялись от исторических реалий, перемещаясь в символическое пространство. Некоторых это вдохновляло. Железнодорожник Тихон Пригода из Таганрога (ул. Фрунзе, д. 82) заявил о готовности совершить в день Октябрьской революции «воздушные трюки»: взобраться по веревочной лестнице в пролетающей над площадью самолет, полетать на нем, после чего «спуститься на быстро идущий поезд и затем пересесть на встречный поезд»[3]. Старые жанры «революционизировались»: в 1927 г. в Москве в цирковом представлении «Взятие Перекопа» участвовали 300 красноармейцев, изображавших красных, белых, французов; артисты представляли Буденного и Врангеля, Блюхера и Слащева; палила артиллерия (холостыми)[4]. Как видно, новые праздники вдохновляли на неожиданные деяния.

Традиционный тип большевистской пропаганды – печать – постепенно вытеснялся на задний план[5]. Член партии с 1917 г. М.О. Пантин писал из Ярославля, что сотрудники местной газеты, «старые, преданные революции товарищи заменяются людьми с бульвара», а вместо воспитания «за пустяки» практикуется «высшая мера наказания – исключение из партии», причем исключают даже рабочих[6].

---

[1] *Corney F.C.* Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca and London, 2004. P. 175–176.

[2] Правда. 1927. 10 ноября.

[3] Чудак. 1929. № 2. С. 11.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 259.

[5] По мнению С. Ярова, в начале 1920-х годов неизбежно должна была произойти «смена используемых агитаторами символов», хотя тотальной «символической революции» ожидать не приходилось (*Яров С.В.* Государственная пропаганда в начале 1920-х годов: системы аргументации // Новая политическая история. Сборник научных работ. Серия «Источник. Историк. История». Вып. 4. СПб., 2004. С. 170). Автор опирается на анализ традиционных средств пропаганды. Представляется, что следует принимать во внимание также использование более эффективных «карнавальных» пропагандистских приемов.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 43–46. Справедливости ради стоит отметить, что рабочих все-таки лишали партбилетов, хотя и в последнюю очередь: большевистскому руководству важен был имидж «пролетарской» партии.

В Свердловске на собрании работников печати в мае 1927 г. было заявлено, что «пресса выслуживается перед ответственными работниками», а газета «Уральский рабочий» потеряла «подлинную связь с массами» и теперь «щекочет пятки обывателя»[1].

Для многих бывших революционеров нэп ассоциировался с разложением и смертью. Сатирики живописали его «удушливую атмосферу», «кладбищенский дух». В адрес нэпманов постоянно звучали угрозы – нередко не только символического характера[2]. На их фоне воспевались коммунисты и комсомольцы.

А тем временем многие юные «помощники партии» недоумевали. Комсомолец и кандидат в члены партии Гирштейн из профтехшколы в Витебске в мае 1925 г. сообщал:

> В беседе с рабочими выявляется, что партийцы, которые выставляются партией в рабочкоме, профсоюзе, являются не люди общественные, а только такие, которые заинтересованы в своей личной жизни... Рабочие такими словами голосовали: «Все равно пускай разбойники приходят, нашим криком мы ничего не поможем, у них власть, что они хотят, то и делают».

Этот молодой человек не сомневался в правильности «генеральной линии». Он писал «закаленному старому ленинцу» (Сталину), что «мысли Троцкого сейчас к нам не подходят, они могут создать не то, что нам желательно иметь». Размышляя, как «оживить партийную жизнь», он додумался до предложения «снизить ставки у ответственных работников»[3]. Из постреволюционного недоумения вырастали пессимистические настроения.

Даже приблизительный контент-анализ некрологов 1920-х гг. в «Правде» поражает апологетикой революционной аскезы. Воспевался «незаметный», скромный труженик, «солдат партии», непременно обездоленный в прошлом и истощенный беззаветной борьбой за идеалы[4]. Сомнительно, чтобы такой типаж отвечал «запросам времени». «Надо твердо помнить все те жертвы, которые были принесены во имя идеалов социализма и будущего коммунистического строя, – заявил в мае 1925 г. в обращении к "будущему правительству" рабочий из Самарской губернии. – Так нельзя ли ускорить движение к нему, сделать, скажем, какой-нибудь зигзаг, чтобы мы, рабочие и крестьяне, скорее почувствовали приближение к заветной цели?»[5] Каждый прак-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 72. Л. 4–5.

[2] *Орлов И.Б.* «Гримасы нэпа» в историко-революционном фильме 1920-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 24.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 188.

[4] *Тяжельникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» С. 426–427.

[5] Третий съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. М., 1925. С. 218.

тиковал свою форму самообмана. На проходившем в декабре 1923 г. в Москве Всероссийском съезде баптистов И.К. Вязовским был прочитан доклад о том, что коммунизм есть «высшая форма материальной жизни»[1]. Вера в чудо поддерживала, однако злое нетерпение распаляло нетерпимость. Когда в Сергиевом Посаде «отгадчица тайн» Жанна Дюкло выступила с «саморазоблачениями», публика возмутилась: кричали «паразит», «шулер», «большевичка» – «больно было вернуться от чудесной гадалки к прозаической действительности»[2].

Оборотной стороной официального оптимизма стала привычка кокетничать с опасностью и даже со смертью. «Смертью грозили тогда часто, на каждом шагу, от мировой буржуазии до сыпнотифозной вши», – вспоминал мемуарист[3]. Н.И. Бухарин, отличавшийся искренностью, перерастающей в провокационную болтливость, в январе 1927 г. говорил: «У нас нет гарантий, что на нас не нападут, борьба между нами и империалистами перешла в более высокую фазу»[4]. В 1928 г. о возможности своей смертной казни он высказывался так: «Мы, большевики, относимся к этому просто: каждый знает, что с ним это может случиться. Зарекаться не приходится». И тут же поведал о сочинских комсомольцах, которых только что «пустили в расход» за «разложение»[5]. Впрочем, даже подобные «чистки» не помогали. Тема «разложенчества» и «перерожденчества» прочно прописалась в беллетристике[6]. Создается впечатление, что от полной ликвидации этого порока большевистские организации могли обезлюдеть[7]. Даже позднее, в конце 1933 г., в верхах встречались такие характеристики:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 799. Л. 6.

[2] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 184.

[3] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 66.

[4] Правда. 1927. 9 января.

[5] *Мандельштам Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 120–121. Признаки «разложения» обнаружились много ранее. В декабре 1918 г. в большевистский ЦК докладывали о «возмутительной вакханалии, которая разыгралась на Елецкой партийной конференции». Здесь «8 часов продолжались беспрерывные склоки относительно распределения дамских корсетов, мыла, муки; обвиняли друг друга в провокаторстве». Пришлось вызвать караул. Автор письма сетовал, что «взаимное обливание грязью... в корне подрывает святую идею коммунизма». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 54. Л. 148.

[6] В повести М. Казакова «Партийное дело», многочисленные разложенцы показаны на фоне немногих «романтиков революции», намекающих на меньшевистскую природу этого явления (*Казаков М.Э.* Полтора хама. Л., 1932. С. 190). И. Эренбург в романе «Рвач» (1925 г.) показал перерождение комсомольцев в спекулянтов и хапуг.

[7] В мае 1929 г. в ЦККП ВКП(б) рассматривалось дело Давида-оглы из Мерва, выпускника еврейской духовной семинарии, члена партии с 1917 г., исключенного из ее рядов в 1928 г. Этот «работник среди нацмен» систематически пьянствовал, ухитрился потерять револьвер, совершал религиозные обряды. ЦКК решила пожалеть его, ограничившись выговором. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 29. Л. 3.

Это уже псих, парень уже рехнулся, и нам приходится с ним, как со старым партийцем – членом партии с 1915 года, возиться. Этот парень никуда не годится, но это не сейчас он стал таким, он был человеком невыдержанным и, несмотря на указания, его послали на такую работу, как директор Горного института[1].

Масса словно ждала чего-то необычного, дабы встряхнуть оцепенение. Но кто мог сделать такое? Известный экономист И.Х. Озеров в августе 1928 г. делился своими соображениями с В.И. Вернадским: «...Сейчас проявляется влияние людей, которые в тюрьмах, отчасти в одиночках, тяжелой ссылке развили фантазию, "дьявольскую волю", незнание жизни. Этот волевой импульс соединяется с отвлеченной фантастикой, фанатизмом, отсутствием творчества»[2]. Трудно сказать, насколько справедливы были догадки людей тех лет, – символы прошлого деформировались психозами настоящего[3]. В 1929 г. готовилось празднование 50-летие «Народной воли». М.С. Ольминский, бывший народник, неожиданно отказался от участия в нем, мотивируя это «мелкобуржуазностью» народовольцев. Примечательно его попутное замечание:

Единственное, что можно признать за деятелями «Народной воли», – это чистоту их нравственных побуждений, как нельзя не отрицать чистоту убеждений Каплан, стрелявшей в Ленина[4].

Получается, что нравственная стойкость людей подобного склада поддерживалась одной лишь убежденностью в том, что их деяния лежат в русле победоносного «прогресса». Но если жизнь не давала подтверждений на сей счет? «Был у нас *только один* (выделено мной. – *В. Б.*) товарищ, который защищал интересы всего мира, но его нет, это вождь и учитель В.И. Ленин... После смерти вождя еще хуже стало...»[5], – писал красноармеец Н.М. Холявко из Киева. Похоже, так думали многие.

Некоторые физически ощущали упадок всяких сил. Некий А. Артемкин с медицинского факультета МГУ в сентябре 1926 г. просил поддержки у «родной партии» в стихотворной форме (похожие гекзаметрические вирши сочиняли герои А. Платонова):

Я работал, пока были силы, а теперь не пойму, отчего мои нервы и мышцы заныли. Ко всему отпал интерес, ко всему отпала охота.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

[2] Исторический архив. 1999. № 1. С. 179.

[3] В 1930 г. чекисты утверждали, что в 1928–1929 гг. «видный контрреволюционер» Озеров пришел к выводу о неизбежном падении Советской власти в результате общероссийского крестьянского восстания. См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1163–1164.

[4] РГАСПИ. Ф. 91. Оп. 1. Д. 236. Л. 25.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 56.

Вот уже вижу слетает с небес тяжкая предсмертная дремота... За свои слова не отвечаю, родная партия, я больной, чувствую, что бредить начинаю... Я желал бы забыть свои муки, что терзают душу мою, но никто не протянет мне руки, бесславно умру не в бою... Бывшее сердце шахтера треснуло сильно по швам, плачу теперь у забора, плачу всегда по ночам...[1]

Плохо приходилось и тем, кого в свое время, со слов Троцкого, именовали «красой и гордостью революции». И.А. Щербаков 16 января 1927 г. просил «дорогого тов. Сталина, старшего товарища в партии», «не оставить славного бойца революции». Он всегда был «готов куда угодно», обещал, что «заветы Ильича не забудет никогда». Больше всего на свете ему хотелось в Ленинград – именно в «пролетарской столице» он провел лучшие годы жизни. По его словам, он был

с 1915 г. на Балтийском флоте, с первых дней Февральской революции... активный работник среди моряков, в 1917 году расправлялся с буржуазией... участвовал по колени в крови в бое на Невском... Был на всех фронтах... был на бронепоезде им. Тов. Троцкого № 89 машинистом на паровозе... имел партизанский отряд в тылу Петлюры...[2]

Понятно, что сгущал краски и преувеличивал свои заслуги. Лиц с таким настроем особенно много было среди красных партизан. Об одном из них писали:

Самсонов красный партизан, быв[ший] член ВЦИКа, слушатель Свердловки в [19]20 году, он забыл недавние революционные бои и победы, [запил и теперь кается:] только в Красной армии не пил, был человеком, а теперь скотина, спасите меня, ведь я гублю не себя столько, а и дело революции, за которую бился[3].

Как видно, красные партизаны представляли собой законченный тип диссипативной личности, сумевшей найти себя только в революции. В ином социально-психологическом пространстве они не могли жить. Порой их старые замашки редуцировались до сутяжничества. Пантелеймон Самсонов, 1895 года рождения, в прошлом «красно-зеленый» партизан, в разряд своих революционных подвигов записывал налет на ст. Крымскую в 1920 г., когда «захватили много оружия, припасов», а «нескольких офицеров тут же расстреляли на площади». Теперь он смиренно просил о помощи[4]. Сибирские партизаны, члены партии с 1917 и 1920 гг., Марудко и Звирбул 20 мая 1925 г.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 108.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 255.

[3] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 107.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 47–47 об.

жаловались Сталину, что «на партизан смотрят с презрением, а не так, как на бойца-завоевателя диктатуры пролетариата»[1]. Подобное отношение к партизанам было распространено и среди крестьян Севера России[2].

В 1925 г. писатель Е.Д. Зозуля опубликовал антиутопию «Рассказ об Аке и человечестве», действия которой якобы происходили в 1919 г. Именно тогда появилась «Коллегия Высшей Решимости», принуждающая «жителей, признанных ненужными для жизни... уйти из нее в течение 24 часов», ибо «человеческий хлам, мешающий переустройству жизни на началах справедливости и счастья, должен быть беспощадно уничтожен». Был составлен список «ненужных личностей», которых председатель мифической коллегии призывал: «Резать! Резать! Резать!» Порой кандидатами на заклание во имя всеобщего счастья становились излишне грамотные люди, страдавшие дефицитом радости[3]. Вольно или невольно писатель угадал видовую особенность режима: избавляться от «лишних» людей, мешающих насильственному внедрению коммунистического счастья. Сообщество таких личностей расширялось.

Н. Рудин в романе «Содружество» описал жизнь студенческой коммуны, члены которых пытались жить по законам «всеобщего братства». На деле они постоянно ссорились из-за студенток, даже дрались. Роман оказался перенаселен сексуально озабоченными психопатами. Естественно, книга была названа «упаднической», хотя автор скорее следовал традициям дореволюционной литературы.

Иногда фрустрационные настроения подогревались черносотенными ненавистниками большевизма. 27 июля 1926 г. один из них анонимно, со злобным удовлетворением сообщал наверх (письмо было тут же передано в ОГПУ Г. Ягоде):

> Мы, сионисты, заставили всю Россию плясать под нашу дудку. Твое сопротивление напрасно. Ты носишь пятиконечную звезду – символ нашего владычества, дети носят галстуки красного цвета с... фигурой треугольника, выглядывающего сзади и означающего победу Израиля. Комсомол и армия – это наша сила, которая станет на защиту наших интересов. Вся страна во власти сионистов-масонов, и твои выступления против нас напрасны[4].

В марте 1924 г. Дзержинский объяснял своим заместителям В.Р. Менжинскому и Г.Г Ягоде, что «программа сионистов нам не опасна», но не стоит мешать, следует лишь «нещадно бить и нака-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 176.

[2] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 220.

[3] Цит. по: *Блюм А.В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 136.

зывать спекулянтов»[1]. Он также заявлял: «Сионисты имеют большое влияние в Польше и в Америке. Зачем их иметь себе врагами?»[2] В марте 1925 г. он вновь усомнился: «Правильно ли, что мы преследуем сионистов?»[3]

После Гражданской войны людей было несложно запугать. В 1927–1929 гг. был написан отмеченный печатью революционной суицидальности «Чевенгур» – произведение, оцениваемое политиками как предупреждение, знатоками хилиастических утопий – как навеянную недавним прошлым пародию на анабаптистский эксперимент XVI в. в Германии. Но стоит обратить внимание на другое. Отказ революционеров-чевенгурцев от всякого труда как источника собственности, неравенства и эксплуатации, заметно контрастирует с апофеозом трудового начала, пусть в форме овладения человека машиной, в других произведениях Платонова. Теперь же хаотичное движение бесприютных людей у писателя символизировал «Котлован» (1930 г.). Путь от революционной утопии к сюрреалистическому восприятию действительности оказался коротким. Появление произведений такого рода подсказывало, что «хаотический» период революции исчерпал себя, а следовательно, пора приводить систему в равновесие с помощью привычных репрессивных форм.

Какой ценой это далось? Химеры воображения, заквашенные на догмах, вытесняли реальность. Современники обнаруживали, что

> литература попала в хвост всего движения (общественно-исторического. – *В. Б.*)... Такая литература не может создать из себя свои бытовые и производственные формы. Вот почему наш литературный быт весь сколочен из форм и категорий, надерганных из других областей[4].

Литературная жизнь 1920-х гг. – как и художественная жизнь в целом – была уникальна своими контрастами. С одной стороны, в ней умирал российский Серебряный век, с другой – самоутверждался революционный авангардизм. Но что происходило под покровом того и другого? Современники замечали, что в результате «массового

---

[1] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 534.

[2] Цит. по: Ф.Э. Дзержинский, ОГПУ и сионизм в середине 20-х годов // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1995. № 1 (8). С. 141–146. Похоже, что заявление Дзержинского было сделано под влиянием прибывших в СССР в мае 1925 г. эмиссаров всемирной сионистской организации, уверявших, что американские банкиры не дадут под так называемый Крымский проект обещанные 15 млн долларов, если отношение к евреям не смягчится. См.: *Далгатов А.Г.* Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам: «еврейский вопрос» в жизни советского общества (окт. 1917-го – начало 1930-х годов). СПб., 2002. С. 118–119.

[3] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 598. В 1920-е гг. сионистов не только ссылали, но и высылали за границу. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 341.

[4] Цит. по: *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 109.

словесного гипноза» в обыденный лексикон проникали штампы вроде «ударничества», «соцсоревнования», «технизации» и т. п. Иногда это был спонтанный процесс, иногда – «результат вполне циничного расчета литературных спекулянтов»[1].

К концу 1920-х гг. коммунистические верхи охватило ощущение дезориентированности. В мае 1928 г. чехословацкий дипломат Й. Гирса воспроизвел такое высказывание А.С. Енукидзе:

> Было гораздо лучше, когда мы имели перед собой конкретного врага... Теперь его нет, но мы чувствуем, ощущаем повсюду скрытых врагов, а друзей не видим никаких. У самых наифанатичнейших коммунистов-руководителей закрадывается неверие в будущее и даже взаимное недоверие... Мы окружены врагами как внутри, так и вовне государства. Буржуазные примеры заражают бездуховной и легкомысленной жизнью... внедряются в среду ранее надежных товарищей. Нам, старой гвардии, отказывается служить разум, и мы начинаем терять почву под ногами[2].

Трудно сказать, насколько точно были переданы слова большевистского руководителя, но дипломату не имело смысла сгущать краски. На коммунистическом Олимпе царили страхи. Но как смотрелись действия верхов снизу? Если ощущения безнадежности внизу сомкнутся с неуверенностью власти, авторитарная система обречена.

3. Попытки ревитализации социальной среды

В обыденной жизни все признают, что каждое время имеет свой неповторимый «цвет» и «аромат». Но стоит взяться за «научное осмысление» прошлого, и то и другое исчезает – описать «воздух» и «запах» привычными методами не удается. Хуже всего обстоит дело с наэлектризованной, но расслабляющей атмосферой «после грозы». Нащупать ориентиры в тумане постреволюционного прошлого, т. е. по-своему помочь выйти из него, люди творческие пытались по-разному.

Некоторых представителей изящной словесности 1920-х гг. преследовала почти навязчивая идея – совпадение ритмики поэтической и ритмов общественного движения. Поэт Андрей Белый, представитель «скифского» (бунтарски-антимещанского, духовно-революционного) направления культурной жизни, весной 1917 г. восхищался совпадением «ритмического жеста» в поэзии с Февральским переворотом[3]. Теперь он пытался ритмизировать свои поэтиче-

---

[1] Цит. по: *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 109.

[2] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 182.

[3] См.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 133.

ские вещи[1], а заодно свести драматические повороты в личной судьбе с социально-природными катаклизмами[2].

Установки А. Белого не были чем-то новым. Еще в 1918 г. О. Мандельштам выступил со статьей «Государство и ритм». Поэт был озабочен проблемой преодоления той самой революционной смуты, в которой другие творческие люди находили вдохновение. «Организовывая общество, поднимая его из хаоса до стройности органического бытия, мы склонны забывать, что личность должна быть организована прежде всего», – писал он. Личность, полагал он, должна быть преобразована во имя коллектива. Это инициирует ряд зависимостей: «новое общество держится солидарностью и ритмом», но помимо солидарности («согласия в цели») необходимо также «согласие в действии», которое «само по себе уже есть ритм». Конечную цель он видел, выражаясь современным языком, в возрождении «порядка из хаоса», причем порядок приобретал не индивидуалистическую, а корпоративистскую основу: «Солидарность и ритмичность – это количество и качество социальной энергии. Солидарна масса. Ритмичен только коллектив»[3]. Лефовцы утверждали нечто подобное: «Ритмика искусства – ритм труда – это едино»[4]. Кубофутурист А. Богомазов утверждал, что ритм, подобно таинственному режиссеру, «управляет всем: цветом, линией, словом, звуком».

В 1920 г. немецкий левоавангардистский писатель Франц Юнг, посетив Россию, был захвачен пением «Интернационала» толпой моряков и рабочих Мурманска. Через много лет он так вспоминал об этом «великом событии своей жизни»:

> Это было то, что я искал и к чему шел с самого детства: дом, земля для людей. ...Когда в последующие годы я встречался с человеческой подлостью, немыслимой злобой, неверностью, предательством в характере людей... мне достаточно было вызвать в памяти то 1 мая... чтобы восстановить внутреннее равновесие[5].

В 1920 г. в Петрограде был создан Институт ритма, возродивший ритмическую гимнастику швейцарского композитора и педагога Э. Жак-Далькроза. В 1924 г. его система, поклонники которой появились в России еще в 1912 г., была названа орудием «одного из

---

[1] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 31.

[2] Отыскать «связь личного пути с планетарной судьбой» пытались анархисты-мистики. Они полагали, что их к этому подготовили русские космисты, в частности В.И. Вернадский. См.: *Налимов В.В.* Канатоходец. М., 1994. С. 101.

[3] *Мандельштам О.Э.* «И ты, Москва, сестра моя, легка...» Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. Венок Мандельштаму. М., 1990. С. 229, 230.

[4] *Чужак Н.Ф.* Указ. соч. С. 36.

[5] *Фэндерс В.* Между эстетическим и политическим авангардом. Франц Юнг и его «Путешествия по России» // Германия и русская революция. С. 442–443.

величайших устремлений революции – к перерождению человека и человечества». Было заявлено, что «только наша революция с ее всечеловеческим размахом и мировым значением способна дать делу Далькроза действенный смысл, как культуре тела и освобождению духа»[1]. С помощью нового жизненного ритма Л. Лунц, идейный лидер «Серапионовых братьев», надеялся преодолеть «вялость и инертность» русской литературы. Социальная масса действительно умножает свою энергию через подчинение ритму. Но как этого добиться?

Мандельштам вряд ли представлял, кто и как это сделает. Поэт, безусловно, ощущал странноватость своей позиции: человек Серебряного века жаждет обрести изоморфность духу революции. Внешне он пытался символизировать «стык эпох», одеваясь к публичным выступлениям в широкий фрак и грубые солдатские башмаки[2]. Разумеется, его собственные стихи отнюдь не создавали неореволюционного ритма. Это умели делать такие жизнелюбы, как Э. Багрицкий, поэтика которого выражала жизненный напор, словно принесенный с полей Гражданской войны[3].

Кстати сказать, в 1925 г. Институт ритма присоединили к Институту сценических искусств, а последователей Далькроза обвинили в «буржуазности». Идеи «перерождения человека» были редуцированы до сценических приемов и «производственной гимнастики»[4] или пионерских шествий под барабан[5]. Много позднее ритмическая гимнастика возродилась как аэробика. Как знать, возможно, поиски социальной ритмики связаны с желанием преодолеть ощущение безвременья, пугающее людей переходных эпох. Историкам еще предстоит ответить, чем увенчались эти поиски: отысканием новой ритмики обновления жизни или втискиванием своих порывов в привычные экзистенциальные ряды.

Первоначально революционная культура отвергала спорт как «буржуазное» и «индивидуалистическое» занятие[6]. Ему противопо-

---

[1] *Шторк К.* Э. Жак-Далькроз и его система. Л., 1924. С. 3.

[2] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 146.

[3] См.: *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 364–366.

[4] *Глезеров С.Е.* Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьезы. М., 2009. С. 39–40. Ритмикой занимались актеры театров Е.Б. Вахтангова, В.Э. Мейерхольда, А.И. Таирова, оперной студии К.С. Станиславского, художники ВХУТЕМАСа. См.: *Панова Ж.* Предисловие // *Жак-Далькроз Э.* Ритм. М., 2008. С. 19.

[5] Так, у некоторых поэтов Первомай непременно ассоциировался с шествием под барабан пионеров, комсомольцев, селькоров. См.: Красная деревня. 1927. № 17. 24 апреля. С. 21; № 18. 1 мая. С. 3.

[6] Тем не менее в 1923 г. в Петрограде действовали Кружок любителей спорта, «Меркур», «Унитас», «Дельфин» и другие любительские спортклубы. См.: Кино, театр, спорт. 1923. № 2. 24–23 апреля. С. 4.

ставлялась физкультура, основывающаяся на ритмике коллективных и, главное, военизированных действий. Соответственно был востребован новый образ телесности, отвергающей как «излишнюю» утонченность, так и специализацию, нацеленную на рекорд. Пожалуй, лучше всех это понял А. Дейнека, сумевший найти верное стилистическое решение, утвердив в советской эстетике намеренно утяжеленные и вместе с тем динамичные фигуры атлетов. Их движение синхронизировалось с ритмом, задаваемым машиной – производительной или военной, – это особенно заметно в таких полотнах Ю. Пименова, как «Даешь тяжелую индустрию!» (1927 г.). Именно подобные человеческие образы отвечали культуртрегерским установкам большевиков. Характерно, что Дейнека шел от плаката с его выверенным лаконизмом изобразительных средств. Подобное мировидение было частью общеевропейского поветрия. Франц Юнг восхищался «русским темпом», в котором якобы слились «точность» и «машина»[1]. Впрочем, другие, более трезвомыслящие немецкие авторы писали о «русской халтуре», предлагая для ее преодоления «германизировать» труд в России[2]. Примечательно, что ранее некоторые российские литературоведы предлагали нечто противоположное: поворот от «рассеянной, рассеивающей бури 1917–1921 годов» к лирике, от «истлевших личин к личности, преображенной, воскресшей»[3]. Великие потрясения не только многократно умножают человеческое воображение, но и качественно разнообразят его. Михаил Козырев в поэме «Былина о державной Москве» (1922 г.) взывал: «...Вся многокрайняя земля / под красным знаменем Кремля / объединится в новой вере». Увы, «красный мессионизм» присутствовал в воспаленном воображении немногих людей.

В массах страхи перед неизвестностью преодолевались традиционно – путем высмеивания противника. Так, на демонстрациях появлялись красочные агитавтомобили с громадными фигами, адресованными «Антанте от СССР», или гигантскими галошами, подписанными соответственно: «Антанта в галоше» (изобретение тружеников «Красного треугольника», производящего резиновые изделия). Такая агитация имела успех[4]. Сатирический журнал предлагал своего рода «смехотерапию»: «Смех – признак жизни... Смех революции не противен, наоборот, нужен»[5]. Вольно или невольно массы втягивались в квазиагрессивное (смех), а затем сим-

---

[1] *Фэндерс В.* Указ. соч. С. 430.

[2] *Кёнен Г.* Указ. соч. С. 531.

[3] *Павлов К.* «Рассеянная буря» (Еще о «путях» и «судьбах» русской литературы) // Вестник литературы. 1922. № 3–4(38–39). С. 18.

[4] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 86.

[5] Красный смех (Астрахань). 1922. № 1. Июль. С. 2.

волически агрессивное действие. Не случаен в связи с этим стал успех «Потемкина»: рабочие заявляли, что «хочется принять участие в действии»[1].

Всякий творческий человек в России, да и в тогдашней Европе пытался по-своему отыскать пути преодоления хаоса. Революционная молодежь инстинктивно пыталась расчистить культурное пространство, «недоочищенное» революцией. Поэзия готова была стать одной большой метафорой постреволюционного времени. К чему мог стремиться Николай Олейников, юношей ушедший из донской казачьей семьи в Красную армию, а затем едва не расстрелянный белыми по наущению собственного отца, считавшего его вероотступником? Вероятно, очень многим хотелось, как ему и Николаю Заболоцкому, «взглянуть на мир голыми глазами» – взглядом, не замыленным той самой культурой, блуждания которой породили страшную полосу войн и революций. Отсюда не только стремление «убежать» от XIX в. в век XVIII, но и вернуться к художественному примитиву, детскости в самом буквальном смысле слова. Не случайно Олейников издавал детский журнал «Ёж», а Евгений Шварц и юный Ираклий Андроников посещали Детгиз и по-детски увлекались буффонадой, розыгрышами, мистификациями[2]. Лев Лунц, которого считали идейным вдохновителем «серапионов», исходил, как и Мейерхольд, из необходимости стирания граней между актером и зрителем, в широком смысле – между лидером и массой. Лефовцы заявляли, что «нет больше "храмов" и кумирен искусства... есть мастерские, фабрики, заводы, улица – где **в общем праздничном процессе производства** – творятся... **товаро-сокровища**»[3].

Революция меняет «нормальное» соотношение между реальным, воображаемым и символичным. Каждый творческий человек вольно или невольно пытался это использовать. В 1926 г. появились такие разнородные прозаические произведения, как «Властелин мира» и «Последний человек из Атлантиды» Александра Беляева, «Земля Санникова» Александра Обручева, «Разгром» Александра Фадеева, «РВС» Аркадия Гайдара, «Конармия» Исаака Бабеля, «Донские рассказы» Михаила Шолохова. С другой стороны, не случаен расцвет жанра фельетона – действительность поставляла соответствующий материал в избытке. «Мы жили в весьма странном, я бы даже сказал – противоестественном, мире нэпа, населенном призраками, – напишет много позднее Валентин Катаев. – Только вооружившись сатирой Гоголя и фантазией Гофмана, можно было

---

[1] *Асилов С.* Триумф «Броненосца Потемкина» // Кино-фронт. Орган Ассоциации революционной кинематографии. 1926. № 1(4). С. 20.

[2] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 385.

[3] *Чужак Н.Ф.* Указ соч. С. 36.

изобразить то, что тогда называлось "гримасами нэпа"»... («Серебряный мой венец»)[1].

Впрочем, некоторые вдохновлялись другим. Д. Бедный, мозг которого, по его словам, в Ессентуках заиграл «легонькими пузырьками», как выпитая живительная вода, в июне 1924 г. с восторгом сообщал Сталину, что один «полупарализованный рабочий» на курорте запел, и «никакой тебе скорби, ни мировой, ни иной». От этого открытия его «вроде электрическим током вдарило», ибо «нет меры пролетарской силе... – "живе-е-ем!!"»[2] Каждый видел в окружающем то, что хотелось видеть.

Люди, «завороженные словом»[3], так или иначе пытались найти точку соприкосновения с людьми, пребывавшими во власти идеи. Это не удавалось. С.М. Буденный в статье с примечательным названием «Бабизм Бабеля» набросился на «Конармию», обвинив ее автора в подверженности влиянию «мелкобуржуазной местечковой среды еврейского гетто»[4]. Художники слова часто, сами того не сознавая, оказываются «вечными» революционерами. То же самое можно сказать о живописцах. П. Филонов, создавший в годы Гражданской войны загадочное полотно «Формула космоса», в начале 1920-х гг. выступил с полотном «Вселенский сдвиг через русскую

---

[1] Хотя советские литературные критики отрицали связь нэповской сатиры с дореволюционной, на деле преемственность сохранялась. См.: *Haber E.* The Roots of NEP Satire: The Case of Teffi and Zoshenko // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. Vol. 1. 2007. P. 89–90.

[2] Большая цензура. С. 79.

[3] В 1927 г. М. Горький писал Б. Пастернаку о своем скептическом отношении к творчеству М. Цветаевой и А. Белого – ими «владеет слово», первая из них, по его мнению, обладала к тому же талантом «крикливым» и даже «истеричным». См.: Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 420.

[4] *Блюм А.В.* Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991. СПб., 1996. С. 75. Выступление Буденного было лишь частью идеологической акции, затеянной командирами 1-й Конной армии (вероятно, по указанию Ворошилова). За Бабеля вступились представители отдела печати ЦК (А.К. Воронский, В.П. Полонский и др.), известные критики и писатели (И. Лежнев, В. Шкловский, Л. Сейфуллина и др.); им противостояли «напостовцы» (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75. Л. 25). Бабеля именовали «буржуазным интеллигентом», таланта которого якобы хватило только на «изображение сумасшедшего бреда еврея-талмудиста и женщин проституток» (там же. Л. 18а, 14). Больше всего его осуждали за порнографию (там же. Л. 3, 4, 18, 28, 36) и охаивание вождей (К.Е. Ворошилов был представлен истериком, С.М. Буденный – нытиком, а С.К. Тимошенко – содержателем наложницы) (там же. Л. 13). На деле «вымысел» Бабеля был лишь бледной тенью погромов и преступлений, происходивших в Конармии (правда, в другой дивизии) (Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сб. документов / отв. ред. Л.Б. Милякова. М., 2007. С. 363, 397, 400, 401, 408, 416, 422–423, 431). Бабель не только не утрировал подобные «инциденты», скорее наоборот – смягчал.

революцию и мировой расцвет». Российские футуристы не случайно увлеклись конструктивизмом, парадоксально сочетавшимся с концепцией «жизнестроения» через так называемое «производственное искусство». Технократствующие идеологи футуризма полагали, что в новых условиях «искусство – есть производство нужных классу и человечеству ценностей»[1]. Человек совершенно иного склада – самобытный ученый-аграрник А.В. Чаянов в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920 г.) писал о появлении «центрального комитета монополизированной культуры, установленного в 1921 г. для принудительного использования культурных сил».

Идея преодоления хаоса, ассоциирующегося со смертью, получала неожиданные воплощения в тогдашних фантазиях. В конце 1921 г. от анархистов-универсалистов отпочковались так называемые биокосмисты, устремившиеся к утверждению неограниченной свободы личности, конечным итогом которого должно стать достижение всеми людьми физического бессмертия и свободы передвижения в космосе. При этом они считали себя материалистами и положительно оценивали деятельность большевиков[2].

О. Мандельштам, ощущавший себя «должником» революции, в 1920-е гг. ни разу не употребил – да и не мог употребить – слово ритуал. А между тем люди попроще рекомендовали организовывать и организовываться именно с его помощью. В сентябре 1921 г. в письме к Е.М. Ярославскому некий человек, назвавший себя «гражданином, обывателем и активным участником революции и сторонником ея», в трактате «О влиянии суда, школы и церкви на народ» предложил создать при Наркомнаце «Исполкомдуха», ведающий «художественной стороной религиозных отправлений». В то время как Троцкий призывал использовать кинематограф, дабы отвлечь население от «кабака и церкви»[3], самодеятельный прожектер предлагал нечто иное.

---

[1] *Чужак Н.* Указ. соч. С. 38.

[2] *Чернов Д.И.* Указ. соч. С. 11.

[3] Троцкий выдавал желаемое за действительное – в это время российский кинематограф полностью зависел от заграничного рынка, предлагавшего ленты то «звериного», то «античного» жанра (Кино, театр, спорт. 1923. № 6. 22 мая. С. 8). В конце 1927 г. его идеи озвучил Сталин на XV съезде партии, заявив об альтернативном (по отношению к водке) источнике пополнения бюджета в виде радио и кино (*Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 312). В действительности к этому времени в стране имелось всего 7 тыс. киноустановок (Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии. М., 1929. С. 41–42), что было ничтожно мало. В декабре 1928 г. в беседе с рабкорами генсек предложил «шаг за шагом водку заменять клубами, кино, радиостанциями...» Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин о религии на исходе нэпа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 30. Вып. 4. С. 78.

Поскольку «православие – это проповедь коммунизма», полагал он, то надо использовать «умелые руки пропаганды искусной – не лубочной, не аляповатой». Обращаясь к властителям, он советовал «приравнять храмы, как здания художественного содержания, к разряду театров (подчеркнуто в тексте оригинала. – *В. Б.*)». Далее шли конкретные рекомендации:

> ...Богослужение трактуйте с государственной точки зрения как особый вид театрального представления, мистерии, где в символах и образно, под звуки таинственных, уходящих в глубь веков мотивов и песнопений, дается одна и та же, великая по своей человечности драма – повесть о том, как идеалиста Иисуса Христа, из евреев, проповедника-энтузиаста, коммуниста, уничтожили, распяв вместе с разбойниками представители капитала, власти... фарисеи и римские аристократы.

Тем самым, полагал он, удастся превратить идею коммунизма в культуру[1]. Предлагая бороться с «попами и суеверием», он советовал так «использовать область веры и церкви»:

> Одни и те же актеры в традиционных одеждах в том же постоянном театре и храме дают представление для простого народа, который при входе в церковное помещение всегда находит картину «страшного суда», где непременно первыми в ад идут цари в коронах и богачи с кошельками, а в рай – простой народ и бедняки...[2]

Предложения этого самодеятельного сверхобновленца отражали определенную тенденцию[3]. Мечтой о Мировой Мистерии было пронизано творчество А.Н. Скрябина, сходные идеи высказывали

---

[1] Цит. по: *Шаповалов А.И.* Феномен советской политической культуры (Ментальные признаки, источники формирования и развития). М., 1997. С. 281.

[2] Там же. С. 284–285.

[3] Обновленчество включало в себя «Живую церковь» (возглавлял протопресвитер Г. Красницкий), Союз церковного возрождения (архиепископ Антонин, ставший «митрополитом Московским»), «Союз общин древнеапостольской церкви» (А.И. Введенский) и др. Введенскому приписывали изобретение «манометра богореальности», *определяющего степень религиозности* человека (Смехач. 1925. № 24. С. 1). Считается, что идея «Исполкомдуха», созданного осенью 1919 г., принадлежала секретному сотруднику ВЧК А.Ф. Филиппову, выпускнику юридического факультета Московского университета, журналисту. В организацию входили старосты московских храмов, рабочие столичных заводов, представители различных конфессий (католики, лютеране). Филиппов был арестован 13 сентября 1920 г., ему инкриминировалась двойная игра, в частности деятельность по освобождению «реакционных церковников». Благодаря заступничеству Дзержинского 12 февраля 1921 г. Филиппов был освобожден. См.: *Крапивин М.Ю., Далгатов Г., Макаров Ю.Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб., 2005. С. 53–55, 57–58.

поэты Серебряного века[1], нечто подобное предлагал Луначарский, мечтавший о театре будущего, где произведенные «коллективной душой пролетариата» монументальные «фигуры-символы» будут танцевать «великий танец жизни под еще не слыханную музыку»[2]. В 1904 г. М. Волошин полагал, что в пляске «мир, раздробленный граненым зеркалом наших восприятий, получает свою вечную внечувственную цельность»[3]. В 1929 г. И. Соллертинский более заземленно заговорил о «музыкальной коллективизации чувств»[4]. Притяжение прошлого требовалось преодолеть на эстетическом уровне. Модернистская схизма готова была сомкнуться со светским авангардом. Маяковский сочинил строки, укладывающие эту задачу в бытовой контекст:

Мы пафосом новым упьемся допьяна,
Вином своим не ослабим воль.
Долой из жизни два опиума –
Бога и алкоголь.

Б. Пастернак писал в 1930 г. после смерти Маяковского, что тот оставался «единственным гражданином» нового времени на фоне «туземцев истекшей эпохи». Только у него «новизна времен была климатически в крови», «весь он был странен странностями эпохи, наполовину еще не осуществленными»[5].

Вряд ли Маяковский мог быть по-настоящему услышан. В 1926 г. в репертуаре театров 25 городов РСФСР имелось 889 пьес, из которых советские составляли ровно столько же, что и классические, – 19 % (166 пьес[6]). Значительную часть «прочих» составляла откровен-

---

[1] Исследователи отмечают их мечты о «соборном театре», «театре-храме», «театре-общине», в котором не будет границы между актером и зрителем. См.: *Степанова Г.* Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова. М., 2005: *Стахорский С.* Искания русской театральной мысли. М., 2007.

[2] Цит. по: *Стахорский С.В.* Указ. соч. С. 155. Впрочем, к современному театру Луначарский относился прагматично: «Революция сказала театру: "Театр, ты мне нужен. Ты мне нужен не для того, чтобы после многих трудов и боев я, революция, могла отдохнуть... и развлечься спектаклем. Ты мне нужен для того, чтобы я могла свежо посмеяться и "отвести душу". Ты мне нужен как помощник, как прожектор, как советник"». Цит. по: *Жидков В.С.* Театр и власть. 1917–1927. От свободы к необходимости. М., 2003. С. 287.

[3] *Волошин М.* Айседора Дункан // Айседора. Гастроли в России. Сост., коммент. Т.С. Касаткина. М., 1992. С. 39.

[4] *Соллертинский И.* Проблема симфонизма в советской музыке // Из истории советской эстетической мысли, 1917–1932. М., 1980. С. 444.

[5] Цит. по: *Пастернак Б.Л.* Собр.соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 239.

[6] Классика делилась на «революционную» и «контрреволюционную»: к первой, к примеру, относили «Риголетто» (в финале убивают короля), ко второй – «Бориса Годунова» и т. п. См.: *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 192.

ная халтура[1]. Революционный авангард в этом перечне просматривается с трудом. Критики называли состояние театра «безрепертуарьем»[2]. «Спасти» положение пытались халтурщики, перелицовывающие классические произведения на «революционные»[3]. Однако «революционный театр» не мог продержаться без финансовой поддержки[4]. «Гудит спекулянтская волна», – сообщал в дневниках М. Булгаков[5]. Пролетарские критики жаловались, что «театр подпал под влияние нэпа»:

> Нынешний нэпман дорого оплачивает театральных дельцов за их изобретательность, но неизменно требует себе удовольствия. Подайте ему хорошеньких голых женщин в чудной кафешантанной обстановке, и сборами ваш театр будет обеспечен[6].

Творческое наследие 1920-х гг. уникально. При этом его «неповторимость» в значительной степени была связана с болезненным ощущением неясности авторских перспектив. Продолжал существовать Малый театр – консервативный по традициям и стилю – творческое прибежище великолепных актеров старой школы, действовал Камерный театр А. Таирова – изящный и изысканный[7]. Писали, что «в Москве можно было увидеть решительно все: от Аристофана до Шекспира, от Расина до Гоцци и Гольдони, от Мериме и Бальзака до Ибсена и Стринберга»[8].

Традиционалистская масса воспринимала новации с точностью до наоборот. В Тверской губернии в 1922 г. на волостном собрании случился курьез: когда выступавшая крестьянка стала цитировать Ленина, из зала ее «поправили»: «Это говорил не Ленин,

---

[1] *Жидков В.С.* Указ. соч. С. 544. Судя по карикатуре в сатирическом журнале, «кино-халтурку на легкой обывательской подкладке» предлагали к летнему сезону «по сходной цене». См.: Смехач. 1925. № 10. С. 10.

[2] Примечателен список наиболее популярных представлений: «Дочь генерал-губернатора» (поставлена в 12 городах), «Конец Криворыльска» (также в 12), «Маркитантка Сигарет» (11), «Ревизор» (11), «Любовь Яровая» (10), «Смертельный поцелуй» (10), «Горе от ума» (9), «Чудеса в решете» (9), «Шторм» (9), «Медвежья свадьба» (8), «Тетка Чарлея» (8). См.: Новый зритель. 1925. № 1. С. 4.

[3] Этот феномен обыграл сатирик И. Кремлев-Свен: совхоз «Международная вишня» был спасен селькором Епиходовым, благодаря которому помещица Раневская отправилась на Соловки. См.: *Кремлев-Свен И.Л.* Самоучитель драматургии. Л., 1928. С. 5.

[4] В 1926 г. в вологодском Театре Народа лишь 4 человека имели регулярную ставку. См.: ГА ВО. Ф. 111. Оп. 2. Д. 527. Л. 49.

[5] Михаил и Елена Булгаковы. С. 18.

[6] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 140.

[7] Правда, писали, что прекрасную постановку «Ромео и Джульетты» у Таирова подпортили своими декорациями футуристы. См.: *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 143–144.

[8] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 17, 22.

а Христос»[1]. Вовсе не верой и любовью к старым или новым пророкам объяснялись подобные случаи. Русскую революцию считали «безрелигиозной»; былые эксцессы крестьян против служителей церкви носили «личный», «направленный против тех или иных служителей церкви и грабительски беспринципный» характер[2]. Как бы то ни было, оживить прежние «уголки веры» было неимоверно трудно. Отсюда некоторый успех большевистских «карнавалов», в ходе которых происходила вульгаризация тех или иных знакомых ритуалов[3].

Люди прошлого уловили, что революция так и не смогла выработать свой стиль «культурного диктата». Некоторые недоумевали даже по поводу культа Ленина[4]. Это не удивительно: с одной стороны, новые правители горели желанием уничтожать, с другой – с таким же пафосом брались перевоспитывать. Еще в 1919 г. Е. Ярославский оставил идиллическое описание коммуны «Заря» в Калужской губернии: ее обитатели дружно трудились под граммофон с записью «речи товарища Коллонтай», им помогал бывший помещик и даже поп[5]. Однако скоро подобные «творческие находки» исчезли из официальной пропаганды. Приводили такие частушки: «Коммунары – сатаны, на троих одни штаны...»[6]

---

[1] *Леонтьева Т.Г.* Духовенство и сельский мир. 1905–1922 гг. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 297. По-видимому, подобные сравнения были нередкими. См.: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 194.

[2] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 118.

[3] Так, рождественские праздники использовались для насаждения большевистских буффонад, в ходе которых практиковались «сожжения богов» по масленичному сценарию [*Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянина (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 534]. С особым размахом проводилось «Комсомольское Рождество» (25 декабря 1922 – 6 января 1923 г.), которое Е. Ярославский признал «удачным» (*Соколов В.И.* Указ. соч. С. 228–230). В 1923 г. большевистское руководство вроде бы запретило проведение на Пасху антирелигиозных карнавалов, опасаясь провокационных выходок со стороны самодеятельных «безбожников» (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 358–362). Но на 8 марта 1924 г. в «рабоче-партийном клубе» Касимова (Рязанская губ.) был устроен «грандиозный масляничный вечер» – событие «небывалое в жизни культурных народов г. Касимова», включавшее (согласно афишам) «мужское и женское мордобитие» под струнный оркестр и гармонику. См.: Безбожный крокодил. 1924. № 8. 24 марта. С. 6–7.

[4] Некий Н. Бирюков 25 июля 1926 г. с недоумением писал: «С тех пор как умер Ленин, его слишком начали возвышать, его приравняли, превратили в другого Иисуса». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 244.

[5] *Дюран Д.* Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010. С. 95.

[6] Цит. по: *Беленький С.* От нэпа к социализму. М., 1924. С. 8.

Очевидно, найти «оптимальное» соотношение между патерналистским и террористическим началом было непросто – мешали страхи непредсказуемости. Представителей интеллигенции, естественно, коробило лицемерие тогдашней власти. Иные из них готовы были заявить, что идея уничтожения врагов – «по крайней мере ясная и понятная точка зрения», но желание перевоспитывать – это «недостойная и бесцельная ложь, которой не верят ни ваши друзья, ни ваши враги», она «не совместима с мощным дыханием революции, это отсутствие стиля; впрочем, куда вам с суконным-то рылом взять чувство стиля!»[1] Дело было, конечно, не только в отсутствии у власти убедительного стиля взаимоотношений с подданными. Давление противоречивых эмоций мешало его выработке. Со временем Сталин этот недостаток преодолел – большевизм заговорил на языке империи.

Это было достигнуто постепенно – не без помощи языка кино. В годы Гражданской войны Троцкий объявил кинематограф «важнейшим из искусств» (позднее эта мысль приписывалась Ленину[2]), рассчитывая с его помощью оттянуть народ от «кабака и церкви». Мейерхольд также поглядывал в сторону кинематографа, отмечая, что он «дошел до таких технических высот, что теперь можно черт знает что накручивать»[3]. На деле это оказалось непросто. Репертуар кинотеатров оставался сплошь «буржуазным»[4], популярность его держалась на показе «мещанских» игровых фильмов. Публицисты писали о «ядовитой, в духовном смысле, пище», которую поставляет кино детям[5]. «Шли рваные ленты дореволюционных фильмов, русские и заграничные, особенным успехом пользовались сентиментальные, вроде "Молчи грусть, молчи", – вспоминал мемуарист. – После сеанса на полу лежал толстый слой подсолнечной шелухи»[6].

«Чтобы правильно руководить советской кинематографией, надо верить в гениальность нашего времени...», – заметил как-то Шклов-

---

[1] *Зубов В.П.* Страдные годы России. М., 2004. С. 123–124.

[2] Это произошло с подачи Луначарского (*Луначарский А.В.* Разговор с Лениным // Ленин и кино. М.-Л., 1925. С. 19), а он мог нафантазировать и не такое. Идея «обновления человечества» с помощью кино не была новой: ее, в частности, высказывал В. Беньямин. См.: *Benjamin W.* Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit und weitere Dokumente. Frankfurt. a. M., 2007. S. 15.

[3] Цит. по: *Анненков Ю.* Указ. соч. С. 419. Правда, Мейерхольд тут же оговаривался, что в СССР с его «социальными заказами» на многое рассчитывать не приходится.

[4] *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 214–215.

[5] *Василевский Л.М.* Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. Л.; М., 1924. С. 62.

[6] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 65. Иногда ради привлечения зрителей старые ленты выпускали в прокат под новыми названиями. См.: *Заховаева А.Г.* Указ. соч. С. 94.

Как свидетельствуют современники, «в эпоху немого кино было поставлено немало лживых, левацких фильмов». Известный дореволюционный кинорежиссер В.Р. Гардин довольно легко стал снимать «нужные» фильмы»: от санитарно-просветительных до революционно-обличительных. В 1930 г. появилась стыдливо забытая ныне лента «Спящая красавица» братьев Васильевых (знаменитых «Чапаевым») с участием не менее знаменитого Григория Александрова. Сюжет прост: пролетарские зрители возмутились «нэпмановской» постановкой «старорежимного» балета «Спящая красавица» и раскормленной и размалеванной публикой, восторгающейся искусством «буржуев и помещиков»[1]. Между тем этот балет преспокойно шел в Большом театре, и никто не собирался его запрещать. Абсурд ситуации усугублялся тем, что спектакль из «жизни царей» открывался новым занавесом, на котором рабочий с молотом и крестьянин с косой поддерживали каменный земной шар, водруженный на пьедестал с рекламой Государственного банка, раздающего ссуды нуждающимся (т. е. по преимуществу нэпманам). Вокруг этих фигур витали постеры, предлагавшие «чай, кофе», «Ессентуки» и армянские коньяки, а также продукцию Госиздата. Сомнительно, чтобы этот знаковый абсурд соответствовал поэтике «рабочее-крестьянской» власти.

Как бы то ни было, кинематограф пережил на протяжении 1920-х гг. невиданный взлет. Не случайно новаторство Дзиги Вертова, методом «киноглаза» (намеренное смешивание субъекта и объекта, представления и восприятия) сумевшего сделать осмысленным и привлекательным то, что казалось хаотичным. Свою роль сыграл и фильм «Мать» В. Пудовкина, весьма произвольно снятый по известной повести М. Горького. «Правда» тут же объявила его одним из вождей кинематографического авангарда, который «все более теснит реакционную кинематографическую мысль»[2]. Но настоящим прорывом в области эстетизации революционного натиска истории стал «Броненосец Потемкин» (1925 г.) С. Эйзенштейна[3]. Между прочим, из Германии последовал характерный отзыв: «Московский фильм, подстрекающий к

---

[1] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 185–188.

[2] Правда. 1928. 5 декабря. Куда более проницательным оказался В. Шкловский: «...Если бы не было революции, то сейчас Эйзенштейн и Пудовкин были бы дикие эстеты. А Мейерхольд не пережил бы своей второй молодости». См.: *Шкловский В.* Указ. соч. С. 170.

[3] Фильм был снят к 20-летию революции 1905 г., и правлением Совкино, настроенным на экспорт развлекательных лент, был признан неудачным. Эйзенштейн объяснял это влиянием нэпманов, которые хотят видеть в кино лишь «раздетых девок». Его поддержал Маяковский. Лишь после колоссального успеха на Западе он поступил во внутренний прокат (*Сольский В.* Указ. соч. С. 54, 163–165). Возможно, помогло известие о том, что в Германии фильм был запрещен. См.: Смехач. 1926. № 38. С. 7.

убийству»[1]. Ничто не впечатляет столь сильно, как жанр «оптимистической трагедии», подспудно перекликающийся с библейскими сюжетами. С другой стороны, наиболее мощный импульс революционному кинотворчеству (и историографическому мифотворчеству) был задан также Эйзенштейном, создавшим впечатляющий образ победы Октября в фильме (1927 г.), представлявшем тот уникальный сплав псевдодокументалистики и игрового кино, который успешнее всех прочих искусств стал творить революционный миф[2]. Но «программным» для 1920-х гг. произведением Эйзенштейна, вероятно, следует считать фильм «Старое и новое», начатый в 1926 г., но законченный только в 1929 г. В нем откровенно противопоставляется старорежимный крестьянин даже не комсомольцу, а... трактору, который предстает одновременно и как некий «роботочеловек», и символ наступления новой эпохи. Именно подобные фильмы формировали представления о прошлом и одновременно как бы приоткрывали завесу будущего.

Кино сумело соединить воедино утопию и реальность, что было необходимо для придания постреволюционному времени «конструктивного» облика. Впечатляющими были поиски А. Довженко, жестко обозначившего тему классовой борьбы в прошлом («Арсенал», 1929 г.) и настоящем («Земля», 1930 г.). Г. Рошаль в фильме «Господа Скотинины» (1926 г.), снятом по мотивам «Недоросля» Д.И. Фонвизина, ухитрился столкнуть литературных Простаковых с Пугачевым. Другой «революционный» кинематографист А. Роом в ленте «Кровать и диван (Третья мещанская)» попытался затронуть острую проблему социалистического коллективизма и сексуальности[3]. Уделил он внимание и другой, не менее актуальной, проблеме в фильме «Гонка за самогонкой».

Кинематограф не обошелся без характерного поветрия. Группа петроградских кинематографистов во главе с Г. Козинцевым и Л. Траубергом выступила в 1920 г. с манифестом «Эксцентризм», провозглашавшим отказ от «высоких жанров» в пользу цирка, мюзик-холла, джаза, плаката. «Эксперимент был направлен против традиции», – признавал Шкловский[4]. Это касалось и нового кино, которое некото-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 283. По иронии судьбы, зафиксирован случай, когда красноармейцы (а им постоянно внушали, что их положение не имеет ничего общего с положением дореволюционных нижних чинов) обещали своим командирам, что поступят так, «как поступили на броненосце "Потемкин"», если качество пищи не улучшится. См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 134.

[2] «Октябрь» Эйзенштейна весьма впечатлял студенческую молодежь. См.: *Заховаева А.Г.* Указ. соч. С. 164–165.

[3] «Надо отнять у полового [чувства] все то, что волей класса обманщика оно *украло* у человеческого творчества», – призывал известный педолог А. Залкинд. См.: *Залкинд А.Б.* Очерки культуры революционного времени. С. 55.

[4] *Шкловский В.* Указ. соч. С. 175.

рое время вдохновлялось сходными идеями Л. Лунца. Фабрика эксцентрического актера (ФЭКС) после ряда театральных постановок выпустила свои первые фильмы «Похождения Октябрины (1924 г.), «Мишки против Юденича» (1925 г.). В ленте «Чертово колесо» (1926 г.) было показано социальное «дно» большого города[1]. Под влиянием Ю. Тынянова, В. Шкловского и других «формалистов» в творчество Козинцева и Трауберга вклинились литературно-исторические сюжеты, включая «Шинель» (1926 г.) ставшего «модным» Н. Гоголя. В адрес филологов-«формалистов» последовала довольно острая критика[2]. В 1924 г. в Ленинграде были сделаны первые мультфильмы – «Семь лет Октября» и... «Алименты» (в этом помог Пролеткульт). В целом предполагалось, что «идя по пути показа "образцовой" жизни, игровая кинематография станет подлинным фактором социалистического строительства»[3].

Не без помощи «великого немого» общество привыкало оперировать языком, не только не адекватным реальности, но и составляющим ей некую альтернативу. Причем этот «антиязык» словно обладал зарядом собственной энергии, навязывая ее внешней среде. В этих условиях люди могли просто разучиться распознавать реальность. Между тем у некоторых авторов вызывает восторг то, что в 1920-е гг. крестьяне научились без запинки выговаривать иностранные слова[4]. На деле новояз вел к дальнейшему отрыву лексики от жизненных реалий. Описан примечательный случай: в 1924 г. в Смоленской губернии учащиеся сельской школы усердно зубрили расшифровки коммунистических аббревиатур: СТО, УЗО, КИК, ГУБОНО, Совнарком, местком, РКП(б). К этому и сводилось преподавание политграмоты. Результаты признавались «не всегда удачными»[5].

---

[1] Режиссеров упрекали в том, что в ленте «шпана заслонила положительного героя». См.: Кино-фронт. 1926. № 1(4). С. 29.

[2] История отечественного кино. М., 2005. С. 70.

[3] *Лухманов Н.* Жизнь, какой она должна быть // Кино и культура. 1929. Январь. С. 37.

[4] *Козлов В.А.* Культурная революция и крестьянство. 1921–1927. (По материалам Европейской части РСФСР.) М., 1983. С. 173–175. Утверждение автора, что крестьяне овладели не ведомой ранее лексикой, выглядит сомнительно: исследование А. Селищева (*Селищев А.М.* Язык революционной эпохи) позволяет усомниться на этот счет, хотя В. Шкловский отмечал, что «иностранные слова местами бытуют в деревне крепко» (*Шкловский В.* Указ. соч. С. 194). По другим данным, деревенские девицы старались отвечать парням «вычурно», в барски-городской манере. См.: Старый и новый быт. Сборник под ред. проф. В.Г. Тана-Богораза. Л., 1924. С. 113.

[5] *Гагарин А.* Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии). М.; Л., 1925. С. 65. Удивлять не приходится: преподавателей не хватало, зафиксированы случаи, когда политграмоту преподавал священник. См.: Скорпион. 1924. № 1. С. 13.

Многие западные писатели довольно точно улавливали ситуацию. Вальтер Беньямин в 1927 г. писал, что жизнь в Москве настолько политизирована, что людям творческим приходится «вписывать свои мысли в заданное силовое поле». От массового подцензурного искусства, по его мнению, особенно страдало кино, которому запрещена «серьезная критика советского человека» и показ буржуазного образа жизни[1]. Относительно последнего он был не совсем прав. Режиссер Я. Протазанов, считавшийся «традиционалистом», снял не только фантастическую «Аэлиту», но и комедийные ленты «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Дон Диего и Пелагея», «Праздник святого Йоргена». Сатирическая струя была в них весьма сильна.

Несмотря на тяготы быта, многие люди (и не только наиболее пылкие большевики) привыкали жить в сфере ожидаемого. Это настораживало: ни один из видов зрелищных искусств не подвергался такой критике, как кино[2]. Тем не менее ни предложения Троцкого, ни пафос молодых кинематографистов, ни упреки в «буржуазности»[3], ни цензурные запреты не могли произвести необходимого переворота: повсеместно господствовали «театры и кабаре, в которых мещанский дух и обывательская пошлость перемешивались... с обыкновенной порнографией»[4] и клоунадой[5]. Попытки большевиков «расчистить» репертуар кинотеатров и эстрады наталкивались на сопротивление. Из докладной записки Главного комитета по контролю за репертуаром следует, что в 1923 г. «репертуар "прокатывался" государственными киноконторами на 98 % картинами обывательско-мещанского характера», причем даже «коммунисты ради коммерческих выгод забывали о своих просветительских задачах»[6]. Репертуар провин-

---

[1] *Беньямин В.* Московский дневник. М., 1995. С. 48, 80.

[2] Революция и культура. 1928. № 3–4. С. 45.

[3] В. Киршон писал, что кино, потакая обывательским вкусам, пропагандирует буржуазную идеологию – за это преступление «надо предавать суду». См.: *Киршон В.* Долой обывательскую фильму! // Кино-фронт. 1926. № 2(5). С. 17.

[4] РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 173. В январе 1923 г. во Владивостоке в Театре миниатюр можно было увидеть постановки «Шалунья» и «Рыжая». Открылся также (по примеру московского) театр-кабаре «Не рыдай в подвале под рестораном "Версаль"». Здесь предлагались постановки «Яичная депрессия», «Муся», «Кокаинетка» и «Бракоразводные дела». Народные частушки исполнял «хор Вятской губернии». Со временем стала преобладать классика, однако в феврале 1925 г. в театре «Золотой рог» можно было увидеть «сенсационную новинку» – «советскую сатиру-комедию "Национализация женщин"», в ноябре там же показали «Аборт» Трахтенберга, а в марте 1927 г. – «Сугихара-сан (Японский Боккаччо)». См.: *Королева В.А.* Хроника культурной жизни Владивостока. 1923–1929. Музыка. Театр. Кино. Владивосток, 2000. С. 28–29, 84, 94. 128.

[5] Кино, театр. Спорт. 1923. № 8. 18 июня. С. 4.

[6] РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 169.

циальных кинотеатров состоял из фильмов с «явным буржуазным, мелкобуржуазным и мещанским содержанием»[1]. Приходилось констатировать, что «кинематограф превращается в источник добывания средств, потворствуя обывательским инстинктам, и ударяется в сторону авантюристического бандитизма и пошлости, окрашенной сентиментальными благоглупостями»[2]. Не похоже, чтобы деятельность цензуры принесла заметный результат[3] – сказывалась непоследовательность: «Знак Зеро», к примеру, то разрешали, то запрещали[4]. Было признано, что «во главе литературной части конторы "Экран" стоит небезызвестный "Граф Амори", автор многих сальных и порнографических романов», а «на эстраде тон задают куплетисты нэповского пошиба», в песенках которых «доминирует "еврейский уклон", что потворствует антисемитским и шовинистическим инстинктам»[5]. Писали и о том, что в эстрадном репертуаре по-прежнему преобладают цыгане из «Яра»[6]. Существующее положение всерьез обеспокоило Дзержинского[7].

Стоит заметить, что после победы в Октябре большевиков начал в полном смысле слова преследовать призрак «мелкобуржуазности» – именно этим подсознательно объяснялись все собственные слабости и неудачи. На протяжении 1920-х гг. они болезненно переживали нехватку настоящих «пролетарских» кадров для революции в сфере массовой культуры. Сами партийные выдвиженцы к последовательному проведению подлинной «классовой линии» оказывались не способны[8],

---

[1] ГАРО. Ф. Р-1182. Оп. 2. Д. 798. Л. 23.

[2] РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 173.

[3] В списке «запрещенных» картин, к примеру, значились: «Чересчур нализался», «Кровавый сюрприз», «Императрица-сводница». «Неразрешенными» были названы «Вдова», «У врат славы», «Пути измены», «Наступление тетки». Дозволены к показу были «Наказанный ловелас», «Последствия веселого ужина», «Прожигатели жизни», «Ложа черных масок», «Морфий», «Леди-бандитка» и т. п.

[4] См.: История советской политической цензуры / отв. сост. Т.М. Горяева. М., 1997. С. 429–432; История отечественного кино. Документы материалы, письма. Вып. 1. М., 1996. С. 90–99.

[5] РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 170.

[6] Смехач. 1924. № 21. С. 6.

[7] В 1923 г. за антисоветскую деятельность был арестован конферансье московского театра «Кривой Джимми» А.Г. Алексеев. Это возмутило Дзержинского, поскольку следователь оказался не в состоянии сформулировать обвинение (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 488–489, 691). Похоже, главный чекист опасался дать еще один повод для эстрадных шуток.

[8] 11 сентября 1923 г. в Учраспредотделе ЦК РКП(б) рассматривалась кандидатура П.И. Чукина. Было признано, что этот «молодой энергичный работник» на должности председателя Союза Работников Искусств (Рабис) проявил себя как «малоопытный руководитель». Будучи «вспыльчив и груб с подчиненными», «имея склонность

а прислушиваться к «голосу коллектива», подозреваемого в «мелкобуржуазности», не желали[1]. Госкино, которое первоначально находилось в ведении Наркомпроса, не могло противостоять коммерческой стихии[2]. Лишь в 1929 г. заговорили о том, что «кино должно быть носителем только пролетарской идеологии»[3]. В результате на рубеже 1920–1930-х гг. обнаружилось уже засилье так называемых «агитпропфильмов»[4]. Они, однако, не удовлетворяли ни зрителей, ни власть.

Показательно, как на протяжении 1920-х гг. менялась форма обращения простых людей «наверх», а также характер их предложений. Из писем складывалась пестрая картина смещения из недоумений, обид, отчаяния и наивного энтузиазма. 7 января 1918 г. некий Г. Нарусбек обращался к «Господину председателю Совета Народных Комиссаров» Ленину «Милостивый государь», предлагая при этом «проект основ государства» с просьбой «определить на должность», с высоты которой он «мог бы применить свои знания в пользу нашей несчастной родины и на благо всех народов, населяющих Россию»[5]. В феврале 1923 г. 20-летний комсомолец Михаил Перелыгин из Б. Потаповки Орловской губернии (судя по стилистике письма, человек вполне грамотный) обращался к Ленину «Дружок Володя» и просил «брата» дать совет ему, «глупому мальчику». Естественно, из приемной Совнаркома сообщили о «недопустимой форме обращения к тов. Ленину»[6].

Перефразируя известное высказывание Наполеона, получается, что тогдашний вождь еще не успел создать вокруг себя «ореол страха», а потому «человек толпы» не избавился от искушения фамильярно «похлопать его по плечу». Впрочем, восстановление иерархичного ритуала было делом времени.

к спиртным напиткам, Чукин делал это открыто на глазах массы, за что и был исключен из партии». Было признано, что он – «не массовик, специальной марксистской подготовки не имеет». См.: РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

[1] На заседания Донрабис'а от 24 января 1924 г. был решено снять с занимаемой должности Гильдендорфа, «как не спеца и явно ведущего антисемитскую линию». Было заявлено, что «с назначением его на должность зав. отделом Госкино на ЮВР положение сотрудников и главным образом лиц иудейского происхождения сделалось невозможным и нетерпимым. Приехав, Гильдендорф первым делом спросил: "А сколько у вас еврейчиков?"» См.: РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 36–37.

[2] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 293. Л. 1–3.

[3] Кино и культура. 1929. Январь. С. 4.

[4] История отечественного кино. М., 2005. С. 73.

[5] Он проталкивал, между прочим, идею тотальной христианизации России, утверждая, что «все нехристианские народы отстали в своем развитии». Предлагалось также построить «хорошие дороги и пути сообщения», иначе «русский народ станет добычей других народов». См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 3, 5.

[6] См.: *Перелыгин А.И.* Указ. соч. С. 53–55.

К «всероссийскому старосте» отношение также было доверительное. Один беспартийный рабочий по случаю приезда Калинина в Ижевск опубликовал в газете стихи, которые начинались так: «Здорово, староста народов пролетарских! / Привет тебе от масс ижевских братских»[1]. Калинину постоянно писали рабочие – особенно о конфликтных ситуациях[2]. 24 февраля 1924 г. комсомолец из Воронежской губернии обратился к «дорогому папаше Михаилу Ивановичу Калинину»[3], некоторые крестьяне адресовались «милому другу Михаилу Ивановичу»[4]. А аноним «Труженик» обращался к «Старосте председателю ВЦИК»[5]. Позднее его именовали даже «Милый Калинушка»[6]. Людям не хватало интимного понимания их нужд властью[7]. Один жалобщик на «скверную жизнь» обращался на украинском языке к Молотову, называя его «дорогой брат»[8].

Главной культовой фигурой для крестьян оставался Калинин – порой его портрет готовы были использовать вместо икон[9]. Во времена коллективизации Калинина стали называть «Дорогим хозяином» или «Хозяином России»[10].

К Сталину – а ему чаще писали коммунисты и комсомольцы – обращались более официально: «Тов. Сталин» или «Дорогой Иосиф Виссарионович», хотя встречалось и обращение «братишка»[11], а некоторые школьники называли его на ты, упрашивая помочь[12]. Летом 1924 г. Д. Бедный обращался к генсеку совсем просто: «Родной!»[13]

---

[1] Цит. по: *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 99.

[2] *Борисова Л.В.* Профсоюзы и власть в России: от борьбы к взаимодействию (конец XIX – первая четверть XX века) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2007. Vol. 34. No. 2. С. 219.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 27.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 211.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 39.

[6] *Верт Н.* Указ. соч. С. 84.

[7] В сентябре 1923 г. московские текстильщики писали: «Тов. Калинин, протягиваем к Вам десятки тысяч рук, измученных тяжелой работой...» Цит. по: «Мы бросили работу, Придите к нам на помощь...» / Документы Центрального архива ФСБ России о забастовках московских текстильщиков в 1923 году. Публ. Л.В. Борисовой // Российская история. 2010. № 4. С. 20.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 121.

[9] Деревенский атеист Демин сообщал, что «от богов отмотался» и потому «для украшения своей избушки» нужен портрет Калинина – «...в нашем селе его больно любят». Цит. по.: *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 538.

[10] *Верт Н.* Указ. соч. С. 80.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 102.

[12] См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 71.

[13] Большая цензура. С. 79, 84. Со временем Д. Бедный со сноровкой профессионального подхалима обращение к «вождю» стал варьировать.

«Первая личина тиранов почти всегда демократическая», – отмечал еще Сократ. Форма обращения наверх эволюционировала от революционно-демократической («братской») до патерналистской («сыновне-заискивающей»). Люди ощущали потребность в «настоящем» правителе. Это проявлялось по-разному. Так, В.И. Чучупака из сл. Меловатки (Харьковская губ.) 18 февраля 1925 г. уверял, что видит «настоящего Сталина, настоящего, непобедимого и надежного борца за большевизм»[1]. Многие требовали порядка. Тверские крестьяне (Сапожковский у.), подавшись в Москву на заработки, были так поражены творящимися безобразиями (толпы беспризорников, протекционизм, засилье евреев в учреждениях), вопрошали у «дорогого вождя»: «За что же мы боролись?»[2]

Разумеется, встречались исключения. 2 июля 1926 г. М.С. Новополцев «из далекой сибирской деревни» обращался к генсеку попростому: «Здорово, Иосиф Виссарионович!», жалуясь при этом на «городских коммунистов», которые «забюрократились, женились на офицерских женах и подпали под их влияние»[3]. Желание «лечь под власть» – особенно со стороны женщин – становилось все заметнее. Некая Л.Д. Лешукова из Симферополя, представившись Сталину как «твоя дочь по партии», сообщала, что намеревается побывать в Москве и поговорить с генсеком по душам[4]. Елена Наумова, назвавшая себя «комсомолкой-грузинкой» (проживала в районе Северо-Кавказской железной дороги), просила «многоуважаемого великого вождя Грузии тов. Сталина» оказать ей материальную помощь[5]. Сходным образом из Ельни (Смоленская губ.) 18-летняя Дарья Тарасьевна Ануфриенкова в сентябре 1926 г. посылала «весточку с просьбой многоуважаемому, многоповелительному, многозаступительному тов. Сталину» с тем, чтобы он поддержал ее «совершенно упавшую энергию» и помог устроиться на учебу[6]. Количество людей, склонных идеализировать власть, не уменьшалось.

Патерналистские системы порождают жажду доверительного – дружеского, даже интимного – взаимопонимания. В условиях крепнущего бюрократизма пожаловаться можно было только на самый «верх»[7].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 21.

[2] Данное коллективное послание (из трех подписей разобрать можно только одну) было пропитано таким махровым антисемитизмом, что Л.З. Мехлис, помощник Сталина, тут же переправил его в ОГПУ. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 24–26.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 155.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 150.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 302.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 9.

[7] В сатирической печати помещали карикатуры, на которых Давид Рабкоров оказывался бессилен перед Голиафом Хозбюрократовым. См.: Красный перец. 1926. № 3. С. 1.

Г.С. Хоменко из Н. Басани (Нежинский окр.), по его словам, с 14 лет включившийся в революционное движение, красными чернилами писал: «Здравствуй Иосиф Виссарионович! Извини, брат!» Он жаловался, что его «давят» за то, что он «обличает некоторых партийных работников». «Мне партия дороже всего, – уверял он. Но беда в том, что «у нас процветает бюрократизм», а начальники «гоняют подчиненных за папиросами»[1]. «Башкир-бедняк Игликов» 20 мая 1925 г. просил: «Разрешите, тов. Сталин, пойти в ваш кабинет и обрисовать безвыходное свое положение» – его исключили из партии за то, что до 1917 г. был эсером[2]. Рабкор Л. Федоров из Кременчуга в июле 1926 г. в своей «докладной записке» уже не первый раз просил «высокочтимого тов. Сталина» обратить внимание на опасность «со стороны дебоширующих на местах примазавшихся партийцев»[3]. Большинство писавших «разоблачали» чиновников, имплицитно противопоставляя им «вождя», к которому хотелось быть поближе. Так, непрошеный «земляк» А.М. Джанджугазов (из Гжатска!) выражал восторг по поводу выступления Сталина на 13-й московской городской партийной конференции[4].

Кое-кто жаждал еще более близкой связи с «вождем»: 1 декабря 1925 г. студент А.К. Квиташвили из Тифлиса называл его «родной отец» и просил взять «под покровительство», дабы получить работу[5]. Г.М. Гургенидзе, со своей стороны, адресовался к «дружище Сосико», надеясь получить назначение также в Тифлис для работы «в каком угодно учреждении»[6]. А. Геворкянц, рекомендовавшийся как «Аветис Балаханский из Каспийского товарищества», уже третий год проживавший в Москве, сокрушался, что не может повидаться с «товарищем Кобой». Теперь, 11 октября 1926 г., ему хотелось бы поговорить с генсеком 5–10 минут[7]. Общение с властью «запросто» – идеал патерналистских систем, для подданных которых главное, чтобы их «выслушали».

Многие неофиты коммунизма ошарашивали генсека неожиданными вопросами. Некто Бектимиров 27 октября 1927 г. писал «до-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 120.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л.11.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 227. Материалы о «примазавшихся» постоянно фигурировали и в материалах партийных чисток. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 10. Л. 2, 5; Д. 14. Л. 150, 152.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 34.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 76–77.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 224. Сталин вообще получал довольно много просьб от всевозможных «земляков» – главным образом из Грузии. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 14, 22–24, 188, 223.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 215.

рогому товарищу Сталину»: «Хотя ты и перегружен работой, прошу ответить на вопрос: почему Осетию считают нацией, а Чечню – нет? Потому, что в Осетии были противоречия, а в Чечне – нет?»[1] И.Ф. Землянский, член партии с 1905 г., 13 марта 1926 г. писал «любимому моему учителю тов. Коби!»: «Что творится у нас в Азербайджане!» – его обвиняли в «провокаторстве и принадлежности к оппозиции»[2].

Впрочем, находились люди, не обладавшие должной почтительностью. Так, художник Б.Н. Чертов 29 декабря 1924 г. просил «Исакия Виссарионовича» помочь ему выехать в Париж, дабы продолжить образование. С этим вопросом он уже обращался в Рабис и Наркомпрос – отказали якобы за «неимением средств»[3]. Другой «художник-академик» в 1925 г. направил вождю его портрет, составленный из букв, также рассчитывая на материальную поддержку[4].

Некий П. Молчанов из с. Бирулька (Иркутская губ.) 22 декабря 1924 г. предлагал Сталину отменить старый календарь, ибо он «отжил свой век и говорит о каком-то мифическом Христе». По его мнению, следует отмечать «не 1924 год, а 8-й год социализма»[5], – вероятно, он прослышал о темпоральных экспериментах французских революционеров. Впрочем, независимо от подобных предложений люди привыкали говорить «до» или «после Октября»[6].

Память о революции подчас оборачивалась неожиданными новациями. Так, начались антропонимические эксперименты, которыми особенно увлеклись молодые коммунары, сочиняя новые имена: мужские – Дележ (дело Ленина живет), Лелюд (Ленин любит детей), Револьд (революционное движение), Роблен (родился быть Лениным), Ремизан (революция мировая занялась), Статор (Сталин торжествует), Трактор, Индустрий; женские – Вилена, Будёна, Ленэра (ленинская эра), Энгельсина, Бухарина, Сталина, Февралина, Октябрина, Красарма (Красная армия), Декрета, Коммунара, Смычка, Даздраперма (Да здравствует Первое мая) и даже Терка (от террора)

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 102. Учитывая, что в 1924 г. в Азербайджане имело место антисоветское восстание (*Соколов В.И.* Указ. соч. С. 190), удивляться таким заявлениям не приходится.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 208.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 51. Действительно, масштабные замыслы 1920-х годов в области образования постоянно наталкивались на острую нехватку средств.

[4] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 32–50.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 487–488.

[6] Название этого месяца стало синонимом революции, точнее переворота. Отсюда «Октябрь мысли», «Октябрь земли» и т. п. перевороты. См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 192.

и т. п.[1] Были также Бабелины (в память А. Бабеля) и Пестелины (от П.И. Пестеля)[2]. Нечто подобное проглядывало в названиях сельскохозяйственных коммун: здесь были «Надежда» и «Заря», «Рассвет» и «Расцвет», «Майское утро» и «Пробуждение», не говоря уже о «Лучах солнца» и «Свете ленинизма»[3]. В 1926 г. появился календарь с перечнем имен, рекомендуемых для новорожденных. Среди них были: Троц, Бакун, Луначар, Володар, а также Энгельсина, Совдепа, Пролеткульта и пр.[4]

Красноармеец Георгий Филиппов уверял, что «нашел метод, который породит начало новой науки, названной мною коммунизм, которая должна подчинить себе все в мире». Он был убежден, что открытые им законы «как бы высвобождают скрытые силы», с помощью которых можно победить капитализм[5]. «Рецепты спасения» предлагали по большей части люди неуравновешенные. Так, некий С.Д. Грек-Гапонов из Москвы в декабре 1926 г. сообщил, что разрабатывает «стратегию строительства коммунизма». Если теория будет признана несостоятельной, заверял он, «то вы всегда успеете меня отринуть и наказать самым строгим образом, вплоть до расстрела, до повешенья, или же засадить в сумасшедший дом...»[6] С «трезвым коммунистическим приветом» к «незабвенному (именно так. – *В.Б.*) тов. Сталину» 1 декабря 1926 г. обращался некий Попов. Он был «вне себя от отчаяния», ибо «оппозиционный блок – это есть жертва времени». Сам он «побывал в психической лечебнице, но сейчас здоров», а потому «страстно хочет быть комсомольцем», поскольку, «являясь избранником времени... должен пожертвовать собой»[7] (очевидно, ради «светлого будущего»). Елена Фогель, 25 лет, из Ленинграда, также побывавшая в дурдоме и не без гордости сообщавшая, что ее демонстрировал на лекциях сам проф. В.М. Бехтерев, предлагала рецепт «быстрого молниеносного достижения коммунизма»[8]. Расколотость культурного пространства на-

---

[1] *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 190; *Делерт Д.* Новые имена. М., 1924. С. 37; *Ястребов А.* Мы осеняем себя не крестом // Горизонт. 1991. № 38. С. 8. Один литературный герой, возглавивший совхоз, просил дать ему новое имя: взамен Георгия (напоминающего о «соглашателе» Плеханове) назвать Прииском – в честь расстрела на Ленских приисках, а заодно «зачислить в Авангард Подпольной Партии РКП(б)». См.: *Четвериков Д.* Указ. соч. С. 190.

[2] *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский. С. 29.

[3] Примечательно, что сектанты называли свои коммуны прозаичнее: «Муравей», «Любовь к труду», «Общий труд» и т. п. См.: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 85–86.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 215–216.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 144.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 497. Л. 1, 5–6 об.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 427. Л. 128–128 об., 130.

[8] Там же. Л. 160–160 об.

ходила свое буквальное воплощение в шизофренических заскоках некоторых «неореволюционеров».

1920-е гг. стали своеобразной ареной борьбы ритуала и ритма – первый имел традиционалистскую праоснову, второй отражал накал квазиреволюционной пассионарности. Возобладание того или другого связано с уровнем жизненной энергетики или витальным ресурсом социальной среды. Художники-супрематисты не случайно понимали искусство как ритм[1]. Символично, что выдающимся театральным достижением стала постановка (январь 1922 г.) на сцене Библейской студии Габима в Москве пьесы С. Анского (С.А. Рапопорта) «Гадибук» на иврите. (Еще в июле 1919 г. Еврейский комиссариат Наркомнаца признал иврит языком «реакционным» и «контрреволюционным».) Современники отмечали, что эта «фантастическая драма-пантомима» смотрелась настоящим праздником, где «вместо слов в душу проникали тончайшие модуляции голосов»[2]. Конечно, это был локальный «праздник жизни» – масса населения его не замечала. В 1921 г. театр едва не закрыли[3], через пять лет актеры Габимы вынуждены были покинуть страну[4].

Возродить энергетику революции не удавалось. Этому не помогали «революционно-пинкертоновские» пьесы. Секрет их сочинения был прост: в центре «блистательный герой и белоснежная героиня», революционная масса выступает своего рода аксессуаром их похождений. Поэтому революционному драматургу предлагалось «повернуться лицом к массе – и романтизировать самое ее существо и основной пафос переживаемой эпохи»[5]. А в связи с годовщиной смерти Ленина рекомендовалось «всегда иметь перед глазами чувства, мысль и волю масс»[6]. Пока это не получалось.

Обычно люди считают «свое» время особенным, не замечая при этом его реальной специфики. Они бы очень удивились, услышав

---

[1] *Клюн И.В.* Указ. соч. С. 272–273.

[2] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 163.

[3] Попытки закрытия «сионистско-древнееврейского театра гурманов-реакционеров», «театра спекулянтов» Габима предпринимались с 1920 г. По настоянию ЦБ евсекций, еврейского отдела Наркомнаца, Султан-Галиева и Луначарского субсидии театру были прекращены, однако «сионисты», получив поддержку от Сталина и Каменева (хлопотавшего перед Лениным), добились их возобновления. За Габиму хлопотали перед Лениным также Станиславский, Немирович-Данченко, Таиров, Шаляпин и другие известные деятели. Представители евсекции не уставали протестовать против Габимы и позднее. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 52. Л. 3, 5–6, 8–10, 12–13, 16, 19, 50, 64.

[4] *Блюм А.В.* Еврейский вопрос под советской цензурой. С. 52.

[5] Новый зритель. 1925. № 2. 13 января. С. 3–4.

[6] Новый зритель. 1925. № 3. 20 января. С. 4.

рассказ будущего историка о подлинных смыслах *их* времени. Люди не склонны вникать в онтологическую составляющую своего обыденного существования. Население России 1920-х гг., вероятно, не подозревало, что переживает период, отмеченный каким-то амбивалентным отношением и к жизни, и к смерти. Перепады эмоционального состояния – от нервного истощения до социальной активизации – формируют между тем особые отношения власти-подчинения. 1920-е гг. были временем пробуждения архаичного «инстинкта власти», непременно сопряженного с фетишизацией насилия сверху. Такое характерно для любого постреволюционного времени – наиболее заметно это воплощается в лозунгах типа «Да здравствуют тюрьмы!» Особенностью России можно считать разве что гипертрофирование элементов социального иждивенчества, что придавало витализации социального пространства неуверенный и затяжной характер. Сказанное как будто вступает в противоречие со сложившимися представлениями об удивительно быстром оживлении не только экономики, но и всей общественной активности. На деле шло простое возвращение к хозяйственной ситуации довоенного времени. Ревитализация социальной среды, напротив, протекала вяло – власть не случайно пыталась пришпорить ее[1].

Массовые шествия и митинги оставались обычной формой революционной ритуалистики. Большевики совместили их с обычаями закладки и открытия памятников, парадами, митингами-концертами, театрализованными празднованиями Первомая и годовщин Октября. Цель этих мероприятий была конкретна – должна была «действовать вся революционная масса»[2]. Даже на сельском уровне празднование Февральской революции представлялось «зачатком светлого счастья для трудящихся масс Советского Союза»[3]. Неудивительно, что в Орловской губернии начальство принимало решения «устраивать базары, приурочивая их к революционным праздникам, а устройство базаров на церковные праздники запретить»,

---

[1] Порой в этой области появлялись интересные новации: в начале 1926 г. над Иваново-Вознесенском, городом, где Фрунзе начинал свою революционную деятельность, летал самолет, названный его именем и построенный на деньги местных жителей. В Политехническом институте, также названном в его честь, повесили портрет над плакатом: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация». См.: *Заховаева А.Г.* Указ. соч. С. 157.

[2] Массовое действо. Руководство к организации и проведению празднования 10-летия Октября и других революционных праздников. М.; Л., 1927. С. 258. С. Есенин еще в 1918 г. написал сценарий театрализованного представления «Зовущие зори», в котором наряду с актерами, изображавшими революционных рабочих, выступали поэты М. Герасимов, С. Есенин, С. Клычков, Н. Павлович. См.: *Есенин С.* Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 5. С. 246–262.

[3] ГА ОО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 1536а. Л. 39.

надеясь тем самым способствовать «революционизированию нашего быта»[1]. Это по-своему коррелировалось с настроениями молодежи: в конце 1920-х гг. иные школьники прагматично подсчитывали, сколько денег было потрачено «зря» за время церковных праздников[2]. Практиковались подмены «церковных» праздников «революционными»[3]. Поучительно смотрится пособие для городских политработников, в котором подчеркивалось, что массы должны почувствовать, что победа Октября – это их собственная победа[4].

Следует отметить, что крестьяне еще до революции имели обыкновение «сочинять» новые праздники, включая откровенно неканонические. В Юго-Западном крае они по случаю могли присоединиться к католическим и даже еврейским ритуалам[5]. В постреволюционное время это могло способствовать преодолению фрустрационных настроений. Большевики этим воспользовались: массовые митинги-концерты, на которых с утра до вечера ораторов сменяли артисты, доводили зрителей до политического отупения[6].

Но прежде «Октябрь» прорепетировали в ходе празднований двадцатилетия революции 1905 г. Увы, затея оказалась малоуспешной – гигантская масса печатной продукции осталась невостребованной. Совсем по-другому в 1926 г. отмечали «День Конституции СССР»: отдельный московский стрелковый полк, уже отличившийся в театре им. Мейерхольда инсценировкой «годовщины полка», осуществил действо, включающее в себя все жанры – от клоунады, высмеивающей буржуазию, до выступлений красноармейского драмкружка из 500 актеров. Местом показа служил двухъярусный помост: на верхнем размещались «представители буржуазии», на нижнем – «рабочих и крестьян всех стран». Но самое удивительное, что «в действие были введены орудия, пулеметы, винтовки, трактор». Если верить «Правде», «сцена, иллюстрировавшая события в Китае, построенная захватывающе-мелодраматически, даже вызвала

---

[1] Цит. по: *Гончарова И.В.* Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920-х годах // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 30. 2010. С. 369.

[2] *Петелин Г.* Дадим слово школьнику. М.; Л., 1931. С. 352.

[3] Так, Троицу предлагалось заменить праздником «окончания весеннего сева», Вознесение – «днем Интернационала», Духов день – «днем расстрела рабочих». Преображение ассоциировалось с «днем ликвидации белогвардейского мятежа в Ярославле», а Успение – с «днем пролетарской диктатуры» (*Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 75). Попытки вытеснения религиозной символики «революционной хронологией» зачастую давали вульгарно-двусмысленный результат.

[4] Как праздновать «Октябрь». М.; Л., 1925. С. 46.

[5] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 587.

[6] *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 190.

среди зрителей рыдания»[1]. Этот опыт был востребован. По мнению Ш. Плаггенборга, празднование 10-летия Октябрьской революции оказалось более успешным именно благодаря детальной регламентации массовых акций демонстрационно-карнавального характера; с этого времени революционно-праздничная ритуалистика окончательно сложилась[2]. Западные наблюдатели сообщали, что выборы в канун 10-летия Октября сопровождались многочисленными шествиями с музыкой и транспарантами с угрозами «империалистам»[3]. Через месяц с небольшим это торжество плавно переросло в славословие «часового революции» – наследника ВЧК – ОГПУ[4].

Символично, что, находясь вдали от России, Д. Бурлюк сочинил «Апофеоз Октября» – «поэму со введением моментов театрализации и инсценировок»[5], в общем, нечто сходное с аналогичными замыслами С. Есенина и других поэтов в России. Бывают времена, когда вздорные, по привычным понятиям, замыслы и идеи приобретают поистине пандемическое качество.

По замыслу устроителей революционных «юбилеев», городская масса должна была символически выливаться в «расширяющееся» историческое пространство: в 1927 г. к годовщине Парижской коммуны приурочили празднование дней Международной организации помощи борцам революции[6]. Находило ли это отклик? 1 мая 1929 г. Б. Пастернак не сомневался, что за окном происходит нечто более значимое, нежели его творчество[7], хотя к этому времени демонстрации уже «заорганизованы»[8]. Он признавался, какую «убийственную

---

[1] Правда. 1926. 6 июля.

[2] *Плаггенборг Ш.* Указ. соч. С. 310–317.

[3] Западный дипломат при этом отмечал, что за «иллюминированными и раскрашенными шествиями», прославлениями революции в Китае и воинственными лозунгами против Англии таилось массовое уныние (*Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 111–112). Следует, однако, учитывать не только непосредственный эффект празднеств, но и подспудное воздействие красочных ритуалов.

[4] 32 чекиста были в связи с этим награждены орденом Красного Знамени, такой же награды удостоилась организация в целом. См.: Правда. 1927. 18 декабря; Известия. 1927. 18 декабря.

[5] Сочиненная Д.Д. Бурлюком «к десятилетию Республики СОВЕТОВ» поэма «Апофеоз Октября» начиналась своеобразным прологом: «Слева [на сцену] выходила группа рабочих и крестьян в русских костюмах», они шествовали «навстречу Миру», причем «молодой могучий рабочий держал на блюде “Каравай Москвы”». См.: *Бурлюк Д.* Десятый Октябрь. Нью-Йорк, 1928. С. 5.

[6] *Померанцева А.В.* Календарь революционных праздников и великих годовщин. М.; Л., 1927. С. 44.

[7] *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. С. 271.

[8] Несмотря на это, «пролетарские искусствоведы» находили, что 44 % всех песен, распеваемых на ноябрьской демонстрации в 1930 г., были «мелкобуржуазными». См.:

власть» имеют над ним «видимости, химеры, возможности, настроения и вымыслы»[1]. Нечто подобное происходило со многими. Самые разные люди жили в мире воображаемого, пытаясь соответственно выстраивать реальность. А потому иные поэты вольно или невольно помогали большевикам вести за собой массы.

К. Вагинов в манере «грустного гротеска» писал, что к очередной годовщине Октября

> и в клубах, и в библиотеках, и в школах привычно и неторопливо готовились к годовщине, уже... владельцы частных магазинов давно привыкли выставлять портреты вождей и украшать их посильно, уже торжество носило общенародный и непринужденный характер[2].

Власть к «пролетарским» праздникам рекомендовала «уборку и чистку квартир», «подарки детям», «праздничный стол» и т. п.[3] – шло революционное обновление исторической памяти. «Механическая» привычка к координации действий подспудно втягивала людей в рекреационный процесс. Так незаметно создавалось пространство новых жизненных форм, призванных определять будущее. И шел этот процесс скорее снизу, нежели сверху: праздник – это суррогат невозможного «чуда».

Большевики попытались навязать собственные идеалы через свои же ритуалы. Некоторые считают, что они восходили к психологии тайного братства, т. е. включали в себя элементы семантической эзотерики, истории, мартирологии и символов, вроде красных флагов и «священных писаний» классиков марксизма, призванных убедить, что «партия всегда права»[4]. Этот момент усиливался «закрытостью» партии, усилением секретности ее работы[5]. В любом случае ритуализованное культуртрегерство должно было двинуться рука об руку с политикой. Но во что это выливалось?

В принципе, скорейшее переструктурирование социальной среды верхам было жизненно необходимо – в противном случае она сама начинала навязывать новациям привычное содержание. У большевиков «отсталость» ассоциировалась главным образом с неграмотностью. В 1923 г. появилось Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность» во главе с М.И. Калининым. В 1925 г. в лик-

---

Rothstein R. The Quiet Rehabilitation of the Brick Factory: Early Soviet Popular Music and its Critics // Slavic Review. 1980. Vol. 39. No. 3. P. 374.

[1] Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 386.

[2] *Вагинов К.К.* Указ. соч. С. 111.

[3] *Малышева С.Ю.* Указ. соч. С. 16.

[4] *Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 19–20.

[5] *Никулин В.В.* Секретность как принцип политической практики большевиков. 1921–1929 гг. // Клио. СПб., 1999. № 1(7).

безах обучалось почти 1,4 млн взрослых. А всего за период с 1922 по 1928 г. было создано множество «добровольных» обществ[1] – их воздействия на культуру городской среды не стоит недооценивать[2] (хотя уже в 1925 г. рабочие были не довольны их количеством[3]). Одновременно закрывались подлинно самодеятельные организа-

---

[1] Среди них были Международное общество помощи политзаключенным (МОПР), Общество друзей воздушного флота, Лига «Время», Доброхим, Осоавиахим, «Долой преступность» и всевозможные «общества друзей» – детей, кино, радио, техники и т. п. (*Peris D.* Storming the Heavens. The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca and London, 1998. P. 62–63). Членам обществ постоянно навязывались различные значки, открытки, альбомы, бюсты (Смехач. 1925. 19. С. 9). Предложение о создании общества «Добродых» (дыши правильно) было высмеяно в сатирическом еженедельнике (Бегемот. 1927. № 14. С. 12). В книге И. Ильиной приводится список 124 обществ, утвержденных НКВД в конце 1928 – начале 1929 г., и 145 так или иначе не запрещенных в период с 1922 по 1926 г. В 1922–1923 гг. закрывались философские, еврейские и христианские общества; в 1923 помимо этого запретили организации археологов, счетоводов, бухгалтеров, собаководов, филателистов и Комитет по увековечению памяти Г.В. Плеханова; в 1924 г. сочли ненужными объединения антимилитаристов, покровителей животных и борцов с проституцией; в 1926 г. прекратили работу «Цех поэтов», в 1927 г. – Всероссийское научное антирелигиозное общество и Ассоциация молодых режиссеров (*Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. С. 204–214). Помимо этого действовало большое количество всевозможных общественных организаций (там же. С. 174–203). Естественно, массовые «добровольные» общества приносили заметные средства в казну. Примечательно, что еще в 1923 г. по инициативе К. Радека и Н. Бухарина были закрыты «буржуазные» сокольские (гимнастические) организации (*Глезеров С.Е.* Указ. соч. С. 34). В общем, создание подобных обществ было дополнительным способом контроля над общественной жизнью, а также средством ее милитаризации, хотя некоторые авторы считают, что «общество стало действительно массовым». См.: *Арзуманова Т.В.* Общественные организации советской страны в 1921–1925 годах (на примере Харьковской и Воронежской губерний) // Эпоха. Культуры. Люди. (История повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы). Харьков, 2004. С. 26.

[2] Торжественное собрание рабочих и служащих московского завода «Серп и молот» после выступления будущего знаменитого полярника О.Ю. Шмидта вынесло резолюцию о том, что вступление в общество «Авиахим» «даст возможность развить мощь красной авиации на страх капиталу». Цит. по: *Корнаковский И.Л.* Указ. соч. С. 137.

[3] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 340. Конечно, деятельность многих «добровольных» обществ – будь то «друзья детей» или «друзья химии» – часто ограничивались раздачей удостоверений и получением членских взносов (*Лебзин А.* К итогам работы массовых добровольных обществ // Коммунистическая революция. 1925. № 24. С. 119–125). Со своей стороны, власти задерживали регистрацию «подозрительных» обществ. Так, по данным НКВД, на 1 марта 1923 г. поступило 153 устава «Обществ и Союзов, не преследующих целей извлечения прибыли». Было рассмотрено 63 заявления, из них утверждено и зарегистрировано только 9, утверждено с поправками – 22, отказано в регистрации – 19. Остальным было объяснено, что они «не подлежат регистрации в НКВД». См.: *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 41.

ции[1]. В начале 1927 г. Авиахим объединился с ОСО (Общество содействия обороне) – получился Осоавиахим, развернувший громадную сеть кружков, занятых обучением стрельбе. В общем, это была милитаризированная пародия на гражданственность, но она давала мощный мобилизационный эффект[2].

В известной степени намерения власти совпадали со спонтанными культурогенными процессами. Так, особенно выросла тяга детей к образованию, продиктованная стремлением порвать с опостылевшим сельским бытом и нравами[3]. Журналисты взахлеб писали о том, что в «5 тысячах километров от Москвы, в глухом сибирском хуторе», 14-летняя дочь ночного сторожа коммуны «Майское Утро» читает Генриха Гейне и Генриха Ибсена[4]. Трудно сказать, насколько им хотелось приукрасить действительность. Известно, однако, что некоторые деревенские парни поступали в университет в лаптях – это не считалось необычным[5].

Власть искреннее стремилась поднять культурный уровень «ранее отсталых народов» – казалось, что это естественный способ «советизации». В 1921–1922 гг. в Красной армии было обучено грамоте более 6,5 тыс. татар и башкир[6]. Особое внимание уделялось «национальному» пролетариату: в Москве на заводе «Серп и молот» обучение

---

[1] Основная масса научных обществ была закрыта в 1930–1933 гг. Оборонно-спортивные, культурно-просветительные и общества в области гуманитарных наук прекратили деятельность намного раньше. Творческие союзы появлялись и исчезали в 1920-е гг. особенно быстро. Примечательно, что в 1930 г. было закрыто «Научное общество марксистов» и «Общество статистиков-марксистов», в следующем году – «Общество аграрников-марксистов» (*Коржихина Т.П.* Указ. соч. С. 347–356). Похоже, что власть избавлялась от любых ростков неконтролируемой самодеятельности, способной составить ей конкуренцию.

[2] В Харьковской и Воронежской губерниях на демонстрацию полетов самолетов выходили целыми городами. Это происходило под лозунгами: «На самолет – пролетарий!»; «Трудовой народ – строй воздушный флот!» См.: *Арзуманова Т.В.* Указ. соч. С. 31.

[3] См.: Неизвестная Россия. XX век. Т. III. М., 1993. С. 263–319; *Скотт Дж.* За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М., Свердловск, 1991. С. 68, 72–73, 135–137, 145.

[4] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 8.

[5] Так, будущий профессор В.С. Абрамов в 1925 г. приехал из чувашской деревни в Казанский университет в лаптях, а будущий ректор Чувашского университета сдавал экзамены в галошах (в тогдашней деревне они были знаком достатка), надетых на белые шерстяные носки домашней вязки (*Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Конфликт университетских культур // Историки в поиске новых смыслов. Казань, 2003. С. 381–382). Происходил не просто конфликт культур: подобные энтузиасты принялись формировать новые культурные иерархии.

[6] *Рафес М.* Армия и национальный вопрос. Формирование национальных частей и политработа среди них // Коммунистическая революция. 1924. Май. № 1. С. 28.

татар и башкир велось на их родном языке[1], в Ижевске в 1926 г. при ФЗУ были созданы подготовительные курсы для удмуртов и татар[2]. При этом пропаганда упорно подогревала «пролетарские» амбиции. В 1926 г. сообщалось, что на строительстве «Дома-гиганта» Госторга в Москве рабочие высмеивали Америку, явно намереваясь переплюнуть ее по части возведения небоскребов[3].

Кампания по борьбе с неграмотностью стала идеологической акцией: буквари заканчивались текстом «Интернационала» для заучивания наизусть и последующего его хорового исполнения, тексты содержали ряд лозунгов типа «союз рабочих и крестьян непобедим», «коммунизм – наш факел победный», выстраивающихся в целый ряд магических заклинаний. Особое внимание уделялось втягиванию детей в «социальные» праздники (Первомай, Октябрь)[4]. И хотя в тогдашних условиях навыки чтения у многих взрослых учащихся скоро забывались, лозунги-призывы закреплялись в сознании. Появилась шутка: «уменьшилось число людей безграмотных в прямом смысле и увеличилось число людей безграмотных – в переносном»[5]. Действительно, сами большевики отмечали «странности»: «На собрании выступает десятистепенный оратор, говорит невероятные глупости, а его слушает сотня рабочих и не проронит ни слова»[6]. Удивляться не приходилось. По информации гомельского губкома, из 1800 новообращенных коммунистов почти все оказались неграмотными[7], а в Чечне из 1655 комсомольцев 800–1000 посещали мечеть[8]. Происходило «одомашнивание» революционных абстракций, включение их в бытовой контекст в качестве заклинаний. В ходе массовых демонстраций этот эффект резонировал с усилением значения трибу-

---

[1] *Корнаковский И.Л.* Указ. соч. С. 157.

[2] *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 90.

[3] Правда. 1926. 20 июля.

[4] См.: История советской дошкольной педагогики. Хрестоматия. М., 1988. С. 150.

[5] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 102.

[6] Цит. по: *Тяжельникова В.С.* Ленинский призыв. С. 132.

[7] *Бровкин В.Н.* Культура новой элиты, 1921–1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 92. Впрочем, в прошлом положение с грамотностью коммунистов также обстояло не лучшим образом. См.: *Ярославский Е.* Агитационно-пропагандистская работа РКП (между XI и XII-м съездами). М., 1923. С. 7–8.

[8] *Кратов Е.В.* Ислам в Северо-Кавказском крае (1924–1934 гг.) // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 113. В январе 1923 г. Ворошилов сообщал Сталину, что «мулл, шейхов, святых и прочей чертовщины» у чеченцев больше, чем у других горцев [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 94]. В это время в горах Чечни случались грандиозные поминальные молебствия (до 12 тыс. человек) по умершим в Турции родственникам «святых». Случалось, что местные ревкомовцы целовали стремена шейхов, а «муллы и кулаки» публично заявляли: «Советская власть дала нам шариат, потому мы за Советскую власть». См.: там же. С. 133–134.

ны[1] – магическое действо соединялось с конкретными лидерами. Но важнее было другое – новая ритуалистика складывалась вокруг представлений о «великой жертве» и «победе над смертью».

Когда в 1924 г. умер Ленин, Ю.М. Стеклов, редактор «Известий», сравнил его с Кромвелем, Робеспьером и Наполеоном и сделал вывод: «Те, другие, это холмы на исторической равнине. Ленин – это Монблан»[2]. Еще более примечательную характеристику он дал в статье «Могила Ленина»: «Ленин и мертвый продолжает стоять на посту и вечно будет из-за своей могилы говорить с людьми, призывая их к великому подвигу и борьбе... Имя Ленина занесено в революционные святцы, как имя величайшего народного вождя...»[3]

Так было положено начало публичной демонстрации революционного стирания грани между жизнью и смертью. Судя по газетным публикациям, предполагалось, что «частички Ленина» как бы витализует «коллективное тело» партии[4]. И это давало эффект. «Лица, бывшие у гроба Ленина, возвращались потрясенные; все было так устроено, чтобы вызвать впечатление физического бессмертия; с людьми делалась истерика у гроба», – сообщал А. Белый Иванову-Разумнику, отмечая, что происходит рождение какого-то нового, невиданного культа[5]. Все это своеобразно вписалось в общий мартирологический процесс – последовали наименования фабрик, заводов, а затем и колхозов в честь оставшихся безликими людей, расстрелянных и повешенных белогвардейцами.

С 1923 г. увеличивается сеть рабочих клубов, изб-читален, библиотек. Смерть Ленина внесла в культуртрегерскую кампанию характерный корректив: стали насаждаться всевозможные «уголки Ленина» (аналогия с «красными углами» в деревенских избах несомненна) в рабочих и комсомольских клубах, в экспозициях которых, между прочим, из 13 тематических разделов два последних рекомендовалось отвести «болезни Ленина», включая смерть и похороны, и «заветам Ильича»[6]. Цензура стала контролировать «всякого рода изображения вождя революции»[7]. Западные наблюдатели тотчас разглядели в «ленинских уголках» элементы новой религии[8]. М. Бул-

---

[1] *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 98–99.

[2] Известия. 1924. 26 января.

[3] Там же. 27 января.

[4] *Тяжельникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» С. 429.

[5] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 283.

[6] См.: Коммунистическое просвещение. 1924. № 1(13). С. 103.

[7] Большая цензура. С. 93.

[8] Созданию ленинского культа должно было способствовать издание портретов, плакатов и соответствующих лозунгов: «Везде и всегда с нами Ленин», «Ленин живет

гаков сравнивал прощание масс с Лениным с поклонением людей Христу: «К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда»[1]. Эти слова смотрелись как поэтизированное продолжение речи Сталина на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г.[2] Трудно сказать, был ли Булгаков искренен. Со временем Елена Сергеевна на вопрос о том, как относился ее муж к большевикам, ответила решительно: «Он их ненавидел!»[3]

У некоторых аффектированных личностей смерть Ленина вызвала подобие благостного бреда. Григорий Гришин, поступив на завод Металлолома 29 октября 1925 г., обнаружил у себя «желание вторично записаться в партию коммунаров». В скором времени он стал «понимать т. Ленина как учителя», ибо «Ленин был прав во всем». Появилась даже мысль «поставить памятник Ленину над Кремлем» – предполагалось, что таким образом «Ленин будет оживлен». Дальше последовали видения: душа Ленина явилась к нему и призвала: «Гриша, умрем за идею». После этого любитель пообщаться с «призраком Ленина» стал регулярно попадать в больницу. Это его не смущало, он был убежден: «Когда все мы убедимся в правде Ленина, тогда... смело выступим в бой со всеми опиумами и одурманиваниями старого мира»[4].

Вероятно, этот человек стал бы клиентом психушки и без Ленина. Но теперь его сумасшествие органично вписалось в общий поток психозов. Герои литературных произведений также заговорили с Лениным – кто во сне, кто в бреду[5]. Поэт Осип Колычев (прототип Ляписа-Трубецкого у Ильфа и Петрова) сочинил такие строки: «Вечно отперта дверь мавзолея / Мы и с трупом его неразлучны!» В с. Синявы на Подолии местный художник по предложению «уполномоченного профбюро» переписал портрет Александра II, пририсовав ему голову Ленина – подлинного освободителя крестьян. Получилось нечто фантастичное:

в трех поколениях: в партии, в комсомоле и в пионерах». См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 104–105.

[1] Гудок. 1924. 27 января.

[2] «Вы видели в эти дни паломничество к гробу тов. Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле тов. Ленина», – говорил Сталин. См.: Правда. 1924. 30 января.

[3] *Смелянский А.* Уходящая натура. М., 2001. С. 35.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 270.

[5] См.: *Колосов М.* Указ соч. С. 54; *Малышкин С.* Больной человек. М., 1929. С. 82–85.

На возвышенном месте стоит в мантии Ленин, Ветерок развевает слегка мантию, так что видны красные лампасы брюк. Внизу на коленях крестьяне с хоругвями. Многие крестятся. Тов. Ленин добродушно косится на раболепную толпу[1].

Ленин – уже миф, писал Иванов-Разумник А. Белому 18 января 1924 г. «...История живет мифом, – считал он, проводя параллель с Петром I. – Чем был Ленин в жизни – все равно. История будет жить легендой о Ленине»[2]. «Сменовеховец» Н.В. Устрялов ставил Ленина в один ряд с Дмитрием Донским, Петром Великим и Наполеоном, находя в нем также нечто от Разина, Болотникова, а заодно и Пушкина с Толстым[3]. Характерно, что смерть Ленина потрясла скорее массу простых людей, молодежь, нежели самих большевиков и вообще людей образованных. «В траурные дни... подошла ко мне в Охотном ряду крестьянка в слезах, – вспоминал один из литераторов. – Оплакивая великого человека, которого старуха считала и своим защитником, она спросила меня, был ли Ленин коммунистом»[4]. Журнал «Крокодил» (отказавшийся на время от сатиры) поместил стихи (автор Заботай-Корыто) о том, как крестьяне д. Сорочьи Гнезда на поминках вождя решили перейти на многополье, приобрести трактор и назвать его Ильич[5]. Другой сатирический журнал опубликовал «Балладу о Ленине и Ли-Чане»: китайский кули, узнав о смерти вождя, едва не последовал за ним[6]. А тем временем волисполком Бузулукского уезда (Самарская губ.) стал арестовывать за «контрреволюцию» крестьян, недостаточно оперативно развозивших телеграммы о смерти вождя[7].

Характерный парадокс состоял в том, что Ленин стал восприниматься в рамках совершенно иных, нежели его учение, психоэтиче-

---

[1] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 319.

[2] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 283, 285.

[3] *Устрялов Н.В.* Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 73–76. Н.В. Устрялов, в прошлом один из идеологов правительства А.В. Колчака, считался основоположником эмигрантского течения, делавшим ставку на мирное перерождение Советской власти. Через год после первого выступления Устрялова в Праге вышел сборник «Смена вех», авторы которого утверждали, что нэп – это «экономический Брест большевиков» и последующее превращение большевизма в национальную власть неизбежно. См.: *Быстрянцева Л.А.* Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н.В. Устрялова (1890–1937) // Новая и новейшая история. 2000. № 5.

[4] *Гехт С.* Указ. соч. С. 58.

[5] Крокодил. 1924. № 3. С. 11. Здесь же появилась рубрика «Вилы в бок всем нам от Ильича», а также «заговор от всех болезней», сочиненный 24-летней крестьянкой М.С. Недобежкиной. Там имелись такие строки: «А Ленин как мигнет, / А Троцкий как пальнет, / А войско красное, российское / Как крикнет, / Как зыкнет./ И никто из неприятелей не пикнет».

[6] Красный перец. 1924. № 2(19). С. 2.

[7] *Манькевич А.А.* Указ. соч. С. 48–49.

ских координат. Грандиозное «прощание с Лениным» в жуткий мороз заставляет предположить, что смерть «живого бога» воспринималась в рамках христианской эсхатологии[1]. Иоганнес Бехер в стихотворении «У гроба Ленина» (1924 г.) славил воскресение умершего[2]. Торжество парадигмы «смертью смерть поправ» по-своему прослеживается и в курьезном предложении одного комсомольца заменить слово «здравствуй» на «ленинствуй»[3]. Большевистский дипломат Л.М. Карахан писал из Китая жене:

> Было чувство, что умер родной отец, самый близкий человек... Но вместе с болью при мысли, что его нет... многих охватывает особая твердость, напряженность и готовность с утысячеренной силой работать и работать для дела, которому мы отдали свою жизнь и готовы отдать ее тысячу раз.
>
> Его значение неизмеримо. Мы, современники и ученики его, не можем учесть, какую роль он играл и будет играть в истории человечества.
>
> Такие как Ленин рождаются в тысячу лет раз[4].

Порой эмоции приобретали партийно-иерархическую коннотацию. Г.В. Чичерин негодовал в связи с тем, что лишился чести нести гроб с телом Ленина из-за неразберихи, созданной членом комиссии по похоронам Ворошиловым[5]. Создается впечатление, что независимо от искренности чувств у руководителей большевиков уже были заготовлены клишированные тексты на смерть вождя. В мае 1924 г. в докладе на XIII съезде ВКП(б) Г.Е. Зиновьев сделал характерную оговорку: «До сих пор мы могли действовать прямо и буквально "по Ленину"... На данном съезде нам приходится действовать уже по ленинизму»[6]. За этим таился поиск своего рода ортопраксической веры, с помощью которой всякое шараханье из стороны в сторону, именуемое «линией партии», получило бы культовую сакрализацию.

---

[1] А. Белый сообщал Иванову-Разумнику: «Москва представляла собой в дни похорон невиданное зрелище... И жест остановки движения по всей России... Лица, бывшие у гроба Ленина, возвращались потрясенные; все было так устроено, чтобы вызвать впечатление физического бессмертия; с людьми делалась истерика у гроба...» См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 283.

[2] *Рорвассер М.* Спасительная Россия. Пробуждение Йоханнеса Р. Бехера // Германия и русская революция. С. 451.

[3] *Лебина Н.Б.* Указ. соч. С. 153.

[4] «Работа моя – всё...» Письма Л.М. Карахана из Китая // Голоса истории. Сборник научных трудов. Вып. 22. Кн. 1. М., 1990. С. 127.

[5] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 4. Л. 10.

[6] Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 37. Студенческий журнал поместил стихи, в которых говорилось, что умер Владимир Ульянов, «только Ленину не умереть». См.: Красный студент. 1924. № 1(13). С. 2.

Тот же Зиновьев заявил, что «ленинизм – евангелие революционного марксизма»[1].

«Красный священник на Украине» Ярчуков (с. Дубровка Харьковской губ.) в «рапорте» Сталину так передавал свои впечатления от смерти Ленина:

> Явился спаситель бессмертный людей – Владимир Ильич Ленин... Ему мы поем песни, ему вечная слава умершему, но вечно живому на все времена и годы!!! Вот почему я первый из окаянной человеческой касты явился в феврале на могилу Ленина... В 40 дней его преставления-кончины я тоже по долгу своей признательности отслужил службу моему Богу... О чем донес секретарю Черниговского губкома партии для сведения...[2]

Пользуясь случаем, люди неуравновешенные спешили по-своему подстроиться под власть. Другой «революционный псих» – В. Валин из Одессы сообщал «Новому Политбюро» буквально следующее:

> Хотел бы приехать в Москву... В первый день... побывать на могиле Ленина, второй – в Горках, третий – 20 минут в кабинете Ленина, четвертый – в семье Владимира Ильича... и лишь в последний день накануне отъезда в Ленинград... провести день в семье товарища Дзержинского, в отсутствие его, а вечер – в присутствии его, но не заговаривая с ним, а только наблюдая... Я за революцию, с революцией и готов работать во имя революции... Вперед! За освобождение мира от цепей рабства, гнета и нужды...[3]

Поклоняться могиле Ленина собирались по-разному[4]. В различных слоях существовал «свой» образ Ленина, но теперь повсеместно позитивные черты стали вытеснять негативные ассоциации. Некий «Ив. П-лин» из Вологды прислал стихи на смерть Ленина, сообщив заодно, что усопшего «жалеют все слои населения». Сам он был недоволен тем, что приказ Реввоенсовета Республики о смерти вождя был подписан Склянским – надо было подписать Троцкому. По его мнению, этим приказом «Льва отделили от масс»[5]. Из Самарканда

---

[1] Отталкиваясь от этого лозунга, «пролетарские студенты» потребовали создания кафедр ленинизма. См.: Красный студент. 1924. № 2(14). С. 15.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 4 об.

[3] Там же. Л. 76, 122.

[4] М.А. Поздеев, объявивший себя великим князем Михаилом, на допросе в Пермском ОГПУ 1 декабря 1927 г. сообщил, что был в Мавзолее 3 раза, а потом рассказывал всем, что «Владимир Ильич в целости – как уснул». Его впечатлило также то, что «в монастырях мощи прикрыты, все – обман и ложь, а в Москве Владимир Ильич – весь на открытии, как живой, и белый, как восковой». Цит. по: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Воскресшие Романовы? К истории самозванчества в России XX в.: В 2 ч. Екатеринбург, Ч. 1. 2000. С. 63.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 255.

сообщали, что «смерть вождя произвела тяжелое впечатление – рабочие к работе не приступали, всюду проходили митинги», а в кинотеатре «Колизей» какой-то молодой человек «поднялся на трибуну и после нескольких невразумительных фраз выстрелил себе в голову». Впрочем, похоже, он застрелился на «романтической» почве[1]. Крестьяне села с выразительным названием Драчовка (Медвинская вол., Курский у.) в день смерти Ленин постановили так называемую старую церковь отдать в ведение культпросвета под устройство клуба им. Ленина, однако местный священник И.А. Иванов «убедил толпу открыть клуб и устроить там молебен»[2]. Разумеется, появились «находчивые» люди, тут же взявшиеся спекулировать на имени Ленина. Железнодорожник А.В. Вечорко (ст. Апостолово-Мерефа Херсонской железной дороги) 1 февраля 1925 г. жаловался, что его «неправильно уволили с работы», и просил «дать распоряжение судебным властям» отменить это решение «в честь великого Праздника, посвященного годовщине смерти нашего учителя Владимира Ильича Ленина»[3].

И подобных, производящих впечатление семиотического бреда, посланий было немало. Революция перетряхнула старые ценности и смыслы. Теперь люди стремились полустихийно перестроить их в соответствии с логикой поведения власти – пусть не вполне понятной. Возникала ситуация настоящего культурного шока, вылившегося в неуемную безвкусицу, выдаваемый за скорбно-наступательный пафос. Н. Асеев в «Реквиеме», открывавшем специальный номер «Молодой гвардии», твердил: «С горем наперевес (очевидно на манер винтовки. – *В.Б.*), зубы бедой сжав...» В. Маяковский разразился заклинаниями: «Смерть – не сметь!» и «Ленин жив шаганием Кремля». Метафоры блуждали словно пьяные. Пролетарски-крестьянский поэт И. Доронин вложил тоскливый крик «Был Ильич, – не стало Ильича» в уста «зимовальных грачей» и печалился о том, что «смычки гения не стало». Проще было тем, кто успел поднатореть по части манипулирования «классово-технократическими» образами. А. Жаров сокрушался, что «от горящей домны революций отошел Великий Кочегар!», а М. Светлов тоскливо сообщал: «У нас, на нашей стройке заводской, упала самая большая домна»[4]. А. Семенов, «раскаявшийся» меньшевик, должно быть, с перепугу назвал свою поминальную статью в петроградской «Красной газете» двусмысленно – «Товарищ в больших и малых нуждах»[5]. Поэт В. Князев писал, что Ленин

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 738. Л. 55–55 об.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 88 об.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 148.

[4] Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 3–4, 10–11, 32, 499, 501.

[5] Цит. по: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 24.

не умер, так как «в сердце каждого клокочет... капля крови Ильича»[1]. Тема «вечно живого» воспроизводилась с болезненной назойливостью. Безработный В.М. Стрельцов (Псковская губ.) сочинил целую поэму о собственных снах, в которых на вопрос крестьянина: «"Жид Ленин сдох?" с грустью отвечал: "Тов. Ленин еще жив"»[2]. Молодому пролетарскому поэту Григорию Санникову в поэме «Лениниада» померещилось, что Ленин восстал из своего Мавзолея («темной могилы»), взобрался на него и призвал пролетариев, похороненных у Кремлевской стены, восстать и закончить начатое дело[3].

В ситуации смены жизненных циклов смерть революционного вождя приобретает особую масштабность. Даже творческие люди оказываются к этому не готовы. Поэтому нервная поэтическая патетика не случайно расходилась с партийной догматикой. Коммунистическая пресса упрекала Н. Клюева за приписывание Ленину «игуменского окрика в декретах» и двусмысленную фразу: «церковь понесла глагол краснозвонный». На деле Клюев не особенно «перебирал»[4]. А. Меньшой, вспомнив, что Ленин левым глазом читал, а правым «смотрел вдаль», пытался выстроить «деисусный» образ: с одной стороны, «Ленин злободневный, деловой, рациональный», с другой – «иррациональный, вдохновенный, безумец», «на Памире стоящий – между востоком и западом»[5]. Левые западные литераторы сравнивали жизнь и смерть Ленина с явлением «Спасителя России»[6]. Трудно сказать, насколько широк был диапазон подобных образов.

Д. Лешков вспоминал, что «после того как все фабрики свистели в течение 5-ти минут, вся актерская братия была согнана в Мариинский театр на траурный митинг». После похоронного марша из «Гибели богов» заместитель наркома просвещения М.П. Кристи (зав. Петроградским управлением научных учреждений Академического центра Наркомпроса. – *В.Б.*) ошарашил: «Товарищи, покойный Ленин не любил и не понимал искусства! Синтез его он видел в кино...»[7]

Все это было похоже на репетиционную спевку плакальщиц-стажерок, не научившихся отделять профессионализм от искрен-

---

[1] На могилу Ильича. Статьи, характеристики, воспоминания. Л., 1924. С. 6.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 132.

[3] *Санников Г.* Лениниада // Рабочий журнал. 1924. № 8–12; *Steinberg M.D.* Op. cit. P. 275–276.

[4] Коммунистическая революция. 1924. Май. № 1. С. 61.

[5] На могилу Ильича. С. 72, 73, 76. Этот автор утверждал, что Ленин с удовольствием «косил сено» и «курил махорку», а иностранцы неизменно испытывали разочарование от встреч с ним – настолько он был прост. См.: там же. С. 75.

[6] *Кёнен Г.* Указ. соч. С. 549. В.Д. Бонч-Бруевич также переусердствовал, сравнивая Ленина с Христом. См.: Коммунистическая революция. 1924. Май. № 1. С. 61.

[7] *Лешков Д.И.* Указ. соч. С. 273.

него испуга перед таинством «большой смерти»[1]. В толпе завывал выделялся писатель Илья Лин: в его книге «Ленин и дети» «ребята-татарчата» из Вятки выдавали такие скорбные монологи на таком неподдельно изломанном русском языке, что ряды «плачущих большевиков», казалось, должны были разрастись до планетарного масштаба[2]. Журнал «Крокодил», заявивший, что «не может смеяться», поместил стихотворение Вас. Лебедева «Прощанье», сообщавшее, как ученик 2-го класса Петя Буровой тайком сбежал из дома, чтобы в последний раз увидеть Ленина[3]. Раздавались и совсем странные голоса. Грузинский поэт П. Яшвили, помянув о том, что Ленин «светился заботами о детях и подбирал их, как худых цыплят», обронил странную фразу (в переводе Б. Пастернака) о том, что сама земля не достойна праха вождя[4].

31 января 1924 г. председатель СНК Крымской АССР С. Саид-Галиев писал Сталину, что, поскольку имя Ленина связывается с «октябрьскими завоеваниями», то «легко себе представить, какие мысли сверлят сейчас в мозгу многомиллионного угнетенного Востока, где еще до сих пор господствует безграмотность, слепая вера и влияние духовенства»[5]. Передовица «Еженедельника советской юстиции» сообщала, что «белые, желтые, черные, медно-красные и темно-оливковые, индейцы и китайцы, негры и эскимосы, европейцы и американцы... окованные по рукам и ногам цепями капитала... в Ленине и его деле... видели единственный источник спасения»[6]. На сцене Большого появился балет «Красный мак» Р. Глиэра: пароход «Ленин» принес в китайский порт продовольствие, и это обернулось мини-революцией. Создавалась настоящая религия угнетенных, которые, как писал Ю. Ларин, видели в Ленине «единственную надежду»[7]. Собрание горских обществ Ингушетии просило об от-

---

[1] Образ «плачущего большевика» В. Маяковский списал с натуры: современники отмечали, что никогда не видели такого количества «плачущих мужчин». См.: *Иоффе Н.* О Советской России 20-х годов // *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 109.

[2] Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 489. Очень скоро в большевистской печати стали отмечать «искажение образа» Ленина. В качестве примера называли брошюру Л. Вражина «Ленин» – «нелепую по своей безграмотности», а также издание Одесского губоно «Детям о Владимире Ильиче», написанное «слащавым псевдодетским стилем». См.: Коммунистическая революция. 1924. Май. № 1. С. 59.

[3] Крокодил. 1924. № 3. С. 3.

[4] *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1989. С. 246–247.

[5] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 179–180.

[6] Еженедельник советской юстиции. 1924. № 3–4. 24–31 января. С. 51.

[7] Великий строитель. Памяти В.И. Ленина. М., 1924. С. 18. «Моду» на руководство «угнетенными народами» ввел Г.Е. Зиновьев. Очевидцы утверждали, что в качестве председателя Коминтерна он имел обыкновение разговаривать по телефону тоном «владыки мира», а на парады непременно представлял гримированных статистов

крытии для них «школ на русском языке с преподаванием в них мусульманского вероучения». Эти школы «должны быть имени тов. Ленина»[1]. В январе 1925 г. в Азербайджане в ходе «ленинской недели» пропагандисты внушали, что их акция важнее поминовения имама Хусейна[2]. Через 4 года после смерти вождя «Правда» уверяла, что «в горных дебрях Аджаристана убеленные сединами старики, для которых превыше всего было слово корана, – узнали новое слово "Ленин, Лени"»; «бедняк-курд» также «шепчет чарующее имя: "Ленин, Лени, Лени"»[3]. В январе 1929 г. 9-й съезд самоедов (ненцев) надеялся получить «полные национальные права, как велел В.И. Ленин»[4]. Создавалось впечатление, что смерть Ленина наиболее болезненно воспринимали на окраинах[5].

Впрочем, могила Ленина сразу же превратилась в некий символ, который можно было наполнять каким угодно содержанием. В далекой Америке Д. Бурлюк посвятил его Мавзолею следующие строки:

В Москве нетленный прах вождя
Народ хранит к груди прижавши,
На угнетателей восставший
Планетной истины судья...

По мнению «Отца Русского Футуризма», Мавзолей Ленина – это нечто особое, не сравнимое ни с могилой Чингис-хана, ни с гробом Наполеона. Это запредельная величина – рабвождь», ибо жил он для «идеи звездной» и был «первым на планете, кому доверил власть народ»[6]. Похоже, в это верили не только вдали от России.

«Естественные образы тех лет – Ленин фабричного обездоленного люда, мужицкий Ленин, Ленин индусского мальчика Сами», – уверяли современники[7] (правда из числа тех, кто страдал избытком воображения). Что касается Сталина, то в его поминальных речах на время прописался образ «строителя»[8]. И это не случайно. В какофонии оплакивания тема сиротства невероятным образом стала соседствовать с темой его технократического преодоления. А. Платонов описал

в качестве представителей «цветных рас». См.: *Семенов-Тян-Шанский В.* Фрагменты воспоминаний // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 409.

[1] ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. С. 184. Это пожелание было частью нескончаемого потока предложений о переименовании фабрик, заводов, городов, университетов и т. п. в честь усопшего.

[2] *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 410.

[3] Правда. 1928. 22 января.

[4] Цит. по: *Аманжолова Д.А.* Указ. соч. С. 130.

[5] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 179–182.

[6] *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 15.

[7] *Гехт С.* Указ. соч. С. 58.

[8] *Тяжельникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» С. 431.

это, заодно вложив в уста своего героя (рассказ «Как зажглась лампа Ильича») слова о том, что «мотор – есть смычка города с деревней».

Смерть Ленина, воспринятая как «большая жертва», словно помогала перевести стилистику тогдашней жизни из жанра слезливой мелодрамы в «оптимистическую трагедию». Разумеется, добиться эффекта «революционного катарсиса» удалось не сразу. Примечательны непосредственные отклики большевистских лидеров на случившееся: Бухарин подчеркивал «чуткость» Ленина к запросам масс, Троцкий писал, что в «каждом из нас частица Ленина», Каменев утверждал, что он обладал «великим чувством мятежа, бунта, восстания», Зиновьев уверял, что «крестьяне-солдаты» угадывали в нем «нового вождя России», Калинин отмечал «порыв скорби», охвативший массы[1]. Статую Ленина едва не поставили вместо ангела на Александровской колонне на Дворцовой площади (к тому времени уже переименованной в пл. Урицкого)[2]. Со временем штатные лекторы 22–24 января стали повсеместно подводить своеобразные итоги: 2–3–4 и более лет «без Ленина». Твердили, что напрасно «буржуазия радовалась», страна уверенно двигается по пути, указанному Ильичом[3].

Разумеется, ритуал стал приедаться. В апреле 1927 г. М.М. Жиленков в Большом театре принялся поносить Советскую власть, а в портрет бросил свою фуражку. В июне 1929 г. П.С. Турбин у мавзолея принялся ругать «вечно живого». Первый был на три года выслан в Курскую губернию, второй отправился в Рязанскую область. Культовые слащавости провоцировали глумливость. В 1929 г. сатирический журнал поместил карикатуру: мальчик спрашивает отца-бюрократа: «Кто такой был Ленин?» Родитель ответствует: «Сейчас, милый... У меня тут в записной книжке несколько цитат для собрания приготовлено»[4].

Ленинский культ стал кое-кому приносить деньги. В 1926 г. К. Чуковский так отзывался о художнике И. Бродском:

> Уже в прихожей висят у него портреты и портретики Ленина, сфабрикованные им по разным ценам, а в столовой... – некуда деться от «расстрела коммунистов в Баку». Расстрел заключается в том, что очень некрасивые мужчины стреляют в очень красивых мужчин, которые стоят озаренные солнцем в театральных героических позах.

---

[1] Умер Ленин. М., 1924. С. 21, 24, 29, 30, 33.

[2] Ожесточенные споры вокруг этой акции тянулись почти год. В начале 1925 г. Г.Е. Зиновьев согласился с доводами А.В. Луначарского о том, что не надо возносить Ленина «над человеческим родом». Его резолюция выглядела по-своему символично: «Ну их к черту. Оставимте им колонну с "ампирным" ангелом». См.: *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский. С. 22–36.

[3] Красная деревня. 1927. № 3. 16 января. С. 2.

[4] Чудак. 1929. № 4. С. 1. В 1929 г. шутили: у Владимира Ильича доклады были короче, ему не приходилось вставлять цитаты из Ленина. См.: Чудак. № 11. С. 4.

Более всего возмущало Чуковского, что это дело было поставлено художником на поток – «таких картин у него несколько дюжин», «ему заказано 60 одинаковых "расстрелов" в клубы, сельсоветы и т. д.», дабы выполнить социальный заказ, он нанимал копировальщиков, опусы которых слегка подправлял и малевал в углу свою фамилию[1].

Чуковский утрировал. История этого полотна выходила за границы заурядного приспособленчества. Картина «Расстрел 26 бакинских комиссаров» была создана (1925 г.) по заказу Совнаркома Азербайджанской ССР, художник побывал на местах событий, ознакомился с фотографиями их участников и даже получил возможность встретиться с арестованными – эсером Фунтиковым и бывшим комендантом тюрьмы Красноводска Рыбалкиным. По словам Бродского, эта встреча дала ему возможность «физически ощутить этих палачей, вызывавших чувство омерзения». Примечательно, что бывший член Закаспийского правительства Фунтиков был арестован по доносу собственной дочери – ей не нравилось, что отец критикует Советскую власть и не дает ей заниматься общественной работой[2].

Для создания шедевра соцреализма (процесс занял около года) Бродскому устроили мастерскую в Смольном, где его консультировал сам С.М. Киров, участник революционных событий в Закавказье. Первый эскиз картины был раскритикован бакинскими партийными руководителями, которые указали на недостаток пафоса, осудили появление среди палачей туркменов и отсутствие среди них англичан. Бродский с замечаниями согласился. Окончательный вариант картины демонстрировался во многих городах, в Москве выставку посетил Ворошилов, предрекший ей большой успех; здесь же поделился воспоминаниями счастливо избежавший расстрела Микоян. Полотно было призвано культивировать ненависть к целому сонму «врагов» – от социалистов-предателей до агентов «мирового империализма». Картина впечатлила британских лейбористов; сбор от ее экспозиций, по желанию автора, пошел в фонд помощи бастовавшим английским горнякам[3]. Характерно, что полотно вызвало восторг И.Е. Репина[4].

---

[1] *Чуковский К.* Дневник. С. 370. И.И. Бродский действительно нанимал художников для копирования собственных картин. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 18.

[2] *Волков Е.В.* Лицо врага: образы Белого движения в советском изобразительном искусстве (1918–1939) // Оче-видная история. С. 141–142.

[3] Там же. С. 142–144. Сталин в письме Молотову (август 1926 г.) настаивал, чтобы в пользу английских горняков было собрано не менее 2 млн рублей – «меньше американцев нельзя». См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 78.

[4] Познакомившись с ее черно-белой фотокопией, Репин писал Бродскому из Финляндии: «Эта грандиозная картина производит незабываемое впечатление... Вы – большой художник – стоите вне всяких мелких прыжков недорослей, открывающих новые методы... Ваша картина – вечная по достижению высот в искусствах... Вы гениальный художник... Какой дивный мировой спектакль стоит перед моими глаза-

В 1926 г. Бродский переписал картину «в большом размере»[1]. Нельзя сказать, что она была выполнена в жанре «оптимистической трагедии». В этом смысле более показательна серия полотен М.Б. Грекова, сумевшего через бытовые зарисовки и экспрессивные батальные сцены передать обреченность белогвардейцев и неотвратимость победы красных кавалеристов.

И. Бродский, безусловно, был основательным (и потому удачливым) живописцем. Предреволюционная живопись – и не только в России – отражала тотальный распад обветшавших жизненных форм. Постреволюционные живописцы подсознательно стремились к созданию новой телесности, хотя в 1920-е гг. эта тенденция получила еще не уверенное, а подчас и пародийное воплощение.

Пропагандистская кампания, основанная на культе революционной жертвенности, грешила обычными для России перехлестами. В 1927 г. питерские рабочие недоумевали: зачем столько памятников Ленину? «Не думаете ли, что мы без памятника позабудем нашего дорогого учителя?» К этому времени в Ленинграде было 4 памятника вождю, еще два – в окрестностях города[2]. Между тем в начале 1929 г. скульптор С.Д. Меркулов получил от М.И. Калинина заказ на создание на Красной площади скульптурной группы «из 9 фигур колоссальной величины с Лениным в центре»[3]. Как видно, проектов, призванных увековечить «вождей революции», было предостаточно.

Знак смерти, словно зависший над страной в середине десятилетия, был связан не только со смертью Ленина и волной самоубийств. За кончиной вождя последовала «таинственная» смерть Фрунзе, затем Дзержинского[4]. Реакция на это в традиционалистских слоях была неоднозначной[5]. Западные дипломаты уверяли, что, несмотря на официальную скорбь, массы реагировали на смерть вождей флегматично[6]. Некоторые крестьяне на «траурных» собраниях даже заявляли, что

ми, и всем ужасом восхищает меня проникновение живого таланта в суть жизни...» (*Репин И.Е.* Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 257). Остается только гадать, насколько искренен был престарелый классик.

[1] Так Бродский высказался в письме Ворошилову. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 2 об.

[2] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 369, 375.

[3] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. Кн. 2. С. 328.

[4] Сталин особо это подчеркнул: «После Фрунзе – Дзержинский», отметив, что жизнь последнего была «горением». См.: Правда. 1926. 22 июля.

[5] О М.И. Фрунзе, судя по некоторым дневникам, хорошо отзывались «все, кто знал и слышал о нем». Именно поэтому последовали «странные, почти невероятные комментарии о его болезни и смерти» (Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 649). Дзержинского некоторые поносили даже в день похорон. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 292.

[6] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 108.

не желают участвовать в «еврейских поминках»[1]. Череда смертей «вождей» порой воспринималась как дарованное сверху освобождение от чужеродного засилья.

Тем временем сложился странноватый ритуал прощания с известными людьми. 12 октября 1924 г. хоронили В.Я. Брюсова. Траурный кортеж двинулся от литературно-художественного института им. Брюсова на ул. Воровского к Новодевичьему монастырю с остановками у памятника Пушкину (здесь речь произнес П.Н. Сакулин), у Моссовета (с балкона выступал Н.И. Бухарин), у Московского университета (речи произнесли О.Ю. Шмидт, Н.К. Писканов, представитель студенчества), у здания Российской Академии художественных наук на Пречистенке (с балкона говорили А.В. Луначарский и П.С. Коган)[2]. В общем, «новый» ритуал[3] воспроизводил архаичный обычай «демонстрации жертвы», представлявший «решительный» (или отчаянный) массовый вызов «темным силам» – по такому сценарию в октябре 1905 г. в Москве проходили грандиозные похороны Н.Э. Баумана, убитого рабочим-черносотенцем[4].

Насколько подобный ритуал был изоморфен творчеству Брюсова? С. Есенин полагал, что он «первым пошел с Октябрем, первый встал на позиции разрыва с русской интеллигенцией», хотя «сам в себе зачеркнуть страницы старого бытия не всякий может»[5]. Характеризовали его и с другой стороны: «Без веры, без любви, без страсти»[6]. Как же хоронить таких людей?

В феврале 1925 г. скончался известный «веховец» М.Б. Гершензон, который, впрочем, частично «реабилитировал» себя в 1917 г. «Коммунисты» от литературы на удивление повели себя деликатно: хоронили его как одного из «последних могикан» идеализма. Как знать, может быть, былая готовность Гершензона благословить ту власть, которая защитит интеллигенцию от ярости народной, оказалась теперь востребована. П. Коган, президент Академии Художественных наук в некрологе отметил: «Его отделяла от революции, от материалистического знамени, за которым она движется к своей цели, проникающая его вера в идеалистический порыв индивидуаль-

---

[1] http: // rus-sky.com/history/library/ogpy.htm

[2] Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. М., 1929. С. 398–400.

[3] Большевистские руководители поручили организацию похорон Моссовету и Наркомпросу. См.: Большая цензура. С. 89.

[4] Столь же демонстративный характер носили похороны М.С. Урицкого, убитого 30 августа 1918 г., и жертв террористического акта 25 сентября 1919 г. в Леонтьевском переулке в Москве. См.: *Икэда Ё.* Указ. соч. Р. 230–231, 239.

[5] Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 283.

[6] *Аннибал Б.* Поэзия или механика? (Опыт характеристики В. Брюсова) // Вестник литературы. 1922. № 1(37). С. 12.

ной души, как надежнейший источник преобразования мира на началах красоты и свободы»[1]. Выплески парадоксального красноречия были обычны для того времени. Ритуал похорон примечателен: процессия двинулась от Российской Академии Художеств на Пречистенке, исполнив при этом революционное «Вы жертвою пали...», к дому покойного, затем к Брюсовскому институту, где с речью выступил Л.П. Гроссман. Получалось, что коммунистические деятели скорбили по поводу смерти человека, в 1909 г. взывавшего к контрреволюции. От противоестественности происходящего у могилы случилась истерика у критика А.Н. Чеботаревской, которая на следующий день покончила с собой[2].

Люди словно размышляли: то ли умереть поскорее, то ли, напротив, пожить подольше, дабы увидеть, во что выльется нескончаемый, казалось, абсурд бытия. Возможно, в связи с этим «красные похороны» (вопреки Ольминскому) становились все более массовидными, политизированными и военизированными. Вероятно, это была уродливо идеологизированная демонстрация «продолжения жизни» – вполне традиционный способ избавления от ужаса бытия и неотвратимости смерти.

Уже в 1920 г. среди богемы наметился характерный интерес к «омоложению организма». С 1924 г. одновременно с ростом самоубийств началась настоящий «психоз ревитализации» среди партийных работников. Особо отличился по этой части А.М. Стопани, впрыскивающий себе некий «гравидан», изготовленный из мочи беременных женщин. Геронтологические эксперименты велись на уровне доисторических ритуалов. «Были случаи заражения, – комментировал все это в августе 1924 г. М.С. Ольминский, приходя к характерным сомнениям. – Нет ли здесь вредительства?»[3] За образом булгаковского профессора Преображенского, омолаживающего людей путем пересадки яичников от обезьян, стоял реальный прототип[4]. Впрочем, эти

---

[1] Известия. 1925. 21 февраля.

[2] Там же. 24 февраля. А.Н. Чеботаревская, жена Ф.К. Сологуба, производила впечатление «странной, замученной женщины». См.: *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 151.

[3] РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1424. Л. 29–31.

[4] Еще в 1920 г. австрийский физиолог Э. Штейнах доказывал, что омоложение может быть достигнуто путем перевязки или перерезания семенных каналов, что по понятным причинам вызвало особый интерес [*Ишлонский Н.Е.* Этюды сексуальной биологии: Произвольное изменение пола и искусственное омоложение по профессору Штейнаху. Берлин, 1923; *Шмидт П.Ю.* Теория и практика омоложения (Операции Штейнаха). Пг., 1923]. Но реальным прототипом булгаковского героя был работавший во Франции профессор С.А. Воронов, «омолаживавший» путем пересадки половых желез молодых обезьян (*Воронов С.А.* О продлении жизни. М., 1923; *его же.* Старость и омолаживание. М.; Л., 1927; и др.). В Москве и Ленинграде омоложением занимал-

эксперименты бледнели на фоне тогдашних предложений по скрещиванию обезьяны с человеком[1].

Своеобразной пародией на попытки витализации социального пространства стала повесть М. Булгакова «Роковые яйца»: открытие «луча жизни» привело к реанимации рептилий. Символика была очевидной. Когда в 1924 г. Булгаков читал повесть в Кружке поэтов, присутствующие высоко отозвались о ней[2].

Большевистские лидеры, судя по всему, были обеспокоены макабрическими настроениями. Выход виделся либо в эстетизации жертвенности, либо в механической регенерации человеческой плоти. Это делалось вроде бы в согласии с «самой передовой» теорией. Однако со временем неудача материалистических «чудес» могла породить всеобщую убежденность во «вредительстве».

Художественная жизнь поначалу развивалась по своим собственным законам, но скоро появились и характерные новации. В конце 1922 г. в Москве открылась XVII выставка союза русских художников, где были представлены В. и А. Васнецовы, К. Коровин, С. Малютин, А. Голубкина, К. Юон, М. Нестеров. Была здесь и «пошлятина», делился воспоминаниями Нестеров, вроде «Смерти нэпмана»[3]. Сам он с 1923 г., после ряда творческих разочарований и полосы безденежья вернулся к активной работе, а в 1925 г. блеснул серией «светских» портретов – преимущественно художников и ученых (В. Васнецова, П. Корина, академика А.Н. Северцева). В январе 1928 г. в Москве была открыта выставка, посвященная 10-й годовщине Октября – в стилевом отношении эклектичная.

Прославление победы в Гражданской войне составляло заметную часть изобразительного ряда. Здесь ярко проявили себя К. Петров-Водкин («После боя», 1923 г.; «Смерть комиссара»[4], 1928 г. и др.), А. Дейнека («Оборона Петрограда», 1928 г.). Страдания и смерть сти-

---

ся целый ряд профессоров (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 207). Многие находили их эксперименты опасными. А. Белый писал Иванову-Разумнику в сентябре 1926 г., что Воронов, ожидающий, что обезьяна родит человека, «может быть, честный и добрый в разрезе малого кругозора; но его фантазия, приведшая его к смешению "обезьяны" с "человеком", есть "преступление"...» Он опасался, что «бескорыстных» ученых, а фактически «духовных кретинов и дураков» начнут водить на нос мерзавцы вселенского масштаба. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 370, 371.

[1] Сатирическая пресса высмеивала соответствующие предложения профессора И.И. Иванова. См.: Смехач. 1925. № 31. С. 7.

[2] *Абрамов В.П., Спивак М.Л.* П.Н. Зайцев, А. Белый и литературная Москва 20–30-х гг. // Москва и «Москва» Андрея Белого. С. 466.

[3] *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 279.

[4] Исследователи отмечают, что эти картины Петрова-Водкина были перепевом батальных картин времен Первой мировой войны. См.: *Аксенов В.Б.* 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2002. № 1. С. 99.

мулируют творчество – иной раз слишком неожиданно и своеобразно: просветленные лица с картин Кузьмы Петрова-Водкина и Абрама Архипова «вдруг» становились злыми на полотнах Бориса Григорьева. Заметны были работы М. Грекова («В отряд к Буденному», 1923 г.; «Тачанка», 1925 г. и др.). Постепенно в революционную романтику вкрадывались благостные ноты. В 1927 г. известная фотография Ленина на первомайском субботнике получила новую жизнь с помощью художника М. Соколова. Образ стал долгожителем: количество свидетельств людей, якобы тащивших пресловутое бревно вместе с «вождем», со временем перевалило за сотню – воображение теснило реальность.

Сами большевики – поклонники народной «красивости» – неосознанно тяготели к академизму. Ректор Академии художеств коммунист Э.Э. Эссен ухитрился буквально из ничего создать великолепный музей[1]. Постепенно утвердилась «реалистическая» поэтизация достижений социалистического строительства, стандартными воплощением которого стали изображение «вождя» вместе с Молотовым в окружении счастливых «трудящихся» (П. Соколов-Скаля), и особенно лубочная картина «Колхозное изобилие» Г. Горелова. Символично, что эти полотна были созданы в 1930 г. – очевидно, в связи с торжеством «великого перелома».

Искусство агитационного плаката времен Гражданской войны не угасло. Но здесь появились новые элементы – фигуры указующих вождей на высоких постаментах. Экспрессивный плакат стал соединяться с втиснутым в академические формы лубком – это и составило основу «соцреализма». Исследователи считают, что «героическое» содержание раннего советского дизайна в 1930-е гг. стало принимать формы воспевания чести и доблести во имя будущего[2]. Но в 1920-е гг. господство его еще не пришло.

В России традиция скульптурного изображения была слабой, художники часто творили «невпопад»[3]. Монументальная пропаганда эпохи «военного коммунизма» оказалась нестойкой – дольше всех, до 1923 г., простояли «временные» памятники К. Марксу и К. Либкнехту в Витебске. Этот изобразительный ряд по-своему продолжил Н. Андреев (памятники Герцену и Огареву, 1922 г.). Но в целом 1920-е гг. примечательны тем, что скульптура наполнилась «классо-

---

[1] *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 336.

[2] *Лидин К.Л., Меерович М.Г.* «Визуальный кадр» как метод анализа элементов визуальной среды обитания (на примере рекламно-пропагандистских плакатов 1920–1950-х гг.) // *Очевидная история*. С. 32.

[3] Известна история с бегемотообразным Александром III. В 1920 г. шоковое впечатление произвела 10-метровая гипсовая статуя «Освобожденный труд»: слишком внушительные гениталии мускулистого рабочего пришлось прикрыть тряпочкой. См.: *Ходасевич В.* Портреты словами: Очерки. М., 1987. С. 143.

вым» содержанием. Эта тенденция особенно заметна в творчестве В. Мухиной, И. Шадра, М. Манизера, И. Фомина. Но до тиражирования «девушки с веслом» в множащихся «парках культуры и отдыха» было еще далеко.

Памятники Ленину, как и его скульптурные изображения, стали появляться еще при его жизни. Далеко не всеми они воспринималось однозначно[1]. В 1925 г. человек, представившийся «крестьянином» (по стилистике письма этого не видно), писал наверх:

> У крестьян бедняков имеется своя марксистская точка зрения на счет памятников вождям революции. Вместо того чтобы ставить чугунные, бронзовые и другие медные истуканы, которые бывают часто искаженными от истинных черт лица и которые ничего не производят... лучше поставить более достойный памятник на эти средства... – коммунистическую колонию, которая служила бы памятником вождя[2].

Писали и о том, что «не надо возводить во Владивостоке громадный памятник Ленину»[3]. Комсомольцы заявляли, что средства, расходуемые на памятники и праздники, лучше бы использовать на стипендии студентам[4]. Крестьянин Александр Дугин (1905 года рождения) из Ярославской губернии 3 октября 1927 г. в письме в ЦК возражал против «постройки роскошной могилы Ленину, тогда как Союз и так беден деньгами»[5]. Тем не менее на протяжении 1920-х гг. наметилась тенденция к канонизации объемного образа Ленина – он неуклонно эволюционировал от экспрессивности к указующей монументальности. Произошло это, как ни странно, через лирическое изображение «своего» Ленина – мудрого и доступного «друга, учителя, отца». В этом решающая роль принадлежала художнику Н. Андрееву.

Архитектура 1920-х гг., также отмеченная поисками новых, в целом эпигонских, стилей, была не чужда пафосу «СССР на стройке». Эстетическую основу ее составляла идея «преодоления хаоса геометрией» – общая для тогдашних мировых творческих поисков. В первой половине десятилетия, когда жилищное строительство было практически свернуто, упор делался на проекты зданий общественного назначения – от домов-коммун и рабочих клубов до всевозможных «дворцов». Целая плеяда архитекторов пыталась синтезировать чер-

---

[1] «Вы торопитесь запечатлеть победу революции в монументах, воздвигнув вместо "царственных болванов" памятники народного творчества, – писал В.И. Ленину в апреле 1918 г. Н.Ф. Николаевский, один из социалистических скептиков. – Рано. Не торопитесь, чтобы не впасть в фальшь». См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 16.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 160.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 212.

[4] *Wellmann V.* Op. cit. S. 120.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 27.

ты французского конструктивизма, функционально-коммунального строительства в Германии и даже индустриального зодчества США. В 1925 г. конструктивисты во главе с братьями А. и В. Весниными и М. Гинзбургом объединились в «Общество современных архитекторов» (ОСА) и начали издавать журнал «Современная архитектура». Наибольшую известность получили проекты Весниных[1].

К середине 1920-х гг. с классических фасадов зданий стали исчезать «нэпмановские» вывески – раньше «Пивная» красовалась даже на фасаде Адмиралтейства[2]. Похоже, что к людям возвращалось ощущение «нормы». После того как к 1923 г. города в большей или меньшей степени приняли дореволюционный вид, коммунисты стали организовывать «народные» гуляния, приуроченные к новым памятным датам[3].

Существовало еще одно заметное направление в архитектуре – «рационалисты», которые особое значение придавали поискам выразительной формы. В 1923 г. была создана Ассоциация новых архитекторов (АСНОВА), лидером и теоретиком которой был Н. Ладовский, а архитектором-практиком – К. Мельников (павильон СССР из дерева и стекла на Выставке декоративного искусства и промышленности в Париже, 1925 г.; клуб им. Русакова в Москве, 1927 г.). Они также не без успеха творили «новую реальность».

В начале 1920-х гг. развернулась разработка планов реконструкции Москвы (руководители А.В. Щусев и И.В. Жолтовский) и Ленинграда (И.А. Фомин). Эти архитектурные поиски находили международный отклик. Ле Корбюзье, мечтавший о создании «бесклассового города» и посещавший Москву в 1928, 1929, 1930 гг., где по его проекту в 1929 г. началось строительство здания «Центросоюза», отмечал поразительное обилие новаторских форм. Сам он принял участие в конкурсе проектов Дворца Советов, предлагал свою схему перестройки столицы. В 1928 г. Щусев готов был заняться постройкой нового здания Третьяковской галереи, для чего предполагалось снести целый квартал на Волхонке. Тогда же родились планы снесения Храма Христа Спасителя (задуманного в свое время как образец типовых церквей) и возведения на его месте гигантского Дворца Советов.

Постепенно возрождался «имперский» стиль, который требовал освобождения от «старого» культурного пространства. Похоже, что Красные ворота и находящаяся поблизости церковь Трех святителей досаждали большевикам не только по причине транспортной пере-

---

[1] Среди них дом акционерного общества «Аркос» (1924 г.), Дворец труда в Москве (1925 г.), здание газеты «Ленинградская правда» (1924 г.), здание Дворца культуры им. Лихачева, жилой дом на Новинском бульваре в Москве (1928–1930 гг.).

[2] *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 13; *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 197.

[3] *Малышева С.Ю.* Указ. соч. С. 132.

груженности столицы. Их не смущало, что в этой церкви крестили М.Ю. Лермонтова и отпевали генерала М.Д. Скобелева, зато раздражали «красивости крепостнической эпохи»[1]. Нечто подобное в русской истории уже случалось – скажем, во времена Екатерины II, но тогда до тотального обновления облика столицы дело не дошло. Теперь же протестов академиков А.П. Карпинского, С.Ф. Ольденбурга, Н.Я. Марра против сноса «одного из интереснейших памятников древнерусского зодчества» не услышали, не были приняты во внимание и ходатайства Академии материальной культуры и Института истории искусств[2]. По решению Моссовета было взято на учет 654 здания прежних веков, которые подлежали сносу. В то время «к зданиям относились как к бытовым вещам, домашней утвари: чем старее, тем ненужнее»[3]. К сентябрю 1927 г. Красных ворот не стало, после чего, словно в насмешку, «расчищенная» площадь была переименована в Лермонтовскую[4].

Общую эволюцию архитектурного стиля отражало творчество И. Жолтовского: кубические формы в его проектах постепенно вытеснялись зданиями, увенчанными шпилями – чикагские небоскребы обретали кремлевскую «завершенность». Все это, вероятно, призвано было утвердить «прогрессистско-патерналистский» дух обновленного имперского могущества. Впрочем, наиболее заметным памятником этой эпохи стал неоднократно перестраивавшийся Мавзолей Ленина А. Щусева – в прошлом известного «эклектика». В связи с тем что архитекторы активнейшим образом участвовали в конкурсах на лучший проект крематория, то впору говорить о попытках «преодоления смерти» путем нерелигиозной эстетизации обновляемого погребального ритуала.

Тогдашние планы кремации имели два источника – идеи дореволюционного «коммунального социализма» (удешевление погребения для бедных) и атеистических перехлестов «военного коммунизма» (безбожный способ «вознесения к небу»). Теперь они оказались социально востребованными, и это шутливыми штрихами обозначили в «Золотом теленке» Ильф и Петров. Впрочем, дело было серьезное: в Москве крематорий был построен в 1927 г., существовало добровольное общество друзей кремации.

---

[1] Утверждалось, что «тяжелое московское барокко» не представляет эстетической ценности, а церковь Трех святителей вообще «не выражает никакого стиля» (*Коробьин Ю.* Несколько слов о старых вещах // Известия. 1926. 14 февраля). В ответ на протесты интеллигенции Красные ворота «обвинялись» в том, что они были построены для Елизаветы Петровны – «рыхлой, вечно пьяной и расфуфыренной девки». См.: *Коробьин Ю.* Опять о старом и новом // Известия. 1926. 13 августа.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 31. Л. 3.

[3] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 76.

[4] Известия. 1927. 27 сентября.

Тем временем иные марксисты, забыв об иллюзиях экономического детерминизма, обратили свои взоры на «несовершенного» человека. «Да, вылечить человеческую голову – самая сложная задача... Провозглашается лозунг: Реорганизация человека», – так заявлял «революционный антрополог» А. Гольцман[1]. Соответственно стали наполняться «художественным» содержанием представления (отнюдь не чисто большевистского происхождения) об «обществе-фабрике». Пролетарские поэты пели «гимны машине» еще до революции[2]. В 1918 г. Алексей Гастев, в прошлом член правления Петроградского союза металлистов, секретарь ВЦСПС, заведующий Центральным институтом труда и идеолог научной организации труда, издал поэтические опусы с характерными названиями: «Мы растем из железа», «Рельсы», «Гудки». Теперь гудки зазвучали на консерваторском уровне: в 1922 г. композитор А. Аврамов написал «Симфонию гудков», а в 1924 г. попытался исполнить «Интернационал» с помощью заводских труб[3]. Один из «пролетарских композиторов» возмущался исполнением «буржуазной» (классической) музыки[4]. Тем временем, по словам Д. Лешкова, ставились «такие пьесы, как "Огненные мосты", "Воздушные пироги", "Рельсы гудят", "Шахтеры" и прочая бездарь, требующая насильственного внедрения подневольных зрителей, т. е. приводились в театр в строю батальоны красноармейцев или бригады рабочих, которые неистово скучали, разрывая рты от зевков»[5]. Провинция ничуть не отставала от столиц – режиссер А. Конин поставил в Саратове пьесу футуриста В. Каменского «Паровозная обедня», где актеры изображали рельсы, шпалы, заклепки и т. п.[6] Строго говоря, Сталину с его идеей «людей-винтиков» ничего не пришлось придумывать.

Вероятно, отголоском «механистического мышления» того времени стала возросшая популярность шахматной игры, высмеянная не только И. Ильфом и Е. Петровым, но и В. Пудовкиным в корот-

---

[1] *Гольцман А.* Реорганизация человека. М., 1924. С. 6.

[2] *Steinberg M.* Op. cit. P. 160–164.

[3] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 200.

[4] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 75. Влияние «пролетарских композиторов» на музыкальную жизнь все же оставалось ничтожным. См.: там же. С. 210.

[5] *Лешков Д.И.* Указ. соч. С. 269. В 1929 г. спектакль «Рельсы гудят» (пьеса В.М. Киршона была посвящена актуальной теме «вредительства») докатился до Владивостока. В театре «Золотой рог» его показывали для союзов строителей, коммунальщиков, пищевиков и, конечно, металлистов. См.: *Королева В.А.* Указ. соч. С. 169.

[6] Характерно, что афиша пьесы-агитки В. Каменского «Стенька Разин» была оформлена в кубо-футуристическом стиле (худ. К. Вязлов). «Настоящая афиша должна хватить прохожего, как обухом по голове», – советовал сатирический журнал. – «...Афиша должна... лезть в глаза, как пьяная проститутка, выкачивать из публики "лимоны"...» и т. п. См.: Мухомор. 1923. № 14. С. 2.

кометражке «Шахматная горячка» (1925 г.). Чемпион мира по шахматам А.А. Алехин воспринимал ситуацию более серьезно, заявив в конце 1920-х гг., что ограничение интеллектуальной свободы в СССР дает выход неподконтрольному виду творчества. Вряд ли дело было только в этом: часть советских людей, пытаясь оторваться от вязкого наследия прошлого, оказались в полном смысле слова одержима манией рациональности. Вероятно, не случайно Пудовкин снял научно-популярный фильм «Механика головного мозга». В газетах тем временем писали, что «шахматы – ценный союзник военного искусства, прекрасная школа для мозговой тренировки красного бойца»[1].

Пытался не отстать от постреволюционных увлечений А. Толстой. Его пьеса «Бунт машин» была поставлена в 1924 г. Большим драматическим театром[2]. Афиша спектакля работы Ю. Анненкова содержала весь набор «индустриально-художественных» штампов того времени: текст, составленный из угловатых рисованных красно-черных шрифтов в сочетании со схематичными людскими фигурами[3]. В апреле 1930 г. на гроб В. Маяковского был возложен «венок» из молотов, маховиков и винтов с надписью: «Железному поэту – железный венок». За два месяца до этого Маяковский откликнулся на 6-ю годовщину смерти Ленина стихотворением «Во весь медногорлый гудочный клич...» (напечатано в журнале «Швейник»)[4].

Сегодня все это кажется странным, нелепым, а то и просто диким. Но о чем можно было мечтать в разоренной революциями и войнами стране, если не о ритме могущественного индустриализма, бескомпромиссно подчиняющем себе первозданный крестьянский хаос? Антиэстетическим символом того времени можно считать проект башни «III Интернационал» В.Е. Татлина, соединяющей пространства и ассиметрично вонзающейся в небо. Так мыслили все не покорные традициям таланты, намеренно вырывающиеся из привычного «человеческого» измерения[5].

По мнению германского историка Ш. Плаггенборга, А. Гастев выделялся из ряда утопистов своего времени тем, что он был инженером, а не большевиком и потому вполне безыдейно попытался «распространить идеи архикапиталистического тейлоризма на со-

---

[1] Цит. по: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 49.

[2] Примечательно, что в спектакль вошел кинофильм, в котором снялся сам А.Н. Толстой и Ю.П. Анненков. См.: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 144.

[3] См.: *Лапина К.В.* Театральная афиша 1920-х годов // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М., 2005. С. 462, XLIV.

[4] *Катанян В.А.* Указ. соч. С. 481.

[5] Современники считали Татлина подлинным самородком, отмечая, что он намеренно не желал учиться и не признавал никаких художественных группировок. См.: *Клюн И.В.* Указ. соч. С. 85–86.

циалистическое производство»[1]. Это не совсем точно. Во-первых, тейлоризм был частью общемирового культурного поветрия; во-вторых, большевизм как «научная религия» имманентно включал в себя технократический компонент; в-третьих, вряд ли можно говорить об отсутствии у Гастева темы классовой борьбы – она попросту получила иные масштаб и конфигурацию. Наконец, нельзя забывать, что под некоторыми идеями Гастева вполне мог бы подписаться и Троцкий. Примечательно, что Гастев в начале 1920 г. откровенно заявлял, что «Россия тем и отличается от Запада, что она или ленива, или элементарно импульсивна, ее население, в общем, дает мало упорства, трудового упрямства»[2]. Независимо от степени справедливости этих высказываний большевики были намерены переломить все старые стереотипы мышления и поведения, используя любую «подсказку». Писали даже о том, что современные жестикуляция и мимика являются жестикуляцией и мимикой индустриальных людей»[3]. Некоторые левые западные наблюдатели заговорили об «американизации» России[4]. Культурный авангардизм смыкался с политической левизной[5]. Считалось, что НОТ должен быть превращен «в основное орудие улучшения госаппарата»[6]. Более того, опыт НОТ проникал в «новый быт», символом которого подчас становились молодежные коммуны, призванные противопоставить хаосу «буржуазного индивидуализма» слаженность сознательного коллективизма.

Будущие мэтры советской культуры в 1920-е гг. действовали вполне в духе времени: С. Эйзенштейн поставил мелодраму С. Третьякова «Противогазы» непосредственно в цехе московского газового завода; С. Прокофьев в 1925 г. написал балет «Стальной скок», сюита из него исполнялась в 1928 г. в Москве; композитор А. Мосолов по заказу Большого театра создал балет «Сталь», особо исполнялся симфонический этюд из этого балета под названием «Завод». Примечательно, что поставленный в 1925 г. К.Я. Голейзовским в Экспериментальном

---

[1] См.: *Плаггенборг Ш.* Указ. соч. С. 59, 60–63.

[2] *Гастев А.* Наши задачи. Наша практическая методология // Организация труда. 1921. № 1. С. 18. Наблюдения Гастева невольно подтвердил немецкий инженер, который не мог понять, почему массы рабочих на производстве постоянно бездельничают. См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 4. С. 132.

[3] Кино и культура. 1929. № 2. С. 33.

[4] *Лерш Э.* Указ. соч. С. 590. Судя по некоторым художественным произведениям того времени, «работать по-американски» пытались тогдашние нувориши, руководствовавшиеся принципом «лови момент». См.: *Берзин Ю.* Указ. соч. С. 20.

[5] В.И. Ленин, как известно, намеревался «ввести социализм» с помощью системы Тейлора еще в 1918 г. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 141, 190, 212.

[6] Вопросы труда. 1924. № 1. С. 66.

театре (филиал Большого) балет С.Н. Василенко «Иосиф Прекрасный» был снят за «формализм»[1].

Уже предреволюционная эпоха отмечена поисками «соборного театра», «театра-храма», «театра-общины», соединяющего актера и зрителя, эмоции и разум[2]. В 1920-е гг. поиски синкретического искусства обрели новое наполнение. По отзывам современников, теперь зарождалась новая антропология: «на стене рядом с курортом на дому висел плакат "человек-машина"». Подобным образом до сознания современников пытались донести идеи тейлоризма, становящегося все более популярным у номенклатуры, – по ироничному замечанию писателя, «плакат выражал целое мировоззрение»[3].

Впрочем, в официальной риторике звучали иные мотивы. От технократической утопии постреволюционной власти пока было мало проку. Архаичная ментальность обычно связывает витализацию с насильственной гибелью врага. В данном случае регенерация «классово-прогрессивной» среды стала связываться с ритуализированной гибелью «отжившего».

В значительной степени психологические трудности перехода от старого к новому облегчали театральные постановки на историческую тему. Оправданию большевизма по-своему служили пьесы «Заговор императрицы»[4] и «Азеф» А. Толстого, «Пугачевщина» К. Тренева, «Екатерина II и Григорий Орлов», «Петр III и Екатерина II», «Фаворитки Петра I» Н. Лернера, «Семь жен Ивана Грозного» Д. Смолина, выполненные в жанре «проклятые короли». В театре им. Комиссаржевской была поставлена комедия С.И. Антимонова «Петровы потехи» – успеха у публики она не имела[5]. Для поиска созвучия революции была мобилизована вся мировая драматургия[6]. По мнению главного театрального цензора 1920-х гг. О.С. Литовского (выведен в «Мастере и Маргарите» под именем Латунского), собственно советская драматургия началась лишь в 1925 г. с постановки «Шторма» В.Н. Билль-Белоцерковского, внесшего в драматургию не обличительную, а революционно-романтическую

---

[1] *Каптерева-Шамбинаго Т.П.* Указ. соч. С. 151–152.

[2] См.: *Степанова Г.А.* Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова. М., 2005.

[3] *Вагинов К.К.* Указ. соч. С. 454–455.

[4] Правда, «Заговор императрицы» называли «рецидивом кадетизма» – причина революции связывалась с личностью «безвольного и ограниченного» царя. См.: Новый зритель. 1925. № 12. 24 марта. С. 11.

[5] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. Кн. 1. М., 2010. С. 475.

[6] Ставили «Жакерию» П. Мериме, «Термидор» В. Сарду, «Смерть Дантона» Г. Бюхнера, «Франца фон Заккингена» Ф. Лассаля, «Зеленого попугая» А. Шницлера, «Революционную свадьбу» С. Михаэлиса. См.: *Жидков В.С.* Указ. соч. С. 550, 552.

струю[1]. На деле этот отпочковавшийся от левых драматург попросту старался угодить власти, торопясь откликнуться, на манер Д. Бедного, на «актуальные» темы. Совершенно не случайно от нападок левых литераторов Билль-Белоцерковского защитил Сталин[2].

Примечательно, что от новой российской власти все чего-то хотели. Так, М. Волошин надеялся, что большевики запретят костюмы «буржуазного» стиля. Он уверял, что нынешняя одежда, особенно черная мужская, – не что иное, как «примитивное подражание машине». Рукава он сравнивал с «железными трубами, пиджак с котлом, карманы с клапанами паровоза». Мечтал он и о том, что власть снесет «безвкусные» виллы, которые фабриканты понастроили в Крыму[3]. Поиски новой эстетики, в рамках которой новому поколению предстояло «обрести себя», подчас принимали неожиданные воплощения. Однако молодежная мода на «толстовки», «юнгштурмовки» и красные косынки была скорее проявлением традиционалистской стадности, нежели социалистического коллективизма. Культура постреволюционного времени была пронизана нетерпимостью. Не случайно стремление окарикатурить нэпманов имело успех. Напротив, попытки навязать социальный идеал в виде «доблестного рабочего» встречали отторжение даже среди школьников[4]. Общество по-прежнему «не находило себя».

Сбалансирование системы требовало соответствующего информационного поля. В восстановлении диалога между властью и народом громадную роль сыграла печать, в которой периодически откликались на запросы читателей сами «вожди». Это и помогло создать иллюзию доверительного общения правителей с массой, независимо от конкретной реакции на поступающие снизу предложения. Власть сумела вновь навязать народу язык патерналистского подобострастия – другого, впрочем, если не считать языка бунта, он не знал.

Писали во власть люди разные: от бывших министров Временного правительства до священников[5]. Часто усердно «стучали» люди, усердствовавшие в этом во времена царизма. Грех доносительства коснулся и представителей церкви: один из священников сетовал на то, что у него корову забрали, а у других попов и кулаков – нет[6].

---

[1] *Литовский О.С.* Глазами современника. Заметки прошлых лет. М., 1963. С. 36–37.

[2] См.: Большая цензура. С. 139.

[3] *Миндлин Э.* Из книги «Необыкновенные собеседники» // *Волошин М.* Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991. С. 394–395.

[4] Из записок ученицы шестой группы семилетки // Вестник просвещения. 1926. № 3. С. 46–47.

[5] См.: Лишенцы: 1918–1936 // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 611–628.

[6] *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Революция и социальная справедливость. С. 506.

Каждая инициатива власти порождала новую волну доносов – часто в форме жалоб и пожеланий. И здесь обнаружился растущий заряд ненависти – как правило, по отношению к низовому начальству[1]. Это также типично для традиционной политической культуры[2].

Естественно, «обратная связь» имела свою социальную специфику. Крестьяне обычно обращались за «советом», подобно тому, как некогда ожидали третейского суждения барина. За десять лет (1923–1933 гг.) «Крестьянской газетой» было получено более 5 млн писем[3]. И дело, вероятно, не только в притягивающем названии газеты, но и в том, что она имитировала своего рода митинг (не случайно так называлась специальная рубрика к 10-летию Октября), где каждый мог рассказать о наболевшем. Разумеется, думать, что послания селькоров, деревенских коммунистов, комсомольцев и вообще нетерпеливой молодежи адекватно отражали общекрестьянские настроения, не приходится[4]. Но кое-какие тенденции несомненны. Поначалу крестьяне активно обсуждали проблемы построения «рая на земле», превозносили немногих «хороших» коммунистов и разоблачали «дурных», с 1928 г. появляется больше критических оценок, а в 1929 г. их письма в основном отражали недовольство Советской властью, причем большевикам выставлялся своеобразный счет за невыполнение обещанного[5]. Крестьянам казалось, что власть вновь поставила их на грань голода, как во времена «военного коммунизма»[6]. Соответственно росло недовольство теми, кто «жирует». К стигматизованным властью «бывшим» и нэпманам добавлялись «неофициальные» враги.

---

[1] *Орлов И.В.* Парадоксы российской ментальности: Массовое сознание эпохи НЭПа // Армагеддон. 1999. Кн. 1. С. 63–65.

[2] Один секретарь сельсовета (этнический немец) удивлялся: «Ни один немец не написал доноса, а русские постоянно жаловались на соседей, что те, мол, укрывают от продразверстки хлеб и крестят детей». См.: *Мюге С.Г.* Улыбка Фортуны (Автобиографические наброски). Jersey City, [Б. г.]. С. 9.

[3] За 1923–1935 гг. М.И. Калинин, человек, которому писали больше всего, получил около 1,5 млн писем (*Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 175). Сравнивая это количество с потоком писем в «Крестьянскую газету», можно предположить, что в это время все же преобладала склонность к «внутриобщинному», а не «третейскому» типу решения насущных проблем.

[4] Среди селькоров 62 % составляла молодежь до 24 лет, 34 % – отслужили в РККА, 18, 8 % составляли коммунисты, 31,4 % – комсомольцы. См.: *Кузнецов И.А.* Фонд писем «Крестьянской газеты»: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 78–79.

[5] См.: Неизвестная Россия. XX век. Т. 3. М., 1993. С. 200–201; Голос народа. С. 128, 135, 136, 151, 193, 202, 206, 208–209, 233–237, 245, 248.

[6] *Кудюкина М.* «Мужик вам наплюет на вашу политику...» Отношение крестьян к власти во второй половине 20-х годов // Россия XXI. 1997. № 3–4. С. 162; *Орлов И.Б.* «Сытый голодному не разумеет»: Проблема выживания в «письмах во власть» (1917–1927 годы) // Армагеддон. 1999. Кн. 4.

Стремительно рос бытовой антисемитизм с антисоветским оттенком, со временем он перерос антинэпмановский[1]. Впрочем, эта тенденция захватывала теперь и просвещенные слои общества. 10 августа 1928 г. Вернадский так фиксировал уличные наблюдения:

> Бросается в глаза и невольно раздражает всюду находящееся т о р ж е с т в у ю щ е е еврейство. ...Редко встречаются тонкие одухотворенные, благородные лица – преобладают уродливые, вырождающиеся или *terre-a-terre*[2].

Д.С. Пасманик приводил характерные анекдоты 1923 г.: «Если за столом сидят шесть комиссаров, что под столом? – Двенадцать колен Израиля». Современное положение России характеризовали так: «Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия Троцкого». Слово «трест» расшифровывали следующим образом: «Троцкий разрешил евреям свободную торговлю». Рассказывали, что, когда Каменев попросился с заседания Совнаркома в синагогу, чтобы совершить молитву об умершем отце (для этого требовалось присутствие не менее 10 евреев), Ленин остановил его: «Для чего уходить? Я выйду, и ты можешь совершить свою молитву здесь, на месте»[3].

В 1923–1925 гг. Есенин стал известен всем милиционерам тем, что «чуть ли не каждую ночь кричал на весь ресторан, а то и на всю Красную площадь: "Бей коммунистов – спасай Россию" – и прочее в том же духе». В конечном счете власти махнули рукой на его выходки[4]. Кстати, после его смерти находились студенты (некий Андрей Дорофеев), возмущавшиеся, почему не публикуют «марксистские стихи, посвященные Ленину – критика Есенина?»[5]

Спектр претензий к власти был велик. Наблюдалось даже недовольство «привилегиями» народов Средней Азии, которые не при-

---

[1] *Бейзер М.* Указ. соч. С. 105–106.

[2] Владимир Вернадский. Жизнеописание. С. 221.

[3] *Пасманик Д.С.* Чего мы добиваемся? // Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924. С. 209.

[4] *Иванов Г.* Петербургские зимы // Серебряный век: Мемуары. М., 1990. С. 283. С. Есенин имел обыкновение пьянствовать в ресторане так называемого «Дома Герцена» (Тверской бульвар, 25), где располагались редакции ряда журналов, вместе с «крестьянскими поэтами», собиравшимися там по вечерам (днем ресторан посещали Ю. Олеша, А. Толстой, В. Шкловский, Л. Леонов, П. Романов и др.). В конце 1924 – начале 1925 г. его редко видели трезвым, отмечали плохую координацию движений. Для него был характерен резкий перепад настроений: от скромности и сдержанности до злобы и ненависти – «почти ко всем людям и к самому себе» (*Сольский В.* Указ. соч. С. 25–26). 25 ноября 1925 г. Х.Г. Раковский обратился к Дзержинскому с просьбой «спасти» больного туберкулезом Есенина – тот «вследствие своего хулиганского характера и пьянства не поддается никакому врачебному воздействию». См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 624.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 181.

зывались на военную службу[1]. Раздражал и стиль жизни «вождей». Любопытно, что Калинин, вынужденный отвечать на один из таких упреков, навесил на автора одного из писем ярлык «явной контрреволюционности», а свою высокую зарплату объяснил тем, что он – «рабочая лошадь государства», да еще должен достойно представлять страну на международной арене[2]. Впрочем, пропагандистская фальшь нравилась далеко не всем. Некий И. Галдилин из Аткарска (Саратовская губ.) 28 ноября 1925 г. писал, что его, «как человека, давно отказавшегося от почитания икон и богов», волнует «линия, взятая нашими газетами и журналами в отношении прославления личности и действий тов. Калинина». Его портреты – «то в жилетке и красной рубашке, то в жилетке, но босиком, то в жилетке с косой в руках...» – раздражали. Он считал, что «пресса перегибает палку» – «Калинин из рабочих-крестьян, ему эта "толстовщина" ни к чему», добавляя, что «Ленин был страшным противником почитания в личности иконы»[3].

Некоторые исследователи констатируют, что культурная революция провалилась. Формально это так: не удалось добиться ни тотальной индокринации населения, ни поголовной грамотности. Есть, однако, совсем иное – качественное – измерение этого процесса: перемещение старых социальных противоречий в «замещающую» плоскость идеологической борьбы. Достаточно перечислить псевдонимы селькоров «Крестьянской газеты», чтобы почувствовать остроту конфликта. Большинство информаторов предпочитало псевдонимы типа «Зоркий», «Глаз», «Око», «Наблюдатель» (показательны осовремененные варианты того же ряда – «Телескоп», «Микроскоп»), встречались жалящие и колющие – «Оса», «Жало», «Заноза», «Шило», прокоммунистические, включая «Красный глаз», «Красный фонарь» и даже «Ленинский ноготь»[4]. Разумеется, не обходилось без селькоров-очковтирателей[5].

Менялось само информационное пространство – 1 апреля (случайное, но многозначительное совпадение) 1926 г. появилась «Крестьянская радиогазета», 15 мая – «Рабочая радиогазета». Впрочем, «Радиопионер» и «Радиооктябренок» появились на год рань-

---

[1] См.: *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* «Серп и молот на престоле»: революция, власть и воля в российском менталитете // Мнемозина. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1999. С. 128–129.

[2] *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Революция и социальная справедливость. С. 509.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 205. Сатирический журнал, прославляя его «лицо, всегда обращенное к деревне», вместе с тем поместил карикатуру на многочисленных художников, окруживших «Калиныча в отпуску», занятого на «обильной жатве». См.: Смехач. 1925. № 5. С. 2; 1926. № 33. С. 7.

[4] *Кузнецов И.А.* Указ. соч. С. 79–80.

[5] Красная деревня. 1927. № 19. 8 мая. С. 14.

ше[1]. Радиовещание совмещало два важных суггестивных компонента – магию голоса, исходящего как бы из иного – невидимого, а потому «сакрального» – измерения[2], и «доходчивость», характерную для слухов. В результате такой культурной атаки население, особенно молодежь, стало погружаться в атмосферу «виртуальной» гражданской войны.

Постреволюционное культуртрегерство имело и другой примечательный аспект. В результате войн и революций произошли важные половозрастные подвижки в массе населения. Крестьянка-одиночка, ведущая хозяйство без мужчин, теперь стала привычной фигурой для деревни. К 1929 г. до 3 млн крестьянских хозяйств (15%) все еще возглавлялись женщинами[3]. Ставшая объектом особого патронажа со стороны государства, женщина не могла не активизироваться на общественном поприще. В сводках Женотдела ЦК РКП(б) в 1922 г. стала появляться информация о том, что в некоторых селах женщины, создав свой совет, бюро или «тройку», в полном смысле захватывают власть[4]. Необычайно высокой оказалась активность женщин в организации кооперативов и коммун[5]. Западные левые с восторгом писали, что «наиболее революционным преобразованием нового общественного порядка является изменение положения русской женщины»[6]. Не следует, однако, думать, что женщины особенно падки на коммунистические посулы – в основе их активности часто лежал яростный протест против мужей-пьяниц[7]. К тому же обнаруживалось, что зачастую партийные и советские органы попросту игнорируют женотделы[8]. Женские эмоции власть старалась использовать в своих интересах. С 1922 г. стали издаваться специализиро-

---

[1] *Горяева Т.М.* Радио России: Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М., 2000. С. 62.

[2] Когда в 1928 г. пограничники установили радио в одном из азербайджанских сел, крестьяне смертельно перепугались, решив, что к ним обращаются потусторонние силы. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 402.

[3] Коммунистка. 1924. № 3. С. 93.

[4] *Ильина И.Н.* Общественные организации в политической системе СССР в 1920-е гг. // Власть и общество России. XX век. М.; Тамбов, 1999. С. 76.

[5] См.: *Ибрагимова Д.Х.* Нэп и перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. С. 53–58, 81–82.

[6] Цит. по: *Коэн А.Й.* Революция и эмансипация. Образы русской женщины в немецком общественном сознании // Германия и русская революция. С. 513.

[7] Так, внимание журналиста привлекла М.П. Орешенкова – член партии из бедняков, мать семерых детей, жена «пьяницы, скандалиста и лежебоки», пережившая в общей сложности 23 беременности (включая искусственно прерванные). Она увидела в коллективизации «спасение женщины». См.: *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 50–55.

[8] См.: РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 6. Л. 16–16 об.

ванные женские журналы, к концу 1920-х гг. их стало 18, общий тираж – более миллиона экземпляров[1]. В феврале 1924 г. Коллонтай призывала: «Рожайте, рожайте, товарищи женщины!»

Женщины в 1920-е гг. действительно много рожали. Действовал фактор демографической компенсации, обычный для послевоенного времени. И разумеется, рожали не на «пользу государству», как призывала Коллонтай, обещавшая, что оно непременно позаботится «о воспитании и образовании детей» вместо матерей[2].

В 1925 г. в прессе увеличилось количество публикаций о необходимости активного подключения к политике работниц и крестьянок. Поэт Н. Асеев в «Известиях» призвал:

Быт – Кащей,
С ним на борьбу
От пеленок и щей![3]

Это совпало с началом строительства сети «фабрик-кухонь». Призывы освободиться от «домашней эксплуатации» находили отклик. В результате инициированной сверху «инициативы снизу» сложилась сеть подвластных женотделов, просуществовавшая до 1929 г.[4] Результат оказался скромнее ожидаемого: в 1926 г. в партии женщин было лишь 11,9 %, в городских Советах – 18 %, в сельских – 10 %[5]. Но это можно считать серьезной для традиционалистской среды подвижкой.

Стандартная схема вовлечения крестьянок в общественную жизнь была такова: созывалась «беспартийная конференция» с непременными лозунгами «Да здравствует Всемирная революция!», «Ленина нет, но Ленин жив», «Да здравствует мировой Октябрь, раскрепостивший женщину!» и т. п., на них представители партии, комсомола, профсоюзов и даже пионерии выступали с докладами о международном и внутреннем положении, в которых говорилось об угнетении женщин и детей при царизме и в странах современного империализма, а далее выдвигались задачи организации женского и пионерского движения, охраны детства и материнства и борьбы с неграмотностью. Подобные конференции в отличие от сельских собраний, посвящен-

---

[1] *Меряшкина М.В.* Типология женской прессы 1920–1930-х гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. М., 2008. С. 152–153.

[2] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 610.

[3] *Карпова Г.Г., Ярская-Смирнова Е.Р.* Символический репертуар государственной политики: Международный женский день в российской прессе, 1920–2001 // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 490–491.

[4] Считалось, что к этому времени через делегатские собрания прошло около 2,5 млн трудениц. Коммунистка. 1928. № 10. С. 94.

[5] *Бакли М.* Политика большевиков и женотделы в 1920-х годах // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 369.

ных, как правило, всевозможным «перевыборам», имели определенный успех[1] – иные женщины даже прославляли «дорогого Ильича», избавившего их от «тяжелого гнета замужества»[2].

Разумеется, это вызывало всплески «мужского шовинизма» – «коммуна», «коммунизм», активизация женщин порождали представления о почти инфернальном характере происходящего. «При коммунизме нет жен, все общее, – рассуждали орловские крестьяне. – Если бы согнать баб в коммуну, то вот была бы чертовщина»[3].

В городе эмансипаторская деятельность давала характерные побочные результаты: снятие не только уголовной, но морально-нравственной ответственности с проституток, появление особого попечительства о падших женщинах[4], не говоря уже о распространении вульгарных форм феминизма среди «выдвиженок». Считалось, что теперь женщина должна жить не ради любви, семьи и материнства, а «великого революционного дела»[5]. Произошла ситуационная «феминизация» общества[6] – правда, за счет производственной «маскулинизации» прекрасного пола[7] – с некоторым смягчением практик власти-подчинения за счет усиления в них опекунских черт. Это ничуть не исключало ужесточения государственной репрессивности в будущем. Феминизация в условиях социальных стрессов ведет

---

[1] См.: Письма во власть, 1917–1927. С. 419–410.

[2] Голос народа. С. 156–157.

[3] Цит. по: *Гончарова И.В.* Указ. соч. С. 371.

[4] См.: *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 142–144, 146. Ранее считалось, что наиболее радикальным средством борьбы с проституцией является принудительный труд. Однако эксперимент по организации спецлагеря для проституток провалился (*Равич С.* Борьба с проституцией в Петрограде // Коммунистка. 1920. № 1–2. С. 21–22). Странноватый результат давали и попытки трудоустройства проституток: за таковых стали выдавать себя некоторые безработные женщины. См.: *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский. С. 122.

[5] *Ковнатор Р.* Новая женщина в революционной литературе // Коммунистка. 1920. № 5. С. 34.

[6] Поветрие феминизации затронуло даже мусульманскую среду. Съезд духовенства Карачаево-Черкесской Автономной области вменил «в обязанность каждого эфенди бороться против ложного взгляда, что якобы Коран не разрешает учение женщин». Цит. по: *Красовицкая Т.Ю.* «Они не поняли и не могли понять формулы диктатуры пролетариата». Документы российских архивов о национально-культурной политике на Северном Кавказе в 1920-е годы // Интернет-альманах «Россия. XX век» // www/ alexandryakovlev.org.

[7] Работницам рекомендовали освоить профессию слесаря, крестьянкам – трактористки (Работница. 1925. № 13. С. 15; Крестьянка. 1923. № 12. С. 23). В. Бровкин приводит такие «феминистские» частушки: «Тому задам мужчине взбучку, / кто мне вопьется губами в ручку. / С таким дубьем каши не сваришь, / кто не зовет жену товарищ»; «Мы поступаем во всем премудро: / губов не мажем, не сыплемся пудрой, / колец не носим и не сережек / и кирпичом не мажем рожи». См.: *Brovkin V.* Op. cit. P. 146.

к аккумуляции избыточной эмоциональности и даже истеричности. Не случайно в ходе коллективизации были отмечены массовые выступления женщин[1], а также случаи сопротивления со стороны жен рабочих закрытиям церквей[2].

Советские пропагандисты вообще широко использовали эмоции. Местные власти порой находили оригинальные приемы колхозной агитации. Аркадий Гайдар сочинил целую балладу о холмогорках (порода коров), опубликованную в газете «Правда Севера». Несчастные животные, якобы настрадавшиеся у кулака, взывали к чиновникам Наркомзема: «Довольно, о други, валять дурака! / Давайте скорей нам колхозы»[3]. Сомнительно, что крестьяне прислушались к мычанию «голодных и холодных» жертв кулацкой эксплуатации, но деревенская комсомолия, несомненно, вдохновлялась подобной агитацией.

Борьба с церковью, как часть задачи «воспитания нового человека», также была эмоционально перенасыщена. Со стороны власти действия против «церковников» выглядели теперь скорее жестами бессилия, нежели актами продуманной репрессивности – «научная» пропаганда обычно пасует перед привычной обрядностью. Известно, что даже в комнатах рабочих рядом с портретом Ленина обычно висела икона, а воскресное посещение церкви работницами было делом обычным[4]. Не удивительно, что в 1922 г. в Москве народ на улицах плакал, когда приговоренных священников увозили из зала суда[5]. Поскольку «военно-коммунистическая» попытка вскрыть «гнойник церковной жизни и классовых противоречий между церковью и пролетариатом»[6] не увенчалась успехом, большевики в период нэпа попытались внести раскол в РПЦ при помощи так называемых обновленцев, не без поддержки властей выступивших против ее руководства в мае 1922 г.[7] Борьба с церковью активизировалась после смерти патриарха Тихона. В 1925 г. был организован «Союз безбожников», возглавляемый Е. Ярославским и уже в следующем году на-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1345, 1398, 1410–1415.

[2] Там же. С. 1386.

[3] Цит. по: *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации и северного крестьянства на рубеже 1920-х – 1930-х годов // The Soviet and Post-Soviet Review. 2008. Vol. 35. No. 1. P. 83.

[4] *Кабо Е.О.* Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 181.

[5] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 221.

[6] *Каржанский Н.* Процесс смоленских церковников. 1–24 августа 1922 г. Смоленск, 2008. С. 11.

[7] В народе «обновленцы» назывались «это по-большевицки вера», а «обновленческая церковь» – «это заодно они с коммунистами». См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 215.

считывавший 87 тыс. членов. Издаваемый им журнал «Безбожник» (позднее «Воинствующий безбожник») сразу же взял кощунственный тон[1]. «Иисуса Христа изображают и виде негодяя и мошенника...»[2], – поражался М. Булгаков. Увы, это не было пределом идеологического хулиганства: «Крокодил» поместил рекламу «первой в СССР научно-художественной картины "Аборт"», на фоне которой пригорюнившаяся Богородица сетовала: «Зачем я раньше не знала!»[3] Со своей стороны, активизировались и обновленцы – чекисты сообщали, что представители «низшего молодого белого духовенства», выступив против церковных иерархов и «проводя нашу линию, разложение будут вносить в самую гущу верующих...»[4] Распри между обновленцами и «тихоновцами», в основе которых лежали не столько политические ориентации, сколько извечное стремление православных иерархов обрести внешнюю ограду в лице государства, вели к тому, что позиции веры в глазах молодого поколения слабели. К тому же «тихоновцы» оказались неуступчивыми[5], а обновленцы своим прислужничеством перед светской властью дискредитировали себя[6]. В сентябре 1923 г. из Гомеля сообщали, что обновленческий епископ Сергий теряет авторитет у верующих – с проповедью он так ни разу

---

[1] Примечательно, что «Безбожный крокодил» поместил на обложке изображение Ярославского в качестве «святого», от которого «небу жарко». См.: Безбожный крокодил. 1924. № 4. 24 февраля. С. 1.

[2] Михаил и Елена Булгаковы. С. 55.

[3] Крокодил. 1924. № 30. С. 1. Впрочем, на фоне некоторых частушек подобный юмор смотрится не столь шокирующе. Деревенские комсомольцы пели: «Никаких святых не стало, / Бог уехал в Петроград, / Богородица осталась / На молоденьких ребят» (Старый и новый быт. С. 49). В сатирическом журнале был опубликован рассказ о том, как «передовой» рабочий-атеист уговорил свою беременную «несознательную» жену прийти на спектакль в рабочий клуб, обманом завлек ее на сцену и усадил под надписью – «богородица», что, естественно, вызвало «атеистическое» веселье. См.: Бузотер. 1924. № 3. Декабрь. С. 11.

[4] *Рослоф Э.* Советское правительство и обновленческий раскол в Русской Православной церкви (1922–1923) // История России: Диалог российских и американских историков. С. 122. В 1929 г. большевистские лидеры констатировали, что православное духовенство расколото на тихоновцев, обновленцев, григорианцев, автокефалистов, иосифовцев, «враждующих между собой», причем считалось, что ни одно из этих течений не пользуется «непререкаемым авторитетом среди верующих». Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, церковь. С. 617.

[5] См.: *Luukanen A.* The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917–1929 // Studia Historica, 48. Suomen Historiallinen Seura. Helsinki, 1994.

[6] В марте 1923 г. губернский обновленческий съезд во Владимире первым делом направил приветствия губисполкому, затем заклеймил политику патриарха Тихона, а заодно и «все буржуазные правительства мира». См.: *Гоглов А., свящ.* Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М., 2008. С. 327.

не выступил[1]. В январе 1923 г. в Иваново-Вознесенке прихожане к обновленцам отнеслись «недоброжелательно»[2]. Из Курска писали, что «в селе Стрелецком Курского уезда население заставило местного священника отречься от обновленческой церкви и присоединиться к тихоновщине»[3]. И эта тенденция усиливалась[4]. Летом 1923 г. патриарх оказался на свободе. Смысл его последовавшего вслед за тем заявления комментировали ядовито. М. Булгаков писал:

> ...Советской власти он друг; белогвардейцев осуждает, но живую церковь также осуждает. Никаких реформ в церкви, за исключением новой орфографии и стиля.
>
> Невероятная склока теперь в Церкви. Живая церковь беснуется. Они хотели патриарха Тихона совершенно устранить, а теперь он выступает, служит etc.[5]

Однако потребность в привычной обрядности не снижалась, хотя в 1922 г. некоторые общины верующих легко соглашались на изъятие «лишних» культовых предметов[6]. В прессе тем временем звучали голоса о том, что кирпичи церковных зданий хорошо бы пустить «на городское благоустройство»[7], «безбожники» рекламировали «комсомольские свадьбы»[8], а обновленцы обвиняли патриарха Тихона в

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 92.

[2] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 573.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 88.

[4] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 47–48; Т. 3. Ч. 2. С. 513. Примечательно, что на Украине «живоцерковники» выступили под вывеской Всеукраинской православной автокефальной синодальной церкви (*Ігнатуша О.М.* До питання про становище православних конфесій на Півдні України в 20–30-х рр. XX ст. (соціально-політичний аспект) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. IX. Запоріжжя, 2000. С. 107–108). Со своей стороны обновленцы склонны были поддерживать «малые автокефалии в Белоруссии, на Украине, в Грузии». Цит. по: *Соловьев И., свящ.* Указ. соч. С. 20.

[5] Михаил и Елена Булгаковы. С. 26.

[6] ГА ВО. Ф. 889. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6. Такое поведение объясняется прагматичным отношением крестьян к ритуалам: в 1921–1922 гг. атеисты с удовольствием отмечали факты снятия «всех колоколов с церквей на закупку лошадей». См.: Безбожник. 1922. № 2. 31 декабря. С. 1.

[7] *Смагина О.К., Киприянова Н.В.* Разрушение церквей и храмов во Владимире // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. № 28(88). С. 59.

[8] Так описывался деревенский «свадебный поезд», пассажиры которого подъехали к дому жениха с пением «Интернационала», затем устроили «небольшой литературный вечер и концерт». Крестьяне якобы прельстились дешевизной мероприятия: «...Хорошо, весело и без расходов! А за что мы платим попу по два, по три пуда?» (Безбожник. 1923. № 8. 4 февраля. С. 5). Скорее всего, имела место показательная акция или «безбожники» сочинили очередную «агитку».

том, что он стал «причиной смерти многих архипастырей, пастырей и мирян» и у «его ног плещется море народных слез»[1]. Становились известны многочисленные акты публичного «расцерковления»[2]. Некоторым это давалось нелегко: один бывший дьякон с расстройства напился и «изгрыз журнал "Безбожник", попавшийся ему на глаза»[3]. Другие, напротив, каялись в «тяжелой ошибке своей жизни»[4]. Были и такие, которые запросто «рясы на галифе переменили»[5]. В 1925 г. сатирический журнал уверял, что «снятие сана приобрело массовый характер»[6]. К концу 1920-х гг. выросло количество раскольников[7], дети все чаще отрекались от родителей – «церковников»[8]. Некоторые священники пытались указать на «ошибку безбожия» Советской власти, выступая с экуменистских позиций. 11 августа 1926 г. священник Владимир Андреевич Юневич (с. Туран, Танну-Тувинская народная республика) писал Сталину:

> От имени верующего русского народа... прошу вас ознакомиться с переданными мною 6 августа члену Синода (обновленческого. – *В.Б.*) Александру Введенскому доклада огромного государственного значения под названием: «Открытое письмо священника к председателю ЦИК СССР гражд. Калинину и председателю русских безбожников Ем. Ярославскому (рукопись в 68 писчих листов). Настала пора осознать, что... эти люди делают антисоветскую, антигосударственную работу, ибо грубым печатным оскорблением религиозных чувств они культивируют ненависть к Советской власти... Я – пролетарского происхождения. Я – честный политический гражданин, лояльно относящийся к власти... Я выступаю от имени Верующего Русского Народа разных культов, основываясь не на юридическом праве, а на нравственном праве, на внутреннем призвании. Я бросил «Вызов безбожникам СССР»[9].

---

[1] Цит. по: *Соловьев И., свящ.* Обновленческое «Великое предсоборное совещание» 1924 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 30. Вып. 4. С. 15.

[2] *Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 128–129.

[3] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 66.

[4] *Москаленская Д.Н.* «...Отрекаюсь от всего старого»: Мотивы и возможности отстаивания священно- и церковнослужителями Западной Сибири своих гражданских прав (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Сибирь. Деревня. Город. С. 37.

[5] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 130. Описан дьякон, который восторгался С. Разиным: «Вот кто первый революционер был! Люблю его. Сила-то какая!» Он с удовольствием распевал и про Стеньку, и «Интернационал». См.: Обновленная деревня. С. 30–31.

[6] Смехач. 1925. № 1. С. 10.

[7] *Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 297.

[8] *Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 29.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 229.

Однако одновременно звучали такие «голоса беспартийной массы служащих и рабочих»:

> ...Большинству рабочих и крестьян Союза только религиозный дурман препятствует еще открыто вступить в коммунистическую партию...[1]

Антицерковной тенденцией оказались затронуты и сельские женщины. Гражданка Ю. Безлюднова, организатор коммуны «Красная звезда» (Ставропольская губ.) писала в «Крестьянку»:

> ...В день празднования Пасхи христовой женщины... порешили этот праздник больше не праздновать, не признавать никаких венцов во время выхода замуж и во время родов ребенка в церкви не крестить; ежели кто умрет, то хоронить также не с попом, а выступить с речью и... проводить с революционными песнями[2].

Трудно сказать, насколько распространены были подобные явления, но это было. Может показаться, что «бабы в красном» с полотен А. Архипова и Ф. Малявина пережили, словно не заметив, время войн и революций, превратившись, однако, в «коммунистических» баб.

Феномен перверсии веры был описан и официальной пропагандой: некоторые крестьянки уверовали в революцию «как в Бога», идентифицировав торжество большевизма с пришествием Царства Божьего на земле[3]. Под покровом подобных иллюзий происходило своего рода «переподчинение женщин непосредственно самому государству»[4]. Формировалась система, в которой на фоне демонстративного равенства полов осуществлялась скрытая дискриминация женщин[5]. Этому способствовала «маскулинизированная» культурная среда.

Параллельно происходила трансформация революционной ритуалистики: демонстрации все больше походили на крестные ходы, все большее распространение получали всевозможные «красные крестины»[6]. Случалась и публичная знаковая мешанина: один свя-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 128.

[2] Цит. по: *Ибрагимова Д.Х.* Указ. соч. С. 81–82.

[3] *Сталь Л.* Новые женщины // Коммунистка. 1920. № 6. С. 18–19.

[4] *Воронина О.А.* Феминизм и гендерное равенство. М., 2004. С. 240.

[5] *Айвазова С.Г.* Женское движение в России: традиция и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 127.

[6] *Глебкин В.В.* Указ. соч. С. 94–103; Голос народа. С. 170–172, 175. Известный журналист М. Кольцов в 1926 г. рассказал, как посетившие его крестьяне Вологодской губернии потребовали (по записке местного селькора) продать им «красные списки на безбожные требы». «Прогрессивные» деревенские жители хотели составить конкуренцию местному священнику – «первейшему спекулянту», заявлявшему, что без его крестин и отпеваний в деревне не обойтись. Крестьяне завидовали рабочим, которых провожали в последний путь «похоронным маршем». Чтобы исправить «несправедливость», Кольцов отвел их в писчебумажный магазин, где они накупили для ритуаль-

щенник провозгласил здравицу «шанхайскому пролетариату». В Витебске хоронили женщину, «убитую кем-то из ревности»; впереди процессии шествовали священники, за ними военный оркестр, исполнявший то «Вечную память», то «Интернационал». Злословили по поводу отсутствия салюта[1]. Между тем в «красных панихидах» героев Гражданской войны непременно присутствовал мотив отмщения[2]. В параметры традиционной культуры впитывалась новая лексика. Образ революции незаметно оформлялся в виде некоего природного цикла – и это вопреки попыткам придать ему «классово-обновляющее» содержание.

На бытовом уровне возникали драматичные коллизии. В захолустье Орловской губернии один молодой парень осенью «октябрил» своего ребенка, но крестьяне его так «загрызли», что весной он решил его перекрестить. Но не тут-то было: «поп отказывался и лишь перекрестил после того, как парень в ногах у попа повалялся»[3]. А в общем крестьяне подходили к этому вопросу прагматично, заявляя, что для новой религии нужды деньги на новые церкви, а потому лучше оставаться при старой вере[4].

Некоторые исследователи полагают, что революция в корне изменила темпоральные представления творческих людей, – время предстало как бы рукотворным[5]. Отсюда интерес к теории относительности А. Эйнштейна у известного физиолога А.К. Тимирязева, соответственно отметившегося в первом номере журнала «Под знаменем марксизма» (1922 г.). Возможно, это было симптомом важнейшего психоментального сдвига: подражательно-эпатажный «российский Модерн» закрепился в революционных формах, марк-

---

ных целей «портреты вождей, красные абажуры, ленты, лозунги, плакаты: "Соблюдай чистоту", "Кончил дело – уходи", "Все в Осоавиахим", – заведомо зная, что названные предметы послужат для устройства каких-то безбожных литургий, советских отпеваний и красных поминок» (*Кольцов М.* Указ. соч. С. 51–52). Стал известен случай, когда крестьянская чета из Тверской губернии попросила Калинина устроить им «красные крестины» (Крокодил. 1924. № 1. С. 1). Должно быть, предложение понравилось: первые в Кремле октябрины состоялись в марте 1924 г. в Свердловском зале Большого кремлевского дворца, приемным отцом стал сам «всероссийский староста». См.: *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 284.

[1] Безбожный крокодил. 1924. № 2. 10 февраля. С. 6.

[2] При освещении прессой похорон Г.И. Котовского, убитого при неизвестных обстоятельствах в 1925 г., помимо всего акцентировалось внимание на клятвенных обещаниях соратников исполнить его мечту об освобождении Бессарабии. См.: *Красильникова Е.И.* Указ. соч. С. 230–231.

[3] Цит. по: *Гончарова И.В.* Указ. соч. С. 370.

[4] *Яковлев Я.* Указ. соч. С. 89.

[5] См.: *Hanson S.T.* Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions. L., 1997.

систско-футуристические утопии вторглись не только в само понятие времени, но и географического пространства и социальной ткани[1]. Показательный пример – «Аэлита» А. Толстого, в которой подавленная чувственность героя инженера М.С. Лося трансформируется в желание сделать невозможное. Перед отлетом на Марс он признался, что его «гонит тревога, может быть, отчаяние». И это смутное чувство владело многими. Д. Бурлюк, вождь русского футуризма, «потрясал устаревшие вкусы и взгляды, ниспровергал старые кумиры, издевался над авторитетами», однако признавался, что не может предложить ничего принципиально нового[2]. Предвоенное гаерство футуристов исчезло, – теперь было не до шуток. С. Веселовский в 1922 г. рядом с отчаянными строками дневника записывал:

> Пока смерть, смерть и смерть, а обновление, возрождение, жизнь – все это в будущем, когда все негодное, злое и подлое умрет и даст дорогу жизни[3].

Когда парадоксы и коллизии исторического времени подавляют мечты о всеобщности прогресса, творческим людям приходится надеяться на чудеса эсхатологии. А. Белый пытался даже выявить своеобразную космоисторическую ритмику. В начале марта 1925 г. он уверял:

> ...В «СССР» правомерно навсегда рассыпалась историческая Россия, физическая и географическая: «СССР» – ширящаяся «эфирная» аура бывшей географической «физической» России... Итак: разрушим, онемеем, умрем, чтоб... воскреснуть[4].

Российский постреволюционный квазибалаганный ритуал и масштабность оголтелого экспериментаторства требовали своего рода вселенской санкции. Но если верно, что власть в России всегда стремилась сделать слишком изменчивые и непредсказуемые пространства территорий и людских душ управляемыми, то можно допустить, что к определенному моменту этого ощущалось очень многими.

Естественно, «попутчики» реагировали неоднозначно. С большевиками вольно или невольно сотрудничали не только деятели вроде Н.А. Бердяева (высланного из России, но в конечном счете «обольшевичившегося» за границей), но и графа В.П. Зубова, директора Петербургского института истории искусств, до отъезда из СССР считавшегося коммунистом[5]. Б. Пастернак в 1922 г. объявлял себя

---

[1] *Stites R.* Utopias of Time, Space, and Life in the Russian Revolution // Revue des etudes slaves. Paris, 1984. T. 56. no 1. P. 141–154.

[2] *Клюн И.В.* Указ. соч. С. 78.

[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 137.

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 317.

[5] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 150.

«коммунистом», поскольку таковыми, по его мнению, были «и Петр, и Пушкин»[1]. Вероятно, сказалось то, что по известной российской привычке Пастернак тянулся за «авторитетами» и «наставниками». В роли поводыря перед ним предстал М. Горький[2], медленно, но верно склонявшийся перед большевизмом.

Коммунистическим лидерам, несомненно, хотелось бы разглядеть в современной литературе нечто вроде своего эпохально героизированного *alter ego*. Увы, в глаза бросалось другое: либо перепуганные одиночки, либо массы, движимые неведомо чем. И дело было отнюдь не в слабости «пролетарской» литературы. По отношению к переживаемому времени художники слова были поражены крайней формой амбивалентности, а потому с трудом находили образы, помогающие разглядеть будущее.

Справедливости ради стоит отметить, не только настроения, созвучные антиутопии Е. Замятина «Мы», но и очерки Б. Пильняка, в которых новая Россия ассоциировалась с полетом аэроплана, в котором восторженные крестьяне увидели символ «братства рабочих всего мира, революции во всем мире, воли к культуре, к знаниям, к победам»[3]. Идея обуздания толпы, навязывания ей нужного вектора движения носилась в воздухе. Иные творческие люди настолько устали от хаоса, что готовы были искренне поддерживать иллюзии о направляемом государством движении «вперед». Тем не менее в 1929 г. в сатирической печати Замятина и Пильняка упрекали в потакании заграничным издателям[4], а в 1930 г. «бдительные» чекисты

---

[1] *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Письма. М., 1992. С. 126. Он по сути дела упредил интерес к личности Петра I со стороны Сталина, подогнав образ императора под интересы генсека.

[2] «...Не знаю, что бы для меня осталось от революции, где бы была ее правда, если бы в русской истории не было Вас, – признавался он Горькому в октябре 1927 г. См.: Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 416.

[3] *Пильняк Б.* Россия в полете. М.; Л., 1926. С. 23. О Пильняке язвительный К. Чуковский отзывался неблагожелательно: «...чувствует себя победителем жизни – умнейшим и пройдошливейшим человеком». В возглавляемом им издательстве «Круг», по его словам, «ходят без толку какие-то недурно одетые» литераторы – «люди трактирные» (*Чуковский К.* Дневник. С. 216, 238–239). А. Белый писал Иванову-Разумнику летом 1924 г., что Пильняк «очень глуп и совершенно без всяких "идей", задумал на основе издательства "Круг" организацию нового издательства, которое не было бы "хищническим" и "блюло интересы писателей"» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 298). Увы, в те времена в идеалистические начинания перестали верить даже такие наивные люди, как А. Белый. Некоторые относили Пильняка к важничающим «молодым генералам от литературы» (*Зайцев П.Н.* Указ. соч. С. 491). Возможно, нелюбовь к Пильняку была связана с подозрениями о его связях с ГПУ.

[4] Чудак. 1929. № 35. С. 15.

с именем Пильняка связывали «прямой переход... попутчиков в белоэмигрантские литературно-политические круги»[1].

Сама власть все еще не могла выработать принципов социокультурной идентификации. В августе 1925 г. К. Чуковский узнал, что его детские стихи «Крокодил» и «Муха Цокотуха» запрещены: цензоры усмотрели в его персонажах нечто вроде «классово-враждебных элементов» – «муха есть переодетая принцесса, а комар – переодетый принц!»[2] Но на этом наплыв пролетарского кафкианства не закончился. Критики инкриминировали Чуковскому проповедь «мещанства» и попытку противостоять коммунистическому воспитанию детей[3], а сами «вожди» вдохновляли своих чад его книжками.

На Чуковского ополчились не случайно. Его невинные «букашки» помогали выветриванию остатков революционного романтизма, и без того подорванного «мещанством». Не менее «реакционная» роль признавалась и за народными сказками: там можно было найти царя и царевича, Бога и черта[4]. К кому же с «коммунистической» литературой для детей дело обстояло плохо: она страдала «ненужной академичностью», отсутствовали книги для крестьянских детей, ощущалась «нехватка книг по интернациональному воспитанию»[5].

В начале осени 1926 г. Иванов-Разумник объяснял слабость режима тем, что в его основе осознанная псевдомарксистская ложь: «Большевики, победившие внешне и разложившиеся внутреннее, – какая издевательская усмешка истории!»[6] Но так думали далеко не все «попутчики». Б. Пастернак предавался самообольщению, следуя «закону»: «великое в своем *непосредственном проявлении* оборачивается собственной противоположностью»[7]. «Я понимаю свое ничтожество перед лицом ее [современности] реальных и бесспорных исторических основ», – писал он в мае 1927 г., замечая, что, в отличие от него, Асеев и Маяковский оказались «далеко не на высоте своего призванья»[8]. Увы, даже у людей независимого, казалось бы, таланта просыпался древний российский инстинкт «служилого» человека.

Пастернак полагал, что его долг – облагородить революционную цель, столь безнадежно скрытую тусклой повседневностью. Маяковский, в котором он усомнился, со своей стороны, заявлял, что его

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1139. Вероятно, подозрения вызвали контакты Б. Пильняка со «сменовеховцем» Н.В. Устряловым. См.: *Краус Т.* Указ. соч. С. 123.

[2] *Чуковский К.* Дневник. С. 344–345.

[3] См.: *Свердлова К.* О «чуковщине» // Красная печать. 1928. № 9–10. С. 92–93.

[4] История советской политической цензуры. С. 417–420, 461.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 30. Л. 170.

[6] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 265–266, 362, 365.

[7] Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 320.

[8] *Пастернак Б.* Письма к родителям и сестрам. М., 2004. С. 337.

поэзия «рассчитана главным образом на авангард, наиболее сознательную передовую часть массы»[1]. Иные коммунистические руководители впадали в настоящую истерию революционного бодрячества. Н.И. Бухарин в 1928 г. заявлял: «Мы создаем и создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как "собачий вальс" перед героическими симфониями Бетховена»[2]. Увы, Бухарин слишком самозабвенно играл свою роль. Перед набирающей силы государственностью стояли более прозаические задачи.

Инженер П.А. Пальчинский, в прошлом заместитель министра торговли и промышленности Временного правительства, был искренне нацелен на сотрудничество с новой властью, полагая, что в условиях социализма специалисты займут более достойные позиции в обществе. Он основал в Москве Клуб горных деятелей – добровольную организацию, призванную производить независимую экспертизу готовящихся проектов, что сразу же вызвало настороженность Дзержинского[3]. В декабре 1926 г. Пальчинский сочинил было письмо то ли Рыкову, то ли Сталину, где доказывал, что общество должно быть организовано в соответствии с новейшими научно-техническими, а не идеологическими представлениями, предлагая заменить Коминтерн на «Техинтерн». Друзья с трудом уговорили его не отправлять это послание. Но аполитичных технократов хватало и без него. Сходные идеи проводились журналом «Вестник инженеров», издаваемым И.А. Калинниковым, ректором Московского высшего технического училища. В 1927 г. он содействовал организации «Кружка по общим вопросам техники», его члены задумали разработать идеологию, «полностью соответствующую новой технической культуре». Другим центром технократического движения стала научно-техническая администрация при ВСНХ, представители которой заявляли, что «будущее принадлежит управляющим инженерам и инженерам-управляющим»[4].

Разумеется, подобные организации оказывались под подозрением. Зато к ученым «социалистической ориентации» власть относилась с пониманием.

Всякий революционер внутренне амбивалентен по отношению к науке. С одной стороны, идеология Просвещения подсказывала, что построить более совершенное общество можно только на основе знания. С другой стороны, ученые подозревались в сопричастности

---

[1] Цит. по: *Крусанов А.В.* Указ. соч. С. 11.

[2] *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1928. С. 390.

[3] *Грехэм Л.* Указ. соч. С. 55, 60–61; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 546.

[4] *Грэхэм Л.* Указ. соч. С. 74–76.

к «капиталистической эксплуатации». А.А. Богданов – несомненно, выдающийся ум своего времени – также настаивал на классовом содержании истины[1]. Еще в годы Первой русской революции анархист В.К. Махайский (А. Вольский) предупреждал об опасности со стороны «умственных рабочих» (интеллигентов), борющихся с капиталом в видах завладениями его прибылями (это напоминало известную позднее теорию «циркуляции элит» В. Парето). Вольский связывал торжество «пролетарского социализма» с борьбой против «господствующего образованного общества»[2]. Сходным образом анархистам-универсалистам сама наука казалась «врагом народа» в силу своего «буржуазно-угнетательского» происхождения. Более того, следовало отказаться от рационалистического сознания, но при этом «преодолеть» науку с помощью техники, которую продуцируют изобретатели (а не ученые), а используют сами рабочие[3]. В 1920 г. дал о себе знать доморощенный марксист Эммануил Енчмен, указавший на неизбежность «окончательного истребления, полного уничтожения буржуа, буржуазного "интеллигента"»[4]. Его теория «новой биологии» предполагала отказ от «чистого» знания в пользу прикладного. Это мотивировалось тем, что в эпоху диктатуры пролетариата необходимость в мировоззрении отпадет[5].

С другой стороны, и былая ненависть масс к интеллигентной «контре» реанимировалась в виде подозрительного отношения к спецам. В переломные эпохи грань между ученым-естествоиспытателем и магом-чародеем в представлении людей как-то стирается. Люди периодически устают от груза «бесполезной» фундаментальной науки, «узурпированной» кастой ученых. От последних ждут либо чуда, либо «порчи».

Одна и та же психоментальная эпидемия – характерный знак переломной исторической эпохи – легко пересекает границы, приобретая множество конкретных воплощений. Характерна растущая воинственность так называемой биомарксистской школы «коллективной рефлексологии» во главе с В.М. Бехтеревым, сводящей всю человеческую активность к простой совокупности рефлексов[6]. (В сущности,

---

[1] *Богданов А.А.* Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. М., 1920. С. 66.

[2] *Вольский А.* Умственный рабочий. СПб., 1906. Ч. 2. С. 110.

[3] См.: *Бр. Гордины.* Беседы с анархистом-философом. Пг., 1918.

[4] *Енчмен Э.* Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (проект организации Революционно-Научного Совета Республики). Пятигорск, 1920. С. 43.

[5] *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм. Пг., 1923. С. 82.

[6] В.М. Бехтерев даже полагал, что вся социология должна опираться на биологию и разрабатываемую им рефлексологию. См.: *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921. С. 26.

именно из такой установки исходил булгаковский профессор с неслучайной фамилией Преображенский в «Собачьем сердце».) Характерно, что вдали от СССР, на противоположной части земного шара, произошло становление бихевиористской школы в социологии, активно апеллирующей к трудам Бехтерева и Павлова. Бихевиоризм в оценке поведения человека основную роль отводил его реакциям на те или иные подвижки во внешней среде – это означало перечеркивание творчески-антропоморфных взглядов на прогресс. По обе стороны от Западной Европы стали распространяться представления о «социальном животном», управляемом либо давлением общественности, сдерживающим его запросы, либо авторитарной властью, признающей его полезность в той мере, в какой оно «сознательно» работает на нее. Пресловутая собачка И.П. Павлова может считаться идеалом болезненно формировавшегося *homo soveticus*'а.

За всем этим таилось желание избавиться от воспоминаний о былом хаосе. «Красные студенты» мечтали о «психотехническом» отборе рабфаковцев[1]. Н.И. Бухарин заявлял, что человеческая личность – это «шкура для колбасы, набитая влиянием среды»[2]. В 1928 г. по инициативе виднейших ученых А.Н. Баха, А.И. Абрикосова, И.Г. Александрова, Н.Ф. Гамалея, Н.С. Курнакова, А.И. Опарина и других была создана Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО). Большевистскую нацеленность на прикладные работы ученые пытались использовать в своих исследовательских интересах.

Конечно, фундаментальные исследования развивались согласно собственной логике, однако некоторые «совпадения» революционных утопий и научных прозрений выглядят впечатляюще. В это время Д.В. Скобелицын разработал метод обнаружения космических лучей, Д.Д. Иваненко выдвинул теорию строения атомного ядра, Н.Н. Семенов успешно работал над теорией цепных реакций. Феномен Циолковского – в прошлом безвестного учителя математики из захолустной Калуги, мечтающего о «ракетных поездах», – оказался изоморфен разливу прогрессистски-технологических утопий. Если для самого Циолковского космос был «божественным» пространством, населенным ангелами, то его идеи воспринимались в духе «Аэлиты».

Литераторы того времени описывали города будущего, управляемые чем-то вроде мегакомпьютера («Грядущий мир» И. Окунева, 1923 г.), фантазировали о синтетической пище («Через тысячу лет» И. Жукова, 1925 г.). Масштабность и агрессивность как литературного, как и социального экспериментаторства, была изоморфна «духу»

---

[1] Красный студент. 1924. № 8–9 (20–21). С. 25.

[2] *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма. М.; Пг., 1923. С. 90.

науки, не говоря уже о «духе» времени. Наука по-своему эгоцентрична: трудно усомниться, что в тогдашней обстановке не могли не разглядеть свой «шанс» дерзкие ученые. В сущности, пробуждение тяги к «порядку» вполне отвечало их устремлениям к созданию научно-упорядоченной картины мироздания.

Научному «счастью» к тому же помогали политические «несчастья» большевиков. Так, тяжелое положение в аграрном секторе экономики заставило власть обратить внимание на сельскохозяйственную науку – от нее ждали «чуда». В 1929 г. была основана Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ), которую возглавил Н.И. Вавилов. Но ее влияние на реальную экономику деревни оказалось ничтожным – государство предпочло иные «рецепты» решения аграрной проблемы.

Политическая конъюнктура по-своему «помогала» гуманитариям. В 1929 г. большевистское руководство согласилось (с подачи В. Вернадского) с предложением бывшего духовного отца «буржуазной» Центральной рады М. Грушевского об учреждении особого Института украинской истории[1].

По-своему пытались использовать власть для реализации своих идей – часто фантастичных – некоторые лингвисты. Известный тюрколог Е.Д. Поливанов в 1924 г. утверждал, что «революция политическая и определенный вид графической реформы связываются между собой органически общностью». В повороте к латинизации он видел «крупный идеологический поворот», рассчитывая, «во-первых, на взаимное сближение национальных культур внутри Союза и, во-вторых, на сближение приемов графического общения в международном масштабе». Его предложения соответствовали показному «интернационалистскому» прожектерству большевиков. В 1924 г. Поливанов утверждал, что «на все реформы письменностей у народов СССР... следует смотреть как на процессы революционного происхождения и характера». В 1926 г. академик Н.Я. Марр приступил к разработке основ «будущего общечеловеческого языка». Взбаламученное социальное пространство нуждалось в семантическом закреплении революционных достижений. Разработка проблемы латинизации русского языка, инициированная самой властью[2], нача-

---

[1] В начале 1930-х гг. эта организация именовалась Комиссией по изучению украинской истории. См.: Календарь-справочник АН СССР. Л., 1931. С. 49.

[2] *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (Конец XIX – 1920-е годы). М., 2011. С. 492–493. Целый ряд авторов по уже сложившейся традиции приписывал идею латинизации В.И. Ленину. На деле латинизация, скорее всего, была инспирирована позднее и призвана была сыграть роль *«интернационалистского» противовеса пожеланиям «националов»* о переходе на арабскую и ивритскую графику.

ла сворачиваться в январе 1930 г. Большевики были заинтересованы лишь в латинизации языков мусульманских этносов, дабы противостоять воображаемым панисламизму и пантюркизму[1], не вызывая при этом упреков в русификации. Вряд ли власти отважились бы на культурно-революционное насилие над «державным» народом.

Характерно, что латинизация осуществлялась при активной поддержке мусульманских прогрессистов[2]. В результате межэтническая ситуация в Средней Азии усугубилась: одни представители местных элит увидели в ней новую форму русификации, другие, напротив, не хотели сближения с азербайджанцами и Турцией, третьи опасались «разрушения тюркского единства» и «потери связи с мусульманским миром». Говорили даже, что латинизация – это конец ислама[3]. Все это играло на руку имперско-коммунистическому централизму.

Различные слои общества нуждались в собственных ритуалах и иерархиях, порядке и вере. В феврале 1927 г. А. Белый сообщал Иванову-Разумнику:

> Недавно... некий инженер развивал теорию 11-летней периодичности в жизни солнца... Раз в 11 лет развиваются условия, в которых разводятся бактерии; в этот период в разных странах земли... происходит разнос болезней; например: негр центральной Африки съедает больше себе подобных, а Форд выпускает больше автомобилей; отсюда связь солнечной деятельности с «войнами» и т. д. Все эти проблемы обсуждались подробно в... формирующемся под покровительством «Главнауки» московском «Обществе психических исследователей»...

А. Белого происходящее вроде бы возмущало – особенно «призыв к войне, объявляемой Солнцу: мы де должны поработить Солнце»[4]. С другой стороны, будучи последователем Рудольфа Штейнера, он полагал, что 14-годовая цикличность имеет иную психокосмическую природу[5] (ранее В. Хлебников также установил цикличность в 14 лет). Следуя Штейнеру, Белый составлял особые таблицы, в которых, ничтоже сумняшеся, связывал кризисы личной жизни с ката-

---

[1] В 1926 г. в Баку был создан центр по разработке нового тюркского алфавита.

[2] Туркофильские (преимущественно азербайджанские) элиты видели в латинизации, с одной стороны, возможность приобщения к европейскому прогрессу, с другой – путь к реализации пантюркистских идей. См.: *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca and London, 2001. P. 189.

[3] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 589–592.

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 458.

[5] *Майдель Р. фон.* О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник. Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 917. Тарту, 1990. С. 73.

строфами планетарного масштаба. Если верить Н. Берберовой, этому занятию предавался не он один.

Бывают времена, когда люди, отчаявшись найти точки опоры в мире внешнем, пытаются отыскать их внутри себя. Со стороны это смотрится сомнительно. А. Белый «нестерпимо ломается и паясничает»[1], – заметил как-то М. Булгаков. В 1920-е гг. всякий образованный человек вольно или невольно играл какую-то навязанную ему роль. Белый притворялся, что со временем намерен «снять с себя культуру, уйти из культуры с легкой котомкой в Русь...»[2]

Жизнь заставляла людей «бежать от себя» – таких, какими их сформировала культура прошлого. Этому соответствовал язык – именуемый то «лицемерным», то «канцелярским», так или иначе призванный скрыть истинное положение вещей[3]. Позднее своеобразный итог эскапистских метаний 1920-х гг. подвел М. Мамардашвили: советское «общество оперировало языком, который не был адекватен реальности, более того – в действительности происходило нечто совсем инородное этому языку»[4]. А пока элиты пребывали в психозах индентификации.

Как бы то ни было, даже к 10-летию Октябрьской революции большевики мало что смогли противопоставить «старой» литературе[5]. Даже деятельность Истпарта не носила целенаправленного характера[6]. Организованная Совнаркомом художественная выставка обернулась конфузом: на ней оказалось слишком много портретов нынешних оппозиционеров[7]. Легко сформулировать задачу, но найти к ней кратчайшую дорогу в хаосе людских страстей неизмеримо сложнее.

---

[1] Михаил и Елена Булгаковы. С. 56. После смерти А. Белого Булгаков выразился еще жестче: «Всю жизнь писал... дикую ломаную чепуху... В последнее время решил повернуться лицом к коммунизму, но повернулся крайне неудачно...» См.: там же. С. 150.

[2] Цит. по: *Зайцев П.Н.* Указ. соч. С. 490.

[3] *Ларсонс М.Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930. С. 234–236.

[4] *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1990. С. 136.

[5] Это видно из справки «о состоянии выпуска юбилейной литературы в ГИЗе», представленной в сентябре 1927 г. Сталину. В ней сообщалось, что «из 50 запланированных изданий вышло только 2 книги». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 30. Л. 206.

[6] В частности, получалось, что революция была связана главным образом с солдатами (эта тема со временем стала почти запретной для историков-марксистов), «пролетарский авангард» оказывался незаметен. Зато предлагались пособия по устройству демонстраций и прочего «массового действа». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 30. Л. 207–208.

[7] Кроме того, вызвала неприятие аллегорическая скульптура С. Меркулова «Похороны вождя» (ныне представленная в Горках) – Ленин показался совершенно непохожим, а 10 «символических» фигур, несущих его тело, шокировали своей обнаженностью. См.: И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы:

Поэму В. Маяковского «Хорошо», написанную к 10-летию, принимали неоднозначно[1]. Впрочем, к тому времени уже сформировалась генерация «поэтов», четко реагирующих на всякий «юбилей»[2].

Официальная пропаганда давала странные результаты. В 1930 г. рабочие отказывались праздновать 1 Мая, требуя возврата Пасхи. Среди листовок в Сибири обнаруживались и такие: «Долой 1 Мая, долой советскую власть – конину, давай царя – свинину!» Цитировали чекисты и листовку, провозглашавшую: «Да здравствует Временное правительство!»[3] Иной раз в правительство предлагали выбрать «Гучкова и Милюкова»[4]. Такое можно было сочинить скорее от зудящего раздражения, нежели в порядке осознанного протеста.

Утопии оживают в среде отчаявшихся. На протяжении 1920-х гг. творческий авангард стал смыкаться с «авангардом» политическим. А.В. Крусанов приводит любопытную иллюстрацию на сей счет. В 1919 г. Д. Штеренберг в воззвании к художникам мира от имени «русских художников в лице организованного своего авангарда» призвал «соединиться с нами и с авангардом рабочих масс». В 1923 г. ЛЕФ заявлял о стремлении стать «авангардом искусства российского и мирового». В 1919 г. Троцкий называл «авангардом авангарда» пролетарскую молодежь. Позднее авангардом пытались именовать участников большевистских съездов. Очень многие готовы были побежать «впереди революции». Боевым авангардом мировой революции называли Красную армию, которой полагался свой собственный «авангард» в лице частей особого назначения (ЧОН). Впрочем, иерархии «авангардов» не складывалось: Всевобуч представлялся авангардом Октябрьской революции, красное студенчество – авангардом рабочего класса на культурном фронте, рабфак – авангардом на фронте завоевания науки пролетариатом, врачи – авангардом борцов за культурную революцию, комсомол – авангардом безбожья, госпромышленность – авангардом народного хозяйства, а шанхайские рабочие – авангардом китайской революции. Существовали авангард Осоавиахима, авангард городского женактива, авангард избирателей и т. п. Публиковались десятки газет с соответствующими названия-

---

Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Ч. 1. 1920–1930-е годы / сост. М.В. Зеленов. СПб., 2006. С. 44–45.

[1] В Ростове-на-Дону поэму называли «картонным» юбилейным произведением. В Баку Маяковскому был задан вопрос: «Когда у человека на душе пустота, то для него есть два пути: или молчать, или кричать. Почему вы выбрали второй путь?» Маяковский отшутился: «...Есть еще третий путь: это писать вот такие бездарные записки». См.: *Катанян В.А.* Указ. соч. С. 413, 415.

[2] В сатирической печати соответствующий типаж именовали Евсеем Халтуряниным. См.: Чудак. 1929. № 3. С. 9.

[3] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 253–254.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1393–1392.

ми[1]. «Авангарды» и «авангардисты» плодились беспорядочно; возникла своеобразная мода – эрзац подлинной страсти. Магия слов заслоняла ценности, смыслы, реальность.

Порой «авангардистские» мероприятия выглядели нелепо и даже абсурдно. Так, «Правда» в день праздновании дня «Авиахима», поместила фотографию А.И. Рыкова... в противогазе в окружении рабочих. Физиономии последних на фоне резинового рыла большевистского «вождя» выглядели недоуменно[2]. Герой одного литературного произведения, краснофлотец, рассказывал, как «...у нас хоронили нашего всего мира авангарда тов. Ленина»[3].

Авангард – этот, по выражению А. Крусанова, миф предреволюционной эпохи – стал по-своему материализоваться. Ему соответствовала знаковая дихотомия «активный–пассивный». На таком фоне люди боялись «не отстать». И потому не удивительно, что к коммунизму стали поворачиваться те, кому, казалось, на роду написано совсем другое. Одна 30-летняя школьная учительница, которая в 1917 г. записывала в своем дневнике, что у большевиков нет ни чести, ни совести, через 12 лет признавалась, что в течение последнего года поверила в коммунизм[4]. Как известно, подобной «перековке» был посвящен роман В.В. Вересаева «Сестры», написанный на исходе нэпа. Конечно, далеко не все новообращенцы (особенно из представителей старых сословий) становились фанатиками «строительства социализма» – порой их поражала саморазрушительная амбивалентность по отношению к власти[5]. Искренность веры всегда уязвима, а между тем революционная власть не терпит сомнений – ни в себе, ни в идущих за ней.

Люди страшатся одиночества мысли – особенно неприкаянные гении и нераскаявшиеся убийцы. Именно потому во времена общественных нестроений они сбиваются в агрессивные сообщества. Но что случится, если они объединятся единым нетерпением?

---

[1] *Крусанов А.В.* Указ. соч. С. 10–11, 8.

[2] Правда. 1926. 13 июля.

[3] *Колосов М.* Указ. соч. С. 27.

[4] См.: *Hellbeck J.* Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA), London, 2006. P. 115.

[5] См.: *Катерли Н.* Сквозь сумрак бытия // *Миклашевская Л., Катерли Н.* Чему свидетели мы были. СПб., 2007. С. 430–432.

II. У РАЗБИТОГО КОРЫТА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Подмечено, что в литературе первой половины 1920-х гг. тема «смерти-возрождения» стала ведущей[1]. В иные времена феномен природной цикличности вырастает в смущенных людских умах до эсхатологических ожиданий. Соответственно этому начинают структурироваться социальные иллюзии[2]. Учитывая, что «красная смута» сопровождалась аффектизацией традиционных социумов, теперь впору было ожидать возвращения к привычной «норме», хотя бы окрашенной злым недоумением.

В революцию каждый вкладывал свой собственный смысл, лишь поверхностно прикрытый оболочкой всеобщей «правды». Постреволюционная борьба «смыслов» становилась неизбежной на всех уровнях. Их «примирение» могло случиться лишь в рамках обновленной веры или, хотя бы, ритуала поклонения. Этому предшествовала неизбежная ротация культов и идолов.

Миф о «гегемоне революции» в контексте «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» претерпел серьезное испытание; соответственно фрустрационные процессы наиболее отчетливо проявили себя в толще рабочих масс. Уловить степень разочарованности сельских жителей сложнее – крестьянин издавна был приучен придуриваться перед барином и/или перед властью. Что касается интеллигенции, то она всегда пребывала в круговороте мифов о власти и себе самой. Молодые выходцы из самых различных слоев так или иначе задавали новые агрессивные импульсы «остывающему» социальному пространству.

«Злой» художник Б. Григорьев писал, что во время революции люди «перестают наблюдать за собою», – происходит тотальная утрата социального контроля. Как результат, они «начинают раскрываться на все сто сотых, бесстыдно обнажая все человеческое вплоть до звериного»[3]. Постреволюционное время усложняет картину. Жестокость «зверя» сменяет столь же необходимая для выживания «животная» трусость.

---

[1] См.: *Freeborn R.* The Russian Revolutionary Novel. Cambridge, 1982.

[2] Не случайно коммунистических критиков раздражало обилие религиозных метафор и символов в творчестве «пролетарских» поэтов. См.: *Steinberg M.D.* Op. cit. P. 281.

[3] *Григорьев Б.* Указ. соч. С. 106.

1. Рабочие и «пролетарская» власть

Некогда большевики считали питерский пролетариат оплотом революции, балтийских матросов – ее «красой и гордостью». В одной из своих юношеских статей («Воспитание коммунистов») 21-летний Андрей Платонов писал: «Пролетарии вошли в жизнь со всем тяжелым грузом горя и надежд прошлых веков. Это горе они должны сбросить, эти надежды осуществить»[1]. Один из его героев, инженер Вогулов (1922 г.), рассчитывал сделать это с помощью «микроба энергии», который привнесут в мир просвещенные гении. К 1920–1921 гг. относится загадочное полотно П. Филонова «Формула петроградского пролетариата». «Я художник мирового расцвета – следовательно, пролетарий», – заявлял Филонов[2]. От невольного «мессии» все чего-то ждали. Однако революционный идеализм все более расходился с реалиями, а к концу Гражданской войны «революционный авангард», казалось, ни на что не был способен.

Рабочих в бывшей столице осталось всего около 90 тыс. Кронштадтцы-«клешники» со своей стороны вроде бы могли довольствоваться повышенными пайками. Однако взбунтовались и те и другие, причем независимо от эсеров и тем более иностранных разведок[3]. «Большевики уже не владеют массами безраздельно, как раньше», – писал интеллигентный автор, сравнивая коммунистов с опричниками[4]. Ярость обманутых может стать слепой и безрассудной.

К этому времени Н.И. Бухариным уже была произнесена фраза о «принудительной ускоренной самоорганизации» пролетариата[5], а председатель ВЦСПС М.П. Томский, в прошлом питерский рабочий, выразился еще более откровенно:

> Так как мы гениально грабили всю Россию для Красной армии, приступим к такому же широкому грабежу всей России во имя улучшения интересов рабочего класса как базы развития и улучшения производительной силы[6].

---

[1] Цит. по: *Акимов В.* «Рабочий класс – это моя родина...» // *Платонов А.П.* Повести и рассказы / сост., послесл. В.М. Акимова. М., 1983. С. 433.

[2] Цит. по: ЛЕФ. 1923. № 3. С. 183.

[3] Исследователи отмечают, что все старания ВЧК обнаружить организационные связи повстанцев с российскими и заграничными антисоветскими организациями не увенчались успехом. См.: *Новиков А.П.* Эсеровские лидеры и Кронштадтский мятеж 1921 года // Отечественная история. 2007. № 4. С. 57.

[4] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 190.

[5] *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

[6] Цит. по: *Борисова Л.В.* «Принудительная ускоренная самоорганизация рабочего класса»: дискуссия о принципах организации труда в Советской России в 1920 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2010. № 3. С. 46.

Но грабеж «во имя идеи» не мог продолжаться бесконечно. В январе 1921 г. последовало уменьшение хлебных норм, возникли трудности с отовариванием пайка. Людей раздражали «классовые» категории распределения. Рабочие требовали отмены заградотрядов, трудармейцы – возвращения в родные места. Общими стали требования свободы слова, печати, собраний, освобождения арестованных, а также желание «выбросить коммунистов-шкурников из партии»[1]. Рабочие «Нобеля» и «Арсенала» добивались «отмены всяких ответственных, академических, смольнинских, кремлевских, совнаркомовских и прочих привилегированных пайков и равномерного распределения продуктов»[2]. 24 февраля демонстрантов разогнали с помощью курсантов военных училищ (новых юнкеров), затем было объявлено военное положение, организован Комитет обороны Петрограда, с перепугу провозгласивший «Смерть шпионам!» Власти всерьез опасались, что рабочих «возглавит» Антанта. Большевики прибегли к «царским» мерам: зачинщиков арестовывали, предприятия закрывали. Последовали и новшества: «несознательных» начали перетасовывать по предприятиям или распускать по домам. Пришлось пообещать выплатить задолженности и снять заградотряды. К началу марта напряжение в городе спало[3]. Так было не только в Петрограде: в первой половине 1921 г. в Воронеже проштрафившихся пролетариев отправляли работать санитарами в холерные бараки[4].

За годы Гражданской войны рабочие оказались на грани вымирания. «Огосударствлявшиеся» профсоюзы были бессильны помочь негодующим рабочим. В верхах ситуация получала «классово-идеологическое» истолкование. От «мелкобуржуазной волны», якобы захлестнувшей пролетариат, следовало избавиться любой ценой.

Весной 1921 г. на Анджеро-Судженских копях, издавна слывших «бунтарским» местом, была раскрыта организация старых коммунистов и бывших партизан, намеревавшихся отметить 1 Мая поголовным уничтожением бюрократов и контрреволюционеров-спецов[5]. В марте 1921 г. взбунтовалось население Саратова. Вину свалили на меньшевиков и эсеров, хотя среди руководителей восстания были

---

[1] См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. СПб., 2000. С. 246, 250, 264–265, 276, 278.

[2] *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 121.

[3] *Яров С.В.* Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих (По неопубликованным документам) // Звенья. Вып. 2. С. 540.

[4] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925. М., 2010. С. 393–396.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 17.

и «бывшие члены РКП (б)». Председатель Верховного трибунала Н.В. Крыленко недоумевал: «Поскольку по делу привлечены исключительно рабочие, возникает вопрос: какую кару применить – суровую или, напротив, легкую?»[1] Состояние замешательства понятно: всеобщий рабочий протест означал смерть – по меньшей мере моральную – «пролетарской» власти.

В мае 1921 г. давний оппонент Ленина П.Б. Струве писал, что хозяйство Советской России влачит «призрачное существование», а единственной подлинной реалией является «скованная железной дисциплиной партия». Если отбросить обычные страхи перед большевистским «монолитом», то нельзя не признать, что экономика действительно представляла собой нечто иллюзорное. Дальше так продолжаться не могло. Однако возвращение к хозяйственным реалиям таило в себе угрозу власти, державшейся на «удушении городского населения»[2].

Современники отмечали (конец 1921 г.), что с окончанием Гражданской войны начался раскол и в среде пролетариата: «Главная масса рабочих... истомлена лишениями, истощена кровопусканиями и совершенно утратила веру в быстрое пришествие царствия небесного на земле»[3]. В 1922 г. рабочие относительно спокойно восприняли кампанию по изъятию церковных ценностей[4]. Большинство московских пролетариев, по информации ОГПУ, положительно отнеслись к процессу над правыми эсерами[5]. Недовольство, как правило, оказывалось связано с «незаконными» увольнениями, несвоевременной выплатой денег, а также на «почве бюрократического дергания рабочих в вопросах о расценках»[6]. В 1923 г. московские текстильщики, адресуясь «любящему трудящую массу» Калинину, сообщали, что «...при всем желании послужить Советской власти...» они не могут выполнить свой долг, будучи «измучены тяжелой работой»[7]. В 1924 г. «подавленное настроение» рабочих связывали с «сокращениями и неопределенностью штатов, уплотнением рабочего времени, пересмотром

---

[1] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 107.

[2] *Струве П.Б.* Итоги и существо коммунистического хозяйства. Париж, 1921. С. 28–29.

[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 116.

[4] В Москве крупных эксцессов не было, однако в Дорогомилово у одной из церквей собралась толпа в 5 тыс. человек, был избит коммунист и несколько красноармейцев, убит курсант. См.: *Борисова Л.В.* «Мандат от имени рабочих...» Механизм формирования общественного мнения и процесс правых эсеров (1922 г.) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2006. Vol. 33. No. 3–4. P. 153.

[5] Ibid. P. 154, 163.

[6] *Борисова Л.В.* Профсоюзы и власть в России. С. 219.

[7] «Мы бросили работу, Придите к нам на помощь...» С. 20.

норм выработки»[1]. Кое-где, как во времена «военного коммунизма», зарплату текстильщикам на 60–70 % выдавали сукном[2]. Возникали и характерные уголовно-бытовые коллизии. Рабочий Смирнов из Владимира жаловался: «Остался без работы, начал продавать самогон, получил 1,5 года»[3]. И таких пролетариев было немало. Но теперь рабочие оставались пассивными, что можно объяснить весьма основательными – сравнительно со средней зарплатой – выплатами и льготами безработным[4]. Скоро «классовое» опекунство обернулось тем, что пролетариям подчас не имело смысла искать работу. В середине 1924 г. в стране насчитывалось 1,3 млн безработных[5].

Тем временем сочинялись театральные инсценировки, самодеятельные артисты твердили, что «мы – пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться иначе, не взорвав... всю надстройку слоев, образующих наше официальное общество»[6]. Публицисты вроде Ю. Ларина возмущались, что на постах судей оказываются не пролетарии, а «нейтральная слякоть»[7], а пропагандисты продолжали воспевать «пролетарскую стойкость». В сентябре 1924 г. в связи с наводнением «Ленинградская правда» не преминула заметить, что это испытание пролетариат вынес с честью, продемонстрировав «стальную организованную спайку и выдержку»[8]. В 1926 г. Д. Бедный подобострастно уверял Сталина, что, познакомившись с одним «подлинным дневником подлинного рабочего», уверился, что «дух жив»[9]. Вряд ли тогдашние пролетарии верили в подобную риторику: в 1927 г. в Нижегородской губернии 54 % привлеченных к ответственности партийцев происходили из рабочих, причем около 80 % из них были безоговорочно исключены из рядов своего «авангарда»[10].

Жизненные трудности наложили свой отпечаток даже на внешний облик рабочих. «Это люди, одетые на особый лад (пролетарский гардероб в России сложился к 1890-е гг. – *В.Б.*)... большей частью тощие, со слабо развитой грудью, с бескровным цветом лица, с нервно

---

[1] *Резник А.* Указ. соч. С. 82.

[2] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 66.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 10.

[4] *Черных А.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 223.

[5] *Рогачевская Л.С.* Ликвидация безработицы в СССР. 1917–1930 гг. М., 1973. С. 76.

[6] Цит. по: *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 333.

[7] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 132.

[8] Цит. по: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 204–205.

[9] Большая цензура. С. 113–114.

[10] *Абракова Т.А.* Советское общество 20–30-х годов XX века: опыт политического контроля (На материалах партийной Контрольной Комиссии). Нижний Новгород, 2005. С. 49.

бегающими глазами, с беспечно ироническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй», – такие характеристики провинциальным «гегемонам» давали люди образованные. Разумеется, большевики отнюдь не думали бросать «передовой класс» на произвол судьбы. Привить населению «культурные развлечения» призваны были клубы при предприятиях. Они работали весьма интенсивно и пользовались такой популярностью, что в них обычно допускали только «своих членов». Но посетители игнорировали кружки и просветительные лекции, предпочитая семейные вечера с выпивкой и «танцами до утра»[1]. Здесь же устраивались всевозможные «суды». Как писал М. Кольцов, во время «суда над никотином» председательствующий уговаривал: «Товарищи, вы хоть во время суда над папиросным ядом не так сильно курите»[2].

Настроения, царившие на многих предприятиях, описаны в письме одного рабочего-коммуниста в ЦК РКП (б):

> ...Нужно признать, что сущность заводской жизни сейчас – это состояние непрерывных конфликтов, возникающих... буквально каждый день по любому поводу. Конфликты вызывают обычные «волынки», а часто и серьезные забастовки. Наиболее острые моменты заводской жизни у нас: непрерывные сокращения, хронические невыплаты зарплаты; наконец, последние новости: неограниченная сдельщина и «удешевление» всех моментов производственного процесса (как вещают профорганы) со всеми последствиями... Не надо увлекаться внешними формами выявления рабочих настроений, порой весьма решительных и активных; за всем этим кроется почти всегда сознание безысходности положения, отчаяние, а не настоящая готовность к борьбе...[3]

«Волынками» называли «итальянские» забастовки – самые вялые протестные акции людей, не желающих работать за унизительную зарплату[4]. О политических забастовках пролетарии, казалось, забыли навсегда[5]. Сложилась ситуация, когда рабочие утратили энер-

---

[1] *Нежигай Э.Н.* К вопросу о социальной структуре городского населения Кубани периода нэпа // Нэп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность. Краснодар, 2001. С. 143. Писали, что местная комсомольская ячейка «мобилизовала» учительницу «для руководства танцами до 3 часов ночи в течение трех раз в неделю». Сатирический журнал назвал это «борьбой с танцевальной неграмотностью» (Бегемот. 1925. № 5. С. 4). В другом сатирическом журнале отмечали, что клубы используются как места для свиданий. См.: Смехач. 1925. № 21. С. 9.

[2] *Кольцов М.* Указ. соч. С. 138. Предложения о прекращении курения поступали на всех собраниях. См.: *Сольский В.* Указ. соч. С. 129.

[3] Цит. по: *Борисова Л.В.* Профсоюзы и власть в России. С. 220.

[4] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 190.

[5] В 1923 г. петроградские чекисты попытались представить одну из стачек политической (в ее руководящую «тройку» входили меньшевик, эсер и некий «комиссар

гию сопротивления, а власть – способы наказания. Это усиливало подозрительное отношение к пролетариям[1]. В сознании руководителей грань между классом-гегемоном и преступными элементами постепенно стиралась. Этому не приходится удивляться: «Правда» опубликовала, к примеру, сообщение об ограблении, в котором участвовали профессиональный преступник, рабочий-сапожник и милиционер[2].

Рабочие все более ощущали себя подневольным классом и реагировали соответственно. Кстати, тюремный режим 1920-х гг. был довольно либеральным – по крайней мере для тех, кто получал передачи с воли[3]. Иные следователи располагались под плакатами: «Мы не мстим, а исправляем»[4]. Впрочем, «исправить» было трудно: тюрьмы были переполнены[5]. На этом фоне пропагандисты рекомендовали «красную беллетристику» о борьбе рабочего класса, «читать же старый хлам – пустое и ненужное занятие»[6]. Увы, «пролетарская» идеология за колючую проволоку не проникала, зато блатной жаргон активно внедрялся в рабочую среду[7].

Взгляд на преступников как на экс-пролетариев не должен удивлять. Священник Алексей Трефильев, оказавшись узником Соловков, писал в 1924 г.: «Мы, русские люди, "дети Достоевского", понимаем

дивизии»), но это получилось неубедительно. См.: *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 430.

[1] Дзержинский опасался, что «среди рабочих намечается подъем в сторону повышения с боем зарплаты», что казалось ему «опасной штукой для сохранения темпа развития». Цит. по: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 603–604.

[2] Правда. 1927. 5 июня.

[3] *Зубов В.П.* Указ. соч. С. 114–115, 134–135.

[4] Там же. С. 123.

[5] В 1921 г. К. Ворошилову сообщали о безобразиях на местах: смертники ждут приговора в камерах, рассчитанных на 1–2 человека, по 5–6 человек. Один из них, лишившись рассудка, выхватил винтовку у охранника, убил нескольких осужденных и застрелился сам (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 39. Л. 82). В 1924 г. в Тульском губернском месте заключения содержалось 1200 человек при норме 600 – пайки приходится делить пополам. При ревизии Новочеркасского исправдома (ноябрь 1923 г.) обнаружились «скученность, антисанитария». Выводы комиссии звучали нелепо: «педагогический и воспитательный персонал... мало знакомый с основными положениями Советского строительства и программой РКП(б)... не может дать политическую обработку заключенным», которым «читаются классики, и они не знакомятся с современными пролетарскими рабочими авторами». Исправдом был назван «худшим образцом дореволюционной тюрьмы, где заключенные не только не получают подготовку к трудовой жизни, но выходят измученными и озлобленными». См.: ГАРО. Ф. Р-1182. Оп. 2. Д. 686. Л. 2–4 об.

[6] См.: *Канцелярский П.* Что и как читать окончившему школу политграмоты. Харьков, 1925. С. 13.

[7] См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 74–78.

душу уголовной шпаны, болеем за нее»[1]. В авторитарных системах полюсы социальной маргинальности временами сходятся.

Большевики довольно долго тешили себя надеждами на «перевоспитание» преступников. Узники Соловков были настроены не столь возвышено. 14 декабря 1926 г. трое заключенных, отпущенных из лагеря по болезни, рассказывали:

> Высылаются люди в Соловки в большинстве пролетарии... имевшие несчастье в годы общей разрухи, нищеты, голода и холода – попасть в водоворот борьбы за существование... Люди мрут как мухи... Выстраивают на линейку голодных и босых при 30-градусном морозе и держат по часу... Заставляли есть свое испражнение... [2]

К середине 1920-х гг. в верхах стал складываться новый взгляд и на преступность, и на труд, и на рабочий класс. В ноябре 1925 г. заместитель председателя ВСНХ Г.Л. Пятаков направил Дзержинскому секретную записку о создании принудительных поселений заключенных в «перспективных» экономических районах. Поселения мыслились как новые промышленные и культурные центры на территориях, освоить которые другим способом затруднительно. Дзержинский поддержал эту идею, опасаясь, однако, что поселения невольных «строителей социализма» окажутся «каторжными»[3].

Поразительно, но сохранялось и революционно-романтическое восприятие преступности. Известный педолог А.Б. Залкинд, которому увлеченность психоанализом не мешала торопливо следовать за «линией партии», даже предлагал последнюю из библейских заповедей заменить «этической формулой товарища Ленина: "Грабь награбленное"», ибо кража «на пользу трудящимся» и по приказу «власти трудящихся» не является преступлением[4]. Часть пролетарской молодежи, словно намеренно, следовала подобным установкам. Обнаружилось, что более половины лиц, осужденных за кражу и скупку краденого, составляют рабочие[5]. На производстве молодые рабочие вели себя вызывающе, не признавая никаких авторитетов[6], широкое распространение получила порча оборудования «шутки ради»[7].

---

[1] Цит. по: *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 99.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 371.

[3] Советские архивы. 1991. № 4. С. 71–75.

[4] *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. М., 1926. С. 53.

[5] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007. С. 50.

[6] *Бордадын А.* Рабочая молодежь как она есть // Молодая гвардия. 1926. № 3. С. 102.

[7] Порой это приводило к полной остановке производства. Более того, в Пензе хулиганы ухитрялись пускать под откос поезда. См.: *Панин С.Е.* «Хозяин улиц го-

Попытки большевиков заменить трудовые армии трудовыми артелями (вольнонаемные из безработных заменяли красноармейцев) также не приносили хозяйственного эффекта. К тому же обнаружилось, что в ряде случаев артельщики, доведенные от отчаяния безденежьем, начинали бунтовать[1]. В феврале 1929 г. в Москве на бирже труда взбунтовались и безработные. Более двадцати отчаявшихся очередников на получение работы было арестовано и осуждено[2].

Ревизия Ростовского исправдома выявила примечательную картину. «Нетрудового элемента», совслужащих и лиц свободных профессий оказалось на удивление мало (18, 72 и 1 соответственно), зато пролетариат был представлен широко: рабочих и чернорабочих – 109, слесарей – 59, сапожников – 40, портных – 39, плотников и столяров – 29, кровельщиков и жестянщиков – 11, штукатуров – 8, маляров – 6, подмастерьев – 10. Перевоспитывать сидельцев было некому: учебно-воспитательная работа велась «в рамках узкого формализма без интереса и вдумчивого отношения к делу»[3]. Комиссия, возглавляемая членом президиума ЦКК А.А. Сольцем, пришла к парадоксальному заключению: «Карательная политика народных судов не имеет классового направления...»[4]

В 1924 г. большевистские правоведы пришли к заключению, что в силу недостаточно четко проводимого «классового начала в отношении мер пресечения обвиняемые, принадлежащие к классу рабочих и крестьян, находятся в менее выгодном положении, чем их классовые враги». Поэтому рекомендовалось практиковать поручительство фабкомов и профсоюзов по отношению к провинившимся пролетариям, а их арестованных «классовых противников», напротив, перестать отпускать под залог[5]. Увы, в 1927 г. питерские рабочие открыто возмущались милицией и судами[6], а так называемое пролетарское хулиганство перерастало в «пролетарскую преступность»[7]. Правда, на некоторых московских предприятиях в 1926 г. комсомольцы созда-

---

родских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4(23). С. 142–145.

[1] *Цысь В.В.* Трудовые армии: от трудовых частей к государственным рабочим артелям // Отечественная история. 2007. № 5. С. 93.

[2] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 15.

[3] ГА РО. Ф. Р-1182. Оп. 2. Д. 686. Л. 83. Формально «Положение о культурно-просветительной помощи в местах заключения» *начало действовать в августе* 1925 г.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 178–179.

[5] Еженедельник советской юстиции. 1924. № 17. 24 апреля. С. 392.

[6] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 371–372.

[7] По некоторым данным, в 1928 г. $^1/_5$ осужденных по статье хулиганство составляли рабочие; в 1933 г. их доля выросла до трети. См.: Советская юстиция. 1934. № 2. С. 16.

вали дружины для борьбы с хулиганством[1], но заметного результата они не добились. А между тем к началу 1926 г. в комсомоле состояли около 1 750 тыс. молодых людей; в Москве комсомольцы составляли 55 % рабочей молодежи, а в Ленинграде – 62 %[2]. Сомнительно, что все они обладали «пролетарской сознательностью».

Быт рабочих порой оказывался не лучше тюремного. На Украине выявилась жуткая картина:

> В грязной казарме на 15–20 чел. помещается по 60 чел. Причем койки занимают почти всю площадь пола и на них спят по 2 человека. Спят на досках, грязные, полуголые, заедаемые паразитами горняки[3].

Рабочие Екатеринослава находились в лучшем положении, но здесь возникали особые проблемы: на заводе «Октябрьская революция» бывший черносотенец «восстанавливал рабочих против коммунистов и евреев», на заводе им. Ленина «в связи с проведением комсомольского рождества» наблюдалось «брожение» среди рабочих[4]. Общежития рабочих в Москве поражали антисанитарными условиями[5]. В Ленинграде иным рабочим приходилось посменно спать на одной кровати[6]. Спектр претензий пролетариев Ленинграда в 1927 г. был обширен: от недовольства жилищными условиями («когда рабочие перестанут жить в подвалах?») до возмущения «взятками натурой» при найме женщин[7]. Рабочий З. Темкин из Киева писал Сталину, что после 10 лет революции «истрепанный, измученный, больной» рабочий готов броситься на буржуазный класс, «разорвать его

---

[1] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 53.

[2] *Ibid.* P. 188.

[3] Цит. по: *Борисова Л.В.* Профсоюзы и власть в России. С. 224. Й. Баберовски считает, что хуже всех приходилось рабочим в Баку, где на городского жителя приходилось 4–5 квадратных метров жилья, и часто более 10 рабочих ютилось в одной комнате. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 364.

[4] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 569. Порой подобные мероприятия перерастали в святотатственные оргии. Так, стандартный план проведения «комсомольского рождества» в 1923 г. в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии предусматривал лекцию «Языческое происхождение Рождества Христова» (лектору предстояло выступать в одеяниях халдейского жреца), пляски и фейерверк у церкви, а также пародию на жертвоприношение. Колонну «богов различных религий и жрецов» на подводах должен был возглавлять «ответственный руководитель» со «светящейся красной звездой». Цит. по: *Слезин А.А.* Антирелигиозная деятельность комсомола 1920-х годов как фактор преобразования быта // История российского быта. СПб., 1999. С. 56.

[5] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 269–270.

[6] Эту тему тут же подхватил сатирический еженедельник. См.: Бегемот. 1927. № 14. С. 5.

[7] См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 368–373.

на кусочки, уничтожить на кусочки его, злоба кипит...»[1] Заряд отчаянной агрессивности в «гегемоне» был весьма силен.

Классовое насилие стало оборачиваться против «пролетарской» власти. Наибольшее число забастовок пришлось на 1922 г., в них участвовали 197 тыс. человек, причем 65,6 тыс. в Москве и Петрограде. В 1923 г. стачечное движение охватило 165 тыс. рабочих. В начале октября 1923 г. шестидневную забастовку на Криндачевском руднике в Донбассе возглавили бывшие члены партии и старые квалифицированные рабочие. Кое-где пролетарии угрожали насилием; иной раз администрация пугала «класс-гегемон» пулеметами[2]. В следующие годы число стачечников сократилось: в 1924 г. – около 41 тыс., в 1925 г. – всего 38 тыс.[3] По понятиям дореволюционных времен это было немного; бастовали только в крайних условиях, немыслимых до октября 1917 г.; забастовки носили чисто экономический характер. С весны 1924 г. ситуация стабилизировалась, с мест сообщали, что рабочие не проявляли такой активности, как в 1923 г.[4]

Характерно, что активнее бастовали рабочие государственных предприятий. Часто стачки провоцировались поведением администрации. Сотрудники ГПУ осенью 1923 г. сообщали, что «партийные работники – "верхи" ведут себя... нетактично: пьянствуют на глазах всей рабочей и партийной массы, ездят на рысаках»[5]. «Разложение верхов» отмечалось повсеместно, что не могло не сказаться на пролетарских низах.

Как бы то ни было, марксистским доктринерам приходилось думать о расширенном воспроизводстве носителя «классового сознания». Еще в сентябре 1917 г. возник Пролеткульт – объединение культурно-просветительных организаций пролетариата. В 1918–1920 гг. издавалось более 30 соответствующих журналов, при этом региональные отделения действовали вполне самостоятельно[6]. Считается, что в 1920 г. Пролеткульт охватывал до 400 тыс. рабочих[7]. Но количество никак не переходило в качество. «Уже давно стало явным фактом, как бы ни хвалил и ни рекомендовал Троцкий разных Безымянских, что пролетарскому искусству грош цена...», – писал

---

[1] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 87.

[2] *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России. С. 229.

[3] *Борисова Л.В.* «Отношение рабочих недружелюбное...» С. 98.

[4] *Резник А.* Указ. соч. С. 57.

[5] Цит. по: *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 65.

[6] *Mally L.* Culture of the Future: The Proletkult Movement in Russia. Berkeley, 1990. P. 50.

[7] *Горбунов В.В.* В.И. Ленин и Пролеткульт. М., 1974. С. 125.

в 1924 г. С. Есенин[1]. В 1925 г. Д. Бедный заявлял: «Пролетарские писатели имеются... Пусть три сопливеньких, но свои»[2]. Как бы то ни было, без мифа о коллективном мессии большевизм не мог существовать. В 1920-е гг. создавались рабочие факультеты (рабфаки), призванные помочь в создании первого поколения советской интеллигенции. В области высшего образования государство также проводило селекцию – преимущество поступления в вузы получали дети рабочих и крестьян. В 1921 г. был открыт Институт красной профессуры для подготовки вузовских преподавателей.

Большевики надеялись на настоящего «гегемона». Массовой формой подготовки рабочих в 1921–1925 гг. стали школы фабрично-заводского ученичества. Технический персонал (мастер, бригадир, механик) готовился в техникумах (индустриально-технических, сельскохозяйственных, медицинских и даже художественных с трехлетним сроком обучения), специальных профессиональных школах, на краткосрочных курсах. Вместе с тем среди части левых коммунистов была популярна «новая биология», согласно которой «гегемон» не нуждался ни в знании, ни в познании, ни даже в мировоззрении – он представлялся в виде «очищенной» биомассы, лишенной «разума» в его прежнем «буржуазно-эксплуататорском» понимании[3].

Согласно марксистской теории «класс в себе» должен был превратиться в «класс для себя». Но как это могло произойти, если согласно «тектологическому закону», сформулированному А.А. Богдановым задолго до 1920-х гг., лицо системы, представляющей разные уровни организованности, будет определяться ее низшей формой: «позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом»[4]. Впрочем, что бы ни предусматривалось доктринальными предписаниями, шло формирование «класса для государства». Такова была естественная логика системного кризиса, преодолеть которую власть по-настоящему даже не пыталась.

Теоретически восходящий класс мог утвердить свою гегемонию только на основе новой морали, не только отсекающей дурное «наследие старого», но и предлагающей новую, коммуникативно востребованную систему ценностей. Увы, «общечеловеческие» основания нравственности слишком зависимы от социобиологических условий. Императивы выживания в критических обстоятельствах ставят под сомнение привычные моральные установки. Маргинализация социального пространства также размывает его нравственные основания.

---

[1] *Есенин С.* Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 5. С. 241.

[2] Смехач. 1925. № 5. С. 15.

[3] *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм. С. 31.

[4] Цит. по: *Алексеев П.В.* Указ. соч. С. 53.

Наиболее трудным для рабочих оказался 1923 г., когда произошел первый кризис нэпа, вызванный пресловутыми «ножницами цен» между продуктами города и села. В течение этого года зарплата, к примеру, пензенского рабочего выросла в 44 раза, а стоимость потребительской корзины почти в 80 раз[1]. В дальнейшем положение улучшилось, однако не настолько, чтобы рабочий поверил в пропагандистские заявления о том, что жизненный уровень населения превысил «царский». К тому же подготовка пропагандистов, особенно на местах, была удручающе низкой[2]. Тем не менее даже политически индифферентному рабочему приходилось тратить 7,5 часов в месяц на участие в митингах и демонстрациях, и 1–2 часа – на посещение общезаводских собраний. Что касается рабочих из числа старых большевиков, то создается впечатление, что они занимались исключительно «общественной работой»[3]. Не удивительно, что «комсомольцы, переданные в партию» в 17-летнем возрасте, объясняли причину своего «выхода из партии» с детской непосредственностью: «...Ходить на собрания надоело, хочется гулять»[4]. Некоторые комсомольцы сравнивали собрания с театральными постановками, где играют негодные актеры[5]. В «пролетарском» хоре не случайно зазвучали ноты ностальгии по дореволюционным временам. 17 июня 1924 г., свидетельствовал К. Чуковский, в бывшей столице «пускали писчебумажную фабрику Печаткина». По этому случаю произносились соответствующие речи:

> Эта фабрика – гвоздь в гроб капитализма», «открытие этой фабрики – великое международное событие». Оказалось, что среди собравшихся находится бывший владелец. И здесь произошло нечто не предусмотренное устроителями: бабы встретили его с энтузиазмом, целовали у него руки, приветствовали его с умилением... многие плакали[6].

Вряд ли Чуковский преувеличивал. В Одессе на заводе им. Октябрьской революции (бывший Гена) – «огромном и бестолковом» – «старые рабочие только вздыхали: то ли было при хозяи-

---

[1] *Мирясов А.В.* К вопросу о мотивации труда рабочих России в 1920-е годы (на примере промышленных предприятий Пензенской губернии) // Отечественная история. 2005. № 5. С. 135.

[2] ГА ВО. Ф. 111. Оп. 2. Д. 527. Л. 18. Тем не менее в официальных отчетах (1924 г.) отмечалось, что «больше половины агитпропорганизаторов вышли из рядов того рабочего пополнения, которое сыграло такую огромную роль в изменении состава нашей партии». См.: РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

[3] *Кабо Е.О.* Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 37, 115.

[4] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 59.

[5] *Wellmann V.* Op. cit. S. 119.

[6] *Чуковский К.* Дневник. С. 276.

не...»[1] В литературе встречается точка зрения, что на частном предприятии рабочий ощущал себя «эксплуатируемым», а на государственном – «гегемоном». Ничего подобного в действительности не наблюдалось. Зарплата у нэповского частника, как правило, была выше; он был заинтересован в партнерских взаимоотношениях с работниками; те отвечали ему взаимностью. «Эксплуатируемые» порой защищали своего «хозяина» от коммунистических властей[2].

Постреволюционная релаксация оказалась сопряжена с половой распущенностью, тем более что высокий уровень безработицы и низкие заработки женщин породили рост проституции[3]. Создается впечатление, что большевиков волновало не столько количество проституток на улицах, а то, что этим «наследием прошлого» оказались охвачены представители пролетарских слоев[4]. В каждом городе имелись районы, где днем и вечером можно было получить сексуальные услуги. Имелись и притоны[5]. В гостиницах предлагали «доброкачественных девушек», «розовый» бизнес процветал в барах, ресторанах, им занимались даже продавцы лотерейных билетов[6]. Считалось, что девочки, торговавшие папиросами на петроградских улицах, «почти все занимались проституцией»[7]. В.В. Шульгин, тайком пробравшийся в Петроград в 1925 г., не без изумления обнаружил, что в кафе на Невском «между столиками шляются всякие барышни, которые продают пирожки или себя по желанию»[8]. В Казани рассадниками проституции также были многочисленные кафе и столовые[9].

Еще в 1923 г. Троцкий констатировал, что «пролетарская семья расшаталась». Ему приходилось выслушивать жалобы профсоюз-

---

[1] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 92.

[2] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 87–89.

[3] В период с 1921 по 1927 г. число официально зарегистрированных безработных женщин выросло в 6 раз. См.: *Goldman W.Z.* Woman, the State, and the Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge (MA). 1993. P. 111.

[4] См.: *Дубошинский Н.* Социальный состав проституции // Рабочий суд. 1925. № 3–4. Считается, что к середине 1920-х гг. среди проституток стало много больше «интеллигенток» и «бывших» (или выдававших себя за таковых). Некоторые предлагали себя по-французски. В это время в Москве насчитывали 15 тыс. проституток. См.: *Андреевский Г.В.* Указ соч. С. 70–71.

[5] В 1924 г. в петроградском суде рассматривалось дело притоносодержательницы, специализирующейся на обслуживании садомазохистов (Проблемы преступности. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 145). В Москве в Сандунах можно было заполучить в номера женщин; в 1926 г. в Благовещенском переулке был накрыт прекрасно обставленный притон генеральши Обуховой. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 73.

[6] *Нежигай Э.Н.* Указ. соч. С. 145.

[7] *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 282.

[8] *Шульгин В.В.* Три столицы. М., 1991. С. 312.

[9] *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 338.

ных работников и на то, что «свободная любовь» наплодила массу ребятишек, которых пролетарии, презревшие институт брака, попросту «подбрасывают»[1]. Проповедь сексуальной свободы, хотя бы под революционно-романтическими лозунгами[2], давала закономерный результат – оборачивалась обыкновенным распутством. Отсюда рост венерических заболеваний[3].

Существует точка зрения, что «разочарование в коммунистических посулах, утрата ясных политических ориентиров заставляли возвеличенного "гегемона" революции сконцентрироваться исключительно на частной жизни»[4]. Наличие у рабочих подобных ориентиров и тем более готовности следовать за «коммунистическими посулами», несомненно, относится к области иллюзий. К тому же к середине 1920-х гг. произошло изменение состава пролетариата: на крупных предприятиях Петроградского района он обновился на 71 %[5]. Исследователи отмечают растущую неопределенность самого понятия «пролетариат»[6]. Власть теряла воображаемую социальную опору.

В октябре 1923 г. М. Булгаков случайно разговорился с соседом-пекарем. Впечатления вынес такие:

> В голове у малого то же, что и у всех, – себе на уме, прекрасно понимает, что большевики жулики... о международном положении никакого понятия.
>
> Дикий мы, темный, несчастный народ[7].

Тем временем на сотрудничество с новой властью соглашались былые противники большевиков. Некий Ефим Кабаков со ст. Ун-

---

[1] *Троцкий Л.* Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. С. 104, 86, 92.

[2] Помимо призывов А. Коллонтай в определенных кругах были известны и эскапады анархиста В. Гордина: «Семья есть клоака, публичный дом, место постоянного, самого разнузданного разврата, узаконенного за добродетель... Семья есть разбойничий вертеп, там... убивается женщина многодеторождением» (цит. по: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 215).

[3] *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский. С. 120. Пресса сообщала, что средств для борьбы с сифилисом не хватает. См.: Смехач. 1925. № 2. С. 5.

[4] *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». С. 77.

[5] *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома»: «Классовая принадлежность» и «классовая справедливость» в Советской России 1917–1936 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2005. № 4. С. 93.

[6] *Rittersporn G.T.* From Working Class to Urban Laboring Mass: On Politics and Social Categories in the Formative Years of the Soviet System // Making Workers Soviet. Power, Class, and Identity. Ed. by L.H. Sieglebaum and R.G. Suny. Ithaca and London, 1994. P. 254.

[7] Михаил и Елена Булгаковы. С. 34.

дол Московско-Нижегородской железной дороги, где он трудился на фабрике «Коммунистический авангард», в сентябре 1926 г. сообщал примечательные детали своей биографии. С 1904 г. он работал на Путиловском заводе, в 1916 г. был призван в армию, где попал под суд «за отказ участвовать в усмирении», позднее принимал участие в борьбе против Корнилова и Керенского, в 1918 г. служил в Курском революционном полку. В 1917 г. он стал эсером, затем примкнул к левой их части, «занимал ряд ответственных постов». Теперь же он не мог найти работу. «Тов. Сталин, я не враг», – убеждал этот представитель «класса-гегемона»[1].

Делать подобные заявления приходилось в связи с тем, что протестные выступления рабочих чекисты постоянно связывали с активизацией антисоветских элементов[2]. Поводом мог стать отказ голосовать за резолюции, предложенные коммунистами. Репрессивные органы мало интересовались классовым происхождением «бунтовщиков». Рабочие со своей стороны порой пытались силой освобождать своих товарищей. Так, в октябре 1923 г. в ходе забастовки горнорабочих Парамоновского рудника в Донбассе, вызванной задержкой зарплаты, навязыванием облигаций золотого займа и т. п., пятитысячная толпа двинулась в г. Шахты и потребовала освобождения зачинщика забастовки (по некоторым данным, коммуниста)[3]. Разумеется, чаще случались внутриклассовые идейные конфликты. Так, в сентябре 1923 г. забастовавшие московские текстильщики выразили недоверие рабочим-большевикам[4].

В этих условиях рядовые большевики колебались. Член партии Г.Ф. Привольнев (депо ст. Вязьма) полагал (август 1926 г.), что коммунисты делятся на два лагеря – те, которые получают от 50 до 100 руб. на члена семьи, и те, которым платят на порядок меньше. Он опасался, что оппозиция перетянет на свою сторону вторых[5]. В июле 1925 г. забастовали труженики Петровского механического завода (Калужская губ.) – им 2–3 месяца не платили заработную плату. В двухдневной стачке участвовали все заводские коммунисты, требования стачечников пришлось удовлетворить[6].

По данным ОГПУ, в октябре 1926 г. забастовки на Ленинском и Халтуринском свекольных заводах были вызваны тем, что рабочих

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 13.

[2] В некоторых случаях (осень 1924 г., Симбирская губерния) партийные органы признавали, что «агитация антисоветских элементов под собой почвы не имеет». См.: *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 67.

[3] *Борисова Л.В.* «Отношение рабочих недружелюбное...» С. 104.

[4] «Мы бросили работу, Придите к нам на помощь...» С. 19.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 103.

[6] Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929. М., 1998. С. 60.

обманули вербовщики (пришлось копать мелкую свеклу по 12–14 часов в день за 60 коп.). В результате забастовало: в Артемовске из 560 рабочих – 150; Ульяновском из 843 – 307; в Коммунарском из 652 – 550. После того как требования рабочих на одних заводах удовлетворялись, стачки вспыхивали на других. Увещевания со стороны членов завкома и райкома рабочие встречали криками: «Вы не наши защитники, а продажные шкуры». Руководителями этой серии забастовок были «члены союзов, бывшие красноармейцы и крестьяне-батраки»[1].

Коммунистическая пропаганда оказывалась бессильной перед лицом «пролетарского» разгильдяйства, связанного с утратой иллюзий. На «образцово-показательном» заводе «Серп и молот» многотиражка клеймила «лодырей, прогульщиков, симулянтов и рвачей»: «У нас много мелкобуржуазной расхлябанности... Многие рабочие, недавно пришедшие из деревни, считают себя на заводе временными гостями... не болеют недостатками производства...» Тут же был помещен призыв развернуть социалистическое соревнование[2]. «Несознательным» рабочим обычно противопоставлялись «сознательные» пролетарии. Последние, как и положено, требовали, что «Те, которые не хотят показывать производительность своего труда, должны быть удалены с заводов и фабрик как вредители рабочему классу»[3]. В подобные заявления не очень верили. Интеллигенты, к примеру, считали, что с рабочих «сдирают под видом соревнования, ударничества и пр. девять шкур»[4]. В провинции ходили такие шутки: «Не будь прогульщиков или пьяниц, – не для чего было бы проводить и соревнование»[5].

Бытовое убожество провоцировало уравниловку. 30 августа 1925 г. рабочие из Пирятина (Прилукский окр. Украинской ССР) недоумевали по поводу ответа пропагандиста на обычный для того времени вопрос: «Неужели у одних потребности больше, чем у других?» Пропагандист якобы ответил: «Так должно быть, и иначе быть не может». Другой пропагандист уверял, что ответственные работники затрачивают больше энергии. Похоже, он убедил их наполовину: «относительно спецов все понятно», но за что «платить больше в 9 раз рабочим-выдвиженцам?» В данном случае пролетарии настаивали на «унификации оплаты труда рабочих, работающих на одном

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 70. Л. 9–12.

[2] *Корнаковский И.Л.* Указ. соч. С. 216. В 1930 г. товарищеским судом осудили четверых прогульщиков и хулигана, допустившего неподобающие действия по отношению к новому рабочему, а рабочие-ударники заклеймили позором «летунов». См.: там же. С. 251, 252.

[3] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 89.

[4] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 94.

[5] Мухомор (Бийск). 1929. № 1. С. 4.

производстве»[1], идейные соображения их не волновали. Впрочем, когда речь заходила о внутриклассовых стимулах к труду, рассуждали иначе. В 1928 г. на Южном Урале рабочие говорили: «Кто теперь пойдет в слесаря, если плата наравне с чернорабочими?»[2] Уравниловка вела к деградации трудовой морали. Тем не менее среди партийных лидеров имелись ее сторонники, уверявшие, что именно неоднородность пролетариата порождает группировки внутри партии[3].

Некогда Троцкий писал, что у рабочих «классовый инстинкт» в «критические времена достигает большой изощренности». Это было сказано в пику революционерам, у которых этот инстинкт «уже выветрился»[4]. На деле истощенный пролетариат и «его» разлагающаяся партия стоили друг друга. Именно в связи с недовольством «забюрократившимися» большевиками Троцкому симпатизировало куда большее число рабочих, нежели это показывали официальные отчеты[5].

Рабочие колебались: стоит ли поддерживать партию, ставшую государственной? 10 февраля 1925 г. большевик с 1917 г., красноармеец-доброволец, а ныне рабочий 1-го Государственного рудника Шахтинского района Ермолай Просянкин писал, что с началом нэпа выбыл из партии, но в 1923 г. вновь вернулся в ее ряды[6]. Похоже, он решил, что стоит надеяться только на партию власти. Иные рабочие готовы были смириться с «образумившимися» коммунистами: в 1925 г. в Иваново-Вознесенске на беспартийной конференции текстильщиков прозвучал вопрос: «Рационально ли тратить деньги на содержание Коминтерна, от которого реальной пользы нет... [и] почему рабочему нельзя читать эмигрантские газеты?»[7]

Конечно, пролетарии-идеалисты не переводились. П.Ф. Пономарев (Сталинградская губ.) обращал внимание на несоответствие «практического социализма» стремлению коммунистов правдами и неправдами улучшить свое имущественное положение[8]. М. Гройсман, член союза горнорабочих (Бузулук Криворожского окр.) возмущался тем, что «бытовые склоки» перерастают в агитацию против «жидовской власти», причем «советские работники своим поведением...

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 47. На деле выдвиженцы иной раз получали даже меньшую зарплату. См.: *Корнаковский И.Л.* Указ. соч. С. 177.

[2] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 109.

[3] *Депретто Ж.-П.* Официальные концепции рабочего класса в СССР (1920–1930-е гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 74.

[4] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 477.

[5] *Резник А.* Указ. соч. С. 61.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 223–224.

[7] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 503.

[8] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 90.

усиливают юдофобство», провоцируя угрозы: «Всех перережем!»[1] И.Р. Демяненко, член партии с Краматорского завода, 1 марта 1926 г. жаловался Сталину, что у них на заводе «рабочих 8 тыс., имеем от рабочих недовольство и очень много обид». Но при этом он давал «честное пролетарское слово», что будет оказывать всяческую поддержку «нашей партии»[2]. Один рабочий-металлист, имеющий, по его словам, «30 лет практики», предлагал «уважаемому вождю» идею «механизации деревни»[3]. Этот человек, вероятно, начитавшийся Троцкого, очень походил на некоторых персонажей А. Платонова. Таким людям по-своему возражал Виталий Сушин, слушатель кооперативных курсов в Ленинграде. Он полагал, что нельзя согласиться с Троцким в том, что «возможен непосредственный переход от научной мысли к социализму без политики через технику»[4].

Некоторые рабочие брались поучать партийные верхи. Наборщик 5-й московской типографии Иван Почешулин, проживавший на Марксовой улице, в октябре 1926 г. отправил письмо Сталину (копию Троцкому):

> ...Не следует третировать тов. Троцкого, а ему самому не прикидываться «казанской сиротой», как это было на похоронах тов. Дзержинского, когда он стоял отдельно... на последних ступеньках мавзолея (немая агитация)... В свою очередь оппозиции надо умерить зуд инакомыслия и уязвленного самолюбия[5].

Многие болезненно ощущали свою неспособность разобраться в ситуации. В связи с «военной тревогой» 1927 г. многие рабочие задавались вопросом: «поддержит ли нас в случае войны английский рабочий класс?»[6] Ф.П. Демичев-Сосновский, большевик с июня 1917 г., проработавший на заводе около 30 лет, служивший в старой армии унтер-офицером, а потом командовавший повстанцами на Украине, заявлял: «Я, рабочий-металлист, вошел в революцию технически совершенно неграмотным, но с надеждой, что пролетариат сумеет освободиться от всякого невежества». Чтобы его чаяния оправдались, он просил дать на время учебы хотя бы «маленькую стипендию»[7]. Увы, рабфаковцы влачили жалкое существование[8].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 142.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 113.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 10.

[4] Там же. Л. 101.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 283.

[6] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 42.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 28–29.

[8] Газета «Голос рабочего» (орган Юго-Восточного крайсовпрофа) в 1922 г. писала о рабфаковцах: «Как тени в потрепанных костюмах. Многие по нескольку месяцев не мылись в бане, не имеют белья. Многие не имеют верхней одежды и потому не посеща-

Представление о том, что рабочих «зажимают» со всех сторон, получало все большее распространение. М.Н. Дудкин в январе 1926 г. жаловался, что для «чернорабочего двери в партию совершенно закрыты, ответственному работнику и квалифицированному рабочему вступить в партию гораздо легче»[1]. О недовольстве высокими ставками «ответработников» и говорить не приходится[2]. М.Н. Демидов из Архангельска в марте 1926 г. возмущался нынешним неравенством между рабочими и служащими, с тоской вспоминая, что «все равные были лишь во время гражданской войны», а теперь многие «ушли в слой новых совгосподов»[3].

И.Д. Кабаков, возглавлявший коммунистов Тульской губернии, в «закрытом письме» 13 февраля 1925 г. сообщал, что «самое отвратительное в рабочем вопросе – это жилищный вопрос» – на человека в среднем приходится 8 кв. аршин жилплощади. По этой причине «пьянство увеличивается с колоссальной быстротой»[4]. На одной из фабрик Симбирской губернии менее 40 % текстильщиков имели сносное жилье, остальные были скучены в неприспособленных помещениях[5]. Несмотря на «уплотнение» «бывших», до равенства было далеко: в 1928 г. в Астрахани служащие жили в несравненно лучших условиях, чем рабочие; в Саратове рабочие семьи, составлявшие 39 % населения города, занимали в коммунальных домах только 12 % общей жилой площади[6]. Ленинградские пролетарии выражали недовольство распределением жилищных площадей[7].

У рабочих были свои представления о виновниках неурядиц. Ученик слесаря Илларион Забелло с ленинградского завода «Арсенал» 28 мая 1926 г. писал:

ют лекции» (цит. по: *Чупрынников С.А.* Северо-Кавказские профсоюзы в организации деятельности рабфаков и высшей школы в 1920-х – начале 1930-х гг. // Образование, просветительство и гражданское общество. Краснодар, 2007. С. 326). Обнаруживалось, что здоровые молодые люди, прибывшие из деревни, во время учебы на рабфаках скоро заболевают. См.: *Wellmann V.* Op. cit. S. 120.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 122.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 69.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 110–110 об. В Самаре в 1927 г. доход служащего превышал доход рабочего на 76, 6 %, однако служащие не имели льгот, полагавшихся пролетариям. См.: *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 332.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 82. Через некоторое время Бухарин сообщал Кагановичу: «В Туле положение улучшилось, Кабаков – прекрасный организатор, но его уже хватил паралич, надо излечить» (там же. Л. 188). Судя по всему, болезнь отступила, партийная карьера Кабакова продолжилась до 1937 г.

[5] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 67.

[6] *Тюрин А.О.* Жилищный вопрос в городах советской провинции второй половины 20-х – 30-е гг. XX в. (на материале Нижнего Поволжья) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2006. № 2(6). С. 113–114.

[7] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 373.

...Выбрасывают из завода и фабрики рабочего администрация. А еще главный гегемон в этом деле техперсонал, местные парторганизации и профорганизация... И если дело так будет обстоять в дальнейшем, то социализм будет строить в несколько раз трудней[1].

Отмечались случаи недовольства приемом на работу спецов, которых в прежние времена «за грубость» вывозили на тачке[2], заявления, что «власть рабочая и должна защищать рабочих, а не спецов»[3]. Опасались, что последние «снова будут ездить на рабочей шее»[4]. Многие рабочие подхватывали предложения оппозиции, естественно, интерпретируя их по-своему. Старый коммунист, рабочий Ритербанд, проживающий в Киеве на Крещатике, в декабре 1926 г. полагал, что «все делают ошибки, Ленин тоже делал», поэтому «заблуждающихся надо лечить». При этом он утверждал, что 80 % рабочих выступают за оппозицию[5]. Другие рабочие адресовались наверх еще резче: «Ленин принимал в партию людей всех национальностей не для того, чтобы развивать антисемитизм... Вы занимаетесь грязной политикой, клеветой на оппозицию... Вы думаете, рабочие дураки?»[6]

Беспартийный рабочий Ш.Б. Перцовский (Кременчуг) 13 ноября 1926 г. адресовал наверх вопрос: «Почему все партийцы, а также члены Политбюро... начали валить и обвинять Троцкого?» Он вспоминал, что в годы Гражданской войны «Троцкого все любили», тот был «хорошим организатором Красной армии и полководцем». Он напоминал также, что Зиновьев и Каменев «требовали гнать Троцкого из партии, а теперь преклоняются перед ним», и наконец, задавался главным вопросом: «Есть у нас правда в Советской России?» Высказанное им большевистским руководителям мнение, что «рабочие не на вашей стороне»[7], получало все большее распространение[8]. Уральский рабочий А. Липин (Н. Тагильский окр., завод Кушва) в октябре 1926 г. писал в «Правду», что оппозиция «более права». По его мнению,

они хотели дать больше прав рядовым членам партии и рабочему классу в целом. У нас же на местах в настоящее время рядовые члены партии только для виду и количественного счета...

---

[1] Там же. Л. 164.

[2] *Борисова Л.В.* «Отношение рабочих недружелюбное». С. 102–103. Призывы к вывозу на тачке неугодных инженеров отмечались и позднее. См.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 24; *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 107.

[3] *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 236.

[4] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 503.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л .2.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 5–7 об.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 40.

[8] Некоторые рабочие заявляли, что, если Троцкий идет на раскол, «стало быть, в центре что-то неладно». См.: *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 98.

Но, похоже, его волновало не столько отсутствие внутрипартийной демократии («все спускается сверху вниз»), сколько привилегии верхов. «Простых рабочих, чуть проштрафившихся, судят за растрату, что приняло сейчас эпидемический характер, – отмечал он. – В отношении народного образования дело обстоит еще хуже. Вместо расширения сети школ таковые закрываются, и дети остаются совершенно неграмотными...»[1] Как видно, даже те образованные рабочие, которые использовали классовую терминологию, мыслили патерналистскими понятиями, несколько разбавленными революционным эгалитаризмом.

Власть попала в тупик хозяйственно не подкрепленных патерналистских обязательств. Положение усугублялось безработицей, с одной стороны, низкой производительностью труда – с другой. Орловские безработные летом 1923 г. инкриминировали большевикам «неимоверные налоги, безработицу, а главное – вранье... на собраниях и митингах»[2]. 24 сентября 1924 г. на заседании Тульского губкома РКП(б) признавалось, что в городе 14 тыс. безработных, среди них до 70 % кадровых рабочих и около 200 коммунистов ленинского призыва[3].

В целом в стране организация производства оставляла желать лучшего: в мае 1924 г. простой станков составлял 75 452 часов, из них на ремонт приходилось 30 381 часов. Убедить «гегемона» работать лучше взялся Дзержинский. Он полагал, что «наш короткий 8-часовой день должен дать не меньше, чем старый 10–12-часовой, а больше, ибо, работая 8 час. в день... рабочий сохраняет больше сил и может больше сосредоточиться на работе»[4]. Сомнительно, что пролетариев могла убедить подобная логика, – они считали, что новая власть обязана воздать им сполна за былые тяготы «капиталистической эксплуатации». Известный ученый-металлург В.Е. Грум-Гржимайло прямо заявлял, что заводские рабочие попросту отвыкли от работы[5].

В целях повышения производительности труда решено было ввести 8-часовой «актуальный» рабочий день для рабочих и 8-часовой рабочий день для служащих[6]. Для внедрения этого требовался хронометраж работы с целью повышения норм выработки, что, разумеется,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 179–180.

[2] Цит. по: *Перелыгин А.И.* Указ. соч. С. 52–53.

[3] Несмотря на это, требовалось уволить еще около 2 тыс. подсобных рабочих. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 32.

[4] Правда. 1924. 3 сентября.

[5] Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. М., 1990. С. 294.

[6] В 1927 г. были предложения о введении 7-часового рабочего дня. Ворошилов на заседании Политбюро отправил Сталину записку о том, что это «большая глупость» и «оружие демагогии» со стороны оппозиции. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 39. Л. 9–10.

не вызвало восторга в рабочей массе – отмечались случаи «срыва» работы хронометристов. В Туле инновации дали не очень убедительный результат: процент брака на произведенную винтовку снизился с 10,4 % до 9 %. При этом «хвостистские» настроения и выступления против 8-часового рабочего дня не прекращались[1]. Между тем заработная плата в Тульской губернии превышала аналогичные показатели в других регионах в 1,6–3 раза[2]. Примечательно, что тульских пролетариев взволновал слух: «уволили 1500 рабочих и заменили их китайцами»[3].

В такой обстановке попытки идеологически взбодрить рабочую массу вряд ли могли быть успешными. В середине 1920-х гг. тульские коммунисты-активисты имели от 5 до 15 различных «нагрузок», посещали от 35 до 60 заседаний, совещаний, собраний в месяц[4]. Это смотрелось абсурдно. В Нижегородской губернии некоторые коммунисты «выходили» из партии из-за «нелепых нагрузок» и нежелания «быть балластом»[5].

В сентябре 1925 г. во время посещения немецкой рабочей делегацией Путиловского завода, ей было передано анонимное письмо «Привет германским рабочим» следующего содержания:

> Весь мир насилья мы разроем –
> Мы это пели прежде всем,
> Теперь как волки в поле воем,
> Оставшись, видите, ни с чем[6].

А между тем на том же заводе было получено письмо двух немецких безработных, просивших принять их на работу[7]. Взамен «светлого будущего» в СССР пропаганда все чаще напоминала рабочим, как плохо пролетариям на Западе.

В мае 1926 г. в Полтаве во время окружного съезда Советов безработные выступили с требованием «Даешь работу!» К этому времени в местном посредбюро было зарегистрировано 5588 человек, из них 2114 чернорабочих, 1072 – «работников умственного труда», и 312 женщин. Эта масса наполовину состояла из членов профсоюза[8]. В Казани в 1925 г. женщины, в основном малоквалифицирован-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 30–31.

[2] *Лозбенев И.Н.* Особенности рабочего движения в Центральном промышленном районе России в 1920-е годы // Отечественная история. 2005. № 5. С. 142.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 32; «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 74.

[4] *Тяжельникова В.С.* Самоубийства коммунистов в 1920-е годы. С. 167. Возможно, в данном случае не обошлось без приписок, которыми грешили молодые карьеристы.

[5] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 62.

[6] Цит. по: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 346.

[7] Там же.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 70. Л. 16.

ные, составляли 46,8 % безработных[1]. В целом по стране наиболее страдали от безработицы наименее квалифицированные рабочие[2], а также служащие. На Украине среди безработных преобладала еврейская молодежь[3]. Отсюда «внутриклассовые» проблемы. Некий «безработный-партиец» жаловался из Екатеринослава (с вокзала), что «квалифицированные рабочие будут праздновать 1 Мая сытые, а мы не можем найти работу»[4]. В 1927 г. была попытка провести «контрпраздник»: на собрании металлистов Петроградского района один безработный призывал: «Мы вспомним 9 января и, как тогда, пойдем к Смольному»[5]. В Поволжье ОГПУ уделяло безработным особое внимание, отмечая «тенденцию группироваться... для организованного действия»[6]. Опасения были небеспочвенными: активизировались анархисты; московские безработные со своей стороны вспоминали Кронштадт[7].

Вместе с тем в хор протестов стали вкрадываться иные ноты. В 1929 г. безработный И.Г. Натаров смиренно вопрошал А.И. Рыкова: «...Через сколько лет приблизительно кончится безработица, этот лютый враг рабочего класса?»[8] Как видно, отчаявшиеся люди вновь готовы были поверить во всесилие государства. Наряду с этим безработица провоцировала традиционное кумовство[9].

Тем временем власть упорно навязывала рабочим образ привилегированного класса. При этом рабочих старались привязать к производственному коллективу. После 1924 г. их едва ли не насильно затаскивали в партию. Пролетарии упорно «выходили» из нее, но их старались затянуть обратно[10].

С осени 1924 г. началась кампания по повышению производительности труда, естественно, сопровождавшаяся повышением норм вы-

---

[1] *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 337.

[2] На 1 января 1925 г. на биржах труда было зарегистрировано около 800 тыс. безработных, подавляющую часть из них составляли чернорабочие и работники «интеллигентного труда» (*Аристов Н.* К вопросу о кризисе в квалифицированной рабочей силе в СССР // Вопросы труда. 1925. № 7–8. С. 43). При этом несомненно, что квалифицированных рабочих защищал профсоюз, а чернорабочие регистрировались на биржах в наименьшей степени. Тем не менее в 1930 г. на Путиловском заводе не хватало квалифицированных рабочих – отсюда масса брака. См.: *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 94.

[3] *Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 121.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 357.

[5] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 28.

[6] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 70.

[7] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 1. С. 828, 933; Т. 5. С. 66.

[8] Цит. по: *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 81.

[9] Особенно заметно это было на Северном Кавказе и в Средней Азии. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 36; Д. 41. Л. 35; Д. 44. Л. 189.

[10] См.: *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 62–63, 58, 60.

работки и снижением расценок. Наиболее остро прореагировали на это текстильщики, выступившие против трех- и четырехсторонки (работы на нескольких станках)[1] – такая рационализация не позволяла заработать даже на прожиточный минимум[2]. На партсобрании на «Красном треугольнике» в Ленинграде 24 сентября 1924 г. раздавались голоса: «Сперва... увеличьте ставки,и тогда можно говорить об увеличении производительности труда»[3]. На текстильной фабрике «Рольма» в Ярославле рабочие пускали станки вхолостую, заявляя, что «поднимают производительность». Они говорили, что фабричный режим стал хуже капиталистического, на шею рабочих надет хомут[4]. В 1926 г. на собрании тружеников Вышневолоцкой фабрики член фабзавкома Митрофанова заявила:

> Советская власть прижимает рабочих, и нам живется хуже, чем при Николае II. Большевиков нужно проучить, они зазнались. Если придут англичане, нам будет гораздо лучше[5].

Впрочем, в 1927 г. рабочие заявляли о ненужности подобных собраний, да и самих завкомов[6].

Определять стиль жизни на производстве во все большей степени стали всевозможные кампании. В 1926 г. анонимный рабочий сообщал Калинину:

> Из года в год у нас – то один, то другой кризис. Каждый год – новые лозунги... Только возьмемся все дружно за одно, проглядим другое. «Борьба с излишеством», «Поднятие производительности труда», «Снижение накладных расходов»... и мы, как бараны, все бросаемся... где горит, не обращая внимания в это время, что делается в другом месте... Все эти кампании напоминают мне услужливых людишек, когда заведующий уронит вещь, и все вокруг стоящие бросаются ее поднимать и, естественно, бьются лбами друг о друга[7].

В сатирической печати появилась карикатура: совработник спрашивает гадалку: «...Какая будет следующая кампания, чтобы я мог во-

---

[1] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 68. Нечто подобное происходило в 1926 г. в Вышнем Волочке: рабочие отказывались от обслуживания трех станков. См.: *Лозбенев И.Н.* Указ. соч. С. 144.

[2] В 1930 г. текстильщикам пришлось протестовать уже против работы на шести станках. См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 657.

[3] *Ульянова С.Б.* Массовые хозяйственно-политические кампании в системе стимулирования труда в 1920-е гг. (Кампания по поднятию производительности труда в ленинградской промышленности в 1924–1925 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/ 2002. М., 2004. С. 150.

[4] *Борисова Л.В.* «Отношение рабочих недружелюбное...» С. 101.

[5] *Лозбенев И.Н.* Указ. соч. С. 144.

[6] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 59.

[7] Письма во власть. 1917–1927. С. 483–485.

время сигнализировать?»[1] Кампанейщина особенно раздражала тех рабочих, которые привыкли планомерно работать «на хозяина». Недовольство порой выливалось в псевдополитические истерики. 13 ноября 1927 г. Ярославскому и Молотову поступило письмо из Донбасса от чернорабочего (4 разряд, месячный заработок 52 руб.) Р.В. Думенко, члена союза металлистов, бывшего члена партии с солидным стажем (1904–1925 гг.). Он хотел знать, кто прав: «ЦК или оппозиция с Зиновьевым, Каменевым и Троцким?» Далее он продолжал:

> Вы подобны монархистам. Вы замазываете грязью рот тем, кто спасает от бюрократического и привилегированного государственного советского аппарата... который сделал рабочих и крестьян казенными рабами... Спрашивается, для кого вы строите социализм и как строите? Как попы царство небесное, царство христово... Перестаньте клеймить оппозицию, она ваше спасение от гнева народного... Я вижу за вашим делом Николая III, а за оппозицией – народовластие... Поэтому в оппозиции нахожу правоту политическую и экономическую. А ЦК нас уже довел до людоедства, классового неравенства... вы, видно, хотите сжечь род людской... Зиновьева, Каменева, Троцкого за что позорите? Тогда и Ленин меньшевик, по-вашему... Вы будете свое твердить до того времени, пока не начнут кирками, молотками да вилами бить... а пока не поздно, послушайте Зиновьева и Троцкого... Пришлите к нам в Донбасс Зиновьева и Троцкого.

Конкретные предложения Думенко были просты. Поскольку «ни один рабочий, крестьянин, служащий не говорит о коммунизме и социализме, он хочет просто хочет получать заработную плату по социальному распределению», то следовало уравнять заработную плату партийных руководителей и рабочих. Ему не нравилась принудительная подписка на заем индустриализации, раздражало, что «в кооперативе ничего невозможно купить» (следовало «допустить частную торговлю»), надоела «показуха в честь 10-летия революции». И, конечно, возмущало превращение Ворошилова в «жандарма советского»[2].

Ленинградские рабочие оказались куда более язвительными. Большевистским докладчикам на заводе «Красный парус» было заявлено:

> ...Наш Совет к десятилетию Октября сделал нам подарок – снизил цены на пиво; кабаки пооткрывали повсюду; спекуляция жилплощадью как была, так и есть...[3]

---

[1] Чудак. 1928. № 1. С. 5.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 1–2 об. Стоит заметить, что годом ранее Бродский писал Ворошилову: «Все художники в Вашем лице видят своего спасителя». См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 9.

[3] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 369.

Растущее недовольство, помноженное на социальные ожидания, давало о себе знать по-разному. Отношение к Троцкому оставалось неоднозначным[1], а 1930 г. вспоминали то царя, то Махно[2]. Иные рабочие не прочь были при случае настучать на интеллигенцию. От 30 рабочих Рихтеровской больницы ст. Ховрино поступила жалоба: «Врачи вынесли (вероятно, уволили. – *В.Б.*) нас из больницы за то, что мы организовали ячейку РКП»[3]. Не исключено, что пролетарии попросту желали установить в больнице собственные порядки. Власть, однако, склонна была принимать обычные проявления политической одури за сознательную акцию.

Некогда пролетарские писатели из «Кузницы» вдохновляли себя заклинаниями о том, что они пронизаны «пролетарским жизнеощущением», а их искусство – «это призма, где концентрируется лицо класса, зеркало, куда рабочие массы смотрятся на себя...»[4] На деле рабочим, чтобы «увидеть себя», предстояло разобраться с «врагами» и «друзьями». И в этом им старалась помочь правящая партия. А так называемое «пролетарское искусство» превращалось в памятник самому себе.

Некоторые рабочие срывали злость на оппозиции. Беспартийный рабочий Кржижановский из Читы 27 июля 1926 г. писал:

> Такие члены партии, которые стремятся внести раскол внутри партии – являются изменниками, предателями не только коммунистической партии... Это должно быть осуждено как самая подлая измена делу рабочего класса[5].

Были и более злые высказывания. А. Коледин, представившийся «рабочим из захолустья» (Баталпашинск), утверждал:

> Зиновьев, Лашевич и др. с жиру бесятся, хотят сыграть на желудке несознательного рабочего и крестьянина... мы сидим в окопах, окруженные хищными акулами капитала... а если наши вожди получают больше, чем мы, так это вполне отвечает нашим желаниям, мы хотим сохранить наших вождей, без которых мы обойтись не можем[6].

Примечательно, как адресовались во власть антибольшевистски настроенные личности. Некий «рабочий от станка» запальчиво доказывал:

> Не посылайте мое письмо в ГПУ, его я сам строчил, зря вы и ваши сотрудники ругают Троцкого, вам передают, что рабочие его ругают,

---

[1] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 70.

[2] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 331, 430; Ч. 2. С. 918.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 202.

[4] *Ляшко Н.* О задачах писателя-рабочего // Кузница. 1920. № 3. С. 26; Литературные манифесты. М., 1930. С. 163.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 157.

[6] Там же. Л. 289.

неправда, неправда... Троцкого рабочие любят больше, чем вас и Зиновьева, и др. В нашей партии много нечестных вредных людей карьеристов евреев, интеллигентов. Они при любой власти пристроятся... Троцкий борец, он сила и честный член партии, с Зиновьевым мы его сравнивать не сможем. При таком гнилом ленинизме, занятом вами, мы скоро свалимся[1].

В 1928 г. один нижегородский рабочий заявлял: «Не надо так позорить оппозицию, она права, предлагая освободить крестьянство от налога на 35–40 %». Другой пролетарий высказался категоричнее:

В стране в настоящее время диктатура Сталина. ЦК проводил неверную хозяйственную и внутрипартийную политику, чем ослабил мощь Советского Союза. Политика партии сама создает оппозицию[2].

Направлялись Сталину и «подметные» послания. Так, одно из них было «от группы рабочих, прошедших всю гражданскую войну [боровшихся] добровольно против бандитов: Колчака, Дутова, Чехословаков, Бладовича (вероятно, С.Н. Булак-Балаховича. – *В.Б.*), Юденича, Махно, Корнилова и т. д. всех сволочей не перечтешь». Эта группа (одиннадцать неразборчивых подписей) сообщала, что «тяжело становится... на душе к 8 годовщине нашей советской власти, когда мы видим, что начинает сейчас твориться по СССР». Прежде всего беспокойство вызывала продажа водки:

...Говорят, что без 40° к социализму нельзя подойти... мы этому не верим, но все же противники 40°, которая определенно стала вносить разложение от рабочих, от своей нужды... А также развиваться стало большое хулиганство[3].

Далее волновала проблема беспризорников:

Вы посмотрите, что делается в Москве с беспризорными детьми, неужели нам в свободном государстве не стыдно, что по улицам раздетые разутые дети... ведь из них определенно вырастают будущие бандиты, с которыми опять может быть борьба...[4]

О борьбе группировок в партии «рабочие» сожалели: «Ведь коммунисты какие были дружные в 1917 году и во время гражданской войны, а сейчас?» По их мнению, они разделились на «три группы»:

1) хозяйственники, наркомы, члены коллегий, заведующие, которые никак... не будут говорить с простым рядовым членом партии ни по какому вопросу...

---

[1] Там же. Л. 130.

[2] Цит. по: *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 79.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 3.

[4] Там же. Л. 3–4. Существовавшая сеть детских домов проблему детской беспризорности не решала. См.: *Gorsuch A.* Op. cit. P. 161–163.

2) Средняки, которые болтаются на одном месте, а их вперед и не продвигают никогда ни по какой линии.

3) Пассивисты, которым вся атмосфера... в партии уже не нравится и они говорят: «пусть де мол делают, а мы обождем, т. к. если нам говорить, то нас осмеют»[1].

Далее развивалась антисемитская тема:

Евреи все находятся на хороших местах и получают прилично, и доверие им большое, хотя бы они и проворовались да не раз, и партия за них защищает и с местов не убирает... все партийные почти ответственные евреи, и потому русским не хочут дать дорогу... и при том русские сами друг друга не защищают, а евреи наоборот друг за друга горой стоят (хотя мы и не противники нации, но в жизни это практически так бывает...)...[2]

В своем кругу эти «рабочие» обсуждали и внутрипартийную дискуссию. По их логике получалось, что партии надо периодически «давать толчок»,

а сейчас к восьмой годовщине советской власти и мануфактуры очень мало стало и продукты... вздорожали до невозможности, и ножницы начинают расходиться... все это говорит опять за то, что партии нужен опять толчок, который бы ее не заставлял спать... а то к 9 годовщине мы без порток останемся и 60° увидим и на все продукты цены может быть еще взвинтим, ведь весы-то стали метрические, а не фунты прежние, а цена-то осталась все так же, да еще дороже в несколько раз, за исключением хлеба (а насчет вина даже съезды врачей высказываются... за прекращение выпивки, т. к. она вредна)...[3]

Довольно своеобразно эти «рабочие» читали прессу. По их словам, «сегодня 28 [октября] в правде (имелась в виду газета «Правда». – *В.Б.*) объявлено, что мануфактуру давать будут по членским профсоюзным книжкам». Однако 28 октября 1925 г. в «Правде» уже не впервые говорилось *о спекуляции* мануфактурой. Возможно, власти подавался сигнал: к празднику «выбросить» товар. Смысл послания как будто определяла заключительная фраза:

И так вот, товарищи, Вы нас так не судите, как, может быть, мы вас задели, а вот лучше вы поправьте свои ошибки... т. к. вы от низов очень далеки... и не можете знать о чем... масса... просит, и вы к ее голосу прислушивайтесь. Просим Вас... нам обо всем написанном известить, поподробнее на все вопросы[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 4.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 4–5.

[4] Там же. Л. 5.

Трудно сказать, кто сочинил это письмо. Возможно, стихийные «оппозиционеры», возможно, обыватели, подделывающиеся под рабочих. Важно, что люди пытались указать на болевые точки системы от лица «класса-гегемона» с выгодой для самих себя. Очевидно, что и на «оппозицию» многие взирали сугубо прагматично.

Вероятно, наличие немногих пролетариев-идеалистов, чей образ многократно усиливался официальной пропагандой, приводило к тому, что часть юных выходцев из среды интеллигенции стремилась если не «орабочиться», то хотя бы соответственно выглядеть. Студенты воспроизводили «пролетарский» стиль поведения: пили, курили, дрались, крыли матом[1]. Происходила перверсия былых взаимопредставлений. Это сказывалось и на восприятии власти.

В.В. Адаев, беспартийный, но, по его словам, «ярый революционер с 1917 г. с анархическими убеждениями» и даже «бывший коммунист», 15 октября 1926 г. недоумевал: «Для какой цели допущена резкая критика на вождей пролетариата Зиновьева, Каменева, Троцкого и других?.. Троцкий сковал первую в мире Красную армию». При этом он провозглашал: «Да здравствует единство ВКП(б)!»[2] Напротив, один беспартийный заявил, что «страдает морально за целость коммунистической России – в сто раз больше, чем партийные товарищи Зиновьев, Каменев, Троцкий, которые глубоко заблуждаются»[3]. А «беспартийный молотобоец» Иван Калмыков в августе 1926 г. возмущался: «Почему Лашевича и Зиновьева не расстреляли и даже не исключили из партии?»[4] Люди, наученные известным опытом, боялись, что разброд в верхах приведет к очередным социальным потрясениям.

Разумеется, рабочие вносили в происходящее свои домыслы, порой нелепые. Семеро рабочих завода в Кольчугино 26 июня 1926 г. писали:

> Только одно, тов. Сталин, плохо – ты присылаешь к нам очень-то больно грамотных коммунистов, а вчерася из ячейки-то делал доклад о режиме экономии еврей – фамилия его настоящего хохла – Гайдамака. Зачем ты это им фамилию-то сменил: сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит. За Троцким этот Гайдамака на собрании тыщи в 4 рабочих отчебучил, что мы являемся хозяевами завода и теперь будем делить все прибыли поровну между служащими и рабочими – это по Троцкому[5].

---

[1] *Москвин М.* Хождение по вузам. Воспоминания комсомольца. Paris, 1933. С. 8.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 158.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 168.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 177.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 38.

Вряд ли стоит комментировать подобные послания. Интересно, что призывы к переходу на режим экономии породили в рабочей среде не просто «антибюрократические», но и «антиправительственные» настроения. Уральские пролетарии заявляли, что коммунисты выдумали режим экономии «для того, чтобы вожди наши обжирались в санаториях и курортах...»[1] С. Клименко, представлявший один из заводов Пермского округа, в сентябре 1926 г. предлагал передать часть госсредств профсоюзам, ибо «основной смысл Октябрьской революции не в создании советского государства, а в создании коммунистического общества». С этой целью следовало создать «единый общественный кооперативно-промышленный банк» – для рабочего класса «это более выгодно, чем тресты и синдикаты». Впрочем, он сомневался в разумности своих предложений:

> Если в этом письме просто чувствуется болезненный бред, то пусть товарищи своей критикой так и скажут. Для меня будет тоже полезно: жизненных потрясений у меня лично было много и с возрастом лет мозги стареют и вполне естественно докатиться не только до бреда, но и до полного сумасшествия; чтобы этого не случилось, быть может, следует воздержаться от глубоких соображений[2].

А комсомолец Додолин в декабре 1926 г. жаловался, что «режим экономии привел к тому, что рабочих и служащих начали увольнять»[3]. Иногда переход на режим экономии приобретал «спецеедский» характер. «Казак Степовный» (так он представился) 23 августа 1926 г. из армии предлагал экономить «за счет снижения ставок спецам». К этому он многозначительно присовокуплял, что «армия состоит на 80 % из крестьян, а они крайне недовольны содержанием»[4]. В Москве в сентябре 1927 г. появились листовки «Шабаловского дедушки», также посвященные «режиму экономии». В них предлагалось сокращение лишних расходов

> на пьянство и распутство, на содержание партийных учреждений за счет государства, на солдатчину, на излишние вооружения, на СТО и ВСНХ (достаточно одного Совнаркома), на ГПУ, на содержание шпионов и политических тюрем, на забастовку английских горняков, на увлечение курортами, выставками и самохвальством, на собрания и клубы...[5]

В дореволюционное время привычка к потреблению спиртного в рабочей среде имела два истока: потребность в праздничной релак-

---

[1] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 133.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 15.

[3] Там же. Л. 10.

[4] Там же. Л. 23.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 178.

сации, характерная для бывших крестьян, и необходимость «расслабиться» после «страдного» дня. Считается, что наибольший уровень возлияний демонстрировали рабочие энергозатратных производств. «Работа тяжелая, и без водки обойтись нельзя», – так объясняли они необходимость тратить до 50 % заработка на спиртное[1]. К этому добавлялась привычка «обмывать» и «спрыскивать», в которой обычная коррупция переплеталась со своего рода «пролетарскими инициациями». В 1925 г. в Киеве «было немыслимо попасть на производство, даже учеником, без блата или взятки»[2]. В 1929 г. одной из краснодарских газет «Плавстрой» был назван «Пьянстроем» – мастера и бригадиры брали магарыч за прием на работу[3]. В общем, из «обмывок» складывался обычный жизненный ритм пролетария, который мог измениться лишь в связи с общим прогрессом культуры производства. У ворот фабрики «Красное знамя» (с. Раменское Московской губ.) разместились четыре винных магазина[4]. Антиалкогольная изопропаганда не помогала[5].

Еще в 1917 г., в связи с разгулом «свобод», дисциплина на производстве стала катастрофически падать. В годы «военного коммунизма» жизнедеятельность рабочих определялась императивами элементарного выживания со всеми сопутствующими моментами – воровством, растащиловкой, халтурой. В 1924 г. в Ленинграде отмечались вопиющие случаи: одни женщины занимались в цехах стиркой белья, используя казенное мыло, другие вязали чулки, шили, вышивали[6]. Поскольку старые стимулы к труду утратили значение, рабочему следовало бы повторить обычный путь «пролетарской выучки», складывающейся из подчинения личности производственно-технологической необходимости. Возобновление свободной продажи спиртного усложняло эту задачу.

Дикую картину пьяного разгула в день Святой Троицы 1924 г. нарисовал ижевский корреспондент[7]. В пасхальные праздники 1925 г. повальное пьянство среди рабочих сопровождалось драками и поножовщиной с десятками убитых и сотнями раненых. После празднич-

---

[1] *Макаревич А.М., Соколов А.К.* Указ. соч. С. 22.

[2] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 84.

[3] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 250.

[4] Смехач. 1925. № 21. С. 13.

[5] В 1929 г. появились такие плакаты: «Из рабочей гущи выгоним пьющих» [авторы Янг (Ганф) И.А., Черномордик А.], «Долой пьяниц! Заявим громко...» (Янг И.А., Черномордик А.). Затем стиль плакатов изменился: «Стой. Последнее предупреждение» (Соколов-Скаля П.П.) и «Долбанем!..» (Дени В.Н., 1930). На последнем плакате изображен молотобоец, замахнувшийся на бутылку.

[6] *Ульянова С.Б.* Указ. соч. С. 149.

[7] *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 68–69.

ных загулов на заводы не являлось по нескольку сот рабочих. Женщинам вновь приходилось дежурить у проходной в день получки. Стали пить на рабочем месте, что повлекло за собой рост травматизма и поломку оборудования[1]. Темпы роста «пьяной» преступности говорили сами за себя: на улицах Петрограда–Ленинграда в 1923 г. было задержано в нетрезвом виде 2 тыс. человек, в 1924 – 11 тыс., в 1925 г. – 33 тыс., в 1926 – 95 тыс., в 1927 г. – 113 тыс. человек. Свыше 80 % из них составляли рабочие, от 5 до 10 % – члены партии и комсомольцы, 8–10 % – женщины. В Ленинграде 56 % рабочих пили по праздникам, 38,5 % – независимо от таковых, а 12,5 % рабочих потребляло спиртное ежедневно. На Сормовском заводе за два праздничных дня было выпито 8000 ведер горячительных напитков[2]. В целом доля пьющих рабочих доходила до 90 %, число запойных алкоголиков до 10 %. С 1922 г. начался рост психических заболеваний на почве пьянства (хотя даже в 1925 г. он не достиг уровня 1913 г.)[3]. А между тем пособия по временной нетрудоспособности (справку о которой получить у врачей, опасающихся праведного «пролетарского гнева», было нетрудно) достигали 95 % среднего заработка[4]. Получалось, что периодически уходить в запой выгодно[5].

Тем временем левые западные авторы, посетив Россию, не уставали превозносить русского рабочего – образ мировой революции в их воображении еще не рассеялся. Иоханнес Бехер писал о «пролетарских машинах борьбы», требовал «интенсивной мобилизации пролетарского захватнического потенциала». Он мечтал о «новом человеке» – пролетарии, рожденном в горниле несчастной войны, у которого «руки – домкраты и рычаги, / грудь – башня, лоб – щит...»[6] Увы, русского рабочего идея реванша над старым миром теперь не столь привлекала. Прогрессировала деградация «авангарда».

«Грязная, уродливая пивная захватила у нас не принадлежащие ей функции общественного центра», – писал М. Кольцов, призывая открывать «советские чайные»[7]. Между тем рабочие не хотели соответ-

---

[1] *Такала И.* Указ. соч. С. 68. В 1924 г. на ленинградских предприятиях был зафиксирован заметный рост травматизма. См.: *Василевский Л.М.* Несчастные случаи в промышленности. М., 1925. С. 28.

[2] Крокодил. 1928. № 21. С. 5.

[3] *Такала И.* Указ. соч. Р. 75–76.

[4] *George V., Manning N.* Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. London, 1980. P. 35.

[5] Ленинградский сатирический журнал, обыгрывая эту тему, сообщал, что «63 % больных при посещении врачом не оказывались дома». См.: Бузотер. 1924. № 2. Декабрь. С. 9.

[6] *Рорвассер М.* Указ. соч. С. 457.

[7] *Кольцов М.* Указ. соч. С. 146.

ствовать навязываемому им идеальному облику, а большевики сваливали свою классово-воспитательную неудачу на «окрестьянивание» и «засорение» их рядов «чуждыми элементами». Состав пролетарской среды действительно менялся[1]. Старые, полукрестьянские элементы его психологии упорно противостояли официальной пропаганде. При этом в городской среде удерживалась «военно-коммунистическая» зависть к деревне. Накануне нэпа в Иркутске некоторые дома опустели – горожане распродали мебель крестьянам в обмен на хлеб[2]. Такое не забывалось. Если верить ироничному бытописателю Вагинову, по мнению некоторых горожанок,

> ...крестьянки перещеголяли городских франтих, имеют 3–4 воскресных платья... в праздничные дни по утрам девушки отправляются с узлом в церковь, а затем, после службы, по пути, отойдя в кусты, переодеваются. Затем меняют платье к обеду, переодеваются и вечером[3].

Процесс деклассирования пролетарской массы порождал новых экстремистов. В.С. Елисеев, член союза текстильщиков, по его словам, «рабочий от станка», добровольцем вступивший в Красную армию, а теперь трудившийся на фабрике имени III Интернационала (Александровский у. Владимирской губ.), надеялся найти свое новое место в жизни. «На КВЖД беспорядки, – писал он. – Прошу командировать меня, во время империалистической войны служил в Хабаровске в ж.-д. батальоне, знаю немного по-китайски и корейски... обладаю агитационной и пропагандистской способностью». Оказывается, в 1923 г. его исключили из партии за то, что «говорил правду», затем восстановили, но производственного стажа он лишился[4]. По этой причине он просил «перекинуть» его на «новую» (вероятно, более понятную) работу.

Вопреки усилиям власти пролетарский быт никак не превращался в «передовой». 27 июня 1924 г. К. Чуковский описал поведение рабочих в одном из образцово-показательных санаториев. Радость от идеального порядка и прекрасных столовых скоро сменилась смутным раздражением – «лица у большинства – тупые, злые». Рабочие, не довольные отсутствием «свободы» в привычном понимании, «окурки...

---

[1] Ю. Ларин даже подсчитал, что с 1924 по 1926 г. в состав пролетариата влилось 6,3 млн представителей других классов (*Ларин Ю.* Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения. М.; Л., 1928. С. 5). При тогдашнем уровне безработицы данная цифра смотрится сомнительно.

[2] *Ball A.M.* Op. cit. P. 88.

[3] *Вагинов К.К.* Указ. соч. С. 386. Платья сохранились, скорее всего, со времен Первой мировой войны, когда государственные пособия за мужей, служащих в армии, крестьянки стали бездумно тратить на предметы «роскоши».

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 154–156.

бросают... наземь и норовят ударить в пивную, куда им запрещено»[1]. Вряд ли такие замечания можно отнести к разряду обычного «интеллигентского» брюзжания: «Правда» отмечала нечто подобное[2]. Рабочим хотелось «отдыха» от запретов, а вовсе не цивилизованной устроенности бытия.

Западные левые писали о том, что революция призвана «заново упорядочить, перераспределить хозяйственные мощности» на основе централизации и административного объединения[3]. Такие иллюзии диктовались устойчивыми представлениями о хаосе капиталистического производства. Это был взгляд из прошлого, когда трудно было представить, что «социалистический» порядок способен обернуться омертвением социальной ткани. Впрочем, пытаясь приручить рабочих, власть использовала не только кнут, но и пряник. Ильф и Петров не особенно утрировали, заметив «непонятное» для людей иного времени объявление: «Пиво продается только членам профсоюза»[4]. Пильняк в «Красном дереве» (1929 г.) сообщал, что в провинции в 1928 г. «как за водкой, так и за папиросами очереди были – обычная и профессиональная»[5]. Пролетариату – классу, согласно Марксу, не имевшему ни собственности, ни отечества, – предписывалось осознать себя «передовой силой современности» через подачки, выдаваемые за почетные привилегии.

Неудача попыток превратить рабочих в «сознательный» класс (на деле в активно-послушных подданных) вызывала раздражение в верхах. «Воинствующий безбожник» Е. Ярославский публично относил шкурников, пьяниц, хулиганов и прочих лиц, «поддавшихся бытовому загниванию», к людям, потерявшим свое пролетарское и партийное лицо. Более того, он объявлял их «классово чуждыми элементами»[6]. Западные наблюдатели, со своей стороны, отмечали, что русские рабочие «фаворитизированы», но при этом

---

[1] *Чуковский К.* Дневник. С. 276–277.

[2] В Московской области в благоустроенном доме отдыха на берегу Клязьмы, разместившемся в бывшей помещичьей усадьбе, молодые рабочие-металлисты не желали заниматься физкультурой, требовали отмены «мертвого часа», хулиганили. Один парень подпустил спящему рабочему «гусара», «всыпав ему в нос табаку и перцу». Разумеется, «шутника» тут же удалили из дома отдыха. См.: Правда. 1926. 6 июля.

[3] *Кёнен Г.* Указ. соч. С. 530.

[4] Кое-где пиво продавали только при оплате благотворительной марки Общества друзей воздушного флота (ОДВФ). Предполагалось выпустить специальное мыло ОДВФ. См.: Смехач. 1924. № 24. С. 15; 1925. № 5. С. 8.

[5] В сатирической печати писали о спекуляции «профсоюзными театральными билетами» (Бегемот. 1925. № 2. С. 2), о продаже галош по профсоюзным книжкам. См.: Смехач. 1925. № 36. С. 5.

[6] Цит. по: *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит...» С. 95.

страдают отсутствием трудовой дисциплины и склонностью к хулиганству[1].

Первоначально рабочие (из числа более наивных) недоумевали по поводу рецидивов прошлого. Работница М. Петрова (предположительно из Москвы) писала:

> За последнее время, как при проклятом царизме, мы всюду стали слышать слово жид по городу, на рынке, в очередях, на бирже труда и даже в отдельных случаях у врачей какие-то темные личности заводят разговоры про жидов... Недавно на Тишинском рынке кричали «Бей жидов!»[2]

Для нее, наслышавшейся коммунистических лозунгов, происходящее казалось невероятным. Она с изумлением отмечала, что «партийные работники, вместо того, чтобы сказать "Иди к черту!", говорят: "Иди к жиду!"», а распускают слухи, что «сейчас выбрасывают всех жидов из Политбюро». По ее словам, на фабрике «Красная роза» «особенно много разговоров на этот счет»[3].

Существует точка зрения, что с 1926 г. антисемитизм начал проникать в пролетарскую среду[4]. В действительности он никогда ее не покидал[5] – другое дело, что теперь он обострился[6]. Его происхождение понятно: представители «класса-гегемона» были поражены, что плодами революции пользуются не они, а совсем иная категория людей, «угнетенных царским режимом». Рабочие порой казались передовиками по части антисемитских выдумок. «Всесоюзному старосте

---

[1] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 196.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 86.

[3] Там же.

[4] *Орлов И.Б.* Еврейский предприниматель периода нэпа как «антисимвол эпохи» // «Бублики для республики». С. 106.

[5] В сентябре 1923 г. московские текстильщики требовали, чтобы в комиссиях по трудовым конфликтам включались только русские. См.: «Мы бросили работу, Придите к нам на помощь...» С. 22.

[6] Исследователи отмечают, что антисемитские мотивы наблюдались в проповедях священников РПЦ («жиды отнимают церкви», «обновленцы подкуплены жидами»), «Протоколы сионских мудрецов использовали иоанниты и евангельские христиане в январе 1924 г. В 1925–1927 гг. На Украине рабочие возмущались: «...Россия продана, евреи будут скоро устраивать концерты в наших церквах» (Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ соч. С. 181). ОГПУ ликвидировало несколько тайных организаций: «Орден русских фашистов» (Украина, октябрь 1925 г.); «Организацию русских комсомольцев ОРКОС» (осень 1927 г.); «Объединение бывших воспитанников I Московского кадетского корпуса»; Московскую «террористически-интеллигентскую организацию» под руководством литератора А.А. Ганина (расстреляно 7 человек 30 марта 1925 г.) (*Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 124–125). Формально Ганина расстреляли на принадлежность к «Ордену русских фашистов». Скорее всего, дело было сфабриковано. См.: *Карохин Л.* Алексей Ганин, друг Сергея Есенина. СПб., 1999.

тов. Калинину» 16 июля 1926 г. поступило послание «от русского рабочего Василия Ивановича Куколя» из Ростова-на-Дону с такими словами:

> Вы, как русский человек, неужели не видите, что делают жиды с русскими?
>
> Эта нация, эксплуатирующая все народы земного шара... русских окончательно поработила... У нас в Ростове под русскую Пасху в чистый четверг весь город был отравлен: была соединена канализация с водопроводом. Евреи были предупреждены за два дня, а в результате сотни тысяч больных, тысячи смертей и тиф[1].

Этот пролетарий (или человек, выступающий под его маской) утверждал, что «жиды отдыхают в свои праздники, коммунисты-евреи идут в синагогу с 1922 г., а русских преследуют, особенно казаков». По его сведениям, АРА «кормила во время голода только евреев»[2]. В принципе это был обычный набор известного рода домыслов[3]. Вопрос в том, насколько основательно они удерживались в народном сознании.

Калинин признавал, что антисемитизм в интеллигентской среде превзошел дореволюционный уровень, умалчивая о «пролетарском» антисемитизме[4]. Между тем согласно сводкам ОГПУ случаи демонстративной юдофобии среди рабочих были частыми. В октябре 1925 г. в Москве на заводе им. Ильича во время лекции по адресу «прикрепленного» к заводу студента Гольденгорна раздавались выкрики: «...Зачем ты, жид, приехал в Москву разводить агитацию». На одной из швейных фабрик говорили: «Власть еврейская... везде командуют евреи...» В ноябре в Туле на патронном заводе ходили слухи, что «арестован еврей врач Бух, убивавший христианских мальчиков...» В Минской губернии высказывались еще круче: «Нас евреи в мешок засадили, только осталось завязать». На Клинцовской суконной фабрике им. Ленина рабочие говорили, что «жиды взяли всю власть в свои руки, жидовское царство, не признают церквей, Бога, критикуют попов, а почему-то раввинов не критикуют». На Украине вопрошали: «До каких пор мы будем лежать под гнетом жидовских паразитов?»[5] Некоторые рабочие-евреи даже обнаруживали в Мо-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 183.

[2] Там же.

[3] Иной раз АРА выдавала вспомоществование в соответствии с суммами, выделенными заграничными родственниками (вовсе не обязательно евреями) (*Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 53). В связи с этим сложилось устойчивое представление, что именно евреи преуспели в получении помощи. См.: *Семенов-Тян-Шанский В.* Указ. соч. С. 405.

[4] *Канцелярский П.* Советская власть и еврейское население в СССР. Днепропетровск, 1929. С. 17.

[5] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 327–330.

скве «антисемитские группы» рабочих[1]. На Северном Кавказе, где ранее была распространена армянофобия, теперь заговорили о евреях: на грозненских нефтепромыслах рабочие, оставшись без премии, заявляли, что «это не рабочая, а жидовская власть»[2]. Были и другие антисемитские заявления. Так, рабочий-строитель Ф.Е. Загорулько из г. Фрунзе 5 августа 1927 г. писал Калинину, что «русских переселяют в степные края, а евреев – в Крым», уверяя при этом, что «у нас нет разделения на национальности». Он считал, что когда «евреи не хотели идти в царскую армию, то были молодцы, но когда не шли в Красную армию, то были предатели». Возникает вопрос: «Теперь мы снова накануне войны, пойдут ли евреи воевать?» Нынешнюю власть он называл властью «чиновников и евреев»[3]. В 1929 г. студент педфака Шевцов разослал по редакциям статью, в которой доказывал «буржуазный» характер еврейской нации и предлагал не допускать ее представителей на работу в госаппарат и вузы[4].

Антисемитизм приобрел характер системной психопатологии. Тем не менее вопреки очевидному Ю. Ларин в конце 1926 г. уверял, что «среди рабочих антисемитские настроения имеют только наносной, случайный характер», связанный с антинэпманскими настроениями[5].

Трудно было ожидать иного от пасынков российского – теперь «пролетарского» – патернализма. Иной раз их антисемитизмом двигала обыкновенная зависть. И антисемитское поветрие доминировало до тех пор, пока пролетарии не увидели, что чиновники опережают евреев по части материальных благ.

Примечательно, что в среде эмиграции также обсуждалась проблема истоков антисемитизма. Известный экономист Б.Д. Бруцкус в письме к не менее известным Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичу усомнился в том, что корни антисемитизма – в «еврейской» спекуляции. По его мнению, даже в условиях, когда всякая торговая деятельность превращается во «что-то крайне несолидное, отчасти рваческое», отношение населения к частной торговле «скорее благоприятное» – частник-спекулянт («пискулянт») «дает ему цену, какой т. н. кооперация не дает»[6]. Увы, подобные темы не стоит обсуждать

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 31. Л. 53–54.

[2] Цит. по: *Гатагова Л.С.* Антисемитизм и погромы на Северном Кавказе в контексте кавказских фобий (1920-е годы) // Вестник Тверского государственного университета. 2008. Серия: История. № 19(79). С. 80.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 179–179 об.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 339–340.

[5] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 448.

[6] Читая письма Бориса Бруцкуса (письма экономические, политические, домашние) // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим. 1996. Т. V. С. 254.

с чисто экономических позиций: хозяйственная выгода, получаемая от «чужого», формирует не положительное, а амбивалентное к нему отношение со всеми вытекающими отсюда ситуационными или отдаленными последствиями.

В пролетарской среде порой появлялись и необычные мнения. Бывший чернорабочий, а ныне безработный Иван Меандров из Подмосковья (Петровско-Разумовское) 2 октября 1925 г., поведав о том, что, с одной стороны, «идет зажим беспартийных и непрофсоюзников», с другой – «пьяный разгул, разврат среди профсоюзных работников», отметил, что у евреев, в отличие от русских, «есть сплоченность», и, хотя их «костерят везде и повсюду», они – «молодцы, если... идут к цели, так до нее доберутся...» Он полагал, что «нужно учиться у евреев, как жить и быть людьми». Заканчивал он свое довольно пространное послание вполне по-русски: «Дайте работу, а то стану преступником»[1].

Создается впечатление, что термин «враги народа» использовался низами в первую очередь для стигматизации коммунистов. Безработный В.М. Стрельцов 1 августа 1926 г. гневно писал наверх:

> Враги народа, Россия задыхается от запаха гнили. Гниет ваша партия и заражает воздух... Я голодающий, я безработный, а ВЫ – сытая власть. Не хотите ли поменяться местами?[2]
>
> Он уверял, что все население готово крикнуть новым правителям: «Убирайтесь вон!»

В таких условиях важно было разобраться с кандидатами на заклание. Стрельцов писал не в первый раз. Несколько ранее он заявлял: «Ясное дело, товарищи, вы подошли России, как корове седло». И отметив, что «население хочет свободно высказываться», просил:

> Разрешите мне основать оппозиционный орган печати... Денег у меня нет ни копейки, но на такое дело... я найду сотни тысяч в две недели[3].

Сознание пролетарского авангарда все основательней фокусировалось на поисках «врага»[4]. В январе 1927 г. в Мелитополе была обнаружена рукописная листовка «Комитета Свободная русская Россия» с призывом к «уничтожению творящейся несправедливости». В ней говорилось:

> ...Не так давно русский пролетариат добивался свободы, жертвуя тысячами своих братьев, и он ее добился, но какой свободы. Вместо

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 360–364.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 267.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 9.

[4] См.: *Смирнова Т.М.* «Вычистить с корнем социально чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества // Россия в XX веке. Реформы и революция. Т. 2. М., 2002.

царей и империалистов – опять кабала нового дворянства – жидов и коммунистов... Этой ли свободы добивался русский пролетариат. Мы, русские, находимся под властью той диктатуры, юридически которую мы сами же создаем, но на самом деле ее диктует нам кучка коммунистов и жидов...[1]

В общем, в «классовую справедливость» рабочие не хотели верить. «Пролетарий в пролетарском государстве на положении подозрительного элемента, а всякая лицемерная сволочь, волею революции пролетаризировавшаяся, может тебя в любой момент утопить в ложке воды»[2], – писал М. Калинину его старый друг, зав. энергетическим бюро Трансмаштехобъединения М. Матюхин.

Подобные мнения гипертрофировались в связи с внешнеполитическими страхами. В Вышнем Волочке говорили: «...Англия не боится нас. Наших умников бьют, а они кричат: "Мы не боимся", а у самих поджилки трясутся». Тверской рабочий (фабрика «Пролетарка») заявил: «В случае войны из 100 коммунистов останутся 5, остальные, "буржуазные", разбегутся»[3]. Самарский рабочий Погодин заявлял: «Скорее бы война, чтобы свергнуть этих бандитов (коммунистов), тогда бы лучше стало жить, а то положительно шагу нельзя шагнуть, чтобы за тобой не наблюдали»[4]. Порой для того, чтобы почувствовать под собой «почву», достаточно ощутить опасность со стороны захватчика-врага[5].

Похоже, что в целом к концу десятилетия рабочие превратились в инертную массу, вяло реагирующую на все, что выходило за пределы их бытовых потребностей. В справке о настроении рабочих Омского округа для Информотдела ЦК ВКП(б) указывалось на «падение дисциплины», «случаи пьянства и дебоширства со стороны новых и старых рабочих», но вместе с тем «подслуживание к администрации» со стороны новичков. Подчеркивалось, что последние «на грубое отношение к ним... не реагируют, боясь увольнения», однако «прогулы носят систематический характер», среди прогульщиков 18–20 % коммунистов. Отмечались «тенденция к уравнительности», «упадочность и раздражительность», особенно «среди старых партийцев, активных участников гражданской войны». Многочисленные выходы

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 65. Характерно, что, воспроизведя текст этой листовки, чекисты сообщили о действиях на Кубани анархо-синдикалистов и левых эсеров – создавалось впечатление, что оппозиционные настроения в рабочей среде возникли в связи с контрреволюционной агитацией.

[2] *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит...» С. 95.

[3] Цит. по: *Лозбенев И.Н.* Указ. соч. С. 145.

[4] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 70.

[5] По некоторым данным, сидельцы Соловков надеялись, что если война начнется до 15 августа 1927 г., Советской власти наступит конец, если этого не произойдет, все останется по-прежнему. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 146.

из партии связывались с «недовольством поступками отдельных ответработников, формальным подходом при переводе из кандидатов в члены партии...» Зато куда более активно в партию шли служащие[1].

У иных рабочих сложилось более чем своеобразное представление о дисциплине. В 1926 г. В.Г. Данилов, член партии с 1923 г. жаловался в ЦК: «Приехал из Красной армии, отслужил 8 лет добровольно», побывал на свадьбе, «сильно был выпивши, не выходил на работу 7 дней, меня уволили», после этого «4 месяца не платил членские взносы». Он искренне не мог понять: «За что меня хотят выписать из партии? Неужели у нас защищают только администрацию?»[2]

В мае 1928 г. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) рассматривала дело 34-летнего И.Ф. Жегалева, большевика с 1917 г., матроса, участника штурма Зимнего. В 1923 г. он был исключен Ленинградской контрольной комиссией из партии на один год «за пьянство и должностное преступление», восстановлен (уже будучи в Армавире), но в конце 1927 г. ему было «поставлено на вид» за «распространение ложных слухов о партийце-руководителе, халатное отношение к своим обязанностям и появление на работе в нетрезвом виде»[3]. Похоже, что этот непоседливый человек продолжал свою собственную войну «за справедливость».

Довольно трудно поверить, что в свое время отчаянные диссипанты бунтовали не во имя «светлого будущего», а в надежде обрести достойное место в привычном мире. 24 сентября 1930 г. ЦКК рассматривала дело 28-летнего нижегородского рабочего П.А. Воскресенского, большевика с 1918 г., в прошлом красноармейца, а ныне юрисконсульта. Первый раз он исключался из партии в 1921 г. за венчание в церкви, второй – в 1925 г. за «выпивки», третий – в 1926 г. «за пьянство и дебош». Высшая контрольная инстанция не возражала против его очередного вступления в партию «через рабочую ячейку»[4]. Вероятно, это был просто «вечно недовольный» человек. Патерналистская система рассчитана на сервильный тип личности, прочих объявляют бунтарями. Однако не в меру активных земляков Петра Заломова (воспетого М. Горьким в повести «Мать» в образе Павла Нилова) все еще оставалось немало[5]. Их старались высмеять[6].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 69. Л. 1–2.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 103

[3] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 29. Л. 526.

[4] Там же. Л. 1–1 об.

[5] Впрочем, к 1930 г. удельный вес коммунистов, исключенных из партии за пьянство в Нижегородской губернии, составил «всего» 21 % (*Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 74) – то ли к возлияниям попривыкли, то ли по «классовой линии» проступков прибавилось.

[6] В сатирической печати обыгрывались лица, «вычищенные» за пьянство, которые «пострадали от царского режима» за скандалы в нетрезвом виде. См.: Чудак. 1929. № 36. С. 4.

Контраст между реальным и желаемым усиливался. На московском заводе «Серп и молот» рабочие вступали в соцсоревнование, клеймили позором отстающих, брали их «на буксир», а между тем производительность труда падала, предприятие выдавало немыслимое количество брака[1]. О последнем официальная пропаганда вспоминала только в связи с поисками «вредителей».

Разумеется, большевистские лозунги застревали в сознании. Как результат, крестьяне под диктовку коммунистов сочиняли к празднованию дня Парижской коммуны такие, к примеру, резолюции:

> Французский пролетариат дал большую рипитицию для всего земного шара нисмотря что понес ошибку, что допустил буржуазию во власть. [Ленин] совместно рабочими и крестьянами пролитариата свергли самодержавие и Французский пролетариат ведет борьбу против капитализма[2].

И не стоит думать, что корявые фразы легко вымывались из памяти. Утопии взрастают на почве несоответствия ожидаемого и достигнутого. Недовольство бытом порождает не только отчаявшихся, но и мечтателей. И трудно сказать, в чью пользу менялось соотношение между ними.

Строго говоря, государственный Левиафан уже одержал победу над пролетарским бунтарем. Сразу после похорон Ленина на пленуме ЦК РКП(б) было решено вовлечь в партию не менее 100 тыс. рабочих от станка – этот демагогический жест был призван парализовать возможную оппозицию. Цифра новообращенцев была превышена едва ли не в 2,5 раза. «Качество» большевистских рядов упало. Тем не менее на мартовско-апрельском пленуме 1924 г. было решено предоставить право решающего голоса на выборах на XVIII съезд РКП(б) *всем* кандидатам в члены партии. В результате 748 делегатов съезда представляли 735 881 члена партии, из которых 241 591 составляли новобранцы «ленинского призыва». Последние могли лишь пассивно следовать за «понятными» решениями верхов. Впрочем, при известных обстоятельствах от них же можно было ожидать полубессмысленных протестных реакций. В общем, крестьянская ментальность неуклонно просачивалась в ряды «пролетарского авангарда».

К середине 1920-х гг. у трудящихся уже сложился набор претензий к власти. Рабочих раздражало то, что они получают в несколько раз меньше служащих (на деле разница не всегда была велика); основная масса крестьян не могла понять, почему бедняки «освобождены от единого налога». Но больше всего возмущало «неподобающее» поведение новых господ. «Пьют все партийцы, это бросается

---

[1] *Корнаковский И.Л.* Указ. соч. С. 199, 209, 212, 235.

[2] ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 12–12 об.

в глаза беспартийным»[1], – считал коммунист Ф.А. Арефин (Коми-Пермяцкий окр.) в августе 1926 г. Сам он не мог объяснить ситуацию ни себе, ни другим.

Разумеется, дело было не только и не столько в неумеренном потреблении спиртного новым правящим слоем – пролетариев все меньше устраивала ситуация в целом. В Тульской губернии на собрании рабочих вагонных мастерских один из них заявил:

> Мы, рабочие, должны выбирать своих, а не тех, которых нам дает партия, у нас найдутся работники и лучше, и честней. Сейчас одно и то же, что было при Николае II...[2]

Между тем пропагандистский образ «гегемона» менялся. 1 июля 1927 г. «Правда» поместила рассказ о московском рабочем-металлисте, который, явившись в завком, сообщил, что его брат (с которым он проживал совместно), работник кооператива приказчиков, каждый день приносит домой массу товаров для перепродажи в частные магазины[3]. Подобное стукачество, связанное, скорее всего, с «квартирным вопросом», подносилось в качестве образца общественной борьбы с дороговизной.

В апреле 1928 г. А.А. Жданов, тогдашний секретарь Нижегородского губкома партии и будущий сталинский идеолог, докладывал:

> ...Мы... имеем целый ряд поджогов и аварий, из которых... не все считаем случайными... Мы восстановили такие вопиющие факты: ...вода в бочках (противопожарных. – *В.П.*) оказалась замерзшей... дежурные спали и т. д. ...Сейчас среди рабочих существуют такие настроения, что нужно порыться и на своем предприятии и можно найти экономическую контрреволюцию...[4]

Приводимые слова можно использовать и для характеристики неослабевающего «пролетарского» разгильдяйства, и для иллюстрации параноидальных настроений в партии, однако не приходится сомневаться, что часть рабочих использовала борьбу с «вредителями» для сведения личных счетов. «Подсказки» верхов использовались по-своему.

Партийные лидеры вынуждены были реагировать на оживление религиозности в рабочей среде. Отмечалось, что в 1928 г. часть про-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 235.

[2] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 175.

[3] По некоторым данным, в 1925 г. за растраты, хищения и бесхозяйственность предстали перед судом 14 тыс. кооперативных работников. В связи с этим в газетах писали, что «к кооперации примазалось много бывших спекулянтов и лавочников». См.: Смехач. 1926. № 9. С. 3; № 27. С. 4.

[4] Цит. по: *Киселева Е.А.* Борьба с бюрократизмом по-большевистски: чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. // Социальная история. Ежегодник, 2009. СПб., 2010. С. 223.

летариев яростно сопротивлялась закрытию церквей. Конечно, это связывалось со слабостью антирелигиозной пропаганды, с «отсталостью» деревенского пополнением рабочего класса, с изощренностью «церковников», и особенно сектантов, «посылающих своих проповедников работать у станка». Приходилось констатировать, что в Москве «на одной фабрике баптисты трех наших коммунистов обратили в баптистов», а в циркуляре ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (февраль 1929 г.) признавались факты «массового вовлечения рабочих в сектантские организации, в частности создание комсомольских евангелических и баптистских кружков, братств, сестричеств и т. п.»[1] В сущности, к сектантам подталкивали сами большевики. Дело не просто в сужении пространства веры в результате подавления религии. Рабочим прививалась религиозная психология жертвы во имя будущего[2]. «Коммунистическая эсхатология» давала порой парадоксальный результат.

К концу 1920-х гг. разочарование властью охватило подавляющую часть рабочих. Обычно это проявлялось ситуационно, хотя кое-где «упадочнические» настроения принимали устойчивый характер – соответственно падению заработной платы[3]. Особенно заметно это стало весной 1929 г. Рабочие Ульяновска заявляли:

> Мы поддерживаем партию и будем поддерживать, но зачем нас обманывать. Сказали, – будете выдавать по 3 кило, а выдаете по 2 фунта на рабочего. Если у государства не хватает хлеба и его нужно экономить, то так бы и сказали рабочим безо всякой маскировки[4].

Должно быть, ситуация всерьез обеспокоила верхи. В мае 1929 г. неожиданно удостоилась аудиенции у Сталина Е. Микулина, 24-летняя

---

[1] *Курляндский А.И.* Сталин, власть, религия. С. 601–602, 606, 609, 611. В с. Али-Куй Терского округа одна баптистка уговорила школьников не петь «Интернационал», уверив, что произнесение «страшных» слов («проклятьем заклейменный», «ни Бог, ни царь») вызовет Божью кару (*Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 167). На Алтае баптистам удалось разложить комсомольскую ячейку (*Никольская Т.К.* Указ. соч. С. 75). «Коммунистов-баптистов» действительно обнаруживали во время партийных чисток. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 35.

[2] Этому способствовали напоминания о «Кровавом воскресенье», практически совпадавшие с годовщинами смерти Ленина. Данные коммеморации стали проводиться под лозунгом: «9-е января и его международное значение». См.: Правда. 1928. 22 января.

[3] Характерно, что местные партийные функционеры связывали это с тем, «что отдельные слои рабочих недостаточно хорошо понимают задачи партии в области нашего строительства». См.: *Тюрин А.О.* «Даешь деньги – тогда будем работать» – формы политического участия пролетариата в вопросах оплаты труда в конце 1920-х – 1930-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2011. № 2. С. 51.

[4] Цит. по: *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 68.

«правдивая» сочинительница очерка об успехах соцсоревнования. Генсек не только очаровал обомлевшую комсомолку простотой общения и оптимистичным похохатыванием, но и написал в «Правде» пространное предисловие к ее сочинению[1]. Если прочесть эту историю буквально, остается только восторгаться доступностью «вождя». Дьявол, однако, прячется в деталях. На протяжении 20-минутного разговора генсек не раз употребил слово «правдивый» – так характеризовался очерк, в котором желаемое с восторгом выдавалось за действительное. Словами «правда», «правдивый», согласно известному психологическому закону, непроизвольно злоупотребляют профессиональные лгуны, особенно в сложных ситуациях. Разумеется, очерк Микулиной оказался развесистой клюквой, рабочие встретили некоторые его пассажи «издевательским смехом». Сталин, однако, не отступился. Бывают времена, когда твердокаменные «материалисты» словно возвращаются к убеждению Платона: чувственно воспринимаемый мир – всего лишь ущербное подражание совершенству мира идей. Если так, то действительность надлежит переделать. Согласно генсеку, достоинство брошюры Микулиной в том, что она «заражала читателя духом соревнования», т. е. помогала превратить (или выдать?) желаемое за действительное. Юной «способной» писательнице стоило «надрать уши» за чрезмерное усердие, но отвергать ее услуги не следовало[2].

К этому времени пролетарии все чаще вспоминали не о «правде» во всех ее возможных ипостасях и иносказаниях, а о крепостном праве[3]. Но высказывались и другие мнения. На Днепрострое один табельщик (чекисты не преминули упомянуть, что он «связан с деревней») произносил следующие речи:

> От такой жизни скоро все будут контрреволюционерами. Покамест вредители – это верхушки, но скоро дойдет до того, что вредителями станут рабочие и крестьяне[4].

Попасть во «вредители» было нетрудно. П.И. Шмелев, большевик с 1917 г., сообщал, что рабочие завода «Юнкерс» в Филях (Москва) остались без жилья из-за главного механика Розенбаума, который заморозил строительство домов для «гегемона», но зато обеспечил квартирами мастеров-немцев[5]. Сложно установить степень виновности Розенбаума, но не приходится сомневаться в том, как сложилась его судьба в 1930-е гг.

---

[1] См.: Большая цензура. С. 146–155.

[2] См.: там же. С. 158–159, 163.

[3] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 69–70.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1204.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 29. Л. 15–16.

И тем не менее угроза помогала сплотить ряды усталого «гегемона». В 1927 г. труженики Ижевского оружейного завода заявляли: «Трудно будет справиться с буржуазией, если она пойдет на рабочий класс войной», а потому «нужно владеть оружием каждому рабочему»[1]. Такое заявление весьма примечательно: к этому времени на ижевских заводах оставалось свыше 4 тыс. рабочих, воевавших за Колчака, причем в 1924 г. некоторые из них заявляли о готовности вновь выступить против большевиков[2]. Опасность извне подталкивала к поиску «предателей». В начале 1929 г. некоторые рабочие заволновались: «Не расскажет ли Троцкий, выехавший за границу, военных секретов?»[3] Общественная паранойя прогрессировала, но большевики воевать не собирались[4]. В одном из документов содержалась такая характеристика настроений рабочих:

> Вопрос о войне особенно горячо обсуждала молодежь. Среди нее велись такие разговоры: наконец-то нам представляется случай расправиться с империалистами. Многие из молодых рабочих выражали желание проситься в войсковые части и на фронт без всяких медицинских осмотров... За войну высказывались и рабочие средних возрастов, но при этом выражали опасение, что наш Союз в смысле подготовленности в техническом отношении значительно ниже капиталистических государств... Рабочие старших возрастов высказываются с боязнью о войне потому, что опять принесет разорение, будут недостатки и всяческие лишения[5].

Сомнения относительно необходимости защищать «свое» государство были заметны. В декабре 1929 г. в связи с 50-летием Сталина некий коммунист – «чистокровный пролетарий» («из батраков», с 15-летним стажем работы на одном предприятии) направил генсеку «Открытое письмо», в котором недоумение смешивалось с негодованием. Среди ряда полуриторических вопросов, заданных «вождю», был и такой:

> Неужели ты до сих пор не осведомлен органами ГПУ о том, что рабочие до мозга костей жаждут в один день во всеоружии выйти на улицу и вырезать всех поголовно нас, коммунаров, и свергнуть наш террор![6]

---

[1] Цит. по: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 51.

[2] *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 102, 103.

[3] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 101. Л. 43.

[4] Когда в июле 1929 г. в большевистских верхах рассматривался вопрос о войне с Китаем, одни военачальники уверяли, что с китайцами «справиться не трудно», другие напоминали, что «воевать мы не можем по политическим соображениям» (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 140. Л. 142–146). Высказывались планы по использованию хунхузов, а Г.Г. Ягода предлагал организацию партизанских отрядов. См.: там же. Л. 146, 147.

[5] Цит. по: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 52.

[6] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 405.

Увы, власть была готова к такому повороту. Марксистская теория в ее начетническом варианте предлагала набор приемов, позволяющих нейтрализовать антикоммунистические выпады. Оказывается, на месте прежней «рабочей аристократии» появились «рабочие-кулаки» и даже «агентура классового врага внутри пролетариата»[1]. В определенные времена догматизм становится изворотлив.

Власть имела в своем арсенале набор приемов борьбы с инакомыслием. Осенью 1927 г. рабочие заговорили о том, что «коммунисты чувствуют приближение войны и поэтому весь хлеб попрятали», «откупаются хлебом от войны с Англией» и т. п.[2] К зиме 1928/29 г., по информации ОГПУ, в очередях за хлебом говорили: «...Нет охоты работать, все равно толку от работы мало»; «Хлеб отправили за границу, сами сидим без хлеба, а наши партийные кричат о достижениях»; «Нам, рабочим, затуманивают головы»; «Правительство с ума сошло»[3]. С осени 1929 г. снабжение Москвы и других крупных городов подошло к кризисной черте – таковы были последствия, с одной стороны, коллективизации, с другой – борьбы с частной торговлей[4]. Пришлось возрождать продовольственные карточки. И тут же, в 1930 г., ОГПУ «разоблачило» членов «контрреволюционной организации вредителей рабочего снабжения» из трестов Союзрыба, Союзмясо, Союзконсерв, Союзплодовощ и других, которые были расстреляны[5]. В своей жажде расправы над вредителями рабочие на митингах казались единодушными, некоторые в порыве «праведного гнева» подавали заявления в партию. Звучали, правда, голоса о том, что

> нечего нам глаза замазывать... Надо на кого-нибудь вину сваливать, вот и обнаружили вредителей, которые ни в чем не виноваты. Дело со снабжением после расстрела все равно не улучшится...[6]

Революционный роман большевиков с пролетариатом подходил к концу. Иные рабочие были готовы стрелять в коммунистов[7], другие, напротив, стреляли в себя. 20 января 1930 г. ОГПУ сообщило о самоубийстве потомственного уральского рабочего В.А. Карабаева, покончившего с собой выстрелом из револьвера в заводском красном

---

[1] *Депретто Ж.-П.* Указ. соч. С. 79.

[2] Россия нэповская. С. 404.

[3] Там же. С. 412.

[4] В Нижегородской губернии к 1930 г. вес «социалистического сектора» в торговле возрос до 95,1 %. См.: *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 109.

[5] К расследованию было привлечено 48 человек. Среди расстрелянных были председатель Технического совета Холодильного комитета при Наркомторге СССР профессор А.В. Рязанцев, видный инженер Е.С. Каратыгин. См.: Известия. 1930. 22, 25 сентября.

[6] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 536–539.

[7] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 69.

уголке. В 1914–1917 гг. за участие в антиправительственном бунте он находился в заключении, с 1918 по 1922 г. служил добровольцем в Красной армии, затем занимал ряд ответственных постов, при этом сильно пил, а в бытность управделами Пермского треста растратил крупную сумму денег. Будучи солидарен с правыми уклонистами, в марте 1929 г. он подал заявление о выходе из ВКП(б). В дневнике Карабаева остались записи о недовольстве новыми расценками, «тяжестью ярма», надетого на рабочих, «подлостью» администрации. В день самоубийства его критиковали за прогулы, пьянство, собирались уволить с работы за «срыв производства»[1].

Случай более чем символичен: Карабаев – типаж «стихийного большевика» с гипертрофированным «инстинктом справедливости» – оказался не у дел[2]. Потомственные рабочие, воевавшие за советскую власть, а затем пытавшиеся по мере сил управлять «пролетарским государством», теперь были не нужны. Требовались простые исполнители воли «вождя».

2. Крестьянская масса: новые разочарования

Согласно автору «Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920 г.), в 1934 г. в России пришла к власти крестьянская партия, города с населением свыше 20 тыс. человек были уничтожены. А.В. Чаянов не видел будущего за прежними формами российского индустриализма. Вольно или невольно он по-своему отразил крестьянские постреволюционные чаяния – противоположные устремлениям большевиков настолько, насколько естественный ход вещей в России всегда был противоположен замыслам ретивых доктринеров. К 1934 г. его утопия смотрелась злой насмешкой над действительностью, а потому трагическая судьба автора выглядит закономерно.

По иронии судьбы в августе 1920 г. началось грандиозное крестьянское восстание в Тамбовской губернии, в январе 1921 г. поднялись крестьяне в Западной Сибири. Это был своего рода апогей сопротивления большевизму. В 1922 г. А. Толстой отмечал, что живописный цикл Б.Д. Григорьева «Расея» – «особенное, издревле вечное мужицкое подполье», в реальной жизни еще не изжито[3]. Ощущение близости нового русского бунта – «бессмысленного и беспощадного», как всегда казалось, – постоянно тревожило коммунистов.

Крестьянство сохраняло недоверие к власти. И это было связано не только с представлениями о «пролетарском» (городском) ее ха-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 77–78.

[2] По некоторым данным, в 1929 г. за принадлежность к правому уклону было исключено из ВКП(б) 149 тыс. чел. См.: Общество и власть в 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998. С. 75.

[3] *Григорьев Б.* Расея. Берлин, 1922. С. 10, 19.

рактере. В 1920 г. из Вологодской губернии Ленину было направлено весьма впечатляющее послание:

> Мы крестьяне труженики середняки и бедняки не были никогда ни буржуями, ни спекулянтами барышниками, ни пьяницами, ни карманниками, ни лентяями паразитами, как высший класс, так и низший, за которого теперь Вы заступаетесь и жизненное государственное устройство которым Вы теперь вверяете. Богачи изворотливо откупались от несения государственных и общественных налогов, а с лентяев нечего было брать, которые от лености бросили свои земли и хозяйства... поборничеством, воровством, картежничеством занимались и всецело жили нашими же трудами. И вот таким-то людям Вы дали доверие и власть. Сидя у власти на местах, они... только и делают, что грабят, отнимают нажитое... Они своим разгильдяйством и разнузданностью озлобили всех нас против Вас...
>
> Мы просим Вас заставить их принудить работать, потому что нравственное влияние бесполезно к ним применять...[1]

Крестьяне смотрели на происходящее из того социального измерения, в котором превалировала трудная борьба за существование. Власть могла в этом либо помочь, либо навредить. Письмо подписали крестьяне нескольких деревень. Из него следовало: земля может прокормить, надо просто работать; глупо подрывать производительные силы деревни чрезмерными налогами[2]; власть, которая делает ставку на бездельников, абсурдна.

Увы, в российском городе никто никогда не вникал в голоса деревни[3] – отсюда неадекватные реакции. Поворот к нэпу сопровождался паникой в городской среде. «Крестьянство опять... начинает проявлять свои мелкобуржуазные, столь ненавистные правоверным коммунистам, аппетиты», – писал С. Веселовский[4]. Большевики недоумевали – в коммуны не шла даже беднота[5]. Иные партработни-

---

[1] «Вы дали власть лентяям и горлопанам». Новое о «социалистических» преобразованиях в деревне / публ. С. Кудряшова, А. Масальской, И. Селезневой // Источник. 1993/0. С. 26.

[2] О непомерных налогах буквально вопили отовсюду. См.: Крестьянские истории. С. 61–62, 71, 72, 76, 80–81, 91, 97, 103, 111, 125.

[3] Такое положение сохраняется. Встречаются такие «перлы»: «превалирование в сознании селян элементов бытийности и определенной доли мистицизма над "классовой сознательностью"»; «слово "торговля" еще со времен военного коммунизма для крестьян приобрело своеобразный магический смысл». См.: Россия нэповская. С. 96.

[4] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 116.

[5] За 2 года в Московской губернии было образовано всего 37 коммун, артелей было больше – 34 (к 1920 г.). В 1923 г. в губернии насчитывалось 413 коллективных хозяйств, но почти $^3/_4$ их состояли из одних рабочих. См.: *Ковалев Д.В.* Социализация земли и крестьянское землепользование (по материалам Подмосковья) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 105.

ки заявляли, что «крестьяне ни во что не верят и никакими вопросами не интересуются, а лишь стараются спасти свои собственные шкуры и всячески стараются укрыться от всех мероприятий Советской власти»[1]. 13 февраля 1921 г. в ЦК РКП(б) поступила записка Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина, Г.Г. Ягоды, М.С. Кедрова, которые утверждали, что крестьянские восстания – «только начало широкого мелкобуржуазного движения против пролетариата». Они были убеждены, что теперь повстанцы имеют некую общую программу (скорее всего, это мнение было навеяно слухами о том, что тамбовцами руководил Союз трудового крестьянства[2]). С другой стороны, «в городе происходят забастовки, заметны синдикалистские настроения, усиление внимания мелкобуржуазных партий», одновременно наблюдается «ослабление Красной армии после демобилизаций», а «в партии ведутся нескончаемые дискуссии»[3]. По этой логике, крестьянство в очередной раз провоцировало системный кризис государственности. Авторы записки предлагали создать для борьбы с внутренней контрреволюцией части особого назначения.

В «Чевенгуре» А. Платонова звучит характерная фраза: «...Мелкая буржуазия после второго пришествия подлежит изъятию...» Похоже, что к этому чекисты готовились загодя. Расправы над тамбовскими крестьянами были столь жестокими, что в июле 1921 г. возмутились Рыков и Троцкий, потребовавшие отставки А.В. Антонова-Овсеенко и М.Н. Тухачевского[4].

Между тем многие рядовые члены партии поворота к нэпу не понимали вовсе. На Урале обнаружился феномен «красного бандитизма»: молодые рабочие-коммунисты в 1921–1922 гг. продолжали убивать спецов, «как элемент контрреволюционный», а под видом борьбы с дезертирами расправляться с крестьянами-бедняками[5]. Находясь на курорте в Пятигорске член партии с 1905 г. И.А. Ткачев публично заявил: «Если т. Ленин очень поправел, если он совсем поправеет... [то мы] Ленина тоже вычистим...»[6]

---

[1] Цит. по: *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 180.

[2] *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий. М., 2010. С. 425.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 265. Л. 1–4.

[4] *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Указ. соч. С. 423–427.

[5] См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 80. Л. 11–13 об. Местные «красные бандиты» судили троих инженеров «своим судом»; чекисты преступников оправдали: они действовали «бескорыстно», были «безусловно преданы Рабоче-крестьянской революции», а инженеры являлись «саботажниками» и «террористами» (там же. Л. 11 об). Сообщали, что одному из крестьян-бедняков, ставшему жертвой других «красных бандитов», «отрубили голову и послали в Политбюро». См.: там же. Л. 11.

[6] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 1.

На деле крестьянство не имело никакой программы, кроме желания избавиться от «грабительской» власти. Сельские жители пребывали в убеждении, что местные начальники не считаются с законами, издаваемыми центром[1]. Действительно, с самого начала в процессе «социалистического землеустройства» решающее преимущество при наделении землей получали взяточники[2]. Власть сама провоцировала сельский протест. В силу этого деревенская автаркия, будучи следствием «военного коммунизма» и консервируемая «ножницами цен»[3], грозила далеко идущими последствиями[4]. Не случайно появлялись слухи, что приближаются белогвардейцы, которые не будут взимать продналог[5]. Главным врагом власти в России, как всегда, оказывались не те, кто ее кормит, а те, кто ее обслуживает.

Наиболее пагубным социокультурным итогом продразверстки стало то, что крестьяне лишились стимулов для создания хлебных запасов на случай неурожая – «излишки» зерна конфисковались. В случае недорода целым районам грозил голод. Это сознавали ученые-аграрники, однако власть, одержимая желанием все распределять, с их предупреждениями не считалась. Последствия сказались очень скоро[6].

До революции налогообложение в России было самым высоким в Европе[7]. Постоянно нуждающееся в деньгах государство в полном

---

[1] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 186, 189.

[2] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 88–89.

[3] *Растянников В.Г.* Из истории распределения продукта сельского хозяйства в России, СССР (20–30 годы XX в.) // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV. № 4. С. 201–203.

[4] В сатирической прессе сообщалось, что для покупки «Настольной справочной книги сельского хозяина» крестьянину нужно продать 60 пуд. хлеба (Смехач. 1925. № 5. С. 11). Вероятно, это преувеличение: по другим данным, в 1924 г. в Поволжье за пару простых сапог следовало продать «всего» 35–45 пуд. пшеницы (*Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 315), или даже (на Украине в 1926 г.) 15 пудов. См.: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 182.

[5] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 284.

[6] *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. С. 105.

[7] Средний уровень налогообложения доходил до 13,5 % от душевого национального дохода, тогда как аналогичная доля для Германии была 9,4 %, Великобритании – 10,5, Франции – 11,7 %. После 1907 г. налоги и сборы (включая платежи за землю и страховые сборы) по 50 губерниям Европейской России не превышали в среднем 12, 9 % дохода. В 1920/21 г. совокупное налоговое бремя крестьянства не менее чем в 2 раза превышало дореволюционное, изъятия составили свыше 25 % (*Вайнштейн А.Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное время (опыт статистического исследования: В 2 кн. Кн. 1. Советская экономика: 20-е годы. М., 2000. С. 168, 84, 107–109, 157). Анализ бюджетов крестьянских хозяйств Пензенской и Симбирской губерний в 1922/23 г. показывает, что тяжесть только прямых налогов составила в среднем

смысле слова душило хозяйственную инициативу. В годы «военного коммунизма» положение ухудшилось. Но и преимуществ перехода к нэпу заметили не везде. «Берут налог, а выходит хуже прошлогодней продразверстки! – писали наверх. – Все основано на обмане»[1]. В 1926 г. известный экономист С.Н. Прокопович подсчитал, что если в 1913 г. налоги съедали лишь 11, 9 % дохода крестьянских хозяйств, то в 1918/19 г. – 21,3, а в 1920/21 г. – 50,5 %[2]. Конечно, поскольку в первой половине 1920-х гг. шло сокращение прямых и возрастание косвенных налогов, определение реальной тяжести налогообложения затруднено. Официально считалось, что в середине десятилетия сельские труженики страдали от фискальной политики государства меньше, чем в дореволюционной России[3]. Увы, крестьянство этого, похоже, не замечало, – и это несмотря на то что беднейшая его часть от налогов освобождалась. Возмущало и количество всевозможных налогов[4].

Доктрина способна сыграть системоразрушающую роль. В Поволжье ущемление торговцев сдерживало ярмарочную торговлю, а затем привело к сокращению заготовок[5]. Крестьян поражало, что по отношению к «культурным» хозяйствам, обеспечивающим страну зерном, ведется столь нелепая политика. Зажиточный крестьянин С. Скрипченко (с. Ивановское, Северо-Кавказский край) недоумевал:

> Почему соввласть разделила крестьян на три группы: кулака, бедняка и середняка? Я думаю, этим только делается злоумышление на соввласть. Ведь все они помощники государства. Почему соввласть сама вознаграждает культурников, а этого же культурника лишает голоса?[6]

Крестьянство не могло не сопротивляться. Вскоре после объявления нэпа обнаружилось, что попытки добровольной коллективизации дают парадоксальный результат: кое-где обнаруживалось, что 50 % крестьян, вышедших на коллективное землепользование, «сделали это с целью захвата хороших земель, расположенных поближе

17,86 % от условно чистого дохода крестьянского хозяйства. См.: *Марискин О.И.* Тяжесть налогообложения крестьянских хозяйств Среднего Поволжья во второй половине XIX – первой трети XX века // Экономическая история. 2010. № 2(9). С. 67.

[1] Письма во власть. С. 278.

[2] Нэп: Взгляд со стороны. М., 1991. С. 45.

[3] Тяжесть налогообложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения СССР в 1924, 1925, 1926 и 1927 гг. М., 1929. С. 89.

[4] Чекисты особо подчеркивали это в донесениях Сталину в январе 1923 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 11.

[5] *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 246, 290.

[6] Цит. по: *Зайдинер В.И.* Наступление на зажиточные слои деревни в последние годы нэпа (по материалам Дона) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 303.

к населенным пунктам»[1]. Кооперация по существу превратилась в ширму. Так, в партизанском товариществе им. Ковтюха на Тамани (1926 г.) крестьяне получали землю под колхоз, а затем нарезали ее, т. е. воспроизводили общинную систему землепользования[2]. Из Тульской губернии сообщали, что «в коммуне им. Зиновьева беднота подкармливается, а потом разбегается»[3]. «Землеустройство у нас проходит большей частью по группе зажиточного населения. Бедняцкая часть землеустройство провести не в состоянии»[4], – признавали большевистские аграрники в феврале 1922 г. Под покровом социалистического землеустройства происходил по-буржуазному прагматичный, по-мелкобуржуазному циничный передел собственности. И хотя негативный образ кулака все же утверждался[5], преобладали старые внутренние и межобщинные противоречия, доходящие до открытых столкновений[6].

Большевики тем не менее по-прежнему рассчитывали на «классовый» раскол деревни. В 1922/23 г. было освобождено от налога около 0,5 млн бедняцких хозяйств, в 1923/24 г. – 2,2 млн, а в 1925/26 г. – 5,5 млн (т. е. 24 % всех крестьянских хозяйств)[7]. Конечно, далеко не сразу разобрались, кого считать бедняком, здесь не обошлось без волюнтаристских решений низового начальства. В связи с этим появилась частушка:

Хорошо тому живется,
Кто записан в бедноту:
Хлеб на печку подается,
Как ленивому коту.

На Севере России заговорили: «Умный бедняк на печке лежит, а дурак бедняк по два вечера на собрании сидит»[8]. Из Тамбовской губернии сообщали, что «деревенская беднота... зачастую безынициативна и несознательна...»[9] Крестьянин Ефим Федосов (Воронежская губ.) откровенно признавался, что надоело подстраиваться под лояль-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105. Л. 7.

[2] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 241.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 134.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105. Л. 8.

[5] Собрать соответствующий материал [Деревня при нэпе. (Кого считать кулаком, кого – тружеником.) Что говорят об этом крестьяне? М., 1924] оказалось несложно.

[6] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 400–402; Т. 5. С. 393–394.

[7] *Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В.* Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1972. С. 124.

[8] *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации власти... Р. 95.

[9] Цит. по: *Миронова Т.П.* Нэп и крестьянство (Социально-психологический аспект) // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 249.

ную ленивую бедноту[1]. В связи с подобными упреками А.И. Рыков проговаривался: «Мы иначе делать не можем... Если богатые станут победнее... большой беды с Советской Республикой не стрясется»[2]. Власть мыслила категориями ситуационного самосохранения.

Со своей стороны, «трудовой инстинкт» заставлял работать крестьян даже в социально безнадежных ситуациях. Освобождение бедняков от налогов было вынужденной мерой – им просто нечем было платить. С коммунами также практиковались временные послабления[3]. Разумеется, крестьяне прикидывались сирыми: иные из них не выписывали газеты, опасаясь, что их сочтут состоятельными[4]. Система «классовых» преференций, безусловно, порождала иждивенческие, а то и откровенно паразитические установки. По мнению крестьян, требовалось другое: «Если бы государство не баловало льготой, а ссужало кредитом маломощные хозяйства, то была бы польза»[5]. Но государство, как всегда, отчаянно нуждалось в деньгах. В Иркутской губернии, не добившись снижения налога, крестьяне заявляли: «Дураки-мужики, которые сеют при Советской власти по 20 дес. хлеба, коммунисты загнали всех, а сами галифе по 5 раз в сутки сменяют»[6]. Система прогрессивного налогообложения давала тот же результат – высокотоварные хозяйства становились для крестьянина «не выгодны».

Первые действия по сбору налогов напоминали карательные операции времен «военного коммунизма»: привлекались армия, милиция, специально сформированные дружины. Система наказаний за неуплату также строилась на основе прежнего опыта: предусматривались принудительные работы, конфискация имущества. Количество неплательщиков, преданных суду, на 10 ноября 1922 г. составляло 14 тыс., перед ревтрибуналами предстали 852 чел. С марта по ноябрь 1922 г. аресту подвергались 68 623 чел., наложению штрафа – 47 343. На местах царил произвол. Средний процент арестованных

---

[1] Крестьянские истории. С. 100.

[2] *Рыков А.И.* Письма в деревню // *Рыков А.И.* Избранные произведения. М., 1990. С. 375.

[3] Так, в 1922 г. коммуна им. Троцкого (Кубано-Черноморская область) выплачивала 38 % своего урожая; коммуне «Дача № 1» (Тамбовская губерния) налог скостили после перенесенных ею несчастий; коммуну им. Карла Маркса (Гомельская область) вовсе освободили от налога – она находилась на разоренной территории. Со временем государство отобрало у коммуны им. Троцкого часть выделенной земли. См.: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 120, 118.

[4] Крокодил. 1924. № 6. С. 5.

[5] Крестьяне полагали, что при таком раскладе за бедняков приходится платить середнякам, т. е. подрываются основы наиболее дееспособного и многочисленного социального слоя в деревне. См.: *Миронова Т.П.* Указ. соч. С. 242.

[6] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 541.

крестьян по Лукояновскому уезду Нижегородской губернии доходил до 40–50 %. Начальники хладнокровно докладывали, что многие деревни вообще отказывались от уплаты налога, но «после ареста трех деревень целиком налог стал поступать быстро». В Курганском уезде (Челябинская губ.) в начале 1922 г. перед ревтрибуналом предстало 1105 чел., однако треть из них оказалась несостоятельными налогоплательщиками[1]. В урожайном 1922 г. в Воронежской губернии продовольственный налог приходилось выбивать силой, аресту было подвергнуто более 1000 человек, однако к ноябрю было собрано чуть более 78 % требуемого[2].

Проблема налогов стала главной во взаимоотношениях крестьян и советской власти[3]. Раздражало прежде всего их количество[4] – хотя в марте 1922 г. был провозглашен переход к единому натуральному сельхозналогу, на местах осуществить это не удавалось. Американцев из АРА потрясло то, что продналог собирался даже в голодающих местностях[5]. Безобразия не составляли тайны для руководства. В декабре 1922 г. зампред ОГПУ И.С. Уншлихт сообщал Ленину:

> Злоупотребления продработников в этом году по своей преступности не уступают прошлогодним! Почти поголовное пьянство, взяточничество, вымогательство, обвешивание крестьян при приеме продналога, всевозможные насилия: избиения и даже убийства, незаконные аресты и административные взыскания, сбор с крестьян продуктов в свою пользу... и наконец, совершенно неслыханные издевательства над крестьянами[6].

Зафиксированы случаи, когда брали заложников из неплательщиков; одни крестьяне вынуждены были закупать продукты на рынке, другим запрещали везти туда товар без справки о сдаче налога[7].

---

[1] Россия нэповская. С. 107–108.

[2] *Куренышев А.А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 183.

[3] ОГПУ отмечало недовольство крестьян с марта 1922 г. См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 114.

[4] В январе 1923 г. у крестьян не было уверенности, что, «выполнив сегодня один налог, завтра не придется выполнить другого и третьего» («Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 581). ОГПУ сообщало, что «зажиточное население агитирует среди крестьян против множественности налогов». См.: там же. С. 689.

[5] *Хмелевская Ю.* Борьба с голодом 1921–1923 гг. на Урале: Американская «атака», местное сопротивление и взаимная адаптация // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 33. No. 2–3 (2006). P. 294. Еще большее изумление вызвали псевдолюдоеды – голодающие, объявлявшие себя каннибалами ради получения пайка АРА. См.: *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 309.

[6] Государственная безопасность России. С. 429.

[7] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Т. 1. М., 1998. С. 559, 566–570, 709.

По информации ОГПУ, продорганы требовали «уплаты налога высоко кондиционным зерном», которого у крестьян попросту не было[1]. В 1923 г. с порочной системой налогообложения связывали рост бандитизма[2] – ответ на аресты – и это было известно в верхах[3]. В том же году в Смоленской губернии крестьян осуждали за неуплату налогов на 6 месяцев[4]. В отдельных регионах им приходилось продавать хлеб вновь появившимся мешочникам[5]. Даже лояльные комсомольцы-бедняки, платившие налоги с 10-процентной скидкой, жаловались, что пени растут так, что «в тюрьму, вероятно, пойти придется»[6]. В Вологодской губернии основная масса судебно-административных взысканий и обвинительных приговоров за неуплату налогов приходилась на бедняков; на зажиточных крестьян их оказывалось всего 1–2 %. В начале 1923 г. в Чечне возмущались, что «бедняк обкладывается в 5–7 раз больше кулака, а «хлеб стал много дешевле, чем ситец»[7]. Порой кулаки, а вслед за ними все общинники, были недовольны скорее бедняками, чем властью[8]. Ситуация приближалась к абсурдной. Школьники плакали на уроках: «Папенька сидит»[9]. ОГПУ сообщало: в Сибири крестьяне коллективно «резали скот при освещении костров» для сдачи продналога, причем были заколоты «рабочие быки и племенной скот»[10]. Введение единого сельхозналога не улучшило ситуации. Он исчислялся механически – соответственно площади земли, которой располагал крестьянин. Крестьяне жаловались: «Замучил налог, продаем вещи; продналог дерут почем зря, ездит боевая тройка». Уверяли, что «забирают скот, сапоги, платки, юбки, разную чушь». Действовал принцип: «Не заплатил налог – угоняют скотину».

---

[1] См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 937.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 54.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 166. «Продналог нас душит, скотину забирают, хозяев судят на 1–2 года», – писали крестьяне своим сыновьям в армию. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950. Л. 32.

[4] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 101. Еще в 1923 г. были «случаи замерзания крестьян, находящихся под стражей в холодных амбарах по 8-ми суток». См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 673; Т. 3. Ч. 1. С. 80.

[5] *Давыдов А.Ю.* Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 52.

[6] *Перелыгин А.И.* Указ. соч. С. 54.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 23 об.; Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 78. Здесь ставка продналога была снижена. См.: там же. Л. 105.

[8] *Кукушкин В.Л.* Зажиточное крестьянство и власть в 1920-е гг. (на материалах Европейского Севера России) // Зажиточное крестьянство России... С. 289, 291–292.

[9] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 64.

[10] «Население эту ночь назвало варфоломеевской ночью, страшным судом и огненной метлой», – сообщалось в сводке. См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 549.

«У нас описали суконный пиджак и дунькину жакетку[1]», – жаловались некоторые.

В 1924 г. в Тамбовской губернии были отмечены случаи, когда за неуплату налога «сессией губсуда было постановлено сломать строения некоторых бедняков и демобилизованных красноармейцев»; в Тверской губернии отбирали вещи[2]. В декабре 1925 г. из Тамбова сообщали, что «отмечены случаи отказа от уплаты налога... [в связи с этим] процветают массовые аресты, описи имущества». Из Тулы жаловались, что «за несдачу налога отбирают вещи: одеяла, хомуты, сбрую, шубы»; крестьяне, «чтобы не лишиться платы за вещи, продают их кулакам за бесценок»[3]. В Ставропольской губернии арестовали более 10 тыс. задолжников[4]. Практика «наказания грабежом» к концу 1920-х гг. утвердилась[5]. «Все отбирают, никакой нормы не оставляют», – жаловались одни крестьяне. «Грабят... скоро одежду начнут отбирать», – плакались другие. «У нас ездят отряды за отрядами... отбирают самовары, холсты, шубу, посуду, полога», – сообщали продотрядовцы. Для последних «сбор дани» походил на праздник: «У нас отряды приедут и сыты и пьяны...»[6]

Некоторые уполномоченные по сбору налогов (Курганский окр.) рассуждали так: «Нам нужно обойти всех крестьян и сказать – нужно излишки сдавать государству, тем, кто на это не будет соглашаться, надо сказать, что он не советский гражданин и государство отдаст его под суд». Иные сатрапы действовали более «доходчиво». Некий председатель райисполкома, прибыв в сельсовет, так аттестовал себя: «Вот явилась к вам советская жандармерия хлеб выкачивать...» На вопрос обескураженных крестьян: «А что нам будет, если не выполним задание?», последовал лаконичный ответ: «Виселица!»[7] Таким становился стиль работы низовой власти.

Возможно, практику взаимоотношений крестьян с властью символизирует расхожая байка тех времен: крестьяне одного сила, не сумев собрать налог, постановили высечь самих себя, что и было проделано.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 27–28. Заявления о том, что для уплаты налога пришлось продать корову, были довольно частыми. Указывали также на несоразмерные пени за несвоевременную уплату продналога. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950. Л. 31, 32.

[2] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 366–365; Т. 3. Ч. 1. С. 79.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 30.

[4] *Brovkin V.* Op. cit. P. 43.

[5] Элементы такой практики обнаружились в некоторых регионах уже в марте 1922 г. См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 118.

[6] Цит. по: *Сухова О.А.* «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 373.

[7] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 208.

Верхам был подан сигнал: «Все понимаем, виноваты, но выполнить требуемое не в состоянии!» Но столь единодушная мирская лояльность становилась редкой.

Довольно сложно установить социальное происхождение людей, выдвинувшихся в деревенскую элиту. Ворошилов и Калинин подчеркивали, что в 1927 г. в результате выборов среди председателей волисполкомов оказалось 66,7 % демобилизованных[1]. В жалобах крестьян на представителей этой должности часто фигурировали кулаки. Одно не исключало другого: власти подсовывался образ понятного ей «врага». Люди «при должности» почти автоматически превращались во «врагов» крестьян. Что касается бывших красноармейцев, то их появление в деревне обостряло застарелые конфликты.

В наказе крестьян с. Березова (Спасский у. Рязанской губ.) волостному крестьянскому съезду говорилось: «При пересмотре единого сельхозналога необходимо настаивать на отмене тройной китайской бухгалтерии». Предлагалось также «урезать грабительские сельскохозяйственные кредиты, снизить их с 18 до 6–8 % – до нормы довоенного времени»[2]. Из армии тем временем сообщали, что настроения против налогов подогреваются антисоветским элементом из самих красноармейцев, убежденных, что собранные средства поступают в город, а крестьянин ничего не получает[3]. Конечно, для властей наиболее опасными казались армейские разговоры о том, что «при царском правительстве меньше обременяли налогами»[4]. Крестьяне, со своей стороны, также вспоминали, что «при Николае жилось лучше»[5]. У большевиков применительно к красноармейской среде появился даже специальный термин – «крестьянские настроения».

Один из героев А. Платонова («Сокровенный человек»), коммунист, рассуждал так: «коммунизм не власть, а святая обязанность». Ничего подобного крестьяне заметить не могли. Из Кончауровской волости Вятской губернии сообщали во ВЦИК, что «к продналогу, так же как и к советской власти, относятся неудовлетворительно»[6]. Власть казалась крестьянам «неразумной», честных ее представителей они, похоже, не встречали.

31 декабря 1924 г. селькор П. Рукавченко попытался популярно объяснить верхам, что «современная тактика обложения всей земли ненормальна». По его мнению, «главная причина недородов в том,

---

[1] См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 22.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 55.

[3] Там же. Л. 27, 30.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950. Л. 37.

[5] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 196.

[6] Цит. по: *Грехова Н.Н.* Налоговая политика в деревне в первой половине 20-х гг. // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1998. С. 198.

что земля облагается высоким сельскохозяйственным налогом, крестьяне вынуждены запахивать всю землю, чтобы извлечь из нее доход для уплаты сельскохозяйственного налога». Эта вынужденная агротехника порочна: «до войны крестьянин запахивал только лучшую землю, а худшую удобрял»[1]. Общее собрание крестьян 2-го Борисовского общества (Воронежская губ.) 18 февраля 1925 г. сделало предложение: «Никакого сельхозналога брать не следует, нужен косвенный налог на промышленные изделия»[2]. В скором времени «Крестьянская газета» признала, что «единый сельскохозяйственный налог дополнил недовольство крестьян»[3].

Для разрядки обстановки предлагалось запретить изъятие имущества вместо налога в районах, пострадавших от недорода: иначе «крестьянам грозит разорение»[4]. В конце 1924 г. селькор Д. Мясников в статье «Смычка. Крестьянский ропот» предложил целую систему мер, призванных ослабить фискальное давление на деревню и оптимизировать налогообложение. Помимо снижения цен на фабричные изделия он считал необходимым замену единого сельскохозяйственного налога подоходным, установить 6 фиксированных сроков платежей сельхозналога, закрепить лесные угодья за определенными селениями, обеспечить сельским кооперативам дешевый кредит, осуществить обмен старых (царских) денег на новые. Разумеется, были и пожелания умерить «аппетиты торгово-промышленных предприятий», вести продуманную агитацию среди крестьян, увеличить оплату учителям и т. п.[5] В перспективе такие предложения были выгодны государству. Парадоксально, но в общей сумме планируемого на 2-е полугодие 1924/25 года сбора налогов в 132,7 млн руб. единый сельхозналог составлял всего 26 млн руб. (20 %), а в общей сумме налоговых доходов в 509,7 млн руб. его доля едва превышала 5 %[6]. Ситуация казалась абсурдной.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 79, 83–84.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 39.

[3] Крестьянская газета. 1925. 14 февраля.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 24. Точно так же Я.С. Колесников из Воронежской губернии считал, что «уплата сельскохозяйственного налога для неурожайных районов должна продолжаться целый год». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 92.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 66–68. Из Тульской губернии сообщали, что «крестьян волнует даже не размер налога, а сроки его внесения». Так, крестьяне с. Шульгино Алексинского уезда резко прореагировали на изменение срока. С другой стороны, крестьян возмущало «несправедливое распределение скидок по продналогу» (возможно, это было следствием деревенской коррупции): «50 % скидок дают кулакам и торговцам, а многодетным семьям скидки не даются». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 29.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 800. Л. 21.

Крестьянство оставалось катастрофически бедным. Власть не желала с этим считаться: налог собирался так, как было ей удобно. Все это провоцировало паразитарную мораль. Сообщали, что в деревне появились бедняки двух категорий: «одни стараются поднять хозяйство, другие говорят: "На черта нам работать теперь"». Вторые ощущают себя лучше: «налогов не платим, получаем посевную ссуду»[1]. Впрочем, это был «оптимизм висельников». Настырный корреспондент Д.В. Франчук из Подольской губернии (его имя в корреспонденции встречается постоянно) сообщал Молотову 20 мая 1925 г., что в Харькове наблюдается «большой наплыв крестьян из-за нужды» – они «продали крупную рогатую скотину, чтобы заплатить налог, а теперь просят милостыню»[2].

В советской историографии считалось, что, после того как в 1925 г. произошло снижение налогов, фискальная проблема стабилизировалась. Напротив, К. Литвак заметил, что именно в этом году в письмах в «Крестьянскую газету» вопрос о налогообложении «неожиданно выходит на первый план»[3]. Из писем складывается впечатление, что на протяжении 1920-х гг. недовольство крестьян налоговой политикой не ослабевало. Конечно, крестьянин в России всегда жаловался, но теперь в его сетованиях появились безнадежные ноты. Бедняк Курочкин (Челябинский окр.) высказывался так:

> Налоги такие, что не сею, а за лишние десятины набегает больше налогу. Власть и сама терпит убытки и нам, крестьянам, не дает возможности развивать свое хозяйство[4].

На общем собрании селян Белошицы (Коростенский окр.) 26 декабря 1924 г. председателю Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровскому пришлось выслушать и какие речи (сохраняется стилистика стенограммы): «...Мы как отцу родному расскажем ему про нашу нещасну жизнь... Последнюю рубаху продае человик, бо каждому надо заплатити налог. ...Нам дуже плохо жить сейчас. Как нам дальше поступить, ми не можемо навить и знати»; «приехал к нам фининспектор... и описал мою последнюю корову и запечатал мою кузницу»; «у нас очень облагается скот... скота у нас уменьшилось на 50 %». Получалось, что «самогонку мы может быть и гнали [бы], та нема с чого». При всем этом на риторический вопрос «всеукраинского старосты» последовал ответ: «Советская власть очень хорошая и дала нам возможность...»[5] Понятно, что эта «возможность» понималась крестьянами как желание «пахать землю там, где... захочется»[6].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 93.

[2] Там же. Л. 170.

[3] *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 192.

[4] Цит. по: *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 194.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 22–26.

[6] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 506.

Часто постреволюционный быт наводил на тоскливые обобщения. 25-летний Платон Лапаксин (с. Меловое Золотовского кантона АССР Немцев Поволжья), бывший красноармеец, 23 декабря 1926 г. жаловался Калинину:

> Совсем недавно мы читали: долой зеленого змия из деревни, а получилось наоборот. Зеленый змий... триста лет при власти Романовых ел нам кишки... теперь пролетарская власть вновь навязала нам его[1].

Порой на деревню накатывали волны панических слухов. В 1923 г. в Воронежской губернии, получив известие об учредительном собрании женотдела, решили, что его истинная цель – собрать информацию, чтобы обложить налогом прялки. Некоторые заранее «хоронили» Ленина, связывая с его смертью и послабления, и новые напасти. Ждали прихода в Москву всевозможных интервентов, в частности французов, почему-то предварительно захвативших Берлин[2]. Иной раз слухи об антихристе едва не вели к срыву уроков в школах[3].

Пожелания крестьян были просты и наивны. Как писал Сталину некий «огородник-крестьянин» с соответствующей фамилией – Арбузов, «никакого советского строительства у нас в деревне не может быть до тех пор, пока власть будет делить крестьян от сохи на партийных и беспартийных». Он объяснял это тем, что

> в первые годы революции нас, крестьян, оттирали от Советов конокрады и пьяницы... теперь в партию лезут кулаки и бандиты... Свободно выбранный крестьянский Совет под контролем одного инструктора комиссара-коммуниста больше принесет пользы Советской власти, чем Совет из коммунистов-бандитов или кулаков... Дайте, товарищи, крестьянам в деревне строить свою жизнь самим под наблюдением честных комиссаров-коммунистов, и деревня сольется с городом в общей работе на укрепление революции[4].

Крестьяне не понимали «языка» власти. В.И. Чучупака из Харьковской губернии при всем своем восторге перед Сталиным 18 февраля 1925 г. выражал недовольство тем, что в его речах «слышится уважение... вероломному беспартийному крестьянину-кулаку». А между тем «кулацкий Совет надевает намордник незаможнику», в сельсовете засели «бандиты и перерожденцы», «кулаки того и гляди читальню закроют, а церковь расширят». Существующие Советы он называл «паразитами Советской власти»[5]. В других местностях (Тульская губ.) кулаки также говорили о «представителях Советской

---

[1] Там же. Л. 199.

[2] *Шафир Я.* Слухи, чудеса и знамение небесное (из умонастроений современной деревни) // Коммунистическая революция. № 10. 1923. 1 июля. С. 48–53.

[3] *Husband W.* B. Op. cit. P. 92.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 25–25 об.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 21–21 об.

власти как о паразитах»[1]. На «плохой подбор волостных и сельских работников»[2] жаловались повсеместно, но по разным поводам. Указывали и на «богоугодные сельсоветы», вводившие «попналог» (с. Близнецы. Рогачевской вол. Смоленской губ.), т. е. восстанавливающие старые формы взаимоотношений общинников со священниками[3].

Некоторые крестьяне не жаловали и Калинина. Так, В. Морозов из д. Высоково (Хабоцкая вол. Бежецкого у. Тверской губ.) именовал его «бывшим пробочником из казенных». Большевиков он называл «наемщиками партии жидов»[4]. На Украине говорили, что «у власти стоят жиды, мучащие крестьян», которые «продадут Советскую власть»[5].

Представления о социализме складывались в умах крестьян на основе традиционных утопий, порой подкрашенных наивным технократизмом. Разумеется, наиболее здравые из них сознавали, что «социализм противен деревне», ибо умножит число лентяев и пьяниц[6]. Но, по мнению К. Литвака, преобладало представление, что «крестьянам станет хорошо при социализме», ибо социализм – «это когда люди не будут иметь ничего собственного, когда будут жить такой жизнью, как муравьи...»[7] Смирение диктовалось отчаянием[8]. Были среди крестьян и добровольные «помощники власти». Так, они советовали создать «образцовый совхоз, оснащенный передовой техникой[9], – это будет лучший аргумент в пользу социализма. А.Р. Чечевичкин из Смоленской губернии предлагал Калинину: «Пришлите лучших коммунистов и ударные силы в деревню. Расчистите школьную сеть и очистите от грязи деревню»[10]. Другой «благожелатель» в апреле 1925 г. уверял Сталина, что лозунг «Лицом к деревне» – неверен, ибо крестьяне понимают его «как организацию Крестьянского союза». Требуется другое: «дешевый ситец», тогда крестьяне забудут,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 30.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 1.

[3] Безбожный крокодил. 1924. № 4. 24 февраля. С. 6–7. Вряд ли такие случаи типичны: деревенские священники, сосредоточившись на хозяйстве, религиозную индифферентность крестьян тем не менее не одобряли. См.: Старый и новый быт. С. 99–100.

[4] «Социализм – это рай на земле» (Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х годов) / публ. В. Кабанова, Т. Мироновой, Е. Хандуриной // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. С. 201–202.

[5] Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 182, 183.

[6] Крестьяне говорили: «...Бедняк лентяй, а середняк – трудовик... Бедняк не пойдет в коллектив к середняку из-за своей лени». Цит. по: *Миронова Т.П.* Указ. соч. С. 252.

[7] Цит. по: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 200.

[8] Не случайно некоторые крестьяне жаловались, что, как видно, вместо социализма беднота сможет дождаться только крематория. См.: Крестьянские истории. С. 99.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 160.

[10] Там же. Л. 175.

что партия и Советская власть до сих пор стояли к ним «задом». Заодно следует «увеличить рабочий день для рабочих (раз государство бедно)» – крестьяне перестанут завидовать им. И разумеется, нужны тайные выборы в Советы[1].

Оказалось, что выполнить эту нехитрую программу невозможно. «Честных» (по крестьянским понятиям) коммунистов для работы в деревне не находилось. Как результат, пожелания о создании «крестьянского союза»[2] не прекращались на всем протяжении 1920-х гг.[3] Пик популярности этой идеи приходится на 1927 г. – было зафиксировано 2312 соответствующих высказываний[4]. Руководство ОГПУ уверяло, что движение за «крестсоюз» вновь усилилось в 1930 г., когда чаще стали появляться соответствующие листовки[5].

Стигмат «лишенчества» по-своему сказался на деревне, при этом орудие социальной маркировки оказалось в руках людей небеспристрастных. Иные крестьяне жаловались, что в «лишенцы» записывали сыновей и внуков умерших людей, наживших свое имущество до их рождения[6]. Зафиксирован случай, когда в «лишенцы» определили 28 % крестьян[7]. Как результат, деревенская молодежь отчаянно рвалась в армию, в вузы и вообще «в город»; препятствия со стороны местных властей усиливали психосоциальное напряжение в деревне.

Деревня фактически осталась без адвокатов. Чтобы восполнить этот пробел, стали привлекать грамотных крестьян. Эти скороспелые представители «законности», конечно, не могли обеспечить качественной юридической помощи. Как результат, крестьяне стали нанимать «подпольных» адвокатов. Последние, по мнению официальных правоведов, использовали юридическую безграмотность крестьян в своих интересах[8].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 143–145.

[2] Эмигрантские источники отмечали, что в 1921 г. было зарегистрировано 139 случаев агитации за создание союза, в 1923 – 543, за первое полугодие 1926 г. – 748. См.: Крестьянская Россия. Трудовая крестьянская партия. Прага, 1928. С. 3.

[3] Возможно, страхи перед крестьянским союзом усугублялись тем, что оппозиция предлагала создать в деревне «Союз сельской бедноты» и профсоюз батраков. См.: *Гусев А.В.* Указ. соч. С. 89.

[4] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. С. 1029.

[5] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 230–231.

[6] Крестьянские истории. С. 144.

[7] *Мишенькина Н.С.* Политическая жизнь в поволжской деревне в конце 20-х гг. XX в. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 269. Армия лишенцев эпизодически пополнялась в результате неуемной инициативы местных властей. В сельской местности Кубанского округа в 1926 г. было 8 510 лишенцев, а в 1927 г. – уже 33 673. См.: История Кубани с древнейших времен до конца XX века. Краснодар, 2004. С. 221–222.

[8] См.: *Ерыпалов П.* Подпольная адвокатура в деревне // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 36; *Кирзнер А.* Юридическая помощь на селе // Пролетарский суд. 1926. № 4–5. С. 9.

На возможность обновления местных Советов без помощи высшей власти сельские жители уже не рассчитывали. Во время перевыборов в Дмитровском уезде (Московская губ.) прозвучали такие заявления: «Почему мы слышали 7 лет басни, когда портков у нас нет?»; «Налоги платим, а правами не пользуемся»; «Почему крестьян не берут на фабрики и не дают никаких прав»? Любые действия местных начальников вызывали подозрения: «Почему женщин выбираете, мужиков, что ли, нет? – Потому, что бабу скорее обмануть можно и на разврат пустить!»[1] На Южном Урале крестьяне заявляли по поводу действий начальства на выборах: «...Сами друг друга вытаскивают на хорошие места»[2].

Кампания по «оживлению» деятельности Советов, начатая сверху в 1925 г., обернулась имитацией общественной активности. Западные наблюдатели отмечали «театрализованную постановку выборов» и поспешное расширение списков «лишенцев». Впрочем, то и другое воспринималось массой крестьян довольно равнодушно[3]. Тем не менее местные партийные руководители заволновались – им казалось, что, привлекая к работе в сельсоветах беспартийных, партия сдает свои позиции[4].

На перевыборах сельских и поселковых Советов в Московской губернии крестьян интересовало, когда леса местного значения перейдут в руки местных Советов, когда будет уменьшен сельхозналог. Естественно, волновали пресловутые «ножницы цен», спрашивали об организации кустарно-промышленных артелей, об открытии изб-читален, о возможности содержания школ за счет государства, о постройке мостов. Надеялись также на разрешение крестных ходов. Задавали вопросы о более широкой агропомощи, нехватке школьных учебников, увеличении квоты в вузы для крестьян, обучении подростков ремеслу. Вызывало недоумение, что государство не ликвидирует совхозы и не организует сбыт крестьянской продукции[5]. Деревня предпочитала патерналистский вариант «социализма», хотя иной раз появлялись характерные нюансы. Один из читателей «Крестьянской газеты» в 1926 г. писал:

> Чем так жить, лучше устроить социализм. Я бы пожертвовал свое состояние с условием, чтобы быть обеспеченному жалованием и правами среднего служащего[6].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 17.

[2] Цит. по: *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 190.

[3] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 111.

[4] См.: Сельсоветы и волисполкомы. М.; Л., 1925. С. 19; *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991. С. 6.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 19–22.

[6] *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 200.

Перевыборы Советов привели к некоторой активизации крестьян и снижению удельного веса коммунистов в сельсоветах[1]. Сомнительно, однако, что это принципиально изменило ситуацию.

Как ни удивительно, среди крестьян не переводились идеалисты. С. Акимов из с. Рогожино (Владимирская губ.) 23 марта 1923 г. уверял Сталина, что крестьянин мог бы «добровольно вносить налоги без уполномоченных и милиции», если бы доверял власти и понимал ее цели. Его возмущало, что пресса врет, уверяя, что в деревне «все хорошо». В действительности «за пять лет революции мы ничего не сумели практически насадить в крестьянских умах»[2]. Другие предлагали «взять на учет всех талантливых беспартийных крестьян и на них опираться» в деле возрождения коллективных хозяйств[3].

Крестьяне по-прежнему надеялись на новый вариант «черного передела», осуществляемого сверху. Житель Вологодской губернии 6 августа 1925 г. жаловался Калинину, что «ленинградским крестьянам хорошо, у них рядом ленинградский пролетариат, а нам плохо», так как «мужики своими собственными силами ничего сделать не могут»[4]. Один безработный писал наверх: «Ходят слухи, что за границей партии меньшевиков и эсеров переработали свою программу и говорят, что земля должна быть передана крестьянам, а не совхозам и колхозам, а налог должен быть совсем мизерным». С другой стороны, крестьяне оставались не довольны тем, что рабочие имеют профсоюзы, а им не позволяют создать Крестьянский союз[5]. А некий Чуркин в письме от 18 ноября 1924 г. рекомендовал добиваться, «чтобы как можно больше крестьян попало на очередной съезд Советов – пользы от этого будет больше, чем от совещаний секретарей сельских ячеек»[6]. Советовали также «оживить Советы, допустив туда беспартийных», а заодно установить довоенные цены «на городской и деревенский продукт»[7].

В начале 1925 г. некоторые крестьяне наставляли «вождя»: «Крестьянин есть корень фруктового дерева, которое требовается удобрить»[8]. Голиков (Донской окр.) сообщал:

---

[1] Процент коммунистов и комсомольцев в составе сельсоветов уменьшился почти вдвое сравнительно с выборами 1924 г. (с 7,1 до 3,6 % и 4,2 до 2,3 % соответственно). Редко избирали женщин. См.: Сельсоветы и волисполкомы. М.-Л., 1925. С. 49, 81; *Голанд Ю.* Указ. соч. С. 6.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 28, 30.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 22–23.

[4] Там же. Л. 245.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 7.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 39.

[7] Там же. Л. 92. Требования уравнения города и деревни были весьма распространены. См.: Крестьянские истории. С. 63, 121.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 99.

Я старался приладиться к культуре и социализму, но оказывается, что в Советской России нет основательного закона и, наверное, не будет. 10 лет я читаю, что цены на товары будут снижены... Капиталу нельзя расти, сеять больше хлеба невозможно, потому что сейчас же: буржуй, кулак, эксплуататор. Бедняк не работает, на него работает середняк... Кто дает хлеб? Бедняк? Он сам едва питается. Что делать? Дайте полное право посевщикам-хлеборобам, а незасеянную землю отбирайте в Госфонд... Тогда государство и хлеба просить не будет...[1]

На Севере России происходило нечто подобное. Из Вологоды сообщали, что маломощные крестьяне стали жить лучше зажиточных середняков[2]. Сельским труженикам было невдомек, что система в принципе была настроена на ликвидацию «мелкобуржуазного» крестьянства.

Власть постоянно получала «полезные» советы. Некий А. Брагин писал Молотову в январе 1925 г., что «четкое политическое воздействие» на крестьянство можно организовать «либо через крестьян-зачинщиков, либо через крестьянскую сходку». К примеру, на сходке зачитывается письмо-телеграмма от Рыкова или Калинина. Это письмо не агитирует, а «беседует» о болезненных сторонах крестьянской жизни, указывая на меры, принимаемые для устранения несправедливостей. Диалоговая форма общения усилится: крестьяне будут засыпать центр письмами, а газеты давать на них обдуманные ответы «с учетом крестьянской психологии». А в целом разговор пойдет на понятном крестьянам языке[3]. В общем, это напоминало бы поучительные беседы приходского уровня. А тем временем в адрес «14-го партийного съезда, Сталина, Молотова и др.» поступали такие вопросы: «Почему не говорят, что все учреждения заняты "жидами"?.. Даже в земорганах они сидят». Делался вывод: «партийцы не научились делать подход к крестьянам»[4].

Деревня тем не менее привыкала к «революционным» ритуалам: праздновали годовщины Парижской коммуны, Февральской и Октябрьской революций, 1 Мая, 8 Марта, день создания Красной армии. Вспоминали не только жертв 9 января: в мае 1930 г. в Харькове около 1 тыс. членов ассирийско-лезгинского, польского, немецкого, еврейского и других клубов провели вечер, посвященный восстанию в Китае и расстрелу рабочих Шанхая[5]. В Орловской губернии под диктовку активистов принимались резолюции о том, что Парижская

---

[1] *Зайдинер В.И.* Указ. соч. С. 304.

[2] *Кукушкин В.Л.* Указ. соч. С. 290.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 43–46.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 105–105 об.

[5] *Духопельников В.М.* Деятельность местных органов власти Харьковщины среди национальных меньшинств в 20–30-е годы XX столетия // Эпоха. Культуры. Люди. С. 94.

коммуна погибла потому, что «не было союза рабочих и крестьян», с призывами «отплатить буржуазии Парижа за убийство вождей пролетариата»[1]. Правда, звучали и иные голоса. В Рыбинской волости в связи с 9-й годовщиной Октября были замечены такие разговоры:

> Нам неинтересно слушать слова, интересно увидеть на деле должное для нас улучшение, а об улучшении одни только разговоры.

Под «улучшением», естественно, понималось снижение цен на «городские» товары[2]. По информации чекистов, «отдельные факты» срыва Октябрьских празднований были «в Тульской, Калужской, Брянской губ., по АМССР, Первомайскому, Днепропетровскому, Минусинскому и Иркутскому округам»[3]. Часто праздничные славословия становились прелюдиями к жалобам. Под покровом обновленной фразеологии деревня уходила в «свою» жизнь.

Обобщенную картину сельских бед попытался нарисовать в 1926 г. рабкор Сталинского района (Зайсанский у. Семипалатинской губ.) в беллетризованной заметке «Стон крестьянина», адресованной в газету «Новая деревня». Разочарования труженика села он описал как серию «вздохов». Первый из них связан с надеждой: «накормлю рабочих и они отблагодарят меня». Не получилось – цены на мануфактуру слишком велики. «Второй вздох» – падение цен на хлеб. Третий – не дают денег на школы. Четвертый – распространившееся (среди киргиз) скотокрадство. «Пятый вздох»: «заветы Ленина только на словах, на деле процветают взятки милиции... самогон везде процветает»[4]. Такие «вздохи» подтверждали со всех сторон. Крестьянин Григорьев (Казанская губ.) жаловался, что пример председателя волисполкома Кошурина, сумевшего сколотить на взятках капитал, оказался заразителен для местного руководства[5].

Впрочем, ситуация была ясна и без подобных ламентаций. Крестьяне были не довольны «ножницами цен», практикой назначения чиновников, «бумажным волокитством в Советах», отсутствием

---

[1] ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 8 об. Стоит сравнить эти строки со словами одного из боевых приказов, приводимыми А. Платоновым: «...Вечные славные трупы с Пер-Лашез ожидают смертельной мести общему врагу за свою гибель». Цит. по: *Платонов А.П.* Живя главной жизнью. М., 1989. С. 383.

[2] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 853. Случаи ненависти крестьян к «городской» идейной экспансии отмечались и ранее (*Яковлев Я.* Указ. соч. С. 25). Пассивность орловских (и не только) крестьян-бедняков в сочетании с острым недовольством кулаками чекисты отмечали и позднее. См.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 86–87.

[3] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 822, 886.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 49–50. По некоторым данным, только в 1920 г. по 79 губерниям сотрудниками милиции было совершено не менее 8 тыс. различных преступлений. См.: Девиантность и социальный контроль. С. 141.

[5] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 90.

«тайного голосования на выборах» и, разумеется, тем, что «рабочие и служащие освобождаются от налогов, а с крестьян берется налог»[1]. Возмущало и то, что сельских жителей разделяют «на середняков и бедняков, надо делить [население] на два лагеря – рабочих и крестьян»[2]. Иные деревенские обитатели в сердцах заявляли: «...Буду пролетарием... Пью и буду пропивать свое добро, чтобы не досталось Советской власти»[3].

Увы, стать пролетарием было непросто. Крестьянам отказывали в приеме на завод, рабочие, имеющие связи с землей, были первыми кандидатами на увольнение[4]. Складывалась система «ни жить, ни умереть».

Крайнюю степень разочарования в деревне отмечали революционные идеалисты со стороны. Бывший продработник И.И. Кондратьев (район Северной железной дороги) 17 октября 1927 г. писал:

> За кого хотите меня считайте, и если найдете нужным, то судите вплоть до расстрела, я не логик и не философ... но правду всегда скажу и как член ВКП(б) и гражданин Советской республики обязан разоблачать все эти подлости... Я в 1919 г. работал в хлебной разверстке и по трудовой повинности... [и] скажу: крестьяне в то время хотя и не с охотой, но все-таки отдавали свой хлеб и возили и пилили дрова чуть ли не даром. И они все-таки надеялись и им обещали, что вся земля трудовому крестьянству в полное пользование и распоряжение, но в результате выходит наоборот, кулаки как при царизме, так и в настоящее время захватывают хорошую землю себе...[5]

Этот человек подметил, что кулаки вновь ухитряются «выходить на отруба», что «им дают хорошую землю, а общине остается плохая». Похоже, в деревню возвращалась столыпинская ситуация. Соответственно росло социальное напряжение. В.С. Тюрин (с. Ушан Калмыцкой автономной области) жаловался Калинину, что бедняки вновь оказались в зависимости от кулаков[6]. Вдова коммуниста Костылева, оставшаяся с двумя маленькими детьми, жаловалась, что председатель сельсовета публично очерняет ее мужа, заявляя, что он «опился самогону, объелся меду и издох». В действительности он умер на посту начальника милиции, при этом совсем не пил; а сейчас ей мстят

---

[1] Все это в виде вопросов сформулировал беспартийный крестьянин Д.А. Гладышев (с. Никитовка Халбужской вол. Кологривского уезда Костромской губ.) 12 октября 1925 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 133–134.

[2] Трагедия советской деревни. Документы и материалы / под ред. В.П. Данилова и Р. Маннинг. Т. 1. М., 1999. С. 578.

[3] Цит. по: *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 226.

[4] *Депретто Ж.-П.* Указ. соч. С. 87.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 501. Л. 171.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 234.

«бандиты, которые помогали Деникину и ненавидели коммунистов»[1]. Складывалась ситуация: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». Властный беспредел прогрессировал. Некий Е.М. Харитончик, кандидат в члены партии, жаловался на председателя райисполкома, который объявлял неугодных лиц «кулаками», лишая избирательных прав[2]. Возмущали крестьян и «подставные председатели» – те, которые подсовывались районными властями[3]. Называли еще одну разновидность произвола: крестьянина, продавшего в городе свой хлеб, посадили на 7 суток «за смелость высказаться о высоких сельских налогах на землю»[4].

«Голодающий безработный» В.М. Стрельцов, постоянно атакующий верхи своими посланиями, 25 июня 1926 г. утверждал, что «крестьянин заговорил о гражданской войне с большевиками». Вряд ли это соответствовало действительности. Да и сам он приводил пример того, как легко обмануть Советскую власть: «Если у хозяина четыре коровы и две лошади, ты заплати черт знает сколько налогу, а если ты поделишь скот на четыре части, то не заплатишь ничего»[5]. Крестьянские семьи не только «делились»: кулак находил «подкулачников» и утверждался в качестве незаметного мироеда. Вероятно, смышленые крестьяне этой категории заявляли: «При большевиках жилось совсем плохо, хоть помирай... при коммунистах стало лучше»[6]. Парадоксально, но «военный коммунизм» ассоциировался у крестьян с *большевиками*, а *нэп* – с *коммунистами*. Они по-своему распоряжались политическими этикетками, которыми тешила себя далекая от них государственность.

Многие сельские жители упорно сохраняли надежду на власть. Инвалиду Голубицкому из Павлодара иного не оставалось: 15 сентября 1927 г. ему отказали в пожизненной пенсии[7]. А между тем в 1920 г. он был «мобилизован для проведения уездной продразверстки, в 1921 г. был захвачен бандой, подвергся пыткам, получил несколько ударов штыком, рука не действует, едва выжил». На иждивении у него осталось трое недееспособных членов семьи[8]. Возможно, ему

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 280.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 126.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 157.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 157.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 79.

[6] Цит. по: *Сольский В.* Указ. соч. С. 53.

[7] Так называемые пожизненные пенсии на уровне самой высокой зарплаты стали устанавливаться с марта 1923 г. людям, «которые были активными зачинателями Революции» (*Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 59). Обычные пенсии рядовых ветеранов по инвалидности составляли 15 руб., персональные пенсии разного уровня – от 70 до 150 руб. (что также не устраивало «заслуженных» ветеранов). См.: *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 224.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 501. Л. 79.

отказали в пенсии, учитывая его былые продотрядовские «заслуги». Теперь он мог сколько угодно возмущаться местной властью, но надеяться оставалось только на кремлевских правителей. Крестьянин-инвалид С.В. Чуриков (Подольский у. Московской губ.) сообщал, что «непосильный труд крестьянина ни во что не ценится... фабрично-заводское производство ужасно дорого...» Но в конце послания он – искренне или не без тайной надежды – провозглашал: «Да здравствует руководящая партия коммунистов-большевиков и вожди ее»[1]. И.Г. Медведев, кандидат в члены партии (с. Плесокурьево Славгородского окр. Омской губ.), 23 июня 1926 г. возмущался: служащие «получают много денег, а крестьяне еле сводят концы с концами»[2]. 41-летний крестьянин М.А. Зимирев (д. Грибошино Северо-Двинской губ.) жаловался (пала единственная лошадь) и добавлял: «Я горячо надеюсь на коммунистическую партию, как на свой родной очаг»[3]. В.Ф. Сушин, слушатель 5-месячных кооперативных курсов в Ленинграде, предлагал праздновать 1 октября День крестьянина – этот день символизировал окончание полевых работ. Тем самым, полагал он, удастся укрепить «смычку крестьян с рабочими»[4]. По существу, это предложение означало возрождение – чисто символическое – «Юрьева дня».

Высказывались и более оригинальные предложения. «Бедный крестьянин» (так он представился) И.Д. Денисов (д. Обуховка Репьевской вол. Сызранского у. Ульяновской губ.) 26 декабря 1925 г. писал Сталину о желании «участвовать в строительстве новой жизни». Он полагал, что преобразование деревни зависит от просвещения женщин:

> При развитии женщин уменьшилось бы пьянство. Кабы женщины знали все права, все стремления соввласти, они бы заставили знать и мужиков... А жена ввиду незнания и боязни мужа присоединяется к нему и ругает соввласть... Вот поэтому-то и нужно женщинам делать революцию самим...[5]

Подобным заявлениям не следует удивляться. В той же Орловской губернии в 1923 г. встречались лекторы, которые уверяли, что «сначала в обществе существовал матриархат... и когда появился Маркс, ему существующий строй не понравился и он завел патриархат»[6]. Трудно вообразить, какая каша варилась в голове такого пропагандиста коммунистического учения. Это и не важно: в тогдашнем информа-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 54–57.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 34.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 151.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 11.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 124.

[6] Цит. по: *Гончарова И.В.* Указ. соч. С. 368.

ционном пространстве любые фантастичные заклинания находили «последователей», способных трактовать всякую произнесенную с трибуны чушь в свою пользу.

На деле большевики учитывали «феминизацию» деревни. Специальная женская пресса пропагандировала тотальную перестройку быта[1]. Международный женский день обычно отмечали совместно с праздником Февральской революции (по новому стилю)[2] – сдвоенная дата превращалась в символ «освобождения» – если не реального, то грядущего. Именно женщины охотнее привыкали к всевозможным «красным пасхам» и «октябринам»[3], которые занимали место рядом с традиционной обрядностью[4].

Крестьянство не отличалось глубокой религиозностью: как писал один мемуарист, «к формальной религии село и относилась по-формальному»[5]. Устойчивым было лишь понятие греха, т. е. табуирование определенного набора поступков и мыслей. После революции положение не могло не измениться. Былые ритуалы приобретали самозащитное качество.

Исследователи не раз отмечали всплеск религиозности[6]. В Сибири крестьяне не позволяли хоронить коммунистов на общем кладбище[7]. Рабочие также выражали недовольство закрытием церквей[8]. «Разоблачения мощей» превращались в их прославление – заговорили о чудесах[9]. Шокировали верующих и заявления большевистских пропагандистов о «12 фунтах гнилых костей, изъеденных червями

---

[1] *Меряшкина М.В.* Типология женской прессы 1920–1930-х гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. М., 2008. С. 157–158.

[2] См.: ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 28–44; Д. 1132а. Л. 21. Примечательно, что доклады на темы «Ленин и женщины», «Значение международного женского дня», «Положение женщин в СССР» делали сами женщины.

[3] ГА ОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 24. Появились характерные карикатуры. На одной из них совработник говорит священнику: «Пожалуйте, батюшка, ко мне на октябрины» (Красный перец. 1926. № 6. С. 4). На другой изображен интерьер бывшей церкви, превращенной в клуб, где иконостас занят портретами Маркса и Троцкого под лозунгом «Вперед к коммунизму». Священник комментирует: «Свято место пусто не бывает!» См.: Красный перец. 1926. № 11. С. 7.

[4] Новорожденных «звездили», одаривая под звуки «Интернационала» ленинскими произведениями, а Луначарский иной раз выступал в роли «красного крестного отца». См.: *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский. С. 29.

[5] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 47.

[6] См.: *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. С. 238–232.

[7] *Борисова Л.В.* «Мандат от имени рабочих...» С. 181.

[8] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 509, 530, 788, 815.

[9] *Гоглов А., свящ.* Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М., 2008. С. 283–285.

и молью», которым поклонялись в Сибири[1]. Г. Фриз в связи с этим утверждает, что атака на церковные верхи способствовала сосредоточению «всей власти в приходе»: теперь крестьяне всецело контролировали назначение священников и самый ход религиозной жизни[2]. Трудно сказать, сколь далеко заходило стихийное обновление приходской жизни[3], несомненно, однако, что большевики то и дело натыкались на «организованный» протест там, где менее всего ожидали его встретить.

Покушение на ритуал всегда возмущает. Ибрагим Мемводов, курсант крымской облсовпартшколы, 2 сентября 1926 г. сообщал, что «в настоящее время по линии религии 45 % крестьян против Советской власти»[4]. «Живую церковь» не без оснований считали большевистской[5]. М.И. Иванько даже направил жалобу «Председателю 14-го Всесоюзного съезда Коммунистической партии большевиков» от лица «староцерковников православной церкви Саввинского прихода станицы Коренавской Краснодарского отдела Кубанского округа». Оказалось, что местные обновленцы («незначительная кучка», поощряемая начальством) 9 мая 1925 г. отняли храм, который община «приняла в бесплатное и бессрочное пользование», и теперь «обновленцы пользуются двумя храмами, которые бывают порожними во время богослужения...»[6]

Бедность и произвол, как всегда, провоцируют эгалитаризм. Крестьянин М.И. Ветка (Семипалатинская губ.) 25 декабря 1925 г. скромно вопрошал: «Нельзя ли снять с руководителей несколько процентов заработной платы и прибавить работникам деревни»[7]. Селькор Кузьма Демидов (с. Алексеевка Почелмской вол. Чембарского у. Пензенской губ.) направил в большевистский ЦК сочинение, названное «О равенстве и братстве». «Восемь лет существует власть рабочих и крестьян, но до сих пор равенства и братства не видно, – жаловался он. – Крестьянина-бедняка обирают». Пора понизить

---

[1] Е. Ярославский делал такие заявления, рассчитывая «открыть вековой обман» методом своеобразной шокотерапии. См.: О Емельяне Ярославском. Воспоминания, очерки, статьи. М., 1988. С. 210.

[2] *Freeze G.L.* The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. Herausgegeben von M. Hildermeier / Schriften des Historischen Kollegs Kolloquien 43 / Oldenbourg, 1995. S. 210.

[3] Некоторые наблюдатели заявляли, что «создается новый церковный быт» [*Яковлев Я.* Деревня как она есть (Очерки Никольской волости). М., 1923. С. 17], что вызывает, однако, сомнения.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 128.

[5] См.: *Roslof E.* The Heresy of «Bolshevik» Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // Slavic Review. Vol. 55. No. 3. Fall 1996.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 293.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 19.

жалование «всем ответственным работникам и дать крестьянам»[1]. В.С. Халин (Курский у.) 26 февраля 1926 г. предлагал Калинину более «радикальное» решение:

> Если бы крестьяне были умны и понимали общий свой интерес, они предложили бы рабоче-крестьянскому правительству, чтобы оно взяло ихние пайки земли и хозяйство в совхозы с тем условием, чтобы они там работали по 8 часов в день и получали прожиточный минимум деньгами продуктами и обувью, и одеждой. Тогда бы кончился разговор о сельхозналоге[2].

Увы, в массе сельских тружеников сложилось иное представление о совхозах. 12 крестьян Архангельского райсельсовета (Тульская губ.) 3 мая 1926 г. сообщали, что «на земле бывшего помещика Щепотьева» устроили совхоз. Члены его «земли сдавали в аренду» – действовали, как помещик, но менее успешно – «хозяйство разорили»[3]. Аналогичным образом в Смоленской губернии совхоз, который возглавлял латыш-батрак, жил с аренды «исполу». Впрочем, некоторые коммунары проявляли «классовую сознательность»: имевшиеся у них машины давали беднякам бесплатно. Встречались и «правильные» коммунары из рабочих – «гроза кулаков и духовенства»[4], а также коммунары-интернационалисты[5]. Крестьяне смотрели на такие совхозы и коммуны как на блажь «чужих» людей.

На этом фоне росло неверие в возможность изменений к лучшему. «Милому другу» Калинину в марте 1925 г. сообщали, что крестьяне рассуждают так: после того как обобрали крупных помещиков, затем церкви, дело «пошло псу под хвост», следовательно, скоро «доберутся до нас». Из боязни прослыть «кулаком», крестьянин делает вывод: «чем хуже хозяйство, тем спокойнее жить». Анонимный «крестьянский философ», поведавший об этом, откровенно защищал помещиков. После их высылки, полагал он, «культурные уголки моментально превратятся в пустыни». Население и без того «слабеет, голодает, вырождается... туберкулез шагает по стране». По его словам, «вводить коммунизм» было рано[6].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 110.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 18. Идея уравнения рабочих и крестьян с помощью совхозов высказывалась также в письмах в «Крестьянскую газету». См.: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 200.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 352.

[4] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 15, 17, 49.

[5] Коммуна «Всемирная дружба» на Кубани первоначально включала в себя всевозможных маргиналов (более 600 человек), затем численно уменьшилась (осталось 120 членов). Среди них были китаец, чех, латыш, поляк. Коммунары отказались от всех праздников и обрядов, даже советских. См.: Революция в деревне. Ч. 2. С. 20–21, 77–84.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 211–212.

«Классовая» политика в деревне давала неожиданный для доктринеров результат. Из Татарского обкома РКП(б) сообщали: «Во главе большинства кооперативов стоят кулаки и мироеды»[1]. Поведение новых начальников также впечатляло. 10 февраля 1925 г. Кагановичу писали, что «бывший секретарь сельсовета Владимир Васильевский скрывал посевные площади, взимал с некоторых граждан налог дважды», а «бывший секретарь сельсовета Якубович отбирал у граждан самогон и распивал его вместе с секретарем – «пропили школу»[2]. И это не было пределом социальной деструкции. В прессе сообщалось, что один председатель сельсовета «продал целую улицу и пропил»[3].

Гиперболизация жизненных неурядиц происходила на всех уровнях. Соответственно деформировалась сфера воображаемого. Деревенские активисты создавали общества «Долой самогон», а в сатирической прессе писали, что его председатели «очищенную хлещут»[4].

Из Тульского губкома РКП(б) извещали о недовольстве крестьян мельниками – те, пользуясь своим монопольным положением, «много берут за помол муки». Мельники, в свою очередь, жаловались на крестьян[5]. Довольно противоречивая информация поступила в ОГПУ в ноябре 1924 г. от коммуниста И.И. Федосьева. По его словам, «крестьяне считают: раз ты коммунист, значит богатый», «рабочие и коммунисты живут за счет их горба». При этом он уверял, что в деревне «религиозный дурман рассеивается», однако крестьяне гонят самогон[6]. На следующий год от тульского партийного руководства поступила более тревожная информация:

> Кулацкий слой крепнет, требования земельных собственников становятся все более настойчивыми. Повсюду наблюдается аренда земли зажиточными крестьянами. Кулаки агитируют против «голытьбы». Есть районы, где кулаки объединяются с середняками против бедняков. Экономическая зависимость заставляет бедняков смотреть на кулаков как на своих благодетелей – за пуд хлеба беднота становится рупором кулацких требований. Есть случаи, когда на деревенских сходах, где нет кулаков, середняки и бедняки выносят кулацкие решения (Ефремовский у.)...[7]

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 742. Л. 105.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 744. Л. 37. Еще ранее «пропить школу» ухитрились в Алтайской губернии. См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 646.

[3] Смехач. 1924. № 19. С. 8. Трудно представить, как можно «продать-пропить» улицу, но о председателях, распивающих самогонку с кулаками, даже сочинялись сатирические стихи. См.: Красная деревня. 1927. № 4. 23 января. С. 3.

[4] Смехач. 1925. № 29. С. 15.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 5.

[6] Там же. Л. 42–32.

[7] Там же. Л. 58.

Конечно, донесения из партийных инстанций отмечены преувеличенными страхами перед «классовыми» противниками. Но ситуация на местах улавливалась верно: отмечали, что требования крестьянского союза не единичны; сообщали, что «идет выкуривание из деревни советских хозяйств»; в течение октября и ноября (1924 г. – *В.Б.*) «сожгли до 8 хозяйств»; «самогоноварение не уменьшается». Но наибольшую тревогу вызывало то, что «коммунистические ячейки по своему уровню ниже крестьянской массы», а между тем в деревне появился «слой крестьянских идеологов... из передовой части крестьянства и учительства»[1]. На «классовой» основе возникали конфликты внутри сельских ячеек. Н.Н. Змановский (с. Булзи, Уральская обл., Свердловский окр.) 18 мая 1926 г. жаловался, что, как «интеллигент, был исключен из ячейки». А тем временем:

> деревенские коммунисты вызывающе держат себя по отношению к крестьянству... Ответственные секретари воображают себя управляющими и через малое время становятся... бюрократами[2].

Кое-где возвращались нравы времен «военного коммунизма». К концу 1925 г. в Тамбовской губернии был собран целый букет безобразий. Сообщалось, что в с. Белопоместная Двойня (Тамбовский у.) репрессии применяются исключительно к беднякам, при этом практикуются поголовные описи имущества. В Тюрксковской волости местные власти практиковали наказания даже по отношению к женам красноармейцев: их на несколько суток «сажали в холодный сарай, где навалены кучи человеческих испражнений». В с. Ивановка (Тамбовский у.) «ударной группой был наложен штраф в 10 р. на неплательщиков». В ряде случаев штрафами и изъятиями продуктов крестьян доводили до голода. Появились начальственные самодуры. В с. Перкино (Моршанский у.) «председатель выездной комиссии на вопросы уполномоченного приказывал молчать и отвечать: "Так точно, слушаюсь"». Секретарь Кирсановского УФО «за бесценок распродавал своим родным и знакомым вещи, отобранные у крестьян за недоимки, причем сам за 3,5 руб. лично приобрел и отправил домой 2-годовалую телку». В с. Алкатка (Борисоглебский у.) «ударная группа по выкачке налога явилась в 10 часов вечера». Собравшимся жителям было дано полчаса «для взноса налога за 4 срока». Крестьяне собирали деньги до 4 часов утра. Наутро «ударники» приступили «к изъятию имущества, забирались овчины, платье и женское белье»[3].

Подобные деяния не были секретом для властей. По информации ОГПУ, сбор налога еще в 1922 г. затруднялся в связи с «возмутительнейшими злоупотреблениями продработников, пьянствующих и тер-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 58–59.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 398.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп .84. Д. 858. Л. 36–38.

роризирующих крестьян»[1]. Положение не улучшалось. На Кубани у неплательщиков описывали имущество, а затем осуждали на принудительные работы[2].

Резкое недовольство у тамбовских крестьян вызывало так называемое «самообложение» на местные нужды – оно усилило произвол со стороны низового начальства. В с. Остовка (Кардуковская вол. Кирсановского у.) бедняки говорили: «Ранее было плохо, а теперь жить нельзя, все имущество забирают». В с. Осиные Гаи один крестьянин заявил: «Соввласть беспощадно жмет середняков, забирая последнее имущество». В ответ на большевистскую демагогию в д. Ладеновке (Борисоглебский у.) крестьяне как один закричали: «Соввласть жмет бедноту так, как бандиты, поймав на дороге с целью грабежа». Наблюдатели сообщали, что «кулачество, торжествуя, говорит: "Слава Богу, начинают и на бедняков нажимать", иронически заявляя бедноте: "Вот вам и Соввласть, пора и вам платить, довольно нам за все отдуваться"». Было признано, что после перевыборов низовой аппарат по-прежнему остался «засоренным и в ряде сельсоветов наблюдаются точно такие же, как прежде, явления». Так, вновь избранный председатель Черносельского ВИКа Моршанского уезда устраивает дебоши, угрожая населению оружием. Крестьяне говорили: «Мы даже в старое время не встречали такого урядника»[3]. Вызывало недовольство и чрезмерное «расходование средств из волбюджета на содержание партаппарата»[4]. Деревенские сатрапы могли объявить кулаком кого угодно, следуя принципу: «Тот не кулак, у которого лошадь еле ноги передвигает и корова не встает»[5].

В головах некоторых селькоров складывалось парадоксальное представление о взаимозависимости коммунизма и пьянства. Так, сельский учитель Адриан Топоров в 1926 г. полагал, что расцвету пьянства способствуют «и торжество побед, и хозяйственное укрепление коммун, и образование почти в каждой из них особой головки, которая захватила себе власть в руки, сведя к нулю общекоммунальную общественность»[6].

ОГПУ фиксировало в Тамбовской губернии и не такие неурядицы: председателем Покровско-Марфинского сельсовета стал бывший урядник-пьяница; в Нововасильковской волости сельсовет захвачен «антисоветским элементом», который «покровительствует бывшим бандитам, обещая вернуть им гражданские права». В Моршанском

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 468.

[2] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 236.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 38–40.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 57.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 126.

[6] *Дюран Д.* Указ. соч. С. 187.

уезде появились неизвестные странники. В с. Хлыстове (Рогожниченская вол.) они внушали населению, что «у власти стоят подзаборники и грабители». При этом совработникам направлялись записки такого содержания: «Ты со своей работой опротивел всему народу. За продажу с торгов племенных овец, за налог ты дождешься пули в лоб». Активизировалось духовенство, агитирующее против вступления в РКСМ (Громовская вол.), кое-где организовывались «религиозные кружки» (с. Хлыстово Моршанского у.). Кулаки распространяли слухи о скорой войне, заявляя, что «беспартийные за коммунистов воевать не пойдут». Говорят и о том, что, «если бы правил Николай Романов, он покрыл бы все нужды крестьян»[1].

Белорусский отдел ОГПУ 6–26 февраля 1925 г. сообщал, что в Заславльском районе «благодаря слабому влиянию партячеек наблюдается нездоровый уклон среди нарождающейся сельской интеллигенции». Здесь «образовался кружок, который занимается не самообразованием, а фактически руководит сельсоветом и вообще оказывает решающее влияние на всю местную жизнь»[2].

Некоторые крестьяне последние надежды возлагали на оппозицию. В Тамбовской губернии распространялась записка, которая заканчивалась так: «Да здравствует товарищ Троцкий с Красной армией, да здравствует Учредительное собрание»[3]. В Комаровском районе Тульской губернии крестьяне говорили, что «Троцкий подметил, что без Ленина партия стала хуже»[4]. Бывший чекист К.М. Непомнящий (с. Тишковка Ново-Архангельского р-на Первомайского окр.) 28 ноября 1926 г. доносил, что «шептуны распускают слухи, что Троцкий хочет сделать для рабочих и крестьян хорошую жизнь, а Сталин подбивает всю партию, чтобы у крестьян все забирать, а рабочим жалования не прибавить, а еще уменьшить»[5]. Как бы то ни было, «незаможники и бедняки Воскобойниковского сельсовета Шишакского района на Полтавщине» писали «Дорогому тов. Зиновьеву»:

> Линия оппозиции правильна. При таких обстоятельствах дальше работать невозможно, ибо темная бедняцкая масса может попасть в кулацкую атмосферу... Мы маленькие темные ничтожные комашки, и оппозиция права...[6]

Уже упоминавшиеся Яков Самойлович Бутенко и Степан Клементьевич Вишневский в августе 1924 г. передавали такие рассуждения крестьян:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 40–42.

[2] Там же. Л. 71.

[3] Там же. Л. 41.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 68.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 24.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 70. Л. 21.

Троцкий добрый и умный человек... добра крестьянам желал, но вот «русские» коммунисты его выбросили. А вот Зиновьев, умнейший человек, ведь он пошел вразрез с «русскими» коммунистами, этими бандитами... Русские коммунисты бандиты, разбойники... Только Троцкий и Зиновьев хотят добра[1].

Создается впечатление, что двое коммунистов просто хотели продемонстрировать свою лояльность. И сделали это странноватым «юдофильски-русофобским» способом. Как бы то ни было, данный пример – еще один штрих к психоментальному сумбуру постреволюционного времени. Но уже тогда появлялись элементы двоемыслия: власть поддерживали люди, нравственно отвергающие ее[2].

И.А. Поньшин (с. Анны Бобровского у. Воронежской губ.) 13 января 1926 г. писал: «Троцкий прав, пройдут годы... и знамя троцкизма воссияет над землей»[3]. Впрочем, другие сельские жители связывали с оппозицией новый разлад в верхах, чреватый социальными потрясениями. Крестьяне д. Захарова (Селижаровская вол. Осташковского у. Тверской губ.) 1 сентября 1926 г. направили в «Московскую правду» письмо, в котором просили ЦК «бороться против всяких противоленинских течений». А.С. Степанов (Рязанская губ., Раненбургский р-он, Троекуровской вол., с. Петелино) в сентябре 1926 г. направил «товарищеское письмо» Калинину. «Оппозиция принесет много вреда для всех... – считал он. – Зачем вам ссориться между собой, вы дети одной хорошей матери»[4]. Александр Афонин, крестьянин-самоучка, нечто подобное выразил в стихах:

Нам распри разные не надо
Мы все одно младое стадо
А Ленин – первый наш пастух
Хотя он телом и потух...[5]

Ленин превращался в своего рода эталон правителя. Крестьянин-бедняк Д.С. Силин, член партии с 1918 г. (с. Ольга Владивостокского у. Приморской губ.), 29 августа 1926 г. был уверен, что «нам не нужно никакой новой оппозиции»[6]. Крестьянин Мораньков был настроен более решительно:

...Я понял по своему темному соображению, что здесь шайка хочет провести в жизнь свою идею исходя из учения «Ленина»... Чего им

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 133.

[2] По некоторым сведениям, феномен «двоемыслия» или «двоедушия» обнаружился очень рано: люди старались соответствовать «духу времени» (*Варшер Т.С.* Виденное и пережитое (в Советской России. Берлин, 1923. С. 30–34, 101, 147).

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 311.

[4] Там же. Л. 31.

[5] Там же. Л. 170.

[6] Там же. Л. 164.

недостает?.. Заинтересованы ли вожди этих скандалов в строительстве Советского хозяйства? ...Они хотят дезорганизовать нашу силу[1].

Д.М. Дидик (Одесский окр.) в ноябре 1926 г. уверял, что «если бы из товарищей оппозиционеров кто-нибудь приехал в село и начал говорить то, что нам частенько приходится читать в брошюрах, то, наверное, бы их... прогнали»[2]. Л.Е. Евшамонов, член партии с 1919 г. (Брянская губ., Бежицкая вол., с. Журиничи), в октябре 1926 г. призывал к «беспощадной борьбе» с троцкистами, зиновьевцами. Единство партии требовалось «укрепить и соблюдать и хранить заветы Ленина»[3]. Коммунист К. Кожухаренко (с. Корнеевка Мелитопольского окр.) 15 октября 1926 г. писал:

> Многоуважаемые тов. Вожди пролетариата тт. Зиновьев Г.Е., Троцкий, Крупская и др. Меня как члена ВКП(б) и добровольца Красной армии с самого начала революции интересует... кто вы есть и что из себя представляете... Отчего вам выпала такая глупая мысль, как дискуссия?

Деревенские жители непроизвольно тянулись к авторитарному строю жизни. Им нужна была «понятная» и «справедливая» власть. Наступало время, когда традиционная среда «свертывается», мысленно корректируя внешний мир соответственно привычным «нормам».

Представление, что рабочие живут намного лучше, устойчиво сохранялось в сельской среде[4]. В конце 1924 г. информаторы сообщали об усилившейся «ревности по отношению к рабочему классу»[5]. На Украине (с. Несватково Черкасского окр.) на сходе, созванном по случаю 9-летия революции, один середняк заявил: «Рабочие для себя добились... хорошего жалования, установления низких цен на хлеб, наложения на крестьян большого налога в то время, как сами не платят ни одной копейки налога, хотя и получают по 500 руб. жалованья»[6]. На Богородицкой беспартийной крестьянской конференции (Тульская губ.) 16 января 1925 г. раздавались призывы «урезать аппетиты рабочего». Разговоры о «смычке» города и деревни вызывали вопрос: «8-часовой рабочий день – это смычка?»[7] Иной раз прямо говорили,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 129.

[2] Там же. Л. 92.

[3] Там же. Л. 190.

[4] Особенно заметно это по письмам в «Крестьянскую газету». См.: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 194–195.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 45.

[6] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 812. В других случаях говорили, что рабочим платят по 200 руб. См.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 198.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 66. По некоторым сведениям, в деревне рабочих все же защищали бывшие красноармейцы. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 45.

что рабочие и служащие живут за счет крестьян[1]. Один из середняков сетовал: «Куда ни повернись, везде с меня деньги нужны: самообложение плати, заем покупай, завод строй...»[2] В Крыму крестьяне требовали замены 8-часового рабочего дня «крестьянским рабочим днем»[3], в Воронежской губернии предлагали увеличить его «до 12 час., так как крестьяне работают 16–18 час. в сутки»[4]. Заявляли и о том, что «рабочие – наши фактические хозяева[5], а «что в городе бросают в помойную яму, то в деревне кладут в сундук»[6]. Говорили и такое: «Теперь при смычке коньяк пьют только комиссары». Некоторые литераторы высмеивали поднадоевшую тему своеобразно: «на вечере смычки съезда ветеринарных работников громогласно оглашено было замечание Троцкого, что "наш советский поросенок является очень хорошим дипломатом на мировом рынке"»[7]. Тем временем некоторые крестьяне возмущались: почему не говорят правды о троцкизме-ленинизме? Возникал и такой вопрос: если оппозиционеры негодяи, то почему их не выгонят из партии? Вызывало возмущение и то, что «евреи стоят чистыми за прилавками»[8]. Интересовало, какова зарплата рабочих по сравнению с довоенным временем?[9] В начале 1927 г. в Адыгейско-Черкесской области некто Чубаров, естественно, названный «кулаком», произнес перед хуторянами следующую речь:

> Советская власть нас обманула – все отдано рабочим, крестьянам ничего. Рабочих содержат за счет крестьянства. Мы потеряли здоровье и силы в гражданской войне, и за это на нас советская власть надевает петлю. Если бы мы добились разрешения организовать крестьянский союз, тогда бы мы рабочих прикрутили, не дали бы им хлеба и они бы подохли[10].

Присутствующие отнеслись к его словам сочувственно.

«Антирабочие» настроения деревни отмечали и «пролетарские писатели». «Что такое пролетарий? – вопрошал один из героев рассказа представителя ЛАППА И. Кологривского. – Дрянь одна и без всякого основания»[11].

---

[1] *Мишенькина Н.С.* Указ. соч. С. 271.

[2] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 222.

[3] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 897.

[4] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 195.

[5] *Рогалина Н.Л.* Отношение крестьянства к новой экономической политике в свете документальных публикаций // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 306.

[6] *Мишенькина Н.С.* Указ. соч. С. 271.

[7] *Лугин А.* Указ. соч. С. 79.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 66.

[9] Там же. Л. 68.

[10] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 120.

[11] *Кологривский И.* Бродячее. Рассказы. Л., 1925. С. 51.

Редакция «Бедноты» в 1925 г. составила список типичных вопросов крестьян Шаховской волости (Московская губ.). Сложился целый букет представлений, претензий и пожеланий. Так, было заявлено, что «Советская власть все дала рабочим, а крестьянам ничего», хотя «революцию сделали не рабочие, а крестьяне», а потому «ставку надо сделать не на рабочих, а на крестьян, иначе крестьяне войной пойдут на рабочих». Требовали «вольную торговлю с заграницей», «свободу печати», «Союза крестьян», отмену смертной казни, а также увеличения представительства от крестьян на съездах. Спрашивали, «почему молчите о косвенных налогах?» Утверждали, что «среди коммунистов нет безработных», а «весь продналог идет на жалованье коммунистам». Прозвучало и привычное: «Долой коммунистов из Советов!» Было также заявлено: «Коммунисты пьют вино, а нам дайте русскую горькую». Некоторые политические заявления представляют особый интерес: «Троцкий хотел освободить крестьян от налога, а вы его арестовали. Он хотел принять крестьян в партию, а вы боитесь этого». Венчал список «классово-антагонистичный» вопрос: «Почему мы голодаем, а Рыков задает балы?»[1] Похоже, что председатель Совнаркома превращался в наиболее подходящего «козла отпущения».

Строго говоря, власть только и делала, что создавала проблемы и для крестьянства, и для себя. Данные по Московской губернии указывают, что усиление налогового пресса в 1926 г. (связанное с финансовым кризисом 1925 г.) привело к тому, что крестьяне стали отказываться от интенсификации производства, снижали посевные площади под товарные культуры, предпочитая засевать их многолетними травами (налогообложение сенокосных угодий было в несколько раз меньше). В ноябре 1926 г. на совещании председателей уездных исполкомов было сделано парадоксальное признание: «В наших условиях земля, когда ее забрасывают, становится особенно выгодной»[2]. Кое-где крестьяне предлагали «кардинальное» решение: «Одно спасение – меньше сеять и скот распродать, что тогда правительство делать будет?»[3] На Дону заявляли: «Налог, выпавший на долю середняка, заставил его задуматься, стоит ли ему сеять такую площадь, как раньше, или, может, сократить посев»[4].

Крестьяне побогаче требовали большей самостоятельности. Некий Шадебон (Кубанский окр.) 11 июля 1926 г. писал наверх: «Вы,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 38.

[2] Цит. по: *Ковалев Д.В.* Назревание аграрного кризиса в Подмосковье на исходе нэпа // Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание. М., 1999. С. 278.

[3] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 225.

[4] *Зайдинер В.И.* Указ. соч. С. 303.

партия, должны помочь, а не мешать нам, хлеборобам». Он считал, что «надо создать «Союз хлеборобов», который защитил бы нас [крестьян] от оголтелых посредников...»[1] Предлагалось также сформировать «контрольные комиссии» из крестьян, чтобы избавиться от непосильных поборов[2].

Набор крестьянских требований был хорошо известен в верхах. А.И. Микоян, тогдашний секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), 30 апреля 1926 г. даже выпустил секретную брошюру, адресованную сельским ячейкам. Призывы к созданию Крестьянского союза он связывал, с одной стороны, с «опытом 1905 г.», с другой – с «влиянием эсеров». Доводы крестьян были ему хорошо известны: союз нужен крестьянам, «чтобы строить больницы и школы» и вообще для улучшения своего хозяйственного положения, так как «пролетарский город не заботится о нуждах крестьян». Микоян полагал, что теперь «вредно поднимать целую кампанию и разбирать вопрос о "Крестьянском союзе"», уместно лишь оперативно реагировать на доводы его сторонников. Коммунисты должны объяснить крестьянам: либо с пролетариатом к социализму, либо с буржуазией к капитализму[3]. Сомнительно, что последний тезис показался сельским жителям убедительным.

Большевистские страхи перед «эсеровским» союзом вряд ли были оправданными. В 1928 г. чекисты признавали, что объяснять распространение идеи крестьянских союзов «только происками эсеров, как это делают некоторые наши органы, неверно». Попытки эсеров-одиночек воссоздать Крестьянский союз для «вооруженного свержения диктатуры ВКП(б) и совласти»[4], действительно были, но вряд ли крестьяне активно поддержали бы их.

Между тем 29 июля 1926 г. некий «Южный комитет Российской Крестьянской Партии» направил «Обращение к Политбюро Коммунистической партии» такого содержания:

> Тяжелое экономическое состояние, небывалая безработица, растущая дороговизна, большой налог на крестьянство, стихийное бедствие (саранча) и бездействие правительства СССР довели страну до вопиющей нищеты. Бюрократическое отношение властей к населению, карьеризм и погоня за высокой ставкой, чиновничье бездушие к жалобам и просьбам населения, превращение членов партии в людей с правами потомственных дворян создали апатию, убили всякий интерес к политической жизни... Вносим следующие предложения: 1. Издать закон о легальном существовании политических партий;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 78.

[2] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 197.

[3] Цит. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 2–15 об.

[4] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. С. 786, 789.

2. Понизить налоги на крестьянство, повысить зарплату; 3. Прекратить субсидировать все политические органы за счет государства; 4. Провести генеральную чистку партии; 5. Снять Рыкова и поставить Куйбышева; 6. Прекратить торговлю водкой и вином свыше 16 градусов; 7. Сдать в аренду на льготных условиях закрытые предприятия частным лицам; 8. Увеличить расходы по народному просвещению на 50 %[1].

Эти пожелания, несомненно, разделялись основной массой населения. Существовала в действительности «крестьянская партия» или кто-то попытался выступить от ее лица, вряд ли можно установить. Однако власть готова была приписать симпатии к ней кому угодно.

Впрочем, встречались случаи неподдельной крестьянской любви к новым «вождям». Крестьянин В.Ф. Свиридов (с. Нижне-Матренки, Усманский у. Воронежской губ.) в 1925 г. направил Ворошилову стихотворное послание, в котором желал ему «здравствовать на новом вечном посту многа лет». Заканчивалось письмо словами: «Я не сочинитель, не поет, как сумел так и спел и если возможно пришлите ответ»[2]. Наивный деревенский графоман успел пропитаться газетной пропагандой и пребывал в мире иллюзий. Возможно, сказывалась потребность в культе правителя, а официальная биография Ворошилова помогла в поиске объекта обожания. Такие случаи были не единичны. В одном из рассказов Бориса Лавренева выведен самодеятельный рифмоплет, сочинивший «Гимн товарищу Рыкову» и требовавший издания «Оды на рождение А.И. Рыкова». Похоже, после «отмены богов» у части населения возникла потребность в наполнении опустевшего культового пространства новыми персонажами.

Из перлюстрированных в 1924–1925 гг. писем сельских жителей следует, что 64,7 % из них относились к советской власти положительно, но 96,3 % были не довольны местными властями. Отрицательно оценивали работу кооперации 84,2 %, были не довольны состоянием образования и культуры 77,8 %, понижение уровня жизни отмечали 60,9 % авторов[3]. Судя по письмам в «Крестьянскую газету», отрицательные характеристики советской власти впервые стали преобладать над положительными в 1926 г.[4] С *каких* же позиций крестьяне нападали на власть?

Г. Беседовский привел разговор с одним крестьянином, ставшим большевиком еще в 1917 г., будучи солдатом. Он мог сделать партийную карьеру, но предпочел работать в деревне, крестьянствуя сам и «просвещая» односельчан. В 1927 г. он заявлял:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 258.

[2] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 296. Л. 1–2.

[3] *Измозик В.С.* Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 34.

[4] *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 193.

Я собираюсь совершенно порвать с партией... Активная революция была сделана руками мужиков, и теперь... их безжалостно ударяют по спине. Нельзя обманывать народные массы. Раз было сказано во время октября, что революция несет... хозяйственное раскрепощение, надо было это обещание полностью исполнить. Крестьяне уже начинают нас ненавидеть так же сильно, как они ненавидели раньше соседнего помещика... Пройдет еще немного времени... начнется снова открытая война с крестьянством... В этой войне я буду на стороне мужика...[1]

Таким заявлениям не приходится удивляться. Еще в 1925 г. заместитель прокурора Москвы сообщал, что лозунг «Лицом к деревне» крестьяне комментируют так: «...Партия зашла в болото, как старое дворянство, и хватается за крестьянство, как утопающий за соломинку»[2]. И тем не менее иные деревенские жители понимали социализм «по-большевистски». Крестьянин П.К. Белик из д. Чутповки (Боровский р-н Изюмского окр. УССР) 11 августа 1927 г. писал:

В селах наших царство предрассудков. Почему у нас такая отсталость? Почему у нас так много шептунов, горлопанов и недоброжелателей советской власти? Да потому, что у нас нет вблизи ни одной фабрики, ни одного завода, ни города, ни железной дороги. Где «индустрия», там культура и просвещение, там царство социализма. Сами крестьяне недовольны своей некультурностью и отсталостью. Но в этом они винят власть... Если бы была проведена у нас железная дорога, у нас давно был бы полный расцвет новой жизни – жизни социализма... Да! ...Только «индустрией» можно вышибить веками закоренелую некультурность... Пусть же проектируемая дорога будет построена в ближайшее время во имя обороны Октябрьских завоеваний, во имя обороны Советской страны...[3]

Данный текст показателен во многих отношениях. Во-первых, социализм представлялся чем-то дарованным сверху. Во-вторых, его введение мыслилось как своего рода магический акт, на который способна только власть. В-третьих, «магия будущего» связывалась с современным индустриализмом. Наконец, очевидно, что синкретичное крестьянское сознание поддавалось внушению через демонстрацию индустриальных достижений визуальными средствами.

Подобные представления проникали в город, претерпевая соответствующие перверсии. Писали, что к 1927 г. стал складываться новый тип рабочего, который смотрел за завод, как на «денежный сундук, да притом чужой, из которого надо брать деньги, и как можно побольше»[4].

---

[1] *Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 2. С. 146–147.

[2] Цит. по: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 336.

[3] «Социализм – это рай на земле». С. 216–217.

[4] *Жига И.Ф.* Новые рабочие. М.-Л., 1928. С. 64.

Своеобразную картину «перевернутых» деревенских настроений давали опросы военнослужащих. Обнаружилось, что в Украинском военном округе антисемитизмом было заражено не только крестьянство, но рабочие Донбасса. Было отмечено, что в «солдатской среде по отношению к евреям постоянно звучат требования прекратить разговоры на еврейском языке». Часто можно услышать высказывания типа: «Бей евреев-спекулянтов!» В связи с увольнением Троцкого одни говорили, что «жидам нельзя было доверять», другие, напротив, заявляли: «Троцкого жиды убрали, он хоть и жид, но хороший работник». В ходу были выражения типа «жидовская морда». В ряде случаев распространению юдофобии способствовал командный состав[1]. Многие украинцы «заговаривали об изгнании кацапов с Украины»[2].

Ф. Дзержинский, лично подсчитавший соотношение положительных и отрицательных писем из деревни в Красную армию и обратно, получил такой результат: положительных писем из армии 234, отрицательных – 268; из деревни в армию положительных – 77, отрицательных – 257[3]. Шла взаимная деморализация «города» и «села».

Оказалось, что иным юным активистам тяжело в деревне без привычного нагана. Секретарь сельской комсомольской ячейки, кандидат в члены партии Ф.Ф. Балухта (Гомельская губ., Клинцовский у., с. Лопатики), 14 июня 1926 г. жаловался:

> Служу в лесах местного значения в качестве объездчика... За сохранение народного достояния я решил достать... оружие системы «Наган», так как... с дробовиком от деревни к деревне нехорошо, а мстителей-то много... И я покупил... «Наган», который сдал Клинцовскому волкому ВКП(б), чтобы исходатайствовать для меня право ношения... а секретарь волкома пользуется моим наганом с декабря 1926 г., а мне не дает никаких результатов... Прошу, тов. Сталин, сделать распоряжение, чтобы волком возвратил мне «Наган»...[4]

Лесные порубки приобрели широкий размах[5]. Как видно, претендентов на наиболее убедительное средство утверждения революционного порядка в виде нагана оказывалось слишком много. Со временем они могли просто перестрелять друг друга.

Порой в одной и той же местности перспективы развития ситуации оценивалась разными людьми по-разному. Т.Д. Пресолов (д. Лебеди Старо-Оскольской вол.) в ноябре 1926 г. сообщал:

---

[1] В 1929 г. «Красная звезда» приводила слова одного групповода, продиктованные красноармейцам для конспектирования: евреи «распяли Иисуса Христа... на Пасху ели детей... что они много и быстро размножаются... что они могли торговать и обманывать». Цит. по: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 55.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 4 об.

[3] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 34.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 278.

[5] См.: *Большаков А.М.* Деревня 1917–1927. М., 1927. С. 314–315.

Настоящее время есть период форменной борьбы между комиссародержавцами и деревенским активом честных бывших красноармейцев... Сейчас наблюдается стихийное поступление в члены партии и комсомола из лиц форменным образом воров, самогонщиков и т. д.[1]

А селькор с боевой фамилией Г.Е. Дикой из того же уезда Курской губернии в том же месяце был настроен безнадежно, сообщая, что «милиция ничего не делает»[2].

В связи с недовольством местными властями усиливались эскапистские настроения. По некоторым данным, в 1920-е гг. существовало около 100 толстовских сельскохозяйственных коммун. Не случайно в марте 1926 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) рекомендовала ОГПУ «принять соответствующие меры» против «явно вредительской деятельности» толстовцев, ведущих «антимилитаристскую и антисоветскую пропаганду»[3]. Власть не желала мириться со специфичными формами аполитичности.

В конце десятилетия сельскому населению казалось, что вернулись времена «военного коммунизма». В «Крестьянскую газету» писали люди, указывающие на самоубийственную политику властей. Особенно раздражало крестьян то, что «никогда не чувствуешь себя твердо, все куда-то тебя гнут и хлещут, не знаешь своих прав, все зависит от местных правителей»[4]. Добиться расширения посевных площадей становилось невозможно: нет семян, а главное – «желания крестьян». В Уральской области 1927 г. оказался засушливым, собранного урожая подчас не хватало даже на пропитание, крестьянам иной раз приходилось гнать на рынок последнюю корову из-за бескормицы. Однако вместо ожидаемых послаблений им не ко времени приходилось заниматься самообложением и включаться в «ударную кампанию» по заготовке хлебофуража. Один из селькоров задавался вопросом: «Из чего государство будет брать налог в будущем, так как хлеба нет, скот уничтожается, а главное – желание трудиться у крестьян отнято на несколько лет вперед?»[5] «Классовая» политика приобретала характер системного разрушения производительных сил деревни, известного по временам «военного коммунизма». Обстоя-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 9.

[2] Там же. Л. 6.

[3] *Шенталинский В.* Указ. соч. С. 68–69. В 1927 г. ОГПУ арестовало 4 толстовцев за антимилитаристскую деятельность («Совершенно секретно». Т. 5. С. 333). Между тем толстовцы призывали к отказу от алкоголя, табака, матерных слов, игральных карт (*Соколов В.И.* Указ. соч. С. 206, 223). В.В. Чертков в письме С. Орджоникидзе от 23 июля 1928 г. уверял, что в 1919 г. Ленин признал учение Л. Толстого религиозным, в 1924 г. это подтвердил Верховный суд СССР. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 197. Л. 4–5.

[4] Цит. по: *Кудюкина М.М.* Зажиточное крестьянство в конце 1920-х гг.: попытки выживания // Зажиточное крестьянство России... С. 309.

[5] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 76–77.

тельное письмо поступило А. Рыкову от комсомольца Ф. Черепанова из Казахстана. Из-за погодных условий сбор зерновых оказался здесь настолько низким, что беднякам и даже середнякам пришлось покупать хлеб на рынке по тотчас подскочившим ценам; в результате «нажима на кулака» цены упали, но собранный хлеб тут же вывезли на винокуренный завод. Цены вновь подпрыгнули, дело дошло до голодовок, ситуация «напоминала времена продразверстки 1921 г.» По мнению Черепанова, «население всего уезда настроено против Советской власти», народ «пойдет на что угодно, не считаясь с жизнью»[1]. Крестьяне симбирской деревни, в свою очередь, говорили:

> Жизнь стала невозможной, хлеб отбирают на чистую, только оставляют печеный, но большинство крестьян прячут [его] в землю; Хлеб весь вывез, а самому хлеба нет, хоть с голоду помирай; Советская власть отбирает весь хлеб начистоту... а мы, дураки... все терпим.

Впрочем, кое-кто из крестьян спаивал реквизиторов, чтобы не сдавать хлеб[2]. Весной 1929 г. появились донесения ОГПУ о случаях голода в деревнях[3].

Строго говоря, аграрное прожектерство не могло не провалиться уже потому, что не стыковалось с региональными колебаниями урожайности. Государственная бюрократия, оперирующая мифическими «среднестатистическими» показателями, не замечала, что сама провоцирует новую волну самогоноварения, несмотря на свободную продажу водки. По данным ЦСУ, в 1928 г. 34,6 % всех крестьянских хозяйств гнали самогон для себя со средней выгонкой 56 л. в год, 6,5 % хозяйств производили его на продажу[4]. Селькор И. Неклюдов (Кожуковская вол. Тотемского у. Вологодской губ.) в ноябре 1926 г. сообщал о повальном пьянстве в деревне, «издевательстве над женами и детьми»[5]. В сатирической прессе писали о повышенном спросе на популярную литературу по химии в связи с борьбой за качество самогона[6].

---

[1] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 77–78.

[2] *Сухова О.А.* «Общинная революция» в России. С. 373.

[3] Россия нэповская. С. 413.

[4] Всего на территории РСФСР производилось более 615 млн литров самогона, на его выгонку уходило свыше 1383,1 млн кг пищевых продуктов. Количество «пьющих» хозяйств достигало 84 %, максимальное потребление приходилось на районы так называемой производящей полосы. Так, в Пензенской губернии душевое потребление 40° напитков составляло 12,7 л, в Центрально-Черноземном районе и Вятской губернии – 11, 3 л, в Сибири – 10 л (в целом по РСФСР к 1928 г. – 7,5 л), при этом водка составляла лишь четвертую часть выпитых на селе крепких напитков. Только в Чувашии в 1927 г. на изготовление суррогатов было израсходовано более 442,4 тыс. пудов муки, 231,9 тыс. пудов зерна, свыше 145,5 тыс. пудов картофеля (*Орлов В.В.* Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия // Отечественная история. 2008. № 1. С. 110).

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 497. Л. 237.

[6] Смехач. 1925. № 30. С. 4.

В целом уровень потребления алкоголя сельским населением превысил довоенный почти на 25 %, тогда как городские возлияния лишь приближались к 75 % рубежу от уровня 1914 г.[1] По подсчетам С. Нефедова, в 1928 г. расходы на самогон в крестьянских семьях составили 1 пуд зерна на душу[2]. Между тем доход государства от продажи спиртных напитков ко всему бюджету составил в 1925/26 г. 8,4 %, в 1926/27 г. – 10, 9, в 1927/28 – 12 %[3]. По понятиям отвлеченной статистики переход к свободной продаже водки выглядел неоправданным.

Начало коллективизации сопровождалось паническими слухами. 29 августа 1928 г. В. Вернадский отмечал, что под их влиянием население запасается продуктами, часть его собирается бежать из Киева, говорят даже «о разделении Украины»[4]. Интенции властей и опасения низов сливались в поразительную амальгаму. В июле 1930 г. на Украине говорили о том, что председателями колхозов станут бывшие помещики (что было изоморфно идее Сталина о решении аграрного вопроса с помощью «красных помещиков»)[5]. Ходили «пророчества» о том, что через 42 дня после перехода к коммуне (после 28-дневного существования колхозов и 21-дневного – артелей) грядет полномасштабный конец света. Судачили, что «от каждой женщины будут брать по 5 пудов волоса»[6], «четырехпудовых девушек будут отправлять в Китай», «коней заберут для евреев обрабатывать их землю». Некоторые уверяли, что красивых мужчин и женщин начнут насильственно спаривать в видах выведения улучшенной породы людей (вероятно, под влиянием известий об экспериментах по скрещиванию обезьяны

---

[1] *Такала И.* Указ. соч. С. 71. Данные вызывают серьезные сомнения. Официальная статистика говорила о спиртовом доходе в 1927/28 г. в 270 млн руб., неофициальная – 728 млн (там же. Р. 73). Дело в том, что первая цифра точно совпадает с *запланированным* доходом от акцизов на 1924/25 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 800. Л. 21.

[2] *Нефедов С.А.* Указ. соч. С. 120.

[3] *Такала И.* Указ. соч. Р. 73.

[4] Цит. по: Владимир Вернадский: Жизнеописание. С. 225.

[5] Чем-то вроде «красного помещика» можно считать героя Гражданской войны Д.П. Жлобу: он осел в местах прежних боев, основав в одной из бывших помещичьих экономий артель «Агрокультура». Многие ее члены являлись бойцами его дивизии. Сам командир вел усадебный образ жизни, увлекался охотой, держал породистых собак. С 1927 г. Жлоба возглавлял Северо-Кавказское колхозобъединение. Он всячески помогал своим соратникам; те искренне любили своего отца-командира (*Морозова О.М.* Указ. соч. С. 221–223). Жлоба не избежал репрессий – слишком самостоятельные «красные помещики» были опасны для режима.

[6] Стоит отметить, что в марте 1930 г. на Урале руководитель коммуны «III Интернационал» инициировал стрижку волос у женщин – насильственно остригли 100 представительниц прекрасного пола. См.: *Плотников И.Е.* Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х – начале 30-х годов // Отечественная история. 1998. № 2. С. 79, 83.

с человеком), но больше всего было разговоров о ширине (до 100 метров) одного единственного одеяла, которым предстоит накрываться участникам свально-колхозного греха. Вздорность слухов была отражением нелепых «классовых» метаний власти. На Средней Волге пронесся слух, что рабочие-двадцатипятитысячники едут в деревню то ли для смычки, то ли для случки с дочерями крестьян. Как результат, в одном селе, дабы опередить секс-посланцев класса-гегемона, за один день было выдано замуж 13 девиц[1].

Чем более «высокие» цели ставили доктринеры, тем шире разливались волны абсурдных слухов, предрассудков и иррационального озлобления. Даже немногие бедняки, для которых единоличное хозяйствование было заведомо бесперспективным, впадали в «распри и междоусобицы» на артельных собраниях «из-за недовольства условиями труда и своими неавторитетными руководителями»[2].

Под покровом вздорных слухов, нелепых страхов и революционных лозунгов разворачивались психоментальные процессы, смысл которых уловить непросто. При всем недовольстве советской властью некоторые крестьяне все же намеревались ее защищать. Так, 27 марта 1927 г. жители одного из сел (Свердловский окр.) приняли «постановление»: «В случае объявления нам каких-нибудь военных подготовлений капиталистическими государствами, мы... объявим решительный отпор капиталу и просим все общества других селений поступать так же». В соседних селах происходило нечто подобное[3]. Скорее всего, крестьяне подписывались под подобными заявлениями искренне, хотя, разумеется, прежде всего мечтали избежать войны – даже ценой увеличения повинностей[4].

Некоторые авторы считают, что на Юге России «зажиточные крестьяне и казаки» надеялись на «успешную войну ради свержения режима», середняцкая масса была настроена «пацифистски», а бедняки, иногородние крестьяне, рабочие и представители маргинальных групп обнаруживали «антинэповский экстремизм» и желание защищать «подлинную» советскую власть от ее перерождения[5]. Думается, налицо попытка модернизации социально-политических процессов соответственно доктринальным представлениям коммунистов того времени. Во всяком случае, на Украине ситуация была много слож-

---

[1] *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества. М., 1997. С. 367, 368, 370–371, 382.

[2] Письмо заключенному оппозиционеру, 1930 / публ. и комм. Д. Бондаренко и А. Катчука // Морія. 2007. № 7. С. 11.

[3] Цит. по: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 51.

[4] Там же. С. 52.

[5] *Баранов А.В.* «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 189.

нее[1], а на Урале любые продовольственные неурядицы боязливо воспринимались как показатель близости войны[2]. Обычно страхи консолидируют, а не разобщают традиционные социумы, хотя несомненно и желание использовать экстремальную ситуацию к собственной социальной выгоде.

В деревне, разумеется, оставалось предостаточно внутренней конфликтности. М.В. Васильев (Тверская вол. Тверского у.), оставшийся без работы пять лет назад, 10 сентября 1925 г. с горечью сообщал: «Зашел к кузнецу, у которого работал поденно, а он стал срамить меня площадной бранью, а молотобоец стал сморкаться на меня из носа отложениями»[3]. 64-летний инвалид, сын батрака С.П. Орленко (с. Дымовка Ново-Одесского р-на Николаевского окр.) в октябре 1926 г. жаловался «Председателю ЦК ВКП(б) тов. Сталину – последнему коммунисту, от которого я жду справедливой помощи в моих гибельных условиях». В течение 5 лет он судился с местным предволисполкома (сыном зажиточного крестьянина, который «в 1918 г. провозгласил себя анархистом, а до этого был фельдшер») из-за маленького домика, который тот заставил его продать, после чего устроил там «танцевальный зал для молодежи, причем выручку клал себе в карман». Этот местный сатрап с выразительным именем Лев Постолатий якобы «провозгласил себя "царем", начал нещадно преследовать крестьян, заставлял их держать руки по швам, облагал штрафами, с помощью которых подкупал окружную администрацию, чтобы она не мешала царствовать». Как будто правда восторжествовала: «замечательный урод, память о котором надолго осталась в умах обитателей», был «посажен в ДОПР», но «домик» никак не возвращали владельцу[4]. Ясно, что «бедный старый инвалид», обладатель «маленького домика, превращенного в танцзал», лукавил. Важнее другое: на советский суд крестьянин уже не рассчитывал, но в нем сохранялась вера в далекую центральную власть. Этот патерналистский призрак «последней надежды» во многом определял ситуацию. Не удивительно, что крестьяне, как писал 1 ноября 1926 г. селькор Герасим Дикой (Старо-Оскольский у. Курской губ.), требовали «контроля свыше», так как «на уездных и губернских мало надежды»[5]. Через два года число писем с жалобами на «зажим критики» еще более возросло[6].

В чьих руках концентрировалась власть на селе? Некоторые исследователи считают, что в Центральной России она оставалась в ру-

---

[1] *Марчуков А.В.* Указ соч. С. 217.

[2] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 53.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 29.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 75–76.

[5] Там же. Л. 6.

[6] *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 286.

ках сельского схода[1], в котором усиливалась роль кулаков[2]; отмечают, что на Украине воцарилось двоевластие в лице сельских советов и земгромад[3] (аналог русского схода). На деле сельская власть дробилась, на нее шло давление со всех сторон – в том числе и со стороны партийных, и комсомольских ячеек, и комнезамов (на Украине); власть, со своей стороны рассчитывая усилить роль сельсоветов, не находила внятных слов для объяснения своего курса[4]. В России неразбериха на местах всегда усиливала возможности центра, который, однако, всякий раз ухитрялся доводить управленческую ситуацию до абсурда. Так, в Самарской губернии наблюдался «полный произвол со стороны председателей волисполкомов и сельсоветов». Существовала практика произвольного наложения налогов, сборов и штрафов: за распитие самогона, за беспатентную торговлю рыбой и мясом, за появление в пьяном виде, участие в кулачных боях[5].

Деревня оставалась традиционной, ее нравы менялись с трудом. М.М. Кудахтин, уполномоченный Салинского сельского общества (Хомутовская вол. Рыльского у. Курской губ.) в марте 1927 г. сообщал, что «на почве самозахвата получилась с вилами и топорами между двумя обществами в 1500 душ населения ужасная драка». До этого воевали и судились «из-за раскорчеванной одним из обществ земли» три года, продолжение тяжбы крестьян не устраивало, они просили создать сверху особую комиссию[6]. Вместе с тем горизонты представлений о «друзьях» и «врагах» – как реальных, так и мифических – расширялись. Так, жители с. Образцова (Хотинецкая вол., Орловская губ.) во время празднования 9-й годовщины революции заявляли: «Клеймим позором буржуазию за унижение пролетариата и крестьянства в особенности!» На митинге в с. Хотинец (205 чел.) отмечались «великие заслуги английских горняков и клеймили позором их продажных вождей», обещая горнякам «братскую поддержку»[7]. Социальные встряски для традиционалистских масс не проходят бесследно – даже не принимая внушаемых ценностей, они поневоле усваивают новую риторику.

---

[1] В свое время писали, что сельские сходы «не стесняются насчет дачи директив сельскому совету, порой рассматривая таковой как свой подсобный технический аппарат». См.: *Мокеев В.* Революционная законность на селе как она есть // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 25. С. 273.

[2] См.: Россия нэповская. С. 218–219.

[3] *Капустян А.Т.* Украинское крестьянство и власть в первые годы нэпа // Отечественная история. 2001. № 5. С. 172.

[4] *Yaney G.* The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia, 1861–1930. Urbana, Chicago, London, 1982. P. 514.

[5] *Манькевич А.А.* Указ. соч. С. 48.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 12.

[7] ГА ОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 25, 27.

В начале 1927 г. наблюдались процессы, названные чекистами «тенденцией бедняков изолироваться от середняков». В Белоруссии в одном из сел на предвыборное собрание бедноты явились и середняки, но «представитель партячейки при заводе "Красный Октябрь" объявил, что голосовать могут только бедняки», что повлекло за собой «крики, шум, ругань» со стороны середняков. Вероятно, в целом ситуация была не столь однозначной. В Воронежской губернии на собрании бедноты были намечены в Совет весьма странные кандидатуры – «крестьянин, явно сочувствующий эсерам», бывшие коммунисты, превратившиеся в торговцев и спекулянтов, и лишь один бедняк, который «без патента торгует водкой, хулиган». В другом селе из 20 человек, выдвинутых беднотой, лишь трое, по мнению начальства, «заслуживали доверия». Только в одном из ряда случаев «беднота готовилась дать отпор кулачеству и зажиточным»[1]. Впрочем, односторонне мыслящие питомцы «железного Феликса» могли не замечать многомерности процессов, о которых информировали власть.

Конфликтность в деревенской среде носила усложняющийся, а не просто поляризующийся характер. Учителя порой относились к крестьянам «полувраждебно» – те не только не помогали школе, но и норовили что-нибудь украсть. Крестьяне отвечали соответственно[2]. После резкого сокращения численности армии в деревню хлынули демобилизованные командиры. Считается, что в 1927 г. ветераны составляли около 50 % председателей сельсоветов. Возникал конфликт между ними и бывшими сельскими старостами[3]. Прежние культурные иерархии рушились, новые не были созданы.

Сельсоветы, длительное время лишенные финансовой самостоятельности, оставались в подчинении сельского схода, точнее – его руководителей. Большевики попытались исправить положение, расширив права сельсоветов применительно к «самообложению» и перераспределению земли в пользу бедняков. Очередная «классовая» акция стала еще одним ударом по производительным силам деревни и, соответственно, хозяйственному положению страны. На растущих неурядицах разгоралась борьба деревенских «авторитетов» (вновь выдаваемая большевиками за «классовую»).

Усиливающееся напряжение следовало направить в нужное для власти русло. В октябре 1928 г. Сталин, выступая на пленуме Московского комитета партии, предостерег против кумовских отношений

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 89.

[2] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 68. Учителя теперь больше внимания уделяли своему хозяйству, детей учили с неохотой. См.: Старый и новый быт. С. 100–102.

[3] См.: *Резунов М.* Сельские Советы и земельные общества. М., 1928; *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 137.

с попами. Он обратил внимание и на то, что иные жены партийцев находятся в дружеских связях с «бывшими», в результате чего коммунисты не «хотят ссориться с мужиками». «Нужна борьба с ними», – поучал генсек[1]. Увы, дуроломные формы борьбы обычно давали противоположный результат: в декабре 1928 г. П.Г. Смидович на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) сообщал, что сибирских крестьян возмутил случай осквернения церкви комсомольцами[2]. В критических ситуациях человек цепляется за «старую веру».

Стремление разорить зажиточных крестьян за «собственническую идеологию и враждебное отношение к советским мероприятиям»[3] порой совпадало с устремлениями сельского большинства. В 1927 г. коллегией ОГПУ был приговорен к заключению в Соловецкий лагерь на 3 года за участие в черносотенном погроме в 1905 г. Моисей Абрамович Зотов, позднее якобы воевавший на стороне белых в Мурмане, а со временем ставший членом товарищества, арендовавшего Архангельский пивзавод. На деле в 1905 г. Зотов отбывал действительную службу в армии, а в 1918 г. состоял на службе по найму. К погрому был не причастен, будучи лишь младшим писарем, вроде бы участвовавшим в революционных организациях. Однако в обвинении подчеркивалось иное: братья Зотовы из д. Хорьково Лявлинского сельсовета «принадлежали к классу зажиточных кулаков, поэтому им была ненавистна Советская власть». Утверждалось, что Зотов в белой армии служил подпрапорщиком, позднее «пролез в председатели Лявлинского волостного Исполнительного комитета», а в 1924 г., используя служебное положение, «получил лишнюю землю, угрожая расправой недовольным». После того как комсомольцы начали проверять итоги передела земли, одна из активисток была найдена убитой. Вдобавок к этим реальным или мнимым прегрешениям Зотов с братом вел антисоветскую агитацию и старался провести в Советы и кооперацию своих людей. По мнению односельчан, Зотовы «злоупотребляли переделом земли», «угрожали расправой несогласным» и против них «никто не смел и слова сказать»[4]. В этом последнем, вероятно, и заключались основные прегрешения подсудимого.

За Зотова усердно хлопотали. Дело дошло до А.И. Рыкова, он пытался помочь людям, в среде которых некогда отбывал ссылку. Из-

---

[1] Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин о религии на исходе нэпа. С. 60–67.

[2] После того как сельский сход не позволил закрыть церковь, местные комсомольские вожаки ночью проникли в нее и «все там перевернули». См.: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 601.

[3] Так, в Архангельской губернии с 1921 по 1925 г. суды довели до разорения крестьянина А.Г. Демидова. По иронии судьбы он уехал в Москву, где стал служащим Наркомата земледелия. См.: *Кукушкин В.Л.* Указ. соч. С. 288.

[4] ГА РФ. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 292. Л. 3, 13, 15, 18–20 об., 22.

вестный адвокат Н.К. Муравьев вроде бы тонко просчитал ситуацию, привел доказательства тенденциозного ведения дела, а главное, убедил, что «в деревне борьба... происходила не на почве социальных и классовых противоречий, а на почве персональных самолюбий, честолюбий, карьеры и т. п.» И конечно, никакой «контрреволюции» в действиях Зотова не было[1]. Подобная аргументация не помогала. Большевики настойчиво внушали, что политические преступления гораздо более опасны, нежели посягательства «на индивидуальную жизнь, имущество и покой»[2]. Как результат, в выгодных для себя ситуациях крестьяне демагогически использовали «язык власти», решая свои проблемы традиционного уровня[3].

Как видно, Зотов был напористым человеком, ради достижения цели не считавшимся ни с чем. Односельчанам он, естественно, мешал. И чтобы его убрать, они не погнушались ложными обвинениями в черносотенстве, контрреволюционности, причастности к убийству и т. п. И этот язык крестьянского большинства власть понимала – заведомо несправедливый приговор был оставлен в силе[4]. Примечательно, что позднее «не дремлющие» чекисты ополчились на органы правосудия за то, что те якобы смазывали классовую суть «кулацких» уголовных преступлений[5].

«Классовая» политика в деревне вызывала дробление и деление крупных хозяйств, натуральный характер накоплений, а главное – «нарастающую хозяйственную бесперспективность, которая, в свою очередь, вела к свертыванию производственной активности и дальнейшему нарастанию аграрного перенаселения»[6]. Попросту говоря, аграрное хозяйство было повернуто вспять. Спохватились большевики слишком поздно. Крупская приводила письмо одного школьника:

> Я сам не желал бы быть сыном торговца, гораздо лучше быть сыном *очень бедного крестьянина*. Сколько раз говорил отцу, чтобы он бросил свою мелочную торговлю... И в конце концов он сделал это. Теперь отца у меня нет, его уже несколько дней как увезли неизвестно куда[7].

---

[1] Там же. С. 5, 6, 8, 9, 41–41 об.

[2] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города. С. 78.

[3] *Gorham M.* Tongue-tied Writers: The *Rabsel'kor* Movement and the Voice of the New Intelligentsia in Early Soviet Russia // Russian Review. 1996. Vol. 55. P. 415–427.

[4] ГА РФ. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 292. Л. 57.

[5] *Петерс Я.* Как владимирский суд защищает интересы трудящихся // Правда. 1928. 4 августа; Дурно пахнущая ошибка (Как Верхсуд РСФСР превращает кулака в романтического Отелло) // Правда. 1928. 19 декабря.

[6] См.: *Рогалина Н.Л.* Зажиточное крестьянство деревни российского центра в середине 20-х гг. XX в. // Зажиточное крестьянство России... С. 282.

[7] *Крупская Н.К.* Еще об одном перегибе // На путях к новой школе. 1930. № 4–5. С. 16.

Разоренное хозяйство отцов, психология «агрессивной безответственности» сыновей и неуверенная аграрная политика большевиков объективно подводили их же к идее тотальной коллективизации. Между тем крестьяне «делиться» с городом не собиралось. «Мы сами почти что голодаем»[1], – заявляли они в начале десятилетия. К его концу ситуация не изменилась: власти, якобы «повернувшейся к ним лицом», они по-прежнему не доверяли[2]. Своеобразную позицию заняли некоторые «кулаки». В Сибири, лишивших избирательных прав, они сокращали размеры хозяйства, надеясь на их восстановление[3]. Порой зажиточные крестьяне безвозмездно или за символическую плату передавали сельхозтехнику в колхозы, организовывали «красные обозы», помогали малоимущим в обработке земли, пытаясь укрепить свой моральный авторитет – продуманный хозяйственный интерес не исключает показного альтруизма. Власти увидели в этом «фиктивное проявление советской общественности»[4]. Результаты коллективизации не замедлили сказаться: в начале 1929 г. в Центрально-Черноземной области чекисты зафиксировали слухи о том, что в Москве ожидается восстание рабочих в связи с недостатком хлеба[5].

Так называемый нэп отнюдь не был благостным временем для основной массы населения. В сущности их «естественная» адаптация к существующему режиму делалась невозможной. Характерно, что к концу 1920-х гг. коэффициент смертности населения, снизившийся в предыдущие годы, вновь повысился. При этом начала увеличиваться смертность мужчин в трудоспособных и детородных возрастах[6].

«...Люди в коммуну никогда не пойдут, – писала одна крестьянка. – Когда разбирали землю, никого не надо было уговаривать – живо разобрали, а в коммуны – и деньги даете, и все, и не идут»[7]. На местах деревенские бабы иной раз реагировали на коллективизацию

---

[1] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 117.

[2] Тот же С. Веселовский отмечал «бездну недоверия... к своему правителю» даже в «религиозном и честном крестьянине». См.: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 117.

[3] «Лишенцев», прибегших к хозяйственному самоограничению, было до 40 %. См.: *Саламатова М.С.* Адаптация «лишенцев» в советском обществе // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 568.

[4] Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 588.

[5] *Саран А.Ю.* Центральное Черноземье на рубеже 1920–1930-х годов: оппозиция и повстанчество // Российская история. 2010. № 4. С. 38.

[6] *Жиромская В.Б.* От военных потерь к консенсусному браку: особенности демографического развития России в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2007. № 3. С. 8.

[7] «Социализм – это рай на земле». С. 223.

проще: на собраниях (именуемых «блядками») задирали платья со словами: «Вот вам спереди коммуна, сзади колхоз»[1].

Если так, то по логике власти в коммуну следовало загонять. Исследователи отмечают, что в 1928–1929 гг. ОГПУ стало понимать «политический бандитизм» и «терроризм» весьма обобщенно, непременно связывая их с фигурой кулака. В феврале 1930 г. было зафиксировано более тысячи крестьянских выступлений, а в марте – 6,5 тыс.[2] Начиная с 1930 г. стали возникать повстанческие организации с примечательными названиями: в Центрально-Черноземной области появились «Союз земельных собственников», «Вольные крестьяне» и даже «Правая оппортунизьма»[3], на Украине обнаружилась «Украинская мужичья партия»[4]. В январе 1930 г. взбунтовавшиеся крестьяне большого села (4 тыс. жителей) Никольского (Центрально-Черноземная обл.) свое отношение к большевикам выразили так:

> Нам не нужна Советская власть. Кулаков у нас нет, и мы их вам не выдадим. У нас все пролетарии. Если вы сейчас выселяете кулаков, то доберетесь и до нас – бедноты. Ни днем, ни ночью мы не видим покоя. Законы непостоянны и меняются по желанию коммунистов. Умрем, но в колхоз не пойдем... Бей коммунистов. Ленин учил, что раз вопрос не назрел, его решать нельзя, а вы нас силой гоните в колхоз. Троцкий говорит, что у власти в СССР стоит буржуазия[5].

Но в колхозы не просто загоняли силой. В том же Никольском жители 8 из 11 «сотен», на которые делилось село, поначалу высказались за организацию колхозов[6]. Это не случайно: советский строй не мог сложиться без пассивного «соучастия во власти» наиболее архаичных слоев общества, не подозревающих, какую самоубийственную роль им приходится играть в пространстве российской истории. Их можно понять: в 1929 г. закупочные цены на сельхозпродукцию снизились, а натуральные денежные сборы с крестьян возросли в 2–3 раза. Поневоле приходилось выбирать: то ли бежать в город, то ли

---

[1] *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации... Р. 95, 97.

[2] *Михеев В.И.* Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х – начале 1930-х годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 85, 87–88. Считается, что в 1930 г. произошло 13 754 массовых крестьянских выступлений. См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 787.

[3] *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 35.

[4] *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 249.

[5] Цит. по: *Тимошечкина Е.М.* «У нас нет кулаков!»: крестьянство и политика «раскулачивания» в локальном измерении // Российская история. 2010. № 2. С. 22.

[6] Там же. С. 19.

соглашаться на колхозное крепостничество. Впрочем, в условиях, когда, по слухам, в Московской губернии «колхозники объезжали на тракторах деревни и забирали у мужиков последнее», выбора, кажется, не оставалось. В Псковской губернии «повсеместно дорезали скотину, бежали в леса, города...»[1]

К 6-й годовщине господства большевиков бывший премьер В.Н. Коковцов писал, что их власть держится на тяжелых налогах, завышении цен на промышленные товары и занижении цен на сельхозпродукцию. Не только государство, но и убыточная промышленность, транспорт и внешняя торговля живут исключительно за счет крестьян[2]. Кое-кто из крестьян это понимал. «Дурак я был, что боролся за Соввласть», – заявлял один «бывший бедняк, активист»[3]. Большевикам приходилось выбирать: либо ослабить налоговый пресс, что могло обернуться крахом паразитической государственности, либо вернуться к крепостнической политике.

Исследователи справедливо отмечают, что главной трагедией русской революции было то, что в ней «столкнулись разные революционные утопии, и бескровная война утопий обернулась войной реальных миров – города и деревни»[4]. К этому остается добавить, что исход этой войны был предопределен господством патерналистско-этатистской психоментальности. Это вызывало настоящую истерику у некоторых представителей «старой» культуры. В 1930 г. писали и такое:

> Меня начинает искренне возмущать, когда во всех видах обвиняют правительство, большевиков. Народ подлый, а не правительство, и пожалуй, никакое другое правительство не сумело бы согнуть в бараний рог все звериные инстинкты[5].

Нечто подобное о «мужицкой мрази» писал в 1925 г. Есенин[6].

3. Интеллигенция: с кем и против кого?

Те надежды, которые старая интеллигенция связывала с нэпом, не могли не раздражать представителей коммунистической «элиты». «Интеллигенция – та уже вся наверху, на улице, – писал М. Кольцов в 1921 г. – Обсохла, расправила перышки, зашумела, забалаганила на

---

[1] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 89.

[2] *Kokovtsoff V.* Sixième année de Dictature bolchévique. Paris, 1924. P. 6.

[3] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 228.

[4] *Геллер Л.* Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. Лондон, 1985. С. 54.

[5] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 102.

[6] *Тарасов-Родионов А.И.* Последняя встреча с Есениным // Минувшее. Париж, 1991. Т. 11. С. 372.

тысячу голосов». Его раздражало «публичное словоблудие»: «Диспуты, диспуты! Нажива бездельникам, трибуна болтунам, базар дуракам, тоска взыскующим». Ему казалась чужой «суетливая дребедень старой многоумственной матушки Москвы»[1].

Интеллигенция переживала болезненное ощущение расщепления исторического сознания. «Я без ужаса не могу думать о возвращении к старому и не могу принять большевизм», – писал в феврале 1921 г. «старый» интеллигент[2]. «Левых» интеллигентов, напротив, раздражало, что теперь «революция охраняет старый мир»[3]. Большинство, однако, думало иначе, обнаруживая уникальные случаи холуйства. Ю. Готье отмечал в дневнике:

> Удивительно кроток и покорен судьбе русский интеллигентный буржуй... Очень богатые люди и очень богатые женщины... удивительно просто примирились со своей судьбой; я не знаю, хвалить ли их за философское миросозерцание или же презирать за рыхлость»[4].

Разумеется, интеллигентское большинство такое поведение осуждало[5]. Интеллигенция (если не считать крайне левых) была против октябрьского переворота. Но оставшаяся в России ее часть выжидала, готовясь при случае примкнуть к «удобной» власти[6]. Но насколько велик был в ней запас нравственной готовности противостоять режиму? Ведь известно, что позднее многие оправдывали сотрудничество с большевиками стремлением «облагородить» их господство. С другой стороны, многие творческие люди воспринимали «эпоху перемен» как возможность реализации собственных «прозрений», не воспринимаемых в «застойной» обстановке.

Естественно, сказывались и патерналистские интенции власти. Первыми почувствовали это на себе писатели и поэты: большевики, ощущая свою зависимость от «инженеров человеческих душ», в ноябре 1918 г. предоставили им пожизненное право на получение гонораров по установленным Наркомпросом ставкам, а в 1925 г. гарантировали им соблюдение контрактов на все виды работ. Л. Троцкий в июне 1922 г. предлагал стимулировать «нужных» литераторов

---

[1] *Кольцов М.* Указ. соч. С. 7.

[2] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 190.

[3] Строки из поэмы Е. Полонской. См.: Ковш. 1925. Кн. 1. С. 115.

[4] *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 2. С. 148.

[5] См.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди». С. 90–91.

[6] Несмотря на превалирующие представления о повальном бегстве (или высылке) интеллигенции из России, основная ее масса осталась (главным образом в силу нерасторопности) под властью большевиков. Так, из более чем 10 тыс. научных работников к концу 1920-х гг. в эмиграции оказалось лишь около 500 человек. См.: *Алексеев П.В.* Указ. соч. С. 32–33.

с помощью гонораров[1]. Конечно, эти подачки не превратили старых литераторов ни в советских, ни тем более в пролетарских пиндаров. Зато появилась возможность жить на переиздание дореволюционных произведений. Ученые, а затем и учителя стали получать «академические» пайки, а с 1921 г. обрели право на вознаграждение «за научные, педагогические и научно-популярные произведения»[2]. И это сразу породило внутренний раскол. В 1922 г. группа писателей (А. Серафимович, Н. Фалеев, М. Журавлева) обратилась в Агипроп со списком кандидатов на получение пайка, включавшим таких «даровитых» и «пролетарских» авторов, как Брюсов, Вересаев, Маяковский, Гладков, Новиков-Прибой (всего 41 человек). Напротив, предлагалось лишить пайка Арцыбашева, Мандельштама, Шершеневича, А. Соболя, Осоргина, Мариенгофа, Айхенвальда и других – они получают гонорары из-за границы, к тому же «бездарны», «бесполезны», страдают «пороками литературного разложенчества»[3]. Тем не менее в 1922 г. удостоился пайка по 3 разряду (из 5) монархист Л.А. Тихомиров по категории «история литературы, языковедение, библиотековедение»[4]. Это не могло не сказаться на отношении к власти, учитывая, что до получения пайка многие писатели, по выражению Шкловского, «голодали баснословно»[5].

Не меньшую «щедрость» проявили большевики по отношению к спецам: с середины десятилетия на них распространялась система государственных премий[6], их вселяли в отдельные квартиры[7]. «Правда» публиковала сообщения об улучшении взаимоотношений рабочих и спецов[8]. Так, постепенно, путем использования противоречий в творческой среде и метода кнута и пряника, шло приручe-

---

[1] Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 6. С. 131–132.

[2] В феврале 1921 г. высшая учебная ставка была 118 тыс. руб. «при академическом пайке». Ставка «сторожихи», обслуживающей «академиков», составляла 3 тыс. «без всякого пайка». Г. Князев писал по этому поводу: «Хорошая иллюстрация для характеристики Коммунистического строя». См.: *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 188.

[3] Россия нэповская. С. 235.

[4] См.: *Репников А.В.* Л.А. Тихомиров, «схимник от самодержавия» // Россия и современный мир. 2002. № 3. С. 178–191. Тогдашнее содержание состояло из денежного пособия в 3 млн 250 тыс. руб., 1 пуда 12 фунтов муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 6 фунтов масла, 30 фунтов мяса, 2 фунтов чая, 4 фунтов сахара, 3 фунтов соли.

[5] *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. С. 305.

[6] *Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 50.

[7] Мемуарист вспоминал, что в 1925 г. в результате переезда из Ленинграда в Москву семья из 6 человек получила квартиру в центре Москвы (Казарменный пер.) из «четырех небольших комнат», другие спецы и начальники из Резинотреста получали в том же подъезде «по отдельной квартире на семью, малосемейные и начальники рангом пониже» – квартиру на двоих. См.: *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 8, 13.

[8] Правда. 1927. 18 июня.

ние наиболее независимой части населения. Многие интеллигенты воспринимали это как нечто естественное. «Красные педагоги» в 1922 г. утверждали, что они «больше даже, чем соль земли и ось мира»[1].

Активизация государства в образовательной сфере не могла не вдохновлять «прогрессивных» педагогов, мечтавших о реализации своих проектов еще во времена самодержавия. Но их приверженность идее включения детей в сознательную жизнь на основе интегративного знания и трудовой практики, как и стремление создать школу-модель «идеального социального строя»[2], далеко не вполне стыковались с нацеленностью власти на первостепенное освоение марксистских догм. Некоторых из них даже арестовывали[3].

Было время, когда российские историки усердно сочиняли монографии о «социально-политической дифференциации» интеллигенции[4]. На деле раздробленность, распыленность творческой среды художественными, политическими и мировоззренческими пристрастиями и конфликтами[5] была далека от большевистских представлений и пожеланий. Ситуацию определял не «классовый» принцип, а вопрос о степени допустимости сотрудничества с режимом. Это происходило на фоне привычных мечтаний о «своей» – «интеллигентной» – власти. В марте 1922 г. известный либерал Д. Шаховской (уже побывавший в большевистской тюрьме) на Всероссийском агрономическом съезде заявил: «Теперь Наркомзем вывешивает другой флаг, где принимается во внимание общественное мнение. Под этим флагом мы можем идти»[6].

Князь Дмитрий Шаховской отличался редкостным идеализмом. Он пребывал в убеждении, что революция «наряду с разрушением

---

[1] Цит. по: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 467.

[2] См.: *Шацкий С.Т.* Педагогические сочинения. М., 1964. Т. 2. С. 140; *Блонский П.П.* Избранные педагогические произведения. М., 1961. С. 206.

[3] В июле 1923 г. Дзержинский по ходатайству Н.К. Крупской пытался вступиться за В.А. Герда – директора образцовой школы для рабочих-путиловцев, сестра которого была женой П.Б. Струве (и школьной подругой самой Надежды Константиновны). За Герда готовы были поручиться также питерские рабочие. Однако ходатайства не помогли – Герд был отправлен в ссылку. См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 490–491, 494, 692.

[4] См.: *Квакин А.В.* Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921–1927. Саратов, 1991. Сталин возлагал надежды на «дифференциацию» интеллигенции на XV съезде ВКП(б) (*Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 318). Соответственно в 1930 г. и чекисты докладывали о произошедшей «дифференциации». См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1136.

[5] *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 362.

[6] Цит. по: *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 54.

открывает огромные возможности»[1]. В отличие от него Питирим Сорокин был далек от наивности. О сменовеховстве он писал так:

> ...Это не идеология крестьянства и не идеология пролетариата, не идеология крупных землевладельцев и не идеология капиталистов. «Смена вех» – идеология: 1) той части интеллигенции, которая носит название «госспецов», и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме различных подачек, синекур, концессий и т. п. Интересы этой социальной группы... связаны с бытием устойчивой и сильной государственной власти. Она питается от нее и кормится ею. Чем более благоденствует первая, тем более благоденствует вторая... Социальная группа «госспецов» и «госклиентов» обычно свои интересы считает за интересы народа, родины, отечества, свое благоденствие – за благоденствие последних[2].

Опрос 230 инженеров в 1922 г. вполне это подтвердил: враждебно относились к советской власти 12 человек, сочувственно – 28, сменовеховцев было 110, безразличных – 46, уклонившихся от ответа – 37[3]. В России все делается через власть, и это формирует людей, инстинктивно улавливающих соответствующие перспективы. Сменовеховцы не случайно похвалялись своими «заслугами» в деле обновления России. И.Г. Лежнев утверждал, что сменовеховство

> сыграло свою роль... выведя из состояния политического анабиоза наиболее консервативных, упрямых и тупых. Революция – бодрствующий и возбуждающий лозунг пересмотра и переоценки, брошенный в косную интеллигентскую среду, родил, несомненно, живой отклик[4].

Сомнительно, чтобы подобные «прозрения» радовали большевиков: догматиков, вынужденных отступать от доктрины, особенно раздражают похвалы врагов. Впрочем, в то время, как презираемый народом, особенно молодежью, нэпман казался сменовеховцам символом «прогрессивной» России, объект их восхищений не строил иллюзий относительно своего будущего[5]. Первоначально интеллигенция, подавшись на технократические посулы большевиков и ощутив подобие «научного комфорта», пыталась «отдаться построению новой науки». Однако к середине десятилетия пришлось задуматься

---

[1] *Шаховской Д.И.* Указ. соч. С. 235.

[2] *Сорокин П.А.* «Смена вех» как социальный симптом // Вестник литературы. 1922. № 12. С. 169.

[3] *Вихавайнен Т.* Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004. С. 153. По другим сведениям, основная – крайне разношерстная – масса беспартийных спецов избегала любых разговоров на политическую тему, как по причине политической индифферентности, так из опасений доносчиков. См.: *Ларсонс М.Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930. С. 225.

[4] Цит. по: *Квакин А.В.* Между красными и белыми. С. 79.

[5] *Гехт С.* Указ. соч. С. 57–58.

о выборе «нравственно самосохранных ориентиров»[1]. В дневниках «интеллигентных обывателей» встречаются такие записи:

> Все мы – на каком-то краю не то полыньи, не то обрыва. Не надо оглядываться в заколдованном лесу жизни. Окаменеешь или растерзают чудища, если оглянуться на них[2].

Юмористы пытались шутить: «Один говорит, что жизнь – тюрьма, другой – что она – сумасшедший дом, третий считает ее лотереей...» Правы все, спорить бесполезно[3].

Русскую революцию принято рассматривать как своего рода самоубийство «старой» интеллигенции. Лидер тульских коммунистов И.Д. Кабаков писал об «ошпаренном революцией мелком буржуа, нытике-мещанине, интеллигентике»[4]. М.Ю. Левидов, известный журналист и драматург, с социал-дарвинистских позиций доказывал, что революция ведет к гибели «тепличных» видов в культуре, а поскольку «проклятое слово "интеллигент"» стало в устах молодого поколения чем-то «бескостным, мягким, унылым, мокрокурицым», а затем было заменено «бойким» термином «спец», то и интеллигенции как таковой предстоит исчезнуть с лица русской земли[5]. С. Веселовский, со своей стороны, утверждал:

> Интеллигенция подготовила революцию... в том смысле, что в большевизме (и как теории, и как в движении) нет ни одной идеи, ни одного чувства, которые в зародыше или в развитом виде не были бы в идеологии мыслящего пролетариата рус. интеллигенции. Интеллигенция подготовляла, но когда началось движение, она стала от него отворачиваться. Почему?.. Звериный характер движения[6].

Но дело было не только в этом. Н. Мандельштам писала, что Н. Бердяев «напрасно думает, что интеллигенцию уничтожил народ, ради которого она когда-то пошла по жертвенному пути». По ее мнению, «интеллигенция сама уничтожила себя, выжигая в себе, как Лариса [Рейснер], все, что не совмещалось с культом силы»[7]. В кризисные времена, когда разум отступает перед инстинктами, женщины становятся проницательнее философов.

Научное творчество порой столь же авторитарно и непримиримо, как революция. Диктатура мысли готова была использовать диктат

---

[1] *Чудакова М.О.* Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 448.

[2] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 556.

[3] Карусель (Вологда). 1922. № 1. Л. 3.

[4] Цит. по: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 73.

[5] *Левидов М.* Организованное упрочение культуры // Красная новь. 1923. № 1. С. 307–318.

[6] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 115.

[7] *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 115–116.

силы: авантюристичные гении инстинктивно вскакивали на подножку «паровоза революции» в надежде, что он именно способен довести их сногсшибательные идеи до человечества.

Отдельные интеллигенты осознали, почему большевики смогли прийти к власти. Н.Ф. Николаевский, «социалист по убеждениям», «естественник – по профессии», писал Ленину в апреле 1918 г.:

> Совершенно случайное совпадение линий действий ваших... и действий народных масс как проявление стихийного взрыва ненависти против чрезмерно накопившихся социальной неправды и зла, и беспорядочного искания выхода, ввело взаимно обе стороны в заблуждение относительно идентичности конкретных целей[1].

Цели большевиков (а в широком смысле всех революционеров) и народа в России не могли быть идентичными. Возникает вопрос: смогла ли большевистская интеллигенция понять это? Как идентифицировала себя основная ее часть, которая для большевиков была «эрзац-буржуазией»?[2]

Многие ученые исходили из стандартной посылки – работать «на благо народа» при любой власти, пребывая в надежде, что их идеалистические порывы будут оценены по достоинству[3]. Между тем большевики разрабатывали свою классификацию интеллигентности по степени «вредности»[4]. Сказывалась и арьергардная репрессивность большевизма.

В июле 1921 г. общество было ошарашено сообщением ВЧК о раскрытии контрреволюционного заговора; 1 сентября на листовках, расклеенных в Петрограде, был приведен список 61 расстрелянного в связи с этим. По иронии судьбы во главе «заговорщиков» оказался потомственный юрист В.Н. Таганцев – его отец Н.С. Таганцев, сенатор и почетный член Российской Академии наук, был одним из основоположников отечественного уголовного права, противником смертной казни, некогда защищавшим народовольцев. Суровость приговора была обусловлена опасениями активизации участников Кронштадтского восстания[5]. Среди злоумышленников были названы супруга

---

[1] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 14–14 об.

[2] *Вихавайнен Т.* Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004. С. 146.

[3] «Какая там заграница, – говорили некоторые ученые. – ...Здесь у меня... своя лаборатория...» Они пытались работать, однако не желали «кланяться этим хамам» (большевикам). Если они все же эмигрировали, то от отчаяния. См.: *Каменский С.* Век минувший (Воспоминания). Париж, 1958. С. 192–193.

[4] В начале сентября 1922 г. Дзержинский предлагал всю интеллигенцию «разбить по группам»: беллетристы, публицисты и политики, экономисты, техники, профессора и преподаватели. См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 426.

[5] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 309–310, 315.

профессора и поэт Н.С. Гумилев, скульптор князь Ухтомский и художник Акимов-Перетц с беременной женой пианисткой Стебловой-Федяй, а также известный правовед Н.И. Лазаревский[1], ученые, служащие, военные, рабочие. Сам Таганцев заявил, что одной из причин его вступления на путь борьбы с большевизмом стала «картина развала и нравственного упадка среди разных слоев населения»[2] – протест был скорее моральный, нежели политический, хотя не обошлось без влияния Кронштадтского восстания[3]. Наиболее заметным деянием «контрреволюционеров» стал взрыв 15 мая памятника Володарскому на Конногвардейском бульваре. Разоблачили «организацию» с помощью провокаторов из интеллигентской среды[4] – методика их использования была уже отработана.

Надо заметить, что в прошлом методы ВЧК отнюдь не пользовались одобрением старых большевиков, знакомых с царскими тюрьмами. М. Ольминский как-то назвал чекистов «держимордами под советским флагом»[5]. Теперь их акция не встретила заметных протестов[6].

Расстрел участников «организации» Таганцева был предпринят как для острастки «сомневающейся» интеллигенции, так и для публичной стигматизации «классового» врага. «Для чего? – недоумевал Г. Князев. – Ведь сам же Зиновьев как-то обмолвился, что дело революции проиграно»[7]. Но так считали далеко не все. Теперь готовы были расстреливать «буржуев» люди вполне буржуазного проис-

---

[1] Говорили, что Лазаревский поплатился за то, что на лекциях «открыто подчеркивал всю безграмотность большевистской конституции». Большевики «искусственно приплели его к делу Таганцева». См.: *Варшер Т.С.* Виденное и пережитое (В Советской России). Берлин, 1923. С. 113.

[2] Цит. по: *Черняев В.Ю.* Учредительное собрание или власть Советов? (Неизвестный эпизод «Дела Таганцева») // Историк и революция. СПб., 1999. С. 217.

[3] См.: *Черняев В.Ю.* Финляндский след в «деле Таганцева» // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997.

[4] *Черняев В.Ю.* Учредительное собрание или власть Советов? С. 222.

[5] См.: *Ольминский М.С.* Тов. Петерс и чрезвычайные комиссии. Держиморды под советским флагом // Правда. 1918. 19 декабря.

[6] Большевики периодически арестовывали «буржуазных» ученых, вызывавших подозрения. И.Ю. Крачковский, академик РАН, член нескольких зарубежных академий, был арестован в Петрограде в 1922 г. и обвинен ГПУ в шпионаже в пользу Финляндии. В январе 1923 г. его освободили. Известный тюрколог Е.Э. Бертельс арестовывался в 1922 и в 1925 гг. как французский шпион. Иранист Ф.А. Розенберг был арестован в феврале 1930 г. (см.: Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995). В общем, это были спонтанные акции, случавшиеся от избытка подозрительности невежественных чекистов к людям, занимавшихся «непонятным» делом.

[7] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 213.

хождения – среди таковых оказалась, к примеру, 20-летняя Надежда Оцуп, в 1917 г. гимназисткой примкнувшая к большевикам «по зову сердца»[1]. Новые диссипанты либо подавались к большевикам, либо, напротив, бежали от них подальше. Преобладала, однако, готовность к использованию патронажа власти для творческого и иного самоутверждения[2].

Внутренняя амбивалентность в ряде случаев замечалась даже внешне: М. Зощенко, с юмором висельника высмеивающий «новый быт», поражал своим «мрачным, задумчивым видом», что наводило на мысль «о какой-то внутренней драме, о повышенной чувствительности, даже ранимости». В. Маяковский, громогласно воспевавший революцию, обнаруживал «мелкие страстишки», «мелкий азарт», мнительную бытовую брезгливость и даже неврастению. На сцене этот «многоликий человек», однако, казался «гигантом»[3]. В нем подмечали склонность к невеселой, плоской и даже оскорбительной шутке, но признавали, что когда он с эстрады читает «стихи о себе самом, то кажется... на полголовы выше самой гиперболической из своих метафор»[4].

Увы, именно наиболее экспрессивные люди ранее других борцов с «царским режимом», словно с отчаяния, превращались в пиндаров новой деспотической системы. Известно, что поэмы Маяковского «Ленин» и «Хорошо!» нравились Сталину. Но поэт завоевывал и симпатии молодежи, которой импонировал «кипучий коктейль из нагловатого самоупоения и робкой уважительности в двух его блестящих диалогах – с Солнцем и Пушкиным»[5]. И конечно, мало кто подозревал, что за вызывающей буффонадой скрывался непреходящий испуг перед непредсказуемостью постреволюционного бытия и растущими противоречиями между властью и культурой.

Власть в России всегда добивалась, чтобы по отношению к ней подданные выдерживали «правильный» тон: в этом особенно нуждаются люди, сомневающиеся в легитимности своего господства и верности идеи, от лица которой они выступают. Ф. Степун, похоже, понял это скорее других. В 1923 г. этот невольный пассажир «философского

---

[1] *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С. 70, 130.

[2] *Вострикова Н.И.* Третьего не дано. М., 1968. С. 95. Автор приводит пример лояльно настроенных актеров (возможно из числа тех, которых ранее «зажимали»), требовавших у Луначарского принять меры против «саботажников». В данном случае нарком, сообразив, чем может обернуться такого рода «классовый» отбор, воспротивился предложениям снизу.

[3] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 166, 233, 255.

[4] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 48–49.

[5] *Баранская Н.* Указ. соч. С. 315–316. Впрочем, судя по воспоминаниям Н. Баранской, далеко не всем нравились «заносчивость и грубость» Маяковского. См.: там же. С. 354.

парохода»[1] писал: «Большевикам... мало одной только лояльности, т. е. мало признания советской власти как факта и силы; они требуют еще и... признания себя и своей власти за истину и добро». В этом он улавливал «ноту какого-то извращенного идеализма». Его наблюдения делают честь его проницательности:

> Очень часто чувствовал я в разговорах с большевиками... их глубокую уязвленность тем, что, фактические победители над Россией, они все же ее духовные отщепенцы, что, несмотря на то что они одержали полную победу над русской жизнью умелой эксплуатацией народной стихии, – они с этой стихией все-таки не слились, что она осталась под ними краденым боевым конем, на котором им из боя выехать некуда[2].

Коммунистические правители действительно требовали от подданных своего рода благодарности за содеянное и творимое. Строго говоря, такова видовая особенность российской власти вообще. Но в лице большевизма эта власть наиболее остро ощущала как собственную неполноценность, так и «сопротивление материала», а потому не знала средних состояний между «казнить» и «миловать».

При этом власть, рожденная революционным насилием, но костенеющая в безвольном бюрократизме, нуждалась в эстетизации, попросту говоря, в облагораживании своего облика. Не случайно Ворошилов патронировал Бродского, а тот от избытка благодарности отвечал: «Как жаль, что Вы не нарком по искусству, какого бы расцвета оно достигло!»[3] Между большевиками и интеллигентами даже возникали своего рода интимные отношения. С 1918 г. Я. Блюмкин поддерживал дружеские отношения с Есениным[4]. По-своему покровительствовал Есенину и сам Троцкий. Блюмкин, между прочим, предлагал сотрудничество с ЧК О. Мандельштаму – человеку, на по-

---

[1] История насильственной высылки большевиками группы «буржуазных» философов породила немало историографических версий (*Геллер М.* «Первое предупреждение – удар хлыстом» (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. 1990. № 9; *Цурганов Ю.С.* «Философский пароход» возвращается. Как мера наказания обернулась единственной возможностью спасения // Новое время. 2002. № 45; *Макаров В.Г.* «Власть ваша, а правда наша» (К 80-летию высылки интеллигенции из Советской России в 1922 г.) // Вопросы философии. 2002. № 10; *Артизов А.Н.* «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1; и др.). На деле причину этой акции достаточно убедительно объяснил Л.Д. Троцкий: «...Выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

[2] *Степун Ф.А.* Соч. М., 2000. С. 224.

[3] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 8.

[4] Писали, что как-то Блюмкин, желая произвести впечатление на знакомых Есенина, достал из кармана пачку ордеров, позволяющих ему самостоятельно разобраться с «врагами» революции». См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 225.

добную роль менее всего подходящему. В.Ф. Ходасевич контактировал с Л.Б. Каменевым и его женой О.Д. Каменевой (что, впрочем, не спасло его в 1919 г. от «уплотнения»)[1]. Представители новых властных «элит» пытались скрасить свое «олимпийское одиночество»[2]. Говорили, что О. Каменева, заведовавшая театральным делом, ничего не предпринимала без совета с В.Э. Мейерхольдом[3]. Блюмкин захаживал в кафе поэтов, считался там желанным гостем – литераторам, как видно, льстила близость к репрессивному таинству власти[4]. Террористы тяготеют к театральности, а богеме близость к ним щекочет нервы[5].

Большевики нуждались в специалистах, однако «буржуазная профессура» была им чужда и непонятна. Характеристики на деятелей, высланных в 1922 г. из советской России, поражают своей предвзятостью. Н.А. Бердяев оценивался крайне необъективно: «Монархист, притом кадет правого устремления. Черносотенец, религиозно настроенный, принимает участие в церковной контрреволюции». Профессор А.И. Белецкий признавался «крупным и активным черносотенцем», связанным с «князьями церкви». С.Л. Франк хотя и считался не опасным «как непосредственная боевая сила», но все же мог «принять участие в церковной контрреволюции». Профессора Д.Д. Крылов и А.С. Мулюкин были названы «вредными». О последнем вдобавок было сказано, что он «на лекциях хулиганил и иронизировал, что плохо отражалось на студенчестве». Прагматичный подход отсутствовал: лишь применительно к Крылову было отмечено, что он «как ученый ценности не представляет»[6].

Уже к середине десятилетия значительная часть интеллигенции склонялась к примирению с советской властью. Косвенным свидетельством этого является переписка с эмигрантами (естественно, подвергшаяся перлюстрации). Чекисты уверяли, что «старые специалисты объединяются, многие из них имеют связи с заграницей»[7]. На деле в этих «связях» преобладали пересуды по поводу тягот су-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 164. Л. 65–65 об.

[2] О. Каменева заодно пыталась выведать у В. Ходасевича, насколько искренне другие писатели сочувствуют советской власти. См.: *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 257.

[3] *Ищеев П.П.* Осколки прошлого. Воспоминания, 1889–1959. Нью-Йорк, 1960. С. 120.

[4] *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 110, 111, 113.

[5] Я.Г. Блюмкин хорошо знал современную поэзию, сам писал стихи, был хорошим рассказчиком. Он явно поэтизировал собственную террористическую деятельность. См.: *Тарлинский В.* Стиль жизни триумфаторов зла. Т. 2. Жизнь в плену мнимого призвания. М., 2006. С. 300–302.

[6] «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008. С. 204–205, 216, 218–218, 226.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 61.

ществования. В 289 письмах из 438 революция и большевизм оценивались «крайне отрицательно», но 119 корреспондентов верили, что в них – будущее России. Некоторые эмигранты готовы были примириться с властью, если она вернет России «потерянные» территории, 79 из них готовы были вернуться. Из 922 писем советских подданных (а среди них преобладали образованные люди) положительно относились к советской власти 53,1 %, были не довольны местными властями 92,6 %, уровнем народного образования и культуры – 83,9 %, уровнем жизни – 60,9 %[1]. Фактически интеллигенция готова была «идти в Каноссу» – желательно на комфортных условиях. Власть периодически делала встречные шаги. В 1926 г. в Харькове был осужден на 9 лет профессор Бугаевский, и тут же помилован «за давностью преступления при наличии полезной научной деятельности». Профессору, между прочим, инкриминировалась «провокаторская работа и дача материалов царской охранке»[2]. Ситуация с кандидатами в «красные профессора» также оказывалась непростой. Один из них записывал в дневнике:

> Беседовал... с красноармейцем... тупость отчаянная, бессознательность редкая; если это не симуляция, то приходится согласиться с Горьким: страна, лишившаяся своей интеллигенции, движется *вспять*[3].

М. Горький в 1922 г. не без разочарования заметил, что «ценою гибели интеллигенции и рабочего класса крестьянство ожило»[4]. Менее заметные интеллигентные величины впадали в настоящую садомазохистискую истерику «жертвы во имя недостижимого идеала».

Люди творческие, как всегда, колебались между свободой и достатком. В 1927 г. за Запад от лица «советских писателей» было тайно переправлен настоящий вопль отчаяния:

> Наши классики-идеалисты изъемлются из всех общедоступных библиотек. Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены не только возможности, но и всякой надежды на возможность издать свои произведения... Ничто не печатается без цензуры. ...В великой стране идет удушение великой литературы... Печатается лишь то, что не расходится с обязательным для всех коммунистическим

---

[1] *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 33–34.

[2] Правда. 1926. 23 июля. В 1924 г. в Ленинграде с провокаторами царских времен поступали более строго: одних расстреливали, другие получали большой тюремный срок (*Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 175–176). Позднее стали расстреливать «царских» тюремщиков за жестокое обращение с арестантами. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 173.

[3] «Птицегонство надоело до смерти» (Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г.) // Неизвестная Россия. XX век. Т. IV. М., 1993. С. 120–121.

[4] *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 43.

мировоззрением... Единственное наше оружие – перо – выбито из наших рук, воздух, которым мы дышим, – литература, – отнят от нас, мы сами – в тюрьме. Мы гибнем... [1]

Вероятно, многие из «благополучных» писателей могли бы подписаться под этими словами, далекими (пока) от объективности. Но большинство из них вовсе не собирались гибнуть в ожидании востребованности со стороны власти и народа. «Ведь мы испокон века культурные революционеры», – убеждал Д. Шаховской[2]. И подобные иллюзии власти так или иначе поддерживали.

В 1924 г. «бывший» граф Н.П. Шереметев разорвал заграничный паспорт и женился на выдающейся актрисе театра Вахтангова Ц.Л. Мансуровой. В последующие годы он арестовывался 10 раз, но ни разу не сидел в тюрьме больше десяти дней: его супруга отправлялась к Агранову и добивалась освобождения мужа, который в 1929 г. даже ухитрился стать студентом консерватории. Отравляли жизнь графу не большевистские бонзы, а мелкие начальники. Во время паспортизации милицейский клерк швырнул ему под ноги «серпастый, молоткастый», прошипев: «Бери паспорт, барское отродье»[3]. Разумеется, некоторые из «бывших» опускались. Сообщалось, что дочь военного министра В.А. Сухомлинова, морфинистка, стала постоянной обитательницей ночлежки, а родственница председателя Совета министров И.Л. Горемыкина занималась проституцией и продажей кокаина (в 1927 г. ее арестовали)[4]. Но такие случаи вряд ли были типичными.

В 1930 г. жена Н.И. Ежова спросила Н. Мандельштам: «К нам ходит Пильняк... а к кому ходите вы?» Мандельштамы, в свою очередь, с 1922 г. «ходили» к Н.И. Бухарину – так было принято[5]. Знакомство с Ежовым не спасло Пильняка – он был расстрелян еще до ареста всесильного, а затем опального наркома[6]. Посещал Ежова и И. Бабель (в 1918 г. ему довелось поработать переводчиком в Иностранном от-

---

[1] Цит. по: Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926–1936. М., 2005. С. 384–385.

[2] По его мнению, революция – это «баня паки бытия, купель кровавого крещения» «новых душ», которые нужно «по-новому пустить в ход». См.: *Шаховской Д.И.* Указ. соч. С. 235, 240.

[3] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 48–49.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 301.

[5] *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 119–120.

[6] Существует версия, что Ежов был сыном петербургского дворника и отличался «отвратительным характером, наводящим ужас на детей этого дома»: он «истязал животных» и «гонялся за малолетними детишками, чтобы причинить им какой-либо вред» (*Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 90). Скорее всего, это апокриф, Ежов был просто исполнительным человеком, рьяно берущимся за любое поручение.

деле петроградской ЧК), что не изменило его расстрельной судьбы[1]. Сам Г. Ягода постоянно навещал М. Горького[2]. К. Радек, Л. Каменев и Е. Ярославский заходили на заседания «пролетарских писателей»[3]. Известно, что В. Маяковский дружил с Я.С. Аграновым. На двери квартиры О. и Л. Брик как-то появилась эпиграмма:

Вы думаете, здесь живет Брик,
Исследователь языка?
Здесь живет шпик
И следователь из ЦК[4].

В патерналистских системах насилие непременно сочетается с «человеческой» доверительностью, ну а художника одинаково манят и власть, и смерть – бездна притягивает.

На роль главного покровителя искусств претендовал Троцкий. Он признавал основную массу литераторов «попутчиками революции», причем «хлыстовствующими», но при этом ценил именно их эстетические достоинства[5]. В августе 1922 г. он одернул поэта С. Городецкого, вознамерившегося со товарищи навести порядок в литературном цехе. Троцкий возражал этому «леваку» в духе «не вам судить»[6]. Он поучал: «...Вы ставите "вопрос" о пределах применения диалектики в коммунистическом искусстве. Это темновато». Соглашаясь, что художник, овладевший диалектикой, станет проницательнее в «общественном и даже индивидуальном психологическом отношении», Троцкий указывал, что самим художникам задумываться об этом не стоит – большевики сыграют роль поводырей для политически подслеповатых деятелей культуры. А потому претензии леваков на то, чтобы «завести строгую товарищескую дисциплину» в своей среде, неосновательны – коммунисты «это и без того делают»[7]. По иронии

---

[1] Там же. С. 341. В 1926 г. И. Бабель, пользуясь своими связями, помог выбраться из тюрьмы В. Ходасевичу. См.: *Ходасевич В.* Каким я его видел // Воспоминания о Бабеле. С. 65.

[2] Считалось, что именно благодаря этому деятельность Политического Красного креста, возглавляемого Е.П. Пешковой, была столь удачной. См.: *Голицын С.* Указ. соч. С. 122, 124–125.

[3] *Сольский В.* Указ. соч. С. 47, 173–17.

[4] Цит. по: Русская эпиграмма. М., 1990. С. 299.

[5] См.: *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. С. 44–162.

[6] Троцкий писал: «Вы делите... всех писателей на 4 группы: пролетарских, середняцких, интеллигентских и белых. [Но]... Совершенно ничего не написано о футуристах... Может ли Маяковский быть членом вашего объединения или нет?» (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 140. Л. 6). Характерно, что Маяковского отделяли от любых тогдашних поэтических группировок. Брюсов считал, что он «решительно отмежевался» от раннего футуризма. См.: *Брюсов В.Я.* Указ. соч. С. 543.

[7] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 140. Л. 7.

судьбы в 1923 г. в стихотворении «Русь» Городецкий представил Льва Давыдовича своего рода преемником Владимира Ильича: «Мыслью Русь расплавил Ленин, / Волей сплавил ее Троцкий». В. Ходасевич зло иронизировал над «городецко-клюевским» стилем: «не то православие, не то хлыстовство, не то революция, не то черносотенство»[1]. Иные люди творчества действительно испытывали нечто вроде образно-идентификационного бреда.

Но в целом большевики попросту не знали, что делать с авторской стихией. Возникала ситуация взаимопровоцирующей недоговоренности. В 1925 г. в резолюции «О политике партии в области художественной литературы» писателей разделили на «пролетарских», «крестьянских» и «попутчиков» по крайне туманным критериям. Было заявлено, что «коммунистическая критика должна изгнать из своего обихода тон литературной команды»[2]. Похоже, что не рассчитывала на творческие силы пролетарского «гегемона» и скорее надеялась на «объективные законы», способные автоматически вытравить «родимые пятна» низвергнутого капитализма. Этим можно было оправдать и недостаток решимости, порожденный ощущением собственной культурной ущербности. Литературный процесс в большей или меньшей степени был пущен на самотек, хотя писатели воображали нечто противоположное. Возможно, власть рассчитывала на появление «самоцензуры», подталкиваемой критикой или травлей излишне независимых талантов изнутри творческого цеха[3]. В любом случае процесс двинулся именно в этом направлении.

Метод простых запретов признавался бесперспективным. 1 августа 1922 г. Троцкий рекомендовал Каменеву и Сталину «арест книги Пильняка немедленно снять и объяснить его как недоразумение». Речь шла о сборнике «Смертельное манит». По мнению Троцкого, он ничем не выделялся среди прочих книг автора, склонного к «натуралистической необузданности», и не несет в себе угрозы новой культуре. Пильняка следовало всего лишь «жестоко критиковать в печати»[4]. Далее Троцкий отмечал «двойственность» отношения писателя к революции. По его мнению, Пильняк

---

[1] *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 125.

[2] Цит. по: КПСС о культуре, просвещении и науке: Сб. документов. М., 1963. С. 155.

[3] См.: *Блюм А.* За кулисами министерства правды. СПб., 1994. С. 120.

[4] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 140. Л. 1, 3. Название сборнику дал написанный еще в марте 1918 г. рассказ о судьбе крестьянской девушки, согрешившей в жизни лишь дважды (последний раз в монастыре). «Натуралистической необузданности» он не содержал. У коммунистических цензоров могла вызвать недоумение разве что заключительная фраза: «Сладок грех около бога, и смертельное – манит». С. Есенин возмущался критиками, которые писали, что Пильняк «в революции ничего не увидел, кроме половых органов». Пильняк «изумительно талантлив», в некоторых местах «не уступает Гоголю», считал он. См.: *Есенин С.* Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 5. С. 243.

явно приблизился к революции, а не отошел от нее. В согласии с уже состоявшимся решением ЦК по отношению к авторам, развивающимся в революционном направлении, требуется особая внимательность и снисходительность[1].

Трудно сказать, насколько прав был Троцкий. В романе Пильняка «Голый год» (1920 г.) едва ли не центральное место занимает монолог «попика, архиепископа Сильвестра, бывшего князя и кавалергарда». Тот не соглашается с другим «попиком», утверждающим привычное: все беды от Петра I и порожденной им «кающейся» интеллигенции, никогда не знавшей народа. По мнению Сильвестра, русский народ только и делал, что «бегал от государственности как от чумы», ибо та несла в себе «татарщину татарскую, а потом немецкую татарщину». Бежал народ и от официального православия, которое «вместе с царями пришло, с чужой властью». Теперь же раскольники и сектанты, дошедшие до Москвы, «государство строить свое начали, – выстроят»[2]. Такая логика должна была импонировать большевикам.

Троцкий вовсе не был «либералом» по отношению к людям творческим – он прекрасно понимал, что революция для своего самоутверждения требует разоблачения «бывших», «приспособленцев» и вообще людей сомнительных. Не случайно тогда же он писал Каменеву и Сталину:

> В Москве начал выходить альманах под редакцией Оскара Блюма... Неужели он на свободе и имеет возможность даже редактировать сборники? Он неизбежно станет источником величайшей заразы... Надо принять решительные меры[3].

Большевики сознавали, что полностью уничтожить старую культуру – значит лишить репрессивный режим культурной ауры вообще. Исследователи тем не менее до сих пор не могут понять природы сталинского «меценатства», хотя об особых отношениях «вождя» с А. Толстым и М. Горьким хорошо известно. Первый из них иллюзий не строил, откровенно заявляя (в передаче М. Булгакова): «Я теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов»[4]. Создается

---

[1] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 140. Л. 3.

[2] «Это не роман, а свод материалов», – писал Л. Лунц М. Горькому. См.: *Лунц Л.Н.* Указ. соч. С. 427.

[3] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 140. Л. 2. Меньшевик О. Блюм считался провокатором. Незадолго до этого он опубликовал в Германии книжку, в которой попытался переворошить грязное белье видных большевиков. Больше всего досталось Троцкому, обвиненному в бонапартистских замашках – тот в свое время «обидел» Блюма, отказав в партийной реабилитации.

[4] «Грязный, бесчестный шут», – так прокомментировал это заявление М. Булгаков (Михаил и Елена Булгаковы. С. 48), однако деловых отношений с ним не прерывал. Известно, что Сталин любил «Аэлиту» А. Толстого. В 1930 г. в связи с провалом

впечатление, что часть «советских» литераторов вдохновлялась своего рода самоуничижением на фоне победоносного большевизма. Возможно, именно поэтому Сталин терпел Булгакова, откровенно заявлявшего, что писать на потребу новой власти он попросту не сможет[1].

Существует точка зрения, что Сталин разрешил постановку «Дней Турбиных» в пику Троцкому, подчеркнув тем самым свою «великодержавную», а не «интернационалистскую» позицию[2]. Все было проще: оппозиционность легче культивировать и контролировать, чем тупо подавлять, а возможность бросать деятелям культуры то ли кость, то ли спасательный круг тешила самолюбие новых господ[3]. Играя с творческими людьми, как кошка с мышкой, власть удовлетворяла «пролетарско-культуртрегерское» тщеславие[4]. Некоторых литераторов это устраивало, кое-кто, похоже, находил в этом мазохистское удовлетворение. Д. Бедный, к примеру, выступая перед красноармейцами, заявил: «Моя мать была б...»[5] Другие начинали привыкать к навязанной им роли. «Как заноза сидит все это сменовеховство»[6], – писал в дневнике М. Булгаков. Высказывались и жестче: «Тут не смена вех, а отсутствие каких бы то ни было вех»[7].

Между прочим, сам Булгаков, получив в 1925 г. гонорар за публикацию «Белой гвардии», приобрел смокинг, «часы с репетиром», монокль. Получив в подарок шляпу-котелок, он радовался как ребенок: «Теперь я могу импонировать!»[8] Вряд ли он думал об

пьесы А. Толстого «Махатма», которую не поставил ни один театр, его жена признавалась, что «уговаривала его не писать» подобную халтуру. См.: *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 85–86.

[1] В сентябре 1926 г. на допросе в ОГПУ он откровенно заявил, что в годы Гражданской войны, находясь во Владикавказе, в своих произведениях «проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской власти», причем его симпатии «были всецело на стороне белых». Цит. по: Михаил и Елена Булгаковы. С. 64.

[2] *Лосев В.* «Бессмертье – тихий светлый брег...» // Михаил и Елена Булгаковы. С. 9.

[3] Известно, что за пьесу Булгакова хлопотал Ворошилов. За это его благодарил К.С. Станиславский. (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 402. Л. 1.) Постановка «Турбиных» силами мхатовской молодежи действительно помогла театру выйти из длительного кризиса, о чем сообщал режиссер пьесы И.Я. Судаков в 1932 г. (жалуясь заодно на «реакционность» Станиславского). См.: там же. Л. 5–7.

[4] Примечательно, что в 1926 г. во время обыска у М. Булгакова изъяли дневник и рукопись «Собачьего сердца», но вернули их в 1930 г. после настоятельных просьб и, возможно, заступничества М. Горького. См.: Михаил и Елена Булгаковы. С. 10–11, 58–60, 66, 71, 76, 78.

[5] Михаил и Елена Булгаковы. С. 48.

[6] Там же. С. 51.

[7] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 105.

[8] Встречи с М.А. Булгаковым. Воспоминания Н.П. Ракитского // Дружба народов. 1990. № 3. С. 172.

эпатаже[1] – хотелось выглядеть не хуже «удачливых» литераторов. Правда, со временем «снобизм стал наказуем»[2].

Известно, что в 1930-е гг. редкий из писателей и поэтов не отметился панегириком в адрес «вождя». Это превратилось в ритуал – столь же лживый, сколь обязательный. Люди привыкали к мысли, что живут в «сумасшедшем доме советских принудительных работ во имя мировой революции»[3]. Отсюда «лживые песни».

Власть периодически бралась за зачистку творческого пространства от «попутчиков». ВЧК–ОГПУ пробовало свои силы – пока безуспешно. Весной 1924 г. был арестован А.С. Петровский, которому вменялась принадлежность к распущенному Антропософскому обществу (не прошло регистрацию), названному – что примечательно – «военной (!!!) шпионской организацией». Члены общества ухитрились похлопотать за него даже у В.Р. Менжинского, он был освобожден в декабре 1924 г. под их поручительство. А. Белый (также антропософ) считал, что его держали под арестом, как заложника[4]. «...В те годы в Москве находились люди промежуточной позиции (между "нами" и "ими"). Преуспевали они "там", но и прежних друзей не забывали, – вспоминал Б. Зайцев о ситуации начала 1920-х гг. – Некоторые из "нас" благодаря этому и выжили»[5]. Такое положение вряд ли могло сохраняться долго. Власть ощущала рискованность проведения своего социально-экономического курса в условиях неупорядоченного размножения приспособленцев.

Весной 1924 г. в Ленинграде возникло шумное дело о «массажных салонах» для «проверенных клиентов». Оно неожиданно приобрело антиинтеллигентскую направленность. Один из адвокатов, между прочим, произнес:

> В этом котле изуверства и садизма варилась та часть интеллигенции, которая не захотела и не сумела срастись с Великой Революцией. Причину всех этих половых аномалий... надо искать в той неудовлетворенности, которую испытывала эта часть интеллигенции, не находящая выхода своей энергии в производительном труде на Пользу Революции...[6]

---

[1] Современники считали, что для М. Булгакова это была «типичная для него и окружающего его круга людей игра». См.: *Каптерева-Шамбинаго Т.П.* Указ. соч. С. 166.

[2] Воспоминания М.О. Игнатченко // *Волков О.* Городу и миру. М., 2001. С. 511.

[3] *Солоневич И. Л.* Указ. соч. С. 22.

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 303, 306.

[5] *Зайцев Б.* Указ. соч. С. 309. Некоторые интеллигенты добывали липовые справки о своем «революционном прошлом» (*Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 80). Это было не очень сложно: после февраля 1917 г. едва ли не все представители интеллигенции превратились в «борцов с царизмом».

[6] Цит. по: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 181–182.

Даже «защита» интеллигенции не обходилась без пафоса уничижения. Между тем в начале 1925 г. чекисты признавали, что причины ее враждебности к советской власти кроются в ее экономическом и правовом положении (безработица, низкая зарплата, чистки аппарата и вузов, дискриминационная жилищная политика и т. д.)[1]. Именно в силу этого в 1927 г. в Русском музее, а также некоторых ленинградских больницах служащие проваливали на выборах кандидатуры, предложенные коммунистами[2]. Для основной массы чекистов главным был «классовый» критерий[3] – иного люди с низким образовательным уровнем в те времена вообразить себе не могли[4]. Напротив, между «интеллигентными» сотрудниками центрального ведомства ОГПУ и собственно интеллигенцией не могло не возникнуть особого рода взаимопонимания. Интеллигенция была на виду – ее легко и интересно было «разрабатывать»; склоки в ее среде позволяли приписывать ее представителям всевозможные небылицы. В 1930-е гг. некоторые чекисты заплатили за это сполна – дела по «контрреволюционерам и шпионам» (особенно сфабрикованные) затянули их самих.

Характерно, что уже в 1924 г. чекисты убеждали, что «сменовеховские» настроения ушли в прошлое, в среде интеллигенции появились фашистские и террористические настроения, и она «бросает перчатку» советской власти[5]. На деле фашистскими настроениями была захвачена маргинальная часть эмиграции[6]; чекисты искусственно связали их с отдельными запальчивыми заявлениями интелли-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 387.

[2] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 177–178.

[3] Рабочих и крестьян среди лиц, начавших свою научную карьеру в Ленинграде во второй половине 1920-х гг., было менее 25 %. См.: *Курепин А.А.* Научные кадры Ленинграда. 1926–1932 гг. // Общество и власть. СПб., 2003. С. 290.

[4] Ведомство Дзержинского в 1922 г. после преобразования из ВЧК в ОГПУ резко сократило свою численность. По этой причине оставшиеся работники старались продемонстрировать повышенную работоспособность – в том числе и за счет «дутых» дел. Характерно, что в центральном аппарате неуклонно шел рост прослойки коммунистов, но классовому составу он был далек от пролетарского «идеала» (*Капчинский О.И.* Социальный и партийный состав центрального аппарата ОГПУ в 1920-е годы // Отечественная история. 2007. № 1. С. 93–94). Также см.: *Петров М.Н.* ВЧК–ОГПУ: первое десятилетие. Новгород, 1995; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М., 1999; *Плеханов А.М.* ВЧК–ОГПУ.

[5] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 388. Есть сведения, что еще в феврале 1922 г. пролеткультовец В.Ф. Плетнев сообщил о существовании в Петрограде правой контрреволюционной группы, противодействующей влиятельному сменовеховству. См.: *Квакин А.В.* Указ. соч. С. 9.

[6] См.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999. С. 303–336.

гентов в России. По логике ОГПУ, «советизации» были подвержены лишь сельские учителя. Напротив, профессора, которые «чувствуют под ногами твердую почву своей научной популярности», позволяют себе критиковать советскую власть с университетской кафедры, вступая в тайные связи между собой и заграничными коллегами. Оппозиционность профессуры вряд ли превышала порог ее былых антимонархических настроений. Тем не менее в конце десятилетия чекисты уверяли, что значительная часть научно-исследовательских учреждений «захвачена реакционными учеными»[1], а Е. Ярославский добавлял, что иные профессора «поют на клиросе» и являются «руководителями-проповедниками толстовских и других религиозных общин»[2]. В сатирических журналах появлялись соответствующие карикатуры Кукрыниксов[3].

На деле «профессорский» антисоветизм носил пассивный и аполитичный характер. «Университет наш реформируется, и я теряю место, – писал в 1924 г. из Симферополя Д. Жуковский Л. Шестову. – Теперь уже будет не нищенское благополучие, а неблагополучное нищенское существование», добавляя, что не знает такой унизительной работы, «за которую не взялся бы»[4]. Педагоги, на которых чекисты возлагали надежды, также отнюдь не спешили пропагандировать успехи советской власти. Учитель Карелин (Курганский окр.), направленный для организации «самообложения», заявил: «Меня посылали в деревню для того, чтобы я выяснял, у кого хлеб есть... и сообщал, но я этого не делал потому, что я сам мужик и... в корне против такого бесчеловечного отношения к тем, кто кормит всю страну»[5]. Полупассивное сопротивление властям предержащим было заметно на всех социальных уровнях. В Ленинграде возникла «Группа школьной интеллигенции», охватившая 15 школ и ставящая своей целью деполитизацию школы[6]. Но даже «опростившиеся» интеллигенты не были застрахованы от преследований. Так, оказалась раскулачена местными властями дочь художника И. Репина, работавшая учительницей[7]. Одна «старорежимная» преподавательница истории пы-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1138.

[2] *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 598.

[3] К фигурам либеральных профессоров были пририсованы соответствующие тени: от двуглавых орлов до свастик. См.: Чудак. 1929. № 14. С. 6.

[4] *Герцыг Е.* Воспоминания. Париж, 1973. С. 178–179.

[5] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 207.

[6] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 92.

[7] Т.И. Репина-Язева, вдова военного инженера, служившего у большевиков, проживала на даче в Витебской губернии с дочерью, ее мужем (также учителями) и четырьмя внуками. Хозяйство держалось личным трудом, однако местные большевики решили выслать ее в Сибирь. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 23–24.

талась приспособиться к менявшимся порядкам, но ее зло высмеяли школьники из семей «бывших»[1].

Характерно, что чекисты особо выделяли журналистику, отмечая в ее рядах личностей желтого и белогвардейского пошиба. «Критика недостатков» (в общем, весьма ядовитая) связывалась с «контрреволюционными» умыслами. В сущности, шло искусственное конструирование образа врага из людей «неудобных». С этим связана и пугающая информация о террористических прожектах ликвидированного ОГПУ «Ордена русских фашистов»[2].

Всякий раз, ощущая непрочность своего положения, российская власть начинает взирать на интеллигенцию с особым подозрением. Между тем последняя сдавала свои «антисоветские» позиции. «У одних – трусость мысли, боязнь сделать ложный шаг – у других – вместо свободной мысли – узкая вера и отсутствие творчества», – так оценивал ее поведение в конце десятилетия В. Вернадский[3]. «Буржуазная» профессура была обеспокоена главным образом качеством обучения в вузах[4]. Но ей возражали «оптимисты» вроде Д. Шаховского. Тот в письме Вернадскому заявлял: «Ты умеешь находить разумное в жизни существ почти лишенных разума и отрицать разумность в жизни авангарда разума на земле или, по крайней мере, на одной шестой ее части»[5]. «Лукавство разума» заметнее всего проявляет себя в критических обстоятельствах.

Большевики, имея достаточное количество подсказок снизу, легко навязывали интеллигенции свои «правила игры». По мнению Й. Гирсы, «интеллигенты сделались людьми 20-го числа (день зарплаты), голодом приговоренными молчать, быть послушными рабами»[6]. «...Мы ничего не можем купить: не на что»[7], – жаловались представители старой интеллигенции. В 1930 г. им пришлось обижаться на то, что «в нагрузку» за кастрюли приходилось покупать ночные горшки[8]. Герой пьесы пролеткультовца А.Н. Афиногенова «Страх» (1931 г.) профессор Бородин заявлял: «...Страх заставляет талантливых инженеров отрекаться от матерей, подделывать социальное происхождение».

Кстати, преференции «неполитической» части русской эмиграции («не красные, не белые») по-своему симптоматичны. О демократии

---

[1] *Алексеев В.И.* Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952. С. 18.

[2] Политическая история русской эмиграции. С. 395.

[3] Исторический архив. 1999. № 1. С. 179.

[4] Московские профессора высказали свои соображения на этот счет в специальной записке, направленной в Наркомпрос в начале 1922 г. См.: *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 48.

[5] *Шаховской Д.И.* Указ. соч. С. 247.

[6] Цит. по: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 257.

[7] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 211.

[8] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 104.

они даже не заговаривали. Их волновал другой вопрос: кто возглавит «национальную» Россию – царь, вождь? Большевизм они считали «старейшим явлением» русской истории. Следовательно, требовалась фигура, которая наиболее органично приструнит его[1].

Творческая среда, как и все социальное пространство, разрывалась противоречивыми эмоциями. Весной 1927 г. К. Чуковский так отзывался о Зощенко: «...Люди ему по-прежнему противны... весь окружающий быт вызывает в нем по-прежнему гадливость...» О Л. Сейфуллиной он говорил, что «ей больше всего нравится культивировать ярость – слепую»[2]. Сам Зощенко заявлял: «Нет у меня ни к кому ненависти – вот моя точная идеология»[3]. Бывают времена, когда самообман становится способом выживания, – публикации Зощенко в многочисленных сатирических журналах полны не ненависти, а снисходительной брезгливости. На таком фоне идея направленного и направляющего насилия не могла не обозначить себя. Известный драматург С. Третьяков «проговорился», назвав статью, посвященную фильму А. Довженко «Арсенал», – «Уроки ярости». Из нее следовало, что в отличие от кинорежиссеров, «формально» изображавших насилие, режиссер наконец-то придал ярости необходимую классовую направленность[4].

Вероятно, кое-кто из представителей старой культуры улавливал «метафизику» происходящего. Н. Мандельштам уверяла, что О. Мандельштам уже 1922 г. «впервые открыл ассирийскую природу нашей государственности»[5]. Это кажется сомнительным: поэт, скорее, был во власти обычного для России амбивалентного отношения к правителям. Новая генерация интеллигенции, похоже, успешно изживала эту черту.

В 1922 г. К. Чуковский зафиксировал впечатление о студентах – поклонниках У. Уитмена, знатоком которого он считался:

> Им эстетика не нужна – их страстно занимает мораль. Уитмен их занимает как пророк и учитель... Ни иронии, ни скептицизма, ни юмора, а все всерьез... здесь сидели истомленные бесхлебьем, бездровьем, безденежьем – девушки и подростки-студенты и жаждали – не денег, не дров, не эстетич[еских] наслаждений, но – веры...»[6]

---

[1] Политическая история русской эмиграции. С. 306, 308, 438.

[2] *Чуковский К.* Дневник. С. 398, 405. Герой рассказа Сейфуллиной «Перегной» (1922 г.) размышлял: «А может, и правда, что надо деревню отменить, чтобы было, как город, с машинами».

[3] Цит. по: *Коржихина Т.П.* Указ. соч С. 56. В. Шкловский подметил, что Зощенко имеет успех у мелкобуржуазной публики (*Шкловский В.* Гамбургский счет. С. 155) – той, которую он в основном и высмеивал.

[4] См.: *Третьяков С.* Уроки ярости // Кино и культура. 1929. № 3. С. 52–55.

[5] *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 275.

[6] *Чуковский К.* Дневник. С. 195.

В известной степени старая интеллигенция оказалась заложницей своего «служилого» профессионализма. Тем не менее подозрительное отношение к ней усиливалось – и это несмотря на то что в Петрограде, по признанию ОГПУ, «выступления отдельных профессоров, либералов и монархистов... незначительны и единичны». Впрочем, «качество» поставляемой чекистами информации обычно зависело от них самих. Так, они доносили, что в Воронеже профессора-«реакционеры» развернули борьбу с левыми преподавателями, а в Москве студентами издавался антисоветский подпольный журнал[1]. В 1924 г. студента-активиста из Воронежа едва не исключили из партии за то, что он «пьянствовал на вечеринке с профессурой»[2]. В конце 1922 г. в Томске чекисты ликвидировали «Союз русских карбонариев»[3], в феврале 1927 г. – анархистский кружок во 2-м МГУ[4], в 1928 г. – ряд других студенческих «контрреволюционных» организаций[5]. Новому поколению студентов, как и их наставникам, не оставалось выбора, кроме «добровольно-принудительной» работы на государство.

Отношение большевиков к «буржуазным» специалистам казалось непоследовательным. В марте 1922 г. в результате травли, развязанной рабочими, профсоюзными и партийными деятелями, а также работником РКИ, покончил жизнь самоубийством главный инженер московского водопровода В.В. Ольденборгер. Н.В. Крыленко, выступавший в качестве обвинителя, требовал особо сурового наказания для виновников (4 года тюрьмы)[6]. Вслед за тем в августе 1923 г. в Политбюро обратился Дзержинский. Главный чекист был искренне озабочен тем, что «мы очень бедны спецами», причем самые лучшие из них – «это полученные нами и почему-то не расстрелянные – от Колчака, Деникина и Врангеля». Теперь он предлагал завлечь в индивидуальном порядке прощенных спецов из эмигрантской среды[7]. Большевики рассчитывали использовать их временно. Луначарский в 1924 г.

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 879, 901.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12 Л. 59.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 18.

[4] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 155–156. Если верить ОГПУ, создание новых студенческих кружков по изучению анархизма не прекратилось. См.: там же. С. 379.

[5] См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1171–1174.

[6] Суд снизил наказание до 2 лет, затем последовали обычные в то время амнистии, а фактически все подсудимые отделались легким испугом. См.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди». С. 144.

[7] Источник. 1998. № 3. С. 131. О смерти Дзержинского некоторые «бывшие» откровенно сожалели. «Жаль, умер Дзержинский! – писал Н. Валентинов. – Нас, специалистов, он ценил и защищал. При нем мы могли спокойно работать». См.: *Валентинов Н. (Вольский Н.).* Указ. соч. С. 166.

писал, что чем скорее удастся обходиться без них, «тем лучше», – они «искалечены» и «отравлены» старой наукой[1], а в 1926 г., ссылаясь на Ленина, он же заявлял, что «спецу... нужно создать товарищескую атмосферу для его работы и оплачивать его так, как оплачивает буржуазия»[2]. Впрочем, вряд ли к тому времени большевистские лидеры всерьез воспринимали этого сладкоголосого деятеля: слишком заметны были его собственные «интеллигентские» комплексы[3].

В 1927–1928 гг. правительство признало, что работники умственного труда имеют право на жилищные льготы. Однако летом 1929 г. стали «лишенцами» некоторые бывшие фабриканты и инженеры, исправно трудившиеся в различных советских учреждениях[4]. В это же время ВЦИК восстанавливал в правах «исправившихся» жандармов, агентов царской полиции и тюремного ведомства[5], составлявших своего рода пролетариат старой пенитенциарной системы[6]. Этому сопутствовали акции против «вредителей»: «Шахтинское дело», арест около 40 инженеров и служащих «Югостали», наконец, расстрел членов «контрреволюционной организации на железнодорожном транспорте и золото-платиновой промышленности» (инженеров П.А. Пальчинского, Н.К. фон Мекка и А.Ф. Величко[7]). Когда авторитарно-бюрократическая система пытается работать в «ручном режиме», ее правая рука непременно перестанет замечать, что делает левая.

В свое время Сталин не соглашался с Ворошиловым, выражавшим недоумение по поводу того, что Дзержинский «задерживает у

---

[1] *Луначарский А.В.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924. С. 35.

[2] *Луначарский А.В.* О быте. М.; Л., 1927. С. 54.

[3] Характерно, что Луначарский в 1924 г. заявлял, что «кос-что в Чехове отжило» и должно быть «заколочено в гроб». Он возражал против постановок чеховских «Трех сестер», находя там «лирическую печаль» «плаксивой прекраснодушной интеллигенции». См.: *Луначарский А.В.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1963. С. 366.

[4] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 12–13.

[5] *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди». С. 185.

[6] В 1931 г. ВЦИК наряду с отклонением прошений о восстановлении в правах «священников, псаломщиков, монахов» (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 45а. Д. 3. Л. 100–109б), «баптиста, 2 псаломщиков, 2 монахинь, марийского языческого жреца» (Л. 144), мулл и сыновей мулл (Л. 179–180), восстанавливал в правах публично отрекшихся священником и псаломщиков (Л. 123 об.–124, 131, 162), канторов и муэдзинов (Л. 172–173 об.). Решения принимались по ходатайствам местных властей, установить закономерность их вынесения невозможно. Зачастую восстанавливались в правах бывшие торговцы (самая массовая категория), полицейские, офицеры-белогвардейцы. Возможно, решающим фактором было социальное происхождение и материальное положение на момент подачи заявлений.

[7] Правда. 1929. 24 мая.

себя на службе» Ю.В. Ломоносова[1]. Увы, со временем этот известный инженер-путеец, человек авантюрного склада, предпочел не вернуться из заграничной командировки. В конце 1929 г. Сталин заявил, что придерживаться нэпа стоит лишь до тех пор, пока он служит «делу социализма», после чего будет «отброшен к черту»[2]. Окончание нэпа означало конец иллюзий для людей, сознательно или бессознательно пытавшихся работать ради России, а не большевизма.

На протяжении десятилетия синергийная логика возрождения империи незримо противостояла «классовой» логике большевизма. Приходилось метаться между доктринальными установками и практической необходимостью. В таких обстоятельствах всевозможные спецы оказывались разменной монетой в политических игрищах, сопутствующих становлению новой «элиты»[3]. «Наука должна быть в руках у пролетариата... – заявил М.Н. Покровский на съезде Советов в мае 1929 г. – Пролетариат имеет все данные, чтобы забрать науку в свои руки, он должен ее забрать, ибо без нее он не произведет социальной революции...»[4]

В целом интеллигенция – не только старая, но и новая – воспринималась как своего рода сомнительная (непролетарская) диффузная группа. Ее следовало, как и всякое «недозревшее» социальное образование, «расслоить» в видах социально-управленческих удобств. Однако объективные условия этого пока не позволяли. К тому же профессиональный статус лиц умственного труда в глазах юного поколения к концу десятилетия вырос. В 1929 г. из опроса 500 читателей журнала «Пионер» выяснилось, что на первое место среди приоритетных профессий дети ставят техников и агрономов (11,1 %), на второе – киноартистов (10,2), на третье – инженеров (8,6). Далее шли писатели (8), изобретатели (5,8), рабочие-станочники (5,8), военные (5,6), ученые (4,2 %). О желании работать в колхозе заявили лишь 7 детей (1,4 %)[5]. В государстве «диктатуры пролетариата» неуклонно падал престиж физического труда.

---

[1] Сталин считал, что «он хороший техник, он составил план постройки тепловозов (вместо паровозов), имеющих произвести переворот во всем нашем транспорте, эти тепловозы строятся для пробы в Германии, осуществить этот план без Ломоносова не можем». См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 39. Л. 27.

[2] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 326.

[3] *Макаревич А.М., Соколов А.К.* Указ. соч. С. 117.

[4] Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сб. док. Л., 1974. С. 44.

[5] См.: Кем хотят быть наши дети. Сборник детских писем для отцов. М.; Л., 1929. С. 12–13. Редакция отметила, что согласно другим обследованиям на первом месте оказывалась профессия учителя, на втором – конторщика. Напротив, в 1925 г. обнаруживалась иная релевантность престижных профессий: рабочие, инженеры, техники, «общественники», писатели, артисты. Конторщиками и счетоводами хотели стать немногие. См.: там же. С. 88.

Строго говоря, большевики сами загоняли себя в угол: технократические установки противостояли «классовому» неприятию интеллигенции; показушная «визуализация» достижений прогресса вступала в противоречие с традиционной трудовой этикой. И этот парадокс сохранялся на всем протяжении существования советской власти.

Как бы то ни было, и власть, и старая интеллигенция на протяжении десятилетия пребывали в состоянии взаимной «притирки». Для «бывших» она часто оборачивалась жизненной трагедией.

В начале десятилетия служащие советских учреждений влачили жалкое существование. В 1921 г. из Вологодской губернии сообщали, что Грязовецкий райпродком систематически «не выдает паек полностью» уездным судебным работникам, что создает «невыносимые условия работы», народный судья ходит в разорванных сапогах[1]. Если власть материально не подкрепляет статусные позиции собственных служащих, они рано или поздно начнут восполнять «прорехи» самостоятельно.

Как известно, советская власть сразу же попыталась передать правосудие народным представителям. Это был откат к обычному праву, что не могло не сказаться на качественном составе «юристов»[2]. «Полупрофессиональный» суд не мог быть эффективным – не случайно начало десятилетия было отмечено всплеском самосудов[3]. В органах прокуратуры положение было не лучше: здесь помимо всего обнаружился запредельный уровень сменяемости руководства[4]. Строго говоря, создавались идеальные условия для коррупции и непотизма; это и объясняет мягкость партийных взысканий для юристов[5]. Гос-

---

[1] ГА ВО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 99. Л. 29, 41, 42.

[2] В 1923 г. в 46 губерниях России из 1843 судей крестьяне с начальным образованием составляли почти половину. Среди 432 членов губернских судов крестьян было 36 %, лиц с начальным образованием – 62 %. Даже среди 46 председателей губернских судов было 16 крестьян, среди их заместителей – 42 крестьянина и лишь 11 профессиональных юристов. См.: *Шатковская Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов-на-Дону, 2009. С. 556–557.

[3] См.: *Ерыпалов П.* Волна самосудов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 24–25. Крестьянские самосуды отмечались изуверской жестокостью: по решению схода советских работников забивали насмерть (Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: Документы и материалы. М., 2002. С. 622). Некоторые крестьяне отстаивали «справедливость» самосудов и позднее. См.: Крестьянские истории. С. 160, 162.

[4] *Камалова Г.Т.* Изменение кадрового состава прокуратуры Урала в условиях нэпа // Отечественная история. 2008. № 2. С. 123.

[5] Так, в воронежской партийной организации помощник прокурора («интеллигент, учитель») был всего лишь переведен на «низовую работу» за проступок, заслуживающий, как минимум, выговора (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 62). Другого помощника прокурора, бывшего красноармейца с высшим образованием (владимирская партийная организация), исключенного за «выпивку», контрольная комиссия

служащим поначалу приходилось не лучше. Из профсоюза работников совучреждений Ленину сообщали, что «сокращение зарплаты... достигло невозможных размеров», продолжать такую политику – «значит окончательно разрушить аппарат советских учреждений, без того ослабленных реорганизацией»[1].

11 октября 1922 г. Л.Б. Красин в связи с отчетом о работе так называемого Сланцевого комитета писал Ленину:

> ...С упорством, приближающимся к героическому, с ничтожной поддержкой со стороны государственных органов [группа инженеров] из ничего развила не только обстоятельное научное исследование горючих сланцев, но и научилась практически изготовлять [из них] различные полезные продукты... Главный организатор дела, инженер Цванцигер по какому-то приговору отбывает пятилетнее наказание в концентрационных лагерях и руководит всем делом на положении временно отпускаемого арестанта.
>
> Я не прошу для этих людей ордена Трудового Красного Знамени... я прошу только некоторого Вашего личного внимания к этому делу...[2]

Обычно люди творческие готовы терпеть любую власть, открывающую возможность реализации их планов. Иные люди науки были настолько поглощены творчеством, что цепляются за любую возможность его активизации. О преданности новой интеллигенции советской власти и говорить не приходится. В 1923 г. на заседании комфракции при Кубано-Черноморском отделе Рабис'а по поводу пятилетней годовщины Красной армии говорилось:

> Заслушав доклад... постановили изучать военную технику, охранять границы Советской России до тех пор, пока подойдут резервы и не взовьется Красное Знамя Европейского Социалистического Союза и Совета Республик, как предзнаменование мирового союза пролетарских Республик...[3]

Конечно, Рабис представлял лишь часть деятелей культуры, которому противостояло Русское театральное общество[4]. К тому же, делая верноподданнические заявления, можно было мыслить совсем по-другому. По информации ОГПУ, спецы обычно рассуждали так:

> Нам, старым опытным специалистам, нечего бояться. Нас не выгонят. Красным специалистам грош цена, их даже в государственные

в партии восстановила (там же. Л. 34). Впрочем, во Владимире один судья все же был был исключен из партии (там же. 23). В любом случае шкала наказаний оказывалась удивительно эластичной.

[1] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 94.

[2] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 160. Л. 50.

[3] РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

[4] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 338.

учреждения не принимают... Если нас вычистят, что скажет население, ведь даже лечить будет некому[1].

Однако трудно мыслить независимо, работая на «хозяина». В 1924 г. Ульяновский отдел ОГПУ так характеризовал положение дел в легальных обществах и союзах:

...Особого внимания заслуживают научные организации спецов, напр., УО ВАИ (Ульяновское отделение Всероссийской ассоциации инженеров. – *В.Б.*), «О[бщест]во медицинских врачей», «Корпорация агрономов» и др. Эта публика в большинстве своем не внушает политического доверия... Собрания всех обществ бывают открытые... Никаких уклонов в сторону антисоветских выступлений не замечается. Среди врачей, инженеров и агрономов и др. обществ имеются члены антисоветских политпартий и политнеблагонадежный элемент, но и они себя ни в чем политически не проявляют... Большой интерес вызвала литературная дискуссия о Троцком. Почти все они одобряют линию Троцкого и отзываются о нем как о талантливом вожде и организаторе[2].

Увы, на самый верх от чекистов, как правило, поступала куда более тревожная информация. Со своей стороны, старая интеллигенция нервничала:

Страх объял. Страх от беспредельности, нескончаемости... Все куда-то движется... Попытка России найти новый путь не удалась. Но и прежнее навсегда погибло[3].

8 сентября 1923 г. в Берлине группа представителей творческой интеллигенции из числа высланных или сумевших официально выехать за границу (Н. Берберова, Н. Бердяев, Б. Зайцев, В. Ходасевич и др.) провожала в Советскую Россию А. Белого. Последний устроил настоящую истерику, заявив, что он едет, «чтобы дать себя распять за всю русскую литературу»[4]. Однако такого жребия предпочел избежать сам А. Белый, фактически приспособившийся к режиму и умерший своей смертью в 1934 г.[5] Большевистской системе, со своей стороны, не нужны были мученики.

---

[1] Цит. по: *Пашин В.П.* Номенклатура и социальный апартеид партии большевиков в 1920-е годы // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 34. No. 2 (2007). P. 188.

[2] *Макаров В.Г.* Историко-философский анализ внутриполитической борьбы... С. 72–73.

[3] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 215.

[4] *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С. 186–187.

[5] Не исключено, что А. Белый прикидывался блаженным. На своих выступлениях он наряжался как комический персонаж: «шелковая фуфайка желтого, зеленого и еще какого-то цвета с огромным черным бантом-галстуком, и на голове... черная бархатная шапочка». Вместе с тем отмечали его «нечеловеческую остроту, проницательность и нездешность взгляда...». См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 596.

В конце десятилетия возмущение «старой» интеллигенции вызвала головотяпская кампания по лишению избирательных прав: пострадали такие видные деятели культуры и науки, как К.С. Станиславский и профессор А.И. Абрикосов (сын фабриканта, в будущем член большевистской партии)[1]. Впрочем, страхи обостряли чувство юмора. М. Булгаков пересказывал одесский анекдот: на вопрос, подвергалась ли она чистке, одна дама ответила: «Я девица!»[2]

Как ни парадоксально, лучшие шансы интегрироваться в новую идейно-политическую среду получили художники классического, а не модернистского направления. В 1924 г. в Русском музее была устроена грандиозная выставка по случаю 80-летия И. Репина. Ее посетили 11 тыс. человек, говорили, что художник возвращается в Россию[3]. Ворошилов уверял, что своим приездом Репин «совершит поистине большое исторически-общественное дело» и его «жизнь великого художника снова сольется с жизнью народа-титана»[4]. Возвращение не состоялось, но Репин остался в восторге от признания Ворошиловым своих «величайших заслуг перед страной и человечеством»[5]. Обмен комплиментами произошел с санкции Сталина, заявившего: «Я думаю, что Совласть должна поддержать Репина всемерно»[6].

Власть нуждалась в «реалистах», готовых живописать ее «достижения» на фоне «проклятого прошлого». В 1929 г. Репин просил И. Бродского помочь своему сыну – Юрию Репину, «хорошему рисовальщику», страдавшему от безработицы. Репин-младший по инициативе Кирова получил заказ на картину «Символ самодержавия» по эскизу своего отца[7]. Вероятно, это был перепев знаменитого полотна «Заседание Государственного совета».

---

[1] *Голицын С.* Указ. соч. С. 109–110. Впрочем, многим «лишенцам», и не только из числа видных деятелей науки и культуры, со временем возвращали их права. Иногда помогало членство в различных творческих союзах. См.: там же. С. 110.

[2] Михаил и Елена Булгаковы. С. 39.

[3] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 149. В мае 1926 г. Репину в Финляндию отправились И. Бродский, П. Радимов, А. Григорьев, Е. Кацман, принявшиеся расписывать прелести жизни в Советской России [Московский художник. 1926. № 2(14). С. 5]. Между тем председатель Сорабиса Лебедев, узнав о предстоящем возвращении Репина, невпопад заявил, что его «приезд излишен, в особенности если принять во внимание безработицу среди художников». См.: Смехач. 1926. № 25. С. 6.

[4] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 17.

[5] Там же. Л. 11–12. Бродский, подобострастно известивший об этом Ворошилова, не преминул отметить, что если бы Репин «попал на часок» к наркому, «то от него ушел бы большевиком». См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 294. Л. 2 об.

[6] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

[7] *Репин И.Е.* Указ. соч. С. 383–384.

Тем временем образом жизни для художников (как и литераторов) средней руки становилась «халтура». Люди совестливые все же отделяли ее от собственно творчества. Но появились «махровые» и «патентованные» халтурщики. Они увлекали полуграмотных представителей власти «революционными» сюжетами: в одном из клубов Семипалатинска красовалось изображение Ленина в образе Стеньки Разина с кистенем в руках. Согласно Ильфу и Петрову, ряды изопропагандистов едва не пополнились Остапом Бендером. В клубе Иркутска висела картина-плакат, изображавшая рабочего, поражающего зеленую гидру контрреволюции. Качество рисунка было таково, что возникали ассоциации с «зеленым змием», пожирающим пролетариев[1].

Положение авангардистов было сложнее. Футуристы упорствовали в своем эгоцентризме. А.Е. Крученых так излагал свое кредо: «Определенный звукоряд поэта сдвигает его содержание в определенную сторону – поэт зависит от своего голоса и горла!»[2] Его считали «поэтом умным, дерзким, ядовитым, злым»[3]. Казалось, это отвечало энергетике молодежи. Впечатление от его выступлений передавали так: «Выступал Крученых и беззастенчиво крутил "великий русский язык". Декламируя свои нечленораздельные "дыр, бул, щыл", он сам крутился на сцене волчком, присвистывал, закатывал глаза и завывал, напоминая собой то сибирского шамана, то индийского заклинателя змей... Было жутко и весело... Студентки... качали Крученых на руках...»[4] Впрочем, некоторым казалось, что он так и не понял, что времена изменились, и потому продолжал революционный эпатаж[5]. Скорее случилось другое: Крученых просто старался напомнить о футуризме – его книга называлась многозначительно: «Кукиш прошляка». Увы, со слов Луначарского, рабочим и матросам к середине 1920-х гг. футуристы надоели[6].

Между тем одни авторы пытались творить так, как будто ничего не произошло, другие, напротив, натужно старались «вписаться в эпоху», что оборачивалось большими скандалами и мелкими склоками[7]. «Без-

---

[1] См.: *Копылов И.Л.* На перевале. К первой Всесибирской передвижной выставке 1927 г. Новосибирск, 1927. С. 5–6.

[2] *Крученых А.* Кукиш прошляка. М.; Таллин, 1992. С. 50.

[3] *Клюн И.В.* Указ. соч. С. 79.

[4] *Сухопаров С.М.* Алексей Крученых: судьба будетлянина. München, 1992. С. 108.

[5] *Бирюков С.* Поэзия русского авангарда. М., 2001. С. 120. Пастернаку позиция Крученых представлялась уникальным анахронизмом. См.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 48.

[6] *Белая Г.А.* Дон-Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004. С. 329.

[7] Одесские «юголефовцы» заявляли, что «не чураются скандала как средства общественного воздействия». См.: Морія. 2006. С. 130.

дарнейшая группа мелких интриганов и репортерских карьеристов выдвинула журнал, который называется "На посту"», – возмущался С. Есенин[1]. Увеличивалось количество эфемерных объединений, вроде постэгофутуристического «Кольца поэтов имени К.М. Фокина»[2]. Примечательны попытки создания «синтетических» искусств, связанных как с поисками нового языка, так и ломкой жанровых перегородок. Здесь была и «заумь», переходящая в «фоническую музыку» в творчестве А. Туфанова, и «фонология» известного поэта и режиссера И. Терентьева. Уверяли, что подобное искусство может быть понятно «всем народом». На деле язык выпущенной в 1927 г. поэмы Туфанова «Ушкуйники» воспринимался как некий диалект. Симптоматична попытка создания в 1927 г. при Ленинграде Объединения Реального Искусства, более известного по своей «заумной» аббревиатуре – ОБЭРИУ[3]. В своей декларации (в основном сочиненной бывшим красноармейцем Заболоцким) утверждалось, что «фантасмагория мира проходит перед глазами как бы облеченная в туман и дрожание». Хаос столкновения старого и нового порождал стремление к ясности. Сам Заболоцкий видел задачу поэта, воспитанного революцией, в том, чтобы «очищать предмет от мусора истлевших культур»[4]. Не случайно все прозаические произведения Вагинова (в 1917 г. закончившего гимназию, успевшего повоевать за красных, но не восстановленного в университете из-за непролетарского происхождения) кишели психопатологическими «героями», пораженными раздвоением личности и тягой к пророчествам. Объединение просуществовало недолго: садомазохистское пародирование постреволюционных нелепостей быстро утомляет. Время неумолимо смывало авангард, а равно и прочие попытки эстетически противостоять природе возрождающейся системы. В 1925 г. Б. Лившиц писал эмигрировавшему Д. Бурлюку:

> ...Мысленно сопоставляя мое нынешнее литературное окружение с боевой обстановкой, в которой мы с тобою три года работали бок о бок, я испытал чувство неподдельной горечи... Преждевременная смерть Хлебникова, безнадежное падение Маяковского, моя полная изолированность, порождающая у меня состояние, близкое к закупорке лирических сосудов, – всего этого, вероятно, не произошло бы, будь ты здесь...»[5]

---

[1] Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 290. Возможно, такая реакция Есенина была связана с тем, что журнал «На посту» имел репутацию органа ОГПУ. Фактически «напостовцами» руководил Ф.Ф. Раскольников.

[2] *Пурин А.* Листья, цвет и ветка. О русской поэзии XX века. СПб., 2010. С. 235.

[3] В него вошли такие непохожие «левые» авторы, как А. Введенский, К. Вагинов, И. Бехтерев, Н. Заболоцкий, Д. Хармс.

[4] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 371.

[5] *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 609.

Конечно, поэт ошибался: дело было не в отсутствии «отца русского футуризма», а в том, что сама атмосфера десятилетия исключала возможность возрождения авангарда. Действительность взывала к кафкианскому видению мира или ощущению «торжества плоти», которым были жутковато отмечены стихи Заболоцкого второй половины десятилетия[1].

Намного спокойнее была ситуация в музыкальной жизни: здесь были и классика, и модерн, и джаз. К музыкантам старой школы власти относились терпимо, бездарные «пролетарские композиторы» не были заметны[2]. Романсы, народные песни и все прочее, где упоминалось о Боге, венчании и богатстве, исполнялось вопреки запретам и штрафам[3]. Впрочем, в конце 1930-х гг. некоторые критики возражали против концертов из произведений С.В. Рахманинова, называя его «певцом дворянской печали»[4].

Творческая интеллигенция болезненно переживала то же, что и все люди, духовно «лишние» для системы. Часть старых специалистов пыталась приспособиться к режиму (появился соответствующий термин – «приспособленчество»), но это требовало известного рода сноровки. За отсутствием таковой тяжелое материальное положение и «соблазны нэпа» подталкивали к хозяйственным преступлениям[5]. Впрочем, некоторые из «бывших» ухитрялись сохранять за собой квартиры, дачи и дома[6].

Старая интеллигенция не потеряла способности к самовоспроизводству: в 1923/24 учебном году доля выходцев из непролетарских слоев в вузах составляла 62,2 %, а удельный вес рабочих едва превышал 15 %[7]. Одни бывшие студенты по-настоящему горели желанием продолжить прерванную учебу, другие пользовались протекцией

---

[1] *Пурин А.* Указ. соч. С. 240, 254.

[2] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 21–23. Д. Шостакович позволял себе зло высмеивать «пролетарских композиторов», пародируя в музыкальной части «Гамлета», поставленного в театре Е.Б. Вахтангова, бравурную песню Давиденко «Нас побить, побить хотели...» (Гамлет фальшиво исполнял ее, прикладывая флейту «к нижней части своей спины»). См.: там же. С. 37.

[3] *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 193.

[4] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 264.

[5] *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 94.

[6] *Смирнова Т.М.* Классовая борьба на «жилищном фронте»: особенности жилищной политики Советской власти в 1917 – начале 1920-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 214.

[7] В их числе были «рабочие» по роду занятий на момент поступления в вуз, а отнюдь не по происхождению. Представители интеллигенции шли на всевозможные ухищрения, чтобы их дети смогли учиться (*Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 54). Иные из них

«буржуазной» профессуры, третьи находили всевозможные «лазейки» ради пополнения рядов спецов. Говорили, что учащиеся вузов делятся на «студентов-спекулянтов, студентов-коммунистов и просто студентов»[1]. В 1923 г. журнал «Красный студент» уверял, что 15–20 % учащихся Петроградского университета настроены антисоветски и только 10 % активно поддерживают революцию. В Москве из почти 40 тыс. студентов примерно четверть составляли коммунисты, две трети имели пролетарское происхождение[2]. В Грузии из 4690 студентов университета только 208 были коммунистами и комсомольцами[3].

Вузовская чистка 1924 г., похоже, не принесла радикальных изменений. Всего по РСФСР в 1926/27 учебном году выходцы из непролетарских слов составляли 49,4 % учащихся, но кое-где соотношение было намного «хуже»[4]. (По другим данным, к 1930 г. в вузах РСФСР было лишь 37,4 % студентов рабоче-крестьянского происхождения, представителей интеллигенции было 52,8 %[5]). Нагнетание классовой ненависти периодически ударяло по вузовским «бывшим». Во время чистки 1924 г. на отдельных курсах вытряхивали до 80% студентов (впрочем, после того как сверху был дан «отбой», до 90 % «вычищенных» были восстановлены[6]).

Система отбора в вузы подвергалась критике. Крестьянский юноша Н. Редько в письме комсомольскому лидеру Н. Чаплину в 1926 г. утверждал, что в вузах «засели сынки кулаков, нужна монета»; бедняки не выдерживают конкурс даже на рабфак. Комсомолец Садовников, обращаясь к Сталину, жаловался на «нечуткость» ЦК ВЛКСМ: там ему заявили, что молодежь из деревни не подготовлена к учебе в вузах. Студенты-пролетарии предлагали классово-идеологические

вечером посещали лекции, а днем работали шоферами. См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 596.

[1] *Варшер Т.С.* Указ. соч. С. 111.

[2] *Gorsuch A.E.* Op. cit. P. 103–104. Разумеется, эти данные отражали скорее представления о студенчества, нежели его реальный облик.

[3] Коммунистическая революция. 1924. Декабрь. № 5. С. 59.

[4] Так, в 1929 г. среди студентов педагогического факультета 2-го МГУ служащие составили 42, 3 %, крестьяне – 38,5, рабочие – 18,4 % [*Смирнова Т.М.* «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 36–37]. Часть студентов загодя запасалась липовыми справками о рабоче-бедняцком происхождении. См.: *Рябченко О.Л.* «Исключить как социально-непригодный элемент». «Социально чуждые» в высших учебных заведениях Украины (1920-е годы) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 548.

[5] Государственные университеты. М., 1934. С. 12, 77.

[6] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 391.

критерии отбора в университеты, «старые» студенты, напротив, доказывали, что искусственный отбор чреват общественной деградацией[1]. Власть, как всегда, разрывалась между предпочтениями: то ли профессиональное качество, то ли классово-надежное количество управленцев.

Рядовые работники образования, как всегда, страдали от безденежья. Провинциальные учителя требовали уравнения зарплаты с рабочими и служащими, некоторые из них бастовали, другие переходили на более выгодную работу, третьи занимались сомнительными видами совместительства[2]. Власть, однако, больше волновали их политические ориентации. В 1924 г. на Дону лишь 2–3 % педагогов было признаны полностью пригодными для работы в советской школе (I категория), «условно пригодных» (II и III категории) оказалось соответственно 23 и 59 %, 14 и 15 % были лишены права заниматься просвещенческой деятельностью (IV категория)[3]. В 1925 г. Сталину докладывали: «В отношении учительства... органам ОГПУ, несомненно, предстоит еще много и упорно работать»[4]. В 1926 г. наверх подбрасывали пугающую информацию: на Украине среди учителей замечены «бывшие белобандиты, белогвардейцы», много среди них «детей духовенства». По информации ОГПУ, учителя, связанные с кулацкими элементами, повсеместно вели антисоветскую агитацию. На Кубани они распускали слухи, что «ВКП состоит из босяков и хулиганов», в Красноярском округе утверждали, что их зарплата идет «на агитацию за границей и содержание шпионов и агентов». Говорили о скорой войне и падении советской власти (Ленинградская губ.), в Белоруссии, на Украине и в Сибири были зафиксированы антисемитские высказывания в адрес правительства[5].

Но пока судьба большевиков в значительной степени зависела от умения наладить выпуск продукции с помощью людей, изначально им не доверяющих. Тем и другим приходилось надевать маску «своих». В низах ощущали парадоксальность ситуации. «От начальства ожидалось панибратство и заискивание перед массой»[6] – таково было наследие «пролетарской» революции.

---

[1] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 227–228.

[2] Ленинградский сатирический журнал сообщал, что учителя-атеисты «вынуждены для того, чтобы не умереть с голоду, читать псалтырь по покойникам». См.: Бузотер. 1924. № 2. Декабрь. С. 3.

[3] *Ялозина Е.А.* Экспертные комиссии, проверкомы, тройки: практика «чисток» донского учительства в 1920-х годах // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 559.

[4] Цит. по: *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 100.

[5] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 773, 721.

[6] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 84.

На производстве то и дело возникали управленческие проблемы особого рода. В 1924 г. секретарь Тульского губкома И.Д. Кабаков сообщал Сталину, что в результате «чистки» в военной промышленности из 46 инженеров уволено 4, а в целом 10 % административного персонала было перемещено в другие места. Кабаков надеялся таким способом снизить накал «спецеедства», однако рабочие по-прежнему упрекали инженеров в контрреволюционности и некомпетентности, Те, в свою очередь, смотрели на пролетариев сверху вниз. Решено было поднять продолжительность рабочего дня спецов до «пролетарского» уровня (при этом признавалось, что практичнее повысить им зарплату, уничтожить рабкоровский надзор, обеспечить невмешательство профсоюза в дела найма и увольнения)[1]. Служащие реагировали соответственно, заявляя, что «такое возможно только в капиталистических странах». На собраниях служащих говорили, что «в Советской России рабочие имеют больше прав»; прозвучало провокационное заявление: если «рабочие согласятся на 10-часовой рабочий день, то служащие согласятся на 8-часовой»[2]. «Спецы очень ехидные, – комментировал происходящее Н.И. Бухарин в письме Л.М. Кагановичу. – Надо туда подсовывать своих инженеров»[3]. Перед спецами приходилось заискивать. В начале 1924 г. прозвучали предложения ввести для административно-технического персонала нечто вроде «советского стажа» взамен стигмата «социального происхождения». С другой стороны, предполагалось разработать расслоения спецов для нейтрализации их корпоративистских устремлений[4].

Особые проблемы возникали у врачей. Рабочие привыкли прогуливать под предлогом «недугов», доставшихся от «эксплуататоров», – врачи щедро снабжали их требуемыми больничными листами. Отказавшиеся серьезно рисковали: в Иваново-Вознесенске «непонятливого» доктора облили серной кислотой. В 1926 г. ВЦСПС призвал пролетариев избавляться от «хулиганских привычек»[5], но не помогали даже увольнения[6]. Врачи же сами сбегали с предприятий.

В традиционном сознании знахарь, лекарь, врач всегда занимал место рядом с колдуном: может вылечить, а может и отравить. С «магом», «опущенным» властью, можно было не церемониться. Случаи издевательств и избиений основательно давили на психи-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 25–27.

[2] Там же. Л. 33.

[3] Там же. Л. 166.

[4] *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов. С. 93.

[5] Известия. 1926. 14 февраля. Сатирический журнал отмечал целую «эпидемию избиения врачей». См.: Смехач. 1926. № 43. С. 4; № 44. С. 7; № 45. С. 5; № 47. С. 5.

[6] В Рыбинске были уволены трое хулиганов, устроивших скандалы медицинским работникам. См.: Известия. 1926. 12 июня.

ку не только рядовых врачей, но и признанных «светил» медицины. Подобные опасения сковывали творческий потенциал интеллигенции в целом.

Помимо всего на интеллигенцию ложились подозрения в бюрократизме – существовало убеждение, что волокиту приумножает не система, а исполнители. Деятельность государственных учреждений действительно была пронизана формализмом. «Религиозные обряды – если нужно совершить их в деревне – нужно разрешение... сельсовета, корову хочет продать крестьянин – бумагу... Человек умер – требуется анкета в 50 вопросов. Спрашивается адрес умершего, был ли он в плену... Анкета на самоубийц – 100 вопросов», – так воспринималось крючкотворство чиновников[1]. Со своей стороны, интеллигенция – как большевистская, так и противостоящая им – все решительнее отворачивалась от «непонятных» масс. «В душе русского полуинтеллигента второе место после зависти занимает мстительная злоба»[2], – писал С. Веселовский в 1922 г. Другие интеллигенты высказывались не менее радикально:

> Жизнь интеллигентного пролетариата становится невыносимой. Обсуждается вопрос о забастовке педагогов. Наблюдается новый тон – агрессивный... Не стесняются говорить о свержении Советской власти как потерявшей всякий престиж и вовсе не пролетарской[3].

Похоже, однако, что «злая энергия» интеллигенции готова была заработать на власть при всяком улучшении жизненных условий. 24 ноября 1924 г. некий Хавин писал Сталину из Института народного хозяйства им. Маркса:

> Я желаю работать под Вашим идейным руководством, чтобы Вы были путеводителем в моих работах... Вы один из признанных вождей Октября, которому история отведет одно из первых мест[4].

Власть, и особенно «вождя», как всегда, хотелось умаслить.

В середине десятилетия, словно по команде сверху, внимание ОГПУ привлек интеллигентский антисемитизм. Юдофобии хватало и раньше. Весной 1921 г. представители старой культуры негодовали: их лучшие представители «загнаны жидами в подполье», а «жиденок Гришка Зиновьев» и его дети «живут в особняках» и «купаются

---

[1] *Слезин А.А.* «Легкая кавалерия» комсомола в системе политического контроля // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 135. При поступлении на государственную службу надо было ответить на 39 вопросов «опросного листа» (*Ларсонс М.Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930. С. 225–226). В сатирическом еженедельнике писали, что «на Украине обыкновенному сельскому агроному задается до... 20 000 вопросов». См.: Бегемот. 1927. № 4. С. 4.

[2] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 137.

[3] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 218.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 114.

в молоке»[1]. В середине 1922 г. многие мечтали о «ВЕП»е (Всероссийском еврейском погроме) вместо нэпа.

Похоже, интеллигентский антисемитизм все же не носил ни этнофобского, ни тем более расового характера. Скорее это было неприятие социального слоя, преуспевшего с помощью средств, не привычных для людей, мыслящих патерналистско-иждивенческими категориями. Некоторые представители «буржуазной» интеллигенции еще в начале десятилетия задавались вопросом: «Неужели... диктатура пролетариата превратилась в диктатуру евреев?» Но они же убеждали себя, что среди самих коммунистов в связи с этим «зреет страшное недовольство»[2]. Большевики заподозрили в юдофобстве старую профессуру[3], связывая ее антисемитизм с антисоветизмом. Связывать даже бытовые предрассудки с политическим «наследием прошлого»[4] входило в привычку. Отмечалось «воскресение умершего было еврейского анекдота», утверждали, что известные сюжеты «тысячами передаются по углам интеллигентных гостиных и кулуарах советских учреждений». В таких условиях одни из литераторов настаивали, что их миссия – «сохранить национальное лицо России», другие считали еврейских писателей и журналистов «чуждым элементом». Такие настроения связывали с деятельностью «Ордена русских фашистов». По мнению ОГПУ, к последним принадлежали поэты, наскандалившие однажды в пивной, – Есенин, Орешин, Клычков и Ганин[5].

Подъем антисемитских настроений отмечался и ранее. Интеллигенты старой формации могли рассуждать и таким образом:

> Всюду евреи. Худо это или хорошо. Много браков между евреями и русскими, Может быть, к лучшему. У русских не хватает практичности, фанатизма, настойчивости[6].

Несмотря ни на что, жизнь интеллигенции налаживалась. Некоторые ученые относительно безбедно прожили постреволюционные годы, хотя в 1927 г. Академия наук лишилась автономии. Основная масса интеллигентов, как и до революции, жила обычной

---

[1] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 46.

[2] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 186.

[3] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 348.

[4] Ю. Ларин в конце 1926 г. утверждал, что в среде «служилой и обывательской мелкобуржуазной и мелкобуржуазной» интеллигенции имеются «объективные корни антисемитизма». См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 451.

[5] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 346–350. Хотя скандал в пивной носил антисемитский оттенок (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 225–227), Есенин собирался жаловаться на несправедливость обвинений не кому-нибудь, а Троцкому. Вероятно, это было связано с тем, что ранее тот при встрече отнесся к нему «изумительно». См.: *Есенин С.* Полн. собр. соч. М., 1999. Т. 6. С. 158.

[6] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 223.

«обывательской» жизнью, сохраняя родственные связи, несмотря на изменение статусных позиций[1]. Многим удавалось приспособиться: материалы чисток содержат предостаточно материалов о карьеристах, пробравшихся в партийные верхи областного уровня[2]. По словам К. Вагинова, «быт расслабил». Как результат, «природные оппозиционеры» заговорили

> о новом быте, о том, что заводы строятся, о том, что в деревнях не только электричество, но и радио, о том, что развертывается жизнь более красочная, чем Эйфелева башня... что копошатся тысячи людей – инженеров, рабочих, моряков, штейгеров, грузчиков, кооператоров, извозчиков, десятников, сторожей, механиков[3].

И тут же заработали фантазии:

> ...Кремль – реальная, движущая политическая и моральная сила для рабочих и угнетенных национальностей всего мира, пламя, освещающая мир... Кремль приковывает взоры не только Европы, но и Азии, и Австралии, и Америки[4].

Между тем в 1928 г. многим было очевидно, что нэп «совершенно угасал, порядки становились все строже»[5]. Служащие оказывались под все более жестким «классовым» надзором. На одном из районных съездов Советов Витебского округа была предложена следующая резолюция:

> Высокие ставки жалованья совслужащим высших учреждений волости, служащим торговых предприятий в сравнении с оплатой труда крестьянина-бедняка в дальнейшем не могут быть терпимы. Совслужащие тратят деньги бедняков на предметы роскоши, что тормозит развитие промышленности.

Предложение было отклонено незначительным количеством голосов[6].

---

[1] Так, брат известного толстовца Ивана Михайловича Трегубова (1853–1931), Николай (1855–1927), бывший социал-демократ, некогда поработавший земским статистиком, был (предположительно) репрессирован; другой брат, Анасий (р. 1863), человек политически индифферентный, в 1920-х гг. работал в Баку в министерстве торговли Азербайджана, затем стал профессором (*Manchester L.* Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. DeKalb, 2008. P. 122, 169, 189, 197–199, 228). Все они были выходцами из семьи священника.

[2] См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–3; Д. 10. Л. 2, 5, 18; Д. 11. Л. 6; Д. 12. Л. 33. 36, 43, 52, 53, 56, 58, 61, 62, 64; Д. 13. Л. 117; Д. 14. Л. 1–2, 21, 30, 36, 55, 84, 146, 150, 152, 192, 198; и др.

[3] *Вагинов К.К.* Указ. соч. С. 141–142.

[4] Там же. С. 407.

[5] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 265.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 4. В 1925 г. в Татреспублике председатель СНК имел зарплату в 183 руб., завотделом – 122, бухгалтер – 96, машинистка – 37 руб. 20 коп. Средняя зарплата по промышленности составляла 42 руб. 85 коп., а заработок казанско-

Один из блестящих бытописателей того времени Пантелеймон Романов так представил мировоззренческую эволюцию музейных работников («Товарищ Кисляков»). Их долгое время никто не трогал, многим из них «даже понравилась революция», они «вошли в советскую колею, завели дружеские связи с высшими представителями власти... и были ценимы как люди, первыми подавшие руку новому строю», «у них образовалась... даже своеобразная нежность к власти, которая вначале их испуганному воображению казалась разбойничьей». Они готовы были добросовестно служить, несмотря на необходимость «работать без всякой надежды на будущее», а не творить. Но когда в газетах стали писать о музее, как о «пристанище людей, ничего общего с революцией не имеющих», когда над ними поставили «красного директора» и уволили несколько человек, «хромавших в классовом отношении», начался ропот. Они стали притворяться, что работают, хотя трудились «ровно настолько, чтобы не сесть в тюрьму». Отсюда, писал автор, «безразличие у подавляющей части интеллигенции ко всему»[1]. Нечто подобное происходило в архивном деле, где, с одной стороны, утвердился режим секретности[2], с другой – шла неуклонная политизация[3] с помощью увеличения прослойки коммунистов[4].

Впрочем, интеллигент легко забывал обиды, как только ему давали почувствовать, что в нем нуждается власть. Образованных людей катастрофически не хватало. В провинции около 70 % представителей средних слоев оставались в своей прежней профессиональной нише[5]. Один из «бывших» писал:

> Работаю с увлечением в школе. Все-таки живое дело. Может быть, когда-нибудь и разгорится брошенная туда искра... Вот и оправдание моей жизни[6].

го профессора – 17 руб. 27 коп. Среди всех легальных доходов населения больше всех зарабатывала проститутка, месячный заработок которой в Казани составлял от 150 до 300 руб. См.: *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 334–335.

[1] *Романов П.* Светлые сны. М., 1990. С. 335.

[2] В частности, предложения об упорядочении работы секретной части Архива Октябрьской революции последовали в июне 1923 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 21.

[3] Исследователи связываю это с именем М.Н. Покровского. См.: *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 69.

[4] К 1927 г. удельный вес коммунистов среди архивных работников увеличился до 20 %. Профессиональные архивисты увольнялись. См.: *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 69.

[5] *Стрекалова Н.В.* Влияние революционных событий 1917 г. на изменение социальной стратификации и социальной мобильности средних слоев провинциального российского города (на материалах Тамбова) // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 6. Серия История. 2011. Вып. 1. С. 145.

[6] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 215.

Те, кому не удалось «оправдаться перед эпохой», ощущали себя хуже. Некоторые писатели приходили к горькому признанию, что то, чему они посвятили всю жизнь, оказалось «разрушено дотла», и теперь им приходится довольствоваться «сочинением инсценировок»[1]. Тяготила бытовая неустроенность[2]. Появились «перерожденцы», готовые «орабочиться».

Писатель Александр Афиногенов описал нехитрый способ, которым власть ухитрялась возвращать старых интеллигентов к творчеству – в том числе и «новому». Ставший «бесхозным» интеллигент уже считал себя окончательно «отверженным и забытым», как «вдруг раздался звонок, и ласковый голос напомнил ему, что он запропал и что от него ждут работы, что все бывшее с ним уже забылось... – словом, жизнь неожиданно повернулась к нему улыбающимся лицом, и он с радостью ответил этой улыбке»[3]. «Мне чудится во всем этом грандиозный подкуп»[4], – считала Л. Шапорина. Как известно, голос с грузинским акцентом периодически раздавался в телефонной трубке у наиболее талантливых писателей и поэтов[5]. Устоять перед пением сирен власти, способной щедро «давать», могли немногие[6]. Но только новые правители не забывали «старого».

Периодически «безыдейных» интеллигентов «встряхивали». Один из журналистов с гневом писал о графе Олсуфьеве, который в Троице-Сергиевой лавре вместо того, чтобы «разоблачать обман», сочиняет брошюры о «деформации натуры» в иконописи «во имя реконструкции чистого смысла вещи»[7]. Как можно издавать такое на советские деньги, негодовал он. В 1928 г. обнаружилось, что 70 % сотрудников Ленинской библиотеки представляют собой «классово чуждый» элемент, причем на 23 коммуниста приходилось 62 дворянина. В результате 22 сотрудников, включая директора библиотеки, уволили[8].

Проблема интеллигенции становилась все более болезненной. Сергей Глазунов из Ленинграда 11 июня 1925 г. сообщал наверх:

---

[1] *Лурье Я.С.* История одной жизни. СПб., 2004. С. 138.

[2] Сообщали, что «из 2.068 московских писателей только 38 человек имели отдельные комнаты». Ситуация уныло комментировалась сатирическим еженедельником. См.: Бегемот. 1927. № 14. С. 11.

[3] *Афиногенов А.* Дневники и записные книжки. М., 1960. С. 309.

[4] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 91.

[5] В связи с этим В. Киршон как-то неудачно разыграл редактора «Молодой гвардии» В. Ермилова: тот обругал по телефону реального Сталина, приняв его за «шутника». Сталина эта история развеселила. См.: *Сольский В.* Указ. соч. С. 61–62.

[6] Не случайно возможности «телефонного права» стали успешно усваивать всевозможные жулики и карьеристы. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 122.

[7] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 183.

[8] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 304.

Среди громадного количества буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов... которые работают в различного рода советских учреждениях и предприятиях... можно различить три группы: 1) группу подлых, 2) группу подловатых и 3) группу уважающих себя. Подлые пролезают в правящую партию и разыгрывают из себя яр-р-рых р-р-революционеров. Подловатые смотрят забитыми глазами верного пса на каждого коммуниста... В кругу друзей и близких знакомых они ведут антисемитские и антисоветские разговоры... Группа уважающих себя в большинстве случаев с власть имущими говорит только о деле и дипломатично избегает всех разговоров, затрагивающих вопросы большой политики... В качестве представителя этой последней группы я хотел бы предложить вниманию Политбюро один из слишком наболевших вопросов... Вопрос этот – об условиях сотрудничества указанных... общественных групп с советской властью[1].

По его мнению, все интеллигенты «очень далеки от коммунизма, от веры в мировую революцию», для них ближе эмигранты. Но они желали бы организовать партию мирного обновления, с целью превращения «советской России в Россию капиталистическую», и это убеждение «ни агитацией, ни расстрелами не вытравишь». С большевиками сотрудничают люди, заподозрить которых в симпатиях к коммунизму «можно только обладая очень пылкой фантазией», но они являются «ценными работниками», ибо готовы решать «общенациональные задачи России»[2]. Мы хотим «возрождения России», заключал он, а потому нас надо «приблизить к власти»[3]. Вольно или невольно, авторы подобных посланий предлагали список будущих кандидатов на заклание.

Некоторые комсомольцы старались найти «свою» интеллигенцию. Б. Вольнов из Киева 8 октября 1926 г. утверждал, что «оппозиционеры своим последним выступлением плюнули партии в глаза». В отличие от этой сомнительной публики, полагал он, «Молотов – интеллигент, Бухарин – интеллигент», но это не мешает им быть «хорошими коммунистами»[4]. Однако в целом коммунистические руководители представлялись со стороны антиподом старой интеллигенции. Некий аноним «ИКС» писал в Политбюро: «Грубость, хамство, наглое, беззастенчивое отношение ко всем... Вы боитесь той массы, которая вас выбрала»[5]. В 1927 г. на собрании студентов Технологического института (некогда известных своими левыми настроениями)

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 237–238.

[2] Среди таковых он называл И.П. Павлова, Н.Н. Шапошникова, М.И. Боголепова, Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, З.С. Каценеленбаума, Л.Н. Юровского, В.Г. Громана.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 238–239.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 201.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 138.

докладчику была подана записка: «Кто сейчас расстреливает, выборные или наемные, есть ли сейчас специальные палачи, какую за это получают плату, помесячно или с каждой головы»[1]. Интеллигенция и власть питались взаимными страхами, хотя вынуждены были сотрудничать. Из этого рождалась этика «ложного почтения».

В годы Гражданской войны знаменитого доктора П.А. Бадмаева, не скрывавшего своих монархических взглядов и вздумавшего вступить в политический спор, вооруженные матросы едва не увели в ЧК. Но стоило ему «покаяться», сославшись на «старческую глупость», как он был прощен со смехом и пожеланием «не распускать язык». Ситуация не раз повторялась позднее[2]. «Бывшие» использовали сходную модель поведения. В 1920-е гг. достаточно было выказать свое уважение власти (которая вовсе не считала, что им ее надо уважать) и пообещать «не лезть в политику», чтобы обеспечить себе относительную безопасность. Один юный «лишенец» вспоминал:

> Неполных шесть лет (1922–1928 гг. – *В.Б.*) прошли в Москве без особых тревог. Даже относительно легко. Так бывает, когда живешь со дня на день, без ясной цели... Я считал свое существование зыбким, сравнительную обеспеченность – счастливой случайностью...

В университет его не пускали из-за «буржуазного» происхождения, но зато он мог подрабатывать, переводя московские газеты греческому посланнику. Можно было даже вести подобие светской жизни, легкомысленно не замечая арестов[3].

Тем временем в среде правоверных большевиков утверждался свой образ интеллигента:

> Отвратительный тип отживающего класса, подхалим. Он сегодня пожимает руку нашему партийцу и старается низко ему поклониться, а на самом деле до глубины души... ненавидит все коммунистическое...[4]

Позднее мемуаристы утверждали, что русская культура, выжившая в революцию и гражданскую войну, во второй половине 1920-х гг. не выдержала яда «насилия над творчеством» и необходимости участвовать в «лживом, тенденциозном изображении жизни»[5]. Симптомы этого обнаружились много ранее. Еще в январе 1923 г. в Москве возникла группа «революционных адвокатов», настаивающая на «орабочении» психологии защиты[6]. Постепенно старую интеллиген-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 178.

[2] Доктор Бадмаев. С. 64, 69.

[3] *Волков О.В.* Погружение во тьму. Из пережитого. Paris, 1987. С. 11.

[4] Цит. по: *Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы... С. 23.

[5] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 15.

[6] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 165–166.

цию стала теснить новая «элита». Чтобы закрепиться в ней, человеку «рабоче-крестьянского» происхождения достаточно было бездумно выполнять указания сверху да вовремя славословить начальство. Многие выкормыши системы входили во вкус: женились на женщинах из «бывших», усваивали барские повадки. Со своей стороны, даже «смолянки» вступали в связь с «перерожденцами» и нэпманами[1]. Людей, по-настоящему преданных системе и не развращенных ею, оставались единицы[2]. В перспективе их ждала участь жертв всевозможных «чисток». К. Чуковский записывал 5 ноября 1928 г. в дневнике:

> ...Познакомился с десятками инженеров. Все в один голос: невозможно работать на совесть, а можно только служить и прислуживаться... Отнюдь не враги советской власти – так и сыплют страшными анекдотами о бюрократизации всего нашего строительства, спутывающей нас по рукам и ногам...[3]

В литературе был выведен характерный типаж: «Отягощенный образованием (коммерческое училище), он считает свою жизнь неудачной, себя несчастным, людей – подлыми, а свою работу – нестерпимо унизительной»[4]. Люди, не уверенные в себе, не замечают слабостей своих противников – в данном случае страшатся власти. Последняя, сомневаясь в «доверии народа», яростно нападает на «безответных». В сентябре 1929 г. Г.К. Орджоникидзе на Московской областной партийной конференции об известном экономисте В.Г. Громане сказал, что он

> ...ни в какой социализм не верит. Он примерно может рассуждать так: большевики строят заводы, фабрики, это хорошее дело, в этом им надо помогать. Но когда большевики говорят о построении социализма, то Громан считает, что никакого социализма у нас не выйдет и что большевизм надо постепенно спускать... на демократически-капиталистические рельсы. Он человек совершенно неподкупный, но его идеология самая опасная, самая вредная для нас[5].

Конечно, в «неподкупность» спецов верили далеко не все коммунисты. Некий Е. Душевский из Ленинграда 7 апреля 1926 г. предлагал Сталину «беспощадно подавлять малейшие контрреволюционные попытки со стороны интеллигенции; создать для нее прочные материальные основы существования; окружить ее атмосферой товарищеского сотрудничества; идеологически "переучивать" ее... вовлекая в сферу производственных интересов Советской республики».

---

[1] Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 546–547.

[2] *Волков О.В.* Указ. соч. С. 222, 257, 259–260, 264, 265–267.

[3] *Чуковский К.* Дневник. С. 462.

[4] *Явич А.* Указ. соч. С. 8.

[5] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 194.

По его мнению, интеллигенция делилась на «добросовестно идеологически заблуждающихся, не останавливающихся подчас перед резкой критикой многочисленных проявлений головотяпства... и группу идеологической фальши и "делового шарлатанства"». В этой связи требуется «чистка специалистов на вневедомственном уровне, вовлечение интеллигенции в различные общества с целью укрепления ее связей с наиболее культурными представителями коммунистической и пролетарской общественности». В верхах решили, что «тезисы Душевского неясны, путаны»[1]. Впрочем, «чистки» проводились независимо от подобных рекомендаций. К примеру, в 1928 г. на Дону последовали массовые увольнения «неблагонадежных» учителей (в следующем году их пришлось возвращать)[2].

Даже в Академии наук – этом, казалось, наиболее безобидном и нужном наследии старого строя – постоянно проводились «чистки» и перетряски руководства ради избавления от «черносотенных»[3] или «нечистоплотных» элементов. Власть вынашивала планы растворения академических структур в «научно-коммунистических», используя интриги и склоки в ученой среде. В начале 1929 г. удалось протолкнуть в академики «своих» – среди них были Бухарин, Кржижановский, Покровский, Рязанов, Деборин[4]. Вскоре началась грандиозная «чистка» (по некоторым подсчетам, было уволено до 11 % штатного состава АН СССР[5]) затем последовали аресты. В 1929 г. за решеткой оказался академик С.Ф. Платонов, директор Пушкинского дома[6]. Особый размах репрессии против интеллигенции приняли

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 80–89.

[2] *Ялозина Е.А.* Указ. соч. С. 561.

[3] Среди таковых отнюдь не безосновательно числился и известный физиолог И.П. Павлов. См.: Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 44, 50; *Тодес Д.* Павлов и большевики // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), 1922–1952. М., 2000. С. 67–69, 102–105, 134–137, 228–230.

[4] *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 192.

[5] *Levin A.E.* Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Science // Slavic Review. 1988. Vol. 47. No. 2. P. 276.

[6] Формально ему инкриминировалось то, что он допустил к работе над архивами бывшего шефа жандармов В.Ф. Джунковского («Осталось еще немало хлама в бюдском составе». Как начиналось «дело Академии наук» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 105–122). Между тем последний спокойно проживал на свободе (*Хорхордина Т.И.* Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР / ред. Т.С. Кондратьева и А.К. Соколов. М., 2009. С. 70–71). Помимо этого Платонов якобы возглавлял «Союз восстановления правопорядка и законности», организованный в 1927–1928 гг. «черносотенной профессурой», и участвовал в «Русском Национальном Союзе» («Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1153). Президент

весной 1930 г.[1] Там, где большевики не могли найти следов «вредительства на производстве» (которое толковалось весьма расширительно[2]), изыскивали «идеологическое вредительство». И в этом им помогала новая интеллигентная молодежь, разоблачавшая «примазавшихся»[3].

На протяжении десятилетия жгучий интерес населения вызывали вопросы внешней политики, что было связано как со страхами войны, так и с перспективами утверждения социализма в России. Автаркия склоняет людей к паранойе – особенно если власть занята поиском «чужих». Историк И.И. Шитц записывал в дневнике:

> Вот... как рассуждают молодые специалисты, толковые, образованные, не партийцы, но все же взошедшие на советских дрожжах: интервенция... будет, сомнения нет; вопрос лишь в том, как скоро и как нам быть к ней готовыми; некоторая уверенность в нашей способности *отбиться* у молодежи есть; они не скрывают того, что у нас большую роль играет немецкая поддержка; передают, что часть немцев, живущая мыслью о реванше французам, определенно готовилась заключить с СССР военный союз...[4]

«Военная тревога» 1927 г. имела малоприятные последствия для интеллигенции. Состояние военной промышленности было таково, что к отражению нападения СССР мог быть готов только через 18 лет. Стали искать «козлов отпущения». Началась истерия поиска вредителей, которая обернулась нехваткой специалистов и дезорганизацией работы военной промышленности. Пришлось «прощать» репрессированных[5], а также изыскивать специалистов в гражданской

АН А.П. Каршинский в письме Сталину объяснял его «вину» «служебным промахом, а не злым умыслом». См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 2. С. 125.

[1] См.: *Виттенбург Е.П.* Указ. соч. С. 116–149.

[2] По словам Ворошилова, вредительство состояло не только в том, чтобы делать нечто заведомо «вредное», а также и в том, чтобы ничего не делать для подготовки страны к обороне. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 102. Л. 64.

[3] У большевистских руководителей существовало стойкое представление об интеллигентах и служащих, «примазавшихся к коммунистической партии» из «шкурных интересов». Однако статистика партийных взысканий по Нижегородской губернии показывает, что в середине 1920-х гг. по этой части их значительно опережали крестьяне и особенно рабочие. Положение стало «исправляться» только в 1927–1928 гг. См.: *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 50.

[4] *Шитц И.И.* Дневник «Великого перелома» (март 1928 – август 1931 г.). Париж, 1991. С. 249.

[5] Так, в сентябре 1929 г. арестовали, а в апреле 1930 г. досрочно освободили выдающего авиаконструктора Д.П. Григоровича. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 213.

промышленности. Другим побочным результатом «военной тревоги» стало появление печально знаменитых «шарашек»[1]. К 1930 г. чекисты обнаружили, что управленческие структуры РККА просто кишат «контрреволюционными вредительскими организациями»[2].

В 1929 г. началась массовая чистка советского аппарата. Избавлялись от бывших офицеров, в том числе уже отлично зарекомендовавших себя, расцерковленных священников, включая деятелей Союза безбожников. Было уволено не менее 300 тыс. человек[3]. Разумеется, чистки использовались для сведения личных счетов[4].

Некоторые ученые попадали под огонь «марксистской» критики в силу того, что научная полемика оказывалась сопряжена с теми или иными – как правило, достаточно противоречивыми – интенциями власти. В конце десятилетия последовала травля выдающегося тюрколога Е.Д. Поливанова, предлагавшего тотальную латинизацию языков народов СССР. Его именовали «кулацким волком в шкуре советского профессора». На него набросились эсперантисты[5], носившиеся с идеей создания мирового «революционного» языка. Осенью 1928 г. разразился скандал вокруг академика С.А. Жебелева[6] за чисто научную публикацию в эмигрантском сборнике[7].

Чекистов давно раздражал инженер П.А. Пальчинский – человек независимых взглядов, беспартийный, в прошлом деятель Временного правительства, случайно ставший в 1917 г. бесславным руководителем обороны Зимнего дворца. В 1924 г. ему приписывали антисоветскую агитацию на съезде Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ)[8], членом правления которой он был. (На деле он просто вос-

---

[1] *Соколов А.К.* «Особое напряжение»: кадры советского Военпрома в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Отечественная история. 2007. № 4. С. 79–80.

[2] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1428–1432.

[3] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 72.

[4] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 73. Отмечены случаи, когда в качестве частного собственника из состава служащих «вычистили» владельца любительского фотоаппарата. См.: там же. С. 99.

[5] *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. С. 547.

[6] Академик С. Жебелев был известен не только как «реакционер», но и антисемит. В 1921 г. он отказал в пользовании университетской библиотекой своему ученику С. Лурье, заявив: «Все мы повинны в революции. Вот и я тоже – оставил еврея в университете» (цит. по: *Резник С.* Мифология ненависти. Об антисемитизме – для всех. М., 2007. С. 18–19). В данном случае Жебелеву помимо всего инкриминировалось то, что в научной статье он назвал период революции «годами лихолетья». См.: Алексей Васильевич Орешников. Дневник. Кн. 2. С. 316.

[7] Жебелева собирались исключить из членов РАН, однако коллеги его отстояли. См.: Известия. 1928. 22, 23, 25, 29 ноября, 21 декабря; 1929. 24 января.

[8] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 388.

противился попыткам большевиков поставить организацию под свой контроль, а затем покинул ее[1].) Пальчинский сознательно работал на индустриализацию России, но был противником тейлористского поветрия. Подобные установки были распространены, нечто подобное высказывал выдающийся металлург В.Е. Грум-Гржимайло[2], – индустриализацию воспевали едва ли не на религиозный манер. 54-летний Пальчинский был арестован в апреле 1928 г., вскоре после «шахтинцев», а затем расстрелян[3]. Провозгласив заведомо не выполнимый пятилетний план, большевики вынуждены были избавляться от любых его критиков.

«Шахтинское дело», в результате которого 5 человек были приговорены к расстрелу, 6 – к пожизненному заключению, 38 – к более скромным тюремным срокам, вызвало неоднозначную реакцию среди спецов. В частных беседах некоторые инженеры говорили, что «...из-за 15 подлецов мы теряем репутацию честных работников» (Москва, Ростокинская красильная фабрика). Другие опасались, что «теперь каждую ошибку в работе могут истолковать как злой умысел» (Донуголь). По информации чекистов, «группа старых специалистов и реакционной профессуры» пыталась трактовать случившееся как «измышление Советского правительства, созданное для прикрытия и оправдания вопиющих неудач...» – «разразился кризис... власть отвлекает внимание населения экономическим шпионажем»[4]. Поведение большевиков сравнивали с действиями инквизиции, утраивающей процессы над ведьмами (Ленинград). В Новороссийске один из инженеров заявил:

> Раньше кричали – бей жидов, спасай Россию, а теперь будут кричать – бей спецов, спасай Советы.

После «шахтинского дела» и процесса Промпартии в газетных карикатурах закрепился образ «вредителя-инженера» в старорежимной форменной фуражке[5]. Но даже в таких условиях часть интеллигенции ухитрялась задаваться вопросом: «Кто нам ближе – большевики

---

[1] *Грэхэм Л.Р.* Призрак казненного инженера: Технология и падение Советского Союза. СПб., 2000. С. 56–57.

[2] Грум-Гржимайло в октябре 1928 г., будучи уже смертельно больным, в письме председателю ВСНХ В.В. Куйбышеву утверждал, что учение Маркса является «отсталым»: прогресс науки и техники лишит классовую борьбу всякого смысла. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 256–258.

[3] Задним числом в 1930 г. ему приписали участие в «Промпартии» (*Грэхэм Л.Р.* Указ. соч. С. 74–77). Его даже объявили анархистом, якобы организовавшим в октябре 1917 г. вооруженную борьбу против большевиков. См.: Правда. 1930. 30 ноября.

[4] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 166. Грум-Гржимайло в письме Куйбышеву заявил, что большевики намеренно раздули «шахтинское дело», пытаясь свалить просчеты своей политики на мнимых вредителей. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 256–257.

[5] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 35.

или крестьяне?» Ответ звучал в духе «Вех»: большевики (наследники Герцена, Бакунина, Кропоткина) нас ценят, а победивший «мужик сметет город»[1]. На «шахтинское дело» поспешил откликнуться Билль-Белоцерковский, сочинивший пьесу «Голос недр»[2]. Тем временем некоторые рабочие требовали «почаще проверять работу инженера», а на заводе «Красный Октябрь» в Ленинграде в листовке за подписью «Бюро охраны» утверждалось, что «чья-то рука ведет разрушения на нашем заводе»[3].

Интеллигенты воспринимали происходящее как дурной спектакль, однако некоторые с готовностью «каялись». Когда М. Горький опубликовал статью о «наймитах французских интервентов», организовавших заговор против рабоче-крестьянской власти[4], большинству их них сделалось стыдно за заявление «подлейшего Максима»[5]. Дело «Промпартии» представлялась «блефом, призванным отвлечь внимание от неудач в области снабжения». Впрочем, находились и интеллигенты, подававшие коллективные заявления о приеме в партию[6], рассчитывая тем самым подчеркнуть свою лояльность. В Москве инженер Айзенберг выступил с таким комментарием:

> Я никак не могу понять инженера Шейна, который... выступал на XVI партийном съезде и вдруг оказался вредителем; после этого кому же верить? Родному отцу теперь нельзя верить. Меньше надо нянчиться, суровее расправляться с вредителями...[7]

Трудно судить об искренности подобных заявлений. Однако вольно или невольно цитируемый спец уловил, что власть хотела, чтобы ее подданные навсегда отказались от сомнений по поводу ее действий – она заведомо права. Впрочем, другой инженер отметил, что

> таких ловких политических шарлатанов, как коммунисты, я еще не видал; нет сомнения, что отмена приговора была предрешена заранее, процесс инсценирован, это – ловкий шахматный ход.

Похоже, что кое-кто готов был уважать власть за шулерство. ОГПУ процитировало профессора Терещенко из Харькова, названного ярым черносотенцем. Тот (несомненно, искренне) утверждал:

---

[1] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 84.

[2] Критика, однако, восприняла пьесу неоднозначно. См.: Большая цензура. С. 135–136.

[3] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 166–167.

[4] Ленинградская правда. 1930. 25 ноября.

[5] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 106.

[6] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1184–1186. ОГПУ даже утверждало, что «большинство молодых советских инженеров и часть старых инженеров выражают свое возмущение деятельностью "Промышленной партии" и выдвигают категорическое требование применения к вредителям высшей меры социальной защиты». См.: там же. С. 1204.

[7] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1204.

Надо было ожидать, что их помилуют. Это – продажные души, которые сказали все, что от них потребовали, нагромоздили всякой чепухи на себя и на враждебные СССР державы. Это – просто комедия...[1]

Похоже, черносотенцы и большевики все лучше понимали язык друг друга. В «государстве спектакля» иного быть не могло.

Так или иначе, к 1930 г. большевики смогли перевести недовольство «евреями-коммунистами» на «вредителей-спецов». Что касается главного классового врага, то он переместился в символическую плоскость – его место занял «мировой империализм». В таких условиях людям не оставалось ничего иного, как по давней привычке склониться перед лицом имперской государственности.

4. Молодежь: поиск новых идеалов

Конечный итог революции определяется не идеями и даже не властью, а обликом нового поколения, который ей удается сформировать. Исследование А.Ю. Рожкова[2] убедительно это подтверждает. Переформатировать социальное пространство можно было только путем соответствующего воздействия на молодежь, которой предстояло порвать с традициями. А между тем именно она наиболее основательно завязла в паутине фрустрационных эмоций, отчаянно пытаясь выбраться из нее.

Как известно, Троцкий, а вслед за ним и вся так называемая оппозиция, ужаснувшись темпам бюрократического перерождения партии, обратила отчаянные взоры на партийную молодежь. Троцкий воодушевился результатами обследования коммунистической ячейки завода б. Бромлей в Москве[3], полагая, что они отражают общую тенденцию[4]. Он надеялся, что с помощью нового поколения революционеров партия сможет «подчинить себе свой аппарат»[5]. На деле ситуация была сложнее революционных формул. Если в годы Гражданской войны комсомол претендовал на автономность и идеологическое равенство с партией[6], что отражало общий пассионарный настрой молодежи, то теперь значительная ее часть переживала фрустрационный упадок, предпочитая спокойную жизнь[7]. Молодые люди ощущали, что предстоит меняться, но как?

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1211.

[2] См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1–2.

[3] Россия нэповская. С. 199.

[4] По некоторым данным, 32 вузовские коммунистические ячейки (2790 членов партии) поддержали в 1923 г. линию ЦК, а 40 ячеек (6594 члена) – позицию Троцкого. См.: *Резник А.* Указ. соч. С. 36.

[5] *Троцкий Л.Д.* Новый курс (письмо к партийным товарищам) // *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. С. 199.

[6] *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 116.

[7] *Золотарев С.А.* Четыре смены молодежи. 1905–1925. Л., 1926. С. 68–69, 72.

Та часть молодежи, которая была связана со старой культурой, либо подвергала себя мазохистской «перековке», либо предавалась эсхатологически-суицидальным грезам. 16-летняя красавица Ариадна Скрябина, дочь композитора А.Н. Скрябина, в стихах «изнемогающая от любви к Христу», в 1922 г. сочиняла мистерию, участники которой должны были сгореть на костре на Красной площади. Она намеревалась пойти к патриарху, чтобы тот благословил ее на «смерть, добровольную жертву и искупление за все зло и весь ужас, которые царствуют в мире, в России, в Поволжье – всюду», во всем мире[1]. Из России она уезжать не хотела (тем не менее эмигрировала и была расстреляна в 1944 г. нацистами за участие в Сопротивлении).

В 1920-е гг. часть молодежи все еще предпочитала брутальный «пролетарски-революционный» стиль поведения – налицо подсознательное идентификационное тяготение к «победителям»[2]. Это не всегда было выгодно власти: некоторые школьники стремились «продолжить революцию» с анархистских позиций, другие выступали за «Советы без коммунистов», третьи готовились наследовать «дело Ленина»[3]. Когда период самоутверждения личности приходится на разлом исторического времени, от молодежи можно ожидать каких угодно сюрпризов. В начале нэпа среди студентов появились листовки, которые клеймили позором «свору цепных псов, совмещающих обязанности членов студенческих комячеек с функциями платных агентов ГПУ». В свою очередь, «рабоче-крестьянская» молодежь не терпела выходцев из «бывших». Некоторые студенты кончали жизнь самоубийством, протестуя против ужесточения внутривузовских порядков[4].

В июле 1929 г. некто Г. Хечатуров, лишенный избирательных прав из-за отца, занимавшегося торговлей, в письме в Наркомпрос РСФСР сообщал о существовании «черного кружка» – кружка смерти, члены которого по жребию кончали жизнь самоубийством. Он предполагал, что это были молодые отщепенцы – дети «бывших», отчаявшихся найти себе место в жизни[5].

Вместе с тем в отличие от «отцов», так или иначе пропускающих современность через «фильтр культуры», люди революционного поколения воспринимали ужасы недавнего прошлого как нечто естественное. Молодежь готова была вновь расчерчивать социальное пространство согласно «научным» проектам, не замечая социальной болезненности их воплощения. Комсомольцы презирали самоубийц как людей малодушных, слабых, не пригодных для дела революции[6].

---

[1] См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 441, 444.

[2] См.: *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 72, 78.

[3] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 93.

[4] См.: *Wellmann V.* Op. cit. S. 112; *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 174–175.

[5] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 152–153.

[6] *Wellmann V.* Op. cit. S. 104.

В личных свидетельствах 1920-х гг. поражает, до какой степени молодые люди готовы были похваляться своими террористическими и даже палаческими подвигами[1], с легкостью подстраиваясь под «доблестные» образы своего времени. Причину неустроенности в новой жизни они не могли понять: усталость от служения утопии обрекает человека на роль недоумевающей жертвы, ибо одержимость требует полного отказа от себя как личности. Типаж «больного человека» был описан С. Малашкиным в повести с одноименным названием: его герой – комиссар, некогда участвовавший в расстрелах белогвардейцев и дезертиров, тяжко страдает от «наступления частного капитала». Повесть заканчивается символично: герой покончил с собой, «а в тот день... к мавзолею Ленина проходили миллионные колонны рабочих и крестьян». В атмосфере нэпа былая романтика оборачивалась мнемоническими кошмарами. Это была «болезнь» целого поколения.

Молодежь, не успевшая повоевать, представляла иной – постреволюционный – тип одержимости. Некоторые молодые люди охотно шли служить в ОГПУ: «Чего лучше? Служить делу мировой революции, Ловить врагов!»[2] «Дети Октябрьской революции» пополняли ряды активистов[3], отвергающих все «старые» запреты[4]. У одних это выливалось в нигилистическое «правдоискательство», у других – в хулиганский «аморализм». Нечто подобное было заметно в годы «военного коммунизма», но теперь левацкий эпатаж стал приобретать характер системного неприятия «чужих». «...Как переменилась молодежь», – изумлялись представители старой культуры, отмечая, что «молоденькие девушки курят, держат себя вызывающе[5].

Некоторые исследователи считают, что «со второй половины 1920-х гг. хулиганы начинают определять повседневную жизнь горожан, прежде всего самих рабочих, их досуг и работу», превращаясь в «героев улиц». В 1926 г. из числа задержанных за нарушение общественного порядка около трети составляли лица, избивавшие прохожих, 28 % – дебоширили в пьяном виде[6]. Сатирический жур-

---

[1] Цит. по: *Тяжельникова В.С.* Указ. соч. С. 159.

[2] *Морозова Н.А.* Мое пристрастие к Диккенсу. Семейная хроника. XX век. М., 2011. С. 40.

[3] *Orlovsky D.* The Hidden Class: White-Collar Workers in the Soviet 1920s // Making Workers Soviet. Power, Class, and Identity. Ed. by L.H. Sieglebaum and R.G. Suny. Ithaca and London, 1994. P. 241.

[4] По наблюдениям Г. Беседовского, в Москве «многочисленные кадры партийной молодежи, особенно в вузах... горели желанием начать драку». Партийных авторитетов, кроме Троцкого и Бухарина, они не признавали. См.: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 1. С. 148.

[5] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. Кн. 1. С. 443.

[6] *Панин С. Е.* Указ. соч. С. 145, 142–143.

нал поместил на обложке фигуру хулигана, произносящего: «Ишь, сколько мильтонов нагнали... Видать, на нашей улице праздник!»[1] В Москве хулиганы безобразничали на концертах и в рабочих клубах[2]. В Новгороде на танцевальном вечере на заводе «Восстание» шутки ради устроили взрыв[3]. Любимым «развлечением» городских хулиганов стал «тюльпан»: ловили девушку, завязывали ей юбку над головой и оставляли в кустах вверх ногами. Вызывающим хулиганством оказались заражены и культурные слои, их протестное поведение выходило за обычные границы девиантности. Вместе с тем среди более культурных слоев молодежи все заметнее становилось стремление «уйти в себя»[4].

В сельской местности тем временем нарастала новая волна внутриобщинного насилия: молодежь отказывалась жить «по заветам отцов»[5], считала стариков дураками[6], отмечался рост пьянства среди детей[7]. Массовая демобилизация вызвала волну бандитизма, позднее бывшие красноармейцы составили наиболее агрессивный слой деревенского населения. Сельские хулиганы калечили лошадей, портили колодцы с помощью дегтя, испражнялись в бочки с водой, подпиливали телеграфные столбы. Городская молодежь предавалась пьянству[8], дракам, сквернословию. Создавались своеобразные хулиганские кружки: ОДН («Общество долой невинность»), ОСА («Общество советских алкоголиков»), «Интернационал дураков», «Жультрест», «Соединенное общество лодырей» и т. п. «Мы пришли в мир угрюмые и злые», – вспоминал юный современник тех лет. Деревенские комсомольцы имели обыкновение издеваться над «богомольными дураками»; в Смоленской губернии они швыряли камнями во время крещения баптистов в реке[9], в Чечне похвалялись отказом от уразы (мусульманского поста)[10]. По мнению А. Рожкова, молодые люди ощущали себя «лишними»[11]. Некоторые из них со

---

[1] Смехач. 1925. № 33. С. 1.

[2] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 264–265.

[3] Смехач. 1926. № 45. С. 7.

[4] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 73.

[5] *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 189.

[6] См.: Очерки быта деревенской молодежи. М., 1924. С. 10–12.

[7] *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя... С. 81; Голос народа. С. 163.

[8] В 1926 г. 70 % молодых рабочих Ленинграда уже имели устойчивую привычку к потреблению спиртного. См.: *Березин П.И.* Рабочая молодежь как она есть. Л., 1930. С. 21.

[9] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 89.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 2.

[11] *Рожков А.Ю.* Бунтующая молодежь в нэповской России // Клио. 1999. № 1(7). С. 150.

временем «находили себя» с помощью жутких и по-своему символичных деяний[1].

ОГПУ отмечало случаи «хулиганства, перерастающего в бандитизм»: молодежные шайки поджигали сараи (Тульская губ.), открывали стрельбу из револьверов и обрезов (Орловская губ.), воровали скот (Красноярский окр.) и т. п. В Воронежской губернии шайка под названием «2-я рота», одетая в «спортсменские костюмы», облагала население «самогонным налогом»; в Орловской губернии бесчинствовало молодежное сообщество «Хуторок» (25 человек), в состав которого входили «некоторые работники низового соваппарата», занимавшиеся «дебошем и вымогательствами»; в Тамбовской губернии шайка устраивала поджоги. Отмечались случаи убийств. В Криворожском округе бандитствовала «Черная хмара» (в годы Гражданской войны на юге России действовала красноармейская дивизия с одноименным названием), в Донецком округе – «Черная сотня». В Артемовском в отрядах под названием «Не журись» хулиганы одевались в особую униформу: «коричневая рубаха, черные брюки, сапоги, кепка». В Минусинском округе существовал кружок молодежи «Центральный комитет шпаны» (ЦКШ). В Молдавии, на Украине и в Сибири были отмечены погромные настроения у местных хулиганов[2]. Судя по тогдашним частушкам, хулиганство стало деревенской обыденностью[3]. Некоторые крестьяне требовали, чтобы власть наказывала виновников грабежей, убийств и поджогов как можно строже[4]. Однако в конце 1923 г. Дзержинский признавал, что «уголовный розыск, особенно в деревне, часто попадает в полный плен к хулиганам»[5].

Некоторые психологи заявляли, что хулиганство – это объявление войны существующему порядку, появление своего рода «нового фронта»[6]. Язык деревенской молодежи характеризовали как «выкрутасы»: он кишел деформированной городской лексикой[7]. В конце 1924 г. в Ойротской совпартшколе возникла организация «Кавычки»,

---

[1] Дмитрий Успенский убил своего отца – то ли священника, то ли дьякона, попал на Соловки, но скоро возглавил здесь культурно-воспитательную работу. Этот чекист «прославился» в конце октября 1929 г. как руководитель расстрела 400 заключенных. Некоторых из них он самолично добивал. Он оказался одним из немногих палачей, доживших до глубокой старости. См.: *Голицын С.* Указ. соч. С. 144–145.

[2] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 882–885.

[3] *Tirado I.A.* The Village Voice. Women's Views of Themselves and Their World in Russian *Chastushki* of the 1920' // REESP. No. 1008. Pittsburgh, 1993. P. 36–37.

[4] Крестьянские истории. С. 112.

[5] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 512.

[6] *Оршанский Л.Г.* Хулиган (психологический очерк) // Хулиганство и преступление. М.; Л., 1927. С. 56.

[7] *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 226.

в которую входили комсомольцы и бывшие партизаны. Чекисты полагали, что они подвержены анархистским настроениям[1].

Порой лихо «гуляли» красноармейцы: в одной из подмосковных деревень двое пьяных защитников «рабоче-крестьянского» Отечества «поливали мочой в одном из домов парадную лестницу», затем потаскали за шиворот председателя сельсовета, «потрясли сторожа на переезде железной дороги». Естественно, не обошлось без приставаний к представительницам прекрасного пола. Пьяный кураж приобрел «политический» оттенок: один из дебоширов «сорвал красноармейскую звездочку и втоптал ее в грязь», а «всевозможные неприличные слова» оказались направлены в адрес «Красной Армии с Трибуналом вместе»[2].

В известном смысле молодежь пародировала былую партизанщину[3]. Со стороны сельских жителей реакция оказывалась соответствующей. 31 октября 1926 г. крестьяне д. Шилова (Вышневолоцкий у. Тверской губ.) на своем сходе заявляли: «Нужно хулиганству объявить красный террор и расстрелять нескольких заядлых хулиганов». В Тамбовской губернии крестьяне предлагали перейти «на положение сибирских крестьян, иметь оружие от хулиганов». Однако в самой Сибири крестьяне предпочитали, чтобы не они, а власть наказывала преступников[4]. Люди колебались в предпочтениях между самосудом и государственной репрессивностью.

Социальным порокам пытались противостоять рабкоры и селькоры – не столь многочисленные, но весьма активные «правдолюбцы». Как правило, их не любили, порой ненавидели. В армейской среде военкоров воспринимали как доносчиков. Иной раз им внушали: «...Доиграешься. Читал в газетах, как *шлепают* рабкоров и селькоров?»[5] В сатирической печати «иронизировали» над кулаками села Обалделово, занявшего первое место по избиению селькоров[6].

Власть постаралась придать обострившемуся «комплексу судейства» (характерному для традиционных обществ) «большевистский» характер[7]. Учащейся молодежи рекомендовалось устраивать

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 67. Л. 3–7.

[2] Цит. по: *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник, 1997. С. 292–293.

[3] В 1926 г. 70 % всех осужденных по стране составляла молодежь до 24 лет. См.: *Бугайский Я.* Хулиганы как социально-политическое явление. М.; Л., 1927. С. 20.

[4] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 888–890.

[5] Цит. по: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 140.

[6] Смехач. 1924. № 25. С. 3. Если верить этому журналу, то селькоров опускали и в крещенскую прорубь. См.: Смехач. 1925. № 1. С. 8.

[7] *Андреев Д.А.* «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 54. С «классовых позиций» могли осудить и Евгения Онегина и других известных литературных персонажей (*Дюран Д.* Указ.

всевозможные «суды»: от историко-политических («суд над Гапоном») до литературных (утверждение «классового» отношения к литературным персонажам), бытовых (суд над суицидалом – жертвой неразделенной любви) и санитарно-гигиенических («суд над проституткой»). Молодежь это привлекало, вызывая, однако, далеко не адекватные реакции. Так, над «обманутыми» девушками потешались в песенках вроде «Маруся отравилась» (стихотворение-пародия В.З. Масса), любовник которой попросил все же «насыпать в по́ртфель» «пеплу 456 грамм». Молодежная среда казалась эгоистичной, раздраженной и нетерпимой.

Болевые проблемы современности концентрировались в студенческой среде. В вузах наблюдалось подобие классового раскола. Начинался он с момента приема на учебу: представители воевавшей молодежи воспринимали ее как заслуженную награду. «Я служил в Красной армии добровольцем... я заслужил рабфак... Я ранен. Я воевал, я калекой стал, а меня не принимают...», – такие заявления были обычными[1]. Однако удельный вес рабочих и крестьян в вузах оставался невелик, доля рабфаковцев в 1923/1924 г. составляла всего 11 %. К началу 1924 г. комсомольцев и партийных было всего 14 %, а рабочих и крестьян – лишь 43 %[2]. Но проблема состояла, разумеется, не в процентном соотношении «старых» и «новых» студентов. Первые легко сходились и тут же образовывали своего рода замкнутые корпорации. Самоопределение «новых» студентов, напротив, протекало болезненно, выливаясь иной раз в организацию коммун[3]. Обнаружилось, что «красное студенчество» отрывается не только от «производства», но и от жизни, «варится в собственном соку»[4]. При этом они требовали чистки вузов по классовому признаку, утверждая, что «белогвардеец», закончив институт, никогда не станет «работать заодно с трудовым

соч. С. 186; *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 129). Публиковались брошюры с инсценировками суда над самогонщиками (*Василевские Л.А. и Л.М.* Суд над самогонщиками. Дело Карпова Тихона и его жены Агафьи по обвинению в изготовлении и тайной торговле самогонкой. М., 1923) и акушеркой, сделавший неудачный аборт (*Василевские Л.А. и Л.М.* Суд над акушеркой Лопухиной, совершившей операцию аборта, следствием чего явилась смерть женщины. М., 1923). В школах устраивались «суды над старой школой», превращавшиеся в «суды» над религией. См.: *Алексеев В.И.* Указ. соч. С. 20–23.

[1] *Ростовский.* Хождение по мукам одного рабфаковца // Молодая гвардия. 1924. № 5. С. 212.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 234.

[3] Коммуны обычно создавались с целью элементарного выживания. Внешне они, разумеется, могли предстать апофеозом равенства: все имущество, вплоть до белья, считалось общим. См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 313–315, 336.

[4] Красный студент. 1924. № 6(18). С. 17.

народом»[1]. Вызревало новое поколение доктринеров – жестких и самоуверенных[2]. Обозначился и новый тип социальной мимикрии: вполне обеспеченные студенты, на протяжении учебы своим затрапезным видом «косившие» под пролетариев, получив диплом, резко меняли внешний облик на «нэпманский»[3]. Одна часть молодежи агрессивно или лживо подстраивалась под идеологические стандарты, хотя другая, напротив, готова была ниспровергать все и вся.

Так или иначе, студенты стремились преодолеть ощущение социальной неприкаянности, болезненно обостряемое материальным положением. Это само по себе подогревало внутривузовский конфликт. В 1920/21 учебном году он носил примерно такой же характер, как в дореволюционных вузах – «разночинцы» конфликтовали с «академистами». Позднее страсти приобрели новое качество. «После бурных споров между студентами-пролетариями и "белоподкладочниками" в заключение сходок раздавался с одной стороны "Интернационал", а с другой – "Рабскую песню долой!" и еще не преданный забвенью "*Gaudeamus*"», – вспоминал Б.Н. Лосский, сын известного философа[4]. Впрочем, к середине десятилетия на подобные «вольности» студенты уже не отваживались.

Студенчество представляло собой своего рода социальный концентрат переходного времени: преобладали типичные «разночинцы», имелись даже «вечные» студенты; им жестко противостояли малочисленные члены комячеек и комсомольцы. Среди последних преобладали «общественники», энергия и способности которых уходили на всевозможные «нагрузки». «Левые» студенты делились на «сталинцев» и «троцкистов», ожесточенно враждовавших между собой[5]. В целом студенческая среда унаследовала все дурное от старого студенческого этоса, усилив его аморализмом постреволюционного безвременья. Преобладали «старые» студенты и дети «бывших». Студенты-рабфаковцы считали нерабфаковцев и детей «бывших» мещанами, обывателями и т. п. Их, в свою очередь, именовали «быдлом», «швалью», «чернью». «Красные студенты» обращались друг к другу «товарищ», а студентов из «чуждых классов» именовали «кол-

---

[1] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 81.

[2] Примечательно, что «красные студенты» больше опасались превращения выпускников вузов в «узких спецов», т. е. «беспринципных» людей. См.: Красный студент. 1924. № 7(19). С. 19.

[3] *Рябченко О.Л.* Указ. соч. С. 550–551.

[4] *Лосский Б.Н.* Наша семья в эпоху лихолетья 1914–1922 годов // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 12. С. 77. Также см.: *Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Указ. соч. С. 381–382.

[5] В МГУ для борьбы с «троцкистами» Г.М. Маленков организовал особую дружину, которая не брезговала чисто хулиганским акциями против них. См.: *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 68–69, 81–85, 89–90.

легами» (калеками)[1]. Были также «подкоммунисты», старавшиеся держаться нейтрально[2]. Возрождению классовой вражды не приходится удивляться: материальное положение студенчества было ужасным[3]. Иногда положение «красных» студентов осложнялось этническим фактором[4]. Большинству студентов было не до учебы, некоторые задумывались: стоит ли гробить свое здоровье?[5] «Идет окончательный разгром высших школ, писал В. Вернадский И. Петрункевичу 30 октября 1923 г., – подбор неподготовленных студентов рабфаков, которые сверх того главное время проводят в коммунистических клубах». Вернадского ужасало, что

> у них нет общего образования, и клубная пропаганда кажется им истиной. Уровень требований понижен до чрезвычайности – университет превращается в прикладную школу, политехнические институты превращаются фактически в техникумы... Висит (Московский университет) объявление, что студенты должны доносить на профессоров и следить за ними – и гарантируется тайна...[6]

В 1924 г. численность студентов решили сократить – у государства не хватало денег на их обучение[7]. Как водится, кампания приобрела политический характер, напряжение в студенческой среде возросло. В Ленинграде, где в соответствии с разнарядкой Наркомпроса предстояло сократить до 10 тыс. студентов, создалась крайне неблагоприятная обстановка среди «самой культурной части, молодой (разночинной) интеллигенции». Дело дошло до «провокационных слухов» и самоубийств. Коммунистам пришлось признать, что в результате «неумелого подхода» вместо «ассимиляции интеллигентского молодняка советским строем» его подтолкнули к организации движения против него. Дзержинский готов был восстанавливать в вузах детей

---

[1] *Андреев Д.А.* Указ. соч. С. 52. У студентов-комсомольцев считалось унизительным не только слово «коллега», но и «студент» – его заменяли на «вузовец». См.: *Иоффе Н.* О Советской России 20-х годов // *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 107.

[2] *Алексеев В.И.* Указ. соч. С. 41.

[3] В одной из комнат общежития Ростова-на-Дону проживали 50 человек. В 1926 г. все студенчество Краснодара (1327 человек) проживало на 5757 кв. м. В общежитии нуждалось 400 человек. Студенты пользовались множеством льгот, но их положение оставалось бедственным. См.: *Чупрынников С.А.* Указ. соч. С. 325–326.

[4] Так, Л.А. Гумерову, члену партии, студенту Коммунистического университета народов Востока, инкриминировалось, что он, сын муэдзина, «не изжил мещанской идеологии» и общается с «чуждым элементом». Ему посоветовали «отложиться от родства» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 13. Л. 115) – формально наказание было мягким, фактически была нанесена нравственно-психическая травма.

[5] *Wellmann V.* Op. cit. S. 111.

[6] Письма В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 208.

[7] *Konecny P.* Chaos of Campus: The 1924 Student *Proverka* in Leningrad // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. XLVI. No. 4. P. 618.

«нужных» спецов[1]. Местные руководители рекомендовали «мягкий» вариант чистки. В Москве она началась с проверок. В результате на медфаке 1-го МГУ вместо 28 человек, намеченных к исключению, было отчислено лишь шестеро[2]. Здесь исключали по неуспеваемости, а не «за политику» – тем более что нерадивых и неспособных студентов было в избытке.

В Московском институте инженеров путей сообщения из общего числа 2100 студентов собирались исключить 15 %. В Ветеринарном институте обнаружилось, что «детей духовного звания до 15 %, а также большой процент торговцев и др.», причем на 4-м курсе оказалось, что «до 30 % – дети попов». Дело не ограничилось отчислениями. В Тимирязевской академии «в связи с наблюдавшимся брожением, вызванным чисткой вузов», было арестовано 15 студентов «эсерствующего толка»[3]. К чисткам вузов представители «старого» студенчества относились однозначно: «Партия боится ученых, просвещенных людей», опасаясь, что они «могут заменить подонков общества, которые стоят у власти»[4]. Студенты-оппозиционеры имели обыкновение кричать чекистам во время арестов: «Долой жандармов!», «Долой опричников!»[5].

Студенческая жизнь была полна парадоксов. Так, почти 60 % слушателей Военно-морской академии в 1924 г. отмечали в анкетах, что «больны»: жаловались обычно на малокровие и неврастению. Бытовые условия были ужасными, спортом практически не занимались, в театры и кино не ходили, массу времени отнимала «общественная работа». Тем не менее на вопрос: «Удовлетворены ли вы служебным положением?» больше половины респондентов отвечали положительно[6].

ОГПУ приписывало «антисоветскому» студенчеству антисемитизм (в действительности его можно было бы скорее ожидать от рабоче-крестьянского пополнения вузов). Утверждалось даже, что «разговор о еврейском засилье в вузах – любимый конек агитации белогвардейского студенчества». Сообщалось, что в вузах большин-

---

[1] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 562.

[2] Среди них были Левитан, арестованный за спекуляцию кокаином, Шапиро, владелец мукомольной фабрики, также побывавший за решеткой за спекуляцию, Рабинович – «не сдавший много зачетов и крупный нэпман, торговец бриллиантами», Якобсон – «крупный спекулянт», а также Благов – «сын белогвардейца», отец которого, «бывший адъютант Деникина», издавал белогвардейский журнал. См.: *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 170–172.

[3] *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 172–173.

[4] Там же. С. 179.

[5] *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 73.

[6] *Барабанов В.В., Федулов С.В.* Быт будущих специалистов военного производства // История российского быта. С. 234.

ство стен исписаны антисемитскими лозунгами, говорят о том, что «процентную норму для евреев заменили на процентную норму для русских». «Если принять во внимание, что в вузах учится около 48 % студентов-евреев», – отмечали чекисты, то успех «антисемитских агитаций среди антисоветского студенчества» неизбежен[1].

Подобные оценки – результат маниакальной подозрительности чекистов. Разумеется, локальные очаги молодежной «контрреволюционности» существовали, возникали альтернативные «русские» организации. Так, социал-демократическая подпольная газета в Одессе в 1923 г. выступила с таким автаркистски-шовинистическим заявлением:

> ...Громадные суммы тратятся на чрезвычайку... Массы денег уходят на содержание постоянной армии... А где берутся деньги на все эти всемирные съезды и конгрессы коммунистов? Из тех же денег, денег русских рабочих. На эти деньги содержат они сотни испанских, японских, турецких коммунистов, которых в их родной стране рабочие содержать не хотят[2].

Со временем пугающая информация ОГПУ стала чередоваться с сообщениями о «достижениях». Между тем после чисток первой половины 1920-х гг. «молодежь замкнулась в себе»[3]. В 1929 г. «Правда» сообщала о «гнойниках», вскрытых в Воронеже, Томске, Харькове: «в студенческих общежитиях растет пьянство, усиливается половая распущенность, наблюдаются склоки между беспартийными студентами и коммунистами»[4]. Впрочем, в 1930 г. чекисты сообщали об удовлетворительном отношении части студентов приговорами по делу «Промпартии»[5]. Этому не приходится удивляться. К этому времени юношей из интеллигентных семей, которых гардеробщики, памятуя об их родителях, готовы были обслуживать вне очереди, осталось немного. Они чувствовали себя «канатоходцами»: за всякое неосторожное высказывание их ждала обструкция со стороны рабфаковцев[6]. Изменения в студенческой среде были отражением общественных подвижек.

В 1920-е гг. публицисты били в набат по поводу «распущенности» молодежи: данные по Ленинграду (1929 г.) свидетельствовали, что до

---

[1] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 347–348. Считается, что антисемитизм в студенческой среде носил скорее латентный характер, хотя имели место вызывающие его проявления. См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 278–279.

[2] Цит. по: *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 345–346.

[3] *Серж В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М., 2001. С. 254.

[4] Правда. 1929. 21 марта.

[5] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1187.

[6] См.: *Налимов В.В.* Канатоходец. М., 1994. С. 124–132.

18 лет половую жизнь начали 77,5 % мужчин и 68 % женщин, а по части любвеобильности особо отличились комсомольские активисты[1]. Нормальную половую жизнь вели не более 60 % юношей и девушек, остальные практиковали случайные связи. Коммунистическое студенчество не составляло исключения: 90% жили активной половой жизнью, 40 % пользовались услугами проституток[2]. Один комсомольский функционер в 1928 г. признавался и в раннем знакомстве с проститутками, и в мастурбации, что отнюдь не понизило порог его нынешних сексуальных запросов[3].

Некоторые «сигналы» наверх впечатляют. От комсомольской ячейки школы памяти Чернышевского в Нижнем Новгороде (группа из 37 комсомольцев) в мае 1926 г. поступила просьба «принять срочные меры к ликвидации хулиганства в ячейке». Здесь по вечерам «организовывались попойки, парни приставали к девушкам». Если «девушки не соглашались, их удаляли из ячейки». Сообщали, что «многие девушки беременеют». В Полтаве, судя по письмам, комсомольские вожаки поступали проще: «Отдайся, полюби и будешь комсомолкой». Тех, кто не соглашался, исключали с двусмысленной формулировкой «не активна»[4]. Впрочем, представительницы прекрасного пола также не страдали избытком целомудрия: на лекции о «вреде многоженства» рассуждали, что если про многомужество лектор ничего не говорил, «значит, можно»[5].

Впрочем, скорее всего, большинство тогдашней молодежи ощущало себя в «сексуальной западне»: контакты с проститутками были чреваты постыдными болезнями, на женитьбу не было денег, а посягательства на девичью честь все же считались предосудительными[6]. Разумеется, для выхода из «тупика» изыскивалось идейное обоснование.

С.Н. Смидович в статье «О любви» писала, что половые взаимоотношения «передовой» молодежи выстраиваются на постулатах мужского шовинизма: каждый комсомолец и рабфаковец «может и должен удовлетворять свои половые стремления»; девушка обязана

---

[1] См.: *Кетлинская В., Слепков В.* Жизнь без контроля. М., 1929. С. 37–42.

[2] *Рожков А.Ю.* Быт советского студента 1920-х годов // История российского быта. С. 185. По другим данным, если до революции услугами проституток пользовался 41 % студенчества, то в 1922/23 г. – 47 %. См.: *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 338.

[3] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 153.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 65, 66.

[5] Красный перец. 1926. № 6. С. 4. Впрочем, судя по некоторым частушкам, у деревенских девиц стали меняться «марьяжные приоритеты» – «беспартийного любить нету интереса», предпочтение стали отдавать комсомольцам и коммунистам. См.: *Tirado I.A.* The Village Voice. P. 18, 44–48.

[6] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 154.

пойти навстречу его выбору, в противном случае она «мещанка, недостойная носить имя комсомолки, быть рабфаковкой, пролетарской студенткой». Смидович настраивала: девушка вправе исходить из аналогичных критериев, игнорируя мужской выбор[1]. Это было похоже на призыв к сексуальной революции под комсомольским знаменем.

Для многих молодых людей – особенно деревенских, лишенных естественных социальных лифтов, – комсомол был средством оперативного самоутверждения – начиная с сексуального. Некоторые западные исследовательницы в связи с этим подчеркивают, что комсомол изначально возник как «маскулинная» организация: молодые люди обычно считали своих подруг «отсталыми бабами»[2].

Конечно, так было не везде и не всегда: революция освобождала любовь от традиций и предрассудков[3]. Иной раз внебрачное сожительство студентов было связано с элементарной нехваткой денег на регистрацию брака[4]. Порой, если верить мемуаристам, комсомольские свадьбы не сопровождались – ни старыми, ни новыми – обрядами, а ограничивались поздравлениями товарищей, и все оставались довольны[5]. Так или иначе, сексуальная сфера кишела поразительными противоречиями. По данным социологических опросов, три четверти одесских студентов считали, что нуждаются в более интенсивной половой жизни, а 41%, напротив, жаловались на половую слабость. При этом одни высказывались в пользу открытия бесплатных государственных публичных домов, другие (до 80 %) пытались отказаться от половой жизни в пользу социальной сублимации. Попытки замены традиционного брака «коммунальным» сожительствам все же были единичными[6].

В тогдашних условиях молодые люди рисковали подвергнуться осуждению как за пристрастие к «буржуазному» браку, так и за склонность к буржуазно-богемной несдержанности[7]. Под покровом

---

[1] Правда. 1925. 24 марта.

[2] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 100, 103. Автор приводит массу примеров третирования женщин комсомольцами – в том числе и на производстве (*Ibid.* P. 107, 109, 115).

[3] Не случайно в ответ на статью Смидович девушка писала, что она научилась правильно реагировать на половую распущенность, маскируемую «антимещанством». Писали, правда, и о том, что ее советы запоздали: семейно-половой вопрос уже разрешается в форме союза равноправных людей. См.: Правда. 1925. 7 мая.

[4] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 225.

[5] *Галкин И.* На заре нашей юности. Куйбышев, 1969. С. 93.

[6] *Эткинд А.М.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 222.

[7] *Fitzpatrick S.* The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992. P. 87.

нравственной вседозволенности скрывалась высокая степень сексуальной подавленности наиболее образованной части городской молодежи. За высоким уровнем ранних браков, разводов и абортов (почти вдвое превышающих количество рождений) таились противоречивые явления. Социологи приводили примеры «внутреннего опустошения», связанного с отказом от брака, стесняющего половую жизнь, но вместе с тем отмечали, что более половины мужчин и 67 % женщин предпочитали отношения, основанные на любви[1]. Среди студентов встречались как «эротоманы», так и «аскеты». Характерно, что первые «идеологически» обосновывали свои сексуальные запросы необходимостью «раскрепощения женщин»[2]. Все это привносило дополнительную психоэмоциональную напряженность в молодежную среду. Когда в 1926 г. почти одновременно были опубликованы повести Л.И. Гумилевского «Собачий переулок», С.И. Малашкина «Луна с правой стороны» и рассказ П.С. Романова «Без черемухи», последовали ожесточенные диспуты, на которых большинство студентов оценил эти сочинения как поклеп. Удивлять не приходится: героиня Малашкина, комсомолка, порвавшая с «кулацкой» семьей, стала городской наркоманкой и предалась разврату под «революционными» лозунгами. Идеи «свободной любви» многие отвергали, более половины студенток Москвы, Одессы и Омска оставались девственны до 30 лет[3]. Иным девушкам было, вероятно, не до секса. Многие попросту голодали[4], а поход в вегетарианскую столовую, известную по роману Ильфа и Петрова, был для них пределом мечтаний[5].

Шла неуклонная вульгаризация интимной сферы бытия. Получила распространение поговорка: «Любовь начинается идеалом, кончается под одеялом». Пропаганда противозачаточных средств не давала должного эффекта, аборты стали обыденным явлением[6].

---

[1] *Гельман И.* Половая жизнь советской молодежи (Опыт социально-биологического обследования). М.; Л., 1925. С. 92, 99.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 386–387. Не случаен рост самоубийств среди обманувшихся и обманутых девушек. Юношей, напротив, иной раз шокировала деромантизированность «передовых» девушек. См.: там же. С. 395–397.

[3] Возможно, подобная статистика – следствие резкой «феминизации» (свыше 50 %) педагогических и медицинских вузов. См.: Коммунистка. 1927. № 10. С. 71.

[4] 11 апреля 1922 г. К. Чуковский записывал в дневнике: «Оказывается, они (курсистки. – *В.Б.*) на Пасху получили по 8 фунтов гороху, который и едят без хлеба, размоченным в воде...» См.: *Чуковский К.* Дневник. С. 209.

[5] В конце 1920-х гг. в Москве действовали вегетарианские артели «Пищепродукт», «Примирись», «Гигверстол». Кое-где в провинции вегетарианские столовые «с завлекающей художественной вывеской» открывали баптисты. См.: *Никольская Т.К.* Указ. соч. С. 71.

[6] Сообщалось, что научная кинолента «Аборт» Трахтенберга побила все рекорды сборов, установленные заграничными боевиками. См.: Новый зритель. 1925. № 6. 10 февраля. С. 5.

В пивной «Арбатский подвал» со сцены звучало: «Мальчики и дамочки едут на курорт, а с курорта возвращаясь, делают а...»[1] Журналисты писали, что студенческая любовь нередко распиналась на голгофе гинекологического кресла, отмечались случаи детоубийства[2]. Девушкам-работницам приходилось не лучше: писали о суицидальных последствиях приставаний к «выдвиженкам» на заводах[3]; на Урале в конце 1920-х гг. выросло количество женских самоубийств, связанных как с тяжелыми условиями работы, так и с «посмешками» со стороны противоположного пола. Кто-то отравился, начитавшись Есенина, кого-то «использовали в половом отношении», кого-то за пустяк уволили с работы. Печать заговорила об упадочнической «лиге смерти», члены которой уходили от бессмысленности жизни. Иные юные пролетарки мечтали только об одном: чтобы их «схоронили с музыкой»[4].

Довольно своеобразные представления о нравственности воцарились в некоторых молодежных коммунах. Члены коммуны «Роза» однажды вынесли следующее решение: «Принимая во внимание, что М., сделав аборт, ввела коммуну в расходы и теперь снова ведет себя подозрительно, увлекаясь головотяпами, способными довести ее до вторичного аборта, считать ее... условно исключенной, но предложить ей нравственно себя исправить»[5]. Морализаторство коммунаров было связано с нежеланием обременять себя расходами на содержание ребенка.

Налицо были крайности, связанные с неупорядоченной социальной и гендерной мобильностью. В 1926 г. на 100 женщин в возрасте 30 лет и свыше приходилось только 88 мужчин[6]. Женщины-активистки, не говоря уже о «передовых» студентках, стали по-новому смотреть на семью. Но на настоящую сексуальную революцию (предполагающую общее снятие запретов) тогдашнее половое раскрепощение все же не было похоже. Даже мастурбация категорически осуждалась[7] – в общем, в соответствии с христианской моралью. Среди рабоче-крестьянской молодежи прогрессировала маскулини-

---

[1] Исполнитель предлагал публике завершить куплет (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 256). Сатирический журнал писал об очередях на аборт «по пяти категориям». См.: Смехач. 1925. № 6. С. 15.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 390–391. Юристы считали, что детоубийства были обусловлены двумя основными причинами: материальной необеспеченностью матерей и стыдом перед общественностью. См.: Рабочий суд. 1926. № 9. С. 622.

[3] Коммунистка. 1928. № 6. С. 3.

[4] См.: *Явич А.* Указ. соч. С. 74, 76–80.

[5] Цит. по: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 168.

[6] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 197.

[7] См.: *Эткинд А.М.* Указ. соч. С. 222–223.

зация[1], в интеллигентской среде по-прежнему считалось, что брак без любви безнравствен[2]. Более уверенно чувствовали себя отпрыски нэпманов – не случайно возник утрированный образ «золотой молодежи», карикатуры на которую наводнили сатирические издания.

Противоречивая ситуация складывалась на селе. Из Рязанской губернии сообщали, что «половая распущенность массового характера не имеет», однако «увеличивается число заявок на аборты» – в Ряжске «30 % всех комсомолок делают аборт – городские у врача, деревенские – у бабок». Отмечались «случаи половой распущенности среди детей – школьников и пионеров», распространение мнения, что половое воздержание вредно, «лучше заниматься сексом, чем онанировать». Как результат, «на плохом счету оказываются парни, избегающие спать с девушками», напротив, «развратники считаются героями». А в общем согласно опросу в Ряжске «из 8 комсомолок только одна высказалась за половое воздержание». Имелись и экстраординарные случаи: в Сасово «девушка-ученица родила от ученика, ребенка бросила в реку», а «девушка-комсомолка после сожительства с фотографом-любителем разрешила сфотографировать себя без одежды». Было также отмечено, что «главным проводником половой распущенности в деревне являются девушки, выезжающие весной на сезонные работы, на торфоразработки»[3].

В 1920-е гг. широкую известность получило так называемое чубаровское дело: в Ленинграде группа подростков, включая комсомольцев, изнасиловала 21-летнюю девушку, случайно оказавшуюся в Чубаровом переулке – месте обитания проституток[4]. В ответ на подобные явления некоторые хранители нравственных устоев писали:

> Людей, губящих и душу и тело женщины, а в особенности девушки, изнасилуя ее, не пороть, не казнить надо, а только кастрировать... Если бы мой сын изнасиловал женщину, я бы сам кастрировал его[5].

---

[1] Женщин, осужденных за хулиганство, в 1925 г. было всего 4 %, в следующем году – 3,9 % (*Панин С. Е.* Указ. соч. С. 140). Девушек именовали «стрематушками», «фурфорсетками», «задрыгами», «болдохами», «шмарами» и, конечно, «марухами». Женотдел именовали «бабкомом». См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 77, 218, 225, 226.

[2] *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 180.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 140–144.

[4] 21 августа 1926 г. рабочие ленинградского завода «Кооператор» изнасиловали рабфаковку. В преступлении приняли участие 40 человек, среди них было много комсомольцев и 1 кандидат в члены ВКП(б). Семерых насильников приговорили к расстрелу, другие получили различные тюремные сроки. См.: *Панин С.Е.* Указ. соч. С. 143; *Naiman E.* The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997. P. 251–256.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 140. Некоторые предлагали кастрировать даже за обычное соблазнение женщины. См.: *Василевские Л.А. и Л.М.* Аборт как социальное явление. Социально-гигиенический очерк. М.; Л., 1925. С. 101.

В 1928 г. в Краснодаре страсти вокруг «чубаровцев» обернулись попыткой властей превратить уголовное дело в «контрреволюционное»: насильникам-студентам приписывалось создание террористической организации типа «савинковской». Это было проделано после того, как возмущенные студенты и школьники вышли на демонстрации, протестуя против сурового приговора (сначала двоих подозреваемых приговорили к смертной казни, затем приговор был значительно смягчен)[1]. Комсомольский генсек А.И. Мильчаков гневно комментировал: преступления «контрреволюционных щенков» встретили поддержку «известного слоя учащихся и преподавателей»[2]. Согласно этой логике всякий порок того времени имел контрреволюционную и антисоветскую подоплеку.

К концу 1920-х гг. в ответ на разнузданность прошлых лет началась борьба за половое воздержание. Все, что было сопряжено с повышенным вниманием к сексу, получило статус «пошлости». А. Залкинд доказывал, что «*раннее* развитие любовных чувствований у подростка идет за счет *обкрадывания* ими других областей чувствования, лежащих в *общественно-творческой* сфере»[3]. Большевистские «фрейдисты» не могли представить, что искусственно прививаемый коллективизм может обернуться стадностью протестного поведения.

Западными исследователями было подмечено, что пролетарская молодежь того времени находилась под дамокловым мечом обвинений в «обуржуазивании» и «омещанивании»[4]. В прессе пропагандировались постановления собраний работниц: «Не пудриться и не мазаться»[5]. Проявления столь грубого культурного диктата провоцировали соблазны «запретного плода». Отсюда усложнение палитры настроений, что всегда подозрительно в глазах власти.

Возможно, поворот к пуританству был связан с сугубо материальным расчетом. Иные селькоры полагали, что «аппетиты на бракоразводство без особо уважительных причин [следует] умалить, ибо с послаблением в этом увеличивается проституция и процент беспризорных детей растет»[6]. О партийных работниках и говорить не приходится. Многие из них, как в старые времена, верили в силу властных запретов. Н.А. Угланов, секретарь нижегородского губкома, в 1923 г.

---

[1] См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 256–262.

[2] *Мильчаков А.* Задачи союзного руководства и самокритика. М., 1928. С. 12.

[3] *Залкинд А.* Педология: Утопия и реальность. М., 2001. С. 280.

[4] *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in Soviet Union? 1921–1934. Cambridge, 1979. P. 22–26.

[5] Юные работницы строят новый быт // Работница. 1924. № 2. С. 13.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 68. Представления о росте числа беспризорников вряд ли соответствовали действительности. В 1920 г. количество детей-нищих в Петрограде превышало уровень 1915 г. в 7 раз, а в 1922 г. – «всего» в 4 раза. См.: *Василевский Л.М.* Голгофа ребенка. С. 25.

даже заявил, что «молодежь является «застрельщиком бунта мещанского в нашей партии», а потому предлагал разгромить «нытиков»-оппозиционеров, выгнать из партии «полсотни тысяч», а «150 тысяч рабочих принять в партию»[1]. Увы, столь крутые меры были чреваты непредсказуемым результатом.

В начале 1920-х гг. поднялась волна молодежного суицида. Максимальное количество самоубийц, по данным на 1922 г., приходилось на возраст 20–24 года (108 человек на 1 млн населения), далее шли молодые люди 18–19 лет (86 человек) и 25–29 лет (70 человек)[2]. В следующем году последовало еще более основательное «омоложение» суицида: пик численности самоубийц приходился на возраст 18–19 лет, затем шли 20–24 года, 25–29 и 16–17 лет. В 1925 г. повесился С. Есенин (некоторым тогда показалось – для «вящего безобразия»[3]), что повлекло за собой эскалацию молодежных самоубийств. Одновременно вырос «безмотивный» суицид[4]. В 1925–1926 гг. только в армии произошло 458 самоубийств, в 1927 – 594. Вслед за тем был отмечен рост суицидальности среди 12–13-летних. В 1928 г. на Урале количество самоубийств молодежи выросло почти в 5 раз сравнительно с 1926 г.[5]

Существует точка зрения, что это был «протестный» – едва ли не антисоветский – суицид[6]. Некоторая образованная часть юношества действительно ненавидела своих коммунистических отцов[7]. Но для армейской молодежи были характерны самоубийства на романтической почве – 22 %, боязнь наказаний за те или иные преступления – 17 %[8]. Большевики рассматривали проблему в соответствии с обычным клише – «дурное влияние». «Есенин талантлив, – писал Н. Бухарин, – но "есенинщина" – это самое вредное, заслуживающее постоянного бичевания явление нашего литературного дня»[9]. Значительная масса городской молодежи действительно находилась под влиянием

---

[1] РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004. С. 397.

[2] *Тарновский Е.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие // Проблемы преступности. М.; Л., 1926. Вып. 1. С. 197–198.

[3] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 24.

[4] См.: Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. М., 1929. С. 9, 11.

[5] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 177.

[6] *Рожков А.Ю.* Бунтующая молодежь в нэповской России. С. 151.

[7] См.: *Солоневич И.Л.* Указ. соч. С. 372–373, 375–378.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 16. За «романтическими» самоубийствами в молодежной среде зачастую скрывались бытовые причины. Известен случай, когда жена застрелила своего мужа, члена партии, командира взвода, а затем застрелилась сама. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 29. Л. 2.

[9] *Бухарин Н.И.* Революция и культура. М., 1993. С. 106.

есенинских страстей[1]. В Есенине даже комсомольцы видели «жертву бездушного времени»[2]. Но красноармейский суицид имел иные истоки.

Вопреки коммунистическим установкам Красная армия даже в 1920-е гг. не только не стала «рабоче-крестьянской», но еще более «окрестьянилась» сравнительно с дореволюционным временем[3]. Для основной массы сельских парней служба в армии давала шанс либо «выбиться в люди»[4], либо «убежать» из ненавистной деревни (этот фактор действовал и позднее)[5]. В 1921 г. армия была сокращена до 1,5 млн человек, в 1924 г. последовало новое сокращение, но армия оставалась «крестьянской», причем удельный вес выходцев из села был особенно высок в территориальных пехотных частях[6].

Деревенская молодежь устремлялась в армию[7] – это казалось ступенькой наверх. «...Каким бы механиком вышел я из Красной армии!» – мечтал сельский тракторист[8]. Увы, служба обычно приводила к разочарованиям. Тем не менее в 1929 г. Ворошилов уверял, что армия готовит не только политически грамотных «культурников», будущих селькоров и рабкоров, но и некоторое количество специалистов, включая инженеров[9].

Красноармейцы пребывали во власти протестных чувств. Вопреки армейским пропагандистам от них следовали заявления о том, что новая армия отличается от старой только отсутствием погон[10]. Ощущение несправедливости экстраполировалось на систему в целом. Когда один политрук предложил группе из 30 красноармейцев ответить на вопрос: «Кто не доволен Советской властью?», почти все

---

[1] Некоторые молодые люди говорили, что Есенин был для них не просто поэтом – он составлял часть всей их жизни. Существовали кружки подражателей Есенину (*Gorsuch A.* Op. cit. P. 180). Один комсомолец в 1926 г. признавался, что его пессимистические настроения сформировались под влиянием Достоевского и Есенина. См.: *Wellmann V.* Op. cit. S. 103.

[2] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 73.

[3] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 17, 19.

[4] *Хаген М.* Армия и общество в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 59; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 24.

[5] *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М., 2001. С. 48.

[6] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 10–11, 16.

[7] Врачи изумлялись: в царское время молодежь симулировала болезни, уклоняясь от рекрутчины, теперь недуги скрывались (*Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 36). Иной раз новобранцы, по крайней мере в казачьих районах, являлись на призывные пункты с красными знаменами и под музыку. См.: там же. С. 37.

[8] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 6.

[9] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 101. Л. 42–43; Д. 102. Л. 13–14.

[10] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 48.

подняли руки[1]. В октябре 1924 г. в армии можно было услышать призывы: «Бей жидов и коммунаров!», говорили, что «Советская власть водит крестьян, как дураков, за нос, и в случае войны крестьянство отколется от Советской власти». В казармах появлялись листовки с лозунгами: «Бей жидов!», «Бей паразитов мира!» Иные красноармейцы говорили: «Мы служим не в Красной армии, а в красной каторге», другие заявляли, что воевать за коммунистов не пойдут[2]. Становились известны такие высказывания: «Наши командиры хуже бывших офицеров», «Дисциплина у нас крепкая – скоро в морду начнут бить!»[3] Сподвижник Троцкого С.И. Гусев подметил, что идея мировой революции отскакивает от сознания крестьянина-красноармейца как «ненужная шелуха»[4]. На этом фоне особенно остро воспринимались бытовые неурядицы. Красноармеец-комсомолец Марусенко (17-й Приморский корпус Украинского окр.) в сентябре 1926 г. жаловался, что «красноармейцев обманывают, недодают обмундирование, командир батареи пугает судом»[5]. Чекисты отмечали поголовное пьянство комсостава и «эксплуатацию красноармейцев для личных нужд»[6]. Красноармеец 133-го Бессарабского полка Н.М. Холявко, кандидат в члены партии, писал из Киева в августе 1926 г.:

> ...Красноармейские семьи погибают с голоду, а в книгах хорошо пишут... При буржуазном строе было плохо, а теперь еще хуже, раньше солдата по мордам били, а теперь допрами, если слово скажет по правде. ...Я не меньшевик и против власти не иду, а только иду всецело против тех консерваторов и бюрократов, которые высиживают на гнездах яйца...[7]

Допризывники Костромской губернии в конце 1924 г. заявляли: «К весне нас обучат – пойдем Троцкого защищать, воевать заодно с ним»[8]. Поведение призывников в «рабоче-крестьянскую» армию напоминало о царских временах. В конце 1926 г. отмечали явления «рекрутчины», приобретающие «дикий характер», повсеместные «дебоши призывников» с «драками, поножовщиной, убийствами». Так, в Кирсанове (Московский ВО) призывники «били стекла и уличные

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950. Л. 37.

[2] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 237, 271, 292.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 29 об.

[4] *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная Армия. М., 1925. С. 149–150.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 4. Суду военного трибунала в 1925 г. было предано 21,3 тыс., в 1926 – 20,6, в 1927 – 19 тыс. чел. См.: Государственная безопасность России. С. 430.

[6] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 65. Отмечались случаи, когда командиры после дебошей в ресторанах устраивали уличную стрельбу. См.: там же. С. 81.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 56–57.

[8] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 351.

фонари», а в Борисоглебске «толпа в несколько сот человек едва не учинила самосуд над призывником, укравшим деньги». В Смоленском ВО призывники «безобразничали: бросались камнями в окна скорого поезда», «разгромили отделение милиции», в Смоленске они избивали прохожих-евреев палками, при этом кричали «Бей жидов!» Подобные явления были зафиксированы в Уральском и Московском округах[1]. Как и в прежние времена, дело доходило до насилий, погромов, убийств – как стражей порядка, так и рекрутов[2]. Социально не отреагированная юношеская агрессивность, как и в прежние времена, искала выхода.

Известно, что большевики уделяли большое внимание так называемой политподготовке. Приводимый А. Рожковым материал прекрасно иллюстрирует коллизии сознания, возникавшие при обмене идейно-политическими абстракциями между безграмотными политруками и столь же неискушенными деревенскими парнями. Так, в 1925 г. на вопрос, почему большевики не взяли власть в 1905 г., один политрук ответил: «Потому что Ленин поругался с Зиновьевым». На вопрос, почему большевики не предотвратили войну в 1914 г., последовал ответ: «Потому что у Ленина умерла мать». Изучение биографии Калинина оставило у красноармейцев впечатление, что раньше «всероссийский староста» был лакеем и бил посуду[3]. За курьезными мнениями таилась проблема: идейные «истины» в синкретичном сознании тут же переводились на доступный язык персональных взаимоотношений. «Научная» пропаганда давала антинаучный результат. В социально-историческом пространстве, где естественное восхождение от индивидуальной практики к элементарным логическим связкам заблокировано властью, вся общественная жизнь низводилась до примитивных межличностных взаимоотношений.

Во всех слоях общества не случайно развернулся поиск «своих» врагов – таков непреложный закон самоидентификации в разбалансированной социальной среде. В 1926 г. в армии бывшие рабочие насмехались над крестьянами, называя их «темными» и «лапотниками». Наблюдались неприязненные отношения между русскими и украинцами, украинцами и евреями, русскими и представителями «восточных национальностей». На Украине было выявлено значи-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 38 об.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 41. А. Рожков полагает, что в отличие от царских времен «бесчинства новобранцев вышли *за пределы* своего места жительства» (там же. С. 40). Д. Бедный жаловался Ворошилову, что будущие красноармейцы забавлялись «вышибанием окон у встречных поездов» (Большая цензура. С. 116). Скорее всего, больших различий не было.

[3] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 53, 55.

тельное число сектантов, отказывающихся брать в руки оружие[1]. Отмечали, что в армии, как на «гражданке», все привилегии достаются коммунистам и комсомольцам, а политруки врут[2]. Доносили, что весной у красноармейцев появляется «отпускное настроение», отсюда симуляции, членовредительство. Циркулировали слухи, что Троцкий «выступал за крестьянство», за это ему симпатизировали[3]. Среди красноармейцев – выходцев из Кубани были распространены такие разговоры: «Что ходить на собрания – брехни не слышали, идем лучше в карты играть»; «Лучше всего идти за Троцкого, он освободитель народа от налога»; «Почему компартия более доступна для рабочих и недоверчиво относится к казакам? В городе у рабочих союзы, а почему нет "Союза хлебороба?"»[4]

Когда сосланный Троцкий прибыл в Алма-Ату, оттуда сообщали, что среди рядовых членов партии и комсомольцев (особенно учащихся зоотехникума) распространилось «нездоровое любопытство», в частности «желание взглянуть на него». Политикой здесь и не пахло: рядовая масса коммунистов относительно «возни наверху» была в полном неведении. В Алма-Ате циркулировали слухи, что Троцкий будет выступать с докладами, говорили, что он прибыл, чтобы «провести ревизию местных органов власти»[5]. Сам Троцкий, разместившись в гостинице «Джетысу» в окружении чекистов, даже не подозревал, какие страсти кипят вокруг его приезда[6]. Впрочем, Троцкого немногим ранее вспоминали и дурными словами. Комсомолец Павлов из Колосовки (Березовский р-он, Одесский окр.) спрашивал Калинина: «Почему Троцкий занимает такой большой пост?» Троцкий к тому времени (конец 1925 г.) «больших постов» уже не занимал. Дело было в другом: местные крестьяне возмущались тем, что «везде евреи», которые «что хотят, то и делают» – в свой праздник «закрывают пункты по закупке хлеба», в «канцеляриях евреи, учатся везде также евреи, русских не видно». В их глазах противники большевиков стали ассоциироваться с образом вездесущего еврея[7]. Оппозиции со временем суждено было предстать «еврейской».

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 61 об.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 185.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950. Л. 31.

[4] Там же. Л. 38. Согласно воспоминаниям Г. Беседовского, даже в комсомольских кругах получила распространение «теория двух партий»: коммунисты пусть защищают интересы рабочих, другая партия – крестьян. См.: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 2. С. 150.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 59. Л. 6.

[6] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 518–521.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 40–40 об.

В известной степени «молодежная проблема» превратилась в борьбу за господство партии над массой. А. Микоян еще в 1923 г. признавал, что «учащаяся молодежь пошла за оппозицией... потому, что оппозиция впервые пошла в массу со всеми запрещенными документами», чего не делали коммунистические руководители. Он предлагал восстановить «идейную связь между массами и ЦК», высказав опасение, что дискуссии в партии ослабят ее перед лицом «молодой интеллигенции, учащихся, этих будущих красных спецов и общественных деятелей». Следовало добиться, чтобы «внутрипартийная демократия» применялась «среди беспартийных с некоторыми ограничениями», а среди крестьянства и интеллигенции не должна разрастаться «без больших и жестких ограничений»[1]. И с этим ограничением демократии были согласны многие тогдашние «демократы».

В посткризисные времена людей тянет к «нормальной» жизни. Заметно это было и среди молодежи. Некоторые беспризорники упорно пытались преодолеть свою социальную ущербность[2]. Степан Афанасьев, чуваш, бывший московский беспризорник, писал из детского дома: «Не хочу быть хулиганом, хочу быть комсомольцем»[3]. Увы, хулиганства, а равно пьянства, половой распущенности хватало и среди комсомольцев[4]. Другой бывший беспризорник, Николай Сачков, в ноябре 1926 г. также из столицы жаловался, что их «послали в детский дом», где они прожили 3 с половиной года, затем «отправили в общежитие для самостоятельной жизни, но работы... не дали». Он просил, чтобы «давали больше мест беспризорным в вузах»[5].

Увы, обещанные социальные лифты давали сбои. Многие молодые люди страстно хотели учиться, но на это не было средств. Не помогали даже указания освобождать от вступительных экзаменов лиц, «представляющих особую классовую ценность»[6]. Возникали и другие препятствия. Комсомолец Георгий Болотов (с. Добринка Каширинского у. Оренбургской губ.) сообщал, что два сына дьякона кончили рабфак, а между тем «легче верблюду пролезть в игольное ушко, нежели

---

[1] РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 394–395.

[2] По некоторым данным, в 1921 г. насчитывалось 7,5 млн беспризорников, 10 % из них принимали наркотики (*Футер Д.* О детях-наркоманах // Московский медицинский журнал. 1925. № 10. С. 59). Считалось, что в Москве беспризорники предпочитают кокаин, который было легко достать на Хитровом рынке (*Gorsuch A.* Op. cit. P. 152). В Ленинграде кокаином торговали на площади Восстания. См.: Смехач. 1925. 34. С. 7.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 282.

[4] По-видимому, комсомол страдал от двух крайностей: хулиганства, порожденного псевдореволюционной активностью, и пессимистических настроений, связанных с трудностями социализации. См.: *Gorsuch A.* Op. cit. P. 176.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 25.

[6] *Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 54.

крестьянину в вуз»[1]. Но даже поступление на рабфак не решало проблемы. Комсомолец-рабфаковец Александр Воробьев из Ленинграда умолял Сталина о материальной помощи. «Не бросайте меня лицом в грязь», – писал он. К этому добавлялась скрытая угроза: «Партия забывает про свою смену»[2]. Другие сталинские корреспонденты советовали: «Настроение комсомольцев – военно-революционное. Надо этим воспользоваться»[3]. Вряд ли это было возможно: даже в армии «особо низким уровнем дисциплины» отличались именно комсомольцы[4]. В марте 1930 г. в письме Сталина поэту А. Безыменскому прозвучал упрек в «комсомольском авангардизме», т. е. стремлении бежать впереди партии[5]. В комсомоле или вне его наиболее активная часть молодежи упорно не желала вести себя «по правилам», навязываемым партией. Даже рабфаковцы в глазах власти выглядели «вольнодумцами» – профсоюз «пролетарского студенчества» был закрыт в начале 1930 г.[6]

Недовольство накапливалось и в среде уволенных в запас красноармейцев. Они сообщали в казармы, что попытки применить на деле полученные в армии знания и навыки встречают препятствия со стороны властей. Некоторые письма печатались в газетах, но это не меняло положения дел. Бывшие красноармейцы сообщали друзьям в казармы и такое:

> Хотя политруки и говорили нам, что красноармейцы пользуются преимуществом... но все это напрасные песни. У нас на красноармейца не обращают внимания... Которые раньше жили хорошо, то и сейчас живут лучше нашего. Никакая работа меня не удовлетворяет, так как, когда я посмотрю, как живут новые буржуи, то у меня замирает сердце... Народ ничего не понимает... и что начнешь говорить, так не только меня, но и вождя нашего Владимира Ильича Ленина посылают к е... м...[7]

Положение с беспартийной сельской молодежью выглядело не лучше. М.Д. Спирницын писал из Стрелецкой слободы (Орловская губ., Болховский у., Ауналуцкая вол.), что, поскольку «в Болхове работ нет, только кожевенное производство», возник антагонизм между рабочими и крестьянами. Рабочие считают, что у крестьян есть хлеб, тогда как в деревне «весь хлеб перегнали на самогон», а теперь сами «сидят голодные». Как результат, «мужики идут воровать друг у дру-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 43.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 128.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 217.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 23.

[5] Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917–1953. М., 1999. С. 126.

[6] *Чупрынников С.А.* Указ. соч. С. 326.

[7] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 186.

га», «выходят с дубиной на дорогу». Особо отличаются «ребята и мужики молодые»: днем они «собираются в одну хату, сидят, ругаются, в карты играют», а вечером тащат все, что плохо лежит – даже заборы разбирают на топливо. Действует принцип: «кто что стянул – то мое»[1].

Осуществлению идеалов мешала сама система. Молодые коммунисты жаловались на «тяжелую жизнь рабочих на транспорте», указывали, что «разница в зарплате начальства и рабочих очень велика»[2]. Молодой рабкор Ковалев из Ленинграда в январе 1927 г. писал, что «беспартийный рабочий называет партийного дворянином, он может долго ходить без работы, а партийного сразу на работу примут», «партийных рабочих администрация не увольняет, даже если они пьянствуют». Он считал, что не должно быть «двух лагерей – партийные и беспартийные»[3]. Комсомолец Сучков (Орловский у.), в декабре 1926 г. рассуждал так: «У нас руководитель комсомольской школы т. Гальперин получает 150 руб. в месяц, а можно прожить на 55 руб.»[4] Группа комсомольцев-металлистов из Одессы писала «вождю»:

> После долгих споров и разговоров... мы нашли один выход обратиться к Вам... А дело вот в чем – Одесский Окрисполком по случаю призыва 1903 г. обязал прекратить всякую винную торговлю на 6 дней, и вот после этих 6 дней... нам пришлось видеть на всех улицах города, и особенно у нас на рабочих окраинах, картинки и сценки, которые кошмаром врезались в наши головы. Начиная с детей до стариков, группами и в одиночку пьянствовали, дрались, бились и невольно... напомнили Николая Кровавого, дни царских погромов... Наша местная печать... поспешила поместить большую статью о том, что с сегодняшнего дня водка будет не 16-ти и 30-ти градусов, а 40 градусов, и цена ей всего 70 коп. за «сотку»... и если сейчас отпускается на рынок 30 000 ведер водки в месяц, то вскоре обещано 80 000 ведер... Нам не раз приходилось защищать и разъяснять те мероприятия, которые проводила наша власть... Но что мы могли ответить сегодня... рабочему, а особенно жене рабочего, пионерам... мужа или отца которых доставят в пьяном виде домой?[5]

Что делать, если власть не давала ответа на вопросы своих молодых приверженцев? Стали возникать альтернативные организации: так, в Воронеже группа анархистов-коммунистов осуждала практику партийного руководства комсомолом[6]. Впрочем, вряд ли данный слу-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 27.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 1.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 244.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 9.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 31.

[6] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 84.

чай был типичным. Общим было растущее недоумение. Комсомолец А. Асанов (Ленинградская губ.) в июле 1926 г. спрашивал: почему не снижается выпуск спиртного? Партийцы пьют, комсомольцы пьют, констатировал он[1]. Разумеется, комсомолу было поручено «развернуть борьбу» с пьянством, но не похоже, чтобы в этой области имелись заметные успехи[2].

Число сомневающихся росло. Рабочий «Красного путиловца» Алеша Иванов в августе 1926 г. признавался Калинину, что после 4 лет работы на заводе у него появилось желание «выйти из комсомола, так как начал сомневаться в устройстве Соввласти». Он пришел к мысли, что «Советы не ведут правильную политику и потому вооружают против себя массу трудящихся». Ему казалось ненормальным, что коммунисты «ведут пропаганду о помощи бастующим рабочим Англии». Он был убежден, что «рабочие Европы живут в сто раз лучше нас», а потому «миллионы, которые посылаются в Англию, надо бы направить на наших беспризорных детей, на индустриализацию, чтобы рабочие не помирали с голоду»[3]. В сентябре следующего года рабочие-путиловцы на кооперативной конференции заявили: «Нам масло надо, а не социализм»[4]. В 1929 г. еще один «краснопутиловский» рабочий, на сей раз коммунист, обратился, причем анонимно, в ЦКК ВКП(б). Этот пролетарий уже не сомневался, что «его» государство является «таким же эксплуататором, как и раньше»[5].

В связи с сокращением численности армии «помолодела» безработица. Демобилизованные упорно оседали в городах: в Москве их было 10 тыс., в Баку – 3 тыс. Правда, к началу 1926 г. количество безработных уменьшилось: в Москве их осталось 5,7 тыс., по МВО в целом – 8,7 тыс., в Киеве и Баку – по 500 безработных. Армейские политработники отмечали среди них распространение «упадочнических настроений»[6]. Впрочем, по уже сложившейся традиции в ноябре 1925 г. отмечались и «положительные моменты»:

> В оставшееся до увольнения время демобилизуемые стараются запастись знаниями, которые могут пригодиться им в гражданской жизни. Они знают, что в деревне к ним будут прислушиваться, а потому усиленно знакомятся с политической литературой.

Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности, так как тут же говорилось о «халатном отношении к службе со стороны демобилизуемых», а среди тех, кому предстоит возвращение

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 172.

[2] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 69.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 260.

[4] Дневник Бориса Козелева // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 159.

[5] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 389.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 1.

в «неблагополучные сельские местности, особенно голодающие, наблюдаются упадочнические настроения». Вывод был стандартным: «оказать политическую поддержку увольняемым, снабдить их соответствующей литературой»[1]. Вряд ли это могло принести желаемый результат: попытки замены «наиболее обеспеченных» рабочих демобилизованными красноармейцами вызвали резкий протест со стороны профсоюзов[2].

В обстановке внутренней нестабильности мобилизационная идеология давала сбои. В условиях нагнетания военного психоза, пропаганды «недели обороны» летом 1927 г. спецслужбы сообщали о пораженческих настроениях. Один призывник (Одесский ВО) писал:

> Не пойдем погибать за москальско-жидовскую власть! Скоро будет война, нам дадут оружие, и мы будем сражаться с ними за Украину для украинцев![3]

Протестно-эпатажные заявления чередовались с «упаднически-ми». «Группа преданных друзей» утверждала:

> С разрывом англо-советских отношений нас может ждать интервенция. А в Красной армии очковтирательство и карьеризм. Вскоре после начала войны последует неминуемая катастрофа... К войне мы не подготовлены... Партия должна временно уйти от власти, предоставив ее беспартийным (сохранив Советы)... Партия должна знать, что ни рабочие, ни крестьяне воевать не хотят[4].

Обнаружились и случаи политического хулиганства. Красноармейцы-артиллеристы как-то оставили у зарядного ящика надпись: «Эти пушки направлены против коммунистов и жидов»[5]. ОГПУ сообщало, что в 1927 г. сибирские крестьяне в случае войны выражали желание сперва расправиться с местными коммунистами и комсомольцами, а затем «пойти дальше»[6].

Молодежное недовольство было многовекторным. Так, гневное послание поступило из Тамбова от комсомольцев и кандидатов в члены РКП(б) 10 октября 1925 г.:

> ...Основным потребителем 40° являются рабочие и крестьяне – на них т. о. налагается косвенный налог... Все наши разговоры о новом быте являются пустым звуком... Если мы экономически выигрываем от продажи водки, то политически в глазах массы не менее теряем...

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 31–35.

[2] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 86.

[3] Цит. по: *Верт Н.* Указ. соч. С. 91.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 21.

[5] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 142.

[6] *Isaev V.I.* Die Militarisierung der Jugend und jugendlicher Radikalismus in Sibirien (1920er – Anfang der 1930er Jahre) / Sowjetjugend 1917–1941. S. 155.

Самосознание рабочих затуманивается «русской горькой». Факты дебоширства, увеличения беспорядков, драк, семейных дрязг, а главное – отвлечение тем самым рабочего от политической жизни, говорят сами за себя... Тамбов представляет сейчас из себя какой-то кабак...

С одной стороны, нам необходимо внедрять в сознание рабочих и крестьян вред пьянства, а с другой стороны – выпускаем 40°-ю, каковая на нет будет сводить всю нашу пропаганду[1].

Накапливающееся иррациональное озлобление частично удавалось направить в нужное государству русло. В 1927 г. по рекомендации ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ появились группы «легкой кавалерии», призванной «вскрывать недостатки». Указание нашло отклик.

Из ячейки ЛКСМ с. Безручек (Полтавский р-н) 25 июля 1927 г. писали, что «вопросами бюрократизма, протекционизма и перерождения некоторых членов партии в РКП(б) занимаются недостаточно», партия допускает уступки кулаку, инвалидам труда платят мало, слишком высоки ставки начальства, селян не посылают на курорты – «туда ездят пузаны-начальники». Продажа водки не допустима. Кредитная политика не верна: следует в первую очередь кредитовать бедняков. Комсомольцы полагали, что нельзя допускать открытия ресторанов, торговлю предметами роскоши. В итоге они приходили к убеждению, что оппозиция в лице Каменева и Зиновьева права. В августе 1926 г. обратились «к партии через т. Бухарина с требованием изменения политики по названным вопросам»[2].

Некоторые активисты охотно стучали наверх. Группа комсомольцев, кандидатов и беспартийных доносила на «природного кулака» и его семейство. Оказывается, эти люди «породнились с попами, ранее в 1918 г. устраивали восстания», теперь же они «действуют как коммунистические активисты». Такие коммунисты, писали бдительные юноши, в партию вступают потому, что «им это выгодно», а тем временем их дочери «поют в церковном хоре[3]. А комсомолец Домбровский (Винницкий окр.) жаловался Молотову, что на выборах правления «представитель из центра был пьян настолько, что ложился на стол и спал»[4]. Впрочем, порой комсомольцы признавались, что по части выпивки они берут пример со старших товарищей – коммунистов[5].

В Козлове (Тамбовская губ.) бдительные комсомольцы добились увольнения учителя литературы Зарубинского. В вину ему ставилось цитирование С. Есенина: в строках «Край ты мой забытый, / край ты

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 34.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 70. Л. 5.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 37–38.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 34.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 26.

мой родной» им почудилось забвение деревни Советской властью. А рассказ о трагической судьбе поэта они восприняли однозначно: «Довели большевики Есенина до самоубийства»[1]. Как видно, иные активисты просто жаждали «проявить бдительность». Были и такие, которые именовали основную массу «шкрабов» (школьных работников по тогдашней терминологии) не иначе, как «старыми дураками». О них отзывались так:

> У них аполитичность не только в башке, в каждой пуговице на пупе сидит. Разве они могут готовить коммунистическую смену?[2]

В действительности «шкрабы», как и прочие представители интеллигенции, старались приспособиться. В 1924 г. в Смоленской губернии отмечали, что «часть работников просвещения вполне осоветившийся элемент, хотя в большинстве и вышедший из мелкобуржуазной среды и духовенства»[3]. На их фоне представители нового поколения учителей впадали в иную крайность. Комсомолец Иван Грязнов, направленный учительствовать после окончания рабфака при Коммунистическом университете, исходя из того что люди его поколения «пропитаны Октябрем», полагал, что «наша задача – октябрить школу, а их (учащихся. – *В.Б.*) – октябриться в пионеры, комсомольцы, большевики, в октябристы мирового Октября»[4]. Этот энтузиаст был убежден в выполнимости этой миссии. К слову сказать, Грязнов понимал свои слабости как педагога. Увы, другие представители «передового» юношества просто не представляли психологической сложности ситуации. Впрочем, иные комсомольцы откровенно писали о распаде своих убеждений, сложившихся в годы революции[5].

Некоторых комсомольцев беспокоила проблема антисемитизма среди молодежи, в том числе рабочей. По некоторым данным, в Ленинграде и Москве действовали группы юных антисемитов, которые на 30 % состояли из детей рабочих, 13 % крестьян, 52 % служащих и 5 % прочих[6]. Как писал Молотову 9 июня 1926 г. Мильчаков, «антисемитизм – наследие старого строя», а потому следует разъяснять, что

---

[1] *Слезин А.А.* «Коммунизирование» учебных заведений Центрального Черноземья (1921–1929 гг.) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 480.

[2] *Солоневич Б.* Молодежь и ГПУ. Жизнь и борьба советской молодежи. София, 1937. С. 249.

[3] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 63.

[4] *Грязнов И.* Из записок педагога-комсомольца // Вестник просвещения. 1927. № 7–8. С. 111.

[5] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 73.

[6] Некоторые из этих организаций призывали к погромам, которые, однако, не состоялись. См.: *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 206.

«антисемитизм – орудие в руках контрреволюционных организаций». По его мнению, необходимы «строгие взыскания на комсомольцев-антисемитов» и вообще «надо бороться с укоренившимся взглядом, что все евреи – нэпманы и спекулянты». Он предлагал «усилить работу с еврейской молодежью, привлекать ее к производительному труду»[1]. Нечто подобное годом ранее высказывал Певзнер из Городни (Черниговская губ.), который сетовал, что «комсомол для многих не доступен» и «некоторые от этого впадают в пессимизм». Он полагал, что «нужно облегчить возможность вступления в комсомол», очевидно, имея в виду евреев[2]. Словно в ответ на такие заявления на Умани студенты рассуждали: «Все евреи националисты, будь они хоть тридцать раз партийцами»[3].

После появления в ноябре 1926 г. резолюции Бюро ЦК ВЛКСМ «О борьбе с антисемитизмом» положение не изменилось. Из Большого Токмака (Бердянский окр.) сообщали, что Митрофан Шейко (местный начальник), явившись в клуб, ругается, а когда комсомольцы делают ему замечания, кричит: «Учить меня будешь, жидовская морда!» Здесь же описывался случай избиения еврея (который посмел жаловаться) рукояткой нагана служащим финотдела, который при этом кричал: «Я тебя убью, жидовская морда, за всякий донос!» Писали, что «в головке районного комитета в большинстве своем юдофобы» и, как результат, одна из начальственных пьянок «закончилась тостом за уменьшение количества жидов в компартии». По мнению автора письма (в прошлом рабочего, красногвардейца), «евреев исключают из рядов партии только за то, что они евреи»[4].

Общественное пространство расслаивалось в силу эмоциональной нетерпимости. Некоторым юным сельским активистам приходилось покидать деревню. Комсомолка Гладышева, бывший член волкома ВЛКСМ, 9 октября 1927 г. просила найти работу на заводе в Москве. Из деревни она уехала, так как родители были не довольны тем, что она забросила хозяйство «из-за общественной работы». Теперь ей пришлось «жить в прислугах». Она полагала, что «партии небезынтересно будет устроить женщину на ту и другую работу, которая может дать продуктивность». Юная комсомолка успела усвоить азы демагогии, но это явно пошло ей не на пользу. Ее «аргументация» показательна:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 253–254 об.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 2.

[3] Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 183. В конце 1925 г. в ЛКСМУ насчитывалось 14,1 % евреев, однако в руководящих структурах губернского уровня он доходил до 65,8 %. См.: там же. С. 190.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 24–25. Материалы чисток, особенно в губерниях бывшей черты оседлости, вполне подтверждают это. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–3; Д. 10. Л. 1, 2, 5, 18, 24, 27к, 35, 36; Д. 11. Л. 31; Д. 12. Л. 12 об., 50, 56, 60; Д. 13. Л. 117; Д. 14. Л. 32, 72, 126, 152, 171к, 182, 190, 192, 196, 198; и др.

«Ленин сказал кухарка должна управлять государством, а я как активистка, как кандидат партии как раз наоборот, управляю государством кухарок, это для меня очень печально»[1].

Такие юные энтузиасты становились опасными для власти, тем более что в ряде мест они переходили к действиям. С той же Полтавщины сообщали, что в 1924 г. «в Шишацком районе бывшими партийцами Мятляном и Линником была организована банда под лозунгом "Долой нэп"», а в с. Барановка группа партийцев и комсомольцев совершила нападение на семью кулака, в результате чего «из 10 человек 8 было убито, двое ранено». Примечательно, что организатор нападения был приговорен к высшей мере социальной защиты, но затем ВЦИК заменил расстрел лишением свободы[2] – власть все еще не могла определиться: кого карать, кого миловать. А тем временем комсомольцы хвастались: «В конечном счете после долгой борьбы... между советской властью и легкой кавалерией победа осталась за нами»[3].

Порой среди новообращенной молодежи наблюдался удивительный тип оптимиста. В 1925 г. с письмом к Сталину обратился комсомолец Скарабанов, находившийся в Москве на курсах так называемых избачей. Он придрался к словам Сталина относительно *неверия* в возможность построения социализма в одной стране – его возмущало само слово *вера* в любом контексте. Он заявил «вождю» следующее:

> Вы черт знает что делаете – проповедуете коммунистическую религиозную веру. Вы вдаетесь в религиозный догматизм и проповедуете культ революции и коммунизма. Мне недавно один комсомолец сказал, что он верит в коммунизм и что это для него религия. Я, конечно, его выругал... и указал, что коммунизм, как марксизм и материализм, основывается не на вере, а на знании фактов исторического развития человеческого общества. А вы теперь явно становитесь его защитником, и я оскорблен. Итак, Вы – верующий коммунист... Крестьяне мне часто говорили: «Вы боретесь с верой, а ведь сами верите в коммунизм и Ленина, значит они вам как религия»... Крестьяне – реалисты, и они Вам, например, ни на грош не поверят в союз рабочего класса и крестьянства, пока... не увидят факты действительной смычки... Поэтому брось, тов. Сталин, верить в коммунистическую веру – религию, а лучше опирайся на знания, а то крестьяне будут смеяться... Обратитесь к Ярославскому и Минину, может они разуверят тебя[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 501. Л. 67.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 70. Л. 23.

[3] *Слезин* А.А. «Легкая кавалерия»... С. 132.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 8–8 об. Сталин действительно часто употреблял церковную лексику. И. Курляндский полагает, что это было проявлением «демагогии, фарса, глумливого шутовства» (*Курляндский И.А.* Сталин, власть, рели-

Поступали и другие письма, связанные с «коммунистической верой»[1]. Некоторые комсомольцы признавались, что, с трудом поменяв религиозную веру на коммунистическую, они вновь разуверились[2]. Случались и другие метаморфозы. Стрелок ОВО И.Н. Сергеев, чуваш из Казанской губ., вступивший добровольцем в Красную армию в 1918 г., в сентябре 1926 г. сообщал, что его «пролетарская революция научила читать и писать по-русски». Однако в книге Зиновьева он обнаружил слова «Бог знает что». Это его озадачило. «А посему тов. Сталин, – заключал он, – прошу изменить (т. е. исключить. – *В.Б.*) выше указанное слово "бог" из истории нашей партии, дабы этим не заводили в заблуждение темных людей»[3]. Большевизм обретал неофитов, которые тут же принимались его «улучшать».

От комсомольцев поступали «советы» по самым разным вопросам. Андраник Вилад (Иосифьян) из Нагорного Карабаха, добровольно отслуживший 2,5 года в Красной армии, в июле 1925 г. писал, что «крестьянство пассивно, разобщено», и недоумевал, «почему наше правительство, строя заводы и фабрики, не строит сельское хозяйство?» Его удивляло,

> почему [правительство] не возьмет десятин 40 земли, не даст все средства производства, не найдет человек 100 крестьян-практикантов по сельскому хозяйству, которых можно было бы в кратчайший срок, платя жалованье, скорее, чем через кооперирование, оторвать от собственности. Разве сельскохозяйственная фабрика не сумеет себя оправдать?[4]

Любой «гордиев узел» вызывает известного рода соблазн. Андранику казалось, что поставленные им вопросы могут быть молниеносно решены. Патерналистская вера во власть в умах юных комсомольцев переплелась с практикой «революционного примера». Свои идеи казались Андранику настолько неотложными, что он даже отправил во власть «конверт и бумагу», дабы поскорее получить ответ.

Крестьяне-бедняки постарше, вопреки расчетам большевиков, действительно обнаруживали растущую пассивность. В начале января 1927 г. в Орловской губернии на одно из собраний бедноты яви-

---

гия. С. 67). Скорее мы имеем дело с перверсией веры, весьма распространенной у революционеров: подсознательно они вели полемику с теми или иными догматами на традиционном (а не новообретенном) языке, что было особенно заметно в публичной (псевдопроповеднической) речи.

[1] Исследователи отмечают и другие упреки в адрес большевиков в связи с тем, что они, поменяв праздники, поменяли веру. См.: *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. С. 533, 539.

[2] *Wellmann V.* Op. cit. S. 103.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 199.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 25–26.

лось... «30 середняков, 7 кулаков, 2 бедняка»[1]. Очевидно, что в целом большевики способствовали разрастанию в деревне деградирующего и депрессивного социального слоя. «Бедняки... не хотят поставить свое хозяйство и работают только, чтобы одеваться и есть», – заявляли крестьяне[2]. При этом в Сталинградской губернии бедняки протестовали против «расчленения» крестьянства по имущественному принципу, считали ненужными «какие-то собрания бедноты», предпочитая выбирать в Совет «людей хороших»[3]. Классовая борьба нужна была редким из них.

Тем не менее идеалистов среди сельской молодежи было предостаточно. Комсомолец с примечательной (возможно, придуманной) фамилией Буянов (Брянская губ., Карачевский у., Хотьницкая вол., с. Хотьница) считал (1923 г.), что в «партии накопилось много всякого мусору». Надо пересмотреть отношение к преступникам – наказывать строже. Он просил ЦК опубликовать «во всей печати», что «вступает на платформу поэзии». Это казалось ему делом естественным: «Для того чтобы мои мысли не были замкнуты, я хочу их выливать среди трудящихся масс... ибо в нашей стране есть свобода нашим талантам». Он полагал, что его сочинения «уже гремят в СССР», а потому просил сообщить, «куда предоставлять свои произведения». Заодно он просил передать привет «всем вождям революции»[4].

Правда, встречались идеалисты иного рода. В 1929 г. один студент заявил:

> Я по натуре являюсь идеалистом, русским студентом, и этот мой идеализм, мой русизм, если можно так выразиться, спасает меня от того, чем болеет современная молодежь.

Разумеется, такие высказывания представители «пролетарского студенчества» считали «антинаучными»[5]. Порой «классовая» подозрительность комсомольцев принимала маниакальный характер. В Тамбовской губернии комсомольцы из «легкой кавалерии» на факты пьянства реагировали однозначно – как на «кулацкую политику». Обнаружив на железнодорожной станции Воронеж-1 дремавших сотрудников, они тут же заклеймили их как лиц, утративших политическую бдительность[6]. Среди активистов встречались и откровенно ненормальные люди. А.К. Рудаков с фабрики «Ткач» из Павлова Посада 9 декабря 1924 г. просил направить его на работу в ОГПУ, на-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 85.

[2] Цит. по: *Миронова Т.П.* Указ. соч. С. 252.

[3] Совершенно секретно». Т. 5. С. 86.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 36–37.

[5] *Слезин А.А.* «Коммунизирование» учебных заведений Центрального Черноземья. С. 481.

[6] *Слезин А.А.* «Легкая кавалерия»... С. 135.

мереваясь «мужественно бороться со всей той грязью и сволочью, которая мешает нашему каменистому пути – КОММУНИЗМУ...» О себе он писал так:

> Я, закаленный комсомолец, полон энтузиазма ЛЕНИНИЗМА и материалист убежденный с юных лет принялся работать секретно. И теперь в настоящее время мне уже 18 лет и я вовсе увлекся в эту работу... В революционной работе участвую с 1918 г. ... В 1919 г. попал в лапы белогвардейщины, где был арестован[1].

Другой «комсомолец-конспиратор», Отар Ананиашвили, сообщал из Москвы, что «во время пребывания в Киеве разоблачил нелегальную группу грузинских социал-федералистов и национал-демократов», однако украинское ГПУ его «расшифровало»[2]. Похоже, он мечтал найти применение своим «правдоискательским» талантам за пределами чекистского сообщества, не доверяя и ему.

Молодые люди, для которых работы в «органах» не находилось, старались унять свой зуд разоблачительства в рядах комсомола. «Левое» юношество прямо-таки упивалось своими деяниями на этом поприще. Обычные студенты рисковали быть «вычищенными» за неосторожное нарушение классово-конвенционной внешности, не говоря уже о модной одежде[3]. Делегаты слета «легкой кавалерии» ЦЧО рассказывали: «Нам показалось, что в аптеке, на которую производилась атака, имеется чуждый элемент; оказалось, что там сидят: дочь священника, затем отец и сын, лишенные избирательных прав, отец – член Союза русского народа»; «Наша ячейка педтехникума выявила в своей среде сыновей бывших людей – жандармов, попов, торгово-промышленников и т. д.»; «В Никольском сельсовете выявлено, что секретарь сельсовета – кулак». О результатах «налета» на яично-птичный комбинат докладывали так: «Был снят с работы заведующий комбината и... часть рабочих, на место которых были поставлены бедняки и батраки»[4].

Разумеется, никакая «легкая кавалерия» не могла спасти от разложения в верхах. В 1924 г. в Ленинграде была вскрыта сеть притонов для «солидных» людей, которым предлагались «уроки французского языка для взрослых». В этом оказалась замешана массажистка Адель Тростянская, жена артиста БДТ Дмитрия Голубинского. Среди клиентов называли «видных коммунистов»[5]. На Руси принято считать,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 238.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 131.

[3] *Рябченко О.Л.* Указ. соч. С. 548.

[4] *Слезин А.А.* «Легкая кавалерия»... С. 132.

[5] Д.Ф. Голубинский тем не менее сделал актерскую карьеру: снимался в фильмах А. Довженко и даже стал народным артистом Украинской ССР. См.: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 180–184.

что «рыба гниет с головы». В этом «новая» элита словно вступила в соревнование со «старой». В середине 1920-х гг. в московских театрах не без успеха шла пьеса Л. Славина «Сын наркома». Зрители оценили намек на сына Л.Б. Каменева (женатого на сестре Троцкого) Алексея (Лютика), основное времяпрепровождение которого занимали «актрисы и вино».

Порой разоблачителей ожидала незавидная участь: формировалась своего рода круговая порука людей небезгрешных. Среди комсомольцев, пишущих во власть, все больше оказывалось «пострадавших за критику». П.Л. Юрченко из с. Новая Гребля (Алешский р-он Роменского окр.) 29 августа 1926 г. сообщал, что иных даже «выбрасывают из комсомола»[1]. Некоторые молодые радикалы, лично не участвовавшие в «кавалерийских» наскоках на партразложенцев и партвырожденцев, спешили расправиться с любым – как реальным, так и мнимым – «противником» власти. Курсант губпартшколы В. Орлов из Костромы в ноябрь 1926 г. писал, что его особо «интересует вопрос о том, почему партия в лице большинства ЦК слишком мягко относится к тем, кто хочет разбить ленинское единство». Особые претензии он имел к Троцкому – тот «с 1905 г. колебался в сторону меньшевизма», да и его заслуги перед революцией «не очень-то уж велики». Правда, он признался, что «отсутствие трудов Ленина мешает разобраться в происходящем»[2]. Петр Плиско, член партии с 1918 г., из Витебской совпартшколы в октябре 1926 г., отметив, что «среди крестьян есть неуверенность, что произойдет большой раскол в партии», выразился более привычно:

> ...В деревне идет такой слух, что... жидовские вожди дерутся с русскими, а некоторые Троцкого называют Пилсудским... Теперь мы видим, что у нас генеральная чистка партии, и весь меньшевистский нарыв в нашей партии будет раздавлен[3].

Порой молодые сельские активисты не стеснялись в сведении личных счетов. Некий комсомолец из Воронежской губернии 24 февраля 1926 г. писал Калинину: «Пухов – сукин сын, ему бы скот пасти, но он партийный, обратно вернулся в председатели». К этому он добавлял, что имени своего не сообщает, иначе «будет убит паразитами»[4]. Доносительство прогрессировало по мере роста сопротивления «чуждых элементов». В Костромской губернии кулаки открыто заявляли, что «скоро будет война и пионеры будут перевешаны вместе с коммунистами». В Калужской губернии священник убеждал крестьян, что их дети «развращаются, участвуя в антирелигиозных постановках».

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 148.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 71.

[3] Там же. Л. 257.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 27.

В Гомельской губернии «во время крещения» одного комсомольца столкнули в воду (очевидно, в иордань). В Татарии «поп-тихоновец» агитировал против советской школы, в результате чего некоторые родители перестали пускать детей в школу. В Самарской губернии священник призвал прихожан не пускать детей в комсомол. В станице Романовской (Сальский окр.) кулак в годовщину Октябрьской революции «спустил сына в колодец, дабы не пустить его на празднество». Сообщали также, что в Енисейской губернии в результате «агитации местного попа Гордеева» из организовавшегося пионерского отряда в 30 человек выписалось 20. А в Омской губернии был «разгромлен пионерский клуб, изорваны все газеты и плакаты, стены исписаны неприличными словами» – подозрение пало на «местного попа и его приверженцев»[1]. 25 декабря 1929 г. в Тюмени в клубе кожевников на комсомольцев и пионеров, собравшихся на факельное шествие, напала группа из молодых хулиганов, сорвав мероприятие[2]. Официальная пресса стремилась придать всякому конфликту в молодежной среде политическую окраску. Так, в 1929 г. «обычную» драку школьников тамбовская газета «Коммуна» представила как действие «школьной организации с определенным контрреволюционным душком». Из заголовка статьи следовало, что «хулиганы травят ученика-общественника»[3]. В такой обстановке деревенские активисты иной раз прямо заявляли крестьянам: «Вы отжили свое»[4]. «Молодежь уже в церковь не ходит», – записывал свои впечатления от украинской деревни В. Вернадский 24 августа 1928 г.[5]

Иной раз недовольство сельской молодежи направлялось в «антирабочее» русло. 21 февраля 1925 г. наверх сообщали, что «настроение крестьян Калашниковской и Лихославльской волостей Тверской губернии по отношению к Советской власти натянутое». При этом приводилось коряво написанное молодым крестьянским парнем Новоторжского уезда стихотворение угрожающего характера «Крестьянин и рабочий». В нем говорилось, что «рабочий крестьянина забыл навсегда», а потому «крестьянин восстанет и закует рабочих»[6]. А Александр Дугин, крестьянин 1905 г. рождения из Ярославской губернии, писал в ЦК 3 октября 1927 г. о своем «категорическом» отказе «от отбывания военной службы, видя неправильную политику» по отношению лично к нему. Он остался без работы, в профсоюз его не приняли, а тем временем «товарищи, находящиеся у власти, полу-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 352–354.

[2] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1248.

[3] *Слезин А.А.* Молодежь и власть. С. 153.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 7.

[5] Цит. по: Владимир Вернадский: Жизнеописание. С. 224.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 70.

чают царское жалованье». Заодно он возмущался тем, что «рабочий живет много лучше крестьянина» [1]. В свою очередь городская молодежь была не довольна своими сельскими сверстниками[2].

Комсомольцы упорно отстаивали свою «независимость» от партии – налицо обычное стремление новообращенных быть большими роялистами, чем король. В 1928 г. один молодой человек из «легкой кавалерии» заявил:

> Я не согласен с товарищами, которые говорили, что легкая кавалерия не должна подсматривать под окнами партийцев и комсомольцев. Нами было проведено обследование, и мы выявили пьянку, был сделан налет и в конце концов поставлено на вид одному партийцу[3].

Более того, секретарь обкома ВЛКСМ ЦЧО С. Алексеев, сочувствовавший «кавалеристам», призывал:

> Если отдельные члены партии занимаются не тем, чем нужно, не проводят классовую политику, то мы должны выступить против этого, если даже это был райком[4].

Подрастало поколение, которое настолько ненавидело любую архаику, что готово было выступить против тех, кто терпимо относился к «пережиткам». Воздействие большевистского «культурного диктата» (пусть в извращенной форме) усиливалось по мере роста численности безотцовствующей молодежи. Тогдашняя «образованщина» – естественное явление постреволюционной эпохи. Именно от нее шло формирование новой «элиты» – слоя, не способного мыслить за пределами навязываемых идеологем. И дело вовсе не в том, что большевики провозгласили «Знание – сила», имея в виду прежде всего марксизм. Посреди эпохи революционной депрограммированности и воспоминаний об ужасе безверия, в атмосфере инстинктивного страха перед отсутствием направляющей идеи и неуверенности в официальной идеологеме многие отчаянно нуждались в бесповоротной «истине». Это напоминало массовый гностицизм – попытку уложить хилиастическую утопию в систему наукообразной аргументации[5]. Коммунистическая идеократия многих привлекала доступностью «истины», к книгам тянулась в первую очередь обездоленная молодежь. Добытые из учебников банальности вполне могли сыграть роль монолитных «устоев» их сознания и веры. Комсомолка Уварова заявила на Тамбовской окружной конференции бедноты: «Нужно

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 27.

[2] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 48.

[3] *Слезин А.А.* «Легкая кавалерия»... С. 132.

[4] Там же.

[5] *Балакирев А.* Русские коммунистические утопии и учение Н.Ф. Федорова // Россия XXI. 1996. № 1–2, 3–4.

не стесняться вычищать всю грязь из советского аппарата». В ЦЧО в результате чистки было уволено 22 % сотрудников советских учреждений. Это обернулось дезорганизацией работы учреждений, а также нагнетанием страха и неуверенности среди «бывших»[1].

Вероятно, определяющей тенденцией настроений активной части молодежи в 1920-е гг. все же было агрессивное недоумение. Молодые радикалы не поспевали за «линией партии», иносказательный язык власти не всегда был понятен. Так, группа комсомольцев обратилась к Н. Бухарину с вопросом: почему в 1921 г. от них требовали борьбы с танцами, а теперь предлагают устраивать танцевальные вечера[2]? «Красное студенчество» разоблачало устройство в университетах «грандиозных балов», «экстраординарных концертов-балов» с «заслуженными» халтурщиками вроде Л. Утесова[3]. В противовес фокстроту, именуемому «салонной имитацией полового акта», некоторые комсомольцы попытались выплясывать «Смело товарищи в ногу...»[4] Тем не менее в 1924 г. в студенческой среде были обычными такие явления, как «смычка студенчества Петрограда, Москвы и Иваново-Вознесенска», участники которой «напились до “точки возможных перемещений”» и пошли в драмтеатр на танцы»[5]. Несмотря на постоянное высмеивание юных любителей танцев в сатирической печати[6], это увлечение набирало силу.

«Комсомольская правда» получила отчаянную статью комсомольца Северова, вызвавшую переполох. Он утверждал, что идея мировой революции «на ¾ потеряла свое значение в сознании масс». Теперь, писал он, «свободной мысли нет», «молодежь повально увлекается Есениным», «начинает интересоваться религией», все мы «сидим под гипнозом неопытного гипнотизера, у которого не хватило сил и средств на полное усыпление». Ситуация, по его словам, создалась критическая:

> Жалка наша жизнь. Идеалы старые рушатся под мощным напором истории, а новых пока нет... Наши апостолы ведут нас в темноте, услаждают нас и самих себя иллюзиями о нашем будущем... Наша жизнь красива и радостна только в печати. Мы сами в себе вырабатываем яд, который отравляет наш и без того исхудалый организм[7].

Впрочем, существовали и другие мнения. Синельников из Коврова (Владимирской губ.), работник укома ВКП(б), 27 августа 1926 г.

---

[1] *Слезин А.А.* «Легкая кавалерия»... С. 134.

[2] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 73.

[3] Красный Студент. 1924. № 1(13). С. 36.

[4] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 66.

[5] *Заховаева А.Г.* Указ. соч. С. 131.

[6] *Brovkin V.* Op. cit. P. 148.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 74–74 об.

просил Сталина: «Я бы хотел написать десятилетнюю историю ВКП(б) (1917–1927 гг.) в песнях». Однако, будучи человеком дисциплинированным, сообщал, что без санкции сверху не решается воплотить в жизнь свой творческий порыв[1].

Одним из наиболее болезненных наследий революции является изменение соотношения между реальным, воображаемым и символичным – в России оно и без того было далеко от оптимума, обеспечивающего социальную стабильность. Поколение постреволюционного времени в значительной степени усугубило эту черту российской психоментальности. Один витебский еврей-комсомолец на вопрос о создании III Интернационала ответил более чем оригинально:

> 1-й Интернационал был создан Керенским, когда тот прогнал царя; 2-й Интернационал создали во время Октябрьской революции; 3-й Интернационал мы создали 2 года назад (в 1921 г. – *В.Б.*), когда сжигали на площади Свободы (в Витебске) чучело, которое изображало 2-й Интернационал[2].

Особенность постреволюционного времени состояла в том, что отношение к реальности определялось символами прошлого, страхами настоящего и порывами в будущее. Это в наибольшей степени затрагивало молодежь. Выходцы из самых различных социальных слоев – беспризорники, лишившиеся родителей и впитавшие в себя все нравственные пороки и несбыточные иллюзии революционного хаоса, юноши и девушки, так или иначе порвавшие со своими родными, оставшимися в «проклятом прошлом», и даже дети из «хороших семей» – все оказывались в круговороте идентификационного хаоса. Те и другие беспрестанно задавались вопросом: что будет в дальнейшем, ибо вера в строительство социализма угасала[3]. В воздухе витали политические дрязги и взаиморазоблачения, традиционные практики сталкивались с модернистскими вывертами социального поведения – в этих нелегких условиях предстояло «найти себя». Как всегда, преодоление смуты в умах требовало «простых» – в основе своей силовых – решений.

Особенно отчетливо новые ориентации молодежи обнаружили себя в связи с угрозой войны. В июле 1929 г. конфликты на КВЖД породили массу слухов о войне с Китаем. В Москве тут же принялись арестовывать китайцев – как уличных торговцев, так и слушателей Коммунистического университета[4]. Студенческая молодежь неожиданно обнаружила подъем энтузиазма. ОГПУ сообщало, что студенты записываются «в организованные отряды добровольцев и с охотой

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 173.

[2] Цит. по: *Зельцер А.* Указ. соч. С. 128.

[3] *Wellmann V.* Op. cit. S. 114.

[4] *Голицын С.* Указ. соч. С. 118.

проводят военные занятия»[1]. Малообразованную часть молодежи, а она составляла большинство, захватывал дух агрессии, зачастую инспирируемый извне. Творческие личности убегали от реальности по-другому.

Значительная часть образованной молодежи ощущала настоящий писательский зуд, начинавшийся, естественно, с рабкоровско-селькоровского сочинительства. Взявшись однажды обличать в многотиражках несоответствие желаемого и действительного, молодые люди не могли остановиться и оказывались перед дилеммой: продолжать писать в газеты, рискуя превратиться в сутягу, или отдаться свободному полету фантазии? Между прочим, иные корреспонденты «Крестьянской газеты» ухитрялись рассказывать небылицы о «прогрессивных веяниях» в родной деревне, клишированные с публикаций в центральной прессе или выступлений коммунистических руководителей. На этой волне становились популярны встречи литераторов с молодежью. Однажды И. Бабель получил записку:

> Я пишу стихи и работаю в газете. Нужно писать о столовых, банях, о бюрократах, а я вечером пишу стихи. Стоит ли мне работать в газете?

Бабель ответил решительно: «Стоит!»[2] Для него такого вопроса не существовало, ибо его творчество выросло из опыта осмысления Гражданской войны[3]. Возможно, его произведения были востребованы молодежью именно в силу их наполненности «дикой энергией»[4]. Но ситуация менялась: реалии жизни ставили под сомнение перспективы упоения героическим. Творческой молодежи приходилось непросто.

Вероятно, сложнее всего приходилось молодым людям из «хороших семей». Академик Ю.А. Поляков в воспоминаниях изложил историю своего двоюродного брата Александра Полякова, сына его дяди Сергея Александровича, полиглота, поэта и издателя «декадентской» литературы. Комсомолец Поляков (р. 1906), внук состоятельных московских предпринимателей, в 1920-е гг. увлекся идеей бескомпромиссной переделки действительности. Как видно, догматизирующий марксизм «гармонизировал» в его сознании видимое и воображаемое, реальное и идеальное, наконец, науку и утопию. В 1920-е гг. он стал «пролетарским оппозиционером» – чтобы открыто заявить об этом,

---

[1] *Лютов Л.Н.* Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 118.

[2] *Зорин М.* Чистый лист бумаги // Воспоминания о Бабеле. С. 163.

[3] Он полагал, что для художника важно лишь воображение, «не оторванное от жизни, а питаемое жизнью». См.: *Марков Г.* Урок мастера // Воспоминания о Бабеле. С. 191.

[4] Так писал о его творчестве М. Горькому Ромен Роллан. Цит. по: *Славин Л.* Фермент долговечности // Воспоминания о Бабеле. С. 7.

требовалась искренняя вера. Вера нужна была и власти – но «вера управляемая». А потому пылкий революционер скоро предстал троцкистом, что в 1933 г. с готовностью подтвердили «преданные партии» коллеги, а затем и следователи НКВД. Его исключали из комсомола (и восстанавливали вновь), арестовывали, высылали. И все же ему «повезло»: последний раз он оказался под следствием в 1935 г. и потому легко отделался – «всего» 4 года ссылки в Якутск, где он, если верить официальной справке, умер в начале 1940 г.[1] Увы, таких, как он, было немного; среди комсомольцев нарастала аполитичность[2].

Феномен Александра Полякова в сущности был для системы «первым звоночком». Номенклатурная власть, все отчетливее обнаруживающая «застойные» черты, но не забывающая при этом размахивать картонным мечом доктрины, начинала воспроизводить личностей диссипативного склада. В водовороте сотворения мифа обычно гибнут самые искренние – они пытаются выступать самостоятельно, забывая, что в России решающее слово остается за властью. «Государство допускает, чтобы граждане играли в свободу, но серьезно помышлять о свободе не стоит» (М. Штирнер).

Строго говоря, у юных талантов были прекрасные шансы выдвинуться, сумей они вовремя не только пристроиться, но и перестроиться. Сын крестьянина Смоленской губернии А.П. Соловьев (1904 г. рождения) рано обнаружил талант скульптора. Советскую власть он горячо поддержал, стал комсомольцем, селькором. Отличился он, начав вырезать из дерева или лепить из глины бюсты Калинина и Ленина. Сначала ему помогли деньгами в уездном Рославле местные коммунисты, они же решили в 1925 г. отправить его в Москву к земляку – знаменитому С.Т. Коненкову (который к этому времени уже эмигрировал). Будучи человеком непосредственным, он с вокзала в лаптях сразу двинулся в приемную к Калинину, но того на месте не оказалось, и его отправили в Центральный Дом крестьянина. На следующий день он посетил Мавзолей и тут же вылепил очередное изображение вождя. Далее Соловьев прибыл в приемную А.И. Рыкова, однако смог побеседовать только с А.С. Енукидзе и Н.К. Крупской – они подарили ему учебники и 50 руб. на пальто и ботинки, что позволило ему расстаться с лаптями. Посетил он и главного редактора «Крестьянской газеты» Я.А. Яковлева – тот сфотографировал его в старой одежде, а затем в полученном от Крупской новом костюме и опубликовал снимок в газете с подписью: «Наш селькор прежде и теперь» – типичный прием советско-патерналистской показухи. Попал Соловьев, наконец, к Калинину, вручил ему бюст Ленина, получил 100 руб., направление на рабфак и в общежитие.

---

[1] *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты: (Воспоминания историка). Кн. 1. М.: Собрание, 2010. С. 84–92.

[2] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 77.

Революционно-патерналистская система, безусловно, нуждалась в искренних талантах. Но могла ли она контролировать их?

Соловьеву приходилось нелегко, хотя в 1926 г. он был принят сразу на второй курс знаменитого ВХУТЕМАСа. Занимался он и изобретательством (проектировал «самодвижущееся судно»), но не найдя спроса в пролетарском отечестве, однажды, будучи близок к самоубийству, попытался продать свои чертежи за границу. В тюрьме он ожидал расстрела, но вместо этого оказался в психушке, где продолжал лепить бюстики Ленина из хлеба. После больницы вернулся в Смоленскую губернию, здесь он вырезал из дерева фигуру «рабочего-грузчика, несущего на своих плечах тяжесть, а внизу до самого горла обвился удав». Фигуру он назвал «Власть несет и власть давит», полагая, что «выразил агитфигурой всю усиленную борьбу против вредительства и советского бюрократизма», помогая тем самым «строить сказочную страну советов». Позднее сам Луначарский командировал его в Академию художеств в Ленинград, здесь он взялся преобразить пятиметровый усохший дуб в Михайловском парке в скульптурную композицию «3-х эпох». Его заприметил сам Киров, выделил ему стипендию в 50 руб. и дал квартиру, которую вскоре посетил. «Молодец, сам себе дорогу пробиваешь... – так напутствовал его Киров. – Ты у меня настоящий большевик... Что тебе нужно, приходи ко мне. Знаешь, у нас много бюрократов в совaппарате. Но с ними мы ведем беспощадную борьбу»[1].

История смотрится символично, как и то, что его 5-метровую скульптуру «бюрократы» не оценили. В общем, его произведения ждала та же судьба, что и многочисленные скульптуры из снега, которые он голыми руками лепил в жуткий мороз. Впрочем, за деревянную скульптуру «Тяжелые годы Киева в дни гражданской войны» его едва не арестовали, увидев в ней намек на голодомор. А в общем, самодеятельный певец революции закономерно превратился в типичного городского сумасшедшего, обремененного многочисленной семьей. Впрочем, кажется, что благополучных художников и поэтов не бывает в любые времена.

Обычным людям «нормального» времени трудно, почти невозможно понять, какая сила движет отчаянными творцами в смутные периоды истории. Те и сами не смогли бы это объяснить. Однако несомненно, что как успехи, так и их неудачи – важные, пусть трудночитаемые «знаки Клио».

Всякая «устойчивая» или пытающаяся стать ей социальная среда подозрительно относится к излишне прытким молодым людям. Постреволюционное социальное пространство, имплицитно ориентированное на поиск стабильности и не находящее ее, приобретало

[1] «Моя академия» А.П. Соловьева: Реальность абсурда / публ. И.В. Сабенниковой // Отечественная история. 2008. № 6. С. 134–145.

«антимолодежный» настрой. Оживляющаяся традиционалистская среда отторгала любые проявления радикализма – и комсомольскую «левизну», и хулиганский эпатаж. Коммунистическая власть, со своей стороны, настраивала «юных» экстремистов против «косных» традиционалистов, чтобы со временем вернуть себе привычную монополию на «истину» и насилие.

Еще одной особенностью постреволюционного времени было то, что молодые люди «чуждого» происхождения пытались приспособиться «по зову сердца», искреннее надеясь стать «своими» в пролетарской среде. Михаил Ксаверьевич Корбут (р. 1899), сын поляка-музыканта и русской дворянки, став студентом Казанского университета в 1918 г., ничуть не сомневался в политическом выборе: уже в 1919 г. он вступил в ВКП(б), более того, оказался в числе тех, кто «завоевывал вуз изнутри», вытесняя «идейно чуждых». Окончив факультет общественных наук, он организовал рабфак и руководил им, а в 1926 г. стал ректором Казанского института сельского хозяйства и лесоводства. В 27 лет он получил звание профессора, стал видным историком революционного движения, «разоблачавшим» всякие уклонения от линии партии и взахлеб цитировавшим сочинения Сталина. Однако в 1927 г. «красного профессора» исключили из рядов ВКП(б) за участие в троцкистско-зиновьевском блоке (правда, через два месяца восстановили), а в 1928 г. влепили выговор «за фракционность». В 1933 г. он был осужден по статье 58-10, ч. 1, и отправлен в ссылку в Казахстан, а в 1937 г. приговорен к расстрелу за «контрреволюционную троцкистскую агитацию»[1].

Что сыграло роковую роль в его судьбе: доносы «бдительных» коллег, не довольных то ли его карьерным ростом, то ли чрезмерным коммунистическим рвением? ОГПУ подозрительно относилось к молодым людям, обладавшим «троцкистским» темпераментом. В конце 1920-х гг. могли исключить из партии просто за «связь с братом-троцкистом», разумеется, если к этому «бдительные» товарищи могли еще кое-что добавить[2]. Думается, он просто казался излишне активным, а потому потенциально опасным для системы, жаждавшей стабильности[3]. Известно, что в ноябре 1926 г. студенты МГУ кричали проходящему по Моховой Сталину: «Душитель революю-

---

[1] *Литвин А., Сальникова А.* Петля Корбута. Взлет и падение «красного» историка // Родина. 2010. № 7. С. 137–140.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 41. Л. 90–95.

[3] «Надо равняться на Запад, а не культивировать отсталую культуру и стараться во что бы то ни стало ее сохранить... – заявлял М. Корбут в 1924 г. – Вы знаете, в Татарской республике вопрос поставлен о культивировании отставшей культуры, а не достижении высшей культуры» [Цит. по: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 195]. Обладателю такого политического темперамента уцелеть в 1930-е годы было сложно.

ции!», «Предатель дела Ленина!», «Узурпатор!», «Тушинский вор!», «Карьерист!»[1] Но время таких энтузиастов проходило, требовались пассивные исполнители «воли партии». Это понимали далеко не все.

С лета 1924 г. «Новое Политбюро» атаковал некий В. Валин из Одессы, возрастом (предположительно) за тридцать из числа революционных психопатов. Этот человек жаждал оказаться в рядах доблестных чекистов, но, естественно, получал отказ. Впрочем, условия, на которых он предлагал сотрудничество, любому ведомству показались бы, мягко говоря, чрезмерными. Он, в частности, писал:

> О работе в ГПУ может идти речь лишь тогда, когда я буду знаком вполне со всем делом... Чтобы сейчас работать на ответственном посту в ГПУ, надо твердо знать всю систему политики, всю сущность тактики... Иначе в работе не будет одухотворенности. Между тем у меня сейчас взгляд на 50 % всей работы ГПУ совершенно противоположен подобной вере... Надо для успешности работы в ГПУ полностью верить в ценность применяемых методов. В свое время кто был выше – Совнарком с самим Лениным или ГПУ с Дзержинским? Было время, когда ВЧК, как я полагаю, оказывалась диктатурой над диктатурой...

Теперь, считал он, положение пора изменить с помощью людей, подобных ему. Поскольку собственная конгениальность эпохе не вызывала у него сомнений, он предлагал:

> Железо для промышленности, железо в промышленности – вот лозунг, который должен получить свое соответствующее отражение в деятельности ГПУ ...Это формула кровавой диктатуры, но, по возможности, без крови, – есть плод моей мысли... Выросла она у меня внезапно еще в 1922 г.[2]

Политически озабоченные психопаты примечательны тем, что выбалтывают мысли, изоморфные настроениям людей «с тормозами». Возможно, о «железной диктатуре» мечтали многие молодые люди. Но вряд ли они предавались иллюзиям о ее бескровности. То, что не удается переделать в воспаленном воображении, хочется физически искромсать или уничтожить.

Общественная фрустрация, выветривая надежды на «светлое будущее» в одной части населения, разжигала их в другой. Троцкий ошибался: даже левая часть молодежи при всем своем критическом настрое невольно работала на власть. Ее отчаянное протестантство придавало утопии не менее агрессивные формы, чем в годы Гражданской войны. Эмоции фокусировались на пугающем образе врага, требуя силы, способной сокрушить его.

---

[1] *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 71.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 41, 60–70.

III. ВРАГИ, ВЕЗДЕ ВРАГИ!

При поверхностном взгляде психоэмоциональная сфера постреволюционной России кажется стохастическим нагромождением гипертрофированных реакций. Однако аффектированные общественные настроения в традиционалистских системах довольно легко структурируются в процессе поиска «врага». Так случилось и на сей раз.

Аккумуляция фрустрационных настроений – обычное явление для любой постреволюционной эпохи. Обычно этот процесс охватывает все слои общества. Другое дело, как сложатся векторы возрождаемой агрессивности. Как правило, она направляется на ближайшего или традиционного «виновника». При этом фантомные ощущения прошлого невольно проецируются на болевые точки современности.

1. Призрак белогвардейщины, образ интервенции

После победы Октября большевистская пропаганда продолжила выстраивать устрашающий образ контрреволюции. В его развитие теперешний враг представал в образе «военной контрреволюции»[1]. Естественно, белогвардейцам стали приписываться немыслимые жестокости. В 1919 г. Ленин охарактеризовал белое офицерство как «бешеное в своей ненависти к рабочим и крестьянам»[2]. И хотя к этому времени многие офицеры «царской» армии под руководством большевистских комиссаров успешно помогали громить настоящих контрреволюционеров, а позднее к ним по призыву А.А. Брусилова присоединились тысячи бывших деникинцев, большевики упорно стремились закрепить пугающий образ белогвардейца в массовом сознании. Начиная с 1921 г. армейские склоки непременно сопровождались обвинениями в принадлежности к белому офицерству[3]. На протяжении десятилетия партийная печать именем белогвардейцев называла не только эмигрантов, но и контрреволюционеров всего

---

[1] В последующее время догматики от марксизма постарались заслонить основного противника в гражданской войне – «белого генерала» образом «классовой», т. е. «буржуазно-помещичьей», контрреволюции. Восстанавливать реальную картину начального этапа Гражданской войны приходилось с большим трудом. Об этом см.: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 244.

[3] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138.

мира – от Китая до Америки[1]. В 1922 г. на Урале была разгромлен «Крестьянский союз», якобы руководимый колчаковскими офицерами[2]. Местные партийные работники ставили сотрудников АРА в один ряд с «белогвардейским элементом, интеллигенцией и попами»[3]. Партийные журналисты уверяли, что «советский мандат в руках князя или графа бьет сильнее и дальше белогвардейской пули»[4].

Эффект от такой пропаганды, казалось, получался обратным. А.В. Чаянов в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» сообщал о памятнике «деятелям великой революции» – Ленину, Керенскому, Милюкову, «дружески поддерживающих друг друга» на пьедестале из «тысячи пушечных жерл». Традиционное сознание не знало «классовых врагов», оно выделяло лишь «хороших» и «плохих» господ. Даже в 1930 г. в рабочей среде (г. Ржев) можно было услышать: «Скорей бы война, пришел бы Колчак, было бы лучше»[5]. Террористические образы белогвардейцев, не говоря уже о призраках злокозненных «буржуазных» и «мелкобуржуазных» политиков, в массовом сознании потускнели.

Образ врага формировался теперь по-другому. В начале 1920-х гг. повсеместно разлились страхи перед «вездесущим» политическим бандитизмом, который связывался с белыми. В 1923 г. ОГПУ зафиксировало 240 нападений на поезда, в 1924 г. – 280. В этот год не менее 18 тыс. бандитов было арестовано, убито или ранено. Только отрядами ЧОН были ликвидированы 53 банды общей численностью 1664 человека, изъято свыше 10 тыс. винтовок, более тысячи револьверов и 14 пулеметов[6]. В 1925 г. силами ОГПУ было ликвидировано 10 тыс. бандитов[7]. Чекисты, однако, били тревогу: сопротивление бандитам оказать некому – члены партии не были вооружены. В ведомстве Дзержинского рассматривались планы организации вооруженной самообороны[8]. Наряду с этим чекисты предлагали организовать выездные бригады Верховного суда «с правом вынесения смертных приговоров»[9].

---

[1] Анатолий Рыбаков в повести «Кортик» отметил, что некоторые школьники видели «белого офицера» даже в лермонтовском Печорине.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 18.

[3] *Хмелевская Ю.* Указ. соч. Р. 301.

[4] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 182.

[5] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 199.

[6] *Михеев В.И.* Указ. соч. С. 78.

[7] *Верт Н.* Указ. соч. С. 130.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 52. При этом упоминались: «налет на пассажирский поезд № 4 недалеко от Москвы, налет на пароход "Володарский" возле Нижнего Новгорода». Сообщалось, что бандитские акции «сопровождаются неслыханными зверствами: жертвы подвергаются пыткам, людей избивают нагайками, жгут раскаленным железом, сжигают живьем». См.: там же. Л. 54.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 52, 54 об.

В 1920-е гг. открытые процессы над лидерами контрреволюции, казалось, еще больше демонизировали фигуру белогвардейца[1]. Следы офицеров подчас «обнаруживались» в самых неожиданных местах[2]. Чекисты уверяли, что «в армию проникла часть кулаков, торговцев, белых»[3]. Оппозиционному студенчеству приписывали распространение эсеровских идей[4].

На деле в Центральной России (Московская, Тверская, Владимирская, Иваново-Вознесенская, Тульская губ.) в 1921–1924 гг. насчитывалось всего 1089 представителей оппозиционных партий, среди которых было 102 кадета и 25 монархистов[5]. В отчетах чекистов о забастовках московских текстильщиков в 1923 г. не было отмечено ни одного члена оппозиционных партий. Было лишь сказано, что в правлении треста числились бывшие совладельцы предприятия с «неблагонадежной политической окраской»[6].

Разумеется, чекисты, как и всякие представители спецслужб, «округляли» цифры, преувеличивали опасность, придавая ей соот-

---

[1] *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008. С. 56–60. Правда, некоторые авторы уверяют, что в 1920-е гг. в работах советских историков содержалось «много беспристрастных» и даже «уважительных» оценок белого движения (*Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998. С. 15). Подобные заявления связаны с непониманием динамики сотворения мифа: после победы выгодно подчеркнуть силу поверженного.

[2] Так, в сентябре 1922 г. облполитотдел Адыгейской АО направил в восточную секцию ГПУ Юго-востока России информацию о съезде «эфенди-прогрессистов», настроенных на сотрудничество с советской властью. Было заявлено, что он «превратился из съезда... исключительно культурно-просветительного в съезд политический». Донос был связан с недовольством позицией местного облисполкома, который якобы «решил действовать посредством прогрессивных эфендиев в области укрепления административных аппаратов власти». А между тем среди черкесского духовенства «много деникинских офицеров, которые, пользуясь слабостью власти, хотят приобрести себе авторитет». Опираясь на заведомо тенденциозные оценки, ОГПУ, ЦК РКП(б) высказали недовольство действиями Юго-восточного Бюро ЦК РКП(б) и Адыгейского обкома партии большевиков. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 2–3, 15.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 27.

[4] *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 175. Автором одной из листовок оказался 40-летний студент Московского лесного института Всеволод Блюс. Принадлежность к эсерам он отрицал, выдавая себя за представителя «демократического студенчества». В мае 1924 г. чекисты сочли, что В.И. Блюса можно освободить «ввиду полного раскаяния» (там же. С. 176–177).

[5] *Лозбенев И.Н.* Оппозиционные политические партии в регионах центральной части Европейской России (1920-е годы) // Российская история. 2010. № 4. С. 24. На 1 апреля 1924 г. за органами ОГПУ числилось 6089 подследственных, из них 2918 – политических, в местах заключения находилось 3393 человека, из них 458 политических. См.: Государственная безопасность России. С. 441.

[6] «Мы бросили работу, Придите к нам на помощь...» С. 21.

ветствующие параметры. Так, «дело Таганцева» чекисты связали с английским шпионажем; по этой линии продолжилось нагнетание шпиономании и позднее[1]. Фигуры шпиона и бандита ставились рядом с образом белогвардейца, а затем и кулака. Между тем многие выдвинувшиеся в Гражданскую войну диссипативные элементы всего лишь продолжили борьбу за «справедливость». Власти соответственно приходилось заниматься демонизацией былых соратников[2]. При случае к образу белогвардейца притягивалась и «реакционная» профессура. Так, в 1922 г. в списках кандидатов на высылку из России известный философ и «веховец» С.Н. Булгаков характеризовался так: «Профессор. Поп. Живет в Крыму, черносотенец, церковник, антисемит, погромщик, врангелевец»[3].

По мнению А. Теплякова, миф о заговорах, врагах, готовящейся интервенции, предлагаемый чекистами правящей верхушке, был для них «гарантией поддержания авторитета, получения новых штатов, наград и поощрений»[4]. Власть, не знающая средних настроений между самодовольством и паранойей, в середине 1920-х гг. активно впитывала чекистскую информацию[5]. Обычно общество не замечает, что попадает во власть страхов, парализующих возможность самостоятельно противостоять им. Еще более ненормальная ситуация возникает в случае распадения самой социальной ткани: обессиленные и разобщенные социумы готовы выдвинуть «своих» бандитов для противодействия «чужим».

Особые опасения чекистов вызывали иоанниты (последователи Иоанна Кронштадтского) с их культом пророчеств, чудес, исцелений, эсхатологической пропагандой и, разумеется, махровым антисемитизмом. В донесениях спецслужб они фигурировали в ка-

---

[1] Государственная безопасность России. С. 431, 432–433.

[2] Примечательно, что большинство современных авторов, критически оценивая роль спецслужб, тем не менее не усомнятся в реальности тех цифр, на основании которых они строили свою деятельность. Правда, имеются исключения. См.: *Михеев В.И.* Указ. соч. С. 77–91.

[3] «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008. С. 207. Люди, наблюдавшие С. Булгакова вблизи, высказывались о нем иначе: «Очень учен, а до самого себя не добрался. Цитатами засугробился и так и не выбрался из них...» (Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925. М., 2010. С. 186). В конце декабря 1922 г. Булгаков по требованию крымских властей отправился в эмиграцию. Еще ранее, в августе 1922 г., был выслан за границу известный правовед А.Л. Байков. См.: *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 677.

[4] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 501.

[5] В июле 1925 г. Сталин писал Молотову о необходимости строить новые заводы в глубоком тылу на случай «военных осложнений» и вообще «улучшить нашу воен[ную] промышленность, ибо без этого нас забьют голыми руками». См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 31, 32.

честве «крайних церковных монархистов-фанатиков»[1]. Некоторые основания для этого были. В Новониколаевске бывший жандарм М.И. Антонов основал иоаннитский монастырь-коммуну (разгромлен в 1920 г.). В Москве под прикрытием «Трудовой артели» иоаннитов он создал филиал своей организации, якобы имевший до 2 тыс. винтовок, пулемет и типографское оборудование. Правда, через некоторое время чекисты освободили большинство арестованных, имущество которых, однако, успел растащить уполномоченный уездчека М.К. Зайцев (вскоре расстрелянный)[2]. Считалось, что и после этого иоанниты не прекратили своей деятельности. Власть панически боялась всего, что связано с «царской» властью. Вероятно, в связи с этим в начале 1926 г. появилась информация о подробностях расстрела царской семьи[3]. Это не помогло: в Смоленской и Тверской губерниях, а также в Сибири и на Урале в 1926–1927 гг. распространились слухи о появлении выживших детей Николая II, причем однажды роль царевича согласился сыграть бывший комсомолец. На сей раз с самозванцами расправились жестоко: из 40 арестованных было расстреляно 8 человек[4].

Издавна смутные времена в России сопровождались появлением самозванцев царских кровей. В связи с коллективизацией обнаружилось нечто новое: появился самозваный Бухарин, предрекавший скорый конец Советской власти[5].

Между тем возникла дополнительная угроза (точнее, ее призрак) со стороны «красных офицеров». Руководители одного из крупных отрядов (900 всадников), действовавших на Дону с февраля по сентябрь 1921 г., порвали с «лжебольшевиками», «предавшими дело революции» и призвали к борьбе за «настоящую» Советскую власть[6] – случай, типичный для Гражданской войны. Летом 1921 г. обнаружилось, что группа краскомов из молодых коммунистов Академии Генерального штаба, «во главе с Шомполянским, Абрамовым и др.», решила организовать «Донскую повстанческую армию», призвав осенью готовиться к восстанию против «расточительной и безумной власти». В годы Гражданской войны люди этого пошиба привыкли не особенно считаться с «неправильными» приказами. Инерция такого

---

[1] *Осипова И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...» М., 1998. С. 11.

[2] *Тепляков А.Г.* Иоанниты Западной Сибири в документах ВЧК–ОГПУ–НКВД (1920–1930-е годы) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 30. Вып. 4. С. 130–131.

[3] Известия. 1926. 28 января.

[4] См.: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 15, 56, 58, 59, 62; Социально-экономическое и политическое развитие Сибири в документах правоохранительных органов / сост. В.И. Исаев, А.П. Угроватов. Новосибирск, 2004. С. 51–52.

[5] *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 36.

[6] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. С. 796.

поведения давала себя знать. Предполагалось, что Абрамов возглавит организацию на Дону, Шомполянский окажет ему содействие в центре, заговорщики готовились к «нападению на воинские части, станицу Домашевскую с целью захвата обмундирования». В документах организации утверждалось, что «настал час мщения за угнетательство и позор русского народа, что пора сбросить с себя ненавистное иго коммунистов, евреев и прочей своры». Похоже, дело было намеренно раздуто ОГПУ – организаторам инкриминировались контакты с одним из лидеров «рабочей оппозиции» В.Л. Панюшкиным и ЦК партии эсеров. Группа якобы состояла из 9 подпольных единиц, так называемых полков, руководил ими некий «Орленок» – начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии Конной армии Буденного, коммунист с 1918 г.[1] Следствие показало, насколько у страха глаза велики[2] – власть боялась даже тени того самого насилия, с помощью которого она некогда утвердилась.

Тем временем в эмиграции муссировались слухи об антисоветских заговорах в РККА, ведущая роль в них отводилась М.Н. Тухачевскому[3]. Бывшие офицеры писали Дзержинскому, что «ваш враг сидит внутри России»[4], – такие заявления не могли не нервировать. Власть ощущала свою неустойчивость. В этих условиях информация о надеждах белогвардейцев, достигнув Кремля, усиливала царящую там подозрительность.

Обнаруживались и другие «контрреволюционные» новообразования – спецслужбы намеренно не отделяли криминалитет от стихийно возникавших очагов сопротивления действиям властей[5]. В 1923 г. ОГПУ сообщало, что в Омской губернии действует «Союз спасения России» (до 1000 белогвардейцев и кулаков[6]), а под при-

---

[1] См.: *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». С. 83–84; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 25–26, 28–30.

[2] «Орленок» оказался казаком, уроженцем станицы Великокняжеской, Захарием Филипповичем Абрамовым; «Шомполянский» был полтавским мещанином Шемполонским Константином Ефимовичем. «Донская повстанческая армия» существовала только в их воображении, будучи, по словам Шемполонского, призвана «дать жизненные формы стране». Цит. по: *Скорик А.П.* Переход к нэпу в проблемном поле локальной истории Дона // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 30. М., 2010. С. 358–359.

[3] См.: *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 283–290.

[4] Из истории ВЧК: письмо А.И. Эрдмана (Бирзе) Ф. Э. Дзержинскому / вводная статья, подготовка текста и комментарии А.И. Колпакиди // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 204. В августе 1922 г. полковник Эрдман в весьма эмоциональном послании рассказал, как ловко он и его соратники-латыши вредили Советской власти изнутри. См.: там же. С. 187–200.

[5] *Михеев В.И.* Указ. соч. С. 78.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 18.

смотром бывших офицеров находятся бойскаутские организации в Петрограде, Москве, Архангельске, Казани, Урале и особенно на Украине. Отмечались и еврейские скаутские организации, настроенные «националистически»[1]. Через год чекисты стали уверять, что скаутские организации якобы связаны не только между собой, но и с зарубежными белогвардейскими организациями[2]. В апреле 1926 г. было арестовано около 1 тыс. скаутов, многих из них сослали[3]. Вряд ли молодежная контрреволюция была реальной величиной – чекисты «разрабатывали» ее с конца 1922 г.[4] Из дневника одного из руководителей скаутов Зотова видно, что его сторонники стояли за «полную свободу политубеждений», терпимость, права человека, антимилитаризм[5]. Что касается стихийных антисоветских настроений, то их появление провоцировала сама действительность. Так, 15-летний кубанский школьник мечтал отомстить за отца, погибшего в Гражданской войне:

> Сам я жил стремлением скорее повзрослеть и подготовить себя к активной борьбе с установившимся государственно-политическим строем... Себя я приучал, как мог, к бесстрашию, беспощадности, суровости, к физической боли, своей и чужой, к крови.

Конкретно «воспитание чувств» свелось к тому, что однажды подростки заставили себя хладнокровно наблюдать за агонией раненого бандитами милиционера. «Мы свое испытание выдержали»[6], – с гордостью сообщал начинающий садист.

Потенциальных противников советского строя ОГПУ замечало с трудом: оно было ориентировано на поиск «знакомых» врагов. В 1923 г. их напугал призрак «шариатской монархии» в Чечне[7]. В этом же году докладывали, что одна из многочисленных группировок, руководимая «бывшим жандармским полковником, доктором и педагогом», составила «проект будущей России из трех основных тезисов: "анархизм, социализм и монархизм"»[8]. Трудно сказать, чье больное воображение изобрело эту формулу – то ли вконец запутавшихся контрреволюционеров, то ли одуревших от сыскного усердия чекистов, – было возможно и то и другое. Случалось даже,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 66. Л. 8–9; «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 880.

[2] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 393. По-видимому, информация основывалась на том, что в Орле существовало Центральное скаутское информационное бюро, которое якобы «держало связь с заграницей». См.: *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 235.

[3] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. Кн. 2. С. 109, 128, 134, 135, 605.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 66. Л. 2.

[5] Там же. Л. 12.

[6] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 156.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 4.

[8] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 922.

что и среди питомцев Дзержинского обнаруживались бывшие офицеры, объяснявшие свое новое положение по-русски убедительно: «Служба»[1].

Смерть Ленина породила характерную волну страхов в верхах[2]. Москва была объявлена на военном положении. Дзержинский дал такие указания чекистам:

> ...Первое – мобилизоваться, второе – сохранить полное спокойствие и предотвратить панику... Третье – выявлять настроение масс и улиц. Четвертое – обратить внимание на поведение черносотенцев, монархистов, белогвардейцев. Пятое – оказать все содействие для поднятия духа армии...[3]

Следуя этим – отнюдь не чисто ситуационным – установкам, уже в 1926–1929 гг. в ОГПУ было подготовлено два списка «секретных сотрудников, осведомителей и вспомогательных агентов бывших охранных отделений и жандармских управлений» из почти 10 тыс. человек[4]. Трудно судить об их полноте. Несомненно, однако, что людей, угодивших в них, можно было использовать двояко: и в качестве жертвы, и в качестве поставщика обвиняемых.

Сыграло свою роль и усердие сменовеховцев. «Заграничная контрреволюция в настоящее время усиленно ищет себе союзников на легальной советской арене, перетасовывая и подновляя для этой цели свои практические лозунги и теоретические платформы», – писал один из них[5]. Соответственно российским сменовеховцам приходилось отмежевываться от своих эмигрантских единомышленников[6]. Это не помогало: Ю. Ларин припоминал, что Ю.В. Ключников, который теперь уверял, что в СССР «антисемитизма нет», будучи колча-

---

[1] *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. М., 1994. С. 63. Некоторые чекисты успели послужить у белых (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 171к, 134, 137, 138), а на новой службе отличились по части пьянства и стрельбы (там же. Д. 43. Л. 128, 131). Встречались среди них «разложившиеся элементы» (там же. Д. 12. Л. 64), карьеристы (там же. Д. 14. Л. 55), любители женщин (там же. Л. 65), пьяницы-растратчики (там же. Л. 55, 134). Обнаружился среди них и 26-летний рабочий-металлист, находившийся «под влиянием тестя-полковника» (там же. Л. 133), и безработный чекист, избивавший по пьянке жену (там же. Л. 55).

[2] Еще в марте 1923 г. Сталин в шифротелеграмме сообщал, что «возможно контрреволюция постарается использовать постигший партию удар для того, чтобы сеять панику...» Опасались, в частности, активных выступлений «авантюристов и бандитов, вроде Савинкова», на границах республики. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 4. Л. 2.

[3] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 89.

[4] *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 235.

[5] *Богданов В.* «Россия»: Литературно-общественный журнал // Большевик. 1924. № 12–13. С. 115.

[6] *Федорова О.П.* Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции. М., 1985. С. 40.

ковским пропагандистом, доказывал, что в Советской России «евреи захватили власть», а сам Ленин – еврей[1].

Не удивительно, что при таком накале страстей органы ОГПУ были, на манер бывшего ВЧК, наделены чрезвычайными внесудебными полномочиями[2]. Теперь бывших офицеров могли отыскать где угодно: в декабре 1923 г. Комиссия по проведению Декрета об отделении церкви от государства дала указание провести аресты всех царских офицеров, вступивших в общины после революции: сыграли роль нелепые подозрения, что именно они склоняют молодежь к отказу от воинской повинности[3].

Ситуация с офицерской «контрреволюцией» порой приводила к курьезам. В свое время сибирские чекисты завербовали штабс-капитана А.И. Курчеева, служившего у Колчака, а теперь работавшего в Сибземуправлении. По каким-то причинам, скорее всего, по обычному разгильдяйству, его агентурная деятельность прекратилась; более того, он сам оказался объектам провокации со стороны другого бывшего офицера – действующего сексота. Курчеев со товарищи на провокацию не поддались, но и доносить не стали. В результате в апреле 1930 г. Курчеева арестовали и осудили на 10 лет лагерей[4]. В Сибири и на Дальнем Востоке белогвардейцев (реальных и мнимых) постоянно обнаруживали в ходе партийных «чисток». Некоторым из них инкриминировалась служба у атамана Семенова и Колчака (и по мобилизации, и добровольная), причем даже в карательных отрядах. Отдельные ухитрялись до этого побывать в большевиках[5]. На Дону и Северном Кавказе многие коммунисты, особенно из коренных этносов, успели попеременно послужить и у белых, и у красных[6]. Здесь репутация бывшего белогвардейца в 1920-е гг. отнюдь не являлась основанием для исключения из партии.

Власть нуждалась в «настоящих» коммунистах, но их попросту не оставалось. Легко представить, чем это оборачивалось в 1930-е гг.

---

[1] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 452, 456–457.

[2] *Михеев В.И.* Указ. соч. С. 81–82. В дальнейшем масштабы внесудебных репрессий расширились: в 1924–1927 гг. они стали применяться по отношению к контрабандистам, бывшим белогвардейцам, контрреволюционерам, шпионам, бандитам и фальшивомонетчикам (Государственная безопасность России. С. 443). Последних еще с дореволюционных времен было особенно много на Северном Кавказе. См.: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.; Жуковский, 2006. С. 113–114.

[3] *Савин А.И.* Указ. соч. С. 43.

[4] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 197.

[5] См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 23, 34, 35, 37, 41, 42, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 59, 61, 74.

[6] Там же. Л. 87, 93, 116, 125, 136; Д. 40. Л. 32; Д. 41. Л. 140, 174, 194; Д. 42. Л. 85, 128; Д. 43. Л. 2; Д. 44. Л. 80, 87, 125, 137–138, 212–214.

Оставался востребованным и «классический» враг пролетариата – пресловутый «буржуй». Одна сатирическая белогвардейская газета еще в 1918 г. иронизировала, что «буржуй» – это «козел отпущения» для всех грехов Советского правительства, как прежде «жид» для царского правительства[1]. В сущности, поиск врагов советской власти оказался бесконечным. Этому помогали беллетристические и фольклорные «антигерои», образовывавшие зловещую галерею «палачей простого народа». Среди них были и «псы-атаманы», и «черный барон», и всевозможные «иуды», «паразиты», «кровопийцы», «звери»[2]. Поэт Н.Н. Асеев в поэме «Буденный» (1923 г.) добавил к ним «генеральскую ораву», «антантиных наемников» и «кулацких шкур». Наивные люди особенно впечатляются визуальной информацией. Отсюда впечатляющие образы, созданные Моором, Дени, Кукрыниксами – на их плакатах фигурировали «монархист» Врангель в черкеске (отсюда образ «черного барона»), монголоподобный завоеватель Корнилов, похожий на волка-оборотня Колчак[3]. В 1922 г. зарубежных социалистов, прибывших защищать правых эсеров, именовали предателями[4]. В этой химерической атмосфере нетрудно было убедить большевистское руководство, что в 1922 г. Врангель высадит в Крыму десант[5]. Чекисты «пугали» непрерывно. В 1924 г. в Симбирской губернии они утверждали, что антисоветские элементы состоят из лиц, «прибывших из Колчаковии»[6].

Образ интервентов был прописан куда менее четко, но иного не требовалось. В массовом сознании сложилось устойчивое представление об «интервенции 14 империалистических государств» против Советской России. В соответствии с законами утверждения ксенофобских представлений оно сохраняется и по сей день. Сатирические журналы 1920-х гг., как правило, начинались с карикатур на кровавые деяния «международной буржуазии». На деле заметно «покраснев-

---

[1] Приуральский пулемет (Челябинск). 1918. № 1. С. 13.

[2] *Волков Е.В.* Указ. соч. С. 153–157.

[3] Там же. С. 289.

[4] Чекисты организовывали «встречи» зарубежных адвокатов, на которых их забрасывали не только огурцами, но и камнями. Им подносили крапиву и галоши (*Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 231). На плакатах Эмиль Вандервельде изображался рядом с бельгийским королем, Теодор Либкнехт, брат убитого Карла Либкнехта, именовался Каином (*Борисова Л.В.* «Мандат от имени рабочих...» С. 170–171). Сатирическая печать с восторгом писала о яйцах, которые летят «прямо в лоб» защитникам эсеров. См.: Красный смех (Астрахань). 1922. № 1. С. 1.

[5] *Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 133. В марте 1922 г. в Северо-Кавказском военном округе особисты ожидали десанта Шкуро «на побережье Черного моря». См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 83. Л. 15.

[6] *Лютов Л.Н.* Настроения рабочих провинции в годы нэпа. С. 67.

шая» послевоенная Европа в 1920-е гг. жаждала хоть какого-то мира с какой угодно Россией.

Всякое послевоенное общество живет (или пытается жить) иллюзией «великой победы» (или жаждет реванша). Но что происходит в душах «победителей», которые ощущают себя незаслуженно обделенными и обманутыми? Очевидно, что в гамме их чувств будет превалировать желание добить «белогвардейскую сволочь» каким-то новым способом. На одном из курортов в 1921 г. партначальники рассуждали так: поскольку в современной разрухе «виновата российская и международная буржуазия», для борьбы с ней надо создать «наш пролетарский капитал, потому что с капиталом строить коммунизм гораздо легче, чем с голыми руками»[1].

Некоторая неясность с главным врагом определялась тем, что власть не могла отыскать свое собственное лицо. «Комиссарам в пыльных шлемах» переодевание в «буржуазный» костюм давалось не без труда. И тем основательнее этот постреволюционный маскарад впечатлял тех, кто упорно надеялся «стать всем».

Премьера «Дней Турбиных» М. Булгакова состоялась 5 октября 1926 г., в этом месяце пьеса прошла 13 раз, в ноябре – 14 раз. Успех был громадный, что вызвало соответствующую реакцию в самых разных слоях и карательных органах. Постановку сразу же назвали «Гражданской войной на сцене МХАТ» – она воспринималась как продолжение событий 1918–1920 гг. Белогвардейцы оказались «так хороши, так по-человечески привлекательны, что ревнителям «красной» России выносить театральный успех белых стало невмоготу»[2]. В. Маяковский посвятил Булгакову несколько крикливых строк, сообщив, что тот сочинил пьесу на потребу нэпманам. Поэт А. Безыменский разразился «Открытым письмом», в котором выразился жестко: «...Этих людей благородных и негодяев мы... расстреливали. Мы расстреливали их и на фронтах и здесь, могучей рукой, именуемой ВЧК и руководимой нашим замечательным Феликсом...»[3] Один самодеятельный критик (в прошлом учитель) назвал пьесу сплошной апологией белогвардейцев[4]. После этого впору было ожидать появления людей, готовых самолично расстрелять литераторов, осмелившихся вспомнить о белогвардейцах.

В «чужом» сочинении всякий готов был разглядеть свои собственные страхи и надежды. Луначарский назвал Булгакова «ярко выраженным» контрреволюционным писателем, а его пьесу – «драмой

---

[1] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 1.

[2] *Баранская Н.* Указ. соч. С. 351.

[3] Цит. по: Михаил и Елена Булгаковы. С. 483–484 (Примечания).

[4] Неизданный Булгаков. Ann Arbor, 1977. С. 81; *Смелянский А.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986. С. 143–144.

сдержанного, даже, если хотите, лукавого капитулянтства»[1]. Булгаков реагировал на все это с характерным юмором. На язвительный вопрос одного драматурга о том, какую роль ему дали в Художественном театре, он «резко и громко» ответил: «На должность штатного контрреволюционера с хорошим окладом»[2]. Власть действительно нуждалась в «штатных контрреволюционерах» – без них она рисковала предстать величиной невнятной и даже бесполезной.

Булгакову, как и многим другим «сомнительным» талантам того времени, хотелось ясности. С этой целью он, вероятно, и составил длинных список своих литературных «врагов». Последние вряд ли сомневались, однако, в своей «правоте»: чисто шкурный интерес прикрывался фиговым листком «идейных принципов». Тогда – да и много позднее – принято оправдывать собственные глупости и подлости тем, что «этого время требовало», а потому естественной «обязанностью было вас выругать»[3]. О нравственной составляющей и последствиях подобных поступков подданные коммунистов, похоже, разучились задумываться.

А тем временем в сводках ОГПУ (чекисты пристально наблюдали за Булгаковым с 1922 г.[4]) говорилось, что писатель представляет собой «типичнейшего российского интеллигента, рыхлого, мечтательного и, конечно, в глубине души "оппозиционного"». Пьеса «Дни Турбиных» была названа «никчемной с чисто идеологической стороны». Заодно запретили и пьесу «Зойкина квартира», имевшую огромный успех у зрителей[5]. Конечно, Булгаков вовсе не был апологетом контрреволюционеров. Он пытался разобраться, что произошло с Россией. Он признавал закономерность умирания старого и болезненность утверждения нового, но делал это нехотя, без подобающего восторга. Это больше всего раздражало людей, привыкающих считать единственной реальностью победоносный СССР, а не «проклятое прошлое». Разумеется, на самых верхах, где, как обычно, больше думают об устойчивости собственных кресел, а не о «чистоте пролетарских рядов», на происходящее смотрели шире. Деятельность Булгакова выступала своего рода лакмусовой бумажкой, по которой можно было судить об общем состоянии умов. Выбрасывать этот идеологический тестер было неразумно.

---

[1] Цит. по: *Жидков В.С.* Указ. соч. С. 557.

[2] Встречи с М.А. Булгаковым. Воспоминания Н.П. Ракитского // Дружба народов. 1990. № 3. С. 172.

[3] *Вагинов К.* Указ. соч. С. 265.

[4] См.: *Шенталинский В.* Указ. соч. С. 263–289.

[5] Государственная безопасность России. С. 477–478; *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 109. Считается, что эта пьеса была навеяна историей притона Зои Шатовой, описанной А. Мариенгофом в «Романе без вранья».

Власти смотрели на литераторов из «бывших» примерно так же, как в свое время царские охранители на либералов, формально не выходящих на пределы существующих законов. В ОГПУ и позднее воспринимали творчество М. Булгакова однозначно:

> У Булгакова репутация вполне определенная. Советские (конечно, не «внешне» советские, а внутреннее советские) люди смотрят на него как на враждебную Соввласти единицу, использующую максимум *легальных* (выделено мною. – *В.Б.*) возможностей для борьбы с советской идеологией. Критически и враждебно относящиеся к Соввласти буквально «молятся» на Булгакова, как на человека, который, будучи явно антисоветским литератором, умудряется тонко и ловко пропагандировать свои идеи[1].

Представители «пролетарской литературы» реагировали на пьесу как иезуиты на еретика. Уже в 1932 г. Вс. Вишневский, в прошлом представитель «красы и гордости революции» – матросни, для которой не существовало полутонов, считал все его произведения «буржуазными». В статье «Театр и война» он делился своими впечатлениями о пьесе в характерной тональности:

> ...И казалось, будто на сцене, глядя на Турбиных, собрались, встав в стороне со скрещенными руками, большевики – герои пролетарских пьес... И сквозь весомый и победительный пласт пролетарской драматургии начали пробиваться какие-то голоса из прошлого. Махонькие из офицерских собраний, с запахом «выпивона и закусона» страстишки, любишки, делишки. Мелодраматические узоры, немножко российских чувств, немножко музычки... Я слышу: «Какого черта! Ну, был Турбин, немножко строговатый, посамобичевался и получил осколок в череп. Ну и что?.. Все смотрят пьесу, покачивая головами, и вспоминают рамзинское дело... Знаем, мол, этих милых людей...[2]

В чем-то Вишневский был прав: в пьесе Булгакова компанию Турбиных словно кто-то разглядывал из другого измерения – так построено сценическое действо. Из какого? Не «пролетарского», а способного на простые человеческие чувства. «Обыватели» не случайно восторженно воспринимали пьесу – им не хотелось думать о «классовых врагах». Но решали судьбу пьесы не они. Слой людей, не желающих видеть в белогвардейцах обычных существ, оставался велик. И власть, то разрешая, то запрещая пьесы Булгакова, словно проверяла тех и других – кто, когда, в каком качестве может ей понадобиться.

Возможно, М. Булгаков своей пьесой (как и другими произведениями) попытался привить взгляд на революцию с гуманисти-

---

[1] Михаил и Елена Булгаковы. С. 492 (Примечания).

[2] Советское искусство. 1932. 21 февраля.

ческих (примиренческих – по тогдашней терминологии) позиций. Эффект получился противоположным – постановка углубила раскол общества.

Столкновение «старого» и «нового» театра по-своему символизировало конфликт прежнего и современного уклада жизни. Стрелы негодования коснулись и наркома Луначарского. В качестве реакции на самоубийства «буржуазные» студенты приписывали ему слова: «Пусть слабые уйдут из жизни», и называли «кровопийцей и женолюбцем»[1]. Особенно доставалось наркому за графоманские сочинительство «буржуазных» пьес[2]. Некий Блезнев 2 апреля 1927 г. так отзывался о его деяниях: «Жены видных коммунистов лезут в актрисы. Луначарский заставляет театр ставить его негодные пьесы для Розенель (своей жены. – *В.Б.*)» По его мнению, он «работает на контрреволюцию», а театру приходится платить «за брачное ложе наркома». Более того, «от пьес Луначарского одни убытки, из-за них приходится сокращать труппу». Артисты Малого театра якобы заявляли: «Лучше бы Луначарскому заплатили 10 000 руб., чтобы пьесу не ставить». По его мнению, здесь «для ГПУ и прокуроров» работы достаточно[3].

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что велеречивый нарком-просветитель, на словах обличавший все «буржуазное», своим графоманством определенно провоцировал интерес к образу жизни «бывших». И в этом партначальник культуры был, скорее всего, не одинок[4]. Заигрывание с образами «отвергнутого» прошлого – ха-

---

[1] *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 175.

[2] Еще в 1921 г. пьесы Луначарского «Оливер Кромвель» и «Похождения Ивана в раю» левые критики называли «соглашательскими». В 1924 г. сатирический журнал поместил карикатуру «Искушение святого Анатолия», где нарком был изображен в готическом кресле на фоне своих «флорентинско-пролетарских» персонажей [Красный перец. 1924. № 11 (28). С. 8]. Впрочем, бакинский журнал приветствовал постановку местным рабочим театром пьесы Луначарского «Яд», в которой показано, как в семью некоего народного комиссара через его сына проникает яд буржуазного растления, хотя и отмечал «схематичность пьесы, ходульность героев». См.: Театр и кино (Баку). 1925. № 3. С. 7; № 5. С. 6.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 44. О пьесе Луначарского «Бархат и лохмотья» в Москве сложили язвительное четверостишие: «Нарком, сбирая рублики, // Стреляет прямо в цель. // Лохмотья дарит публике, // А бархат – Розенель» (цит. по: *Лешков Д.И.* Указ. соч. С. 269). Ходили слухи, что Розенель так часто меняла меховые манто, что в труппе даже заключали пари: в каком из них она придет сегодня? См.: *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 228.

[4] Нескромные замашки Н.А. Розенель вызвали в 1928 г. нападки на Луначарского большевистского пуриста Е. Ярославского, ссылавшегося на возмущенную реакцию рабочих (Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 24–27). Едва Луначарский лишился поста наркома, как в феврале 1930 г. М. Мануильский добился отмены приглашения Розенель в Иваново-Вознесенск под предлогом, что ее появление «создаст нездоровый интерес к концерту со стороны мещанской публики». Е. Ярослав-

рактерная черта переходных эпох. Известный литератор Илья Лин как-то излишне настойчиво уверял, что «шеншеля, голубые песцы и прочие дорогие меха» вкупе с косметикой – противоестественный атрибут «старого мира», вроде бы внушая, что «украшательству» не место в обществе, где все равны[1]. Подобные публикации возбуждали синдром «"людоедки" Эллочки», описанный Ильфом и Петровым. Любая идеократия начинает подпиливать сук, на котором сидит, в тот момент, когда берется искоренять «дурные» эмоции и человеческие прихоти.

Что касается реальных символов старого мира, то на бытовом уровне они словно растворились в фигурах более впечатляющих. Князь С.М. Голицын вспоминал, что «бывшего» князя, «совсем юного геолога», «высокого породистого юношу со светлыми глазами и бархатными ресницами» Кирилла Урусова после того, как в ходе чистки он заявил с трибуны, что его отец «всю жизнь служил, никакой собственности не имел», оставили в покое. Вскоре, женившись, он поменял фамилию. Зато выслали из Москвы за «монархические убеждения» княгиню Н.П. Урусову, служащую московского железнодорожного узла[2]. Воспоминания Голицына прекрасно иллюстрируют, как люди, «якобы близкие к царскому трону», активно и успешно адаптировались к новой обстановке: барышни помимо учебы в вузах пополняли ряды «проворных, очаровательных и веселых официанток», Сергей Раевский работал фотографом в институте у Павла Флоренского, потомкам Урусовых и Унковских в студии Хмелева предрекали «блестящую будущность», а Александр Давыдов, изгнанный из своего имения в Тамбовской губернии, «занимал должность юрисконсульта при Тамбовском базаркоме» (защищал интересы базарных торговцев) под началом председателя этого комитета Палеолога – «потомка византийских императоров». Встречались среди аристократов даже агенты ОГПУ, о чем все знали. Отец самого мемуариста «благополучно служил экономистом-плановиком в Госплане СССР, получал зарплату двести рублей, что считалось тогда солидно», его мать организовала артель вышивальщиц, которую формально возглавил человек «пролетарского» происхождения. Даже «старушки из бывших» зарабатывали на жизнь преподаванием иностранных языков и обучением хороших манерам детей нэпманов. Многие аристократы ежемесячно получали денежные переводы от родственников-эмигрантов[3]. В общем, многие «баре» жили относительно безбедно до 1929 г. Тем, кто

ский, со своей стороны, против визита актрисы к рабочим не возражал. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 198. Л. 9, 10.

[1] *Лин И.* В чем красота // Работница. 1926. № 27. С. 15.

[2] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 294.

[3] См.: *Голицын С.* Указ. соч. С. 103–106, 111, 132–133.

работал в сфере культуры, было еще проще: в Малом театре спокойно пережила бури советской эпохи бывшая статс-дама при последней императрице Л.Ф. Александрова, здесь же умер своей смертью в 1940 г. граф Е.А. Зубов, не говоря уже о В.А. Шрамченко – чиновнике по особым поручениям при московском генерал губернаторе. В театре Вахтангова подвизались родственники «царских» генералов и министров, в оркесте играл Н.П. Шереметев – обладатель старинной скрипки Амати, а в середине 1930-х гг. бывшая фрейлина К.Н. Дорлиак получила орден Трудового Красного Знамени[1]. Одни шили шляпки, другие снимались в кино[2]. В середине 1920-х гг. на московской барахолке, расположенной на углу Петровки и Театральной площади, поддельные «Лориган» и «Коти» предлагали «торгующие княгини». Позднее, в 1929 г., одну из них, графиню Оболенскую, торговавшую с лотка на Смоленком рынке, все же выслали из Москвы[3].

Непохоже, однако, чтобы эти люди числились в главных противниках режима. Сам С. Голицын выделял в качестве «первых врагов» советской власти кулаков, за ними следовали спецы, затем попы и только после этого – «помещики, чиновники, офицеры, царские и белые, фабриканты»[4]. «Бывшие» относились к врагам скорее символическим, нежели реальным[5]. Сами эти люди, привычно воспринимавшие власть как историческую данность, которой положено служить при любом ее репрессивном воплощении, устраивались как могли: сам мемуарист учился на литератора, его брат Владимир иллюстрировал книги и журналы, сестра Соня занималась «санитарной статистикой», бывший офицер князь Владимир Николаевич Долгоруков (человек «большого ума и культуры», но «холодный эгоист») стал... детским писателем В.Н. Владимировым[6]. Конечно, «вычищали» очень многих. Однако даже в конце 1920-х гг. «чистки» производились не столько по «классовому», столько по «вредительскому» принципу, причем чаще они носили ситуационно-эмоциональный

---

[1] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 44–45, 47, 151.

[2] *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 188, 213.

[3] Должно быть, в порядке политической профилактики из Москвы были высланы бывший омский вице-губернатор Н.И. Князев, смоленский губернатор К.А. Шумовской, княгиня Скорина-Щербатова, другие «бывшие» аристократы и сановники. Некоторые из них оказывались в концлагерях. Княгиня Н.А. Ширинская-Шихматова получила пять лет за то, что, будучи делопроизводителем, встречалась с иностранцами, а дома хранила документы ликвидационной комиссии «Машинотреста», представлявшие для них интерес. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 116, 294–295, 332.

[4] *Голицын С.* Указ. соч. С. 105.

[5] В апреле 1929 г. Н.К. Крупская в «Комсомольской правде» утверждала, что руководство сект состоит сплошь из «бывших», – этим объясняется антисоветизм многих общин. См.: *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 125.

[6] *Голицын С.* Указ. соч. С. 107; *Каптерева-Шамбинаго Т.П.* Указ. соч. С. 127, 129–130.

характер[1]. Отец мемуариста после «чистки» вынужден был довольствоваться грошовыми переводами[2]. Иные дворяне находили работу в многочисленных акционерных предприятиях[3]. «Сын дворянина-инженера» А.М. Назаров из Ленинграда, имеющий среднее образование, стал рабочим. Его, уже осужденного коллегией ГПУ на один год условно, решили на 1 год исключить из партии – «за пьянство и дискредитацию Советской власти»[4]. Сложнее пришлось Е.Н. Михайловой, члену партии с 1920 г., интеллигентке, «методистке клубной работы», едва не изгнанной в 1925 г. из партийной организации Донского округа за «оказание материальной помощи» родителям[5]. В провинции, как всегда, готовы были переусердствовать. В Казани в органы рабочей инспекции обратился Г.А. Клинкерман, имевший медицинское и юридическое образование и знавший 7 языков. Он недоумевал по поводу грубого (матом!) отказа в членстве в профсоюзе. «Непринадлежность моя создает для меня положение, равное смертному приговору: либо умереть с голоду, либо лишить себя жизни... Неужели советской России не нужны ученые люди», – заявлял он[6].

В 1930-е гг. ситуация ухудшилась, но даже тогда «бывшие» пристраивались. Поскольку эти люди умели тихо и добросовестно служить власти, она могла их не трогать. Лично мне в конце 1980-х – начале 1990-х запомнилась энергичная немолодая «бывшая» княгиня, заведовавшая... Ленинской комнатой на одном из московских предприятий. Когда она обратилась в одно из многих образовывавшихся тогда «дворянских» обществ, ей было отказано в членстве... по причине пребывания в рядах КПСС. Российская дурь существует независимо от режимов, даже если пытается им услужить.

Разумеется, ОГПУ поощряло антипомещичьи, антибуржуазные и антиинтеллигентские настроения. Чекист Я. Петерс внушал:

> Каждый рабочий и крестьянин должен знать, что он может подать заявление, может жаловаться на отдельного бюрократа или вредных для советского аппарата людей, с которыми он имеет дело[7].

---

[1] Исследователи отмечают, что порой дворян репрессировали по принципу известности и благозвучности фамилий. См.: *Иванов В.А.* Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. (на материалах Северо-Запада СССР). СПб., 1997. С. 102.

[2] *Голицын С.* Указ. соч. С. 108–109.

[3] *Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917–1941) // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы / под общ. ред. Т. Виховайнена. СПб., 2000. С. 185.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 11. Л. 6.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 134.

[6] Цит. по: *Гатауллина-Апайчева И.А.* Указ. соч. С. 363–364.

[7] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 191.

В социальной среде, считающей себя «пролетарской», подобные призывы находили отклик – идейные импульсы тут же находили шкурное воплощение. Из г. Луги рабочие доносили, что в свое время они «добились увольнения бывшего помощника царского пристава Ларионова», однако теперь он «нашел теплое место в райпотребсоюзе». Последовала просьба «всех спецов из кооперации выгнать», а заодно «отобрать обстановку у арестованных управдомов, они свезли ее из имений». Выходило, что из-за старых и новых «буржуев» и теперь «тяжело живется пролетариату в подвалах»[1]. В 1929 г. рабочие интересовались, сколько в Красной армии осталось бывших офицеров[2]. Таким мнениям поддакивали большевистские охранители. Чекисты уверяли, что в церкви с. Дедаева (Тульская губ.) обнаружено знамя Союза русского народа с надписью «За веру, царя и отечество»[3] – в любом полуистлевшем символе прошлого они готовы были усмотреть угрозу системного уровня. Из Семипалатинской губернии в декабре 1925 г. писали: «У нас опять крутят нас бывшие "благородия"»[4]. Мера, по мнению некоторых пролетариев, против них могла быть только одна – «доэкспроприация экспроприаторов». Безработный И.М. Журавлев, из семьи чернорабочих, трудившийся, по его словам, с «12 до 18 лет», а в 19 летнем возрасте отправившийся на фронт, 6 октября 1926 г. сообщал «вождю», что «множество старых дворян, чиновников и даже белогвардейцев отлично живут в Советском Государстве на тепленьких местечках и с хорошим окладом». Сам он родился и проживал в Москве на Якиманской набережной (т. е. почти напротив Кремля), однако места себе в столице не находил, а потому просил вновь отправить его «в Туркестан на басмаческий фронт»[5].

Этот люмпен-пролетарий только и ждал, чтобы ему указали на ближайшего «классового» врага. А поскольку соответствующей команды не поступало, он готов был отправиться подальше, чтобы уничтожать «врагов», имевшихся в наличии, – ничему другому жизнь его не научила. В 1923 г. в Петрограде произошел дикий случай: два коммуниста – управляющий небольшим заводом и начальник агитпропотдела одной из дислоцированных в губернии дивизий – убили на улице человека. Губернская контрольная комиссии посчитала, что этих коммунистов следовало бы исключить из партии и передать дело в суд, но учитывая, что убитый был белогвардейцем, который «расстрелял родственников товарищей и целый ряд других това-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 139.

[2] К. Ворошилову приходилось убеждать, что подозрительные лица «давно изгнаны», а всего в Красной армии бывших офицеров (включая офицеров военного времени) осталось 7,5 %. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 102. Л. 15.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 32.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 19.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 165–165 об.

рищей», предложила исключить виновников из партии на один год и дать работу в другом городе[1].

Настоящих белогвардейцев в центре страны найти было непросто. В октябре 1924 г. Ульяновский губотдел ОГПУ докладывал, что «монархических организаций в губернии нет», а состоящие на учете монархисты «ни в чем себя не проявили». Кадеты также ни в чем не замечены, хотя не скрывали своих убеждений. Правда, один из них (Алаторский у.) назвал налоговую политику Советской власти «политикой грабежа». В общем, получалось, что опасаться нечего, хотя, к примеру, среди черкесских коммунистов были и дворяне, и белогвардейцы[2].

Ощущение «несправедливости» происходящего пронизывало не только низы. Учитель Л.Ф. Поляков с Северного Кавказа 13 октября 1925 г. жаловался, что «обострилась борьба казаков и иногородних», казаки открыто называют крестьян «кацапами» и «хамами». Еще больше его возмущало то, что «землей наделяют бывших белогвардейцев, но не крестьян»[3]. В свою очередь, красноармейцы жаловались, что бывшие офицеры восстанавливают «палочную дисциплину»[4], им поддакивали чекисты, подчеркивая «грубость, рукоприкладство, холуйство и другие их замашки, фиксируя «случаи мордобития», особенно заметные в кавалерийских частях, где этим «заражаются и краскомы»[5].

Как известно, офицер «старой» армии стал наиболее заметным врагом трудящихся с февраля 1917 г. Кое-кто был явно заинтересован в реанимации подобных представлений. Комсомольцы «легкой кавалерии» в Ранненбурге (Тамбовская губ.) настучали в райком партии, что в райисполкоме работают бывшие жандармы и белые офицеры[6]. Из Владикавказа бдительные чекисты доносили, что в Курской слободке «организовалась группа кулаков и зажиточных под руководством бывшего меньшевика и бывшего белого офицера», которые агитируют «за выдвижение в Совет своих людей»[7]. Некий аноним в сентябре 1926 г. сообщал, что студент Владимир Торчнов – бывший белогвардеец, в октябре 1919 г. работавший «у Шкуро во Владикавказском округе» в суде. Ему в свое время пришлось решать судьбу

---

[1] *Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 269.

[2] Среди них встречались конокрады, пьяницы, эротоманы, любители пострелять в нетрезвом виде. Справедливости ради следует отметить, что из партии их все же исключали. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 41. Л. 136, 140, 171, 174, 176, 192, 194.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 22.

[4] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 621.

[5] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 152.

[6] *Слезин А.А.* «Легкая кавалерия»... С. 132.

[7] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 179.

попавших в плен нескольких китайцев, осетин и русских. С его подачи китайцев расстреляли, русских «били розгами по 150 ударов». Трудно сказать, чего добивался неизвестный «правдоискатель» – возможно, жаждал окончательной расправы над Торчновым, который «сидел, потом вышел, получил должность в Рабземлесе»[1]. Природа постреволюционной государственности по-прежнему давала обывателям массу возможностей для сведения личных счетов под видом классовой борьбы.

Разумеется, людей, не довольных советской властью, среди «бывших» было предостаточно. Позднее, будучи арестованными, некоторые из них, если верить следователям, делали такие, к примеру, признания. «Я увидел, что надежды на мирное перерождение бесповоротно рухнули, что социалистический строй крепнет, советское хозяйство бурно растет... – заявил начальник отдела правления Пермской железной дороги. – ...Я видел единственный выход из создавшегося положения: иностранная интервенция, так как знал, что внутренними силами опрокинуть Советскую власть невозможно». Инженер Д.А. Антонов заявил:

> Мне все время казалось, что попытка построить социализм в одной стране при условии капиталистического окружения заранее обречена на неудачу... Интервенцию и вообще политические осложнения я считал при курсе, взятом Советской властью за последние годы, объективно неизбежными[2].

Несомненно, что «бывшие» все еще надеялись на падение большевиков. Призрак внешней угрозы и оживающей белогвардейщины взвинчивал общественное недовольство. От власти ждали решительных действий. Чекисту Я. Петерсу, к примеру, заявляли:

> А как же, товарищ Петерс, смотреть на такие явления, когда белые эмигранты из бывших офицеров и генералов или сдавшихся на милость Советской власти, будучи прижатыми к Черному морю, вернулись... и засели преспокойно в учреждениях, а те, кто их выгонял... за бортом остались, безработными обивали пороги бирж труда. Где классовый подход?[3]

Дело было не в столько белогвардейцах – как реальных, так и мнимых. Людям нужен был хотя бы символический виновник их сегодняшних бед. Некая А.Р. Плетневская из Москвы писала Сталину о своем невыносимом положении: работала учительницей-воспитательницей Сокольнического исправтруддома, где «открыла “гнойный нарыв”» (вероятно, обнаружила «злоупотребления» или

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 128.

[2] Цит. по: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 38.

[3] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 191.

«разврат»), «за что была уволена, очернена, с семьей выброшена на улицу». В принципе это обычная, и не только для постреволюционного времени, ситуация. Но в данном случае гражданка недоумевала, как такое могло случиться именно с ней, которая «пережила преследования со стороны белогвардейцев и бандитов, была изнасилована, поставлена под расстрел», а в мирное время получала зарплату 28 руб., имея на руках «ребенка 7 лет, нервнобольного». Что ей делать? Неужели «стать проституткой или пустить пулю в лоб?»[1]

В Советской России бывших белогвардейцев было предостаточно. Как люди образованные, они легко подыскивали себе должности в отличие от красноармейцев и красных партизан, вынужденных выпрашивать «руководящую» работу[2]. Несомненно, угроза с их стороны большевистскому режиму была наименьшей, хотя он едва ли им мог нравиться. По пресловутой 58-й статье УК РСФСР 1926 г. осудить отдельного человека за убеждения было невозможно, зато с легкостью можно было репрессировать группу сослуживцев, представив ее «контрреволюционным» сообществом. Бывшие «белогвардейцы» наиболее подходили на роль удобной для режима жертвы.

В свое время К. Вагинов убедительно описал поведение «бывших» офицеров. Среди них встречался и такой типаж, как корнет Павлоградского гусарского полка, который в Гражданскую войну попал на красный фронт в качестве «помощника инспектора кавалерии», при этом «ругал красных где только мог, но служил им честно». Теперь же он «работал разнорабочим, мечтал вступить в профсоюз, как раньше мечтал о георгиевском крестике». Вполне реален и образ генерала, который «служил тапером в кинематографе, его жена шила на рынок маркизетовые платья»[3]. Вот только вопрос об их отношении к новой власти решался не столько ими самими, сколько правящим режимом. Уже в 1924 г. чекисты уверяли, что офицеры, которые «систематически собираются для обсуждения за бутылкой вина фантастических проектов о террористических актах», могут легко «перейти от слов к делу»[4]. В действительности в России путь от слов к делу долог как нигде, зато власть всегда готова карать за разговоры, а не за действия. По данным ОГПУ, в 1924 г. было отмечено 313 террористических актов, в 1925 – 902, в 1927 – 901, в 1929 – 8278. В 1929 г. было ликвидировано 7305 контрреволюционных образований[5]. Трудно сказать, сколько из них было террористических, со временем патологическая подозрительность чекистов просочи-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 220.

[2] См.: *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 225–237.

[3] *Вагинов К.К.* Указ. соч. С. 46, 44.

[4] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 395.

[5] Государственная безопасность России. С. 475; *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С. 121–122.

лась в рабочую среду. В 1927 г. на Каслинском заводе на Урале один бывший матрос заявил:

> Компартия дала слишком большое поощрение белогвардейцам, они заняли ответственные посты и творят что хотят, ведя, наверное, и подпольную работу. Помимо партии надо убивать всех белогвардейцев, этим мы только можем спасти советскую власть[1].

В обстановке растущей подозрительности некоторые «бывшие» впадали в отчаяние. Один из них признавался:

> Нет никакой охоты работать, чувствуешь себя растерянным, сидишь, как манекен... Мы уже и так не работаем... На службу приходишь в каком-то невменяемом состоянии – одно в голове – чистка[2].

По сведениям ОГПУ, в 1927 г. офицеры «панически» реагировали на лишение их избирательных прав[3]. Впрочем, «чистки» были только началом настоящих преследований. Они особенно усилились поле убийства П.Л. Войкова[4]. Сталин сразу же увидел в этом «руку Англии» и потребовал запастись заложниками из сидящих в лагерях монархистов и офицеров. Постановлением Политбюро от 8 июня 1927 г. (Войков был убит днем раньше) санкционировались массовые обыски и аресты среди белогвардейцев и применение внесудебных репрессий против них[5]. Войков удостоился особо торжественных похорон – 11 июня прах его был замурован в кремлевской стене рядом с прахом убитого в Лозанне 4 годами раньше В.В. Воровского. А в отместку за убийство было расстреляно без суда 20 видных «контрреволюционеров», среди которых был нелегально приехавший в Россию 60-летний князь П.Д. Долгоруков. Эмигрантская печать увидела в этом слабость системы[6]. Точнее было бы говорить о паранойе, пропитавшей коммунистические верхи[7].

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 420.

[2] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 193.

[3] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 62.

[4] За П.Л. Войковым (сыном директора керченской гимназии, монархиста и черносотенца) – партийная кличка «Интеллигент» – числились такие «грешки», как пристрастие к алкоголю, наркотикам и дамскому полу. Согласно его рассказу (записанному Беседовским), Уральский Совет настоял на расстреле царской семьи перед большевистским ЦК, а сам он лично участвовал в казни и уничтожении трупов (*Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 1. С. 159–160, 168–176). Скорее всего, Войков предавался революционной похвальбе и преувеличивал свои террористические заслуги.

[5] Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. 1922–1936 гг. М., 2003. С. 133, 135.

[6] *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 434. Российская пресса писала о том, что в Варшаве польские рабочие, принесшие на проводы праха Войкова 70 венков, разгонялись полицией. См.: Красная деревня. 1927. № 25. 19 июня. С. 11.

[7] Расстрелянным «контрреволюционерам» инкриминировался «терроризм», в том числе подготовка покушений на Бухарина, Рыкова и Сталина. См.: Правда. 1927. 10 июня.

Не случайно обнаружилось стремление объяснять те или иные проступки неугодных людей их «офицерским» прошлым – как реальным, так и вымышленным. К примеру, сообщали, что в Гомельской губернии заведующий клубом станции Унеча «бывший член ВКП, бывший офицер» Никита Бессарабский заявлял, что «ни одного жида у него в клубе не будет, всех выгонит, от них воняет, как от падали»[1]. В такой ситуации сложнее всего приходилось не приспособленцам, а людям, сделавшим некогда сознательный выбор. Бывший полковник Генерального штаба Иосиф Защук из Тобольска, в начале 1918 г. добровольно вступивший в ряды Красной армии, и воевавший, по его словам, «под вашим (Сталина. – *В.Б.*) началом», в 1925 г. был признан «контрреволюционером». ОГПУ мотивировало это тем, что он встречался на вечеринке в Ленинграде с двумя своими товарищами, которые, между прочим, также служили в Красной армии[2]. Случай был типичным: система плодила «контрреволюционеров поневоле». Некоторые из них заявляли:

> Советская власть двуличная, все декреты о бывшем белом офицерстве наглая ложь... Разве теперь, после того как меня выкинули, я пойду защищать Советскую власть? Я по собственному желанию вернулся из-за границы, был восстановлен в правах, зачислен в запас нач. состава Красной армии... Теперь я первый восстану против Советской власти, и таких, как я, найдется немало...[3]

Этого человека вернули в «контрреволюционное» состояние, припомнив 3 месяца службы в белой армии. Выявление «контры» подчас принимало маниакальный характер. К примеру, «легкая кавалерия» ЦЧО бомбардировала партийные органы и чекистов такой информацией: «На станцию Валуйки приняли на работу бывшего белогвардейца»; «На бирже труда под маркой безработных стоят монашки, белогвардейцы, торговцы»; «В Госторге были выявлены 5 человеклишенцев...»[4] В расчет принималось только «классовое» прошлое. Особенно неистовствовали красные партизаны. В Иркутской губернии в 1923 г. они собрали отряд в 250 человек и собирались бить «буржуев», под которыми понимались «ответственные работники»[5]. Известен случай, когда восставших красных партизан возглавляли бывшие чекисты[6]. В 1925 г. на Украине в Прилукском округе (с. Поддубновка Туровского р-на) местным кулакам была подброшена

---

[1] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 342.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 16. Также см.: там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 10–10 об.

[3] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 194.

[4] *Слезин А.А.* Указ. соч. С. 133.

[5] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 636.

[6] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 512–513.

анонимка с угрозой устроить «красный петушок» и «ревтрибунал»[1]. В 1927 г. в Майкопском округе красные партизаны надеялись расправиться с бюрократами, белогвардейцами и прочими «гадами, тормозящими [социалистическое строительство? – *В.Б.*] и подрывающими авторитет СССР»[2]. На Нижней Волге бывшие партизаны активизировались в связи с коллективизацией, не забыв потребовать для себя особых пенсий и льгот[3]. А в феврале 1930 г. ОГПУ обнаружило на Украине «Народную Революционную Социалистическую Партию» из «крестьян-середняков, бывших красных партизан и демобилизованных красноармейцев», решившую организовать «оперативный отряд в 50 человек», вооруженный «тачанками с пулеметами»[4]. К этому времени в подобной информации все труднее было отделить правду от вымысла, «дутые» дела» от реальных событий. Люди, писавшие во власть, со своей стороны пребывали во взвинченном состоянии. Некий В.П. Поляков из станицы Ахтырской (Абинского р-на Северо-Кавказского кр.) писал в марте 1925 г. своему другу Ване, что в станичный комитет избрана

> вся та сволочь, которая в 1919 г. при кадетах гонялась с нами с шашками, с кинжалами, как за свиньями... Кадеты, кулаки, самогонщики, попы, псаломщики, дьяки, подьячие, дворяне, мещане – все под наше красное, добытое кровью знамя лезут[5].

Образ «царского» офицера все еще оставался настолько пугающе памятным, что с ним сопоставляли «переродившихся» коммунистов. Красноармеец Т. Донсков 1 января 1926 г. информировал, что 31 декабря в г. Миллерово «устроили семейные вечера ответственные работники» и «до того перепились, что выбегали на улицы». «Такие вечера... устраивало бывшее офицерство», – считал он[6]. Иные коммунисты подозревали в потворствовании белогвардейцам своих руководителей. Дубинин, член партии с 1918 г., работавший в школе-передвижке станицы Тихорецкой на Кубани в октябре 1925 г. обращался к Сталину, недоумевая, почему нет ответа «на предыдущее тебе письмо». По его словам, А. Микоян на вопрос: «Имеют ли право пользоваться землей пришельцы» – ответил: «Только коренные». В результате здесь «начали выселять иногородних»[7]. Очевидно, на местах наметилась тенденция «вольного» истолкования слов

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 761.

[2] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 458.

[3] *Посадский А.В.* Феномен красных партизан. 1920-е – 1930-е годы // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 87.

[4] См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1372–1374.

[5] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 108.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 123.

[7] Там же. Л. 93–95.

начальства – в том числе и с точностью до наоборот. Здесь «верхи» и «низы» все меньше понимали друг друга, но те и другие одинаково готовы были подстроиться под центральную власть.

Инициативы «летучей кавалерии» или выходки «революционных правдолюбцев» дезорганизовывали работу органов юстиции. На протяжении 1920-х гг. постоянно обсуждался вопрос о «революционной законности». В июне 1927 г. чекисты вновь получили право рассматривать во внесудебном порядке дела не только по бандитизму, но и материалы по белогвардейцам – вплоть до применения высшей меры наказания[1]. Это произошло через несколько недель после разрыва советско-британских дипломатических отношений и через 2 дня после убийства в Варшаве Войкова и взрыва в Центральном ленинградском партклубе, осуществленного РОВСом[2]. Представление о единстве действий внешней и внутренней контрреволюции стало закрепляться в массовом сознании[3]. В этих условиях чекистами помимо расстрела 20 видных «монархистов» было подвергнуто репрессиям около 9 тыс. человек[4].

Массы по-своему реагировали на происходящее: последовала вспышка не только «оборонческих» и «пораженческих», но и антикоммунистических настроений. Ходили слухи, что с помощью англичан к власти пришел Михаил Романов (вроде бы давно расстрелянный), а большевиков перевешали. Обещали «отрезать уши коммунистам», «вырезать им ремни со спины» и т. п. Наконец, призывали сдаваться в плен, так как под властью какого-нибудь польского или английского правительства будет не хуже, чем при коммунистах[5]. Иные рабочие,

---

[1] *Михеев В.И.* указ. соч. С. 85.

[2] В результате взрыва было ранено 26 человек. Кроме того, в июне 1927 г. белогвардейцы подожгли общежитие ОГПУ на Малой Лубянке. См.: Политическая история русской эмиграции. С. 36–40, 68.

[3] Н. Верт считает, что это представление было инспирировано непосредственно Сталиным, который 17 июня 1927 г. писал Молотову, что «курс на террор, взятый агентами Лондона, меняет обстановку в корне». Он же 26 июня 1927 г. указывал Менжинскому, что «агенты Лондона сидят у нас глубже» и потому повальные аресты и «один–два показательных процесса по линии английского шпионажа» весьма желательны (*Верт Н.* Указ. соч. С. 94, 100). Исследование А. Голубева дает иную картину: «военные тревоги» были характерны для самых различных слоев общества с начала 1920-х гг., они всякий раз связывались с контрреволюционно-реставрационными процессами внутри страны (*Голубев А.В.* Указ. соч.). Представляется, что Сталин, пользуясь случаем, поспешил подправить вектор массового психоза. Только в июле–августе 1927 г. ОГПУ зафиксировало 7269 пораженческий слухов (цифра, скорее всего, завышена), тогда же были проведены массовые (около 9000) аресты (См.: Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 21–30, 72–88, 628). Следует иметь в виду, что простые люди порой надеялись на внешнюю агрессию ради избавления от большевиков.

[4] *Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 135–136.

[5] *Верт Н.* Указ. соч. С. 95.

не довольные «рационализацией» производства, открыто заявляли, что им «все равно какая власть», и выражали надежду, что «придут англичане, разберутся с большевиками и образуют производство»[1].

Внешние враги и всевозможные отечественные «недобитки» устойчиво прописались в массовом сознании. Под их инфернальный образ можно было подвести кого угодно. Самозванец М.А. Поздеев, одетый монахом и умевший говорить на «вотяцком языке», со слов «сочувствующего коммунистам» уральского крестьянина-середняка, предстал великим князем Михаилом. Лжекнязь утверждал, что «заключил договор со всеми государствами на свержение советского строя и [что] в 1927 году [он] снова воссядет на свой царский престол»[2].

Летом 1926 г. на территорию СССР нелегально пробрался известный кадет Павел Долгоруков. Он добрался до Харькова, не обнаружил там никакого подполья, зато поразился подавленности интеллигенции. «Контрреволюционер» пришел к выводу, что в сложившихся условиях имеет смысл посылать в Россию «не мстителей, а примирителей», способных проникнуть в верхи советского руководства, включая армию и ГПУ[3]. Эти планы реализовывались с точностью до наоборот: чекисты проникали в эмигрантские организации, а сам Долгоруков скоро оказался в тюрьме по доносу.

В конце декабря 1928 г. был арестован М.М. Бахтин. До этого он перебивался случайными заработками, выступая за ничтожную плату с лекциями в библиотеках, литературных и иных кружках. Сводить концы с концами помогала жена, которая умела шить мягкие игрушки, пользовавшиеся спросом на рынке. Бахтин попал в поле зрения чекистов в связи с разработкой кружка «Воскресение». Кружок существовал с конца 1917 г., его руководителем был А.А. Мейер, участник революционного движения, «мистический анархист», автор книги «Религия и культура» (1909 г.), член Петербургского религиозно-философского общества, а затем сторонник популярной идеи соединения социализма (коллективизма) с христианством, со временем разочаровавшийся в социализме и вернувшийся в лоно православия. На заседаниях кружка бывали философы Г.П. Федотов, С.А. Аскольдов, библиограф А.Ф. Шидловская, пианистка М.В. Юдина, физиолог Л.А. Орбели, художник Л.А. Бруни и даже свояченица С.М. Кирова С.Л. Маркус. «Воскресенцы» постепенно убедились в утопичности «сменовеховских» надежд на перерождение большевизма и пришли к идее сотрудничества с православной церковью в деле возрождения России. Подобных кружков в тогдашней России было немало. Разумеется, лидеры и участники «Воскресения», названные «осколками

---

[1] Цит. по: *Лозбенев И.Н.* Особенности рабочего движения... С. 144.

[2] *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 88.

[3] *Долгоруков П.Д.* Указ. соч. С. 202.

бывшего дворянского сословия, детьми бывших помещиков, дворцовых чиновников... бывшими офицерами, попами и монахами», были обвинены в антисоветской пропаганде, попытках свержения власти[1]. Тенденция к раздаче контрреволюционных ярлыков людям безобидным вполне определилась. При этом газеты злорадно подсказывали: «бывшие» ведут себя намеренно скромно: «за постным видом и голосом ничего не разгадать – ни прошлого, ни настоящего»[2].

По информации ОГПУ, бывшие офицеры оказывались поистине вездесущими. В Абхазии (с. Екатерининское Сухумского окр.) в 1928 г. офицер ухитрился заставить крестьян голосовать за него на выборах кооператива[3]. В 1930 г. одному «бывшему дворянину и бывшему прапорщику царской армии» инкриминировалось заявление о том, что «меньшевистская политика была правильной»[4]. Сама власть провоцировала «белых» офицеров: в 1927 г. в Сибири многие из них добились восстановления в избирательных правах (до 93 %), но в 1929–1930 гг. были вновь «вычищены» из госаппарата[5]. Власть ни в ком не была уверена. На протяжении десятилетия приходилось выбирать между старыми офицерами и «красными командирами». Строго говоря, теперешней власти не подходили ни те ни другие: первые считались «белогвардейцами», вторые не вполне годились на роль исполнителей приказов – привыкли махать шашкой «по зову сердца». Подготовленных специалистов, которые были бы преданны будущему «вождю», не находилось.

Так называемая операция «Весна» (1930–1931 гг.), в ходе которой было репрессировано не менее 3 тыс. офицеров, служивших у красных[6], считается своего рода репетицией «Большого террора». ОГПУ усмотрело «контрреволюционную деятельность» во встречах товарищей по оружию в Георгиевский праздник[7], не говоря уже о традиции полковых торжеств. Подобные «офицерские организации» в сущности носили сословно-ностальгический характер. «Нас выгоняют, и нам не остается ничего другого, как организовываться»[8], – заявляли их члены. По той же схеме в конце 1920-х гг. в Москве в районе Арбата в «домашних столовых» собирались бывшие аристократы, кото-

---

[1] *Конкин С.С., Конкина Л.С.* Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). Саранск. 1993. С. 171, 175–179, 183, 187, 190.

[2] Цит. по: *Чуйкина С.* Указ. соч. С. 162.

[3] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 95.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 101.

[5] *Саламатова М.С.* Адаптация «лишенцев в советском обществе // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 567.

[6] *Минаков С.Т.* Военная элита 20–30-х годов XX в. М., 2004. С. 392.

[7] *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 128, 131.

[8] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 194.

рые, как писали газеты, «не то забавлялись, как старые дети, не то разыгрывали какой-то старомодный водевиль», не замечая нищеты друг друга[1]. Это были объединения отверженных, которые принимались (или выдавались) за «монархические».

Строго говоря, куда опаснее были другие вояки: иные красные партизаны, включая членов партии, в 1928 г. заявляли, что «надо к Деникину»[2]. В том же году, по информации ОГПУ, в Киргизии они же, объединившись с безработными, провозгласили:

> Да здравствует власть партизан. Долой советских комиссаров... Да здравствует новая революция[3].

Впрочем, в 1929 г. в связи с событиями на КВЖД некоторые партизаны заявили о готовности организовать добровольцев для борьбы с китайской контрреволюцией[4]. Похоже, эти люди попросту не могли жить без войны. Это также беспокоило власть[5].

К концу 1920-х гг. коммунистам мерещилась крамола едва ли не во всяком кружке кройки и шитья, не говоря уже об офицерских кассах вспомоществования. Между тем все было достаточно безобидно: как писал П. Романов, «совершенно нет общества... поэтому если собираются, то только затем, чтобы пить водку»[6]. Расправу над «бывшими» легко могли подтолкнуть не только «жертвы белогвардейщины», но и такие фигуры, как «неутомимый кляузник М.Д. Бонч-Бруевич»[7], снискавший себе славу шпиономана еще в годы Первой мировой войны. Возможно, очень многие офицеры были не без греха. Но их «прегрешения» перед властью состояли не в контрреволюционности, не в нэпманских замашках, а в сменовеховских наивностях. Позволять иметь такие иллюзии людям, некогда воевавшим с большевиками, система не могла. К тому же примерное наказание могло «образумить» обывателей. С другими «классовыми» врагами было сложнее. Мешал «информационный туман».

То здесь, то там возникали фантастические слухи. О неизбежной войне заговорили в связи с мюнхенским путчем[8]. Избрание в Гер-

---

[1] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 295–296.

[2] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 110.

[3] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 134–135.

[4] *Посадский А.В.* Указ. соч. 83.

[5] В марте 1930 г. Е. Ярославский предложил ликвидировать Коммунистический университет трудящихся Китая, мотивируя это тем, что преобладающая часть его слушателей представлена троцкистами и гоминдановцами. Действительно, китайские студенты более чем прохладно принимали выступления Сталина. Университет был закрыт. См.: *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 79; *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 174.

[6] *Романов П.* Товарищ Кисляков // *Романов П.* Светлые сны. М., 1990. С. 369.

[7] *Тинченко Я.* Указ. соч. С. 107.

[8] *Заховаева А.Г.* Указ. соч. С. 103–104.

мании президентом П. фон Гинденбурга породило волну домыслов о том, что «Германия, Англия и Польша предложили Советской власти до 1 мая снять всех коммунистов, взамен же их избрать президента, в противном случае... эти государства пойдут войной»[1].

Страхи 1920–1930-х гг. в значительной степени были связаны с ситуацией времен Первой мировой войны, а также более поздними «интервенционистскими» воспоминаниями. В 1922 г. в Туркестане судачили о скором приходе афганцев[2]. В том же году одному немецкому журналисту крестьяне задали нелепый, казалось бы, вопрос: придут ли вновь немцы «с машинами и пулеметами»?[3] Ежегодные празднования годовщины создания Красной армии проходили под знаком опасности извне. В 1926 г. в Орловской губернии в резолюциях крестьянских собраний постоянно подчеркивалось, что, несмотря на растущую мощь Красной армии, «мировые хищники стараются задушить наш союз и все время ведут подготовку к войне». Крестьяне д. Алехиной (Хотинецкая вол. Орловской губ.) постановили, «чтобы на 9-м году существования Красной армии последняя еще более усилила свое воспитание и подготовку к военному делу, для чего необходима военизация населения», чтобы «не попасть в лапы капиталистов и помещиков»[4]. Понятно, что подобные тексты подсовывались партийными вожаками. Как бы то ни было, на традиционное массовое сознание всегда больше всего влияют неясные страхи, и не важно, кто и как их внушает. В декабре 1926 г. гражданин Коми области по фамилии Римский читал крестьянам газетные материалы исключительно о подготовке к войне иностранных держав. «Темное население», естественно, уверовало, что «скоро будет война»[5]. В Орловской губернии митингующие крестьяне подписывались под резолюциями с призывами: «Смерть буржуям Парижа! за разгром Коммуны»[6].

«Сплочение страхом» становилось универсальным мобилизационным приемом. В деревушке Лалакино, затерявшейся среди лесов и болот, местные комсомольцы неудачи своей кооперативной деятельности объясняли так:

> Для красной коперацыи наступила страшно трудная епоха. Граждане, темные полчища кулаков и буржуазной контрриволюцеи ломают неприступную гору нашой кооперативы. Черьви и гады калаки

---

[1] Так говорил крестьянин-середняк из Акмолинской губернии. Цит. по: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 40.

[2] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 244.

[3] Глазами иностранцев. 1917–1932. М., 1932. С. 209.

[4] ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536 а. Л. 2.

[5] ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 130.

[6] ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 8 об.

буржуазные елементы клюют нашо пролетарское тело, как злые коршуны курицу[1].

Тем не менее комсомольский публицист видел в снабженческой кооперации, стимулируемой самовозбуждающими заклинаниями, «философию нашей эпохи».

По мнению А. Голубева, в 1920-е гг. возможность войны ощущалась даже более остро, чем в 1930-е. Постоянные слухи о многочисленных военных противниках – Англии, Франции, США, Японии, Италии, а также Финляндии, Польши, Эстонии, Румынии, Болгарии, Турции, Китая[2] – в полном смысле слова терзали воображение населения. Память о Первой мировой и Гражданской войнах давала о себе знать – люди чувствовали себя незащищенными. Чекисты в 1928 г. утверждали, что вместе с белогвардейцами вооруженные силы Польши и Румынии составят около 2 млн человек; одновременно выступит Япония[3]. Примечательно, что Германия в этом контексте упоминалась редко.

Автаркистская идеология тогдашнего большевизма, постепенно вытеснявшая пафос мировой революции, приносила неожиданные плоды. На Украине в Екатеринославском уезде среди крестьян распространялись слухи о войне в январе 1923 г. В феврале в Калужской губернии рабочие заговорили о войне с Польшей, а в Смоленской губернии пронесся слух, что Ленин сбежал, а Троцкий готовится воевать с Польшей, так как там громят евреев. Говорили здесь и о том, что большевики вмешиваются в борьбу между французами и немцами. На Дальнем Востоке, естественно, судачили о предстоящей войне с Японией и Китаем[4]. В Чечне слухи о том, что Англия уже воюет с Россией, а турецкие войска движутся на Тифлис, были отмечены летом 1923 г.[5] Возможность войны с Францией обсуждали в Кустанайской губернии. Слухи о том, что «Россию распродают», повсеместно циркулировали с начала 1920-х гг.[6] В Армении уверяли, что американцы купили «Россию на 15 лет, Грузию – на 25 и Армению на 20 лет и что коммунисты уходят от власти»[7]. Власть казалась продажной, а потому беззащитной.

---

[1] *Малов Ф.* О философии нашей эпохи // Молодая гвардия. 1927. № 1. С. 157.

[2] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 36, 43.

[3] Государственная безопасность России. С. 453.

[4] По информации ОГПУ осенью 1926 г. на Дальнем Востоке зажиточные крестьяне распускали слухи о том, что «налог будет собираться на войну, которую Советская власть намерена вести с Японией за освобождение Китая и присоединение его к России». См.: «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 715.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 16.

[6] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 208.

[7] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 569. 613, 615, 679, 825, 840.

Приезд Молотова в Курскую губернию был связан крестьянами с «неладными отношениями с западными государствами» – власть разъезжает по стране, чтобы «задобрить мужиков» на случай, если «трахнет Америка по голове». Даже перепись населения 1926 г. была истолкована более чем своеобразно: «перепишут, узнают, сколько населения», и объявят войну[1]. В конце 1926 г. некий Д.Г. Тарасюк из Уманского уезда на Украине писал: «Сталин! Мы накануне войны... народ с большим рвением пойдет за вами». Впрочем, он полагал, что лучше «постараться избежать войны»[2]. Учет лошадей в Архангельской губернии породил слух о том, что Россия «должна отдавать их англичанам, иначе будет война»[3]. Впрочем, за чекисткой информацией такого рода скрывались панические настроения коммунистов, не уверенных в поддержке народа. В. Вернадский записывал в дневнике: «Удивляет меня... опасение войны и уверенность, что она неизбежна...» По его мнению, возможность войны предусматривалась всеми – коммунисты готовятся к войне, а «в деревнях говорят: вот будет война – расправимся,.. деревня пойдет на город»[4]. Со временем страхи перед озлобленной деревней проникли в рабочую среду[5].

На местах пропагандисты выступали с бодряческими речами. На конференции призывников 1904 и 1905 года рождения в Орловской губернии в августе 1926 г. были прочитаны стандартные доклады о международном положении и строительстве Красной армии, а затем принято постановление: «Назло наших врагов со стабилизацией капитализма растет и наше социалистическое хозяйство». Тут же было заявлено о готовности «как один встать на его защиту»[6].

Война многим казалась выходом из бытовых тупиков – создается впечатление, что люди подсознательно жаждали «простоты» военного времени. Рабочие без конца перетирали аргументы о возможности войны[7]. В 1926 г. уральские казаки события в Китае напрямую связывали с призывом в территориальные части и со дня на день ожидали всеобщей мобилизации[8]. В 1928 г. некоторые коммунисты заявляли,

---

[1] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 38.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 51.

[3] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 42.

[4] *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934. М., 2001. С. 76, 87.

[5] В 1929 г. один питерский рабочий-коммунист спрашивал Сталина в анонимном письме: «Неужели тебе неизвестно, что крестьяне все, как один, жаждут момента и со всей полнотой своей накипевшей злобы пойдут в города колоть нас вилами!» См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 405.

[6] ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 23.

[7] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 378; «Совершенно секретно». Т. 5. С. 362–364, 368, 563, 566, 587.

[8] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 40.

что в случае войны надо побить сотню нэпманов, а затем и «сволочь» в партии[1]. На крестьянских собраниях постоянно подчеркивалась «враждебность капиталистических стран»[2]. Кое-где лихорадочно скупали продукты и заставляли детей «выходить из пионеров»; в других местностях, напротив, не без помощи партийных пропагандистов появлялись шапкозакидательские настроения[3]. В 1927 г. страхи перед возможной войной вызвали панику «почти во всех районах Союза»: население закупало товары первой необходимости, требовало обмена червонцев на золото, крестьяне распродавали лошадей, годных для армии, частные торговцы вздували цены[4]. На Дону казаки угрожали в случае войны вырезать всех иногородних[5]. «Шахтинское дело», к которому было привлечено несколько германских инженеров, вызвало новую волну слухов о неизбежности войны[6]. В таких обстоятельствах любые ажиотажные явления рассматривались в верхах под углом зрения «контрреволюционной угрозы», а массовые проявления бессильной ярости вырастали до угрозы «повстанчества».

Некоторые авторы считают, что страна оказалась «в своеобразных условиях имитации внешней войны»[7]. Как бы то ни было, формирование образа врага приняло неуправляемый характер. Да и что можно было ожидать от власти, то привлекавшей в ряды своих советников деятелей Временного правительства вроде Н.В. Некрасова, П.А. Пальчинского, Н.Н. Кутлера[8], а затем отправлявшей их в тюрьму (позднее расстреливавшей). Теоретически выход из ситуации мог быть двояким: либо бескомпромиссная борьба против «коммунистов-буржуев», либо, в случае ее неудачи, падение ниц перед властью, продемонстрировавшей «силу».

В августе 1927 г. Сталину пришлось отвечать на вопрос Анри Барбюса о красном терроре. Генсек поведал писателю-пацифисту, что с точки зрения внутренней политики у большевиков нет нужды в смертной казни. Но «международная обстановка такова, капиталисты так сильны, у них так много денег, они так беспощадны в борьбе

---

[1] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 39.

[2] ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1132а. Л. 17.

[3] *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 54, 51. Также см.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 321.

[4] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 147–148, 410.

[5] Там же. С. 431, 523.

[6] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 166.

[7] *Симонов Н.С.* «Крепить оборону страны»: «Военная тревога» 1927 года и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. С. 157.

[8] Некоторые даже считают Н. Кутлера создателем советской финансовой системы, что кажется преувеличением. См.: *Николаев М.Г.* На пути к денежной реформе 1922–1924 гг.: Четыре ареста Н.Н. Кутлера // Отечественная история. 2001. № 1.

с нами, они так систематически посылают в СССР террористов, что без смертной казни нам не обойтись». А перед этим Сталин поведал Барбюсу о том, что «недавно была арестована маленькая группа, состоящая из дворян-офицеров», которая вознамерилась отравить газами «весь съезд Советов»[1]. Трудно сказать, верил сам главный параноик в подобных террористов или нет, но очевидно, что без ощущения внутренней и внешней угрозы власть не могла существовать. И вера в террористов – не менее заразительная, чем вера в нечистую силу, – расползалась по всему постреволюционному социальному пространству.

Один из главных идеологов, точнее – идеологических паникеров большевизма, Е. Ярославский в отличие от генсека выражался много проще. В декабре 1928 г. на заседании Оргбюро ВКП(б) он докладывал, что миллионный «религиозный актив», в который входят «капиталистические элементы», активизировал свою деятельность. В роли религиозных проповедников порой выступают профессора. В своей деятельности «церковники», утверждал Ярославский, опираются «на ряд религиозных музеев, то есть музеев, взятых из монастырей и других учреждений, например Музея Иконописи и т. д.» В подобных учреждениях, уверял он, «до последнего времени сидели белогвардейцы, они превращали хождение по музеям в религиозную проповедь...» И разумеется, Ярославский не преминул отметить, что численно растущие сектантские организации щедро финансируются из-за рубежа[2]. К этому времени уже была арестована О.А. Бартенева – одна из руководителей Общества христианской науки в Ленинграде (16 человек). Общество российских сайентистов было официально зарегистрировано; у чекистов, вызвало подозрение то, что его руководящий центр находился в Бостоне[3].

---

[1] Цит. по: *Куликова Г.Б.* Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4. С. 52–53.

[2] *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 597–599. По данным баптистов, в 1926 г. из общей суммы пожертвований (33 тыс.) от заграничных братьев поступило менее 6 тыс. руб. (*Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 116). Заявление Ярославского, вероятно, базировалось на информации о том, что некоторые протестантские проповедники получали образование за границей (*Никольская Т.К.* Указ. соч. С. 75), и, кроме того, их навещали иностранные миссии (*Соколов В.И.* Указ. соч. С. 224). Некогда В.Д. Бонч-Бруевич оценивал численность сектантов в 35 млн. Сами сектанты в 1920-е гг. подходили к этому вопросу более трезво: 350–400 тыс. взрослых евангелистов, столько же баптистов и 13 тыс. адвентистов седьмого дня (Там же. С. 91). При этом сектанты подчеркивали, что ими создано много молодежных кружков. См.: *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 222–223.

[3] *Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г.* История движения последователей Христианской Науки в России (февраль 1917 – 1935 г.): Исследование. Документы. Комментарии. СПб., 2007. С. 335–342.

Существует точка зрения, что «мифологизация как внутреннего (якобы повсеместные заговоры) и внешнего (будто бы постоянная угроза интервенции) противника советской тайной полицией приводила к дезинформации политического руководства и неадекватным реакциям»[1]. Предполагается, что власть при наличии объективной информации могла бы вести себя более «разумно». Трудно сказать, кто кого в действительности дезинформировал: тупо индоктринированная власть, «заказывающая» спецслужбам информацию о «непременных» заговорах, или «доблестные чекисты», бездарно отрабатывающие свой номер по разоблачению «заговорщиков», без которых система *sui generis* не могла существовать. Вероятно, все дело в том, что население СССР еще не вышло из очередной кризисной полосы исторического существования России, именуемого революцией.

В январе 1927 г. Й. Гирса в ответ на замечание о фантастичности слухов о возможности войны, получил от М.М. Литвинова поразивший его ответ: «...У нас такие хорошие соседи, что можно ожидать всякого»[2]. Параноидальные настроения в верхах подхлестнули прессу, которая запестрела информацией о многочисленных терактах против коммунистических руководителей, часть из которых якобы была предотвращена ОГПУ. При этом подчеркивалась угроза со стороны «иностранных шпионов, поджигателей и убийц», а также их монархических и белогвардейских союзников[3].

25 июня 1927 г. Сталин в письме председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому потребовал «повальных арестов» подозрительных элементов для того, чтобы парализовать действия «английского шпионажа». Кроме того, генсек приказал шире использовать в агентурно-осведомительной работе комсомольцев[4]. В июле 1927 г. Г. Ягода предложил изменить главное направление осведомительной работы. Старый контрреволюционный актив, полагал он, «испытав сидку и внутреннюю тюрьму», стал малоопасен. Напротив, «очень грозную опасность представляют сейчас антисоветские группировки на заводах», а весь политический террор «исходит целиком от молодежи». Ягода призвал своих подручных искать «молодой актив» контрреволюции, предлагая для этого «вербовать пачками» людей из его среды вместо того, чтобы отправлять в лагерь[5]. Возможно, это предложение было навеяно призывами Троцкого опираться на молодежь. Однако к концу 1920-х гг. надежной осведомительной сети чекистам создать не

---

[1] *Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 133.

[2] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 120.

[3] См.: Правда. 1927. 31 мая, 8, 9, 10 июня.

[4] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 5. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 10–12.

[5] *Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 315.

удалось[1]. Это оборачивалось еще большим усилением взаимной подозрительности власти и населения.

Политической паранойей были поражены и противники большевизма. Троцкисты в связи с высылкой из СССР своего вождя писали, что теперь «пуля любого белогвардейца может сразить драгоценную для пролетариата и всего мира жизнь»[2]. В образе врага нуждались самые различные социально-политические силы. Социальное пространство было перенасыщено всевозможными угрожающими образами.

Разумеется, навязываемая политическая ксенофобия вызывала отторжение. В многочисленных пивных звучали такие, к примеру, куплеты: «Всех буржуев бьем примерно / до победного конца. / Все под занамя Коминтерна / ланца-дрица-гоп-ца-ца!»[3] Впрочем, «значительность» политических образов до поры до времени определяется не их повторяемостью, а эмоциональным насыщением. Так было и на сей раз.

В 1928 г. обследование школьников показало, что 77,5 % из них считают отношения СССР с буржуазными странами «враждебными» (правда, при этом более 50 % опрошенных все же предпочитали мирные отношения с соседями)[4]. Известное влияние на формирование подобных настроений играли сообщения с восточных границ СССР. Оттуда поступала такая, к примеру, информация: «Хан Жунейт оперирует на территории Хорезмской и Туркестанской республик – уничтожает жилые помещения, угоняет скот и женщин, которых меняет в Персии на оружие английского производства»[5]. Басмаческое движение стало почти синонимом «английской угрозы». Территориальная отдаленность не имела значения – согласно архаичным представлениям, «враг» является вездесущим. В письмах в «Крестьянскую газету» встречались и такие вопросы: «Скоро ли придет в СССР уважаемый Чан Кайши уничтожить наших коммунистов? Куда будут скрываться коммунисты, когда придет Чемберлен или Чан Кайши в СССР, если за границей их не примут?»[6] И такие представления неуклонно росли. В 1927 г. в Амурском округе один зажиточный кре-

---

[1] Об этом пишут даже в учебниках для современных спецслужб. См.: История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 204.

[2] Из истории троцкистской оппозиции в СССР. Листовки 1929 года / публ. С.П. Карпачева // История СССР. 1991. № 5. С. 113. Сам Троцкий писал, что, высылая его в Турцию, Сталин рассчитывает на содействие белогвардейцев в расправе над ним. См.: *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. М., 1994. С. 45.

[3] Цит. по: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 260.

[4] *Балашов Е.М.* Контуры будущего гражданина: новые и традиционные элементы в явлениях детского сознания. 1917–1920-е годы // Нестор. 2001. № 1(5). С. 172–189.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 47 об.

[6] Цит. по: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 47. Путаница с заграничными «врагами» и «друзьями» происходила вопреки тому, что в тогдашних «живых газетах» можно было

стьянин, явившись на собрание ячейки, заявил комсомольцам: «...Как придет Чемберлен, я вас сам приколю и прибью»[1]. «Военная тревога» взвинтила общественные настроения тем более, что развернулась «военизация женщин»[2]. Для реализации «нашего ответа Чемберлену» крестьянок призывали не только «крепить смычку», но и жертвовать на советский воздушный флот[3]. Писали о кино как орудии буржуазии в будущей войне[4]. Историк И. Шитц в ноябре 1930 г. записывал в дневнике:

> Говорят о войне. Или, лучше сказать, не говорят, а носятся с мыслью о ней, причем газеты так и заливаются криками об «интервенции». По известиям с Запада (об этом передают через третьи руки от лиц, там бывших, или «сверху»), там смеются над нервностью большевиков, не собираясь воевать. Но у нас в войне уверены»[5].

Образ внешнего врага выглядел недостаточно убедительно без «пособника» внутри страны. В Ленинграде эту роль чекисты навязали группе инженеров «Судотреста», среди которых был В. Костенко, в прошлом видный кадет, городской голова в Николаеве во время оккупации города немцами, Зворыкин, названный потомственным дворянином, монархистом и черносотенцем. Указывалось, что прочие обвиняемые (Кондратьев, Ладыженский, Обухов и др.) под стать им[6]. В марте 1929 г. ОГПУ представило доклад о контрреволюционной организации в Военпроме, возникшей якобы еще в 1922 г. по инициативе бывших генералов и полковников царской армии. Осенью 1929 г. последовало сообщение о расстреле «царских» генералов В.С. Михайлова, Н.Г. Высогамского, В.Л. Дыманнова, Н.В. Деханова[7].

Наилучший способ возбуждения общественной паранойи – указание на врага «непонятного», но зато вездесущего – того, чей образ непременно блуждает в потемках массового подсознания. В пропагандистской печати утверждалось, что антисемитизм – это «оружие

увидеть тупоголовых британских солдат, заявлявших: «Мы расстреляем весь Китай». См.: *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 336.

[1] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 605.

[2] Имелось в виду вовлечение женщин во всевозможные кружки, Осоавиахим и «Красный крест» (*Гарина Б.* Военизация женщин в Ленинграде // Коммунистка. 1927. № 8. С. 17–18). Примечательно, что сами пропагандисты опасались паники среди женщин. См.: *Шестакова Е.* Как ставить военную пропаганду // Коммунистка. 1927. № 9. С. 37.

[3] Крестьянка. 1927. № 17. С. 3. Похоже, что на эти призывы охотнее откликались селькоры, представители сельской интеллигенции, члены артелей и старообрядцы. См.: Красная деревня. 1927. № 29. 17 июля. С. 3; № 34. 21 августа. С. 3.

[4] См.: Кино и культура. 1929. № 4. С. 29–37.

[5] *Шитц И.И.* Указ. соч. С. 248–249.

[6] Известия. 1929. 13 сентября.

[7] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 165.

контрреволюции», «идеология монархистов, черносотенцев, кулаков, "истинно русских" и петлюровских погромщиков», а «охвостье капитализма» стремится «стравить народы СССР»[1]. В июне 1926 г. в связи с угрозой петлюровского терроризма Дзержинский отдал распоряжение «захватить достаточное количество заложников на Украине»[2]. К 1930 г. чекисты вспомнили про масонов. Тут же обнаружилось, что некоторые члены разгромленного «Русского Национального Союза» входили в московскую масонскую ложу «Гармония», якобы связанную с зарубежными центрами[3].

В глазах большевиков всякая подозрительная «муха» теперь автоматически вырастала до размеров империалистического «слона».

2. Буржуи – старые и новые

В 1917 г. слово «буржуй» использовалось в качестве маркера для обозначения «всякого чужого». В годы «военного коммунизма» метафорическое применение термина расширилось[4]: к нему стали прибегать для стигматизации всякого неугодного человека[5], хотя в сатирической печати нэпман порой представал бывшим капиталистом[6]. Краснофлотцы, как и ранее, рекрутируемые преимущественно из рабочих, были не довольны тем, что нэпманы «живут припеваючи»[7]. Один комсомолец возмущенно писал в газету, что советская власть выдает крестьянам образование «в час по чайной ложке», а преимущество получает «советское барство» – дети служащих и нэпманов[8]. Но вектор «классового» недовольства мог меняться.

В постреволюционное время спасшиеся или просто недобитые «буржуи» стали «лишенцами», т. е. лишними для нового общества людьми. Судьбы их оказались столь же пестрыми, как они сами. Здесь были и кадровые офицеры-дворяне, отправлявшиеся в Красную армию с беззаботностью ландскнехта, поменявшего сюзерена, и служа-

---

[1] *Канцелярский П.* Советская власть и еврейское население в СССР. С. 4–5.

[2] Государственная безопасность России. С. 441–442. Пропетлюровские настроения на Украине были достаточно сильны, но они пошли на убыль после убийства Петлюры. Тем не менее административный аппарат приграничных районов оставался «засорен» офицерами-петлюровцами. См.: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 225–227, 245.

[3] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1165.

[4] Т. Смирнова приводит любопытный список парадоксов социальной мобильности того времени (*Смирнова Т.М.* «Бывшие люди». С. 32–34). Объективно это затрудняло идентификацию буржуя и нэпмана и столь же облегчало негативную стигматизацию этими именами всякого неугодного лица.

[5] См.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди». С. 32–34.

[6] Крысодав. 1923. № 1. С. 12–13.

[7] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 167.

[8] Там же. Т. 1. С. 65.

щие новой власти соответственно старому кодексу чести. Среди «лишенцев» оказались и люди свободных профессий, уверившие себя, что по-прежнему служат народу. Даже антибольшевистские идеологи по давней интеллигентской привычке меняли прежнюю доктрину на «более передовую». На самообман одни шли из желания выжить, другие в надежде на исправление режима, третьи – сохраняя социалистические иллюзии. Выбор, как тогда говорили, был один: или помирай, или подвывай. Значительная часть лишенцев рассеялась по бюрократическим конторам, просиживая последние уцелевшие штаны за жалкое жалованье безропотного клерка; другая принялась создавать демократический имидж втайне ненавидимому режиму в творческих организациях; третья упивалась ощущением востребованности в качестве профессионала, якобы не оцененного прежней властью. Наконец, в массе обломков старой культуры нашлись такие, которые превратились в подручных палачей, ибо уважали силу и искренне ненавидели проигравших[1].

К встрече с «новой» буржуазией большевики были не готовы. Е.А. Преображенский в 1921 г. полагал, что нэпманы откармливаются для того, чтобы в нужный момент «их можно было зарезать» скопом[2]. В марте 1922 г. Дзержинский дал задание Уншлихту «проникнуть в святыню капитализма – биржу». Он полагал, что «необходимо раскусить эту штуку, знать ее дельцов», а для этого «обзавестись своими маклерами, купцами спекулянтами и т. д.»[3] В сентябре того же года он потребовал начать составление «списка наших нэповских богачей-триллионеров»[4]. В целом в нэпманах видели возродившихся представителей старых буржуазных классов. В 1923 г. сатирический журнал язвительно сообщал, что в будущем году для нэпманов откроют новые рестораны – «На дне Мойки» и «Фонарный столб». В судах действовал принцип: «Если рабочий, то принимать во внимание. Крестьянин тоже. Нэпман чуть чихнет, его в суд»[5]. В 1924 г. на выездной сессии Верховного суда РСФСР слушалось дело о взяточниках, среди которых были не только нэпманы, но и вступившие с ними в сговор представители закона. Обвинителем выступал А.Я. Вышинский (в прошлом меньшевик). Он заявил:

> ...Революция продолжается. Буржуазия, которая раньше выступала открыто, обходит теперь с тыла... Если мы не задушим ее, она задушит нас...

---

[1] См.: *Волков О.В.* Указ. соч. С. 47, 62–63, 80–81, 103–104, 157, 166, 170–171.

[2] Цит. по: *Пелликани Л.* Коллективистская антиэкономика // Социализм будущего. 1992. № 3. С. 62.

[3] Цит. по: Государственная безопасность России. С. 454.

[4] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 427, 438.

[5] Цит. по: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 57, 104.

В результате 17 человек было приговорено к расстрелу[1].

Суровости приговора удивляться не приходится. Летом этого же года Д. Бедный сообщал Сталину с курорта о сетованиях чекиста Г.А. Атарбекова на то, что в свое время он «не чисто работал» – не успел «пустить в расход» кое-кого из нынешних нэпманов. В свое время Атарбекова за творимые им жестокости едва не поставили к стенке свои же. Когда в следующем году Атарбеков вместе с С.Г. Могилевским и А.Ф. Мясниковым (Мясникяном) погиб в авиационной катастрофе, Сталин заподозрил в этом «месть двум чекистам за расстрелы и Мясникову как армянину»[2]. Сам воздух, который вдыхали большевики, казался им пропитанным «классовой» ненавистью. Сам Д. Бедный порой впадал в бешенство от нэпманского хамства. В таких условиях важно было вовремя найти «врагов».

Власть упорно приучала «трудящихся» к старой «классово-антагонистической» мысли: богатых надо уничтожать. В 1923 г. комиссия ЦКК во главе с А.А. Сольцем сделала такой вывод: «...Даже в тюрьмах взяточники, нэпманы имеют все привилегии... они отпускаются на работы в учреждения, заходят к себе на квартиру повидать семью, хорошо питаются»[3].

В действительности настоящих «капиталистов» осталось немного, да и те опасались «высовываться»[4]. Некоторых из них, показавших себя хорошими специалистами, защищали «красные директора» из старых большевиков[5]. А «разгул нэпманов» был связан скорее с нравственно-психологическим надломом, наступившим с окончанием «военного коммунизма». «Я теперь красный купец, делаю новую экономическую политику, – с гордостью сообщал один из деревенских чекистов. – Ездил за Киев за мукой и сахаром»[6]. Так называемые нэпманы вырастали не только из бывших мешочников, но и членов заградотрядов, потрошивших их в годы Гражданской войны.

---

[1] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 173. Левое студенчество МГУ ненавидело ректора А.Я. Вышинского. Во время одной из дискуссий он был основательно избит. См.: *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 88.

[2] Большая цензура. С. 79–82.

[3] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 178.

[4] Так, по данным на март 1923 г., в дореволюционный период занимались торговлей лишь 39 % от нынешних торговцев-нэпманов, в 1927 г. этот показатель снизился до 28,7 %. В промышленности среди нэпманов-арендаторов бывшие хозяева составляли 35 % (по Украине 40,1 %). См.: *Волосник Ю.П.* Социальный портрет нэпмана Украины: мифы и реальность // Эпоха. Культуры. Люди. С. 66–67.

[5] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 14.

[6] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 124. Под «краскупов», которые «служат пролетарию», стали сразу же косить все нэпманы, что высмеивалось в сатирической печати. См.: Крокодил. 1922. № 5. С. 6.

При этом нэпман оставался фигурой скорее мифической, нежели реальной. Исследователи все еще не закончили спор о численности «новых буржуев». Ю. Ларин, известный своими преувеличениями, определил их численность в 720 тыс. Советский историк И.Я. Трифонов насчитал 2 120 тыс., однако Ю.А. Поляков применительно к 1924 г. выявил лишь 1 138 тыс. нэпманов[1]. Нет смысла вдаваться ни в методику подсчетов, ни обосновывать «точные» социальные параметры этого «новобуржуазного» образования, полностью зависящего от советской системы, точнее, от ее хозяйственно-экономических слабостей. Для психосоциальных представлений того времени значение имели совершенно иные факторы.

В народе довольно четко разделяли «хозяина» (человека не только дающего работу, но и заботящегося о «справном» работнике) и собственно нэпмана – человека праздной жизни. Власти панически боялись наметившегося союза «труда и капитала». Отсюда стремление опорочить предпринимателей, представив их «эксплуататорами», время от времени раздающими «подачки». Тогдашний предприниматель прекрасно понимал, что его главное преимущество перед госсектором – своего рода производственный патернализм, а не культивирование иждивенческих настроений. Как результат, некоторые «нэпманы» материально поддерживали на своих предприятиях профсоюзы, не говоря уже о «подарках». Некоторые предприниматели вроде бы всерьез собирались строить с помощью частной торговли «железобетонный мост... к светлому будущему – к социализму»[2]. Но таких «хозяев», искренне настроенных адаптироваться к новому режиму, было меньшинство – благие намерения элиминировала сама власть. В результате антинэпманская пропаганда находила отклик.

У малообеспеченных низов не было оснований любить нэпманов. В них видели обыкновенных жуликов. Основная масса нэпманов действительно предпочитала полулегальные и нелегальные формы деятельности вроде лжекооперации, когда наемные рабочие выдавались за кустарей[3]. Возрождались и хищнические формы эксплуатации. В любом случае фигура нэпмана, не вписывающаяся в заявленную революцией систему ценностей, воспринималась как вызов. Сатирические журналы активно высмеивали перекрасившихся «буржуев»[4]

---

[1] *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927. С. 245–246; *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорский классов в СССР. М., 1975. С. 189, 192; *Поляков Ю.А.* От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937 гг. М., 1981. С. 265.

[2] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 89–90, 150–151.

[3] *Исаев И.А.* Нэп: рыночная перспектива // Нэп: Обретения и потери. М., 1994. С. 92.

[4] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 55–62.

и нэпманов из мешочников[1]. В Москве мимо кафе на пересечении Столешникова и Петровки[2] специально появлялась молодежь – «комсомольцы в шотландках и ковбойках, комсомолки в кумачовых косынках». Глядя на нэпманов, они распевали: «Посмотрите, как нелепо расползлася морда нэпа»[3]. Сатирический журнал призывал: «Смело всадим в рыло нэпа / Смеха острый красный нож»[4]. Многие были настроены не только на словесную расправу. Если верить В. Катаеву, ненависть к нэпу была столь велика, что М. Булгаков взялся было выпускать журнал под названием «Ревизор», причем издатель «из мелких капиталистов» тут же нашелся. Строго говоря, власти был нужен и реальный капиталист, и полумифический нэпман. Образ классового врага позволял манипулировать «классовой опорой». В 1929 г. на VII Всесоюзном съезде союза пищевиков рабочий Лунов из Воронежа заявил:

> Мы думали, что частников уже похоронили, а они стали организовывать артели, набирать работников из деревень и даже членов союза... Эти артели эксплуатируют рабочих... заставляют их работать почти день и ночь[5].

Трудно сказать, в какой степени данное заявление отражало реальность, а в какой было продуктом политического внушения.

Официальная пропаганда именовала нэпманской такую молодежную организацию, как «Золотой зуб», члены которой расстреливали из рогаток портреты «вождей» и сочиняли антисоветские куплеты. Памятник Минину и Пожарскому они «обогатили» такой надписью:

> Смотри-ка, князь, какая мразь
> В Кремле сегодня собралась[6].

Разумеется, комсомольская молодежь отвечала на такие выпады не менее хлестко. Впрочем, в отношении к нэпманам удерживались элементы завистливой амбивалентности: некоторые студенты из пролетариев и рабочие в порядке приобщения к культурности не прочь были нацепить «буржуазный» галстук или старорежимную студенческую фуражку[7]. Как бы то ни было, отталкивающий образ «чужо-

---

[1] Соответствующую карикатуру из журнала «Бич» (1927 г.) приводит В. Бровкин. См.: *Brovkin V.* Op. cit. P. 39.

[2] Самые богатые магазины располагались на Петровке и Кузнецком мосту. Писали, что здесь можно было увидеть «кинематографических джентльменов» и их «спутниц в манто с модно подчеркнутыми торсами». См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 7.

[3] Цит. по: *Гехт С.* Указ. соч. С. 58.

[4] Крокодил. 1922. № 1. С. 7.

[5] Цит. по: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 148.

[6] *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 281.

[7] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 361–362; *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 271.

го» помогал самоидентифицироваться «своим». Нэпман непременно изображался в социально отталкивающем виде:

> Весь «цвет» ленинградских нэпманов собирался по вечерам в Саду отдыха. По аллеям с важным видом в сопровождении разодетых, раскормленных, на диво выхоленных жен ходили сахарные, шоколадные и мануфактурные «короли».

Картина вряд ли вполне соответствовала действительности, как и утверждение, что новые буржуа женились на дамах аристократического происхождения и всячески подражали старому петербургскому «свету»[1]. В 1923 г. известный журналист писал о «прилизанных молодых людях в пенсне, моноклях, в крепко заглаженных брючках», которые «торгуются с проститутками»[2]. Увы, с проститутками чаще торговались «советские хозяйственники» и рабочие. Основная масса нуворишей происходила из мешочников времен «военного коммунизма» – повадки их были соответственными[3]. Если верить тогдашней беллетристике, в своих конторах они охотно развешивали портреты вождей революции в золоченных рамах[4]. И это не случайно. Новые буржуа нуждались в новых начальниках; те и другие усваивали «барские замашки»: в Тюменской волости жена секретаря волкома заходила в кооперативную лавку и «брала все подряд, как из своего собственного сундука»[5]. Такое поведение копировали жулики, выдающие себя за людей «со связями» в верхах[6]. Нэпманам приходилось вести себя соответственно складывающемуся этосу: красть, ничего не производя[7]. Трудно было ожидать иного поведения от тех, «кто был ничем и стал всем».

Настоящие «бывшие» обижались. «Народ теперь зверем стал, – подметил бывший владелец пароходной компании «Кавказ и Мерку-

---

[1] *Шейнин Л.* Записки следователя. М., 1986. С. 30, 158. С. Третьяков уверял, что в Тбилиси «мельчайшие советские разночинцы», дефилирующие по проспекту Руставели, всем своим видом «копируют бар, дворян, князей, феодалов». См. : *Третьяков С.* Указ. соч. С. 53.

[2] Цит. по: *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 110.

[3] *Большаков А.М.* Деревня. 1917–1927. М., 1927. С. 121.

[4] *Берзин Ю.* 100 % любви, разгула и спекуляции. Рига, 1928. С. 60–61.

[5] Правда. 1925. 1 декабря. Появилась карикатура: Приказчик – крестьянину: «Ситчику нет, для правления кооператива оставлено!» См.: Красный перец. 1926. 5. С. 3.

[6] Литературные «дети лейтенанта Шмидта» были лишь бледной тенью аферистов, использующих имена живых партначальников. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 121.

[7] Впрочем, анализ 413 досье на уральских нэпманов, собранных для выяснения перспектив их кредитования, показывает, что подавляющее большинство их вело скромный образ жизни. См.: «Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа»: Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. Уфа, 2003.

рий». – ...Вот орут разные похабные песни про буржуев... Ни с чем не считаются»[1]. В числе «похабных песен» были и такие:

Угнетателем богатым
Надо головы снести,
Чтобы вновь чертям рогатым
На беду не вырасти[2].

Нэпманы вызывали особое недовольство неофитов коммунизма. На митингах можно было услышать, что надо «перестрелять нэпманов, интеллигентов и кулаков, тогда завтра наступит светлое царство коммунизма». Полноценным человеком считался только рабочий. Детям нэпманов старались перекрыть все социальные лифты. Троцкому написал отчаянное письмо 18-летний юноша. Он только что кончил школу и мечтал пойти работать на завод. Увы, это было невозможно – он родился в семье нэпмана и теперь проклинал тот день, когда это произошло[3].

Впрочем, соотношение «отцов» и «детей» было не столь однозначным. Лефовец, а затем известный советский поэт Семен Кирсанов был сыном одесского дамского портного Исаака Корчика (Кортчика). Ехидные языки утверждали, что в течение 1925 г. «все доходы Корчика съел Юголеф»[4] (издание журнала, театральные постановки). Вероятно, в связи с подобными социальными мутациями некоторые крестьяне недоумевали: «Какой меркой будем мерить буржуя и бедняка теперь?»[5]

В верхах понимали, что недовольство нэпманами может рикошетом ударить по ним. Волны паники поднялись особенно высоко, когда обнаружилось, что государство бессильно сдержать рост цен. Дзержинский писал в этой связи Сталину:

> Одним из немаловажных факторов, вздувающих цены... являются спекулянты... Особенно Москва – местонахождение главнейших трестов, Центросоюза и Банков – их привлекает к себе. Съезжаются сюда со всех концов СССР. Они овладевают рынками, черной биржей. Метод их действия – подкуп и развращение... Живут они с полным шиком. Для них при квартирном голоде в Москве – всегда вдоволь шикарнейших квартир. Это тунеядцы, растлители, пиявки, злостные спекулянты – они-то и развращают, втягивая постепенно и незаметно наших хозяйственников[6].

Понятно, что легче всего совратить того, кто внутренне готов к разврату. Как бы то ни было, антинэпманская пропаганда имела не-

---

[1] *Волжский А.* Бытовое. Рассказы. М., 1924. С. 19.
[2] Цит. по: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 95.
[3] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 45–46.
[4] Морія. 2006. С. 132.
[5] Деревня при нэпе. С. 25.
[6] РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 18.

который успех. Рабочие московского завода «Серп и молот» в приветствии луганским товарищам по классу писали:

> На основе социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства мы еще больше усилим наступление пролетариата на нэпманов и кулаков...[1]

В скором времени фигура нэпмана в глазах рабочих стала идентифицироваться с евреем[2]. Последовало усиление антисемитских настроений[3]. Несмотря на то что пропаганда доказывала, что «контрреволюция при всяком удобном случае указывает на евреев», в партийных низах утверждали, что «евреи организовали Коминтерн, чтобы построить свое государство»[4]. Ирония судьбы состояла в том, что в это же время некоторые еврейские юноши всерьез задавались вопросом: «Как пролетаризировать торгашей-евреев»[5]. Даже в еврейском советском театре поношение нэпманов порой граничило с самоуничижительным кощунством[6].

Зачастую «классовая» ненависть к нэпманам рождалась из элементарного чувства голода: созерцание витрин с деликатесами порождало желание разбить их привычным «оружием пролетариата» – булыжником. Однако подобные импульсы угасали, как только удавалось наесться досыта – устойчивого антагонизма еще не сложилось[7]. В любом случае контрасты обыденной жизни, как ничто другое, способствовали накоплению социальной агрессивности. Не случайно для возбуждения ненависти к нэпманам использовалась бытовая неприязнь: от лица женщин-работниц сочинялись частушки против «модниц-негодниц»[8], а в сатирических журналах изображались модные «крали», у которых «мужья крали»[9]. При этом «крали» были непременно «в теле»: «толстая Сафо с Нэпского проспекта»[10].

---

[1] *Корнаковский И.Л.* Указ. соч. С. 237.

[2] По некоторым данным, в 1924 г. в Москве евреям принадлежало 75 % парфюмерных, 55 % мануфактурных, почти половина ювелирных, свыше трети галантерейных магазинов. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 297.

[3] *Ball A.M.* Op. cit. P. 100.

[4] Об этом писал Сталину один бдительный большевик-ортодокс в 1925 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 163.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 3.

[6] *Иванов В.В.* ГОСЕТ: политика и искусство. 1919–1928. М., 2007. С. 169.

[7] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 352.

[8] Известен такой куплет: «Эх, модницы-негодницы, вы сели на ежа: / Плюют на вас работницы с седьмого этажа». Цит. по: *Степ. К-на.* Работница и нэпман // Работница. 1923. № 12. С. 36–37.

[9] Смехач. 1925. № 11. С. 14.

[10] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 62. В письмах во власть фигурировали и «семипудовые тетки с заплывшим от жира лицом, в пышном наряде, напыщенные косметикой», с соответствующим семейством. См.: там же. С. 79.

Строго говоря, нэп превратил революционный карнавал в настоящий бедлам – многие меняли поспешно привычные маски, не успевая привыкать к ним. Во время чисток возникала масса идентификационных парадоксов. Порой комиссии по партчисткам выдавали такие нелепые характеристики:

> Батрак, бывший сын дворянина, дисциплинирован. Идеологически устойчив недостаточно, недостаточно партийно выдержан, энергично проводит директивы партии[1].

«Старый», дореволюционный, «буржуй» постепенно превратился в фигуру символическую – туманный объект ностальгии по революционной «простоте нравов», позволяющих легко избавиться от подобных особей. «Классовая» политкорректность того времени не допускала, что «буржуй» может быть положительным персонажем новой социальности. Однако в целом «советские» люди былого бунта против старых культурно-исторических иерархий теперь стеснялись[2]. Исключение составляли разве что крайние диссипативные элементы. В октябре 1926 г. один из красных партизан Донской области призывал:

> Бей буржуя, не давай пощады, а попов и архиереев и разных причетников собрать по всей России и связать волосы ихни стальным канатом и пришибить до Фордзона, пусть он таскает [их] в море Черное[3].

В 1920 г. В.Г. Короленко писал А.В. Луначарскому, что большевики внушили восставшему народу, что буржуазия представляет «только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны, и ничего больше...»[4] Последствия этого проявляли себя в самой уродливой форме. «Серп и молот на престоле, ликует пахарь и кузнец, свободно дышится на воле, а буржуям всем конец», – такие вирши, к примеру, присылали в 1924 г. в Наркомюст[5]. Один из горисполкомовских начальников обязал посадить всех собак на цепь в намордниках, а собачьи будки снабдить надписями: «Так укрощена и обезврежена отечественная буржуазия и так будет посажена на цепь мировая буржуазия, как сидящий здесь приспешник капитала»[6]. С другой стороны, иных бывших капиталистов рабочие идеализировали[7]. Прежняя классовая ненависть уходила в символическое пространство. Напротив, правящих комму-

---

[1] Цит. по: *Смирнова Т.М.* Чистки соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 116.

[2] См.: *Морозова Н.А.* Указ. соч. С. 32–33.

[3] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 108.

[4] *Короленко В.* Письма к Луначарскому // Новый мир. 1988. № 10. С. 205.

[5] Цит. по: *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* «Серп и молот на престоле». С. 117.

[6] Смехач. 1925. № 26. С. 1.

[7] См.: *Чуковский К.* Дневник. С. 276.

нистов охотно идентифицировали с «буржуями» и «евреями». Летом 1923 г. безработные из Орла писали в Губисполком:

> Вы... стоящие у власти, забыли своих братьев-рабочих, сами стали буржуями, какие были и раньше, только и разницы, что те были интеллигенты... Никакие силы не изгладят нашу ненависть к вам... Мы... зажгем кровавый пожар, который даст нам жизнь. Долой жидов – лгунов и угнетателей! Кровавая расправа – верный путь к освобождению пролетариата...[1]

В таких условиях большевикам приходилось непрерывно подыскивать все новых и новых «классовых врагов». Пока что на эту роль лучше всего подходили нэпманы. Важно было представить их «вездесущими». Однако зачастую этот фактор не срабатывал[2].

Конечно, наибольшее раздражение нэпманы вызывали у юных большевиков и комсомольцев – разумеется, из числа «идейных». 24-летний коммунист И.Е. Ефимов (Томская губ., ст. Юрга-Кольчугинская) был убежден, что от того, что «дана свобода нэпманам», всюду процветают «хищения, разгильдяйство»[3]. З. Гинсяк, член партии из Москвы, 24 апреля 1925 г. уверял, что «политическая активность буржуазии, особенно в деревне, повышается, а политическая активность пролетариата, напротив, падает»[4]. Некоторым ситуация виделась с точностью до наоборот: в коммунистических верхах «буржуазия засела»[5]. Некий Гришин спрашивал у Сталина, «почему ряд национализированных предприятий возвращается владельцам»[6]. Однако вызывал протест не столько сам нэпман – фигура скорее виртуальная – а контраст «роскоши» и нищеты:

> ...безработица, проституция, преступность из-за куска хлеба, с одной стороны, кутежи, роскошь, обеспеченность нэпманов и ответственных работников – с другой[7].

Действительно, уже в начале 1920-х гг. в ложах Большого театра можно было увидеть «оголенные, украшенные драгоценностями дамские плечи и руки, набриолиненные мужские проборы и сюртуки». Все это напоминало дореволюционные времена. С той лишь разни-

---

[1] Цит. по: *Перелыгин А.И.* Указ. соч. С. 52–53.

[2] Описан примечательный случай: украинские крестьяне сочувственно относились к еврею Беркману, несмотря на то что до революции он имел 800 дес. земли, теперь же стал селькором, а его дети – коммунистами. Крестьяне полагали, что ему, как «бывшему», в любом случае положено ненавидеть советскую власть. См.: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 185.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 1.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 40.

[5] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 212.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 143 об.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 203 об.

цей, что публика была новая, более пестрая – часто именуемая нэпачами и нуворишами[1]. Но это была лишь часть более широкого, пополнявшегося из разных источников, социального слоя.

В социокультурном отношении нэпманы были неоднородны, большинство принадлежало к «демократам» базарного уровня[2]. Против советской власти, как правило, они ничего не имели – именно она дала им шанс «урвать». Они отличались мобильностью, сравнимой и подвижностью мешочников времен Гражданской войны. М. Шагинян так характеризовала этот феномен:

> Нэпманы разъезжают. Они магнетизируют собой огромные русские пространства, избывая их с курьерской скоростью...[3]

На деле демонизировать нэпманов вряд ли стоило: они были порождением тотального дефицита, с одной стороны, чудовищного госмонополизма – с другой. В общем они в уродливой форме «спасали» уродливую систему от тотального коллапса. Вместе с тем это была острая социальная реакция на «учет и контроль» времен «военного коммунизма». Примеры были на виду. В Петрограде торговец металлом Семен Пляцкий создал снабженческо-сбытовую контору. Ясно, что достигнуть 3-миллионного оборота ему помогли связи с более чем 30 государственными учреждениями[4].

Казалось, желание прихватить поразило все слои общества – государственная уравниловка продуцировала «протестный» частнособственнический эффект. Сторож одного из складов описал это в начале 1922 г. так:

> все – хозяева, хозяев миллион, и все они – вор на воре. А народ – дурак. Без хозяина, без произведента (производителя или президента? – *В.Б.*) порядка не будет... Хозяин нужен... и палка здоровая, без палки русский народ работать не станет...[5]

Среди нэпманов выделялись «щуки», «щучки» и «ершики»[6]. В значительной степени социальная мобильность нэпманов была связана с умением «подмазать» власть. В партийной печати довольно скоро забили тревогу – коммунистическая этика разрушалась, происходила «смычка с буржуазным миром»[7]. Рассказывали такой анекдот:

---

[1] Цит. по: *Журавлев С., Гронов Ю.* Указ. соч. С. 20.

[2] *Демчик Е.В.* Сибирские нэпманы: предприниматели и мошенники // «Бублики для республики». С. 165.

[3] *Шагинян М.* Что есть нэпман? // Россия. 1923. № 6. С. 18.

[4] *Кондрушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. М.; Л., 1927. С. 70.

[5] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 125.

[6] *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 14.

[7] Большевик. 1924. № 11. С. 19.

Еврейчик попался за спекуляцию в Чрезвычайку. За выкуп в несколько десятков миллионов его освободили. ...Был пойман вторично и после непродолжительного ареста освобожден за взятку в несколько сот миллионов... Был схвачен в третий раз – выкуп был назначен столь большой, что он принес в Чрезвычайку целый мешок денег... бросил его на стол и сказал: вот вам деньги, а вот – заодно и машинка; шабаш, печатайте сами, а я на вас не работник[1].

Сатирический журнал воспроизводил диалог двух нэпманов, один из которых заявлял, что служит государству «предметом обложения»[2]. Нечто подобное могли бы сказать о себе все трудящиеся, если бы не патерналистские иллюзии их сознания. А пока государство встало перед необходимостью зарезать курицу, несущую золотые яйца, исходя из того, что ее не должно быть вообще.

Наиболее сильным средством против хозяйственных и должностных преступлений считалась борьба с бюрократизмом[3]. Однако реального противоядия против «смычки» госаппарата с нэпманами не находилось. Отсюда вольный и невольный перевод проблемы в этническую плоскость. На Северном Кавказе за «бюрократизм» из партии исключили еврейку, члена месткома, в Крыму за подобное деяние схлопотал выговор также еврей – курортный работник[4]. Разумеется, больше всего страдали мелкие еврейские лавочники. В феврале 1925 г. из Гомеля писали:

> ...Свободная торговля окончательно уничтожена: в каждом городе, местечке, деревне основаны государственные лавки, кооперативы, которые имеют вдоволь товару без налогов. Еврейские лавочки замерли... Тысячи людей ходят без дела... Стало так горько, хоть отравляйся или утопись со своими семьями...[5]

Порой «антибуржуйство» принимало антиармянскую направленность. 11 февраля 1927 г. некий Г. Хамандарянц жаловался наверх: «В Москве идет пьеса “Штиль”. Центральная фигура в ней – Амбарцум Оганесович Карапетян с эпитетами “армяшка”, “спекулянт” и т. п.» Он недоумевал: «откуда Карапетян-армяшка в Подмосковье?»[6]

Со временем помимо «нэпманов-спекулянтов» появились «нэпманы в котелках» – эти походили на настоящих европейских капи-

---

[1] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 128. Этот анекдот под названием «Прогрессивный аппетит» в 1923 г. М. Булгаков опубликовал в издаваемой А. Толстым эмигрантской газете «Накануне». См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 346.

[2] Мухомор. 1922. № 6. С. 14.

[3] Еженедельник советской юстиции. 1924. № 25. 21 июня. С. 581.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 192, 196.

[5] Цит. по: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 127.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 42.

талистов[1]. Иной раз их описывали так: «По животу золотой струйкой вьется часовая цепочка, на мизинце сверкает бриллиант. Туго накрахмаленный воротник, с иголочки костюмчик... Лицо самодовольное, пухлое...» Взятку в 100 миллионов он и не думал давать – просто хотел «от чистого сердца» помочь нуждающемуся человеку[2]. Нелепая фигура толстячка во фраке и котелке сделалась непременным атрибутом пропагандистских театрализованных шествий. Обычно нэпману противостояла фигура рабочего в кепке, периодически колотящего его по голове бутафорским молотом[3]. Подобные ритуалы составляли необходимую часть воинственно-балаганной «пролетарской» культуры.

Фигура нэпмана, как всякого «врага», типологизировалась. Ему полагалось быть «толстобрюхим», иметь «жирную морду», обилие драгоценностей, сигару и карманы, набитые деньгами[4]. Он должен был выглядеть как иностранец[5]. 12 мая 1928 г. «Правда» поместила статью «Искусство тратить деньги», в которой в стилистике, достойной пера Ильфа и Петрова, описывалось, какие громадные государственные средства тратились на личные цели в акционерном обществе «Транспорт». Между тем в апогее нэпа в стране насчитывали всего 15 «миллионеров», точнее, людей, чье состояние перевалило за миллион. Людей с состоянием от полумиллиона обнаруживалось лишь 96[6]. Капиталы литературного Корейко, скорее всего, преувеличивались не случайно – обществу поставлялись именно такие образы, дабы выработать в нем нужную верхам нетерпимость. Нэпманов душили налогами, те отвечали соответственно: дробили бизнес, объявляли себя банкротами[7].

Стабильность российской системы в значительной степени достигается с помощью манипулирования различными – чаще негативны-

---

[1] *Архангельский Н.* Нэпо-град // Россия. 1923. № 6. С. 18.

[2] *Маркосян Г.М.* Взяточничество в России в начале 1920-х гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 141; *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2011. С. 80.

[3] Массовые празднества. Л., 1926. С. 122–123.

[4] *Орлов И.Б.* «Гримасы нэпа». С. 24. В 1925 г. появилась такая частушка: «У буржуев тьма тревог / На сердце – обуза / Говорят, введут налог / На большие пуза». См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 259.

[5] И. Солоневич описывал свои походы в так называемый Торгсин, одевшись «под англичанина» – примерно так же, как «иностранец», описанный М. Булгаковым в «Мастере и Маргарите». В результате ему доставалась черная икра по цене всего в 4–5 раз дороже картошки, приобретаемой тайно у крестьян. См.: *Солоневич И.Л.* Указ. соч. С. 17–18.

[6] *Гехт С.* Указ. соч. С. 58. Понятно, что мемуарист опирался на официальные данные. Возможно, существовали и миллионеры, не склонные афишировать свое богатство в силу сомнительности его происхождения.

[7] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 345–346.

ми – образами. В свое время была высказана точка зрения, согласно которой Россия стала втягиваться в революцию в подлинном смысле этого слова где-то в середине 1920-х гг.[1] Бюрократ, воображающий себя историком, рано или поздно проговорится: он способен реагировать только на то, что происходит во власти; истории народа для него не существует. В действительности Россия была в это время как никогда далека от революции (как в смысле переворота, так и в смысле интенсивности социальных сдвигов). Но к этому времени заметно вырос уровень агрессивности нового поколения, способного поддержать диктаторские интенции сверху. Тогда же несколько упорядочились образы «врагов», впрочем, все еще не сложившиеся в четкую картину, способствующую канализации общественной агрессивности.

На деле проблемы реставрации капитализма не существовало. М. Шагинян подметила, что нынешний нэпман в отличие от старого купца «только приказчик, а не хозяин», ибо поколеблен «догмат собственности»[2]. Пресса не случайно смаковала случаи «классового» унижения буржуев – они представали столь жалкими, что опасаться их не приходилось[3]. Про нэпманов говорили так: обобрать их ничего не стоит – не пикнут; «сегодня они уже – спекулянты, а завтра будут объявлены врагами народа»[4]. Рядовой коммунист Емельянов писал наверх в 1925 г., что «подъем промышленности без частного капитала невозможен»[5]. Но коммунистические лидеры руководствовались своей логикой и эмоциями, что улавливается некоторыми историками. «Госаппарат был главной "командной" высотой для большевиков, – отмечает П.В. Панов. – Еще одним мотивом, толкавшим большевиков к сохранению и даже усилению своей руководящей роли, была потенциальная угроза "термидора". Кошмар "сращивания" госаппарата с "новой буржуазией" и его "перерождения" постоянно преследовал руководителей большевиков»[6].

Власть в России всегда опасалась «зависания в воздухе», связанного с утратой обратной связи с населением, с одной стороны, потерей

---

[1] *Сахаров А.Н.* Революционный тоталитаризм в истории нашей страны // Коммунист. 1991. № 5. С. 63.

[2] *Шагинян М.* В стране коньяка и хлопка // Россия. 1923. № 6. С. 17–18.

[3] «Правда» в заметке с примечательным названием «Унитаз должен быть фарфоровым» рассказала, как фабриканта Богомолова с семьей переселили было в рабочую казарму. Однако радость «классового возмездия» подпортила дочь фабриканта, «сотрудница Госплана», которая подняла шум, – новое жилище фабриканта пришлось отремонтировать и заменить чугунный унитаз на фарфоровый. См.: Правда. 1928. 1 января.

[4] *Волков О.В.* Указ. соч. С. 104.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 173–174.

[6] *Панов П.В.* О некоторых противоречиях нэпа: политика и экономика // Нэп: завершающая стадия. Соотношение политики и экономики. Нью-Йорк, 1999. С. 38.

своего внутреннего единства – с другой. Возникающие в связи с этим «кошмарные» видения влекли за собой паранойю поиска «врагов».

Впрочем, существовала среда, для которой проблемы «врага» не существовало. Речь идет о новой генерации уголовников, так называемых «ворах в законе», которые впервые в России сформулировали свой «этический» кодекс: безоговорочная поддержка «воровской идеи», запрещающей работать, служить в армии, иметь семью, поддерживать связи с родственниками, интересоваться политикой, контактировать с властью и органами правопорядка, иметь награды. Вместе с тем вор обязан быть предельно честными с себе подобными[1]. Это была законченная антисистема, сложившаяся не случайно форма тотального эскапизма от «советского» образа жизни. Нэповская действительность добавила к этому характерный нюанс. Мишка Культяпый (М.М. Осипов) по кличке «Интеллигент», главарь крупной банды, совершившей 78 убийств, пафос воровского существования выразил следующими стихами:

Я – молодой бандит народа
И им остался навсегда.
Мой идеал – любить свободу,
Буржуев бить всех не щадя.
Я рос и ждал, копились силы,
И дух вражды кипел сильней.
И поклялся я до могилы
Бороться с игом нэпмачей.

Во времена общественных нестроений крайние полюса социальной маргинальности сходятся: «Интеллигент», лично зарубивший несколько десятков человек, косил под революционера. «На рост бандитизма повлияли не только нищета, безработица и правовой беспредел, – считает известный борец с современной "мафией" А.И. Гуров. – ...Политические мотивы быстро находили уголовные формы выражения...»[2] Нонкомформистская часть общества в лице своих наиболее радикальных и наименее образованных элементов попросту отказалась от всяких связей с «буржуазно-коммунистической» властью. Такое в российской истории случилось впервые – уголовный мир по-своему спародировал социетальную ситуацию того времени. К 1927 г. так называемый политический бандитизм был почти ликвидирован, и тут же проявила себя «воровская» псевдополитическая форма отчуждения от власти[3].

---

[1] *Гуров А.И.* Красная мафия. М., 1995. С. 107–109.

[2] Там же. С. 100.

[3] Отмечалось, что с середины 1920-х гг. особенно быстро стала расти профессиональная преступность. См.: *Гернет М.Н.* Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 85, 160.

«Новая» преступность оказалась многоликой. Как известно, после отмены черты оседлости значительная часть городского населения западных губерний переместилась в столицы. Среди них были и такие, которые в условиях нэпа «нашли себя» в сфере финансовых махинаций. Встречались подлинные гении черного рынка. Некоторые из них, отнюдь не имея специального образования, отыскивали в, казалось бы, непробиваемой броне государственной валютной системы специфические щели и лазейки. Стремление контролировать все и вся обернулось созданием громоздкого аппарата, беззащитного перед аферистами, снабженными всевозможными «отмычками». В старое время доверие к гражданам в значительной степени ограждало банки от махинаторов, которые просто выталкивались из среды предпринимателей. Теперь же наступило время азартной игры с неповоротливым государством. Некоторые ловкачи с помощью чиновных лиц легко обходили систему, изымая из кредитных учреждений солидные суммы так, что этого ревизоры не могли обнаружить. Сколько их было на самом деле – ответить невозможно[1]. Писали о сложившейся «теории всеобщего надувательства»[2]. Обилие аферистов свидетельствовало о неуловимой заразе, поселившейся внутри системы. Иные аферисты чувствовали себя вольготно за спинами полуграмотных героев Гражданской войны, выдвинутых на хозяйственные должности[3].

Под влиянием антинэпмановской сатиры менялось «классовое лицо» комедийного жанра в кино: Я.А. Протазанов в фильмах «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах» высмеивал нравы буржуазного общества. А в фильме «Его призыв» (1925 г.) образ нэпмана смыкался с образом эмигранта-диверсанта. Последнему удивляться не приходится, если учесть, что в печати появлялись статьи о «Врангелевском гнезде студентов в Чехословакии», в которой выражалась радость по поводу того, что чехи отказываются содержать «бездельников, бандитов и политических шулеров»[4].

В сатирической прессе высмеивали нэпманов, оживившихся в связи с известием о предстоящем подъеме «Черного принца», затонувшего в годы Крымской войны с грузом золота в Балаклавской бухте[5]. Один из персонажей рассказа А. Платонова «Сокровенный человек» объяснял: «Коммунист – это умный, научный человек, а буржуй – исторический дурак!» «Книгу жуя, жми буржуя», – такие агитки сочинял С. Кирсанов[6]. Увы, подобные доводы не доходили до

---

[1] *Волков О.В.* Указ. соч. С. 25–27.

[2] *Солоневич И.Л.* Указ. соч. С. 21–22.

[3] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 233.

[4] Красный студент. 1924. № 1(13). С. 28–29.

[5] Смехач. 1925. № 28. С. 2.

[6] Морія. 2006. С. 132.

представителей традиционной культуры, составлявших подавляющее большинство.

Навязчивая пропаганда в определенных условиях дает противоположный эффект. В газетах признавалось, что «заезженные, пустозвонные и высокопарные фразы о буржуазии и пролетариате, об империализме, социал-предателях, коммунизме, об обманщиках-попах и т. п. крестьянам уже надоели»[1]. Они вызывали к жизни своего рода зеркальные оппозиции. По информации ОГПУ в начале 1928 г. в Армении на стенах Аштарака были обнаружены прокламации с призывом:

> Долой всех большевиков-непманов, да здравствует оппозиционная ветвь партии... Рабочие, крестьяне, освободитесь от коммунистического капитализма... Народ, Троцкий и Зиновьев – твои защитники, защищай их беззаветно[2].

Разумеется, находились и защитники «новой буржуазии». Ее происхождение якобы шло от чисто русской «привычки к воровству». «Кто теперь не ворует? Были мы ворами, ворами и останемся... У казны все воруют», – такие речи можно было услышать от волостных советских работников[3]. «Поймали? Проворовался? Дурак, ибо концы плохо спрятал – таково было превалирующее отношение к нэпманам-неудачникам, полагая, что в известых обстоятельствах нельзя не воровать[4]. Писали и такое:

> Ленин в свое время сумел всех примирить, предложив нэп... Торговца не жмите сразу. Дайте ему жить. Он сам умрет, а польза от него огромная – налоги платит... Понаблюдайте, как резко ликвидируются частные дела. Почему? Да потому, что они резко обложены. ...Желаю вам, чтобы вы надолго были мужественны, крепки и явите новое чудо для населения[5].

На деле положение нэпманов было более чем ненадежным. Власти, особенно местные, предпринимали дискриминационные меры против «эксплуататоров чужого труда», практиковали кабальные условия аренды, а главное – вели непрерывную кампанию по их дискредитации. Уже в феврале 1924 г. более тысячи нэпманов были высланы из Москвы на север, а их квартиры переданы рабочим[6]. В кампанию включились пролеткультовцы: в феврале 1925 г. в Москве в Театре революции (ныне театр им. Маяковского) состоялась премьера

---

[1] Цит. по: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 25.

[2] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 96.

[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 134.

[4] Цит. по: *Волосник Ю.П.* Указ. соч. С. 69.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 11.

[6] *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 281. В мае 1925 г. Дзержинский считал, что «из Москвы надо было бы выслать не менее 100 тысяч паразитов». См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 650.

пьесы Б.С. Ромашова «Воздушный пирог», призванной разоблачить нэпманские махинации[1]. По-своему решал ту же проблему известный журналист М. Кольцов[2]. В общем, нэпманы и «разложившиеся» совработники превращались в ближайших врагов. Разумеется, сохранялись и ностальгия по дореволюционному частнику. В связи с этим большевикам советовали: «...Если государство не хочет, чтобы частник наживался, то пусть устроит торговлю государственную»[3]. Поскольку последнее не получалось, большевикам не оставалось ничего иного, кроме дискредитации «злокозненного» нэпмана. Появилось характерное выражение «прижать частника».

Некоторые «бдительные» товарищи были не довольны, что иные коммунисты в хозяйственной сфере ведут себя как нэпманы. Молодой член партии (с 1924 г.), рабочий 1-го Московского телефонного завода, «переброшенный» на Урал в качестве агента по заготовке маслосемян, И.Г. Зотов 25 октября 1925 г. сообщал Сталину из Сарапула о том, что «мы на рынке ведем себя как ярые спекулянты», и призывал заготовителей прекратить «всякие сделки с частным торгашом»[4]. В сущности, это был сторонник крайней формы госмонополизма. Приводились и другие нелепости симбиоза государственного и частного секторов. М. Микунис из Москвы 11 октября 1927 г. уже не в первый раз писал:

> Частники говорят, что с коммунистами можно перебиваться... Госорганы покупают у частника, частнику нужно скрывать от фининспектора свой оборот... Что же делают? ...Продукты записывает кооперация, что она их закупила от крестьян, выписывает квитанцию о сдаче крестьянами продуктов и эти самые продукты записывает проданными этому госоргану и получает там комиссию и т. д., цену, конечно, пишут по диктовке... Учреждения учат сотрудников злоупотреблять... Меня уговаривают, чтобы я проводил такие операции... Возможно, что я буду сокращен по работе[5].

---

[1] Пьеса удивительно напоминала историю «Промбанка», организованного в 1923 г. А.М. Краснощековым, заместителем наркома финансов, услугами которого пользовались известные представители тогдашней элиты. Не случайно в качестве любовницы одного из героев пьесы фигурировала Рита Керн (ее играла знаменитая М.И. Бабанова), явно списанная с живой Лили Брик. Судил Краснощекова сам А.А. Сольц (имевший репутацию «совести партии»). Махинатор получил 6 лет одиночного заключения, но скоро вышел на свободу. Впрочем, в 1937 г. он был расстрелян как троцкист. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 147–148.

[2] *Орлов И.Б.* «Гримасы нэпа». С. 24.

[3] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 97.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 124–125. В Смоленской губернии также отмечались случаи, когда государственные органы и общественные организации «протягивали руку местным спекулянтам-оптовикам». См.: *Гагарин А.* Указ. соч. С. 27, 31.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 2.

Сами кооператоры в 1929 г. подсчитали, что за последние два года в сельской сети более половины организаций было поражено растратами, которые ежегодно составляли более 10 млн руб., а всего за два последних года было разворовано 22 млн[1]. В сатирической прессе установили закономерность: чем «солиднее» организация, тем выше растраты[2]. В сущности, государство само провоцировало приписки и жульничество. С. Веселовскому довелось выслушать монолог по-своему типичного советского работника волостного уровня. Это была женщина

> выше среднего роста, немного худая, неврастеничная... со злыми бегающими глазами, избегавшими смотреть прямо. Она говорила мне вещи, которые даже нервные люди предпочитают говорить хорошим знакомым, а нормальные люди не говорят вовсе. Да, мы теперь хозяева! Наше дело гибнет, я это вижу и понимаю, ну да мы отомстим вам, буржуям и образованным людям... Что такое я? Дочь прачки и сама прачка, с 12 лет проститутка. Я знаю, какая нам цена. Мы были нищими и останемся нищими. Мы тонем, наше дело гиблое, ну, да и мы их всех изведем и утопим[3].

И этой женщине, заведующей приютом, приходилось обворовывать всех, чтобы накормить «паршивых» детей. В таких условиях ни о какой «здоровой конкуренции» между частным и государственным сектором речи быть не могло. Опираясь на растущую ненависть снизу, используя жупел «контрреволюционности», власть неуклонно вытесняла нэпманов из легальной сферы деятельности[4] вопреки официально провозглашенным лозунгам. В результате даже наиболее хваткие предприниматели разорялись[5], зато перед всевозможными жуликами открывались поистине безграничные перспективы. Так, за соответствующую мзду фининспектор мог зачислить нэпмана в разряд кустарей со всеми вытекающими отсюда последствиями[6].

Недовольство буржуазией порой принимало в рабочей среде крайние формы. В августе 1927 г. среди строительных рабочих Свердловска были подслушаны такие разговоры: «Лишь бы открылась война, тогда мы перестреляли бы всю буржуазию»[7]. Разумеется, чекисты

---

[1] Чудак. 1929. № 5. С. 4.

[2] Смехач. 1925. № 32. С. 3.

[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 134.

[4] *Хазиев Р.А.* «Ударники капиталистического труда» эпохи нэпа на Урале // «Бублики для республики». С. 5–6, 13.

[5] См.: «Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа». С. 64–66, 95–96, 100, 106, 122–123, 124–125, 136, 138, 172, 176, 203, 206–207, 210, 222–223, 236–237, 245, 253, 257, 268–271.

[6] *Смирнова Т.М.* Чистки соваппарата... С. 115.

[7] Цит. по: *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 39.

могли приврать, однако настроения типа «лучше ужасный конец, чем ужас без конца» получали все большее распространение. Рабочий Л.К. Хачатуров из Армавира в декабре 1926 г. жаловался:

> Жизнь сейчас есть не что иное, как болезнь... [А потому] аппетиты зажравшихся нэпманов, партийцев и спецов нужно сократить...[1]

К «буржуям» очень часто приравнивали служащих. Снизу их всегда подозревали, поветрие «сменовеховства» усугубило недоверие. Некий Евтихий Клюев из Рязани 5 июля 1926 г. сообщал: «Инженер Сергей Николаевич Родионов в разговоре с инженером Перельманом сказал: "Мы, интеллигенция, все-таки возьмем власть в свои руки"»[2]. Тогдашние «разоблачения» Клюева обернулись тем, что его выгнали (по его словам) с работы (со временем легко могло случиться нечто противоположное). Председатель Севзаппромбюро С.С. Лобов на конференции Выборгского района заявил: «С начала революции мне пришлось работать в ЧК, спецов сажали, спецов расстреливали с легкой душой, а теперь с этой сволочью, извините за выражение, приходится нянчиться»[3]. И. Долгов из с. Градеково (Таласский р-он Фрунзенского окр. Киргизской АССР) в апреле 1927 г. вопрошал Калинина:

> Объясните мне, в какой стране мы живем. При каком строе. Я никак не могу понять... Читаешь книгу или постановление – кажется, живешь в стране, где управляет сам народ. ...Видишь противное. В любом захолустном городишке есть служащие, зарабатывающие по 300 руб. в месяц. Разве он не имеет возможности жить на широкую буржуазную ногу? Для его детей – все книги, школы, институты... Хотя и льются медовые слова у нас, но... рекламой факта не затушуешь. Растраты какие. А какие злоупотребления властью в разных видах... Портит все дело сброд, которого в партии хоть отбавляй...[4]

Рабочий-железнодорожник Алексей Строгов, член партии с 1909 г., в прошлом подпольщик, побывавший на каторге, а «под Перекопом лишившийся ноги», сообщал в июне 1926 г. в «Рабочую газету»:

> Тот самый фабрикант, подлец, который донес на меня в охранку... тот, у которого в 1919 г. по приказу Губчека я реквизировал драгоценности, теперь главный инженер и пом. директора фабрики, получает 450 руб. в месяц, катается на автомобиле «Мерседес» и даже метит в партию. Он... живет в прекрасном доме-дворце, обедает в первоклассных кафе-ресторанах, а я... получая 29 руб. в месяц, жил в сыром подвале и форменным образом голодал.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 383.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 55.

[3] *Ульянова С.Б.* Указ. соч. С. 152.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 39–39 об.

По его словам, он говорил о несправедливости «на месткоме, на ячейке», но его исключили из рядов РКП(б) «за незнание задач партии при нэпе», а потом вообще «выгнали с завода». Далее он утверждал, что на заводе, где работает его брат, «рабочим убавили жалованье, а на заработанные кровью и потом деньги "директор" завода купил автомобиль "Мерседес" и катается на нем с "дамами и барышнями"». «Руководящая верхушка рабочего класса не представляет его интересов», – заключал он[1]. Недовольство «бесплатными автомобилями» у начальства было широко распространено в Ленинграде[2]. Словно в насмешку над подобными заявлениями некий «сын приказчика» (по его собственной рекомендации) Николай Иванов из Москвы писал, что «буржуазный класс не вывелся и никогда не выведется...» В прошлом приказчики считали себя «пролетариатом». Поэтому он добавлял, что в нынешние вузы поступают «дети лжеприказчиков»[3]. Стоит заметить, что «барышни» стали предметом особой ненависти петроградских рабочих еще раньше. Похоже, что пролетариев волновали не только «непомерные» штаты канцелярских служащих[4]. «Барышни» из «буржуазных» классов (считалось, что в одной Москве их было около 100 тыс.) становились своего рода символом «смычки» (точнее, «случки») старых и новых эксплуататоров (что было не лишено оснований)[5]. Периодически профсоюзные активисты требовали отказа от «буржуазного» обычая целования рук у «совбарышень»[6]. Примечательно, однако, что особое желание стать служащими обнаруживали ученицы московских трудовых школ[7]. Не удивительно в связи с этим стремление вытравить само слово «барышня», а также появление в 1929 г. в прессе публикаций против интеллигентской ностальгии «по дворянскому быту, по чистоте тургеневских барышень»[8].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 294–294 об.

[2] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 368. В начале 1920-х гг. использование служебных автомобилей строго регламентировалось, категорически запрещались поездки на них в театры и на концерты. Позднее, по мере расширения автомобильного парка, эти правила были несколько смягчены. См.: *Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 56.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 101.

[4] *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 143. В сатирической прессе помещались стихи о том, как хорошо бы «машинисток» отправить на работу в ассенизационный обоз. См.: Красный смех (Астрахань). 1922. № 2. С. 5.

[5] В литературе тех лет отмечалось, что место прежней «крестьянской» проституции заняло «вечернее занятие» сотен и тысяч «советских барышень», служащих в государственных учреждениях. См.: *Василевские Л.А. и Л.М.* Проституция и Новая Россия. М., 1923. С. 66.

[6] Бузотер. 1924. № 3. Декабрь. С. 9.

[7] *Одинцова Л.* Идеалы и интересы учащихся трудовых школ г. Москвы // Вестник просвещения. 1927. № 4. С. 15.

[8] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 305.

Большевиков беспокоили не только «классово чуждые» знаки прошлого. Нэповский автомобиль, увековеченный Ильфом и Петровым, превращался в некий символ симбиоза старой и новой буржуазии с совработниками[1]. Об этом с тревогой писал Е.А. Преображенский еще в 1920 г.[2], а в 1923 г. Ф.Э. Дзержинский возмущался автомобилями, закупаемыми за границей[3]. Но положение не менялось: в сатирических журналах отмечали, что автомобиль стал знаком классового расслоения, причем «в дешевенький фордик ни один уважающий себя ответработник не сядет»[4]. Помимо всего автомобиль стимулировал коррупцию: выяснилось, что госорганы продают машины частным лицам по подозрительно низкой цене[5]. Член партии, служащий М. Лычагов в июне 1926 г. недоумевал: зачем столько автомобилей для служащих? При этом он резонно замечал:

> Что касается попыток использования автотранспорта для личных целей, как, например, для увеселительных поездок, для катания членов семьи или знакомых женщин, то тут ограничиваться одними разговорами недопустимо – надо предавать таких преступников суду, тем более что это вопрос политический, так как вид многих сотен бесцельно гоняемых по городу и дачным местностям автомобилей вызывает естественное возражение среди широких рабочих и крестьянских масс[6].

Автомобиль с шофером именовался в народе «тыхтун с вертуном», хотя такие художники, как П. Вильямс (картина «Автопробег», 1930 г.), склонны были видеть в нем «железного коня», идущего на смену крестьянской лошади. Коммунистов упрекали и в том, что они не замечают из своих авто того, что творится на улицах. Некоторые мыслили просто: «Вы (большевики. – *В.Б.*) со своей демократией все провалили. Буржуи живут шикарно, рабочие страдают»[7]. «Любой буржуй живет сейчас в уюте... а ты, клавший голову за коммунизм, –

---

[1] Яров отмечает, что протесты петроградских рабочих против лиц, разъезжающих на автомобилях и «пристроившихся к Советской власти», раздавались уже в 1921 г. См.: *Яров С.В.* Горожанин как политик. СПб., 1999. С. 198.

[2] Он, в частности, предлагал «отобрать все именные автомобили, обслуживающие обыкновенно... личные потребности товарищей». См.: *Преображенский Е.А.* Проект циркуляра ЦК // Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. / сост. М.М. Горинов. М., 2006. С. 365.

[3] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 478.

[4] См.: Смехач. 1924. № 5. С. 10; 1926. № 18. С. 4; № 43. С. 8; Чудак. 1929. № 27. С. 5. Один бойкий студент начальственным голосом вызывал из правительственного гаража машину, чтобы произвести впечатление на приглянувшуюся ему девушку. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 122.

[5] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 39–40.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 51.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 306.

не имеешь самого необходимого...», – писала некая Е. Оболенцева, требуя, чтобы «вождь» непременно принял ее[1].

Другой источник разложения правящей верхушки виделся в «буржуазных» женах[2]. Комиссия партийного контроля ВКП(б) была всерьез обеспокоена эти явлением – соответствующие сигналы поступали постоянно[3]. Разумеется, молва многократно раздувала проблему. Некий Дудин из Армавирского округа 8 января 1927 г. уверенно сообщал властям, что «партийные работники постоянно женятся на женщинах буржуазного происхождения»[4]. Сатирический журнал высмеивал возродившуюся в связи с этим «заразную болезнь – целование публично женских рук»[5]. Порой отчаявшиеся коммунисты делали странноватые заявления. М.П. Соловьев, работник московской почты, в октябре 1926 г. уверял, что «оппозиционеры стали меньшевиками», а

> молодое комсомольское поколение старается захватить такие места, где стоит крупная ставка, в то же время работать не хотят.... Молодежь преклоняется перед старой буржуазией...[6]

На местах призрак буржуазии иной раз виделся почти так же, как в 1917 г. Д.И. Макаренков и В.И. Иванов «из темного уголка деревни Северного края» (Кологривская вол. Костромской губ.) 24 декабря 1924 г. доносили, что, когда на профсоюзном митинге один из ораторов заявил, что «революция не закончилась, а только начата, и эти слова понравились (или не понравились? – *В.Б.*) буржуйчикам, которые стали перешептываться»[7]. Трудно сказать, насколько точно передал информатор суть происходившего, но в его ненависти к «буржуйчикам» (скорее всего, представителям интеллигенции) сомневаться не приходится. О «новой революции» заговаривали некоторые рабочие[8].

Как и в 1917 г., старым и новым «буржуям» порой приписывали все мыслимые и немыслимые беды. «Кулаки и буржуи новые рады

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 286 об.

[2] О том, как экс-революционер, слушатель Военной академии женился на «московской брихиндейке», писал М. Кольцов. См.: *Кольцов М.* Указ. соч. С. 129.

[3] См.: Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР. 1927. № 2–3. С. 55.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 248. В прессе писали, что «главный недостаток совработника – его жена, которая... и не советская, и не работница». См.: Смехач. 1924. № 4. С. 9.

[5] Крысодав. 1923. № 3. С. 13.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 218. Карьеристов среди городских комсомольцев было предостаточно. Председатель ЦКК А.А. Сольц не случайно высказывался против стремления молодых людей «брать жену из чужого класса». См.: Комсомольский быт. М.; Л., 1927. С. 66.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 52.

[8] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 92.

до смерти оппозиции, они поднимают головы, как драконы. Мы, крестьяне, требуем суровых мер против хулиганов, вредителей»[1], – писали из Брянской губернии 11 октября 1926 г. Нэпман становился существом виктимным по определению. К. Гончарук, представлявший партячейку командных курсов «Выстрел», в июле 1925 г. сообщал о «чудовищном количестве беспризорных детей», вовлеченных «в бездну разврата полового, общественного, прочего». В этом он обвинял «нэповскую звериную сволочь, тратящую деньги по ресторанам и театрам». Впрочем, поразительнее другое: некоторые его товарищи по ячейке говорили, что нужно всех беспризорников «просто вывезти и уничтожить». Сам он считал, что так говорят «случайные люди в партии, несмотря на все свои коммунистические чины и ордена». Для него казалось естественным, чтобы каждый полк в Красной армии «имел у себя одну роту, составленную из детей», которых предстояло сделать честными гражданами. «Этот фронт мы должны одолеть»[2], – заключал он. Слово фронт вообще стало расхожим[3]: за ним таились агрессивные миропредставления.

Страхи, доходящие до верхов, были многообразны. Некто Двойных (как видно, военнослужащий) с Украины в сентябре 1926 г. беспокоился:

> 1. Не угрожает ли частный капитал социалистическому накоплению? 2. Не получится ли расхождение ножниц? 3. К какому элементу отнести сельскую кооперацию, если кулак вложил свой капитал? 4. Не пора ли государству перейти к регулированию зарплаты?

От вопросов глобальных он переходил к бытовым. Оказалось, что красноармейцы «не довольны сборами», среди них имеются оппозиционеры, а потому важно знать: «будет ли ЦК ВКП(б) церемониться как с Зиновьевым, потому что в Красной армии нечего философствовать». В те годы любили порассуждать о международных делах как источнике угрозы. Спрашивал и Двойных: как быть, если «международная революция затянулась, капитализм стабилизируется, внутри партии появилась оппозиция»? Ну а в случае «революции на Западе

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 249.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 12–12 об. Педологу А. Залкинду ситуация виделась иначе. Он полагал, что дети, которые «в 10–12 лет переменили несколько "любовниц", занимаются проституцией», всего лишь «обезьянничают, копируя нравы взрослой бандитской, хулиганской среды». В хороших руках, утверждал он, они «довольно легко освобождаются от этой дикой половой нагрузки» (*Залкинд А.* Педология. С. 268). Беспризорники действительно пародировали взрослых: среди них даже были свои «спекулянты-капиталисты» (*Василевский Л.М.* Голгофа ребенка. С. 3), но перспектива их быстрого перевоспитания выглядит сомнительно.

[3] К примеру, писали: «С фронта огня и крови на фронт плуга и нивы», «боевой фронт труда», «фронт просвещения», «фронт учебы» и т. п. См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 88.

или Востоке может ли Советский Союз дать Красную армию на подмогу?» Последний вопрос был предельно конкретным: «Почему не исключили из партии Зиновьева, Лашевича и других?»[1]

В подобных свидетельствах поражают по меньшей мере два момента: ненависть к нэпманам и готовность обвинить их в чем угодно; готовность решать любую проблему революционно-репрессивным или традиционно-патерналистским способом. Не исключено, что дети-беспризорники, выпестованные чекистами, со временем могли подсказать власти наиболее решительный способ избавления от неугодных[2]. Эмоциональная перенасыщенность архаичного социального пространства всегда помогала патерналистской власти в поисках «врага».

Категории «буржуазных» врагов множились. Рабочие никогда не жаловали мастеров и инженеров. В Ленинграде многие были убеждены, что теперь спецы «мстят рабочим» – «вы теперь хозяева на производстве, вот и управляйтесь сами»[3]. В 1920-е гг. к этому добавилась ненависть к лицам, якобы повинным во всяких производственных бедах и замешанным во всевозможных махинациях. В Ленинграде рабочий завода «Большевик», в прошлом коммунист, а теперь трезвенник-чуриковец, ударил по лицу кронциркулем мастера-выдвиженца Алексеева[4]. В 1928 г. широкую известность получила «быковщина». Рабочий ленинградской фабрики «Скороход» Быков, который за прогулы, брак и другие нарушения был уволен по требованию мастера-выдвиженца коммуниста Степанкова, попытался застрелить его. Коммунисты тут же связали это с вылазками «классового врага»[5]. В других пролетарских центрах были случаи убийства представителей заводской интеллигенции. В Егоршинском уезде (Екатеринбургская губ.) были убиты три техника. И это был не спонтанный акт мести, а организованная акция, совершенная по постановлению местного комитета РКП(б)[6].

В число сельских «нэпманов» порой попадали мельники[7]. В 1924 г. наверх стали поступать сведения о том, что в Московской губернии

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 190.

[2] Среди малолетних преступников дети с повышенной эмоциональностью составляли около 40 %, «деятельные мечтатели» – 15 %, психически больные – 5 %. См.: *Василевский Л.М.* Детская «преступность» и детский суд. Тверь, 1923. С. 6.

[3] *Ульянова С.Б.* Указ. соч. С. 152.

[4] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 399.

[5] Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): Сб. документов и материалов. Л., 1961. С. 49.

[6] *Борисова Л.В.* «Третий враг революции»: Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале нэпа // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol. 30. No. 3. P. 268.

[7] О деревенских мельниках крестьяне писали: «...Это действительно новая буржуазия... до революции брали за полпуда 20 коп., то сейчас по рублю берут плюс уво-

«помол в деревне... сосредоточен почти исключительно в руках кулаков, они фактически являются монополистами в данном районе». Администрация отвечала, что жалобы «о чрезмерном налогообложении мельников» не находят подтверждения[1]. Создавался еще один очаг конфликтности: осенью 1924 г. из Сибири сигнализировали, что мельники намереваются забастовать в знак протеста против высоких налогов[2]. А поскольку призрака сельской буржуазии большевики опасались куда больше, нежели городских капиталистов, то деревенским коммунистам было рекомендовано объяснять крестьянам: либо с пролетариатом к социализму, либо с буржуазией к капитализму[3]. На одной из губернских партийных конференций Бухарин объяснял: «Мы прикончили частника на валютном рынке и хлебозаготовках, тогда он бросился на мельницы, но и тут ему приходит конец»[4]. Тупости официальной пропаганды (несмотря на наличие среди большевистских руководителей людей проницательных) можно только поражаться. Сатирическая печать двусмысленно иронизировала: в связи с борьбой с частниками «вчера в трамвае... прижали к двери частника В. Давидовича»[5].

Власть откровенно провоцировала эгалитаристские настроения. Когда в 1927 г. находящийся за границей Ф.И. Шаляпин решил развестись с остававшейся в России И.И. Тарнаги и пообещал ежемесячно выплачивать ей по 300 долларов, Краснопресненский суд отметил, что на эти деньги можно содержать целый детский сад. А «Вечерняя Москва» тут же связала «щедрость» великого певца с «его недавними антисоветскими проявлениями»[6]. Так возрождался образ «единого фронта» всевозможных богачей, противостоящих обездоленной ими пролетарской массе.

Порой «антибуржуйские сигналы» поступали от банковских служащих. Один из них анонимно советовал «сократить помощников главного бухгалтера» и вообще «вести борьбу с кумовством, проверить расходы на содержание квартир работников Мосгорбанка»[7]. Трудно сказать, в какой мере жупел «буржуазности», как и «контрреволюционности», использовался в доносах для сведения личных счетов. В любом случае очевидно, что власть политически развращала обывателя.

руют». См.: *Миронова Т.П.* Нэп и крестьянство (Социально-психологический аспект) // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 241.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 4.

[2] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 715.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 8.

[4] Ситуацию высмеял сатирический еженедельник. См.: Бегемот. 1927. № 5. С. 12.

[5] Смехач. 1927. № 3. С. 8.

[6] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 158–159.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 79.

Вопрос о «буржуазии» обострился в связи с дискуссией в партии. Вполне зрелый человек Т. Зинкевич (41 год) 27 июня 1925 г. интересовался из Могилева: «Страстно желаю знать суть ошибок т. Троцкого». Он считал, что «вопрос о крестьянстве освещен одинаково у Ленина и у Троцкого». Правда, он соглашался, что «построить социализм в одной стране можно», но тут же выражал убеждение, что «капиталисты нам этого не дадут». Каких «капиталистов» он имел виду – он и сам не мог понять. В результате приходилось признаться: «Я не знаю, как опровергнуть Троцкого, сказавшего, что мы даже не подошли к построению социализма»[1]. В случаях идеологического ступора проще всего поверить в мифическую угрозу.

Порой даже действия церкви связывались с «буржуазностью». В крестьянской среде время от времени обнаруживались яростные «безбожники». Крестьянин с. Н. Татищевского (Полтавский р-н Троицкого окр. Уральской обл.) С.Р. Наймушин в сентябре 1926 г. писал:

> Долой обман... у нас еще не кончен нравственный переворот, старого обычая, а именно: существует еще религиозный дурман, который играл и играет на струнку капитализма... Самым корнем авторитета религии считается здесь в данное время святые нетленные мощи и явленные нерукотворные иконы, чем доказывают попы и одурманивают темные массы... Очень я прошу Вас, тов. Сталин, от имени Всесоюзной сомневающейся массы дать разъяснения... Долой поповский опиум и да здравствует диктатура ВКП(б) и просвещение[2].

Находились люди, готовые символически утвердить новую идеологию на костях буржуазии. Некий Г.В. Сильвестров из Москвы в июле 1926 г. сообщал, что «под впечатлением внезапной смерти еще совсем не старого Дзержинского» он набросал проект будущего мавзолея Ленину и вместе с тем «памятника великой русской революции и всем ее героям». Этот монумент должен быть «вечным, как пирамиды, грандиозным, как памятник "Битвы народов" в Германии, коллективным, как царский памятник эпохе 1812 г.» Но интереснее другое: для него следовало «использовать гранит, который оставила на московских кладбищах буржуазия»[3]. Некий болезненно активный субъект с выразительной фамилией (или псевдонимом) Лапик-Впередов, сочинив опус «Самоубийство капиталистической цивилизации», в июле 1926 г. в очередной раз сообщал, что «сделал гигантски важное для политики СССР открытие по "христианству" и 6-му измерению», но его засадили в психушку «агенты Хаджсона или баптисты». Он уверял, что «уже здоров», и умолял спасти[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 138.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 99.

[3] Там же. Л. 286.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 4, 44–47.

Некоторые вроде бы вполне здоровые молодые люди готовы были единым махом решить вопрос со старой и с новой буржуазией, а заодно и с всевозможными партизвращенцами. Беспартийный М.А. Бутенин, 26 лет (сельский уроженец Марийской автономной области), писал Калинину 11 октября 1926 г. из Севастополя:

> ...Троцкий с Зиновьевым самочинно приходят на собрания одурачивать людей, пользуясь силой своего слова, навязывать им свои мысли и взгляды... Что же смотрите Вы, тов. Калинин, наш милый добрый большой старик? ...Смотрите, как гады поднимают головы, как напружинивают фуражки разные совчиновники, магазинщики и прочие... На вас вся надежда... Исполните волю трудящихся...

Оказывается, этот пылкий приверженец советской демократии «в 17 лет по глупости и случайному стечению обстоятельств добровольцем служил у белых». Сейчас он сожалел, что «до сих пор не может быть в партии ВКП»[1]. А. Полежаев из Ташкента в октябре 1926 г. напоминал:

> В настоящее время возьмите без малого любой кооператив, кто там сидит: либо старый торгаш, или какой-нибудь кулачок, прикрывающийся маской середняка[2].

Существовали основания и для более серьезных «антибуржуазных» подозрений. Так, считалось, что в Госплане Украины засели «недорезанные буржуи», привлекающие экспертов из «бывших». К коммунистическому учению они относились «отрицательно, иронически», а советскую власть принимали как факт, «с которым приходится считаться». Говорили, что председатель комиссии по электрификации Украины А.М. Кузнецов – «отпрыск купцов-миллионеров»[3]. Конечно, эти люди саботировать большевистское проектерство не собирались. Но избыток иронии по отношению к полуграмотным коммунистам вполне мог породить иллюзию о готовности их к «вредительству».

Рабочему П.В. Неженцеву (Югосталь, Макеевка) директор казался «новым буржуем»: «держит себя барином, кабинет обставил мебелью, рабочий должен стоять перед ним навытяжку»[4]. А «беспартийный М.С.» в письме в «Правду» предлагал совсем простое

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 55 об.–60.

[2] Там же. Л. 272. Не удивительно, что именно московские кооперативы давали наивысший показатель по растратам (Пролетарский суд. 1926. № 3. С. 6). Существовали специальные кампании по организации ложных кооперативов. См.: Пролетарский суд. 1926. № 4–5. С. 13.

[3] *Спроге В.Э.* Записки инженера // *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции; *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 306–307, 319.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 489. Л. 60.

решение: «Нас окружили крепкой капиталистической стеной... Долой дискуссии!»[1]

Но поступали и предложения прямо противоположного свойства. По иронии судьбы в сентябре 1926 г. к Сталину из Нью-Йорка обратился В.С. Завойко – тот самый, который в 1917 г. был советником генерала Л.Г. Корнилова[2]. Несколько лет тому назад он уже писал Ленину, но, как видно, отклика не удостоился. Он сообщал, что стал американским гражданином, ни в чем не нуждается, им движет «только горячая любовь к родине». По его мнению, «главным двигателем прогресса человечества является сама человеческая натура», а потому успехов добиваются те нации, «которые дают выход личной инициативе». Он утверждал, что «сейчас США куда ближе к воплощению идей коммунизма, чем Советская Россия», а потому не стоит «повторять ошибки прошлого, если кормила власти в стране дают возможность... повернуть всю внутреннюю жизнь страны в должное русло». Россия, считал он, «должна вернуться на путь личной инициативы», и тогда она «получит из-за границы содействие и поддержку». На случай, если его «социальное предложение» по какой-то причине покажется «милостивому государю Сталину» преждевременным, он подготовил «программу-минимум»: «постановку на ноги нефтяной промышленности», а для начала – строительство нефтяного завода на Черноморском побережье. По этому поводу он предлагал генсеку проконсультироваться у Серебровского, Покровского, Губкина и многих других российских ученых[3]. Среди эмигрантских советчиков встречались и прохвосты. «Патриот» из Парижа, некий А.Х. Холмский, 7 сентября 1926 г. предлагал «проект, позволяющий государству установить твердую валюту». Лавры «спасителя России» ему были не нужны, «для начала» он просил 1100 английских фунтов[4]. Остается только догадываться, какие чувства испытывали «вожди», получая подобные послания, – они были пощечиной коммунистическим экспериментаторам. И это происходило на фоне слухов, что, скажем, на Северном Кавказе «в главконцескоме сидят евреи-капиталисты, которые сдают концессии иностранцам на самых выгодных для них условиях»[5].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 278, 279 об.

[2] В 1921 г. изъявил желание помогать большевикам другой фигурант «дела Корнилова» – В.Н. Львов. Большевики намеревались использовать его «обширные и влиятельные американские связи для воздействия на американские политические сферы» (*Квакин А.В.* Указ. соч. С. 127). В конце 1921 г. Львов приехал в Москву, но Ленин отказался от его услуг, отмечая, что он – «самый глупый из сменовеховцев» (там же. С. 129). Позднее Львов присоединился к обновленцам. См.: *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 260, 265.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 82–85.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 136.

[5] *Гатагова Л.С.* Указ. соч. С. 81.

В сентябре 1926 г. «достопочтенный Иосиф Сталин» получил еще одно письмо из Америки. Самуэль С. Шапиро из Чикаго предлагал ему свою программу «возрождения России». Он писал, что

> глаза Америки обращены к Советской России... Либеральная Америка хотела бы... чтобы вы прекратили всякую революционную агитацию в Америке... Я уверен, что вы уничтожите мошенничество в правительстве. Двадцать ударов плетью и 10 лет каторжных работ по отношению к растратчикам в финансовых трестах... окончательно положили бы конец злоупотреблениям... Заключите в тюрьмы ваших пророков пессимизма и ваших слабых коленопреклоненных шпионов... Наполните нацию вновь энтузиазмом новой национальной религии... Пожалуйста, сохраните полностью семейную жизнь и домашний очаг как основу для вашего нового братства и вашего нового государства... Употребите вашу государственную жизнь для того, чтобы устроить колонии из городских евреев, экономическое основание которых разрушено в вашей стране. Недостаточно дать им землю и рассчитывать, что они будут получать деньги из-за границы. Вы, народ России, должны дать им все необходимое для того, чтобы помочь им устроить свою жизнь на вашей почве... Не позволяйте ни одному христианину или благородному в городе или в деревне сесть за стол, покамест есть хотя бы один еврей или благородный голодный в Советской России. Это и есть истинное христианство, как тому учил Иисус Христос или Толстой. Пусть ваши шаги чаруют прогресс, а вашей целью будет царство божие путем экзальтации человечества[1].

При чтении подобных предложений Сталину было над чем задуматься. Проекты возрождения полицейско-патерналистской государственности подкреплялись ссылками на капиталистическую Америку и авторитет Льва Толстого. А главное – «буржуи» верили во всемогущество авторитарной власти. Спектр предлагаемых ими инноваций мог смутить и менее мнительного вождя. Как бы то ни было, в 1930 г. генсек рекомендовал Молотову «напустить ГПУ на вредителей из Наркомфина и Госбанка в центре и на местах...»[2]

Поступали во власть и письма откровенно провокационного содержания. Некий «аноним» 27 июля 1926 г. от лица «сионистов» сообщал «вождю» следующее:

> Школа и армия через пять лет убьют веру, а мы ведем народ на поклонение трупу Ленина... Печать в наших руках... высшие судебные дела в наших руках, а судят совершенно невинных епископов, попов, монахов... Нам нет выгоды делать социализм... Наша цель победить христианство и быть владыками... Медицина в наших руках сократит прирост населения... женщины станут предметом удовольствия, а не размножения...

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 149–151.

[2] Цит. по: *Курляндский И.С.* Сталин, власть, религия. С. 40.

Крестьянство будет вечным рабом нашим... Да здравствуют сионизм, масонство, гибель христианству, попам, архиереям. Мы владыки, мы хозяева, невидимый капитал в наших руках убьет все[1].

В общем, это был стандартный набор черносотенных инвектив. Вопрос в том, как он воспринимался генсеком на фоне потока писем, связывавший воедино антисемитизм и «антибуржуйство».

Власть воспринимала возможность реставрации старых «буржуазных» и «мелкобуржуазных» отношений как свою собственную политическую смерть. Отсюда и соответствующие реакции на сигналы снизу.

19 июля 1927 г. председатель Верховного суда РСФСР П.И. Стучка выступил с «Тезисами о неотложных вопросах нашей карательной политики», где констатировал «катастрофический рост числа осужденных к лишению свободы (за год на 100 тыс., или на 20 %)». Он считал, что «необходима разгрузка домзаков, отделение нерецедивистов от рецидивистов», для чего следовало «расширить практику применения принудительных работ без заключения, а также использования денежного наказания» для «реального заглаживания причиненного преступлением вреда»[2]. Кое-кому могло показаться, что нэпманы получат дополнительный шанс «откупиться». Поэтому Г. Ягода предложил жесткие меры[3]. Ему было видней: летом 1925 г. выявилась растрата в месткоме НКВД[4]. Нэпманам не должно было быть пощады – тем более что об уничтожении их стали писать даже дети[5]. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) Сталин заговорил о сменовеховстве – «модном товаре на политическом рынке новой буржуазии»[6]. Свидетели тех времен вспоминали о «ненависти, упорно насаждаемой сверху», от которой особенно страдали интеллигенты, превратившиеся в «лишенцев»[7]. Ученым, в том числе историкам, далеким от текущей политики, ставили клеймо «черносотенца»[8]. Для многих из «бывших» лишение избирательных прав стало «страшным оруди-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 136. Появлялись провокационные листовки аналогичного содержания. «Активные евреи Москвы» якобы требовали, чтобы «русское население уступало нам первое место в трамваях» [ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 448]. Между тем отмечались случаи, когда иные озлобленные пассажиры выкрикивали в трамваях антисемитские лозунги. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 34.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 368–371.

[3] ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4034. Л. 186–190.

[4] См.: Пролетарский суд. 1926. № 4–5. С. 18–20.

[5] Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1929. С. 5.

[6] *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 318.

[7] См.: Лишенцы: 1918–1936 // Звенья. Вып. 2. С. 611–628; *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Указ. соч.

[8] *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 126.

ем, карающим людей, не совершивших никаких преступлений, более того, карающих их детей...»[1]

Впрочем, одновременно совершенствовались способы сокрытия социального происхождения. Сатирический журнал писал о взлетевших ценах на поддельные документы, по которым владелец предприятия мог превратиться в пролетария-ассенизатора, бывший генерал – в допризывника, а «опереточная дива» – в Серафима Саровского[2]. А между тем иные дети рабочих и крестьян, ставшие служащими, при приеме в партию рассматривались как кандидаты 3 категории[3]. Классовый фактор провоцировал социальную мимикрию, оборачивающуюся, в свою очередь, тотальной подозрительностью. Студенты практиковали публичные «отказы» от родителей[4]. В ходу были ложные усыновления – с их помощью дети «лишенцев» избегали классовых ограничений[5]. К окончательному искоренению частного капитала большевики приступили в 1928 г. У частников производили обыски, изымали ювелирные украшения, золото, конфисковывали дома[6]. 1929 год жестоко ударил и по «бывшим», которых начали выселять из Москвы, и по «частникам»[7]. Это было связано с лихорадочным поисками средств на индустриализацию: не случайно власти столь настойчиво прессовали евреев-валютчиков[8].

Особого успеха экономические репрессии не принесли. В Астрахани, где позиции частников весьма сильны (из 4400 предприятий губернии 3700 были в их руках), начался судебный процесс, прогремевший на всю страну. По нему был осужден 471 чел., из них 41 приговорен к расстрелу. Всего из советского и кооперативного аппарата губернии было уволено 1280 сотрудников[9]. Это, скорее всего, был просто «сигнал».

---

[1] *Голицын С.* Указ. соч. С. 105. Создается впечатление, что «бывших» князей больше всего шокировало то, что им незаслуженно навязывалась роль «помещиков» и «домовладельцев». См.: там же. 109.

[2] Крысодав. 1923. № 2. С. 3.

[3] *Spiertz V.* Gehaime Berichte uber den Freitod junger Rotarmisten (1923–1927) // Sowjetjugend 1917–1941. S. 141.

[4] *Рябченко О.Л.* Указ. соч. С. 551.

[5] *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 332–333.

[6] *Заховаева А.Г.* Указ. соч. С. 167.

[7] В Москве исчезли извозчики (нечем стало кормить лошадей), зато появилась в продаже конина, а также колбаса, не без юмора именуемая семипалатинской. См.: *Голицын С.* Указ. соч. С. 139.

[8] *Голицын С.* Указ. соч. С. 114.

[9] *Корноухова Г.Г.* Региональные особенности трансформации социальной структуры городов СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2007. № 2. С. 45.

Еще в начале 1922 г. Ленин предлагал проверять эффективность работы пролетарской юстиции по количеству «купцов», подведенных под расстрел за «злоупотребления *нэпа*»[1]. Остается только поражаться, насколько наивным оказались его пожелания. В Троицке на Урале 27 июня 1921 г. по обвинению в пьянстве, насилии над арестованными и взяточничестве был арестован весь личный состав уголовного розыска[2]. 12 июля 1928 г. в том же Троицке арест на базаре частного торговца мукой привел к массовым столкновениям с милицией (участвовало до 1000 чел.), разгрому мучного склада и магазина потребкооперации[3]. Как ни парадоксально, именно «подозрительные», а то и «преступные», с официальной точки зрения, элементы поддерживали жизнеспособность чудовищно изуродованного марксистскими доктринерами социального пространства.

Конечно, среди нэпманов-предпринимателей не могла не проявиться тенденция к корпоративистскому солидаризму. Украинские чекисты осенью 1927 г. сообщали, что за последние два года «буржуазно-нэпманские элементы» обнаружили «стремление к созыву Всесоюзного съезда рыночных комитетов». Наряду с этим отмечались «антисоветские разговоры в их среде[4]. Очевидно, однако, что нэпманам, как и крестьянам, хотелось создать нечто вроде профессионального объединения, а их «антисоветские» разговоры были не страшнее обычных российских обывательских пересудов по поводу существующей власти.

Обычно частники «процветали» на протяжении 1920-х гг. под вывесками всевозможных артелей. Даже в 1929 г. репрессии против них нельзя назвать свирепыми. Из 34 тыс. новых «буржуев» в 12 крупнейших городах России только 4,5 % были осуждены за различные преступления[5]. Власть все еще колебалась, хотя все чаще звучали голоса о ненужности адвокатуры применительно к бандитам, а также к старым и новым «классовым» врагам[6].

Для чего же понадобились большевикам нэпманы? Китайский исследователь У Эньюань отмечает, что, согласно ленинским прикидкам, с них помимо всего в бюджет должны были прийти крупные налоговые поступления[7]. Получается, что курицу завели не столько ради яиц, сколько для перьев. Увы, таков обычный стиль всякой рос-

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

[2] *Нарский И.В.* Указ. соч. С. 452.

[3] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 142.

[4] *Волосник Ю.П.* Указ. соч. С. 76.

[5] *Морозов Л.Ф.* Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960. С. 95–96.

[6] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 137–138.

[7] *У Эньюань.* Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5. С. 86.

сийской власти, думающей прежде всего о прочности своих кресел. В этом контексте от *образа* нэпмана остается в истории России XX в. куда более основательный знаковый след, нежели реальные деяния нуворишей. Характерно, что троцкисты, обращаясь к рабочим, заявляли о необходимости «открыть жестокий огонь против кулака, нэпмана и бюрократа» для того, чтобы укрепить рабочую демократию[1].

Что касается «настоящего» дореволюционного «буржуя», то и он был востребован тогда и много позднее в чисто символическом качестве. На московском заводе «Серп и молот» (в прошлом Гужона) к середине 1930-х гг. бывший владелец «стал абстрактным воплощением всего того "зла", которое было связано со старым строем». Под сурдинку таких представлений «красный директор» П.Ф. Степанов восстанавливал старые «хозяйские» порядки, именуемые теперь реконструкцией и рационализацией. Это делалось ради выполнения указаний сверху любой ценой[2].

3. Помещики и кулаки, мироеды и попы

Грандиозная крестьянская революция обернулась странным результатом: далеко не все помещики были изгнаны из деревни[3]. Порой они мимикрировали под различного рода артельщиков, кооператоров, а то и просто основывали «трудовые хозяйства»[4]. Случалось, что крестьяне охотно сотрудничали с ними, не трогали образцовые имения, экспроприируя их только по настоянию властей и принимая имущество по описи[5]; иногда даже выбирали бывших управляющих директорами совхозов[6]. Порой вопреки большевикам сельские труженики сопротивлялись выселениям помещиков[7] и даже возвращали

---

[1] Из истории троцкистской оппозиции в СССР. С. 113.

[2] *Макаревич А.М., Соколов А.К.* Указ. соч. С. 118–119.

[3] По некоторым подсчетам, 10–12 % помещиков до середины 1920-х гг. продолжали жить в родных местах, некоторые в своих имениях, преобразованных в коммуну или музей. См.: *Channon J.* Tsarist Landowners after the Revolution: Former *Pomeshchiki* in Rural Russia during NEP // Soviet Studies. 1987. Vol. 39. October. No. 4. P. 575.

[4] Пильняк упоминал помещицу, объявившую себя коммунисткой. Местные власти отвели ей для проживания оранжерею (*Пильняк Б.* Материалы к роману. С. 63–94). Но обычно помещики вели трудовое хозяйство обособленно, редко удачно, крестьяне относились к ним по-разному: молодые несколько высокомерно, старые – почтительно. См.: Старый и новый быт. С. 94–98, 128–144.

[5] См.: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 505. Л. 18.

[6] *Маковой П.П.* Страницы прошлого, 1916–1920 // Russian Emigre Archives. Vol. IV. Fresno, 1973. P. 4.

[7] См.: ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 453. Л. 2–3. Крестьяне Остаевской волости Московского уезда в октябре 1918 г. «пожалели» помещиков (женщин и детей) и даже ходатайствовали перед СНК против их выселения, мотивируя это тем, что запашку их полей они уже осуществили, а теперь они им не мешают.

им некогда награбленное[1]. Крестьяне были не против собственности как таковой, они лишь не терпели «неправедного», нетрудового (по их понятиям) распоряжения ею[2].

«Бывшие» приспосабливались. Одна юная помещица, 22-летняя «красавица, прелестное существо», оставшаяся одна с ребенком, работала в своем бывшем имении «скотницей и уборщицей». От нее не было слышно «ни жалоб, ни ропота»[3].

Со временем былая ненависть к «барам» уступила место практицизму. Декрет о земле допускал превращение помещика в крестьянина-общинника, а также создание высокорентабельных «показательных» государственных хозяйств.

Часть «трудовых» помещиков уже в годы «военного коммунизма» проявила изрядную изобретательность, организуя всевозможные «совхозы», «товарищества», «артели» и даже «коммуны»[4]. Некоторые устраивались на работу в вузы, используя связи с коммунистами[5]. Скоро власти стали опасаться союза вчерашнего помещика с крестьянами. В октябре 1919 г. Подольский уездный исполком постановил всех бывших помещиков «арестовать и заключить в лагерь для принудительных работ, не считаясь ни с какими охранными грамотами». Имелись в виду все служащие «нетрудового» сословия. Подобные левацкие инициативы встречали поддержку наверху[6], однако крестьяне предпочитали по-своему использовать грамотных людей[7].

«Паразитический» класс обнаружил немалые деловые навыки. В Орловской губернии Луначарская сельскохозяйственная артель была образована по инициативе помещика Лисичкина на месте его прежнего родового имения[8]. Помещики Тульской губернии в 1922 г.

---

[1] *Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 66.

[2] Известный либерал П. Долгоруков писал, что «в середине лета в Подмосковье некоторые местные власти выносили постановления о выселении помещиков». Известен, однако, случай, когда «волостной совет отказался выполнить это постановление, так как помещик был в хороших отношениях с крестьянами». См.: *Долгоруков П.Д.* Указ. соч. С. 105–106.

[3] См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 649.

[4] Коммуны создавались сельской интеллигенцией – агрономами, учителями, врачами. В Тверской губернии возникла помещичья «коммуна». См.: К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.) // Красный архив. 1940. № 4(101). С. 125.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 64.

[6] См.: Пролетарская революция. 1919. 7 октября. С. 4.

[7] См.: *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М., 1998.

[8] Артель объединяла 26 человек, включая 9 родственников Лисичкина, проживавших в Москве, Петрограде и Орле. См.: *Гончарова И.В.* Коллективные хозяйства Орловской губернии в период новой экономической политики // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века. СПб., 2001. С. 288.

вступили в «Союз садоводов», при посредстве которого взяли в аренду некогда принадлежавшие им же земли (что встревожило местных крестьян). В Вязниковском уезде (Владимирская губ.) помещиками были организованы пчеловодо-огородническая и садовая артели. В июле 1924 г. в 30 населенных пунктах Белевского уезда (Тульская губ.) обнаружились случаи незаконной сдачи земли в аренду бывшими помещиками и найма ими рабочей силы[1]. А всего в губернии было выявлено до 200 помещиков, «прочно засевших в совхозах в качестве управляющих». Чекисты уверяли, что «предпринятое в 1924 г. их выселение вызвало у крестьян благоприятное отношение к Советской власти»[2]. Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности: в Ленинградской губернии помещики устраивались «сторожами» в свои имения[3], в Калужской губернии ухитрялись брать в аренду свою усадьбу на 10 лет[4]. В марте 1926 г. в Волово-Карачевском районе в сельсовет был избран бывший помещик Неклюдов[5], а в Смоленской губернии летом 1924 г. в руках дворян находились земельные участки по 35–40 десятин земли, к ним постепенно возвращались инвентарь и постройки бывших имений. Конечно, зафиксированы случаи агитации «бывших» против коммунистов[6]. В 1927 г. во Владимирской губернии отдельные помещики якобы угрожали крестьянам возвратом к старому, однако более показательны их попытки проникновения в сельсоветы[7].

Помещичий класс оказался многоликим. Соответственно большевики и крестьяне воспринимали его по-разному. Коммунистических руководителей беспокоили анонимные письма «бывших»: так, в ноябре 1924 г. некий «плантатор» предупреждал, что «сельское хозяйство не выдерживает экспериментов, оно чахнет»[8]. Это казалось «классовым» вызовом.

Выселения помещиков практиковались с 1918 г.[9] Поначалу крестьяне поддерживали подобные мероприятия, затем засомневались. Этим воспользовались «бывшие», начавшие атаковать власти

---

[1] *Лозбенев И.Н.* Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах Центральной России в 1925–1927 годах / Отечественная история. 2009. № 1. С. 82.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 31.

[3] Смехач. 1925. № 16 . С. 1.

[4] Старый и новый быт. С. 133, 137.

[5] *Лозбенев И.Н.* Указ. соч. С. 82.

[6] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 120; Т. 3. Ч. 2. С. 533.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 31; *Лозбенев И.Н.* Указ. соч. С. 82.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 44.

[9] Когда в 1918 г. кадет И. Петрункевич попытался отстоять свое имение Машук, аргументируя это тем, что он «либерал, крестьян не притесняет», крестьяне отнюдь не стали его защищать. В Машуке была организована школа практического сельского хозяйства для крестьянской молодежи. См.: ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 156. Л. 9.

просьбами о возвращении отобранных имений. Всего по РСФСР за 1918–1925 гг. было выселено 1296 помещичьих семей. Но даже после того, как в марте 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О лишении бывших помещиков права пользования землей и проживания в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах», а в ноябре 1925 г. из Наркомата земледелия последовал приказ об ускорении выселения «эксплуататоров», далеко не все сельсоветы принялись выполнять эти указания. На сентябрь 1925 г. на учете земельных органов состояло 7818 бывших помещиков, из которых 3600 подлежало выселению, а по данным на середину мая 1926 г., на территории РСФСР было выселено лишь 3 тыс. из этого числа. Власти пытались придать акции по выселению политический характер, но крестьяне этого не поняли. В Смоленской губернии из 665 помещиков к 15 октября 1926 г. оказалось выселено лишь 215, во Владимирской губернии соотношение было 81 и 54. Случаи рьяного отношения коммунистов к выселению были редки – иной раз этому противились сами крестьяне, добивавшиеся возвращения своих «эксплуататоров»[1].

Впрочем, порой невозможно отличить «бывших» от «новых» помещиков. В Ленинградской губернии было взято на учет 338 семейств помещиков, из них дворянских всего 106. Подлежащими выселению были признаны 84 семейства, из них 54 дворянских. Остальных не тронули то ли из-за «заслуг перед революцией», то ли по причине «активного участия в общественной работе и хозяйственном строительстве»[2].

Опыт создания совхозов на месте «образцовых» помещичьих хозяйств явно отталкивал деревню от ее «социалистического переустройства»[3]. Та часть имений, которая считалась «взятой на учет», была если не разграблена, то тихо разворована в 1917–1918 гг. Это не удивительно: отсутствовал слой квалифицированных управленцев, попросту говоря, рачительных и уважаемых хозяев. Воссоздать очаги товарного производства в деревне оказалось невозможно.

На этом фоне хозяйственно активно вели себя кулаки. «Пока отношение кулаков к Советской власти удовлетворительное», – сообщали в 1924 г. из Смоленской губернии. Но опасность виделась в том, что

> кулак грамотен, активен, кулак – заводила в деревне, он экономически заставляет молчать бедняка, и заветной его мечтой является иметь «свой» райсовет[4].

---

[1] *Лозбенев И.Н.* Указ. соч. С. 83–85.

[2] Красная деревня. 1927. № 6. 6 февраля. С. 3.

[3] Разбазаривание помещичьего имущества под вывеской совхозов приобрело такой масштаб, что нашло отражение в беллетристике. См.: *Четвериков Д.* Указ. соч.

[4] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 43.

Изворотливость и пронырливость кулаков в глазах крестьян приобретали почти инфернальное качество[1]. Характерно, что мироеды вели себя вкрадчиво, стараясь «подружиться» с местными начальниками. Иной раз партийные работники, занявшие ответственный пост, им помогали[2].

Если верить донесениям ОГПУ, в ряде мест сельские жители изнемогали от «новых помещиков». В Курской губернии в 1924 г. перед весенним севом крестьяне угрожали стихийными захватами национализированных под сахарную промышленность земель, были попытки их самовольной запашки. Ситуация усугублялась слухами, что на сахарозаводах «частично сохраняется помещичье отношение к бедным слоям деревни». В Курском уезде крестьяне устроили потраву земель совхоза – «он их межевал, не обращая внимания на их постройки». О представителях местной администрации говорили, что они «окружили себя подрядчиками, набивающими себе карманы за счет бедноты», почти «во всех экономиях, принадлежащих заводу, имели место хищения хлеба, фуража, инвентаря». Информаторы заключали, что «процесс расслоения деревни закончился»: появилась группа «совкулаков» – «старые» кулаки именуют их «пьяницами и голытьбой». Отмечалось обилие в деревне «бывших мелких помещиков», которые помимо своих «трудовых» наделов прибирают к рукам экспроприированную часть своих хозяйств с помощью «расположенных к ним крестьян». Вдобавок ко всему сохранялись традиционные межевые конфликты между селами. Крестьянам оставалось только недоумевать: помимо «черных» появились «красные» помещики[3].

Разумеется, чекисты отмечали случаи «кулацкой» агитации: «Совласть хуже, чем крепостная, – делают с крестьянами, что хотят». При этом доносили, что у местных властей отсутствует «классовый принцип подхода к населению», даже в кооперативах и комитетах взаимопомощи «засели кулаки, которые помогают таким же кулакам»[4]. В Орловской губернии в марте 1924 г. 20 состоятельных семей организовали земельное товарищество «Новый путь» для аренды земель местного совхоза. Другое товарищество, «Свободная жизнь», пользуясь льготами, фактически выкупило имение помещика Шеншина.

---

[1] Крестьянам казалась, что существует определенная категория людей, способных пролезть куда угодно. См.: *Миронова Т.П.* Указ. соч. С. 253.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 115.

[3] В Смоленской губернии в 1924 г. «красными панами» называли членов артели «Ильич», расположившейся в барском доме и принявшей своеобразную эстафету у совхоза, уже «доведшего дом и хозяйство до полного разорения». Совхозом заведовал некто Эберлейн, который заодно выселил из дома школу. Артельщикам досталась «30-летняя кляча, барская карета, сломанный плуг», мебель они растащили, а одну из комнат превратили в клозет. См.: *Гагарин А.* Указ. соч. С. 13–14.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 82 об.–87 об.

Даже монашки в 1921 г. организовали артель на земле, ранее принадлежащей монастырю[1].

Труд на земле органически противен всякой уравниловке. Жизнь это всякий раз подтверждала, но «пролетарское» государство не желало внимать здравому смыслу.

Как-то О. Мандельштам и В. Катаев решили подзаработать «агитстихами» на актуальную тему. В Главполитпросвете Крупская популярно объяснила им, насколько хитры и злокозненны кулаки: выдают батраков за членов своей семьи, чтобы обойти закон о продналоге[2]. На полученный от пропагандистского ведомства аванс были куплены полкило отличной ветчины, батон белого хлеба и бутылка грузинского вина, после чего Мандельштам выдал экспромт: «кулак Пахом, чтоб не платить налога... наложницу себе завел». На этом его агитационный пафос иссяк: «новокрестьянский гекзаметр», который взяли на вооружение некоторые поэты[3], освоить не удалось.

Большевистские страхи перед кулаками подогревались «подозрительным» поведением сменовеховцев. Так, И. Лежнев в статье с характерным названием «Великий синтез» уповал на то, что, признав середняков, большевики признают и «кулачков»[4]. Возникали и другие основания для беспокойства. Из Томской губернии в 1924 г. поступил сигнал: из-под стражи освобожден «крупный собственник» Ф.С. Пьянков, который в 1919 г. в с. Красном Шегловского уезда «организовал “кулацкую самооборону” против красных партизан»[5]. В сентябре 1926 г. бывшие сибирские партизаны (Читинский окр.), боровшиеся против «семеновского отряда из местных кулаков и предателей», напоминали, что те «мученически

---

[1] *Гончарова И.В.* Крестьянская повседневность. С. 288–289.

[2] Н.К. Крупская была обеспокоена сообщениями, что у кулаков служат «батрачата, няньки, пастушата», дети, отданные из детских домов. См.: *Крупская Н.К.* Еще об одном перегибе // На путях к новой школе. 1930. № 4–5. С. 15.

[3] Считается, что отдельные поэты 1920-х гг. ориентировались на традицию «эпического» стиха как «латентной формы утверждения незыблемости устоев и идеалов крестьянской жизни» и «протеста против антикрестьянских устремлений новой власти». См.: *Орлицкий Ю.Б.* Новокрестьянский гексаметр как форма социального протеста в русской поэзии 1920-х гг. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 291.

[4] *Лежнев И.* Великий синтез // Новая Россия. 1922. № 1. С. 23–24. В мае 1926 г. ОГПУ произвело обыски у членов «устряловско-лежневской группы». В числе ее лидеров называли М.А. Булгакова, нескольких профессоров МГУ, Коммунистической академии, литераторов и научных работников (Государственная безопасность России. С. 469). Вскоре И.Г. Лежнев был выслан за границу, откуда вернулся в 1930 г., признав свои «заблуждения».

[5] К этому добавлялось, что на помощь Пьянкову Колчак перебросил отряд капитана Орлова, которым было расстреляно около 100 человек, при этом дружинники «выкалывали глаза и закапывали людей живьем» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 744. Л. 3–7).

казнили раненых партизан – отрезали носы, выкалывали глаза, прокалывали шомполами уши». Теперь же они гуляют на свободе – «до сих пор их дело не разбиралось в суде». Кроме того, уверяли они, «вся беднота стонет от секретаря и председателя сельсовета – бывшего жандарма»[1]. Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности – за самими партизанами числились не менее жестокие расправы, а за «классовыми» обвинениями могли стоять обычные внутридеревенские разборки. Мнемонические установки времен Гражданской войны во многом определяли теперешние поведенческие мотивации. Некоторые сибирские красные партизаны определенно «недовоевали» с буржуями[2]. Впрочем, примерно такие же «гнезда недовольства» создавали и красноармейцы- добровольцы 1917–1918 гг.[3]

Некий Гришин в августе 1924 г. жаловался Сталину на Я.Ф. Лейцингера, который в прошлом «имел 1000 десятин земли, теперь приезжает... от Петрокоммуны закупать мясо и обменивать на соль». Этот помещик якобы «открыто сказал на собрании граждан, что хотя вы у власти, но ваша власть падет эволюционным путем»[4]. «Крестьяне далекой Украины» (с. Мелени Малинского р-на Коростельского окр. Волынской губ.) сообщали Калинину, что «кулаки везде захватили власть, не дают маломощному крестьянину жить», а «кооперация работает плохо, землеустройство провалено – большие чересполосицы»[5]. ОГПУ сообщало, что в Тульской губернии «один мельник (он считался кулаком. – *В.Б.*) распространял слух, что Советская власть висит на волоске»[6]. Кое-где утверждали, что кулаки используют пьянство и самогоноварение в качестве оружия борьбы с коммунарами[7]. «Бедный крестьянин» И.Д. Денисов из Ульяновской губернии 26 декабря 1925 г. сигнализировал Сталину: «Кулак преспокойным образом занимает тепленькое местечко и творит, что ему надо, под маркой компартии»[8]. Из Смоленской губернии жало-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 99. Особо устрашающий образ атамана Г. Семенова, созданный большевиками еще в 1918 г., использовался не случайно.

[2] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 461.

[3] В Курганской области они составили группу в 300 человек. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 69. Л. 21.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 143.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 58.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 32.

[7] Для борьбы с этой напастью наиболее стойкие члены коммуны «Красный Октябрь» провоцировали окрестных крестьян на выпивку, выявляя таким способом деревенских самогонщиков, и затем сдавали их милиции. После этого «кулаки» вроде бы притихли, пьянства в деревне не стало, однако вряд ли крестьяне возлюбили коммунаров и коммуны. См.: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 188.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 128.

вались, что попы и хуторяне эксплуатируют батрачек[1]. О «полном засилье кулаков» в сентябре 1926 г. писал из Благовещенска П. Соколов[2]. Стремление кулаков пробраться в органы советской власти отмечалось и в Тульской губернии, здесь же отмечались угрозы советской власти с их стороны[3]. Селькор Дычкин, представлявшийся как «революционер с 1905 г., корреспондент газеты "Взаимопомощь", организатор кооператива "Новый посев"», напомнив, что он был работником ревтрибунала в Царицыне в 1918 г., 23 января 1925 г. жаловался Сталину на гонения за то, что он «раскрывает язвы государственного организма»[4]. В.В. Самошин из Тульской губернии 8 августа 1925 г. «как работник деревни и комсомолец» выражал протест против выступления Зиновьева, в котором усматривал «уступки кулаку». Он утверждал, что «земля, полученная крестьянами в результате Октябрьской революции, вновь оказалась у кулаков». После ритуальной преамбулы последовало указание на конкретного кулака – тот, будучи церковным старостой, «приглашает из города архиерея для богослужения, ремонтирует церковь, приглашает богомазов... и этим завоевывает авторитет среди крестьян»[5]. Кулаки реагировали на подобные обвинения соответственно: некоторые из них привлекали селькоров к суду за «ложные» обвинения[6].

В сатирической печати приводился пример: «кулак и ростовщик» Фокий Иванович Давыдов из деревни Черный ключ (Саратовская губ.) предложил троим задолжавшим беднякам выбирать: или свести к нему на двор всю свою скотину, или запрячься в тарантас и прокатить его по селу. Должники, естественно, выбрали последнее[7]. Трудно сказать, действительно ли мироеды до такой степени распоясались или же крестьяне готовы были списать на них все свое недовольство. Сообщали, что на Украине кулаки, даже раскулаченные, отказывались посылать детей в советские школы – там не учат Закону Божьему[8]. Жаловались, что в Смоленской губернии кулаки подались в евангелисты, чтобы не служить в армии, причем новообращенные «даже отказались временно от самогонки и "мата"»[9]. А в Черниговской губернии в селе с примечательным названием Пустогород

---

[1] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 35.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 24.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 31.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 1, 3–5.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 106–107.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 168.

[7] Чудак. 1928. № 1. С. 4.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 27.

[9] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 89. Евангелисты действительно «бичевали самогон» во время молений. См.: *Яковлев Я.* Указ. соч. С. 92.

(Новгород-Северский окр.) председатель получил в 1925 г. послание следующего содержания:

> Кулаки-самогонщики всех стран, соединяйтесь. Если кто поедет хлопотать... чтобы землю поделить по душам, все равно убьем из-за угла... Если вы хотите делить землю, то делите по паспортам, а то ляжет много жертв, убьем всех тайной нашей организацией...

Письмо «подписали» «староста белокулацкого фашизма Громобой, писарь Чучика, палач организации Додолевич»[1]. Трудно сказать, кто сочинял подобные послания, но случаи политического хулиганства и провокации охотно использовались чекистами для запугивания «кулацким террором». В 1929 г. Б. Ефимов опубликовал карикатуру: вооруженные обрезами и вилами кулаки, помещики и попы построили баррикаду[2]. Трудно сказать, насколько серьезна была угроза. В с. Кустовцы (Шепетовский окр.) местный бандитский атаман Семен решил спьяну двинуться на Москву. За зов «батьки» явились около 350 вооруженных человек. До столицы он намеревался добраться за 4 дня. Но прежде следовало заглянуть в с. Онацковцы – тамошняя староста Дунька должна была помочь[3].

Образ вездесущего вредителя был востребован – но не крестьянами, а властью. В Киевском округе была выявлена группировка, которую крестьяне прозвали «Червоні куркулі». Ее участникам инкриминировались захват по 10–12 десятин земли, укрытие ее от налогообложения, дезорганизация работы землеустроительных органов[4]. Чекисты упорно приписывали кулакам распространение в деревне антирабочих настроений[5], а заодно и самогоноварение[6]. Утверждали, что на Северном Кавказе, особенно в Чечне, «пьянство, дебоширство и хулиганство работников советского аппарата... вдохновляется "кунаком" – кулаком, играющим роль гостеприимного хозяина, получающего за это льготы по налогам, ссудам, пастбищным платам

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 262–263.

[2] Чудак. 1929. № 14. С. 4.

[3] В 1930 г. в с. Оснаковцы озверевшая толпа избила уполномоченного РИКа, а беспартийного крестьянина Волошина бросали в воду, ставили на колени, а одна «беднячка» задрала подол и заставила его в присутствии гогочущей толпы вылизать свою промежность. См.: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 444.

[4] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 773.

[5] В частности, сообщали, что в Сальском округе один зажиточный крестьянин заявлял: «Пусть меня лишают права голоса, мы за это будем до тех пор эксплуатировать рабочих, пока партия не захлопает ушами». См.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 82.

[6] Кулаки действительно спаивали крестьян (*Миронова Т.П.* Указ. соч. С. 243), но при этом не делали разницы между самогоном и водкой: с помощью того или иного напитка они добивались аренды и помощи односельчан. См.: *Яковлев Я.* Указ. соч. С. 24, 107.

и т. п.»[1] Сатирический журнал помещал карикатуры на кулаков, избираемых в Совет с помощью самогона[2].

Фигура кулака превращалась в жупел, в использовании которого сошлись совбюрократы и деревенские люмпены. Но было и другое. В Поволжье от бедняков и середняков можно было услышать: «Мы без кулаков не можем... Они всячески поддерживают нас. Они нас кормят»[3]. Некоторые коммунистические руководители это сознавали. Член коллегии Наркомзема РСФСР К.Д. Савченко 10 мая 1927 г. писал Сталину:

> Все хотят опекать бедноту. Опека бедноты является модным делом, особенно когда запахнет отпуском денег... деньги вместо укрепления производства идут на сарафан и на селедку, деньги проедаются, рождая аппетиты к дальнейшему попрошайничеству... Раздают подачки в погоне за дешевой популярностью и дают больше тем, кто громче кричит... Средства эти часто попадают пройдохам – люмпен-бедноте, которые останутся вечно беднотой, сколько бы мы им ни помогали, вечно будут клянчить[4].

Между тем обнаруживалось, что кулаки по-своему нуждались в новой власти. В ноябре 1924 г. начальник вологодского ГПУ признавал, что «кулацкий элемент Тотемского уезда по отношению к советской власти настроен более сочувственно, чем середняки и беднота»[5]. Реальный «кулак» не имел ничего общего с образом, рожденным доктриной, прочитанной на свой лад социальными отщепенцами. Это был не столько мироед, сколько жизнеспособный хозяин.

К концу 1920-х гг. сочувствия в адрес кулаков зазвучали среди рабочих. ОГПУ фиксировало такие заявления: «Кулака сейчас нет, а если и есть, то его нечего бояться...», «...Мы не обойдемся без кулаков и спецов»[6]. Понятно, что подобные заявления были продиктованы отчаянием. 4 марта 1927 г. рабкор И.С. Иванов из Саратова направил Сталину целое обличительное сочинение, названное «Растратчика – в Ревизионную комиссию, помещика – на старое место». Главным действующим лицом оказался председатель Саратовского уездного

---

[1] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 556. Отмечалось также, что в Чечне и Ингушетии процветает «прямое взяточничество» – сельский сход решает, «сколько дать тому или иному работнику» (там же). Во время чистки 1929 г. взяточники, растратчики, торговцы, бывшие белогвардейцы обнаруживались среди коммунистов-ингушей. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 42. Л. 82, 85, 128, 131.

[2] Чудак. 1929. № 6. С. 13.

[3] Цит. по: *Шайдуллин Р.* Крестьянские хозяйства Татарстана: пути и проблемы их развития в 1920–1928 гг. Казань, 2000. С. 139.

[4] *Миронова Т.П.* Указ. соч. С. 249.

[5] *Кукушкин В.Л.* Указ. соч. С. 289.

[6] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 69.

исполкома с боевой фамилией Кречет. Помимо «ежедневных пьяных оргий», любви к роскоши рабкор инкриминировал ему присвоение «денег и векселей на 2800 руб.» Переполнило чашу терпения правдоискателя то, что Кречет был переведен в состав ревизионной комиссии Саратовского райсовета. Возмутило Иванова и то, что некий помещик Усачев «оказался арендатором-хозяином своей до революции мельницы». А в целом, по его словам, Саратовский уком партии старается «избавиться от разоблачения грязных, темных делишек целой банды». Трудно сказать, насколько он был прав: партийная коллегия губернской контрольной комиссии в присутствии того же Кречета, Иванова, Гришина пришла к заключению, что «факты присвоения денег не подтвердились»[1]. Признаны были лишь «нарушения финансовой дисциплины», однако по тем временам без этого просто невозможно было работать.

Конфликты в деревне носили скорее традиционный, нежели классовый характер, однако риторика обновлялась. Так, крестьяне возмущались, что «бывшие управители-спецы, [которые], может быть, от белых пришли», теперь «правят совхозом». Некоторым из них социализм представлялся сообществом крестьянских артелей[2]. При этом кровавых столкновений в деревне было больше чем достаточно. Большевики зачастую лишь подогревали застарелую вражду. Крестьянин Е. Погонин из с. Кривополье (Рязанская губ.) 28 октября 1926 г. жаловался наверх:

> Знаю, что Вы помогли партии победить оппозицию и уж, конечно, сможете помочь мне победить взяточника-кулака, с которым я безрезультатно сужусь пять лет, который избил мою жену, убил свинью, побил сына, поджег меня два года тому назад... а между тем все ему сходит безнаказанно... Я с этими судами дошел до такой глубокой нищеты, что даже продал лошадь, а между тем кулак Подлесных все богатеет и ширится...[3]

Какие бы прозаические реалии ни стояли за этим воплем души, очевидно, что грядущей коллективизацией этот человек не преминул бы воспользоваться. Образ кулака оказался востребован деревенскими неудачниками в качестве универсального «врага». Некоторые бывшие коммунисты уверенно утверждали, что их исключили из партии именно «кулаки»[4]. Большевики воспринимали такие заявления всерьез. В ноябре 1927 г. Ворошилов записывал в дневнике: «В деревне власть переходит к кулакам», что означает поворот к

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 2–5.

[2] «Социализм – это рай на земле». С. 202.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 38.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 72.

«капиталистическому развитию»[1]. Подобные представления особенно пригодились большевикам в период коллективизации: кулакам, помимо прочего, приписывалась террористическая деятельность[2]. В общем «темные» массы в очередной раз помогли «передовой» партии в поиске «классовых» врагов. В связи с этим на селе порой обнаруживались своего рода перверсии идентификации: на Севере дети кулаков заявляли:

> Вы, бедняки, нас насильно заставили выйти из коммуны. Вы едите наш хлеб, вы нас ограбили и пьете нашу кровь[3].

Возможно, до коллективизации здесь существовал кооператив зажиточных крестьян, именовавший себя коммуной. «Справным» хозяевам всегда проще приспособиться к любой власти – разумеется, если им не помешают завистливые односельчане[4]. Однако местным большевикам, опирающимся на сельскую голытьбу, «кулацкая кооперация» была не к чему. Отсюда «успехи» в нагнетании антикулацкой истерии.

На волне таких настроений в сентябре 1929 г. алтайские чекисты сфабриковали дело «кулацкой группы» из 9 человек во главе со священником-старообрядцем. Кулакам инкриминировалась агитация против выборов в сельсовет и заготовительной кампании, а заодно распространение слухов о скором конце света. Все обвиняемые были расстреляны[5]. На Севере крестьянам иной раз приходилось выбирать между колхозом и обвинением в принадлежности к кулачеству[6].

Зачастую в роли кулаков выступали бывшие красноармейцы и красные партизаны. Последний типаж описан М. Шолоховым в «Поднятой целине» в образе Тита Бородина[7]. Теперь людей, воспользовавшихся революцией, чтобы «выбиться в люди», лишали избира-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 140. Л. 33, 34.

[2] См.: Правда. 1928. 27 октября, 19 декабря; 1929. 7 февраля; и др.

[3] Цит. по: *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации... Р. 100.

[4] Зафиксирован случай, когда кулаки вызвали бедноту на соцсоревнование по сдаче хлеба государству. См.: *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации... Р. 100. Описана история с организацией «сельхозартели им. С.А. Бергавинова» – партийного начальника, именем которого прикрылись «торговцы и спекулянты», не допускавшие в артель бедняков. См.: там же. С. 98–99.

[5] *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра». ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 225–226.

[6] *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации... Р. 92.

[7] Описан такой случай: ветеран Гражданской войны А.А. Полянский из села Песчанокопского на Кубани жаловался, что теперь его считают не красным партизаном, а бандитом – за то, что он не записывается в колхоз. См.: *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 247.

тельного права[1]. Порой на это следовала своеобразная реакция. Гайк Арустамов, член партии с 1918 г., писал из Нагорного Карабаха, что «многие члены партии из крестьян нарочно не поднимают свое хозяйство, боясь, что их назовут кулацким элементом»[2]. Впрочем, отношение к кулаку оставалось неоднозначным. На Украине одни безработные заявляли, что «без кулака нам не обойтись», другие, напротив, жаловались, что «нажим на кулаков со стороны партии незаметен»[3]. Безработный С.П. Жуков из Могилева в письме в «Рабочую газету» утверждал, что основным его конкурентом на бирже труда является сын кулака, «нэпман или сын спекулянта»[4]. Число проблем, не находящих решения, множилось, воображение их приумножало.

Лица, сочувствующие кулакам, обнаруживались в конце 1920-х гг. и среди чекистов[5]. Правда, трудно установить, насколько обвинения некоторых из них в «связях с кулачеством» были справедливыми: «политика» превращалась в ритуал расправы с неугодными лицами. Идеи выцветали на фоне веры во власть и страха перед ее репрессивностью.

В прошлом деревня использовала слово «мироед» расширительно: от сельских начальников и прочих представителей «барской» администрации до богатых крестьян, привыкших поворачивать мирские споры в свою пользу. Теперь место врага общины оказалось вакантным. Однако ненадолго. Вопрос: «Кто есть кулак?» со временем стал для сельских жителей не только трудным, но и болезненным[6]. Крестьяне использовали это слово произвольно: к кулакам причислялись «лишенцы», богатые крестьяне, постепенно к ним добавились люди, служившие у белых[7]. Исследователи отмечают, что «классовый принцип», навязываемый сверху, приносил неожиданные плоды, так как его «уточняющиеся» критерии все менее отражали действитель-

---

[1] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 106–107.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 124. В Карабахе азербайджанцы избавлялись от армян под флагом борьбы с кулачеством; их противники действовали аналогичным образом в союзе с русскими. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 345–346, 355.

[3] «Совершенно секретно». Т. 7. С. 39.

[4] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 87.

[5] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 505, 507, 510–512.

[6] *Миронова Т.П.* Указ. соч. С. 247.

[7] *Раков А.А.* Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5. С. 95. С. Яров справедливо отмечает, что в кулака мог превратиться любой крестьянин, к которому питали неприязнь малоимущие селяне и местные чиновники (*Яров С.В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг. СПб., 1999. С. 11). Вологодские партийные работники заявляли в 1925 г., что «вопрос об определении кулака надо уточнить и изжить те болезненные непонимания, которые имеют место». Цит. по: *Кукушкин В.Л.* Указ. соч. С. 286.

ность[1]. Но и это шло на пользу власти, вольно или невольно поощрявшей сельских тружеников стращать своенравных односельчан перспективой опасной стигматизации[2]. Под видом кулака избавлялись от неугодных лиц: описаны случаи, когда раскулачивали сыновей и даже внуков кулаков[3]. «Слово "кулак" терроризирует крестьян», – заявляли донские крестьяне в 1928 г., отмечая, что за десять лет революции крестьянин так и не смог расширить своего хозяйства[4]. В начале 1928 г. в ходе хлебозаготовок на Дону коммунисты столь рьяно стали выносить обвинительные приговоры кулакам, что их пришлось одернуть. Впрочем, вслед за тем А.А. Андреев, будущий сталинский идеолог, потребовал «более серьезного отпора наглеющему кулаку». Это отвечало установкам московских верхов, предложивших «установить премии за вскрытие кулацкого хлеба»[5]. Увы, иные коммунисты предпочли «устанавливать премии» самим себе, потворствуя кулакам[6]. Сельская среда, словно в насмешку, превращала коммунистические эксперименты в свою противоположность.

В 1921 г. праздник Пасхи пришелся на 1 мая. По этому случаю власти повелели «не затрагивать» религиозные чувства верующих. В результате в Петрограде состоялся грандиозный крестный ход, превратившийся едва ли не в политическую демонстрацию. Было несколько «инцидентов с несниманием шапок». «С некоторых шапки были сбиты, – сообщал очевидец. – Толпа православных христиан была куда нетерпимее нехристиан»[7]. Но уже в следующем году коммунисты взяли «реванш», занявшись изъятием церковных ценностей[8]. А в августе 1923 г. в Иваново-Вознесенске крестному ходу по поводу избавления от холеры был противопоставлен комсомольский карнавал: ряженые разъезжали на автомобилях, клоуны на лошадях, псевдопопы пародировали обедню и распевали частушки[9].

---

[1] См.: Современные концепции аграрного развития: Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. № 4–5. С. 51.

[2] *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации... Р. 101.

[3] У одного «сына кулака», некогда обучавшегося у священника, установили связь с духовенством «через троцкизм». См.: *Раков А.А.* Указ. соч. С. 99.

[4] Цит. по: *Зайдинер В.И.* Указ. соч. С. 304.

[5] Там же. С. 302, 305–306.

[6] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 45. Л. 36.

[7] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 200–201.

[8] Некоторые авторы полагают, что «равнодушие к церкви со стороны населения, погруженного в горькую суету каждодневных материальных забот, к началу 20-х гг. зашло настолько далеко», что большевики решили, что наступил наиболее подходящий момент для изъятия церковных ценностей (*Нарский И.В.* Указ. соч. С. 160). Данная точка зрения выглядит более чем сомнительно.

[9] *Окунев Н.П.* Указ. соч. С. 269.

«Антирелигиозных частушек – тысячи», – сообщали из сельской местности[1].

Отношение социалистов к религии никогда не отличалось последовательностью. Помимо Луначарского, не оставлявшего идеи богостроительства, были и такие рьяные гонители «предрассудков», как П.А. Красиков, заявивший в конце 1919 г., что «через пять лет религия будет истреблена и вырвана из народной души». В отличие от Троцкого, полагавшего, что стоит поддержать «обновленцев» для борьбы с руководством РПЦ, а затем покончить и с ними, Красиков считал, что способствовать «бутафорской реформации» для большевиков не выгодно. «Непричесанный русский поп, совершенно дискредитированный всем прошлым», был, по его мнению, выгоднее для новой власти, чем «причесанный Путята (обновленец. – *В.Б.*), прошедший иезуитскую школу»[2]. Так или иначе, в 1920-е гг. большевикам пришлось переориентироваться на постепенное изживание «предрассудков».

Русская православная церковь уже длительное время находилась в кризисном состоянии. Теперь ситуация осложнилась тем, что большевики поддерживали обновленцев и живоцерковников, в руки которых переходили крупнейшие храмы. В конце 1924 г. в Ленинграде живоцерковникам принадлежали крупнейшие Исаакиевский, Казанский, Андреевский соборы.

29 апреля 1923 г. открылся «Второй Поместный собор Православной российской церкви». В храме Христа Спасителя собрались представители 72 из 74 епархий, а также посланцы Константинопольского и Александрийского патриархатов и Англиканской церкви. Преобладали «живоцерковники» (около 200 чел.), были представлены также «Союз общин древнеапостольской церкви» (116 чел.) и малочисленный «Союз церковного возрождения». 3 мая «собор» принял постановление, требующее кары патриарху. Его подписали 64 епископа, из которых 16 формально подчинялись Синоду. Провозглашалось, что мир раскололся на эксплуататоров и пролетариат, «трудом и кровью которого капиталистический мир строит себе благополучие». Советское государство «вышло на борьбу с этим социальным злом», а потому «собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним – священной для христианина»[3]. В лице обновленцев традиционная вера сделала попытку сомкнуться с коммунистической утопией. Союз общин древнеапостолькой церкви заявлял, что видит «в великой русской революции... осуществление человеческими методами

---

[1] Комсомол в деревне. Очерки под. ред. проф. В.Г. Тан-Богораза. М.; Л., 1926. С. 17, 139, 141–145.

[2] Цит. по: *Крапивин М.Ю., Далгатов Г., Макаров Ю.Н.* Указ. соч. С. 145.

[3] *Митрофанов Г., протоиерей.* История Русской Православной церкви. СПб., 2002. С. 278, 281.

великой первохристианской правды»[1]. Вероятно, с этим готовы были согласиться многие из мирян. Другое дело, что немногие хотели разрыва с привычным ритуалом[2].

«Живая церковь» не была чистым продуктом деятельности ОГПУ[3] – многие «красные попы» желали «революционного» обновления веры. 30 марта 1922 г. к Луначарскому обратился архиепископ Пензенский и Саранский Владимир (Путята). Последний издавна враждовал с руководством РПЦ, в августе 1917 г. Синод отстранил его от управления епархией; в новых условиях он предлагал воссоздать церковь на христианско-социалистических основах, а для руководства создать при Наркомате просвещения отдел культов[4]. Большевистские лидеры не знали, как реагировать, поскольку в связи с голодом на передний план вышел соблазн изъятия «богатств» РПЦ.

ОГПУ поспешило заявить, что духовенство защищает «свое» имущество яростно, роль его «во всех происходящих в деревне волнениях огромна». Правда, признавалось, что «в губерниях, в коих священники перед прихожанами высказываются за необходимость изъятия... операции почти всегда проходят спокойно и безболезненно»[5]. Духовенство относилось к происходящему неоднозначно. Некоторые священники призывали паству противодействовать «растаскиванию державы российской»[6]. Известен случай: после того как священник

---

[1] Слово жизни. Вятка. 1923. 15 февраля. С. 7.

[2] Описана история архиепископа Новгородского, яркого проповедника, которого в «критический момент» уговорили «постоять за правду, чтобы молодежь не напутала». Он перебрался в Старую Руссу, где «попал в банду обновленцев». Его «совсем затравили, им козыряют, вертят, как щепку», он стал «весь седой от горя и позора». См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 642.

[3] В октябре 1922 г. начальник 6-го отделения секретного отдела ГПУ Е. Тучков сообщал, что поскольку «Живая церковь» включала преимущественно белых попов, это дало возможность поссорить священников с епископами «примерно как солдат с генералами, ибо между белым и черным духовенством существовала вражда». Цит. по: «Не стесняясь никакими средствами»: Материалы Комиссии ЦК РКП(б) по вопросам отделения церкви от государства. Октябрь–декабрь 1922 г. / публ. О.Ю. Васильевой и М.М. Горинова // Исторический архив. 1993. № 2. С. 81.

[4] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 77. В Пензе Путята возглавлял «Свободную народную церковь». («Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 608). В ноябре 1920-го – мае 1921 г. Луначарский несколько раз обращался к Ленину и Дзержинскому, предлагая использовать его для идеологического примирения большевиков и РПЦ. См.: *Крапивин М.Ю., Далгатов Г., Макаров Ю.Н.* Указ. соч. С. 58.

[5] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 122.

[6] Эта проповедь Христофора Надеждина (церковь Иоанна Воина в Замоскворецком районе) была квалифицирована чекистами как «контрреволюционная». В Подмосковье некоторые священники вели себя более воинственно, призывая не отдавать ценности коммунистам, «хотя бы они пришли с винтовками». См.: *Борисова Л.В.* «Изъятие производится без осложнений». С. 41–42.

из голодающих мест заявил собранию московских рабочих о том, что золото не нужно Богу, они тут же высказались за резолюцию в поддержку изъятия ценностей[1]. Но чаще происходило другое. Актам изъятия предшествовали такие нападки на священников, что даже старые интеллигенты, не отличавшиеся набожностью, возмущались – «полная нагота и срамота»[2]. Нашлась работа и для мастеров революционного плаката: В.Н. Дени противопоставил патриарха, стоящего среди драгоценностей и заявляющего о святотатстве их изъятия, умирающей с голоду семье. Иной раз власти приходилось одергивать хамоватых «богоборцев» – некоторые из них курили в алтарях, матерились, изымаемые иконы сваливали на пол. Троцкий требовал отдавать хулиганов под трибунал и вообще «приучить шадить чувство верующих»[3].

Тем не менее в кампании по изъятию ценностей изначально присутствовал элемент провокации и террора. В мае 1922 г. «за симуляцию краж и расхищение церковного имущества», а также агитацию против изъятия ценностей к расстрелу были приговорены не только священники и дьяконы, но и церковные старосты[4]. 10 июля в закрытом письме ЦК ВКП(б) было дано указание «по разработке контрреволюционной физиономии части духовенства, так ярко выявившейся во время изъятия ценностей». Правда, к неудовольствию большевиков выяснилось, что в противодействии этой акции «рядом со старухами участвовали больше других подростки», а на некоторых предприятиях – рабочие[5]. Как бы то ни было, привычная большевистская установка на раскол противника принесла заметные, пусть не вполне ожидаемые, результаты[6].

Что касается использования неуемного Путяты, которого Ленин обозвал пиявкой, присосавшийся к советской власти, то здесь возникли неувязки. Луначарский, хотя и заявлял, что «православие с

---

[1] *Борисова Л.В.* «Изъятие производится без осложнений»: Отношение населения Москвы к кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2011. № 2. С. 40.

[2] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 219. «Это была ловкая постановка вопроса», – заявил в конце 1928 г. Сталин. Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин о религии на исходе нэпа. С. 80.

[3] *Борисова Л.В.* «Изъятие производится без осложнений». С. 46; Архивы Кремля. Кн. 2. М., 1998. С. 140, 174–175.

[4] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 216–217.

[5] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 95, 153, 155. На деле недовольство рабочих было более масштабным. Даже в Москве, несмотря на принимаемые производственными коллективами резолюции, многие рабочие выражали недовольство этой кампанией, среди них велась небезуспешная контрагитация против снятия икон в цехах. См.: *Борисова Л.В.* «Изъятие производится без осложнений». С. 38–39.

[6] См.: Архивы Кремля. Кн. 2. С. 311–332.

христианско-социалистической подкладкой совсем не сахар», все же полагал, что опального епископа стоит использовать против патриарха. Чекисты соглашались. В апреле 1922 г. Путяту собрались сделать редактором журнала «Живая церковь», однако местные чекисты по недоразумению ухитрились засадить его на 13 суток в «клоповник». В 1923 г. обновленцы объявили Путяту архиепископом Саратовским, однако он не смог ужиться и с ними. Оставшийся не у дел Путята, по слухам, жил на деньги своих любовниц (возможно, это было поклепом). В 1934 г. его отлучили от церкви, в дальнейшем он не раз арестовывался за антисоветскую деятельность[1].

Западные наблюдатели идеализировали обновленцев, полагая, что «живая церковь» «обращается к идее изначального церковного коммунизма»[2]. Они не замечали ни распрей в церковных верхах, ни настроений масс, отнюдь не приветствовавших непонятных «обновленцев».

В июне 1924 г. обновленческое «Великое предсоборное совещание» подтвердило, что патриарх Тихон «является тяжким преступником перед святой Церковью». Его упрекали в неискренности: «Раболепствуя перед помиловавшей его Государственной Властью, формально не признавая и не отмежевываясь от контрреволюционеров... бывший патриарх Тихон остался по-прежнему во главе всех тех, которые, ненавидя новый строй русской нашей Государственности, точат против него нож не в открытом поле, не в бранном бою, а в стенах Церковных...»[3] Затем последовало провокационное заявление митрополита А. Введенского: «...Тихоновский корабль плавает в международных водах, и трудно сказать, где главный капитан: за рубежом или "на Крутицах"»[4]. На местах некоторые обновленцы обращались к властям с просьбой не регистрировать общины, принадлежащие патриаршей юрисдикции[5]. По злой иронии судьбы несколькими годами спустя в эмиграции последний глава Св. Синода А.В. Карташов писал о «тихоновской» церкви, что она «в тюремном советском государстве не в силах отделаться от политических услуг III интернацио-

---

[1] См.: *Макаров Ю.Н., Крапивин М.Ю.* Всеволод Путята: биографическая справка // Общество и власть. Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2003.

[2] *Кёнен Г.* Указ. соч. С. 572.

[3] Цит. по: *Соловьев И., свящ.* Обновленческое «Великое предсоборное совещание» 1924 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 30. Вып. 4. С. 15.

[4] Цит. по: *Мазырин А.В.* Патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и Советская власть: причины конфликты в 1925 году // Российская история. 2010. № 2. С. 152.

[5] *Кедров Н.Г.* Православный монастырь Европейского Севера и Северо-Запада России в послереволюционный период // Православие. Конфессия, институты, религиозность. XVII–XX вв. СПб., 2009. С. 214–215.

налу»[1]. Между тем на похороны патриарха пришли толпы народа, по слухам, за первый день отпевания было продано 60 тыс. свечей[2].

К борьбе с традиционной церковью подключились и «революционные попы»[3]. «Красный священник» на Украине Ярчуков подал «рапорт», в котором пояснял, что «старые попы – народные паразиты». По его мнению, «идеалы Великих Учителей Мира попраны архиереями», которые признают только закон «Золотого тельца». И вот эту «трагедию убийства человечества», утверждал он, до сих пор «освящают архиереи, патера, папы, ксендзы, прелаты и нунции, далай-ламы, магометы и муэдзины». При этом «красный поп» с «благоговением взирал на творца-воплотителя идей коммунистического христианства – ленинизм и его учителя»[4].

Были у Ярчукова и просьбы:

> Я предлагаю вам свои услуги быть активным борцом-товарищем... Я незаменимый Вам сотрудник, используйте меня... Меня страшатся все – от архиерея до пономаря, так как я являюсь глазом советским... Я насчитываю сотни посягательств на мою жизнь... Поэтому прошу Вас дать мне место, если не в Москве, то рекомендовать в Харьков.

Ярчукову хотелось, чтобы «скорее получило жизнь высшее центральное учреждение СССР по делам культов» – вероятно, там он рассчитывал на достойное место. Естественно, он слал приветствия всем партийным руководителям, особенно Троцкому, Склянскому, Луначарскому. Для чего-то понадобилась Ярчукову «моральная связь с Красиным в Англии». Просил он также Каменева «сбавить ставки ответработникам». При этом «батька червонного голытьбы с Украины» уверял, что говорит «от имени 100-миллионной не черной, а красной массы»[5].

Священники, подобные Ярчукову, власти были нужны[6] – они поддерживали официальных пропагандистов, не устававших твердить

---

[1] *Карташов А.В.* «Рука Москвы» в церкви // Борьба за Россию. № 228/229. 1931. 15 июня. С. 3.

[2] *Алексеев В.И.* Указ. соч. С. 8–9.

[3] «Раскаявшихся», а не просто расцерковленных священников было довольно много (*Peris D.* Comissars in Red Cassocks: Former Priests in the League of the Militant Godless // Slavic Review. Vol. 54. No. 2. Summer 1995). Одни из них снимали сан, обидевшись на крестьян, другие – желая снять «позорное клеймо» и сделать светскую карьеру. См.: Обновленная деревня. С. 88.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 3–4 об.

[5] Там же. Л. 6–8 об.

[6] Не случайно «Безбожник» постоянно публиковал материалы о том, как то один, то другой священник в споре с каким-нибудь партийным функционером признавал его правоту. См.: *Peris D.* Storming the Heavens. P. 75–76.

об «алчности попов», «торговавших святостью»[1]. А тем временем молодежь отворачивалась от церкви и священников под воздействием технократического поветрия, ассоциировавшегося с цивилизованностью и комфортом. «Убирайтесь к чертовой матери с Вашим Богом и с Вашими церквями, – писал в 1923 г. С. Есенин после поездки за границу. – Постройте лучше из них сортиры, чтоб мужик не ходил "до ветру" в чужой огород»[2].

Большевикам приходилось пока довольствоваться политически управляемой церковью. В 1923 г. последовало смягчение антирелигиозной политики[3], что, разумеется, не снизило накала самодеятельного поношения «попов долгогривых»[4]. И патриарху Тихону, и его преемнику митрополиту Петру (Полянскому) власть предложила легализацию высшего церковного управления при условии, что его состав будет согласован с ОГПУ, а главное – что московская патриархия выступит с анафемой в адрес Русской зарубежной православной церкви. Митрополит Сергий (Страгородский) после ареста в 1926 г. согласился работать под контролем ГПУ, что вызвало новую волну внутрицерковных распрей[5], хотя, по некоторым признакам, он сделал это под давлением численно выросших «сторонников мирных взаимоотношений с властями»[6].

Духовенство издавна было расколото и по «классовой» линии: дьяконы не любили священников, священники – монашествующих; рядовое духовенство, особенно сельское, терпеть не могло «академиков» (ученых богословов), считая их карьеристами[7]. В 1921 г.

---

[1] Священномученик протодиакон Николай Цветков. Дневник 1913–1914 гг. М., 2001. С. 187, 192.

[2] Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы, 1912–1925; Проза, 1915–1925. М., 1995. Д. Бедный применительно к вопросам веры откровенно паясничал. 6 января 1925 г. на Всероссийском совещании пролетарских писателей Д. Бедный напутствовал присутствующих в качестве «старого большевистского протоиерея». См.: Смехач. 1925. № 3. С. 11.

[3] И. Курляндский связывает поворот к «религиозному нэпу» (формулировка крайне неудачна) с тем, что позиции церкви серьезно пошатнулись, однако в дальнейшем можно было ожидать усиления сопротивления со стороны верующих, особенно в связи со снятием колоколов. Сыграли свою роль и международные протесты против антицерковной политики большевиков. См.: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, церковь. С. 203–205, 208.

[4] *Карпов П.* Указ. соч. С. 23.

[5] См.: *Одинцов М.И.* Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее // Отечественная история. 1992. № 6; *Husband W.B.* Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932 // Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. No. 1.

[6] Цит. по: *Мазырин А.В.* Легализация Московской патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 115.

[7] *Каржанский Н.С.* Указ. соч. С. 105.

дело дошло до того, что в Царицыне по предложению председателя церковного совета патриархом «избрали» Илиодора (Труфанова)[1]. Во время изъятия церковных ценностей в 1922 г. многие священники и верующие были настроены примиренчески, а местные власти со своей стороны не особенно усердствовали с пополнением государственной казны[2]. В 1924 г. в Смоленской губернии иные священники готовились к расцерковлению, а их сыновья «усердной работой в комсомоле и избе-читальне» старались «стереть неприятное прошлое»[3]. Ленинградский сатирический журнал сообщал, что среди лекторов был обнаружен «один поп, читавший о Ленине и профдвижении»[4]. Официальная пропаганда восторгалась попадьей, добившейся развода из нежелания «поповичей плодить»[5]. Были известны и деревенские начальники (Усть-Изесская вол. Татарского у. Омской губ.), носящие в кармане две печати – сельскую и церковную[6]. Все это облегчало притирку власти и церкви – явления исторически обычного. В сентябре 1927 г. после появления циркуляра НКВД о порядке закрытия молитвенных зданий (в том числе в случае ветхости, что провоцировало низовые атеистические инициативы), епископ Николай (Могилевский) смиренно ходатайствовал об организации временного епархиального совета в Орле, заявив, что подчиняется «власти народной, избранной самим народом». Он даже добавил, что действия советской власти «служат к поднятию народного благосостояния»[7]. К концу десятилетия некоторые попы не только снимали сан, но и становились организаторами местных отделений Союза воинствующих безбожников[8]. Тем не менее даже подконтрольная церковь беспокоила коммунистов.

Большевистские руководители не упускали случая подчеркнуть, что «среди рабочих, даже малокультурных, наметился постепенный разрыв с Церковью, тяга к политическим знаниям и участию к обще-

---

[1] *Окунев Н.П.* Дневник москвича. 1920–1924. Т. 2. М., 1997. С. 139. Антирелигиозная печать злословила: Илиодор «помазал на царство» бывшего полицейского пристава Скулодробова, а члена «Союза русского народа» Сеньку Громилу рукоположил в архимандриты. См.: Безбожный крокодил. 1924. № 8. 23 марта. С. 2.

[2] ГАВО. Ф. 889. Оп. 1. Д. 8. Л. 12, 14–15, 20, 91. Священники и верующие готовы были отдать менее ценные предметы культа, организовать сбор средств взамен изъятий; власти со своей стороны соглашались приостанавливать изъятие до замены предметов культа дубликатами.

[3] *Гагарин А.* Указ. соч. С. 51, 84.

[4] Бузотер. 1924. № 2. Декабрь. С. 5.

[5] Революция в деревне. Ч. 2. С. 16.

[6] Безбожный крокодил. 1924. № 2. 10 февраля. С. 6.

[7] ГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 116. Л. 3.

[8] *Орлов И.Б.* Лозунги и реалии «безбожной пятилетки» // Армагеддон. Книга одиннадцатая. 2001 (октябрь–декабрь). С. 89.

ственной жизни...»[1] Однако в 1923 г. в Ижевске в ответ на попытку перестройки Михайловского собора в Дворец труда один из рабочих призвал убить редактора местной газеты, а в 1925 г. среди рабочих атеистов оказалось только 25 %[2]. Религией стала интересоваться даже образованная часть молодежи[3]. Не стоит, однако, связывать спонтанные идентификационные процессы с атеистическими тенденциями. Высокий уровень религиозности отмечался у красноармейцев[4], при этом в армии они активно интересовались антирелигиозной литературой, а уволившись в запас, «вдруг» забывали о былом «атеистическом» увлечении[5]. В деревне комсомольцев, измазавших дегтем ворота и окна у попа, «гуртом отдубасили»[6]. Вопрос о существовании Бога носил ажиотажный характер: бывшие деревенские парни подсознательно искали контраргументы на «научные» доводы политработников.

Сведения о религиозности школьников в 1927–1928 гг. противоречивы. В Москве наивысший показатель верующих среди них составлял 46,1, низший – 26,8 %, при среднем уровне – 41,8 %. Осенью 1927 г. обследование Наркомпросом 1,5 млн детей показало, что верят в Бога 25 % школьников. К Пасхе 1928 г. ЦК ВЛКСМ предписал пионерам проводить общие сборы отрядов в часы, когда родители обычно посылали детей святить куличи, а в предпасхальные дни проводить антирелигиозные вечера[7]. В бывших монастырях большевики устраивали детские дома и даже «юношеские школы социалистического воспитания»[8]. Настойчиво внушалось, что «пасха вначале была праздником весеннего оживания природы, а потом превратилась в праздник воскресения бога»[9]. Тем не менее в декабре 1928 г. среди учащихся московских школ низшей ступени оставалось 40 % верующих, в провинции их было еще больше[10].

---

[1] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 68. Появлялись карикатуры следующего содержания: один крестьянин спрашивает: почему священник не звонит в праздник? Другой отвечает: «Ежели самогон отобрали – стало быть, и праздник отменяется». См.: Бегемот. 1925. № 1. С. 4.

[2] *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 72, 73.

[3] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 73.

[4] В Уральском военном округе религиозность составляла от 90 до 10–20 % (*Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 43–44). Столь основательный разброс цифр объясняется, по-видимому, тем, что часть солдат знала, как нужно «правильно» отвечать на вопрос о вере в Бога.

[5] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 69–71.

[6] Комсомол в деревне (Наш опыт). М., 1924. С. 34.

[7] *Шевченко В.А.* Юные безбожники против пионеров. М., 2009. С. 43–45.

[8] *Бардилева Ю.П.* Кампания по вскрытию святых мощей и закрытие монастырей на Европейском севере России в 1918–1929 годах // Отечественная история. 2009. № 3. С. 141.

[9] Красная деревня. 1927. № 17. 24 апреля. С. 20.

[10] *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история. Волгоград, 1997. С. 60.

Борьба с религией велась изощренными способами: священники облагались непосильными налогами, их дома отбирались на «общественные нужды». Порой плата за землю под церковь в 16 раз превышала плату за ту же площадь, занятую государственным предприятием. Часто церковные здания сносились под предлогом их ветхости[1].

Католических священников порой идентифицировали с иезуитами. П.А. Красиков, к примеру, писал, что католические семинарии «еще отвратительнее, еще гаже», чем православные, ибо в них «физический, нравственный и умственный разврат под руководством опытных и деспотических лицемеров достигает высшей цинической формы»[2].

Отношение к мусульманам было более осторожным. В 1923 г. было разрешено проведение съезда духовенства в Уфе, разумеется, под наблюдением большевиков-мусульман. Влияние духовенства на учащихся оставалось значительным, несмотря на противодействие местных комсомольцев[3]. Многие законоучители, пользуясь вынужденными послаблениями, вроде бы охотно сотрудничали с большевиками. Вместе с тем официальная пропаганда не уставала разоблачать горских эфенди, называя их «вчерашними мракобесами». Отмечалось, что в Адыгее некоторые из них даже «пролезли» в партию[4]. Клеймили и тех, кто «действительно порвал с эфендийством и стремится стать советским учителем». Как бы то ни было, удельный вес эфенди среди местного учительства доходил до 90 %[5]. Северокавказский крайком тратил на переподготовку учителей «бешеные деньги», но на курсах в Кабардино-Балкарии «лекторами часто являлись те

---

[1] *Батченко В.* «Закрыть и разобрать...» Постановление «О религиозных объединениях» 1929 г. и провинциальные религиозные общины // Родина. 2011. № 11. С. 106–107.

[2] *Красиков П.* Положение церкви в Российской Советской республике // Революция и церковь. 1923. № 1. С. 1.

[3] В Чечне в 1923 г. комсомольцы заявляли муллам, что, если те не прекратят свою антикомсомольскую агитацию, их «выгонят из области». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 2.

[4] Один черкес, сын эфенди, ухитрился закончить Коммунистический университет трудящихся Востока и побывать в роли инструктора обкома (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 41. Л. 69, 71). «Наша молодой черкес стала совсем дурак», – говорили про таких старики. См.: Революция в деревне. Ч. 1. С. 133.

[5] *Дзюба М.* Об учителях-эфенди // Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1929. № 7. С. 41–43. Чекисты в 1927 г. сообщали, что в Адыгее мусульманское духовенство раскололось на два враждующих лагеря, причем реакционная его часть «отражает настроения белогвардейщины, бывших князей, бывшего дворянства и почетных стариков-кулаков, а прогрессивная пытается стать идеологом нарастающего нового кулачества и националистической интеллигенции». См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 554.

же эфенди»[1]. Муллы были и в составе советов и партийных ячеек. Один из балкарцев, вступивших в партию в 1918 г., оказался сыном муллы[2]. Е. Ярославский приводил пример, когда партийные работники вносили «налог в пользу муллы»[3]. В 1929 г. выяснилось, что некоторые дагестанские коммунисты устраивали в своем доме мечети, женились по шариату (при этом устраивали джигитовку на бульваре «в пьяном виде и стрельбой из нагана в домашних животных»)[4]. Среди узбекских «коммунистов» обнаруживались сторонники суфизма[5]. Встречались даже выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока, занимавшие начальственные должности, но «женившиеся по адату»[6].

Наступление на еврейское «религиозное» обучение казалось более успешным благодаря деятельности евсекций по открытию «светских» школ с преподаванием на идише – «народном» языке, противостоящем «религиозному» ивриту. Один из бывших учеников вспоминал:

> Все обучение... велось на идише, все учебники тоже были на идише... Школа стремилась искоренить в детях еврейство всеми возможными способами. Даже те слова, что вошли в идиш из древнееврейского, в наших учебниках писались неправильно, согласно «советско-еврейским» законам правописания[7].

В конце 1928 г. появилось постановление (подготовлено Кагановичем и Ярославским) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». В нем церковные «двадцатки» именовались «единственными легальными контрреволюционными организациями», имеющими «влияние на массы». Деятельность Антирелигиозной комиссии была признана неэффективной, ее функции были переданы в секретариат ЦК[8]. В 1929 г. большевики перешли от так называемого безрелигиозного воспитания к антирелигиозному, что повлекло

---

[1] *Дзюба М.* Указ. соч. С. 43.

[2] Ему припомнили также «хозобрастание» (2 дома), избиение одной работницы, в ходе которого он «наставлял ей в рот револьвер». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 43. Л. 24 об.–26.

[3] *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 598.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 47. Л. 21 об.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 48. Л. 80.

[6] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 193.

[7] Цит. по: *Осипова И.И.* История хасидского подполья в годы большевистского террора: По материалам отчетов ОГПУ–НКВД–МГБ и следственных дел заключенных. М., 2002. С. 293. Тем не менее к этому времени не удалось перевести на идиш даже работу соответствующих культурных учреждений и партийно-комсомольских ячеек. См.: *Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 120.

[8] *Леонтьева Т.Г.* Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 221.

за собой кардинальную переработку учебных программ. К борьбе за безбожие подключили не только вирши Д. Бедного, но и произведения классической литературы. Но «антирелигиозные» сюжеты на уроках естествознания вряд ли могли принести должный результат[1]. Тем не менее в части подрастающего поколения мог закрепиться образ попов – «опоры помещиков и капиталистов», которые в свое время «благословляли бойню»[2]. А в общем, такая пропаганда приводила лишь к деформации и вульгаризации мировоззренческих основ общества[3].

Если верить ОГПУ, особенно серьезную угрозу представляло сельское духовенство. В Курской губернии «церковная банда почувствовала некоторую опору для себя в лице деревенского кулака и городского торгаша». Сообщалось, что «проделки обнаглевшего духовенства доходят до виртуозности, что определяет их наглость и темноту некоторой части невежественного населения»[4]. Власти опасались, что кулаки через сельские приходы усилят свое влияние на выборах в Советы, развернут агитацию против поставок зерна государству, а в целом окажут противодействие «социалистической реконструкции сельского хозяйства»[5]. Действительно, летом 1929 г. в Тамбовской губернии крестьяне сопротивлялись попыткам «рас-

---

[1] Какой эффект могли вызывать, к примеру, утверждения о том, что религия является тормозом социалистической реконструкции животноводства. См.: *Шевченко В.А.* Указ соч. С. 302.

[2] *Шевченко В.А.* Указ соч. С. 315. В 1926 г. «Научное общество "Атеист"» 7-тысячным тиражом выпустило брошюру Н. Румянцева «Великий шантаж». На ее обложке красовался черно-красный крест, составленный из букв названия брошюры, к которому пристроился лукаво улыбающийся обрюзгший человек (похожий, однако, не на православного священника, а на монаха-францисканца). Автор назвал «великим шантажом» «культ мощей и реликвий», практикуемый для «обирания темных трудовых масс» [*Румянцев Н.* Великий шантаж (Реликвии Христа). М., 1926. С. 4]. Впрочем, основной текст содержал простое описание христианских святынь – это была обычная литературно-издательская халтура, выдававшаяся за пропаганду.

[3] В 1929 г. лектор Московского комитета ВКП(б) был озадачен таким спектром вопросов: «Нельзя ли закрыть церкви в СССР, чтобы духа не было, т. к. большинство верующих из бывших нэпманов, торговцев и домовладельцев?», «Почему вареное освященное яйцо не портится?», «На каком основании разрешен для евреев привоз мацы из-за границы?» См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 330.

[4] В Рыльском уезде Ново-Слободский ВИК отвел огородную площадь под названием «поповские лужки» кооперативу под сад, но воспротивились священники, которые прибегли к помощи кулаков, а те, в свою очередь, спровоцировали женщин. Под набат колокола женщины с криками: «Долой коммунистов!» стали ломать садовый забор, оскорбляя при этом работников сельсовета и коммунистов. «Дикая толпа» свирепствовала 2 часа, а затем отправились к вечерней службе. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 88.

[5] *Freeze G.L.* Op. cit. S. 213.

кулачивания» священников[1]. Но случалось, что местное начальство и «церковники» находили язык неформального общения: в 1928 г. в Рязанской губернии председатель Сасовского волостного исполкома Гришаев скостил налог попу Касаткину и дьякону Студенецкому, после чего все вместе «устроили хорошую попойку»[2].

Данные о состоянии крестьянской религиозности противоречивы[3]. Иного и быть не могло: коммунисты и комсомольцы своеобразно представляли религиозность и веру. Многие жаловались, что «жен и матерей трудно убедить отказаться от религии», а сами тайно крестили детей и венчались[4]. Одни преувеличивали силу «церковников», другие, напротив, видели в психозах богохульства (хорошо известных со времен Средневековья) падение авторитета церкви. В апреле 1925 г. в с. Усть-Талмак (Солонешенский р-н Алтайской губ.) в дом «старообрядческого попа» Черепанова во время молебствия была брошена граната – один человек погиб, четверо ранены. Террористом оказался кандидат в члены партии Петр Сысоев, подозревавший старообрядцев в контрреволюционной деятельности[5]. Порой сами священники давали немалый повод для недовольства властей. Так, лжемонах Михаил, выдававший себя за великого князя Михаила, осуществлял свою «миссию» с помощью сельских священников, монахов и церковных старост[6]. Разумеется, «контрреволюции» в этом было не больше, чем в похождениях «детей лейтенанта Шмидта», описанных Ильфом и Петровым. Но темные люди всегда готовы поверить в чудо спасения[7], а чекисты, пользуясь этим, получили «аргумент» в пользу «монархической опасности».

---

[1] *Аленов А.Н., Просветов Р.Ю.* Социальное сопротивление тамбовского крестьянства религиозной политике Советской власти в 1929–1930 гг. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 491–492.

[2] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 77.

[3] По одним сведениям, молодежь следовала примеру стариков «из уважения» (порой притворного) (*Сухова О.А.* Указ. соч. С. 535–540), по другим – религиозными остались старики и пожилые женщины». См.: *Росницкий Н.А.* Лицо деревни: По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств в Пензенской губернии. М.; Л., 1926. 117.

[4] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 43–44.

[5] Следствие установило, это был лишь эпизод противоборства сельских обществ, в которое втянулись коммунисты и комсомольцы, использовавшие обвинения в религиозной контрреволюционности. Дело доходило до убийств, при этом враждующие стороны не признавали никаких законов. См.: «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 338–344.

[6] См.: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Воскресшие Романовы? К истории самозванчества в России XX в.: В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2000. С. 107, 109, 111, 113–114, 116–121, 123, 127, 135–136, 140.

[7] В 1937 г. многие с готовностью верили в то, что «монашка Катя» на самом деле является царской дочерью – «княжной Марией». См.: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 132, 141, 143, 145, 147, 149.

Людям, сочувствующим «безбожной» власти, приходилось по-своему нелегко. 29-летний коммунист М. Володин, сын бедного крестьянина, в 1918 г. добровольцем отправившийся в Красную армию, писал: «Я малограмотный, можно ли мне поступить учиться?» Свое желание он объяснял тем, что «живя в деревне, крестьяне часто навязывают вопросы на ненавистную мне религиозную тему, в которой мало знаю»[1].

В противовес «воинствующим безбожникам» на местах возникали особые организации. Так, в с. 2-м Рождественском (Лубинская вол. Курского у.) появился «комитет по борьбе с безбожниками», организованный «церковным титором» (должно быть, ктитором. – *В.Б.*) М.Д. Филатовым, священником И.И. Новиковым, а также гражданином С.А. Рябцевым. Комитет возник после того, как Филатов и Новиков внушили прихожанам, что «они забыли Бога», за что Господь «напустил на них засуху и предстоит страшный голод». Конечно, местные «безбожники» могли все переврать. Куда убедительней выглядит информация о том, что в с. Плеском (Лубяновская вол.) местный поп агитировал против ячейки РКСМ[2].

Сами крестьяне если и осуждали священников, то по причинам сугубо мирским. И.И. Шмелев (д. Басова Тарусской вол. Калужской губ.) 13 ноября 1924 г. жаловался, что «их» поп «живет в общественном доме с хорошим садом» при этом он «поп черносотенный, Советскую власть не любит». Землю ему дали «на равных с мужиком», но сам он ее не обрабатывает[3]. Были и проявления откровенной ненависти крестьян к «попу-дармоеду»: «...Больше не появляйся, довольно подурачил, нам теперь... нужна школа и читальня»[4]. «Правда» смаковала подобные конфликты, рассказывая, к примеру, «как батрацкий комитет попадью проучил»[5]. Сатирический журнал окарикатурил попа, который «так напился, что перепутал и запел: «Мы – молодая гвардия рабочих и крестьян!»[6] Подобная пропаганда давала некоторый результат. Со временем отдельные сельские общества стали раскулачивать неугодных под такими смехотворными предлогами, как «краткая связь с духовенством», настаивая на правомерности своих решений вопреки мнению ОГПУ[7].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 50.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 88.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 27; Крестьянские истории. С. 74.

[4] Цит. по: *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 539.

[5] В одной из станиц «толстущая» попадья Гиперборийская не пожелала заключать новый трудовой договор с прислугой. По приговору суда она «получила 7 суток принудительных работ при сельсовете». См.: Правда. 1926. 24 июля.

[6] Смехач. 1924. № 24. С. 6.

[7] *Раков А.А.* Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5. С. 99.

Основная масса крестьян склонна была все же прислушиваться к «попам». В 1920 г. во Владимирской губернии крестные ходы и молебны оставались обычным явлением[1]. В Орловской губернии в с. Михайловка (Мало-Архангельский у.), открылся «чудотворный колодец», в котором некоторые углядели святых. К нему повалили крестьяне Курской губернии – порой 5-тысячными толпами. Распространились слухи, что люди, обследовавшие колодец, уверовали в Бога. В связи с засухой в Льговском уезде (Курская губ.) также «открылся святой колодец, попы служат молебны, наблюдается паломничество крестьян». В д. Алексеевке Щигровского уезда крестьяне пригласили священника на крестный ход по полям. Заведующий хозяйством, вздумавший помешать, был избит. Повсеместно наблюдалось «обновление икон». Тихоновский архиепископ Ювеналий, опираясь на лабазников, выступил «против лжи советской печати», вел беседы с женщинами «о разврате детей в комсомоле», поминал «всех царей, вплоть до Николая, распространял слух о скором приходе Николая Николаевича как избавителя русского народа»[2]. Появились и всевозможные «ясновидцы», в видениях которых «святые» и «пророки» непременно поносили обновленцев[3].

«Воинствующим безбожникам» приходилось туго. В Долговской волости крестьяне прогнали докладчика, заявляя: «Не воевать надо с Богом, а молить его, чтобы дождь дал, иначе сдохнем из-за вас и мы». Оказалось, что здесь даже члены сельсовета «религиозны и строго соблюдают церковные праздники». Чекисты попытались представить происходящее организованной акцией: сидящий в тюрьме архиепископ Павлин, «пользуясь привилегиями во время отпуска на волю, общался с реакционным духовенством» и сочинил воззвание, размноженное на гектографе[4]. На Урале молебнами встречали прибытие транспортов АРА, просили даже прислать портреты Герберта Гувера, чтобы поместить фото «спасителя от голода» рядом с иконами[5]. Впрочем, отмечались и действия деревенских «атеистов»: в с. Винниково (Долговская вол. Курской губ.) молодежь и демобилизованные красноармейцы подсмеивались над крестьянами, дававшими яйца попу: «Яйца дали, а дождя не получили»[6]. Крестьянская религиозность была полна суеверий: священник имел в сельском сообществе высо-

---

[1] *Гоглов А., свящ.* Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М., 2008. С. 308–309.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 88. В некоторых случаях вера в «целебные» колодцы и ручьи поддерживалась монахинями и деревенскими кликушами. См.: Обновленная деревня. С. 90–97.

[3] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 221–222.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 88 об.

[5] *Хмелевская Ю.* Указ. соч. Р. 319.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 88 об.

кий авторитет, представая одновременно в роли привычного требоисполнителя и деревенского ведуна[1]. Но в глазах сельской молодежи авторитет «попа» все же пошатнулся[2]. Деревенские поэты сочиняли такие строки:

В наше время вера слаба,
Зло воссело на престол, –
Там и здесь, посмотришь, баба
Шепчет в воду и на соль[3].

Официальный атеизм расчистил дорогу суевериям. На Валдае некоторые деревенские колдуны хвастались, что порой у них в день бывает до 100 клиентов[4].

До революции интеллигенция обычно третировала сельских «попиков». Их дети часто получали светское образование и порывали со своей средой. Похоже, что большевики, унаследовав интеллигентское недоверие к священникам, опасались, что от их детей можно ожидать сюрпризов. Во всяком случае, знаменитому гулаговцу Варламу Шаламову, происходившему из семьи сельского священника (Вологодская губ.) и закончившего школу первым учеником в 1924 г., было отказано в рекомендации в вуз. Препятствием к этому были названы не только происхождение, но и его «хорошие способности». А между тем все однокашники Шаламова «из детей дворян, купцов, торговцев» поступили в ленинградские вузы, пользуясь «какими-то связями, какими-то знакомствами»[5]. Система плодила своих скрытых, т. е. непредсказуемых – внутрисистемных антагонистов не только прямыми запретами, а тем, что позволяла их обходить. В связи с этим «классовая непримиримость» представала в глазах населения жалким административным ханжеством. Борьба с религией казалась наиболее лживым компонентом последнего.

Некоторые крестьянские корреспонденты пытались по-своему разобраться в происходящем. В «Крестьянскую газету» поступило

---

[1] Такими качествами, по мнению крестьян, обладал священник И.И. Андорал (Краснослободский уезд Пензенской губ.). Он якобы исцелял болезни, указывал на «приспешниц Сатаны», а главное – мог в любого человека вогнать «черта». В 1920 г. главным виновником крестьянского выступления (с. Б. Ижмора Керенского уезда Пензенской губ.) был признан некий Павел Матвеев по прозвищу «Бог», внушивший толпе, что его «пуля не берет». См.: *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 528–530.

[2] Известна такая частушка: «Комсомолец придет сватать / – Отчего же не пойти? / Расписаться – не венчаться. / Попу денег не платить». См.: *Tirado I.A.* The Village Voice. P. 32.

[3] Обновленная деревня. С. 52.

[4] Старый и новый быт. С. 103.

[5] *Шаламов В.* Четвертая Вологда. Вологда, 1994. С. 142–143. Действительно, иные коммунисты-рабфаковцы пристраивали в вузы родственников, скрывая буржуазное происхождение. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 36.

письмо из Самарской губернии (Бугурусланский у., Пригородная вол., с. Чабла), подписанное «Мужик». Автор его полагал, что создание партактива в деревне тормозится «исключительно антирелигиозной пропагандой». Религия, объяснял он, «которая крестьянами принята с детства к сердцу, до некоторой степени притесняется», что и влечет за собой «недружелюбное отношение крестьян к партии». Отсюда появление «типов», ненавидящих советскую власть, рассказывающих о большевиках «всякие гадости», пугающих антихристами, геенной огненной и т. п. Этот человек полагал, что для «смычки крестьян с партией» требуется религиозная терпимость, «просветительская работа», а не «антирелигиозные акции коммунистов»[1]. Это понимали многие. Некий П.И. Сиуда (Батум-Баку) писал, что «сердце надрывается: кругом кичливость, заносчивость, карьеризм». Причину падения нравов он связывал с «несвоевременной ликвидацией церквей»[2]. Беспартийный крестьянин Дм. Огарков из д. Огарково (Красовская вол. Котельнического у. Вятской губ.) доказывал:

> ...Прежде чем внушить, что Бога нет, нужно дать хорошее образование, а бог сам по себе уйдет. А с противорелигиозной пропагандой надо обращаться очень умно, потому, что крестьяне уважают попа...[3]

Религиозное оживление казалось наиболее угрожающим на Украине, где городские коммунисты (преимущественно русские и евреи) были окружены крестьянским морем верующих. Партийные функционеры отмечали приливы набожности (включая свидетельства о «чудесах»), а в 1924 г. Житомирский партийный комитет даже сообщил о «волне религиозного фанатизма». Из ГПУ подтверждали: крестьяне требуют возвращения ими же изгнанных священников. По данным на 1927 г., удельный вес верующих был низким в пролетарских районах (4,2 % среди харьковских рабочих), но в сельской местности оставался высоким (от 38,1 % в Артемовской до 85,2 в Харьковской обл.)[4]. Ко времени коллективизации большевики опасались организованного сопротивления деревни.

Сталин неоднократно указывал на «классовую» опасность, исходящую от попов. В декабре 1928 г. в беседе с рабселькорами он предложил «посмеяться над попом», но только так, чтобы вызвать «не озлобление среди крестьян, а хохот»[5]. Похоже, Ильф и Петров в «12 стульях» упредили пожелание генсека. А пока борьба с религией сводилась к шумным демонстрациям с клоунскими переодевания-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 15.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 98–99.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 33.

[4] *Freeze G.L.* Op. cit. S. 211–212.

[5] *Курляндский И.А.* Сталин о религии на исходе нэпа. С. 79.

ми – так было, к примеру, в центре Тифлиса[1]. Сатирические журналы не раз обращали внимание на «взаимозаменяемость» духовных и светских наставников: псаломщаки и дьяконы руководили хоровыми кружками, профессора служили обедню[2].

В современной литературе принято считать, что большевики насильно загоняли крестьян в колхозы. На деле многие бедняки видели в коллективизация вожделенный «черный передел» земли[3]. Находились и колхозные энтузиасты из числа красных партизан[4]. Коллективизаторские начинания большевиков встречали понимание сектантов: интеллигентская и народная утопии на время сомкнулись. В мае 1924 г. «свободный христианин» Иван Трегубов[5] в статье «Сотрудничество сектантов в советско-коммунистическом строительстве» напоминал

> ...что года два-три тому назад Наркомзем обратился в газетах к сектантам с воззванием, в котором... призвал их к сотрудничеству в деле устройства образцовых колхозов, но, конечно, мало кому известно, что воззвание было составлено по предложению В.И. Ленина... и издано отдельным листком в октябре 1921 г. в количестве 50 000 экземпляров [составителем воззвания был В.Д. Бонч-Бруевич]. И сектанты, в том числе и духоборы, тотчас же откликнулись на это послание... духоборы даже решили перенести это строительство из Канады в Россию... Кроме того, сектанты несомненно могут быть хорошими сотрудниками советско-коммунистической власти и в других областях ее деятельности... Особенно борьба со все более развивающимся самогоноварением так нуждается в сотрудничестве сектантов, как абсолютно трезвых людей. ...Ленинградский доктор Тривус говорил

---

[1] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 70.

[2] Смехач. 1926. № 2. С. 7; Чудак. 1929. № 24. С. 4, 5.

[3] *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации... Р. 90.

[4] Возник даже колхоз, демонстративно названный «Красный камышанник». См.: *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 110.

[5] И.М. Трегубов (1858–1931) происходил из семьи священника, в юности хотел принять монашество. В полтавском духовном училище он был наставником Г.А. Гапона. Увлекался народничеством. Пришел к решению, что в лоне официальной церкви не сможет бороться с самодержавием, которое он считал аморальным и пагубным для судеб страны. (*Manchester L.* Op. cit. P. 86, 169). Он неоднократно предлагал свои услуги советской власти (*Дюран Д.* Указ. соч. С. 53). В конце 1920 г. Трегубов и толстовец П.И. Бирюков заявляли, что только сектанты (духоборы, новоизраильтяне, духовные христиане, всемирные братья и др.) идут «навстречу коммунистическим замыслам правительства» и потому смогут стать «мостом», соединяющим власть с крестьянством (*Эткинд А.М.* Русские секты и советский коммунизм. Проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. 1986. Т. 19. С. 315). Большевистские пропагандисты со своей стороны утверждали, что секта «Новый Израиль» – «классический пример религиозного фарисейства». См.: *Голосовский С., Круль Г.* Указ. соч. С. 8.

мне, что считает известного сектанта-трезвенника Чурикова «пушкой против алкоголизма» за его успешную борьбу с пьянством[1].

Иван Чуриков действительно был заметной фигурой[2]. Трегубов уверял, что иногда посылал к нему на лечение алкоголиков, и тот их исцелял. Числились за Чуриковым и иные заслуги. Так,

> курение табаку, с которым безуспешно борется наркомздрав Семашко, и позорная матерная брань, с которой не более успешно борется военком Троцкий, также не имеют места среди сектантов... Борьба с голодом, нищенством, проституцией, заразными и эпидемическими болезнями также весьма энергично и успешно велась и ведется сектантами... Квакеры и баптисты до сих пор оказывают помощь пострадавшему от голода населению в Самарской и Екатеринославской губерниях, обрабатывая его землю своими тракторами, оказывая ему медицинскую помощь и проч.[3]

Автор уверял, что сектанты готовы и к борьбе с беспризорностью. А в целом они давно ведут борьбу «за коммунизм с царями, попами и буржуями – этими вековыми угнетателями трудящихся». (В свое время Чуриков действительно приветствовал приход к власти большевиков, а деятельность Ленина объявил религиозным чудом. На похороны его чуриковцы отправили венок с надписью: «Пролетарии всех стран соединяйтесь. Да трезвятся все»)[4]. Трегубов не преминул напомнить и о революционных заслугах сектантов[5], и их выступлении против интервенции (коммуна «Трезвая жизнь» выпустила воззвание «Ко всем идущим войной на Россию», которое тотчас же было

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 799. Л. 1–2.

[2] И.А. Чуриков (1861–1929), крестьянин, последователь Иоанна Кронштадтского, проповедовал среди бродяг и пьяниц на Сенной площади в Петербурге, убеждая отказаться от вина, табака и животной пищи. В 1900 г. он создал «Общество христиан-трезвенников»; в 1914 г. был объявлен сектантом и отлучен от святого причастия. В 1918 г. в Вырице под Петроградом Чуриков организовал религиозно-хозяйственную коммуну, занявшуюся осушением болот, земледелием, ремеслами. По некоторым данным, к 1927 г. у него насчитывалось 360 тыс. последователей, ему покровительствовал сам Г.Е. Зиновьев, однако в 1929 г. коммуна была разгромлена, Чуриков погиб в ярославской тюрьме. См.: *Крапивин М.Ю.* Петроградское объединение народных трезвенников, последователей братца И. Чурикова (1917–1929 гг.) // Общество и власть. Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2003. С. 209–219; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 403.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 799. Л. 3.

[4] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 82.

[5] В феврале 1917 г. сектанты «встали перед солдатами Семеновского полка на колени и стали умолять их не стрелять в рабочих». Во время Гражданской войны баптисты приняли сторону красных, что вызвало неприязнь Деникина, назвавшего их «тайными агентами большевиков и разрушителями всех устоев русской земли: "православия, самодержавия, народности"». Исследователи подтверждают это. См.: *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 52.

передано по радио наркоминделом Г.В. Чичериным на английском, французском и немецком языках). Но главная их заслуга в том, что они живут коммунами – это прообраз колхозов. Трегубова вдохновили заявления Калинина о привлечении сектантов к сотрудничеству, однако смутили опубликованные в «Правде» разгромные статьи против них[1] (автором одной из публикаций был Е. Ярославский). Далее Трегубов перечислял врагов сектантов:

> И у нас самое сильное противодействие своему развитию коммунизм встречает среди церковников, враждебно относящихся к сектантству, особенно среди тихоновцев... этого своего рода самодержавия... Усиленное развитие сектантства за счет всякого рода церковников заслуживает со стороны Советской власти если не поощрения, то по крайней мере воздержания от всякого рода стеснений[2].

Трегубов обещал, что сектанты пересмотрят свое отношение к военной службе и просил «беречь заветы Ленина о сектантстве». Закончил он приветствием в адрес большевиков «за великое и святое дело коммунизма», которому сектанты «давно служат». К тексту прилагался внушительный список сектантских коммун и колхозов, в том числе переселившихся из-за рубежа[3].

Вольно или невольно Трегубов предлагал большевикам превратиться в подобие средневековых анабаптистов или богомилов. Новоизраильтяне со своей стороны уверяли: они идут с коммунистами к одной цели, только они, «ведомые богом, по прямой, сухой дороге, а коммунисты – по «скользкой и топкой»[4]. Действительно, коммунистические экстремисты могли завести в ситуацию, описанную А. Платоновым в «Чевенгуре».

Поскольку к 1921 г. лопнуло 15 тыс. квазибольшевистских коммун[5], коммунисты менее всего нуждались в удачливых конкурен-

---

[1] См.: Правда. 1924. 25 апреля, 21, 23 мая.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 799. Л. 4–7.

[3] Там же. Л. 8–18. В их числе упоминалась коммуна в Богородске (Нижегородская губ.) из 325 человек, образовавшаяся в 1921 г., коммуны молокан общей численностью в 8 тыс. чел., переселившихся (точнее, изгнанных. – *В.Б.*) с Кавказа в Сальский округ (Донская обл.), коммуны толстовцев в Донской и Кубанской областях, Пензенской, Воронежской, Саратовской губерниях, а также колхозы трезвенников имени И.А. Чурикова и коммуны постников в Сызрани и Саратове, достигшие «больших успехов в молочном животноводстве». Назывались и 14 кооперативов «Братская помощь». На этом фоне малочисленные «образцовые» коммуны, создаваемые бедняками и рабочими, выглядят неубедительно. См.: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 90–95.

[4] *Голосовский С., Круль Г.* Указ. соч. С. 30.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 23. Сведения о коммунах, возникших в 1918 г., противоречивы. По некоторым данным, в конце 1918 г. существовало 3812 коммун, основанных преимущественно рабочими. См.: *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 234.

тах в лице сомнительных сектантов. 21 мая 1927 г. Комиссия по проведению Декрета об отделении церкви от государства потребовала от ОГПУ принять меры по разложению коммун сектантов-трезвенников путем внедрения в них сексотов[1]. В 1929 г. началась конфискация молитвенных домов сектантов, им запрещалось создавать кооперативы, молодежные кружки, заниматься благотворительностью и т. п.[2]

Рост всевозможных сект, однако, продолжился – похоже, это была очередная волна «бегства» от власти и «ее» веры[3]. В 1928 г. Е. Ярославский признал, что его «воинствующие атеисты» не смогли противостоять 300 тыс. священников и 500 тыс. религиозных активистов (конечно, из числа лишенцев, бывших помещиков, торговцев, кулаков)[4]. Большевики теперь уверяли, что кулацко-поповский террор направлен в первую очередь против колхозного строительства и Советской власти[5], хотя немногим ранее они же твердили, что «религия в крестьянстве заметно падает... нет религии, а есть обычай»[6]. Крестьянство действительно было привержено так называемому обрядоверию; большевики же продолжили заведомо безнадежную борьбу именно с ритуалом, уверяя, что таким образом «строят социализм»[7]. Население, со своей стороны, не просто держалось за обычай, как инструмент социокультурного самосохранения: порой неофитами сектантства двигал практический интерес –

---

[1] *Савин А.И.* Указ. соч. С. 43–44.

[2] *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 129.

[3] В Смоленской губернии крестьяне подавались в «штунду» целыми деревнями, объясняя это разочарованием в «пьяных батюшках». С другой стороны, евангелисты привлекали выразительным пением псалмов и декламацией стихов (включая Надсона), что «заполняло потребность в культурной пище» (*Гагарин А.* Указ. соч. С. 86–88). Моду на Надсона в свое время ввел обновленец А. Введенский. В.Г. Тан признавал, что «Введенская церковь проникает в деревню» наряду с «баптизмом-евангелизмом», усиливая чехарду «многоверия». См.: Революция в деревне. Ч. 1. С. 9.

[4] *Freeze G.L.* Op. cit. S. 212. Численность «церковников» («около одного миллиона» актива) (*Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 597) Е. Ярославский по понятным причинам преувеличивал. По некоторым данным, к началу 1931 г. насчитывалось свыше 40 тыс. религиозных объединений, имелось 36 587 молитвенных зданий различных конфессий. Количество протестов верующих против действий местных властей значительно возросло. См.: *Шимон И.Я.* ...Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920–1930-е гг.). Дубна, 2002. С. 83–84.

[5] См.: *Шишаков В.* Религия на службе капиталистических элементов в СССР. М., 1931.

[6] *Росницкий Н.А.* Указ соч. С. 117.

[7] «Церковное обрядоверие держится только вследствие вековой привычки», – сообщали из Смоленской губернии. «Успехом» в борьбе с духовенством считалось то, что церковь заполняется народом только в престольные и большие праздники. См.: *Гагарин А.* Указ. соч. С. 83.

не только желание избежать службы в армии, но и уйти от налогообложения[1].

Некоторые авторы, ссылаясь на авторитет Н. Бердяева, считают, что большевики были для сектантов более опасными противниками, чем представители традиционных конфессий – они «не были равнодушны к миросозерцанию»[2]. Теоретически это убедительно. На деле ко времени «великого перелома» местным начальникам было не до «тонкостей». Они спешили максимально зачистить социальное пространство, дабы избежать возможных упреков со стороны центра.

Как всегда, коммунистическое головотяпство давало парадоксальный результат. Г. Фриз полагает, что большевики, обличая «бывших», не заметили, как враги Советской власти стали мобилизоваться из низших слоев. Сознание последних стало даже более консервативным, поскольку «тихоновцы» разгромили «прогрессивных» обновленцев и укрепили свое влияние на прихожан[3]. Трудно сказать, какую роль в этом сыграла собственно вера: представляется, что и «тихоновские» приходы, и сектантские коммуны по-своему отражали растущую потребность в консолидации перед все более пугающим лицом власти.

В любом случае в глазах большевиков сектанты были источником еще одной угрозы. В ноябре 1926 г. в Чувашии появились секты «православных христиан», названные чекистами «религиозно-монархическими». Сектанты заявляли, что они «коммунистов кормить не согласны», намерены жить «по Христу», а потому отделяются от «безбожной» власти. «Монархистами» их квалифицировали на том основании, что евангелисты заявляли о непризнании советской печати с «серпом и молотом», противопоставляя ей свою печать «с двуглавым орлом»[4]. Будь чекисты пограмотней, они бы сообразили, что аналогичные манифестации среди чувашей и марийцев, известные с первой половины XIX в., были связаны с утопическими реакциями на «неправедные» действия властей, а вовсе не с «монархизмом»[5]. Еще более легкомысленно поступали сибирские «культуртрегеры», уверяя, что шаманы «признают свою роль законченной» – особенно в

---

[1] Случаи отказа верующих от уплаты налогов были немногочисленны (*Савин А.И.* Указ. соч. С. 48), но коммунисты, как всегда, пребывали во власти страхов.

[2] *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 124–125.

[3] См.: *Freeze G.L.* Counter-reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // Slavic Review. 1995. Summer. Vol. 54. No. 2. P. 305–339.

[4] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 819.

[5] См.: *Тагиров И.* В борьбе за власть Советов (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 – март 1918 г.). Казань, 1977. С. 58–59; *Иванов А.* Марийцы Поволжья и Приуралья в XIX в.: традиции и новации // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Sapporo, 2003. С. 301–304.

связи с угрозой лишенчества[1]. Более реалистично в 1929 г. высказался В. Вернадский. Осуждая репрессии против священников, он писал, что «сила церкви усиливается, так как остаются лучшие». И тем не менее, полагал он, «в деревне идет развитие антицерковное: народ относительно легко меняет веру»[2].

9 сентября 1927 г. Сталин беседовал с делегацией американских рабочих. Генсек утверждал, что «крестьяне теперь не так уж сочувствуют религиозным обществам, а рабочие и вовсе не сочувствуют»[3]. На деле начиналась новая антирелигиозная кампания, направленная на сей раз не столько против православных, сколько против прочих конфессий. Так, в 1928 г. в принятой на совещании представителей этнических меньшинств резолюции еврейский «клерикализм» был объявлен «центром, вокруг которого группируются разнородные антисоветские элементы, сионисты, бундовцы, нэпманы». Синагоги были названы «клубами барышников, нэпманов и нуворишей». На местах активизировались евсекции: в Витебске, Минске, Одессе и в других городах они устраивали «иомкипурники» (Иом-кипур – Судный день) – глумливые мероприятия, сопровождавшиеся (в пику каноническим предписаниям) общественными работами, развлекательными шествиями и даже трапезами в синагогах. Развернулись кампании против отдыха в субботу. Трудно сказать, на какой эффект рассчитывали еврейско-коммунистические «просветители». Несомненно, что после того, как ортодоксы и сионисты, бундовцы и нэпманы были поставлены в единый «враждебный» ряд, антиеврейские настроения в низах усилились – тем более что антисемитизм был заметен и в ОГПУ[4]. Примечательно, что Луначарский, слухи об «особой» позиции которого докатились до Америки, скоро показал себя непримиримым антирелигиозником. «Все... от школы до театра, от Академии наук до изб-читален, должны рассматриваться нами как работающие на фронте отражения религиозной опасности и вместе с тем как средство излечения масс от этой дурной болезни (антисемитизма. – *В.Б.*)», – заявлял он[5].

Как всегда, власть сначала провоцировала, затем «исправляла». Ей помогали революционные идеалисты. Еще в 1921 г. Минский съезд еврейских культработников призвал к борьбе «с клерикализмом на еврейской улице», «укрывающим под своим черным плащом злей-

---

[1] Этнокультурные взаимодействия в Сибири. Государственная политика (1920–1980-е годы): Док. и мат-лы. Новосибирск, 2003. С. 76.

[2] Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 327–328.

[3] См.: *Курляндский И.А.* Сталин о религии на исходе нэпа. С. 60–67.

[4] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 469.

[5] Цит. по: *Одинцов М.И.* Государство и церковь. История взаимоотношений. 1917–1938 гг. М., 1991. С. 37.

ших врагов пролетариата...» В 1921–1922 гг. антирелигиозные митинги и суды над хедерами прошли более чем в 70 населенных пунктах[1]. В 1929 г. перед празднованием Рош ха-Шана (еврейского Нового года) началась всесоюзная антирелигиозная кампания («осенний антирелигиозный поход»), в ходе которой десятки синагог были превращены в еврейские рабочие клубы. Впрочем, теперь большевики не церемонились с любыми конфессиями. Все чаще священников преследовали в качестве «антисоветских» элементов. Естественно, это толкало их на путь действительного сопротивления режиму[2].

В мае 1928 г. было принято решение о закрытии мусульманских школ, затем отменены соответствующие послабления в области образования[3]. Это было частью «наступления социализма по всему фронту». Не случайно 25 декабря 1928 г. «Правда» поместила передовицу: «Антирелигиозная пропаганда – классовая борьба». Как результат, из партии принялись «вычищать» детей «церковников»[4].

По мнению Г. Фриза, для большевиков важно было не само по себе закрытие приходов, а то, чтобы это делалось по «просьбам трудящихся», якобы жаждущих превращения церквей в «социально полезные» учреждения – клубы, кинотеатры, школы и т. д. Соответственно на местах писали, что приходы – это «контрреволюционные гнезда», а активисты Лиги воинствующих безбожников подталкивали население к подаче просьб о превращении церквей в клубы. Подчеркивалось, что такие предложения поддерживают бедняки и середняки, против выступают кулаки. Тем не менее в 1929 г. верхи так и не обрели решительных и гибких последователей, которые умели бы проводить атеистические указания, подогревая соответствующие настроения снизу. Как результат, приходилось одергивать тех, кто допускал самоуправство[5]. А таковых хватало[6].

В феврале 1930 г. в защиту прав верующих в СССР выступили папа Римский Пий XI, архиепископ Кентерберийский и ряд международных религиозных организаций. Сталин тут же организовал «отповедь» от лица католических и иудейских священников. Генсек даже

---

[1] *Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 98, 93.

[2] *Freeze G.L.* The Stalinist Assault on the Parish. S. 218.

[3] *Нуруллаев А.А.* Ислам и мусульмане России в условиях советского режима // Ислам и мусульмане в России: Сб. статей / под ред. М.Ф. Муртазина, А.А. Нуруллаева. М., 1999. С. 137.

[4] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 99.

[5] *Freeze G.L.* Op. cit. S. 219–220.

[6] В феврале 1929 г. пьяный милиционер Егорченков ворвался в Иерусалимскую церковь во время обряда крещения и, громко матерясь, угрожал закрыть храм. Уговоры не помогли: он избил пытавшегося урезонить его церковного сторожа Колесина. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 76.

самолично «помог» митрополиту Сергию (Страгородскому) нужным образом ответить на вопросы журналистов[1]. 15 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована резолюция ЦК ВКП(б) об искажении линии партии в борьбе против религиозных пережитков. Утверждалось, что левацкие действия на местах помогают контрреволюционерам[2]. Власть колебалась относительно темпов расправы с «церковниками» и кулаками, которые в ее глазах давно сплелись в «контрреволюционное» целое. А тем временем на демонстрациях можно было увидеть «ряженого толстого старика в тиаре», которого «рабочие лупили его собственным крестом»[3].

Коллективизация вызвала очередную волну страхов перед вездесущими «кулаками». По информации ОГПУ, они массами бежали в город, формируя здесь еще один очаг контрреволюционности. Приводились впечатляющие факты: «На рудоуправлении Паркоммуна (Парижская коммуна. – *В.Б.*) работают кулаки Купянского округа... распродавшие свое имущество и бежавшие из села». Было замечено и такое: «На рудоуправлении им. Дзержинского работает кулак Соловьев (до революции имел 125 дес. земли), служивший у Петлюры, принимавший участие в боях против красных и расстреливавший красноармейцев на польском фронте»[4]. Едва ли не каждая фраза в подобных сообщениях вызывает недоумение – не слишком ли много «врагов» появилось задним числом?

Перверсии массового сознания были многообразны. Появлялись даже антибольшевистские аргументы *за* вступление в колхоз. Крестьянин Ибурихметов из Башкирской республики в конце 1929 г. писал в «Крестьянскую газету»:

Велико терпение народа, но велика будет и расправа... Счастье ваше в том, что нет нападения извне. Внутри Союза [ССР] вы [коммунисты] не найдете пощады...

Все горе и несчастье крестьянское состоит в том, что... [крестьяне] не организованы. В настоящее время нас гонят в крайне принудительном порядке в колхозы и совхозы, а мы боимся идти в колхозы, как медведи. По нашему мнению бояться... не нужно, потому что всякое объединение, какое бы оно ни было, лучше. Ведь наступило время борьбы, а ведь бороться поодиночке с организованным классом нельзя... Большинство людей идет в колхозы по соображениям: «Я буду пользоваться разными льготами 1–5 лет, а там, может быть, будет со-

---

[1] *Курляндский И.А.* Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 году // Российская история. 2010. № 2. С. 157–166.

[2] О борьбе с искривлением партлинии в колхозном движении // Правда. 1930. 15 марта.

[3] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 114.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 141.

ветской власти крышка». А иные думают, идя в колхоз, что упрячутся от тяжести непосильных налогов и разных бесконечных сборов в колхозах и совхозах. Это тоже неверный шаг... Чтоб дать отпор, нужно объединиться, хотя бы в колхозы, так как индивидуальные хозяйства совершенно бессильны бороться с кем бы то ни было[1].

Один питерский рабочий-коммунист также уверял Сталина, что крестьяне идут в колхоз, чтобы «организоваться и свергнуть нашу власть»[2]. Наряду с подобными страхами были заметны и интеллигентские самообольщения. Б. Пастернак в январе 1930 г. писал, что в деревне «проводятся меры широчайшего и векового значенья, и надо быть слепым, чтобы не видеть, к каким небывалым государственным перспективам это приводит...» К этому он добавлял, что писать об этом сейчас «безнравственно», как безнравственно писать о войне, сидя в тылу[3]. Каждый видел в происходящем то, что ему хотелось видеть, – соответственно особенностям спутанного воображения.

Тем временем экономическая ситуация подталкивала большевиков к еще более радикальным действиям. Г. Ягода предлагал в порядке колонизации необжитых районов преобразовать лагеря и спецпоселки раскулаченных в «пролетарские городки» – он тоже исходил из «государственных перспектив»[4]. Увы, в России очень многие, причем совершенно разные люди, ухитряются выдавать всякую деспотическую акцию власти за «творческое начало».

Химеры воображения особенно бурно плодятся в социально-стрессовых обстоятельствах. Люди, доверившиеся шарлатанствующему государству и собственным иллюзиям, оказались обмануты еще раз.

4. Коммунисты и комсомольцы, взяточники и «разложенцы»

Специально выделяя в галерее образов «врагов» коммунистов и комсомольцев, поневоле рискуешь быть обвиненным в антикоммунистической предвзятости. Между тем в массовом сознании их негативный образ был прописан настолько недвусмысленно и отчетливо, что отдельные упоминания о «хороших» коммунистах и «настоящих» большевиках почти незаметны. Более того, трудно отделаться от впечатления, что тех большевиков, которых оставила в наследство Гражданская война, подсознательно ненавидела сама власть. И для этого были свои основания.

---

[1] «Социализм – это рай на земле». С. 224–225.

[2] Цит. по: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 406.

[3] *Пастернак Б.* Письма к родителям и сестрам. М., 2004. С. 469.

[4] *Зима В.Ф.* Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. 2003. № 4. С. 179.

В своих «Воспоминаниях о XX веке» – ярких, хотя и небеспристрастных – петербургский литератор Владимир Савицкий оставил блестящее описание генерации большевиков 1920-х гг. Ситуация определялась тем, что

> ...энтузиасты как раз и гибли самоотверженно на полях Гражданской войны... Те же, кому удалось уцелеть, не потеряв здоровья (как потерял его Николай Островский), оказывались сплошь да рядом на грани нервного истощения. Да и не могло хватить добропорядочных администраторов на всю бескрайнюю, фантастически разнородную страну... В массе своей и партийный, и «новый» государственный аппарат набирался из людей случайных... готовых бездумно поддерживать воцарившийся режим, лгать вслед за его пророками и жестко управлять «от имени народа» – часто, слишком часто не имея на это ни морального права, ни минимальной профессиональной или общекультурной подготовки, ни природных данных[1].

Тогда, в начале 1920-х гг., это видели многие и реагировали соответственно. Соотвественно складывался образ начальника-самодура (или хуже того). В августе 1921 г. С. Веселовский записывал:

> революция, как бурный процесс, кончилась, по крайней мере здесь, в центре государства... Большевизм в полном разложении. Одни уходят от коммунистов сами, других исключает из своей среды партия, и наконец большинство оставшихся еще в партии выпускают власть из своих рук. Везде встречаешь... ренегатов или просто плутов, которые с присущим вообще большевикам цинизмом открыто смеются сами над собой и над всей большевистской затеей...[2]

Разумеется, слой «принципиальных во всем до фанатизма» большевиков сохранялся, но они все больше смотрелись анахронизмом на фоне «перерожденцев»[3]. В 1921 г. нарком внешней торговли Л.Б. Красин объяснял подобные метаморфозы в собственном ведомстве просто: «...Приходится работать с людьми, никогда больше полтинника в кармане не имевшими, как только такой человек увидит сто рублей – обязательно положит в карман»[4]. Нарком лукавил: «наивных» коррупционеров уже успели сменить «сознательные» мздоимцы. Драматизм ситуации осознавался в партийном руководстве. В феврале 1922 г. Ленин требовал «закатывать в тюрьму» коммунистов втрое строже, чем прочих, за одни и те же проступки[5]. Выяснилось, однако, что это невозможно.

---

[1] *Савицкий В.Д.* Воспоминания о XX веке: Заметки вольнодумца. СПб., 2009. С. 180–181.

[2] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 113.

[3] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 109.

[4] *Ларсон М.Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930. С. 249.

[5] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

В годы «военного коммунизма» правящая верхушка отнюдь не роскошествовала[1]. Инерция спартанского образа жизни некоторое время сохранялась[2]. 2 января 1922 г. Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг) писал Ленину по поводу смерти И.П. Гольденберга:

> У нас кто понахальнее или «комиссарские жены», такие ни в чем не чувствуют недостатка. А кто пощепетильнее – погибает... Врач констатировал общее переутомление, запретил на некоторое время выходить из дому и безусловно заниматься по ночам... Но он отправился на работу, потом ему пришлось пешком подниматься на 7 этаж – лифт не работал. Он не смог достать в аптеках выписанное лекарство, а денег на то, чтобы купить его в многочисленных «нелегальных» аптеках, у него, вероятно, не было[3].

Ленин соглашался и добавлял: «Эмиграция и наша русская безалаберность свели его в могилу». Вдове Гольденберга было выдано 10 млн руб. и жалованье за январь (хотя он умер 1 января), затем ее отправили в дом отдыха ЦК. Но более примечательно другое. Ганецкий просил помочь шурину Гольденберга из Саратова – хорошему художнику (из-за плохой работы транспорта он не успел на похороны)[4]. Большевистские вожди, а за ними и другие «руководящие коммунисты» стали задумываться и о родственниках, и о бытовом комфорте.

Разумеется, были и старые большевики из числа литературных работников, которые по привычке, выработавшейся в Цюрихе, Женеве и Париже, могли запросто вести разговоры о мировой революции с бокалом коньяку в нэповской России[5]. Такой типаж, несомненно, представлял Г.Е. Зиновьев. Но скорее всего преобладали «перерожденцы» – революционеры, не выдержавшие испытания «медными трубами» и властью, к обладанию которой они нравственно не были готовы.

При этом взаимная подозрительность, частично унаследованная от дореволюционной фракционной грызни, сохранялась. Это наложилось на чекистские замашки времен Гражданской войны. «Идей-

---

[1] Согласно воспоминаниям Г. Беседовского, в 1920 г. в Полтаве средняя зарплата работника местного совнархоза (штат которого был непомерно раздут) составляла 2000 р., тогда как фунт хлеба стоил 25–30 руб. Отсюда вакханалия взяточничества натурой, причем коррупционеров не останавливали беспощадные расстрелы. См.: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 1. С. 31–32.

[2] В конце 1923 г. Дзержинский доказывал, что так называемый партмаксимум для коммунистов-руководителей должен быть повышен, так как значительную часть их заработка поглощают «добровольные» сборы на всевозможные «общественные» организации. См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 509.

[3] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 160. Л. 3.

[4] Там же. Л. 3, 6, 15.

[5] *Brovkin V.* Op. cit. P. 38.

ная» борьба приобретала институционно-силовое выражение. Этому способствовал дисбаланс «центров власти» [1].

Специфические черты большевистского правления население познало еще во времена «военного коммунизма». К примеру, член исполкома Новозыбкова и заведующий местной тюрьмой в 1919 г. докладывал в «Орловскую губернскую партию коммунистов-большевиков» о том, как сложилась «слишком печальная картина в Государственном Советском Масштабе»: появились «диктаторы», терроризирующие арестами и побоями не только простых граждан, но и членов исполкома. Несогласные «арестовывались, исключались из партии, отправлялись на фронт», на их место «подбирались бывшие офицеры». Казалось, что исправить положение можно только с помощью «хороших партийных работников» из центра[2]. В 1921 г. питерские пролетарии в полемическом запале заявляли о том, что новые «тунеядцы» живут лучше, «чем в старое буржуазной время»[3].

Бесконечные склоки в верхах так называемых национальных районах еще более способствовали утверждению негативного имиджа коммунистов. На Украине в Мариуполе в 1922 г. партийцы пьянствовали «по календарным праздникам» в миссии АРА – на фоне голода это выглядело кощунственно[4]. Сообщали, что председатель Совнархоза Армении тов. Балаян в годы Гражданской войны «служил белогвардейским офицером в армии Деникина», а «нынешний наркомвнудел Дургарян – это сплошной дурак», который «дискредитирует Советскую власть, целуясь в кино со всякими проститутками». К этому присовокупляли информацию о том, что «один из секретарей ЦК Бакунев в 1918 г. вместе с дашнаками вырезывал целые татарские села»[5]. В Азербайджане между тюркскими и армянскими коммунистами вспыхивали драки[6]. В 1922 г. чекисты запаниковали в связи со

---

[1] В начале 1922 г. Троцкий возмущался по поводу арестов военачальников, осуществляемых чекистами «без уведомления ЦК», и требовал поставить «ЧК в необходимые пределы». См.: РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 164. Л. 48.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 54. Л. 1–1 об.

[3] *Яров С.В.* Горожанин как политик. С. 198.

[4] Коммунисты использовали подобные факты для дискредитации своих партийных «товарищей». Аморальности ситуации не замечали: они просто добивались «переброски» неугодных. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 81. Л. 6, 9, 13, 89.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 71.

[6] *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 341. Подобные конфликты были неизбежны. В январе 1923 г. лидер Мусавата М.Э. Расул-заде, бежавший за границу после двухлетнего общения в Москве со Сталиным, писал генсеку о том, что «народы Востока желают жить не "коммунистической", а своей собственной жизнью», а Азербайджан «имеет такое же священное право на борьбу против вашей оккупации и порабощения, как геройская Турция боролась и боролась против Антанты». См.: Источник. 1994. № 6. С. 84.

слухами о том, что дашнаки усиливают свои организации за счет эмигрантов из Персии[1].

К началу 1920-х гг. уровень культурного развития коммунистов оставлял желать лучшего. Обследование московской губернской парторганизации летом 1922 г. показало, что

> большинство коммунистов, особенно в уездных организациях, политически и культурно очень слабо развиты... Пьянство прогрессирует в рядах отв. работников хозяйственников-администраторов. На почве перехода к мирному строительству, пережитой обстановки гражданской войны – наблюдается усталость членов партии, некоторая недисциплинированность и отрицательное отношение к переброскам и переездам: коммунисты жаждут спокойной мирной жизни у семейного очага[2].

В 1924 г. положение не улучшилось. Пьянство в корпоративных формах процветало[3], чаще всего ему были подвержены служащие из крестьян и бывшие красноармейцы. Среди провинциальных коммунистов наблюдались домостроевские нравы: они избивали собственных жен за то, что те посещают партийные собрания[4]. Однако лицам, исключенным из партии (чаще на время) низовыми организациями, комиссии по апелляциям обычно смягчали наказание по «классовым» критериям[5]. Это усиливало негативный имидж коммуниста-управленца.

Эгалитаристские установки приобретали особо агрессивное качество, когда поднимались наверх люди из «своей» среды[6]. В 1925 г.

---

[1] Чекисты не знали, как быть: репрессии против дашнаков вызвали недовольство масс. Решено было усилить агентурную работу. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 40.

[2] Цит. по: *Тяжельникова В.С.* Ленинский призыв. С. 118.

[3] Поводами для коллективного возлияния становились семейные события, именины, церковные праздники и даже «банкеты по случаю отъезда старшего товарища» (*Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 37). Руководящие работники устраивали ритуальные пьянки, чтобы «ближе сойтись». См.: *Сольский В.* Указ. соч. С. 147.

[4] *Brovkin V.* Op. cit. P. 43.

[5] Случайная выборка по астраханской, брянской, владимирской, вологодской, воронежской партийным организациям показывает, что большинство партвзысканий (почти 50 %), вплоть до исключения из рядов РКП(б), были вынесено за пьянство и выпивки (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–65). Во Владимире коммунист из крестьян, заведующих ассенизационным обозом, за пьянство и политнеграмотность был «для перевоспитания» направлен в советскую партшколу (там же. Л. 17). Курьезный случай произошел в Ижевске: секретаря партийной ячейки исключили из партии за пьянство, контрольная комиссия его восстановила, но он снова напился, мотивируя тем, что не знал, что прощен. См.: *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 94.

[6] Вместе с тем красноармейцы соглашались, что их боевые товарищи имеют право на привилегии, а командиры – на высокое жалованье. См.: *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 220, 222.

крестьяне заявляли, что ни к кому никогда «не имели такой вражды, как к рабочим вообще и коммунистам в частности»[1]. Крестьянин С. Лебедев (Смоленская губ.) в марте 1921 г. сообщал своему сыну-красноармейцу:

> ...Вышел из партии ввиду того, что в партии быть стало невозможно. Во всех учреждениях сидят кулаки... строят избы и дворы... Мне вся деревня грозит убийством... Жаловаться идти некуда, потому что все коммунисты и милиция защищают кулаков, а не пролетариат... Прошу, выходи из партии, а то нас убьют ни за что...[2]

Весной 1922 г. в Московской губернии в связи с изъятием церковных ценностей рабочие выносили резолюции, предлагавшие «взять золото у коммунистов, их жен, торговцев, а затем уже из церквей»[3]. Для подобных заявлений были основания – разница в зарплате коммунистических бонз и рабочих подчас была ужасающей[4]. Предлагалось также отказаться от награждений золотым оружием, а передавать золото в Помгол[5].

Переродившаяся власть казалась нелегитимной. Ленинградец Степан Лукин (по иронии судьбы проживающий на ул. Церковной) 6 ноября 1924 г., накануне пролетарского праздника, писал о характерном парадоксе: отец – поп-черносотенец, а сын коммунист, работает в городе! Ему казалось, что партия наконец-то «разглядела волны головотяпства и глупости захолустных молодяков!»[6] Плотник Филипп Мотин (Рязанская губ.) в сентябре 1926 г. утверждал, что коммунисты «до сих пор не усвоили простых ленинских истин», а потому «революционная политика идет на убыль». Он заключал: «Нам, беспартийным рабочим, с вами не по пути». Впрочем, возможно, он поменял бы мнение о власти, если бы его, самодеятельного ходока, обеспечили «бесплатным проездом» – своим «вечным спутником» он называл бедность[7]. Простым

---

[1] «Социализм – это рай на земле». С. 203.

[2] Цит. по: *Мельник А.* «Самогон, яичница, шомпола и угроза оружием». ВЧК–ОГПУ и РКП(б) в Смоленской губернии в годы нэпа // Родина. 2011. № 12. С. 111.

[3] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 137.

[4] По мнению М. Левина, так называемый партмаксимум для коммуниста (не выше квалифицированного рабочего) был правомерен только для рядовых коммунистов и руководителей среднего звена (*Левин М.* Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 19). В Пермском губкоме РКП(б) заработная плата ответственного секретаря в 6 раз превышала средний заработок рабочего, которому подчас платили «на 90 % облигациями хлебного займа». См.: *Резник А.* Указ. соч. С. 67.

[5] Ходили слухи, что коммунисты непременно переплавят изъятые ценности на золотое оружие. Некоторые московские священники утверждали, что из священных предметов будут делать «браслеты и портсигары». См.: *Борисова Л.В.* «Изъятие производится без осложнений». С. 39–40, 46.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 20.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 101.

гражданам хотелось видеть наверху скромных, понятных и доступных людей. Недовольство отчуждающимися руководителями усилилось в связи с «антитроцкистскими» акциями: коммунистов, искренне не понимающих смысла борьбы с «оппозицией», исключали из партии за «политическую безграмотность» и «мелкобуржуазные взгляды»[1].

Раздражало людей и то, что «спецсотрудники, получающие примерно 400 руб. в месяц», платят минимальную плату за квартиру, которая навсегда остается за ними[2]. Накануне 1 мая 1924 г. в листовке анархистов-коммунистов говорилось об «изолгавшейся большевистской клике во главе с мясником Зиновьевым», а «их праздник» назывался «праздником вампиров, пьющих нашу кровь»[3]. П. Супрун, член союза железнодорожников, 25 апреля 1925 г. сообщал из Курска о «злоупотреблениях, безнаказанности, круговой поруке среди местного начальства». Коммунисты, в его представлении, составили «новое дворянство, суд для них ничто, они гуляют как прежде, а тебя за правду выбросили за борт»[4]. Пресса приводила высказывания крестьян: «Что это за партия, когда пьянствуете!»[5] Коммунист С.А. Вуколовиз из Москвы, имеющий пятерых детей, в августе 1926 г. жаловался, что ему «за критику устроили переброску, а затем вообще лишили работы». «В 1917 году, когда я бегал с винтовкой... был свой, а теперь чужой», – жаловался он. Характерно, что на его письмо была наложена резолюция: «В Орграспредотдел»[6], – именно в этом ведомстве формировалась пресловутая номенклатура.

Не удивительно, что ленинградское наводнение 1924 г. воспринималось обывателями как «божья кара коммунистам за расстрел Николая II»[7].

Переход к мирной жизни резко обострил бытовые проблемы. Из Запорожья 12 сентября 1926 г. жаловались, что «лучшие дома и

---

[1] К примеру, в 1924 г. в Перми была исключена из партии Н.А. Федулова – совслужащая, дочь рабочего, член партии с 1919 г., некогда учившаяся на курсах пропагандистов и даже три месяца в Свердловском университете. Ей инкриминировалась невыдержанность – в трамвае она назвала кондуктора «зверем» за то, что тот потребовал деньги за проезд ее малолетней сестры. Член контрольной комиссии считал, что контролеру следовало бы «дать в рожу», однако вынужден был объявить ей «официальное порицание». В другом случае Федулова отказалась выполнять указания одного партийца – «большого мерзавца». Реальная же причина исключения состояла в том, что она запоздала с ответом на вопрос об отношении к Троцкому, так как не понимала, в чем его «ошибки». Этого оказалось достаточно, чтобы от непонятливой и неуправляемой коммунистки избавились в порядке плановой «борьбы с троцкизмом». См.: *Резник А.* Указ. соч. С. 86–88.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 11.

[3] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 327.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 30–33.

[5] Правда. 1925. 1 декабря.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 90.

[7] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 207.

квартиры занимают ответственные партийные работники», «оклады у партработников непомерно велики», а на курортах преобладают «представители совбюрократии»[1]. Группа командиров Красной армии в мае 1926 г. сообщала, что коммунисты из санатория в Гурзуфе, «зайдя в винный подвал и напившись, затеяли между собой драку». Теперь местные власти недоумевают: «то ли замять дело, то ли довести его до суда». Сами они полагали, что «к таким коммунистам надо применять самые строгие меры»[2].

Весьма впечатляющая жалоба поступила 10 октября 1926 г. от Я.Г. Барчуна, участника Гражданской войны (Мироновский сахарозавод, Зеленковская экономия на Украине). Оказывается, предрайкома Г.И. Яшников возненавидел его орден и потому посоветовал хранить его в сундуке. «Я думал подать на него за оскорбление в суд... – писал орденоносец, – но мне кажется, что это не особенно приятно партии, когда партийца судит Нарсуд за оскорбление человека, имеющего перед революцией боевые заслуги...» Он обижался: был нужен, «когда пушки гремели, а когда все тихо, мирно, на вас плевать хотят»[3]. Революционному фетишисту были дороги символы героического прошлого, тогда как у новых партийных руководителей появились иные ценности. «Новым» коммунистам боевые ордена могли действительно колоть глаза[4].

Замашки и привычки Гражданской войны своеобразно напоминали о себе. В 1926 г. старый большевик, председатель волисполкома М.А. Гадзиян (партийное прозвище «Искра») был расстрелян за многолетнее самоуправство в армянском с. Чалтырь под Ростовом-на-Дону[5]. Коммунист В.П. Буреев 9 июня 1926 г. писал из г. Кохма (Иваново-Вознесенская губ.), что «кумовство ответственных работников так развито, что трудно найти еще где-нибудь»[6]. Впрочем, судя по журнальной карикатуре, это было делом обычным[7]. В 1929 г. упреки в содействии родственникам уже превратились в расхожий жупел при внутрипартийных разборках[8].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 15–15 об. Сатирическая пресса изображала дело так, что на курортах преобладают нэпманы, спецы, ответственные работинки и даже бандиты. См.: Смехач. 1925. № 17. С. 4, 8.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 233.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 205.

[4] В ходе чисток порой выявлялись коммунисты, ухитрявшиеся выдавать за революционные подвиги свои уголовные преступления. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 40. Л. 84.

[5] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 233.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 297–298.

[7] Смехач. 1926. № 26. С. 7.

[8] Так, дагестанские коммунисты упрекали одного ответственного работника в том, что он помог в получении кредита собственной жене – дочери расстрелянного контрре-

Конечно, пороки новых господ в глазах населения основательно гипертрофировались. Но, похоже, кое-где пьянство превратилось в своего рода партийный ритуал. Чекист А.П. Башорин (партстаж с 12 апреля 1917 г.) просил из Ижевска (Коммунальная, 25) «перебросить» его по состоянию здоровья. Помимо справки из тубдиспансера он указывал и на другой источник хвори. Проработав в Ижевске более 3 лет, он обнаружил «отрицательные стороны через посредство широкого знакомства, которые связаны с пьянством». А поскольку он привык менять работу, то теперь просил «перебросить на Кавказ»[1] – должно быть, для нейтрализации губительного напитка живительным нарзаном[2]. Вероятно, это был не самый дурной коммунист, сознававший по меньшей мере опасность тогдашних социальных пороков. С другими партийцами дело обстояло хуже.

Комсомолец Илья Волков, политрук допризывников (с. Сожь Гриневской вол. Смоленского у.) 29 января 1925 г. сообщал наверх:

> Все партийцы пьют, запершись или поодиночке!!! Вступая в партию, я вынужден спросить у тебя (Сталина. – *В.Б.*) совета, как отнестись мне к партийной среде, как держать себя в ней... Все пьют напропалую... пьют, конечно, с толком «по-фельдфебельски» запершись или поодиночке[3].

Увы, нэповская действительность слишком многим представлялась жутковатой пародией на «проклятое прошлое». Большевистские аббревиатуры расшифровывались соответственно: ВЧК – «Всякому Человеку Конец»; ОГПУ – «О, Господи, Помоги Убежать!»; ВКП(б) – «Все Кончится Погромом (большим)» или «Второе Крепостное Право»[4]; РСФСР – «Рабочий Снял Фуражку, Снимет и Рубашку» или «Редкий Случай Фундаментального Сумасшествия в России». Политический юмор, этот релаксант несвободы, проявил себя очень рано. Однако, как писал А. Ахиезер, «смех беззащитен перед топором [государственной] серьезности»[5]. Одним из ключевых слов того времени стало «головотяпство». Примечательно, что

волюционера (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 47. Л. 1 об.). В Бурят-Монголии председатель союза совработников П.И. Виноградов, используя служебное положение, устроил жену на работу в винную лавку (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 29). В адыгейской парторганизации коммуниста из крестьян исключили из партии «за связь с чуждыми элементами из родственников» и злоупотребление служебным положением, другого – за «поощрение спекуляции брата». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 41. Л. 35, 118.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 14.

[2] По некоторым подсчетам, в 72 % писем сообщалось об алкоголизме работников партийного аппарата. См.: *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 250.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 123 об.–124.

[4] ОГПУ зафиксировало и другой вариант: «Всесоюзное крепостное право». См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 79.

[5] *Ахиезер А.С.* Россия. Критика исторического опыта. Т. 3. М., 1991. С. 334.

его употребляли все – и начальники, и исполнители, и коммунисты, и возмущавшиеся ими рабочие[1]. «Дурными» непременно оказывались «другие».

Недовольство новыми «барами» высказывали и крестьяне. Андрей Зенин с хутора Красный (Сталинградская губ.) 9 июля 1925 г. сообщал: «...Коммунисты своего хозяйства не имеют, а живут за счет крестьян»[2]. Он был не совсем прав: «хозяйственные коммунисты» охотно выделялись на хутора[3]. Крестьянин И.Т. Васильцов из Курска 31 ноября 1925 г. вопрошал: «Когда мы достигнем социализма и будем жить коммунистически?» К этому добавлялся упрек, что коммунисты «забыли азбуку коммунизма, забыли красное знамя», а взамен «изобрели желтое знамя со словами: "Вперед к сытому животовизму!"». Далее он обличал:

> ...Ранее было дворянство, ему было дозволено все, а теперь коммунисты... Раньше дворянство училось везде и повсюду – теперь коммунисты и комсомольцы... К чему... затрачиваются средства на постройку дома для конторы «Пролетарской газеты», «Известий» ЦИК. Сумма, равная продналогу одной губернии. А в этой губернии... за революцию все погибло, школы валятся, мосты разрушены, колодцы завалены, в деревнях голодно, холодно и печально.
>
> ...Неужели так нужно?.. Гноение граждан десятки лет в тюрьме без амнистии. Обирательство крестьян... Трата денег на изящество в городах. Низкая оплата труда рабочих... Бюрократия, советская продажа водки, спекуляция мануфактурой в Москве...

Васильцов тем не менее не терял надежды на власть. В конце письма он задавал вопрос: «Скоро подойдем к социализму и коммунизму?»[4] В массовом сознании маячил образ «идеального» коммуниста – своего рода суррогат мечты о «хорошем царе». Несовпадение образа с реалиями возмущало. Владимир Зайцев, крестьянин из с. Кузнецовка (Дмитриевский у. Курской губ.) в декабре 1925 г. жаловался Калинину:

---

[1] Головотяпам был посвящен специальный номер «Бегемота». Среди них первыми назывались «совдураки». Называли такие их распоряжения: на Херсонщине зарегистрировать всех верблюдов, мулов, зебр, слонов; в Ленинграде дать сведения об общей протяженности всех заборов. В число головотяпов попал и кинорежиссер, отправивший в Сухум «для загара» три десятка актрис, которым предстояло сниматься в фильме «Амазонки». См.: Бегемот. 1927. № 16. С. 2, 4, 6, 7.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 148.

[3] Обновленная деревня. С. 55. При этом еще в 1922 г. было известно, что без четверти самогона «нельзя переехать на хутор...нельзя перевести скрытую пашню в фонд лесного ведомства...» Цит. по: *Орлов И.Б.* Термидор и/или легитимизация режима? (Коррупция как механизм социализации) // Историк и его время. Воспоминания, публикации, исследования. М., 2010. С. 340.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 215–216.

С начала революции вы, партийцы, говорили, что будем жить брацки, будет трудообмен по расценке труда и будем жить коммуной... Но так ли мы видим теперь? За последнее время мы видим, как нэповцы, так и коммунисты все идут к лозунгу «вперед к животизму»... Что сделано улучшенного крестьянину, что дала ему революция? Все помещичьи земли у нас в Курской губернии заняты заводами и совхозами под маркой государства, изобретая доходы ему... Ведь не секрет, в Советской демократической стране полны тюрьмы сидят людей, попавших туда за улучшение или ухудшение жизни... А советское чиновничество, встав на твердом курсе рубля... живут себе во свое спасение... Пошло по Руси пьянство, дебоши и хулиганство, а казне доход... Знаем, что много у вас буржуазии пролезло в партию... Пора повернуть на левую возжу[1].

Зайцев полагал, что социальная норма – жизнь «по бедности». Его возмущало то, что «в совхозах те, кто раньше нас сосал, а многие наши земские начальники в Москве нарсудьями». Не нравилось и то, что в столице «ремонтируется кремлевская стена, ремонтируются университеты, строятся рабочие городки рабочим с водопроводами и всякой всячиною во вкусе коммунизма», а тем временем в крестьянском быту ничего не улучшается, а «водка монопольная дороже николаевской»[2].

Еще более злая характеристика содержится в письме 100 крестьян-бедняков, приводимом К. Литваком:

Коммунисты и комиссары, вы все забыли 1917 г. Сидите на теплых местах, паразиты, пьете нашу кровь... Пусть мы сгнием за правду, но вас, обманщиков народа, сотрем. Головотяпы – сбили Россию с понталыку и гоните беднейшее население в тюрьмы... Вы старых революционеров променяли на спецов и буржуазию»[3].

Нельзя сказать, чтобы верхи не были озабочены проблемой привилегий. В ноябре 1925 г. в ЦКК специально обсуждался вопрос о «протекционном вагоне» Д. Бедного, в котором он не только колесил по стране с агитационными целями, но и ездил на курорт. По сути дела, решался вопрос: следует ли партначальникам быть «как все» или, напротив, их надо «приподнять» для повышения авторитета власти в глазах низов[4].

Красноармейцы одинаково ненавидели большевиков и нэпманов, придав образу тех и других негативную этноконнотацию. А. Рожков полагает, что в красноармейском дискурсе ненависть к евреям выступала «в двух совершенно противоположных контекстах: как обще-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 238.

[2] Там же. Л. 238–238 об.

[3] Цит. по: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 194.

[4] См.: Большая цензура. С. 103–109.

российская нелюбовь к "жидам-*большевикам*", и одновременно как злоба обиженных люмпен-пролетариев к "жидам-*нэпманам*"»[1]. Представляется, что в традиционалистском сознании все намного проще: те и другие сливались в образе «нечистой силы» – вечной ситуационной победительницы.

Впрочем, иногда крестьяне сталкивались с «настоящими» коммунистами – один из них, Г.И. Корнилов, был описан селькором Григорьевым из Казанской губернии. Но этого бессребреника времен «военного коммунизма», «скоро сошедшего в могилу», сменил совсем иной тип – некий Кошурин, который, «живя в роскоши, тратя немало средств на это ... все-таки стал богачом». Отсюда Григорьев заключал, что «не привьется социализм, а скорее капитализм». Крестьянка Петренко-Макарова из Киевского округа сформулировала эту мысль в 1929 г. проще: «...Крестьяне смеются над коммунистами: других гоните в коммуну, а сами не идете»[2]. И.Т. Давыдова из с. Борщево Воронежского уезда (письмо от 15 сентября 1926 г.) возмущала двойная мораль: «Тов. Бабин растратил 20 тыс. руб., получил 10 лет тюрьмы, а посидит 4–5 лет, потому что он партиец». По его мнению, «таких работников нужно карать высшей мерой наказания»[3]. В начале 1928 г. на Урале и в Сибири крестьяне в связи с хлебозаготовительной кампанией заговорили о том, что «коммунисты хотят заставить нас взять топоры и вилы»[4]. Удивляться не приходится: одного коммуниста-черкеса, некогда служившего у белых, вывели из членов обкома и исключили из партии «за пьянство во время хлебозаготовок с учинением стрельбы»[5]. Начальственная стрельба стала делом обычным[6].

Примечательно, что «идейная» комсомольская молодежь чувствовала, чем может обернуться бытовое разложение «большевистского авангарда». 17-летний Анатолий Игошин из Кургана (Уральская обл.) в апреле 1926 г. сообщал Сталину, что «многие считают грядущее коммунистическое общество утопией» потому, что «в этом виноваты коммунисты, совершающие преступления». Далее он отмечал, что один коммунист «совершил растрату в 30 тыс. руб.», повсеместно наблюдается «почти поголовное пьянство среди коммунистов, хулиганские выходки комсомольцев, недисциплинированность пионеров»[7]. Кое-где на подобные высказывания реагировали. Так, Кубанский окружной комитет РКП(б) наложил запрет на ношение

---

[1] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 166.

[2] «Социализм – это рай на земле». С. 207, 223.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 44.

[4] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 126, 128.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 41. Л. 174.

[6] *Brovkin V.* Op. cit. P. 44.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 281.

драгоценностей[1]. Разумеется, подобные акции лишь микшировали «хозобрастание» и «самоснабжение», бывшие у всех на слуху[2].

Впрочем, скорее всего «разлагали» новых правителей не «излишества», а возрождающиеся «особенности» российской власти. Пильняк в «Красном дереве» показал это на примере одного древнего города (имелся в виду конкретный Углич) – живого воплощения устойчивости провинциального быта и бытия. Теперь его население, словно после Смуты, питалось главным образом «с огородов», а власти поддерживали свой достаток «медленным разорением дореволюционных богатств», покрывая свое головотяпство их «списанием». И это удавалось тем легче, что начальство «жило скученно... переизбирало каждый год само себя с одного уездного руководящего поста на другой». К 1928 г. оставшиеся предприятия работали в убыток, но поскольку «хозяйствовал комбинат», то членами его правления попеременно становились председатель исполкома, «уполномоченный рабкрина» и прочее начальство, «законно» продавая самому себе «оборудование бездействующих с революции предприятий» со скидкой, а затем перепродавая его на сторону – также вполне законно – без всякой скидки. Естественно, жизнь начальства «протекала тайно от остального населения», которого опасалось в силу «природной подозрительности»[3]. Такой была история российской власти всегда, и порой создается впечатление, что низы узнают о ее внутренней жизни лишь постольку, поскольку она «разнообразится внутренними склоками»[4]. Кстати, «красное дерево» не только у Пильняка получило двусмысленную коннотацию: сатирический журнал поместил в 1928 г. карикатуру на партначальников: один вальяжно говорил другому: «Я вижу, ты не забыл революцию. Даже мебель у тебя из красного дерева»[5]. Впрочем, еще в 1920 г. мебель «покраснела» на знаменитом полотне Р. Фалька.

В России кормиться «от власти» всегда было удобнее, нежели создавать общественное богатство. А отчужденность правителей от людей труда порождала представление о естественности манипуляций с законом. Впрочем, теперь коммунисты ощущали себя боязливыми завоевателями в чужой стране. Некий Агафонов с курсов уездных партийных работников 24 февраля 1925 г. писал Кагановичу, что в

---

[1] *Нежигай Э.Н.* К вопросу о социальной структуре городского населения Кубани периода нэпа // Нэп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность. Краснодар, 2001. С. 144.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 58; Д. 14. Л. 37; Д. 43. Л. 26; Д. 44. Л. 158.

[3] В 1936 г. Пильняк утверждал, что «наделал глупостей и написал ненужную вещь». См.: «Возникает ощущение ненужности моей работы». О творческом отчете Бориса Пильняка // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 144.

[4] *Сольский В.* Указ. соч. С. 89–91.

[5] *Brovkin V.* Op. cit. P. 47.

«момент обострения классовой борьбы в деревне коммунистам-одиночкам нужно сплотиться»[1]. Увы, сплочение обычно происходило на клановой основе, что по-своему отражали термины «групповщина» и «семейственность»[2]. Рабочих, включая лиц поменявших свой социальный статус на служащих, постоянно приходилось одергивать по партийной линии за пассивность, «партдезертирство», а равно – за «невыдержанность» и пьянство[3].

Встречались коммунисты, упорно отстаивавшие свое право «пить по необходимости для здоровья». Таким оказался член Северо-Кавказской партийной организации Густав Августович Глейх, комиссар полка. Тем не менее чистку в октябре 1929 г. он прошел, ему простили и недостаточную жесткость в борьбе с троцкизмом, и развод с женой, но обязали «выпивку по рюмочке перед каждой едой прекратить»[4]. В том же году в Нижегородской губернии некоторые государственные служащие твердо заявляли, что пьют в свободное время и престольные праздники, что никак не отражается на работе[5].

Граждане сохраняли веру в «настоящую» всевидящую, которой для совершенства не хватало немногого. А.М. Джанджугазов из Гжатска писал Сталину:

> ...давно нужно было из кремлевских стен выйти да инкогнито, да с посошком, в лапотках, в полушубке овчинном по матушке-Руси, ночуя у Ивана и Петра, послушать их неподдельные рассказы о житье-бытье, узнать действительную правду, а не из докладов чиновников.

Он жаловался, что местные власти «препятствуют работе – не дают создать образцовое предприятие»[6]. Заключенный А. Гуков из Пензы писал о «забитости крестьян, которыми командуют ультракоммунисты-шкурники». Он был убежден, что «истинная Советская власть только в Москве, на местах "имитация"»[7]. «Идеальная» власть противопоставлялась исполнителям – коммунистам-«шкурникам»[8]. Из Забайкальской губернии один гражданин, заверив

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 260.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 1, 15, 21, 34, 62; Д. 14. Л. 21; Д. 44. Л. 213, 215 об., Д. 45. Л. 49, 50, 84, 116.

[3] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 10. Л. 2; Д. 12. Л. 20, 31, 32, 35, 39, 44, 45, 46, 51, 56, 65; Д. 14. Л. 21, 28, 32, 40, 41, 94, 135, 159, 182; Д. 44. Л. 112.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 14 об., 15 об.

[5] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 99–100.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 34–35.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 23.

[8] В начале 1930 г. один рабочий (Шуйский округ) заявил: «...Наши администраторы через шкурников-коммунистов проводят рационализацию и давят нашего брата...» («Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 98). Подозрения и обвинения в карьеризме и шкурничестве часто фигурировали в делах о «чистке». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 28, 146.

Сталина в «преданности Вашей идее», пожаловался, что на местах «горячейки [коммунистов] заботятся исключительно о своем благополучии», при этом «партийных рабочих не увольняют, беспартийных увольняют». Он полагал, что далекая власть легко могла ликвидировать привилегии «партийных»[1]. В действительности привилегии упорно произрастали снизу[2]. Рабочим оставалось только отпускать «тяжеловесные матюки» в адрес местных партийных ячеек[3]. Многие утверждались в мысли, что «для партийцев дверь везде открыта»[4].

Порой наибольшее недовольство новой властью обнаруживали люди, внесшие, как они считали, решающий вклад в ее утверждение. И здесь вновь выделялись красные партизаны – наиболее необузданная часть революционной вольницы. Им казалось, что они были нужны только тогда, когда «несли свои головы за лучшее будущее». В 1927 г. бывшие партизаны Сальского округа (Северо-Кавказский край) негодовали:

> Большое жалование способны получать лишь коммунисты, даже не служившие в Красной армии, а партизаны этого лишаются... Коммунисты живут как бывшие министры и генералы в особняках на дачах, получают бешеные ставки, заполняют кафе-шантаны и т. д., не обращая внимания на низы... Каждый стремится лучше устроиться для своего благополучия, не заботясь о других[5].

Примечательно, что вопроса об управленческом профессионализме словно не существовало. Господствовало «меритократически-эгалитаристское» понимание власти. В регионах с этнически смешанным населением оно дополнялось соответствующими «уклонами»[6]. В сущности, людей возмущала не конструкция власти, а то, что в ней не находилось «достойного» места для них самих. Демобилизованный красноармеец К.Ф. Содосьев 12 февраля 1925 г. писал, что партийцы «не научились работать с крестьянами, ведут себя как диктаторы», и тут же вопрошал: «Почему все учреждения заняты жидами?» Пост-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 70–72. В действительности за пьянку рабочих нередно исключали из партии (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 31, 32, 35, 46, 65), хотя затем легко восстанавливали. См.: там же. Л. 20, 31, 32, 44, 46.

[2] Так, в Нижегородской губернии руководители неуклонно пробивали привилегии в отношении жилищ, медицинской помощи, обучения и даже «курортов для жен». См.: *Абракова Т.А.* Указ. соч. С.41.

[3] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 138.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 61–61 об.

[5] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 108.

[6] В Азербайджане «коренизацию» поняли как «исключение христиан» (*Баберовски Й.* Указ. соч. С. 342). С другой стороны, последовал приток неквалифицированных мусульман на производство, обострение конкуренции между ними и русскими рабочими. И поскольку низкооплачиваемые тюркские рабочие оказывались под постоянной угрозой увольнения, коренизация превращалась в абсурд. См.: там же. С. 362.

скриптум письма выглядит неожиданно: «Почему меня не принимают в партию?»[1] Этот человек готов был поменяться местами с теми, кого обличал. Обычными были жалобы красноармейцев на то, что «забыли нас наши дорогие командиры»[2]. 20 января 1926 г. из Карачева (Брянская губ.) писали, что партиец Я.П. Сенин «за счет жен красноармейцев построил себе и своей любовнице дом», «жену с тремя детьми бросил», а в конечном итоге «пропил чуть не губернию и гоняется с наганом за любовницей»[3]. Трудно сказать, каков был удельный вес правды в подобных анонимках, но само их распространение свидетельствовало о закреплении «новых» стереотипов властного поведения.

Иной раз низовые работники отчаянно поносили партийных лидеров. Один подлесничий (Новгород-Северский окр.) заявлял:

> Страной управляют жиды – Зиновьев, тщедушный жидок, хочет мир перегнуть, Каменев – это подполковник, монархист (С.С. Каменев и Л.Б. Каменев слились в воображении корреспондента в одно лицо. – *В.Б.*). Вы, низовые работники, ничего не видите, во главе ЦК стоят монархисты и жиды»[4].

Возмущение формировалось соответственно традиционалистским эмоциям – высшие институты и посты противопоставлялись их «недостойным» обладателям. Этот феномен обладает удивительной устойчивостью.

В сводках ОГПУ постоянно сообщалось о недовольстве со стороны беспартийных, особенно усилившемся в связи с безработицей. Иной раз рассуждали следующим образом:

> Партийный как производственник хотя и ничего не стоит, тем не менее его не сокращают, а выкидывают беспартийных, значит, партийная карточка является гарантией от безработицы[5].

Примечательно, что были жалобы прямо противоположного характера: «зеркальное» взаимонедовольство – характерная черта патерналистского восприятия власти. Демобилизованный красноармеец-коммунист И.А. Довгаленко из Черноморской губернии 26 августа 1926 г. жаловался:

> Члену партии очень трудно найти работу – принимают беспартийных. Во главе предприятий – чуждые элементы. На бирже труда работу можно получить только по знакомству. В учреждениях очень грубо обращаются с рабочими. Режим экономии производится за счет рабочих[6].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 52–53.

[2] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 228.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 305.

[4] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 42.

[5] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 189.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 2.

После увольнения из армии остался без работы А. Пахоменко. 20 февраля 1927 г. он жаловался, что «один коммунист, занимая ответственный пост, получает 2000 руб., а другой оказывается без работы». Из этого вырастали характерные обобщения:

> ...Куда стремится наша коммунистическая партия к строению социализма, или сама хочет стать на царский трон... Теперь я шатаюсь больше месяца и не могу поступить на работу, потому что физически не могу по болезни, а умственные работы заняты... Теперь я должен или помереть с голоду, или идти в ДОПР...[1]

На Украине безработные рассуждали так: «За счет рабочих живут коммунисты и евреи»; «Даешь войну, вырежем всех евреев, а потом очередь за коммунистами»[2]. Большевистским «вождям» приходилось получать и такие «дружеские» послания (адресовано Калинину, Рыкову, Сталину «и другим злодеям вождям бандитской партии коммунистов»):

> Вы пишете целую газету про убийство одного злодея в Варшаве, Войкова, и что рабочие и крестьяне бедствуют по нем, мы все бедные крестьяне и рабочие как один стараемся вас злодеев и грабителей убить... Долой злодейское правительство, да здравствуют Троцкий и Зиновьев, люди с образованием... Нам такого правительства с босяцкими выходками совсем не надо... Смерть вам всем злодеям[3].

Понятно, что сочинили это письмо вовсе не «троцкисты», а предельно озлобленные люди, готовые идти за любым противником существующей власти. В 1927 г. находились среди них сочинители таких посланий:

> Вы, подонки общества, теперь должны пойти на уступки и ослабить затянутую Вами, во главе с кровопийцем Лениным, на шее 150-миллионного народа петлю. Дальше невмоготу. ... Дайте свободу, злодеи... Будьте вы прокляты, негодяи.... Остерегайтесь, гады... Ох! Как тяжело[4].

Группа самарских рабочих так адресовалась к местным коммунистам:

> Все вы такие жулики и кровопийцы, как и вся партия. На наши трудовые копейки роскошествуете и пьянствуете. Для вас необходима вторая революция, мало вас, гадов, стреляли в годы Гражданской войны. Понасажали вас здесь, вы и издеваетесь над рабочим классом. Мы боролись не за то, чтобы выкармливать таких гадов[5].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 33 об.

[2] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 333.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 14.

[4] Там же. Л. 19.

[5] Цит. по: *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 70.

Тема преемственности поведения российских правящих верхов – дореволюционных и постреволюционных – была представлена и у Есенина:

Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией взяли всех в плен.

Общество разлагалось через людей, допущенных к власти, – они сами всеми способами обходили официальные запреты[1]. Как правило, простые люди все хуже относились к коммунистам – особенно из числа местных. В 1923 г. в Сибири их именовали «бандитами и пьяницами» – кое-где специально для них гнали самогон[2]. Это не удивительно: встречались партийцы, агитировавшие за «выгонку самогонки»[3].

Однако крестьяне вовсе не спешили экстраполировать повадки местных большевиков на власть в целом. На выборах они голосовали против коммунистов из своей ячейки, но положительно воспринимали кандидатуры губкома, дружно проваливая при этом комсомольцев. Как всегда, большевики объясняли это происками кулаков, тем более что те в нужный момент действительно умели подсовывать «угощение»[4]. Так было везде: отмечались случаи «пьяной смычки» служащих с кулачеством[5].

Образ «своей», пусть коммунистической, власти оставался востребован. На собраниях в Богородицком уезде крестьяне постоянно спрашивали о Троцком – «он был с нами на фронте и защищал Советскую власть». В Белеевском уезде главными темами деревенских разговоров были «налог и Троцкий»; троцкизм иной раз понимали «как отмену всех налогов и сборов». В Петрищевском районе, напротив, считали, что Троцкий старается обеспечить руководство своей нации, а в школе с. Апухтино (Одоевский р-н, Тульская губ.) с антисемитским азартом был снят его портрет. Говорили также о скорой гражданской войне, «которая даст народу облегчение». Кое-где разговоры о Троц-

---

[1] Осенью 1922 г. Дзержинский запаниковал в связи с тем, что чекисты стали получать спиртные напитки из таможни. См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 435, 452.

[2] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 601. Пьянство «среди коммунистов и должностных лиц» отмечалось в Смоленской губернии (там же. С. 609).

[3] Крестьян особенно раздражали бестолковые антисамогонные акции. См.: *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя... С. 86; *Кузнецов А.Н.* Потребление алкоголя сельским активом Сибири... С. 229. В 1923 г. в Алтайской губернии отрицательно относились к самогоноварению 31,9 % крестьян, безразлично – 30,9 % положительно – 37,2 %. См.: *Кузнецов А.И.* Самогоноварение в сибирской нэповской деревне... С. 80–81.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 67. В январе 1925 г. из Тулы сообщали, что кулаки перед выборами устраивают попойки. См.: там же. Л. 68.

[5] *Кукушкин В.Л.* Указ. соч. С. 288.

ком были связаны с недовольством городскими рабочими. Крестьяне пытались выяснить: кто живет лучше: они или рабочие; какова зарплата последних сравнительно с довоенным временем? Если верить партийным донесениям, некоторые крестьяне (очевидно, из зависти к рабочим) даже советовали «поднять производительность труда с помощью увеличения продолжительности рабочего дня». Другие задавались вопросом: почему Троцкого не сажают в тюрьму, а крестьян за маленькое преступление сажают? Конечно, раздражали крестьян «высокие ставки у ответработников»[1]. Некоторые сельские жители были убеждены, что «рабочий класс живет, пользуется современным всевозможным комфортом роскоши, что наши буржуи»[2]. Писали и о том, что «наши партийцы заняли ответственные посты, а про деревню забыли» – по этой причине процветают «бюрократизм, карьеризм, кумовство»[3].

На почве социального недовольства выстраивались «политические» пристрастия – подчас весьма экзотические. Из армии, к примеру, сообщали, что «в артполку 22 дивизии на доске кем-то было написано: «Троцкий был прав, он шел за крестьянством, а его сняли. Мы за Троцкого и против всех». Говорили (также с сочувствием), что сектанты агитируют против продналоговой кампании. А один из красноармейцев пришел к убеждению: «Место буржуев заняли коммунисты»[4]. В армии звучали и такие речи: «Рабочие живут лучше, чем крестьяне»; «Служить в Красной армии должны только партийные». А на сообщения из дому о непосильных налогах красноармейцы советовали: «Налога ни черта не давайте. Говорите, что платить нечем»; «Семьи красноармейцев имеют льготы – не платите налогов». Возмущал военнослужащих обман: им внушали, что «деревня живет хорошо», на деле все «оказывалось наоборот»[5]. Кое-кто не желал служить коммунистам. Один молодой человек в 1927 г. писал:

> Каждый сознательный коммунист должен быть примером в проведении режима экономии, а у вас наоборот... Кто чувствует себя при настоящей власти вполне спокойно и обеспечено, тот и пусть защищает советскую власть... Думаю, что ЦИК не может насильно заставить меня служить [в армии], так как коммунисты сами говорят, что насилия у нас нет, говорят о равенстве и свободе, а между тем ни того ни другого тоже нет[6].

ОГПУ сообщало о таком случае: один коммунист «постоянно буянил», крестьяне его периодически связывали, даже «хотели отвезти

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 68.
[2] «Социализм – это рай на земле». С. 212.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 176 об.
[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950. Л. 38.
[5] Там же. Л. 39–40.
[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 27.

в город, но боялись, что он... вернется обратно и застрелит кого-нибудь из нагана»[1]. Коммунист А.А. Фалалеев в марте 1927 г. сообщал, что в Вятском уезде все главные коммунисты «пустились в пьянку». «Пьют в любой кампании, пьют с коммунистами, пьют с беспартийными, хоть с лицами, чуждыми нам по классовому инстинкту», – печалился он. Один из «главных», по его словам, «гулял на именинах попа, а потом пошел в избу-читальню и мило отплясывал трепака». «Как бороться с таким злом?» – тоскливо вопрошал он[2].

Вопрос был риторическим. К этому времени в руководстве комсомолом культурная революция понималась как создание идеологического фронта, призванного изолировать молодежь от «чуждых идей»[3]. Разумеется, создание культурно-идеологических резерваций в тогдашних условиях лишь усиливало политическое напряжение.

Порой в роли ярых противников режима выступали бывшие коммунисты. В апреле 1927 г. ОГПУ сообщало, что в станице Атаманской (Дубовский р-н Северо-Кавказского кр.) население «чрезмерно терроризировано» группой хулиганов из 9 человек, возглавляемых членом ВКП(б) с 1920 г., бывшим красным партизаном, награжденным орденом Красного Знамени И.С. Коньковым, а также его подручными П.Е. Карасевым и Ф.Е. Быкадоровым. Эта «шайка» занимается также конокрадством и вооруженными грабежами. Все члены шайки «живут не по средствам и систематически пьянствуют»[4]. Нравы Гражданской войны с ее непременной партизанщиной так или иначе привносились в мирную жизнь. Работник дальневосточной таможни А.С. Омесов (32 лет, коммунист с 1919 г.) общался с буржуазными и белогвардейскими элементами, «играл в карты за границей»[5]. Был исключен из партии 28-летний Ван-Ю-Шан, член партии с 1920 г., занимавшийся вымогательством у своих соплеменников, а также замеченный в карточном шулерстве[6]. А П.П. Савельев, имевший такой же партстаж, был осужден за бандитизм, вымогательство и взяточничество[7].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 35.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 22.

[3] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 145.

[4] Цит. по: *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 107.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 14. Работники таможни вообще отличались «легкомысленным» поведением: пьянствовали, играли в карты, совершали растраты, склочничали, использовали служебное положение. Среди провинившихся были коммунисты времен Гражданской войны (там же. Л. 14–17, 19). Конфискованный товар нередко использовался для собственных нужд и снабжения местного начальства. См.: Государственная безопасность России. С. 450.

[6] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 30.

[7] Там же. Л. 31.

Недовольство «начальством» было столь велико, что в докладе И.Д. Кабакова на Тульской губернской конференции 7 февраля 1925 г. было откровенно заявлено, что «крестьяне скоро сделают вторую революцию». Отмечалось также недовольство рабочих комсомольцами[1]. Сходную оценку ситуации давали в других регионах. Д. Франчук в статье «Это необходимо знать» указывал на ненависть крестьян «к коммунистам и рабочим, которым живется гораздо лучше». «В случае иностранной интервенции украинское крестьянство подымет восстание против большевиков», – добавлял он[2]. Казалось, это не пустые угрозы. По данным ГПУ, в Пензенской губернии банда в 30 человек нападала на советские учреждения, грабила и убивала под лозунгом «Бей жидов, спасай Россию, вешай коммунистов!» Среди бандитов встречались коммунисты и комсомольцы[3]. Бывшие красные партизаны Юга России заявляли:

> Коммунистам скоро придет конец, мы бывшие красноармейцы партизаны всех перевешаем. Мы с первых дней революции боролись, организовывали советы. А в настоящее время коммунисты нас меняют на женщин, высылая последних для работы по селам[4].

Социально-бытовая напряженность сказывалась на гендерном уровне. В марте 1927 г. в ЦК Компартии Украины обратилась Е.Ф. Петинская из Харькова. Она жаловалась, что ее муж, помощник генерального прокурора Украинской ССР И.К. Петинский, член партии, «бесчеловечно обращается со мной, как с женой, нанося даже побои, ведет ненормальный образ жизни... как то пьянство, кутежи». Она не смогла с ним жить даже «поселившись отдельно в одной из комнат квартиры», так как муж продолжал ее преследовать, «вплоть до угроз револьвером». Ситуация обострилась после того, когда она сообщила властям, что ее муж – «ярый сторонник оппозиции, принимал активное участие в организации в Киеве базы-склада оружия для подготовки вооруженного восстания с целью захвата власти оппозицией». Однако милиция поддержала не ее, а ее мужа[5].

Трудно сказать, как было на самом деле: то ли муж «разложился», то ли жена захотела улучшить свое и без того неплохое по тем временам жилищное положение. Удивляться этому не приходится: наркомюст Украины Н.А. Скрыпник бросил жену и женился на 20-летней девице, которую пристроил в юридическое издательство[6]. В свое время Л. Троцкий показал, что мужчины-коммунисты оказыва-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 72.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 159.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 56–57.

[4] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Указ. соч. С. 108.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 37–37 об.

[6] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 180. Л. 3.

ются почти обреченными на развод: либо между ними и женами-«мещанками» возникает «духовная пропасть, либо у пары ярых общественников не находится времени для личной жизни»[1]. Теперь случалось и то и другое.

Любопытный случай «разложения» обнаружился в 1929 г. в Северной Осетии. Е.А. Баракова, 1899 года рождения, была выдвинута в прокуроры области. Против выступила коммунистка Смелянская, указавшая, что она «несерьезная, кокетливая» и вообще слишком красивая. Заодно обнаружилось, что на прежней должности Баракова незаконно содержала под арестом мнимых конокрадов, превышала власть, наконец, не противодействовала общению мужа с нэпманами. Эффектная горянка отделалась строгим выговором. Ее муж Г.Ф. Бараков, 1890 года рождения, большевик с 1918 г., дослужившийся в старой армии до чина поручика, окончивший в свое время духовную семинарию, но после войны выправивший свое мировоззрение в Институте Красной профессуры, был обвинен в самовольном захвате земли, «участии в эксплуататорском кустарно-кирпичном предприятии», использовании наемной рабочей силы. Его исключили из партии[2]. Социально активные элементы традиционных обществ при большевиках особенно бесцеремонно пробивались наверх.

Рост антикоммунистических настроений был закономерен. В 1928 г. в г. Бологое (Боровичский окр.) были обнаружены листовки, сообщавшие, что на конец февраля «назначен день тяжелой расправы с коммунистической заразой»[3]. В обиход вошли такие выражения, как «красные купцы» и даже «коты-коммунисты». В 1928 г. коммунисты задавали такие вопросы: что будет, если жена «окрестила ребенка втихомолку от мужа? Какие меры предпринимаются в борьбе с многоженством и проституцией в рядах коммунистов? Допустима ли культурная пьянка? ...Как взыскать с коммуниста алименты? Можно ли коммунисту носить золотые вещи?»[4] Вопросы говорили сами за себя. Тем временем на местах шла тотальная чистка советского и партийного аппарата[5]. В начале 1930 г. участились – как в городе, так в деревне – угрозы расправы с коммунистами[6]. Среди последних росли панические настроения.

---

[1] *Троцкий Л.Д.* От старой семьи – к новой // Правда. 1923. 13 июля.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 146 об.–149, 154–158.

[3] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 116.

[4] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 39.

[5] В Смоленской губернии масштабная чистка и борьба с «разложенцами» начались в 1928 г. Состоялись шумные процессы против руководства Ярцевской текстильной фабрики им. Профинтерна, Смолгоркомхоза, Смолпромторга. Чистки продолжались два года. См.: *Мельник А.* Указ. соч. С. 111.

[6] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 135.

В Средней Азии существовали свои «кадровые» проблемы: в составе коммунистических организаций обнаруживались исламисты и даже суфисты[1]. В Азербайджане чистки выливались в кровавые распри между враждующими кланами[2]. В Крыму среди большевиков-татар встречались люди, которым инкриминировалась «служба в Курултае», а также «пьянство и дебоши»[3].

Сложно установить, что превалировало в «пролетарском антикоммунизме» к концу 1920-х гг. – агрессия или апатия. Иные рабочие тоскливо констатировали: «Раньше попы говорили, что будет хорошо на том свете, а ныне нам коммунисты говорят, что будет хорошо при коммунизме, но ни того ни другого нам не дождаться»[4]. «Безбожники» ставились на один уровень с гонимыми ими поставщиками «духовной сивухи». Те и другие казались рабочим одинаково чужими.

Комсомольцев можно считать одной из символичных жертв утверждающейся номенклатурной системы. К.Б. Моисейчев (Ефремов, Тульская губ.) в 1926 г. пострадал от собственной наивности. Получив направление в партшколу, он выехал на место будущей учебы. Чтобы приобрести билет, отцу пришлось продать двух овец. В школу его, однако, не приняли. И вот теперь, жаловался он, «отец меня ругает и говорит: "Выписывайся из комсомола" и чуть не гонит со двора»[5]. Многие юные идеалисты пребывали в недоумении. Комсомолец-избач С.П. Трофимов (Курский у.) 12 сентября 1926 г. просил Сталина растолковать следующие вопросы:

> 1) Почему в партии до сих пор имеют место растратчики, волокитчики и даже бюрократы? 2) Почему партийцам такое громадное предпочтение при приеме на работу? 3) Почему существует протекционизм? 4) Есть ли у нас сейчас свобода слова, печати и т. д. и какие ее пределы? 5) Движемся ли мы к социализму или стоим? 6) Боится ли партия критики? 7) Нужны ли партия и комсомол, когда есть Советская власть рабочих и крестьян? 8) Почему нынешней жизнью, Советской властью и партией не довольны многие рабочие и крестьяне? В общем, почему было много обещано и мало дано? Без четких ответов на эти вопросы меня назовут «брехуном» и «замазывателем глаз»[6].

И таких упорных избачей в деревне было немало[7]. Но помимо юных правдоискателей как на дрожжах росла прослойка карьери-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 48. Л. 72–73, 80.

[2] *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 755.

[3] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 49. Л. 25, 26, 27, 118.

[4] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 146.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 178.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 47.

[7] *Tirado I.* The Komsomol and the Bright Socialist Future // Sowjetugend 1917–1941. S. 220–221.

стов. Они представляли наиболее «сообразительную» и циничную часть молодежи, быстро разглядевших ближайшие «социальные лифты». Комсомольцы составляли основу так называемых агитбригад, в программах которых поносились старые, «классово чуждые», а потому способные только на вредительство специалисты[1]. В них видели «смену» коммунистам – куда более дерзкую и агрессивную. Однако они оказывались скорее своего рода «моющим» средством в руках правящего слоя.

Отношение основной массы крестьян к комсомольцам было устойчиво отрицательным – считалось, что «в комсомол идет негодный элемент – хулиганы, пьяницы». В деревне их именовали «косомордыми»[2]. В общем, это обычно для восприятия нового активного общественного слоя – «старая» социальная среда выделяет в нем все самое дурное. Сообщали о случаях провокационного поведения комсомольцев в церквах: прикуривали от лампад, «пускали воробьев», «расстреливали» иконы и т. п.[3] Сами комсомольцы признавали, что начинали в деревне «безбожничать», «бездельничать», «комиссарничать»[4]. Однако страхи 1917–1918 гг. уходили, неуправляемый «революционный» эпатаж казался теперь неуместным.

Негативное мнение о комсомольцах частично разделялось коммунистами. «Ждать [от] комсомола дальнейших хороших штука нельзя», – писал Ибрагим Мемводов, курсант крымской обсовпартшколы[5]. «Пьянство подрывает доверие к комсомолу»[6], – сообщали другие. Факты вызывающего поведения «смены» партии обсуждали на всех углах. Комсомольцы с. Скуратово обокрали мельника. В м. Майданы (Сергачевский у. Нижегородской губ.) комсомольцы занимались «пьянством, разгулом, справляли престольные праздники». Говорили, что из-за них «крестьяне не пускают детей в школу»[7]. Из Симбирской губернии сообщали, что комсомольцы по ночам хулиганят и лакают самогон до тех пор, пока из глаз черти не покажутся». Некоторым идейным «помощникам партии» приходилось доказывать, что не все комсомольцы «мазурики»[8]. Впрочем, кое-где деревенских идеализировали из-за их относительной образованности[9]. Чекистов больше волновало другое: в одной из слобод Старобельского окру-

---

[1] *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 189.

[2] Комсомол в деревне (Наш опыт). С. 13.

[3] *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 533.

[4] Комсомол в деревне (Наш опыт). С. 13.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 28.

[6] Цит. по: *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 538.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 35.

[8] Цит. по: *Измозик В.* Нэп через замочную скважину. Советская власть глазами советского обывателя // Родина. 2001. № 8. С. 86–87.

[9] *Tirado I.* The Komsomol and the Bright Socialist Future. S. 221.

га на Украине «банда хулиганов» терроризировала комсомольцев и селькоров[1]. Трудно сказать, сколько в этой информации правды, сколько вымысла, но в наличии острого недовольства деревни коммунистами и комсомольцами сомневаться не приходится.

В некоторых случаях недовольство комсомольцами приобретало этническую перверсию. «Комсомольцы ни черта не делают, а больше развращаются... – писал анонимный крестьянин из Гомельской губернии. – В местечковых районах... нет ни одного крестьянского парня в комсомоле». Намек очевиден – евреи сделали комсомол «своей» организацией. Он же отмечал, что среди молодежи процветают «пьянство, воровство, убийства»[2].

Коммунистическую молодежь следовало сделать управляемой. В июле 1929 г. Сталин писал Молотову, что ее лидеры пытаются превратить «Комсомольскую правду» в свой «боевой авангард» и противопоставить его «Правде», а журнал «Молодая гвардия» – «Большевику». Он полагал, что надо «положить конец этому безобразию», нельзя «позволить группе сбившихся с пути молодых товарищей разлагать и впредь и развращать нашу славную революционную молодежь»[3]. «Славный» комсомол ждала основательная перетряска.

Еще в 1921 г. Ленин назвал трех главных врагов коммунистов: коммунистическое чванство, безграмотность и взятка[4]. В течение этого года из партии за взяточничество было исключено около 17 тыс. человек[5], но проблема решена не была даже к концу десятилетия: пьянство и коррупция шли рука об руку и в городе, и в деревне; взяточничеством были поражены судебные органы[6]. «Никто не поверил бы несколько лет назад, что взяточничество, всевозможные хищения, воровство, бездействие и небрежность на службе могут вообще до-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 775.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 208. В некоторых случаях комсомольские ячейки оказались разделены на украинскую и еврейскую части. См.: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 189.

[3] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 136–137.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 173–174.

[5] *Борисова Л.В.* «Третий враг революции». С. 247; *ее же.* «Пользуйтесь случаем – уничтожайте паразитов-взяточников»: Первая программа борьбы со взяточничеством в Советской России (1922–1923 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2007. № 3. С. 22.

[6] *Соколов А.К.* «Создадим единый фронт борьбы против нэпа» (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам рядовых граждан) // Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998. С. 134; *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 76–77. Примечательно, что наказания взяточников в органах юстиции и охраны правопорядка оказывались едва ли не символическими. См.: там же. С. 58–68.

стигнуть вот таких размеров», – писал С. Веселовский[1]. «Изолгались, изворовались... Такой лжи, такого воровства, такой вакханалии взяточничества и спекуляции мир вряд ли когда видел[2], – констатировал другой интеллигентный автор. Однако ничего неожиданного не было: за любой социальной смутой всегда стоит тотальный передел собственности в самых диких и вульгарных формах. Человек низов, дорвавшись до власти, рассматривал подношения как свое законное «право»[3]. И это вопреки тому, что на улицах появлялись «грозные» плакаты: «Смерть берущим, гибель дающим, взятке нет места в советской стране!»[4] Коррупция была многообразной и повсеместной: по информации ОГПУ, на Юге России «кулаки с целью дискредитирования Советской власти спаивают местных работников и красноармейцев ЧОН»[5]. Дзержинскому в январе 1923 г. докладывали, что

> случаи растрат крупнейших сумм казенных денег в связи с проигрышем становятся с каждым месяцем все чаще и чаще. При этом... 90 % растрат не раскрываются, ибо проигравший путем взяток или комбинаций по своей должности возмещает проигранное и продолжает игру до тех пор, пока уж так не проиграется, что уже никакими тайными комбинациями эту растрату не покроешь. Тогда производится настоящая панама и с деньгами виновный скрывается[6].

По части хищения спирта отметились даже чекисты[7]. К хозяйственным преступлениям подталкивала сама сложившаяся система. Иные начальники называли взятку «разъедающей язвой», социальной болезнью», требующей «радикальной хирургической операции»[8]. Однако на последнюю власть пока не решалась.

В конце октября 1925 г. началось слушание дела Орехово-Зуевского текстильного треста. На скамье подсудимых было 24 человека, которым было предъявлено обвинение в «экономической контрреволюции». На деле руководителям треста пришлось реализовать часть продукции через контрагентов (для создания собственного торгового аппарата не было времени), чтобы срочно расплатиться с рабочими.

---

[1] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 113.

[2] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 201.

[3] Осталась масса описаний того, как за взятку «бывшие» уходили за кордон. «В то время с советскими начальниками можно было легко договориться при помощи денег о пропусках за границу», – вспоминал один мемуарист. См.: *Туник С.А.* Белогвардеец. Воспоминания о моем прошлом. М., 2010. С. 252.

[4] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 66.

[5] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 309.

[6] Цит. по: *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов... С. 86.

[7] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 547.

[8] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 82–83.

Суд приговорил к расстрелу 13 человек, но тут же было объявлено, что ввиду отсутствия в их действиях личной корысти расстрел заменяется на 10 лет лишения свободы[1].

Грехопадение многих коммунистов было вызвано тяжелым материальном положением: поначалу они брали взятки только с частных лиц, убеждая себя, что не только не наносят ущерба государству, но и, напротив, способствуют развитию производства[2]. Затем нужда перерастала в корысть. Аферисты-нэпманы, учитывая это, действовали тонко: пытались завоевать авторитет в низах, осуждали коммунистов за бесхозяйственность. Интересы сходились.

В марте 1925 г. в большевистские верхи обратился некий Г.В. Дюков из Вологды, предлагавший прекратить все дела по коррупции с 1917 г. Он оправдывал служащих-взяточников, этих «мелких сошек», которые «действовали в духе Революции, не замедляя хода того громадного колеса, которое было заведено нашим Незабвенным Вождем В.И. Лениным и его сподвижниками...» По его мнению, следовало принимать во внимание «Великую Эпоху Революций, необеспеченность служащих и неслыханную в эти годы разруху и Голод»[3]. В начальный период формирования номенклатуры положение низовых советских работников действительно было незавидным. Коммунист Т.А. Бухарин писал Сталину 8 августа 1924 г.:

> Шлю тебе коммунистический привет и спешу уведомить о всех ненормальных явлениях... В настоящее время служу зам. председателя райсельсовета, получаю 6 руб. 75 коп., на содержании жена, мать, ребенок 3 лет[4].

Руководящие кадры партии в крупных городах находились в более выигрышном положении. Оказалось, что деньги можно делать буквально на всем. Так, милиционеры навязывали по повышенной цене портреты Дзержинского; за 25 «лимонов» можно было, минуя очередь, получить на бирже труда направление на работу; за взятку улучшали свое жилищное положение и даже служебную карьеру. Но в целом коррупция шла сверху: во взятках подозревали самого Дзержинского[5]. Всевозможные частные посредники за хорошую мзду помогали «открывать двери» в различные ведомства; чиновники госорганов опутывали паутиной сборов фабрики и заводы. В общем, «высококвалифицированная "люмпен-интеллигенция" советского чиновничества» формировала своеобразную коррупционную иерар-

---

[1] *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов... С. 90–91.

[2] Там же. С. 93.

[3] Цит. по: *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 49.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 43.

[5] См.: Государственная безопасность России. С. 451; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 392–393.

хию: «взяткоемкость» учреждений определялась востребованностью продукции, находившейся в его ведении[1]. По некоторым данным, в 1922 г. милиция была коррумпирована на 95 %[2]. Случалось, что «...мелкие советские служащие... получающие жалование и паек, едва достаточные для того, чтобы не умереть с голода, пропивают и проигрывают в ночь по 2–3 "лимона"»[3]. Осенью 1922 г. на скамье подсудимых оказалось 133 мелких служащих железной дороги. Учитывая классовый состав подсудимых, службу в Красной армии, в зале суда было освобождено 125 человек, остальные получили условное наказание. Приговор был встречен возгласами: «Да здравствует пролетарский суд!»[4]

Другой причиной «разложения» верхов была потребность в релаксации. Руководители предприятий слишком часто оказывались в стрессовых ситуациях, вызывающих пьяные срывы. Снизу ожидали другого – подвижничества. Крестьянин Климов из мордовского села 18 ноября 1924 г. писал наверх: «Алкоголизм представителей власти – пропащее дело». Хватит прощать алкоголиков, полагал он – «гнать их!»[5] В городе на начальственных поклонников Бахуса рабочие реагировали особенно остро в связи с повышением расценок[6].

Коммунисты из низов «попадались» особенно часто. Т.И. Толкачева из Тамбова 27 ноября 1924 г. жаловалась: муж был исключен из партии, а затем посажен в тюрьму якобы за одно лишь «признание, что он выпивает немного перед обедом». Между тем у него были серьезные заслуги перед партией: он подавлял крестьянское восстание, а затем 3 года болел невралгией[7]. Экс-революционеры попросту не находили себе места в мирной жизни. Г. Роженцев из Хабаровска (1902 года рождения, член партии с 1923 г., из рабочих, помкомвзвода стрелкового полка) так описывал свои «приключения»:

> ...Выпил полбутылки вина, пошел в избу-читальню. По дороге заметил пожар. Участвовал в его тушении. На пожаре раздавались выкрики: «Толкай в огонь коммунистов и комсомольцев!» Возмущенный зашел в избу-читальню, там меня обозвали хулиганом (обругали матом), я выхватил револьвер, у меня его хотели отобрать, случайно произошел выстрел, меня исключили из партии.

Произошедшее он воспринимал как несчастное стечение обстоятельств: «...Я стал в тупик, так как... видел, что некоторые члены пар-

---

[1] *Борисова Л.В.* «Третий враг революции». Р. 248–250.

[2] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 43.

[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 113.

[4] Цит. по: *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов... С. 86.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 325.

[6] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 66.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 189.

тии по нескольку раз бывали пьяные и производили дебош с оружием в руках»[1].

Похоже, в глазах обывателей пьяный дебош стал знаком принадлежности к высокому начальству. Разумеется, с «нездоровыми» явлениями большевики боролись. Так, в 1929 г. в Чите начальник особого отдела ОГПУ 36-й дивизии И.Г. Новоселов получил выговор за пьяный дебош и использование служебного автомобиля для выезда на пикник. И это было «мелочью»: в 1930-е гг. чекисты по пьянке иной раз открывали стрельбу со смертельным исходом[2].

Случаи «бытового разложения» и начальственного самоуправства были многообразны. В 1924 г. в Воронеже из партии был исключен секретарь ячейки, бывший рабочий и красноармеец, получивший высшее образование. Ему инкриминировались пьянство, карточная игра, «некоммунистическое поведение» и... «слежка за ответственными работниками»[3]. Возможно, от него избавились еще более основательно «разложившиеся» начальники. В 1924 г. самарские милиционеры торговали самогоном, пьянствовали с проститутками[4]. В 1925 г. в Киевской губернии один милиционер пьяным свалился с лошади и заснул посреди села. Сослуживцам показалось, что он убит[5]. В марте 1927 г. группа граждан просила обследовать работу административного отдела Кубанского округа. Здесь в милиции было отмечено «пьянство, взяточничество, якшание с торговцами, связь с проституцией». Заместитель начальника адмотдела Дульнев «неоднократно появлялся на улице Краснодара, потеряв центр всякого равновесия и устойчивости под действием восприятия спиртных напитков» – причем пил он за счет спекулянтов. Мало того, сообщали бдительные граждане,

> три года тому назад во время пожара одного из домовладений, куда тов. Дульнев прибыл в совершенно пьяном виде и без сознания, в сопровождении частного ресторанщика на извозчике, Дульнев под впечатлением совершающегося события из револьвера открыл огонь-стрельбу по горящему зданию, несмотря на то что пожарная команда была в работе, которую он чуть было не перестрелял... Дульнев ранее привлекался к ответственности за изнасилование у себя в кабинете жены одного из подчиненных ему милиционеров...

Этим безобразия не исчерпывались. У Дульнева нашел покровительство некий Жуков, член ВКП(б), который «часами просиживал в кабинете с проститутками, а посетители вынуждены были его ожи-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 120.

[2] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 544, 551.

[3] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 64.

[4] *Манькевич А.А.* Указ. соч. С. 45.

[5] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 399.

дать». На его квартиру «торговцы открыто носили вино». Авторы письма полагали, что «обследование на месте... раскроет целую серию преступных комбинаций», поэтому «нужен приезд специальной комиссии»[1].

Один начальник милиции для обеспечения «пышных вечеринок с широкой выпивкой» штамповал по «сорок–пятьдесят антисанитарных актов»; лавочники без конца перекрашивали не только вывески, но и трубы на своих заведениях. Всякая неточность в исполнении распоряжений облагалась штрафами. «Помимо этого, – писали во ВЦИК, – берутся взятки со всех сторон и делают себе такие наряды, гораздо более красивые, чем наряды бывших помещиков». При этом местечковые сатрапы горели желанием «уничтожить всех евреев»[2]. Рядовые милиционеры также умели пользоваться властью. Так, в Уфе младший милиционер Лобанов, не поделивший женщину с телефонистом Новиковым, будучи в подпитии, арестовал своего соперника в ресторане «Урал», заявив, что тот дебоширил в пьяном виде. При этом он надеялся, что за арест невинного человека он получит премиальные[3]. Власть развращает не только верхи.

Масштабы коррупции ни для никого не составляли тайны. В Азербайджане чиновники органов юстиции пользовались еще более скверной репутацией, чем милиционеры. В 1928 г. шесть из девяти судей Верховного суда республики имели лишь начальное образование, местные судьи едва могли поставить свою подпись[4]. Естественно, это обостряло межэтнические отношения.

Периодически картины «бытового разложения» вскрывались. М. Кольцов в 1925 г. рассказал, как в Мирополе на Волыни следователь в пьяном виде публично избил квартирохозяйку, за нее заступился рабкор-комсомолец, которого осудили на две недели принудительных работ за клевету. Но куда больше поразило журналиста, что следователь пригрозил свидетельницам, что «подвергнет их медицинскому освидетельствованию (?!) и отправит в больницу за онанизм» (!!)»[5] В Смоленской губернии весной 1928 г. под суд были отданы 10 руководящих работников уездного и губернского уровня[6]. Постоянно насиловали задержанных женщин московские милиционеры[7]. В октябре 1930 г. был исключен из партии сибирский чекист П.Н. Иванов, зара-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 168–169 об.

[2] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 112, 131.

[3] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 109.

[4] В октябре 1923 г. в Гяндже милиционер из кровной мести застрелил из табельного оружия посетителя чайханы. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С.482, 483–484.

[5] *Кольцов М.* Указ. соч. С. 31–33.

[6] *Мельник А.* Указ. соч. С. 111.

[7] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 74–76.

зивший венерической болезнью жену, а кроме того, имевший обыкновение ездить в командировки с сожительницей. Годом ранее другой чекист трижды судился за изнасилование. Он был, однако, оправдан[1].

Поначалу деяния коррупционеров оказывались незатейливы. В 1921 г. иной раз, чтобы получить из кассы деньги, нужно было «уплатить служащим кассы»[2]. Постепенно масштабы менялись, взяточничество превращалось в бизнес. В Ростове-на-Дону 24 сентября 1923 г. с пивзавода «Заря», как раз накануне повышения цены на 100 %, был произведен адресный отпуск пива[3]. Шло сращивание администрации с нэпманами. С. Веселовский отмечал:

> ...Во главе учреждений зачастую стоят коты с Хитрова рынка, комиссары из Обжорного ряда, уголовники с темным прошлым, а в числе сотрудников много людей без всякого образовательного ценза, без служебного стажа и с таким же темным прошлым, как их принципал[4].

В сложившихся условиях начали раздаваться предложения о тотальной зачистке социального пространства. В.Е. Черняк из Пензы 30 декабря 1924 г. жаловался на инспектора труда Гладкова за антисемитские высказывания и угрозы[5]. Он полагал, что «в Советской России таким действиям не должно быть места». Некий И. Кацман из Киева 8 августа 1923 г. писал, что «при нэпе произошел наплыв всякой мрази». Как результат, молодежь «впадает в апатию, некоторые доходят до разочарования, до отчаяния, доводящего их чуть ли не до самоубийства». А потому «необходимо разгрузить Европейскую часть СССР от невольно паразитических элементов, инвалидов труда и войны, калек, морально и социально дефективных элементов (заключенных и беспризорных)»[6].

Бывший член партии К.П. Щелыгин (Смоленская губ., Катальская вол., д. Куприяновка) 17 декабря 1924 г. заключал: «Прав Троцкий, что партия перерождается». Он считал, что надо «открыть глаза» и просил «разрешить присутствовать на съезде Советов, чтобы сказать всю правду». Для того чтобы донести эту глубокую мысль до всех, ему следовало «выслать на дорогу 30 руб.»[7] Начальство поносили, но во власть верили.

В ряде случаев местные руководители действительно творили произвол. На совещании работников прокуратуры Енисейской губернии в июне–июле 1924 г. упоминался такой случай:

---

[1] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 559, 560.

[2] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 114.

[3] ГАРО. Ф. Р-1182. Оп. 2. Д. 686. Л. 6–7.

[4] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 114.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 49, 50 об.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 464–464 об.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 20–22.

...Начальник милиции Киченой, ведя борьбу с самогонкой, организовал маленький отряд, который можно назвать карательным; заходя в деревню, он предъявлял крестьянам требования дать ему 250–500 самогонных аппаратов, и те из крестьян, у которых аппаратов не было, вынуждены были покупать в лавке и ему доставлять. Угрожал арестами, избиениями, расстрелами. Выводя крестьян и ставя в ряд, делал выстрелы вверх. От такого ярого борца против самогонки некоторые крестьяне бежали в Иркутскую губернию...[1]

Германский консул в Новониколаевске В. Гросскопф в 1924 г. отмечал, что сибирская деревня враждебна советской власти, при этом «огромное недовольство вызывают преследования тайного самогоноварения и произвол местных властей»[2]. В прессе писали, что 1924 г. в Западной Сибири было 1 600 000 ведер самогона[3]. В июле–августе 1925 г. у крестьян возникал ряд резонных вопросов в связи с тем, что милиция «хорошо борется с самогонщиками, но не с преступниками», а «суды милуют воров»[4]. Неверие в справедливость распространялось все шире.

Н.К. Крупская, избранная в 1924 г. членом ЦКК, предложила обсудить вопрос о том, что можно и чего нельзя делать коммунистам, дабы выработать некие общие критерии при чистках[5]. Начались дискуссии, в результате которых «идеальный» партиец предстал аскетичным, почти бесполым существом, полностью посвятивший себя «общественным интересам», а идеалом стал «образ строителя, который соединен с идеей труда»[6]. Сомнительно, чтобы полумонашеская этика соответствовала этосу нэповской обыденности. Легче поверить, что навязываемые дисциплинирующие критерии усиливали эффект «запретного плода»[7]. Во всяком случае на местах не уставали твердить о пьянстве коммунистов, об избиении ими жен, детей, исполнении религиозных обрядов[8].

---

[1] Цит. по: *Кузнецов А.И.* Самогоноварение в сибирской нэповской деревне... С. 79.

[2] *Белковец Л.П., Белковец С.В.* 1924 год в Сибири в докладах германского консула Вильгельма Гросскопфа // Немецкий этнос в Сибири. Альманах. Вып. 3. Новосибирск, 2002. С. 136.

[3] Смехач. 1925. № 18. С. 12.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 164. Крестьяне подходили к данному вопросу не вполне объективно: зафиксирован случай, когда милиционеры – «пара дюжих здоровых парней» – арестовали по распоряжению ГПУ одного самогонщика, а затем отпустили его на свободу за чайник производимого им зелья (*Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 79). Вероятно, такое случалось не раз.

[5] Партийная этика. Дискуссии 20-х годов. М., 1989. С. 10.

[6] *Тяжельникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» С. 426, 430.

[7] В студенческих дневниках 1924 г. можно вспомнить об успехе выступлений Веры Инбер, рассказывавшей в Политехническом музее о парижских модах, «фокстроте и вообще о танцах». См.: *Заховаева А.Г.* Указ. соч. С. 145.

[8] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 71.

Система, принципиально отрицавшая рыночные отношения, уже одним этим создавала плацдарм не только для «черного», но и «серого» рынка. Обобщенные типажи взяточника, нарисованные в газете «Коммунист» (Череповец) в жанре «записной книжки судебного работника», выглядели так. Первый персонаж: «Маленький, толстенький, юркий человек... На пальце массивный перстень, на руке серебряные модные часы, галифе, френч – все новенькое, чистое, с иголочки». Он получил взятку в 5 фунтов масла, объясняя это тем, что «все берут», «неудобно было обидеть доброго человека», желавшего «отблагодарить». Другой типаж: некто из уголовного розыска явился «с обыском» к состоятельному мужичку, выписав себе фальшивый ордер. Этого оказалось достаточно, чтобы тот нанес ему ответный визит к нему с бараном, а после еще одного прозрачного намека присовокупил к «пьющему» барашку нужное количество самогонки. Третий персонаж: «бойкий разбитной мужчина», коммунист и судья, некогда беспощадный при вынесении приговоров, теперь за приличную мзду легко соглашался «скостить» срок. Существовали и «застенчивые» мздоимцы: некий инженер – «дряблая, мягкая, чисто интеллигентская в худшем смысле слова натура», соглашался с подрядчиком на заведомо выигрышное пари вроде «будет дождь или нет»[1].

Коррупция прогрессировала столь стремительно, что уже в 1922 г. обнаружилась тенденция к своего рода легализации взятки. В появившейся в «Известиях» заметке отмечалось, что Госбанк принимает к оплате счета о расходовании средств на ставшую привычной мзду железнодорожникам. «До такой откровенности мы все-таки еще не доходили, – вздыхал автор заметки. – ...Это явление уже таит в себе опасность большую, чем само взяточничество»[2]. Перестали осуждать и спекуляцию: «Кто теперь не занимается перепродажей?»[3]

Взяткодатель подчас оказывался не менее колоритен, чем взяточник: перед судьей представал «добрый» нэпман: «По животу золотой струйкой вьется часовая цепочка, на мизинце сверкает бриллиант... Лицо самодовольное, пухлое...» Взятку в 100 миллионов он и не думал давать – просто хотел «от чистого сердца» помочь человеку. Со своей стороны иные взяточники готовы были довольствоваться натурой – ласками «молоденькой интересной барышни»[4].

В августе 1922 г. в докладе Политбюро ЦК Дзержинский отмечал, что коррупция нарушает работу транспорта[5]. Причинами взя-

---

[1] *Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 140; *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 78–79.

[2] *Борисова Л.В.* «Пользуйтесь случаем – уничтожайте паразитов-взяточников». С. 22.

[3] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 213.

[4] *Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 141; *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 81.

[5] В значительной степени сказался дурной пример М.М. Аржанова – «главного военного железнодорожника» времен Гражданской войны и редкостного мздоимца.

точничества он называл не только тяжелое материальное положение железнодорожников, но и растлевающее поведение хозяйственных органов. Для борьбы со злом он наряду с применением целого спектра репрессивных мер (которые тут же последовали в форме «кампании»[1]) предлагал использовать экономические рычаги: штрафовать ведомства, уличенные во взяточничестве[2]. На Урале один из рабочих кооперативов создал специальный фонд на покрытие возможных растрат[3]. Ситуация приближалась к абсурдной.

На далеких окраинах возрождались коррупционные нравы дореволюционных времен. Здесь начальники охотно принимали взятки от местных спекулянтов[4] – оказалось, что у них нет культурного иммунитета против «пережитков» традиционализма. В начале 1923 г. в Чечне жаловались на «воров и взяточников», которых почему-то освобождают[5]. 10 сентября 1923 г. в Средазбюро поступила жалоба от граждан Джетысуйской области, обеспокоенных тем, что откомандированный в центр Р. Худайкулов «неожиданно вернулся на прежнее место работы и с еще большим усердием принялся брать взятки»[6]. Сообщали, что для уплаты налогов безденежному дехканину приходится продавать «последнее имущество за бесценок»[7]. Указывали и на конкретных взяточников[8].

Коррупция поразила и творческую среду. Во взятках обвиняли театральных деятелей, включая руководителя «Театра революционной сатиры» М.А. Разумного[9]. В области наиболее заземленного жанра – эстрады – происходили по-своему показательные процессы. В октябре 1924 г. в работе «Московского горкома эстрады» был обнаружен «целый ряд упущений, злоупотреблений и преступлений». Предсе-

---

Этот дворянин, штабс-капитан старой армии, копировавший замашки Троцкого, обладал целым букетом качеств, ставших маркерами советской системы: демагогия, показуха, чинопочитание, заискивание перед начальством и т. п. См.: *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 348–350; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 108; *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 147–162.

[1] См.: *Епихин А.Ю.* Борьба со взяточничеством и коррупцией в России в начале 20-х годов: уроки и опыт // Коррупция и борьбы с ней. М., 2000. С. 193–195; *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2011. С. 56–57.

[2] *Борисова Л.В.* «Пользуйтесь случаем – уничтожайте паразитов-взяточников». С. 22–23; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 429; *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Указ. соч. С. 41.

[3] Веселая кузница. 1927. № 3. 22 декабря.

[4] *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 54.

[5] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 72, 73.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 8.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 746. Л. 44.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 8.

[9] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 483–484.

датель Репертуарной комиссии обвинялся «в сводничестве и торговле живым товаром»: артистов и артисток «включали в программу за определенную мзду» – в том числе натурой. Но более примечательна реакция на случившееся. Было решено, что «судебного рассмотрения злоупотреблений допускать не стоит» – опасались, что в результате публичного разбирательства Рабис станут именовать «союзом сутенеров и проституток»[1].

Нельзя сказать, что борьба с коррупцией не велась. Однако смертная казнь, введенная в УК РСФСР в 1922 г. по настоянию Ленина, в 1927 г. была отменена (что никак не сказалось на поведении коррупционеров)[2]. По неполным данным, в 1923 г. за взятки было осуждено 9258 чел., в 1924 г. – 10936, в 1925 г. – 7603, в 1926 г. – 4599, в 1927 г. – 4623 чел.[3] Казалось бы, количество взяток уменьшалось, однако «правдоискателям» приходилось труднее. В октябре 1926 г. к Сталину обратился коммунист В.А. Смирнов из Ярославля. В свое время он побывал и в Красной гвардии, и в Красной армии, в 1922 г. вернулся с Туркестанского фронта инвалидом на костылях. Основным его занятием стало «бичевание недостатков», за это на него «смотрели косо». Оказалось, что «подставить» такого энтузиаста очень легко. «Дали мне прочесть лекцию, – сообщал он, – тема такая, что кто угодно наделал бы ошибок. Сейчас из-за этого на мне отыгрываются». В отличие от многих «истинных коммунистов» этот человек не жаловался. Его действительно беспокоило, что «секретарский состав ячеек... не приспособлен к работе руководства партийными массами» – эти люди не ориентировались в местных проблемах. Автор письма надеялся получить ответ: «Прав ли я?»[4]

Некоторые коммунисты сознавали опасность превращения партийцев в «рабов материальных удобств, а затем – в раба излишеств», за которыми непременно последуют кумовство, мздоимство, а затем превращение большевиков в «строго замкнутую касту ответственников с преступными наклонностями». Но в сентябре 1926 г. напоминания о том, что «миссия коммунистов слишком велика»[5], вы-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 6. Л. 65. Принадлежность к актерскому цеху и без того нередко была прикрытием проституции (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 246). В сатирическом журнале можно было прочитать: «Через спальню антрепренера – кратчайший путь к карьере для молодой актрисы». Под «карьерой» понималась обеспеченность «халтурой» – «чёс» по максимально возможному числу театров. См.: Мухомор. 1923. № 14. С. 6.

[2] См.: *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С. 258–289.

[3] *Борисова Л.В.* «Третий враг революции». С. 267. По другим сведениям, наибольшее число осужденных за взятки пришлось на 1925 г., но и тогда коррупционеры составляли лишь 1,2 % общего числа осужденных. См.: *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России. СПб., 1997. С. 57.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 255.

[5] *Орлов И.Б.* Термидор и/или легитимизация режима? С. 335.

глядели явно запоздалыми. «Идейных» коммунистов оставалось все меньше.

Людям, ослепленным идеей, трудно было разглядеть причины подобных безобразий – казалось, все дело в нерадивых исполнителях. В 1927 г. некий Николай Редока в письме Сталину возмущался тем, что партийные руководители работают не на массы, а на собственное благополучие[1]. «Социализм есть великая идея, объединяющая все человечество без малейшего исключения, а потому за нее грядными руками браться нельзя»[2], – писал один из селькоров. Этот человек готов был поверить, что достаточно отсечь эти «грязные руки» и путь в будущее будет расчищен. Увы, репрессивная машина была настроена так, чтобы карать либо по указу сверху, либо наказывать исходя из личного интереса. Руководители полномочного представительства ГПУ Урала имели «теневые фонды» из неучтенных финансовых средств. В 1928 г. были разоблачены чекисты Тобола, расхищавшие государственные средства и грабившие ссыльных. В 1931 г. руководство представительства ГПУ по Казахстану было осуждено за контрабанду и «присвоение огромных денежных сумм»[3]. Система провоцировала хозяйственные преступления, к которым естественно подключались те, кто должен был их предотвращать.

Не исключено, что периодически появлялись «удачливые» революционеры, вписавшиеся в реалии нэпа. Герой «Аэлиты», бывший красноармеец, изрядно покуролесивший после возвращения с Марса, в согласии с духом времени создал «Ограниченное Капиталом Акционерное Общество для Переброски Воинской Части на Планету Марс в Целях Спасения Остатков его Трудового Населения». Его экзотичная затея смотрится символично – как коминтерновская виньетка нэповской повседневности.

Разложение не обходило стороной и тех, кто непосредственно «делал революцию». Среди лиц, примкнувших к большевикам в 1917 г., были пьяницы, дебоширы, карьеристы, бабники, лица, подверженные «мещанскому образу жизни» и совершавшие должностные преступления[4]. Их обвиняли в шкурничестве, приспособленчестве, «якшании с контрабандистами и спекулянтами»[5]. Среди них были коммунисты из офицеров, ухитрившиеся послужить у белых или поучаствовать в «свержении Советской власти»[6]; встречались бывшие красноармей-

---

[1] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 82, 213.

[2] «Социализм – это рай на земле». С. 220.

[3] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 566.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 19, 27, 46, 137, 156; Д. 40. Л. 90.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 28.

[6] Там же. Л. 35, 42.

цы, совершившие уголовные преступления, вплоть до расхищения изъятых церковных ценностей[1]. В 1925 г. одних из них исключали из партии, другие отделывались выговорами, третьих восстанавливали. Разумеется, не обходилось без наветов и клановой борьбы. «Красная смута» притягивала не столько «пролетарский авангард», сколько людей диссипативного склада, сознательно или бессознательно настроенных «урвать». Не случайно приток «дурных» коммунистов в партию усилился в 1920 г., когда стало ясно, на чьей стороне сила. Люди устремлялись к власти, лживо или бессознательно размахивая при этом выцветавшими идейными знаменами. Со временем многим из них воздалось «по вере».

Нельзя сказать, чтобы руководители «пролетарского государства» не пытались обеспечить рабочим условия труда и быта, достойные «светлого будущего». Существовали планы создания поселков-садов в крупных промышленных центрах с помощью Российского акционерного общества строительных, транспортно-грузовых и заготовительных работ, ведущего свою родословную от трудовых армий и артелей. В 1924 г. в Иваново-Вознесенске было начато строительство рабочего поселка «под ключ» из 10 жилых зданий и 6 общежитий с улицами, бульварами, общественными зданиями, зелеными насаждениями. Проектировалось нечто подобное в Донбассе и Нижнем Новгороде. Однако, как показала ревизия 1925 г., руководители акционерного общества вели дела с финансовыми нарушениями, административный аппарат оказался раздут; в некоторых отделениях творилось «полное безобразие – бесхозяйственность, злоупотребления и хищения». Последовали аресты[2]. Эволюция трудовых армий – этого первого опыта советского принудительного труда – закончилась вполне символично. Но природа системы была такова, что этот опыт оказался востребован для создания ГУЛАГа.

Отрицательное отношение к коммунистам – бюрократам и коррупционерам – выплеснулось в связи с «военной тревогой» 1927 г. Чекисты отмечали, что повсеместно люди не только отказываются «воевать за коммунистов», но и готовы выступить против них с оружием в руках. «Ради чего мы будем класть свои головы – завоевали хорошую жизнь какой-то кучке коммунистов и комсомольцев», – заявляли казаки Сталинградской губернии. Другие грозились «перейти на сторону белых»[3]. Казак Т. Распопов (Челябинский окр.) весной 1927 г. публично заявил: «Война нужна... и в первую очередь необходимо победить кровососов-коммунистов. С какой бы радостью посмотрел на арестантов – наших теперешних управителей Калинина,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 40.

[2] *Цысь В.В.* Указ. соч. С. 95–96.

[3] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 431, 433.

Рыкова, Сталина, сам бы пил их кровь»[1]. Обычно такие высказывания чекисты приписывали кулакам. Сообщали, что они готовы вырезать из спин коммунистов «по три ремня»[2].

В связи с ожиданиями войны красноармейцы вспоминали о своих врагах: «если будет война, то пошлем воевать коммунистов, а если они не пойдут, мы их перебьем»; «командирам нужно пулю в лоб пустить»; «во время войны – первая пуля политруку»[3]. Между тем в феврале 1929 г. Ворошилов убеждал московских рабочих, что «наш красный комсостав сейчас представляет собою единую, крепко спаянную, абсолютно надежную семью»[4]. Определилась характерная особенность системы: чем тревожнее положение в низах, тем больше бравурных заявлений сверху.

5. Партначальники и профбюрократы: реалии и образы

В патерналистских системах всякая нерасторопность власти воспринимается крайне болезненно и сразу же связывается с негодными исполнителями. «Я не мог себе представить, чтобы люди, прошедшие через десятилетия подпольной борьбы, через каторгу и ссылку, после победы над царизмом и белогвардейщиной могли спасовать в борьбе с бюрократами и карьеристами в собственной партии»», – писал рабочий И. Павлов, объявленный оппозиционером[5]. Для людей, верующих в «пламенных революционеров», – живого воплощения неумолимости социального обновления – ситуация казалась необъяснимой. Но она становится вполне понятной на эмоционально-психологическом срезе бытовой истории.

Бюрократизм в России имеет давнюю и специфичную традицию. В основе его лежало «маршрутное» овладение пространством – его надо было сделать управляемым «сверху». Отсюда особый взгляд на «места», где непременно следовало поставить «своих» людей. Не случайно большевики сразу же занялись манипуляциями с этнотерриториальным делением России, они же усвоили традицию «назначений» и «перебросок» (дабы чиновник не впал в зависимость от местных элит). С другой стороны, веками складывалась система «почестей» и «посул», причем при стыдливом потворствовании власти, которой вечно не хватало денег на оплату чиновников[6]. В общем рационализация «сверху», наталкивалась на инерцию традиций «снизу». Большевики оказались в аналогичной ситуации.

---

[1] Цит. по: *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 171.

[2] Там же. С. 229.

[3] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 143.

[4] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 101. Л. 22.

[5] *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 41.

[6] См.: *Булдаков В.П.* Quo vadis? С. 41, 194.

Случаи «обюрокрачивания» большевиков отмечались уже в начале 1918 г.: иные из них засели в кабинетах, окружив себя «хорошенькими машинистками»[1]. В 1920 г. Е.А. Преображенский отмечал «растущую отчужденность между рядовыми членами партии и ответственными коммунистами»[2]. Некоторые интеллигенты уверяли, что уже в 1921 г. «деморализация и развал» в правящей партии «достигли пирамидальных размеров»[3]. На Украине в том же году вышестоящие партначальники могли заявить, что внутри Мариупольской партийной организации «демократизм перерос все положенные пределы»[4]. В мае 1921 г. в Нижегородской партийной организации просто взвыли от «переброски» местных коммунистов, с одной стороны, потока «назначенцев» – другой[5]. Писали и о том, что коммунистов власть «окончательно развратила», «ничего идейного у них не осталось»[6]. Уже в 1922 г. сатирическая печать заговорила о «совбурах» – бюрократах, заполонивших многочисленные тресты и поглощенных непрерывными заседаниями и согласованиями[7].

По официальным данным, в 1924 г. в органы контроля по 51 губернии РСФСР было подано 17 тыс. жалоб, из них подавляющее число (61 %) – на бюрократизм и волокиту. Хотя при проверке было удовлетворено 80 % жалоб, в следующем году их количество выросло более чем вдвое[8]. Разумеется, абсолютизировать эти данные не стоит: налицо выплеск традиционалистских эмоций в связи с нерасторопностью госаппарата. Как бы то ни было, растущее отчуждение власти от населения фокусировалось на фигуре чиновника-бюрократа.

К середине 1920-х гг. градус недовольства «перерожденцами» поднялся выше: в прессе заговорили об угрозе «онэпивания» партийных рядов[9]. Некий А. Иванов 16 ноября 1925 г. писал наверх: мы победили, но «видим в своих рядах людей забюрократившихся, не желающих понять своих товарищей по станку, по подполью»[10]. На местах говорили, что «наши управители государства живут только для себя»[11]. Председателю Контрольной комиссии ВКП(б) Черномор-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1172. Л. 10.

[2] *Преображенский Е.А.* Указ. соч. С. 366.

[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 113.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 81. Л. 49.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 53. Л. 109.

[6] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 226.

[7] Публикация за подписью «Пересмешник» называлась «О департаментских натурах – господах совбурах». См.: Красный смех (Астрахань). 1922. № 2. С. 2.

[8] *Куйбышев В.В.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 299.

[9] *Матч Э.* Партийная этика // Большевик. 1924. № 11. С. 19.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 151.

[11] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 133.

ского округа в мае 1926 г. сообщали, что «пом[ощник] начальника порта до того забюрократился, что не только беспартийным рабочим, но также партийным в открытую говорит, что я вас повыдергаю, если вы будете рыпаться...»[1] Сатирический журнал сообщал, что в Москве в Промвоенторге комиссия по охране труда при распределении путевок на курорты и в санатории в первую очередь обеспечила ими себя и начальство[2]. А.И. Рыбаков из с. Александровского (Ставропольский окр.) сообщал, что «администрация занята беспощадным обеспечением себя народными деньгами», ее преступные деяния «очень волнуют население»[3]. Крестьяне утверждали, что «средства самообложения пойдут... на широкие галифе служащих»[4]. Военнослужащий Дмитриев (Смоленская губ.) жаловался на Ситкова, комиссара Ветеринарного управления Западного фронта, что тот «постоянно пьянствует, устраивает оргии» и вообще «обманом пробрался в члены горсовета»[5]. Другой военнослужащий Драбилин 15 июля 1926 г. спрашивал Сталина: «Когда кончится в Смоленском губкоме безобразие?» Здесь уже «выгнали одного за пьянство», но ситуация не изменилась: коммунисты «во время попойки устроили драку, стали стекла бить». Один из местных руководителей обижался на то, что о нем политработники отзывались «как о демагоге левее позиции троцкизма», удивляясь, как такие «дураки возглавляют... политический нерв нашей Красной армии». Завершал он свое послание так: «Тов. Сталин, возьми, брат, за зябры некоторых тут бюрократов»[6]. Некий Васин 3 августа 1926 г. сообщал, что в Омске «увольняют честных людей», а потому «настроение массы сейчас такое, какое было в 17-м в октябрьские дни». Причину ненормальностей он видел в «несправедливости в партучреждениях» и просил прислать «из Москвы честных и не бюрократов для расследования»[7].

Особенно много сигналов поступало с Северного Кавказа, бывшего в Гражданскую войну настоящим центром притяжения для всевозможных маргиналов и диссипантов. Так, «сочувствующие» из Миллеровской Дымовки в октябре 1926 г. обращались к Сталину и Калинину, напоминая, что в Донецком округе, который некогда «был опорой контрреволюции», сейчас проживает «больше 2 тыс. бывших офицеров белых, солдат-бандитов и других ярых врагов Соввласти», многие из которых ухитрились «проникнуть в ряды компартии». Не

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 1.

[2] Смехач. 1926. № 23. С. 1.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 184.

[4] Цит. по: *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 227.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 125–126.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 102–102 об.

[7] Там же. Л. 48.

случайно «казаки и антисоветский элемент округа говорят: коммунисты наши... вместо погон одели красные звезды, а нужно будет, опять погоны наденут». К примеру, «председателем Страхкассы является член ВКП(б) Черников, который, будучи в рядах белой армии, за боевые отличия против красных получил чин офицера». Далее перечислялись некоторые деяния местных ответработников:

> В 1924 г. во время пьянки нарслед – член ВКП(б) Золотарев убил прокурора члена ВКП(б) Бочкарева, по пьянке убит председатель Тарасовского РИКа – член ВКП(б) Сидоров, председатель Окрисполкома член ВКП(б) Советскин пьяный хотел убить своего отца-старика... Сотрудник Окротдела ОГПУ Муратов, член ВЛКСМ, по пьянке прострелил навылет гражданку Мироненко...

Перечень безобразий этим не исчерпывался. Оказалось, что «председатель Леоно-Калитвенского РИКа Тимофеев, член ВКП(б), в своем кабинете изнасиловал нескольких женщин, а «в детдоме изнасиловал трех малолетних воспитанниц». Начальник окружной милиции Воронко «изнасиловал более двух десятков милиционеров, используя их в рот». Упоминались и другие насильники, спекулянты и растратчики:

> Уполномоченный крайсуда, член ВКП(б) Киселев в станице Митякинской изнасиловал и заразил венерической болезнью несколько женщин. Уполномоченный крайвнуторга член ВКП(б) Канчагин на вокзале в присутствии толпы народа избил по пьянке старшего агента ТООГПУ члена ВКП(б) Магутина. Зав. заготконторой Брунин продал около 100 тыс. пудов казенного зерна и отбыл неизвестно куда, управляющий Хлебопродуктом Максури продал 3 десятка вагонов казенного хлеба, забрав деньги в свою пользу... член ВЛКСМ Алексеев растратил свыше 3000 р. казенных денег. Этим далеко не исчерпываются преступления донецких ответработников[1].

«Революционные заслуги» вовсе не были гарантией от «перерождения». В 1925 г. из енисейской парторганизации в ходе «чистки» был исключен на 1 год заведующий трестом «Жиркость» 33-летний Г.Г. Долгих, большевик с 1917 г. Ему инкриминировались «пьянство и дебош»[2]. В том же году был восстановлен в партии М.Н. Михеев, большевик с 1919 г., участник Кронштадтского восстания 1906 г.[3]

Диктаторские, точнее, самодурские замашки коммунистических начальников обнаруживались повсеместно. «Чистки» выявляли партийцев, грубых как с рабочими, так и с крестьянами, «арестовывающими бедняков»[4]. На Северном Кавказе наблюдались не просто

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 91.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 46.

[3] Там же. Л. 26.

[4] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 23, 58; Д. 42. Л. 128.

обычные «искривления классовой линии по хлебозаготовкам»[1], а образцы хамского своеволия. Осетин А.К. Хосроев, некогда послуживший и у красных, и у белых, называл крестьян «скотами»[2]. Работник нарзанных ванн Барабаш из Кисловодска 9 февраля 1927 г. просил «поставить на заседание ЦК ВКП(б)» вопрос о диктаторских действиях коммунистов на «окраинах республики»[3].

В центр писали о том, «как утонченно быстро в деревнях подрывают Советскую власть некоторые члены сельских исполкомов», покровительствующие кулакам, которые «гноят и прячут хлебные излишки». Здесь не действовали никакие декреты, «товары, обувь и мануфактура распределяется между советскими работниками», а собрания и митинги проводились «под дирижированием "Нагана"». Писали, что декрет об отделении церкви от государства «объясняется публичным расстрелом икон советскими работниками». Когда в центре возникали вопросы, следовал стандартный набор ответов: «недостатки уже искоренены», «коммунисты, замеченные в потреблении спиртного, наказаны», «парторганизация очистилась от скверны»[4]. Рабкор Родион Акульшин из Москвы в августе 1926 г. жаловался на коммуниста Вырпаева, виновного в смерти его отца, бедного крестьянина Самарской губернии. «Пьяный Вырпаев тряс отца за грудь и грозил пристрелить наганом, – писал он. – Отец от этого пал духом, он все время ждал, когда придут коммунисты и его арестуют». Суд Вырпаева оправдал. «Крестьяне забиты, боятся говорить о своих конфликтах с местной властью, – сообщал он далее. – На рабкоров местные начальники клевещут»[5]. Возможно, в связи с подобными явлениями все большее распространение получали стереотипные анонимки: «на местах колоссальные растраты и хищения». Разумеется, при этом центр умоляли «удалить бюрократов»[6].

Все шире распространялся непотизм – непременный спутник традиционного общества, особенно заметный в «смутные» времена. Сочинители одной из анонимок утверждали, что

> председатель Окрисполкома Харченко (из Ставрополья) устроил на работу около 20 своих родственников и знакомых и для этого уво-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 45. Л. 36.

[2] А. Хосроев отделался строгим выговором и был снят с должности инструктора обкома (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 125–133). Не исключено, что обвинения против него были ложными.

[3] Избранный в руководство профсоюза беспартийный красный партизан «пришелся не по зубам председателю правления союза Медсантруд в лице партийного товарища Мещерякова». Это обернулось стычкой между «партийными и беспартийными». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 93–93 об.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 54. Л. 3–8 об.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 30.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 304.

лил старых работников... Все ставропольцы бесшабашные, пьянствуют, устраивают скандалы и гордо заявляют: «Мы никого не боимся, у нас свой ставрополец»... Харченко за счет Окрисполкома вымостил мостовую возле своей квартиры, а город утопает в грязи.

Приводились и факты «бытового разложения». Доминировала тема: «Вино и женщины». Так, сообщали, что

зав. общим отделом Оркома ВКП(б) Анненков никогда не бывает трезвым, и обыватели города при встрече с пьяным говорят: «Пьян, как Анненков». Секретарь Оркома ВЛКСМ Ромашин... в доме отдыха учинил драку из-за проститутки Вострухиной и едва унес ноги от избиения со стороны комсомольцев... Управляющий трестом член ВКП(б) Грачев женился на известной миллеровской проститутке... и теперь с молодой женой совершает свадебные поездки, бросив на произвол судьбы трест...

Авторы письма считали, что «для разоблачения донецких преступлений необходимо выехать московским работникам, так как все преступления безусловно хитро замаскировываются преступниками». При этом анонимщики выразили обычное для того времени сомнение, что «Миллеровская Дымовка когда-либо будет разоблачена»[1].

Бесполезно гадать, сколько в подобных анонимках было правды, а сколько вымысла, хотя документы иного рода подтверждают повальную склонность назначенцев к «вину и женщинам»[2]. Стоит, однако, обратить внимание, что именно в конце 1920-х гг. чекисты «вдруг» обнаруживали длительно существовавшие контрреволюционные организации[3]. О том, что «бывшие контрреволюционеры хорошо устраиваются, а члены партии остаются без работы», 9 сентября 1926 г. жаловался Сталину некий Егорлин, член партии с 1905 г. Он уверял, что партийцам не дают работы потому, что «они любят правду и тем неудобны начальству»[4].

Возможно, так и было. Местное руководство дробилось на противоборствующие кланы, которые не брезговали ничем для дискредитации своих соперников перед центром. В этих условиях жупел «белогвардейца» был весьма популярен. В Северо-Кавказской партийной организации обнаруживались народные судьи с высшим образованием, отметившиеся добровольной службой у Деникина, и замеченные, ко всему, в пьянстве и «дебоше со стрельбой среди кре-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 91–92.

[2] *Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 77–78.

[3] К примеру, в Полтавском округе с 1926 г. действовал повстанческий «Союз освобождения России», возглавляемый офицерами и помещиками. См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1523.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 131.

стьянства»; «эсеры-белогвардейцы», призванные теперь вершить революционное правосудие, и также злоупотребляющие спиртным[1]. Были учителя, активно работавшие у белых; служащие из крестьян, добровольно вступившие в белую армию; замечен даже крестьянин-коммунист, занимавшийся знахарством[2]. Коммунисты из рабочих и крестьян вели себя не лучше. В 1925 г. одних из них исключали из партии, других тут же восстанавливали. Власть, грезящая о стабилизации, нуждалась в элементарно грамотных людях, а потому терпела заведомых подонков и «разложившихся» людей.

Некоторые кланы настолько укрепились, что борьба с ними на местном уровне становилась невозможной. Ветеран Гражданской войны Н.А. Шкартейкин так объяснял причины своего выхода из партии:

> ...Благодаря своему прямому характеру и бичеванию в глаза некоторых подхалимов и подлизников к начальству вылезть из должностей счетовода бухгалтерии никак не могу...[3]

Иные левые попутчики большевиков пребывали в изумлении. Анархист Н. Доскаль летом 1926 г. признавался, что хотел бы уехать из СССР,

> где строят государство и на одном троне бывшего Николашки восседает сотня, а то и тысяча таких николашек, которые под всевозможными красивыми лозунгами и красивыми фразами творят безобразия[4].

Анархисты, а еще больше анархиствующие, сыгравшие выдающуюся роль в революции, оказывались особенно «неудобным» элементом «стабилизирующегося» социетального пространства. Из Симбирской губернии сообщали, что «из всех антисоветских групп активнее всего проявляют себя анархисты». 7 ноября 1924 г. они даже выпустили прокламацию «Клич к рабочим гор. Ульяновска»[5]. Но влияние их падало. Пытаясь сохранить его, они приняли активное участие в организованной властями кампании в защиту американских анархистов Н. Сакко и Б. Ванцетти. Московские анархисты взялись создавать нелегальные организации[6]. С нижегородскими

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 13. Л. 87, 92.

[2] Там же. Л. 136, 87.

[3] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 234.

[4] *Сапон В.П.* «Так умирали цветы анархизма...» (о секретной поездке Николая Доскаля-Эссирного в Нижегородскую губернию в 1926 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 3. С. 50.

[5] *Лютов Л.Н.* Указ. соч. С. 67.

[6] В данном случае трудно сказать, существовали они в действительности или были плодом воображения самих анархистов, материализованным в донесениях «бдительных» чекистов. См.: *Рублев Д.И.* Указ. соч. С. 156.

анархистами-мистиками власть «разобралась» в 1930 г.[1] Но в целом анархистов терпели, как терпят блаженных: в 1931 г. по настоянию зарубежных деятелей культуры и М. Горького был освобожден арестованный в 1929 г. известный анархист Ф. Гецци[2]; отдельные их представители продержались до середины 1930-х гг.[3]

Анархистские обвинения отнюдь не выглядели предвзятыми[4]. Последователи Бакунина, Кропоткина и Махно, как всегда, рвались в будущее, мало сообразуясь с действительностью[5]. В низах ситуация интерпретировалась более жестко. Некий М.Ф. Потко писал 15 мая 1925 г. Сталину, что во всех неурядицах

> ...виновато общество Каинов, Иудов, которые называются последователями Маркса для того, чтобы осмеять идею и получить серебряники... Если винить коммунистическое правительство, то в его последовательности старому, против которого боролись[6].

Процесс «перерождения» большевистских руководителей в значительной степени он был связан с формированием номенклатуры – класса наиболее подходящих для системы исполнителей. Как ни странно, одной из целей создания номенклатурной системы было желание избавиться от случайных людей и авантюристов. С помощью преданных центру «назначенцев» пытались также побороть бюрократизм – прием известный на Руси с незапамятных времен. Однако главным критерием «подбора и расстановки кадров» стала нерассуждающая преданность партии. Она и выродилась в готовность выполнить любое приказание ведомственного начальства[7]. Этот тип ру-

---

[1] Один из них получил 5 лет «Соловков», еще трое – по пять лет лагерей, несколько человек было сослано, некоторых «раскаявшихся» освободили из под стражи. См.: *Сапон В.П.* «Знакомые по мистике». С. 144.

[2] *Должанская Л.А.* «Я был и остался анархистом». Судьба Франческо Гецци (по материалам следственного дела) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. СПб., 2005. С. 245–246; *Дамье В.В.* Забытый Интернационал: Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1. М., 2007. С. 267, 732.

[3] *Рублев Д.И.* Указ. соч. С. 159–160; *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 33–34.

[4] Универсалисты оправдывали большевистский режим как «переходный». См.: *Чернов Д.И.* Указ. соч. С. 11–13.

[5] Московские анархисты обосновались в «столовой анархо-универсалистов (индивидуалистов)» на Тверской, где их кормили со скидкой (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 214). В.Л. Гордин, идеологически разошедшийся со своим братом, сочинял утопии на особом языке (что сближало его с В. Хлебниковым). Среди них: «План человечества» и «Выведение из всех тупиков-разрух, или путь к бессмертию». Его идеалом была «человекоизобретальня» – «культурное единение людей, отвергающих религию, науку и искусство».

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 243.

[7] См.: *Богословская М.В.* Образ идеального представителя советской государственной элиты: начальный этап формирования // The Soviet and Post-Soviet Review. 2008. Vol. 35. No. 2. P. 141–162.

ководителя был антиподом еще не забытого «агитатора и бунтаря». Недаром нижегородские коммунисты в мае 1921 г. жаловались, что «назначенцы» занимаются «систематическим изничтожением демократии и единства»[1]. Чехословацкий дипломат Й. Гирса видел в тогдашних назначенцах «привилегированную касту вынянченных людей», утративших «подлинно коммунистические нравственные принципы» и зараженных «буржуазным образом жизни»[2]. В 1929 г. это отразил сатирический журнал «Крокодил», поместивший стишок о социальной магии «партбилета»[3].

В 1920-е гг. обнаружился целый слой граждан, приискивающих должности в расчете на свои былые заслуги. В инстанции поступали такие, к примеру, послания:

> Имею умственное развитие ничего себе, словом, могу разбираться тем или другим вопросом и учитывать положение вещей, словом, имею практику вообще в жизни как это требуется для коммуниста[4].

При этом некоторые не стеснялись заявить, что хотят «поработать работой... губернского масштаба», а не стоять у прилавка. Один бывший полковой лекарь полагал, что «несомненную пользу... мог бы принести в работе таможни или Совнархозе»[5].

Парадоксально, но коммунистическим вождям казалось, что привлечение «настоящих» большевиков в государственные органы поможет избавиться от бюрократизма, – и это несмотря на то что даже ЦК партии, собиравший «ворохи бумаг», по выражению Рязанова, «не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается»[6]. В ноябре 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) председатель ЦК Совторгслужащих Ю.П. Фигатнер, имевший за плечами карьеру подпольщика, затем ревкомовца, а позднее отметившийся в «академическом деле», уверял, что в аппарате наркомата финансов бывшие дворяне и купцы составляли 28,5 % численности сотрудников[7]. Л. Каганович в январе 1927 г. на заседании Оргбюро ЦК уверенно заявлял:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 53. Л. 109.

[2] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 247.

[3] «Словно раки па мели / без тебя мы будем. / Без билета мы нули, / а с билетом люди». Цит. по: *Brovkin V.* Op. cit. P. 41.

[4] *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 231.

[5] Там же. С. 230–231.

[6] Известия ЦК РКП(б). 1923. № 51. С. 59.

[7] *Киселева Е.Л.* Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2009. № 4. С. 63. Примечательно, что среди «профессиональных» революционеров находились люди, искреннее сочувствующие «бывшим». См.: *Скрябина Е.А.* Указ. соч. С. 64–65.

У нас много прекрасных партийцев... бывших командиров Красной армии... А та сволочь, которая сидит в госаппарате, она зубами держится за место. Наших работников туда не пускают. Продвинуть партийца, который прошел огонь и воду гражданской войны... вот основная задача[1].

Творцу номенклатуры словно было невдомек, что попытки продвинуть партийцев на место спецов резко обострят неприятие «невежественных» коммунистов, а в конечном итоге обернутся дальнейшим «обюрокрачиванием» системы. В ноябре 1927 г. в Москве в ходе «троцкистской» демонстрации в честь революции старые большевики, пытавшиеся противостоять оппозиционерам, удостаивались плевков[2]. Социальное пространство стратифицировалось по мере «соблазнов власти». Ф. Гладков в «Цементе» устами старого рабочего обличал не только предателей-спецов, но и советских бюрократов, засевших в кабинетах с табличкой на дверях «Без доклада не входить». Процесс обюрокрачивания системы форсировался тем, что коммунистические руководители испытывали давление нэпманов – те всячески пытались «договориться»[3].

Еще одной синекурой для «уставших» коммунистов становились профсоюзы. Сложилась даже поговорка: «Профсоюзы – кладбище партийных работников»[4]. Не случайно так называемая оппозиция подчеркивала: расходы партаппарата составляют 120 млн, а профаппарата – 250–300 млн руб.[5] Извращенная материализация идеи «диктатуры пролетариата» обходилась непомерно дорого. Бюрократия, попросту говоря, съедала большую часть налоговых поступлений в бюджет. Сатирическая печать шутила: спекулянта неловко спрашивать, сколько он «наживает», а совбура – сколько он «проживает»[6]. Публиковались «былины» о бесполезности сражений «Фабзавкома Профсоюзовича» с «Циркуляром Волокитывичем»[7].

В среде профбюрократии не обходилось и без обыкновенного воровства: 1926 г. в Москве состоялся показательный процесс над А.С. Стрекачем (журналисты назвали дело соответственно: «стрекачи»), присвоившего около 20 тыс. руб. профвзносов и отправившегося на курорт[8]. Нельзя сказать, чтобы острота ситуации не ощущалась

---

[1] Цит. по: *Пашин В.П.* Указ. соч. Р. 185.

[2] *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 90.

[3] *Демчик Е.В.* Указ. соч. С. 166.

[4] Там же. С. 181.

[5] *Гусев А.В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 88.

[6] Красный смех (Астрахань). 1922. № 2. С. 9.

[7] Бузотер. 1924. № 3. Декабрь. С. 2.

[8] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 146.

в верхах. В августе 1926 г. Сталин советовался с Молотовым относительно создания «"институтов" профактива», призванных облегчить «выдвижение новых людей, и приближение профсоюзов к производству и вообще оживление профсоюзов»[1]. Вероятно, предполагалось, что «актив», включающий беспартийных, сможет сократить расходы на профбюрократию. Результатов, однако, не было заметно. Сатирический журнал поместил рисунок, изображающий «VIII Всесоюзный ремонт Дворца труда». Подпись гласила: «Снаружи много рабочих, но внутри еще немало чиновников»[2]. Позднее появилась другая карикатура: этот человек обеспечен работой в нашей редакции на всю жизнь – он пишет исключительно о бюрократизме[3].

Не удивительно, что при таком положении дел стихийные забастовки порой возникали не только без участия сервильных профсоюзов, но и вопреки им[4]. Отсюда и довольно экзотические предложения по оживлению профсоюзов. Так, анархисты-синдикалисты, раздраженные тем, что большевики защищают интересы только взрослых рабочих, предлагали создать особые юношеские профсоюзы[5]. В 1927 г. оппозиционер Первушин распространял в Нижегородской губернии листовку, в которой говорилось:

> Протекционизм, взяточничество, растраты стали обыденным явлением в жизни партии, профсоюзов и хозяйственников. Появляются советско-партийные, профессиональные чиновники, совершенно оторванные от класса, из которого они вышли, превращающиеся в касту со своими собственными интересами, главным из которых является материальное положение[6].

В сентябре 1928 г. призыв к объединению левокоммунистической оппозиции прозвучал в обращении к «товарищам Троцкому, Сапронову и всей большевистской ссылке», с которым выступила группа сосланных в Термез оппозиционеров-рабочих. Они писали:

> Термидор торжествует свою полную победу... Все мы прекрасно знаем, что рабочий класс у власти уже не стоит, а эксплуатация существует... что сейчас господствует партийная, профсоюзная и советская бюрократия совместно с устряловскими спецами...[7]

В 1930 г. Г.В. Чичерин, основываясь на опыте собственной работы в НКИДе, писал, что «с 1929 г. были открыты шлюзы для всякой демагогии и всякого хулиганства», создалась атмосфера, когда не

---

[1] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 81.

[2] Чудак. 1928. № 1. С. 3.

[3] Чудак. 1929. № 22. С. 3.

[4] *Борисова Л.В.* Профсоюзы и власть в России. С. 203–204, 219.

[5] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 84.

[6] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 39–40.

[7] Цит. по: *Гусев А.В.* Указ. соч. С. 99.

нужно работать, нужно бороться против «правого уклона» в «море склоки подсиживаний, доносов». Он называл это «диктатурой языкочешущих над работающими»[1]. На таком фоне не случайно зазвучали лебединые песни об «идеальной» партии. В 1930 г. в листовках писали, что

> ВКП, прежде славная большевистская партия, теперь превратилась в партию... правящей бюрократии. Сталинская верхушка через своих выдрессированных активистов заправляет всей партией. Лучшие партийцы рабочие все чаще попадают в ряды так называемых «бузотеров» и «несознательных». Остальная масса – пассивная, шкурническая, рада голоснуть за все, что прикажут верхи[2].

Эту листовку сочинили вовсе не «троцкисты». В ее тексте отчетливо звучали антитроцкистские ноты.

Сложившееся положение было связано не только с пресловутым «огосударствлением» профсоюзов. Для многих руководителей командная этика Гражданской войны оставалась своего рода эталоном управленческих взаимоотношений. Так, член партии Пашинин, секретарь Дорпрофсоюза Среднеазиатских железных дорог, 3 декабря 1925 г. убежденно поучал «верхи» из Полторацка: всякая диктатура порождает гражданскую войну, а нынешние вожди утверждают, что «господство большинства над меньшинством может обойтись без гражданской войны». Опыт показывает, что это не так, доказывал он[3]. Такой профсоюзный деятель заведомо готов был «воевать» с людьми, чьи интересы был призван защищать.

Известно, что настоящие испытания для революционера начинаются после победы революции: природных бунтарей «заносит», как только они оказываются на месте тех, кого они ниспровергали. «Медные трубы» – сложнейшее испытание для всякого человека. Для маргиналов и диссипативных элементов – вдвойне. Теперь это обнаруживалось слишком заметно: фигуры былых подпольщиков высвечивались сплетнями и бытовыми пересудами.

Релевантный ряд людей, исключенных из партии за проступки «этического характера» в 1922 г. выглядел так: за склоку, за карьеризм-бюрократизм, за пьянство, за нарушение партийной дисциплины, за соблюдение религиозных обрядов[4]. В центральных российских губерниях лидировало пьянство[5].

---

[1] «Диктатура языкочешущих над работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 6. С. 107.

[2] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 580.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 11.

[4] *Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 257.

[5] См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12.

В партийном руководстве отреагировали на происходящее рассылкой циркулярного письма «О борьбе с излишествами и преступным использованием служебного положения членами партии». К числу излишеств относили собственные выезды со скаковыми лошадьми, игру на скачках, чрезмерные расходы в ресторанах, азартные игры, роскошно обставленные квартиры. Считалось, что подобные деяния ведут к отдалению партийных руководителей от масс[1].

У рядовых членов партии находились свои причины для «непартийных» поступков. Так, в 1925 г. кондуктор трамвайного парка при пассажирах заявил, что после 6 лет германского плена понял, что «плен не в Германии, а здесь». Этот человек был исключен из партии. К начальству такие наказания применялись реже. Одного «профбосса», обвиненного «в ночном кутеже с девицами и катании на моторе» (совсем как у Ильфа и Петрова), перевели на менее ответственную работу и исключили из партии на полгода. На следующий год он отметился «шикарными выездами на рысистой лошади» за счет треста. Теперь он отделался строгим выговором с предупреждением. Примечательно, что защищали его также «ответственные работники», намеренно не пригласившие на заседание коммунистов-рабочих[2].

Уже упоминавшийся Ермолай Просянкин писал: «Мы, рабочие, голодаем, нас зимой сокращают, выкидывают на улицы», тогда как спецы в Донбассе получают от 150 до 270 руб. в месяц, а профработники – по 150 руб.[3] Рабочие-коммунисты Замоскворечья заявляли, что считают «партийных аппаратчиков и чиновников» шкурниками[4]. В Астрахани в 1929 г. группа работниц (около 100 человек) направилась громить свой профсоюзный комитет[5]. Делегаты съезда крестьян Ольховской волости (Моршанский у. Тамбовской губ.) в ноябре 1924 г. жаловались Сталину, что на перевыборах инструктор уисполкома навязал свой список, в результате в местный Совет «не попал ни один крестьянин, все рабочие»[6]. Во время перевыборов в Дмитровском уезде (Московская губ.) крестьяне потребовали привлечения к суду районной администрации, скупающей изъятый у крестьян скот и имущество за бесценок[7]. В сводках ГПУ отмечалось, что свое недовольство сельхозналогом крестьяне переводят на политработников[8].

---

[1] Справочник партийного работника. М., 1924. Вып. 4. С. 277.

[2] Там же. С. 259.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 287–288.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 44.

[5] *Тюрин А.О.* «Даешь деньги – тогда будем работать». С. 54.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 6.

[7] Там же. Л. 24.

[8] Там же. Л. 27.

«Спецеедские» настроения особенно были сильны среди большевистских низов. П.В. Иванов, сын крестьянина Тверской губернии. 16 лет от роду в начале 1921 г. отправившийся в Красную армию добровольцем, в письме Сталину от 26 апреля 1926 г. возмущался тем, что при «режиме экономии» увеличиваются ставки для руководящих и технических работников; «рабочие умирают с голоду, а партийные работники получают громадные пенсии». Раздражали его также чествования «того или иного артиста или художника за 30–40-летие деятельности» – за что их превозносить, если «при царе рабочий не мог попасть в театр?» По его мнению, власть сама создавала «превратное представление о диктатуре пролетариата». В связи с этим «резкие нападки на оппозицию вызывают у рабочих сочувствие к ней»[1].

Механизмы оперативного реагирования на подобные сигналы снизу оказывались заблокированы. Орешкин, член партии, политрук 299-го полка, прибыв в отпуск в родную станицу, пришел в ужас. 15 мая 1925 г. он сообщал, что «настроение у людей упадочное из-за неурожаев и злоупотреблений начальства». Местная власть сформирована по принципу родства, милиция работает в контакте с конокрадами. «Разгильдяйству и жульничеству надо положить конец и положить сейчас же», – требовал он. Увы, в ответ на запрос из центра от критикуемых последовал стереотипный ответ: Орешкин исказил факты и вообще он «не член партии, а из кулаков»[2].

Сообщали и о бюрократической «показухе». Василий Никитин из Тамбова, по иронии судьбы проживающий на улице Карла Маркса, писал Калинину:

> Вы там, в центре, не знаете сотенной доли того, что делается на местах и что делается в деревне. Прошлый год, когда приехал на места тов. Молотов, он только успел открыть тысячную долю той болячки, что творится на месте... Иезуитское лицемерие среди партийных настолько развито, что они ежедневно посылают в центр сведения, что все на месте хорошо и спокойно...

Местные начальники, утверждал Никитин, создают «массу дутых дел, переарестовывают много невинных людей», стремясь задавить всякий протест. Выход ему виделся такой: «Надо глубоких ревизоров из центра, а не от губернии или отдельных властей...»[3] По его мнению, другого выхода не было. Снизу всякий раз казалось, что исправить положение можно только сверху.

«Тоска по ревизору» однажды обернулась трагикомичным случаем: агитпароход (то ли «Ленин», то ли «Зиновьев») встретила на берегу толпа баб «с лукошками яиц, крынками молока и с маслом».

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 271–271 об.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 247–251.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 278–278 об.

Оказалось, что пронесся слух, что едет «ревизорский пароход» – пострадавшие от местного начальства ждали «защитников» с привычными подношениями[1]. В условиях советского бытия сюжет комедии Гоголя, которую собирались играть ничего не подозревающие артисты, словно переворачивался с ног на голову.

Иной раз «правдолюбы» пытались разоблачить партийных очковтирателей. 26 января 1927 г. в Политбюро поступила пространная «докладная записка» от М.А. Ивановой из Керчи. Она доказывала, что «предсовнаркома Крыма Шер пускает пыль в глаза, заявляя, что сельхозналог поступает своевременно». В действительности население Крыма никогда еще «не жило такой убогой жизнью». Среди рабочих, писала она,

> недовольство на экономической почве чрезвычайно сильно. Среди них глубокая усталость от пустых фраз, безверие в дело социализма, сознание, что их обманули. ...Крестьянин гонит на базар последнюю корову, последних барашек, лишь бы вовремя уплатить сельхозналог... из боязни пени.

По ее мнению, нэп обернулся «небывалой эксплуатацией пролетариев». Но ей казалось, что именно в Керчи, вдали от столиц, «в корне была извращена политика Соввласти, держащей курс на крестьянина», только здесь к крестьянину относились «как к лицу, живущему от нетрудового источника дохода»[2]. О деревенской показухе сигнализировал крестьянин Я.С. Дьяченко (Донецкая губ., Артемовский у.), перебравшийся из родных мест на солерудник им. К. Либкнехта. Он упрекал «всесоюзного старосту», что тот «не знает деревни», где процветает взятка, а «сила прогрессирует лучше даже, чем в старое время», и повсюду «показуха, очковтирательство, назначенчество»[3].

Так возрождалась традиционная ситуация: дурные местные начальники, которым может противостоять только «всевидящая» центральная власть.

Тому же Калинину (а затем и Сталину) иной раз приходилось читать совсем «простые» анонимные послания. Некий «Труженик» упрекал «старосту председателя ВЦИК»:

> Наверно, ты забыл, как физически работают, как в производстве, так и в крестьянстве... Наши лидеры женятся каждый день... потому, что пьют чужую кровь... Москву теперь переименовали в Бердичев, потому что все жиды переехали в Москву... Во всех учреждениях сидят жиды... Михаил Иванович, напишите в газетах, чтобы СНХ сделал

---

[1] *Варшер Т.С.* Виденное и пережитое (В Советской России). Берлин, 1923. С. 42.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 94–98. В это же время о ненормальной обстановке в Крыму сообщали и другие корреспонденты. См.: *Wellmann V.* Op. cit. S. 103.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 61–61 об.

жидам выговор за растрату государственных средств на свои нужды... От этой власти подохнуть бы поскорей.

Кем бы ни был сей «труженик», он твердо «знал», какой должна быть «своя» власть. А потому его возмущало и то, что «праздники все отняли...», а «у начальства тем временем отпуск 1–2 месяца на курортах»[1]. В сущности, он изъяснялся стереотипными представлениями. К концу 1920-х гг. рабочие четко противопоставляли себя «сытым» – коммунистам и профсоюзным работникам[2].

Порой невозможно было понять, где расхитители и растратчики, а где их жертвы. Коммунист С.Т. Самуилов из Брянска, «помощник инспектора косналогов Брянского ГФО при Брянском спирскладе» (похоже на синекуру), 23 сентября 1926 г. жаловался наверх: «Я томился 46 суток в КПЗ в стенах одиночки без всякой вины...», будучи арестованным «за мнимую растрату». «Трое работников регулярно крали из ящика по 2–3 бутылки водки, а на их место ставили битую посуду»[3] – разоблачение этой нехитрой манипуляции вышло ему боком. Попытки внедрения тотального «учета и контроля» давали неожиданные плоды в виде «регламентированной» растащиловки.

Иной раз бюрократическая система принимала абсурдные воплощения. 26-летний Г.А. Елшин, бедняк из Кунгурского округа (Уральская обл.), 29 августа 1926 г. сообщал, что ему пришла посылка от свояка из Америки «на сумму 150–200 руб., на нее наложена пошлина в размере 588 р. 02 коп., с акцизами – 624 р.61 коп.» «У меня все хозяйство стоит не дороже 250 руб.», – уверял он. По его словам, возникла ситуация, когда

> кричать во весь голос, стучать во все Московские двери заставляет не цель наживы, а тот народный враг, который часто приводит целое человечество к самым злостным преступлениям, это голод, который в моей семье уже давно забрался.

Ответ был стандартным: ходатайство не может быть удовлетворено – таков закон[4]. Но закона, умножающего «несправедливость», традиционное сознание не признавало.

На перевыборном собрании в с. Денисковичи (Злынская вол. Новозыбковского у.) была предложена резолюция против диктата «товарищей из высших органов». В ней говорилось, что «со своим не вполне доразвитым умом крестьянин» не знает, кому верить: местным или высшим начальникам. «Товарищи начальники, коммунисты, когда

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 39–40 об.

[2] *Тюрин А.О.* «Даешь деньги – тогда будем работать». С. 54.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 65.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 75, 79. Мемуарист отмечает, что высокие пошлины на заграничные посылки устанавливались намеренно, чтобы приостановить поток вспомоществований. См.: *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 215.

будет конец говорильне... – отмечалось в резолюции. – Клеймим позором слепую партийность, класс может жить без партийной организации... Дело крестьян должно быть делом самих крестьян. Да здравствует соединение крестьян с рабочими без опеки»[1].

Писем во власть со стороны отчаявшихся людей становилось все больше. П.И. Орлов, бывший учитель, а ныне шахтер (что примечательно) 1 сентября 1926 г. писал Калинину:

> ...Поистине... пропасть зияет между завоеваниями революции и обстановкой на местах... Все крестьянство недовольно земельной политикой Соввласти... Где же та масса свободных земель, кои должны были перейти до рук трудящихся после Октября? Знаем, что они находятся под совхозами, показательными хозяйствами, кои работают только на убыток государству, получая в то же время бешеные кредиты... Что касается проведения революционной законности на местах, то здесь... никуда не годится дело... Цари и владыки наших дней стоят выше всяких законов... Попав в ряды партии только из-за своих шкурнических интересов, всякий коммунист на теплом местечке начинает жить в свое удовольствие, кассу соответствующего учреждения делая пустой, а дебошам, пьянству, хулиганству и конца нет...[2]

Высказался Орлов и о режиме экономии: «Экономить на местах у нас некому – заправилы наши большей частью бесхозяйственники»[3].

В середине 1920-х гг. рабочие заявляли, что в «партии все шкурники», которые не способны отстаивать их интересы[4], к концу 1920-х гг. они, похоже, утвердились во мнении, что их власть попросту не умеет управлять. «Нужно брать за шиворот хозяина округа – окрисполком, иначе ничего не изменится»[5], – говорили, согласно информации ГПУ, рабочие Кургана.

Многие связывали возрождение бюрократии с чисто бытовыми факторами. Плотник М.А. Минаев (Лодейнопольский у. Ленинградской обл.) в октябре 1926 г. обращался наверх с такими словами: «Товарищи, Вы, наверно, забыли все свои пути и забыли, что нужно угнетателей долой». По его представлениям, Ленин многое сделал в этом направлении, но всего не успел. Теперь же «многие коммунары поженились на купеческих дочках, на интеллигентках, всюду сроднились, утроили прочные союзы, и в союзы вся эта свора входит». Он считал, что они «эксплуатируют всю деревню» так же, «как во времена Екатерины Великой», – всюду громадное количество волостных

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 56–57.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 249–250.

[3] Там же. Л. 250 об.

[4] История Отечества. Люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 201.

[5] *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 145.

Советов и «разных там писцов». Мелкий начальник, прослуживший год, «уже такого дурака корчит, что не подходи и не говори». По его мнению, «это не коммунары, а изменники бедняков и лакеи дворян и всей бывшей своры»[1].

Поражает ярость, с какой рядовые партийцы (особенно женщины) набрасывались на проштрафившихся начальников. В августе 1922 г. коммунисты фабрики «Красная роза» рассматривали вопрос о замене несостоятельного «красного директора» Матвеева. Среди прочего в адрес последнего было заявлено о его «грубости и дерзости», «нетерпимости, хотя и в скрытой форме, к евреям», что он «шкурник, а не коммунист и что благодаря его ухваткам уж одна женщина сошла с ума...», что весь он «состоит из одних только пакостей и вся его работа только в интригах, ссорах и склоках»[2]. О других начальниках говорили: «...Директор наш красный, раньше он сам жил в работниках, сейчас сам имеет работников, а жена его только и знает за город прокатиться на машине... а в довоенное время сама жила в прислугах...»[3]

Спектр реальных и мнимых прегрешений коммунистического начальства мог быть бесконечным. Из Дрезны (Московская губ.) Сталину доносили, что августе 1923 г. «на торфоразработках представитель администрации Н.В. Кочетков устроил попойку, на которой заставлял петь частушки, оскорбляющие Ленина и Троцкого» («Едет Ленин на свинье, Троцкий на собаке...»). К этому добавляли, что «коммунисты пьянствуют, бьют рабочих по морде»[4]. Рабочий А.И. Волков (Таганрогский завод «Красный котельщик» им. тов. Смирнова) 30 октября 1926 г. писал, что «наши директора замюрмерилизились (от универмага б. «Мюр и Мерилиз», вновь открывшегося в 1922 г. – *В.Б.*)», а потому следует «сократить до минимума административно-хозяйственные должности». Через несколько дней Н. Костяков из Москвы заявил, что «с чувством горечи приходится констатировать правоту оппозиции по поводу нашего партаппарата»[5]. Другой пылкий обличитель бюрократов Мухартин из Балахны (Нижегородская губ.) 3 октября 1926 г. писал:

> Под руководством Великого человека В.И. Ленина создана мощная организация в России, осуществившая Пролетарскую Власть Советов, как мировой перл!
>
> ...Наследство дано Вам слишком громадное с открытыми горизонтами на всех точках земного шара – работайте!

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 124.

[2] *Тяжельникова В.С.* Указ. соч. С. 119.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 4.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 141–143.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 41, 60.

Умирая бессознательно, Великий Гражданин В.И. Ленин не мог Вам передать свое последнее желание, но оно в жизненных трудах его есть: только вы, низкие и мелкие людишки, этого великого закона не хотели заметить, как эгоисты!

Стыдно!!!

Преступно!!!

Вожделенность ваша, как грязная пена на зеркальной воде, слишком очевидна – это стремление к первенству.

Резюме было таким: «после отлета Орла – царские хоромы заняли вороны». В повторном письме он интересовался, принято ли его предложение «об организации Союза реалистов-коммунистов». В действенность нынешней пропаганды он не верил: «Ленинские уголки, произведения мыслителей на бумаге – это те же молитвы и псалмы, не избавляющие человечество от страданий...»[1] К этому присовокуплялись стихи собственного сочинения.

От иных «правдолюбцев» отмахнуться было сложно. 18 февраля 1925 г. Каганович разослал всем членам Политбюро 7-страничное сочинение И. Веселова из Ванюховского района (Костромская губ.), названное «Мысли крестьянина». По мнению автора, заветы Маркса и Ленина остаются на бумаге, «местная Кологривская партийная организация не живет коммуной», партработники проживают в отдельных квартирах, как «бывшие чиновники и прочий класс эксплуататоров». «Под звуки похоронного марша о павших бойцах нынешние коммунисты стали устраиваться потеплее», – сообщал он. Поэтому нужно «сбросить бюрократизм и работать на пользу масс, меньше заботясь о своем "Я"». Вероятно, больше всего обеспокоил номенклатуру «клич беспартийного крестьянина»: «Крестьянская молодежь, проснитесь! Ни на кого не надейтесь – ни на Бога, ни на барина». Автор призывал «всем идти на выборы и выбрать людей достойных»[2].

Веселов был бедным крестьянином из деревни с маловдохновляющим названием Занюх, окончившим сельскохозяйственное училище в г. Чухломе. После революции работал в Макарьевском УЗУ, заведовал совхозом. Партийные доктринеры подсказывали, что деревня, в которой проживал Веселов, «в основном зажиточная и имеет ясно враждебный Советской власти элемент», среди них участники Кологривского восстания 1918 г. Сообщали, что Веселов попытался осуществить передел земли с переходом на четырехполье. Его брат, по слухам, активный эсер, принимавший участие в восстании, теперь работает где-то в Сибири. Сам Веселов в антисоветской работе замечен не был, напротив, после публичного изложения своих «Мыслей»

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 181–181 об., 186.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 58–60.

он добивался рекомендации в РКП(б)[1]. В общем, благонадежный крестьянин предлагал то, что стало не приемлемым для бюрократии. В унисон ему некий И.В. Гришкин в записке под названием «Три кожи с крестьян» заявлял, что политработники «говорят одно, пишут другое, а делают третье»[2].

Впрочем, о подобных явлениях все знали. В апреле 1928 г. «Крокодил» поместил карикатуру: лектор с характерной внешностью сообщает, что сегодня он с уверенностью может сказать, что «бюрократизм, подхалимство и прочие недостатки аппарата» изжиты. Все это произносится на фоне календаря, показывающего 1-е апреля.

Сказанное бледнеет на фоне антисемитской разнузданности мелких начальников, особенно в черте оседлости. Один из них заявлял, что «всех жидов надо резать». В Подольском округе, где украинцы и поляки издавна враждовали с евреями, местные руководители развернули антисемитскую агитацию в связи с тем, что в доме выселенного священника разместился сельсовет – дело едва не дошло до погрома. В Дубоссарах бывший председатель комитета незаможников уверял, что был свидетелем употребления евреями христианской крови. В Белоруссии руководитель сельхозкооперации коммунист Цимбалов с трибуны заявил, что «евреи все обманщики». В Тульской губернии коммунист Трифонов распустил слух, что его ребенка задушили евреи с целью извлечения крови для мацы. В Крыму рабочий-коммунист с примечательной фамилией Лютый утверждал, что «жиды захватили власть в свои руки и вытесняют православных...»[3] В Хороле (Лубенский окр.) коммунист Грицько вел на базаре примечательные «разговоры на политическую тему»:

> Мы завоевали свободу не для себя, а для жидов, их всех нужно перебить, а то нашему брату из-за них житья нет. Тактика соввласти была правильной лишь во время жизни т. Ленина, а после его смерти жиды все прибрали к своим рукам и крутят нашим братом как хотят[4].

Не следует думать, что в массе населения юдофобия неуклонно прогрессировала, хотя партначальники среднего звена порой изумлялись, что ею заражены даже «прогрессивные» бедняки[5]. Крестьяне на Украине, привыкшие к хозяйственному взаимодействию с евреями-посредниками, порой искренне сочувствовали их нынешнему бедственному положению. Этнохозяйственная специализация всегда

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 74.

[2] Там же. Л. 67.

[3] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 343–345.

[4] Там же. С. 345.

[5] *Марчуков А.В.* Указ соч. С. 180. Порой они объясняли юдофобию тем, что евреи-поселенцы сами «подливают масла в огонь», хвастаясь, что государство им больше помогает, чем украинцам. См.: там же. С. 194.

порождает амбивалентные взаимопредставления у контагентов. Еврейский предприниматель, со своей стороны, жаловался, что «избирательного права ему не дают, детей в университет не принимают, в армии их ставят в тыл картофель чистить...»[1] Особенностью «патерналистской деспотии» является то, что различные группы населения пребывают в убеждении, что их «зажимают» за счет других, столь же обделенных социальных групп.

Вероятно, кое-где положительные сдвиги в сельском управлении все же происходили. Так, председатель сельсовета (Томский у.) Сутормин 10 февраля 1925 г. писал Кагановичу, что ранее «у нас в сельсовете... были работники, действовавшие в ущерб Соввласти, т. е. играли на руку кулацкого элемента и, совместно тесно сплотившись, душили бедняка и середняка». Они скрывали размеры посевных площадей у кулаков, брали взятки, председатель сельсовета «отбирал у граждан самогон и распивал его вместе с секретарем, благодаря чего пропили школу». Получалось, заключал он, что «районный аппарат не для населения, а население для него», теперь же положение исправилось[2]. Сходным образом М.М. Лашманов (Саранский у. Пензенской губ.) 18 февраля 1925 г. сообщал, что сельские начальники «у крестьян отбирают последнюю корову, последнюю овцу», крестьянин «снова валяется в ногах у совслужащих». Он заявлял, что желает «организовать крестьян края в Крестьянский Интернационал»[3].

В докладе Пензенского ГПУ Сталину и Кагановичу 28 февраля 1925 г. приводился ряд причин недовольства крестьян партбюрократией. В Краснослободском уезде на собрании крестьян с. Гулин коммунист Богданов говорил, что сельские Советы избраны неправильно – уездное начальство требует избирать в них только членов РКП и РЛКСМ. Центральная власть ничего не знает, там «живут себе в кабинетах». При этом Богданов «выразился нецензурно» в адрес одного военного начальника, «в кабинет которого без разрешения войти нельзя». Приводились также высказывания красноармейцев из крестьян Курской губернии от 1 апреля 1925 г.: «...Умрем, но не увидим братства и равенства народов на земле». Как бы ни называлось правительство, оно управляет народом посредством насилия – таков был смысл высказываний. Один красноармеец заявил, что не вступит в партию, так как не желает превратиться в «еще одного насильника над народом». 5 февраля 1925 г. в с. Уварово (Борисоглебский у. Тамбовской губ.) крестьяне обвиняли начальство в пьянстве, растрате казенных денег, грубом обращении. Впрочем, их бурное собрание

---

[1] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 130, 132.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 101–103.

[3] Там же. Л. 124.

закончилось в 12 ночи под пение «Интернационала». Нечто подобное произошло в другом селе, причем крестьяне потребовали, чтобы коммунисты были удалены из собрания. Повсеместно приветствовались «чистки» коммунистов. Отмечен был случай отказа члена волисполкома от должности в связи с нежеланием участвовать в насилиях власти[1]. В Орловской губернии в январе 1925 г. указывали на сходные явления: «председатель ВИКа оштрафовал одного гражданина на 100 руб., другого на 25 р.», в результате чего «оштрафованный вынужден был продать последнюю в его хозяйстве лошадь, но смог уплатить лишь половину штрафа». Некоторые рассуждали так: «Члены ВИКа имеют право пить до потери сознания, а если крестьяне выпьют, то они стараются штрафами разрушить хозяйство»[2].

В 1926 г. Президиум ЦИК и СНК принял постановление «О режиме экономии», в котором упоминались нарушения руководителей, связанные с покупкой квартир и мебели, «нерациональным» использованием служебного транспорта. Гонения на бюрократов давали кое-какие результаты. С.Г. Власов, бывший коммерческий ревизор из Харькова, 10 декабря 1927 г. обращался наверх с «покорнейшей просьбой рассмотреть его дело "задвиженца", увольнения которого добились оставшиеся на свободе лица, занимавшиеся хищениями и злоупотреблениями»[3]. Всего, по официальным сведениям, в первой половине 1927 г. из 16 926 коммунистов, представлявших 20 крупнейших парторганизаций, 4570 человек (27 %) обвинялись в злоупотреблении служебным положением, разбазаривании средств, бюрократизме и протекционизме. Партийных билетов лишились 1998 человек (43,7 %)[4]. Не похоже, чтобы такие строгости помогали. В 1928 г. «Крокодил» опубликовал карикатуру на бюрократов, лезущих наверх: «Только бы повыше взобраться, а там плевать на всех...»[5]

Образ «дурного начальника» обрастал все новыми деталями. 17 февраля 1925 г. П.И. Фролов, красноармеец, воевавший под Перекопом, сообщал, что был уволен из-за некоего Касаткина, который «при царском режиме бил рабочих палкой, он кулак и старый черносотенец, каждой девочке делает предложение, а если отказывает, угрожает расчетом»[6]. В руководстве «новой» культурой также обнаруживались колоритные типажи. В феврале 1923 г. Екатеринбургская комиссия РКП(б) рассматривала дело председателя мест-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 75–78.

[2] Там же. Л. 5.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 501. Л. 8.

[4] *Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 262.

[5] Крокодил. 1928. № 9. С. 1.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 20.

ного отдела Рабис Г.Я. Амурского. Будучи пьян, он «явился в общественную столовую потребкоммуны и принес с собой самогонки». На предложение удалиться угрожал револьвером. После этого «в одном доме разбил окно, произвел выстрел, ударил ночного сторожа», наконец, «в пьяном виде явился в ГПУ». Логику поведения Амурского понять трудно тем более, что он «ничего не помнил». Дебошира исключили из партии, сняли с должности, дело передали в суд. Однако скоро Амурский был откомандирован в Тамбов, где его собрались восстановить в РКП(б)[1]. Другой 32-летний руководитель Рабис'а на Урале К.Т. Щеглов, член партии с 1919 г., был замечен в пьянстве, «невыдержанности», а однажды совершил «неосторожное убийство арестованного». В партии его восстановили[2].

В 1926 г. в 9-тысячном Татарске (*Новосибирская обл.*) было выявлено около полусотни притонов, усердно посещаемых руководящими работниками. В Барабинском округе на открытом процессе помощник прокурора, начальник милиции и уголовного розыска обвинялись в «злоупотреблениях и дискредитации власти», покровительстве шинкарству и проституции, им инкриминировались «пьянство, кутежи, дебоши» с драками и стрельбой[3]. Похоже, что процесс никого не удивил и не исправил. В последующее десятилетие здесь был организован «детский публичный дом»[4].

1 декабря 1928 г. в Донском округе было обнаружено до 11 тыс. экземпляров прокламаций, направленных по почте по 4000 адресам. В них от имени «Российского союза тружеников "Солнце"» его «верховный руководитель» А. Константинов назначал на 12 декабря «вооруженное восстание всех станиц Юго-Востока России против коммунистических дармоедов». В обращении подчеркивалось, что организация «ни в коем случае не думает возвращать землю помещикам, фабрики капиталистам». Вряд ли «А. Константинов», будь он вменяемым человеком, рассчитывал на вооруженное восстание. Скорее всего, это была отчаянная попытка воздействовать на «дармоедов»[5].

Тема перерождения коммунистов и советской власти постоянно сопровождалась антисемитскими «обобщениями». В д. Никифорово (Куровская вол. Серпуховского у. Московской губ.) некий зажиточный крестьянин (названный чекистами «бывшим городовым») в феврале 1927 г. высказывался так:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 111; Д. 3. Л. 7.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 58.

[3] Правда. 1926. 22 июля. «Дебоши со стрельбой» непременно фигурировали в делах по «чисткам». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 115.

[4] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 557.

[5] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 660–662.

Все в руках жидов, нет чистокровных русских у власти, жиды сплотились и угнетают нас, а русские коммунисты им продались. Единственный выход из этой кабалы – это организация крестьянских масс в союз, который должен совершить переворот... Целью союза будет созыв Учредительного собрания[1].

Если верить донесениям ОГПУ, призывы выступить против Советской власти стали обычными. Осенью 1927 г. из Таганрога сообщали, что с наступлением темноты в районах, прилегающих к центру города, были разбросаны листовки. В них доказывалась несостоятельность большевистской политики – об этом свидетельствуют крестьянские восстания. Воззвание заканчивалось лозунгом: «Долой бездеятельность! Долой Советскую власть! Да здравствует грядущая новая Россия»!» Появились также плакаты: первый с лозунгом «Да здравствует грядущая война – освободительница России!». Второй провозглашал: «Да здравствует оппозиция, подрывающая мощь Советского правительства! Долой Советскую власть». В третьем плакате было заявлено, что «у коммунистической партии слова расходятся с делом: на словах социализм, на деле – красный капитализм и растратчики». Листовки писал один и тот же человек – предположительно интеллигент. Всего было изъято до 35 листовок[2].

В некоторых местах стихийно возвращалась «революционная» практика общения пролетариев с начальством. 8 августа 1925 г. на Анжерских копях вывезли на тачке заведующего шахтой техника Проскурова, обвиняя его в злостных обсчетах и обмерах, в грубости и мошенничестве. Проверка показала, что претензии рабочих необоснованны, хотя их материальное положение признали ужасающим. «Тачкисты» были «решительно осуждены»[3].

В сложившейся обстановке иные «правдолюбцы» попросту сходили с ума. А.И. Коншин, находясь под следствием в Москве, в октябре 1928 г. сообщал Сталину: «Согласно передаче антенн или гипнотического воздействия... получил указание, переданное от Вашего имени, относительно того, чтобы взять на себя заслугу перед СССР фактического донесения [на] моего квартирохозяина и коллег Ново-Покровского сахарного завода относительно контрреволюционного элемента»[4]. Для людей с неустойчивой психикой едва ли не все нэповское окружение казалось оборотнями.

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 201.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 17–18.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 744. Л. 59, 62–63.

[4] Самодеятельный обличитель разыскал «контру» в Киевской и Тамбовской губерниях. Среди злоумышленников был назван «сын дьячка, офицер, участвовал в боях против Красной армии, дезертир, провел махинациями покупку собственного дома». Нашлись и более колоритные враги: «бывший есаул петлюровской армии», а ныне

Недовольство начальством приняло тотальный характер. В начале 1930 г. ОГПУ сообщало, что в Ленинграде на заводе «Электросила» один из рабочих заявил на собрании:

> В Ленсовете сидят волки в овечьей шкуре. Ленсовет – буржуазное учреждение. Рабочего загнали в подвалы, а хорошие дома занимают ответработники и крупные торговцы.

Слава эти, по словам чекистов, была встречены «сочувственно»[1].

Попытки указать на «виновников» в лице спецов и «буржуазных инженеров» имели ограниченный успех[2]. В сущности власть сама провоцировала «политический бандитизм». За 9 месяцев 1925 г. было ликвидировано (убито, ранено, арестовано, расстреляно и т. п.) свыше 10 тыс. бандитов. Оставалось на свободе около 2,5 тыс. бандитов (194 банды)[3]. На местах иные большевики действовали как карателя в чужой непокорной стране. 30 июня 1926 г. наверх поступило следующее коллективное заявление:

> У нас в Амурской губернии крестьянин и рабочий от Советской администрации... стонет и гибнет... Коренная чистка из головы Амурской администрации необходима. Если бы Москва заинтересовалась нашим крестьянским бытом, то мы могли бы собрать много материала о незаконных и вредных действиях нашей амурской администрации... Наша крестьянская экономика с каждым днем все падает и дойдет до полного краха, если не перестанут бойкотировать старательных крестьян... В январе 1924 г. в двух бедных деревнях вспыхнуло восстание – но это оказалось не восстание, а на свадьбе пьяная «советская власть» сделала скандал... Были туда посланы с пулеметами карательные отряды, на ближайшие же станции посланы бронепоезда. Говорят, что над крестьянами тех деревень издевались, били, один из них сошел с ума и сделал в одном белье побег, отморозил себе руки, уши, ноги, осталась семья большая. Слышали, что крестьян судили, дали по нескольку лет тюрьмы[4].

«главное лицо культпросвета», который агитировал за самосуд над конокрадами и вместе с тем «занимался подбором биографий дворянства Украины». По слухам, этот петлюровец «всадил брату-коммунисту долото в спину из-за расхождения в политических взглядах». Обнаружился и шляхтич, который служил «комендантом г. Таращи при деникинской банде», а также старый учитель, который «занимался до революции перлюстрацией писем и грубо обращался с родителями и детьми». В Тамбовской губернии революционный параноик выявил крестьянина-середняка – в прошлом «бандита, совершавшего набеги». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 196.

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 80.

[2] См.: *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 117–118, 151–152.

[3] *Верт Н.* Указ. соч. С. 125.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 289. По информации ОГПУ, в Амурском округе крестьяне заявляли, что «в связи с налоговой кампанией вся деревня плачет, в тайгу укочевывать нужно, хоть опять бери в руки винтовку и иди защищаться... но уже не

Ответ Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) от 4 марта 1927 г. был примечателен: в упомянутых селах кулаки и заграничные контрреволюционеры распространяли листовки монархического содержания, а из Китая была переброшена банда Арестоулова. В настоящее время, уверяли местные руководители, «крестьяне настроены советски»[1]. В действительности белогвардейцев из-за кордона не поддержали даже амурские казаки, возмутившись тем, что те пытались увлечь их монархическими лозунгами[2].

Крестьянская масса готова была «понять» большевистскую власть – пусть по-своему. Некий Иван Белоус (с. Ново-Киевское Ново-Покровской вол. Орского у. Оренбургской губ. – явно из переселенцев) 15 ноября 1924 г. писал наверх, что из газеты «Беднота» понял, что партия готова создать актив из беспартийных. Этот шаг казался ему верным, «так как среди членов партии самохвальство, особое самомнение, опирающееся на привилегии правящего класса». Ранее он не верил «ни одной партии и не знал между ними разницы, ибо все хорошо писали... но все хотели меня эксплоатировать». В своем соседе-коммунисте он видел «не защитника Соввласти», а просто «элемента, желающего под общий шумок "подзаработать"... в связи с порученными ему конфискациями». Но он не хотел «из-за него бросить укор всей партии». Примечательно, однако, последнее замечание. Белоус сетовал, что «на общих сходах от коммунистов не услышишь живого слова»[3]. Похоже, крестьяне готовы были поддержать любого доктринера, заговори он «их» языком.

На низовом уровне обнаруживались свои враги. Астраханская многотиражка «Голос рабочего» указывала на «дочь белого офицера, который сейчас работает за границей», обвиняя ее в том, что она выдает рабочим некачественные инструменты. Считалось, что такого рода вредительство приводило к срыву производственных заданий[4]. Осталось только уверить, что отец непосредственно руководит «контрреволюционной» деятельностью дочери из-за границы.

Массы готовы были поверить во всевозможных «вредителей». Селькор Л.Н. Бондаренко из поселка Южный (Харьковский окр.) в 1928 г. писал в «Крестьянскую газету»:

как в 1924 году, на этот раз навсегда покончим с коммунистами, без них и Советской власти обойдемся». См.: «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 818.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 289.

[2] Авантюристы-оперпуты. Откровенное раскаяние. Шанхай, 1928. С. 15.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 59–61.

[4] *Тюрин А.О.* «Критики снизу» на предприятиях и организациях Нижневолжского региона во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2010. № 3. С. 59–60.

...Как будто какая-то темная сила задалась целью побольше внести в массу смуты, недовольства, скомпрометировать власть, направляя все усилия к экономической разрухе и к тому, чтобы внести в массы побольше озлобления, разврата, смуты и т. д. и таким образом дискредитировать и социализм, и революцию, и саму советскую власть...

Невольно приходится подозревать, что нас намеренно какая-то неведомая сила влечет к экономической разрухе, несмотря на оптимистические уверения о наших достижениях, от которых даже т. Сталина стошнило[1].

Действительно, на призыв: «Могучим ударом труда уничтожим оковы разрухи!» уместно было ответить словами героя М. Булгакова: «В головах у них разруха!» Человек, однако, склонен искать причины собственных неудач не в себе, а во «враждебном» окружении.

Конспирологические домыслы – обычный спутник смутных времен. Наверху об «антипартийных» настроениях низов было известно. Сталину, к примеру, поступило послание «от сослуживца по штабу Южфронта», напоминавшего, что он некогда был «лично награжден Тобою орденом Красного знамени за взятие города Орехова». «Сослуживец» сообщал, что в Ленинграде «затравлена вся ячейка пароходства». Сам же он,

будучи проездом в Москве, пытался зайти к тебе, но легче попасть в тюрьму, нежели к тебе... Разреши быть уверенным, что термидорианство и шарлатанство Тобою будут пресечены в корне[2].

Но надежды таяли. «Насильственное... построение социализма при посредстве малограмотных "чиновников", ищущих личной выгоды, не может осуществиться никогда; от уродов родятся только уроды»[3], – писали в «Крестьянскую газету». Осталось разобраться: кого считать уродом?

Иные законопослушные граждане подозревали, что власти «не доглядели» с вредителями вроде «шахтинцев» или «буржуазных националистов»[4]. Некоторые авторы считают, что к концу 1920-х гг. иллюзорные представления о «справедливости», которая может исходить только от высшей власти – единственной защитницы от произвола местных начальников, – уже сложились[5]. Возможно, это произошло раньше. «...В июле будет XVI съезд ВКП(б), – говорили красноармейцы. – Люди съедутся откормленные и одетые... Вся

---

[1] «Социализм – это рай на земле». С. 218–219.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 34.

[3] «Социализм – это рай на земле». С. 223.

[4] Голос народа. С. 220–222.

[5] См.: *Гребениченко С.Ф.* Факторы и этапы эволюции государственных притязаний к аграрно-промышленной сфере в 1920-е годы // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 1994. Т. 10. С. 63–65.

их деятельность будет заключаться в том, чтобы приветствовать Сталина»[1]. Последнее высказывание вряд ли стоит относить в разряд антисталинских. Скорее наоборот: налицо ненависть к партначальникам, успешно обхаживающих единственного вождя.

К концу десятилетия при общем снижении преступности выросло число должностных преступлений[2]. Не приходится сомневаться, что это было связано с «разложением» партийных рядов. В 1929 г. Н. Хвылевой в сатирико-фантастическом рассказе «Иван Иванович» живописал «образцового» коммунистического начальника, проживающего на улице Томаса Мора в «скромной» 4-комнатной квартире с женой, двумя детьми, гувернанткой и кухаркой. Его зарплата составляет «всего» 250 руб., не считая сверхурочных, суточных, гонораров. Он состоит членом ряда добровольных обществ, добросовестно несет многочисленные «общественные нагрузки», ненавидит не только интеллигентов-«дискуссионщиков», но и «аппаратчиков», к числу которых готов отнести даже Сталина. В порядке «классового единения» с прислугой он готов время от времени самолично выносить из дома бадейку с помоями. В его сознании коммунистическая утопия полностью выродилась в набор привычных ритуалов, а потому он никак не может понять, чем грядущий коммунизм может отличаться от нынешнего социализма. Поскольку в его мире нет места недовольству, он искренне недоумевает, почему в результате чистки ему пришлось «выйти из партии». Человеку, ведущему существование «коммунистического» рантье в силу «непреложных» законов истории, невозможно смириться с ролью козла отпущения, столь востребованной государственностью. В том же 1929 г. лектору Московского комитета ВКП(б) прислали записку: «Советская аристократия, ожиревшая за счет пота рабочих, передает свое право на ожирение». На деле российская власть всегда старалась бороться с не зависимой от нее «наследственностью».

Неудачи и страхи делали правящих доктринеров все более требовательными и безжалостными к собственной обслуге. В первой половине 1928 г. в пролетарскую среду была вброшена идея «самокритики» – предполагалось, что она направится против «бюрократов»[3].

---

[1] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 143.

[2] Так, в 1925 г. должностные преступления составили более 60 % всей преступности, в следующем году коррупция усилилась [*Епихин А.Ю., Мозохин О.Б.* ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007. С. 21–22]. В Средне-Волжской области за первое полугодие 1927 г. за преступления по должности было привлечено к ответственности 2118, а за второе полугодие 1928 г. – 2949 чел. Изрядную часть из них составляли коммунисты, занимавшиеся растратами и хищениями. См.: *Манькевич А.А.* Указ. соч. С. 50.

[3] Сталин убеждал, что нельзя двигаться вперед, «не борясь с бюрократизмом нашего партийного и советского аппарата» (*Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 100). Это была попытка отыскать дополнительные рычаги давления на аппарат.

Реакция оказалась своеобразной – заговорили о «зажиме самокритики» партначальниками[1]. В Москве в трамвайном депо им. Русакова заявили, что им «некого критиковать – администрацию они уже давно раскритиковали, а им хотелось бы критиковать кого-нибудь повыше, например политику партии в области хлебозаготовок»[2]. В 1930 г. в Нижегородской губернии рядовые коммунисты заявляли: «Чистка излишняя! Нужно чистить верхушки, а мы сами себя очистим»[3]. Трудно сказать, насколько распространены были подобные устремления, – большевики, как всегда, уверяли, что они исходят от «малосознательных» рабочих, «связанных с деревней». В декабре 1928 г. журнал «Чудак» поместил на обложке зевающего спросонья обывателя с партбилетом. Он испытывал беспокойство: «Сегодня самокритика, завтра чистка, а послезавтра – того и гляди пошлют мировую революцию делать...»[4]

Дело «Промпартии» породило немало кривотолков[5]. Хотя ОГПУ сообщало, что приговор, а затем и помилование приговоренных к расстрелу были одобрены «широкими массами рабочих», многие представители «гегемона» считали, что их снова надули: казалось странным, что из 2 тыс. арестованных к суду было привлечено только 8 человек[6]. Некоторые заявляли, что власти не прислушались к их расстрельным требованиям; другие утверждали, что помилование продиктовано боязнью испортить отношения с заграницей; третьи многозначино напоминали, что, в отличие от спецов, крестьян «расстреливали пачками»[7].

К концу десятилетия стало ясно, что полностью провалился план строительства Международного Красного стадиона в Москве на Во-

---

[1] Похоже, во время чисток обвинения в «зажиме» были лишь предлогом для избавления от неугодных. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 40. Л. 88а–89.

[2] Цит. по: *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 85.

[3] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 72.

[4] Чудак. 1928. № 1. С. 1. В продолжение этой темы позднее в журнале появилась карикатура: восначальник командует подчиненным: «На самокритику по порядку номеров рас-чи-тась!» См.: Чудак. 1929. № 8. С. 10.

[5] Это прослеживается даже по официальным сообщениям. См.: Известия. 1930. 25, 26, 27, 28 сентября.

[6] Существовала легенда, что один из главных обвиняемых – известный инженер-теплотехник Л.К. Рамзин избежал смертного приговора, задав риторический вопрос: «Что государству важнее, мой труп или мой труд?» Эти слова будто бы так понравились Сталину, что он приказал смертных приговоров не выносить (*Голицын С.* Указ. соч. С. 135). Скорее всего, процесс был задуман как акция устрашения, а не наказания: Рамзин был командирован в Берлин на теплотехнический конгресс и арестован лишь по возвращении из-за границы (*Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 169). Позднее он работал в «шарашках», затем был досрочно освобожден. В 1943 г. Рамзин получил Сталинскую премию, а после войны был награжден орденом Ленина.

[7] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1209–1210.

робьевых (к тому времени уже Ленинских) горах, заложенного еще в 1920 г. Всецело поддержанная Коминтерном и Спортинтерном идея обернулась разрастанием бюрократических и коммерческих организаций и тотальным разворовыванием собранных средств[1]. Картина была более чем символичной для большевистского нэпа.

Символично, что в 1930 г. в Ленинграде провалилась постановка пьесы Маяковского «Баня», посвященной борьбе с бюрократизмом. «Публика встречала пьесу с убийственной холодностью», – свидетельствовал Зощенко[2]. Рецензенты отмечали, что в реальной жизни бюрократы успели перекраситься[3]. На этом фоне пьеса разочаровывала.

19 марта 1930 г. в Борисове (Белоруссия) около завода «Домбаль» в день митинга протеста против «антисоветской травли» (таковые проводились по поводу всякого чиха за рубежом) была обнаружена листовка, в которой между прочим говорилось:

> ...Долой советскую власть, долой партию! Да здравствует король Римский, да здравствует Александр II, да здравствует Николай II, да здравствует Наполеон, да здравствует Екатерина I, долой советы Ленина![4]

Как видно, люди настолько одурели от большевистских экспериментов и показухи, что начинали нести несусветную «политическую» чушь.

6. «Контрреволюционеры» и оппозиционеры, троцкисты и евреи

В годы Гражданской войны большевики терпимо относились к своим социалистическим противникам: те помогали им в борьбе с белогвардейцами. Поворот к нэпу не мог не обернуться изменением отношения к меньшевикам и эсерам[5]. Теперь они стали мешать, хотя среди них появились «подаванцы» и «продаванцы» – так называли «раскаявшихся», подававших прошение о помиловании или обещавших прекратить антигосударственную деятельность[6].

---

[1] Уже в 1921 г. некоторые из «бывших», пристроившихся в комиссии по сооружению стадиона, отмечали, что это «гениальное дело» организовано «нелепо и смешно». См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 349.

[2] Альманах эстрады. Л., 1933. С. 7.

[3] *Катанян В.А.* Маяковский: хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 481.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 165.

[5] *Барышников Е.А.* ГПУ и оппозиционные партии после окончания Гражданской войны // Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. Власть и органы безопасности. М., 2004. С. 59.

[6] *Морозов К.Н., Морозова А.Ю.* Границы и трактовки предательства в партийном правосудии РСДРП и ПСР и субкультура российского революционера в первой трети XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2009. СПб., 2010. С. 108–109.

Еще 10 мая 1921 г. Ленин предложил Молотову разработать план «доликвидации» эсеров и меньшевиков[1]. 28 декабря 1921 г. с подачи Дзержинского было решено предать суду ЦК партии социалистов-революционеров[2]. В мае 1922 г. «железный Феликс» стал настаивать на внесении в Уголовный кодекс поправок о расширении практики расстрела по отношению к политическим противникам[3]. Следы подпольных организаций эсеров обнаруживались везде: на Украине, в Москве, на Урале[4]. Создавалось впечатление: либо они плодятся от избытка политических свобод, либо большевики попросту не могут существовать без привычных врагов. Вскоре последовали аресты, затем началась «чистка» от эсеров вузов. Появилась масса листовок и брошюр, в которых зарубежные адвокаты российских социалистов именовались контрреволюционными недобитками[5]. По Москве разъезжали автомобили с клоунами и Петрушками, поющими «разоблачительные» куплеты об их преступлениях. Велась киносъемка для демонстрации в московских кинотеатрах[6].

На процессе так называемых правых эсеров, названных «предателями революции», прозвучала жуткая формула: «Если требует революция, то можно свести на эшафот и собственную сестру. Если требует революция, то семейные отношения не существуют!»[7] Утопия становилась самоубийственной – сначала для социалистических оппонентов большевиков, затем всевозможных оппозиционеров, наконец, для части коммунистов, готовых к самопожертвованию в тоге

---

[1] Цит. по: Новое время. 2007. 5 ноября. № 39. С. 13. 23 августа 1920 г. в Москве было арестовано более 200 меньшевиков и эсеров. Никаких обвинений им не предъявлялось, судебные дела не возбуждались. «По-видимому, большевики просто хотели арестами расстроить общерусскую конференцию социал-демократов», – считал Ю. Мартов. Цит. по: *Урилов И.Х.* Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 376.

[2] В.И. Ленин и ВЧК. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 546. Большевики собирались использовать на процессе правых эсеров сменовеховцев Ю.В. Ключникова и Ю.Н. Потехина, но те отказались от сотрудничества, считая их приемы слишком грубыми и не желая разрыва с правыми кругами эмиграции. См.: *Квакин А.В.* Указ. соч. С. 138–139, 158–159.

[3] Среди них особо выделялись меньшевики и эсеры (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396). При этом допускалась замена приговора на демонстративную высылку за границу – деятельность российских социалистов связывалась с планами международной буржуазии. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398; Т. 45. С. 189, 190.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Л. 17–18.

[5] См.: *Вардин И.* Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. М., 1922; *Луначарский А.В.* Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922; *Платонов А.* Работа эсеров за границей. М., 1922; *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. М., 1922; и др.

[6] *Борисова Л.В.* «Мандат от имени рабочих...» С. 162.

[7] Цит. по: *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние. М., 2005. С. 470.

«врагов народа». Случалось, что на заводских митингах бывшие эсеры голосовали за большевистские резолюции против своих былых лидеров[1]. Сатирическая пресса навязывала образ эсера-террориста, для которого использование яда кураре – обычное дело[2]. Система настраивалась на выбраковку «ненадежных» вождей.

Параллельно «правоэсеровскому» процессу шла разработка системы тотального доносительства: по предложению Молотова на местах стали создаваться «Бюро содействия» ГПУ. Была разработана специальная анкета, призванная «распознавать» членов антисоветских партий. К августу 1922 г. Бюро содействия имелись уже в 45 центральных госучреждениях[3]. Считалось, что удобнее всего контрреволюционерам концентрироваться в кооперации[4].

Стремительное превращение революционной власти в полицейскую государственность вызвало некоторое смущение в большевистских верхах. В 1922 г. появилось обращение «22 коммунистов», среди которых были такие видные фигуры, как А.Г. Шляпников и А.М. Коллонтай. Руководство большевиков обвинялось в необоснованных репрессиях по отношению к инакомыслящим, включая былых соратников по борьбе с самодержавием. Одновременно указывалась на отрыв руководства партии от рядовых коммунистов, потакание карьеризму, интриганству и бюрократизму. Все это преподносилось в контексте возможного раскола партии[5].

Так называемые правые социалисты казались опасными, во-первых, потому, что рабочие и крестьяне могли видеть в них «своих», во-вторых, они были связаны со старыми большевиками подпольным прошлым. Для доктринеров, взявшихся навязывать стране собственную программу, такие «родственники» были не нужны. Кое-где действительно возникли угрожающие ситуации. Так, мариупольская партийная организация раскололась надвое: на заводских и городских членов. Первые уверяли, что вторые – на 90 % «выходцы из других партий»[6].

Тем не менее приговор «правым эсерам» в августе 1922 г. оказался скорее демонстративным, нежели свирепым: 3 человека было оправдано, 12 – приговорено к расстрелу, но с отсрочкой исполнения –

---

[1] *Борисова Л.В.* «Мандат от имени рабочих...» С. 164.

[2] Красный смех (Астрахань). 1922. № 2. С. 3.

[3] *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 63; *Борисова Л.В.* «Мандат от имени рабочих...» С. 157.

[4] Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 396.

[5] Правда. 1922. 7 марта.

[6] Поскольку силы сторон были примерно равны, возникла масштабная склока, где главным оружием стали доносы: с одной стороны, на «рабочую оппозицию», с другой – на любителей «пьянства и кутежей». См.: РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 4. Д. 81. Л. 49, 64–65, 118.

в зависимости от намерений руководства эсеровской партии[1]. Власть меняла свой революционно-наступательный имидж на образ защитницы, что импонировало традиционному сознанию. Результат не замедлил сказаться: к концу 1922 г. из 24 членов меньшевистского ЦК 10 человек вышли из партии[2], затем последовал организационный развал эсеров – как правых, так и левых. Уже в ноябре 1922 г. в сводке по Петроградской губернии отмечалось, что «ни эсеры, ни меньшевики популярностью среди рабочих не пользуются», а случаи прекращения работ «ничего общего с политическими забастовками не имеют»[3]. В мае 1923 г. один из чекистов просил отпустить его из органов безопасности «для работы в качестве рабочего на завод...» Просьбу он мотивировал тем, что эсеры и попы «опрокинуты надолго и всерьез», а отпор меньшевикам «стоит на пути к последнему разгрому»[4]. Однако для власти нужен был враг, готовый в нужный момент «проснуться», или «карманная» оппозиция. Как только в рядовых большевиках был замечен переизбыток ненависти к бывшим эсерам как «авантюристам, убийцам, взломщикам», ГПУ пришлось убеждать в «чистоте побуждений» этих перебежчиков[5].

Со временем жупел меньшевизма и бундовства стал любимым аргументом для «разоблачения» Троцкого и оппозиции[6]. В августе 1922 г. последовали предложения о закрытии Общества бывших ссыльных и каторжан – им будто бы заправляют люди, расходующие государственные средства «для явно контрреволюционных целей»[7]. В 1922 г. было закрыто Кооперативное издательское товарищество

---

[1] Процесс партии социалистов-революционеров. Речи государственных обвинителей. М., 1922. С. 243–244. Показательна история бывшего эсера Г.И. Семенова, которого большевики решили помиловать, несмотря на признание (или благодаря ему?) в том, что именно он был организатором покушения на Ленина (*Журавлев С.В.* «Маленькие люди»... С. 57–69; *Морозов К.Н.* Указ. соч. С. 163–168). Сколь бы мутной ни казалась фигура Семенова, ставшего со временем одним из организаторов советского промышленного шпионажа в США, но факт его ренегатства по-своему символичен: он явился заложником «каплановской» легенды о заговоре, от которой не посмел отказаться даже в 1937 г. перед лицом теперь уже неминуемого расстрела.

[2] *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 394.

[3] *Борисова Л.В.* Профсоюзы и власть в России. С. 220. По-видимому, удельный вес меньшевиков среди рабочих не превышал десятых долей процента. См.: *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 32.

[4] *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 69.

[5] *Журавлев С.В.* Человек революционной эпохи: судьба экс-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 96.

[6] *Резник А.* Указ. соч. С. 31, 53.

[7] Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. М., 2004. С. 318.

«Задруга»: вокруг него якобы группировались деятели, не прекращавшие борьбы с советской властью, намекали также на их связи с высланными за границу представителями народных социалистов, которые, в свою очередь, якобы поддерживали белогвардейцев. В следующем году 13 членов «Задруги» были сосланы в административном порядке[1]. В условиях вынужденного размягчения режима само по себе существование любых небольшевистских организаций воспринималась как угроза.

Для поддержания имиджа «победоносной» партии требовались не только воинственные, но и разоружившиеся враги. С этой целью весной–летом 1923 г. были организованы местные съезды «раскаявшихся» эсеров и меньшевиков. Увы, результат оказался ничтожен: никого из их авторитетных лидеров привлечь не удалось, сами съезды напоминали «редкую картину братания палачей с избежавшими петли, пресмыкающимися жертвами»[2]. В октябре 1924 г. Ульяновский губотдел ОГПУ информировал, что эсеры «больше внимания уделяют вопросам личной, а не общественной жизни», некоторые из них «выражают недовольство, что Соввласть мало заботится о нуждах крестьянства», а меньшевики раздражены тем, что их сокращают из госучреждений из «политической мести»[3]. На Украине видные эсеровские деятели заявляли, что в условиях интенсивной украинизации создавать антисоветскую организацию может только «сумасшедший или провокатор»[4]. Среди анархистов отмечалось «затишье», распад организационных центров[5] и стремление вступить в ряды РКП(б) и РКСМ[6]. Хотя в 1925 г. на территории СССР не было ни одной серьезной организации эсеров, меньшевиков и анархистов[7], чекисты не уставали напоминать об их существовании.

---

[1] *Артизов А.Н., Водопьянова З.К.* Как закрывали издательство «Задруга»: материалы дела // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 2. М., 2006. С. 460–462.

[2] *Павлов Д.Б.* Указ. соч. С. 86–87. Напротив, Дзержинскому докладывали, что «работу по созыву легального съезда бывших чл[енов] ПСР признать весьма удачной...» См.: Государственная безопасность России. С. 467.

[3] *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 73.

[4] Політичний терор і терорізм в Україні, XIX–XX ст. Київ, 2002. С. 267.

[5] Так, в 1926 г. прекратили деятельность руководящие центры анархистов и анархистов-коммунистов. См.: Орден российских тамплиеров: В 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 22, 34, 62.

[6] Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935: В 2 т. Т. 2. 1917–1935. М., 1999. С. 496–497. Со временем обнаружилось, что анархисты отнюдь не отказывались от своих убеждений (*Рублев Д.И.* Указ. соч. С. 159–160). В екатеринославской партийной организации бывший анархист Я.Н. Эрлих получил выговор «за анархистское поведение в хозяйственной работе». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 10. Л. 36.

[7] Государственная безопасность России. С. 468.

«Добивание» эсеров продолжалось до начала 1926 г.[1] Иной раз арестовывали по ложному доносу; случалось, что, разобравшись, выпускали на свободу[2]. Считается, что малочисленные эсеровские группы в ЦЧО под контролем спецслужб просуществовали до 1934 г. Чем дальше от столиц, тем больше бывших эсеров оказывалось среди коммунистов. Многих пережили даже «чистку» 1929 г.[3] – партийцев хотя бы с подпорченной репутацией на периферии не хватало. Что касается левых эсеров, то к марту 1930 г. они поддержали идею сплошной коллективизации, что, впрочем, не спасло их лидеров от ареста[4].

Примечательно, что совершенно по-другому коммунисты вели себя по отношению к куда более сомнительным зарубежным «друзьям». Так, сменовеховцы скоро стали получать от них деньги в Праге и Париже. У заграничных кадетов появилась информация, что большевикам удалось «соблазнить» многих торгово-промышленников[5]. Чекисты то ли действительно опасались «гидры контрреволюции», то ли подогревали себя допингом страха в то время, когда эмигранты трепетали перед призраком «руки Москвы».

Когда в марте 1922 г. так называемое свободное объединение анархистов обратилось с предложением «послать своих делегатов в Германию, Италию, Францию для объективного освещения положения в России», большевистское руководство не нашло против этого возражений[6]. Напротив, после того как в 1923 г. чекисты получили информацию о том, что «подпольные левые эсеры соединились с Союзом максималистов», было решено «левых эсеров ни в коем случае не высылать за границу, а ослабить их изнутри путем различных видов репрессий»[7].

Не меньшее подозрение вызывали некоторые члены Еврейской коммунистической партии (ЕКП). В марте 1923 г. Одесской организацией РКП(б) было отказано в приеме в партию 21-летнему С.Б. Орданскому (Донерману), имевшему безукоризненное пролетарски-революционное прошлое[8]. Кое-где большевики обнаруживали еще большую подозрительность. В ноябре 1925 г. на «незаконный»

---

[1] *Морозов К.Н.* Особенности, парадоксы и итоги судебного процесса социалистов-революционеров 1922 года // Отечественная история. 2006. № 4. С. 12.

[2] *Пирожкова В.А.* Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности. СПб., 1998. С. 14.

[3] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 10. Л. 5; Д. 14. Л. 1, 29, 50, 84, 92, 93, 194, 198; Д. 40. Л. 71–71.

[4] *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 32–33.

[5] Там же. С. 51. Было выделено 2 млн германских марок, затем еще 1 млн. См.: там же. С. 132.

[6] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 74.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 15.

[8] В сентябре 1920 г. он работал «для выполнения задач продразверстки», затем боролся с бандами Тютюнника и Махно, трудился секретарем в укоме ЕКП, «принимал

арест жаловался А.И. Занчейша из с. Курдымкар (Пермяцкий окр.). Хотя он вышел из Бунда еще в 1907 г., местные власти произвели у него обыск, «ничего предосудительного не нашли», однако «арестовали, приписали участие в контрреволюционной организации»[1]. Вероятно, имел место обычный «перегиб» местных чекистов[2]: вызвала подозрение этническая принадлежность, которая все больше ассоциировалась с противниками большевиков. В дальнейшем от евреев избавлялись в ходе партийных «чисток». Один «вычищенный» жаловался, что, хотя его «отец был духовным раввином, сам он состоял в Бунде (1918 г.), заведовал еврейской совшколой», «организовывал еврейские земледельческие коммуны, втягивал школьников в комсомол», а с «еврейской средой давно порвал». Тем не менее его исключили из партии как «выходца из духовной среды»[3].

Трудно сказать, кого коммунисты опасались теперь больше: настоящих белогвардейцев или «вечно сомневающихся» русских интеллигентов. Именно с этим был связан феномен печально знаменитого «философского парохода». Среди его пассажиров не было непримиримых противников советской власти, но они слишком пристально в нее вглядывались[4]. Такие люди казались особенно опасными.

участие в борьбе против сионизма» и даже «проходил военную подготовку в "Осназе"». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 232. Л. 29–30 об., 71.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 130. В 1924 г. бывших бундовцев обычно исключали из РКП(б) или объявляли им партийные взыскания (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 14). Особенно часто на территории бывшей черты оседлости их наказывали как «чуждых элементов», «неустойчивых», «пассивных», «примазавшихся», «исполняющих религиозные обряды». Некоторых евреев-эсеров восстанавливали в большевисткой партии, срезая им, однако, эсеровский партстаж (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–5, 18, 24, 27к, 35, 36). Нечто подобное происходило в Белоруссии: в конце 1924 г. из 15 дел о партийных взысканиях только 2 относилось к неевреям. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–3.

[2] Из брянской партийной организации был исключен бывший красноармеец-бундовец за сомнительное прошлое и «занятие торговлей» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 12. Л. 12 об.). В Татарии исключили бывшего поалейциониста красноармейца-бухгалтера С.М. Фридмана, обвиненного в «выпивке с торговцами» и «мелкобуржуазной идеологии» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 13. Л. 117). В волынской партийной организации от бундовцев и поалейционистов также активно освобождались (РГАСПИ. Оп. 613. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–2). Екатеринославские большевики в 1925 г., напротив, восстанавливали в своих рядах бывших бундовцев и коммунистов, «нечистых» в этносоциальном происхождении. См.: там же. Л. 18, 24, 27к, 35, 36.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 359. «Заслуги» левых бундовцев и членов евсекций в борьбе с еврейскими ортодоксами и хасидами были широко известны (*Осипова И.И.* История хасидского подполья в годы большевистского террора). Однако многие большевистские руководители упорно боролись с выходцами из духовной среды.

[4] См.: *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 181–186. Поразительно, что высланные из России профессор Ясинский и меньшевик Югов в октябре 1922 г. попросились на работу в советское торгпредство в Берлине. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 116.

Система была готова к «доликвидации» любой оппозиции – снизу поступали соответствующие сигналы. Негативный образ меньшевика стал настолько устойчивым, что в 1925 г. одесские юголефовцы именовали своих критиков «меньшевистской блевотиной»[1], а в ноябре того же года с Екатеринославщины могли пожаловаться, что у них «председатель сельсовета – личность никуда не пригодная – меньшевик-трепач»[2]. Некий Т. Горшечников 5 декабря 1924 г. предлагал поставить на обсуждение ЦК вопрос о способах реагирования печати на «социалистов». Он полагал, что «больше всего эти господа боятся насмешки и карикатуры», а потому «нужны стишки Д. Бедного»[3]. Похоже, что он упреждал идеи К. Лоренца о смехе как о порожденном цивилизацией суррогате агрессии. Между тем по части карикатур и «стишков» у большевиков уже был перебор[4].

Местные чекисты все шире практиковали «профилактические» мероприятия. В 1924 г. был арестован безобидный анархист-универсалист А.Л. Гордин[5]. В дальнейшем «Правда» то и дело публиковала информацию о «раскаявшихся» социалистах[6], но жупел «вредоносного» меньшевизма продолжал жить своей жизнью. К концу десятилетия обвинения в меньшевизме 10-летней давности стали способом сведения личных счетов[7].

Большевики просто не могли обойтись без образа внутреннего врага. Сталин стал выстраивать их иерархию еще в 1924 г. Искреннее недоумение военного моряка И. Зенушкина относительно прошлых «ошибок» у нынешних лидеров он рассеял, пояснив, что Каменев и Зиновьев все же «строили» большевистскую партию, а Троцкий тем временем ее «разрушал». Простота доводов в ходе доверительного общения запоминается надолго, его содержание отступает на задний план перед восторгом от соприкосновения с властью[8].

---

[1] Морія. 2006. С. 134.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 26. В обыденном сознании «меньшевиками» становились те, которые «не за советскую власть». См.: *Селищев А.М.* Указ. соч. С. 215.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 16–17. Пресса требовала «убивать смехом» классовых врагов, используя «гиперболу юмора» для раскрытия их «ничтожной сути». Цит. по: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди». С. 140.

[4] В Вологде в летний сезон 1922 г. висели одновременно две афиши: «Московские клоуны! 5555 секунд *беспрерывного смеха!*»; Театр Губполитпросвета... 3 часа *здорового смеха!*». См.: Карусель (Вологда). 1922. № 1. С. 4.

[5] *Чернов Д.И.* Указ. соч. С. 13.

[6] Так, сообщалось, что в Днепропетровске бывший меньшевик (в партии с 1900 г.), рабочий завода «Коминтерн», в прошлом один из руководителей социал-демократической фракции III Государственной думы Георгий Сергеевич Кузнецов призвал своих товарищей покидать ряды РСДРП. См.: Правда. 1927. 18 июня.

[7] *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 294.

[8] В 1936 г. Зенушкин утверждал, что для него «главное было одно: мне писал Сталин». См.: Большая цензура. С. 93–95.

Троцкий стал главной мишенью нападок не просто потому, что не верил в «победу социализма в одной отдельно взятой стране». Его идеи вызывали ощущение неопределенности[1]. Реакция оказывалась соответствующей. Селькор П. Рукавченко 31 декабря 1924 г. сообщал о взаимном недоверии партийных и беспартийных, отмечая вместе с тем, что масса «вредителей» на местах «искажают решения партии»[2]. В 1924 г. в Орехово-Зуевском уезде говорили, что

> т. Троцкий выступает против коммунистов ввиду того, что они угнетают рабочих, что он арестован и находится в Кремле, что он не согласен с ЦК, так как защищает собственность, имеет в Москве фабрику...[3]

Троцкому приписывали разговор с Дзержинским о приостановке высылки из Москвы биржевиков. Ходили слухи, что он не болен, а «ранен в живот Калининым», а в Москве арестовано 200 его сторонников. Говорили вместе с тем, что лучше бы вместо Ленина умер Троцкий, который «вместе с жидами» и отравил Ленина[4]. Троцкий – «неисправимый человек, – утверждал Авдей Антонов из Одесской области в сентябре 1926 г. – Зиновьев выпустил книгу "Ленинизм", которую опасно читать»[5]. Напротив, в армии муссировались слухи, что «Троцкий выступал за крестьянство», красноармейцы (вчерашние деревенские парни) ему симпатизировали[6]. Впрочем, порой в армии заявляли прямо противоположное: «Если получится раскол, то за Троцким пойдут только жиды»; «это жиды между собой передрались»[7]. Все это было частью бессознательного нащупывания облика «своей» власти, связанной с меняющимся образом революции. Некоторые большевики не соглашались со Сталиным в том, что «Дж. Рид дал неправильную трактовку событий 1917 г.»[8] (в его книге, как известно, Троцкий представал героем Октября). «Этим вы противоречите Ленину»[9], – писал А.Н. Смирнов. А некоторые беспартийные недоумевали:

> Почему закаленного бойца в пролетарской революции тов. Троцкого так сильно обливают грязью? ...Почему думают, что т. Троцкий

---

[1] Впрочем, в 1924 г. на карикатуре, изображавшей «зодиакальный круг партдискуссии», черты Троцкого получил знак Льва, а Сталин предстал в виде баранообразного Козерога. См.: Красный перец. 1924. № 1(18). С. 5.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 79.

[3] Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ. С. 12.

[4] Там же. С. 14–20.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 41.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950. Л. 31.

[7] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 167.

[8] *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 156.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 27.

хочет ленинизм подменить троцкизмом? Неужели такая величина, как Троцкий, хочет заняться детской глупостью?[1]

Для многих большевиков взаимоотношения с оппозицией приобретали «революционно-жертвенный» оттенок. Некий А. Пломпер из Армавира 14 декабря 1925 г. убеждал:

> Совершенно ясно, что не может быть и речи о главенствующей роли Троцкого в руководстве Партией... Может быть, эта жертва необходимая, но очень тяжелая и, конечно, было бы лучше сделать все, чтобы ее избежать... По-моему, так мыслят многие партийцы[2].

На стороне оппозиции оставалась наиболее интеллигентная или думающая часть партии, представленная молодежью[3]. В январе 1924 г. за оппозицию выступало 70 % коммунистов Кубано-Черноморской области[4]. В 1927 г. на Северном Кавказе студенты-партийцы осуждали репрессии против оппозиционеров, хотя и не решались открыто поддерживать Троцкого[5]. Напротив, один из выпускников Коммунистического университета в 1929 г. доказывал свою большевистскую непорочность тем, что он происходит из горских пастухов, тогда как троцкисты – сплошь интеллигенты[6].

Строго говоря, Троцкий представлял тип политика, которому не было места среди лидеров теперешней России. Отношение к нему со стороны низов, не вполне изживших революционные иллюзии, оказывалось неоднозначным. Четверо комсомольцев из Москвы 8 октября 1926 г. писали, что выступление Д. Бедного с его балладой «Взвод» считают «нетактичным по отношению к старым партийным работникам...» Строки: «Радек весел, как мартышка / Вьется эдакой глистой / У Зиновьева одышка», по их мнению, «ничего, кроме отвращения, не вызывали»[7]. В октябре 1926 г. «Правда» получила гневное письмо Михаила Богданова, возмущенного «новым видом всесоюзного хулиганства». Он тоже негодовал – такое в прошлом «делалось по отношению к царю Николаю», теперь же стараются «осмеять, поставить в самом нехорошем свете» революционеров. Он задавался вопросом:

> Разве Зиновьев, Радек, Смилга, Троцкий заслужили такого всесоюзного осмеяния перед широкими народными массами..? [Демьян

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 244.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 7 об.–8.

[3] См.: *Резник А.* Указ. соч. С. 26–27, 30–33, 36.

[4] *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 33.

[5] Тем не менее во время «чистки» 1929 г. некоторые юные выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока обвинялись в троцкизме. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 45. Л. 159.

[6] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 58.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 228.

Бедный] – это не народный поэт, который несколько месяцев тому назад ходил на задних лапках перед Зиновьевым и Троцким, принимал от них Орден Труда, воспевал и хвалил в своих сочинениях, а казенный писака хулиганствующего типа...

Автор письма требовал «общественного суда» над сочинителем и даже «вмешательства советской прокуратуры». В противном случае он собирался объявить газету «Правду» «Неправдой»[1]. Но и Д. Бедный был не менее упорен в стремлении «крыть» оппозицию[2]. Это оказывалось непросто, уничижительная стигматизация срабатывала не всегда. Наборщик Иван Пошешулин из Москвы в мае 1926 г. пребывал в убеждении, что «дела Льва [Троцкого] были и будут велики»[3]. Коммунист Содарин из Одессы 1 августа 1926 г. в «товарищеском письме» сообщал о докладчике, «тов. Клименко, который называл Зиновьева "рецидивистом и интеллигентишкой"». Его беспокоило также, что некоторые докладчики «выступают с антисемитских позиций» – это «дает противоположный результат»[4]. Были, впрочем, и прямо противоположные заявления:

Троцкий не может быть коммунистом, сама его национальность указывает, что ему нужна спекуляция... Зиновьев с Троцким покумились. Они ошиблись в русском духе, за этими нэпачами русский рабочий и крестьянин не пойдет[5].

Как правило, рядовые большевики не понимали, в чем состоит официально объявленная «мелкобуржуазность» Троцкого[6]. Разъяснить это было невозможно, а потому Сталин больше полагался на «коллективное мнение» коммунистов. «...Я думаю, что в скором времени партия набьет морду и Троцкому, и Грише с Каменевым, и сделает из них отщепенцев... – писал он Молотову в июне 1926 г.[7] Низы, однако, не очень-то соглашались с подобной логикой. По поводу оппозиции недоумевал Захар Кондаков из Пермского округа, член партии с 1917 г. (в знак протеста против нэпа он «выходил» из партии, но после смерти Ленина вернулся в нее). 29 ноября 1926 г. он сообщал:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 208.

[2] «Мне эта х...на с чувствительными запевами – "зачем ты Троцкого?!." надоела», – жаловался Д. Бедный Сталину 8 октября 1926 г. (Большая цензура. С. 115). Однако сталинское руководство было не довольно его басней «Лесные звери» (Сталин увидел в ней пародию на историю с «завещанием» Ленина). См.: там же. С. 119; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 94.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 251.

[4] Там же. Л. 152.

[5] Цит. по: *Краус Т.* Указ. соч. С. 155.

[6] *Резник А.* Указ. соч. С. 87.

[7] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 71.

Обсуждали книгу «Уроки Октября», почти ничего не поняли, засомневались, но все-таки осудили. На следующем собрании я коснулся нэпа и шероховатостей наших хозяйственников... Но меня наш политсекретарь т. Быков назвал сперва троцкистом, потом назвал самым ни на есть неуклюжим словом (пизда моченая)... Я Зиновьева не защищал. Тов. Сталин, решите вопрос: следует ли меня называть троцкистом?[1]

Кандидат в члены партии С.В. Чирков из с. Черевково (Северодвинская губ.) 24 декабря 1926 г. признавался: «Мы не можем понять, в чем расхождение оппозиции с большинством ЦК»[2]. Железнодорожники С. Мурзин и Д. Тарелов из Иркутского округа 12 октября 1926 г. так и не уяснили, что такое оппозиция[3]. Рабочий совхоза из Алушты Ф.Г. Корезов 12 ноября 1926 г. также признавался:

О чем дискуссия – в печати излагается непонятно. В конце концов создается китайская грамота, масса становится в недоумении, особенно в селах, где темнота царит, кулаки, антисоветские элементы используют этот момент... Прошу дать мое письмо прочитать лидерам оппозиции[4].

Селькор-бедняк А.Н. Невзоров, участник Гражданской войны, а теперь лесник в Воронежской губернии (Демшинская вол.), 20 ноября 1926 г. недоумевал: чем виновата оппозиция? «...Мне жалко, если через оппозицию наш Союз потерпит упадок, может ли это получиться? – спрашивал он, хотя имел готовый ответ. – И если да, то почему не принять меры к оппозиции». По его словам, «крестьяне осуждают оппозицию»[5]. Украинские незаможники в это же время жаждали докопаться, «что такое оппозиция», – их пугала радость кулаков по поводу того, что «коммунисты уже ссорятся». Сами они «сорганизовали коллектив, взяли панскую землю» и теперь опасались: если «пойдет у вас партия вбок, то нам будет горе». А в общем у них был готовый ответ: «Мы партии верим в целом без фракций»[6]. Скорее всего, они давно никому не верили, призрак оппозии лишь усиливал обычные для этого времени страхи неопределенности.

Рабочие в любом случае не могли не поддерживать критику бюрократизма, практику назначенчества, исходящую от оппозиции[7]. Происходила эскалация протестных настроений, «страсти по Троцкому» подчас принимали скандальный характер. Коммунист Загорский из

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 29–29 об.

[2] Там же. Л. 1.

[3] Там же. Л. 155.

[4] Там же. Л. 63.

[5] Там же. Л. 30.

[6] Там же. Л. 48–48 об.

[7] *Макаревич А.М., Соколов А.К.* Указ. соч. С. 111.

Киева, высказав сожаление, что «Троцкий все дальше отходит от линии партии», посетовал, что местные руководители создали «колоссальную популярность книги Троцкого, которую прочитали и поняли бы немногие...» И тут же «подсказывал»: нельзя ли книги Троцкого запретить? Его беспокоили такие факты: «один коммунист с кулаками бросился на другого, сказавшего, что Троцкий был меньшевиком», «на вечеринке один коммунист поднял тост за вождей и Троцкого». Как видно, для себя он выработал «оптимальную» модель поведения, вполне совпадавшую с «генеральной линией», но дабы другие не впадали в соблазн, подчеркивал, что «к пониманию отхода тов. Троцкого партию надо приготовлять ни один год»[1]. Как бы то ни было, наверху из потока «советов» отбирались простейшие. Это облегчалось тем, что, по словам Троцкого, «рабочая масса Ленинграда» не шла дальше «платонического сочувствия по адресу вождей оппозиции»[2].

Само по себе существование оппозиции обостряло чувство неуверенности в будущем. Коммунист М.Д. Боднар из Самары 12 сентября 1926 г. выражал беспокойство: раньше писали, что социализм построить в одной стране невозможно, сейчас говорят противоположное. «Чему верить?» – недоумевал он[3]. Красноармеец-коммунист В.Т. Макаров 18 августа 1926 г. признавался Сталину: «по вопросу о строительстве социализма в одной стране и ваших разногласиях с оппозицией мы запутались окончательно»; «борясь против троцкизма, вы обосновываете основное его положение»[4]. В мае 1927 г. группой рабочих был задан вопрос: «Почему вы так черните Зиновьева, Троцкого, Каменева? Какую вы преподнесли награду буржуазии»[5]. В июле 1927 г. некий аноним сбивчиво убеждал: «Я считаю своим долгом сообщить, как политический тайный агент... и как комсомолец... я смотрю с презрением на этих людей». Кого он презирал: то ли оппозиционеров, то ли их критиков, понять невозможно, однако он не преминул настучать на начальника уголовного розыска, заявившего: «Раз Троцкого и Зиновьева нет, то и порядка у нас не будет»[6]. Разумеется, раздавались и «примиренческие» призывы: «Где же завоевания Октября?.. Бросьте вы спорить... и подумайте, как бы облегчить наше положение трудовиков»[7]. Коммунист А.Н. Нежинский 1 ноября 1926 г. направил из Владикавказа «письмо Сталину для передачи Зиновьеву». Он писал:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 51–52 об.

[2] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 506.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 6.

[4] Там же. Л. 107.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 29.

[6] Там же. Л. 2.

[7] Там же. Л. 185.

Я видел вас [Зиновьева] во Владикавказе в 1925 г. Кипучего, революционного, зажигательного Зиновьева уже не было, был человек, обдумывавший каждое свое слово, каждый жест. [Неужели] революционные волны, остывши в Европе, охладили и революционность Вашу?.. Рассматривая, изучая историю партии, укореняется мнение, что три имени ЛЕНИН, ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ столпы нашей могучей в настоящее время партии[1].

В своих благих пожеланиях Нежинский был не одинок. Некие «рабочие» писали Сталину также для передачи Зиновьеву:

Дорогой тов. Зиновьев и другие товарищи, мы вас просим не делать никакого раскола в партии[2].

Постепенно все больше появлялось людей, готовых приписать оппозиции все мыслимые неудачи и несчастья. Коммунист Волков сообщал 13 июня 1926 г. из Восточной Бухары, что «все главные посты занимают те, кто раньше ничуть не работал». При этом он указывал на Троцкого, Каменева, Зиновьева, которые «сидят у власти уже девять лет», а тем временем «семьи красноармейцев не обеспечены», «безработица растет», свободы печати нет. Не нравилось ему и то, что «церкви сравниваем с землей, а тюрьмы растут»[3]. В ноябре 1927 г. бесплатное приложение к «Уральскому рабочему» было целиком посвящено высмеиванию оппозиции[4]. Шаг за шагом происходила перверсия общественного недовольства. Примечательно, что Сталин прощался с умершим Дзержинским как со «строителем единства и мощи нашей партии»[5]. В 1929 г. сатирический журнал злословил: «...До ревизии РКИ был членом партии, а теперь в оппозиции»[6].

Раскол в верхах – воображаемый и реальный – был непонятен в низах. Куда понятнее был «коварный враг». Но Сталин долго не решался «назначить» его – сказывались страхи перед непредсказуемостью реакции снизу[7]. Между тем на Украине «подсказывали»: «Жид стоит у власти, а всеми этими Рыковыми, Каменевыми, Петровскими,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 75–76.

[2] Там же. Л. 280.

[3] Там же. Л. 104.

[4] На обложке красовался Сталин, отмахивающихся от мух-оппозиционеров (Троцкого, Каменева, Зиновьева, Рыкова); иллюстрировались высказывания Д. Бедного вроде: «У Зиновьева политический ревматизм»; Троцкому приписывался ряд последователей: «идейный оппозиционер», «заграничный оппозиционер», «недовольная личность», «меньшевик», «контра», за которой следовал «призрак самодержавия». См.: Веселая кузница. 1927. 24 ноября. С. 1–7.

[5] Правда. 1926. 22 июля.

[6] Чудак. 1929. № 34. С. 16.

[7] В сентябре 1926 г. Сталин писал Молотову, что Крупская – «раскольница», ее «надо бить как раскольницу». См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 90.

Чубарями жиды помыкают», а «русских в правительстве посадили как лакеев». Крестьянка-молочница рассуждала и того проще: «Сначала было два царя, а теперь стало два: Ленин – наш как будто – да жидовский – Троцкин или как там. Так ихний про них беспокоится – вот им и хорошо живется, а наш о нас не заботится...»[1]

Троцкисты, как и евреи, казались основной массе населения «чужими».

Правителю, позиционирующему себя в качестве наследника и даже лидера революции, но при этом панически страшащегося всяких потрясений, больше всего мешают «неостывшие» сподвижники. Символично, что празднование 10-летия Октября было активно использовано для борьбы с троцкистами. Утверждалось, что люди, выступающие против единства партии, – предатели дела Октября[2]. О том, что все было в точности до наоборот, многие подозревали. Один из героев Пильняка в «Красном дереве» как нечто само собой разумеющееся утверждал, что «всех ленинцев и троцкистов» рано или поздно выгонят из партии. Сами «оппозиционеры», судя по мемуарам Троцкого, активно отметили революционную дату[3]. Как бы то ни было, по словам Пильняка, самым отчаянным людям эпохи «военного коммунизма» суждено было превратиться в «юродивых советской Руси». Но в отличие от блаженных дореволюционного прошлого круг их почитателей сужался. В феврале 1929 г. 27 ссыльных троцкистов, прибыв на ст. Орел, начали выкрикивать: «Нас, ленинцев, фашисты гонят в ссылку!» По информации чекистов, рабочие местного депо кричали в ответ: «Долой троцкистов, предателей рабочего класса!» Вероятно, в ходе коллективизации отношение к оппозиции – а равно и ко всем гонимым властью – у крестьян стало меняться. Во всяком случае, название одной из их организаций – «Правая оппортунизьма» – свидетельствует, что кое-кто сделал свой выбор относительно склоки в верхах[4].

На этом фоне некоторые старые большевики обнаруживали интриганско-стукаческие замашки. В.Е. Шекунова, член партии с 1908 г., проживавшая в центре Москве, в декабре 1926 г. составила обстоятельное донесение «вождю». Она установила, что оппозиция вела «подрывную работу путем анекдотов». Среди них были и такие: «Отгадайте самую трудную армянскую загадку – как Микоян

---

[1] Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 185.

[2] *Corney F.C.* Op. cit. P. 176. Оппозиция, особенно студенты, отвечали соответственно. В ходу были лозунги: «Долой сталинских душителей революции!», «Долой аппаратчиков!», «Да здравствуют верные соратники Ленина: Троцкий, Каменев, Зиновьев!» См.: *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 89.

[3] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 505–508.

[4] Цит. по: *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 31, 35.

в Наркомторг попал?» или: «Кто в ЦК ВКП(б) шашлык кушает?» По ее информации, «тов. Агрест, бывший бундовец», рассказывал, что «Сталин и его компания останутся в меньшинстве и поедут к себе на Кавказ...», и убеждал, что «Сталин не имеет авторитета». Далее она сообщала, что этот человек

> на общем собрании ВКП(б) Госторга 15 декабря с. г. в присутствии представителей от Замрайкома... на время сбрасывает с себя подлинное лицо оппозиционера, выступает и говорит, что Сталин всюду и везде ставит своих людей, в то же время усиленно ратует об антисемитизме... причем с радостными улыбочками встречают его речь его сторонники.

Более того, она подозревала, что эта «группа оппозиционеров» «лично знакома с работниками Учраспредотдела ЦК», которые «всюду насаживают своих людей». Так, «тов. Леховицер, снятый с Госторга с ответственной работы как негодный работник... чьей-то рукой немедленно была предоставлена еще более ответственная должность в Наркомторге...»[1]

Как известно, ситуацию в Учраспредотделе ЦК – кузнице советской номенклатуры – контролировали Молотов и Каганович. Сомнительно, чтобы доверенные лица Сталина допустили назначения не только реальных, но и потенциальных оппозиционеров. Очевидно, что «борьба с оппозицией» превращала партийные организации в настоящие «клубки змей», где невозможно было отличить «правых» от «виноватых».

Иной раз ненависть к оппозиции подогревалась страхами перед внешней угрозой. Пантелеймон Стрелка из Глухова 14 октября 1926 г. направил «письмо оппозиционерам», в котором заявлял, что их «антикоммунистические и антиинтернациональные» выступления грозят «утратой единства», что играет на «руку международной контрреволюции»[2]. Аргументы такого рода, несомненно, оказывались доходчивыми.

Вскоре психоз борьбы с оппозицией перешагнул границы. Из Парижа 11 октября 1926 г. писали:

> Большинство русской национально-патриотической эмиграции – республиканцев и монархистов шлет Вам, г. Сталин, и Вашим единомышленникам, пожелания полного успеха в борьбе Вашей с сатанинцами-жидами, принадлежащим к той интернациональной жидовской сатанинской стае, которая издалека, т. е. из Лондона и Нью-Йорка, дает преступные и кровавые директивы о достижении несбыточной мечты проклятых жидов-масонов...

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 5.

[2] Там же. Л. 196.

Отмените для христиан чеку, перенесите ее исключительно на проклятое жидовство... и призовите всех христиан России без различия национальности и партии начать ярую борьбу... против этих ужасных... преступников, и за вами пойдут все, и жидовский генеральный штаб убедится, что их... сражение уже проиграно. ...Не дайте им возможности уйти безнаказанными. Дай Вам Господь полного успеха в борьбе с жидами – талмудистами. Евреи же библиисты – наши друзья – их не трогайте.

Глубоко любящие Россию и русский народ РУССКИЕ-ЭМИГРАНТЫ-ХРИСТИАНЕ без различия партий и национальностей... – мы все всегда усердно молимся о нужном нам и вам благополучии, чему учил нас любимый владыка Евлогий.

Сердечный привет нашей родной христианской армии, именуемой Красной с сатанинскими звездами на шапках. Они их сами скоро заменят крестами, и сами вы сочувственно к этому отнесетесь – да простится вам многое. Вы победите, несомненно... но только не выпускайте этих преступников Бронштейнов... и прочую мерзость живыми...[1]

Данный пассаж (из которого пришлось выбросить характерные для психопатов повторы) не производит впечатления чисто провокационного текста. Это стилистика черносотенцев, не случайно поминающих обличителя униатов епископа Евлогия.

Простые люди ставили в один ряд прежних противников большевиков и нынешних «оппозиционеров» (позднее так же поступил Сталин в «Кратком курсе»), придавая галерее образов «понятное» этническое лицо. «Мы воевали за улучшение своего положения... мы победили буржуазию, но где же улучшение, оно попало не в наши руки, его захватили евреи»[2], – так воспринимали итоги революции красноармейцы. Естественно, евреи обижались. «Какой-то злой рок висит над еврейским народом – писал 1 августа 1924 г. в «открытом письме во ВЦИК некий Э.Л. Светлов. – Евреи почти все, волею судеб, мелкие торгаши... и вся тяжесть пролетарской диктатуры падает на них». Далее он продолжал:

> ...Евреи попали в круговорот социальной пролетарской революции. История отомстила угнетателям национальных меньшинств. Еврей же, как спекулянт, как нетрудовой, как не член профсоюза – снова очутился в тисках бесправия, ни поступить на службу, ни в учебное заведение, ни на фабрику. Справедливо ли это?[3]

То, что евреи оказались «на виду», у многих вызывало недоумение. Рабочий Ростовского железнодорожного узла И. Иванов в декабре 1925 г. выражал Сталину беспокойство. По его словам,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 154.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 167.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 478.

рабочие и даже члены партии этим недовольны, а если молчат, то потому, что боятся. Евреев не было в армии, они торговали. Евреев нет на рудниках, нет на заводах. На наделение евреев землей рабочие и крестьяне смотрят отрицательно, говорят, что крестьянам не дают помещичьей земли, а отдают жидам... Евреи, заняв начальственное место, окружают себя родственниками – протекционизм. Когда выступает докладчик-еврей, начинают шептаться – жид... Уже в уборных появились надписи: «бей жидов – спасай революцию и СССР»... Рабочие, узнав, что умер коммунист-еврей, радуются. Когда назначают немца или латыша, говорят: «Хорошо, лишь бы не еврей»[1].

Этот человек не был отпетым антисемитом, он лишь беспокоился о привычном образе государственности, полагая, что и «руководящие товарищи» должны над этим «подумать, чтобы не сыграть на руку нашим врагам». Автаркия и паранойя сомкнулись.

Местные начальники соответственно законам автаркистского существования особо опасались «тлетворного влияния» со стороны. Согласно закрытому письму секретаря Омского окружкома ВКП(б) от 18 февраля 1927 г., в группу оппозиционеров входили отнюдь не евреи, зато подчеркивалось, что угроза идет из Ленинграда и Москвы, и есть подозрение, что «оживлением оппозиции руководят меньшевики»[2]. С Урала докладывали: оппозиция «приняла активное участие в прениях, дословно воспроизводя то, что говорили оппозиционеры в Москве»[3]. Кое-где понимали истинную природу «оппозиционности». Из Нижегородской сообщали:

...Основную массу товарищей нельзя назвать оппозиционерами. В огромном большинстве случаев это неоформленные настроения, отражающие стихийное недовольство... условиями производства... Эти настроения поддаются перелому. Тем не менее они широко распространены, и ими в той или иной степени оказывается затронута почти каждая ячейка[4].

В низах «оппозиционеров» оценивали по особым параметрам. На местах (Свердловск), к примеру, могли осудить выступление Зино-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 298–299. Впрочем, возникали конфликты и с начальниками-латышами – иные из них откровенно заявляли, что не любят русских рабочих. См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 377.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 69. Л. 3–6.

[3] В списке оппозиционеров оказались: Кагин – рабочий «Красного пахаря», занимавшийся «вербовкой и индивидуальной обработкой»; Федоров, присланный из Ленинграда; Наумов – бывший зав. Окрсобесом, уволенный «из-за полной непригодности к работе», в прошлом представитель «рабочей оппозиции»; Тарасов – инспектор труда, «снят за пьянку с частным хозяином»; Шулега – бывший зав. кладбищем, «снят за распространение оппозиционной литературы»; Кузьменко – бывший зав. транспортным комбинатом. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 14.

[4] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 78.

вьева – его «резкие выпады» якобы «противоречили внутрипартийной демократии»[1]. На Кубани лояльные коммунисты именовали оппозиционеров «палестинскими казаками»[2]. Люди искали «чужого» в своем окружении, им же подсовывали тех, кто был «чужим» для власти.

В целом оппозиционерам сочувствовали, как сочувствуют на Руси всем гонимым, признавали их правоту, но боязнь новых потрясений сдерживала. В январе 1929 г. в передовой «Правды» троцкизм характеризовался как тайная организация с типографиями и местными комитетами – по сути дела, бессознательно воспроизводились черты дооктябрьского большевизма. Теперь утверждалось, что эта «контрреволюционная» организация готовит гражданскую войну против «органов пролетарской диктатуры»[3]. Однако в низах ситуацию понимали по-своему. Отсюда идея, озвученная секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) Б.Н. Позерном: «Овладеть рабочими курилками». Похоже, это удавалось не вполне. В конце апреля 1929 г. рабочие завода им. Медведева (г. Орел) пришли к выводу, что «глубокий и дальновидный политик Троцкий понял, что ничего не выйдет, эмигрировал, теперь за ним потянутся другие оппозиционеры и развяжут целую войну... будет переворот власти»[4]. В 1929–1930 гг. даже среди чекистов обнаруживалось «сочувственное» отношение к троцкистам. Впрочем, жупел оппозиционности охотно использовался здесь для сведения личных счетов[5].

Разумеется, власть старалась придать образу оппозиционера и «классовую» окраску. В 1929 г. Ворошилов, выступая перед шахтерами, сообщил, что среди горожан и «кулацких элементов» встречаются троцкисты[6]. И в верхах, и в низах «революционные» и «контрреволюционные» идеи лишь витали над старыми как мир людскими страстями и предрассудками.

Оппозиционеры находились под постоянным прицелом ОГПУ[7]. В 1926–1927 гг. троцкистские организации продолжали существовать на Урале, в Армении, Азербайджане, Грузии и Белоруссии[8]. В конце августа 1927 г. в Москве дискуссии с ними шли «на всех площадях,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 29.

[2] *Павлов И.М.* Указ. соч. С. 67.

[3] Правда. 1929. 24 января.

[4] Цит. по: *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 31.

[5] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 504, 510.

[6] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 102. Л. 14.

[7] К примеру, в Златоусте чекисты «пасли» прибывшего из центра студента индустриально-педагогического техникума Ф. Мельникова, усиленно собирая на него «компромат». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 37–39.

[8] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 86.

у остановок трамваев орали рупоры»[1]. В начале 1927 г. Сталин отправил Л.Б. Каменева послом в Италию, вероятно, сознавая, что ни он, ни его жена (сестра Троцкого) не устроят Б. Муссолини. Так и случилось[2], и теперь генсек мог в нужный момент приписать ему грех общения с лидером фашистов. Похоже «оппозиционеры» – реальные и потенциальные – сознавали, какая роль им навязывается. В архивном фонде Каменева сохранилось присланное из Калуги 21 июля 1928 г. шутливое стихотворение некоего К. Алтайского «Открытое письмо Каменеву и Зиновьеву» в связи с обвинениями в организации хлебного кризиса. Его концовка звучала так:

Вы взяли сторону Антанты...
Вы обрекли на муки нас...
На Вас, а не на спекулянтов
Обрушим гнев народных масс![3]

Оппозиция вынуждена была соглашаться на участие в дурном спектакле, расстрельного финала которого пока не было видно. Впрочем, революционеры всегда допускают такую возможность. Люди, ощутившие некогда близость собственной смерти и посылавшие на смерть других, склонны к «юмору висельников». Бухарин на одном из заседаний направил Дзержинскому карикатуру, изобразив его «разящим мечом пролетарской диктатуры»[4]. Характерно, что объектами шаржирования (в том числе и непристойного) оказывались люди, репрессированные в 1930-х гг.; напротив, их «палачи» – Сталин, Каганович, Молотов – почему-то выпадали из поля зрения самодеятельных карикатуристов[5]. В постреволюционное время выживают лишь те революционеры, поведение которых моделирует иное качество социального бытия.

В борьбе с уклонами большевистское руководство рассчитывало на рабочих, однако даже самые «сознательные» из них в перипетиях внутрипартийной борьбы не разбирались и находили «внутреннего врага» не там, где хотелось верхам[6]. «Красные бойцы Забайкалья» в сентябре 1926 г. просили ЦК партии «бороться со всеми уклонами»[7], а тем временем эта борьба превращалось в способ проталкивания

---

[1] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 252.

[2] См.: *Pogorelskin A.* Kamenev in Rome // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. Vol. 1. 2007. P. 101–118.

[3] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 206. Л. 3.

[4] *Ватлин А.Ю.* Указ. соч. С. 172.

[5] РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1424. Л. 11, 22, 23.

[6] *Киселева Е.Л.* Указ. соч. С. 63. В «курилках» московские рабочие порой высказывались так: «Говорят, что Ленин умер, а оказывается, что ленинизм умирает: крестьян обдирают, голодаем, очереди кругом, обман во всем». См.: там же. С. 72.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 51.

своих собственных идей и людей[1]. Своего рода пародию на происходящее представили ленинградские школьники, создав тайное общество «Долой уклон» для борьбы... с «лишними» образовательными предметами[2]. В ноябре 1929 г. призывали к «вскрытию очагов всякого рода уклонов в кинематографии»[3]. Всевозможных «уклонистов» оказывалось слишком много для страны с сильными авторитарными традициями.

К концу Гражданской войны даже «космополитичную» экстолицу захватил дух бытового антисемитизма. Когда в 1921 г. хоронили А. Блока, прохожие, читая фамилию на ленте венка, переговаривались: «Блок? Это кто, еврей или русский?»[4] Некоторые исследователи считают, что в Москве это произошло позже – после того, как начиная с 1925 г. целые улицы «пролетарского» Краснопресненского района стали заселяться выходцами с западных окраин[5]. На деле интенсивное проникновение беженцев из местечек в центральную Россию началось еще в Первую мировую войну. Новый подъем антисемитизма, скорее всего, был связан с инфильтрацией в городскую среду выходцев из деревни – их раздражало обилие «чужих» в «русской» столице. Разумеется, тут же находились подтверждения тому, что все евреи – нэпманы. Маяковский публиковал такие стихи:

Еврей – караты,
Еврей – валюта...
Люто богаты и
Жадны люто...[6]

В сатирической прессе иронизировали: обыватели подозревают, что К. Станиславский на деле Станиславскер, Максим Горький – Гарькави, а Демьян Бедный – Хайм Бейгоф[7]. Так массы реагировали на утверждение «чужой» элиты.

---

[1] См.: *Макаревич А.М., Соколов А.К.* Указ. соч. С. 117.

[2] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 92.

[3] Кино и жизнь. 1929. № 2. 30 ноября. С. 1.

[4] *Миклашевская Л.* Указ. соч. С. 138. Помимо этого неоднократно переспрашивали: «Генриха Блока?» Это был известный банкир (*Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие. С. 276) – такова еще одна примета времени.

[5] *Орлов И.Б.* Еврейский предприниматель... С. 107. Возможно, такие представления связаны с заявлением Н.И. Бухарина на страницах «Правды»: «В центре России сосредоточилась еврейская буржуазия и еврейская интеллигенция, переселившаяся из западных губерний и южных городов». См.: Правда. 1927. 2 февраля.

[6] Известия. 1926. 16 ноября. При этом Маяковского вряд ли можно было упрекнуть в антисемитизме: именно он «открыл» И. Бабеля и защищал его от нападок. См.: *Славин Л.* Указ. соч. С. 8.

[7] Чудак. 1929. № 3. С. 15.

Мало кто сознает, насколько образ врага опасен для самих его создателей. Возлагая вину на «чужого», человек теряет веру в собственные силы. К тому же антисемитизм, как и всякая этнофобия, не обходился без провокации. В ноябре 1926 г. некий аноним так адресовался наверх:

> Дорогие товарищи, вы собрались судить жидов, да, это верно, надо их судить, они виноваты, но правы ли вы, всмотритесь, какие произволы и грабежи творятся с налогами... Сделайте сами народу свободную жизнь, вон гоните жидов из России. ...Я пишу вам сущую правду, старый коммунист на покое в Ленинграде[1].

Не случаен был рост «пролетарского» хулиганства – некоторые рабочие были убеждены, что «жиды взяли власть в свои руки», а Троцкий «продал нашего Ленина как Иуда Христа»[2]. По сообщениям ОГПУ, в некоторых листовках «осквернялась память т. Ленина, имеется угроза вешать жидов и коммунистов, старающихся уничтожить православную церковь»[3]. В низах звучали такие стишки:

> Смотри сюда, смотри туда,
> Везде увидишь ты жида.
> Вот революции плоды:
> Одни жиды, жиды, жиды[4].

Подобное «засилье» лишний раз заставляло обращать свои взоры на власть. Рабочие Московского салицилового завода просили Центральный комитет

> устыдить этих отроду красных людей жидов. Они над нами смеются, они нас эксплуатируют, они не считают русского человека за человека... Тов. Сталин, если ты не примешь меры по отношению жидов, мы не ручаемся за себя... Где есть жид, там пахнет предательством... Очищайте тресты от жидов... Намедни какой-то человек предлагал нам вступить в союз по избиению евреев и защите русских, но мы отказали ему и жалеем, что не явился второй раз... Не допусти, брат, до этого, выведи жидов из наших трестов, заводов... Наверно, секретарь у тебя жид – ведь не покажет тебе[5].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 110.

[2] Распространились опасения, что место Ленина захватит Троцкий (Голос народа. С. 191–192). Подобные настроения сказались на отношении к оппозиции. 28 ноября 1927 г. Д. Бедный в приватной беседе уверял, что «оппозиции крышка» потому, что «там все евреи». См.: *Чуковский К.* Дневник. С. 427.

[3] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 337.

[4] Цит. по: *Шишкин В.А.* «Еврейский вопрос» в послереволюционной России // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 530–531.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 92.

Массовое сознание многослойно, а потому наибольший суггестивный эффект дает не «лобовое» внушение, а возбуждение подсознательных подозрений, перерастающих в «прозрения». Антисемитизм приобретал известный по прежним временам черносотенный характер. 25 декабря 1926 г. некий И.О. Рошко из Одессы предложил Сталину «для развлечения за стаканом чая и чашечкой кофе» свои «размышления» на тему «Семиты и чего им не хватает». Мораль его сочинения была узнаваемо проста: среди оппозиционеров «не случайно преобладают семиты»[1].

Старые образы прятались за новые знаковые ряды. В народе красноармейские «буденовки» (некогда призванные возбудить славянофильские эмоции) стали именовать «синагогами»[2]. ОГПУ охотно отмечало случаи антисемитской агитации со стороны духовенства. Сообщалось, что на Украине (Шепетовский окр.) «поп Троицкий» использовал следующие аргументы:

> Мы должны выгнать жидов с Украины, тогда будет житься народу лучше, так как крестьянин работает, а власть еврейская. ...Власть завоевали рабочие и крестьяне, управляют же евреи[3].

В 1925 г. некий крестьянин на открытом партсобрании заявил, что поскольку у государства денег мало и помощи ждать от него не приходится, то надо «тряхнуть израилей, снять у них с ушей золото, вот и деньги будут...» Любопытно его отношение к источникам еврейских доходов: «...Молодцы, ничего не делают, а живут на нашей дурацкой шее»[4]. Это походило на агрессивную деформацию трудовой этики.

Коммунист Емельянов 20 августа 1925 г. так систематизировал настроения крестьян: недоверие к коммунистам; вражда к рабочим; «страшная ненависть и озлобление против евреев»; «убеждение, что без частного капитала не подняться». В городе, по его мнению, не лучше: «всюду жилищный кризис», люди не верят газетам, их возмущает, что «пишут о насилиях на Западе, а у нас то же самое, если не хуже»[5]. Степан Лукин из Ленинграда сообщал: «В уезде 4–5 семейств евреев, все торгаши, но их слабо прищучили, все оказались в партии»[6]. Д.В. Франчук (Подольская губ.) уверял, что крестьяне убеждены, что «армией командуют евреи, которых никогда не было видно на фронте»[7], – сказывались недавние стереотипные представ-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 48.

[2] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 222.

[3] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 334.

[4] См.: http: // rus-sky.com/history/library/ogpy.htm; *Бейзер М.* Указ. соч. С. 102–103, 107.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 173–174.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 20.

[7] Там же. Л. 163.

ления. Некий аноним (крестьянин Гомельской губ.) 6 сентября 1924 г. связывал недовольство Советской властью с тем, что в «партшколах готовят для работы в деревнях сапожников-евреев»[1]. Особенно вырос крестьянский антисемитизм со слухами о переселении евреев в Крым на «лучшие земли» – это связали с самой природой «жидовской власти»[2]. Анонимный автор, адресуясь комиссару земледелия, возмущался тем, что «евреям (1400 семейств) отводится в Крыму 40 тыс. десятин земли», а крестьяне центральных губерний страдают от безземелья. «Почему евреи в Крым, а русские крестьяне в Сибирь? – спрашивал он. – Я не антисемит, но евреям и вам надо бы вести себя поприличнее»[3]. Идея землеустройства евреев, пропагандируемая Ю. Лариным[4], давала побочный эффект. А тем временем многие русско-еврейские писатели отчаянно клялись, что их родина – Россия, а родной язык русский, а потому они не желают эмигрировать[5].

Там, где демагогия, там и провокация. Крестьяне Тверской губернии (или люди, выступающие под их личиной) в 1925 г. писали «дорогому вождю»:

> Явившись в Москву на заработки и насмотревшись... на армии безработных людей, на армии беспризорных... насмотревшись на разросшийся в сто раз сильнее, чем было при царе, бич Советской власти – бюрократизм, против которого призывал бороться Ильич... убедившись собственными глазами в том, что всюду процветает протекционизм... в то время как безработные гроша не могут достать на пропитание себя, не говоря о детях, видя, что этот протекционизм главным образом насаждается у нас, насквозь пропитанной жадностью, нахальством, корыстолюбием, нацией – евреями, что все учреждения оевреиваются, что все рабочее население готово съесть эту сволочь, но боится кулака власти, – мы спрашиваем Вас, нашего вождя... за что тысячами погибали в борьбе с помещиками, за что расстреливали наших детей на фронтах? ...За то, чтобы попасть под гнет подлых евреев? ...Кто пользуется плодами революции – разве не евреи?

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 208.

[2] Голос народа. С. 185; *Орлянський В.С.* Причини антисемітизму в Україні в 1920–1930-і роки и форми його прояву // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. IX. Запоріжжя, 2000. С. 127.

[3] Там же. Л. 215–216.

[4] Ю. Ларин (М.А. Лурье), известный публицист, предлагал переселить в Крым 280 тыс. евреев, а между тем, согласно официальным данным, из 2,5 млн еврейского населения СССР на это соглашались лишь 123,7 тыс. человек (*Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 114–115). На Украине осели на землю 4133 семьи (почти 20 тыс. едоков), в Белоруссии – 1450 семей. См.: *Канцелярский П.* Что и как читать окончившему школу политграмоты. С. 30.

[5] *Лунц Л.* Вне закона. Пьесы, рассказы, статьи. СПб., 1994. С. 219–220.

Карл Маркс сказал: «у рабочих нет отечества». Мы послушались, поверили ему, стали воевать за отечество сначала с царем, потом с буржуазией, отвоевались, но из наших рук его снова вырвал презренный, трусливый, но жадный еврей. Он восседает всюду и на наших шеях... Нас и в партию берут для того... чтобы мы его поддерживали. Наши дети опять беспризорны, на улицах калеки опять просят милостыни у буржуазии, на этот раз партийной... Мы за компартию, но без евреев...[1]

Новая власть не должна выглядеть слишком непривычно. 21 февраля 1927 г. Наум Цорнах из Вышнего Волочка спрашивал партийных вождей: «Отовсюду можно услышать: евреи наводнили госаппарат, строят себе карьеру. Как с этим бороться?»2 Похоже, большевики, успешно использовавшие людскую дурь в 1917 г., не знали, как бороться с ней в постреволюционных условиях. В низах звучали погромные призывы. «Трепещи, иудово племя, и знай, что час возмездия близок, – говорилось в листовке, обнаруженной в г. Нежине. – Выбирайте, жиды, одно: или холодную страшную могилу в России, или другую жизнь в Палестине. Крестьянин, готовь могучий кол и вилы. Рабочий, готовь тяжелый молот и лом»[3]. Похоже, что трудовая символика (серп и молот) готова была уступить место то ли рабоче-крестьянским орудиям убийства, то ли традиционным инструментам борьбы с вурдалаками.

В эмиграции Зинаида Гиппиус втолковывала, что в русском народе никакого «подлинного антиеврейства» нет – «есть подлинный антикоммунизм и антикомиссарство»[4]. Конечно, она заблуждалась, хотя даже в крестьянской среде наблюдались элементы сочувствия к евреям: в условиях повсеместно растущей ненависти к абстрактному «чужаку» конкретных людей можно было и пожалеть[5]. Наряду с антисоветским обнаруживался и просоветский антисемитизм[6]. Тем не

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 25–26.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 13.

[3] Голос народа. С. 185–186.

[4] *Гиппиус З.Н.* Мечты и кошмар (1920–1925). СПб., 2002. С. 183.

[5] Голос народа. С. 185–186. *Орлов И.Б.* Между бытовым и государственным антисемитизмом: Еврейское население России в годы нэпа // Армагеддон. 1999. Книга пятая (октябрь–декабрь). М., 1999. С. 153, 156.

[6] На улицах одного украинского села в 1925 г. появились плакаты с изображением конного красноармейца, впереди которого бежал еврей с чемоданом. Подписи также были необычны: «...Евреи очень опасны для нашей Украины, пора изгнать их», а ниже традиционное – «Бей жидов, спасай Россию!» (*Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 186). По данным ГПУ УССР, в августа–ноябре 1926 г. в сельской местности было зарегистрировано 182 случая антисемитизма, тогда как прочих контрреволюционных выступлений – 208, случаев «ревности» к рабочим – 175, а жалоб на «ножницы цен» – 325. Рабочих социальные вопросы волновали еще больше. См.: там же. С. 187–188.

менее по мере того, как «коммунизм» и «комиссарство» становились Властью, евреи превращались в главного символического виновника российских неурядиц.

25 августа 1923 г. в Гомеле были арестованы руководители Маккаби, несколько позднее Г.Г. Ягода и Т.Д. Дерибас сообщили об аресте группы сионистов из 49 человек[1]. Тем временем от комсомольца А. Тенцера из Киева поступил вопрос: «Почему Поалей-Цион работает вполне легально?»[2] Время для ликвидации левого сионизма, помогавшего в борьбе с сионизмом «буржуазным», еще не подошло: в 1925–1926 гг. ОГПУ было занято ликвидацией «Гашомер Гацаир», «Национально-трудового Гехолуца» и других сионистских организаций[3] (в 1930 г. чекисты утверждали, что они якобы пытались возобновить свою деятельность[4]). Позднее бывшие поалейционисты предлагали свои услуги большевикам по разоблачению заграничных однопартийцев и просили о вступлении в ВКП(б)[5].

С весны 1924 до начала 1926 г. на Украине и в Белоруссии было арестовано и выслано несколько тысяч сионистов. Операции по «изоляции активистов сионистских партий» продолжались с перерывами с осени 1928 до сентября 1934 г.[6] Разумеется, сионисты не отличались политической сервильностью[7]. Но в 1927 г. были сосланы даже безобидные члены «Группы еврейских писателей», пытавшиеся «не дать окончательно угаснуть "тлеющим углям иврита"»[8]. Украинский академик, в прошлом видный деятель Центральной рады, С.А. Ефремов отмечал в дневнике о «страшном юдофобстве», развернувшемся «под прессом коммунизма»[9]. Эмигрантские авторы писали, что «каждый день, каждый час большевицкого владычества увеличивает и без того огромные запасы злобы к нам», и задавались вопросом: «Хватит ли надолго у большевиков силы и умения, чтобы справиться с грозной стихией?» И что будет, если «какой-нибудь Буденный или другой

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 92, 189–191.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 141.

[3] *Зельцер А.* Указ. соч. С. 133; «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 361. Возможно, ситуацию обострила сионистская демонстрация в Сновске (Черниговский окр.): манифестанты (300–350 чел.), возмущенные содержанием лекции «Евреи в СССР и других странах», прочитанной представителем евсекции, двинулись по городу с лозунгами «Смерть компартии», «Долой проститутку компартии – евсекцию» [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 305–306]. Кроме того, «Гехолуц» считался главным каналом нелегальной эмиграции. См.: *Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 85.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1425–1426.

[5] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 169. Л. 2–5.

[6] *Далгатов А.Г.* Указ. соч. С. 117, 132.

[7] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 342.

[8] *Блюм А.В.* Еврейский вопрос под советской цензурой. С. 60.

[9] *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 180.

прославленный "верный сын революции" поднимет знамя восстания против всего строя советского?»[1]

Особенно усилилась юдофобия в пределах бывшей черты оседлости. В Белоруссии одновременное изменение статуса у белорусов и евреев приводило к жутким явлениям: на одном из заводов комсомольцы облили расплавленным стеклом двух евреев, а на суде заявили, что если бы не они, то другие сделали бы то же самое[2]. Чекисты цитировали белорусских национал-демократов: «в Минске существует т. н. белорусское правительство, которое содержит и группирует вокруг себя различную шантрапу московскую, польскую и жидовскую...»[3] Акты антисемитского насилия случались повсеместно. В Ленинграде 17-летний рабочий-комсомолец зарубил топором своего соседа по общежитию – многие коммунисты и комсомольцы оправдывали его поступок[4]. В с. Дарасун Забайкальской губернии, по сведениям ОГПУ, звучали призывы «бить жидов и коммунистов»[5].

Корни антисемитизма в традиционалистской среде, как известно, связаны с подозрительностью к лицам, отчужденным от реального производства и занятым в посреднической сфере. «Курортная» тема не случайно связывалась с начальством и евреями[6]. Ленинградские рабочие предлагали закрыть курорты – источник неравенства, а освободившиеся средства «отпустить на беспризорного ребенка»[7]. Вероятно, подсознательное «равенство за счет других» – самая отвратительная черта революции, которая рано или поздно обнаруживает себя.

В 1921 г. рассказывали анекдот: «Какая разница между евреем и русским? Русские рассеялись по всему свету, а евреи, наконец, обрели себе социалистическое государство»[8]. Анекдот последующего времени звучал так: «Что такое СССР? Сруль, Сруль, Сруль и один Русский, да и тот позади всех». «Я еврей, и я в России – двойная тяжесть, двойной крест», – признавался писатель А. Соболь[9]. Действительно, на бытовом уровне стихийные насильственные акции против евреев

---

[1] *Бикерман И.М.* Россия и русское еврейство // Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924. С. 79, 80.

[2] Отечественная история. 2000. № 2. С. 115.

[3] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 593. Во время «чистки» киргизской партийной организации в 1929 г. Ф.М. Козинцев, происходивший из белорусских крестьян, оправдывал свой антисемитизм тем, что в Белоруссии слово «жид» «не носит оскорбительного значения». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 48. Л. 37.

[4] *Бейзер М.* Указ. соч. С. 108–109.

[5] Монархия погибла, а антисемитизм остался. С. 334.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 39–40 об.; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 381.

[7] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 372.

[8] Цит. по: *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 190.

[9] Цит. по: *Хетени Ж.* Указ. соч. С. 72.

множились[1]. Антисемитизм становился частью ненависти к «партии жидов»[2] (хотя евреи вовсе не стремились в нее[3]).

Исследователи до сих пор спорят об антисемитизме большевистских лидеров, предстающих в официальных документах «подлинными интернационалистами». Для ответа на вопрос требуется изучение «языка второго плана», на котором коммунисты общались в «своем» кругу. Так. Л.В. Максименков подметил «умеренный и дозированный антисемитизм» в переписке Сталина и Д. Бедного[4]. Именно такого рода «неофициальный язык» был изоморфен массовым представлениям.

В авторитарных системах верхи и низы хорошо ощущают эмоциональный настрой друг друга. Как результат ненависть низов к партначальникам и евреям стала приобретать взаимозамещаемый характер. Некий В. Черняев (с. Михайловское Рыбинского у. Ярославской губ.) 12 января 1927 г. прислал Калинину целое сочинение, где отдельные факты перемешивались с домыслами:

> Долго назревал на верхах советских социалистических республик гнилой нарыв еврейских вожделений: создать единую мировую монархию под управлением царя еврейской крови [и] ставленников его... Евреи наверху у власти; евреи в банках и учреждениях; евреи в редакциях газет; евреи торговцы; евреям предоставлены лучшие земли по Черноморскому побережью. Партийцы-коммунисты гнут спины на евреев. Как только заболел Ленин и Троцкий выдвинулся вперед, он сейчас же на собрании Ленинградских рабочих произнес речь, в которой сказал, что величайший враг, который стоит им на пути, – это христианская церковь... Возмущенные киевские рабочие отправили к Ленину, в то время уже больному, делегацию с запросом: что это значит? Ленин им ответил: это сделал Троцкий. Евреи везде... организуют антихристианскую пропаганду... Они выставили своим застрельщиком Ярославского, который своими речами, восхваляющими еврейство, заполняет столбцы газет... Расплодившееся хулиганство... есть пережиток бурной революции, а именно влияния ярославских библий... Хулиганство – это ростки красной революции, которые вырастут в анархию и непризнание советской и вообще всякой власти. М.И. [Калинин]... к вам обращает свои взоры забитый и загнанный еврейским засильем русский народ... Прекратите антихристианскую

---

[1] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 338–339.

[2] Голос народа. С. 124.

[3] В Витебской парторганизации летом 1925 г. евреев было менее 700 (треть от общей численности коммунистов), причем большинство из них проживали в самом Витебске. Их доля во взрослом еврейском населении округа не превышала 2–3 %. В комсомоле евреев было немногим больше. См.: *Зельцер А.* Указ. соч. С. 114.

[4] См. комментарии Л. Максименкова к периписке Сталина и Д. Бедного (Большая цензура. С. 89).

пропаганду... Христианство не враг социализму, а наоборот, только при истинном христианском миросозерцании можно строить и создать прочный социалистический строй жизни народов».

По мнению автора, «еврейская тройка замаскировалась под русскими фамилиями: Троцкий, Зиновьев, Каменев»[1] – «им не нужен социализм». Письмо носило откровенно провокационный характер.

Ж.-П. Сартр некогда писал: «...Есть люди, которых влечет постоянство камня... Это первородный страх самого себя, – и это страх истины. И пугает их... сама форма истины как бесконечного приближения... Антисемит выбрал ненависть, потому что ненависть есть вера». Это было написано в 1939 г. Люди привыкли заслоняться от страхов ответственности за происходящее ненавистью к тем «врагам», которые засели в их покореженной исторической памяти, или тем, на которых указывает «всезнающая» власть.

То, что можно назвать «большевистско-советским» образом мысли, изначально граничило, с одной стороны, с футуристическим прожектерством, с другой – с архаичными массовыми предрассудками. Со временем это должно было сказаться. Как-то летом по одной из центральных московских улиц маршировал отряд комсомольцев. Движение приостановилось, встал и открытый автомобиль, в котором «идол молодежи» Троцкий мирно беседовал с... о. П.А. Флоренским, одетым соответственно сану. Комсомольцы заворчали: «Видно, нами скоро попы командовать будут...»[2] Флоренский, один из разработчиков плана ГОЭЛРО и выдающийся ученый-богослов, в те времена имел свою лабораторию во Всесоюзном электромеханическом институте, где по-своему пытался разрешить проблему культурно-исторического баланса между Хаосом и Логосом[3]. Бывший наркомвоен вел себя на манер вельможного победителя, покровительственно снисходящего до «интересных» побежденных. Но историческую ситуацию скоро стали определять не разномастные высокоученые собеседники, а те самые комсомольцы, у которых их творческий диалог вызывал злое недоумение. Возможно, именно по этой причине в начале 1928 г. по Москве стали циркулировать слухи, будто Троцкий в Алма-Ате был убит ярым комсомольцем[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 44–45.

[2] *Волков С.* Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 169.

[3] Троцкий посещал лабораторию Флоренского в Сергиевом Посаде, интересовался его опытами (Марина Цветаева – Борис Бессарабов. С. 640). Как духовное лицо Флоренский смотрелся необычно: он кончил физико-математический факультет МГУ, отец его был инженером-путейцем, один брат – геологом и археологом, другой – инженером-артиллеристом, старшая сестра – психиатром, три младшие сестры – художницами, все три сына стали геологами, одна из двух дочерей – химиком.

[4] *Шишкин В.А.* Россия в годы «Великого перелома». С. 137.

В лице Троцкого хоронили ставшую неуместной *реальную* революцию – кто с сожалением, кто с облегчением. Людям требовался новый миф, а главное – новый вождь.

Существовала еще одна причина неуклонного вымывания «оппозиции» из политического пространства. 1 июня 1925 г. «многоуважаемому тов. Сталину в центре от члена РКП(б) с 1905 г. Давида Янисовича Пука из Тулы» поступило недоуменное письмо. «Что значит слово "дрейфит", которое употребляет Троцкий, – вопрошал его автор. – Кто-то мне сказал, что по-еврейски – это мат». Пук, как видно, ничуть не комплексовавший относительно русского звучания своей фамилии, полагал, что «обман политики есть смерть коммуны»[1]. Вероятно, этот старый большевик сумел настолько плотно вписаться в постреволюционную действительность, что страшился даже тени покушения на нее. Позднее Троцкий писал, что в те годы каждый его шаг «питал невежественную мифологизацию "троцкизма"»[2]. Раскованный «язык революции», которым, в отличие от косноязычного Сталина, в совершенстве владел Троцкий, становился непригоден. Слова, которые в прошлом звучали магическими заклинаниями, теперь казались подозрительными. Большевик Т. Губарев из Теткино (Курская губ.) 13 октября 1926 г. выражался куда проще Пука. «Нужна одна фамилия, которая звучала [бы] так же звонко и убедительно, как фамилия "Ленин", – полагал он. – Такой фамилией пока является "Сталин". Нужно эту фамилию распространять и говорить, что так-то и так-то сказал тов. Сталин». Ну, а оппозицию следовало «притянуть к ответу» и вообще «заразу выжечь каленным железом»[3]. Магия слова работала против оппозиции, беспартийных рабочих не без успеха принуждали выступать против нее[4].

Троцкий в своих воспоминаниях уверял, что «вчерашняя клевета» тяготела над сталинским руководством и «требовала от них... удвоенного вероломства»[5]. Но слишком многие были теперь готовы поверить в вероломство самого Троцкого. «Еврей везде и всюду старается как-нибудь да ошельмовать, увернуться, обмануть, отлынить, провести нашего русского брата рабочего»[6], – писал в 1929 г. Сталину один питерский рабочий-коммунист. Быстрее всего в политическую паранойю срывались личности неуравновешенные. Не-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 172.

[2] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 493.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 174.

[4] ГПУ, к примеру, сообщало, что в Златоуст прибыл студент индустриально-педагогического техникума Ф. Мельников, утверждавший, что «набрал здесь массу материала и повезет его в Москву, где расскажет, как беспартийных рабочих вынуждают выступать против оппозиции». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 36.

[5] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 493.

[6] Цит по: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 406.

кий Пиманов из Ленинграда, три года назад исключенный из партии, 9 октября 1925 г. сообщал: «...СССР засеян врагами и хищниками, их ищет ГПУ, их ищет уголовка, а они сидят в стенах Кремля и в зданиях правительства»[1].

По мере аккумуляции подобных представлений потребность в «непогрешимом вожде» возрастала. 57-летний А.А. Перчик, член ВКП(б), 8 сентября 1926 г. писал Сталину:

> Родом я эстонец, но живу в Сибири, куда революция 1905 г. меня бросила... Ты именно наш писатель, писатель для низовых революционеров – нам понятен. нам свой. [Ты, Сталин,] настоящий революционер. А Каменев? Не весь революционер, в нем есть и интриганта, и карьеризм, и он даже краснобай, как Зиновьев...[2]

Вслед за тем этот человек предался рассуждениям о том, что «Россия – особая страна»: на достижение окончательной победы социализма сильно влияет «наше географическое положение и громадность нашей территории»[3]. Похоже, что некоторые старые иллюзии он изжил, освободив место для новых. Впрочем, в Сибири жили люди, придерживающиеся противоположных мнений. Иван Кембель, уроженец Ленинградской губернии, осевший в Томской губернии, 28 мая 1926 г. писал генсеку: «Ленин умер... насмарку его программа пошла, остался ученик Ленина Зиновьев... и того отстранили». Он называл себя матросом Балтийского флота, в 1905 г. приговоренным «к 15 годам за восстание против генералов». Сталину этот вечный бунтарь заявлял: «Вы правый, а я левый». Правда, при этом генсеку передавался ритуальный «коммунистический привет»[4].

Порой в большевистском ЦК получали письма провокационного и провоцирующего содержания. Некий В. Бразильский из Нью-Йорка 16 августа 1926 г. сообщал, что не принадлежит к большевистской партии, но тем не менее считает, что ее руководство делает «нужное дело по отношению к Зиновьеву, Троцкому, Пятакову, Каменеву, то есть ко всем израильтянам (жидам), которые так нагло стремятся к захвату высшей власти». По его словам, в Нью-Йорке уже «открыто говорят о том, что скоро евреи будут управлять всем миром». Заодно он поддержал Ворошилова – «парень хороший и надежный», Сталина «всегда поддержит». По его мнению, следовало также «выгнать евреев из ЧК», немедленно ввести «право собственности недвижимостью», а в целом – «пожертвовать коммунизмом», ибо деревня не хочет слышать самого слова «коммунизм». А в целом «все затаенное зло – в Лейбе Троцком», главном претенденте на место Сталина[5].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 52а.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 239.

[3] Там же. Л. 241 об.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 306.

[5] Там же. Л. 53–53 об.

Позднее чекисты цитировали речи «троцкистов», содержащие, как ни парадоксально, сходные инвективы, но в другой адрес:

> Коммунисты применяют методы американской системы травли и фашизма. Коммунисты не имеют мужества сказать откровенно о причинах плохого снабжения и взваливают всю вину на стрелочника. Виноваты Косиор, Сталин. Виновата вся политика ЦК Партии. Наделали искривлений на селе, проводя коллективизацию, а взвалили все на рядовых коммунистов... Выдавая на месяц полкило копченной рыбы, вы социализма не построите...[1]

Политическая паранойя не бывает односторонней. Впрочем, иной раз за «троцкистскими» заявлениями скрывалось банальное раздражение конкретными действиями властей. В феврале 1929 г. начальник станции Елец публично заявил:

> Троцкого за границу сослали, а он оттуда убежал, наши правители хотели смешать его с грязью, но они ошиблись: замарать такого человека... не с такими головами, как у наших правителей... только и знают, что строят социализм... а на то, что рабочие сидят без хлеба, меньше всего обращают внимания.

Чекисты отметили, что «присутствующие были согласны»[2].

Большевистская пропаганда усиливала неверие общества в свои силы и множила страхи. Это было особенно заметно со стороны. Еще в 1926 г. чехословацкий дипломат отмечал, что «страх является причиной всеобщей неуверенности, глушит всякую инициативу». Именно в этом он усматривал причину «всеобщего экономического бездействия»[3]. Но власть, как всегда, проблему собственной стабильности решала, кивая на «врагов». Современники отмечали, что к концу десятилетия «галерея врагов советской власти на карикатурах была поистине необъятна: кроме папы римского, капиталиста и попа – недобитый белогвардеец, кулак с обрезом, лицемерный инженер-вредитель из спецов, мерзавец-бюрократ, нэпман, пьяница-летун и т. п.»[4] И это было еще не все.

К 1930 г. социал-демократы были объявлены «главной опорой империалистов в подготовке новых войн и нападения на СССР». В известные времена, чтобы исказить истину, удобнее всего возложить вину на «недобитого» врага. Увы, это понимали немногие. 3 марта 1930 г. в психбольнице в Томске была обнаружена листовка. В ней, в частности, говорилось:

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 252.

[2] Цит. по: *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 31.

[3] Цит. по: *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 309–310.

[4] *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 114.

...Россия переживает тревожное время, сейчас нет ни одной крестьянской избушки, ни одной рабочей семьи, где бы ни говорили о том, что мы идем к гибели. Переполнены тюрьмы, места ссылок, свирепствуют расстрелы, полный застой в промышленности... Крестьянское хозяйство с каждым днем истощается. Обострение всех государств против России очевидно каждому, и растет обострение внутри России между различными слоями населениями.

...Здесь сознательная измена делу трудящихся, делу революции. Эта измена, эти преступления кроятся в центре, мы ни в коем случае не можем обвинять стоящие у власти низы, которые... боясь ответственности, выполняют заведомо губительные распоряжения центра...

То положение, которое мы переживаем, мы уже переживали в период военного коммунизма... Этот путь к социализму Ленин признал гибельным. Читайте, граждане, истинную программу большевизма, основное законодательство, заветы Ленина, сравнивайте с жизнью, и вы ясно увидите преступление Центра...

Истинные хозяева земли русской – не личности, не Сталины, не Рыковы, а съезд советов...[1]

Вероятно, листовка принадлежала «троцкисту», которого удалось запрятать лишь в психушку, а не в тюрьму. Нормальные люди оказывались в дурдоме, тогда как на воле продолжалось совокупление фрустрационных психозов масс с паранойей власти.

В сентябре 1930 г. «Правда» опубликовала стихотворение Демьяна Бедного с вызывающим названием «Слезай с печки». Оно адресовалось русскому народу, которому инкриминировались «сладкий храп», «лень с нищетой, нищета с мотовством», «похабство» и «рабство», «похвальба пустозвонная», провоцирующие «грабительское дармоедство»[2]. Это был перебор, хотя за ним могло стоять реальное отчаяние революционера, не сумевшего одолеть инерцию прошлого. Однако на этом Д. Бедный не остановился, объявив в другом стихотворении Минина и Пожарского «казнокрадами», которым не место на Красной площади[3]. 12 декабря 1930 г. Сталин разъяснил поэту-«интернационалисту» его «троцкистские» заблуждения. Если ранее «великорусский шовинизм» всячески осуждался, то теперь была признана недопустимость «клеветы на русский народ», которая оборачивается клеветой на «русский пролетариат». Если «центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию»,

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 163.

[2] Правда. 1930. 6 сентября. Примечательно, что тремя годами ранее нечто подобное в далекой Америке писал Д. Бурлюк. Но у него строки: «Русь – один сплошной клоповник...»; «Русь – грязевое болото... – / всюду взяток пьяный смрад...» и т. п. приписывались «пессимисту», издававшему «последний хрип царских псов». См.: *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 7.

[3] *Бедный Д.* Без пощады // Правда. 1930. 5 декабря.

как считал генсек, то надо развивать чувство «революционной национальной гордости»[1]. Под покровом интернационалистских фраз, пародирующих Ленина с его «национальной гордостью великороссов», набирали силу совсем иные эмоции низов и интенции власти.

7. Опасность с окраин?

В масштабные крестьянские выступления, предшествовавшие нэпу, втягивались массы нерусского населения, пытавшиеся противостоять этнодеструктивным, как им казалось, процессам. «Большевизм калмыки понимали как вандализм, стремящийся все разрушить, уничтожить и сокрушить...», – отмечал в 1920 г. председатель КалмЦИКа А.Ч. Чапчаев[2]. Такие представления были обычными для многих этносов: образ большевика ассоциировался у них не с евреем, а с русским (или тем и другим) колонизатором.

Антисоветское движение на Северном Кавказе развернулось сразу же после изгнания белогвардейцев[3]. На западе продолжались набеги Булак-Балаховича, отличившегося по части еврейских погромов[4]. В июле 1921 г. башкирский повстанческий отряд братьев Габзелимовых захватил станцию Аккемир в Актюбинской губернии. Практически вся территория Казахстана была охвачена восстаниями[5]. В октябре 1921 г. в северных областях Олонецкой Карелии вспыхнуло антибольшевистское восстание, его подавили в конце февраля 1922 г., причем большевики остались в убеждении, что оно было инспирировано с финской стороны[6]. В 1921–1922 г. в Информотдел Наркомнаца поступала информация о конфликтах в Башкирии[7], вос-

---

[1] Счастье литературы. Государство и писатели. 1925–1938: Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 91.

[2] *Чапчаев А.* Выступления, речи, доклады: Сб. документов. Элиста, 1990. С. 11. После той резни, которую учинили большевики в калмыцких степях в 1918 г. (см.: ГА РФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 9. Л. 2 об.–3, 7, 46), этому удивляться не приходится.

[3] В сентябре 1920 г. в центр сообщали, что «в настроении чеченцев наступил перелом от дружелюбия и сочувствия советской власти к позиции, которая грозит вылиться во враждебные действия». Цит. по: *Ченцов А.С.* Специальные операции по разоружению населения республик Северного Кавказа в 1925–1926 гг. // Вестник Военного университета. 2009. № 4. С. 145.

[4] Книга погромов. С. 609–646, 673–679, 685, 697, 715.

[5] *Медеубаев Е.И.* 1-я Атаманская, 1-я Народная и другие: Антисоветские выступления в Западном Казахстане и Южном Урале в 1920–1922 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2005. № 4. С. 83.

[6] *Куликов К.И.* Дело «Софин». Ижевск, 1997. С. 95.

[7] Обнаружилось, что «национальная рознь есть даже в среде Р.К.П.», башкиры стремятся выжить крестьян с проданных им ранее земель, русские села отказываются от помощи голодающим башкирам и устраивают над ними самосуды. См.: *Хмелевская Ю.* Указ. соч. Р. 297–298.

стании в Якутии, этнических конфликтах в Чувашской республике, Туркреспублике, Кабардинской области, Адыгейско-Черкесской области, Карельской трудовой коммуне[1]. На Западной Украине в 1921 г. насчитывали около 5 тыс. повстанцев, в Дагестане и Чечне – 10 тыс., в Средней Азии – до 30 тыс. басмачей[2]. Численность «Армии возрождения России» генерала Фостикова, действовавшей на Кубани и отступившей в Грузию, оценивали 8 тыс. человек[3]. В 1922 г. поступали предложения о взятии заложников на Кубани и Тереке[4]. Еще в ноябре 1921 г. Ворошилов предупреждал: «Нет никакого сомнения, что в местностях Кавказа... с мусульманским населением возгорится открытое движение против нас на религиозной и националистической основе»[5]. На деле о продуманном противостоянии большевикам не могло быть и речи: местные элиты пребывали в смятении, что, впрочем, лишь усугубляло ситуацию[6]. На территории Горской республики одни бандитские формирования вели себя пассивно, другие, напротив, активизировались в связи с проведением «продналоговой кампании». В октябре 1922 г. вновь ухудшилось положение в Чечне[7]. В 1923 г. Москву информировали о «небывалым разгуле бандитизма во Владикавказском и Сунженском округах, особенно в пограничных с Чечней и Ингушетией районах». Подчеркивалось, что «спокойствие всего Северного Кавказа зависит от спокойствия Чечни»[8].

На Украине продолжалась борьба с остатками петлюровцев и антисоветским подпольем[9]. В 1922 г. на Алтае повстанцы-хакасы

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 22.

[2] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. С. 796.

[3] *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 165. Данные о численности местных «бело-зеленых», скорее всего, преувеличены. Полковнику З. Даутокову-Серебрякову (в свое время принявшему мусульманство) в начале 1921 г. удалось создать лишь отряд в 200 человек. Под началом 29-летнего Б.Ю. Лаврова (в прошлом студента, затем офицера военного времени) состояли бывшие пленные красноармейцы. Побандитствовав, он распустил бойцов и устроился на работу сапожником. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 410. Л. 2 об.–3, 8.

[4] *Жупикова Е.Ф.* Указ. соч. С. 165; РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 83. Л. 6.

[5] *Симонова Т.* Беспощадное истребление, поголовное выселение // Независимое военное обозрение. 2002. 15 марта.

[6] См.: *Ирский А.* Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. 1922. № 2. В Адыгее, Карачае и Кабардино-Балкарии наметилась своего рода либерализация ислама. См.: *Кратов Е.В.* Указ. соч. С. 114–115.

[7] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 83. Л. 37, 77, 95.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 5.

[9] Україна: Хроніка XX століття. Довідкове видання. Рік 1921. Київ, 2006. С. 261, 271. Большевики сами спровоцировали здесь новую волну недовольства: объявив в начале 1921 г. амнистию лицам пролетарского происхождения и «незаможникам»,

присоединились к отряду И.Н. Соловьева и объединились в Горноконный отряд им. Великого князя Михаила Александровича (до 500 чел.); после карательных акций среди хакасов распространилось движение за выделение в «национальную» волость[1]. В 1923 г. в Грузии оперировал Чалокаев, который для «вербовки бандитского элемента в свою шайку» периодически вторгался в Чечню[2]. В Чувашии крестьяне бунтовали под стандартным лозунгом: «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть!»[3] Поступавшие сведения были противоречивыми: информаторы панически заваливали центр информацией о неизвестно откуда взявшихся «бандах».

В таких условиях под угрозой оказывались всякие «подозрительные» народы[4]. В сущности, власть, расправившись с одними врагами, тут же создавала себе новых.

В правящих верхах, похоже, возрождалась черносотенная страшилка: «Россия окружена пылающим кольцом окраин». В ответ возникали «зеркальные оппозиции», надолго застревавшие в сознании историков. Так, утверждается, что в 1921 г. на Украине был впервые применен «террор голодом», парализующим политический протест[5]. На деле куда более страшный голод разразился в Башкирии: от него страдало до 90 % населения[6]. В Чувашии голодало 85 % населения[7]. Не стоит приписывать большевикам этнонаправленный терроризм: растерянная власть на любые продуманные действия была просто не способна. Несостыкованность идеологии и практики порождала такой управленческий хаос, трагические последствия которого не могли и присниться террористам.

Несомненно, социализм, насильственно внедряемый сверху, мог породить подобие вавилонского столпотворения. Бывшие империи

они обложили их такими налогами, что те снова потянулись к оружию (*Капустян А.Т.* Украинское крестьянство и власть в первые годы нэпа // Отечественная история. 2001. № 5. С. 166–167). В августе 1921 г. Дзержинский требовал скорейшего расстрела петлюровцев – «процессами не стоит увлекаться». См.: Государственная безопасность России. С. 443.

[1] *Шекшеев А.П.* Хасхылар: протестное движение хакасов (конец 1919 – начало 1930-х гг.) // Российская история. 2009. № 2. С. 94–96.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 38.

[3] *Орлов В.В.* Крестьянское восстание в Чувашии в 1921 году: причины и последствия // Отечественная история. 2008. № 5. С. 167.

[4] В июле 1921 г. на Амуре в порядке «укрепления революционного порядка» было расстреляно несколько сот корейских партизан; Ленину сообщали, что «корейское население негодует». См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 135.

[5] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя, 1919–1928. Київ, 1996. С. 202.

[6] Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг.: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2000. С. 329.

[7] *Орлов В.В.* Голод 1920-х годов в Чувашии. С. 108.

особенно болезненно реагируют на состояние окраин. Теперь оснований для этого было более чем достаточно. На территории Казахстана, в Кустанайской области к выступлению казаков-семиреченцев присоединились до 20 тыс. казахов. Тимофей Седельников объяснял Ленину, что «прапорщики коммунизма» понимают партию как правящую касту, а власть как «боевую награду», и тем самым восстанавливают против себя коренное население, которое мечтает только об одном – чтобы его оставили в покое. Так было во всех регионах с нерусским населением, и кое-где большевики это поняли. В Чечне они использовали самопровозглашенных ханов – «авантюристов и демагогов»[1].

По сведениям ОГПУ, приграничные банды развязали «настоящий политический террор в отношении совпартработников»[2]. На Северном Кавказе «налеты бандитских шаек со стороны Чечни и Ингушетии» мешали восстановлению хозяйств казаков Судженского округа[3]. В этих условиях Ворошилов фактически рекомендовал Сталину уничтожать одних бандитов руками других бандитов[4].

В империях власть «инстинктивно» настраивается на перманентную борьбу с окраинной нестабильностью. Большевики не составляли исключения. В августе–сентябре 1924 г. было «мягко» подавлено антибольшевистское восстание в Грузии. Захваченные в плен его руководители вынуждены были признать его авантюрой и призвать повстанцев сдать оружие. В масштабных репрессиях кремлевские большевики не были заинтересованы[5] – это ослабляло их внешнепо-

---

[1] Тем не менее в январе 1921 г. рота в 110 красноармейцев была разгромлена, 30 человек убиты, оставшиеся в живых обезоружены и раздеты (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 13, 17). Ворошилов попытался организовать чеченский отряд в 1000 человек для «расправы с бандой и населением». См.: там же. Л. 17–18.

[2] Сообщали, к примеру, что в 1922 г. в Витебской губернии из банды «Профессора» был выделен особый отряд «истребителей», «вооруженных тупыми топорами, зверски расправляющихся с местными гражданами и совработниками». См.: «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 91.

[3] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 827.

[4] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 5. В январе 1923 г. на чеченском съезде он рекомендовал не спешить с амнистированием бандитов (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 66. Л. 75). Оценивая результаты съезда, на котором была основана еще одна автономия, Ворошилов писал Сталину, что «чеченцы, как и все горцы, не хуже, не лучше», «муллы пользуются неограниченным влиянием», а русские коммунисты, пытающиеся «проводить влияние через бедноту», «ничему не научились». По его мнению, надо организовать «чеченмилицию», ликвидировать бандитизм, воровство и разбои, допустить существование шариатских судов. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 3–5 об.; Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 22–24 об.

[5] Местные чекисты успели расстрелять около 400 человек, Сталин потребовал прекращения казней, назвав их «политической ошибкой» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 62. Л. 1–6). Дзержинский полагал, что «ни один расстрел не должен быть произведен без санкции ЦК» (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 569). Эми-

литические позиции[1]. Труднее было с объяснением причин произошедшего и масштабов «грузинского» недовольства[2]. Неподтвердившиеся опасения, что восстанием руководят турецкие офицеры, а повстанцев готовы поддержать армянские дашнаки, были не случайны. В итоге из Грузии была подсказана самоуспокоительная версия: после подавления восстания крестьяне якобы стали нападать на «виновников» в лице бывших помещиков и офицеров, а интеллигенция отмежевалась от грузинских меньшевиков[3] – «классовый фактор» пригодился и на сей раз.

Тем временем напряженная обстановка сохранялась в Армении, Кубано-Черноморской области и даже в Смоленской губернии[4]. Особые опасения по-прежнему вызывал Северный Кавказ, мусульманское население которого характеризовалось как «фанатически настроенное, подозрительно относящееся ко всему "русскому", с трудом ориентирующееся в текущих событиях»[5]. В 1928 г. чекисты насчитали в этом регионе 12 нелегальных повстанческих группировок[6]. Правда, осталось невыясненным, сколько из них существовало лишь в воображении питомцев «железного Феликса».

Учитывая особенности религиозного поведения мусульман при подготовке к вторжению в Бухару, Сталин писал Орджоникидзе в мае 1922 г.: «Понятно, что одновременно с оккупацией необходима длительная политкампания по линии уступок национальных, религиозных, возвращения вакуфных земель». Одна из них оказалась своеобразной: на учебу за границу были отправлены молодые люди

грантские руководители восстания тем не менее называли на порядок большую цифру репрессированных.

[1] Г.В. Чичерин выступил с заявлением о том, что «была лишь вспышка, осуществленная небольшими группами оторванных от народа бывших офицеров, дворян и меньшевистских народогвардейцев, инспирированная... иностранными правительствами», которые теперь хотят использовать ситуацию «для нанесению удара Рабоче-Крестьянскому Союзу». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 62. Л. 24–25.

[2] Дзержинский в связи с этим утверждал, что «притоны, шашлычные и столики грузинские в Москве – опаснейший очаг». См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 566.

[3] См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 62. Л. 7–17.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 55.

[5] *Заржецкий С.* Формы и методы политпросветработы ГССР // Вестник Главполитпросвета. Орган Главполитпросвета ГССР. 1921. № 1. 3 июля. Характеристика, по-видимому, относилась к Чечне и Ингушетии. Здесь, в отличие от Адыгеи и Кабардино-Балкарии, не уменьшалось число религиозных школ, включая арабские, в рядах мюридов состояло от 30 до 70 % взрослого населения, активно действовали карикатистские ордена (*Кратов Е.В.* Указ. соч. С. 111–112). В начале 1923 г. в Чечне требовали внедрения «арабской графики»», объясняя это незнанием русского языка. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 67.

[6] *Баранов А.В.* Указ. соч. С. 282.

из Туркестана и Бухары. Чекисты называли их псевдокоммунистами из «байского и купеческого элемента», которые, скорее всего, вернутся на родину панисламистами[1]. Разумеется, «уступки» сочетались с расправами с «врагами бухарского народа». Подобные методы были уже опробованы в Хиве: здесь кремлевские посланцы порой просто выдавали красноармейцам записки с «разрешением» расстрелять тех или иных лиц[2].

В августе 1923 г. Н. Гоцинский сформировал отряды, которым вроде бы предстояло поддержать внешнюю интервенцию в Дагестане, Чечне, Ингушетии, северных районах Грузии путем диверсий[3]. В Хасав-Юртовском районе успешно вербовал мюридов сторонник Гоцинского Али Аджи, чеченские антибольшевистские формирования угрожали Дагестану[4]. Но симпатии горцев были противоречивыми. Шейх Али Митаев, имевший до 12 тыс. мюридов, с согласия Юго-Восточного бюро РКП(б) был введен в состав Чеченского областного ревкома[5].

Ситуация оставалась нестабильной. Северокавказские коммунисты (председатель Чеченского облревкома Т. Эльдарханов[6], председатели Дагестанского ЦИК Н. Самурский и СНК Д. Коркмасов) предупреждали, что регион представляет собой «оазис средневекового исламизма», он мог стать «гнездом бандитизма, национальной розни, кровавой вражды, политическим оружием в руках Турции». Особая опасность, по мнению Самурского и Коркмасова, исходила из Чечни. «Восстание северокавказских горцев и новая “Кавказская война”, –

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 46.

[2] ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1187. Л. 10.

[3] *Ченцов А.С.* Указ. соч. С. 146.

[4] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 178.

[5] Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 243; *Ченцов А.С.* Указ. соч. С. 145. В начале 1923 г. Ворошилов характеризовал Али-Митаева как «дьявольски умного и хитрого», заискивающего перед Советской властью с целью своей полной реабилитации человека [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 95; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 24 об.]. Чекисты говорили, что он «скользкий, как змей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 64). Впрочем, оценки постоянно варьировались. Митаев, ставший активным сторонником Гоцинского, был арестован в апреле 1924 г. (*Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 366). Ему инкриминировались связи с Гоцинским, якобы являющимся резидентом «англо-французской контрразведки и горского монархического центра» [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 197]. В 1930 г. чекисты отмечали активизацию «реакционной секты Али Митаева» См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1317, 1319.

[6] Ворошилов называл Т.Э. Эльдарханова «бесхарактерным, безвольным, глупым и чванливым старикашкой», замены которому, к сожалению, нет [см.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 95]. Он опирался на мнение некоторых чекистов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 11), хотя другие предлагали сделать ставку на «национальную интеллигенцию». См.: там же. Л. 4.

писали они, – могут окончательно скомпрометировать коммунизм и СССР во всем мусульманском мире...»[1] Такие панические представления не были единичными. «В этих районах... мы находимся во вражеском окружении, – отмечалось в отчете Восточного отдела ГПУ за 1924 г. – За пределами городов нет никаких прочных советских структур и ни одного социального слоя, нам твердо "вполне искренне сочувствовавшего..."» В конце августа 1925 г. силами Красной армии в Чечне была проведена операция против «бандитских элементов», в которой было задействовано 7 тыс. красноармейцев, артиллерия и самолеты. В течение двух недель 117 аулов, считавшихся «бандитскими гнездами», подвергались обстрелам и бомбардировкам[2]. Был захвачен Н. Гоцинский, которого срочно вывезли в Ростов-на-Дону, где приговорили к расстрелу[3]. Последователи Гоцинского занялись составлением списков соплеменников, готовых принять британское подданство[4]. В феврале 1927 г. в связи с перевыборами в местные Советы здесь распространились апокалиптические настроения[5]. Вслед за Чечней операции по разоружению были проведены в Ингушетии и Дагестане. Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея должны были разоружиться «самостоятельно»[6].

Ход «советизации» Северного Кавказа сдерживали «неожиданные» факторы. Во второй половине 1920-х гг. в Адыгейской (Черкесской) автономной области чекисты отмечали «настроение за выселение всех русских крестьян, живущих в Адыгее, за пределы области и переселение на их место черкесов из Турции»[7]. Сходные проблемы обнаруживались повсеместно. В январе 1922 г. Ворошилову пришлось улаживать конфликт между кабардинцами и карачаевцами[8].

---

[1] Цит. по: *Гатагова Л.С.* Указ. соч. С. 78.

[2] *Верт Н.* Указ. соч. С. 131. Из 242 разоруженных населенных пунктов 101 аул, отказавшийся добровольно сдать оружие, был подвергнут 10-минутному артиллерийскому обстрелу; на 18 аулов, скрывающих руководителей банд, было сброшено 104 бомбы (*Ченцов А.С.* С. 148–149). Такая жестокость не должна удивлять. В ноябре 1920 г. горцы зверски расправились со сдавшимися в плен красноармейцами 1-го стрелкового полка революционной дисциплины: из 700 бойцов уцелело около 100 человек. Это было сделано вопреки обещанию Гоцинского освободить тех, кто добровольно сдаст оружие. См.: *Жупикова Е.Ф.* Указ. соч. С. 166.

[3] *Ченцов А.С.* Указ. соч. С. 148; *Михеев В.И.* Указ. соч. С. 83.

[4] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 85.

[5] *Кратов Е.В.* Указ. соч. С. 112–113.

[6] *Ченцов А.С.* Указ. соч. С. 149–150; Государственная безопасность России. С. 464.

[7] Сообщали, что, поскольку русские страдали от малоземелья, возникла зависимость их от черкесов, что подогревало «национальную рознь, особенно там, где аренда начинала носить спекулятивный и кабальный характер». Цит. по: *Хлынина Т.П.* Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. С. 117.

[8] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138.

В том же году внутри партийной организации автономии немцев Поволжья разгорелось соперничество между «немецкой» и «русской» фракциями[1]. В 1923 г. обнаружилось, что слияние Башкирии с Уфимской губернией вызвало трения в партийном и советском руководстве; «националистические уклоны» отмечались в Марийской, Чувашской, Вотской областях[2]. Население Кубани было не довольно немцами-колонистами в связи с выделением их в 1928 г. в так называемый особый Немецкий (Ванновский) национальный район – иной раз его именовали «змеиным гнездом германцев»[3]. Нечто подобное происходило на Украине, где селяне заявляли: «Хай німці їдут до Німеччини»[4]. Споры об аренде земли между русскими и бурятами развернулись после образования Бурят-Монгольской АССР[5]. Дискриминация русского населения отмечалась во всех мусульманских регионах[6]. Так называемое национально-государственное строительство, некогда воспетое сталинскими «интернационалистами», превратилось в мощный стимулятор этнонационализма[7].

Северный Кавказ в свое время притянул массу маргиналов. В местных партийных организациях состояли немцы и венгры, ставшие красными командирами и успешно проходившие партийную проверку[8]. Состав «вычищенных» здесь в 1929 г. коммунистов был пестрым[9]. Не имели значения ни социальные, ни этнические, ни конфессиональные данные: бывшие полицейские становились начальниками милиции, конокрады – членами бюро окружного партийного комитета. Те и другие пьянствовали, дебоширили, пристраивали на работу родственников[10]. Когда-то они были необходимой частью революционной смуты; теперь они были не только не нужны, но и опасны для власти.

---

[1] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 179–181, 192–193.

[2] РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.

[3] *Хлынина Т.П.* Запад в восприятии советского человека. С. 45. Такое негативное представление возникло, скорее всего, от того, что существовавшая до 1929 г. немецкая автономия заметно выделялась на общем фоне в хозяйственном отношении. См. *Нахтигаль Р.* Донские немцы: 1830–1930. Augsburg, 2007. С. 200.

[4] Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 224.

[5] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 392–393.

[6] *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 348, 350.

[7] В Нахичевани известия об административной реформе тюркские крестьяне восприняли как сигнал к резне армян. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 355.

[8] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 40. Л. 6–8, 70–71.

[9] Среди них был русский, вступивший в 1918 г. в Красную гвардию, затем оказавшийся у белых, но закончивший свою военную карьеру в Красной армии. Был исключен из партии и этнический грузин, в прошлом тюремный надзиратель, в 1918 г. превратившийся в красноармейца. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 69, 80, 87.

[10] Там же. Л. 162, 164, 186 об., 188–189, 215–215 об.; Д. 41. Л. 171–174.

Разумеется, встречались и «идейные» милиционеры. Один из них по фамилии Манухин опубликовал в 1924 г. в московской газете стихотворение, в котором были такие строки:

За власть Советов, за власть рабочих
Мы все готовы хоть завтра в гроб...
Но мы на страже, не проморгаем,
А если нужно, то пулю в лоб!

Самодеятельный поэт был искренен в своем стремлении уничтожать врагов, среди которых выделялись «бандит, буржуй, лохматый поп»[1]. При этом он ощущал себя «на страже» существующего порядка, не задумываясь о его нравственных основах.

Большевики взялись решить задачу ликвидации традиционных социокультурных иерархий, не предложив альтернативной ценностной системы, понятной массам. Пришлось опираться либо на межклановые противоречия, либо на голую силу, но это могло принести лишь временный успех. Ситуацию на Северном Кавказе рисовали следующим образом:

> Мир трещал по швам, под колесо истории попадало все, что хоть каким-то образом тяготело к «старому» миру. И каждый город, село, станица бывшей Российской империи неминуемо ощущали эту железную поступь нового. Одни воспринимали это новое как крах, катастрофу, крушение всяческих надежд и идеалов, другие, напротив, с надеждой[2].

Так было не только на Северном Кавказе. В Ферганской области борьба с антибольшевистскими силами не приносила результата – отмечались случаи, когда красноармейцы, прибывшие воевать с басмачами, начали грабить местное население и пьянствовать[3]. Здесь сказывался синдром колониального завоевания.

Людей, грезивших об интернациональной революции, этнокультурные проблемы волновали менее всего. Между тем они невольно заняли место былых великодержавников, т. е. вынуждены были так или иначе учитывать прошлый опыт. Былые обещания союзникам по развалу империи обернулись так называемым национально-государственным строительством и патерналистским опекунством над «младшими братьями». Все это сопровождалось интернационалистским самообманом и великодержавным обманом.

В 1922 г. в переписке Ленина и Каменева сохранились любопытные свидетельства на этот счет. Каменев забеспокоился относительно ленинской фразы: «...Давайте мы, великороссы, проявим осторож-

---

[1] Цит. по: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 63.

[2] *Метревели О.* Владикавказ: начало двадцатых // Дарьял. 1991. № 1. С. 80–101.

[3] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 657.

ность, терпение и т. п. и понемножку заберем опять в руки всех этих украинцев, латышей и пр.» Ленин волноваться не стал: «Я уже отослал корректуру, но это не беда: Сталин и Раковский находят, что я недостаточно напал на украинских националистов». Мнение Каменева о том, что он «выдал» себя «как великоросса», его не беспокоило[1]. Как видно, он допускал по этому вопросу многообразие ничего не стоящих «большевистских» мнений. Между тем лицемерие большевиков легко угадывалось в полуофициальном именовании автономий: «Туркреспублика», «Татреспублика», «Башреспублика» и даже «Кал[м]область» (Калмыкия) – за множеством диких, но характерных для революционного времени аббревиатур скрывалось пренебрежительное отношение к народам. Даруя автономию, наследники империи иной раз не удосуживались выяснить у специалистов самоназвание того или иного этноса. Так, если казахов в прошлом именовали киргизами, то поначалу возникла киргизская автономия, затем «казакская». В 1928 г. сын Троцкого Сергей отмечал: «Гепеуры... презрительно говорят о киргизах: "татары", "азиаты". И каким тоном!»[2]

Авторам, которые до сих пор сочиняют ученые труды о советском «нациестроительстве»[3], следовало бы задуматься о степени искренности людей, жонглирующих постреволюционным новоязом. На заседании национальной секции XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г. представители Украинской ССР (Х. Раковский, Н. Скрыпник), Грузинской ССР (П. Мдивани), Татарской АССР (М. Султан-Галиев) отмечали «администраторские увлечения», игнорирование того, что «советская федерация не является однородным национальным государством». Приводились и заявления о том, что скоро «башкирского коммуниста будут бить как башкирского националиста»[4]. Большевистскому руководству было наплевать не только на этносы, которые они взялись «облагодетельствовать», но и на всевозможные «автономии» – они напоминали кость, брошенную барином настырному холую.

Разумеется, центр больше всего волновала Украина, точнее, излишняя самостоятельность тамошних партийных руководителей.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 160. Л. 79.

[2] Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. С. 65.

[3] Порой это именуется «грандиозной по замыслу, масштабам, усилиям... технологией создания единой поликультурной системы консолидации социальных страт и политических акторов, внедрения рациональных инструментов этнокультурного развития, взаимодействия общества и власти в соответствии с вызовами времени, понятыми и интерпретированными в рамках заданной догматики» (*Аманжолова Д.А.* Указ. соч. С. 214). Как ни странно, эти наукообразные вычурности соседствуют с вполне здравыми суждениями, что «советский аппарат не приспособлен к тому, что делается на самом деле в окраинах, какие процессы там происходят...» См.: там же. С. 76.

[4] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 163, 169–170.

К примеру, 30 октября 1925 г. на заседании Политбюро ЦК КП(б) Украины было признано «необходимым серьезное увеличение запасов для внутреннего рынка и соответствующее сокращение экспорта из Украины»[1]. В обстановке финансового кризиса такое решение отдавало «сепаратизмом». К тому же одновременно развернулась дискуссия о путях развития украинской литературы[2]. Поступали сигналы, что на Подолии, Волыни, Киевщине сохраняются «ячейки националистов, завзятых петлюровцев исключительно из учительства и украинской интеллигенции», которые «пролезают в партию» и имеют своих людей в ГПУ. Отсюда исходили утверждения о том, что «Москва, которой руководят евреи, наложила руку на украинских крестьян»[3]. К тому же коммунистов тревожили слухи о том, что националисты выступают за «отделение Украины и Кубанщины с помощью западных братьев»[4]. В июле 1927 г. ЦК КПБ(У) обратился в Исполком Коминтерна, ясно давая понять, что украинизация зашла слишком далеко[5]. Особое недовольство вызывала деятельность наркома просвещения А.Я. Шумского, якобы развернувшего борьбу против ЦК украинской компартии[6]. Представители русской культуры писали о «ненависти к Москве», «вздохах о Раде» на Украине[7]. В результате политика «коренизации» стала основательно корректироваться. В 1929 г. был арестован студент 4-го курса Киевского политехнического института Ю. Юркевич. Этому, по его собственной характеристике, «инфантильному маменькину сынку» инкриминировалось участие в контрреволюционном «Союзе украинской молодежи» – своего рода юношеском филиале «Союза освобождения Украины». Обвиняемый, отправленный в ссылку в Казахстан, до

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 747. Л. 65.

[2] *Борисенок Е.Ю.* Большевистская программа построения социалистического общества в национальных республиках: политика коренизации на Украине и в Белоруссии в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2007. № 23(51). С. 82–83.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 161–162.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 102.

[5] Напротив, украинские националисты заявляли, что «единственным результатом теперешней украинизации явится то, что кацапы и жиды, находящиеся на государственной службе, обдирая в интересах Москвы украинского крестьянина, будут говорить с ним на ломаном украинском языке». Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 253.

[6] Правда. 1927. 8 июля. Шумский, в прошлом украинский эсер, затем боротьбист, по настоянию Ленина был выдвинут в ЦК компартии Украины (*Martin T.* Op. cit. P. 212–213). По характеристике Г. Беседовского, до войны Шумский был землемером, затем стал офицером военного времени. Этот человек, по его словам, отличался необузданным самомнением, грубостью, при этом ему «мерещилась роль украинского Троцкого». См.: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 1. С. 60.

[7] *Третьяков С.* Указ. соч. С. 53.

конца жизни так и не смог выяснить, существовала ли на деле «его» организация[1]. За «национализм» осуждали даже некоторых комсомольцев[2]. Кстати сказать, ссылками на «национализм» и «шовинизм» многие пытались прикрыть должностные преступления.

Помимо этого Украину продолжал будоражить вопрос о церковной автокефалии. ОГПУ в марте 1922 г. сообщало о «возбуждении части населения» контрреволюционной агитацией «против автокефалистов и евреев»[3]. Беспокоило чекистов и появление молодежных организаций, патронируемых автокефалистами[4]. В 1925 г. в Переяславле состоялся съезд автокефалистов «для торжественной панихиды по убитому поляками Кушнеру». Спецслужбы восприняли это с недовольством и недоумением[5]. Ситуацию осложняло то, что среди «автокефалистов» было немало «обновленцев», которых большевики поддерживали в борьбе против Московской патриархии[6]. В конечном счете победили страхи перед «многоголовой гидрой» контрреволюции. В марте 1927 г. Каганович сообщал об аресте членов «Мужицкой партии», «чисто кулацкой по своей идеологии... с тенденциями национал-фашизма», корни которой «упираются... в автокефальную церковь», в 1928 г. он уверял, что во главе автокефалистов стоит «бывший премьер Цехановский, социал-демократ», а в качестве попов выступают «люди с высшим образованием, эсеры, меньшевики»[7]. Большевики по-прежнему были убеждены в адекватности подобных классово-политических объяснений.

В сельской местности на Украине возникали те же трудности, что и в России. Волостные работники писали в Москву, что «приходится работать в крайне трудных условиях: нет помощников, помещений, низкая зарплата»[8]. Организации незаможного селянства рассчитывали скорее на помощь сверху, чем на собственные силы[9]. Это провоцировало злоупотребления. «Село – это несколько враждебных лагерей», – отмечал С.А. Ефремов, отмечая, что основная борьба ведется между незаможниками и кулаками[10]. В ноябре 1925 г. из Звенигород-

---

[1] *Юркевич Ю.Л.* Указ. соч. С. 94, 98–99.

[2] *Голицын С.* Указ. соч. С. 118.

[3] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 107.

[4] *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 212.

[5] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 514.

[6] Примечательно, что обновленцы, со своей стороны, утверждали, что движение за «епархиальную автокефалию» в России было инициировано патриархом Тихоном и заграничной контрреволюцией. См.: Слово жизни. Вятка. 15 февраля. С. 13.

[7] *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 321, 607.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 45.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. Л. 22.

[10] Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 216.

ского сельсовета (Краснокаменский р-н Кременчугского окр.) помимо жалобы на «главаря сельсовета Павла Тюха, который благодаря смычке с районным начальством заправляет всем в своих семейных интересах», отмечалось, что «грамотность на украинском языке», т. е. «со смесью польского акцента» никак «не идет в головы детишек». К тому же в школах учат «болтовне и рисованию». В общем, это был типичный набор крестьянских жалоб на «ненужные» науки. Вместе с тем отмечалось, что «крестьянин везде и повсюду попадает под иго евреев частных торгашей, которые на каждом перекрестке обуздывают темный крестьянский люд». Сообщали также, что празднование Октябрьской революции «прошло хорошо, только председателя сельсовета завел драку с комсомольцами и один из мужиков душил его на улице за глотку»[1].

Антисемитские настроения на Украине росли[2]. Некоторые рабочие-евреи писали о «невыносимых гонениях на жидов». В сельских партийных ячейках возникали еврейские «национальные» блоки. Писали, что если «не обратить должного внимания на неправильные действия в низах, то многие рабочие выйдут из рамок человека и превратятся в зверей»[3]. В Одессе обнаруживались особые выверты сознания: безработные евреи кричали: «Бей коммунистов и жидов!»[4] В связи с военными страхами крайние националисты заявляли, что «лучше быть под Польшей, чем под жидами»[5].

Антисемитизма было предостаточно везде, при этом он причудливо преломлялся под воздействием бытовых неурядиц[6].

В официальной пропагандистской литературе факты «украинского антисемитизма» признавались[7]. А между тем 27 ноября 1926 г. крестьянин-еврей Д. Котляр (м. Вольковинцы Подольской губ. Проскурьевского окр.) писал:

> Здравствуй тов. Сталин! ...Еврейская масса старается трудовизироваться, т. е. жить и зарабатывать свой кусок хлеба через труд... С трудовым приветом от крестьянина, который стремится к социализму.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 26–29.

[2] Считается, что своего пика антисемитизм (включая «пролетарский») достиг в 1928 г. См.: *Орлянський В.С.* Указ.соч. С. 126–127.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 26.

[4] *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 185.

[5] Там же. С. 254.

[6] 12 октября 1926 г. некие «призывники-рабкоры» жаловались Ворошилову: «Несмотря на громадное число евреев в Москве, по сведениям призывных комиссий, евреи на призыве совершенно отсутствуют... Все откупаются деньгами... Растет ненависть к евреям...» См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 138.

[7] Так, писали, что издававшийся в Львове журнал «Літературно-Науковий Вісник» в 1927 г. публиковал стихи и рассказы «откровенно антисемитского содержания». См.: *Канцелярский П.* Советская власть и еврейское население в СССР. С. 23–24.

К этому он добавлял, что посещает хату-читальню, но «литературы недостает», и просил прислать «на несколько рублей книг»[1]. Революция давала еврейским низам шанс поменять свой социальный статус. Журналисты с восторгом писали о том, что бывшая местечковая попрошайка при советской власти отважилась подать на развод с мужем-идиотом, старуха Прохорова из белозерской деревни «разуверилась в боге», а престарелый бондарь во всеуслышание заявляет, что «не верит больше в тору», и просит похоронить без молитвы, а «только с музыкой, как героя труда»[2].

Многие евреи действительно готовы были крестьянствовать[3]. Увы, на этом пути встречались препятствия традиционного свойства, обостренные аграрными наивностями большевиков.

В январе 1928 г. ГПУ обнаружило в Харьковском округе «Ноту правительству СССР и правительству Украины» за подписью «Секретариат» (очевидно, по аналогии с Украинским Генеральным секретариатом образца 1917 г.). Документ тут же идентифицирован как послание «кулацко-петлюровской контрреволюции». На деле текст не обнаруживает ни стилистики Петлюры (убитого в 1926 г. в Париже), ни его сподвижников. Скорее всего, документ был составлен боротьбистами (украинскими левыми эсерами) или представителями нового поколения украинских национал-коммунистов, пытавшихся использовать жертвенную харизму Петлюры[4]. В нем содержался протест против следующих компонентов большевистской политики:

> 1) Насильственное проведение коммунизма в России без воли и согласия на то крестьянских масс. 2) Самоличное израсходование крестьянских кровных средств без разрешения народа.

Послание было составлено в духе «крестьянского» протеста-наказа с соответствующим набором интеллигентских требований (отделение большевистской партии от государства, прекращение субсидирования Коминтерна, подушный передел земли, упразднение правительств автономных республик ради экономии средств, уменьшение налогов до довоенных норм, бесплатное обучение в семилетках, снижение цен до довоенного уровня, отказ от колхозов, свобода печати, освобождение «арестованных епископов Украины» и т. п.). В конце послания было заявлено, что «мы селяне – петлюровцы», по-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 497. Л. 140.

[2] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 42; Старый и новый быт. С. 18.

[3] *Зельцер А.* Указ. соч. С. 95, 97. Еврейская советская и партийная элита рассматривала этот процесс как часть программы «продуктивизации» – перехода к «производительному» (не коммерческому и не посредническому) образу жизни.

[4] Примечательно, что оправдание убийцы Петлюры Ш. Шварцбарта вызвало подъем антисемитизма и «страшное возмущение», особенно молодежи, на Украине. См.: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 188.

скольку Петлюра убит жидом, то «мрії про незалежну и самостійну Україну у нас живут»[1]. Другая листовка, более примитивного содержания, обнаруженная в с. Дергачи (Харьковский окр.), призывала батраков подняться на борьбу против «радянсько-жидивської влади»[2]. Похожие листовки с призывами браться за оружие появились летом 1928 г. на Киевщине[3].

Трудно сказать, насколько основательны были страхи возрождения петлюровщины на Украине. В прошлом Петлюра рекомендовал «новую тактику» (что характерно для всех политических эмигрантов): инфильтрация в советские структуры с целью разложения их изнутри. Современные украинские историки, однако, пишут, что советская украинская интеллигенция, бичуя при случае Петлюру, принялась осторожно проводить его идеи в жизнь: «Вчерашний чекист, а к 1926 году классик "модерной" украинской советской литературы Николай Хвылевой провозгласил свой лозунг – "Геть від Москви!"... нарком просвещения УССР Александр Шумский "погрязнет в национал-уклонизме"». Согласно этой логике один из большевистских украинских лидеров Влас Чубарь с полным основанием говорил в марте 1926 г.: «...У нас еще есть люди, что симпатизируют Петлюре»[4]. Примечательно, что в апреле 1926 г. Сталин в письме Кагановичу [в то время секретарю ЦК КП(б) Украины] отмечал, что у Шумского «есть некоторые верные мысли» и что его надо привлечь «к участию в руководящей партработе»[5]. Между тем в мае 1927 г. партийная верхушка Украины решительно осудила Шумского (не говоря уже о Хвылевом), обнаружив у него «семь основных политических ошибок»[6], а сам «уклонист» покаялся.

Сегодня проще всего согласиться (под чем готовы подписаться и российские чекисты, и современные украинские «государственники»), что идеи С. Петлюры в 1920-е гг. представляли реальную опас-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 82–84.

[2] Там же. С. 85

[3] Там же. С. 359.

[4] Цит. по: *Савченко В.А.* Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 411.

[5] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 383, 385. «Примиренчество» Сталина связано с тем, что А.Я. Шумский на встрече с ним поставил вопрос об удалении Кагановича с поста украинского генсека. Смещать собственного назначенца Сталину было невыгодно, жестко критиковать Шумского из центра – рискованно. Своим письмом Сталин добился нужного результата: члены украинского Политбюро обвинили Шумского в «злостном извращении» положения дел, «удару» по Кагановичу и попытке раскола партийного руководства на Украине. См.: там же. С. 401.

[6] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 486–488. Было признано, что Шумский «вгоняет бациллы национализма в тело... партии», что ведет к «дезорганизации» сил трудящихся масс Западной Украины, борющихся против «польского фашизма». См.: там же. С. 492, 493.

ность для власти. Однако не стоит «спрямлять» историю, излишне доверяя «бдительным» спецслужбам и путая недовольство кремлевским руководством с сознательным отстаиванием украинской самостийности, – всякий социальный хаос причудливо взаимодействует с этносом. Столь решительное осуждение Шумского могло быть связано со страхами «боевого нападения фашистской Польши» и возможностью поддержки его уклонистами[1]. В так называемом национальном вопросе остро проявляли себя не только прямолинейные псевдоинтернационалистские установки, но и неизжитые имперские страхи.

Кстати сказать, антисемитизм на Украине, как и повсеместно, как будто схлынул к 1930 г., хотя и тогда изредка (как в Харькове) появлялись провокационные листовки против «хулиганов-жидов», а заодно и против «социалистов, которые на автомобилях катают проституток, а заодно и украинцев с длинными носами»[2].

Серьезные проблемы на Украине возникли в связи с так называемым районированием (проводимым с учетом «классового» фактора) и созданием национальных советов. Поскольку в сельских местностях возникали польские, немецкие, молдавские, болгарские и прочие (в 1926 г. появился даже один шведский) Советы, не говоря уже об еврейских, этническая напряженность стала подогреваться аграрным фактором[3]. 9 сентября 1925 г. один комсомолец-еврей писал Сталину, что «проведение украинизации и районирования вызвало у партийцев желание "эмигрировать" – уехать в Москву». Он добавлял, что, вместо «того чтобы изучать украинский язык, лучше выучить какой-нибудь западноевропейский язык». Кроме того, он ожидал «оживления великорусского шовинизма»[4]. Тем временем в связи с районированием стали опасаться роста сионизма, усиления влияния извне на местных немцев и поляков, противоречий между русскими и украинскими крестьянами[5]. Все это стимулировалось «интернационалистскими» предложениями. Так, 1 мая 1926 г. некий «рабочий-сахарник Як. К-ский, беспартийный», предлагал переименовать Киев в Троцкиев[6].

Ни для кого не было секретом, что так называемая коренизация успешнее всего протекала на Украине[7], скоро дело дошло до украи-

---

[1] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 495–496.

[2] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 197.

[3] См.: *Martin T.* Op. cit. P. 35–44.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 79–80.

[5] *Martin T.* Op. cit. P. 36, 41, 42.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 259.

[7] Особенно она усилилась после назначения в 1925 г. генеральным секретарем ЦК КП(б) Украины Л.М. Кагановича (*Борисенок Е.Ю.* Указ. соч. С. 81; *Martin T.* Op. cit. P. 84–98). Вместе с тем в сельской местности звучали требования «не балакати по-

низации кубанских станиц[1]. Осенью 1927 г. сообщали, что «почти все окружкомы перевели полностью делопроизводство на украинский язык», ставится задача «массового внедрения» его в партийную и профсоюзную работу[2]. Признавали, однако, что кое-где с украинизацией «перебарщивают – на одном из союзов Киева при 33 % украинцев была произведена полная украинизация», а в Луганском округе «на одной из шахт ставили спектакли только на украинском языке, хотя украинцев было всего 25 %»[3]. В результате подобных «перегибов» в Москве сложилось представление о «национал-уклонизме». После этого большевистские лидеры ударились в другую крайность[4]. Между тем селяне уловили закономерность: если начальство заговаривает с ними на «мове» – жди новых повинностей, если по-русски – последует «безобидная» болтовня про Интернационал и мировую революцию[5].

Возникали острые коллизии и другого рода. В годы Гражданской войны наиболее активно ряды большевиков на Украине пополнялись евреями, которых теперь стали активно вытеснять украинцы[6]. Коренизация протекала весьма болезненно и по другой причине. В центре в 1927 г. получали такие, к примеру, заявления:

> Мы, рабочие модельного цеха Харьковского завода «Серп и молот», категорически протестуем против неслыханного незаконного

українськи» и говорить «по-нашему, по селянськи, а не по-українськи». Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 229.

[1] Это обернулось ростом этнических конфликтов и политического недовольства. В ответ на попытки одних коммунистов выступать на собраниях по-украински, другие требовали: «Бросьте на своем собачьем языке говорить». В некоторых станицах заявляли: «Советская власть подлазит к нам при помощи украинизации». Большинство кубанцев требовало обучения на русском языке, считая, что это поможет детям продвинуться; некоторые, однако, настаивали на внедрении «кубанского» языка. См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 279–281, 571–573.

[2] При этом отмечалось, что среди членов профсоюзов считают украинский язык своим лишь 33,2 % (всего украинских рабочих 49,9 %), а профсоюзы слабо ведут работу по украинизации: «из всех стенгазет издаются на украинском языке только 8,5 %» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 17). Скорее всего, сведения были искажены в порыве украинизации – основная масса городского населения, включая рабочих, активно русифицировалась.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 17. Также см.: *Martin T.* Op. cit. P. 83–84.

[4] *Борисенок Е.Ю.* Указ. соч. С. 84.

[5] Эту «примету» воспроизвел в своем дневнике С.А. Ефремов. См.: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 230.

[6] По официальным данным, в 1926 г. на Украине, где украинцы составляли 43,9 % населения, в парторганизациях владели «мовой» только 29 % их состава, причем на уровне фабрично-заводских ячеек процент снижался до 11 %. При этом «украинские коммунисты» докладывали, что руководящий актив изучает «мову» и украиноведение в порядке партдисциплины. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 18.

принуждения рабочих и служащих учиться и знать украинский язык, это только во время царствования атамана Петлюры, который выбросил лозунг самостийну Украину, а у нас Советская власть – интернациональная, так нельзя принуждать говорить по-китайски, по-украински...[1]

Возникали и коллизии экзотического свойства. Один «бывший руководитель цыганских масс Украины», начальник штаба Красной гвардии в 1918 г. в Глухове, жаловался, что голодает, и писал:

Уважаемый вождь стальной ВПК: Если бы я был конокрадом, если бы я был порочным человеком, мне бы не жаль было того, что меня разделили с моим народом... В Глуховском же округе вследствие бюрократизма и нехорошего обращения некоторых лиц с гражданами... свирепствует бандитизм»[2].

В 1929 г. недовольство рабочих на Украине ОГПУ связывали с агитацией бывших петлюровцев и кулаков, чему далеко не все готовы были поверить[3]. Вряд ли верили в это сами большевистские руководители.

Весьма сложная межэтническая ситуация возникла на территориях, считавшихся теперь белорусскими. В начале 1920-х гг. христианское население вело себя весьма пассивно: по данным ГПУ (работавшего здесь особенно плохо), в начале 1923 г. заметны были лишь такие «события», как «ропот» крестьянской бедноты из-за базарного налога, «провокационные» слухи в связи с переучетом военнообязанных, малоуспешные попытки анархистов, эсеров и поалейционистов проникнуть в кооперацию, попытки бандитов проникнуть на советскую территорию со стороны Польши[4]. В 1924 г. в Слуцке были замечены листовки «Комиссии по борьбе с контрреволюцией» с угрозами в адрес советских финансовых властей, чтобы они «лучше вели себя с населением»; отмечались также нападки верующих на комсомольцев во время празднования «Крещения», аресты среди «анархо-подпольщиков»[5]. Коренизация в Белоруссии шла медленно, причем ее свернули, как только возникло опасение, что местная интеллигенция ориентируется на Запад[6]. Еврейское население Белоруссии испытывало серьезные трудности: значительная часть рабочих осталась

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 84.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 497. Л. 261.

[3] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 102–104, 155, 157.

[4] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 609, 677, 808, 856.

[5] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 348, 353, 397.

[6] *Борисенок Е.Ю.* Указ. соч. С. 85–86. Несомненно, сказались страхи ОГПУ перед деятелями Белорусской народной рады, возвращавшимися из-за границы. См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 567–568.

без работы; многие ремесленники и кустари, работавшие на армию, лишились заказов, затем их обложили непомерными налогами, приравняв к предпринимателям. В сентябре 1926 г. в некоторых, причем не самых проблемных, местечках до 40 % еврейского населения было отнесено к категории бедноты[1]. Но заметной политической активности не наблюдалось: ГПУ отмечало лишь попытки объединения таких организаций, как «Гехолуц», «Маккаби» и «Цеире Цион». С другой стороны, поалейционисты старались перебраться в РКП(б)[2]. В 1924 г. проявила себя «банда из вычищенных студентов под руководством Рыжикова-Бестужева», которая грабила еврейское население и кооперативы. Заслуживала внимания и другая банда, возглавляемая человеком с не менее заметной фамилией – Моченников[3]. Со временем вектор ненависти низов и здесь сместился на коммунистов, якобы вложивших народные деньги в китайскую революцию. Крестьянин-белорус на собрании (д. Замосточье Смиловичского р-на Минского окр.) прямо заявил: «Нужна война»[4]. Как и повсюду, люди путались с «врагами» и «друзьями».

В Татарской республике ведущие позиции занимали русские коммунисты – на протяжении 1920-х гг. первым секретарем обкома партии ни разу не был татарин; правительство «интернационалиста» С. Саид-Галиева предпочитало обходить стороной вопросы татарского языка и культуры. Враждебные им «правые», возглавляемые М. Султан-Галиевым, считались «националистами»[5]. Дошло до того, что на Саид-Галиева было совершено покушение, в котором заподозрили «правых»[6]. К началу 1922 г. во власти укрепились «правые», уделившие серьезное внимание вопросам татарской культуры. Однако в июне 1923 г. Султан-Галиев был обвинен в «национал-уклонизме», что послужило сигналом для наступления на так на-

---

[1] *Зельцер А.* Указ. соч. С. 81, 84, 86, 91, 93–94.

[2] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 877. Сразу же после легализации «Гехолуца» чекисты стали подозревать эту организацию в связях с нелегальными сионистскими группировками. См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 191–192.

[3] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 212.

[4] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 521.

[5] На деле М. Султан-Галиев упорно изыскивал следы коммунизма в исламе (*Султангалиев М.* Избранные труды. Казань, 1998. С. 363). С другой стороны, он придерживался идеи «мусульманской общности». Как бы то ни было, в 1929 г. татарские коммунисты утверждали, что «нет никакой разницы между султан-галиевщиной и фашизмом». Султан-Галиев, разумеется, заявлял, что считает себя «коммунистом, ленинцем, партийцем революционером». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 27. Л. 19.

[6] *Валеев Р.К., Сулима Л.О.* «Левые» и «правые» фракции в парторганизации Татарской АССР в начале 20-х годов // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 134. Казань, 1998. С. 162–165.

зываемых мусульманских коммунистов. Чекисты нервничали также в связи тем, что Султан-Галиев «усердно контактировал» с алашордынцами[1]. Сам он сознавал, что «права республик будут урезаны, но зато они будут иметь общий союзный ЦИК», и «высказывался за союз». Впрочем, что бы ни заявляли так называемые национальные коммунисты, в Кремле относилась к ним заведомо подозрительно. В 1924 г. в большевистских кругах Татарии можно было встретить такие заявления:

> Нам, русским аборигенам, в высшей степени не нравится то, что вы (татары) занялись реализацией своего языка в русском городе... Татарская республика вообще является бельмом на фоне СССР[2].

Султан-Галиев был заведомо обречен. Считаясь «правым», он был «левым» применительно к идее мировой революции. Отличие его от последователей Троцкого было лишь в том, что он намеревался соединить «красное знамя пролетариата» с «зеленым знаменем угнетенных народов Востока»[3]. Здесь он сближался с так называемыми ваисовцами – последователем леворадикального мусульманского деятеля С. Ваисова, призывавшего к «единобожию» и «Интернационалу»[4]. Впрочем, приписывали ваисовцам и идею «создания государства Булгар»[5]. Как бы то ни было, еще в марте 1921 г. ваисовцы обращались в ведомство Троцкого от имени своего собственного реввоенсовета, желая получить разрешение на формирование своей армии[6]. Деятели типа Султан-Галиева, не говоря уже о ваисовцах, в новых

---

[1] Так, он информировал их, что «инициатива образования СССР исходила из ЦК РКП(б)», а «народы Кавказа и частично Украины были против этого союза». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 39 об.

[2] Цит. по: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 195.

[3] Троцкий в 1923 г. призывал более терпимо относиться к религиозным предрассудкам «товарищей с Востока», однако он был против того, чтобы «мирить марксизм с исламом». См.: Правда. 1923. 26 июня.

[4] С. Ваисов был убит в Казани в феврале 1918 г. при невыясненных обстоятельствах. Движение возглавил его брат Г. Ваисов, который выступал против «автономий», которые «хотят забрать в свои руки татарские интеллигенты», и требовал создания «Зеленой армии», которая «будет воевать против контрреволюционеров, отстаивая интересы Советской России». «Социалисты-коммунисты Ислама» требовали от Советского правительства подчинения всех мусульман «Духовному управлению ваисовцев». См.: ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 37. Л. 154.

[5] См.: *Мухарямов М.К.* Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 – 1920 г.) М., 1969. С. 68–69, 94–95.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 265. Л. 7–10. Идея союза коммунистов с мусульманами для скорейшего низвержения империализма была весьма популярна. В ноябре 1920 г. ее выдвигали руководители Милли-Фирки (*Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 678). Возможно, именно они повлияли на М. Султан-Галиева, работавшего некоторое время в Крыму. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 27. Л. 1–2.

условиях становились опасны для кремлевской власти. Вероятно, ощущали это и рядовые татарские коммунисты[1].

На местах возникали обычные для того времени коллизии. В 1925 г. в центр поступила жалоба от рабочего-татарина Галея Вахитова, кочегара парохода «Жар-птица», «незаслуженно уволенного». В 1921 г. его объявили «героем труда», теперь, по его словам, «беспартийный механик, который пьянствует, говорит, что надо очистить Волгу от татар». Вахитов утверждал, что татар намеренно «удаляют из водного транспорта»[2]. Поступали и другие жалобы на «засилье русских»[3]. Со своей стороны, русские, опасаясь «засилья татар», стремились захватить наиболее выгодные социальные ниши. Чекисты указывали в связи с этим на случаи «разжигания нацантагонизма совработниками»[4].

Естественно, что поступали жалобы на русских коммунистов. Так, из Башкирии жаловались на «русское засилье», утверждая, что «дело просвещения поставлено в интересах русского населения», а Башревком «нисколько не старается улучшить положение туземцев»[5]. На деле ситуация могла быть прямо противоположной. Башкиры, с царских времен считаемые кочевниками и соответственно владеющие бóльшими наделами, сдавали землю русским крестьянам на кабальных условиях; в 1925 г. случались вооруженные столкновения между ними[6]. Порой дело доходило до абсурда: в горных районах башкиры сдавали едва ли не всю землю в аренду русским, которые со своей стороны нанимали для ее обработки бедняков-башкир[7]. С образованием башкирской автономии покровительственная политика по отношению к титульной «нации» фактически стала официальной. Русские крестьяне из Оренбургской губернии 15 июня 1926 г. жаловались на споры между деревнями из-за нехватки земли: «крестьяне в соседней Башкирии имеют много больше земли», однако их претензии по решению суда оставлены без последствий[8].

---

[1] Так, в 1925 г. был исключен из партии Ш.З. Саттаров, большевик с 1917 г., студент Казанского университета. Ему инкриминировались пьянство, дебоши и то, что он «выдавал себя в пивных за члена Тат. ЦИКа». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 13. Л. 116.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 85.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 85.

[4] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 153.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 22 об.

[6] Крестьяне жаловались, что башкиры ведут себя как «опричники, позволяют себе различные вымогательства [баранта (грабеж) хлеба, самогон], угрожая сжечь село, отравить хлеб, увести лошадей». См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 312–313.

[7] *Зарипова Р.К.* Башкирское крестьянство в период нэпа // Отечественная история. 1999. № 6. С. 136.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 283.

В любом случае попытки большевистского землеустройства подливали масла в огонь[1]. Не случайно в 1927 г. комсомолец-татарин Г. Муслимов из Башкирии жаловался, что «башкиры – националисты», они считают, что «Башкирия – только для башкир»[2]. Впрочем, в Башкирии хватало и внутриэтнических безобразий. ОГПУ отмечало в 1926 г. такой случай: председатель сельсовета при участии муллы продал за 120 руб. здание религиозной школы, причем из этой суммы мулла получил лишь 27 руб.[3] В 1930 г. в ряде кантонов Башкирии вновь был зарегистрирован голод[4].

В 1925 г. из Уфы поступило предложение некоего А. Алимова «создать Туранскую федеративную республику», куда бы вошли Татарская, Башкирская, Казахская, Узбекская, Туркменская республики. Он полагал, что это – «не панисламизм и не пантюркизм», что в контексте мировой революции «пусть Москва будет притягательна для Запада, Туран – для Востока»[5]. Подобная наивность могла лишний раз обеспокоить центр – призрак панисламизма будоражил имперские умы задолго до революции. В январе 1926 г. из Татарии сообщали, что, поскольку здесь «основные народности количественно почти равны», при неумелом руководстве «национальная вражда выходит наружу». Новый секретарь обкома не учел этого, национальная вражда обостряется вновь[6]. Между тем в Татарской АССР политика исторической памяти формировалась вокруг Дня республики[7]. Происходило сложное взаимодействие революционной и этнической символики. Некоторые образованные, вполне лояльные татары, знающие арабский и турецкий языки, в 1926 г. выражали желание отправиться в «восточные республики» или даже за границу[8]. Это также казалось подозрительным.

Строго говоря, сочетание интернационализма и этнопатернализма привело к тому, что оказались нелепейшим образом смешаны идентификационные критерии. В «национальных» республиках это неизбежно вело к «двоемыслию».

Не меньшую опасность для большевиков стал представлять и Энвер-паша, перебравшийся с благословления Ленина и Зиновьева с «революционными» целями в Среднюю Азию, но затем возглавив-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1008.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 102.

[3] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 898. Не исключено, что чекисты пользовались непроверенной информацией (скорее всего, доносом того же муллы), – возможно, деньги пошли на нужды сельсовета.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 881–882.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 151.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 308.

[7] *Малышева С.Ю.* Указ. соч. С. 127.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 291 об.

ший тамошних басмачей. На территории Хивы по-прежнему доставлял массу неприятностей Джунаид-хан[1], занимавшийся грабежом еще со времен Первой мировой войны[2]. На протяжении 1920-х гг. в ходе борьбы с так называемым басмачеством местные партийные руководители старались задобрить некоторых курбаши: иных награждали орденами и золотым оружием, а те перебегали то на одну, то на другую сторону[3]. В начале 1927 г. отмечались вторжения банд из Афганистана[4].

Трудно вообразить бóльшую неразбериху, чем та, что воцарилась в партийно-советских верхах на окраинах, признанных бывшими колониями российского империализма. В январе 1920 г. руководство Коммунистических организаций народов Востока исходя из чисто практических образовательных задач разрешило «временно» привлекать бывших мулл и духовных лиц к педагогической деятельности[5]. А председатель Средазбюро ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутак с простодушием, достойным изумления, признавал: «Мы думали, что достаточно...

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 738. Л. 55 об.

[2] Джунаид-хан (Мухаммад Курбан Сердар, 1857–1938) в декабре 1923 г. заявил, что с большевиками мириться не будет. В 1924 г. он пытался присоединиться к восстанию в Хорезме, вызванному непомерными налогами, но был отброшен и перебрался в Персию («Совершенно секретно». Т. 2. С. 52, 69). В 1927 г. Джунаид-хан продолжал действовать в песках между Ташаушским и Красноводским округами. Не выступая активно против советской власти, внешне проявляя лояльность, он, располагая 120–180 вооруженными всадниками, занимался организацией грабежей или укрывательством бандитских шаек. Считалось, что его отряд способен дезорганизовать хозяйственную жизнь края, перерезав караванные пути. Предлагалось «либо разоружить Джунаид-хана, либо добиться его ухода в культурную зону» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 240. Л. 35–36). В 1928 г. его банда численностью в 40–50 человек, соединившись с отрядом Шалтай-батыра, вновь захватила направлявшийся из Хивы караван с рисом и мануфактурой и совершила ряд набегов на кишлаки («Совершенно секретно». Т. 6. С. 62). В 1929 г. Джунаид-хан потерпел окончательное поражение, эмигрировал в Иран, оттуда в Афганистан. См.: *Пылев А.И.* Басмачество в Средней Азии: Этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006. С. 218–219.

[3] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 18. Так, Джаныбек Казы Сингибаев (Джанибек Кази Саныгбаев) сдавался советской власти 3 раза – в 1919, 1920 и 1922 гг. Сообщалось, что «после последней сдачи он был награжден по приказу Каменева золотым оружием». После этого он занимался сбором налогов для Советской власти, а затем переключился на контрабанду. Весной 1926 г., опасаясь ареста, он ушел в горы, через год он снова выступил против большевиков (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 240. Л. 37–38), был разгромлен, бежал в Китай. В 1928 г. чекисты сообщали, что его шайка в Китае увеличилась «на 20 человек джигитов из рода чонбагыш» («Совершенно секретно». Т. 6. С. 63). Какое-то время он боролся против китайских властей за автономию Синьцзяна, а в 1934 г. перебрался в Пакистан. См.: *Пылев А.И.* Указ. соч. С. 217.

[4] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 140. Л. 2.

[5] См.: Жизнь национальностей. 1920. 1 февраля.

объявить, что мы освобождаем всех... от религиозного гнета. ...В результате получилось, что в этой борьбе больше симпатий населения оказалось на стороне духовенства»[1]. На фоне подобных наивностей, воплощенных в практические нелепости, стимулировать недоверие мусульман к «русским» было несложно.

Летом 1922 г. чекисты сообщали, что в Туркестане Энвер-паша при помощи турецких офицеров «приобретает все больший авторитет в глазах местного населения». Помимо этого в Джетысуйской области, уверяли они, местное байство и зажиточное русское крестьянство воспротивились проведению земельной реформы[2]. В 1923 г. Файзулла Ходжаев жаловался Рудзутаку на «врагов», которые якобы никак не могут простить ему «подавление басмачества, высылку афганских агентов, арест турок-инструкторов, открытие заговора с участием афганского консула» в 1921–1923 гг.[3] На деле все было проще: басмаческое движение отнюдь не было подавлено, с ним следовало вести куда более тонкую политику, чем та, которую предлагал этот не в меру полевевший представитель младобухарцев, изначально ненавидимых старыми элитами.

Сложные проблемы возникли и в связи с пресловутым национально-государственным строительством: территории среднеазиатских республик приходилось нарезать по «национальному» принципу, о котором здесь ранее не ведали. Естественно, местные коммунисты начали выяснять этническое лицо населения, отдавая предпочтение соплеменникам. Центру приходилось разбираться в этих хитросплетениях. Так, Каганович получил от членов Бухарского ЦИКа Наурзбаева, Худайбергенова информацию о том, что на территории Бухарской республики проживает 300 тыс. киргизов, т. е. необходимо выделение их в отдельную область, а между тем Ф. Ходжаев (этнический узбек) утверждал, что киргизов «всего 40 тыс.»[4] Со своей стороны узбеки, проживавшие в Киргизии, высказывали пожелания о присоединении к Узбекистану или создании своей автономной волости[5].

---

[1] Цит. по: *Ким П., Хасанов М.* Басмачество: 1921–1924 гг. Что рассказывают о нем документы, хранящиеся в архивах // Звезда Востока. 1989. № 6. С. 143.

[2] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 1. С. 187, 244. На деле в начале 1920-х гг. большевики осуществили массовое выселение русско-украинского населения из Семиречья (до 150 тыс. человек в 1923 г.), при этом отнимались скот и инвентарь. Формально выселению подлежали крестьяне, появившиеся в этой местности после 1916 г., т. е. осевшие на землях участников восстания 1916 г. «Восстановление справедливости» привело к хозяйственной катастрофе: полученный инвентарь киргизы (казахи) уничтожили за ненадобностью, породистый скот перегнали в Фергану, где распродали. См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 284–285.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 511. Л. 1.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 746. Л. 2.

[5] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 207.

Получить объективную информацию было практически невозможно, а потому центр принимал решения под явным или скрытым давлением той или иной стороны.

Местные левые коммунисты, желая выслужиться перед центром, пытались «революционизировать» глубоко традиционное общество. В записке секретаря ОК КПТ Ишана Ходжаева говорилось о байско-кулацком засилье в кишлаках. Этот деятель предлагал дать почувствовать местному населению, что Советская власть – это «власть батраков»[1]. Между тем жалобы в центр от лояльных туркестанских бедняков на «своих» партийных руководителей не прекращались. Они, как и русские крестьяне, рассчитывали на «комиссию из центра»[2]. Свою долю неразберихи вносило ГПУ, утверждавшее, к примеру, что «в Самарканде сомнительные элементы из мусульман арестовывают преданных коммунистов», а в целом среди мусульманских работников «много сочувствующих басмачам»[3].

Местные коммунисты-европейцы били тревогу по поводу панисламизма, заверяя при этом, что визит в республику Калинина нанес основательный удар по «панисламистской агитации»[4]. 13 декабря 1925 г. бывший нарком внутренних дел Узбекской ССР Рахмет Рафик жаловался, что был «исключен из партии за групповщину». В числе своих революционных заслуг он называл организацию джадидского движения в Бухаре. Между тем уже тогда радикальные мусульманские деятели серьезно осложнили взаимоотношения коренного и европейского населения. Теперь один из них признавал свою «вину подачи коллективного заявления», но не соглашался с исключением из партии[5]. В Узбекистане со временем возникли уже 4 группировки, а основное противоборство развернулось между Рахимбаевым и Файзулой Ходжаевым[6]. Помимо этого шла борьба между узбеками и киргизами (казахами) «за право на господствующую нацию»[7]. В Киргизии «трения на почве вовлечения киргиз в советский аппарат» в 1923 г. приобрели перманентный характер[8]. Остаться в стороне от «групповщины» было практически невозможно. А. Кадыров, 22-летний студент-узбек Свердловского университета, комсомолец с 1919 г., в марте 1925 г. жаловался Сталину: он намеренно держался в стороне от группировок, и за это его

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 185.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 317.

[3] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 1–13 об.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 746. Л. 30.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 133–134.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 739. Л. 133.

[7] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 190.

[8] РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.

незаслуженно относят к «болоту[1]». Для преодоления «групповщины», усилившейся в ходе коренизации, предлагалось назначать заместителями руководящих узбекских работников европейцев[2] – такая практика со временем утвердилась. Однако обнаружилось, что иные европейцы имели обыкновение приезжать из центра со своим штатом, с ним же и уезжать под предлогом «климат не подходит». Тот же Кадыров спрашивал Сталина, как в связи с этим он смотрит «на приход к власти молодняка?»[3] В любом случае ходом «коренизации» в Узбекистане были не довольны: в 1928 г. возмущались, что она не осуществлена на железных дорогах, «дела агрономии всецело в руках русских», что в ГПУ только русские и т. п.[4]

Ситуация в Узбекистане не ограничивалась конфликтами европейцев и коренных этносов. 16 июня 1922 г. приходской совет Ташкентской Армянской церкви добивался «очищении Армянской церкви от чуждых ей лиц и учреждений». В ограде церкви последовательно находились: Армянский национальный совет, Армянский революционный совет... Армянский революционный дом. Теперь большевикам приходилось думать, каким образом избавить верующих-армян от «посторонних организаций»[5]. К концу 1920-х гг. обстановка в Узбекистане обострилась: узбеки были не довольны русификацией и «татаризацией», возникали противоречия между узбеками и таджиками, узбеками и киргизами[6]. Обнаруживались и другие крайности: на одной из фабрик в Бухаре в окружной исполком предпочли избрать «венгерца» в качестве представителя нацменьшинств, «забыв» про таджиков[7]. В 1929 г. в Москву докладывали, что «коренизация» обернулась «узбекизацией»[8].

В 1927–1928 г. в Узбекистане развернулась кампания по «раскрытию женщин» (снятию паранджи). При этом иные председатели сельсоветов угрожали «арестовать на 3 года тех декхан, кто не приведет своих жен на митинг» по поводу снятия паранджи[9]. Результаты кампании, проводимой подобными методами, оказались обескураживающими: прокатилась волна избиений, убийств и изнасилований, возникло попятное движение за «закрытие женщин»[10]. Параллель-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 746. Л. 76.

[2] Там же. Л. 29.

[3] Там же. Л. 78–79.

[4] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 575, 576.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 89.

[6] См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 575–581.

[7] *Аграновский А.Д.* Указ. соч. С. 309.

[8] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос С. 620.

[9] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 399.

[10] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 88, 132, 152–153.

но разворачивались «классовые бои за хлопок» – также не особенно успешные[1]. И хотя ГПУ уверяло, что бедняки-активисты и батраки сопротивлялись попыткам баев и «эмирчиновников» захватить руководство сельхозкооперацией[2], было очевидно, что коммунисты ситуацией не владели.

Столкновения между узбеками и русскими рабочими отмечались в 1927 г.[3] В июне 1930 г. возник конфликт в связи с убийством милиционером трех рабочих – афганца, перса, кашгарца (здесь издавна использовался труд сезонных рабочих из-за границы). «Случайный» эксцесс приоткрыл ненормальность этнической ситуации: до 90 % рабочих составляли «нацмены», преимущественно узбеки, а весь административный состав был представлен русскими, не знавшими местного языка[4]. Примечательно, что на других предприятиях рабочие-узбеки составляли неквалифицированное меньшинство[5]. Вдобавок в Узбекистане распускались слухи о усиливающемся потоке русских переселенцев[6].

В Таджикистане существовали свои специфические трудности. Так, по данным ГПУ, в 1926 г. местные баи распускали слухи, что пособники советской власти будут «отправлены в Россию». Угроза произвела заметный эффект[7]. Помимо этого не прекращались земельные споры между таджиками, узбеками и туркменами[8].

В сентябре 1923 г. Кагановичу поступила жалоба на Турара Рыскулова. М. Рыкунов, возглавлявший управление водного хозяйства Туркестана, писал, что тот якобы требует передачи всей промышленности республики в ведение местных органов власти. «Туземные работники мечтают о полной независимости Туркреспублики, – уверял он. – Теперешние советские работники из туземцев – народ ненадежный»[9]. Вряд ли все было столь просто: Туркестан, как и ранее, не мог обеспечить себя продовольствием[10]; его промышленность также за-

---

[1] «Правда» сообщала, что в пику большевистским мероприятиям баи и кулаки устраивают традиционные праздники, на которые охотно собирается народ. См.: Правда. 1930. 29 января.

[2] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 131.

[3] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 148.

[4] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 408–409.

[5] Там же. С. 433.

[6] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 574–575.

[7] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 892.

[8] Там же. С. 1004; «Совершенно секретно». Т. 5. С. 42.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 157–158.

[10] В 1923 г. из-за чиновничьей волокиты центр запоздал с отпуском «100 тыс. ржаных единиц для голодающих Ферганы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 252). По данным 1926 г., в Среднюю Азию ввозилось 20 млн пудов хлеба из Кубани, Урала, Украины и Сибири. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105. Л. 40.

висела от дотаций из центра. Противоречия, скорее всего, были связаны с традиционными спорами между переселенцами и коренным населением по вопросам водопользования. Естественно, Т. Рыскулов склонен был к поддержке соплеменников – тем более что это вполне укладывалось в коммунистические планы революционизирования Востока. В связи с этим он критиковал чиновничий аппарат, великодержавно настроенные руководители которого, как правило, «даже не знают, какие национальности – где живут»[1]. Враждовал Рыскулов и с группировкой своих соплеменников[2]. А тем временем население Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской губернии голодало из-за засухи 1923 г.[3]

Острые коллизии возникли с вопросом о преподавании мусульманского вероучения. В марте 1923 г. Наркомнац, под давлением жалоб на запреты и руководствуясь действующим законом, вынужден был указать «на право преподавания на дому и в мечетях»[4]. Запреты местных, как всегда, не в меру ретивых властей признавались незаконными[5]. Однако учебных помещений все равно не хватало, а потому было признано, что «линия Туркнаркомпроса (которую поддерживает Рыскулов) противоречит основам советской национальной политики». И все же преподавать основы мусульманского вероучения в помещениях советских школ было временно разрешено[6]. Довольно удачно на этот счет высказался в 1924 г. Луначарский: «...Нельзя попросту закрыть религиозные школы... Когда не можешь дать хлеба, не смеешь отнимать суррогат»[7]. В сущности то же самое имело место в России: крестьяне заявляли, что школа без религиозного обучения им не нужна; чтобы удержать детей в рамках привычной культуры, они готовы были оплачивать труд «правильных» учителей[8]. Стро-

---

[1] *Аманжолова Д.А.* Указ. соч. С. 76.

[2] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 189.

[3] Общее число голодающих оценивали в 45 тыс. Было решено хлеб из губернии не вывозить, тем не менее последовал стихийный наплыв сельского населения, преимущественно казахов, в города (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 43. Л. 183–184). В 1930 г. география голода в Казахстане значительно расширилась. См.: «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 949–951.

[4] Согласно постановлению ЦИК и СНК (октябрь 1923 г.) допускалось в «частях СССР с мусульманским населением» организация группового преподавания вероучения вне стен общеобразовательных школ лицам, «имеющим образование в объеме 3 классов школы первой ступени». Цит. по: *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 135–136.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 15–15 об.

[6] Там же. Л. 16, 18.

[7] *Луначарский А.В.* Проблемы образования в автономных республиках и областях // Жизнь национальностей. 1924. Кн. 1(6). С. 31–33.

[8] См.: «Насколько дешево стала цениться жизнь». Дневник бежецкого священника И.Н. Постникова // Источник. 1996. № 4. С. 14, 18.

го говоря, естественный путь к коммунистической идеологии (или ее подобию) лежал через постепенную трансформацию привычной веры. Очень немногие коммунисты это понимали.

Едва ли не наибольшее сопротивление традиционалистской среды встречали коммунистические инновации, затрагивающие привычное гендерное равновесие. Так, на Северном Кавказе упорно сохранялась практика калыма, выдачи замуж несовершеннолетних, многоженства, похищения и изнасилования женщин с целью принуждения к браку[1]. Так было и в других регионах. Из доклада ревизионной комиссии о деятельности «Областного комитета РКП Калмнарода» (1923 г.) видно, что работы с калмычками вообще не велось[2].

Доктринальные установки, сталкиваясь с практикой – прежде всего нехваткой средств – обостряли организационный хаос. Его первыми жертвами становились местные коммунисты. Взаимное раздражение в их среде усиливалось. Со временем оно переключилось на поиски «буржуазных националистов».

В Крымской АССР в 1923–1925 гг. состоялось три мусульманских съезда, настроенных лояльно к советской власти, было создано Народное управление религиозными делами мусульман Крыма, совет улемов. Казалось, развивается сотрудничество с мусульманскими реформаторами в области разработки новых учебных программ. Однако в феврале 1926 г. на заседании комиссии ЦК ВКП(б) прозвучало заявление, что «мы в Крыму сейчас имеем... против нашей партии буржуазно-националистическую группировку...», причем весь «советский аппарат представлен националистами». Оргбюро ЦК ВКП(б) подтвердило, что «часть руководящей верхушки», включая В. Ибрагимова, «заняла неправильную позицию по отношению к обкому» и противодействует выдвижению «левых» на ответственные посты. Однако просьба В. Ибрагимова об отзыве его из Крыма была отклонена[3]. Ситуация в Крыму грозила выйти из-под контроля центра. В апреле 1926 г. восточный отдел секретно-оперативного управления ГПУ Крыма потребовал от Наркомпроса республики, чтобы управление религиозными делами представило список конспектов отдельных лекций. В резуль-

---

[1] *Текуева М.А.* «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 годы) // Социальная история. Ежегодник. 2008. С. 306–308.

[2] РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

[3] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 360–361, 367–368. Вероятно, большевистские руководители опасались продолжения контактов В. Ибрагимова с М. Султан-Галиевым, которые ранее были весьма доверительными. В частности, в сентябре 1927 г. Ибрагимов предложил Султан-Галиеву эмигрировать, на что тот ответил, что «если страдать, то лучше... от рук советской власти, чем буржуазии». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 27. Л. 113, 44 об.

тате право преподавать основы религии сохранили только 67 человек из 149[1].

Скорее всего, столь пристальное внимание к крымским мусульманам было связано с факторами, не имеющими отношения ни к обычным партийным дрязгам, ни к вероучению. Большевистское правительство давно заигрывало с зарубежными еврейскими организациями, обещая им едва ли не создание в Крыму еврейского государства в обмен на финансовую поддержку. Для этого предстояло организовать переселение на полуостров евреев и, соответственно, сделать вид, что Крымская АССР является «надэтничным» автономным образованием. А поскольку это встречало сопротивление, в 1928 г. было инспирировано «дело Вали Ибрагимова», бывшего председателя ЦИК республики, приговоренного к расстрелу по чисто уголовной статье за убийство и растрату казенных денег[2]. При этом в полной мере были использовались противоречия между «мусульманскими» коммунистами.

Сложные коллизии возникали и в Сибири. В сентябре 1923 г. было признано недопустимым закрытие местными властями богословских школ, но репрессии «в связи с частным обучением догмата ислама» сочли неправомерными[3]. Вероятно, в связи с подобными явлениями 21 августа 1924 г. Организационный отдел ВЦИК предложил в схему 3-месячного отчета ВЦИК и ЦИКов автономных республик

---

[1] *Змерзлый Б.В.* Деятельность Народного управления религиозными делами мусульман Крыма (1923–1927 гг.) // Ученые записки Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского. 2002. Т. 15(54). С. 12; *Сулаев В.Ю., Белоглазов Р.Н.* Крымско-татарские медресе (курс лекций). Симферополь, 2001. С. 55. Одновременно делался упор на развитие сети «национальных» светских школ. В 1927 г. из 822 школ 1-й ступени было 359 татарских (одна на 457 жителей), 274 – русских (одна на 1252 жителя), 131 немецких (одна школа на 292 жителя). См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 500.

[2] Уголовные преступления со стороны местных партийных чиновников были делом нередким. Вали (Вели) Ибрагимов обвинялся в убийстве красного партизана Чолака, покушении на убийство бедняка-активиста Сейдамета и растрате свыше 37 тыс. рублей, принадлежащих обществу, содействия переселению и расселению крымских татар. Секретарь общества также был расстрелян, остальные участники «дела В. Ибрагимова» получили различные сроки заключения (Известия. 1928. 9 февраля, 1 мая). Ибрагимову инкриминировалось также «откровенное удушение бедняка и батрака» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 27. Л. 4). Несомненно, со своими политическими противниками Ибрагимов боролся методами времен Гражданской войны. Но реальная причина расправы над ним, скорее всего, связана с подозрениями в сепаратизме и сопротивлении еврейской колонизации Крыма. Крымские историки полагают, что он был расстрелян «по сфабрикованному делу» (*Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 691). В 1929 г. во время «чистки» местным коммунистам-татарам наряду с протекционизмом и самосудными действиями порой инкриминировали «пьянство с В. Ибрагимовым». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 49. Л. 27.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 17.

включить подпункт: «Какие меры предпринимаются для борьбы с религиозным фанатизмом среди отсталых масс национальностей»[1]. Между тем подобные «3-месячные отчеты» с множеством пунктов и подпунктов только плодили ответный вал пустых бюрократических «отписок», никак не влияя на ситуацию на местах.

В начале 1923 г. Петерсу докладывали, что в настоящее время существует «3 группировки киргиз (в данном случае казахов. – *В.Б.*)». Самую левую из них возглавляет Мендешев (лидеры ее – Букейханов и Дулатов). Вторую группу возглавляют Мурзагалиев (Мирзугалиев) и Садвокасов. Отношение тех и других к образованию СССР сочувственное[2]. Оказалось, что «от борьбы группировок больше всего пострадала 1-я (Букейханов)»[3], т. е. наиболее близкая большевикам часть алашордынцев. Что касается Мурзагалиева, то, по информации ГПУ, он заявлял, что Союз ССР означает «господство русских в условиях госкапитализма» и сейчас наступил «худший момент» его существования. Мурзагалиева обвинили в национализме[4]. Вместе с тем, как сообщалось, в Киргизии активизировались правые алашордынцы, разжигающие «национальную и родовую рознь» и пропагандирующие «идею образования из восточных республик отдельного государства»[5].

Так называемые национальные коммунисты оказались в крайне сложной ситуации – всякое стремление к хозяйственной самостоятельности (не говоря уже о культуртрегерских установках), могло быть интерпретировано как национализм и со стороны центра, и местных русских коммунистов. Периодически «националов» арестовывали – обычно в результате недоразумений, вызванных ложной информацией. Так, в 1923 г. в Москве арестовали А. Букейханова; о его освобождении пришлось ходатайствовать Т. Рыскулову[6], что, несомненно, сказалось на судьбе последнего в 1930-е гг. Крайне недовольны в Кремле были «пышным празднованием 50-летия Байтурсунова – его объявили выдающимся киргизским писателем»[7]. Сообщалось также, что киргизские студенты в Москве «считают русских угнетателями», собирают деньги для бедствующего Мустафы Чокаева – бывшего члена Туркестанского комитета Временного правительства (он, впрочем, от денег отказывался)[8]. Большевикам нечего было пред-

---

[1] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 43. Л. 146 об.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 39.

[3] Там же. Л. 40 об.

[4] Там же. Л. 40.

[5] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 924.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 41 об.

[7] Там же. Л. 42.

[8] Там же. Л. 43, 41 об.

ложить «туземным» элитам. Летом 1923 г. на заседании президиума Семипалатинского губкома ВКП(б) обсуждался доклад будущего «железного наркома» Н.И. Ежова о результатах обследования Усть-Каменогорского и Бухтурминского укомов партии. Оказалось, что в этих партийных организациях состоит 35 % «азбучно неграмотных», а потому проводить здесь чистку нецелесообразно – происходит «самоочистка» за счет выбывания негодных элементов[1]. Естественно, приходилось привлекать к работе грамотных «националов». Но уже в 1925 г. с подачи того же Ежова в Казахстане их резко одернули[2]. К концу 1920-х гг. положение существенно не изменилось[3], столкновения «на национальной почве» внутри партийных организаций делались неизбежными.

В 1925 г. В.Ф. Голышкин, член партии с 1918 г., в прошлом ответственный секретарь алма-атинского укома РКП(б), сообщал, что в свое время ему со стороны руководящих товарищей делались указания создавать «национальную» партию Киргизии, закрывать дела, заведенные на «нужных» работников, арестовывать неугодных членов партии и вообще обеспечивать политически выгодный партийный состав. Киргизские коммунисты, узнав, что он собирается переехать в Ташкент и работать «у их кровных врагов – узбеков», сфальсифицировали против него материал, по которому его следовало бы расстрелять. Он проклинал существующие там «рыскуловскую и усухаковскую группировки», объединившиеся, чтобы опорочить его. Голышкина обвиняли в растрате казенных денег, изнасиловании женщины, превышении власти, взятках, пьянстве, групповщине[4]. В общем, это был стандартный набор тогдашних прегрешений начальства. В данном случае он был использован для выживания коммуниста-русского, не желающего выполнять команды руководителей из коренной национальности.

Арвид Капрало, крестьянин-переселенец из Джетысуйской губернии (Толгорская вол.), так описал сложившуюся там ситуацию: председателем волости стал малограмотный киргиз, который не говорил по-русски. Ему, Капрало, и еще одному европейцу приходится вдвоем управлять волостью. Здесь лучшую землю отобрали для Союза бедняков «Кохчи», а «киргизы ею спекулируют». На душу европейца

---

[1] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[2] Сталина возмутило, что журнал «Ак-Жол», в котором «беспартийные интеллигенты» должны были способствовать «делу насаждения киргизской культуры», обнаруживал духовное единство с М. Чокаевым. См.: Большая цензура. С. 98–99.

[3] Так, в 1927 г. каракалпакская организация ВКП(б) на 34,4 % состояла из каракалпаков (преимущественно крестьян), удельный вес «абсолютно неграмотных» в ней доходил до 42,5 %. При этом служащих в организации было 42,5 %. См.: Правда. 1927. С. 8 июня.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 165–167.

приходится ¾ десятины, а на члена союза Кохчи – 10–15 десятин земли. Он отмечал также «бандитизм и воровство со стороны киргиз»[1]. Позднее, по сообщениям ГПУ, в Туркмении пришлось даже прибегнуть к «чистке» союзов «Кохчи» – в них сконцентрировались «баи и торговцы»[2].

2 ноября 1926 г. от Мустамбаева из Казахстана последовало сообщение:

> У нас в Казакской (бывшей Киргизской) республике... прежние отношения метрополии и колонии мало чем изменились. Почти отсутствует единая, интернационально выдержанная коммунистическая линия между европейской и коренной частью партийной организации. Европейские руководящие работники увлечены администрированием; они не замечают, что вырастает новое поколение местных коммунистов.

По его мнению, если положение не исправить, то «вырастет недоверие к европейским политикам, перерастающее в национализм»[3]. Однако Мутамбаев забыл дать характеристику партийных лидеров из коренных этносов.

Попытки развернуть «интернациональную работу» среди молодежи здесь не приносили успеха. Осенью 1926 г. ГПУ сообщало о фактах избиения в Джетысуйской губернии русскими призывниками киргизов и даже разгромов ими киргизских (казахских) хуторов[4]. С явным запозданием чекисты информировали, что ситуация была обусловлена «преобладанием киргиз в соваппарате, слабой карательной политикой в отношении скотокрадов-киргиз и неурегулированием землепользования»[5]. Нечто подобное происходило в Уральской губернии: здесь аграрные столкновения приобрели более многомерный характер, включая внутриэтническое противоборство[6].

Ситуация в Казахстане не исчерпывалась трениями между европейскими и мусульманскими коммунистами. Чекисты отмечали борьбу «родовых группировок»[7]. Впрочем, клановое противоборство

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 247–248 об. Эту информацию подтверждали и чекисты. См.: «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 928.

[2] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 62. Аналогичная ситуация складывалась повсеместно. Однако в Уральской области баи, пытаясь контролировать «Кохчи», все же агитировали против них. См.: «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 894–895.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 59–59 об.

[4] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 722–723, 824, 1004.

[5] Там же. С. 824, 895, 1004.

[6] Там же. С. 791–792; Т. 5. С. 403. В 1928 г. ГПУ отмечало здесь «национальную рознь» среди учащихся ветзоотехникума, причем казахи заявляли, что «опять русским предоставлены все преимущества, скоро русские опять будут ездить на нашей шее так же, как до революции». См.: «Совершенно секретно». Т. 6. С. 137.

[7] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 209.

развернулось повсеместно, коммунисты пытались объяснить его «классовой борьбой».

В 1926 г. Мирзугалиев жаловался Молотову, что постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1926 г. о ликвидации Особой комиссии ВЦИК по землеустройству южных губерний Казахстана и Киргизии «не проводится в жизнь». Он уверял, что это связано с позицией ВЦИК, поощряющего «нарочитый сбор и поощрение жалоб на органы Соввласти» и коренное население со стороны «бывших атаманов», кулачества и казачьего населения Джетысу. Люди, требующие «возвращения казачеству прежних привилегий», якобы нашли «теплый прием в Москве у т. Смидовича и Серафимова». Получалось, что центр подогревает межэтническую конфликтность, а Серафимов ставил вопрос о «возможности выделения русского и украинского населения южных районов Казахстана в особые административные единицы»[1].

В действительности ситуация была такова. После восстания 1916 г., когда погибло много европейских переселенцев (русских и украинцев), вернувшие в 1917 г. фронтовики жестоко отомстили туземцам. М.П. Серафимов, председатель особой комиссии ВЦИК по землеустройству в южных губерниях Казахстана и Киргизии, признал, что в 1921 г. здесь, в порядке избавления от «наследия прошлого», началось уничтожение «целых русских поселений». Напротив, отмечал он, «байские хозяйства не ликвидировались», а 1923–1924 гг. «землеустройство производилось при полном игнорировании интересов пришлого населения»[2]. Архивы сохранили впечатляющие фотографии: рядом с полуразрушенным домом изгнанного переселенца, используемого в качестве помещения для скота, расположилась юрта нового хозяина земельных угодий. В мае 1926 г. Серафимов сообщал Сталину о жестокостях, которыми сопровождалось изгнание русских и украинских крестьян: иногда выселяли зимой в 24 часа, при этом крестьян пороли, а однажды «на Пасху пороли все общество, пороть заставляли киргизов»[3]. Действительно, от европейского населения накопилась масса жалоб. В 1925 г. русские и украинские крестьяне-переселенцы утверждали, что здесь «все делается бывшими киргизскими баями в пользу киргиз», «скотокрадов выпускают», отмечался случай, когда «крестьяне, не доверяя суду, осуществили самосуд»[4]. В 1926 г. были случаи захвата русских земель киргизами во Фрунзенском округе – чекисты приписывали

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105. Л. 15–17. Обоюдное стремление к обособлению в «национальные» административные единицы отмечало и ОГПУ. См.: «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1004–1005; Т. 5. С. 43.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105. Л. 21–22.

[3] Там же. Л. 66 об.–67.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 20 об.

такие акции манапам[1]. В Казахстане местные казаки требовали выделения в особую автономную область, обвиняя советскую власть в «пристрастии к туземцам»[2]. В Уральской области в 1926 г. некоторые представители казачьего сословия угрожали «перевешать всех киргиз»[3]. И.И. Ковалев из Семиреченской области 1 июля 1926 г. сообщал Калинину: «Ограбили меня киргизы, и власть у киргизов. Распространилось скотокрадство – киргизы просто бандиты»[4]. Другие крестьяне отмечали, что киргизы «не уважают чужой собственности, воруют наш скот, травят наши угодья», а конокрады разгуливают на свободе благодаря попустительству начальников-киргизов. Они умоляли центр вмешаться: «с таким бедствием, как воровство, наглость и произвол киргизов», невозможно бороться[5]. Бывший красноармеец Кондрашов из Семипалатинской губернии писал:

> Придя из армии, я не поверил своим глазам: Кирреспублика угнетает наше русское население... Неужели мы отдавали свои жизни в борьбе против белогвардейцев для того, чтобы мелкая национальность киргиз роскошествовала, а ты бедствовал, чтоб киргиз наживал до 100 штук лошадей и лежал в юрте, разглаживая брюхо и попивая кумыс[6].

Систему взаимопредставлений крестьян и кочевников бесполезно оценивать с точки зрения универсальных принципов. И те и другие руководствовались качественно различными императивами выживания. Соответственно выстраивались их хозяйственно-этические представления. Революция лишь деформировала их.

Коммунисты из Петропавловска (Акмолинская губ.) 1 октября 1926 г. сообщали, что русское население недовольно «казахскими руководителями, которые насаждаются искусственно»[7]. Еще ранее из Средазбюро ЦК ВКП(б) писали, что среди европейцев Туркестана «господствует идея реванша, идея посчитаться с киргизами». Вместе с тем наблюдается «сильный отток европейского населения из киргизских районов»[8]. Сообщалось, впрочем, что администрация из коренного населения грабит соплеменников – «хуже, чем при старом строе»[9].

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1003.

[2] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 509.

[3] Там же. С. 892. По информации ОГПУ, киргизы «вырубали леса, срывали плотины, производили потравы лугов и полей». См.: там же. С. 1004.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 102. Л. 189.

[5] Там же. Л. 190.

[6] Там же. Л. 191–191 об.

[7] Там же. Л. 193.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 105. Л. 39.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 250.

В октябре 1926 г. в большевистское руководство обратился кандидат ВКП(б) Абдикарим Кулов, прибывший из Каракольского округа Киргизской автономной области. По его словам, среди местных руководителей оформились две группы. В клан Садыкова «входило много бывших чиновников и манапов» (они выступали за образование автономной области); другой клан во главе с Кудайкуловым (где также были представлены манапы) был против автономии. Кудайкулов, возглавлявший Джетысуйский областной союз «Кохчи», пользовался авторитетом среди бедноты. После того как Кулов сообщил Калинину, что «до образования Киргизской республики они занимались исключительно групповой борьбой», в мае 1925 г. «многие члены садыковской группы были исключены из партии», а затем занялись сбором материалов, порочащих Кулова. Тот отправился во Фрунзе, но там «секретарь обкома Буров-Петров сказал, что мало его арестовать, надо расстрелять». После этого Кулов, «продав последнюю лошадь, отправился искать правду в Москву». Он уверял: «Если бы я был виновен, то сбежал бы в Китай»[1].

В действительности бедняцкими союзами «Кохчи» часто заправляли байские элементы (повторялась ситуация с комбедами), превращая их подчас в племенные организации[2]. Об этом сообщали, к примеру, 4 сентября 1925 г. из Андижанского уезда. Батраки-дехкане утверждали, что оживились «старые приспешники колонизаторов», но они со своей стороны не позволят «кулацко-байскому элементу пролезть в их органы, так как не желают снова превратиться в рабов кулаков»[3]. Некоторые европейцы даже считали, что положение местного дехканина труднее, чем русского крестьянина. Впрочем, молодые узбекские радикалы обычно усматривали во всем «попытку натравить русских на узбеков, и наоборот» и утверждали, что сельские труженики Запада и Востока «одинаково мелкобуржуазны»[4]. В таких условиях восстановить дехканина против русских было несложно. В 1928 г. чекисты зафиксировали случай, когда баи, настроенные против земельной реформы, внушали: «Русские хотят русифицировать киргиз и скоро нас заставят отказаться от шариата»[5]. А по шариату, между прочим, земельные наделы отчуждению не подлежали.

31 июня 1927 г. проверка Джетысуйской парторганизации выявила обострение межэтнических взаимоотношений: среди коренного населения распространилось скотокрадство; по отношению к руководителям-европейцам отмечалось «злоупотребление» словом

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 73.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 59. Л. 24. Также см.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 348.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 60–63.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 746. Л. 79.

[5] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 63.

«колонизатор». Часть русского населения, устав от начальников-казахов, действующих исключительно в интересах соплеменников, ходатайствовала о выделении в особые «европейские» административных единицы. Политический уровень руководителей был крайне низок, распространены должностные преступления. Было рекомендовано, с одной стороны, «разъяснять политику коренизации», с другой – «закончить кампанию по борьбе со скотокрадством к 15 сентября»[1]. Понятно, что в результате коренизации автохтонное население настолько привыкло к безнаказанности, что «кампанейская» борьба с угоном скота не могла принести заметных результатов. В 1927 г. в донесениях чекистов отмечалось, что виновниками столкновений были «киргизы», а враждующие группировки баев и манапов объединялись против русских крестьян[2].

Результаты большевистской этнополитики в Джетысу стали заметны уже в 1928 г. В закрытом письме руководителя губкома Манаева отмечалось, что здесь «недород, падеж скота», а из-за «головотяпства руководителя таможни хлеб из Китая не завезен, население голодает»[3]. При этом он отмечал, что «особенно слабо поступают налоги из районов с казахским населением», «широкое распространение получило скотокрадство», а борьба с должностными преступлениями «ведется крайне неэффективно»[4]. Издевательски звучало заявление о том, что «плохо ведется работа по землеустройству бедняков-европейцев»[5]. Со временем здесь был отмечен еще один дестабилизирующий фактор: агитацию среди призывников-казахов связывали с предстоящей войной с Англией и Китаем[6]. В ответ некоторые баи призывали казахскую молодежь записываться в «армию Троцкого», а не в «армию коммунистов»[7]. Осенью 1928 г. ОГПУ уверяло, что баи угрожают повторением событий 1916 г., т. е. резней европейцев[8].

Данная картина в гипертрофированном виде воспроизводила ситуацию в стране в целом. Население не без оснований разделяло начальников на «своих» и «чужих». Последние, преодолевая сопротивление немногих здравомыслящих руководителей, обеспечивали явления вроде голодомора. Не стоит поражаться и тому, что те и другие были со временем с одинаковым безразличием раздавлены коммунистической государственной машиной – империя живет по

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 59. Л. 14, 123, 27.

[2] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 42–43.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 59. Л. 8.

[4] Там же. Л. 9–11.

[5] Там же. Л. 12.

[6] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 64.

[7] Там же. С. 154–155.

[8] Там же. С. 611.

собственным законам, с одинаковым безразличием перемалывая всякого, кто вольно или невольно несет угрозу – реальную или мнимую – ее стабильности.

Представители старых элит, с которыми большевики заигрывали, постоянно жаловались на коммунистическую военную администрацию. Так, председателю ЦИК Советов Туркменской республики т. Хаведьер-Алиеву было направлено длинное письмо, подписанное «Туркмен-иомуд, сын Караш-хана Иомудского». Согласно его заявлению, «военстройка» в Туркменской области продолжала политику царского правительства. С ее подачи распространялись слухи не только о «дикости», но и о «жестокости» иомудов, якобы учинивших в свое время резню европейцев. Военстройка сделала выводы: нельзя установить советскую власть агитацией, пропагандой, можно только силой. Среди большевистских руководителей распространены черносотенные настроения, они считают, что туземцев следует «покорить хотя бы в порядке колонизации». Для этого предлагалось создать «гнездо Советской власти» – с гарнизоном и вселением туда европейцев. Но подобное «гнездо европейцев» иомуды уже выбросили в 1918 г., напоминал жалобщик. Далее шли уверения в миролюбии иомудов: во время революции они не убили ни одного поселенца, не разрушали железных дорог, не было среди них басмачей[1].

Ситуация определялась отнюдь не противоборством «революции» и «контрреволюции». Кочевники считали себя вправе поступать с любыми людьми, пришедшими на их землю, как существами, мешающими жить.

Разумеется, находились «национальные» коммунисты, которые видели свою основную задачу в борьбе против «контрреволюционеров». Большевик с июня 1918 г. Сардж Геокленов сообщал в центр «о бывшем белогвардейце Хал Мураде Сахат Мурадове, занимающем ныне пост ответственного секретаря ЦК КП(б)Т.». Когда Геокленов в 1918 г. при Закаспийском правительстве был арестован, Мурадов будто бы «требовал его расстрела, несмотря на то что за него заступались туркмены». В те времена Мурадов якобы «называл красных бандитами, утверждал, что они отнимают у населения все, вплоть до женщин». Теперь он именует русских коммунистов колонизаторами. Далее следовал список «белогвардейцев», занявших партийные посты[2].

Вряд ли туркмен-коммунист особенно преувеличивал. Большевики вынуждены были опираться на тех самых местных лидеров,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 43 об.–46. На деле с 1918 г. длительную борьбу с Советами (прерываемую периодами мирного соглашения) вел Джунаид-хан, претендовавший на руководство всеми иомудами. См.: *Пылев А.И.* Указ. соч. С. 122–123.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 14–18.

с которыми некогда вели вооруженную борьбу. В Туркмении иные курбаши по нескольку раз переходили на сторону Советской власти, а затем вновь поднимали оружие против коммунистов[1]. Поступали сигналы и о том, что мусульманские работники связаны кровными узами с басмачами[2]. Попытки европеизировать среднеазиатское население со временем вылились, помимо прочего, в убийства активистов кампании по раскрепощению женщин[3].

Былые заигрывания большевиков с мусульманскими лидерами[4] оборачивались ростом этнической напряженности в самых различных регионах. В январе 1923 г. на чеченском съезде в Урус-Мартане в присутствии 8–10 тыс. человек «советский мулла» требовал «пересажать казаков»[5]. 1 октября 1923 г. некий А. Чибришвили жаловался Троцкому, что «всем бросается в глаза основная линия закавказской политики, где смычка с Востоком принимает характер союза русского коммунизма и... панисламизма». В пользу мусульман решаются и территориальные вопросы[6]. В сущности, у большевиков не оставалось выбора. В Дагестане советские школы стали пользоваться симпатиями населения лишь в 1924 г., а местное духовенство согласилось формально признать их только в 1925 г. В марте 1925 г. инструктор ЦК РКП(б) Ибрагимов сообщал, что здесь «борьба с шариатскими судами административным путем бесполезна, поскольку она вызывает озлобление населения...»[7] Сходным образом высказывались северокавказские руководители. Председатель ЦИК Дагестанской АССР Н. Самурский, выходец из духовной семьи, подчеркивал: «Шариат – это не только религиозное и каноническое право, это полный свод законов... включающий гражданское, уголовное и семейное

---

[1] Так, в 1923 г. Средазбюро разрешило Керим-хану вернуться из Персии (куда он в свое время бежал от большевиков). Некоторые считали это «крупной ошибкой»: персы требовали возмещения убытков от его разбоев (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 223). Клановая борьба за представительство в советских органах порой оборачивалась тем, что «обиженные» роды откочевывали за кордон. См.: «Совершенно секретно». Т. 6. С. 133.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 1–13.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 240. Л. 72.

[4] В Дагестане большевики опирались на шейха А.-Х. Акушинского, который в 1920–1921 гг. был членом Дагестанского ревкома и наркомом по шариатским делам (*Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане 1920–1930-х годов: Из истории отношений // Отечественная история. 2007. № 6. С. 145). В 1924 г. он продолжал открывать шариатские школы. См.: «Совершенно секретно». Т. 2. С. 107.

[5] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 66.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 77.

[7] Цит. по: *Сулаев И.Х.* Указ. соч. С. 146. Сталин еще ранее высказывался в пользу терпимого отношения к шариату (*Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 396, 402). У местных коммунистов были более радикальные воззрения на этот счет.

право»[1]. Шариатские суды существовали в Дагестане параллельно с советскими до 1927 г. В ноябре 1925 г. местные власти приняли инструкцию о преподавании мусульманского вероучения; мектебе и медресе легально существовали здесь до середины 1930-х гг.[2] Лишь в начале 1927 г. стала разрабатываться инструкция о национализации вакуфных имуществ[3].

Помимо всего на Северном Кавказе обнаружился ранее не виданный подъем антисемитизма среди казачества под влиянием слухов о наделении евреев землей в Крыму и Черноморском районе. Говорили о том, что «"лишенцев" будут высылать из Крыма, а на их место присылают жидов; скоро Крым будет жидовской республикой»[4]. Обыватели судачили о том, что «в Москву стекаются евреи со всех стран, она для них – вторая Палестина»; что «в Москве во главе советской власти стоят 8000 евреев, которые правят страной»[5]. Кое-где стали распространяться «Протоколы сионских мудрецов»[6]. Евреи, как и положено «врагу», оказывались этническим эквивалентом любых социальных несправедливостей: одни красноармейцы были не довольны тем, что в армии «евреев не видно», другие, напротив, возмущались, что ими командуют коммунисты, комсомольцы, евреи[7]. При этом находились люди, которые уверяли, что в СССР антисемитизма нет. Этот момент обыграли Ильф и Петров в «Золотом теленке»: советский журналист убеждал недоумевающего американца: евреи есть, но еврейского вопроса нет!

---

[1] *Самурский (Эфендиев) Н.* Дагестан. М.; Л., 1925. С. 62. Самурский подчеркивал особую роль мусульманского вероучителя: «...Это не только священник, но и судья, народный учитель, военный вождь, борец за свободу и независимость, носитель образованности, владелец общественных средств и председатель комитета взаимопомощи. ...В его руках находится вся организация общественной жизни». Цит. по: *Агаев А.* Нажмудин Самурский. Махачкала, 1990. С. 128–129.

[2] Это сопровождалось острой борьбой внутри дагестанской элиты. А.А. Тахо-годи, выпускник Московского университета, писал: «Советская школа в Дагестане ряд лет изживала из своих недр Коран и примерно к 1924 г. его изжила, сохранив еще в своих стенах бывших, пытающихся перевоспитаться, адептов Корана, учителей-арабистов». Однако Дагестанский обком РКП(б) в июле 1924 г. объявил национальными праздниками Уразу и Курбан. В 1925 г. на совещании по народному образованию ставился вопрос о преподавании Корана в советских школах. См.: *Тахо-годи А.* Борьба за советскую школу в Дагестане // Просвещение национальностей. 1931. № 1. С. 55.

[3] *Сулаев И.Х.* Указ. соч. С. 146–147.

[4] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 412. Крестьяне (как русские, так и татары) были, кроме того, не довольны льготами, предоставляемыми евреям-переселенцам. См.: там же. С. 330, 379, 412.

[5] *Гатагова Л.С.* Указ. соч. С. 81.

[6] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 1. С. 300, 639–640.

[7] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 167–168; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 381.

В целом накал этнофобии усиливался, а не снижался. Это наблюдалось повсеместно. Так, не утихала борьбы между горцами и казаками, враждовали между собой отдельные этносы. В конце марта 1926 г. горцы категорически воспротивились переселению к ним немцев-колонистов, заявляя при этом, что они являются «кровными врагами мусульман»[1].

В целом на окраинах происходили те же процессы, что и в центре, но здесь они усугублялись факторами этнического, конфессионального и кланового характера. 22 марта 1924 г. А.И. Тодорский писал М.И. Фрунзе, что он в течение трех лет «работал на окраинах – Дагестане, Азербайджане и частью в Армении и Грузии под непосредственным руководством Орджоникидзе, Элиавы и Кирова и всегда поддерживал истинно товарищеские отношения с туземными работниками»[2]. Тем не менее месяц назад он «не сработался с местными работниками»: из «личной неприязни выросло политическое дело». Некий Мурадов из Баку 6 февраля 1927 г. писал Сталину: «У нас в партшколе им. Шаумяна не диктатура пролетарской власти, а диктатура ответственных работников»[3]. В 1927 г. помощником директора нефтеперегонных заводов Касимовым («коммунист-тюрок») вместе с двумя «рабочими-тюрками» была изнасилована дочь одного из русских рабочих. Последовало «сильное волнение среди рабочих гор. Баку». Приговор Верховного суда о расстреле всех трех обвиняемых, а затем и обычное для того времени решение АзЦИка о помиловании вызвали взаимное возмущение русских и азербайджанцев. Волнения едва не переросли в демонстрации, отмечалось 13 случаев «выхода из партии русских рабочих»[4]. Похоже, это событие было лишь мелким эпизодом в цепи местных уголовных преступлений. В 1929 г. за целый их букет было «раскассировано» руководство ГПУ Азербайджана[5].

Местные коммунисты пытались ублажить мусульман, русским рекомендовали «национально самосократиться». В 1923 г. Орджоникидзе даже приветствовал в «Правде» готовность русских рабочих вместо воскресенья праздновать мусульманскую пятницу[6]. Тем не менее в 1927 г. анонимный автор сообщал, что в Азербайджане

---

[1] *Гатагова Л.С.* Указ. соч. С. 81.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 738. Л. 166–167.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 110. Подробнее см.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 380–381.

[4] Народный комиссариат юстиции не нашел ни одного тюркского следователя, которому можно было доверить расследование этого дела. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 484–485; «Совершенно секретно». Т. 5. С. 377.

[5] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 499.

[6] *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 373–374.

«тюркизация не проводится, работа в Наркомпросе по-прежнему ведется на русском языке»[1]. Зато в сельской местности шло ущемление прав христианского населения, особенно армян[2]. Разумеется, «ответственных работников» то и дело обвиняли в связях с «националистами». Между тем антирелигиозная пропаганда оказывалась бессильной: в окрестностях Баку в 1927 г. шииты по-прежнему практиковали самоистязания в связи с праздником Магеррана (Мохаррема, Мухаррама)[3]. Коммунист Израиль Коновер сообщал, что стоит решительно вмешаться в столкновения между европейцами и тюрками, «как тут же слышишь: жид бьет тюрка». Он уверял: «Не может быть речи о том, что я националист, как меня называют партийцы-группировщики»[4]. В 1926 г. ОГПУ сообщало, что мусаватисты разбрасывают листовки «на тюркском языке», в которых призывают к выступлению против русских[5]. В следующем году в связи с «военной тревогой» говорили, что в случае войны крестьяне перейдут на сторону мусаватистов[6]. С другой стороны, по информации чекистов, в 1926 г. армяне намеренно обделяли землей тюрок[7], в следующем году дашнаки угрожали резней[8], а в 1928 г. агитировали азербайджанцев покидать территорию Армении, так как с случае войны СССР с Англией вырежут их[9].

Нечто подобное происходило в других пролиэтничных регионах. Коммунист Е.Г. Иоселиани в июне 1926 г. сообщал, что его товарищам «приходится выдерживать натиск грузинской контрреволюции, поскольку «в Грузии меньшевики, нац.-демократы и соц.-федералисты с 1921 г., пользуясь провокацией, родственными и прочими отношениями, необычайно ловко устраивают назначения на ответственные места в уездах Грузии самых объявленных меньшевиков и антисоветских работников»[10]. Чекисты подтвержда-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 10.

[2] См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 341–355.

[3] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 506; В 1924 г. бакинское правительство приняло постановление о трехдневном праздновании годовщины Октябрьской революции для того, чтобы противопоставить его Мухарраму. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 409–410.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 66.

[5] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1015. Й. Баберовски считает, что многие мусаватисты реэмигрировали в качестве «сменовеховцев», рассчитывающих на «мусульманскую эмансипацию». См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 383.

[6] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 407.

[7] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1018.

[8] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 574.

[9] Часть азербайджанцев под влиянием дашнакской агитации переселились в Азербайджан, но через некоторое время вернулись обратно. См.: «Совершенно секретно». Т. 6. С. 158.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 345.

ли: родственные связи настолько сильны, что бывшие князья возвращались в свои имения[1]. А тем временем из армии поступали жалобы на то, что «между русскими и грузинами существует большое недовольство»[2].

В августе 1927 г. Сталину пришлось отвечать на вопрос Анри Барбюса о положении дел в Грузии. Генсек признал, что там еще есть «остатки буржуазных классов, дворянства, есть эмбрионы новой буржуазии», которым «неприятно», что у власти «стоят рабочие», и «свое классовое недовольство они облекают в форму национальную»[3]. В 1929 г. Сталин вынужден был взять под свою защиту председателя СНК Абхазии Н.А. Лакобу, которого пытались сместить грузинские коммунисты, инкриминируя ему недостаток борьбы с «абхазским национализмом»[4].

Образу врага непременно сопутствует образ невинного «страдальца». На Кавказе и в Закавказье имя Троцкого широко использовалась в антибольшевистской агитации. Так, сообщалось, что в Осетии в 1928 г. на «кулацко-белогвардейской» вечеринке произносились тосты «за здоровье Троцкого, свободу торговли, слова и печати». В Чечне «кулацко-зажиточными элементами» распускались нелепые, по определению чекистов, слухи: «Троцкий создал армию, Советы потому скупают хлеб, чтобы обессилить его на случай войны»[5]. В Армении в 1928 г. с именем Троцкого связывали уравнение зарплаты, свободу торговли, «освобождение рабочих». Разумеется, все это связывалось с пропагандой дашнаков, иные представители которых намеревались «задушить коммунистов» и «выпить их кровь»[6].

В своей клановой борьбе кавказские коммунисты постоянно ссылались на «поддержку» центра. 26 февраля 1927 г. из Ростова-на-Дону жаловался Дул Шекихачев, по его словам, первым из кабардинцев вступивший в партию большевиков в 1918 г. Он утверждал, что «был изгнан» из пределов Кабардино-Балкарской автономной области Калмыковым, который «стал сводить счеты с одним из кабардинцев и попытался привлечь его на свою сторону». Шекихачев отказался, и Калмыков, выжил его. О Калмыкове, сообщал он, «сложилось мнение, что он может кого угодно осудить, обидеть, оскорбить». При этом Калмыков публично заявлял, что «имеет за спиной большую

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1018.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 166.

[3] Цит. по: *Куликова Г.Б.* Указ. соч. С. 52.

[4] Сталин, однако, согласился, что Лакоба «сбивается иногда в своей работе на политику опоры на все слои абхазского населения», т. е. недостаточно проводит классовый принцип. См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 629–630.

[5] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 65.

[6] См.: «Совершенно секретно». Т. 6. С. 96, 157, 158.

силу в лице Сталина и Орджоникидзе и потому может расправиться с кем угодно»[1].

Продолжались земельные споры между ингушами и русскими. При этом «представители ингушского народа» уверяли большевистский ЦК, что «маленькая бедная Ингушетия, окруженная в несколько раз превосходящими ее врагами революции, превратилась в верный оплот соввласти на Кавказе»[2]. 12 августа 1924 г. на хуторе Аки-Юрт произошла стычка, в результате которой погибли 4 ингуша и 2 казака[3]. Позднее чекисты информировали, что один из ингушских сельсоветов возглавляет «бывший правительственный старшина царского и деникинских времен»[4]. В 1927 г. ингуши «стали практиковать кражи скота, плугов, фургонов» на спорных с казаками территориях, заявляя: «Земля наша, и мы казаков все равно выгоним»[5]. В том же году были отмечены земельные споры между ингушами и грузинами, причем первые упрекали вторых в том, что они пользуются «большими связями в Москве»[6]. В общем, попытки центра задобрить горцев приносили ограниченный успех[7]. В Алхан-юрт (Чечня) осенью 1924 г. центр ассигновал 10 тыс. руб. для граждан, пострадавших от белогвардейцев (на деле чеченцы попеременно поддерживали

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 19–19 об. Речь шла о Бетале Калмыкове – лидере местных коммунистов. По словам И. Бабеля, в нем было нечто от «главы большого рода» (*Кантарович В.* Бабель рассказывает о Бетале Калмыкове // Воспоминания о Бабеле. С. 10). Д.П. Шикихачев был расстрелян в августе 1928 г. вместе с группой из пяти бывших руководителей республики. Согласно результатам «чистки» 1929 г., Б.Э. Калмыков был женат несколько раз, в том числе на «жене князя-контрреволюционера», а в его работе обнаружили элементы «делячества» и «заслонения партийного руководства советским аппаратом». Но проверку он прошел (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 43. Л. 6–8) в отличие от своих соплеменников, обвиняемых то в белогвардейщине, то в связях с чуждым элементом, то просто «за использование в половом отношении» (там же. Л. 2, 4, 24 об.). Калмыков действительно играл «по своим правилам», что обернулось для него трагическим финалом. В феврале 1940 г. он был расстрелян за то, что в 1927 г. якобы возглавил антисоветскую организацию.

[2] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 185.

[3] «Совершенно секретно». Т. 2. С. 178.

[4] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 902.

[5] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 560.

[6] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 541.

[7] В 1920 г. центр выделил Чечне 19 вагонов семенной пшеницы и около 2 млн аршин мануфактуры. В 1922 г. из краевого дотационного фонда Чечня, Ингушетия и Северная Осетия получили 110,5 тыс. пудов продовольствия. В ноябре 1922 г. в Чечню было доставлено 30 тыс. пудов семенной пшеницы, в 1923 г. было решено ежемесячно выделять республике 150 тыс. пудов нефти (*Жупикова Е.Ф.* Указ. соч. С. 161). При этом «претензии республики на грозненскую нефть» старались пресечь, а отчисление доходов от нее направлять преимущественно на «борьбу с бандитизмом». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 48, 51.

то красных, то белых). Дадакаев из Ведено 17 мая 1925 г. сообщал Сталину, что в ходе подготовки к перевыборам Советов «кулаками ведется кампания против бедняков», при этом «Советы в Горной Чечне защищают интересы только кулаков»[1]. У чеченцев усилилась межтейповая борьба[2], за которой, по мнению чекистов, стояли вооруженные повстанческие группировки[3]. А тем временем на просьбу о возвращении казаков, выселенных в 1920 г. из станиц Михайловской, Ермоловской, Самашковской и других за «контрреволюционные выступления», последовал ответ, что это «невозможно во избежание кровопролития»[4]. Со своей стороны чеченцы категорически возражали против переселения казаков из разбитой станицы Ханской в район Гудермеса, мотивируя это тем, что им «очень обидно видеть на нашей земле казаков, наших и дедовских кровных врагов»[5]. Все это, впрочем, не выходило за рамки этнических столкновений, начавшихся в 1917 г. Исключение составляли попытки погромов горских евреев летом 1926 г.[6]

31 июля 1925 г. в приказе РВС СССР о проведении операций по разоружению населения Северного Кавказа отмечалось:

> Чеченская область является очагом уголовного бандитизма, распространяемого на соседние... регионы. Предоставленные после революции на плоскости богатые земельные угодья чеченцы полностью не используют, ведут отсталыми формами свое сельское хозяйство, не трудолюбивы. В массе своей чеченцы склонны к бандитизму как главному источнику легкой наживы, чему способствует большое количество оружия[7].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 116. Данная информация подтверждается другими источниками. См.: *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сб. трудов. Т. 1. М., 2007. С. 221; *Ченцов А.С.* Указ. соч. С. 145.

[2] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 901; особенно обострялась борьба в связи с выборами в местные органы власти – сторонники Т. Эльдерханова (Эльдарханова) выступали против групп, возглавляемых соответственно шейхом Канахантиевым, председателем окрика Ахматом Кадыровым и помощником прокурора Давлетукаевым. См.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 214–215, 295–296.

[3] *Михеев В.И.* Указ. соч. С. 83.

[4] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 43. Л. 118.

[5] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1012.

[6] *Гатагова Л.С.* Указ. соч. С. 81–82. В апреле 1926 г. горские евреи из Кубы жаловались на «осквернение» их девушек в ходе обязательных освидетельствований перед вступлением в брак. Поскольку у них, как и у мусульман, метрических свидетельств не было, а возраст невест (не менее 16 лет) определяли «на глазок», что вызвало соответствующие упреки. См.: *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 351–353.

[7] Цит. по: *Ченцов А.С.* Указ. соч. С. 147. Также см.: «Сталин дал личное согласие». Документы о событиях в Чечне // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5. С. 140–151.

Быстро изменить такое положение было невозможно. По сведениям ОГПУ, чеченские «бывшие помещики» в агитации против советской власти небезуспешно использовали тот факт, что оружие оставляют только у комсомольцев[1]. В начале 1927 г. сообщали, что чеченские «кулаки, муллы, почетные старики, торговцы» развернули активную борьбу за продвижение в сельсоветы представителей своих тейпов[2]. В связи с коллективизацией ситуация обострилась. В начале 1930 г. один рабочий-чеченец реагировал на нее так:

> Взять кинжал и посадить всю кооперацию на кинжалы. Придет весна, они узнают, как брать кукурузу и держать нас в очереди за хлебом. Хорошо им бить людей в Гойтах и Шали зимой (там было восстание. – *В.Б.*), весной нас в кустах не разыщешь[3].

В Сибири попытки «советизации» также не приносили успеха. В закрытом письме Тобольского окружного секретаря РКП(б) признавалось, что «развить какую бы то ни было работу среди туземного населения не представляется возможным»[4]. Острые проблемы возникли в Бурят-Монголии после разрешения продажи водки. Комсомолец Ф.И. Оширов писал Калинину, что до революции «бурят-монгольская народность утопала в водке», потом на несколько лет от нее избавились, молодежь активно вступала в комсомол. Теперь население улуса вновь «бросилось к водке, утопая, пропивая последние гроши, забывая все». Ячейка РКСМ бессильна помешать этому. Приводились жуткие случаи: пьяный отец зарезал ребенка, а мужик из ревности зарубил другого[5]. Чекисты, со своей стороны, отмечали, что из-за пьянства по случаю Рождества даже члены сельсовета не являлись на предвыборные собрания[6].

По информации ОГПУ, бурятские кулаки и ламы-«консерваторы» распространяли слухи о войне с Англией и Китаем[7]. Вместе с тем отмечалось, что ламаистское «обновленческое» духовенство агитировало за советскую власть, «предоставившую буддистам свободу религи-

---

[1] «Совершенно секретно. Т. 4. Ч. 2. С. 902. Примечательно, что разоружение проводилось по «разверсточной» схеме – пропорционально количеству населения в том или ином ауле. См.: *Ченцов А.С.* С. 147.

[2] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 118–120.

[3] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 151.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 743. Л. 76.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 241.

[6] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 123. В антирелигиозной прессе приводились и более впечатляющие примеры. 14 января 1924 г. председатель ВИКа (Борецкая вол. Сапожковского у. Рязанской губ.) Кирьяков устроил «не то именины, не то встречу нового года» с обилием самогонки и спирта, пригласив «попов, их жен, дочерей, местных кулаков-торгашей». См.: Безбожный крокодил. 1924. № 8. 24 марта. С. 3.

[7] «Совершенно секретно». Т. 5. С. 305–306.

озного верования»[1]. Известно становилось также о конфликтах «на почве землепользования»: русские жаловались, что буряты владеют бóльшими наделами, буряты возмущались земельными переделами[2]. В 1925 г. были отмечены случаи убийств комсомольцами местных граждан – разумеется, под предлогом «классовой борьбы». Этим занимались как русские, так и буряты[3]. Некоторые предложения руководства республики не могли не вызвать настороженности у большевистских лидеров. Нарком просвещения Б. Барадин и председатель Бурят-Монгольского ученого комитета выдвинул предложение об «образовании единой сплошной национальной территории» и развитии связей бурят-монгольской национальной культуры с индобуддийской[4]. Учитывая крайнюю дисперсность расселения бурят, такие планы не могли не вызвать беспокойства у русского населения.

Территориально-земельные споры между народами отмечались повсеместно. Частично они были связаны с нарушением прежнего аграрного равновесия в ходе Гражданской войны. В 1924 г. калмыки требовали выселения из Яшалтинской волости всего русского населения, переселившегося туда после 1918 г.[5]

Круг проблем, унаследованных от прошлого, был широк. На Северном Кавказе, где торговлей традиционно занимались армяне, появление евреев на руководящих должностях вызвало особую реакцию. Так, в 1926 г. в Армавире заговорили: «Евреев не судят, так как они занимают места, вплоть до прокуроров, с расчетом скрывать свои преступления»[6]. Всякие резкие социальные подвижки вызывали этнофобские реакции.

Усиление взаимного недоверия вызывалось различными факторами. В Крыму чекисты-греки расправлялись с татарами и турками; татары уходили в горы и присоединялись к «зеленым»[7]. В 1923 г. из Якутии сообщали, что после подавления восстания 1921–1922 гг. «тойоны и правые эсеры» по-прежнему действуют против советской власти, а якутская интеллигенция относится к ней враждебно[8]. На

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 903. В 1927 г. в Москве проходил Всесоюзный духовный буддийский собор, созванный обновленцами, вновь выразивший положительное отношение к советской власти. См.: «Совершенно секретно». Т. 5. С. 47.

[2] Там же. С. 932, 1019.

[3] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 2. С. 762.

[4] См.: *Кожевникова М.* Обновление в буддизме. От Агвана Доржиева – до наших дней / Буддийская традиция: история и современность. СПб., 2005.

[5] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 43. Л. 216. В 1926 г. чекисты отмечали, что они добиваются выселения русских, лишая их земельных наделов. См.: «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 933.

[6] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 380.

[7] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 679.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 23 об.–24.

Алтае повстанческие выступления хакасов против большевиков не прекращались на протяжении 1920-х гг., несмотря на создание особой автономии, «коренизацию» управления и амнистии «бандитам»[1]. В Красной армии (Ленинградский военный округ) в 1927 г. особисты выявили движение чувашей под лозунгом «Национальная армия» (за этим «страшным» лозунгом стояло всего лишь желание получать знания на родном языке и служить в пределах своего края)[2]. На Дальнем Востоке усилились антикитайские и антикорейские настроения в связи с наплывом мигрантов[3]. В Сибири летом 1930 г. восстали крестьяне Немецкого района Славгородского округа. Примечательно, что они взяли заложниками райуполномоченного ГПУ по району А. Меннингера и его помощника Б. Коопа[4].

На протяжении 1920-х гг. одним из главных врагов считалась Польша. ОГПУ пугало «великолепной работой» польской разведки на Украине[5]. В 1930 г. историк И.И. Шитч отмечал в дневнике: «В Польше порою пахнет каким-то авантюрным стремлением к захвату Украины... Польские вожделения вертятся вокруг Украины, поляки сманивают ее *освобождением* от Москвы»[6]. А тем временем на Украине, по информации чекистов, заговорили о том, что в Польше «живется рабочим и крестьянам гораздо лучше... крестьян там никто не трогает»[7]. Еще ранее, 13 апреля 1927 г., к большевистским лидерам обратился 30-летний И.В. Маковский из Чарджуя (Туркменская республика). Этот поляк-коммунист из рабочей семьи, доброволец Красной армии, чекист, оказавшийся в Туркмении в рядах 65-го кавалерийского полка им. Буденного, был уволен с работы без всяких объяснений. Он подозревал, что кому-то не понравилось, что он поляк[8].

Так, вероятно, и было. Задумываться об избавлении от представителей «враждебных» наций большевики начали еще в 1920-х гг., что и было реализовано в следующем десятилетии[9]. Не случайно в период коллективизации чекисты вдруг обнаружили в Витебске

---

[1] *Шекшеев А.П.* Указ. соч. С. 99–102.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 166.

[3] *Martin T.* Op. cit. P. 323.

[4] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 534–535.

[5] Государственная безопасность России. С. 432.

[6] *Шитц И.И.* Указ. соч. С. 179, 188.

[7] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 181.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 14.

[9] См.: Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы / сост. С.У. Алиева. Т. 1–3. М., 1993; Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997; Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М., 1999; и др.

«диверсионно-шпионско-повстанческую организацию», которая занималась контрреволюционной деятельностью в латышских колониях с 1925 г.[1]

В любом случае «нацмены» стали мешать «интернационалистам». Установка центра на выравнивание политического и культурного развития населения встречала непонимание русских[2]. Комсомольцы недоумевали: «Почему на рабфаках нацмены получают намного больше обычных рабфаковцев?», «почему практикуются послабления нацменам?»[3] В Крыму помимо обычных земельных споров возникали конфликты между комсомольцами – русскими и татарами[4]. Взаимоотношения в армии складывались не лучшим образом, особенности этнокультуры не учитывались[5]. Сообщалось, что «русские смотрят на инородцев как на дикарей». В ходу такие выражения, как «татарская морда»[6]. В Сибири русские повели наступление на оленеводческое хозяйство тунгусов, заодно спаивая их самогоном. Туземцы в порядке немого протеста принялись сжигать тайгу, дабы создать буферное пространство между собой и непрошеными гостями. Даже административно ссыльные внесли свою лепту в «культуртрегерскую» миссию: вовлекали аборигенов в картежную игру, спаивали, обворовывали, развращали их женщин[7].

Некоторые эксцессы, связанные с текущей этнополитикой, возникали и среди столичных партийцев. Некий И.О. Дик, коммунист с апреля 1917 г., с 1922 по 1926 г. работавший в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, 28 сентября 1926 г. сообщал «о некорректном поступке зав. Отделом национальных меньшинств ЦК ВКП(б) тов. Диманштейна». За «особую» позицию по молдавскому и бессарабскому вопросу Дик был наказан – его «перебросили для работы в деревне»[8].

Тревожная ситуация, по мнению чекистов, возникла в Карелии в связи с попытками «финских активистов и руководителей белогвар-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1370–1371.

[2] В Москве вели просветительную работу среди цыган, корейцев, армян, молдаван, предполагалось развернуть работу среди белорусов и китайцев. См.: *Скачков И.* Просвещение национальных меньшинств в Московской губернии // Вестник просвещения. 1927. № 5. С. 21.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 55; Д. 1027. Л. 99.

[4] «Совершенно секретно». Т. 4. Ч. 2. С. 1008.

[5] Так, киргизы не желали есть суп и борщ – однажды они выловили лавровые листья и пожаловались, что их кормят тем, что «даже верблюды не смогут есть». Татары отказывались от свинины и просили отдыха в пятницу. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 3 об.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 3 об.–4.

[7] Этнокультурные взаимодействия в Сибири. С. 44, 71.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 46.

дейских банд» вести пропаганду за создание «Великой Финляндии» за счет присоединении советской Карелии и Ингерманландии[1]. Создается впечатление, что ОГПУ намеренно сгущало краски. Карелы были не довольны тем, что во главе правительства республики находятся финны – в этом они видели угрозу присоединения к Финляндии[2]. После чистки 1922 г. в местной партийной организации осталось 566 русских, 150 карел и 109 финнов, секретарем компартии Карелии был Эмиль Ярвисало[3]. Здесь продолжалась языковая война: карелы сопротивлялись политике коренизации на основе финского языка, навязанной в 1922 г. центром[4]. Наряду с этим ОГПУ указывало на факты агитации со стороны «кулачества и антисоветских элементов» за присоединение Карелии к Финляндии[5]. Правда, позднее положение в Карелии стабилизировалось благодаря тому, что автономии удалось добиться значительных финансовых преимуществ[6]. Тем не менее в 1928 г. в «Правде» появились публикации о «финских шпионах» и «вредителях»[7].

В конце 1920-х гг. красноармейцы-антисемиты заявляли, что «при советской власти засели евреи, нужно сделать вторую революцию»; «надо... жидов перерезать, и тогда лишь порядки будут, а теперь какие порядки, когда в этой партии... в самой беспорядки творятся»[8]. Подобные «сигналы» вольно или невольно подсказывали верхам: либо «революция снизу», либо «революция сверху».

Еще летом 1926 г. в Кремле было получено письмо из Югославии от 55-летнего В.Ф. Дудникова, в прошлом жандарма. Этот «слуга царского режима», по большевистской терминологии, напоминал,

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 1. Ч. 2. С. 927.

[2] По замыслам так называемых красных финнов, российский Север должен был стать форпостом мировой революции, а Советской Карелии предстояло превратиться в образцовую республику, способную революционизировать скандинавские страны. Финны, составляя в 1926 г. лишь 0,9 % населения Карелии, занимали ведущие должности в руководстве республикой. См.: *Такала И.Р.* Финны в Советской России: история диаспоры // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. VII–XX вв. М., 2006. С. 242–243.

[3] *Куликов К.И.* Указ. соч. С. 97.

[4] *Kangaspuro M.* Karelian Resistance to Finnish *Korenizatsiia* Policy in Soviet Karelia in the 1920s and 30s // Studia slavica finlandensia. Tomus XVII. Helsinki, 2000. P. 91–92.

[5] «Совершенно секретно». Т. 6. С. 279.

[6] В значительной степени это было связано с деятельностью председателя СНК Карельской АССР Э. Гюллинга, в прошлом председателя бюджетной комиссии сейма Финляндии. См.: *Филимончик С.И.* Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты // Российская история. 2009. № 3. С. 186.

[7] См.: Правда. 1928. 4, 5, 6 января; 9 марта.

[8] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 167.

что он «честно служил» на Кавказе, «политикой не занимался», причем в 1905 г. в Эриванской губернии только на его участке «не было армяно-азербайджанских конфликтов». Полагая, что пришло время использовать его опыт, он заявил о желании «получить в СССР какую-нибудь работу аполитического характера, желательно заведовать санаторием на Кавказе»[1].

Все возвращалось на круги своя. Империи существуют по собственным законам, независимо от личин, под которыми выступают. Некоторые «бывшие» это уловили.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 23–25.

IV. КАКОГО ДИКТАТОРА Я ХОЧУ?

Всякая власть – феномен архаичный, даже реликтовый. Однако ей постоянно приходится прикидываться «современной». При этом правитель должен выглядеть одновременно «своим» и «метафизически» отчужденным, доступным и отдаленным, милостивым и жестоким. В этом, если угодно, основной секрет его «харизматической» жизнестойкости.

Революция означает крайнюю степень десакрализации конкретно-исторической власти и вместе с тем яростное возрождение надежд на появление власти-спасительницы. Увы, ни один «пламенный революционер», как и его свергнутый «законный» предшественник, не способен естественным образом осилить эту роль: его харизма столь же неустойчива, как судьба племенного вождя, рискующего быть съеденным при очередном неурожае или эпидемии. Претенденту на роль вождя, истощившего свои силы в борьбе над «врагом», приходится притворяться и лицемерить.

Авторитаризм рождается снизу – из человеческого прошлого. В критических ситуациях люди, сами того не замечая, начинают полагаться на вековой инстинкт, а он требует идти за тем, кто знает выход. Между тем мало кто из трезвомыслящих людей способен увидеть его. И тогда следует череда взаимообольщений и взаимопровоцирований, рождающих «вождя».

1. Новое поколение, дух социальной агрессии и власть

Постреволюционное время было отмечено естественным размягчением репрессивного аппарата власти. Вместе с тем уже с начала 1922 г. Ленин стал настойчиво требовать «расширения применения расстрела» взамен практиковавшихся ранее «коммунистически-тупоумных» штрафов[1]. В апреле 1922 г. появилось постановление ВЦИК, согласно которому ОГПУ получало право без суда расстреливать бандитов, взятых на месте преступления, и отправлять в северные концлагеря подпольщиков-анархистов и левых эсеров, а также бывших уголовников-рецидивистов. Иностранцы могли арестовываться с целью обмена[2]. Одновременно упорядочивалась работа цен-

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396–400.

[2] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 180.

зуры[1]. Активизировался институт перлюстрации[2], причем это скорее затруднило работу системы, нежели облегчило ее[3].

Между прочим, теперь предписывалось слово Бог, а также имена Христос и Иисус печатать с маленькой буквы. Правда, Пилат большой буквы также не удостоился[4]. Как всегда, «перегибы» на местах доходили до абсурда. В Белоруссии из учебников вымарывали такие тексты: «В родном краю, как в раю»; «В старину на Белоруси были церковные праздники», «Как ты бедна, как ты темна, родная сторона»[5]. Впрочем, правая рука, как всегда, не знала, что делает левая. В 1926 г. без цензурных пропусков была переиздана книга В.В. Шульгина «1920 год» – государственниками-антисемитами это могло быть воспринято как своего рода сигнал.

Проблема регенерации или витализации социальной среды в постреволюционной период связана с обретением и оформлением социетальной устойчивости. Исследователи понимают этот процесс неоднозначно. Так, С.А. Королев справедливо полагает, что кардинальным условием стабильности в России является большая или меньшая степень совпадения собственно пространства (в географическом смысле), «социального пространства» и «пространства власти»[6].

---

[1] Цензура, курируемая Наркомпросом, обязана была не допускать агитации против советской власти, националистической пропаганды, религиозного фанатизма, порнографии, печатания ложных сведений и обеспечивать сохранение военных тайн. К тому времени ее аппарат разросся до 2500 человек – цензор имелся при каждой типографии. Теперь ответственность за содержание продукции возлагалась на администрацию типографий (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 183, 187). Что касается театральной цензуры, то, несмотря на существующие критерии запретов применительно к конкретным категориям зрителей, администрация театров из коммерческих соображений постоянно обманывала проверяющих к немалому удовольствию зрителей. См.: *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Указ. соч. С. 191–193.

[2] По некоторым данным, в августе 1922 г. сотрудники политконтроля вскрыли и проверили почти половину почтовых отправлений по РСФСР и все 285 тыс. писем, отправленных за границу. С октября 1923 по октябрь 1924 г. было просмотрено более 5 млн писем и свыше 8 млн телеграмм. См.: *Измозик В.С.* Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С. 158–159.

[3] В конце апреля 1927 г. цензоры задержали получение дипломатического послания из Лиги Наций. В результате Наркомат иностранных дел не смог своевременно отреагировать на важный документ. См.: *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 238–239.

[4] *Зубов В.П.* Указ. соч. С. 107. Сатирический журнал поместил карикатуру: написание слова Бог с большой буквы (в начале предложения после точки) рассматривалось как контрреволюция. См.: Крокодил. 1928. № 1. С. 3.

[5] *Гужаловский А.* Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества (1922–1941 гг.) // Acta Slavica Japonica. Vol. 31. 2012. P. 83.

[6] См.: *Королев С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

Но он сводит этот процесс главным образом к эффективности практики доноса[1]. На деле важнейшее значение имела сбалансированность психоментального пространства, достигаемая более сложными, подчас неуловимыми путями, идущими скорее снизу, нежели сверху. В социальном хаосе человек ищет «центры силы», притягивающие надеждой на защищенность. Этот процесс ускоряется с помощью той или иной коллективистской идеи. При этом толпа, о чем бы она ни говорила, надеется на деспота, способного озвучить вопль ее «коллективного тела». Как результат, «безличный» закон вытесняется человеческим «доверием» к власти, а вполне традиционные российские «слезницы» обретают новое качество – превращаются в важнейший материал для чисток. Людские эмоции – как положительные, так отрицательные – замыкаются на фигуре диктатора.

Оценивая возможности репрессивности «сверху», нельзя забывать об импульсах насилия «снизу» и тем более о чисто российских способах снятия социальных стрессов. В постреволюционное время важнейшее значение приобретает фактор гендерно-возрастного расслоения социального пространства. В период «красной смуты» оно шло куда более интенсивно, чем в обычное время: энергетически истощенные страты выпадали в политический «осадок», а новые, лишенные собственного социально-исторического опыта, но «избыточно» пассионарные слои судорожно впитывали острые социальные впечатления сквозь призму официальной пропаганды. Эмоциональный перегрев «феминизированного» социального пространства дополнялся «бабьими» истериками. Молодежь тех лет «восхищали "лихие" герои, кем бы они ни были, – революционерами, красными командирами или налетчиками и ворами»[2]. Отсюда своеобразное боязливо-интригующее притяжение фигур вроде бандита Леньки Пантелеева[3]. «Размягчение» власти и фрустрационное истощение «старого» социального пространства ничуть не снизило уровень агрессивности молодежи, скорее наоборот.

Ни Гражданская война, ни «военный коммунизм» не смогли элиминировать дух архаичного насилия в сельской среде – здесь находили свое завершение распри, длившиеся десятилетия. Крестьянская беднота была болезненно разочарована: ожидаемого черного передела не получилось[4]. Власти пришлось имитировать «борьбу за социальную справедливость»: от выселения бывших помещиков и борьбы

---

[1] См.: *Королев С.А.* Донос в России. Социально-философские очерки. М., 1996.

[2] *Баранская Н.* Указ. соч. С. 352.

[3] В поэме Елизаветы Полонской «В петле» (с характерным подзаголовком «Лирическая фильма») Л. Пантелеев представлен как борец против нэпманов и невольный «продолжатель революции». См.: Ковш. 1925. Кн. 1. С. 113–119.

[4] См.: Голос народа. С. 73, 75, 76, 78, 79, 81.

с «кулаком» до поисков всевозможных «врагов». Между тем насилие против одних должно порождать иллюзию свободы у других – эту премудрость деспотизма большевики еще не вполне освоили.

Исследователи отмечают, что в 1926 г. более чем в 4,5 раза выросло количество ранее не характерных для деревни преступлений против личности, но зато уменьшилось число акций против власти[1]. Теперь приходилось приписывать всему этому «классовое» или какое-либо иное «потустороннее» содержание[2]. Несостоявшиеся патерналистские ожидания стимулируют страхи и агрессивность по отношению к внешнему миру или «чужим». По какому-то странному наитию К.И. Гирис из Харькова 26 января 1924 г. советовал «для того, чтобы установить в Европе диктатуру пролетариата... вызвать на подмогу русское крестьянство»[3].

Власть по-своему использовала консолидационно-идентификационные тенденции. К концу нэпа наблюдался скачкообразный рост так называемых общественных объединений: если в 1925 г. их было зарегистрировано 993, то в 1928 г. – 4480[4]. В них в «добровольно-принудительном» порядке вовлекалась молодежь. Эрзац-коллективизм выливался в коммуникативные ритуалы. Возникала возможность трансформации негативной социальной энергии в новое «агрессивно-созидательное» качество. Именно на это делали ставку лефовцы и прочие леваки, заявлявшие: «ЛЕФ будет агитировать нашим искусством массы, приобретая в них организованную силу»[5]. Нетерпение порождает нетерпимость. Большевики этим пользовались.

Объективные предпосылки для решительного «разрыва со старым» подспудно вызревали на протяжении 1920-х г. Они были связаны прежде всего с особенностями формирования молодого поколения: здесь усиливалось половозрастное дробление: некоторым детям родители казались «отсталыми», советская школа, напротив, привлекала новизной[6], Ленин и большевики представали носителями разумного порядка, способными решить даже проблемы школьного уровня[7]. В ряде случаев дети в полном смысле слова возненавидели «старую» семью. Последнему не стоит удивляться. В 1923 г. обсле-

---

[1] *Литвак К.Б.* Политическая активность крестьянства в свете судейской статистики 1920-х годов // История СССР. 1991. № 2. С. 134.

[2] См.: *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. London, Sydney, 1996. P. 786–788.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 225.

[4] Советское строительство. 1929. № 4. С. 64.

[5] ЛЕФ. 1923. № 1. Март. С. 7.

[6] *Гришко В.* В комсомоле на положении «зайца» // Комсомол. Воспоминания бывших комсомольцев. Мюнхен, 1960. С. 80, 81.

[7] Таким настроением пронизано полуграмотное письмо одной девочки Ленину. Она сообщала вождю, что учащиеся Московской художественной школы «разуты и

дование учащихся московской школы «Серп и молот» показало, что практически все родители били своих детей, из них 65 % лупили «чем попало», 25 % – награждали пинками, 15 % – использовали ремни и даже розги. Традиционное насилие смыкалось с постреволюционным раздражением. При этом 98 % детей испытали на себе «бешеный гнев» родителей, 80 % – «воспитывались» с помощью матерщины. Избиение детей было настолько обычным делом, что появилась карикатура: мать избивает ребенка, подписано: «Охрана младенчества от материнства»[1]. Практически все отцы и матери не стеснялись лгать при детях, 18 % родителей не скрывали от них кражи на производстве. Шокировало детей и то, что 75 % родителей имели обыкновение заниматься сексуальными утехами у них на глазах[2]. Обследование краснодарских школьников показало, что выходцы из неблагополучных семей смотрели на школу как на «второй дом»[3]. Данная ситуация была характерна для «пролетарских» семей; девочки из благополучной (как правило, интеллигентски-мещанской) среды, напротив, тяготились пребыванием в «скучной» школе[4]. Общее падение нравов было связано и с внедрением совместного обучения: «худших» мальчиков переводили в лучшие женские школы[5]. Энтузиасты совместного воспитания не переводились[6], хотя становилось известно, что в некоторых школах-интернатах добрая половина пионеров сожительствовала с противоположным полом, зачастую используя принуждение[7].

Суггестивные возможности власти многократно усиливались в связи с движением за «военно-коммунистическое» воспитание детей, начавшееся в 1921 г. с появления «юных пионеров им. Спарта-

---

оборваны», так как «школа буржуазная», и учителя именуют его и Троцкого жуликами и ворами. См.: Документ без комментария // Родина. 1991. № 9–10. С. 126.

[1] Красный перец. 1926. № 10. С. 7.

[2] *Иорданский Н.И.* Черты быта школьников. М., 1925. С. 38. Описан дикий случай: отец семерых детей после смерти жены стал сожительствовать со своей 14-летней дочерью; принял у нее роды, а новорожденного сжег в печке. См.: *Василевский Л.М.* Голгофа ребенка. С. 32.

[3] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 37–38. Некоторые выпускники «элитной» школы-коммуны II ступени заявляли, что «идейные» раздоры в семье и нелады с родителями притягивали их к школе. См.: *Лейтнеккер О.* К вопросу о том, что представляет из себя современная молодежь // На путях к новой школе. 1922. № 3. С. 111–112.

[4] *Меромская-Колькова Ц.* Ностальгия? Нет! Тель-Авив, 1988. С. 47.

[5] *Сергеев В.* Три года в советской России. Очерки. Paris, 1921. С. 108. Существует точка зрения, что переход к совместному обучению в годы общественной турбулентности отрицательно сказывается на судьбах юного поколения.

[6] Подчеркивалось, что идея совместного воспитания, признанная «в большинстве культурных государств», полностью осуществлена только в Советской России. См.: *Василевский Л.М.* Половое воспитание ребенка. М.; Л., 1924. С. 81.

[7] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 52.

ка». Хотя еще в 1924 г. можно было услышать мнения о необходимости «нейтральности» школы[1], она неуклонно политизировалась. Появление скаутских организаций, частично связанное с реакцией на большевизацию и огосударствление детского движения[2], усилило стремление к созданию «новой» школы. Некоторые московские педагоги намеренно противопоставляли детей рабочих «остальным» (второсортным) учащимся[3] – так провоцировалось «пролетарское» чванство. Обследование московских трудовых школ показало, что мальчики предпочитают «рабочую профессию», однако с возрастом их пристрастия разнообразились: привлекательными казались врачи, инженеры, летчики, авиаторы, моряки, агрономы, астрономы, охотники, «работники разнообразных искусств»[4].

Несомненно, интересы школьников дифференцировались не без воздействия извне. К началу 1925 г. насчитывалось 1,5 млн пионеров. В апреле 1925 г. в радиоэфир вышли «Радиопионер» и «Радиооктябренок»[5]. Интенсивная «пионеризация» приносила свои плоды – «вещий» голос из сакрально-невидимого пространства мог оказать магическое действие. Выросший на этих «радиодрожжах» юный пионер с его социально-эрекционистским лозунгом «Всегда готов!» через десяток лет мог стать опорой власти. Поэт В. Каменский в «Пионерском марше» представлял своих героев так: «Мы все – кирпичи (здания будущего. – *В.Б.*)... Великий Ильич... нас жить научи...» А. Залкинд связывал с пионерами прогресс «чувства коллективизма», призванного избавиться от «индивидуалистического нарциссизма» и «буржуазной морали. И в этом он был не одинок – это было отражением психозов целой эпохи[6]. Не случайно даже система начального образования выстраивалась под усвоение постулатов марксизма[7]. Учитывая, что среди тогдашних школьников наблюдалось, с одной стороны, обилие инфантильных особей, с другой – психопатов и истериков[8], это могло помочь в воинственной индокринации целого поколения. В 1930 г. некоторые интеллигентные мамы обнаруживали, что их дети уже превратились в правоверных пионеров и октябрят[9].

---

[1] Конформизм в советской России. С. 348.

[2] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 626. Л. 21. Советское военно-патриотическое воспитание в сущности было государственной пародией на скаутское движение.

[3] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 67.

[4] *Одинцова Л.* Указ. соч. С. 13–14.

[5] *Горяева Т.М.* Указ. соч. С. 62.

[6] *Steinberg M.D.* Op. cit. P. 104.

[7] См.: *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998. С. 335.

[8] *Курек Н.С.* Разрушение психотехники // Новый мир. 1999. № 2. С. 154.

[9] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 105.

Разумеется, возможности тогдашней пропаганды были не безграничны. Основная масса поглощаемой школьниками литературы (60–70 %) была издана до революции. Мальчики, как и положено, увлекались приключенческой литературой, девочки – «чувствительной»[1]. Потребность в «героическом» восполнялась кинематографом. Исследователи полагают, что такие фильмы 1920-х гг., как «Багдадский вор», «Робин Гуд», «Знак Зорро», «Красные дьяволята», «Броненосец Потемкин», одинаково впечатляли как пионеров, так и прочих школьников обоего пола. Как результат, понедельники в школе оказывались самыми трудными для учителей: насмотревшиеся в воскресенье трюковых лент, учащиеся в черных масках скакали по партам с игрушечными револьверами в руках. «Революционные» ленты привлекали главным образом сценами расправ[2]. Отмечали и другие проявления акцентированного поведения детей, связанные с просмотром кинолент: многим из них нравились сцены жестокости, включая отцеубийство. Некоторые с помощью кино учились воровству[3]. Картины о «жизни трудящихся» особого восторга не вызывали, больше привлекали сцены «красивой» жизни[4].

Пропагандистские усилия, направленные на детей, разнообразились. Так, пионерам и комсомольцам приписывали спасение около 150 женщин и детей во время наводнения 1924 г. в Ленинграде[5]. М. Зощенко высмеял подобные сочинения, поведав о сказках «про революцию» для 3-летних детсадовских детей («Нянькина сказка»). Увы, нелепости пропаганды в детском возрасте воспринимались всерьез. Ленинградский историк А.Г. Маньков так вспоминал об эволюции своих взглядов:

> Пристрастие вести дневник у меня возникло с первых лет обучения во второй ступени средней школы... Записи первых двух лет обучения (5-й и 6-й классы) полны наивного восторга жизни, восхваления Октябрьской революции, В.И. Ленина и Майских праздников. Но уже к концу 20-х годов мои юношеские восторги постепенно туск-

---

[1] *Добренко Е.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 70.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 189–190.

[3] Смехач. 1926. № 35. С. 8.

[4] Считается, что многие режиссеры не столько предостерегали от «разлагающего» влияния нэпа, сколько «использовали его соблазнительные возможности» (История отечественного кино. М., 2005. С. 76). Большую тревогу кино по-прежнему вызывало у педагогов, предлагавших ввести особую «педагогическую цензуру». См.: *Гельмонт А.* Кино как фактор воспитания (Меры по борьбе с вредным влиянием кино на детей и пути создания педагогического кинематографа) // Вестник просвещения. 1927. № 5. С. 11.

[5] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 206–207.

нели и гасли под влиянием тех изменений, которые круто произошли в экономической и политической жизни страны[1].

Подсчитано, что в приватных разговорах учащихся альтруистическая тема, составлявшая в 1916 г. 41 %, понизилась к 1926 г. почти втрое. Соответственно возросла доля таких эгоистических девизов, как «держи момент за хвост», «лови момент, спеши жить», «бери от жизни все», «жить для жизни, а не для могилы», «моя хата с краю». Если в 1913 г. приоритет личных целей в жизненных ориентациях школьников составлял 50 %, то в 1926 г. – 78 %. При этом уровень целеустремленности к концу 1920-х гг. упал с более чем 50 до 38 %[2]. Именно тогда появились школьные организации, названия которых говорят за себя: «Союз пьяниц», «Школьный загс», «24 бузотера»[3]. Некоторые ленинградские школьники увлекались спиритизмом, предпочитая «дух Наполеона»[4].

Попытки так называемых передовых педагогов осуществить свои давние мечты о создании «новой школы» в советских условиях давали сомнительный результат. Так, опыт по внедрению так называемого Дальтон-плана (опыт предоставления учащимся большей творческой свободы, названный по имени города Дальтон, штат Массачусетс) вызывал отторжение. Один из школьников признавался в своем дневнике:

> С Дальтоном выходит дело дрянь. Никто ничего не понимает – ни шкрабы, ни мы... Ребята говорят, что это какой-то лорд Дальтон из буржуев... на кой черт нам этот буржуазный план? И еще говорят, что этого лорда кормили одной гусиной печенкой и студнем, когда он изобретал[5].

Впрочем, были и ученики, принимавшие педагогические новшества всерьез. Один из них сочинил историю воплощения (в 1998 г.) проекта своего рода школы-фабрики, что выглядело вполне созвучно антиутопии Е. Замятина «Мы»[6]. Естественно, далеко не всем взрослым нравились тогдашние пропагандистские эксперименты, осуществляемые через школу. М. Зощенко высмеял систему школьного самоуправления, при котором учитель из наставника превращался

---

[1] *Маньков А.Г.* Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С. 9.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 150–151.

[3] *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 281. Дело доходило до того, что в Меленском уезде (Владимирская губ.) дети являлись в школу пьяными. См.: Смехач. 1925. № 27. С. 11.

[4] Бегемот. 1927. № 15. С. 8.

[5] *Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева. Картины из жизни школы второй ступени // Красная новь. 1926. № 8. С. 9, 11.

[6] Сам Е. Замятин оправдывался: «...Утопический роман “Мы” – в первую голову представляет собой протест (против) какой бы то ни было машинизации, механизации человека...» Цит. по: «... Мне сейчас хочется тебе сказать...» Из переписки Бор. Пильняка и Евг. Замятина с Конст. Фединым // Литературная учеба. 1990. Кн. 2. С. 82.

в слугу детского коллектива (рассказ «Учитель»). Порой возмущение нововведениями приобретало характер политической истерики. 6 июля 1926 г. В.М. Стрельцов в очередном письме требовал:

> Уберите Луначарского, ликвидируйте луначарщину. Школа переживает пляску св. Витта. Программы меняются как перчатки... Между средней школой и высшей нет никакой увязки... Школа разрушена, педагоги ходят подавленные, оплеванные... Назначайте меня вместо Луначарского... школа воскреснет»[1].

«Классовый принцип» неуклонно усугублял отрыв «детей» от «отцов». Краснодарские школьники заявляли, что никогда не видели хороших отношений между родителями и детьми, некоторые представляли их изначально враждебными, утверждая, что «силы теперь не на стороне отцов»[2]. Наиболее сложным оказалось положение детей «лишенцев». 13-летний ученик (Ленинградская обл.) 30 ноября 1928 г. жаловался «многоуважаемому вождю революционного движения М.И. Калинину» на сотрудника волисполкома, который в полном смысле слова выкинул его за шиворот из школы сразу после того, как его отец, «инвалид войны», имевший на иждивении пятерых человек, был лишен избирательных прав. Судя по всему, его отец не был кулаком, похоже, он стал жертвой обычных деревенских разборок[3]. Не менее впечатляюще звучит письмо «группы обездоленных детей», мечтавших после семилетки попасть в профшколу, М. Горькому:

> ...Мы – дети бывших людей, и нам двери закрыты везде и всюду... потому что нас зачал, родил чуждый элемент для советской власти... Учиться не дают возможности, служить не пускают, работать не принимают... Это садизм. Таких детей надо уничтожать, родителей – кастрировать. Ведь мы никакого преступления не совершили – зачем так жестоко карать. Проклят час, когда нас родили.

М. Горький заметил, что из таких детей «искусственно фабрикуются “недовольные”»[4]. Действительно, формировалось поколение, пронизанное ненавистью к прошлому до готовности отказаться от своих отцов. Некоторые его представители в начале 1920-х гг. прямо заявляли, что разрыв во взглядах «отцов и детей» сделался необратимым[5]. «Советское влияние стало остро вторгаться в мое детское

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 166.

[2] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 38.

[3] Лишенцы: 1918–1936 // Звенья. Вып. 2. С. 619–620.

[4] *Горький М.* О пионерах // Кем хотят быть наши дети. С. 6–7. Аналогичным образом школьницы из Нового Оскола в письме Луначарскому защищали «вычищаемых» детей «бывших»: «Что же им остается... девочкам – идти на улицу и торговать собою, а мальчикам – идти на большую дорогу и заниматься разбоем». Цит. по: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 83.

[5] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 39.

сознание», – признавался один ученик. Из чувства противоречия он потянулся к пионерам и комсомольцам[1]. Естественно, что «настоящие» воспитанники советской школы (а таких становилось все больше) настраивались сокрушать все, что мешало их социализации. Пресса провоцировала это устремление: в газетах появились специальные рубрики: «Отрекаемся от своих отцов»[2]. Молодые люди, соглашавшиеся на это, готовы были к кардинальной перекройке всего социального пространства.

На сознание подрастающего поколения влияла не только прямая пропаганда, но и фоновая информация. Невидимое воздействие культурной среды всегда спрямляет «излишне сложную» конфигурацию коллективного бессознательного. В кризисные эпохи это происходит особенно интенсивно. Очень многим хотелось избавиться от ощущения, что Россией «правит чудовищный бред сумасшедшего», что страна «катится в какую-то бездну» и люди находятся в «щупальцах спрута»[3].

Через 10 лет после Октября социологический опрос детей выявил примечательные тенденции. На вопрос: «Что следует изменить в теперешних порядках?», потомки революционных пролетариев бодро отвечали: «построить крупные фабрики и заводы», «уничтожить нэпманов» и «в церквах сделать клубы». Дети крестьян предлагали «уничтожить кулаков-эксплуататоров», снизить налоги и цены на фабричные продукты. Были, правда, и иные предложения: не зажимать торговцев, прекратить преследовать религию[4].

Как видно, в тогдашней детской вере (как и в «безверии») усилился «прагматический» компонент. Так, один школьник (1922/1923 г.) не без самодовольства сообщил в сочинении, что на Рождество «обёг всю деревню» и получил за прославление Христа сумму денег, которой хватило на фунт семечек[5]. Несомненно, на поколение, тянущееся к знаниям, определенное впечатление могли произвести яростные выпады против церковного образования со стороны таких большевистских деятелей, как П.А. Красиков. В 1923 г. он писал, что в духовных семинариях учились «тысячи молодых и развращаемых до мозга костей людей, заранее издевающихся над верующими простаками... заливающие водкой остатки своей юношеской честности и идеализма или зоологически мечтающих о теплом доходном приходе»[6]. Такие

---

[1] *Гришко В.* Указ. соч. С. 40.

[2] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 63.

[3] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 86, 88. 103.

[4] Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1929. С. 5–7.

[5] *Петров В.В.* Быт деревни в сочинениях школьников. М., 1927. С. 29. В этом не было ничего удивительного: один комсомолец «с разрешения ячейки» звонил на церковной колокольне «для приработка». См.: Смехач. 1925. № 10. С. 14.

[6] *Красиков П.* Указ. соч. С. 1.

пылкие эскапады не могли не действовать на юное поколение разрушающегося традиционного общества.

Антирелигиозное поветрие в людях, потянувшихся к знаниям, было достаточно сильным. Слова Троцкого о том, что «Бог и всякая чертовщина – суть гигантская тень человеческой немощи»[1], в общем, отвечали их повороту мысли[2]. В тогдашних условиях не просто было догадаться, что гнет утопии, материализовавшейся в вожде, может пригнуть человека более основательно, чем привычное «бремя» традиционной веры. На детей оказывала серьезное воздействие антирелигиозная обстановка в школе[3].

Сложившуюся государственную систему школьники воспринимали в архаичнейшей парадигме власти–подчинения. В 1924 г. на вопрос, кто управляет советским государством, половина школьников ответила, что Ленин (уже покойный), при этом мало кто знал, кто он такой; почти половина полагала, что во главе его стоит Троцкий. Что касается Рыкова, Луначарского, Каменева, Калинина, Бухарина и Зиновьева, то их возвели на вершину власти лишь 4 % респондентов. О Сталине вообще не вспомнили. В любом случае большинство школьников полагало, что советское государство действует авторитарно; немногие думали, что «управляет ЦИК», «совнарком», «Советы». Советы иной раз понимались как «собрание бездельников». Лишь 10 % школьников вспомнило о рабочих и крестьянах, еще меньшая часть – о выборном характере власти. Разумеется, встречались и «нетрадиционные» ответы: «управляют солдаты», управляют «царь Ленин и царь Троцкий», «правит, кто сумел втереться», «управляют жиды»[4]. Письма школьников пронизаны ощущением социального неравенства[5]. Пропагандистские усилия правящей верхушки приносили результаты, далекие от ожидаемых.

Упования на власть стимулировались внутренней депрограммированностью подрастающего поколения. Это не удивительно: постепенный «перевод» культуры революционных элит на язык традиционной культуры масс оказался невозможен. Положение усугубляли эксперименты по замене привычной недели шестидневками. Потеря темпоральной ориентации заставляла ностальгически вспоминать прошлое[6].

Разумеется, наибольший эффект официальная пропаганда давала там, где дело касалось угрозы со стороны «враждебного окружения»,

---

[1] Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 99.

[2] В ряде случаев усилиями комсомольцев крестьянское «многоверие» вырождалось в подобие псевдоязыческого многобожия. См.: Обновленная деревня. С. 31.

[3] См.: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 166–169.

[4] Там же. С. 142, 138, 141–144.

[5] *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 84 –85.

[6] *Замятин Е.* Советские дети // Литературная учеба. 1990. № 3. С. 75. Также см.: *Пирожкова В.А.* Указ. соч. С. 34.

в существование которого в конце 1920-х гг. верили 77 % школьников (хотя милитаристски настроены были лишь 37 % из них). Еще более впечатляет то, что 88 % учащихся заявляли, что «ГПУ нужно». Разумеется, встречались и панические заявления: «Если будет война, то советской власти будет капут, т. к. против Советов весь мир»[1]. Впрочем, пропагандистское бодрячество приносило некоторые результаты. В любом случае песни типа «Раз, два, три, мы – большевики, мы фашистов не боимся, пойдем на штыки... мы Керзону лорду – в морду» отвечали воинственному настрою юности[2].

Порой юные пионеры демонстрировали вызывающую агрессивность. В феврале 1924 г. газета «Комсомолец» рассказала о том, что они «схоронили своего товарища по-новому, без обрядов». Предав земле своего «волчонка» (так именовались члены данного пионеротряда), они возвратились с кладбища с песней «Долой, долой монахов»[3]. Но пока дети-«безбожники» оставались в меньшинстве. Крестьяне категорически высказывались против атеистического воспитания, опасаясь, что дети «отобьются от рук»[4].

Привычная вера в Бога неуклонно разрушалась, но «научными» атеистами, как того хотелось коммунистическим идеологам, дети не становились. Е. Замятин привел на этот счет показательный пример. На риторический вопрос к 8-летнему мальчику: «...Крестик снял? Значит, Бога уже нет?», последовал поразительный ответ: «...Бог есть, но я в него уже не верю». Это напоминало рассудительность идолопоклонника, прагматично поменявшего одного идола на другого. Сам Замятин полагал, что советская школа – это «своеобразный тип конфессиональной школы, где в основу положена "антирелигиозная религия" коммунизма», своеобразная «педагогическая фабрика, отсеивающая подходящий материал и изготавливающая из него коммунистов»[5]. Он был прав. Не случайно иные школьники брались скрупулезно выявлять сумму денег, пропитых односельчанами в церковные праздники, и подсчитывать, сколько тракторов можно было бы вместо этого купить[6]. «Крокодил» опубликовал карикатуру: на содержание служителей культа население тратит суммы, равные

---

[1] *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 145.

[2] Авторы некоторых воспоминаний экстраполировали свои бодряческие настроения на все тогдашнее поколение (*Збарский И.Б.* Объект № 1. М., 2000. С. 30). Такое было характерно для детей из благополучных семей.

[3] *Слезин А.А.* Антирелигиозная деятельность комсомола... С. 57. Куплеты «Долой, долой монахов, раввинов и попов, залезем мы на небо, разгоним всех богов» были весьма распространены. См.: *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 103.

[4] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 36.

[5] *Замятин Е.* Указ. соч. С. 74–75.

[6] *Петелин Г.* Указ. соч. С. 40. Сообщали, что в д. Давыдково в 1926 г. отменили «местный праздник», чтобы «не справлять для "долгогривых" обеды», а теперь на

стоимости двух Днепростроев[1]. Новая сакральность вытесняет старую, вскрывая ее «нерациональность». Так бывало всегда.

Было бы неверным считать, что юношеская пассионарность противостояла фрустрационной апатии старшего поколения[2]. Ситуация была сложнее: возрастной фактор своеобразно взаимодействовал с социальным.

По мнению К. Литвака, чувство «зависти» к городу радикально изменило бытийственные представления крестьян. Земля теряла в их глазах свои онтологические приоритеты. Город становился примером нового уровня, качества, а со временем и смысла жизни[3]. Но что происходило, когда попытки крестьян найти работу в городе не давали результата? Эта тенденция, соединившись с прогрессирующим отчуждением сельского населения от результатов своего труда, вела к накоплению особых стрессов. Сталин в 1928 г. интерпретировал это по-своему: «Целая революция происходит в головах крестьян, революция, которая располагает и говорит в пользу города, в пользу нового, которая отбрасывает назад от рутины и косности»[4]. Между тем отказ от привычной веры чаще всего отбрасывает людей к суевериям. Последние «обновлялись». В Татарии обнаружился татарин-коновал, который «лечил» русских крестьян с помощью тарабарских молитв, используя иконы[5]. В азербайджанских селах больные глотали клочки бумаги с изречениями из Корана, написанными муллой[6].

То, что не удалось сделать с помощью большевистского переворота, суждено было сделать поколению постреволюционного демографического бума. Из деревни сообщали, что молодежь «не верит ни в бога и ни в черта»[7]. Разумеется, автор утрировал. Как бы то ни было, из нэповского безверия рождалась только одна, старая как мир, разновидность веры – вера в «вождя», которую наиболее основательно впитывали в себя люди, рожденные в 1920-х гг.

Иные литераторы высмеивали детские игры в «большевиков»: «Ленину хочется залезть на дерево, Луначарский ловит его за шта-

---

сэкономленные деньги мечтают купить трактор. См.: Красная деревня. 1927. № 33. 14 августа. С. 5.

[1] Крокодил. 1928. № 4. С. 8.

[2] К. Кур-Королев считает, что ощущение морального превосходства молодежи перед старшим поколением, возможно, объясняет феномен сталинизма (*Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 331). С этим нельзя не согласиться, однако этот фактор вряд ли сказался ранее середины 1930-х гг.

[3] *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 201.

[4] Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин о религии на исходе нэпа. С. 77.

[5] *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М., 1929. С. 84.

[6] *Баберовски Й.* Указ. соч. С. 408.

[7] Цит. по: *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 538.

ны...» (рассказ А.С. Неверова «Большевики). Между тем подобные игры отражали утверждение новой знаковой символики. Возможности противодействия культурному диктату прямо пропорциональны уровню общественного солидаризма. Последний неуклонно снижался.

Н. Мандельштам вспоминала, что в середине 1920-х гг., «когда столб воздуха на плечах стал тяжелее... люди вдруг стали избегать общения друг с другом». Это не было связано со «страхом стукачей и доносов» – люди еще «не успели по-настоящему испугаться», просто «появились первые симптомы летаргии». По ее наблюдениям, «матери, подготовляя к жизни своих детей, сами обучали младенцев священному языку взрослых» – любви к вождям. Как результат, жена Пастернака признавала: «Мои мальчики больше всех любят Сталина, а потом уже меня»[1]. Со временем масса «загипнотизированных» властью людей росла. Это, в свою очередь, было связано и с умением вовремя указать на «врага». По замечанию М. Булгакова, началась «эпоха сведения счетов»[2] – в том числе с помощью всевозможных осведомителей[3]. Один из анонимных корреспондентов Сталина просил о «конфиденциальной аудиенции», чтобы рассказать о своих «наблюдениях о повседневной жизни». Оказывается, он был «неправильно» исключен из партии, а потому жаждал реванша на поприще сексота[4]. И ряды подобных «помощников партии» множились, ибо среда провоцировала именно такой стиль «гражданского» поведения.

В такой атмосфере для многих учащихся школа становилась антиподом ненавистному домашнему быту, на нее смотрели как на «настоящий» дом: здесь и знания, и развлечения[5]. Отсюда стремление избавиться от всего «лишнего». Показательно заявление 11-летнего школьника: уничтожить церкви, а из высвободившихся кирпичей построить фабрики и клубы[6]. В 1928 г. рабочие-подростки высказывали и такие предложения: «Нужно взять у крестьянина всю землю, чтобы они были сельскими рабочими и жили на жалованье». И это были не частные случаи. «Молодежь отойдет в конце концов от революцион-

---

[1] *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 48.

[2] Михаил и Елена Булгаковы. С. 50.

[3] Помимо внедряемой агентуры с 1922 г. помощь в контроле над специалистами головных учреждений оказывали так называемые бюро содействия ВЧК–ОГПУ, формируемые из местных коммунистов. Затем в ВСНХ, НКИД, НКТ, НКПС стали создаваться секретные отделы, а в остальных комиссариатах – секретные части. С 1926 г. стали внедряться особые инструкции по наблюдению за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства. В Сибири с 26 февраля 1929 г. все заведующие секретным делопроизводством были обязаны представлять в полпредство ОГПУ послужные списки вновь принятых лиц. См.: *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 222.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 196.

[5] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 38–39.

[6] Вестник просвещения. 1927. № 10. С. 50.

ной работы, потому что это скучно, – обещал один подросток. – Скорей бы война»[1].

Послереволюционное поколение жаждало самоутверждения в агрессивных формах, что обычно для людей со «смещенной» или «спутанной» идентичностью. Вероятно, отсюда кощунственные формы протестного поведения сельских школьников, включавшие в себя вывешивание портретов Ленина вместо икон[2], распевание в привычном барабанном ритме на мотив пионерских песен антисемитских куплетов[3]. Подростковый негативизм получал самые неожиданные воплощения. Естественно, что при этом уровень политизированности детей оказался низким[4]. Пристрастия и здесь формировались вокруг образа врага. Но коммунистических идеологов волновало не это, а то, что дети руководствуются личным, а не общественным интересом[5]. Как ни странно, барабанная эстетика пионеров кое-кому из старых представителей иной культуры внушала оптимизм – как видно, в ней услышали «ритм новой жизни»[6]. По свидетельству К. Чуковского, в 1925 г. весьма одобрительно отзывался о пионерах и комсомольцах Ф. Сологуб: «Все, что в них плохого, это исконное, русское, а все новое в них – хорошо... дисциплина, дружба, веселье, умеют работать...»[7] Вероятно, Сологуб искал подходящий социальный объект для своеобразного самоутешения. Каждый человек того времени пытался обрести свои привлекательные образ и ритм, надеясь с их помощью преодолеть сумбур социального и духовного бытия[8]. «Мы, пионеры – / Живые примеры», – писал В. Каменский в «Пионерском марше».

Что касается самих детей, то на многих из них все большее влияние оказывали не семья и не школа, а улица. Это означало, что поведенческие установки нового поколения в большей или меньшей степени окажутся пронизаны духом стадности. Этому соответствовала и офи-

---

[1] *Виленкина Р.Г.* К характеристике настроения рабочего подростка // Педология. 1930. № 1. С. 81–97.

[2] *Рожков А.Ю.* Бунтующая молодежь в нэповской России // Клио. 1999. № 1(7). С. 147. Но в целом исследователи отмечали преобладание «безответственности» родителей перед детьми. См.: *Внуков Р.Я.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 17.

[3] *Орлов И.Б.* Между бытовым и государственным антисемитизмом. С. 158.

[4] См.: Кем хотят быть наши дети. С. 12–13, 89.

[5] Там же. С. 89.

[6] Для многих ленинградских детей барабан стал настоящим предметом культа. См.: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 41–42; Смехач. 1925. № 20. С. 15.

[7] *Чуковский К.* Дневник. С. 336.

[8] Примечательно, что Ф. Сологуб противопоставлял «хороводную и демократическую» пляску босоножек (в духе А. Дункан) «дрессированному плясу» Жак-Далькроза. Цит. по: *Фокин М.М.* Против течения. Воспоминания балетмейстера. Л., 1981. С. 303–304.

циальная пропаганда: предпочтение отдавалось энергичным брутальным «коллективистам», тянущимся к технике; делался упор на стирание поведенческих особенностей между мальчиками и девочками[1]. А. Залкинд настаивал, что коллективизм призван создать «чистый, здоровый сублимирующий воздух» взамен прежнего, отравленного «сверхсексуальными миазмами»[2]. «Пролетарские композиторы» сочиняли для молодого поколения особую музыку, вроде «Шествия пионеров», в котором барабанный бой имитировался на скрипке[3].

Порой юношеская нетерпимость принимала форму политического хулиганства. «Знаком доблести» считалось срывание пропагандистских плакатов или «украшение» портретов Ленина разными непристойностями. Школьники с удовольствием воспринимали злые пародии на слова революционных песен. Пропаганда официального интернационализма в тогдашней обстановке не воспринималась. Антисемитизм прочно прописался в юных умах, более того, слово «жид» часто становилось идентично «большевику» или «комиссару». В ответах на вопрос: «Любите ли Вы свою Родину?» – некоторые школьники писали: «Нет, она продала себя жидам. Раньше нравилась, а теперь надоела». Этнофобские эмоции не ограничивались евреями: у одних детей в ходу были такие словечки, как «хохол» или «мазепа», у других – «кацап»[4]. Нельзя сказать, что это оставалось незамеченным. Ф.Э. Дзержинский в 1924 г. писал Л.Б. Каменеву, что «наши пролетарские дети» останутся « неуками, вывихнутыми и умственно, и физически»[5]. Но положение спасти вряд ли было возможно – система уже тогда обладала колоссальной инерционностью. К. Кур-Королев считает, что власть предписывала молодежи решимость и идеализм, но не готовность к насилию[6]. Конечно, власть, настроенная прежде всего на самосохранение, опасалась неуправляемой агрессивности юного поколения. Однако в решении своих задач она в не меньшей степени нуждалась в *управляемом* насилии. Вот только добиться этого было подчас невозможно.

Психиатры отмечали, что в 1927 г. из 408 подростков Пензы 31,5 % оказались неврастениками, а среди подростков-рабочих 93,6 % имели нервные заболевания, осложненные туберкулезом и малокровием. В 1924 г. обследование ленинградских детских учебных заведений

---

[1] *Келли К.* «Хочу быть трактористской!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 386–387.

[2] *Залкинд А.Б.* Вопросы советской педагогики. М.; Л., 1930. С. 243.

[3] *Елагин Ю.* Указ. соч. С. 76.

[4] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 1. С. 156–158.

[5] «Наши дети останутся вывихнутыми» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1999. № 6. С. 94.

[6] *Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 329–330.

показало, что свыше 50 % их питомцев больны туберкулезом[1], в Ивановской губернии в 1925 г. 54 % рабочих-подростков нуждались в серьезном лечении[2], а в 1928 г. из 564 пензенских учеников 28 % составляли умственно отсталые. Среди обследованных хулиганов 56,1 % составляли травматико-невротики, 32 % – неврастеники и истерики[3]. В общем, это было агрессивное поколение (некоторые надеялись сделать более управляемым хотя бы с помощью... шахмат[4]).

Среди важнейших причин роста молодежного хулиганства справедливо называется утрата привычного социального контроля, наступившего после полосы войн и революций. Ценности малой нуклеарной семьи были десакрализованы декретами о семье и браке[5]. Новая школа с задачами «культурного диктата» также не могла справиться. Это облегчило задачи власти по формированию «своего» поколения.

Задачи коммунистической государственности не ограничивались тотальной идеологизацией и политизацией молодежи. Куда полезнее для власти становилась военизация – последняя и без того встречала мощный встречный детский интерес[6]. Важно было закодировать поколение на уровне доступного ему бытийственного ритма в рамках существующей формы власти–подчинения. И государству это удавалось: тогда найден «верный» ритм, смысл отступает на задний план. Не случайно в этих обстоятельствах получила распространение идея своеобразного государственного патернализма, предусматривавшая полный отрыв детей от семьи[7]. Этот жутковатый проект, как ни парадоксально, начал смыкаться со встречными интенциями: к этому

---

[1] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 53.

[2] *Соколов В.И.* Указ. соч. С. 131. В 1925 г. средний рост 18-летнего юноши не превышал 159 см., а девушки – 150 см. (там же. С. 331). Вряд ли можно говорить о хотя бы относительных успехах «эстетизации молодежного тела» в 1920-х гг. (*Kuhr-Korolev C.* Op. cit. S. 218). Подобная тенденция наблюдалась главным образом на картинах А. Дейнеки.

[3] *Панин С. Е.* Указ. соч. С. 137–138. Согласно другим данным, 90 % московских пионеров страдали малокровием, 70 % жаловались на частые головные боли. См.: *Василевский Л.М.* Шахматы и здоровье. М.; Л., 1930. С. 61.

[4] Об этом всерьез писали в ленинградских газетах. См.: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 49.

[5] *Кульпина Ю.Э.* Генезис пьянства и хулиганства в России. М., 2011. С. 122–123. Судя по деревенским частушкам, взгляд на брак стал меняться: «Комиссары разрешили сорок раз жениться». См.: *Tirado I.A.* The Village Voice. P. 33.

[6] См.: *Клинберг Х.* Вопросы военной подготовки в школе // На путях к новой школе. 1930. № 3. С. 8–12; *Дитрих Г.С.* Военизация в пионер-отряде и школе. Опыт военной работы пионер-отрядов, школ и детдомов. М.; Л., 1931. Не случайно А. Макаренко предпочитал в своей педагогической практике брутальный тип ребенка – «нахала» и «варяга», наиболее подходящего для военизированного воспитания. См.: *Макаренко А.С.* Педагогическая поэма. М., 1944. С. 409.

[7] Эту идею активно пропагандировал П. Лепешинский, полагавший, что традиционная школа должна быть вытеснена самоуправляющимся интернатом, готовящим

времени значительная часть молодого поколения успела возненавидеть семейную атмосферу. Соответственно некоторые пролеткультовские энтузиасты в «Декларации прав детей» заявляли, что дети сами вправе выбрать форму образования, веры и могут даже при желании покинуть своих родителей[1]. В этих условиях школа, с одной стороны, противопоставляла себя семье, с другой – старые педагоги вмиг были превращены государством в обезличенных «шкрабов» (школьных работников) и даже «уков» (учительских кадров). «Социализация» родственных связей и учебного процесса приводила к тому, что патерналистские импульсы нового поколения автоматически устремились к высшей власти. При этом власть переменила вектор агрессивности на «классовую» социализацию. Не случайно А. Залкинд доказывал: «Пролетариат рекомендует почитать лишь того отца, который стоит на классово-пролетарской точке зрения»[2]. Все это в сочетании с курсом на деэротизацию социумов порой давало «революционно-патерналистский» эффект. В июле 1926 г. один из пионеров «25-го отряда им. Сунь-ят-сена гор. Верхнеудинска», 15,5 лет от роду, обращался к «любимому вождю» за рекомендацией в комсомол. «Трудность» этого молодого человека заключалась в том, что он не получил достаточного количества рекомендаций из-за того, что его родной отец когда-то был торговцем. Он обращался к Сталину как божеству – на «ты», надеясь на него как на учителя, старшего брата и даже отца[3].

Примечательно, что сам Сталин до конца жизни держался намеренно скромно, избегая, в отличие от Троцкого, эффектных жестов. Правда, это не мешает очень многим считать его выдающимся лицедеем, причем уже невозможно распознать, насколько это справедливо. Но характерно, что генсек старался предстать «другом детей». И конечный успех его имиджа в немалой степени был связан именно с последним фактором.

В июле 1924 г. к Сталину обратился комсомолец «фабзайченок» М.Н. Блохин (д. Лаврово Череповецкого у.) с просьбой разрешить поменять свою фамилию. Сначала Блохин хотел именоваться Лениным (к этому времени брать фамилию Ленин было уже запрещено), а затем решил получить новую фамилию «в честь любимого ученика Ильича тов. Сталина». Сталин ответствовал, что «никаких возражений не имеет», так как желал бы иметь в лице просителя «младшего

своих воспитанников к трудовой деятельности. Некоторые его проекты воплощались в жизнь. См.: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 177.

[1] *Mally L.* Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, 1990. P. 180.

[2] *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. С. 54–55.

[3] Голос народа. С. 152–153.

брата». Впрочем, за соответствующими справками он рекомендовал «обратиться в Административный Отдел Губисполкома». Примечательно, что Блохин стал комсомольцем вопреки угрозам матери, считавшей комсомольцев хулиганами[1]. Таким коллизиям деревенского сознания удивляться не приходится: некоторые молодые люди видели в комсомоле единственную альтернативу хулиганству как «пережитку старого»[2].

В сознании юного поколения зарождался новый взгляд на соотношение власти и прогресса. «Мне нравятся товарищ Ленин и Петр Великий, потому что это два реформатора... которые очень улучшили и укрепили Россию», – заявляла, к примеру, в 1927 г. 15-летняя дочь «служащего в военной школе»[3]. Возможно, такие представления и стали наиболее прочной основой сталинского властвования. В любом случае следует иметь в виду, что сознание ребенка тех лет разрывалось между насаждаемыми сверху утопическими представлениями и вполне не совпадающей с ними убогой действительностью[4]. В 1924 г. К. Чуковский в одном из многочисленных детских домов увидел ленинский уголок, где рядом с портретом Ленина, чуть пониже, были размещены его книжки – «Крокодил», «Тараканище», а также «Детки в клетке» Маршака. С изумлением он узнал, что дети в особые тетрадки записывают протоколы своих собраний. В одной тетрадке было зафиксировано: «Дорогой Шеф. Мы с каждым днем любим тебя все больше и больше». Коллективным их шефом было ОГПУ[5].

Вероятно, наиболее значительной пропагандистской «удачей» 1920-х гг. следует считать повесть бакинского большевика П.А. Бляхина «Красные дьяволята», по которой был снят художественный фильм, притягивающий как мальчиков, так и девочек. Судя по всему военизированный унисекс прививался: девочки лишились привычных (феминизированных) игрушек, зато им были предложены такие куклы, как «Стенька Разин» и «Красноармеец». В Ленинграде на

---

[1] «Против присвоения фамилии Сталин не возражаю» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1996. № 2. С. 156–160.

[2] *Tirado I.* The Komsomol and the Bright Socialist Future. S. 221–222.

[3] Ленин был идеалом для 20 % учащихся. Далее с большим отрывом следовали Фрунзе, Калинин, Рыков, Луначарский. Имя Троцкого, как видно, авторы статьи упоминать постеснялись. См.: *Одинцова Л.* Указ. соч.С. 18.

[4] См.: *Салова Ю.Г.* «Новый человек»: Взгляд на проблему в 1920-е годы. Ярославль, 1998. С. 65.

[5] *Чуковский К.* Дневник. С. 283–284. Связь с ЧК поддерживали не только детдомовцы. Сын Иванова-Разумника оказался втянут в уголовную среду, выпрашивал деньги под имя отца у его знакомых. Иванов-Разумник видел в этом знак «морального затемнения всего поколения, легшего густой тенью на всю Россию». После выхода сына из тюрьмы обнаружилось, что он работает на ЧК. См.: *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 109, 110.

«Красном треугольнике» был налажен выпуск «резиновых игрушек из революционного быта»[1]. Для развития «правильного» воображения был создан конструктор, из которого можно было собрать пять портретов Ленина и изображение Мавзолея[2].

Особенностью эпохи было то, что детско-юношеский пуризм нес в себе репрессивно-идеологический компонент. Так, в городе в борьбу с «зеленым змием» активно включились дети: растущий разрыв поколений проявил себя неприятием отцовского пьянства, вполне уживающегося и с религиозностью, и с мордобоем. Новое поколение готово было противопоставить этому новую идею и силу. В 1923 г. в Новосибирске по Красному проспекту прошла демонстрация с участием 1,5 тыс. детей. Впереди колонны вели запряженного в повозку с революционными транспорантами верблюда – экзотичного существа, вроде бы олицетворяющего силу и выносливость. Практиковались и юношеские факельные шествия[3]. В 1930-е гг. от них, однако, отказались. К этому времени одурь молодежного экспериментаторства приобрела государственно-упорядоченные формы.

В авторитарно-идеократических системах власть сильна настолько, насколько слаба общественная спайка. Революция разрушила прежние социальные перегородки, но гражданского единения не создала. При этом социальное пространство страдало от неупорядоченной агрессивности. Ее источники были многообразны. Даже «класс-гегемон» пролетариат – на деле все более «окрестьянивающийся» – был далек от приписываемой ему авангардной сплоченности. Д. Бедный писал о «порче рабочего нрава», в который «просочилась мужичья отрава»[4]. В рабочей среде возродились обычаи «ополаскиваний», «подмаза», падала дисциплина, учащались пьянство и воровство на производстве. При этом возник феномен «пролетарского чванства», порой переraставшего в «классовое» насилие над специалистами, мастерами, инженерами, евреями[5]. По мнению Н. Лебиной, к концу 1920-х гг. преобладающим типом хулигана стал «свой парень» – рабочий, порой обладатель партбилета[6]. Сообщали, что в Московско-Нарвском районе хулиганы «держали в блокаде клубы,

---

[1] Сатирическая газета по этому поводу съязвила: а галоши-то из продажи исчезли! См.: Смехач. 1926. № 14. С. 9.

[2] *Сальникова А.А.* Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки/девушки в первое послереволюционное десятилетие // Социальная история. Ежегодник, 2003. С. 426–427.

[3] *Азарова П.Е.* Праздничные технологии и практики их реализации в городах Западной Сибири (1921–1941 гг.) // Сибирь. Город. Деревня. С. 50.

[4] Большая цензура. С. 140.

[5] Голос народа. С. 178–179; *Орлянський В.С.* Указ. соч. С. 127–128.

[6] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города. С. 33.

не пропуская туда не желательных им лиц»[1]. На одной из карикатур (1926 г.) нарком Семашко безнадежно уговаривал: «Граждане хулиганы! Не убивайте. Это негигиенично!»[2]

В городах свирепствовала безработица. В 1925 г. она охватывала около миллиона человек – преимущественно чернорабочих и служащих, к весне 1927 г. было зарегистрировано 1,7 млн безработных[3]. Существовали и «бомжи» – только в Ленинграде было 4 ночлежных дома. Разумеется, полагать, что безработные могут всерьез угрожать социальной стабильности, не приходится – это состояние обычно сопровождается ощущением личностного, а не «классового» социального отщепенства, порождает скорее депрессию, чем агрессию[4]. Безработица разлагала, но не разрывала социальную ткань. Писали, что именно безработные «ежедневно устраивают попойки, побоища, пристают к женщинам»[5]. Безработица усиливала депрессивный компонент внутрисоциумной психики, т. е. никак не добавляла обществу социального оптимизма. Инвалид труда Н.М. Плеханов из Москвы 16 октября 1927 г. жаловался:

> Скоро будем праздновать десятую годовщину пролетарской Советской власти, а я по старости лет, не по своей вине, сделался беспризорным... Я верю, что тов. Сталин протянет мене братскую руку в беде, из коей я своими силами не выберусь...[6]

Примерно то же самое можно сказать и о многочисленных беспризорниках, наводнивших города[7] – попытки их перевоспитания в детских домах уже не могли изменить структуры личности[8]. Ясно, что и они угрожали системе никак не больше, чем характерные для

---

[1] Это нашло отражение в карикатуре: рабочий нарядился хулиганом, чтобы попасть в клуб. См.: Бегемот. 1925. № 2. С. 13.

[2] *Brovkin V.* Op. cit. P. 121.

[3] *Еремин Б.А.* Проблемы рынка труда // Российская повседневность... С. 124–125.

[4] Правда, некоторые безработные считали, что отнять 100 руб. у человека, который зарабатывает 600, – это «не преступление, а коммунистический поступок». См.: Голос народа. С. 178.

[5] Голос народа. С. 177–178.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 501. Л. 173.

[7] К концу Гражданской войны масса беспризорников переместилась на Юг, где резко подскочила преступность (*Василевский Л.М.* Детская «преступность» и детский суд. Тверь, 1923. С. 31, 64). По официальным данным, в 1922 г. беспризорников было около 7 млн. См.: *Рябинина Н.В.* Динамика подростковой преступности в 1920-е годы // Век нынешний, век минувший. Исторический альманах. Вып. 9. Ярославль, 2010. С. 108.

[8] Воспитатели-энтузиасты детских приютов признавали, что, несмотря на «адовую» работу, «всякие мероприятия, направленные на установление какого-либо порядка, вызывали в детях озлобление и противодействие». Дети видели в воспитателях врагов (цит. по: *Смирнова Т.М.* Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1917–1934-е гг. для современной России // Социальная

любого общества взрослые уголовники[1]. Понятна и перверсия традиционно русского опекунства по отношению к ним[2]. Вместе с тем примечательно, что больше всего нравились революционные фильмы именно беспризорникам[3]. Как бы то ни было, растворившись со временем в «нормальной» социальной среде, эти пасынки коммунистической государственности придавали возрождающейся репрессивно-патерналистской системе поистине всеобъемлющий характер[4].

Критическая масса своевременно неотреагированной агрессивности молодежи со временем не могла не вызвать совершенно неожиданный эффект. Вовсе не случайно в руководстве НКВД с середины 1938 г. возобладало поколение именно 1920-х гг.[5]

Векторы социального движения определяются меньшинством, даже одиночками, но содержание его основывается на «общепринятом». Важнейшие социокультурные импульсы «нэповского» времени задавались не только агрессивно-деструктивными тенденциями. Примечательно, что в конце 1920-х гг. физкультурное движение приняло такой размах, что власть оказалась не в состоянии удовлетворить его запросы. Начал складываться особый культ тела и телесности, выступающий своего рода суррогатом духовности. Открывалась еще одна возможность управления социальной агрессивностью. Примечательно, что она по-своему резонировала с интеллигентско-футуристическим прожектерством. «Трактором разума взроем / рабских душ целину, / звезды в ряды построим, / в вожжи впряжем луну!», – обещал поэт Владимир Кириллов, предлагая «восславить Совнарком Мировой». Теоретик научной организации труда А. Гастев в своих стихах предлагал кое-что покруче: «инженерить обывателей», «промывать мозги» и т. п. Его восторг вызывали эксперименты по «выбраковке» (физическому уничтожению) не только десятков

история. Ежегодник, 2009. СПб., 2010. С. 304). Современники отмечали, что «жалость к беспризорным сочеталась со страхом перед ними». См.: *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 39.

[1] Правда, появились и нюансы: однажды беспризорники ограбили старуху, а на добытые деньги купили радиоприемник. См.: Крокодил. 1928. № 11. С. 9.

[2] В 1920 г. возраст «полного психического невменения» был повышен до 18 лет (до революции он составлял 10 лет). Лишь в 1924 г. отказались от теории «моральной дефективности», предусматривающей особо мягкое наказание для малолетних преступников (*Рябинина Н.В.* Указ. соч. С. 113). Оказалось, что морально дефективных детей всего 5 %, умственно дефективных – 10 %. См.: *Василевский Л.М.* Детская «преступность» и детский суд. С. 6.

[3] *Элькин Д.Г.* Ребенок и кино // Кино и культура. 1929. № 3. С. 21.

[4] *Rittersporn G T.* Between Revolution and Daily Routine: Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period // Sowjetugend 1917–1941. P. 65.

[5] *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 497.

социальных особей, но и целых городов[1]. Ему вторили лефовцы, утверждавшие, что «конструктивизм должен стать высшей формальной инженерией всей жизни»[2]. Из моды на «социальную инженерию» выросло предложение о принудительном прерывании беременности, чреватой «не желательным для государства потомством»[3].

По мнению М. Стейнберга, пролетарскими поэтами двигала «боль амбивалентности»: пронзительные ноты вырывались от столкновения светлой мечты с ужасающей действительностью; надежды на магию «механизации» были своего рода «религией избавления». Отсюда попытки соединить отчаяние и надежду, логику и чувство[4]. Однако синергетическая «равнодействующая» российской смуты располагалась в ином, куда более архаичном и привычном измерении.

Для нэпа характерно нарастание смирения массы перед лицом власти – порой не только демонстративного, но и истеричного. Упоминавшийся Владимир Кириллов (еще до революции побывавший в Америке), некогда предлагавший во имя будущего «сжечь Рафаэля», теперь готов был поклониться «мудрости предков»[5]. Названия стихотворных сборников П.В. Орешина говорят за себя: «Зарево», «Красная Русь» (1918 г.) и «Алый край» (1922 г.). «Крестьянский» поэт Пимен Карпов в сборнике «Русский ковчег» продолжал угрожать революционным апокалипсисом:

Сторонитесь, попы долгогривые!
Нипочем теперь мать и отец:
Разгулялось поволье гулливое, –
Понакликало свету конец...[6]

Наметилась будущая кампания «критики и самокритики». Скоро выяснилось, что она вызвала панические настроения в партийных рядах, но зато обернулась против журналистов – те, по представлениям коммунистического начальства, превысили допустимый предел вранья[7]. Позднее «критика и самокритика» приобрели новое качество.

Для советских граждан 1920-х и 1930-х гг. писание или публичное чтение автобиографии – «привычное дело», – считает Ш. Фицпатрик. По ее мнению, это было публичной формой классовой само-

---

[1] Кибернетический Пегас. Наука и фантастика в русской и советской поэзии. Л., 1989. С. 104, 99, 101, 103.

[2] ЛЕФ. 1923. № 1. С. 10.

[3] *Василевские Л.А. и Л.М.* Аборт как социальное явление. С. 101.

[4] *Steinberg M.* Op. cit. P. 220–221.

[5] *Константинов П.* Пролетарская поэзия – на переломе // Вестник литературы. 1922. № 1(37). С. 13.

[6] Цит. по: Вестник литературы. 1922. № 2–3 (38–39). С. 20.

[7] См.: *Нерар Ф.-К.* Указ. соч. С. 90–91. Сталин указывал, что разоблачительный материал, содержащий хотя бы 5 % правды, заслуживает внимания.

идентификации, чреватой истероидными срывами для женщин. «Во время "охоты на ведьм" в Европе XVII в. женщины, подозреваемые в колдовстве, подвергались публичным допросам с участием народа, – отмечает она. – ...Аналогичные ритуалы появились в России 20-го века при Сталине»[1].

Чем в действительности являлись «экзотические» акты самокритики? Представляется, что людская масса инстинктивно пыталась сделать «мутное» (по традиционалистским представлениям) городское (или заводское) социальное пространство «прозрачным» – на манер сельской общины (в границах которой, как известно, утверждался особый верноподданнический этос). Неугодных следовало изгонять. Инициировало все это государство. А. Белый сообщал Иванову-Разумнику в начале марта 1929 г.: «Теперь в Москве Дамоклов меч – лишенчества... Лишенцем по доносу может стать каждый...»[2] Крестьяне рассуждали куда проще, внося своего рода рацпредложения в юридическую сферу: «Если конокрад 5 раз пойман, то его надо убить»[3]. Революционная «инженерия» смыкалась с традиционалистскими императивами «самоочищения», что обретало специфическую эстетизацию. Внедрение пролетарской символики в одежду (появились ткани с серпами и молотами, а также тракторами, аэропланами и проч.) не столько помогало «эстетической трансформации жизни»[4], сколько способствовало реанимации примитивной стадности на почве отторжения от «чужого».

Всякая культура не только ценностно ориентирует и просвещает, но и дисциплинирует – соответственно этически допустимым в каждый конкретный момент ее существования «нормам» насилия. Культура нэпа выросла из полосы войн и революций – соответственно идея насилия глубоко внедрилась в ее социальную плоть. Этим процессам оказались захвачены представители «старой» интеллигенции – далекие от насилия физического, но всегда «понимающие» насилие культурное. А. Белый не случайно пришел в восторг по поводу постановки «Гамлета» 1-й студией МХАТа с М. Чеховым в главной роли. Ему показалось, что Гамлет предстал активно-волевым революционером в «перегорающем страдании века», а не привычным интеллигентным «нытиком» на фоне уходящего «гнилого строя»[5]. Впро-

---

[1] *Фицпатрик Ш.* Жизнь под огнем: Автобиографии и связанные с ней опасности в 30-е годы // Российская повседневность... С. 38, 47.

[2] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 625.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 164.

[4] *Exter A.* On the Structure of Dress // Revolutionary Costume. Soviet Clothing and Textiles of the 1920s. NY, 1989. P. 171; *Stepanova V.* Today's Fashion is the Worker's Overall // Ibid. P. 173–174.

[5] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 305, 314, 316. Примечательно, что сам М. Чехов вспоминал, что трактовку пьесы в значительной степени определил Гаврe-

чем, в переломные эпохи «канонические» образы воспринимаются амбивалентно. Художник М.В. Нестеров, напротив, характеризовал игру Чехова, как «неврастеническую крикливость, переходящую в... позерство, в суетливость...»[1] Характерно, что постановка М. Чеховым романа А. Белого «Петербург» к 20-летию революции 1905 г., призванная примирить старых деятелей культуры с советской действительностью, не принесла желаемого результата[2].

Куда успешнее социально-идентификационный процесс стимулировался обретением образа врага. На демонстрациях 1920-х гг. заметное место занимали шаржированные фигуры Чемберлена, Гинденбурга, «социал-предателей» II Интернационала, а также малоизвестные, но достойные поношения случайные персонажи[3]. Все это помогало оформлению контуров инфернально-вездесущего зла, ежечасно противостоящего советским людям[4]. Что касается ближайшего социального окружения, то оно все явственнее стало делиться на «чистых» и «нечистых». «Необходимо иметь принудительный способ заставить лодырей работать... Лозунгом дня должно быть: "советы и призывы для сознательных граждан, а для лодырей и преступников – наказание и принуждение"», – «подсказывал» следователь И. Орлов в сентябре 1926 г. Сталину[5].

Создается впечатление, что агрессивные интенции создавали соответствующие поветрия даже в науке. Показательна воинственность так называемой биомарксистской школы рефлексологии во главе с В.М. Бехтеревым, настаивавшая на том, что вся человеческая активность – простая совокупность рефлексов. (В сущности, именно эти представления высмеял М. Булгаков в знаменитом «Собачьем сердце».) Показательно, что рефлексологи рассматривали свои идеи как

пертком, в работе которого принимали участие «агенты ГПУ». См.: *Чехов М.* Жизнь и встречи // Театральная жизнь. 1989. № 2. С. 26, 27.

[1] *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 309.

[2] *Абрамов В.П., Спивак М.Л.* Указ. соч. С. 470–471. Главрепертком ограничил количество спектаклей, мотивируя это «наличием в постановке некоторых мистических моментов, особенно не желательных в настоящее время». Цит. по: *Жидков В.С.* Указ. соч. С. 525.

[3] *Глебкин В.В.* Указ. соч. С. 103. При этом Агитпроп рекомендовал фигуры с движущимися глазами, языком, руками (*Азарова П.Е.* Указ. соч. С. 48) кукольная техника приобретала «революционную масштабность».

[4] Стигматизация «Чемберленом», как видно, считалась особенно позорной. В ходу были выражения: «Лорду в морду!» или двустишие: «На английский ультиматум мы ответим русским матом» (*Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 113). В 1925 г. в Москве на Разгуляе эксцентричный инженер Дзинзельский (он голышом разгуливал по коммуналке) «зачемберленил» придирчивого домуправа до такой степени, что тот слег и умер. См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 283–284.

[5] Цит. по: *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* «Серп и молот на престоле». С. 129.

своеобразную помощь государству в поисках утраченного телеологизма. Они считали, что в данный момент важно преодолеть военный психоневроз «дезертирства» (усталости от насилия) путем создания общественной установки (негативного стимулятора) на необходимость войны[1]. Получалось, что «независимые» ученые рекомендовали конкретной власти «изобрести» врага – что в скором времени и было сделано. Остается только поражаться тому, что Бехтерев призывал ученых-эмигрантов вернуться в Россию.

Репрессивность стабилизирует социальное пространство на примитивном уровне; отказ от нее усугубляет депрограммированность социумов. Постреволюционный хаос может иметь даже более далеко идущие последствия, нежели смута насилия. В верхах по-своему отреагировали на это. В частности, в работе упоминавшейся Комиссии Совнаркома РСФСР и ВЦИК по карательной политике выявились полярные точки зрения на пути искоренения преступности. Луначарский, деятель вроде бы сладкоголосый и прекраснодушный, полагал, что врагов надо «стрелять в 100 раз строже», но массу преступников следует все же перевоспитывать – рецидивистов сажать, другим «давать острастку». «Нужно относиться к преступнику – больному члену нашего общества, как к вывихнутому пальцу, который надо лечить и исправить»[2]. Налицо была то ли остаточная форма революционного идеализма, то ли случай размягчения мозгов доктриной.

Другую крайность представил Г. Ягода. По его мнению, беда в «полном отсутствии карательной политики», что связано с разложением и бездеятельностью тех, кому надлежит бдеть за другими. Среди милиционеров, заявлял он, процветают «взяточничество, пьянство, дебоширство»; среди судей много «белых офицеров, старых чиновников». Поэтому задача момента – «не карать и не сажать, а произвести тот или иной эффект, чтобы других преступлений не было». Попросту говоря, он требовал акции демонстративного устрашения. В нынешних условиях, полагал он, существующий уголовно-процессуальный кодекс – непозволительная роскошь, ибо рабочий от станка не в состоянии разобраться с его тонкостями. По его мнению, УПК следовало заменить «краткой инструкцией». Для начала он предлагал попросту уничтожить рецидивистов[3]. Как ни странно, Ягоду «опередили». Я.С. Колесников с хутора Манур (Воронежская губ.) рекомендовал строже наказывать преступников еще в декабре 1924 г. А некий Марк Соболь из д. Осово (Борисовский окр. БССР) 1 декабря 1926 г. выдал целую серию предложений в духе наивного тейлоризма. Так, он реко-

---

[1] См.: Второй психоневрологический съезд // Красная новь. 1924. № 2. С. 161–163.

[2] ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4034. Л. 108–109.

[3] Там же. Л. 186–190.

мендовал «увеличить продналог на бедняков на 100 %, середняков – 150, кулаков – 200 %», полагая, что «крестьяне согласятся с этой временной мерой». По его мнению, лучше всего «брать продналог с земли, не касаясь скота вообще и побочных заработков». Промышленное производство он предлагал «детализировать», а для «смычки» города с деревней «строить дороги». Конечно, «надо создавать новую мораль». Но прежде следует «ужесточить наказания», так как «грабители очень скоро выходят на свободу и начинают мстить». А в целом «ворам и бандитам» следовало объявить «истребительную войну»[1].

Вольно или невольно Ягода признал, что формальное право само по себе подрывает основы как революционной, так и патерналистской репрессивности. Со своей стороны низы ощущали, что система не выдерживает испытания законом и может рухнуть – именно такие голоса все чаще раздавались снизу[2]. Иные законопослушные граждане заговорили о том, что власти «проглядели» вредителей в лице «шахтинцев» или «буржуазных националистов»[3]. В мае 1928 г. на заседании Коллегии Наркомюста И.В. Крыленко призвал отказаться от «аптекарского отмеривания репрессии» за преступления против пролетарского государства. Предлагалось «постоянное и гибкое приспособление права к очередным задачам социалистического строительства»[4]. Вероятно, это отвечало восстанавливающему в низах восприятию высшей власти как единственной защитницы от произвола местных начальников[5].

Деятели культуры неоднозначно реагировали на происходящее. Балаганный стиль по-прежнему составлял важный компонент культурного пространства[6]. «Пролетарский», по классификации Троцкого, поэт Д. Бедный фактически утвердил жанр политической частушки. Это вроде бы устраивало большевиков. Вполне подходил и идеологизированный классицизм в живописи. И все же искусство, особенно массовое, развивалось по своим собственным – скорее ком-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 16–16 об.

[2] «Мое предложение – необходим террор на рецидиву (рецедивистов. – *В.Б.*). их только могила исправит, а население сообщить смеет, кто по нескольку лет живет грабежом», – писал в сентябре 1927 г. крестьянин В.М. Туровцев в «Крестьянскую газету». См.: Голос народа. С. 181.

[3] Голос народа. С. 220–222.

[4] *Литвак К.Б.* Политическая активность крестьянства... С. 135.

[5] См.: *Гребениченко С.Ф.* Указ. соч. С. 63–65.

[6] Лишь в апреле 1932 г. пьеса Д. Бедного «Как 14-я дивизия в рай шла», выдержанная, по его словам, в стиле «художественного балагана» вызвала нарекания «эстетствующего» секретаря президиума ЦИК А.С. Енукидзе. Однако усилиями Ворошилова пьеса, «наполненная острым антирелигиозным содержанием», была реабилитирована. См.: Большая цензура. С. 239–241.

мерческим, нежели каким-то иным законам, несмотря на большевистский – пока не вполне уверенный – диктат.

«Революционную» театральную моду по-прежнему навязывал В. Мейерхольд – своего рода политически ангажированный хулиган столичных подмостков. Спектакль «Земля дыбом» (1921 г.) он посвятил Троцкому. Сценическое действо Мейерхольд с легкостью перемещал в более широкое политическое пространство – иногда в каких-то невероятных формах. Так, в связи с празднованием 5-летия театра имени Мейерхольда (ТИМ) на аэродроме им. Троцкого состоялась передача РККА самолета имени ТИМ[1]. Любопытно, что при этом Мейерхольд настаивал на «чистоте жанра». От него старались не отставать другие деятели театра. 23 января 1926 г. в Государственных экспериментальных театральных мастерских (Гэктемас) режиссером В.Ф. Федоровым была поставлена «антиколониальная» пьеса С.М. Третьякова «Рычи, Китай! Событие в 9 звеньях»[2]: «на сцене была настоящая вода, и по ней плавали лодочки»[3]. На совещании театральных деятелей под председательством Луначарского Мейерхольд както заявил: «Нужно бороться с заведомой псевдореволюционной халтурой, которую подносят нередко драматурги»[4]. Убедительнее всего врут «правдивые» люди[5].

Обнаруживались показательные явления иного рода. М. Булгаков в апреле 1924 г. отмечал в дневнике, что в Большом театре появился «некий Головин, баритон», бесподобно исполнявший арию Демона. Оказалось, что это – бывший дьякон из Ставрополя, «явился в Ставропольскую оперу и через три месяца пел Демона, а через год-полтора оказался в Большом»[6]. Похоже, при известных талантах и предприимчивости каждый мог «найти себя». Возникали совершенно новые «социальные лифты».

В 1920-е гг. широчайшее распространение получили театральные кружки, ставящие «живые газеты» и низкопробные агитационные пьесы. Их значения нельзя недооценивать. Так, в пьесе «Путь к Коминтерну» настойчиво повторялся мотив самопожертвования («сгорим в огне»), ненависти («месть беспощадная проклятым») и исторического реванша («пролетариат... не может подняться иначе,

---

[1] Новый зритель. 1926. № 7. 16 февраля. С. 14.

[2] См.: *Третьяков С.* Слышишь, Москва?! Противогазы. Рычи, Китай! М., 1966. С. 195–197.

[3] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 7.

[4] Там же. 1927. № 8. 22 февраля. С. 15.

[5] Еще до А. Луначарского в том же журнале можно было прочитать: «Нужен жесткий репертком для антирелигиозных агиток», так как непомерная плодовитость «присяжных писателей» чревата срывом антирелигиозной кампании. См.: Новый зритель. 1925. № 1. 6 января. С. 9.

[6] Михаил и Елена Булгаковы. С. 38.

не взорвав... всю надстройку слоев, образующих наше официальное общество»)[1]. По словам одного из идеологов тогдашней сценической самодеятельности, включаясь в театральное действие, рабочие и красноармейцы как бы становятся «мировыми героями» и «победоносными воинами Революции»[2]. В 1929 г. состоялась 1-я всесоюзная конференция театров рабочей молодежи, чаще известных по звучной аббревиатуре – ТРАМ. Руководитель ленинградского трамовского движения М. Соколовский заявил: «Мы меньше всего театр... Для нас... нет театральной правды, для нас существует классовая правда»[3]. Театр одесских «юголефовцев» намерен был заняться «оформлением общественного быта и организацией гражданина за пределами его производства»[4]. В Ижевске в 1925 г. в отчете правления Клуба металлистов им. А.В. Луначарского говорилось, что клуб «перешел только на идеологические, нужные для пролетариата пьесы»[5]. Бакинский рабочий театр поставил «Пугачевщину», которая впечатляла критиков «широтой размаха», показом «бесформенной горячей лавы, массового стихийного бунта»[6]. Скорее всего, здесь не обошлось без идеологической декларации. Как бы то ни было, ТРАМы пользовались популярностью: в 1929 г. в Москве их было три, а всего по стране – около 60[7]. Трамовские пьесы писались коллективно, актеры-комсомольцы импровизировали, по ходу дела сочинялась музыка, постановка «становилась ясна ее авторам лишь на премьере»[8]. Это походило на своего рода микрокосм тогдашнего социального бытия.

Примечательно, что власть относилась к театральным левакам с некоторой боязливостью. Еще в марте 1920 г. Луначарский сообщал секретарю ЦК Н.Н. Крестинскому, что «скоро к нему могут обратиться молодые "зеленые коммунисты", увлеченные театром, которые не признают руководство Государственного театрального центра и считают себя причисленными к ЦК РКП(б)»[9]. Юные идейные борцы за мировую революцию не признавали ни служебной иерархии, ни авторитетов, кроме высшего партийного органа. С этих позиций «лефовцы» готовы были «непрестанно держать речь», обращаясь к тем, кто вовсе не хотел их слушать. Парадоксальность ситуации заключалась

---

[1] *Яров С.В.* Конформизм в советской России. С. 333.

[2] *Пиотровский А.И.* За советский театр! Л., 1925. С. 26.

[3] *Лебина Н.Б.* Указ.соч. С. 249. М. Соколовский, которого считали «очень талантливым», был дворянином. См.: *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 77.

[4] Морія. 2006. С. 136.

[5] *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 66.

[6] Театр и кино (Баку). 1925. № 1. С. 7.

[7] *Gorsuch A.* Op. cit. P. 60– 61.

[8] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 77.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 128. Л. 3 об.

и в том, что ЛЕФ уверял правительство, что он – «его правая рука в деле культурного строительства», правительство отвечало, что он ему «нисколько не нужен, и скорее вреден, чем полезен»[1]. Барин иной раз третирует холуя – для профилактики от зазнайства. В связи с этим шутили: «не помогло рапполепство»[2].

Существует точка зрения, что основное содержание культурогенного процесса того времени можно свести к процессу «износа утопии» или вытеснения революционного романтизма. Это и открыло дорогу сталинизму. Убедительнее, однако, смотрится другая точка зрения: неупорядоченный разлив временных, географически-пространственных и социально-пространственных утопий, требовал своего упорядочения[3]. Это в России могла осуществить только «твердая» власть, с помощью которой традиция медленно, но верно поглощала революционный порыв. Оставалось только придать этому процессу агрессивный телеологизм. Последнее по-своему отразила авангардистская живопись с ее «пространственно-силовыми построениями» и последующая пропаганда технократической гигантомании.

Как ни парадоксально, все это сопровождалось растущим отчуждением «окрестьяненного» города от деревни; при этом в столице складывался особый культурный микроклимат. А. Белый видел это так: «...Все москвичи – "укушенные"... с вытаращенными глазами и бледными злыми лицами несутся по улицам с туго набитыми портфелями...»[4] В любом случае и в городе, и деревне так или ина-

---

[1] *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 38.

[2] Там же. С. 129. Имелось в виду закрытие РАППа – Российской ассоциации пролетарских писателей (1925–1932 гг.).

[3] *Gunter H.* Utopie nach der Revolution: Utopie und Utopiekritik in Russland nach 1917 // Utopieforschung: Interdisziplinare Studien zur neuzeitlichen Utopie. Hrsg. von Vosskamp W. Stuttgart. 1982. Bd. 3. S. 378, 383. Характерно, что это сопровождалось манией изобретательства – соответствующие инстанции были завалены проектами электровозов, подводных дредноутов, летающих автомобилей, а один крестьянин изобрел деревянный велосипед (*Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 199, 209). Некто Гипари предлагал исправить «ошибку в нашем здравоохранении» – возродить гомеопатию, которую «давил царизм» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 210). Примечательно, что в 1927 г. московский губернский суд оправдал врачей-гомеопатов, сославшись на то, что гомеопатия не является лженаукой. Н.В. Спасов, по его словам, «механик физики, оптики и геодезии», просил денег «для построения аэроплана с гибкими крыльями» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1029. Л. 134–134 об.), угрожая, что если его не освободят из заведения им. Кащенко, он опубликует за границей свои «заявления» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 239). А Григорий Мишулович из Одессы требовал оценить его подарок к 10-й годовщине Октябрьской революции – «дидактическую машину», «организующую на машинный лад учебный обиход и технику обучения». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 98.

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 569.

че создавались условия для редуцирования «высокой» культуры фрустрационно-агрессивной субкультурой масс. Это подталкивало власть к более решительным действиям.

Вера в будущее всегда связана с верой в вероятность «лучшего прошлого». Надежда на реальность альтернативы насильственной коллективизации по-прежнему питает идею демократического социализма. Имела ли она под собой логическое основание? В 1920-е гг. в сознании оппозиционеров отказ от аграрного насилия сдерживался боязнью возврата к отношениям частной собственности[1]. Именно это и обусловило «решимость» трусоватого диктатора. Но и он отважился на поворот, цепляясь за марксистские догмы, которые, строго говоря, ему нужны были, как пятое колесо телеге. Идеократия кодирует социальное пространство с помощью лозунгов-клише, в изначальный смысл которых вовсе не обязательно вникать.

Антисталинская альтернатива была возможна только при условии отказа от наиболее одиозных марксистских представлений *внутри* идеократии. Учитывая, что Сталин в вопросах теории был полный невежда[2], достаточно было серьезного (но не демонстративного) натиска на будущего вождя со стороны его более интеллектуально продвинутого окружения, как СССР двинулся бы по пути, сходному с денсяопиновским. Массы отнеслись бы к этому равнодушно, лишь отдельные личности и группки могли впасть в идейную истерику. Этот тихий переворот был бы поддержан и рабочими, и крестьянами, не говоря уже о массе интеллигенции. Излишне догматичную – более роялистскую, чем сам король, – оппозицию без труда удалось бы приструнить по мере хозяйственных успехов. Только на этом пути можно было противостоять лживому соитию утопии с традицией на долгие годы[3]. Но все это из области абстрактных предположений, не стыкующихся с психоментальными реалиями 1920-х гг.

Так называемый сталинский Термидор стоило бы рассмотреть в системе качественно иных координат. Идеи и доктрины играют в реальной жизни не детально-указующий, а сакрализующий характер.

---

[1] См.: *Краус Т.* Советский Термидор.

[2] Поражает его подражательность, при этом он особо старательно учился у «врагов». См.: *Шекунова Л.В.* Сталинские маргиналии как исторический источник // Власть и общество России. XX век. С. 175–177.

[3] В свое время Г. Беседовский уверял, что только «упрямой верой Сталина в мировую революцию держится советская диктатура» (*Беседовский Г.З.* Указ. соч. Т. 2. С. 218). У мемуариста сложилось впечатление, что генсек пытается революционизировать окружение СССР. На деле политика Сталина в международных делах не шла дальше мелкой интриги, призванной внести раздор в международное сообщество, что видно из воспоминаний того же Беседовского. Сталин словно руководствовался заветом Н.Я. Данилевского: нестабильность окружающего мира – залог стабильности в России.

Их «чистота» более чем относительна. На протяжении своей истории коммунистический режим только и делал, что беспорядочно приспосабливал марксистские догмы к своим тактическим шагам. Любое вранье превращается в занятие вполне почтенное, если выдает себя за таинство и чудо. И люди особенно уважают иллюзиониста, когда он втягивает их в свое действо. Но не стоит смешивать воображаемое с реальным – отдаленные последствия будут катастрофичными.

Доктринальные установки в России слишком часто и чересчур основательно замешаны на эмоциях. Это оборачивается подвижничеством немногих и беспринципностью многих: описан одержимый «подвигом» 20-летний комсомолец, «мечтающий о таком изобретении, которое немедленно уничтожило бы мировую буржуазию»[1]. А чекист Д.Н. Семенов, уволенный из ОГПУ в 1926 г. за принадлежность к «новой оппозиции» и ненавидевший Сталина и партаппаратчиков, в начале 1930-х гг. мечтал устроиться в Сиблаг. Похоже, что насилием от имени государства по отношению к «чужим» он надеялся компенсировать личные обиды, нанесенные идеократией[2]. Впрочем, в конце десятилетия среди чекистов стали преобладать аполитичные «служаки-обыватели», включая выходцев из рабочих, охотно пользовавшихся своим привилегированным положением[3].

Социальная репрессивность – явление обычное, необычную форму может принимать, однако, вольное и особенно невольное пособничество ей. Еще весной 1922 г., когда власть отнюдь не свирепствовала, в писательской среде распространились характерные страхи. «Говорили, что в Кремле, несмотря на Анатолия Васильевича (Луначарского. – *В.Б.*), готовят декрет по литературной политике, который Маяковский собирается сейчас же переложить в стихи», – свидетельствовала Н. Берберова[4]. Конечно, каждое слово этой литературной дамы необходимо перепроверять – она постоянно дурачила свое окружение. Как бы то ни было, определенная часть интеллигенции уже тогда понимала, насколько противоестественны любые послабления со стороны *этой* власти, и вроде бы заранее готовилась к худшему. Другое дело, что люди больше боятся себе подобных, нежели власть. В апреле 1927 г. И. Орлов, старший следователь Главсуда ЧАССР,

---

[1] *Явич А.* Указ. соч. С. 75. По-видимому, дело было не в коммунистической идеологии. Писатель Н. Никитин в июле 1923 г. писал Л. Лунцу из заграничной поездки, что «эмигрантская молодежь... так же воняет тупостью, как наши комсомольцы» (*Лунц Л.Н.* Литературное наследие. С. 477). Заряд нетерпимости, который накопился в обществе, исключал возможность примирения с «чужими».

[2] *Тепляков А.Г.* Дневник чекиста Семенова или Голгофа воинствующего троцкиста и безбожника // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. С. 337.

[3] *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. С. 63.

[4] *Берберова Н.* Указ. соч. С. 165.

член ВКП(б), писал наверх, что «контрреволюция повсюду зашевелилась», а потому «лучше уничтожить 100–1000 контрреволюционеров теперь, чем впоследствии дать возможность им проливать кровь миллионного народа рабочих и крестьян»[1]. С другой стороны, как отмечают исследователи, «анархическая тенденция в массовом крестьянском сознании парадоксальным образом сочеталась с... требованиями "наведения порядка"»[2]. В мае 1925 г. в с. Пустыни (Арзамасский у. Нижегородской губ.) крестьяне топором перерубили горло гражданке Пелагее, заподозренной в поджоге. Самосуд был осуществлен по инициативе сельсовета, под приговором стояло 20 подписей[3]. Из Вологодской губернии в том же году сообщали, что сельские сходы убивают преступников жесточайшими способами, «включая бросание живьем в костры»[4].

В Красной армии также случались расправы над ненавистными командирами. Вместе с тем, как подметил А. Рожков, из повседневного языка красноармейца выветрились такие лексемы, как «родина», «отечество», «Россия», «национальная слава», зато первостепенное значение приобрел концепт «командир»[5]. В молодежной психоментальности различимым остался лишь первозданный субстрат власти-порядка в лице вождя. Но поскольку профессиональной дисциплины тогдашний красноармеец по-прежнему не понимал, «свой» вождь мог вести его куда угодно.

Круг замкнулся, идея «справедливого» насилия во имя будущего возвращалась. На сей раз ему предстояло спускаться сверху – от «всезнающего» государства при пугливом одобрении его подданных. Почва для этого готовилась. В 1928 г. только в картотеках сибирских чекистов числилось 36 674 «антисоветских элемента». Но впечатляет не количество – была произведена своеобразная сортировка «врагов»[6]. Списки постоянно пополнялись. В 1930 г. чекисты обнаружили целый сонм новых «врагов». Помимо «шахтинцев», «вредителей» из Наркомата путей сообщения и Военпрома был выделен «Союз восстановления справедливости и порядка», организованный «черносотенной профессурой» и связанный с «реакционно-монархическими»

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 121.

[2] *Кузнецов А.И.* Самогоноварение в сибирской нэповской дерене... С. 81.

[3] «Совершенно секретно». Т. 3. Ч. 1. С. 400.

[4] *Кукушкин В.Л.* Указ. соч. С. 291.

[5] *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 173.

[6] Самый массовый слой составляли «кулаки», репрессированные в 1919–1922 гг. (12 тыс. чел.), затем следовали белые казаки (7,5 тыс.), бывшие офицеры (5230). К повстанцам было отнесено 3644 человек, к членам политических и уголовных банд – 3542, к троцкистам и прочим отщепенцам большевизма – 2058, к бывшим контрреволюционерам – 700. Не забыли и о 2 тыс. служителей культов. См.: *Угроватов А.П.* Красный бандитизм в Сибири (1921–1929). Новосибирск, 1999. С. 187.

организациями, белогвардейской эмиграцией, германским «Стальным шлемом» и Ватиканом[1].

В 1927 г. Ромен Роллан заметил, что «своим узким сектантством, нелепой непримиримостью и культом насилия» большевизм погубил «высокие идеи» и «породил фашизм, который есть не что иное, как коммунизм навыворот»[2]. Утопии, взятые на вооружение властью, имеют обыкновение «умертвлять» историческое культурное пространство. 1920-е гг. стали временем агонии коммунистической утопии и возрождения утопии этатистской. Иванов-Разумник косвенно признался в этом А. Белому в ноябре 1926 г.:

> ...Во мне говорит исконный социалист, вера которого в том, что во имя человека имеет право человек менять лицо земли. Социализм этот – конечно, не нынешний иезуитский коммунизм, не удав государства; это – далекое будущее, когда люди станут людьми.

Революция, полагал он, «умерла потому только, что в каждом из нас мертвый схватил живого!»[3] Немногие из будущих «жертв сталинизма» отважились бы на столь самокритичное признание. «Пролетарские» поэты продолжали тешить себя эсхатологическими грезами, упорно культивируя в себе манихейское мировидение и воображая, что присутствуют на последнем акты борьбы между Добром и Злом[4]. В сельской среде революция продолжалась на более заземленном уровне: «жажда знания» взвинчивалась ненавистью молодежи к старому быту[5].

«Красная смута», подобно смерчу, подхватывала «легких на подъем» маргиналов и диссипантов, рассеивая их по пространству всей России. На новом месте они уподоблялись семенам, разбросанным назадачливым сеятелем и дающим неожиданные всходы. Одних из них отторгала среда, другие, напротив, подобно сорнякам, начинали забивать прежнее культурное пространство. Со временем власть при-

---

[1] «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 2. С. 1153.

[2] Цит. по: *Куликова Г.Б.* Указ. соч. С. 54.

[3] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 409. Луначарский пользовался в писательской среде репутацией заступника. На деле показной либерализм совмещался в нем с особого рода прагматизмом. Так, в октябре 1922 г. он ходатайствовал, чтобы ГПУ отказалось от высылки известного педагога В.И. Чарнолузского, аргументируя это тем, что тот «перешел целиком на Советскую платформу и... сам перешел на службу в Наркомпрос» (цит. по: *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 46). Вместе с тем он выдавал и такие политико-цензурные рекомендации: «...Я прочел пьесу Белого, она действительно плоха... [Но] лучше разрешить лишнюю пьесу, взявши ее потом в серьезный переплет марксистской критики, чем не разрешать такую, которая существенного вреда принести не может...» См.: Литературное наследие. Неизданные материалы. М., 1970. С. 398.

[4] *Steinberg M.D.* Op. cit. P. 274.

[5] Революция в деревне. Ч. 2. С. 8.

нялась «выкорчевывать» и их, и это удавалось легко – помощников было в избытке.

В 1925 г. Н. Тихонов писал Б. Пастернаку, что «работать стоит, только борясь и имея дело с какой-то новой и враждебной силой»[1]. Советская система изначально нуждалась в таком «стимуляторе» жизнедеятельности. Если противника не было, его следовало выдумать; если цели не находилось, ее следовало найти. Число недругов множилось поистине в геометрической прогрессии.

Именно на таком фоне человеческие существа, считавшие себя «сторожевыми псами» системы, окончательно уверились в своем праве делить людей на «своих» и «чужих», используя для этого расхожие политические стигматы и массовые «сигналы». И делали они это тем более охотно, что к началу массовых репрессий им было основательно повышено денежное содержание[2].

Общеизвестно, что шедевры мировой литературы отмечены поразительной тематической «бедностью» – любовь, смерть, предательство доминируют. В конце 1917 г. Б. Пильняк опубликовал рассказ-притчу «Погост Белые колодези». В ней повествовалось о пожаре, положившем конец долгой и невыносимой бытовой драме. Героями ее были гуляка-барин и его любовница-актриса, пьяница-поп и его слепая дочь. Сгорели трое, огонь пощадил лишь юную девушку. Она оказалась беременна от барина, имевшего обыкновение наведываться в Белые колодези, дабы в компании со служителем Господа заливать вином опостылевшую действительность. Символика оптимистична – но только для людей отчаявшихся. Оптимистами старались быть и писатели 1920-х гг. А. Белый в 1924 г. уверял, что готов «претерпеть все» «за счастье ощущать трепет еще "утробной жизни" Нового Человека в России»[3]. Терпения оптимиста, похоже, хватило ненадолго. Уже в 1925 г. он выступил с романом «Москва под ударом», в котором по существу предсказал и разгул шпиономании, и «открытые процессы». Вероятно, нечто подобное предчувствовали многие. М. Горький еще в 1923 г. выражал сомнение, что русские писатели когда-нибудь смогут столковаться[4]. Впрочем, в творениях литераторов тех лет подчас невозможно распознать, где они иронизируют, где просто халту-

---

[1] Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 462. Примечательно, что Н. Тихонова воспринимали как «красноармейца-кавалериста вроде унтер-офицера» (*Шкловский В.* Гамбургский счет. С. 89). Были и другие мнения. «Славный парень, хотя и прохвост», – писал Л.Н. Лунц Н.Н. Берберовой. См.: *Лунц Л.Н.* Указ. соч. С. 422.

[2] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 527.

[3] Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 284.

[4] *Лунц Л.Н.* Указ. соч. С. 477. М. Горький как в воду глядел: в 1929 г. левый сибирский журнал заявил, что он защищает интересы «всей советской "пильняковщины" во всех ее проявлениях». За «пролетарского писателя» вступилось большевистское

рят, а где пишут кровью сердца, улавливающего трагические повороты исторического времени.

На исходе нэпа не менее яркий писатель Иван Катаев в повести «Сердце» рассказал о смерти на трибуне экс-революционера, интеллигента, а ныне совруководителя, то ли не пережившего бытовых «странностей», то ли перенапряжения на поприще советской торговли. Прежние утописты вымирали, их место занимали новые. Но какой человеческой ценой это давалось? Символичен социальный фон: спивающийся друг детства – бывший офицер и ныне безработный «лишенец», его сестра – в прошлом объект гимназистских вздыханий главного героя, ныне проститутка, наконец, сын – пионер, без тени сомнения настучавший на одного из «бывших» и тем самым подтолкнувший его к самоубийству. В этой новой притче любви очень мало, предательства (скорее неосознанного) слишком много. Что касается социально-революционного оптимизма, то он проглядывает разве что в сцене «красной» панихиды, описанной то ли от лица покойника, то ли вообще из иного измерения.

Знаковый ряд беллетристики отразил нравственную коррозию социальной среды, «пережившей» революцию: человеческая смерть словно растворилась в обыденности умирания, любовь оказалась заслонена суррогатом вожделения и/или аскетизма, а предательство стало превращаться в «гражданскую» норму. Используя удачную формулировку И.Н. Ильиной, можно сказать, что «стихия революции» стала «управляемой»[1], – разумеется, сравнительно с хаосом революционных лет. Жутковатым подтверждением этого стали «знаковые» фамилии, которыми принялись украшать себя чекисты: Грозный или Лютый и т. п.[2] Советская система все более основательно пронизывалась «наивной» жестокостью, характерной для архаичных социальных организмов.

Политбюро, осудившее такое «хулиганство», что смутило «пострадавшего». См.: Власть и художественная интеллигенция. С. 123–125.

[1] См.: *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. С. 70–81.

[2] Наркомом внутренних дел Молдавии был Н.В. Лютый-Шестаковский, заместителем полпреда ОГПУ Восточной Сибири – А.Г. Грозный-Сафес, начальником отдела секретно-политического отделения НКВД Украины – Я.Л. Грозный-Левчинский, а рядовой сибирский чекист именовал себя В.А. Титов-Лютый. Впрочем, встречалась и «русская» фамилия – Удалов (*Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 279; *Шаповал Ю.І., Золотарьов В.А.* Всеволод Балицький. Особа, час, оточення. К., 2002. С. 382; *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 465, 469). В ноябре 1929 г. ЦКК ВКП(б) рассматривала дело чекиста Дикого-Дымого, члена партии с 1918 г., в прошлом красноармейца, «дважды заболевавшего психическим расстройством». Он обвинялся «в подлоге и фальсификации следственных материалов на Рахим-Султанова... с целью покрытия виновников незаконного расстрела». Дикий отсидел полгода, из партии его исключили. См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 29. Л. 174.

Конец революции не стал концом утопии. Большевики не могли этого допустить. В результате былое оцепенение перед лицом хаоса стало перерастать в загипнотизированность «магическими» телодвижениями власти. Оставалось, вслед за одним из героев А. Платонова, сформулировать «принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия». Везде и повсюду нечто подобное формировалось веками. Власть в постреволюционной России попыталась создать «нового человека» на протяжении жизни одного поколения. За это пришлось заплатить большой кровью.

2. Недописанный портрет «вождя»

Постреволюционная харизма рождается совсем не так, как харизма революционного лидера. Но в любом случае портрет вождя «дописывается» в соответствии с уровнем пассионарности и квазирелигиозными эмоциями масс. Ученым, воспитанным в позитивистских традициях, однако, трудно объяснить, что традиционное общество со «сдвинутыми» нравственными основаниями становится заложником своих собственных отчаянных страстей. И тогда тотальная смута в душах и умах людей обретает агрегированное качество, бросающую одержимую массу к стопам «непогрешимого» шарлатана.

В бумагах Ворошилова, возглавлявшего комиссию по увековечению памяти Ленина[1], имеются стихотворные строки, которыми, вероятно, предполагалось закончить одно из юбилейных выступлений: «Портретов Ленина не видно, / Похожих не было и нет. / Века уж дорисуют видно / Недорисованный портрет»[2]. Образ вождя дописывался и переписывался на протяжении семи десятилетий. При этом каноническая маска, под которую был запрятан покойный Ленин, незаметно становилась идейным портретом живого Сталина. На этом семиотические игры не закончились: после «разоблачения культа» ленинского «ученика» его слегка подправленные догмы были благодарно возвращены «учителю».

Особенность кризисной коммуникации заключается в том, что ее содержание определяется «смысловыми осадками» массового сознания[3]. В 1920 г. их конфигурация определялась соединением иллюзий об отдаленном прошлом и страхами перед недавней катастрофой.

---

[1] Комиссия ни разу не собиралась, решения принимались путем простого опроса. В октябре 1929 г. стали поступать предложения о ее роспуске. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 4. Л. 14.

[2] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 415. Л. 34 об. Автором стихотворения считается Н.Г. Полетаев.

[3] *Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. М., 2005. С. 147.

Архаика ленинского, как и последующего – сталинского, культа проявила себя в знаковом абсурде. Как иначе расценивать такие подарки XV съезду партии от рабочих сахарозавода им. Пятакова, как бюст Ленина из «11 пудов сахара» и также сахарный «барельеф-портрет нашего железного, непоколебимого генерального секретаря т. Сталина»[1]? 1920-е гг. были временем неосознанной, но интенсивной «лепки» идола. При этом Ленин становился все более «елейным», а Сталин «металлическим». Некоторые авторы продолжают делать это до сих пор. Свято место пусто не бывает. Разумеется, «ваятелям», как и историкам, трудно в этом признаться.

После перехода к «мирному строительству» власть некоторое время находилась в ореоле славы двух своих революционных вождей – Ленина и Троцкого. Первый из них намеревался проводить новую экономическую политику вполне революционным и даже террористическим путем. 3 марта 1922 г. в письме к Каменеву он отмечал:

> Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и террору экономическому.

Революционер не должен расслабляться. Ленин полагал, что насилие (вроде содержания в «клоповнике») для управления экономикой вполне приемлемо: с одной стороны, нейтрализуется взяточничество и волокита служащих, с другой – упреждается намерение иностранцев «скупить» чиновников и «вывезти остатки России»[2]. Однако это больше походило на интеллигентские эмоции, нелепо сочетающиеся с деформированными правовыми представлениями.

Несколько ранее Ленин предписывал наркому юстиции Д.И. Курскому «усиление репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии» с помощью ревтрибуналов и нарсудов «в наиболее быстром и *революционно-целесообразном* порядке». Органы *юстиции* должны были выучиться «карать беспощадно, вплоть до расстрела» за «злоупотребления новой экономической политикой»[3]. Итак, предложение о «завинчивании гаек» последовало сразу же после объявления нэпа[4].

Скоро, однако, стало ясно, что возродить экономику силами одних профессионально подготовленных и кристально честных партийцев (которых в любом случае не хватило бы) невозможно. Невозможно тем более, что предстояло выкачать из населения как можно больше средств на реализацию целей, которые ему, мягко говоря, были не вполне понятны. К концу 1920-х гг. обнаружилось, что власть

---

[1] Голос народа. С. 189.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428–429.

[3] Там же. С. 396–397.

[4] *Шарапов Ю.П.* Первая «оттепель». Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: вопросы идеологии и культуры (Размышления историка). М., 2006. С. 14–15.

не справляется ни с доктринальными, ни с практическими задачами, обозначенными ею самой. Машина террора также давала сбои. С 1924 г. стало заметно снижаться число приговоренных к высшей мере наказания[1]. Люди усомнились в целесообразности политического убийства. В 1927 г. по случаю 10-летия Октябрьской революции были амнистированы участники антоновского восстания[2]. Впрочем, число репрессированных за финансово-хозяйственные преступления неуклонно росло[3]. Коммунист М. Минкус из Винницы требовал, чтобы «юбилейная» амнистия была классовой – «для рабочих и крестьян, но не для НЭПМАНОВ»[4].

Власть оставалась «слабой» (хотя многим до сих пор нравится считать ее тоталитарной). Откуда же взялся сталинизм? Чем вызвано появление нового вождя?

Наиболее характерный для нашего времени дискурс предложил С. Павлюченков – один из немногих авторов, пытавшихся быть не зависимым от любой идейно-политической конъюнктуры. Рождение сталинизма, писал он, было обусловлено железными законами истории, а не волей «индивидуальной и коллективной»; либеральные попытки его «разоблачительства», а равно и «раскладывание пасьянсов из мифических альтернатив» познавательно бесплодны; Россия не может существовать без жестко централизованной идеократической власти; «современная государственная система... задыхается от отсутствия такого института формирования и преемственности власти, как Партия-орден»[5].

Налицо логически выверенная схема, базирующаяся на презумпции разумности действий власти и адекватности восприятия их в низах. Но бывало ли такое в России? Конечно, для подтверждения такой установки можно привлечь соответствующий документальный материал: время оставило такую массу разнородных свидетельств, что при желании из них можно выстроить какие угодно доказательные ряды в угоду современности. И тогда покажется, что «весь 1921 год ленинское руководство провело в поэтапном отступлении с рубежей военного коммунизма и концентрации немногочисленных организованных сил»[6]. По мнению Павлюченкова, для этого потребовалось укрепление ВЧК и ЧОН, поскольку «на Красную армию, уже

---

[1] В 1924 г. к смертной казни было приговорено 1748 чел., в 1926 г. – «всего» 880, причем после всевозможных амнистий было расстреляно менее половины из этого числа. См.: *Царевская Т.В.* Указ. соч.

[2] *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 34. В начале 1930-х гг. «антоновцы» вновь подверглись репрессиям.

[3] *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С. 268–281.

[4] Цит. по: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* Указ. соч. С. 77.

[5] *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». С. 7, 11, 23.

[6] Там же. С. 121.

малочисленную, нельзя было положиться». На самом деле тогдашние ЧОН скорее напоминали о «партизанщине» Гражданской войны, нежели оправдывали свое название[1]. По словам Троцкого, нэп был «передышкой». Масса партийцев так его и воспринимала, о планомерном отступлении никто не думал.

Переход от войны к миру психологически не прост: расслабившийся человек сталкивается с резким усложнением жизненных ситуаций. Именно это привело к тому, что рождение сталинизма развернулось не столько сверху, как снизу. Люди *подсознательно* предпочитают не элиту, а диктатора, не демократию, а империю. Так бывает всегда.

К тому же тогдашнее «буйство случайностей» оборачивалось тем, что «каждый мнил себя стратегом, видя бой со стороны». После ужасов Гражданской войны власть поневоле «оценивали» по принципу «от худшего». Еще в июне 1918 г. некий «Инкогнито», именовавший себя социалистом, писал Ленину:

> После октябрьского переворота случилось много такого, что можно было избежать, если бы большевики действовали не прямым путем, а хитростью и ловкостью. Если бы поставить дело похитрее, то не удалось бы эсерам продать Украину, Кавказ и Сибирь и была бы одна сильная и могущественная Российская Социалистическая Советская республика[2].

Беда в том, продолжал он, что «большевики пошли честным путем», тогда как с «коварными» политическими противниками не следует бороться открыто. Слабые умы постоянно сбиваются на политику «плаща и кинжала». Цитируемый автор был убежден, что «шпионство с нашей стороны в настоящий момент необходимо», ибо «хитрость, ловкость, шпионство, тайные аресты – основное оружие новой власти». Он предлагал запретить продотряды ради завоевания симпатий крестьянства, «всех обезоружить, кроме большевиков и левых эсеров (сделать это осторожно в форме перерегистрации оружия)», а также «прекратить гонения на религию», установив «тайное наблюдение над поведением духовенства». Предлагалось ввести новые паспорта с фотографиями и вообще «осуществлять тотальный учет и контроль»[3].

---

[1] Мобилизационные списки в них иной раз не велись (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 264. Л. 4); даже в «бунташной» Тамбовской губернии для их оснащения не хватало оружия и обмундирования (там же. Д. 263. Л. 28). Точка зрения А.Ю. Рожкова, согласно которой отряды ЧОН были «надежной опорой режима» (*Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 14), вызывает сомнения. Ворошилову сообщали, что парторганизации на местах «чуждаются» работы с ЧОНом, полагая, что этим должно заниматься военное ведомство, см.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 83. Л. 164.

[2] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 22–22 об.

[3] Там же. Л. 23–24.

Легко показать, что Ленин никогда не злоупотреблял «честностью и открытостью», труднее – что он с чисто интеллигентской наивностью лишь пытался играть в конспирацию. Впрочем, если подобрать ряд соответствующих высказываний, то можно сделать его и «кровожадным». На деле в последние годы жизни он скорее демонстрировал бессильные аффектации, нежели плодил «террористические» приказы. Высказывания правителей не следует прочитывать буквально, куда информативней «язык заднего плана». Готовность Троцкого поставить рядом терроризм и коммунизм была по преимуществу революционной позой, напротив, его обыденная переписка куда основательней обнажает его реальное политическое лицо. На фоне Ленина и особенно Троцкого Сталин в 1920-е гг. выглядит упрямым существом, не способным, однако, и мухи обидеть. До какой степени его поведение было просчитано, сказать трудно; ясно, однако, что в условиях нарастающего дефицита иллюзий ему постоянно приходилось выдавать желаемое за действительное. Для этого следовало «влезть в душу» наивного большинства. В этом отношении Сталин превзошел всех шумных демагогов[1].

Похороны идеи мировой революции давались большевикам тяжело. Это уловили даже иностранные наблюдатели. Э.Д. Диллон, посетивший СССР в 1929 г., писал:

> Иногда я думаю, что большевики, сами того не замечая, продолжают находиться во враждебно настроенной к ним стране. Они симулируют существование некоторых желаемых вещей, действуя так, как будто их предположение соответствует действительности[2].

Для адаптации обветшавшей утопии к новым обстоятельствам требовалось время. Между тем инерционная агрессия идеи все еще не находила адекватного и понятного массам суггестивного воплощения. В принципе всякой власти следует говорить с подданными на «их» языке. Прежде большевики и народ находили взаимопонимание на языке бунта и разрушения. Теперь предстояло освоить куда более необычный новояз власти-подчинения во имя неведомых целей. Д. Бедный, к примеру, тонко подметил, что с крестьянами, чтобы стать «своим», надо общаться в стилистике «перебранки»[3].

Некогда Ленин призвал: «Учиться, учиться, учиться!» И хотя в тогдашнем идеологическом контексте это звучало, как «лечиться» (от левокоммунистической одури), Сталин воспринял эти слова буквально – как своего рода императив-заклинание. Он действительно

---

[1] Уже упоминавшаяся Е. Микулина буквально зашлась от соприкосновения с властью (Большая цензура. С. 153). Несомненно, Сталин учитывал, что слухи о его общении с простой комсомолкой могут возродить в молодежи веру в «чудо власти».

[2] Цит. по: *Плаггенборг Ш.* Указ. соч. С. 39.

[3] Большая цензура. С. 105.

всю жизнь пытался учиться: читал школьные учебники, натужно вникал в «вопросы языкознания», хотя принадлежал к тому типу самобытного деспота, которого любое учение лишь смущало. Как бы то ни было, образ «первого ученика Ленина», переросший в максиму «Сталин – это Ленин сегодня»[1], следует отнести к выдающемуся пропагандистскому клише постреволюционной эпохи. Именно эта «идейно-династическая» формула, ситуационно возникшая в процессе «дележа наследия», перекрыла претензии оппозиции и придала бандитской пародии на Термидор видимость «революционной преемственности». Битвы за умы эпохи «восстания масс» выигрываются не философами, а демагогами. Последних сменяют люди, умеющие многозначительно произносить банальности.

Сталин был основательно закомплексованным существом, которое не смогло бы превратиться в диктатора без вдохновляющих «подсказок». Последние поступали от самодеятельных «идейных» холуев вроде Д. Бедного. Этот «поэт» был не просто приспособленцем: в его желании «лечь под власть» просматривается нечто мазохистское. Так, в переписке с генсеком он не только подобострастно юродствовал, но и всерьез предлагал себя в качестве «оселка», на котором будущий вождь «отточит свой кинжал». Но, главное, после смерти Ленина он первым объявил Сталина «стержневым» и «осевым» человеком[2].

Риторика генсека менялась соответственно людским ожиданиям. Сталин мало приказывал, он скорее «обижался» на «непонятливых». Революционеры обычно нетерпеливы и «избыточно» эмоциональны; «вождь», напротив, демонстрировал терпение, а то и смирение. Он позволял себе доверительное – лично или через газету, путем выборочных ответов на вопросы – общение с народом. Крестьянин Т.Л. Катин 2 декабря 1924 г. искреннее благодарил Сталина за ответное послание. Он «понимающе» согласился с аргументацией генсека: если урезать ставки спецам, «они начнут бросать работу или портить»[3]. На сигнал снизу последовало заверение сверху: вы правы, мы знаем «врагов», потерпите!

Считается, что в это время левые литераторы страдали от характерной болезни: отсутствия врага, по которому нужно стрелять[4]. Во второй половине десятилетия очертания «врага» стали более четкими.

---

[1] По-видимому, такая преемственность отвечала настроениям низов. Рабочие Юзовки сразу после смерти Ленина стали добиваться переименования своего города в Сталино, мотивируя это тем, что «последованием Ленина является сталь, его стальным последователем является его помощник тов. Сталин». Цит. по: *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 23.

[2] Позднее эту «метафору непогрешимости» подхватил даже О. Мандельштам. См.: Большая цензура. С. 84–86.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 46.

[4] Характерно, что некоторые это сознавали. См.: *Сольский В.* Указ. соч. С. 43–44.

В авторитарно-автаркистских системах власть успешнее всего «договаривается» с подданными на языке паранойи. Ф. Сосновский, беспартийный крестьянин из с. Дергановска (Бердичевский окр. Киевской губ.), 26 октября 1924 г. писал наверх: «Необходимо повести сильнейшее давление сверху вниз... и сразу же начать самые свирепые меры, в особенности против тех, которые маскируются друзьями рабоче-крестьянской власти»[1]. Сторонники социальной хирургии оживились. «Мое предложение ...террор на рецидиву, их только могила исправит, а население сообщить смеет, кто по нескольку лет живет грабежом», – писал в сентябре 1927 г. крестьянин В.М. Туровцев в «Крестьянскую газету»[2]. По мнению курских чекистов, крестьяне рассуждали так: «Хорошо бы сделало ГПУ, если бы расстреляло припрятывающих хлеб торговцев»[3]. Возвращение к методам «военного коммунизма» провоцировалось с разных сторон. Но теперь не нужен был ни Ленин в СНК, ни Троцкий на фронте. Требовался «царь в Кремле». Западными дипломатами было подмечено, что Сталин все более откровенно опирался на «широкие слои коммунистов-неинтеллигентов и полуинтеллигентов»[4], очевидно, полагая, что они «ближе к народу». На деле такая тактика напоминала о китайской культуре господства: правитель не должен самолично уничтожать своих противников; искусство политики в том, чтобы противники сами довели друг друга до политической и физической смерти.

Увы, этот принцип вполне отвечал российской парадигме властвования: в низовых партийных организациях царили личные счеты, мстительность, клевета, ложь[5], а генсек в 1930 г. писал о контрреволюционных спецах, «пытающихся отравить и зарезать коммунистов-пациентов»[6]. Так или иначе, большевики находили поддержку с неожиданной стороны. С их политикой соглашались и люди, гонимые при царском режиме. Еще в 1920 г. человек из секты скопцов – религиозных экстремистов средневекового пошиба – писал В.Д. Бонч-Бруевичу: «Я говорю Великая [революция] потому, что и действительно великая, она коснулась и поразила тело и душу человека»[7]. Болезненно осознание собственной причастности к греховности

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 74.

[2] Голос народа. С. 181.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 86.

[4] *Шишкин В.А.* Россия в годы «Великого перелома». С. 86.

[5] *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 37.

[6] Большая цензура. С. 168.

[7] Цит. по: *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство небесное: Скопческий путь к искуплению. М., 2002. С. 239.

старого мира, проявляет себя по-разному. Одни приговаривают к бесполому существованию самих себя, другие готовы были произвести еще более кровавую операцию над «чужими», увидев в них вредные наросты на теле человечества. Утопии требуют не только жертв, но и палачей.

Еще в июле 1921 г. Сталин задумал написать брошюру с не привычным для марксиста названием: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Мечты о рыцарском ордене, возрождающем понятия о долге и чести, несколько ранее появились у идейных лидеров белогвардейцев, также мечтающих «спасти Россию» средневековыми способами. «Мистические ордена», как грибы после дождя, стали появляться сразу после объявления нэпа[1]. Брошюру Сталин писать не стал (должно быть, ощутив «неоригинальность» замысла[2]), но цели своей, согласно некоторым авторам, добился: к лету 1929 г. стратегическое решение о форсированной модернизации было принято, «единая воля в руководстве достигнута, аппарат максимально отмобилизован, настроение в партии подготовлено»[3].

Но так ли виделось происходящее человеку того времени? Вопрос отнюдь не праздный: образы прошлого долговечнее его реальных свершений.

Давление метафор культурно-исторического пространства отнюдь не безобидно для исследователя – они сковывают авторскую логику, особенно если она спрямлена впечатляющими доктринами. С другой стороны, сфокусированность на источниках единого происхождения – в данном случае это большевистские документы – усиливает привычку буквального их прочтения и однобокой интерпретации. Так автор подспудно оказывается во власти пристрастного взгляда из *того* времени, лишь внешне подновленного «прозрениями» современности.

Сегодня многие историки России вновь оказываются в плену фетиша *модернизации*, тогда как следовало бы задуматься о куда более

---

[1] М. Булгаков предложил создать «орден» писателей-фантазеров, в который должны были войти С. Заяцкий, М. Козырев, Л. Леонов, В. Мозалевский. При слове «орден» присутствующие насторожились: нет ли среди них «длинного языка». См.: *Абрамов В.П., Спивак М.Л.* Указ. соч. С. 467.

[2] В Харбине среди эмиграции в начале 1920-х гг. возник было «Орден крестоносцев», взявшийся объединять молодежь ради борьбы с «невежеством и хулиганством». Но он раскололся из-за интриг «искателей “вождизма”» на мелкие группки, среди которых были и фашисты. См.: Авантюристы-оперпуты. С. 5–9.

[3] *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 460.

заметном тяготении к *застою*. При этом не учитывается, что российская власть словно обладает особым инстинктом, позволяющим отыскивать эффективные формы идейного самообслуживания. И если правители особенно усердно имитируют заботу о «благе народа», значит, чувствуют себя неуверенно; если твердят о модернизации – жаждут комфортного покоя. И этот специфический язык власти историку следовало бы давно изучить.

Многие нынешние авторы пытаются смикшировать «издержки» сталинизма ссылками на «модернизационные» императивы исторического процесса, не считающегося, «к сожалению», с привычными человеческими ценностями. Между тем подлинная модернизация – это прежде всего отыскание, стимулирование и использование креативного потенциала автохтонного традиционализма (как ни парадоксально, на первый взгляд, это звучит), а не механическая имплантация «чужих» достижений вроде индустриализации. Из паранойи «отставания России» родился сначала ажиотаж социальной хирургии, затем – «прогрессистского» понимания истории, пока не пришло успокоение под сапогом «непогрешимого» вождя. Поэтому и получается, что «объективные» цели и задачи российской истории реализовывались в 1920-е гг. через стихийно-полубессознательную (а не научную, как писали во времена «руководящей роли КПСС») кадровую политику верхов. Отсюда обновленный набор старых постулатов: нэп воплощал в себе закономерность, которую его творцы едва ли распознавали; партия большевиков несла в себе вовсе не ту историческую миссию, к которой готовилась; для любой модернизации нужен «новый класс» – в России им стала номенклатура (чего до сих пор никто не понял).

С частью этих соображений нельзя не согласиться. Что же касается «нового класса» в лице номенклатуры, то иллюзий на этот счет не должно оставаться[1]. Любая модернизация может быть осуществлена с помощью *креативного* класса, а не надсмотрщиков, нанятых деспотом. В противном случае мы будем иметь феномен, известный по петровским временам, – то, что некоторые исследователи уже окрестили «консервативной модернизацией».

Из дискурса, предложенного Павлюченковым, получается, что в основе нэпа лежал не поиск *modus vivendi* с крестьянством, а попытка «создания необходимых условий для форсированной модернизации

[1] Приходится особо подчеркивать этот момент в связи с тем, что многие авторы упорно хотят видеть в сталинской номенклатуре прообраз креативного управленческого класса (*Неклесса А.И.* Новый амбициозный класс // Политический класс. М., 2007). Из того, что даже у людей незаурядного ума сохраняются подобные иллюзии, видно, насколько основательно укоренились «догоняющие» идеи 1920-х гг. в умах россиян.

общества» усилиями «многоликой государственной бюрократии, объединенной партийным орденом в могущественный и довольно многочисленный социальный слой, приверженный государственным ценностям»[1]. Выходит, что для «модернизации общества» следовало элиминировать его самодеятельный потенциал, превратив людскую массу в послушное стадо, подвластное «самоотверженному» чиновничеству.

Нечто подобное и было сделано. Но стоит ли возводить нужду в добродетель, а затем конструировать на этой основе «исторические закономерности»? Как известно, от «консервативной модернизации» со временем осталась лишь первая часть оксюморона.

Мыслима ли вообще модернизация *общества* с помощью института «идеального» крепостничества? Давно замечено, что революция неизбежно изменяет своим изначальным принципам, создавая новую систему угнетения и устанавливая новый конформизм, имеющий еще более тупой и абсурдный характер[2]. В постреволюционное время это было связано не с тем, что поток критической информации, который обрушился на «вождя», мог бы смутить и человека с более устойчивой психикой. Взаимодействие массы и власти приняло характер взаимных неадекватных реакций на болезненное прощание с революционными утопиями и вздорных ответов на вызовы будущего.

Между тем, что бы ни вытворяли люди наверху, людскую массу притягивает не столько власть (в смысле причастности к ней), а скорее *зрелище* власти и *вера* в ее магические способности. Обладатели традиционалистской психоментальности не знают средних состояний между бунтарством и конформизмом. Примирить крайности может уверенность в «мудрости» правителя, умеющего вовремя элиминировать людские сомнения. Некий Т.Т. Крюков из Ленинграда сообщал наверх, что «на повороте нэпа... был не согласен с партией, подал заявление о выходе, через два года убедился, что был не прав». Он понял, что перед лицом власти культивировать чистоту революционных одежд не имеет смысла, и потому смиренно просил «о возвращении в партию»[3]. Утопии преходящи, вера в патерналистские основания и потенции власти вечна.

Революция всегда чревата перверсией веры – особенно для традиционного общества. В апреле 1925 г. пензенский крестьянин П.И. Демин – единственный в селе, «живущий без бога» (т. е. без икон), – просил прислать ему, «чтоб украсить свою избушку», портрет «хоть *одного* (выделено мной. – *В.Б.*) всероссийского старосты

---

[1] *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 459.

[2] *Эвола Ю.* Оседлать тигра. СПб., 2005. С. 51.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 363.

Калинина»[1]. Было бы странно, если бы власть не воспользовалась такой «подсказкой». Только чей портрет хотела бы она видеть в опустевшем «красном углу» убогой избушки «передового» крестьянина?

Потребность в «портретировании» своих правителей ощущалась не только на деревенском уровне. В 1926 г. в Госрыбосиндикат явился неизвестный и предложил сделать портреты «вождей»... из рыбьей чешуи. Должно быть, предложение показалось политически многообещающим – незнакомцу выдали аванс в сто рублей, после чего тот исчез[2]. Нелепости сотворения кумиров приобрели системный характер.

Воспоминания о скопцах – людях, осуществивших кровавую операцию по избавлению от детородных членов, «мешающих» движению к «идеалу», – вызывают определенного рода аллюзии. Представители разных утопий обычно представляют один и тот же психологический тип. Именно поэтому их устремления периодически сходятся (хотя никогда не уживаются). В 1924 г. от имени скопческой общины в адрес большевистского ЦК было заявлено:

> ...Приношу нашу благодарность и признательность Советской власти, которая покровительствует нам... Идея наша – полное подчинение Власти, которая дает свободу совести человека. Мы готовы чтить законы настоящей власти. Мы никогда не были вредны как народу, так и государству, мы всегда идем по пути той правды, единства и братства. Жизнь и чувства наши всегда будут приветствовать Советскую Власть[3].

Итак, едва ли не самыми первыми готовы были поверить в торжество революционной справедливости идеалисты с глубоко запрятанными внутрь изуверскими наклонностями. Скопцы, как психологический тип, были близки террористам – те и другие готовы были «совершенствовать» себя и своих ближних во имя «любви к дальнему» (Ф. Ницше). Садизм и мазохизм взаимодополняют друг друга в структуре человеческой деструктивности. Актер-пролеткультовец А.А. Мгебров заявлял: «Да, насилие. Но вся жизнь есть насилие, в данном случае оно прекрасно!»[4] В сущности именно этот момент великолепно обыграл А.И. Тарасов-Родионов в романе «Шоколад» – его герой, старый большевик, признает целесообразность собственного расстрела во имя спасения авторитета партии. Тем не менее многие российские историки по-прежнему упорно ищут корни «тоталитаризма» исключительно в *самой* власти. Ко-

---

[1] *Сухова О.А.* Указ. соч. С. 537–538.

[2] *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 121.

[3] Цит. по: *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 239–240.

[4] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 86.

нечно, заявление кастратов проще отнести к случаю клинической экзотики, но кто опровергнет мысль, что сама революция не имела никакого отношения к массовому умопомешательству, выросшему из тягот и нелепостей старого мира?

Вообще о *мобилизационно-модернизационном* типе российской системы привыкли писать обществоведы, профессиональные навыки которых сформировались в процессе «партийно-классового» изучения *советской* истории. Между тем российская система на протяжении веков складывалась не столько как мобилизационная (способная активизироваться в связи с внешней угрозой), а как *стабилизационная* («застойная» по причине тяжеловесности централизованного управления и вечной нехватки средств). Постреволюционная власть оказалась под противоречивым давлением императивов прошлого, усугубляемым предельной индоктринированностью *классовой* (антисистемной по определению) идеологией, с одной стороны, вопиющим обнищанием населения – с другой. В этих условиях важно было донести до населения, что ни у власти, ни тем более у него самого нет выбора. Именно это вкрадчиво делал генсек, что находило отклик. Д. Бедный, к примеру, именовал Сталина не только «ясная голова», но и «нежный человек»[1].

Следовало бы задуматься, как могли повлиять на психоментальное состояние тогдашних элит неожиданные телефонные звонки Сталина Б. Пастернаку и М. Булгакову. «Вождь» подавал знак: я вижу, кто вы, и знаю, что мы мыслим едино. Мы – «избранные», страдающие от того, что дурные исполнители уродуют единственно верные начинания. Внушив это, сочинение про «орден меченосцев» можно было не писать: «свои» не поймут, а «чужих» можно убедить более надежным способом. Увы, исследователи до сих пор стараются стыдливо не замечать того потока холуйского подобострастия, который вылился на Сталина со стороны представителей творческих элит[2].

Особенностью исторического существования России – возможно, единственной – является отсутствие общества как такового, порожденного пресловутым закрепощением сословий. Это постоянно реанимирует гипертрофированную веру в государственность, что, в свою очередь, оборачивается периодическим обожествлением тиранов. Отсюда и убеждение в том, что «государственный радикализм в России всегда был традиционным средством стабилизации общества», а потому только «институт Партии-ордена» способен обеспечить России

---

[1] Большая цензура. С. 132.

[2] Возможно, именно поэтому остается неоцененным сборник документов о советской цензуре (по большей части о «самоцензуре»), подготовленный Л.В. Максименковым. См.: Большая цензура.

«социальную стабильность модернизационного общества»[1]. «Империя вырастает из Ордена, но и Орден рождается из идеи Империи», – писал в свое время модный в нынешней России Ю. Эвола[2]. Соблазн фашизма – знак бессилия (или отсутствия) коммуникативного разума, не находящего в себе силы для самостоятельной ревитализации социального пространства. Отсюда тяготение деятелей вроде Й. Геббельса к союзу с коммунистами в середине 1920-х гг. Люди забывают, что никакой орден избранных, не говоря уже о «вожде», не сможет обновить *всю* социальную ткань – сделать то, что действительно необходимо для модернизации. Вместо этого они стараются достучаться до «понимающей» власти.

Культ вождя рождался снизу – еще до того, как Сталин рискнул претендовать на эту роль. В связи со смертью Ленина в письмах во власть подсказывали: «Необходимо учитывать, что культ личности играет на Востоке значительную роль», нельзя упускать это из виду[3]. В такой ситуации можно было подманивать к власти простым приемом – доверительностью общения. Недаром снизу просили дозволения на такие «самодеятельные» акции, как «открытие дома крестьянина им. Сталина»[4].

История периодически делает заказ на «великих людей» – виртуальных идолов, внушительно (и столь же нелепо) маркирующих пространство прошлого. И какими бы ни были в жизни кандидаты на историческое величие, людские эмоции, а вслед за тем и податливая историческая память непременно вознесут их на пьедестал, вокруг которого будут нескончаемо кипеть страсти последующих поколений. Культ и личность – гетерогенные величины, однако историческая память человека, беспомощная перед давлением идолопоклонческих страстей, упорно соединяет их. Нэп стал временем реанимации авторитаризма *вопреки* имманентной самодеструктивности власти.

Коммунистическая идеология неуклонно деформировала практику, а практика со своей стороны постоянно заводила доктринеров в логические тупики. Как было показано, в этом хаотичном, а не организационно упорядоченном (вопреки большевистскому поклонению НОТу) взаимодействии массы не улавливали конструктивного начала. Отсюда мечты о «сильной руке». Точно так же и современные исследователи вольно или невольно переводят проблематику постреволюционного развития России в русло «борьбы за власть». Очень

---

[1] *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 21, 199.

[2] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М., 2002. С. 40–42.

[3] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 182.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 48.

многим кажется, что это и есть «самая надежная нить Ариадны в идеологических тупиках»[1].

Подобные объяснения столь же стары, как непрерывно мимикрирующее российское самовластье. Не менее удивительно и другое: кажется, никто из современных историков, не говоря уже о политиках, не усомнится в выдающемся уме и прозорливости Сталина. Никто не отважится признать, что главный «секрет» вождей состоит в готовности в нужный момент выйти из-за кулис на опустевшую авансцену истории – на этом месте их ждут нетерпеливые зрители. Зато непреходящая робость при оценке личности Сталина компенсируется готовностью лягнуть его противников, особенно Троцкого.

Амбициозный триумфатор, оттесненный от власти, – любимый объект злословия обывателя, который не может поклоняться деспоту, не понося его поверженного врага. У. Черчилль утверждал, что все многогранные таланты Троцкого составляли некий набор, идеально подходящий для «развала государства». Если так, то такая степень бездарности требовалась, чтобы сделать из России «с сохой» Россию «с атомной бомбой»? И как вообще понять парадокс триумфа «серой кляксы» (так характеризовал Сталина Троцкий) в России?

Историю возвышения «вождя» объясняют и так: Сталин был частицей своего «партийно-мещанского» окружения, а потому считал «целесообразным следовать за своими массами и в двойной морали, и в ханжеской скромности»[2]. Вероятно, без этого не обошлось, к тому же Сталину помогли сформировать «достойную» квазиэлиту в лице номенклатуры его поистине незаменимые сподвижники – Молотов и Каганович. Первый был невероятно усидчив, упрям и скрытен, второй – еще и искренне криклив. Оба были нерассуждающе преданны генсеку. К тому же всякий «большой» культ непременно подпирается мелкими культиками. Роль таковых исполнили герои гражданской войны. Но удачливыми оказались только те из них, которые хорошо продумали свое новое амплуа[3].

Разумеется, в истории России фактор индвидуальной борьбы за власть всегда присутствовал, но при этом даже в 1917 г. он сопровождался не менее известным феноменом «бегства от власти». В любом случае возведение борьбы за власть в решающий фактор истории характерно для традиционалистской среды, не привыкшей опирать-

---

[1] *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 443.

[2] *Тарлинский В.* Стиль жизни триумфаторов зла. Т. 2. Жизнь в плену мнимого призвания. М., 2006. С. 139.

[3] Еще в 1924 г. армейские политработники требовали суда над И. Бабелем и его издателями, допустившими «издевательство над Буденным, Ворошиловым, Тимошенко». См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75. Л. 30.

ся на свои собственные организационно-творческие возможности. К тому же реальные закономерности истории вряд ли можно уловить, связывая простейшими причинно-следственными зависимостями факты, лежащие на видимой поверхности бытия. Из неспособности уловить закономерности социальной синергетики и начинается наукообразная фетишизация «мудрых» решений власти, якобы корректируемых *только* некими метаисторическими силами. В 1920-е гг. решающее значение имела не подковерная борьба за власть, а формирование образа власти снизу – со стороны людей, мечтающих о преодолении хаоса. В тогдашней обстановке правителю, выдвигающему «всеобщие» идеалы, можно было простить репрессивные «издержки». Но в будущем заодно с ним пришлось оправдать и политических пустышек, которые, руководствуясь инстинктом кланового самосохранения и прикрываясь «великими» целями, решали извечную для России задачу «стабилизации» системы.

Как отмечалось, оборотной стороной отсутствия самодеятельного общества в России является привычка превращать нужду в добродетель. В связи с этим поражает амбивалентность отношения некоторых наших современников к Ленину, и особенно Сталину. На них словно досадуют: делали нужное дело, но из рук вон плохо. Это похоже на историю КПСС «наоборот», когда в действиях генсеков выпячивается не их непогрешимость, а досадные промахи.

Портрет вождя всегда остается недописанным – иначе он уже не вождь. Из этого возникает настоящий круговорот историографических недоразумений. Особенно хочется доказать, что феномен «партии-государства» зародился еще во времена Ленина, в ходе многочисленных внутрипартийных дискуссий, смысл которых – борьба за право той или иной группировки безраздельно диктовать свою волю массам. Но стоило бы взглянуть на это под иным углом зрения: идентификации элит, сомневающихся в своей легитимности в глазах ведомых *масс*. Именно неуверенность лидеров, а не просто карабканье наверх, выливалась в хаотичные и бесплодные дискуссии, в которых бессмысленно мельтешили и перемешивались «левые» и «правые».

Постсоветские авторы затратили немало сил на «разоблачение» номенклатуры[1]. При этом забывается, что она выстраивалась по принципу безмозглой преданности начальству, исключающей «революцию менеджеров». Именно поэтому «диктатура партии-государства стала своеобразной диктатурой номенклатуры – замкнутой, корпора-

[1] Напр. см.: *Ткачев В.И.* Формирование механизма партийной власти в Советской политической системе. Октябрь 1917 г. – 1930-е гг. (на материалах Поволжья). Саратов, 2006; *Чистиков А.Н.* Указ. соч.

тивной системы власти с жесткой вертикалью иерархической подчиненности, исключающей какое-либо проявление самостоятельности и инициативы, управляемой только посредством директив»[1]. Строго говоря, любая власть, нацеленная на реализацию *своих* целей, выдаваемых за *классовые* (а затем и «общенародные»), действует сходным образом. Российская власть всегда форматировала социальное пространство «под себя». Делалось это при активном содействии части населения, вводящем в состояние смутного ожидания все социальное пространство.

Ничто так не вдохновляет тиранов, как раскаяние «заблудших». Этому помогает общественная паранойя. Она всегда многослойна, но едина в поисках «чужих» в ближайшем окружении.

Сразу после Гражданской войны возник «внутренний фронт» в виде многочисленных восстаний против победителей. «Антисоветские» выступления крестьян не прекращались с 1918 г., но теперь большевиков особенно пугало то, что их восстания якобы обрели «программу», включала в себя не только требования «Крестьянского союза», но и мощный религиозный компонент[2]. Страхи усиливались в связи с тем, что у большевиков, потерявших надежды на мировую революцию, доходчивой программы «модернизации» аграрного сектора не нашлось. Ужасало их и то, что в террористическую борьбу с ними, как с обманщиками, готовы были включиться рабочие, бывшие красноармейцы и даже экс-коммунисты. Сталинское окружение (куда более основательно индоктринированное, чем сам «вождь») страшила перспектива утраты «классовой» опоры (которой в действительности никогда не было).

Большевиков привели к власти не рабочие, а совсем иной «гегемон» – деклассированные солдаты старой армии. Но условия «диктатуры пролетариата» особенно настоятельно требовали обретения «естественной» классовой базы. В результате в рядах большевиков возник комплекс «классовой ущербности», не говоря уже о чувстве патерналистской неполноценности. Отсюда походы их руководителей не только против оппозиции (которая всегда выступает в тоге доктринальной непогрешимости), но и неугомонных «старых» большевиков.

---

[1] *Кодин Е.В.* ВКП(б) как партия-государство // Провинциальная власть: система и ее представители, 1917–1938 гг. / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2005. С. 141.

[2] По некоторым данным, в 1920-е гг. около 50 % крестьянских выступлений в Нижнем Поволжье было вызвано религиозными мотивами (*Кодылев А.В.* О религиозности крестьянства в первые годы Советской власти // Вопросы крестьяноведения. Вып. 1. Саратов, 1994. С. 96–97). На деле вопросы веры могли служить лишь прикрытием недовольства «чужими», агрессивно вторгающимися в деревенскую жизнь.

После всякой революции наступает передел собственности (в том числе и в форме ее принципиального отрицания), а после войны – массовая релаксация, принимающие подчас формы, не совместимые с нравственностью мирного времени. К этому большевистское руководство также не было готово. Но вряд ли это было «поражением победителей» – скорее потерпели крах императивы «военного коммунизма». Как результат, 1920-е гг. стали временем непрерывных метаний из крайности в крайность. В сущности, и Ленин, и Сталин были бессильны перед стихией постреволюционной релаксации. Отсюда непрерывная смена лозунгов и «рецептов спасения» (которые бессмысленно принимать всерьез). В любом случае сразу отыскать идейный допинг «построения социализма в одной стране» и навязать его людям можно было, только повергнув Троцкого.

В современной литературе наблюдается новый виток демонизации Троцкого (такова оборотная сторона широко развернувшегося «отмывания» Сталина) и троцкизма (реально никогда не существовавшего). Апологет мировой революции превращается во властолюбца в самом заземленном смысле слова. Конечно, в его авторитаризме сомневаться не приходится. Но это вовсе не показатель намерения стать первым лицом в государстве. В силу своего этнического происхождения он предпочел бы роль лидера мировой революции, но никак не вершителя судеб России. К тому же он прекрасно сознавал (и в этом был не оригинален), что строить социализм в ее замкнутых пределах – значит обеспечить откат к крепостничеству. Вдобавок, учитывая специфику таланта Троцкого, нетрудно догадаться, что в «межреволюционное» время он непроизвольно вернулся бы к роли пылкого публициста и далекого от клановой дисциплины теоретика.

После смерти Ленина «военно-коммунистическая» харизма Троцкого для Сталина стала нетерпимой. Поборники мировой революции в истощенной стране становились неудобными для правителей, психологически настроенных на автаркию. Импровизатор-революционер для туповатого «вождя» был особенно опасен – тем более что в глазах истощенных масс он мог стать символом «лучшей жизни». Троцкий вовсе не был одномерно левым – просто в очередной раз ждал своего часа мировой истории. Это оказалось сложнее, чем дождаться, когда очумевший от экспериментов власти народ кинется в объятия более понятного вождя. Однако не следует думать, что порядок в стране начался с того момента, когда Сталин придал кадровой политике большевиков одному ему понятную осмысленность. Легче доказать, что номенклатура оказалась тормозом в инновационном развитии страны – иначе в 1930-е гг. не пришлось бы искать «вредителей» в ее рядах.

Возвращаясь к экзотическим сюжетам, связанным со скопцами, стоит заметить, что большевики подозрительно относились к любому – даже безобидному для системы – самодеятельному ритуалу. В.Д. Бонч-Бруевич объяснял своему скопческому корреспонденту: «В 20-м веке пора бы прекращать пропаганду всевозможного членовредительства из так наз[ываемых] религиозных побуждений...», поскольку того тяжелого «житья-бытья», которое существовало в прошлом, теперь нет. Коммунистический религиовед убеждал, что в ноябре 1928 г. в жизни Советской России было

> так много интересного, важного и нужного, на что необходимо было бы тратить все свои силы, энергию и волю, а не заниматься пустяками: загонянием людей в фантастическое «царство божие» всевозможными способами, которые были придуманы непросвещенными людьми 17-го и 18-го века[1].

Большевистский просветитель не мог представить, что партия, к которой он принадлежал, сама насильственно загоняла людей в «земной рай» по рецептам Средневековья и, главное, с одобрения масс, по-прежнему ощущавших себя «оскопленными» в хозяйственном и самоуправленческом отношении. Д.Ф. Горбатенко, крестьянин хутора Родионова (Армавирский окр.), в марте 1927 г. сетовал, что ответа на свое первое письмо от Сталина так и не получил, однако надежды не терял:

> Тов. Сталин, я все-таки жду от Вас и буду ждать, как я считаю Вас прямым нашим крестьянским защитником... Наши крестьяне никак не выйдут из тупика, т. е. наше ближайшее начальство наших крестьян-бедняков завело в тупик... У кого одна лошаденка, и ту продал. Это так только обращалось при кадетской власти, да болгарское правительство так с крестьянами расправляется и у нас с крестьянами расправлялись также[2].

Он поведал, что несчастных хлеборобов постоянно «секли» – совсем недавно «алексеевцы, да корниловцы, да деникинцы», затем при большевиках, несмотря на то что «мы заплатили налоги, да еще судебные». Крестьяне преданы Советской власти, уверял он, «защищали ее, добровольно шли в Красную армию». Теперь же «бедность заела», а потому новые начальники могут «две шкуры содрать». В заключение он просил «не гневаться за нашу малограмотность»[3]. Кстати, поразительно часто в крестьянских письмах повторяется метафо-

---

[1] Цит. по: *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 247.

[2] В январе 1927 г. Горбатенко спрашивал «вождя»: «можно с крестьянина две шкуры драть?» См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 188 об.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 493. Л. 163.

ра двух или трех «ободранных шкур»[1]. Крестьянам, веками не только обираемых, но и обдираемых властью, не оставалось ничего иного, кроме как до бесконечности надеяться на ее «улучшение». Из этого и складывался российский *vox populi*.

Впрочем, некоторые пролетарии пытались оставаться оптимистами. Рабочий-котельщик Смирнов, как видно, только что побывавший на курорте, в июне 1926 г. писал: «Здравствуй тов. Сталин! ...Шлю привет и желаю успеха в твердом руководстве как страной, так и партией...» Далее следовала критика недостатков. По его мнению, «лозунг "Курорт – трудящимся" не выполняется»; 80 % отдыхающих – евреи, врачи-евреи «обслуживают своих». При этом он уверял, что «далек от шовинизма, но это слишком бросается в глаза и [потому] недовольство большое». Этот человек вполне освоил официальную фразеологию, ухитряясь при этом делать вид, что выступает от имени «большинства». Так, он писал, что в «свое время крестьяне считали, что борьба с оппозицией от того, что евреи (Зиновьев, Каменев, Сокольников) хотели захватить власть, но им это не удалось». В настоящее же время существует «не диктатура пролетариата, а диктатура евреев-жидов». И наконец, он давал волю своим эмоциям: «злоба накипает»[2]. В сущности, так и строится примордиалистская система властвования: освященный веками ритуал корректируется и стимулируется эмоциями.

Постреволюционный антисемитизм – явление закономерное. Традиционалистская среда не могла иначе реагировать на наплыв «чужих» туда, где она привыкла видеть «своего» барина. Характерно, что к концу 1920-х гг. антисемитизм схлынул (во всяком случае, по официальным донесениям) – не исключено, что недовольство переместилось на «бюрократов и чиновников», якобы вновь, как в прежние времена, искажающих указания власти. Если так, то власть легко могла «подправить» свой имидж за счет удаления наиболее раздражающих низы очередных «чужих».

В 1927 г. известный монархист В.В. Шульгин сделал любопытное признание:

> «Власть есть такая же профессия, как и всякая другая... Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз "из жидов". Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже "избацают"»[3].

---

[1] См.: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов. С. 196.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 343. Представление о том, что на курортах отдыхают одни евреи, были весьма распространены. См.: *Гатагова Л.С.* Указ. соч. С. 80.

[3] *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 115.

По мысли Шульгина, власть в России выше политики и классов. Она может использовать в своих интересах кого угодно. Обилие евреев в государственных учреждениях в известном смысле дело случайное (в конце 1917 г. безработные беженцы хлынули в опустевшие петроградские канцелярии; в 1920-х гг. их попросту некем было заменить). Строго говоря, история постреволюционной России – это история победившей этатистской традиции, опирающейся на беспомощность масс, жаждущих «идеальной» власти и столь же болезненно переживавшей необычность ее этнического воплощения. Символично, что в 1929 г. большевики лишили поддержки ГОСЕТ (Государственный еврейский театр)[1]. Власть не нуждалась больше в сомнительных аллилуйщиках из числа «униженных и оскорбленных» старым режимом.

Современные российские авторы логики «возрождения империи» не приемлют, полагая, что Сталин переиграл Троцкого за счет «средних кадров». Это еще один отголосок веры в вождя. На деле Сталин всего лишь преуспел в *стабилизации* системы путем духовной кастрации оживающего социального пространства[2]. А потому не стоит впадать в скопческий идеализм относительно великих «модернизационных» целей сталинизма.

Давно замечено, что после системных кризисов происходит не просто быстрая регенерация социальной ткани, но и появление в ней инновационных качеств. Ничего подобного в постреволюционной России не произошло – в немалой роли благодаря «средним кадрам». Креативный потенциал новой элиты, ранжированной номенклатурной системой, стал стремительно истощаться. Отсюда, кстати, и эскалация девиантного поведения в большевистской среде. В лице Сталина генерация партийных «выдвиженцев» и «назначенцев», не говоря уже коммунистах, безвольно поплывших по течению, охотно признала своего «хозяина»[3]. Формирование «нового класса» произошло за счет безынициативных малообразованных слоев, склонных решать любые вопросы через многочисленные «согласования» в видах уклонения от ответственности. «Орден меченосцев» остался в воображении «вождя». Вот, собственно, первый реальный итог эксперимента по созданию «нового класса».

---

[1] См.: *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 420–421.

[2] См.: *Пашин В.П.* Указ. соч. С. 159–196.

[3] По мнению А.К. Соколова, среди выдвиженцев преобладали косноязычные карьеристы, бравирующие своим «рабоче-крестьянским» происхождением и всецело поддерживающие «генеральную линию» (Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998. С. 75; *Соколов А.К.* 1917–1940. Курс советской истории. М., 1999. С. 139). Характерно, что их чаще всего использовали на пропагандистской работе. См.: *Абракова Т.А.* Указ. соч. С. 86.

Всякая экстраординарная активность способна дать результат – пусть дурной. 21 июня 1928 г. один анонимный автор писал в секретариат СНК СССР: «...Крестьянство находится под гнетом бандита Сталина. Самый беднейший крестьянин или рабочий является вашим врагом...»[1] Такие заявления обычно делают не существа с террористическими наклонностями, а напротив, люди, еще не привыкшие к своему крепостническому состоянию. В отличии от них большинство сочинителей 1920-х гг. видело корень всех бед исключительно в «лакированных коммунистах»[2] – те самых, которых критиковал Сталин в апреле 1928 г. Такие взгляды естественно стыковались с крестьянскими идеалами о государственной иерархии «хороших помещиков», заботящихся о своих крепостных[3].

Создается впечатление, что традиционное российское поклонение идолу государственности, соединившись с прогрессистски-индустриалистскими утопиями, породило не только известного рода иллюзии, но и более чем своеобразные их историографические интерпретации. Дело доходит до отождествления номенклатуры с «креативным классом», призванным приструнить бюрократические ведомства. Но тогда зачем было бороться с Троцким, который нацелился на технократический рывок вперед[4], а не на «стабилизацию» России крепостническим способом? Известно также, что промышленные ведомства прямо-таки взвыли от дикого непрофессионализма номенклатурных назначенцев – тех самых, которые по логике Сталина призваны были ликвидировать зловредный бюрократизм.

Парадокс осмысления постреволюционного времени в том, что при взгляде на события исключительно сверху создастся впечатление, что тогдашние правители только и делали, что обуздывали хаос, а не провоцировали его. Буквально прочитываются и классические упреки властей в адрес оппозиции: для нее якобы всегда «чем хуже, тем лучше». Снизу так не считали. Так, к середине 1925 г. в армии среди выходцев из крестьянской среды широко распространялись слухи о том, что Троцкий «выступал за крестьянство», а красноармейцы писали на досках в учебных классах: «Троцкий был прав, он шел за крестьянством». На Кубани утверждали, что Троцкий – «освободитель народа от налога» – за это его и сняли[5]. В массовых представлениях обиженный властью лидер казался «защитником народа». Однако на

---

[1] Цит. по: *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 81–82.

[2] Там же. С. 79.

[3] *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 17–18.

[4] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 492–493.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 950 Л. 31, 38, 40.

уровне «макрополитики» решающую роль сыграл иной фактор: *после смуты* харизматические фигуры все же утверждаются в связи с *обладанием* властью, а не пылкой критикой ее недостатков.

В атмосфере общественной фрустрации всякие нестроения наверху особенно пугали. Некий аноним, подписавшийся «рабочий» в 1926 г. писал:

> Каждый день открывает новые заговоры против Советской власти.. Партия разлагается. Червь гложет ее сердцевину (Троцкий, Каменев, Зиновьев и др.)... Постепенно вырисовывается из-под диктатуры пролетариата (вернее партии) неограниченная диктатура т. Сталина...[1]

Этот «рабочий» призывал и тех и других: одумайтесь! Остается только удивляться тому, как точно и безнадежно в России умеют угадывать неотвратимое.

Троцкий хотел бы выстроить власть соответственно революционным грезам недавнего прошлого. Сталин, напротив, полагался на ее патерналистские основания – куда более древние и надежные. Естественно, выиграл Сталин, порой успешно прикрываясь заимствованной у Троцкого фразеологией и используя его индустриалистские идеи.

По-настоящему Сталину мешала не левая, не правая, не даже оппозиция вообще. Мешало неверие масс в *правильность* действий власти – мешало, тем более что власть самая не была уверена в этом. История постреволюционного времени – это история психозов полуразрушенного традиционного пространства. Сталинское руководство, в том числе сам генсек, оказалось в ловушке собственных страхов, помноженных на неумение трезво и четко реагировать на «неожиданные» запросы низов. Превращение же его в диктатора связано не с разгромом оппозиции, а неверием масс в иные, помимо власти, силы, включая свои собственные. Массы никогда не бывают против диктатур, но их рано или поздно перестает устраивать их террористическая направленность и психосоциальное наполнение. В постреволюционное время власти было необходимо вползти в «душу» масс, прикинувшись «своей». Именно это и проделал Сталин. Так создавалась обстановка, когда люди «верили» только ему, переставая верить «своей собственной тени, – а вдруг как она служит в ГПУ»[2].

Впрочем, «революционных диктаторов» и без того терпят удивительно долго. Чем страшнее революция, тем основательнее она старается облагородить себя ритуалами и символикой. И рано или поздно рожденные ее фетиши сгруппируются в такое логическое, нравственное и эстетическое целое, которое лишится точек соприкосновения

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 259.

[2] *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 103.

с действительностью. Но этой ложной символике, воплощенной в идоле, будут поклоняться, ибо в ореоле его «славных деяний» сомнительные реалии прошлого выглядят «как надо».

Нэп действительно проложил путь к тирании[1]. Но нельзя согласиться с мнением, что главным его результатом стало «завершение создания государственного мобилизационного аппарата, начиная с Политбюро и кончая партячейкой завода и деревни, который мог заставить общество форсированными темпами тронуться с рубежа 1913 г., наверстывая упущенное время на пути индустриализации и урбанизации страны»[2]. Все это не согласуется с многочисленными фактами развала низовых партийных организаций и тщетности попыток их возрождения, не говоря уже о противоестественности хода индустриализации и урбанизации. Стоило бы обратить внимание на то, что массы понимали противоборство в ЦК как столкновение «кавказцев с евреями»[3]. Увы, каждый склонен видеть в хаосе доступную ему логику.

Строго говоря, весь так называемый нэп был временем непрекращающихся метаний перепуганной власти из крайности в крайность, что приносило отнюдь не «модернизационные» результаты. Фискальная политика того времени довела наиболее дееспособную часть крестьянства до отката к полунатуральной форме хозяйствования[4]. В армии продолжались перетряски командного состава[5]. Курс на ускоренную коллективизацию и индустриализацию в том виде, в каком это происходило, был порожден испугом генсека, да и всей партийной верхушки, все более утрачивающей грань между реальным и воображаемым.

Можно ли было в 1920–1930-х гг. ожидать успехов подлинной модернизации? Некоторые современные авторы применительно к сталинскому времени не без доли ехидства пишут о *«консервативной* модернизации». «Модернизационно-крепостнические» эксперимен-

---

[1] См.: *Булдаков В.П.* Нэп как путь к деспотии: динамика и векторы психосоциальной напряженности // Русский исторический журнал. Т. IV. 2001. № 1–4.

[2] *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 428.

[3] Там же. С. 381. Подобные представления были характерны не только для низов. Чехословацкий дипломат Й. Гирса отмечал нарастание борьбы против евреев в верхах. Вместе с тем он полагал, что внутри правящей верхушки возникли две антагонистические группировки: одна «кавказская» вокруг Сталина, другая вокруг Рыкова, состоящая преимущественно из русских коммунистов. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 72, 94.

[4] Письма о этом шли наверх поистине нескончаемым потоком. См.: Крестьянские истории. С. 63, 65, 72, 76, 86–87, 100, 103.

[5] Й. Гирса сообщал, что власть подозревала даже покойного М.И. Фрунзе; ряд видных военачальников (М.Н. Тухачевский, А.И. Корк, В.К. Блюхер, Б.М. Шапошников, П.Е. Дыбенко и др.) были перемещены на новые должности, некоторые из них были обвинены в антисемитизме. См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 91–92.

ты Петра I до сих пор вызывают восторги многих других, в том числе и либеральных, российских авторов. Неискоренимая привычка выдавать желаемое за действительное связана с подсознательной неуверенностью в собственных креативных возможностях.

В сущности, в 1920-е гг. советская система преуспела только в одном: создании атмосферы взаимной подозрительности и доносов. Порой массовые аресты проводились для того, чтобы пополнить армию осведомителей. Так было, к примеру, в Сибири в середине июня 1927 г.[1] Политическая паранойя может стать всеобщей, но на этом нельзя построить продуманную управленческую систему.

Сталину помогло и то, что после всякой революции побеждают люди, настроенные на выживание любой ценой, а среди них всегда больше осторожных и трусливых, нежели решительных и смелых. Таковы законы социальной синергетики, далекие от детерминистских построений, на которые постоянно сбиваются в России даже опытные авторы.

Некоторым аффектированным творческим личностям довелось ощутить «иную логику» прошлого. Но это произошло не скоро. В 1929 г. Б. Пастернак писал Н. Тихонову, что «доволен жизнью», поскольку начал писать «большой роман в прозе». Он собирался назвать его «Революция» – «если будет к лицу»[2]. Как известно, у Пастернака получился только один «большой» роман – «Доктор Живаго». Он был не столько о революции, как о людях, которых она перемалывала при их же соучастии. Такой логики истории упорно не понимают.

Человеческая склонность к оправданию победителей известна с незапамятных времен, равно как и традиция поношения их противников. Не стоит, однако, «спрямлять прошлое». Во все времена – а в критические особенно – ошибались и колебались *все* люди, приближенные к власти, кроме, разумеется, бесхребетных номенклатурных существ. В 1920-е гг. не случайно постоянно неожиданно сходились былые политические противники[3]. Между прочим, как писал О. Кен в блестящей книге о динамике «мобилизационного планирования», и Сталин, и Троцкий ошибочно оценивали геополитические противоречия конца 1920-х гг.[4], что и подтолкнуло «модернизацию», проводимую волюнтаристски-авантюристическими методами. Но это

---

[1] *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 134.

[2] Переписка Бориса Пастернака. С. 469.

[3] *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 388–389.

[4] См.: *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 324. Между прочим, в сентябре 1928 г. Д. Бедный писал Сталину из Германии о том, что старый порядок в Европе «неудержимо летит к концу», «потеряна ориентация», «пропал здоровый инстинкт, как он пропадает у существ, которые обречены на гибель». См.: Большая цензура. С. 131.

встречало поддержку в низах: в 1929 г. шахтеры встречали аплодисментами заявления своего земляка Ворошилова о том, что в случае войны «следует прихватить этак государств десяток, чтобы сделать их советскими»[1].

В сущности, сталинская попытка создания «ордена меченосцев» – превращение революционного хаоса в некий «высокий», облагороженный идеей порядок усилиями сознательно-дисциплинированного меньшинства – полностью провалилась. Да и сам «вождь» уже в 1922–1923 гг. был настолько зациклен на задаче «взятия и удержания власти» любой ценой, «разумно маневрируя» и «переходя от одной формы борьбы к другой»[2], что вряд ли мог надеяться только на «меченосцев». По словам Льва Шестова, бюрократия в России «всегда была паразитарной»[3]. Конечно, Сталин, как и Ленин, ощущал это с самого начала. Надеяться на то, что номенклатура окажется качественно иной лишь потому, что она «вышла из народа» и была выдрессирована в коммунистическом манеже, было наивностью. Вместо появления «нового класса» произошло воссоздание привычной сословно-бюрократической иерархии по принципу нерассуждающей преданности верховному правителю. С помощью номенклатуры возникала архаичная (внутренне не устойчивая, преимущественно эмоциональная) связка: «вождь – толпа». Новорожденная система впитала в себя все худшие черты старой, добавив к ним пороки вульгаризованных инноваций. Но в чем конечная причина этого – и не только этого – провала власти в России?

Рождение порядка из хаоса происходит не в результате борьбы за власть, в которой побеждает самый умный и прозорливый лидер, создавший наиболее совершенную систему управления. Обычно это бывает связано с согласием измученных масс на *понятный* им порядок старого образца, мимикрирующийся под новизну. Строго говоря, нетерпеливая в прошлом масса теперь *желает быть обманутой*. Тяготы бытия легко разменяются на иллюзии. Об этом было известно в пережившей революции Европе, по меньшей мере с конца XVIII в. Об этом писал и «побежденный» Троцкий.

7 ноября 1929 г. в статье, опубликованной в «Правде», Сталин заявил, что «страна через каких-нибудь 3 года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире», ибо теперь крестьяне идут в колхозы «не отдельными группами, а целыми селами, волостями, районами, даже округами»[4]. Трудно было придумать что-либо более лживое. Но в это многие поверили, поверили еще и

---

[1] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 102. Л. 22.

[2] Цит. по: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. С. 133.

[3] *Шестов Л.* Что такое русский большевизм? Берлин, 1920. С. 5.

[4] *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 132.

потому, что статья называлась «Год великого перелома». Чувство социально-исторической безнадежности слишком часто провоцирует веру в чудо.

Существовал еще один – отнюдь не материальный, но не менее действенный – способ реанимации государственного монстра. Это был большевистский ритуал. Вопреки тому, что Сталин давно отказался от идеи мировой революции, на местах шла пропаганда по «троцкистскому» сценарию: здесь были в ходу и «интернациональная солидарность рабочих», и «коммунистический Интернационал»[1]. И каждое празднование 1 Мая даже в сельской глубинке проходило под набор этих заклинаний – они-то и становились невидимой, но надежной «опорой» консолидирующейся власти.

Именно с 1920-х гг. ведет начало поветрие новых имен – всевозможные Октябрины, Ноябрины, не говоря уже о Сталинах, Владленах и «аббревиатурных» поименованиях[2]. Характерно также появление «технократических» имен: Трактор, Текстиль, Догнат-Перегнат, Кувалда, Алгебра и даже Гласп (Главспирт)[3]. Появились и «иностранные» – «интернационалистские» имена. Подобные инициации, естественно продолжавшие большевизированные перелицовки городов, фабрик, заводов, улиц, площадей и т. п., постепенно захватывали людей[4]. Бывший завод Гужона в Москве в ноябре 1922 г. был переименован в «Серп и молот»: на рабочем собрании утверждалось, что новое название «правильное» – «так как серп есть орудие крестьян, а молот – орудие рабочих»[5].

Конечно, во всех слоях общества преобладало недовольство. Однако его разнонаправленные векторы удивительным образом обходили фигуру «вождя». Некий анонимный питерский рабочий-коммунист в пространном открытом письме Сталину в связи с его 50-летием пы-

---

[1] ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1536а. Л. 15–23.

[2] Воспроизводилась ситуация, описанная в «Чевенгуре». Известный писатель Ф. Панферов сообщал, что в коммуне «Пролетарская воля» (в районе Пятигорска) наряду с унификацией одежды было решено отказаться от прежних имен: все получили фамилию Пролетволя. Крупный рогатый скот также удостоился «революционных» кличек: коровы назывались Роза Люксембург, Пламя Победы, а бык именовался Вперед (*Панферов Ф.* Что такое коммунизм // Октябрь. 1960. № 1. С. 106). В коммуне Искатель (Саратовский округ), организованной рабочими и крестьянами из Подмосковья, мужчины стали называться Маркс, Метеор, Бронь, Восход, а женщины Комета, Планета, Венера, Роза, Луна. Фамилию они обрели единую – Искатель. См.: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 169.

[3] *Ястребов А.* Указ. соч. С. 8.

[4] См.: *Ирошников М., Шелаев Ю.* Октябрение // Родина. Сборник разных лет. Дайджест 1998. С. 7–8.

[5] Цит. по: *Корнаковский И.Л.* Указ. соч. С. 137.

тался «открыть» ему глаза. «...Ответь-ка ты не мне, а сам себе, кто же за нас (коммунистов. – *В.Б.*)?» И тут же сообщал:

> Научные работники – против, инженеры – против, кулаки – против, торговцы – против, крестьяне – против, рабочие – против... 90 процентов партийцев в душе тоже против нас и считают себя заблудившимися, как бараны... Была бы война, 90 процентов ушли бы из партии, стали бы дезертирами и свергли бы [нашу] власть.

Но примечателен не отчаянно-панический настрой автора, «страдавшего душевно» за будущее социализма, а то, что он предлагал:

> Издавай законы, чтобы они были понятны каждому рабочему и крестьянину, а не такие, которые можно толковать и понимать поразному. Нажми на представителей власти низов и расспроси у них действительное положение на местах, да так нажми, чтобы они посвятили себя в откровенность...[1]

Попросту говоря, этот «строитель социализма» требовал, чтобы «вождь» подхлестнул своих нерадивых слуг.

Традиционалистская среда сама требовала искусственной, инициированной извне витализации. В этом власти готовы были помочь не только эстетствующие циники[2]. О. Мандельштам, которого в силу эмоциональной избыточности трудно заподозрить в неискренности, в 1928–1930 гг. то сетовал, что никак не выплатит свой творческий долг революции, то заявлял: «Писателям, которые пишут заведомо разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове...» Метаниям сопутствовала характерная форма самоуничижения:

> Писательство – это раса... изгнанная из городов, преследуемая в деревнях, но везде и всюду близкая к власти, которая ей отводит место в желтых кварталах, как проституткам. Ибо литература везде и всюду выполняет одно назначение: помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям чинить расправу над обреченными[3].

---

[1] Цит. по: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 407–408.

[2] Писатель Н.Н. Никитин в 1923 г. в процессе написания рассказа «Барка» сначала было изобразил, как красные мучили белых, но затем поменял местами палачей и жертв – этим он заслужил похвалы официальной критики. Л. Лунц писал о нем М. Горькому: «...Тряпка несусветная без всякой воли и падок до успеха» (*Лунц Л.Н.* Указ. соч. С. 423). Художник Н.Э. Радлов, «эстет из "Аполлона"», который, по словам К. Чуковского, «приклеился к революции», «вдруг оказался одним из самых боевых советских карикатуристов, халтурящих в "Бегемоте", "Смехаче" и в "Красной"» (*Чуковский К.* Дневник. С. 253, 362). Его брат, театральный режиссер С.Э. Радлов, ставил в Театре народной комедии пьесы «не то ярмарочные, не то *commedia dell' arte*». См.: Воспоминания счастливого человека. С. 240.

[3] См.: *Мандельштам О.Э.* Указ. соч. С. 295, 303, 309, 313–314.

Увы, не всякий творческий ум бывает столь самокритичен.

Людям не свойственно продумывать отдаленные последствия своих поступков – особенно если они продиктованы политическим безволием или обыденной бесхарактерностью. Именно это особенно подталкивает к власти людей опасливых и коварных. В 1926 г. по поводу состава Политбюро шутили: «Две закавыки: Троцкий и Зиновьев, два заики: Рыков и Молотов, один ошибало – Бухарин и один вышибало – Сталин»[1]. В ноябре того же года И. Гирса, человек весьма проницательный, отмечал, что «известная ординарность Сталина, его близость и понятность окружающей его среде серого партийного чиновничества как раз и играет важнейшую роль в его неуклонном продвижении к вершинам власти, дает ему колоссальное преимущество перед яркими, талантливыми, но в большинстве случаев оторванными от низовой партийной массы оппозиционерами»[2]. Но дело было не только в психоментальной и эмоциональной изоморфности «вождя» и его ближайшего окружения. Важно было и то, как они смотрятся снизу. Между прочим, Сталина провоцировали на власть и откровенно черносотенные силы, как всегда концентрирующие в себе всю ту неизбежную дурь, которая накапливается в «нерешительных» массах. К примеру, некий аноним от лица «рабочих-однодумцев» писал:

> Гражданин Сталин. Пишу Вам это письмо как русскому человеку среди пейсов... Бедная наша родина, бедная Россия, что сделали из нее. Жидовина, а России нет. Все учреждения заполнены ими, магазины все... Стоит на улице сказать «жид», и ты попадешь в Допр... Бедная богатая Россия, которая кормила других, а теперь нищая... Мы, русские люди, верим, что Вы, преступники, получите должную кару и наша родина зацветет... Прощайте, русский человек, может, еще у Вас в душе что-нибудь осталось русского и Вы защитите нас от жидовского засилья[3].

Получалось, что «истинно русские люди» готовы были воззвать к инородцу-бастарду, полагая, что только он способен защитить от засилья «чужих». При всей кажущейся абсурдности ситуации в ней была своя логика. Возрождение патерналистской системы предполагает некую духовную изоморфность истощенных толп и человека, претендующего на роль вождя. Власть в постреволюционной России осталась «никакой», а потому ей следовало обрести лицо – такое, в котором по указке дирижера самые разные люди смогут разглядеть «свои» ценности и смыслы.

---

[1] Цит. по: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 337.

[2] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 71.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 529. Л. 61.

Разумеется, к концу 1920-х гг. «выбор масс» еще не вполне состоялся. Западные наблюдатели считали, что «большинство населения устрашено террором», впало в апатию и боится при этом любых потрясений и переворотов[1]. Возможно, это не совсем точно. Массы в принципе не хотели и не умели выбирать, ибо так и не научились самостоятельно смотреть в будущее.

В чем может состоять смысл творчества в эпоху, когда привычное соотношение между добром и злом сдвинуто революцией? И что может сделать художник, если видит, что метафизика Добра пасует перед «функциональностью» Зла? Обратиться к «вневременному» мифу и попытаться переписать его заново, как сделал Михаил Булгаков? Когда в человеке иссякает вера, ему остается надеяться только на диалог с сильными мира сего.

«...Вера в черта гораздо сильнее и крепче... веры в бога», – писал известный этнограф В.Г. Тан[2]. «Только множество чертей могу составить наше земное несчастье, – писал в дневниках Ф. Кафка. – Почему они не уничтожат друг друга и не оставят только одного или почему они не подчинятся одному великому черту?» Постреволюционная Россия словно готовилась избавиться от непреходящего кафкианского кошмара, надеясь на «великого черта».

---

[1] *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 109.

[2] Обновленная деревня. С. 13.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ОТ ВЛАСТИ УТОПИИ К УТОПИИ ВЛАСТИ

То, что мы называем обществоведческой мыслью, часто является гонкой дутых величин, то, что считаем исторической наукой, – состязанием химер воображения[1]. Без «возвышающего обмана» прошлого люди чувствуют себя потерянными. Но Клио так или иначе мстит за невыученные уроки. А потому поиски «золотого века» в прошлом, столь же опасные, как и надежды на его ближайшее осуществление в будущем, не должны заслонять человеческую «прозу» исторической жизни.

Информационное пространство, которым располагает человек, едино, однако горизонты его ограничены той или иной культурной средой. И тем не менее пределы человеческого экспериментаторства – в том числе и дурного – непомерно расширяются во времена глобальных потрясений. Идейные инфекции, подобно эпидемиям, легко пересекают государственные границы, претерпевая при этом разительные мутации. Предреволюционная Россия слишком активно впитывала в себя разрушительную часть господствующих в мире прогрессистских идей. Теперь наступило время «государственно-устроительных» прожектов, освященных «спасительной» традицией.

В наше время 1920-е гг. идентифицируют с нэпом, нэп – с реформой, реформу – с финансами. Более того, постреволюционное десятилетие объявляют самым демократичным периодом в жизни советской России. Трудно придумать что-либо более нелепое в условиях глобального кризиса, провоцирующего, в свою очередь, кризис демократии. «Уроки истории» можно усвоить только с культурно-антропологических позиций.

Чем было обусловлено временное – нэповское, точнее, постреволюционное – смягчение режима? Представляется, что помимо чи-

[1] В свое время Н.Я. Данилевский писал об «европейничании» русской интеллигенции, Г.В. Плеханова – об «обезьянничестве». Ныне особенности российской власти выводят то из территории (*Дугин А.Г.* Основы геополитики. М., 2000), то из «крови» (*Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. М., 2008). Если принять эти гипотезы – а уходить от этого нельзя, – то следовало бы проследить действие указанных факторов на конкретном материале. Увы, эта задача оказывается слишком трудоемкой сравнительно с возможностью поиграть на публику хлесткими метафорами и пожонглировать именами «авторитетов».

сто физической и доктринальной усталости революционной власти вновь сыграло свою роль «незаметное» давление снизу. Примечательна позиция Г.И. Мясникова, некогда прославившегося организацией «самодеятельного» расстрела Михаила Романова и ставшего идолом молодых пермских коммунистов и комсомольцев. В мае 1921 г. он неожиданно направил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой (в целях повышения авторитета партии!) рекомендовал отменить смертную казнь и «провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто...»[1] Для человека, не дотянувшего до возраста Христа, но уже отсидевшего в «царских» тюрьмах 7,5 лет, а всего с 16 лет (до октября 1917 г.) легально наслаждавшегося свободой лишь 20 месяцев, такой поворот мысли кажется неожиданным. Между тем многие «антиинтеллигентствующие» большевики понимали революцию как террористы махаевского толка: физически уничтожить все «чуждые пролетариату» элементы, а затем спокойно наслаждаться плодами безграничных свобод. Таково было общее постреволюционное настроение, а потому коммунистическим лидерам приходилось отказываться от практики бездумного «расстрела рабочих», которую инкриминировал им в свое время «Ганька» Мясников.

К слову сказать, судьба самого Мясникова оказалась незавидной и столь же символичной. В 1920 г. он стал председателем Пермского губкома партии большевиков, в начале 1922 г. был исключен из партии, арестован, после 12-дневной голодовки освобожден, в мае 1923 г. вновь арестован и выслан в Берлин. В ноябре 1923 г. Мясникова заманили в Москву и арестовали по делу оппозиционной «Рабочей группы»[2]. В ноябре 1924 г. он направил Е. Ярославскому статью (202 машинописные страницы!) «Новейшее ликвидаторство», где обличал своего оппонента В. Сорина[3]. В 1925 г. он по-прежнему оставался за решеткой, несмотря на голодовки и многочисленные заявления его соратников в ЦК и ЦКК о том, что серьезно болен и не выдержит до конца 3-летнего срока заключения (декабрь 1926 г.). Семья

---

[1] Дискуссионный материал. Тезисы тов. Мясникова, письмо тов. Ленина, ответ ему, постановление Оргбюро ЦК и резолюция мотовилихинцев. Пермь, 1921. С. 12.

[2] *Беленкин Б.И., Виноградов В.К.* Предисловие / *Мясников Г.* Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее. Исторический альманах. 18. М.; СПб.; 1995. С. 10, 8. Дзержинский мотивировал необходимость ареста Мясникова тем, что он «не изменил своих взглядов» и, будучи психически неуравновешенным, «может выкинуть непоправимые вещи». См.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 504.

[3] Г. Мясников подтвердил свою прежнюю позицию: пролетариат до завоевания власти «проповедует гражданскую, классовую борьбу, а завоевав власть, проповедует гражданский мир». См.: РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 34; Д. 29. Л. 15.

экс-террориста, включая троих маленьких детей, влачила нищенское существование. Сторонники Мясникова собирались вроде бы устроить подписку в его пользу, но, похоже, струсили, смиренно упрашивая Сталина о его освобождении и уверяя, что «он будет верный сын РКП(б), каковым он был в более тяжелые времена реакции...» Теперь же приходилось доказывать, что этот «природный» террорист «не враг пролетариата и не враг нашей партии»[1]. Таковым он действительно не был. Но он оказался *врагом государства*, природы которого не понимал. Его расстрельный конец был неизбежен[2].

Что касается последователей Мясникова, то власти на местах относились к ним куда более терпимо, нежели к троцкистам. В 1929 г. воронежские мясниковцы были исключены из ВКП(б), но через 5 месяцев «раскаялись», и им вернули партийные билеты[3]. Разумеется, это не гарантировало от преследований в дальнейшем. Русская революция, передав эстафету номенклатурному государству-спруту, занималась пожиранием (и пережевыванием) своих детей довольно долго.

Интеллигентные экс-революционеры старшего поколения теперь рассуждали в иной тональности, нежели «Ганька», но не более оптимистично. В воспоминаниях Г. Князева упоминается некая преподавательница, в прошлом «курсистка, народница». В 1922 г. она реагировала на голод в Поволжье своеобразно: «И пусть погибают. И поделом им. Возмездие. Уж слишком носились с народом, вот он себя и показал»[4]. Согласно этой логике платить по счетам должны были обманутые бунтовщики, а не их обманщики.

Социальная беспомощность, точнее, отсутствие общества как такового заставляет людскую массу не только воздвигать тех или иных идолов, истово поклоняясь им, но и периодически их свергать. Однако универсальным кумиром на все «излишне сложные» времена остается «вождь».

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 5.

[2] В ноябре 1928 г. из ссылки Мясников сбежал в Иран. Побывав в иранских, затем турецких тюрьмах, он благодаря общественной поддержке смог получить въездную визу во Францию. Здесь он пытался сойтись с местными леваками, но был арестован (1934 г.), после чего вынужден был прекратить политическую деятельность. До конца 1930-х гг. Мясников занимался сочинением трактатов, разоблачающих Сталина, Троцкого, Бухарина и прочих большевистских лидеров. Во время нацистской оккупации попал в концлагерь, но смог сбежать. Примечательно, что с 1929 г. «Ганька» неоднократно обращался в советское представительство с просьбой о возвращении в СССР. В январе 1945 г. он вернулся в Москву, а 16 ноября того же года был расстрелян. См.: *Беленкин Б.И., Виноградов В.К.* Указ. соч. С. 8.

[3] *Саран А.Ю.* Указ. соч. С. 31–32.

[4] *Князев Г.Ф.* Указ. соч. С. 217.

В 1925 г. к Сталину обратился некто М.Н. Васильев-Дигамма из Москвы. Свою биографию бывшего народовольца и политкаторжанина он изложил так: «присужденный к жизни» (с 1857 г.), «зачаточный коммунист» (1871), арестант (1878), народоволец (1879), литератор (1880), ссыльно-поселенец (1884), «сверхлитератор (понятие осталось необъясненным)» (1900), «внепартийный коммунист» (1918 г.), наконец, «присужденный к смерти (приговор еще не приведен в исполнение)». Своя жизнь представлялась ему своего рода эпитафией поколения. Теперь этот «одумавшийся террорист» ставил ряд риторических вопросов:

> Можем ли мы казнить «фальшивомонетчиков», когда финансовые правительства всех стран занимаются, в сущности, таким же делом? Можем ли мы судить громил и хулиганов, когда это дети и воспитанники нашей революции, особенно в период «военного коммунизма»?

Он полагал, что «долю вины приходится взять на себя и судить поснисходительнее»[1]. Дигамма обращался к «вождю» не единожды. 14 июля 1926 г. он сообщал, что согласен с высказыванием Троцкого (то же самое говорил Ленин в 1921 г. – *В.Б.*): «Мы проделали только черновую работу по уничтожению самодержавно-бюрократического и буржуазного строя». Как и Мясников, бывший народоволец предлагал отмену смертной казни и пересмотр конституции, ибо «необходимо обеспечение индивидуальной свободы». «Коммунизм есть утверждение жизни, а не ее отрицание»[2], – заключал он. Однако государственная система, которую воплощал «вождь», естественными человеческими категориями не мыслила.

Остается добавить, что Макар Васильев, побочный сын польского помещика и крестьянки Смоленской губернии, известный до революции как журналист-обличитель Дигамма, член Общества политкаторжан, последние годы жизни провел в доме ветеранов им. Ильича в Москве. Он умер 12 августа 1928 г., через день удостоился некролога в «Правде», затем был похоронен на Новодевичьем кладбище[3].

Трудно сказать, каково было соотношение искренне раскаявшихся и «приспособившихся» социалистов и анархистов. Летом 1923 г. бывший «безмотивный террорист» и экспроприатор И.М. Гейцман предложил созвать всероссийскую конференцию анархистов с целью их коллективного «покаяния» (текст его был утвержден большевистским Политбюро). Гора родила мышь: публично обозначи-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 24.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 16.

[3] См.: *Ковалевская Е.Н.* Будильник совести // Каторга и ссылка. 1928. Т. X(47). С. 152; *Попов И.И.* Макар Николаевич Васильев // Там же. С. 153–155.

лось всего 11 ренегатов. Утверждающиеся у власти большевики не нуждались в едином «анархо-коммунистическом фронте» мировой революции[1].

Лев Тихомиров, террорист, раскаявшийся задолго до революции и благополучно доживший до нэповских времен, философски замечал: «Удивительно, как те или иные настроения охватывают страну – во всех слоях, во всех сторонах жизни, словно эпидемически, каким-то невидимым внутренним веянием. Иногда налетает эпидемия революционная, иногда – эпидемия национально-устроительная»[2]. Увы, вся история России порой выглядит чередой подобных – безнадежно запоздавших – прозрений. «Мне казалось, что русские, соединяющие в себе свойства людей и востока и запада, способны внести в человечество живое осознание великого источника внутреннего познания...», – писал летом 1930 г. Д. Шаховской, имея в виду христианство. – «И вот это чаяние терпит теперь жесточайшее крушение»[3].

Человеческий разум слаб и потому постоянно требует «божественных» подсказок. Материализация химер революционного воображения возможна в той мере, в какой она отвечает позывам растерянных людских душ. А таковых в 1920-е гг. было в избытке. Если люди готовы молиться неведомому богу, то он непременно возникнет, причем именно таким, каким его представляют.

Постреволюционная фрустрация многолика: она депрессивна, агрессивна и репрессивна одновременно – все зависит от исторической витальности социальных слоев, которые она поражает. Из разнонаправленных векторов их психосоциальной динамики складывается череда образов власти – заведомо ложных. В любом случае психодинамика постреволюционного времени определяется симбиозом агрессии и смирения, который и обеспечивает перверсию утопии в традицию. Вместе с тем императивы выживания вызывают в социальном пространстве потребность в «витальной» ритмике. Она задается уцелевшими романтиками революции, затем ее подхватывает радикально настроенная молодежь и, наконец, дирижерскую палочку перехватывает власть. От созерцания этой картины консерваторы способны испытать подобие оргазма. И очень немногие утописты отважатся беспристрастно взглянуть на трагические последствия своих упований.

---

[1] *Павлов Д.Б.* Указ. соч. С. 87–88. К созданию международного фронта анархистов и большевиков призывал старейший анархист Г.Б. Сандомирский, пытавшийся устыдить правителей тем, что они лицемерно ставят памятники Бакунину и Кропоткину, арестовывая их последователей. См.: там же. С. 69.

[2] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. М., 2000. С. 625–626.

[3] *Шаховской Д.И.* Указ. соч. С. 256.

Можно сказать проще: «социальную пыль» может структурировать либо идея, либо деспотический режим. Но для того чтобы это произошло, человеческая масса должна поверить: выбора у нее нет. Стоит напомнить, что 1920-е гг. были временем очередного (поствоенного) «омоложения» социального пространства. Лицо нового поколения, «перепутавшего» революционное лидерство с диктатурой, утопию с идеологией, и стало лицом «новой» российской власти.

В свое время Герберт Уэллс заметил, что большевики оказались хозяевами корабля, с которого сбежали все, даже крысы. При всей привлекательности этой метафоры ее вряд ли можно признать справедливой: в 1917 г. агрессивные толпы превратили безвестных ленинцев в победоносных большевиков, через 10 лет «выдохшиеся» массы и «новые утописты» закрепили образ вновь восторжествовавшего большевизма на государственном уровне в лице Сталина. Порой создается впечатление, что в исторической памяти россиян наивысшей легитимностью обладает типаж «бандита с большой дороги», утверждавшегося во главе государства, начиная с Рюрика. Возможно, это связано с всеобщей генетикой властеутверждения, особо заметно напоминающей о себе в критические моменты существования архаичных (или архаизированных) обществ[1].

Всякая революция – это соединение утопии и традиции на гребне человеческих надежд и отчаяния. Отсюда непременная череда свержения одних кумиров и возведения других. Разочарование в Боге может обернуться отчаянием сатанизма[2]. Самовозбуждающаяся историческая память делает этот процесс едва ли не бесконечным.

Так называемые великие люди – вожди, цезари, императоры, короли, фюреры, генсеки, президенты и т. п. – всего лишь этикетки на изломах исторического времени. Их мифологизированные фигуры наиболее прочно утверждаются в массовом сознании главным образом потому, что несут в себе агрессивное начало – единственное, что, как кажется, способно менять мир. Человек жаждет добра и справедливости (каждый по-своему), но историческая память лукаво подсказывает, что единственная гарантия закрепления кардинальных изменений – концентрация власти. Утопия и агрессия – не антиподы, именно их соединение приводит к тому, что плоды людских иллюзий фокусируются на «сверхчеловеческих» образах.

---

[1] Вскоре после большевистского переворота З. Гиппиус недоумевала: «Какому дьяволу, какому псу в угоду / каким кошмарным обуянный сном / народ, безмолвствуя, убил свою свободу,/ и даже не убил – засек кнутом!» См.: *Гиппиус З.* Последние стихи. Пг., 1918. С. 48.

[2] Некий волостной судья в известной песне вместо «Бог знает...» выпевал: «Черт знает, что с нами будет впереди». См.: Обновленная деревня. С. 30.

История маркирована не только великими людьми, но и «злоумышленниками». Во взбудораженном сознании подданных великой – то «белой», то «красной» – империи постоянно возникали «алогичные» связки. Фигуру единственного «вождя» словно конвоировали его мелковатые противники, выстраивающиеся в своего рода иерархию – на манер нечистой силы в гоголевском «Вие». Чем принципиальнее противник «вождя», тем более инфернальными качествами он наделялся. Так, ни один персонаж русской революции не был столь «удачно» оболган, как Троцкий.

Фигура Троцкого в своей нацеленности на мировую революцию была слишком пассионарна, чтобы строители социализма «в одной, отдельно взятой стране» могли ее терпеть. Для тех, кто требовал стабильности и покоя хотя бы в привычных дореволюционных терминах, – а таких было большинство, – не говоря уже о «победителях» в лице партноменклатуры, любые идейные возмутители спокойствия казались куда более опасными, нежели ординарные бюрократы, мздоимцы и прочие «перерожденцы». Массы со своей стороны по привычке готовы были искать «виновников» среди «государевых слуг».

Атмосфера 1920-х гг. была такова, что всякие новшества власти начинали ассоциироваться с именами их мнимых творцов. Так, водка стала «рыковкой», а сам председатель Совнаркома А.И. Рыков превратился в фигуру сомнительную и в глазах низов, и в окулярах власти[1]. Не удивительно, что в феврале 1925 г. некие анонимщики «подсказывали»: «Троцкизм зародился со времени появления Рыкова на месте Ленина»[2]. 27 июня 1928 г. Рыков получил впечатляющее послание от своего былого соратника Т.С. Трегубова из с. Вересоч (Нежинского окр. Черниговской губ.). Тот в простоте душевной писал:

> Алексей! Получивши от Ленина такое богатство, в смысле экспериментов, ты со своим фальшивым аппаратом ведешь страну к гибели. Я прошел по службе Северный Кавказ, Сибирь и Украину и вижу только враждебное отношение к Советской власти, но скрытое. ...Мы, старые революционные работники, разучились понимать друг друга, а от этого только страдает Советская власть... Мы... должны идти в лес и создавать новую революцию»[3].

Проштрафившиеся революционеры всегда ищут «виновников». Роль религиозных флагеллантов им не осилить: рабы доктрины привыкли следовать за «своим» вождем. История невозможна без утопий,

---

[1] Говорили, что обычно Рыков «заходил во все пивные». См.: *Морозова Н.А.* Указ. соч. С. 40.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 84.

[3] Цит. по: *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 79.

утопии рождают кумиров и их непременных антиподов. За спиной реального правителя всегда возникает образ его теневого «двойника», который подлежит перманентному поношению и уничтожению во имя самоутверждения «подлинной» Власти.

То, что привычно считается властью и государством, в значительной степени состоит из ее Образа. Подчинение, которое принято связывать с действием репрессивного, образовательного или управленческого механизма, в значительной степени определяется религиозной привычкой к повиновению «высшим» силам. Так было всегда. В данном случае процесс формирования нового «народного» вождя начался сразу после смерти Ленина.

Патерналистская система немыслима без обратной связи со своими подданными. Соответственно она обязана улавливать и «мудро» реагировать на импульсы снизу. В известном смысле она должна обладать особой психомоторикой – без нее она обречена на саморазрушение. Но в отличие от неустойчивой людской психики стареющий патернализм слишком инерционен. Что же произойдет, если управленческий механизм, с одной стороны, окостеневает от бюрократии, с другой – разрывается противоречивыми доктринальными импульсами? Что случится в условиях переходного периода, когда прежние ценностные установки и иерархии разрушаются, старые слои выпадают в историческое небытие, но новая социальная ткань не успевает нарасти? Как быть, если структуры, настроенные на самосохранение, искусственно перепрограммируются на инновационный скачок? И все это в масштабах гигантской страны, распластанной на $^1/_6$ земной суши.

Очевидно, что уже в 1920-е гг. будущее такой системы зависело от способности выработать своего рода управленческий оптимум, базирующийся на способности верхов адекватно реагировать на любые, включая самые болезненные, психосоциальные импульсы, исходящие снизу. Слабеющую революционную аффектацию предстояло преобразовать в планомерное творчество. Но возможно ли такое в принципе? Возможно – когда новое не в состоянии победить старое, когда культурное пространство разрывается между отчаянием и надеждой, человеческой массе не остается ничего иного, как реактивировать древний как мир архетип властвования.

В целом психодинамика постреволюционного времени определялась неуклонным дроблением старой социальной структуры и явной неспособностью большинства новообразующихся социумов к самостоятельному формулированию жизненных программ. Препятствовала этому и сама власть, связанная доктриной. Из ее идейной ауры удавалось вырваться лишь немногим представителям «буржуазных» и «мелкобуржуазных» слоев, которые, однако, тут же становились

объектом растущей ненависти. Большевики, привыкшие получать энергетическую подпитку от всякого недовольства, не преминули этим воспользоваться.

Как результат, сложилась ситуация тотального взаимонедоверия, рискующего перерасти в войну всех против всех. «Спасти ситуацию» могло лишь психологическое ощущение «осажденной крепости». Добиться этого было нетрудно. Все это и обеспечило движение от «власти утопии» к «утопии власти» – феномен, характерный для всех революций, но многократно усиленный архаичностью российской политической культуры.

Наиболее тревожная для «пролетарской» власти идейно-политическая ситуация сложилась в рабочей среде. Промышленные рабочие начинали откровенно ненавидеть «социалистических» работодателей, заводскую интеллигенцию, причем агрессивные импульсы постепенно перемещались на правящий класс в целом – его очертания они разглядели, несмотря на его хамелеонские качества. Привычный классовый протест против «старой» буржуазии таял. Превращение дореволюционных пролетариев в советский рабочий класс происходило через их недовольство «благополучными» социумами – то, что Ф. Ницше назвал *Ressentiment*. Используя ныне полузабытую терминологию К. Маркса, он превращался в «класс в себе» – сообщество тружеников, не сознающих своего значения для общества, терпеливо сносящего эксплуатацию и лишь временами напоминающего о себе бунтарскими выходками. При этом антисемитское поветрие в рабочей среде доминировало до тех пор, пока пролетарии не разглядели, что номенклатура опережает евреев по части социального преуспевания. Благодаря этому к 1930 г. большевики смогли перевести недовольство рабочих «евреями-коммунистами» на «вредителей-спецов», а место главного классового врага занял «мировой империализм» с его «фашистско-троцкистскими» пособниками.

Большевистский замысел превращения рабочих в «сознательных» помощников партии провалился. Стремление поставить пролетариев во главе государства оказалось химерой революционного воображения. Но если «прогресс» не удалось навязать силой, приходится искать тех, кто этому мешает. В соответствии с законами жизнедеятельности архаичных сообществ рабочие все более активно реагировали на «врагов», подбираемых властью.

«Старая» и «новая» буржуазия, между тем, отнюдь не обнаруживала особых протестных настроений (если не считать привычного «интеллигентского» недовольства властью). Напротив, именно в этой среде было заметно стремление найти *modus vivendi* с верхами. Кое-что удавалось – по мере коррупционного разложения социаль-

ной среды. Городская интеллигенция, оказавшаяся на положении «лишенцев», также пыталась приспособиться к власти. В определенной степени она смогла оказать «сменовеховское» воздействие на партийно-политическую элиту[1]. Самозваная власть ни в чем так не нуждается, как в почтительном смирении «недопонимающих» граждан.

Правящие верхи пытались преодолеть деструктивные процессы с помощью номенклатуры. Однако это вызвало дополнительные трения между искусственно создаваемой «элитой», унаследовавшей «военно-коммунистические» методы руководства, и старыми «буржуазными» специалистами. В конечно счете векторы взаимного недовольства в этой среде удалось погасить, используя жупелы «вредительства» и «троцкизма». Однако общий управленческий уровень стал катастрофически падать.

Масса городских «бывших» социально деградировала, новый «креативный класс» создать не удавалось. Пролетарии испытывали недовольство «сельской буржуазией»; лозунг «Лицом к деревне!» ничуть не помог; робкие призывы «Обогащайтесь!», будучи дезавуированы, лишь усилили недоверие к власти. На окраинах противоречия усугублялись этническим фактором[2]. Как результат, «векторы надежды» стали смещаться в сторону «непогрешимой» фигуры на вершине власти.

Главным объектом социального недовольства сельских жителей становились коммунисты и комсомольцы, напротив, ненависти к бывшим помещикам не наблюдалось, а отношения со священниками, довольно напряженные в 1917–1918 гг., улучшились. Крестьяне откровенно ненавидели «коммунаров», по-городски «лениво» работавших в убыточных «социалистических» хозяйствах[3] или организовывавших ложные коммуны ради получения дополнительных

---

[1] «Слава Богу, у нас нет больше никакого долга перед народом», – заявил на дискуссии о сборнике «Смена вех» один «убеленный сединами писатель». См.: *Боженко К.* Рубка вех // Вестник литературы. 1922. № 1(37). С. 3.

[2] Так, в Грозном отмечалось «грубое, циничное» отношение городских властей к чеченцам-торговцам, что «обостряло отношения между городом и чеченским населением». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 21.

[3] Описаны случаи, живо напоминающие о «Чевенгуре» А. Платонова, герои которого могли целый год «не пахать», поскольку хлеб в бывшем помещичьем имении еще был, а расставаться с подобием начальственных должностей никому не хотелось. Платоновские коммунары – своего рода идеологизированные бюрократы – считали, что важнее «норму пищи без предрассудка навсегда установить» (*Платонов А.П.* Чевенгур // *Платонов А.* Котлован. Повести, роман. Ижевск, 1989. С. 315). Не случайно многочисленные коммуны, образованные в 1918 г., распались – коммунары попросту проели доставшееся им помещичье добро.

наделов и инвентаря[1]. Вопреки острой заинтересованности власти в увеличении массы товарного хлеба, постреволюционная деревня откатывалась к хозяйственно-потребительскому балансу натурализованного хозяйства, отказу от производственных инноваций. Вместо привычного равнения на «справного» хозяина крестьян все больше привлекал безответственно-дотационный тип ведения хозяйствования, практикуемый неудачниками[2]. Деревенское пространство стихийно структурировалось по принципу противостояния городу. Постреволюционная «феминизация» постепенно стала сменяться «маскулинизацией»[3], руководящие позиции в деревне стали занимать бывшие красноармейцы[4].

Поразительно, но социальное недовольство – как в городе, так и в деревне – вплоть до коллективизации практически не перерастало в социальный протест. «Чувство преследуемости», которое обычно движет массой (Э. Канетти), на протяжении 1920-х гг. преобладало. Оно сопровождалось всеобщей подозрительностью к слабо атрибутированной массе «чужих». Атмосфера взаимного недовольства рано или поздно должна была перерасти в поиски «верховного судьи», помогающего избавиться от житейских напастей.

Формированию образа врага помогли «военные тревоги» – продукт паранойи верхов, спустившейся в низы. Психология осажденной крепости издавна была «спасительницей» власти в России. Не удивительно, что в 1930-е гг. былые вредители предстали уже в роли иностранных шпионов, а троцкисты встали в один ряд с фашистами. Единственной конструктивной психосоциальной подвижкой можно считать повсеместно выросшую тягу молодежи к образованию, хотя нелепо идеологизирующаяся школа воспроизводила наиболее архаа-

---

[1] См.: *Кочетков И.В.* Институты крестьянского землевладения в 1918–1919 гг. // Власть, общество и реформы (XVI – начало XX в.). СПб., 2004. С. 519; *Осипова Т.В.* Указ. соч. С. 235.

[2] Разумеется, это не исключало появления «зажиточных середняков», ведущих товарное и специализирование хозяйство (*Рогалина Н.Л.* Зажиточное крестьянство... С. 278–279), но тем не менее устоявшаяся характеристика осереднячивания деревни «требует кардинального пересмотра». См.: там же. С. 283.

[3] Подобно тому, как комсомол использовался юношами для сексуального самоутверждения, мужчины – председатели колхозов практиковали сексуальную эксплуатацию. См.: *Кедров Н.Г.* Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации... Р. 91.

[4] Ворошилов рассказывал членам французской делегации, что в 1927 г. по РСФСР 66,7 % председателей волисполкомов были бывшими красноармейцами, среди председателей сельсоветов они составляли почти половину. По его словам, эти люди были специально подготовлены для такой работы еще в армии. См.: Военный вестник. 1928. № 1. С. 5.

ичные формы культурного диктата и, соответственно, плодила людей, готовых без колебаний избавляться от всего «чужого».

Самые древние боги – это боги тьмы. Любая культура пытается по-своему усмирить их. Ее распад высвобождает всевозможных маньяков. Одни просто убивают, другие – подводят под это идеи, но в целом начинается кровавое и безнадежное искоренение традиции.

В советской России ситуация обострялась тем, что диспропорция между реальным, воображаемым и символичным, унаследованная элитами с петровских времен, поразила теперь «косные» низы. Слова расходились со смыслами, идеи превращались в магические заклинания. Вновь можно было ожидать «безумных» вывертов сознания не только от элит, но и масс.

Самообольщение утопией, якобы способной к самореализации в условиях «диктатуры пролетариата», возможно, представляло самый жуткий феномен новейшей человеческой истории, хотя его эсхатологические истоки хорошо различимы. Постреволюционное время всегда отмечено блужданием «коммуникативного разума» (Ю. Хабермас), пытающегося обрести некое «коллективное тело», наделенное «инстинктом истины» и призванное повергнуть «врага». Пролонгированность идентификационного процесса в России была обусловлена «неуловимостью» противника и/или многообразием «врагов». В конечном счете с помощью идеологических подсказок сверху, накладывавшихся на совокупность поверхностных суждений и эмоций низов, стала формироваться эксплицитная иерархия «чужих», противостоящих «своей» власти. И поскольку «коммуникативный разум» формировался на крайне архаичной «магической» основе, новому правителю осталось лишь демонстративно занять «пустующий» трон.

Архаизованные социальные системы, возглавляемые «вождем», имеют определенные «модернизационные» преимущества: всякое практическое действие эксплицитно и имплицитно обретает статус стимулирующего коллективного ритуала. Но такие системы требуют непрерывного притока «свежей крови» в лице соответственно индоктринированной молодежи. И как только «общее дело» десакрализуется и обессмыслится в связи с аксиологическим истощением социального пространства и/или слабостью «направляющей руки», система становится беспомощной. Собственно, так и случилось: подтвердилась конфуцианская мудрость, гласящая, что когда слова теряют смысл, люди теряют свободу.

Сегодня легко сказать, что экспериментаторство 1920-х гг. было обречено изначально, но догадаться об этом в *то* время было почти невозможно. Новые правители исходили из марксистского представления о «ступенчатом» прогрессе: «назревший» политический

переворот, отражавший объективную потребность движения вперед, должен был высвободить творческие силы народа и обеспечить всеобщий подъем производительных сил под знаком социализма. На деле историческая ситуация развивалась в обычной российской парадигме «смерти–возрождения империи», в ходе которой перебунтовавшие традиционалистские низы возрождают привычную парадигму власти[1]. Непонимание этого и привело к наихудшему из возможных решений – возрождению приказной системы под марксистскими знаменами. Последнее происходило на редкость просто. 21 октября 1924 г. Петров, член Моссовета, жаловался Сталину, что после того, как в «Правде» появилась статья о вовлечении в Советы свежих сил, было решено, что «старых членов не надо перевыбирать в Совет»[2]. Власть предложила включить механизм выбраковки «не годного» для нее материала, но это было понято буквально. Аномическая сущность постреволюционной российской истории определялась попыткой предельной «механизации» человека в условиях его крайней архаизации во имя то ли революционных, то ли державных, но одинаково туманных приоритетов. Это приносило соответствующие плоды. Для власти с помощью подсказок снизу открылась перспектива контролировать процесс избавления от «чужих».

И верхи, и низы пробовали творить свой собственный мир. Одни пытались руководствоваться истощавшейся утопией и инстинктом самосохранения, другие оказались ведомы растущим отчаянием. Эти устремления сфокусировались на образе власти, которая и стала главным «стимулятором» большевистского «прогресса». В результате появилось на свет нечто безграничное лживое, но вместе с тем привычно-узнаваемое.

Чем дальше власть отходила от догматов «классического» марксизма, тем больше ей приходилось прибегать к «политике этикеток». В этом и заключалась та жуткая ирония истории, поверить в которую трудно до сих пор. Под флагом отрицания частной собственности происходили взаимный грабеж и жульничество – «чудовищная нелепость, продолжение чудовищных же глупостей первых лет революции»[3]. В чудо «построения социализма в одной, отдельно взятой стране», в отрыве от культурного контекста эпохи могли поверить только наивные люди. Валиахмет Вахитов из Башкирии в апреле 1925 г. (за отсутствием денег он послал письмо без марки) в связи с этим выражал согласие со Сталиным, а не с Троц-

---

[1] См.: *Булдаков В.П.* Quo vadis? С. 80–105; *его же.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 669–679.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 646. Л. 210.

[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 119.

ким[1]. Что касается красноармейцев, не растерявших первозданной наивности, то на вопрос, что такое социализм, они отвечали просто: «Общество, где всего будет много. Будут ярлыки, по которым будут выдавать все, что захочешь»[2]. И хотя «ярлыки» не могли материализоваться, под влиянием социалистической доктрины сверху и традиционной утопии снизу рождалось «государство спектакля» – исторически бесперспективное, несмотря на искусство манипулирования «вдохновляющими» лозунгами. В данном случае остается только удивляться, каким «благодарным зрителем» оказывается подданный изначально лживой – сознательно или бессознательно – власти.

Впрочем, в 1920-е гг. советская система уже породила феномен невозвращенчества. Конечно, иные «доверенные лица» системы не пожелали возвращаться в СССР по причинам отнюдь не политического и идеологического свойства. Но среди «перебежчиков» оказался и Г.А. Соломон, потомственный дворянин, участвовавший и в народнических кружках, и в ленинском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Еще более впечатляющим оказалось решение остаться в Польше знаменитого И.Л. Дзевалтовского, также дворянина, штабс-капитана Гренадерского полка, большевика с апреля 1917 г., едва не расстрелянного летом того же года за отказ вести своих солдат в наступление. Он объяснил свой поступок «продажностью большинства коммунистов»[3]. Среди «невозвращенцев» были секретарь Сталина Б.Г. Бажанов, руководитель Госбанка СССР А.Л. Шейнман, сотрудник полпредства СССР во Франции Г.З. Беседовский. В 1927 г. перелетел в Польшу командир авиаотряда К.К. Мартынович, в том же году эмигрировал выдающийся химик – академик В.Н. Ипатьев[4]. В 1930 г. ничем не проштрафившийся агент ОГПУ Г.С. Агабеков стал перебежчиком, а затем поступил на службу во Французскую секретную полицию[5]. Помимо ставших ненужными революционеров и «избыточно талантливых» индивидуумов советская система сама выталкивала людей независимых, сколь бы преданными социалистическим идеалам они ни были.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 63.

[2] Цит. по: *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Т. 2. С. 54.

[3] *Генис В.Л.* Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х годов // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 48–50.

[4] В.Н. Ипатьев был убежденным монархистом, Временное правительство он не поддержал. Вместе с тем он считал, что интеллигенция не имеет права быть в оппозиции к правительству, стремящемуся к восстановлению сильной государственности (*Ipatjeff V.N.* The Life of Chemist. Stanford, 1946. С. 259–260, 263, 285–330). Большевики со своей стороны оказали ему экстраординарное доверие.

[5] См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 128–131, 136, 143.

Самое удивительное, что за пределами СССР в это время вопреки всему складывался триумфальный образ страны «победившего социализма». Утопическое отчаяние терзало не только страну победившей революции, но и всю истощенную войной Европу. Немало способствовали этому представители культурного авангарда Запада, чьи визиты в СССР помогли реанимировать традицию «потемкинских деревень»[1]. Весной 1921 г., получив приглашение от советского правительства, ринулась в «идеальное государство коммунизма» Айседора Дункан[2]. Йоханнес Бехер писал: «Каждый раз возвращаясь из Советского Союза, надо повторять себе: "Это не сон, не чудо, это реальность"»[3]. Западные левые по-своему влияли на политические процессы внутри СССР. Так, писали о том, что западная буржуазия «приветствует опошление советской фильмы», и то, что показывают за границей как «достижение советского киноискусства, компрометирует последнее». При этом превозносились «Потемкин», «Мать», «Стачка», «9 января», «Октябрь»[4]. Такие установки приносили свои плоды. 12 января 1928 г. к советским властям обратился С. Месснер из Ганновера. Он писал:

> ...я питаю большой интерес к коммунистической партии... Я читаю социал-демократическую газету, в которой описываются страшные условия в России, с другой стороны, рассказывают люди, бывшие в России, как раз обратное... Я прошу товарищей прислать мне подробные сведения.

Приехать самому Месснеру не позволяли средства[5]. Зато Леопольд Годава (Берлин-Панков), который «говорил по-польски, немного по-русски», надеялся получить в СССР место бурильного мастера[6]. Так думали многие западные пролетарии, отправлявшиеся в Советскую Россию. К этому времени многие российские немцы уже успели эмигрировать на историческую родину, их поток усилился в связи с коллективизацией[7]. Некоторые из них заявляли: «Мы в России пасынки, и поэтому мы хотим уехать к своим братьям»[8]. Со

---

[1] См.: *Куликова Г.Б.* СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 4–24.

[2] *Дункан А.* Моя жизнь. М., 2009. С. 350, 351.

[3] *Ворвассер М.* Указ. соч. С. 457.

[4] *Гюнтер Г.* Куда идет русская фильма? // Кино и культура. 1929. № 3. С. 11.

[5] ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 26. Д. 1065. Л. 3.

[6] Там же. Л. 2.

[7] Эмиграционное движение советских немцев в конце 20-х годов // Свободная мысль. 1993. № 12. С. 95–98.

[8] *Хлынина Т.П.* Запад в восприятии советского человека. С. 46. Большевики, как всегда, объясняли ситуацию происками кулаков и «слабым проведением коренизации советского аппарата». См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. С. 618–619.

временем обнаружилось, что иностранные рабочие, включая коммунистов, мечтавших попасть в «социалистический рай», почему-то работают спустя рукава, конфликтуют с администрацией и русскими «товарищами по классу». Они убедились, что советская пропаганда их попросту надула[1]. Но каково было изумление финских рабочих, тайком перебравшихся через границу, а затем прямиком переправленных в ГУЛАГ[2]. Все это выглядит символично – вопреки марксистским мечтателям креативный потенциал «класса-гегемона сдерживался мощными культурно-историческими ограничителями, не говоря уже о самой «пролетарской» власти, готовой ради своего самоутверждения жертвовать чужими жизнями. Впрочем, стоит обратить внимание и на другое: в апреле 1924 г. 12 ленинградских подростков бежали из дома к финляндской границе «для борьбы с фашизмом»[3].

Люди привыкли жить иллюзиями. Особенно трудно сохранять трезвый взгляд на жизнь на фоне великой утопии. Бывают времена, когда только она и помогает человеку сохранить надежду. Йоханнес Бехер надеялся на возрождение «священного рейха» с помощью Ленина, а затем Сталина[4]. И это происходило в то время, когда большевистским вождям было ясно, что ставка на мировую революцию бита, и им предстоит обреченно кривляться в дурацком спектакле под названием «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране». Плохих актеров, как всегда, спасали «благодарные зрители». Вера в чудо пересекала не только европейские границы, но и океан. 20-летний недоучившийся студент из США, отправившийся в 1932 г. на Магнитку, рассуждал так:

> Я был очень счастлив. В Советском Союзе не было безработицы, большевики планировали свою экономику и предоставляли молодым людям много возможностей. ...Им удалось преодолеть фетишизацию материальных ценностей, которая... была одним из основных зол нашей американской цивилизации...[5]

Примерно так же мыслили и реэмигранты-энтузиасты (иные из Америки и Уругвая), организовывающие в СССР сельскохозяйственные коммуны[6]. За период с конца октября 1922 г. по октябрь 1926 г.

---

[1] «Совершенно секретно». 1930 г. Т. 8. Ч. 1. С. 461, 471, 534, 612–614, 639–643.

[2] *Солоневич И.Л.* Указ. соч. С. 40–41.

[3] *Шерих Д.Ю.* Указ. соч. С. 44.

[4] *Рорвассер М.* Указ. соч. С. 460.

[5] *Скотт Д.* Указ. соч. С. 31.

[6] В период 1920–1922 гг. В Советскую Россию прибыло 1,5 тыс. иммигрантов, подавляющую часть которых составили русские. 500 тыс. нашли себе применение в промышленности. Однако 15 норвежских рабочих-горняков, намеревавшихся работать на

реэмигрантами и иммигрантами было ввезено на «родину социализма» имущества и капиталов более чем на 5,7 млн золотых рублей. Впрочем, с 1928 г. развернулось массовое этно-эмигрантское движение в противоположном направлении. По данным ОГПУ, к маю 1929 г. нелегально пересекли китайскую границу 175 семей из Омского и Славгородского округов. Немецкая секция ЦК ВКП(б) тут же заявила о контрреволюционном характере эмиграции и призвала бороться с ней средствами пролетарской диктатуры[1].

Человеческая история складывается не только из реального, но и воображаемого, возобладание второго рождает удивительные «символы эпохи». И чем основательнее прописан в них доктринальный и утопический компонент, тем труднее работа историка, призванного «разговорить прошлое» вопреки его собственным представлениям и формам презентации в историческом пространстве. Лукавство «ушедшей» эпохи, воплощенное в доктринах и концепциях, далеко не безобидно для будущего. Закрывшись от настоящей истории символами, навязанными безмозглой государственностью, человек теряет веру в собственные силы. «До чего могут довести ложные идеи! Так погубили свою душу многие революционеры, которые исходя из правильной (но ограниченной) идеи народного блага, пришли к сатанинской злобе, лжи и человекоубийству», – рассуждал Александр Ельчанинов. Но вера во власть, сакрализуемая «национальной идеей», не лучше. «Это же ждет и служителей национальной идеи, пока ее не подчинят идее высшей», – заключал он[2]. Но что считать «высшей идеей»?

История дала ответ: система, подхлестнутая агрессивной идеологией, но генетически устремленная к застою, – суть *contradictio in adjecto*. Она непременно будет превращать людей «избыточных» способностей и «негибких» нравственных установок в отчаянных диссипантов, а затем безжалостно избавляться из них. Но это не может продолжаться до бесконечности. Авторитарная власть склонна к «одряхлению»; партийно-династический принцип делает этот про-

---

Урале, были задержаны в Москве, у них были отобраны паспорта, что их, естественно, возмутило. С другими иностранными рабочими также возникли конфликты в связи с тем, что их заставили сдать имеющуюся у них валюту («Два десятка таких агитаторов навредят нам чрезвычайно». Иностранные рабочие в Советской России // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 4. С. 121–124). Также см.: *Дюран Д.* Указ. соч. С. 91. Из Уругвая прибыли руководители новоизраильтян Т.Е. Жидков и «богочеловек» В.С. Лубков. См.: *Голосовский С., Круль Г.* Указ. соч. С. 14–15.

[1] *Галас М.Л.* Внешняя трудовая миграция в период нэпа // Вопросы истории. 1991. № 5. С. 92, 100. Позднее пришлось заниматься обустройством реэмигрантов – естественно, за счет кулаков. См.: Этнокультурные взаимодействия в Сибири. С. 85–86.

[2] *Ельчанинов А.* Отрывки из дневника // Записи. М., 1992. С. 24.

цесс необратимым, ибо воспроизводство «отвязанных» существ рано или поздно перекроет репрессивные способности системы.

В контексте данной работы так или иначе встает банальный вопрос: воздействовали ли помыслы и домыслы простых людей на Сталина? И *как* воздействовали? Если исходить из предположения, что он был параноиком, то ответить легко: неадекватные реакции людей традиционалистского по преимуществу образа мысли порождали еще менее адекватные реакции у незадачливого «ученика Ленина», пытавшегося воплотить в жизнь новейшую технократическую утопию с помощью квазифеодального «Ордена». Впрочем, окунувшись в поток наивных мечтаний, пропитанных отчаянием и страхами, малообразованному человеку в любом случае трудно было сохранять трезвую голову. Так или иначе, надо иметь в виду, что *аффектированный* поток просьб и предложений, исходящий непосредственно снизу, соединяясь с *политизированной* картиной усиливающейся «классовой борьбы», рисуемой спецслужбами, сливался на столе у будущего «вождя» в некую жуткую амальгаму. Вряд ли после этого он мог ощущать себя свободным в политическом выборе. И едва ли приходилось ожидать от него «мудрых» решений. Их заменил старый, как мир, «инстинкт власти», предписывающий уничтожать «чужих» ради фикции собственной непогрешимости. Как результат, исторически непреходящее насилие во имя власти и идеи было на сей раз выдано за первый в мире прорыв к «светлому будущему».

В постреволюционной (как и в предреволюционной) России практически не оставалось людей, живущих в гармонии со своим социальным окружением и давлением «внешнего» мира. Противоречия носили настолько сложный, системно-парализующий характер, что возник синдром «гордиева узла», который проще разрубить, чем распутать. В истории России такое происходило постоянно, но слабый человеческий ум вряд ли когда-либо согласиться с тем, что вся прошлая и нынешняя история – это череда последствий его собственной самонадеянности и безволия. Не удивительно, что фрустрационные судороги «красной смуты» сказываются и сегодня.

Деспотия – это преступление, которое невозможно без соучастников. Ими вольно или невольно становились люди, заплутавшие между старым и новым, прогрессом и отсталостью, добром и злом. Пресловутый «сталинизм», которые сегодня одни поносят, другие превозносят, не мог возникнуть без пассивного «соучастия во власти» наиболее наивных и несамостоятельных слоев российского общества. Равным образом все болезни возникшего режима были связаны с тем, что его «модернизаторские» интенции базировались на рудиментарных утопических представлениях, расстаться с которыми не находилось сил у слишком многих подданных «красной империи».

Истощившие свою энергию и превратившиеся в социальную пыль революционные толпы пытались отчаянно обрести свое коллективное тело во имя «построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Чем архаичнее общественное пространство, тем примитивнее будет власть, выросшая из его турбулентного состояния. Люди постреволюционной России заслужили деспота. Фундамент «зияющих высот» был заложен в 1920-е гг.

Ошибки людей, а затем и ошибки власти, как всегда в России, пришлось смывать человеческой кровью. В эту простейшую особенность российской истории, однако, упорно не хотят верить. И это не удивительно: людям, воспитанным культурой фетишизации власти и неверия в собственные силы, трудно согласиться, что «великий вождь» скрывает собственные слабости и просчеты, используя их непреходящее легковерие. И это продолжается до сих пор.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абракова Т.А. – 209, 217, 227, 228, 232, 245, 251, 345, 346, 487, 498, 504, 513, 514, 521, 531, 547, 565, 583, 692, 705
Абрамов, «заговорщик» – 397, 398
Абрамов В.П. – 172, 674, 693
Абрамов В.С. – 156
Абрамов З.Ф. – 398
Абрикосов А.И. – 199, 329
Аврамов (Авраамов) А. – 177
Агабеков Г.С. – 728
Агаев А. – 638
Агафонов, курсант – 512
Агранов Я.С. – 313, 314
Аграновский А.Д. – 58, 121, 156, 160, 185, 340, 367, 394, 612, 624
Адаев В.В. – 234
Аджи А. – 604
Азарова П.Е. – 669, 674
Айвазова С.Г. – 192
Айзенберг, инженер – 348
Айхенвальд Ю.И. – 303
Акимов В. – 206
Акимов С. – 269
Акимов-Перетц В.К. – 308
Аккуратов Б.С. – 30
Аксенов В.Б. – 172
Акульшин Р. – 541
Акушинский А.-Х. – 637
Александр II – 159, 566
Александров, б. красный командир – 113
Александров Г.В. –139
Александрова Л.Ф. – 408
Алексеев, мастер – 453
Алексеев, комсомолец – 540
Алексеев А.Г. – 143
Алексеев В.В. – 162, 397, 418, 487
Алексеев В.И. – 321, 355, 357, 480
Алексеев П.В. – 88, 216, 302
Алексеев С. – 385
Аленов А.Н. – 487
Алехин А.А. – 178
Алешкин П.Ф. – 254
Алимов А. – 620
Алтайский К. – 585
Алымов С. – 46
Аманжолова Д.А. – 55, 166, 608, 626
Амурский Г.Я. – 559
Ананиашвили О. – 382
Андорал И.И. – 490
Андраник Вилад (Иосифьян) – 380
Андреев А.А. – 475
Андреев Д.А. – 354, 357
Андреев Н. – 103, 173, 174
Андреевский Г.В. – 28, 43, 46, 48, 49, 60, 61, 63, 64, 74, 86, 96, 100, 119, 125, 149, 169, 172, 177, 191, 209, 213, 214, 218, 219, 242, 288, 310, 312, 313, 332, 337, 340, 342, 345, 352, 355, 363, 407, 408, 420, 427, 431, 433, 434, 436, 440, 441, 446, 449, 450, 454, 459, 461, 486, 489, 498, 529, 534, 544, 546, 591, 593, 607, 674, 679, 696, 713
Андроник, игумен – 88
Андроников И. – 130
Анненков, коммунист – 542
Анненков Ю.П. – *25*, 35, 36, *117, 137*, 178
Аннибал Б. – 170
Анпилогов В.И. – 42
Ан-ский С. (Рапопорт С.А.) – 150
Антимонов С.И. – 180
Антонов А. – 574
Антонов Д.А. – 412
Антонов К. – 78
Антонов М.И. – 397
Антонов-Овсеенко А.В. – 254
Ануфриенкова Д.Т. – 146
Арбузов, крестьянин – 265
Арефин Ф.А. – 247
Аржанов М.М. – 532
Арзуманова Т.В. – 155, 156
Аристов Н. – 228
Аристофан – 135
Артемкин А. – 122
Артизов А.Н. – 310, 570
Арустамов Г. – 474
Архангельский Н. – 441
Архипов А. – 173, 192

Арцыбашев М.П. – 303
Асанов А. – 374
Асеев Н.Н. – 24, 163, 186, 196, 402
Асилов С. – 130
Аскольдов С.А. – 418
Атарбеков Г.А. – 431
Афанасьев С. – 371
Афиногенов А.Н. – 75, 321, *340*
Афонин А. – 282
Ахиезер А.С. – *508*
Ахматова А.А. – 25, 29, 35, 66

Бабанова М.И. – 446
Бабель И. – 28, 97, 130, 131, 149, 313, 314, 388, 586, 642, 699
Баберовски Й. – *20, 166, 185,* 214, *474, 503, 514, 522, 529, 606, 639, 640, 643, 662*
Бабин, коммунист – 511
Багрицкий Э.Г. – 77, 128
Бадмаев П.А. – 98, 342
Бажанов Б.Г. – 116, 728
Бакли М. – 186
Бакунев, коммунист – 503
Бакунин М.А. – 348, 544, 719
Балакирев А. – 385
Балашов Е.М. – 427
Балаян, большевистский руководитель – 503
Балухта Ф.Ф. – 289
Бальзак О. – 135
Барабанов В.В. – 358
Барабаш, медицинский работник – 541
Барадин Б. – 645
Бараков Г.Ф. – 521
Баракова Е.А. – 521
Баранов А.В. – 293, 574, 603
Баранская Н. – 45, 53, 71, 79, 87, 309, 403, 652
Барбюс А. – 424, 425, 641
Бардилева Ю.П. – 483
Бартенева О.А. – 425
Барчун Я.Г. – 507
Барышников Е.А. – 566
Батченко В. – 484
Бауман Н.Э. – 170
Бах А.Н. – 199
Бахтин М.М. – 418
Башорин А.П. – 508
Бебутова Е. – 34
Бедный Д. (Придворов Е.А.) – 25, 54, 131, 145, 181, 209, 216, 317, 369, 431, 481, 481, 486, 510, 573, 575, 576, 579, 586, 587, 593, 598, 669, 676, 690, 691, 697, 709
Безлюднова Ю. – 192
Безыменский А.И. – 372, 403
Бейзер М. – 38, 183, 588, 592
Бектимиров, корреспондент – 147
Белая Г.А. – 330
Беленкин Б.И. – 716, 717
Беленький С. – 136
Белецкий А.И. – 311
Белик П.К. – 288
Белковец Л.П. – 531
Белковец С.В. – 531
Белоглазов Р.Н. – 628
Белоус И. – 562
Белый А. – 37, 48, 52, 66, 71, 77, 88, 101, 126, 127, 131, 158, 160, 161, 172, 194, 195, 201, 202, 318, 328, 673, 674, 679, 683, 684
Беляев А. – 130
Бенуа А.Н. – 31
Беньямин В. (Benjamin W.) – *137, 142*
Берберова Н.Н. – *29, 66,* 202, *309, 328, 681,* 684
Бергман С. – 86
Бердяев Н.А. – 87, 194, 306, 311, 328, 496
Березин П.И. – 352
Берзин Ю. – 65, 72, 179, 434
Бертельс Е.Э. – 308
Беседовский Г.З. – 73, 94, 287, *288, 351, 370, 414, 502, 609, 680,* 728
Бессарабский Н. – *415*
Бехер Й. – 161, 237, 729, 730
Бехтерев В.М. – 149, *198,* 199, 674, 675
Бехтерева Л.Н. – 41, 75, 145, 157, 225, 236, 250, 483, 504, 678
Бикерман И.М. – 592
Билль-Белоцерковский В.Н. – 180, 181, 348
Бирюков Н. – 136
Бирюков П. – 492
Бирюков С. – 330
Благов, студент – 358
Блантер М. – 49
Блезнев, автор письма – 406
Блок А. – 23, 87, 586

Блонский П.П. – 304
Блохин М.Н. – 667, 668
Блюм А.В. – 124, 131, 150, 315, 591
Блюм О. – 316
Блюмкин Я.Г. – 28, 108, 310, 311
Блюхер В.К. – 119, 708
Бляхер Л.Е. – 686
Бляхин П.А. – 668
Богданов, коммунист – 557
Богданов А.А. – *78*, 88, 89, *198*, 216
Богданов В. – 400
Богданов М. – 575
Боголепов М.И. – 341
Богомазов А. – 127
Богомолов, фабрикант – 442
Богословская М.В. – 544
Богословский М.М. – 22
Боднар М.Д. – 578
Боженко К. – 724
Бокарев Ю.П. – 8
Болотников И. – 160
Болотов Г. – 371
Большаков А.М. – 289, 434
Бондаренко Л.Н. – 562
Бонч-Бруевич В.Д. – *164*, *425*, *492*, 692, 703
Бонч-Бруевич М.Д. – 420, *533*
Бордадын А. – 212
Бордюгов Г.А. – 395
Борисенок Е.Ю. – 609, 614–616
Борисов И. – 39
Борисова Л.В. – 8, *13*, *83*, *145*, *206*, *208*, *210*, *214*, *215*, *220*, *225*, *229*, *275*, *332*, *335*, *402*, *453*, *477*, *478*, *505*, *524–527*, *532–534*, *547*, *567–569*
Бородин И.М. – 73
Бочкарев, коммунист – 540
Бош Е.Г. – 100
Брагин А. – 270
Бразильский В. – 596
Брик Л. –314, 446
Брик О.М. – 34
Бровкин В.Н. (Brovkin V.) – 10, 33, 46, 55, 61, 157, 187, 261, 386, 433, 502, 504, 511, 512, 545, 670
Бродский И.И. – 33, 34, 167–169, 183, 230, 310, 329
Бройдо Г.И. – 115, 116
Бруни Л.А. – 418
Брунин, махинатор – 540
Брусилов А.А. – 393
Бруханский Н.П. – 92
Бруцкус Б.Д. – 242
Брюсов В.Я. – *24*, 170, 303, *314*
Бугайский Я. – 354
Буденный С.М. – 97, 106, 113, 119, 131, 398, 591, 699
Будницкий О.В. – *31*
Букейханов А. – 629
Булайский Я. – 60,
Булак-Балахович С.Н. – 232, 599
Булатов И. – 114
Булгаков В.И. – 106
Булгаков М.А. – 29, 36, 38, 44. 52, 56, 63, 71, 73, 88, 135, 158–159, 172, 189, 190, 202, 219, 316–318, 329, 403–405, 433, 440, 441, 467, 563, 663, 674, 677, 693, 697, 714
Булгаков С.Н. – 87, 396
Буреев В.П. – 507
Бурлюк Д.Д. – *153*, *166*, *194*, 331, *598*
Буров, партийный руководитель – 57
Буров-Петров, коммунист – 634
Бутенин М.А. – 456
Бутенко Я.С. – 86, 281
Бухараев В.М. – 30
Бухарин Н.И. – 37, 83, 98, 106, 121, 155, 167, 170, *197*, *199*, *206*, 224, 313, 335, 341, 344, 351, *366*, 376, 386, 397, 414, 454, 585, *586*, 660, 713, 717
Бухарин Т.А. – 526
Буянов, комсомолец – 381
Быкадоров Ф.Е. – 519
Быков, большевистский функционер – 577
Быков, рабочий – 453
Быстрянцева Л.А. – 160
Бюхнер Г. – 180

Вавилов Н.И. – 200
Вагинов К.К. – 25, *39*, 67, *68*, *154*, *180*, *238*, 331, *338*, *404*, *413*
Ваисов Г. – 618
Ваисов С. – 618
Вайнштейн А.Л. – 255
Ваксер А.З. – 44
Валеев Р.К. – 617
Валентинов (Вольский) Н. – *79*, *80*, 83, *84*, *323*
Валин В. – 162, 392
Вандервельде Э. – 402
Ванцетти Б. – 543
Ван-Ю-Шан – 519
Вардин И. – 567

Варшер Т.С. – 29, 74, 282, 308, 333, 551
Василевский Л.А. – 76, 355, 364, 449, 672
Василевский Л.М. – 76, 137, 237, 355, 364, 365, 449, 452, 453, 654, 666, 670–672
Василенко С.Н. – 180
Васильев М.В. – 294
Васильев Ю.А. – 254
Васильев-Дигамма М.Н. – 718
Васильевский В. – 278
Васильевы, братья – 139
Васильцов И.Т. – 509
Васнецов А.М. – 31, 172
Васнецов В.М. – 31, 33, 172
Васюков Т.А. – 73
Ватлин А.Ю. – 84, 585
Вахитов В. – 727
Вахитов Г. – 619
Введенский А.И. – 133, 191, 331, 479, 495
Величко А.Ф. – 324
Вересаев В.В. – *84*, 204, 303
Верн Ж. – 39
Вернадский В.И. – 87, 122, 127, 183, 200, 292, 321, 357, 384, *423*, 497
Верт Н. – *13, 145, 375, 394, 417, 561, 605*
Вертов Д. – 139
Верховский А.И. – 108
Верховский Ю. – 29
Веселов И. – 555
Веселовский С.Б. – *22, 62, 118, 136, 194, 208, 253, 299, 306, 336, 431, 439, 440, 445, 447, 501, 525, 527, 530, 538, 727*
Ветка М.И. – 276
Вечорко А.В. – 163
Виленкина Р.Г. – 664
Вильямс П. – 34, 450
Виноградов В.К. – 716, 717
Виноградов П.И. – 508
Виноградов Ю. – 37
Виттенбург Е.П. – 44, 345
Вишневский В.В. – 70, 405
Вишневский С.К. – 86, 281
Владимир (Путята), архиепископ – 477
Владимиров В.Н. – 408
Власов С.Г. – 558
Внуков Р.Я. – 664
Водопьянова З.К. – 570
Войков П.Л. – 73, 114, 414, 416, 516
Войтиков С.С. – 533
Волжский А. – 435
Волков А.И. – 554
Волков Е.В. – 168, 402
Волков, коммунист – 579
Волков И., комсомолец – 508
Волков О.В. – 318, 342, 343, 395, 430, 442, 444
Волков С. – 594
Володин М. – 488
Волосник Ю.П. – 431, 445, 461
Волошин, крестьянин – 470
Волошин М.А. – *134, 181*
Вольнов Б. – 341
Вольский А. (Махайский В.К.) – *198*
Воробьев А. – 372
Воровский В.В. – 84, 414
Воронина О.А. – 192
Воронко, начальник милиции – 540
Воронов С.А. – 171, 172
Воронский А.К. – 26, *27*, 131
Ворошилов К.Е. – 33, 42, 73, 87, 106, 131, 157, 161, 168, 169, 211, 226, 230, 262, 287, 310, 317, 324, 329, 345, 367, 369, 410, 472, 536, 584, 596, 600, 602, 604, 605, 611, 676, 686, 689, 699, 710, 725
Воскресенский П.А. – 245
Востриков Н.И. – 309
Вострухина, проститутка – 542
Врангель П.Н. – 102, 119, 323, 402
Вуколовиз С.А. – 506
Вырпаев, коммунист – 541
Высогамский Н.Г. – 428
Вышинский А.Я. – 430, 431
Вязлов К. – 177
Вязовский И.К. – 121

Габзелимовы, братья – 599
Гавлин М.Л. – 69
Гагарин А. – 141, 191, 260, 277, 296, 352, 377, 446, 465, 466, 469, 482, 495
Гадзиян М.А. – 507
Гайдар А. – 130, 188
Галас М.Л. – 731
Галдилин И. – 184
Галкин И. – 361
Гальперин, комсомольский руководитель – 373
Гамалей Н.Ф. – 199

Ганецкий (Фюрстенберг) Я.С. – 502
Ганин А.А. – 240, 337
Гардин В.Р. – 139
Гастев А.К. – 177–*179*, 671
Гатагова Л.С. – 53, *242, 457, 605, 638, 639, 643, 704*
Гатауллина-Апайчева И.А. – 46, 76, 218, 224, 228, 255, 256, 259, 339, 360, 409
Гачева А.Г. – 87
Геворкянц А. – 147
Гейне Г. – 156
Гейцман И.М. – 718
Геллер Л. – 301
Геллер М. – 310
Гельман И. – 362
Гельмонт А. – 656
Генис В.Л. – 728
Геокленов С. – 636
Герасимов М. – 151
Герд В.А. – 304
Гернет М.Н. – 443
Герцен А.И. – 173, 348
Герцыг Е. – 28, 117, 320
Гершензон М.О. – 88
Гехт С. – 28, 160, 166, 305, 433, 441
Гецци Ф. – 544
Гильбо А. – 67
Гильдендорф, профсоюзный деятель – 144
Гинденбург П. фон – 421, 674
Гинзбург Л. – 25, 30, 67, 77, 125–128, 130, 157, 309, 331, 366, 376, 679
Гинзбург М. – 175
Гинсяк З. – 438
Гиппиус З.Н. – *66, 590, 720*
Гирис К.И. – 81, 653
Гирса Й. – 126, 321, 426, 545, 708, 713
Гирштейн, автор письма – 120
Гладков, инспектор труда – 530
Гладков Ф. – 303, 546
Гладышев Д.А. – 272
Гладышева, комсомолка – 378
Глазман М.С. – 98
Глазунов С. – 340
Глебкин В.В. – 158, 192, 674
Глебова Т. – 34
Глезеров С.Е. – 128, 155
Глейх Г.А. – 513
Глиэр Р. – 165
Гоглов А., свящ. – 189, 275, 489
Гоголь Н.В. – 130, 141, 315, 551
Годава Л. – 729
Голанд Ю.М. – 268, 269
Голейзовский К.Я. – 179
Голиков, автор письма – 269
Голицын С.М. – *48, 314, 329, 353, 387, 407–409, 460, 565, 610*
Голомшток И.Н. – 35
Голосовский С. – 52, 492, 494, 731
Голубев А.В. – *112, 114, 223, 250, 293, 294, 412, 417, 421–424, 427, 447*
Голубинский Д.Ф. – 382
Голубицкий, инвалид – 273
Голубкина А.С. – 31, 172
Голышкин В.Ф. – 630
Гольденберг И.П. – 502
Гольденгорн, студент – 241
Гольдони К. – 135
Гольцман А. – 177
Гончаров А.Д. – 34
Гончарова И.В. – 152, 187, 193, 274, 463, 467
Гончарук К. – 452
Горбатенко Д.Ф. – 703
Горбунов А. – 103
Горбунов В.В. – 215
Горбунов Н.П. – 97
Гордеев, священник – 384
Гордеева И.А. – 50, 51
Гордин А.Л. – *198*
Гордин В.Л. – 198, 219, 544, 573
Горелов Г.Н. – 173
Горемыкин И.Л. – 313
Горинов М.М. – 10, 450, 477
Городецкий С.М. – 42, 314, 315
Горшечников Т. – 573
Горький М. – 23–25, 63, 97, 98, 131, 139, 195, 245, 312, 314, 316, 317, 348, 388, 544, 586, 658, 684, 712
Горяева Т.М. – 143, 185, 655
Готкин А. – 92
Готье Ю.В. – *302*
Гофман Э.Т. – 130
Гоцинский Н. – 604, 605
Гоцци К. – 135
Грабарь И.Э. – 34
Грачев, коммунист – 542
Гребениченко С.Ф. – 563, 676
Грек-Гапонов С.Д. – 149
Греков М.Б. – 169, 173
Грехова Н.Н. – 262
Гречишкин С.С. – 126
Григоров Г. – 98

Григорович Д.П. – 345
Григорьев, крестьянин – 271, 511
Григорьев А. – 329, 679
Григорьев Б.Д. – *23, 27, 29, 37, 40*, 173, *205, 252*
Грицкий Б.И. – 113
Грицко А.Р. – 102
Грицько, коммунист – 556
Гришаев, советский работник – 486
Гришин, автор письма – 438, 468, 472
Гришин Г. – 159
Гришкин И.В. – 556
Гришко В. – 653, 659
Грозный-Левчинский Я.Л. – 685
Грозный-Сафес А.Г. – 685
Гройсман М. – 222
Громан В.Г. – 341, 343
Гронов Ю. – 39, 439
Гросскопф В. – 531
Гроссман Л.П. – 171
Грузинов И.В. – 28
Грум-Гржимайло В.Е. – 226, 347
Грушевский М.С. – 200
Грэхэм Л.Р. – 197, 347
Грязнов И. – *377*
Губарев Т. – 595
Губкин И.М. – 457
Гувер Г. – 489
Гудзий Н.К. – 71
Гужаловский А. – 651
Гуков А. – 513
Гумеров Л.А. – 357
Гумилев Н.С. – 23, 308
Гумилевский Л.И. – 362
Гургенидзе Г.М. – 147
Гуров А.И. – *443*
Гусев А.В. – 267, 546, 547
Гусев С.И. – *368*
Гюнтер Г. – 729

Да Винчи Л. – 88
Давид-оглы, бывший коммунист – 121
Давлетукаев, помощник прокурора – 643
Давыдов А. – 407
Давыдов А.Ю. – 260
Давыдов И.Т. – 511
Давыдов Ф.И. – 469
Дайлидонис М.К. – 111
Далгатов А.Г. – 52, 125, 228, 240, 408, 425, 485, 493, 495, 496, 498, 589, 591
Далгатов Г. – 133, 476, 477
Дамье В.В. – 544
Данилевский Н.Я. – 111, 680, 715
Данилов В.Г. – 245
Данилова, учительница – 73
Даньшев, комсомолец – 104
Даутоков-Серебряков З. – 600
Двойных, автор письма – 452
Деборин А.М. – 344
Дейнека А.А. – 34, 129, 172, 666
Делерт Д. – 149
Демидов А.Г. – 297
Демидов К. – 276
Демидов М.Н. – 224
Демин П.И. – 145, 695
Демичев-Сосновский Ф.П. – 223
Демчик Е.В. – 439, 546
Демяненко И.Р. – 223
Дени В.Н. – 236, 402, 478
Деникин А.И. – 102, 273, 323, 358, 420, 493, 503, 542
Денисов И.Д. – 274, 468
Депретто Ж.-П. – 222, 251, 272
Дерибас Т.Д. – 591
Деханов Н.В. – 428
Джанджугазов А.М. – 147, 513
Джунаид-хан (Мухаммад Курбан Сердар) – 621, 636
Джунковский В.Ф. – 344
Дзевалтовский И.Л. – 728
Дзержинский Ф.Э. – 45, 61, 92, 94, 95, 99, 108, 124, 125, 133, 143, 162, 169, 183, 197, 211, 213, 223, 226, 288, 304, 307, 319, 323, 324, 353, 357, 358, 392, 394, 398, 400, 428, 430, 435, 445, 450, 454, 477, 502, 517, 525, 526, 532, 533, 567, 568, 570, 574, 579, 585, 601–603, 665, 716
Дзюба М. – 484, 485
Дидик Д.М. – 283
Дик И.О. – 647
Дикой Г.Е. – 290, 294
Диллон Э.Д. – 690
Диманштейн С.М. – 647
Дитрих Г.С. – 666
Дмитренко В.П. – 12, 257
Дмитриев, военнослужащий – 539
Дмитрий Донской – 160
Добренко Е. – 656
Добужинский М.В. – 31
Довгаленко И.А. – 515
Довженко А.П. – 140, 322, 382

Додолин, комсомолец – 235
Долгих Г.Г. – 540
Долгов И. – 89, 448
Долгоруков В.Н., князь – 408
Долгоруков П.Д. – 414, *418*, 462, *463*
Должанская Л.А. – 544
Долинский С. – 86
Домбровский, комсомолец – 376
Донсков Т. – 416
Дорлиак К.Н. – 408
Доронин И.И. – 163
Дорофеев А. – 183
Доскаль-Эссирний Н.А. – 542
Достоевский Ф.М. – 91, *92*, 211, 367
Драбилин, военнослужащий – 539
Дубинин, коммунист – 416
Дубошинский Н. – 218
Дугин А. – 174, 384
Дугин А.Г. – 715
Дудин, автор письма – 451
Дудкин М.Н. – 224
Дудников В.Ф. – 648
Дулатов М. – 629
Дульнев, советский работник – 528
Думенко Р.В. – 80, 230
Дунаевский И.О. – 49
Дункан А. – 664, *729*
Дургарян, советский служащий – 503
Дутов А.И. – 232
Духан И. – 31
Духопельников В.М. – 270
Душевский Е. – 343, 344
Дыбенко П.Е. – 708
Дыманнов В.Л. – 428
Дычкин, селькор – 469
Дьяконов И.М. – 364
Дьяченко Я.С. – 551
Дюкло Ж. – 121
Дюков Г.В. – 526
Дюран Д. – 136, 149, 258, 280, 354, 363, 468, 492, 494, 667, 711, 731
Дюркгейм Э. – *91*

Евграфов Н. – 34
Евшамонов Л.Е. – 283
Егорлин, коммунист – 542
Егоров А.В. – 22
Егорченков, милиционер – 498
Ежов Н.И. – 46, 313, 630
Екатерина I – 566
Екатерина II Великая – 176, 180, 553
Елагин Ю. – 25, 49, 71, 135, 177, 313, 324, 332, 342, 404, 408, 431, 665
Елизавета Петровна – 176
Елисеев В.С. – 238
Елшин Г.А. – 552
Ельчанинов А. – *731*
Емельянов, коммунист – 442, 588
Енукидзе А.С. – 33, 126, 389, 676
Енчмен Э. – *198, 216*
Епихин А.Ю. – 533, 564
Еремеев П.Д. – 95
Еремин Б.А. – 670
Ермилов В. – 340
Ерыпалов П. – 267, 326
Есаков В.Д. – 344
Есенин С. – *24, 25, 27*, 28, 46, 60, 67, *151*, 153, 170, 183, *216*, 301, 310, *315*, 331, *337*, 363, 366, 367, 376, 377, 386, 481, 517
Ефимов Б. – 470
Ефимов И.Е. – 438
Ефремов С.А. – 591, 610, 615

Жак-Делькроз (Далькроз) Э. – 127, *128*, 664
Жаров А.А. – 163
Жбанов Р.С. – 104
Жданов А.А. – 247
Жебелев С.А. – 346
Жегалев И.Ф. – 245
Жига И.Ф. – 288
Жидков В.С. – 134, 135, 180, 404, 674
Жидков Т.Е. – 731
Жижек С. – 17
Жиленков М.М. – 167
Жиромская В.Б. – 299
Жлоба Д.П. – 292
Жолтовский И.В. – 175, 176
Жуков И. – 199
Жуков, коммунист – 528
Жуков С.П. – 474
Жукова Е. – 80, 112
Жуковский Д. – 320
Жунейт, хан – 427
Жупикова Е.Ф. – 600, 605, 642, 643
Журавлев И.М. – 410
Журавлев С.В. – 8, *13, 39, 354, 439, 569*
Журавлева М. – 303

Забежанский И.П. – 102
Забелло И. – 224
Заболоцкий Н. – 130, 331, 332

Завойко В.С. – 457
Заволока С.С. – 111
Загорский – 577
Загорулько Ф.Е. – 242
Зайдинер В.И. – 256, 270, 285, 475
Зайцев Б.К. – *66*, 318, 328
Зайцев В. – 509, 510
Зайцев М.К. – 397
Зайцев П.Н. – 71, 172, 195, 202
Закликовская С. – 34
Залкинд А.Б. – *64, 90, 140, 212, 364, 452*, 655, *665, 667*
Заломов П. – 245
Замятин Е. – *24, 25*, 28, 29, *66, 75, 76*, 195, *657, 660, 661*
Занчейша А.И. – 572
Заржецкий С. – 603
Зарипова Р.К. – 619
Зарубин А.Г. – 97, 396, 618, 628, 645
Зарубин В.Г. – 97, 396, 618, 628, 645
Зарубинский, учитель 376
Заховаева А.Г. – 90, 137, 140, 151, 386, 420, 460, 531
Зашихин А.Н. – 118
Защук И. – 414
Заяцкий С.С. – 693
Збарский И.Б. – 661
Звирбул, б. партизан-коммунист – 123
Зелинский Н. – 105
Зельцер А. – 13, 387, 591, 593, 612, 617
Земенский И.Н. – 105
Землянский И.Ф. – 148
Землячок (Самойлов) Р.С. – 97
Зенин А. – 509
Зенушкин И. 573
Зима В.Ф. – 8, *33, 228, 290, 291, 304, 321, 346, 500, 706, 721*
Зимин Я.Г. – *99*
Зимирев М.А. – 274
Зинкевич Т. – 455
Зиновьев Г.Е. – 39, 37, 97, 99, 161, 162, 165, 167, 225, 230, 231, 233, 234, 257, 281–283, 308, 336, 369, 377, 380, 445, 452, 453, 456, 469, 493, 502, 506, 515, 516, 550, 573, 574–580, 583, 585, 594, 596, 620, 660, 704, 707, 713
Злинченко – 61
Змановский Н.Н. – 279
Змерзлый Б.В. – 628
Зозуля Е.Д. – 124
Золин П.М. – 54
Золотарев, коммунист – 540
Золотарев С.А. – *349*
Золотарьов В.А. – 685
Зорин М. – 388
Зотов, руководитель скаутов – 399
Зотов И.Г. – 446
Зотов М.А. – 297, 298
Зощенко М. – 39, 309, 322, 566, 656, 657
Зубов В.П. – *137*, 194, *211, 651*
Зубов Е.А. – 408

Ибрагимов, инструктор ЦК РКП(б) – 637
Ибрагимов В. – 627, 628
Ибрагимова Д.Х. – 185, 192
Ибсен Г. – 135, 156
Ибурихметов, крестьянин – 499
Иваненко Д.Д. – 199
Иванов А. – 496
Иванов А., автор письма – 538
Иванов Алеша, рабочий – 374
Иванов Вяч. – 134
Иванов В.А. – 409
Иванов В.В. – 436, 705
Иванов В.И. – 451
Иванов Г. – 183
Иванов И. – 582
Иванов И.А. – 163
Иванов И.И. – 172
Иванов И.С. – 471, 472
Иванов Н. – 449
Иванов П.В. – 550
Иванов П.Н. – 529
Иванова М.А. – 551
Иванов-Разумник Р.В. – *65*, 66, 71, 77, 88, 101, 158, 160, 161, 172, 195, 196, 201, 668, 673, 683
Игошин А. – 511
Изварин В.А. – 102
Измозик В.С. – 9, 46, 65, 149, 167, 187, 219, 275, 287, 289, 312, 523, 651
Израилев В. – 110, 112
Икэда Ё. – 82, 170
Илиодор (Труфанов С.М.), иеромонах – 112, 482
Ильина И.Н. – 155, *185, 685*
Ильинскии И.В. – 70, 71
Ильф Илья, писатель – 38, 88, 159, 176, 177, 239, 330, 362, 407, 441, 450, 487, 491, 549, 638
Инбер В.М. – 531
Иоанн Кронштадтский (Сергеев И.И.) – 396, 493

Иомудский К.-хан – 636
Иорамишвили Н. – 104
Иорданский Н.И. – 654
Иоселиани Е.Г. – 640
Иоффе А.А. – 100, *165, 357*
Ипатьев В.Н. (Ipatjeff V.N.) – 728
Ирошников М. – 711
Ирский А. – 600
Исаев И.А. – 432
Исаков С. – 102
Истомин К.Н. – 34
Исхаков С.М. – 8
Ишлонский Н.Е. – 171
Ищеев П.П. – 311

Кабаков Е. – 219
Кабаков И.Д. – 224, 306, 335, 520
Кабанов В.В. – 266, *293*
Кабо Е.О. – 188, 217
Кабытов П.С. – 296
Каверин В. – 70
Каганович Л.М. – 78, 224, 278, 335, 485, 512, 545, 555, 557, 581, 585, 610, 613, 614, 622, 625, 699
Кагин, рабочий – 583
Кадыров А., советский работник – 643
Кадыров А., студент – 623, 624
Казаков М.Э. – 121
Казнина О.А. – 87
Кайши Чан – 114, 427
Калинин М.И. – 18, 73, 83, 87, 89, 117, 145, 154, 167, 169, 182, 184, 191, 193, 208, 229, 241, 242, 244, 262, 265, 266, 269, 270, 272, 277, 282, 368, 370, 374, 383, 389, 449, 456, 468, 494, 509, 516, 536, 539, 550, 551, 553, 574, 593, 623, 633, 634, 644, 658, 660, 668, 696
Калинников И.А. – 197
Калмыков Б.Э. – 641, 642
Калмыков И. – 234
Камалова Г.Т. – 326
Каменев (Лютик) А.Л. – 383
Каменев Л.Б. – 29, 36, 45, 77, 83, 99, 150, 167, 183, 225, 230, 234, 311, 314, 315, 316, 376, 383, 515, 573, 576, 578, 579, 580, 585, 594, 596, 607, 608, 621, 660, 665, 687, 704, 707
Каменева О.Д. – 29, 311
Каменский В.С. – 24, 177, 655, 664
Канетти Э. – 724
Кантарович В. – 642
Канцелярский П. – 211, 241, 429, 589, 611
Канчагин, коммунист – 540
Каплан Ф. – 122
Капрало А. – 630
Каптерева-Шамбинаго Т.П. – 88, 180, 318, 408
Капустян А.Т. – 295, 601
Капчинский О.И. – 319
Карабаев В.А. – 251, 252
Карасев П.Е. – 519
Каратыгин Е.С. – 251
Карахан Л.М. – 161
Каргин А.Л. – 114
Карев А.Е. – 34
Карелин, учитель – 320
Каржанский Н.С. – 188, 481
Карохин Л. – 240
Карпинский А.П. – 176, 345
Карпов Пимен – *26, 481,* 672
Карпов П.К. – 101
Карпов С. – 32
Карпова Г.Г. – 186
Карташов А.В. – 479, *480*
Касаткин Н.А. – 33
Касаткин, священник – 487
Касимов, служащий – 558
Катаев В. – 45, 63, 130, 433, 467
Катаев И. – 685
Катанян В.А. – 23, 85, 178, 203, 566
Катерли Н. – 44, 204
Катин Т.Л. – 691
Каутский К. – 113
Кафка Ф. – 9, 714
Каценеленбаум З.С. – 341
Кацман Е. – 329
Кацман И. – 530
Квакин А.В. – 47, 304, 305, 319, 457, 567
Квиташвили А.К. – 147
Кедров М.С. – 254
Кедров Н.Г. – 188, 257, 300, 473, 475, 479, 492, 725
Келли К. – 665
Кембель И. – 596
Кен О.Н. – *709*
Кёнен Г. – 67, 95, 129, 164, 239, 479
Керенский А.Ф. – 33, 38, 220, 387, 394
Керзон Дж. – 112, 661
Кетлинская В.К. – 360
Ким П. – 622
Кинкулькин А.Т. – 75
Киприянова Н.В. – 190
Кирзнер А. – 267

Кириллов В.Т. – 671, 672
Киров С.М. – 168, 329, 390, 418, 639
Кирпичников А.И. – 534
Кирсанов С.И. – 24, 46, 435, 444
Киршон В.М. – *142*, 177, 340
Кирьяков, советский работник – 644
Киселева Е.Л. – 247, 545, 585
Киселев, коммунист – 540
Киченой, начальник милиции – 531
Кишкин Н.М. – 45
Клименко, докладчик – 576
Клименко С. – 235
Климов, крестьянин – 527
Клинберг Х. – 666
Клинкерман Г.А. – 409
Клычков С.А. – 151, 337
Клюев Е. – 448
Клюев Н.А. – 164
Клюн И.В. – *26, 35, 150, 178, 194, 330*
Ключников Ю.В. – 400, 567
Князев В.В. – 163
Князев Г.Ф. – *21, 38, 66, 76–78, 98, 118, 188, 206, 210, 302, 303, 308, 321, 328, 336, 337, 339, 361, 422, 475, 478, 525, 532, 538, 588, 592, 717*
Князев Н.И. – 408
Кобалевский Д.Б. – 25
Ковалев, рабкор – 373
Ковалев Д.В. – 253, 285
Ковалев И.И. – 633
Ковалевская Е.Н. – 718
Ковнатор Р. – 187
Коган П.С. – 88, 117, 170
Кодин Е.В. – 701
Кодылев А.В. – 701
Кожевникова М. – 645
Кожухаренко К. – 283
Козинцев Г.М. – 140, 141
Козинцев Ф.М. – 592
Козлов В.А. – 141, 296
Козлова Н.Н. – 11
Козловский Т.Н. – 75
Козырев М.Я. – 129, 693
Коковцов В.Н. – 301
Кокоулин В.Г. – 38
Коледин А. – 231
Колесников Я.С. – 263, 675
Колленберг Г.Л. – 110
Колленберг Л.Л. – 110
Коллонтай А.М. – *60*–62, 69, 136, 186, 219, 568
Кологривский (Касаткин) И.М. – 272, *284*
Колосов М. – 79, 159, 204
Колчак А.В. – 104, 160, 232, 250, 323, 394, 401, 402, 467
Колычев (Сиркес) О.Я. – 159
Кольцов М.Е. – *40*, 53, *54*, 192, *193, 210, 237*, 301, *302*, 446, *451, 529*
Комарный, автор письма – 74
Кондратьев, инженер – 428
Кондратьев И.И. – 272
Кондратьев Н.Д. – 45, 341
Кондратьев П.М. – 34
Кондратьева Т.С. – 344
Кондрушкин И.С. – 439
Коненков С.Т. – 389
Конин А. – 177
Конкин С.С. – 419
Конкина Л.С. – 419
Коновер И. – 640
Константинов А. – 559
Константинов П. – 672
Коншин А.И. – 560
Коньков И.С. – 519
Кооп Б. – 646
Копылов И.Л. – 330
Корбут М.К. – 391
Корезов Ф.Г. – 577
Коржихина Т.П. – 28, 58, 156, 322
Корин П.Д. – 172
Корк А.И. – 708
Коркмасов Д. – 604
Корнаковский И.Л. – 114, 155, 157, 221, 222, 246, 436, 711
Корнилов Г.И. – 511
Корнилов Л.Г. – 220, 232, 402, 457
Корноухова Г.Г. – 460
Коробьин Ю. – 176
Коровин К.А. – 31, 172
Королев С.А. – *651, 652*
Королева В.А. – 142, 177
Короленко В.Г. – 45, *437*
Корольков, б. прокурор – 105
Корчик (Кортчик) И. – 435
Косиор С.В. – 597
Костенко В. – 428
Костылева, вдова коммуниста – 272
Костяков Н. – 554
Котляр Д. – 611
Котовский Г.И. – 193
Кочепасова Т.Ю. – 46
Кочетков И.В. – 725
Кочетков Н.В. – 554
Кошурин, советский работник – 271, 511

Коэн А.Й. – *185*
Крапивин М.Ю. – *52, 133, 408, 425, 476, 477, 479, 483, 493, 495, 496*
Красиков П.А. – 476, *484, 659*
Красильникова Е.И. – *85, 193*
Красин Л.Б. – 89, 90, 327, 480, 501
Красницкий Г. – 133
Краснощеков А.М. – 446
Красовицкая Т.Ю. – *187, 200, 346, 655*
Кратов Е.В. – *157, 600, 603, 605*
Краус Т. – 13, *196, 576, 680*
Крачковский И.Ю. – 308
Кремлев-Свен И.Л. – *135*
Крестинский Н.Н. – 678
Кречет, советский работник – 472
Кржижановский, рабочий – 231, 344
Кригер-Войновский Э.Б. – *456*
Кристи М.П. – 164
Кромвель О. – 158
Кроммелинк Ф. – 71
Кропоткин П.А. – 348, 544, 719
Круль Г. – *52, 492, 494, 731*
Крупская Н.К. – 50, 106, 283, *298*, 304, 389, 408, *467*, 531, 579
Крусанов А.В. – *70, 197*, 203, *204*
Крученых А.Е. – *330*
Кручинский М.А. (Шуфф (Шуф) М.А.) – 108
Крыленко Н.В. – 97, 208, 323, 676
Крылов Д.Д. – 311
Крылов К.Д. – 86
Крюков Т.Т. – 695
Кудайкулов, большевистский функционер – 634
Кудахтин М.М. – 295
Кудюкина М.М. – *182, 290*
Кузнецов А.И. – *41, 517, 531, 682*
Кузнецов А.М. – 456
Кузнецов А.Н. – *55, 517*
Кузнецов Г.С. – 573
Кузнецов И.А. – *182, 184*
Кузнецов П.В. – 34
Куйбышев В.В. – 85, 98, 287, 347, *538*
Куколь В.И. – 241
Кукушкин В.Л. – *260, 270, 297, 471, 474, 517, 682*
Кулагин Г.А. – *10*
Кулешов Л.В. – 138
Куликов К.И. – *599, 648*
Куликова Г.Б. – *425, 641, 683, 729*
Кулов А. – 634
Кульпина Ю.Э. – 666
Кульчицький С.В. – *601*
Курек Н.С. – *655*
Куренышев А.А. – *45, 259*
Курепин А.А. – *319*
Кур-Королев К. (Kuhr-Korolev C.) – *13, 64, 96, 352, 360, 367, 377, 483, 519, 662, 665, 666*
Курляндский И.А. – *50, 132, 189, 248, 297, 320, 379, 420, 425, 458, 478, 480, 481, 485, 491, 495, 497, 499, 610, 660, 662, 710*
Курнаков Н.С. – 199
Курочкин, крестьянин – 265
Курский Д.И. – 687
Курчеев А.И. – 401
Курьянов Д.В. – 106
Кусиков А.Б. – 28
Кускова Е.Д. – 45, 242
Кустодиев Б.М. – 25, 31
Кутлер Н.Н. – 424

Лабас А.А. – 34
Лавров А.В. – *123*
Лавров Б.Ю. – 600
Ладовский Н.А. – 175
Ладыженский, инженер – 428
Лазаревский Н.И. – 308
Лакоба Н.А. – 641
Лапаксин П. – 265
Лапик-Впередов, автор письма – 455
Лапина К.В. – *178*
Ларин (Лурье М.А.) Ю. – *55*, 56, 68, *90*, 165, 209, *238*, 242, 337, 400, *432*, 589
Ларионов, совслужащий – 410
Ларсонс М.Я. – *202, 305, 336, 501*
Лассаль Ф. – 180
Лашевич М.М. – 231, 235, 453
Лашманов М.М. – 557
Ле Корбюзье – 175
Лебедев, профсоюзный деятель – 329
Лебедев В. – 165
Лебедев Л.В. – 107–109
Лебедев С. – 505
Лебзин А. – *155*
Лебина Н.Б. – *9, 11, 46, 56, 58, 60, 62, 65, 149, 161, 167, 175, 187, 212, 218, 275, 298, 434, 439, 669, 678*
Левидов М.Ю. – *306*
Левин М. – *505*
Левина Ж.Е. – *34*
Левитан, студент – 358

Лежнев И.Г. – *63*, 131, 305, *467*
Лейкин А.Я. – 52, 408, 425, 493, 495, 496
Лейтнеккер О. – 654
Лейцингер Я.Ф. – 468
Ленин В.И. – 9, 10, 22, 33, 36, *45*, 46, 51, *59*, 67, 74, 78–87, 89, 94, 95, 119, 122, 135–137, 144, 148, 150, 158–167, 169, 173, 174, 178, *179*, 183, 184, 188, 200, 202, 204, 208, 212, 225, 230, 246, 248, 253, 254, 259, 265, 271, 281–283, 290, 300, 307, 315, 324, 327, 330, 350, 369, 372, 379, 383, 389, 390, 392–394, 400, 401, 422, 444, 455, 457, 458, *461*, 477, 478, 482, 492–494, *501*, 502, 516, *524*, 526, 553–556, 566, *567*, 569, 574, 576, 580, 585, 587, 593, 595, 596, 598, 599, 601, 602, 607–609, 620, *650*, 653, 656, 660, 662, 664, 665, 667–669, 686, *687*, 689, 690–692, 698, 700, 702, 710, 716, 718, 721, 722, 730, 732
Лентулов А.В. – 32, 34
Леонов Л.М. – 183, 693
Леонтьева Т.Г. – 8, *136, 191, 275, 485*
Лермонтов М.Ю. – 176
Лернер Н.Н. – 180
Лерш Э. – 32, 179
Леховицер, служащий – 581
Лешков Д.И. – *70, 164, 177, 406*
Лешукова Л.Д. – 146
Либкнехт Т. – 402
Либкнехт К. – 173, 402
Лившин А.Я. – 18, 78, 181, 184, 437, 674
Лившиц Б.К. – *331*
Лидин К.Л. – 173
Лидэ А.М. – 97
Лин И. – 165, *407*
Линник, б. коммунист – 379
Линский К.С. – 95
Липин А. – 225
Лисичкин, б. помещик – 463
Литвак К.Б. – *11, 40, 42, 56, 136, 264, 266, 268, 277, 283, 287, 296, 352, 510, 517, 653, 662, 676, 704*
Литвин А.Л. – 391
Литвинов М.М. – 45, 426
Литвишко М.В. – 89
Литовский О.С. – *180*
Лобов С.С. – 448
Лозбенев И.Н. – 227, 229, 244, 395, 418, 464, 465
Ломоносов Ю.В. – 325
Лоренц К. – 573
Лосев В. – 317
Лосский Б.Н. – *356*
Лосский Н.О. – 87
Лубков В.С. – 731
Лукин С. – 505, 588
Луначарский А.В. – 28, 32, 36, 42, 45, 61, *62*, 70, 85, 134, *137*, 150, 167, 170, 275, 309, 323, *324*, 330, 390, 403, 406, 437, 463, 476–477, 480, 497, *567*, *626*, 658, 660, 662, 668, 675, 677, 678, 681, 683
Лунов, рабочий – 433
Лунц Л.Н. – *25, 46, 72, 128*, 130, 141, *316, 589, 681, 684, 712*
Лурье С. – 346
Лурье Я.С. – 340, 459
Лутовинов Ю. – 98
Лухманов Н. – 141
Лычагов М. – 450
Львов В.Н. – 457
Лютов Л.Н. – 83, 209, 215, 220, 224, 228, 229, 231, 244, 248, 249, 251, 388, 402, 471, 483, 516, 527, 543
Лютый, рабочий-коммунист – 556, 685
Ляшко Н. – 231

Магутин, служащий-коммунист – 540
Мазырин А.В. – 479, 481
Майдель Р. фон. – 201
Макаревич А.М. – 13, 236, 325, 462, 577, 586
Макаренко А.С. – 666
Макаренков Д.И. – 451
Макаров В.Г. – 93, 155, 310, 328, 350, 358, 395, 406, 533, 568–570, 572, 683
Макаров В.Т. – 578
Макаров Ю.Н. – 133, 476, 477, 479
Мак-Ки А. – 42
Маковой П.П. – 462
Маковский И.В. – 646
Максименков Л.В. – 17, 25, 593, 697
Максури, торговый служащий – 540
Малашкин С.И. – 351, 362
Малевич К.С. – 31, 35
Маленков Г.М. – 356
Малов Ф. – 422
Малышева С.Ю. – 118, 154, 156, 175, 356, 620
Малышкин С. – 117, *159*
Малютин С.В. – 31, 33, 172

Малявин Ф.А. – 192
Мамардашвили М.К. – *72, 202*
Манаев, большевистский руководитель – 635
Мандельштам Н.Я. – *120, 306, 311, 313, 322, 663*
Мандельштам О.Э. – 23, *127*, 128, 132, 303, 310, 322, 467, 691, *712*
Манизер М.Г. – 174
Мансурова Ц.Л. – 313
Мануильский М. – 406
Манькевич А.А. – 74, 160, 295, 528, 564
Маньков А.Г. – 656, *657*
Мариенгоф А.Б. – 28, 46, 48, 303, 404
Марискин О.И. – 256
Марков Г. – 388
Маркосян Г.М. – 222, 255, 271, 441, 450, 487, 524–527, 529, 531–533
Маркс К. – 38, 173, 239, 258, 274, 275, 347, 544, 550, 555, 590, 711, 723
Маркус С.Л. – 418
Марр Н.Я. – 45, 85, 176, 200
Мартов Ю.О. – 567
Мартынович К.К. – 728
Марудко, б. партизан-коммунист – 123
Марусенко, красноармеец-комсомолец – 368
Марчуков А.В. – 28, 240, 255, 266, 294, 300, 378, 429, 438, 470, 524, 556, 580, 590, 591, 606, 609–612, 615
Масс В.З. – 355
Матвеев, директор предприятия – 554
Матвеев П. – 490
Матиас Л. – 67
Маторин Н.М. – 662
Матч Э. – 538
Матюхин М. – 244
Мау В.А. – 12
Махайский В.К. (А. Вольский) – 198
Махно Н.А. – 113, 231, 232, 544, 571
Машков И.И. – 34
Маяковский В.В. – 23, 24, 26, 30, 35, , 36, 39, 43, 60, 69, 85, 87, 134, 139, 163, 165, 178, 196, 203, 303, 309, 314, 331, 403, 566, 586, 681
Мгебров А.А. – 696
Мдивани П. (Буду) Г. – 608
Меандров И. – 243
Медведев И.Г. – 274
Медеубаев Е.И. – 599
Меерович М.Г. – 173
Мейер А.А. – 418
Мейерхольд В.Э. – 60, 69–72, 128, 130, 137, 139, 311, 677
Мекк Н.К. фон – 324
Мелентьева Ю.П. – 42
Мельник А. – 505, 521, 529
Мельников К.С. – 175
Мельников Ф. – 584, 595
Мемводов И. – 276, 523
Мендешев, казахский политик – 629
Менжинский В.Р. – 124, 318, 417, 426
Меннингер А. – 646
Меньшой А. – 164
Мережковский Д. – 29
Мериме П. – 135, 180
Меркулов С.Д. – 169, 202
Меромская-Колькова Ц. – 654
Меряшкина М.В. – 186, 275
Месснер С. – 729
Метревели О. – 607
Мехлис Л.З. – 146
Мехоношин К.А. – 254
Мечев С. – 47
Мешков В.Н. – 33
Миклашевская Л. – 44, 58, 69, 128, 150, 171, 194, 204, 309, 338, 585, 586
Микоян А.И. – 168, 286, 371, 416, 580
Микулина Е. – 248, 249, 690
Микунис М.А. – 93, 95, 446
Мильчаков А.И. – *365*, 377
Милютин Г.С. – 106
Минаев М.А. – 553
Минаков С.Т. – 398, 418
Миндлин Э. – 181
Минин С.К – 379
Минин К. – 433, 598
Минкус М. – 688
Мирзугалиев (Мурзагалиев), казахский политик – 629, 632
Миронов Б.Н. – 43, 152
Миронова Т.П. – 257, 258, 266, 381, 454, 466, 470, 471, 474
Мирясов А.В. – 217
Митаев (Али-Митаев) – 604
Митрофанов Г., протоиерей – 476
Митрофанова, работница – 229
Михайлов В.С. – 428
Михайлова Е.Н. – 409
Михаэлис С. – 180
Михеев В.И. – 300, 394, 396, 398, 401, 417, 605, 643
Михеев М.Н. – 540

Мишагин-Скрыдлов А.Н. – 47, 49, 69, 134, 152, 332, 406, 408, 552, 651
Мишенькина Н.С. – 267, 284
Мишулович Г. – 679
Могилевский С.Г. – 431
Мозалевский В.И. – 693
Мозохин О.Б. – 401, 413, 534, 564, 688
Моисейчев К.Б. – 522
Мокеев В. – 295
Молотов В.М. – 18, 33, 87, 97, 99, 115, 145, 168, 172, 230, 264, 270, 341, 376, 377, 396, 417, 423, 458, 524, 547, 550, 567, 568, 576, 579, 581, 585, 632, 699, 713
Молчанов П. – 148
Моор Д.С. – 402
Мораньков, крестьянин – 282
Морозов В. – 266
Морозов К.Н. – 566, 567, 569, 571
Морозов Л.Ф. – 461
Морозова А.Ю. – 566
Морозова Н.А. – 351, 437, 721
Морозова О.М. – 93, 124, 236, 257, 273, 280, 292, 375, 413, 444, 473, 504, 507, 515, 543, 545
Москаленская Д.Н. – 191
Москвин М. – 234
Мосолов А.В. – 179
Мотин Ф. – 505
Моченников, бандит – 617
Мстиславский Н.Г. – 77
Мулюкин А.С. – 311
Муравьев В. – 87
Муравьев Н.К. – 298
Мурадов, автор письма – 639
Мурадов Х.М. – 636
Муратов, чекист – 540
Мурачев Д. – 52, 53
Мурзин С. – 577
Муслимов Г. – 620
Муссолини Б. – 585
Мустамбаев, автор письма – 631
Мухарямов М.К. – 618
Мухин М.Ю. – 8
Мухина В.И. – 34, 174
Мэтьюз М. – 36, 73, 273, 303, 332, 371, 449
Мюге С.Г. – 182
Мясников (Мясникян) А.Ф. – 431
Мясников Г.И. («Ганька») – 716, 717, 718
Мясников Д. – 262
Мятлян, б. коммунист – 379
Надеждина В.А. – 13, 57, 93, 222, 235, 254, 255, 261, 262, 264, 268, 272, 284, 285, 301, 320, 438, 461, 514, 522, 537–539, 553
Надсон С.Я. – 495
Назаров А.М. – 409
Наймушин С.Р. – 455
Налимов В.В. – 47, 127, 359
Наполеон I Бонапарт – 144, 158, 160, 166, 566, 567
Нариманов Н. – 94
Нарский И.В. – 43, 461, 475
Нарусбек Г. – 144
Натаров И.Г. – 228
Наумов, оппозиционер – 583
Наумова Е. – 146
Наурзбаев, большевистский руководитель – 622
Нахтигаль Р. – 606
Неверов А.С. – 663
Невзоров А.Н. – 577
Недобежкина М.С. – 160
Недоля (Лукьян) Л. – 70
Недоля-Гончаренко Л. – 26
Неженцев П.В. – 456
Нежигай Э.Н. – 210, 218, 512
Нежинский А.Н. – 578, 579
Неклесса А.И. – 694
Неклюдов, б. помещик – 464
Неклюдов И. – 291
Некрасов Н.В. – 424
Немирович-Данченко В.И. – 150
Непомнящий К.М. – 281
Нерар Ф.-К. (Nénard F.-X) – 17, 18, 294, 460, 508, 561, 565, 573, 672
Нестеров М.В. – *31, 172, 173, 674*
Нефедов С.А. – 255, 292
Нечаева М.Ю. – 162, 397, 418, 487
Никитин А.Л. – 47
Никитин В. – 550
Никитин Н.Н. – 681, 712
Николаев М.Г. – 115, *424*
Николаевский Б.И. – 77
Николаевский Н.Ф. – 174, 307
Николай (Могилевский), епископ – 482
Николай II – 24, 229, 247, 262, 397, 506, 566, 575
Николай Николаевич, вел. князь – 52, 489
Никольская Т.К. – 50–52, 248, 362, 425
Никулин В.В. – 154

Ницше Ф. – 67, 696, 723
Новиков А.П. – 206
Новиков И.И. – 488
Новиков, телефонист – 529
Новиков-Прибой А.С. – 303
Новицкий В.Ф. – 108
Новополцев М.С. – 146
Новоселов И.Г. – 528
Ногин В.П. – 91, 94
Нуруллаев А.А. – 498

Оболенская, графиня – 409
Обручев В.А. – 130
Обухов, инженер – 428
Огарев Н.П. – 173
Огарков Д. – 491
Огнев Н. – 657
Огонь-Догановская М. – 51
Одинцов М.И. – 481, 497
Одинцова Л. – 449, 655, 668
Озеров И.Х. – 59, 122
Окнинский А.Л. – 463
Окунев И. – 199
Окунев Н.П. – 48, 70, 71, 78, 99, 135, 193, 402, 445, 457, 475, 482
Олейников Н.М. – 130
Олеша Ю.К. – 38, 183
Ольденборгер В.В. – 323
Ольденбург С.Ф. – 45, 176
Ольминский М.С. – *84*, 122, 171, *308*
Омесов А.С. – 519
Опарин А.И. – 199
Орбели Л.А. – 418
Орданский (Донерман) С.Б. – 571
Орджоникидзе Г.К. – 87, 290, 343, 603, 639, 642
Орешенкова М.П. – 185
Орешин П.В. – 337, 672
Орешкин, коммунист – 550
Орешников А.В. – 53
Орленко С.П. – 294
Орлицкий Ю.Б. – 467
Орлов В., курсант партшколы – 383
Орлов В.В. – 291, 601
Орлов И. – 674, 681
Орлов И.Б. – 10, 18, 45, 76, 78, 120, 181, 182, 184, 212, 215, 218, 222, 240, 255, 271, 306, 350, 356, 430, 432, 433, 435–437, 440, 441, 446, 450, 451, 474, 482, 487, 509, 524–527, 529, 531–534, 557, 586, 590, 658, 660, 664, 674, 688
Орлов П.И. – 553
Орлянський В.С. – 589, 611, 669
Оршанский Л.Г. – 353
Осинцев А. – 104
Осипов М.М. (Мишка Культяпый), бандит – 443
Осипова И.И. – 397, 485, 572
Осипова Т.В. – 494, 725
Осоргин (Ильин) М.А. – 303
Островский А.Н. – 70
Островский Н.А. – 501
Остроумова-Лебедева А.П. – 31, 34
Отрепьев Г. – 66
Оцуп Н. – 309
Оцуп П.А. – 80
Оширов Ф.И. – 644

Павел I – 68, 110
Павлин, архиепископ – 489
Павлов, комсомолец – 370
Павлов Д.Б. – 48, 570, 719
Павлов И., рабочий – 537
Павлов И.М. – 61, 100, 165, 356–358, 392, 420, 431, 537, 546, 575, 580, 584
Павлов И.П. – 36, 87, 199, 341, 344
Павлов К. – 129
Павлова И.В. – 10
Павлович Н. – 151
Павлюченков С.А. – *12, 41, 219, 398, 688, 693*, 694, *695, 698, 699, 708, 709*
Палеолог, профсоюзный деятель – 407
Пальчинский П.А. – 197, 324, 346, 347, 424
Панин С.Е. – 212, 351, 364, 666
Панов П.В. – *442*
Пантелеев Л. (Ленька) – 652
Пантин М.О. – 119
Панферов Ф.И. – 711
Панюшкин В.Л. – 398
Папчинский А.А. – 75
Парето В. – 198
Парнок С. – 66
Пасманик Д.С. – *183*
Пастернак Б.Л. – 28, 30, 66, *67*, 72, 80, 131, *134, 153, 165*, 194–196, 330, *500*, 663, 684, 697, 709
Пасынков Л. – 106
Пахоменко А. – 516
Пахомов С.А. – 45, 212, 215, 218, 306, 350, 356, 430, 432, 433, 435, 436, 440, 446, 451, 474, 529, 557, 658, 660, 688
Пашин В.П. – 328, 343, 409, 412, 414,

415, 419, 515, 523, 546, 705
Пашинин, профруководитель – 548
Певзнер, автор письма – 378
Пелагея, жительница с. Пустыни – 682
Пелликани Л. – 430
Перегудова З.И. – 400
Перелыгин А.И. – 83, 144, 226, 260, 438
Перелыгин М. – 144
Перцовский Ш.Б. – 225
Перчик А.А. – 596
Пестель П.И. – 148
Петелин Г. – 152, 661
Петерс Я. – 110, *298, 409*, 412, 629
Петинская Е.Ф. – 520
Петинский И.К. – 520
Петлюра С.В. – 110, 123, 429, 499, 612, 613, 616
Петр (Полянский), митрополит – 481
Петр I Великий – 160, 195, 316, 668, 709
Петренко-Макарова, крестьянка – 511
Петров, член Моссовета – 727
Петров В.В. – 659
Петров Евгений, писатель – 88, 159, 176, 177, 239, 330, 362, 407, 441, 450, 487, 491, 549, 639
Петров М.Н. – 319
Петров Н.В. – 319, 671, 685
Петрова М. – 240
Петров-Водкин К.С. – 31, 34, 172, 173
Петровский А.С. – 318
Петровский Г.И. – 264
Петрункевич И.И. – 357, 464
Пий XI, папа Римский – 498
Пикфорд М. – 138
Пилат П. – 651
Пилсудскии Ю. – 92, 383
Пильняк Б. – *63*, 115–117, 195, *196*, 239, 313, 315, 316, *462*, 512, 580, 684
Пиманов, автор письма – 115, 596
Пименов Ю.И. – 34, 129
Пиотровский А.И. – 678
Пирожкова В.А. – 571, 660
Писканов Н.К. – 170
Плаггенборг Ш. – *137*, *153*, 178, *179*, *690*
Платон – 88, 249
Платонов А.П. – 43, 61, 80, 82, 122, 125, 166, *206*, 223, 254, 262, *271*, 444, 494, *567*, 686, *724*
Платонов С.Ф. – 344
Плетнев В.Ф. – 319
Плетневская А.Р. – 412
Плеханов Г.В. – 155, 715
Плиско П. – 383
Пломпер А. – 575
Плотников И.Е. – 292
Пляцкий С. – 439
Погодин, рабочий – 244
Погонин Е. – 472
Подвойский Н.И. – 97, 524
Пожарский Д.М., князь – 433, 598
Поздеев М.А. – 162, 418
Покрасс Д.Я. – 49
Покровский М.Н. – 117, 325, 339, 344, 457
Полежаев А. – 456
Поливанов Е.Д. – 200, 346
Поликарпов В.Д. – 393
Половинкин С. – 80, 81
Полонский В.П. – 97, 131
Полторак С.Н. – 108
Поляков А.С. – 388, 389
Поляков В.А. – 10
Поляков В.П. – 416
Поляков Л.Ф. – 411
Поляков С.А. – 388
Поляков Ю.А. – *13, 257, 389, 432*
Полянский А.А. – 473
Померанцева А.В. – 153
Пономарев А. – 94
Пономарев П.Ф. – 222
Поньшин И.А. – 282
Попов, автор письма – 149
Попов И.И. – 93, *718*
Посадский А.В. – 416, 420
Потехин Ю.Н. – 567
Потко М.Ф. – 544
Почешулин И. – 223
Пошешулин И. – 576
Преображенский Е.А. – 430, *450, 538*
Пресолов Т.Д. – 289
Привольнев Г.Ф. – 220
Пригода Т. – 119
Прокопович С.Н. – 45, 242, 256
Прокофьев С.С. – 179
Просветов Р.Ю. –
Проскуров, техник – 560
Просянкин Е. – 222, 549
Протазанов Я.А. – 142, 444
Проханов И.С. – 52
Прохорова, старуха-крестьянка – 612

Пудовкин В.И. – 139, 177, 178
Пук Д.Я. – 595
Пурин А. – 23, 331, 332
Путинцев Ф. – 52
Пухов, коммунист – 383
Пушкин А.С. – 160, 170, 195, 309
Пылев А.И. – 621, 636
Пьянков Ф.С. – 467
Пяст (Пестовский) В.А. – 29
Пятаков Г.Л. – 212, 596

Рабинович, студент – 358
Рабинович А. – 38
Равич С. – 187
Радек К. – 83, 155, 314, 575
Радимов П.А. – 329
Радлов Н.Э. – 712
Раевский С. – 407
Разин С. – 160, 191, 330
Разумный М.А. – 533
Райдук, коммунист – 111
Раков А.А. – 474, 475, 488
Раковский Х.Г. – 183, 608
Рамзин Л.К. – 565
Расин Ж. – 135
Распопов Т. – 536
Растянников В.Г. – 255
Расул-заде М.Э. – 503
Рафес М. – 156
Рафик Р. – 623
Рахимбаев, политический деятель – 623
Рахим-Султанов, подследственный – 685
Рахманинов С.В. – 332
Редока Н. – 535
Редько Н. – 333
Резник А. – 86, 209, 215, 222, 349, 505, 506, 569, 575, 576
Резник С. – 346
Резникова Н.В. – 48
Резунов М. – 296
Рейснер Л.М. – 306
Ремизов А.М. – 48
Репин И.Е. – 168, *169*, 320, *329*
Репин Ю.И. – 329
Репников А.В. – 303
Речкунов Б. – 56, 57
Рид Дж. – 574
Ритербанд, рабочий-коммунист – 225
Робеспьер М. – 158
Рогалина Н.Л. – 284, 298, 725
Рогачевская Л.С. – 209
Родионов С.Н. – 702
Родченко А.М. – 32, 39, 43
Рождественский В.В. – 34
Роженцев Г. – 527
Рожков А.Ю. – *13, 61, 68, 73, 74, 79, 83, 91, 96, 138, 140, 145, 248, 260, 262, 289, 320, 334, 349, 350, 352, 354, 355, 359, 360, 362, 363, 365–367, 369, 370, 372, 375, 399, 400, 429, 433, 436, 483,* 510, *511, 537, 564, 574, 582, 586, 638, 641, 646, 648, 654–661, 663–665, 682, 689, 728*
Розанов В.В. – 88
Розенбаум, инженер – 249
Розенберг Ф.А. – 308
Розенель Н.А. – 406
Роллан Р. – 388, 683
Романов М., вел. кн. – 417, 716
Романов П.С. – *61*, 183, *339*, 362, *420*
Романовы, династия – 65, 265
Ромашин, комсомольский руководитель – 542
Ромашов Б.С. – 446
Роом А. – 140
Ворвассер М. – 161, 237, 729, 730
Рослоф Э. – 189
Росницкий Н.А. – 487, 495
Ростовский, фамилия (псевдоним) публициста – *355*
Рошаль Г.Л. – 140
Рошко И.О. – 588
Рублев Д.И. – 48, 543, 544, 570
Рудаков А.К. – 381
Рудзутак Я.Э. – 621, 622
Рудин Н. – 124
Руднева С.Д. – 72
Рукавченко П. – 262, 574
Румянцев Н. – 486
Рыбаков А.И. – 539
Рыбаков А.Н. – 138, 394
Рыбалкин, комендант тюрьмы – 168
Рыков А.И. – 708, 721
Рыкунов М. – 625
Рыскулов Т. – 625, 626, 629
Рябинина Н.В. – 670, 671
Рябцев С.А. – 488
Рябченко О.Л. – 333, 356, 382, 460
Ряжский Г.Г. – 33
Рязанов Д.Б. – 344, 544
Рязанцев А.В. – 251

Савельев П.П. – 519
Савельев С.Н. – 52

Савин А.И. – 50, 401, 495, 496
Савинков Б.В. – 92, 400
Савицкий В.Д. – *501*
Савченко В.А. – 612
Савченко К.Д. – 471
Садвокасов, казахский политик – 629
Садовников, комсомолец – 333
Садыков, казахский политик – 634
Сажин И.В. – 42
Саид-Галиев С. – 164, 616
Сакко Н. – 543
Сакулин П.Н. – 170
Саламатова М.С. – 299, 419
Салова Ю.Г. – 668
Сальникова А.А. – 156, 356, 391, 669
Самарский А. – 103
Самойлов В. – 37
Самошин В.В. – 469
Самсонов, б. партизан – 123
Самсонов П. – 123
Самуилов С.Т. – 552
Самурский (Эфендиев) Н. – 604, 637, *638*
Сандомирский Г.Б. – 719
Санников Г.А. – *164*
Сапон В.П. – 47–49, 543, 544
Сапронов Т.В. – 547
Саран А.Ю. – 299, 300, 397, 544, 569, 571, 580, 584, 597, 688
Сарду В. – 180
Сартр Ж.-П. – 594
Сарьян М.С. – 34
Сахаров А.Н. – 442
Сачков Н. – 371
Свердлов Я.М. – 84
Свердлова К. – 196
Светлов М. – 30, 163
Светлов Э.Л. – 582
Свиридов В.Ф. – 287
Свищев М.А. – 69
Северов, комсомолец – 286
Северцев А.Н. – 172
Седельников Т. – 602
Седов С.Л., сын Л.Д. Троцкого – 608
Сейфуллина Л.Н. – 28, *131, 322*
Селищев А.М. – 48, 73, 141, 148, 149, 188, 211, 353, 364, 445, 452, 573
Семашко Н.А. – 61, 670
Семен, атаман – 470
Семенов А. – 163
Семенов Г.И. – 569
Семенов Г.М. – 401
Семенов Д.Н. – 681
Семенов Н.Н. – 199
Семенова С.Г. – 87
Семенов-Тян-Шанский В.П. – 166, 241
Сенин Я.П. – 515
Серафим Саровский – 460
Серафимов М.П. – 632
Серафимович А.С. – 303
Сергеев В. – 654
Сергеев И.Н. – 380
Сергеев Ф.А. – 74
Сергий (Страгородский), митрополит – *481, 499*
Серебровский А.П. – 457
Серж В. – 359
Серокурова Л.А. – 44
Силин Д.С. – 286
Сильвестров Г.В. – 455
Симонов Н.С. – 424
Симонова Т. – 600
Сингибаев Д.К. (Саныгбаев Д.-бек К.) – 621
Синельников, большевистский функционер – 386
Ситков, военный комиссар – 539
Сиуда П.И. – 491
Скарабанов, комсомолец – 379
Скачков И. – 647
Склянский Э.М. – *36, 99*, 162, 480
Скобелев М.Д. – 176
Скобелицын Д.В. – 199
Скорик А.П. – 123, 398, 416, 420, 437, 474, 492, 514, 519, 520
Скорина-Щербатова, кн. – 408
Скотт Г. – 48
Скотт Дж. – 156, 730
Скрипченко С. – 256
Скрыпник Н.А. – 520, 608
Скрябин А.Н. – 133, 350
Скрябина А.А. – 350
Скрябина Е.А. – 30, 64, 79, 241, 313, 463, 542,545
Славин Л. – 383, *388, 586*
Слащев (Слащов) Я.А. – *110*, 119
Слезин А.А. – 13, 214, 336, 377, 379, 381, 382, 384–386, 411, 415, 661
Слепков В. – 360
Смагина О.К. – 190
Смелянская, коммунистка – 521
Смелянский А. – 159, 403
Смидович П.Г. – 297
Смидович С.Н. – 360, *361*

Смирнов, рабочий из г. Владимира – 209
Смирнов, рабочий-котельщик – 704
Смирнов А.Н. – 574
Смирнов В.А. – 534
Смирнова Т.М. – 8, *13, 219, 239, 243, 244, 302, 323, 324, 332, 333, 429, 437, 447, 572, 670*
Смолин Д. – 180
Снесарев А.Е. – *108*
Соболь А. – *109*, 303, 592
Соболь М. – 675
Содосьев К.Ф. – 514
Соколов А.К. – 8, *13, 15, 75, 236, 252, 325, 344, 346, 354, 462, 524, 577, 586, 705*
Соколов В.И. – 61, 69, 136, 148, 290, 348, 359, 377, 399, 425, 433, 610, 657, 666
Соколов-Скаля П.П. – 173, *236,*
Соколовский М. – *678*
Сократ – 146
Солдатенко В.Ф. – 110
Соллертинский И. – *134*
Соловей В.Д. – 715
Соловьев А.П. – 389, 390
Соловьев И., свящ. – 190, 191, 479
Соловьев И.Н. – 601
Соловьев М.П. – 451
Соловьев Ю.Б. – 587
Сологуб Ф.К. – *36, 60*, 65, 66, *171, 664*
Соломон Г.А. – 728
Солоневич Б. – 377
Солоневич И.Л. – 60, 318, 366, 341, 444, 730
Солопов Г.Г. – 86
Сольский В. – 27, 116, 117, 139, 183, 210, 273, 314, 340, 504, 512, 590
Сольц А.А. – 213, 431, *446, 451*
Сорлович К.М. – 115
Сорокин П.А. – 305
Сорокин Пит. – *24, 60*
Сорокина М.Ю. – *68*
Сороконожкин-Большик Л. – 57
Сосновский Ф. – 592
Спасов Н.В. – 118, *679*
Спасовский М.М. – 88
Спивак М.Л. – 172, 674, 693
Спирин Л.М. – 569
Спирницын М.Д. – 372
Спроге В.Э. – 456
Сталин И.В. – 8, 19, 25, 54, *55, 73, 77, 83, 84*, 86, 89, 90, *93, 95, 97, 99*, 101–107, 110, 11, 113, 116, 120, 123, 124, 131, 132, 145–150, 157, *159*, 162, 165, 166, 168, *169*, 177, 181, 189, 191, 195, 197, *200, 202*, 209, 220, 223, *226*, 232, 234, 248–250, 256, 264–266, 269–271, 274, 281, 289, 292, 294, 296, *304*, 309, 315, *316*, 317, 324, *329*, 333, 335, 336, *340*, 343, 345, 372, 379, 380, 387, 391, *396, 400, 414 –417*, 420, *423–427*, 431, 435, *436*, 438, 446, 455, 457–459. 468–471, *478, 485*, 491, 497, 498, 500, *503*, 508, 511, 513, 514, 516, 524, 526, 534, 535, 537, 539, 542, 544, 547–551, 557, 560, 563–*565*, 573, *574, 576–579*, 581, 582, 585, 587, 588, 593, 595–598, *602*, 603, 608, 611, *613*, 614, 624, 630, 632, *637*, 639, *641*, 642, *643*, 660, 662, 663, 667, 668, 670, *672*–674, *680*, 681, 686, 687, *690, 691*, 692, 693, 697–711, 713, *717*, 718, 720, 727, 728, 730
Сталь Л. – 192
Станиславский К.С. – *128, 150, 316*, 329, 586
Старостин, коммунист – 78
Стахорский С.В. –134
Стеблев Э.А. – 53
Стеблова-Федяй – 308
Стейнберг М. – 672
Стеклов Ю.М. – 158
Степанов А.С. – 282
Степанов П.Ф. – 462
Степанова В. – *32*, 39
Степанова Г.А. – 180
Степун Ф.А. – 309, *310*
Стопани А.М. – 171
Стрекалова Н.В. – *339*
Стрекач А.С. – 547
Стрелка П. –581
Стрельцов В.М. - 568
Стринберг Ю.А. – 135
Строгов А. – 448
Струве П.Б. – *208, 304*
Студенецкий – 487
Стучка П.И. – 459
Суворов И. – 34
Судаков И.Я. – 316
Сулаев В.Ю. – 628
Сулаев И.Х. – 637, 638
Сулима Л.О. – 617
Султангалиев (Султан-Галиев) М.Х. – *97, 150, 608, 617, 618, 627*

Суни Р.Г. – 15
Сутормин – 557
Сухова О.А. – 136, 145, 261, 291, 380, 487, 488, 490, 523, 662, 696
Сухомлинов В.А. – 313
Сухопаров С.М. – 330
Сучков, комсомолец – 373
Сушин В.Ф. – 223, 274
Сысоев П. – 487

Таганцев В.Н. – 307, 308
Таганцев Н.С. – 307
Тагиров И.Р. – 496
Таиров А.Я. – 135, 150
Такала И.Р. – 57, 59, 237, 292, 648
Тан-Богораз В.Г. – *41, 54, 56, 73, 140, 476*
Тарасов, инспектор труда – *583*
Тарасов-Родионов А.И. – 301, 696
Тарасюк Д.Г. – 423
Тарелов Д. – 577
Тарлинский В. – 311, 699
Тарнаги И.И. – 454
Тарновский Е. – 366
Татлин В.Е. – *178*
Тахо-годи А.А. – 638
Текуева М.А. – 627
Темкин З. – 214
Тенцер А. – 591
Тепляков А.Г. – *33, 62, 75, 104, 396, 397, 401, 415, 473, 474, 497, 525, 528, 530, 535, 559, 584, 639, 646, 651, 663, 681, 684, 685, 709*
Терентьев И.Г. – 331
Терещенко, профессор – 348
Тикиджьян Р.Г. – 122, 416, 420, 437, 474, 492, 514, 519, 520
Тимина С.И. – 23
Тимирязев А.К. – 193
Тимофеев, советский руководитель – 540
Тимошенко С.К. – 131, 699
Тимошечкина Е.М. – 300
Тинченко Я. – 419, 420
Титов-Лютый В.А. – 685
Тихомиров Л.А. – *303, 719*
Тихон, патриарх – *81,* 188, *189,* 190, 479, 481, *610*
Тихонов В.И. – 459
Тихонов Н.А. – 29, *684,* 709
Ткачев В.И. – 44
Ткачев И.А. – 254, *700*
Тодес Д. – 344
Тодорский А.И. – 639
Толкачева Т.И. – 527
Толстой А.Н. – 24, 36, 98, 113, *178,* 180, *183,* 194, 252, *316, 317, 440*
Толстой Л.Н. – *51,* 70, 160, *290,* 458
Томский М.П. –206
Топоров А. – 280
Торчнов В. – 411, 412
Траншел К. – 58
Трауберг Л.З. – 140, 141
Трахтенберг, кинорежиссер – 142, 362
Трегубов А.М. – 338
Трегубов И.М. – 338, 492–494
Трегубов Н.М. – 338
Трегубова Т.С. – 721
Третьяков С.М. – 24, 179, *322, 434, 509, 677*
Трефильев А. – 211
Тривус, врач-нарколог – 492
Трифонов, коммунист – 556
Трифонов И.Я. – 432
Тростянская А. – 382
Трофимов С.П. – 522
Троцкий Л.Д. – 22, *24, 28, 29,* 35–*37, 67,* 68, 77, *78, 83, 94,* 97, 98, *100,* 107, *111,* 112, 120, 123, *132,* 137, 142, *160,* 162, 167, 179, 183, 203, 215, 218, *219, 222,* 223, *225,* 230–232, 234, 250, 254, *258, 275,* 281–285, 189, 300, 302, *310, 314*–317, 328, *337, 349, 351,* 368, *370,* 383, 392, *400,* 422, 426, *427,* 435,445,455,456, 476, 478, 480, 493, *503, 506,* 516–518, 520, *521,* 530, *533,* 547, 554, 569, 573–581, 585, *587,* 593–597, *608, 609, 618,* 635, 637, 641, *654,* 660, 667, *668,* 676, 677, *681, 687,* 689, 690, 692, 699, 702, 705–707, 709, 710, 713, *717,* 718, 721, 727
Тумшис М.А. – 74
Туник С.А. – 524
Турбин П.С. – 167
Туровцев В.М. – 676, 692
Туфанов А.В. – 330, 331
Тухачевский М.Н. – *116,* 254, 398, *708*
Тучков Е. – 477
Тынянов Ю.Н. – 76, *77,* 141
Тышлер А.Г. – *34,* 35
Тюрин А.О. – 224, 248, 549, 552, 562
Тюрин В.С. – 272

Тютюнник Ю.Н. – 571
Тюх П. – 611
Тяжельникова В.С – *44, 82, 90, 95, 118, 120, 157, 158, 166, 227, 351, 459, 504, 531, 554*
Тяпкин И. – 91

У Эньюань – *461*
Угланов Н.А. – 57, 365
Угроватов А.П. – 397, 682
Уитмен У. – 322
Ульянова С.Б. – 229, 236, 448, 453
Уншлихт И.С. – 259, 430
Урилов И.Х. – 567
Урицкий М.С. – *38,* 170
Урусова Н.П. – 407
Урусов К. – 407
Усачев, помещик – 472
Успенский Д. – 353
Устрялов Н.В. – 47, *160, 196*
Утесов Л.О. – 386
Ушаков А.И. – 395
Уэллс Г. – 720

Фаворский В.А. – 34
Фадеев А.А. – 130
Фалалеев А.А. – 516
Фалеев Н.И. – 303
Фальк Р.Р. – 32, 34, 512
Федин К.А. – 46, 77, 97, 657
Федоров, оппозиционер – 583
Федоров Л. – 147
Федоров В.Ф. – 677
Федоров Н.Ф.– 385
Федорова О.П. – 400
Федосов Е. – 257
Федосьев И.И. – 278
Федосюк Ю.А. – 303, 347, 499, 501, 597, 661, 671, 674
Федотов Г.П. – 418
Федулов, комсомолец – 96
Федулов С.В. – 358
Федулова Н.А. – 506
Фигатнер Ю.П. – 545
Филатов М.Д. – 488
Филимончик С.И. – 648
Филиппов А.Ф. – 133
Филиппов Г. – 149
Филонов П.Н. – 34, 131, 206
Фитцпатрик Ш. (Fitzpatrick S.) – *10, 11, 98, 154, 182, 191, 342, 361, 365, 367, 672, 673, 706*

Флейшман Л. – 330
Флоренский П.А. – 87, 88, 407, *594*
Фогель Е. – 149
Фокин К.М. – 331
Фокин М.М. – 664
Фомин И.А. – 174, 175
Фонвизин Д.И. – 140
Формайстер А.Р. – 75
Фохт О. – 87
Франк С.Л. – 87, 92, 311, 520
Франчук Д.В. – 264, 588
Фрейд З. – 11
Фридман С.М. – 572
Фриз Г. (Freeze G.L.) – 276, 486, 496, 491, 495, 496, 498
Фролов П.И. – 558
Фрунзе М.И. – 93–96, 116, 119, *151, 169,* 242, 634, 639, 668, 708
Фунтиков Ф.А. – 168
Футер Д. – 371
Фэндерс В. – 127, 129
Фэрбенкс Д. – 138

Хабермас Ю. – 14
Хаведьер-Алиев, большевистский руководитель – 636
Хавин, автор письма – 336
Хаген М. – 367
Хазиев Р.А. – 447
Хайт Ю.А. – 49
Халин В.С. – 277
Хамандарянц Г. – 440
Харитончик Е.М. – 273
Харламов П. – 112
Хармс (Ювачев) Д.И. – 331
Харченко, советский работник – 541, 542
Хасанов М. – 622
Хачатуров Л.К. – 448
Хвылевой Н. (Фитилев Н.Г.) – *27,* 564, 613
Хетени Ж. – 109
Хечатуров Г. – 350
Хлебников В. – 25, 201, 331, 544
Хлынина Т.П. – 74, 605, 606, 729
Хмелев Н.П. – 407
Хмелевская Ю. – 259, 394, 489, 599
Ходасевич В.Ф. – *29, 36, 173, 218, 311, 314, 315,* 328
Ходжаев И. – 623
Ходжаев Ф. – 622, 623
Холичер А. – 95

Холмский А.Х. – 457
Холявко Н.М. – 122, 368
Хоменко Г.С. – 147
Хорхордина Т.И. – 339, 344
Хосроев А.К. – *541*
Худайбергенов, бухарский политик – 622
Худайкулов Р. – 533
Хусейн, имам – 166

Цанков А. – 111
Царевская Т.В. – 59, 688
Цванцигер, инженер –327
Цветаева М. – 37, *131*
Цорнах Н. – 590
Цурганов Ю.С. – 310
Цысь В.В. – 213, 536
Цюрупа А.Д. – 99

Чалокаев, бандит – 601
Чан Кайши – 114, 427
Чаплин Н. – 95, 333
Чапчаев А.Ч. – 599
Чарнолузский В.И. –683
Чаянов А.В. – 45, 132, 252, *341*, 394
Чеботаревская А.Н. – *171*
Чемберлен Н. –427, 428. 674
Ченцов А.С. – 599, 605, 643, 644
Чепцов Е.М. – 33
Червяков А.Г. –53
Черепанов Ф. – 291, 487
Черников, коммунист – 540
Чернов Д.И. – 47, 132, 544, 573
Черномордик А. – 236
Черных А. – 209
Черняев В.Ю. – 308, 393
Черняк В.Е. – 530
Чертов Б.Н. – 148
Черчилль У. – 92, 699
Четвериков Б.Д. – 109
Четвериков Д. – 465
Чехов А.П. – 117
Чехов М.А. – *673*, 674
Чехонин С.В. – 31, 35
Чечевичкин А.Р. – 266
Чибришвили А. – 637
Чингис-хан – 166
Чирков С.В. – 577
Чистиков А.Н. – 45, 65, 83, 175, 212, 411, 434, 439, 548, 558, 700
Чичерин Г.В. – 97, 161, 494, 547, 603
Чокаев М. – 629, *630*
Чубаров, крестьянин – 284, 364
Чубарь В.Я. – 613
Чудакова М.О. – 306,
Чужак Н.Ф. – 26, 127, 130, 132
Чуйкина С. – 409
Чуканов И.А. – 45
Чуканова А.И. – 45
Чукин П.И. – 143, 144
Чуковская Л.К. – 66
Чуковский К.И. – *22, 24, 26,* 34, *46,* 62, *63, 64, 66, 67, 70, 97, 168, 195, 196, 217,* 238, *239, 322, 343, 362, 437, 587, 664, 668, 712*
Чупрынников С.А. – 224, 357, 372
Чураков В.Ю. – 395
Чуриков И.А. – *493*
Чуриков С.В. – 274
Чуркин, автор письма – 269
Чучупака В.И. – 146, 265

Шагал М. – *31*
Шагинян М.С. – 438, *442*
Шадебон, автор письма – 285
Шадр (Иванов) И.Д. – 174
Шайдуллин Р. – 471
Шаламов В. – 490
Шалтай-батыр – 621
Шаляпин Ф.И. – 150, 454
Шапиро С.С. – *358*, 458
Шапкин Н. – 96
Шаповал Ю.И. – 685
Шаповалов А.И. – *133,*
Шапорин Ю.А. –76
Шапорина Л.В. – *34, 72, 75, 77, 221, 228, 301, 317, 321, 340, 348, 655, 659, 678, 696, 707*
Шапошников Б.М. – 708
Шапошников Н.Н. – 340
Шарапов Ю.П. – 686
Шатковская Т.В. – 326
Шафир Я. – 265
Шаховской Д.И. – 68, 285, 304, *305, 313, 321, 719*
Шацкий С.Т. – 304
Шварц Е.Л. - 130
Шварцбарт Ш. – 612
Шевердин С. – 56
Шевцов, студент – 242
Шевченко А.В. – 32
Шевченко В.А. – 483, 486
Шейко М. – 378
Шейн, инженер – 348

Шейнин Л. – 434
Шейнман А.Л. – 728
Шейнфт Э. – 89
Шекихачев Д. – 641
Шекспир У. – 135
Шекунова В.Е. – 580
Шекунова Л.В. – 680
Шекшеев А.П. – 601, 646
Шелаев Ю. – 711
Шемполонский К.Е. – 398
Шенталинский В. – 51, 290, 404
Шер, советский руководитель – 551
Шереметев Н.П. – 313, 408
Шерих Д.Ю. – 31, 33, 35, 53, 59, 73, 78, 85, 92, 98, 129, 135, 152, 163, 175, 178, 209,221, 312, 318, 329, 383, 386, 431, 493, 506, 656, 664, 666, 691, 730
Шершеневич В.Г. – *28, 46,* 303
Шестов Л.И. – *88,* 320, *710*
Шешуков С. – 26
Шидловская А.Ф. – 418
Шимон И.Я. – 495
Шинкарук С.А. – 71
Ширинская-Шихматова Н.А. – 408
Шитц И.И. – *345, 428, 646*
Шишаков В. – 495
Шишкин В.А. – 9, 75, 90, 97–100, 126, 153, 159, 169, 240, 244, 268, 321, 347, 426, 428, 545, 565, 587, 594, 597, 692, 708, 713, 714, 728
Шкаровский М.В. – 62, 187
Шкартейкин – 543
Шкловский В.Б. – *25, 29, 77, 131, 137-141,* 183, *303, 322, 586, 684*
Шляпников А.Г. – 568
Шмелев И.И. – 488
Шмелев И.С. – 25, 313
Шмелев П.И. – 249
Шмераль Б. – 567
Шмидт О.Ю. – 155, 170
Шмидт П.Ю. – 171
Шницлер А. – 180
Шолохов М. – 130, 473
Шостакович Д.Д. – 332
Шпет Г.Г. – 88
Шрамченко В.А. – 408
Штейнберг А. – 668
Штейнер Р. – 201
Штеренберг Д. – 34, 203
Штирнер М. – 389
Шторк К.Э. – 128
Шулега, оппозиционер – 583
Шульгин В.В. – *218,* 651, *704,* 705
Шумский А.Я. – *609, 613,* 614

Щеглов К.Т. – 559
Щелыгин К.П. – 530
Щербаков И.А. – 122
Щербань Н.В. – 257
Щусев А.В. – 34, 175, 176

Эберлейн, директор совхоза – 466
Эвола Ю. – *695, 698*
Эйзенштейн С. – 72, 138–140, 179
Эйнштейн А. – 193
Экстер А.А. – 35
Элиава Ш.З. – 639
Эльдерханов (Эльдарханов) Т.Э. – 604, 643
Элькин Д.Г. – 138, 671
Энвер-паша – 620, 622
Энгельштейн Л. – 692, 696, 703
Эрдман А.И. (Бирзе) – 398
Эренбург И.Г. – 54, 70, *72,* 121
Эссен Э.Э. – 173
Эткинд А.М. – 51, 361, 363, 492
Эттингер П.Д. – 31
Эфрос А.М. – 67

Ювеналий, архиепископ – 489
Юденич Н.Н. – 141, 232
Юдина М.В. – 418
Юнг Ф. – 127, 129
Юневич В.А. – 191
Юнусова А.Б. – 626
Юон К.Ф. – 31–33, 172
Юркевич Ю.Л. – *29, 48, 121, 137, 218, 236, 275, 318, 334, 350, 525,* 609, *610*
Юров А. – 96
Юровской Л.Н. – 341
Юрченко П.Л. – 383
Юшин И.Ф. – 44, 459

Явич А. – 63, 86, 343, 363, 681
Ягода Г.Г. – 19, 110, 124, 250, 254, 314, 426, 458, 500, 591, 675,676
Якобсон, студент – 358
Яковлев Я.А. – *41, 65, 193, 271, 276,* 389, *469, 470*
Якубович, секретарь сельсовета – 278
Яловой М. (Юлиан Шпола) – 27
Ялозина Е.А. – 334, 344
Янг (Ганф) И.А. – 236

Ярвисало Э. – 648
Яров С.В. – 13, 36, 44, 119, 207, 209, 211, 225, 304, 428, 448, 450, 474, 503, 678
Ярославский Е.М. – *61*, 87, 97, 132, 136, *157*, 188, 189, 191, 230, 239, 276, 314, 320, 379, 406–407, 420, 425, 485, 494, 495, 593, 716
Ярская-Смирнова Е.Р. – 186
Ярчук С. – 95
Ярчуков, священник-обновленец – 112, 162, 480
Ястребов А. – 149, 711
Яхшиян О.Ю. – 79
Яшвили П. – 165
Яшников Г.И. – 507
Ball A.M. – 44, 238, 436
Brovkin V. – 10, 33, 46, 55, 61, 187, 261, 386, 433, 502, 504, 511, 512, 545, 670

Channon J. – 462
Corney F.C. – 119, 580

Edmunds N. – 49
Elleman B.L. – 68
Exter A. – 673

Figes O. – 653
Fitzpatrick S. – 10, *11, 154, 182, 191, 361, 365*
Freeborn R. – 205
Freeze G.L. – 276, 486, 491, 495, 496, 498

George V. – 237
Goldman W.Z. – 69, 218
Gorham M. – 298
Gorsuch A.E. – 13, 59, 68, 96, 214, 232, 333, 361, 363, 366, 367, 371, 373, 374, 385, 386, 389, 435, 492, 535, 547, 584, 678
Gunter H. – 679

Halbwachs M. – 92
Hanson S.T. – 193
Hellbeck J. – 204
Herlihy P. – 40
Husband W.B. – 265, 481

Isaev V.I. – 375
Ігнатуша О.М. – 190

Kangaspuro M. – 648
Koenker D.P. – 13
Kokovtsoff V. – 301
Konecny P. – 357
Kuhr-Korolev C. – 13, 64, 96, *98, 352, 360, 367, 377, 483, 519, 662, 665, 666*
Levin A.E. – 344
Luukanen A. – 189

Mally L. – 215, 667
Manchester L. – 338, 492
Manning N. – 237
Martin T. – 201, 609, 614, 615, 646

Naiman E. – 50, 364
Nénard F.-X. – 17

Orlovsky D. – 351

Palmer S.W. – 32
Peris D. – 155, 480
Plaggenborg S. – 50
Pogorelskin A. – 585
Post J.M. – 11

Rabinovich A. – 10
Rittersporn G.T. – 92, 219, 671
Robins R.S. – 11
Roslof E. – 276
Rothstein R. – 154

Spiertz V. – 460
Steinberg M.D. – 11, 164, 177, 205, 655, 672, 683
Stepanova V. – 673
Stites R. – 10, *194*

Takiguchi J. – 85
Tirado I. – 353, 360, 490, 522, 523, 666, 668

Wellmann V. – 96, 174, 217, 224, 350, 357, 367, 380, 387, 551

Yaney G. – 295
Young G. – 65

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Агитпроп – Отдел агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б)
АзЦИК – Центральный исполнительный комитет [Советов] Азербайджана
АМССР (МАССР) – Молдавская автономная советская социалистическая республика
АРА – American Relief Administration (ARA) – Американская администрация помощи
ВИК – волостной исполнительный комитет [Совета]
ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
Волком, волостком – волостной комитет [Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)]
ВО – Военный округ
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия [по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР]
ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские
ГА ВО – Государственный архив Вологодской области
ГА ОО – Государственный архив Орловской области
ГА РО – Государственный архив Ростовской области
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГУБОНО – Губернский отдел народного образования
ДОБРОХИМ – Общество друзей химической обороны и промышленности
ДОПР – Дом принудительных работ
Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
КИК – [вероятно] Краевой Исполнительный комитет
КПБ (У) – Коммунистическая партия большевиков (Украины)
ЛЕФ – Левый фронт искусств
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
Моссельпром – Пищевой трест по обработке сельскохозяйственной продукции Московского Совета народного хозяйства
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
Наркомвоен, наркомвоенмор – Народный комиссар(иат) по военным и морским делам
Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
Наркомфин – Народный комиссариат финансов
Наркомюст – Народный комиссариат юстиции
НОТ – научная организации труда
ОВО – Одесский военный округ
ОДВФ – Общество друзей воздушного флота
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК
ОкрИК (окрИк) – Окружной исполнительный комитет
РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей.
РВС (реввоенсовет) – Революционный военный совет
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РИК – Районный исполнительный комитет
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи
Сибземуправление – Сибирское земельное управление
СТО – Совет Труда и Обороны
ТООГПУ – Транспортный отдел ОГПУ
ТЦДНИ – Тверской центр документации новейшей истории
Туркреспублика – Туркестанская советская республика
УЗО – Уездный земельный отдел
Уком, уисполком – Уездный исполнительный комитет
ЦДНИ РО – Центр документации новейшей истории Ростовской области
Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ Российской Федерации
ЦЧО – Центрально-Черноземная область
ЧАССР – Чувашская автономная социалистическая республика

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7

Предисловие 9

I. «Старое» и «новое» культурное пространство 21

1. Между постреволюционной релаксацией и испугом перед будущим 21
2. Тупики революционной жертвенности 76
3. Попытки ревитализации социальной среды 126

II. У разбитого корыта революционных иллюзий 205

1. Рабочие и «пролетарская» власть 206
2. Крестьянская масса: новые разочарования 252
3. Интеллигенция: с кем и против кого? 301
4. Молодежь: поиск новых идеалов 349

III. Враги, везде враги! 393

1. Призрак белогвардейщины, образ интервенции 393
2. Буржуи – старые и новые 429
3. Помещики и кулаки, мироеды и попы 462
4. Коммунисты и комсомольцы, взяточники и «разложенцы» 500
5. Партначальники и профбюрократы: реалии и образы 537
6. «Контрреволюционеры» и оппозиционеры, троцкисты и евреи 566
7. Опасность с окраин? 599

IV. Какого диктатора я хочу? 650

1. Новое поколение, дух социальной агрессии и власть 650
2. Недописанный портрет «вождя» 686

Вместо заключения: от власти утопии к утопии власти 715

Именной указатель 734

Список сокращений 758

Научное издание

Булдаков Владимир Прохорович

УТОПИЯ, АГРЕССИЯ, ВЛАСТЬ

Психосоциальная динамика постреволюционного времени
Россия, 1920–1930 гг.

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*
Редактор *Т. Б. Рябикова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов, А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *А. В. Егорова*
Корректор *Е. А. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 30.10.2012.
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 47,5.
Тираж 800 экз. Заказ 9165.

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 8(495)334-81-87 (дирекция),
8(495)334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Утопия, агрессия, власть

Владимир Прохорович Булдаков — 1944 г.р., выпускник МГУ (1967 г.), доктор исторических наук, с 1976 г. работает в Институте российской истории РАН. Сфера научных интересов: кризисные ситуации в истории России, массовая психология и психопатология, социальные и этнические конфликты, политическое лидерство, историография и методология исторических исследований. Автор более 350 работ различного жанра, из них наиболее крупные: «Красная смута: природа и последствия революционного насилия» (1997, 2010, РОССПЭН) и «Хаос и этнос: этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.» (2010, Новый хронограф).

История сталинизма

РОССПЭН

УТОПИЯ.АГРЕССИЯ.ВЛАСТЬ
1039242 732.00р.
2 000392 420019